ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ

РУСКІЙ АРХИВЪ

1875. ИЗДАВАЕМЫЙ 5.

Петромъ Бартеневымъ

(бывшимъ библіотекаремъ Чертковской Библіотеки).

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРИЛАГАЮТСЯ АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ КЪ ПЕРВОЙ КНИГѢ РУССКАГО АРХИВА 1875 ГОДА И ОБЩАЯ ДЛЯ НЕЯ ОБЕРТКА.

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ ГРАЧЕВА И КОМП., У ПРЕЧИСТЕНСКИХЪ ВОР., Д. ШИЛОВОЙ.

1875.

СОДЕРЖАНІЕ

СЕДЬМОЙ КНИГИ

АРХИВА КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

(688 стр.).

ЦАРСТВОВАНІЕ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

(1875)

2.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ.

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

(1875).

КНИГА ВТОРАЯ.

МОСКВА.
ТИПОГРАФІЯ ГРАЧЕВА И К., У ПРЕЧИСТЕНСКИХЪ ВОР., Д. ШИЛОВОЙ.
1875.

СКАЗАНІЕ О КОЛИВЩИНѢ.

НАПИСАНО ВЪ КІЕВѢ 1839 ГОДА МИХАИЛОМЪ МАКСИМОВИЧЕМЪ [1]).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Кто читалъ Историческое извѣстіе объ Уніи, изданное Бантышъ-Каменскимъ въ 1805 году, и сочиненную его сыномъ Исторію Малой Россіи (Москва, 1830 г.), тому довольно извѣстны происшествія, которыми еще и въ прошломъ вѣкѣ была обуреваема Западная Русь отъ распространенія въ ней Уніи и притѣсненія Православной вѣры.

Въ историческомъ ряду сихъ происшествій значительное мѣсто занимаетъ Колíвщина, происходившая 1768 года въ Западной Украинѣ, называвшейся тогда Польскою или Козацкою Украиной, въ отличіе отъ Восточной или собственно Малороссійской. На Рускомъ языкѣ ничего почти не писано объ этомъ событіи [2]). Въ здѣшнемъ краѣ хотя и знаютъ объ немъ, по слухамъ и по нѣсколькимъ рукописнымъ извѣстіямъ на Польскомъ языкѣ, однако знаютъ его или очень мало и отрывочно, или же въ ненадлежащемъ, болѣе или менѣе одностороннемъ видѣ, и нѣкоторымъ подробностямъ, особливо первоначальнымъ, даютъ несправедливый толкъ. Ислѣдовавъ подробно о семъ событіи, я написалъ предлагаемое сказаніе о Коливщинѣ. Полагаю, что оно будетъ не лишнимъ и для нашихъ историковъ: для нихъ я замѣчу, что всѣ обстоятельства описаннаго происшествія, всѣ дѣйствующія въ немъ лица и самые разговоры ихъ, отмѣченные вносными знаками, не мною придуманы, а взяты изъ тѣхъ источниковъ, какіе имѣлъ я у себя подъ рукою. Источ-

---

[1]) Печатается съ дозволенія вдовы М. А. Максимовича. Читатели припомнятъ, что въ 1839 году, когда написано это сочиненіе, происходило Польское броженіе, казненъ Конарскій, и самый университетъ Кіевскій, коего авторъ передъ тѣмъ былъ ректоромъ, былъ закрытъ. Этотъ же 1839 годъ ознаменованъ первымъ, въ многонародномъ размѣрѣ, возсоединеніемъ Уніатовъ. Тогда же Хомяковъ написалъ свои знаменитые стихи *Кіевъ*. Къ сожалѣнію, намъ пришлось печатать Сказаніе не съ подлинной рукописи, а со списка, нѣкогда представленнаго Максимовичемъ въ цензуру, но не разрѣшеннаго къ печати. *П. Б.*

[2]) Въ VI томѣ Библіотеки для Чтенія помѣщена статья „Прежняя Новосербія", гдѣ очень живописно изображены похожденія буйныхъ гайдамаковъ, но о Коливщинѣ 1768 года не дано никакого понятія; о Желѣзнякѣ и Гонтѣ упомянуто по темнымъ и невѣрнымъ слухамъ. Любопытно тамъ извѣстіе объ Иванѣ Усачѣ, но объ немъ по другимъ источникамъ мнѣ ничего неизвѣстно.

никами моими были: 1) Народныя пѣсни о Желѣзнякѣ и Гонтѣ, напечатанныя въ моемъ собраніи Украинскихъ народныхъ пѣсенъ, ч. 1. М. 1834 года; 2) мѣстныя преданія и разсказы старыхъ людей; рукописныя сочиненія на Польскомъ языкѣ; 3) болѣе другихъ интересная записка Вероники Кребсовой урожденной Младановичевой; 4) записка Уніата Тучанскаго, хранившаяся въ Базиліанской Уманской библіотекѣ, во многомъ несходная съ первою [3]); 5) содержаніе сей записки, переложенное въ Польскіе стихи (числомъ 794) студентомъ школъ Уманскихъ; 6) составленное на основаніи сихъ двухъ записокъ и дополненное другими извѣстіями описаніе Липпомана, имѣющееся у меня въ подлинникѣ; 7) записка Піара Павла Младановича; 8) подлинное письмо къ графу Потоцкому отъ Якова Квитневича, писанное изъ Архanграда 28 Іюня 1768; 9) выписки изъ подлинной книги генеральной визитаціи Кодненскаго костела въ 1768 году; 10) повѣсть на Польскомъ языкѣ, написанная Грабовскимъ, изданная въ Вильнѣ 1836, подъ именемъ Koliwczyzna i stepy.

Считаю долгомъ благодарить тѣхъ особъ, которымъ я обязанъ за сіи источники. Если у кого найдутся новые матеріалы относительно сего предмета, особливо документальные, то я покорнѣйше прошу сообщить оные мнѣ, для пополненія и поправленія моего сказанія.

М. Максимовичь.

1839 года.
14 Сентября.
Кіевъ.

СКАЗАНІЕ О КОЛИВЩИНѢ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Вступленіе.

Збунтовалась Украина, и попы и дяки;
Погинули на Украинѣ Жиды и Поляки.
О Боже мій несконченый! Дивитися горѣ,
Що тепера на семъ свѣтѣ віра віру боре!
(Украинская пѣсня на смерть Ивана Гонты).

Въ 1768 году, въ Западной Украинѣ, бывшей тогда подъ властью Польскою, совершилось ужасное кровопролитіе. Козаки и крестьяне Украинскіе рѣзали Поляковъ и Жидовъ цѣлыми сотнями и тысячами; Поляки отомщали козакамъ и Украинскимъ крестьянамъ немилосердными казнями. Сіе событіе извѣстно на Украинѣ подъ именемъ Колѣевщины или Коливщины [4]).

[3]) Теперь обѣ эти записки уже напечатаны въ Познанскихъ журналахъ: первая въ.....; а вторая въ Tygodnik literacki 1838, № 37—39, по списку, выданному 1787 изъ Уманскаго Базиліанскаго монастыря за подписями и печатями ректора Іосафата Маргулевича и вице-ректора Мацевича.

[4]) Отъ *кольевъ*, которыми вооружались Малороссійскіе крестьяне-мстители за вѣру. *П. Б.*

Объ немъ сохранились въ народѣ многія преданія и разсказы. Украинскія пѣсни—эти вѣрные отголоски народной жизни — по сю пору вспоминаютъ о Запорожцѣ Желѣзнякѣ, главномъ зачинщикѣ возстанія, объ Уманскомъ сотникѣ Гонтѣ и другихъ сподвижникахъ Желѣзняка. Есть еще на Украинѣ и старые люди, которые знавали Желѣзняка и разсказываютъ про Коливщину, какъ близкіе самовидцы. Послушайте ихъ разсказовъ и пѣсенъ Украинскихъ, сообразите тогдашнее положеніе Украины и Польши съ событіями прежними, и вы увидите, что кровавый подвигъ Желѣзняка былъ не простой гайдамацкій разбой и не случайное нападеніе Запорожцовъ на Польскія владѣнія для грабежа и добычи. Нѣтъ, то было огнедышущее изверженіе народной мести и вражды, цѣлый вѣкъ копившейся подъ гнетомъ Уніи; то была предсмертная, судорожная схватка двухъ враждебныхъ стихій въ государственномъ тѣлѣ, которое уже близилось къ своему концу.

Коливщина была послѣднимъ отзывомъ тѣхъ возстаній, которыми нѣкогда цѣлая Украина ополчалась на Польшу для спасенія своей вѣры и своего народа, обреченныхъ тогда на гоненіе; послѣднимъ отзывомъ и тѣхъ мучительныхъ казней, которыми судилище Варшавское думало обуздать козаковъ и задушить ихъ непреклонную широкую волю.

А было время, когда народъ Литвы и Украины, соединенный съ народомъ Польскимъ „какъ ровный съ ровными, свободный съ свободными,“ исповѣдывалъ безпрепятственно вѣру своихъ отцевъ, и Восточная церковь, отъ которой и Польша заняла свой первый свѣтъ Христіянства, процвѣтала по всей Западной Руси. Было время, когда козаки Днѣпровскіе, гремя грозою на Татаръ и Турковъ, дружно стояли за Польшу; и Польша, зная всю цѣну заслуги козацкой, отличала храбрую дружину Днѣпровскихъ рыцарей богатыми дарами, и знаками чести, и многими правами на Украинѣ. То былъ вѣкъ цвѣтущаго состоянія Польши, вѣкъ воинской славы козаковъ..... Но со смертію Баторія кончился и славный вѣкъ его; Польша перестала красоваться своимъ бытіемъ и склонилась къ упадку; прежнее дружество ея съ козаками обратилось въ взаимную вражду и нелюбіе, и немилымъ стало для Украины ея союзническое подданство Польшѣ.

Какой же враждебный духъ произвелъ сіи роковыя перемѣны?.... Главною виною тому было гоненіе вѣръ, открытое Жигимонтомъ III, котораго на несчастіе себѣ избрала Польша въ короли изъ королевичей Шведскихъ. Это гоненіе возбудили Іезуиты, опутавъ новаго короля, а съ нимъ и все Польское правительство, своею сѣтью, которая была тонка какъ паутина, но крѣпка и тяжела какъ желѣзо. Работая не для вѣры Христовой, а только для власти папской, помышляя только о Римской тіарѣ и не думая о коронѣ Польской, Іезуиты возстановили въ Польшѣ Католичество, приведенное въ упадокъ Реформаціей, и подорвали государственное бытіе и народность Польши.

Чтобы Западную Русь отторгнуть отъ Восточной церкви и привлачить къ подножію Римскаго престола, Іезуиты предначертали распространеніе Уніи, и Унія простерлась бѣдою по Литвѣ и Украинѣ. Увлеченная Западнымъ вліяніемъ, Польша посягла на Православіе Руской земли и за то лишилась навсегда своей самобытности.

Козаки, для которыхъ и въ Запорожскомъ братствѣ первымъ условіемъ была Православная вѣра, вступились за нее оружіемъ, и завязалась у нихъ кровавая борьба съ Польшею.

Защита вѣры обратилась въ защиту Украины, и черезъ полвѣка жестокой борьбы, полная козацкой силы Украина отбилась отъ Польши, и Украинскій народъ торжествовалъ свою свободу побѣдною пѣснею:

«Да не буде лучче, да не буде красче, якъ у насъ на Украинѣ:
Да не мае Жида, да не мае Ляха, не мае Уніи!»

Рѣшитель сего дѣла, славный Богданъ, со всею Украиной, по обѣимъ сторонамъ Днѣпра лежащею, поддался Москвѣ, къ которой давно уже влеклись козаки единствомъ вѣры и своего Русскаго рода, и древнимъ единствомъ государственнымъ.

Но Украинѣ суждено было еще испытать новое разновластіе: и ее раздѣлили пополамъ между Москвою и Польшею, и только вольное Запорожье оставалось обоюднымъ, какъ бы въ знаменіе того, что Днѣпровскія волны соединятъ вновь свои разрозненные берега. Въ то время, подъ державою возраставшей Москвы, началось уже возсоединеніе древней Владиміровой Руси, а надъ Польшею изречено было уже королемъ ея Іоанномъ Казиміромъ роковое предвѣщаніе объ ея раздѣлѣ. Восточная Украина, оставшаяся за Россіею, постепенно сливала въ общую жизнь ея свое отдѣльное бытіе и, переставъ быть гетманщиной въ началѣ царствованія Екатерины Великой, почила отъ вѣковыхъ бурь. Что же сталось въ это время съ Западной Украиной, отлученной отъ родной половины?

Съ новымъ ея подданствомъ Польской коронѣ опять въ ней начала свирѣпѣть Унія; опять Жиды, какъ алчная саранча, налетѣли на благодатныя нивы Русскаго земледѣльца, и какъ ѣдкая моль стали точить богатство Украинскихъ пановъ.

Но Унія не могла соединить прежнимъ союзомъ Украину съ Польшею: она готовила только новый разрывъ между ними, производя печальный раздѣлъ между сынами Западной Руси. Отторгнутые отъ Восточной церкви Уніаты, руководясь Іезуитами и заимствуя отъ нихъ духъ нетерпимости и весь духъ Западной пропаганды, несли хулу на свое прежнее Православіе, насильственно обращали Украинскій народъ въ свое новое исповѣдываніе и самопроизвольно вводили въ него Католичество, вопреки положеніямъ соборнымъ и утвержденіямъ папскимъ; чрезъ это они производили отступничество не только отъ Православія, но и отъ самой Уніи, обратившейся въ переходный мостъ къ Католичеству.

Вельможи и дворяне Западной Украины, будучи гражданами Польши и находя, что всѣ гражданскія выгоды предоставлены были въ ней только папскимъ приверженцамъ, вовлекались въ Унію и Католичество, черезъ нѣсколько поколѣній забывали свой Русскій родъ, усвояли себѣ нетерпимость къ вѣрѣ своихъ предковъ и теряли любовь къ коренному народу своей отчизны.

Великій отъ того былъ ущербъ для Украины, но не въ прокъ онъ пошелъ и для Польши! Горевала Украина, что и въ ней, какъ въ Литвѣ, Русскіе паны обращались въ Поляковъ, и Католичество становилось панскою вѣрою; но еще горше было ей терпѣть оскорбленіе своей вѣры, особливо когда Православныя церкви отдавались въ аренду Жидамъ, и племя, на которомъ возлегла кровь распятаго имъ Господа, сквернило своимъ торгомъ Христіанскія требы и службы, заводило шинки въ домахъ Божіихъ. Отъ этого больше всего мутилась козацкая кровь и накипала на сердце ненавистью къ Жидамъ и Полякамъ.

Неравнодушно смотрѣла и Восточная Русь на утѣсненіе своей вѣры въ Западной Руси, и не разъ она относилась къ Польшѣ съ мольбою о защитѣ своихъ родныхъ единовѣрцевъ. Но что́ могла сдѣлать Польша для диссидентовъ своихъ, когда она, обуреваемая непрестанными междуцарствіями, многочисленными партіями и конфедераціями, не въ силахъ уже была сладить и сама съ собою?

Уже на Западной Украинѣ прогремѣло грозою давно копившееся негодованіе козаковъ: въ 1764 году сотникъ Харько́, съ семью стами козаковъ, произвелъ сильное кровопролитіе за новое утѣсненіе Православной вѣры. Уже и Россія требовала отъ Польши, чтобы она своимъ диссидентамъ возвратила отнятыя у нихъ права и свободу вѣроисповѣданія. Но вѣротерпимость такъ уже была чужда Полякамъ, что когда и сеймовымъ опредѣленіемъ (1768 года, 1-го Марта) объявлена была наконецъ свобода вѣроисповѣданій, то за сіе вступилась конфедерація Барская, образовавшаяся (въ томъ же году) на Подольи противу короля Станислава-Августа. Эта конфедерація подала поводъ и къ тому возстанію Украины на Польшу, которое названо Коливщиною. И вотъ какъ это было.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Начало Коливщины.

«Товарищи гайдамаки, чинить мою волю!
Що намъ треба виплатити Украиньсву недолю..»
(Украинская пѣсня о полковникѣ Иванѣ Лободѣ).

Между тѣмъ какъ Барскіе конфедераты сбирались двинуться въ Польшу и захватить въ свои руки короля, небольшой отрядъ ихъ, въ первыхъ числахъ Апрѣля, проникъ въ глубь Украины. Предводившій отрядомъ маршалокъ Пулавскій, въ мѣстечкѣ Лисянкѣ,

взялъ насильно полкъ кавалеріи у рейментаря Воринича, навербовалъ множество шляхты и произвелъ сильное возмущеніе. Уніатскіе священники не замедлили воспользоваться симъ случаемъ и явились въ староство Чигиринское. Сопровождаемые толпами своихъ приверженцовъ, они начали склонять народъ къ принятію Уніи; но какъ проповѣдь ихъ была не убѣдительна, то они принялись опять за насилія, стали забирать подъ стражу служителей Православной церкви и отбирать у нихъ имущество. Не смотря и на то, Уніатскіе миссіонеры на сей разъ обогатились только стадами рогатаго скота и лошадей, отнятыми у священниковъ Православныхъ.

Полковникъ Чигиринскихъ козаковъ Квасневскій, имѣвшій на ту пору смотрѣніе за староствомъ, предвидѣлъ бѣду, какая могла быть отъ этого смятенія: свѣжа еще была память о возстаніи сотника Харька, и трогательная пѣсня объ немъ и его молодой вдовѣ была любимою пѣснею въ народѣ. И потому Квасневскій съ своими козаками спѣшилъ унять Уніатовъ, и они вскорѣ оставили староство Чигиринское.

Но молва объ ихъ новомъ насиліи разошлась уже по Украинѣ и отозвалась ропотомъ негодованія. Духовенство, взволнованное новыми обидами, уже спѣшило въ Чигиринскій Мотренинскій монастырь, къ настоятелю онаго архимандриту Мельхиседеку-Значко-Яворскому. Это былъ одинъ изъ самыхъ ревностныхъ тогда приверженцовъ Православія и поборникъ Украины, а съ тѣмъ вмѣстѣ и жарчайшій противникъ Уніи. За нѣсколько времени передъ тѣмъ, Мельхиседекъ, съ разрѣшенія своего епархіальнаго начальства, разъѣзжалъ по Западной Украинѣ, утверждалъ народъ ея въ Православіи и отклонялъ отъ Уніи. За сіи подвиги Мельхиседекъ, по приказанію тогдашняго Уніатскаго митрополита Фелиціана Володковича, былъ схваченъ въ Радомыслѣ и заключенъ въ тюрьму въ Дерманѣ, откуда могъ освободиться только бѣгствомъ. Объ этомъ знали на всей Западной Украинѣ; беззащитное Православное духовенство ея видѣло въ Мельхиседекѣ свою единственную опору, и потому-то прямо къ нему оно устремилось и держало съ нимъ совѣтъ, какъ оградить себя отъ дальнѣйшихъ бѣдствій и охранить свою церковь, непрестанно грозимую новыми притѣсненіями. Послѣ того они обратились къ своему епархіальному начальнику, епископу Переяславскому. Но преосвященный Гервасій только сказалъ имъ, что онъ съ своей стороны помочь имъ ничѣмъ не можетъ, что они должны укрѣплять себя терпѣніемъ и по возможности придумывать средства къ облегченію своей судьбы.

Тогда на монастырскомъ совѣтѣ стали говорить, что больше терпѣть уже нельзя, что какъ бы ни было, а пора положить конецъ бѣдамъ, что нечего добраго имъ ждать, когда ни воля короля, ни опредѣленіе сейма, ни заступленіе Русской Царицы не унимаютъ Уніатовъ и не избавляютъ Украинскій народъ отъ самоволія Католиковъ. И положено было нарядить духовное посольство къ Запорожскому кошевому и просить у него защиты козацкой. Но

козацкая защита была гораздо ближе и отозвалась сама собою въ сердцѣ монастырскаго послушника.

Сей замѣчательный послушникъ былъ Максимъ Желѣзнякъ. Въ душѣ его скрывалась та могучая, несокрушимая воля и то безстрашное суровое мужество, какія въ дѣтяхъ Украины выкармливала только Запорожская Сѣчь. Ея питомецъ былъ и Желѣзнякъ, который нѣкогда считался однимъ изъ самыхъ бравыхъ козаковъ Запорожья и служилъ въ званіи сотника. Но ему прискучило наконецъ буйное приволье Запорожской жизни; душа его пожелала смирить свою волю и поработать Богу постомъ и молитвою. И онъ простился со славнымъ Днѣпровскимъ островомъ и удалился на свою родину — въ староство Чигиринское, на островокъ рѣки Тясмина, гдѣ уединенно стоялъ небольшой Медвѣдовскій монастырь, во имя Святаго Николая. Въ этомъ монастырѣ набожный Желѣзнякъ съ нѣсколькими изъ прежнихъ своихъ товарищей думалъ мирно окончить дни свои, былъ уже на послушаніи и готовился принять чинъ монашескій. Такъ доживали свой вѣкъ многіе Запорожцы. Но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ.

Когда вѣсть объ новомъ насиліи Православнымъ встревожила мирную обитель Желѣзняка, сильно забилось въ немъ сердце, и крѣпкая дума овладѣла его умомъ. Онъ подумалъ и положилъ себѣ — постоять за Православную церковь и поработать еще разъ своею козацкою саблею. Рѣшимость его была тверда какъ камень; онъ передалъ ее своимъ неразлучнымъ товарищамъ, и они, съ наступленіемъ Свѣтлой Недѣли, помолившись Богу, оставили свой монастырскій островъ и пошли въ Мотренинскій лѣсъ къ монастырю, тамъ находящемуся.

На дорогѣ пристали къ нимъ нѣсколько знакомыхъ Запорожцовъ, гулявшихъ тогда по Мотренинскому лѣсу. Такимъ образомъ составилась первоначальная ватага Желѣзняка изъ восемнадцати человѣкъ.

Верстахъ въ двухъ отъ Мотренинскаго монастыря есть оврагъ, называемый Холоднымъ. Надъ нимъ лежитъ небольшая поляна, возлѣ которой шла дорога отъ монастырскихъ мельницъ къ монастырю, чрезъ чащу густаго лѣса. На этой полянѣ и расположился Желѣзнякъ таборомъ у студенаго ключа, который вытекалъ надъ самымъ оврагомъ.

Послѣ короткаго отдыха Запорожцы принялись рубить дубовыя рогатки и дѣлать другія приготовленія. Желѣзнякъ на слѣдующее утро отправился въ монастырь и явился къ отцу Мельхиседеку. Онъ открылъ ему свое намѣреніе и сказалъ, что пришелъ просить у него добраго совѣта и благословенія пастырскаго. Такъ сошлись два человѣка, которые пылали однимъ чувствомъ и задумали одно дѣло, не сговариваясь между собою. Они съ разу поняли другъ друга, съ полнымъ откровеніемъ вели долгую рѣчь о своемъ дѣлѣ и наконецъ рѣшили: насиліе отразить силою, поднять Украину на ея утѣснителей и во что бы ни стало отстоять Православную

церковь. Мельхиседекъ благословилъ Желѣзняка на сей подвигъ и обѣщалъ изготовить универсалъ для воззванія къ народу.

Полонъ новыхъ думъ и надеждъ, воротился Желѣзнякъ въ свой таборъ, гдѣ нашелъ нѣсколько новыхъ сообщниковъ и гдѣ удальцы его успѣли спроворить себѣ коней и разнаго запасу.

И сталъ Желѣзнякъ ра̀дить съ товарищами, какъ повести свое дѣло. Всего прежде имъ надо было дать о себѣ вѣсть козацкимъ старшинамъ окружныхъ волостей; надо было имъ поладить и съ тѣми козаками, которые составляли надворное войско Чигиринскаго старосты князя Яблоновскаго. Помощь, какую полковникъ ихъ Квасневскій оказалъ недавно Русскимъ священникамъ, давала надежду Желѣзняку, что, можетъ быть, и теперь этотъ полковникъ приметъ его сторону; на другихъ же козацкихъ старшинъ онъ надѣялся, какъ на каменную гору.

Съ наступленіемъ ночи разосланы были гонцы въ окрестныя волости къ сотникамъ и другимъ старшинамъ; самъ Желѣзнякъ съ нѣсколькими Запорожцами поѣхалъ въ мѣстечко Медвѣдовку, гдѣ жилъ Квасневскій. На ту пору до́ма была только полковница. Пріѣздъ Желѣзняка чрезвычайно испугалъ ее, ибо только что передъ тѣмъ дошелъ до нея слухъ о новомъ появленіи гайдамаковъ въ Мотренинскомъ лѣсу; но Желѣзнякъ успокоилъ полковницу учтивымъ обращеніемъ съ нею и увѣреніемъ, что пріѣхалъ въ ихъ домъ не съ дурнымъ намѣреніемъ, а съ тѣмъ, чтобы видѣть полковника и просить его неотступно принять надъ ними начальство. Послѣ того онъ спросилъ водки и тотчасъ же уѣхалъ, сказавъ, что въ Холодномъ оврагѣ онъ будетъ ждать скораго отвѣта и доброй ласки отъ пана полковника.

Не порадовался Квасневскій такому предложенію, воротившись домой на слѣдующее утро. Онъ очень зналъ, что ему плохо будетъ отъ Желѣзняка, если откажется, что не лучше будетъ и отъ своего правительства, если согласится; а потому онъ за лучшее призналъ вовсе убраться изъ староства и поспѣшилъ переѣхать въ ту половину мѣстечка Крылова, которая лежала на Русской сторонѣ рѣки Тясмина. Такимъ образомъ предоставлено было Желѣзняку не только быть самому начальникомъ своей ватаги и занять мѣсто полковника Чигиринскихъ козаковъ, но открылся благопріятный случай распоряжаться свободно и въ цѣломъ староствѣ, гдѣ съ отъѣздомъ Квасневскаго не стало никого старшо̀го.

Уже по первому зову Желѣзняка къ козацкимъ старшинамъ начали въ таборъ къ нему сходиться козаки изъ окружныхъ волостей, принося ему на поклонъ оружіе и всякіе припасы. Много набралось къ нему и незваныхъ гайдамаковъ, которые давно уже роились буйными ватагами по темнымъ лѣсамъ надднѣпровскимъ, сходились вмѣстѣ обыкновенно у Холоднаго оврага и оттуда союзною ордою нападали иногда даже на города Польской Украины. Таборъ Желѣзняка съ каждымъ днемъ становился шумнѣе и многочисленнѣе. Между тѣмъ самъ Желѣзнякъ не разъ еще былъ у Мельхиседека и получилъ отъ него обѣщанный универсалъ. Архіерейскій

писарь Молдаванъ, случившійся на ту пору въ Мотренинскомъ монастырѣ, написалъ ту грамоту на пергаменѣ золотыми буквами, почему она и прозвана была Золотою Грамотою. Въ ней было воззваніе къ козакамъ и народу Украинскому, чтобы они старались прекратить власть Уніатовъ и истреблять Уніатовъ, Католиковъ и Жидовъ на Украинѣ, и что тогда Украина опять станетъ вольною гетманщиною, какъ была за Хмѣльницкимъ. Для бо́льшаго успѣха сей грамоты былъ распущенъ слухъ, будто она прислана къ Запорожцамъ отъ Русской Царицы.

Такимъ образомъ все было готово къ начатію дѣла. Шумная, пестрая громада козаковъ поклонилась Желѣзняку, провозгласила его своимъ полковникомъ и въ слѣдъ за нимъ двинулась къ монастырю. Тамъ отслужили молебенъ. Мельхиседекъ благословилъ Желѣзняка, его дружину и оружіе. Желѣзнякъ поклонился Мельхиседеку и монастырю. „Благослови же Господи!“ сказалъ онъ крестясь, и молча повелъ свое войско по Жаботинской дорогѣ. Это было 18-го Мая, въ Троицынъ день, въ храмовой праздникъ Мотренинскаго монастыря.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Первые успѣхи Коливщины.

«Максимъ козакъ Желѣзнякъ изъ славнаго Запорожья
Процвѣтае на Украинѣ якъ у городи рожа.
Роспустивъ військо козацьке у славномъ місті Жаботинѣ,
Гей разлилась козацька слава по всей Украинѣ!»
(Украинская пѣсня о Максимѣ Желѣзнякѣ).

Молва о выступленіи Желѣзняка разлетѣлась быстро и далеко по Украинѣ. Ободрились Украинцы, смутились Жиды и Поляки.

Первымъ мѣстомъ, гдѣ началось кровавое дѣйствіе Желѣзняка, было мѣстечко Жаботинъ. Прибывъ туда, онъ велѣлъ согнать на площадь всѣхъ Поляковъ и Жидовъ; а тамошняго управителя отдалъ въ руки Жаботинскому сотнику Мартыну Бѣлугѣ.

„А що, пане-губернаторе! говорилъ Мартынъ, водя за собою управителя, не одного теперь Ляха голова заляже“. И въ самомъ дѣлѣ, вся несчастная толпа была вырѣзана. Такова была поминка Желѣзняка по сотнику Хорьку, которому въ Жаботинѣ, въ конюшнѣ, отрублена была голова. Такая же участь постигала Поляковъ и Жидовъ вездѣ, куда являлся Желѣзнякъ; а народъ Украинскій вездѣ ждалъ его нетерпѣливо, встрѣчалъ радостно: каждому хотѣлось посмотрѣть на Желѣзняка и его войско, послушать Золотой Грамоты, которую читалъ онъ въ каждомъ селѣ и городѣ, объявляя, что подданство Украины Польшѣ уже кончилось.

Послѣ того козакамъ и крестьянамъ припадала смертная охота мстить ненавистнымъ Жидамъ и кичливой шляхтѣ, и кто былъ удалѣе, спѣшилъ пристать къ войску Желѣзняка, которое расло

съ каждымъ его шагомъ и тѣмъ болѣе, что къ нему присоединилось множество выходцевъ и съ лѣвой стороны Днѣпра.

Первою подмогою Желѣзняку былъ Смѣлянскій сотникъ Шило съ своими козаками. Разграбивъ Смѣлянскій зáмокъ, они вмѣстѣ ходили на Богуславъ, гдѣ завалили Жидами полны шанцы, и оттуда направили свой путь на Звѣнигородку.

Но гибель Жидовъ и Поляковъ не кончилась еще ихъ истребленіемъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ проходилъ Желѣзнякъ: на его кровавые слѣды, какъ хищныя птицы, сбирались цѣлыя ватаги разсвирѣпѣвшаго народа, ходили по окрестнымъ хуторамъ и селамъ и производили въ нихъ опустошенія. Особенно отличился на этомъ поприщѣ Нежúвый, бывшій горшечникомъ въ селѣ Мельникахъ, подъ Мотренинскимъ лѣсомъ, гдѣ родился Желѣзнякъ. Соревнуя ему, Неживый собралъ огромную ватагу и долгое время опустошалъ Чигиринское и Черкаское староства, объявляя себя ихъ начальникомъ.

Такъ сильно было пламя бунта, навѣянное Желѣзнякомъ. Отъ этого пламени готова была загорѣться вся Западная Украина, а тушить было некому: Польша была тогда бѣдна своимъ войскомъ; да и того половина пристала къ Барской конфедераціи; остальная же половина находилась около Варшавы и нужна была королю для отраженія конфедератовъ, усмиреніемъ коихъ заняты были и Русскіе полки, посланные отъ Екатерины Великой. При этомъ внутреннемъ мятежѣ Польши, Украинскіе Поляки и Жиды оставались безъ всякой защиты отъ грознаго Желѣзняка, и вся ихъ надежда на спасеніе заключалась въ нѣсколькихъ укрѣпленныхъ городахъ, гдѣ они и прежде находили убѣжище отъ нападеній гайдамаковъ. Таковыми считались на Украинѣ Бѣлая Церковь, Лисянка и особенно Умань. Въ двухъ первыхъ немного могло помѣститься народу, а потому наиболѣе въ Умань устремилось множество Жидовъ и Поляковъ со всей Украины. Но чѣмъ больше накоплялось тамъ Жидовъ и Поляковъ, тѣмъ больше предстояло тамъ поживы Желѣзняку, тѣмъ больше порывался онъ идти на Умань. На этотъ городъ особенно острили зубы козаки и потому, что тамъ былъ притонъ Уніи, и что Уманскіе владѣльцы болѣе всѣхъ принуждали Украинцовъ къ отступленію отъ Православія. Желѣзнякъ зналъ, что на всей Украинѣ только Умань могъ дать ему отпоръ, и даже на него самаго наступить своимъ войскомъ. Но онъ не терялъ надежды, что орудіе, которымъ собирались поразить его Уманскіе паны, можно обратить на ихъ же голову.

Войсковую силу Уманя составляли козаки, и Желѣзнякъ предпринялъ склонить ихъ на свою сторону. Добрымъ ему предвѣстіемъ въ этомъ замыслѣ былъ Уманскій козакъ Дзюма, который, прискакавъ изъ Уманя, пересказалъ все, чтó тамъ дѣлается, и убѣждалъ его спѣшить туда, увѣряя, что „изъ Уманя не втече нáвѣтъ и духъ Ляцкій". Желѣзнякъ сталъ готовиться идти на Умань, а между тѣмъ отправилъ два отряда на Лисянку и Бѣлую Церковь,

наказавъ имъ, чтобы они рѣзали Жидовъ и Поляковъ и какъ можно шановали (берегли) своего народу.

Мѣстечко Лисянка принадлежало къ помѣстьямъ князя Яблоновскаго. Въ немъ былъ большой каменный за̀мокъ, построенный въ видѣ четвероугольника, на каждомъ углѣ съ башнею, вооруженною гаковницами или висячими пушками. Кромѣ того, за̀мокъ былъ обведенъ высокимъ дубовымъ палисадомъ и для защиты имѣлъ въ себѣ значительный гарнизонъ изъ козаковъ и много военнаго припасу. Въ ту пору находился въ Лисянкѣ главноуправляющій князя Кучевскій, пріѣхавшій изъ Волынскихъ помѣстій Яблоновскаго для осмотра Лисянской волости, въ которой было тогда до тридцати тысячь душъ крестьянъ. Кучевскій подъ защиту за̀мка принялъ нѣсколько сотъ шляхты и Жидовъ, избѣгавшихъ Желѣзняка; но они и здѣсь отъ него не укрылись. Посланный имъ отрядъ, съ помощію Золотой Грамоты, пробрался въ за̀мокъ; Запорожцы съ неистовствомъ рѣзали и кололи Жидовъ и Поляковъ, гдѣ только могли отыскать ихъ въ за̀мкѣ; на Кучевскомъ ѣздили верхомъ и потомъ подняли его на копья. Заграбивъ княжескую казну и добравшись до глубокихъ подваловъ, Запорожцы цѣлую ночь упивались дорогими винами и медами, и въ заключеніе своего кроваваго пира повѣсили на костелѣ ксендза, Жида и собаку, съ надписью: „Ляхъ, Жидъ и собака—все віра еднака!" Наруганіе жестокое... какъ будто Украинцы вспомнили, что Лисянка была родиною Хмельницкихъ и захотѣли въ ней отомстить поруганіе, нанесенное Чарнецкимъ костямъ великаго Богдана. Недаромъ онъ на Переясловской радѣ говорилъ козакамъ: „сами вы вѣдаете, что Польскіе паны лучше Жида и пса нежели Христіянина нашего брата почитали!"

Бѣлая Церковь отдѣлалась счастливо. Каменный за̀мокъ ея, возвышаясь на крутомъ берегу Роси, стоялъ надъ городомъ, вооруженный пушками. Сильною пальбою встрѣтилъ онъ приближавшійся отрядъ, и когда ядра, перелетавшія черезъ городъ, стали валить козаковъ, то они поворотили назадъ, сберегая себя для Уманя и надѣясь тамъ вознаградить свою неудачу.

Посмотримъ же теперь, что̀ происходило въ Уманѣ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Новая опора Коливщины.

«Подъ Уманемъ, славнымъ містомъ, великіи кручи;
Гей помліли Уманьчики, Запорозцевъ ждучи.

*

Гонта сотникъ Уманьскій помежъ війскомъ хо̀дыть,
И зъ Максимомъ Желѣзнякомъ черезъ листы гово̀рыть».

(Украинская пѣсня о Максимѣ Желѣзнякѣ).

Городъ Умань, одинъ изъ лучшихъ тогда городовъ на Западной Украинѣ, былъ средоточіемъ огромныхъ Украинскихъ владѣній Кіевскаго воеводы графа Потоцкаго [5]). Уманская волость его простира-

---

[5]) Сличи Записки Хршонщевскаго въ Р. Архивѣ 1874 года. Самъ Потоцкій былъ добрымъ помѣщикомъ. *П. Б.*

лась болѣе чѣмъ на сто пятьдесятъ верстъ и отдавалась на откупъ шестидесяти поссесорамъ, которые обыкновенно жили въ городѣ и доставляли довольно поживы торговавшимъ тамъ Грекамъ, Армянамъ и особливо Жидамъ. На иждивеніи графскомъ Базиліане основали въУманѣ училище, въ которомъ было до четырехъ сотъ учениковъ. Экономическій домъ графа, гдѣ жилъ его комисаръ или начальникъ города и волости, былъ главнымъ мѣстомъ въ Уманѣ, и, окруженный высокимъ частоколомъ, съ башнями и четырьмя бастіонами, служилъ ему цитаделью.

Вокругъ города также былъ высокій дубовый палисадъ и двѣ башни съ пушками, между которыми находились городскіе ворота, охраняемые гарнизономъ изъ графской пѣхоты. Но главную защиту и войсковую силу Уманя составлялъ полкъ Уманскихъ козаковъ, которые жили особою слободою подъ самымъ городомъ, уволены были отъ всякихъ податей своему владѣльцу, имѣли у себя значительныя угодія и, сверхъ того, получали отъ графа все вооруженіе и войсковое убранство. Въ Уманскомъ полку считалось двѣ тысячи шесть сотъ козаковъ; изъ нихъ триста были очередно наряжаемы въ Кристинополь, гдѣ имѣлъ свое пребываніе графъ. Цѣлый полкъ собирался рѣдко, только въ случаѣ военнаго дѣла, и кромѣ того постоянно одинъ разъ въ годъ на Зеленой недѣлѣ для параднаго смотра. Тогда каждый козакъ убирался въ желтый жупанъ, голубые шаровары и кунтушъ и желтую, съ чернымъ смушковымъ околышемъ, шапку; надѣвалъ на себя все козацкое вооруженіе и садился на коня. Снарядившись такимъ образомъ, козаки выѣзжали къ Грекову лѣсу въ обозъ и становились сотнями подъ начальство полковника, трехъ сотниковъ и прочей старшины. Между тѣмъ, при церковномъ молебствіи и звонѣ колоколовъ, при звукѣ трубъ и литавръ, несли изъ города въ обозъ знамена съ княжескими гербами, бунчуки и прапоры. Послѣ торжественнаго смотра и удалыхъ маневровъ, графскій комисаръ задавалъ богатый пиръ Уманскому полку: козаки садились сотнями за приготовленные для нихъ столы, и скоро ихъ пиршество оглашалось пѣніемъ Украинскихъ думъ и звуками бандуръ; между тѣмъ знамена, бунчуки и прапоры были относимы опять въ городъ. Такъ содержалъ вельможный Потоцкій свое войско и славился имъ на всей Украинѣ. Потому-то со всей Украины потянулись въ Умань Поляки и Жиды, всполошенные возстаніемъ Желѣзняка. Въ три дня набралось ихъ такъ много, что не могли уже помѣщаться въ самомъ городѣ; а потому прибывавшіе вновь становились уже таборомъ за городомъ возлѣ Грекова, отдавая свои пожитки подъ сохраненіе комисару Младановичу и главному Уніатскому священнику Ираклію Костецкому, основателю и ректору Базиліанской школы.

Желѣзнякъ былъ далеко еще отъ Уманя; но страхъ, имъ наведенный, торопилъ къ скорымъ и дѣятельнымъ противъ него мѣрамъ. Младановичу присовѣтовали упредить его нашествіе и послать на него Уманскихъ козаковъ. Немедленно собранъ былъ весь Уманскій полкъ, и Младановичъ объявилъ торжественно козацкимъ

старшинамъ, что для безопасности города Уманя и всей Уманщины они должны тотчасъ же идти съ своимъ полкомъ на Желѣзняка и отстоять отъ него графскія владѣнія. Мы всѣ увѣрены, говорилъ онъ, обращаясь особенно къ сотнику Гонтѣ, что храбрые Уманскіе козаки уничтожатъ толпу гайдамаковъ, заслужатъ себѣ новую славу и новую благодарность отъ графа. Старшины козацкіе увѣряли съ своей стороны въ преданности графу и ручались за успѣхъ предстоящаго дѣла. Затѣмъ они были приведены къ присягѣ въ церкви Святаго Николая и того же дня выступили въ походъ къ Звѣнигородкѣ, откуда ждали Желѣзняка. Полковникомъ Уманскихъ козаковъ былъ шляхтичъ Обухъ, человѣкъ незначущій. Главною надеждою Уманскаго войска былъ сотникъ Иванъ Гонта. Въ сотники онъ вышелъ изъ крестьянскихъ дѣтей, будучи отмѣнно храбръ, весьма уменъ, краснорѣчивъ и благовиденъ, умѣя при томъ хорошо говорить и писать попольски. Съ этими достоинствами Гонта скоро сталъ душею своихъ козаковъ, пріобрѣлъ себѣ общее уваженіе и славу въ цѣлой Уманщинѣ; самъ графъ очень любилъ его и отличалъ особенными милостями: онъ назначилъ ему во владѣніе деревню Россушки, гдѣ родился Гонта, а потомъ еще деревню Орадовку. Все это привязывало Гонту къ графу и къ Уманщинѣ, но съ тѣмъ вмѣстѣ породило въ немъ и сильное честолюбіе.

Уманскіе козаки, выступивъ противъ Желѣзняка и перейдя за предѣлы Уманщины, остановились таборомъ выжидать своего противника, хотя имъ и неохотно было драться съ своимъ братомъ-козакомъ. Но Желѣзнякъ не двигался съ мѣста; онъ умножалъ свою силу и выжидалъ случая прилучить къ себѣ Гонту: онъ былъ увѣренъ, что послѣ того будутъ на его сторонѣ и всѣ Уманскіе козаки, между которыми, какъ мы видѣли, былъ уже давно зародышъ къ возстанію.

Проходила уже третья недѣля, какъ Уманскій полкъ стоялъ таборомъ въ степи, а Желѣзняка все не было; отъ него пріѣзжали только Смѣлянцы подговаривать Уманскихъ козаковъ идти съ ними вмѣстѣ грабовать Умань; черезъ нихъ онъ звалъ Гонту стать съ нимъ одностайне, за Вѣру и Украину, и открывалъ его честолюбію обширные виды на основаніи Золотой Грамоты. Но Гонта остался непреклоннымъ и отписалъ Желѣзняку, что не можетъ поднимать рукъ на своего пана-батька и не пойдетъ на разграбленіе Уманя.

Таборъ подъ Уманемъ между тѣмъ все умножался. Вдругъ заговорили тамъ, что Гонта соединяется съ Желѣзнякомъ; вѣроятно Жиды провѣдали объ ихъ сношеніи. Въ страшномъ испугѣ нѣсколько помѣщиковъ пришли въ городъ съ этою вѣстію и неотступно убѣждали комисара вызвать подъ какимъ нибудь предлогомъ Гонту въ Умань и отрубить ему голову съ помощію Магдебургіи. Встревоженный Младановичь не рѣшался на послѣднюю мѣру; однако тотчасъ же послалъ гонца въ Уманскій полкъ съ приказаніемъ, чтобы всѣ сотники поспѣшили въ городъ для важныхъ совѣщаній. Всѣ три сотника и нѣсколько атамановъ прискакали въ Умань. Младановичь вышелъ къ нимъ на площадь, сопровождаемый ксендзами и

многими панами, и обратился къ Гонтѣ съ такою рѣчью: „Пане Гонта! Доносятъ мнѣ, что ты ведешь переговоры съ Желѣзнякомъ и хочешь съ нимъ соединиться. Я не хочу тому вѣрить. Ты получалъ такъ много милостей отъ графа: сколько же новыхъ наградъ можешь надѣяться за охраненіе графскихъ владѣній отъ Желѣзняка!“ До слезъ огорченъ былъ Гонта такими словами, имѣвъ полное право ждать себѣ другаго привѣтствія; краснорѣчиво опровергалъ онъ напрасное и для него обидное подозрѣніе, клялся въ своей вѣрности графу и свою клятву принужденъ былъ подтвердить новою присягою: въ предстояніи трехъ ксендзовъ, онъ цѣловалъ Крестъ, Евангеліе и руку Уніата Костецкаго. Послѣ такого удостовѣренія всѣ сотники опять были отправлены въ свой полкъ. Но Гонта уже не съ прежнимъ чувствомъ выѣхалъ изъ Уманя, гдѣ неосторожный Младановичь такъ публично заподозрилъ его вѣрность и гдѣ такъ сильно была оскорблена козацкая честь перваго сотника. Гонта узналъ еще, что къ нему пришло письмо отъ графа, а Младановичь утаилъ его у себя. Ему извѣстно было и то, что Уманскіе паны умышляли на его жизнь. Все это Гонта считалъ для себя невыносимою обидою; душа его возмущена была негодованіемъ противъ Уманя; честолюбіе его страдало и просило мщенія. Между тѣмъ и въ Уманскомъ полку, въ отсутствіе сотниковъ, развернулась охота грабовать Умань.

Гонту ожидало тамъ новое письмо отъ Желѣзняка. Запорожскій сотникъ, на котораго онъ шелъ, какъ на своего врага, не переставалъ дружески звать его быть съ нимъ за одно и сулилъ ему Уманское княжество въ будущей гетманщинѣ; а Уманскіе паны, за которыхъ онъ готовъ былъ рѣзаться съ Желѣзнякомъ, домогались его головы и готовили ему позорную смерть преступника! Когда объ этомъ узнали Уманскіе козаки, то закипѣли желаніемъ отмстить обиду своего перваго сотника и стали просить его, чтобы онъ велъ ихъ на Умань. Тогда не въ силахъ уже былъ Гонта устоять въ прежней преданности графу, и борьба его души рѣшилась въ пользу Желѣзняка; только съ нимъ онъ могъ утолить досыта свое раздраженное и оскорбленное честолюбіе. Принявъ начальство надъ Уманскимъ полкомъ, Гонта далъ свободу полковнику Обуху бѣжать за границу; а къ Желѣзняку отправилъ свое козацкое слово быть съ нимъ за одно и ждать его подъ Уманемъ.

Пускай же не даромъ говорятъ Уманскіе паны, что Гонта еднается съ Желѣзнякомъ!

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Уманская рѣзня.

«А у неділю рано сталы да у дзвоны быты;
Гей ставъ Гонта зъ козаками подъ Умань подходыты.
Въ понеділокъ передъ обідомъ изъ гарматъ загули,
А въ вівторокъ ище раньше Уманя добули....»
(Украинская пѣсня о Максимѣ Желѣзнякѣ).

Спохватились Уманскіе паны, что выпустили сокола изъ своихъ рукъ, да ужъ поздно.

На другой же день по отъѣздѣ Гонты, они убѣждали Младановича, на всякій случай, отправить женъ и дѣтей въ городъ Тара-

щу, прилежавшій тогда къ Русской границѣ. Но Уманскіе граждане, уповая твердо на своихъ козаковъ, отговорили комисара дѣлать такую тревогу. Однако изъ полка долгое время не приходило никакихъ извѣстій, и страхъ началъ овладѣвать цѣлымъ Уманемъ. Тогда рѣшились, на случай опасности, привести городъ въ оборонительное положеніе. За это взялся землемѣръ Шафранскій, служившій нѣкогда въ арміи Фридриха Великаго. Съ самаго начала осмотрѣлъ онъ таборъ пріѣзжихъ и нашелъ, что тамъ было уже до шести тысячъ человѣкъ и все еще прибывало. Гарнизону въ городѣ оказалось только шестьдесятъ человѣкъ. При такомъ недостаткѣ военной силы, для защиты городской стѣны наряжены были Жиды. Приготовивъ все что только могъ къ защитѣ, Шафранскій избралъ себѣ самую высокую башню возлѣ экономическаго дома и засѣлъ въ ней наблюдать окрестности города. Черезъ три дня онъ усмотрѣлъ, что Уманскіе козаки идутъ по Звѣнигородской дорогѣ. Радостна была эта вѣсть для Уманцевъ: думали, что Желѣзнякъ уже разбитъ и готовились встрѣчать побѣдителей. Но Уманскій полкъ остановился возлѣ Грекова лѣса и какъ будто готовился къ битвѣ. Вѣрно съ Желѣзнякомъ, думали Уманцы. Въ самомъ дѣлѣ, скоро показалась на Звѣнигородской дорогѣ страшная громада народу, которая двигалась къ Уманю, какъ темная туча; скоро можно было различить пестроту народа ея, коннаго и пѣшаго: ясно было, что то полчище Желѣзняка. Передовой конецъ его, поровнявшись съ Грековымъ лѣсомъ, остановился. Шафранскій ясно разсмотрѣлъ, какъ ѣхавшій передъ громадою всадникъ отдѣлился отъ нея, какъ выѣзжалъ къ нему навстрѣчу Уманскій сотникъ и какъ они, съѣхавшись вмѣстѣ, другъ другу подали руку. Тогда не стало сомнѣнія, что то были Желѣзнякъ и Гонта и что они стали за одно.

Громовымъ ударомъ раздалась эта вѣсть по всѣмъ концамъ Уманя и привела его въ трепетъ. Тогда Костецкій велѣлъ бить въ колокола, начать моленіе во всѣхъ церквахъ и нарядилъ крестный ходъ по городу. Шафранскій приготовилъ гарнизонъ къ оборонѣ воротъ; къ однимъ воротамъ приставилъ поручика Ленарда, защиту другихъ взялъ на себя и установилъ городскую стѣну вооруженными Жидами. Остальные Жиды заключились въ синагогѣ и начали свое моленіе. Младановичъ съ своей стороны ободрялъ общее уныніе. Въ этой сумятицѣ 50 арестантовъ вырвались изъ заключенія и вмѣстѣ съ козаками, служившими при экономіи, перескакали черезъ палисады и ушли къ Гонтѣ.

Уманскій полкъ и громада Желѣзнякова двинулись наконецъ отъ Грекова лѣса. Сперва устремились они на таборъ и положили его на мѣстѣ. Вслѣдъ за тѣмъ они облегли весь городъ. Козаки приступили къ воротамъ, толпы гайдамаковъ и крестьянъ бросились рубить и подкапывать палисадъ. Сильно отражали ихъ картечью; Жиды, съ опаленными бородами и пейсами, стрѣляли безпрестанно; козацкія пули градомъ летѣли на городъ. Тамъ между тѣмъ, при общемъ смятеніи и непрерывномъ звонѣ колоколовъ, Костецкій не

разъ уже обошелъ весь городъ съ торжественною процессіей. Козацкія пули падали на процессію, но никому не вредили. Это считали въ городѣ добрымъ предзнаменованіемъ, и лучь надежды мелькалъ еще среди отчаянія. Однако осада длилась. Въ цѣломъ Уманѣ не было воды. Осаждаемые утоляли жажду винами, наливками и медами. Наконецъ, чрезъ тридцать часовъ непрестанной пальбы, Шафранскій объявилъ, что всѣ пороховые запасы истощились. „Теперь нѣтъ надежды", сказалъ Младановичь: „намъ остается предаться волѣ Божіей и гибнуть." И настала печальная година отчаянія и вопля; всѣ ожидали смерти. И она была не за горами. Гонта и Желѣзнякъ овладѣли Уманемъ и ввели въ него свое войско. Оно немедленно окружило собою Базиліанскій соборъ, Католическій костелъ, Жидовскую школу, экономическій дворъ и другія важнѣйшія мѣста въ городѣ. Вслѣдъ за козаками нахлынули въ городъ толпы крестьянъ, и скоро началось страшное кровопролитіе, памятное подъ грознымъ именемъ Уманской рѣзни (rzeź Umańska), въ которой Коливщина разразилась со всею силою.

Между тѣмъ какъ совершались первыя смертоубійства и грабежи по городу, Гонтѣ представлено было письмо къ нему графа Потоцкаго, отысканное между бумагами комисара. Прочитавъ его, Гонта съ сотниками подъѣхалъ къ костелу, гдѣ находился Младановичь со всею роднею и множествомъ знатнѣйшихъ Польскихъ помѣщиковъ. „Берите комисара и всю его родню!" сказалъ онъ. Мучительна была разлука отца съ семействомъ. „Ратўй насъ, пане Яремо!" сказалъ одному сотнику Младановичь.—„Нехай васъ Богъ ратуе, а я васъ теперь не обороню!" отвѣчалъ жалостно сотникъ Ярема.

„Измѣнникъ! Предатель! Ты виною этой крови!" вскричалъ Гонта къ Младановичу, показывая на трупы. „Зачѣмъ ты, имѣя въ своихъ рукахъ это письмо, не отдалъ его мнѣ, а утаилъ у себя? Что же тебѣ отъ этого прибыло?"... Послѣ этихъ словъ Гонта ударилъ саблею Младановича по открытой головѣ, и тотъ упалъ въ крови къ его ногамъ.

Почти въ тоже время и главный защитникъ города Шафранскій былъ убитъ козаками въ башнѣ, защищаясь храбро, какъ воинъ, служившій нѣкогда въ арміи Фридриха Великаго. Ираклія Костецкаго козаки вытащили изъ Базиліанской церкви и подняли на копья. Учениками Базиліанской школы заваленъ былъ глубокій безводный колодезь, надъ которымъ въ послѣдствіи поставлена ратуша. Въ Жидовской школѣ вырѣзано было до трехъ тысячь Жидовъ. Цѣлый Умань былъ поприщемъ разъяренной козацкой мести, которая упилась тогда досыта кровію Жидовъ и Поляковъ и натѣшилась вдоволь ихъ смертію: въ одинъ день было истреблено ихъ до восемнадцати тысячь.

Не однимъ однакоже смертоубійствомъ и грабежемъ былъ ознаменованъ этотъ ужасный день. Еще передъ начатіемъ Уманской рѣзни, козакамъ дозволено было выбирать, кого кто хочетъ, для крещенія въ Православную вѣру, о которомъ особенно заботился

Желѣзнякъ. Пользуясь этимъ случаемъ, Уманскіе козаки спасали своихъ знакомыхъ; другіе молодцы выбирали себѣ въ жены красивыхъ Полячекъ и Жидовокъ; нѣкоторые избирали себѣ крестниковъ, руководясь только человѣколюбіемъ. Для крещенія велѣно было сберечь семейство Младановича и другихъ Польскихъ помѣщиковъ.

Всѣ избираемые для крещенія были отводимы на экономическій дворъ, назначенный сверхъ того для складки добычи и для пребыванія двухъ новыхъ градоначальниковъ. Оттуда всѣхъ ихъ повели къ церкви Св. Михаила. Престарѣлый священникъ той церкви крестилъ ихъ, окропляя святою водою. Желѣзнякъ и Гонта воспринимали дѣтей Младановича и другихъ помѣщиковъ; воспріемниками прочихъ были козаки, старавшіеся другъ передъ другомъ. По совершеніи обряда, всѣхъ перекрещенцовъ отправляли подъ сохраненіе на гарнизонный дворъ. Такимъ образомъ спасено было много народа отъ гибели. Кромѣ того Уманскіе жители сберегли многихъ дѣтей изъ пріязни къ ихъ родителямъ, прятая ихъ подъ кровли или же объявляя за своихъ дѣтей. Нѣсколько шляхтичей и учениковъ Базиліянской школы, знавшихъ Русскія молитвы и набожные стихи, нарядясь нищими, пѣли про Св. Николая, Почаевскую Божію Матерь и тѣмъ себя избавили отъ смерти. Другіе Поляки, для сбереженія своей жизни, переодѣвались въ крестьянское платье, вмѣшивались въ бунтующія толпы Украинцевъ и грабили вмѣстѣ съ ними.

Все это происходило въ Уманѣ того же 1768 года 19 Іюня.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Послѣдній разливъ Коливщины.

«Гей тамъ поле, а на полі квіты:
Не по одномъ Ляху заплакали діты!»
(Украинская пѣсня о Богданѣ Хмѣльницкомъ).

Буйно праздновали Украинцы свою побѣду надъ Уманемъ, расположась возлѣ него укрѣпленнымъ обозомъ. Тамъ, съ утра до ночи, при громѣ пушекъ и ружейной пальбѣ, раздавались козацкія пѣсни и заздравные клики въ честь Желѣзняка и Гонты: Желѣзняка величали Украинскимъ гетманомъ, Смѣлянскимъ княземъ и батькомъ козацкимъ; Гонту провозглашали полковникомъ и княземъ Уманскимъ; Уманскій сотникъ Пантелеймонъ Власенко избранъ былъ въ правителя и казначея всей Уманщины; другимъ козакамъ назначаемы были иныя званія и должности, смотря по ихъ заслугамъ. Всѣ они были веселы, довольны; одинъ Гонта не могъ разгуляться на козацкихъ пирахъ, не могъ позабыться возлѣ молодой жены, въ кругу своихъ малютокъ. Тоска-печаль, какъ змѣя, вилась у него около сердца, и онъ говорилъ своимъ гульливымъ товарищамъ: „Наварили мы доброй вареной, паны-братя, да якъ-то вона выпьется!“...

Между тѣмъ бунтъ и смерть распространялись въ остальную часть Западной Украины отъ Уманя, содѣлавшагося средоточіемъ Коливщины. Отряды, разсылаемые Желѣзнякомъ, на каждомъ шагу становились сильнѣе отъ пристававшаго къ нимъ народа. Ими разграблены были: Граново, Теплинъ, Дашево, Тульчинъ, Монастырище, Гайсинъ, Басовка, Жидячинъ, Ладыжинъ и еще многія мѣстечка и села. Увлекаемые ихъ примѣромъ, крестьяне и здѣсь собирались сами собою въ большія ватаги и довершали разливъ Коливщины. Безъ милосердія жгли они Жидовскія корчмы, панскіе хоромы и цѣлые фольварки; не давали пощады ни шляхтѣ, ни даже тѣмъ Украинцамъ, у которыхъ—по ихъ мнѣнію—была Ляцкая душа. Но особенно доставалось тогда бѣднымъ Жидамъ, которые не могли ни себя спасти, ни укрыть своихъ денегъ отъ поисковъ гайдамацкихъ. Много осталось разсказовъ про то, на какія хитрости поднимались Жиды для своего спасенія и какъ искусно гайдамаки ловили ихъ вездѣ и, доискавшись червонцовъ, распускали на вѣтеръ Жидовскія перины. Однажды гайдамацкій отрядъ, идучи черезъ лѣсъ, увидалъ нѣсколько монаховъ, сидящихъ въ сторонѣ подъ деревомъ. Подойдя къ нимъ, гайдамаки поклонились имъ, отдали на добрый день и спросили, откуда и куда несетъ ихъ Богъ?—„Изъ Поцаева до Кіева", отвѣчали Жиды, переодѣтые въ монаховъ.—„Что же это вы дѣлаете тутъ?" спросили опять гайдамаки, притворясь, будто не узнаютъ ихъ.—„Сідаемъ да за Хмѣльницкаго Бога прохаемъ".—„Отъ якіе жъ вы добрые ченцы!" сказали гайдамаки; „идить же прохать Бога за пана Желѣзняка, а мы вамъ и дорогу покажемо на той світъ", и всѣхъ ихъ повѣшали на одномъ деревѣ.

При такой тревогѣ на Украинѣ, состоятельнѣйшіе Поляки и Жиды выѣзжали за границу; но и тамъ они не всегда находили себѣ спасеніе. Смѣлянскій сотникъ Шило, прійдя въ Балту, увидѣлъ, что на Турецкой половинѣ сего города собралось множество Жидовъ и Поляковъ. Шило потребовалъ у Турецкаго начальства, чтобъ они ему были выданы. Ему отказали. Тогда онъ перешелъ силою на Турецкую сторону, вырѣзалъ тамъ Жидовъ, Поляковъ и многихъ Турковъ и воротился въ Умань съ добычею и славою.

Жестоко было разъяреніе возмущеннаго и возставшаго народа Украинскаго, но въ этомъ же самомъ народѣ многіе Поляки, особливо малолѣтные, находили свое спасеніе во время Коливщины; и среди самыхъ кровавыхъ и смертельныхъ зрѣлищъ блистали яркіе лучи человѣколюбія и добродушія Украинскаго.

Такъ, во время разоренія Смѣлянскаго за̀мка, гдѣ управителемъ тогда былъ Вильнеръ, малолѣтняя дочь его спасена была куреннымъ, который прежде служилъ у Вильнера, потомъ очутился въ ватагѣ Желѣзняка и за спасеніе дитяти едва было не лишился головы отъ козаковъ.

Среди самой Уманской рѣзни множество Польскихъ дѣтей спасено было добродушіемъ Украинцевъ. Особеннаго вниманія заслуживаетъ спасеніе дѣтей Младановича. Въ тотъ самый день, когда и онъ и жена его погибли, крестьянка, кормившая шестимѣсячнаго

ихъ сына, убѣжала съ нимъ изъ Уманя въ одну изъ сосѣднихъ деревень и тамъ сберегла его, какъ свое собственное дитя. Двое старшихъ дѣтей Младановича, Вероника и Павелъ, какъ мы уже сказали, были окрещены Желѣзнякомъ и Гонтою и отправлены вмѣстѣ съ прочими перекрещенцами на гарнизонный дворъ. На другой день около полудня вошли къ нимъ нѣсколько козаковъ и сказали: „Казавъ панъ Гонта вывести комисарьски діты". Дѣти перепугались, и всѣ думали, что ихъ зовутъ уже къ смерти. Тогда же на гарнизонный дворъ въѣхалъ на конѣ Желѣзнякъ. За нимъ шли кланяючись престарѣлый крестьянинъ и двое парубковъ. Этотъ старикъ былъ осадничій или атаманъ изъ села Оситной, которая была въ посессіи у Младановича. Желѣзнякъ, увидавъ Гонту возлѣ гауптвахты, подъѣхалъ къ нему и сталъ говорить съ нимъ. Старикъ осадничій подбѣгалъ то къ тому, то къ другому и умолялъ ихъ отдать ему дѣтей комисарскихъ. Черезъ нѣсколько времени Гонта громко сказалъ крестьянамъ: „Береть собѣ ихъ къ чорту!".... Тогда старикъ и парубки радостно поцѣловали ноги у Желѣзняка и Гонты, взяли къ своему возу подаренныхъ имъ сиротъ, усадили ихъ и погнали тройку коней во весь духъ изъ Уманя. Миновавши Грековъ лѣсъ, стали ѣхать тише, и старикъ сказалъ Вероникѣ: „Не лякайтесь, Богъ зъ вами! Я осадничій зъ Оситной. Мы васъ выпросили, щобъ хоть васъ двохъ отъ смерти сховаты".

Между тѣмъ, въ отсутствіе осадничаго, толпа гайдамаковъ ограбила и разорила экономическій дворъ въ Оситной. Увидавъ это, осадничій, для безопасности Младановичей, переодѣлъ ихъ въ крестьянское платье и на ночь спряталъ ихъ въ очеретѣ. На другое утро онъ рано пришелъ къ нимъ съ пищею и двумя граблями и отвелъ ихъ на свой сѣнокосъ, какъ гребцовъ. И каждый день онъ бралъ ихъ съ собою на сѣнокосъ, а ночью скрывалъ въ тростникѣ и такимъ образомъ сберегалъ ихъ въ продолженіи двухъ недѣль, выжидая благопріятнаго случая. Черезъ нѣсколько времени пришелъ изъ Уманя въ Оситную бывшій Младановичевъ писарь, Хмѣлевичь, одѣтый покозацки. Хмѣлевичь разсказывалъ, что во время разграбленія экономическаго дома онъ нарядился въ платье сторожа, вмѣшался въ толпу гайдамаковъ, грабилъ вмѣстѣ съ ними и этимъ избавился отъ смерти; онъ объявилъ также, что опасность миновалась, что гайдамаки уже побѣждены и что онъ самъ видѣлъ Гонту, закованнаго въ кандалы. Тогда старикъ осадничій перевезъ скрываемыхъ имъ Младановичей въ домъ свой и перезвалъ кормилицу съ ихъ маленькимъ братомъ въ Оситную. Узнавъ потомъ, что на Подольѣ живетъ дядя Младановичей, онъ повезъ ихъ туда и благополучно доставилъ ему сиротъ, которыхъ сберегалъ онъ такъ заботливо.

Старшая дочь Младановича, восемнадцатилѣтняя дѣвица Вероника, въ концѣ того же 1768 года взята была въ Кристинополь графинею Потоцкою; потомъ вышла замужъ за Кребсова, пережила своего мужа и достигла до глубокой старости. За годъ до своей

смерти, въ 1827 году она написала любопытный разсказъ о своей жизни и объ Уманской рѣзнѣ. Братъ ея Павелъ былъ отданъ на воспитаніе піарамъ, сдѣлался самъ ксендзомъ-піаромъ и скончался недавно въ Межиричѣ Корецкомъ. Онъ также написалъ извѣстіе объ Уманской рѣзнѣ. Кребсова, описывая минуты своего освобожденія изъ гарнизоннаго двора, когда старикъ осадничій вымаливалъ ихъ у Желѣзняка и Гонты, говоритъ: „Я помню еще лице Желѣзняка; по всей наружности его было видно, что онъ былъ не простой гайдамакъ“.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Конецъ Коливщины.

«Буде й нашимъ лихо, якъ зозуля кувала;
Що вона кувала, промежъ святыхъ чувала».
(Украинская дума о Павлѣ Наливайкѣ).

Въ то самое время, какъ въ Уманѣ шелъ пиръ горой и разливался кровью по Западной Украинѣ, коронныя Польскія и вспомогательныя Русскія войска осаждали большой отрядъ Барскихъ конфедератовъ, укрѣпившійся въ Бердичевскомъ Кармелитанскомъ монастырѣ. Возмущеніе, произведенное Барскими конфедератами и широкій разливъ Коливщины, грозили двойною бѣдою бытію Польши, и она спѣшила нарядить военно-судную комисію на Украину, назначивъ рейментаремъ Іосифа Стемпковскаго, а субалтерномъ его Якова Комаровскаго. Но этой комисіи такъ мало было дано Польскаго войска, что можетъ быть и не пришлось бы ей открыть своихъ дѣйствій, еслибы Россія, помогавшая Польшѣ усмирять Барскихъ мятежниковъ, не подала ей помощи и противъ бунтовавшихъ Украинцевъ. Для содѣйствія Стемпковскому былъ отряженъ полковникъ Кречетниковъ съ большимъ полкомъ конницы и съ назначеніемъ подъ его команду тысячи Донскихъ казаковъ, изъ подъ Кіева. Кречетниковъ съ своимъ полкомъ немедленно отправился къ Уманю, возлѣ котораго находился многочисленный таборъ Желѣзняка, преданный своему разгульному безпечью. Огромными кучами были навалены тамъ деньги и всякое добро, награбленное Уманскими воителями. Многіе козаки разбирали серебряную и мѣдную монету по сортамъ и ссыпали въ опустошенныя ими горѣлочныя бочки.

Кречетниковъ увидѣлъ ясно, что здѣсь ничего нельзя было сдѣлать силою, съ однимъ его полкомъ. Потому онъ остановился лагеремъ ожидать Донцевъ, а объ себѣ объявилъ, что идетъ къ Бердичеву противъ конфедератовъ...

Черезъ 12 дней, 6 Іюля, дѣло было сдѣлано: съ наступленіемъ темной ночи, Гонта и до двухъ тысячь его товарищей были схвачены и перевязаны; остальная половина табора разбѣжалась во всѣ стороны.

По прибытіи Стемпковскаго въ Умань, Кречетниковъ поспѣшилъ съ своимъ отрядомъ къ Бердичеву. Стемпковскій хотѣлъ было тотчасъ же казнить Гонту и его товарищей на мѣстѣ ихъ преступленія; однако, имѣвши тогда только 400 человѣкъ кавалеріи, побоялся гайдамаковъ, которые бушевали еще по окрестностямъ. Потому онъ заблагоразсудилъ отправиться къ Могилеву на Днѣстрѣ, гдѣ находился тогда съ своимъ отрядомъ Русскій полковникъ Чирковъ. Стемпковскій остановился неподалеку отъ Могилева, въ селѣ Сербовѣ, куда вслѣдъ за нимъ привезли и Гонту со многими его товарищами и, тамъ по войсковому декрету, казнили его перваго. Катъ въ продолженіи нѣсколькихъ дней сдиралъ съ него живаго кожу до пояса, потомъ отрубывалъ руки и ноги, облупилъ голову, насолилъ ее солью и опять натянулъ кожу на черепъ. При начатіи этой казни, Гонта, въ страшной мукѣ кричалъ: „Чому тутъ нема Желѣзняка и того указу"..... Но два солдата запихали ему ротъ землею.

А рейментарь между тѣмъ говорилъ къ народу: „Смотрите, кто только бунтовалъ, всѣмъ будетъ тоже!"

Вмѣстѣ съ Гонтою были казнены и всѣ другіе участники Коливщины, привезенные въ Сербовъ. Остальныхъ развозили по городамъ, мѣстечкамъ и селамъ до самаго Львова и совершали надъ ними разныя казни: однихъ вѣшали, другимъ рубили головы, инымъ отрубывали накрестъ руку и ногу и, потомъ залѣчивъ, распускали ихъ на страхъ народу; нѣкоторыхъ изъ нихъ, увязавъ руки вверхъ, обвязывали соломою въ смолѣ, зажигали ее и такъ водили несчастныхъ по улицамъ. Въ Лисянкѣ, гдѣ крестьяне неумышленно способствовали овладѣнію зàмкомъ, Стемпковскій безъ дальнѣйшаго розыска и суда повѣсилъ шестьдесятъ человѣкъ. На память сего печальнаго случая у Лисянскихъ дѣвицъ вошло въ обычай вплетать въ косы черную ленту между разноцвѣтными.

Съ упрямымъ равнодушіемъ переносили Украинцы всѣ эти казни, которыя послѣ смерти Наливайка были для нихъ уже не въ диво. Разсказываютъ, что когда въ Луцкѣ начали вѣшать одного изъ козаковъ, онъ сказалъ: „Постойте! передъ смертію я уже открою вамъ важное дѣло". Палачу велѣно снять съ него веревку. „Ну, что же ты скажешь?" спросили его предстоящіе. „А вотъ что: не велите меня очень высоко поднимать, такъ вамъ же легче будетъ цѣловать меня"....

Между тѣмъ какъ совершались такія казни надъ пойманными возлѣ Уманя, отдѣльные отряды Русскаго и Польскаго войска, также надворныя команды разныхъ староствъ, ловили и разгоняли остальныя ватаги бушевавшихъ Украинцевъ. Нежи́вой съ своею ватагою былъ пойманъ полковникомъ Чорбою возлѣ селенія Галагановки близъ Чигирина. Ватага Бондаренкова была захвачена въ Макаровѣ сотникомъ Проскуринскимъ, который за то получилъ званіе шляхтича.

Мотренинская обитель, подъ стѣнами которой свилось первое гнѣздо Коливщины, была опустошена и разграблена, въ присут-

ствіи самаго Стемпковскаго. Нѣсколько монаховъ было убито; другіе разбѣжались. Деревянные шкафы, наполненные стклянками съ золотыми надписями, въ которыхъ Мельхиседекъ держалъ цѣлебныя вещества для врачеванія недужныхъ, были забраны и отвезены въ Смѣлянскую экономію, для канцеляріи Любомірскаго.

Долго еще по всей Западной Украинѣ разъѣзжали военные отряды и разыскивали между крестьянами и козаками участниковъ Коливщины; они забирали виноватаго и подозрѣваемаго; съ иныхъ деревень брали десятаго, — и всѣхъ ихъ везли къ суду, особливо въ Житомиръ, гдѣ находилась главная судная комисія. Судьями въ оной были: Лабецкій, Вивёрскій, Почентовскій и другіе; особенно грозенъ былъ для гайдамаковъ судья Дубровскій. Инстигаторомъ во все время былъ Дзивнопольскій. Привозимыхъ къ суду судьи разсылали сначала по разнымъ мѣстамъ для насыпки валовъ, рытья рвовъ и колодцевъ и для другихъ работъ; потомъ ихъ судили, осуждали и отправляли въ мѣстечко Кодню, находящееся въ двадцати одной верстѣ отъ Житомира. Тамъ надъ глубокою ямою клали ихъ на колоду, рубили имъ головы и бросали въ яму, и когда яма наполнялась отрубленными головами и обезглавленными трупами, тогда заставляли осужденныхъ засыпать ее и копать новую. И такихъ могилъ много тогда насыпано въ Коднѣ.

Въ книгѣ генеральной визитаціи Конденскаго костела, учиненной 1786 года тогдашнимъ духовнымъ начальствомъ, записано, что на западномъ углѣ Кодни, въ 50 шагахъ отъ крѣпостнаго стариннаго вала, есть могила, насыпанная въ 1769 году надъ сто четырнадцатью казненными гайдамаками или рѣзунами, которымъ по войсковому декрету 11 и 12 Сентября отрублены головы.

Въ той же книгѣ записано, что на трехъ висѣлицахъ, особливо на той, которая стояла за мостомъ, повѣшано болѣе двухъ сотъ такихъ же гайдамаковъ или рѣзуновъ.

Таковъ былъ конецъ Коливщины, которая стремилась избавить Украину отъ Жидовства, Католичества и Уніи и почти достигла было своей цѣли. Конфедераты Барскіе сильно къ тому ей способствовали: поддерживая гоненіе вѣры и возбудивъ Коливщину, они пошли противъ своего короля и сейма, а своихъ Украинскихъ земляковъ покинули безъ всякой защиты отъ возмущеннаго ими народа. Если вѣрить извѣстіямъ нѣкоторыхъ ученыхъ того времени, то Польша отъ Коливщины и Барской конфедераціи потеряла болѣе двухъ сотъ тысячь человѣкъ.

Стемпковскій за усмиреніе Украинцевъ награжденъ былъ отъ своего правительства титломъ Кіевскаго воеводы и правомъ меча.

Но этотъ мечь не избавилъ Польши отъ ея жребія. Едва усмирила она возстаніе Украинцевъ, какъ въ слѣдующемъ же 1770 году распространилась въ ней сильная моровая язва, отъ которой погибло народа не менѣе, какъ и отъ Коливщины; а черезъ четверть вѣка сбылось предреченіе, ровно за сто лѣтъ до Коливщины произнесенное Іоанномъ-Казиміромъ на сеймѣ Варшавскомъ: пришелъ

конецъ Польши, и Западная Украина соединилась вновь съ своею родною половиною, подъ державою Россіи.

Воспоминая былое время козацкихъ возстаній за Православную вѣру, невольно останавливаешься мыслію надъ рѣкою Тясминомъ, которая, соединясь съ изсякшимъ Днѣпровскимъ рукавомъ Ирдынемъ подъ Смѣлою, картинно извивается оттуда къ Чигирину и, пройдя чрезъ Крыловъ, вливается въ Днѣпръ. На правомъ берегу этой рѣки храбрый Наливайко, начиная крестовый походъ за Восточную церковь, поставилъ въ первый разъ противъ Поляковъ три хоругви съ надписью: миръ Христіянству, а на зачинщика Богъ! На монастырскомъ островѣ Тясмина задумано было и послѣднее возстаніе Украинцевъ противъ Поляковъ, зародилось зерно Коливщины.

Но гдѣ и чѣмъ кончилась судьба Желѣзняка, который былъ первымъ зачинщикомъ и главнымъ свершителемъ сего возстанія? Объ этомъ говорятъ розно, и я не дознался еще навѣрно.

Изъ Украинской пѣсни о Максимѣ Желѣзнякѣ видно только, что хотя онъ безстрашно поскакалъ на конѣ изъ лагеря передъ Донскими козаками, но тоже былъ пойманъ.

—«Ступай, ступай, Желѣзня́ку, го̀дѣ уже гуляти!
Пойдемъ въ Кіевъ въ Печерськіи Богу работати.
И го̀ворить Максимъ козакъ, сидючи въ неволі:
«Не будутъ маті вражи-Ляхи на Украйні воли!
Течуть рѣчки зъ всёго світу до Чорного Моря.
Минулася на Украинѣ Жидовская воля!»

Что́ касается до отца Мельхиседека, то онъ, сколько мнѣ извѣстно, во время Коливщины вытребованъ былъ изъ Польской Украины въ Переяславль, а потомъ былъ архимандритомъ въ Глуховскомъ монастырѣ, гдѣ и скончался въ глубокой старости.

ИКОНА ВЪ СЕЛѢ ЖУКАХЪ.

(*Полтавскаго уѣзда*).

Въ десяти верстахъ отъ города Полтавы находится село Жуки, помѣстье князей Кочубеевъ. Въ церкви этого села хранится замѣчательная икона,—историческій памятникъ и свидѣтельство легкомысленнаго отношенія къ православной святынѣ протестантовъ. Во время кампаніи 1709 года Шведскія войска, раскинувшись около Полтавы, квартировали между прочимъ и въ Жукахъ. По сохранившемуся преданію, мѣстная церковь была обращена ими въ конюшню, а иконы рубились на дрова. Во время довольно продолжительной стоянки, скука требовала какого нибудь развлеченія. Шведы, взявъ икону изъ какого-нибудь кіота или иконостаса, правильно разлиневали ее и вырѣзали на ней клѣтки для шахматной игры. Икона эта деревянная, овальной формы, длиною двѣнадцати вершковъ, шириною девяти. Въ настоящее время она помѣщается на стѣнѣ

подлѣ праваго клироса. На ней замѣтны слѣды изображеній пророка Даніила и патріарха Іакова. Подъ иконой, на синей бумагѣ, вставленной въ раму, написаны слѣдующіе стихи:

«Въ пеплѣ забвенія все насъ погребаетъ,
О чесомъ писаніе намъ не возвѣщаетъ.
Сего ради судихомъ въ память написати,
Кто и когда сей образъ дерзнулъ обругати.
Недостоинъ имени добраго Мазепа
Ивашко, пришедъ отъ адскаго заклепа,
Той, оставивъ Господня Христа Всероссійска,
Петра Великаго, той самъ короля Свійска
Приведе съ оружіемъ въ Россію Малую,
Имѣя въ сердцѣ своемъ, коварный, мысль злую.
О кто исповѣсть тогда пролитія крови!
Бѣды, страхъ, гоненія и ужасъ суровый,
Лютры [1]) церкви святыя въ турми [2]) превращаху,
Подножія и дамы [3]) съ иконъ сочиняху.
Съ иконъ подгнѣти [4]) котламъ и до грубъ иконы [5]),
Съ иконъ, увы, помосты дѣлали подъ кони.
Тогда и та икона пострада святая,
Юже въ дамы пречерта рука проклятая.
Ликуй убо стадо красно Христово,
Имѣя другихъ святыхъ, начертанныхъ ново:
Патріарха съ пророкомъ; тіи свои раны
Предлагающе Богу, сохранятъ отъ брани
Благочестиво царство, а императору
Всероссійскому Петру по земли и морю
Способствовать будутъ во всяческомъ дѣлѣ,
Соблюдая здравіе его всегда въ цѣлѣ.
Того врагамъ каменемъ пророкъ сотретъ главу,
Лѣствицею Іаковъ возведетъ и въ славу.

На дерзость проклятую еретическую эпиграмма.

Звѣры устыдѣшася въ ровѣ Даніила,
Исавля патріарху ярость уступися,
Надъ звѣрей лютѣйша и паче Исава
На образѣ семъ зрится еретиковъ справа [6]).

Имя составителя этихъ стиховъ, а равнымъ образомъ и время появленія ихъ не извѣстны.

Въ Жу́ковской церкви находилась также до 1841 г. рубаха, въ которой казненъ Василій Леонтьевичъ Кочубей. Нынѣ она въ Николаевской церкви села Диканьки, владѣнія князя Кочубея. Рубаха длинная, шелковая, розоваго цвѣта, съ широкими рукавами. Отъ времени она потеряла свой первоначальный колеръ, но и до сихъ поръ на ней замѣтны три большихъ кровяныхъ пятна...

Иванъ Павловскій.

13 Генваря 1875 г.

---

[1]) Т. е. Люторы, Лютеране. *П. Б.*

[2]) ?

[3]) Дамы—шахматы, откуда слово дамка. *П. Б.*

[4]) Подтопки. *П. Б.*

[5]) Груба—печь. И. П.

[6]) Авторъ имѣетъ въ виду старо-начертанныхъ святыхъ—Өеодора и Өеофана, на лицахъ которыхъ были выклеймены стихи о мнимой ихъ лести и буйствѣ (по приказанію Греческаго императора, иконоборца Өеофила). И. П.

КАНЦЛЕРЪ КНЯЗЬ БЕЗБОРОДКО.

ОПЫТЪ РАЗРАБОТКИ МАТЕРІАЛОВЪ ДЛЯ ЕГО БІОГРАФІИ *).

XI.

Война съ Швеціею.—П. А. Зубовъ.

Въ исходѣ 1787 го года, когда война съ Турціею только что разгоралась, новая невзгода посѣтила Россію: 4-го Ноября Государственному Совѣту доложено было письмо посла нашего въ Стокгольмѣ къ вице-канцлеру „о непріязненныхъ видахъ короля Шведскаго на Лифляндію“. Густавъ III мечталъ о возможности возстановить Балтійское государство въ томъ видѣ, какъ оно было при Густавѣ Адольфѣ или Карлѣ XII. Совѣтъ, „соображая сіе извѣстіе съ безпокойнымъ нравомъ и легкомысліемъ этого сосѣда нашего, признавалъ за нужное, въ осторожность, укомплектовать гарнизонные батальоны въ Ревелѣ и Аренсбургѣ“ [1]).

Въ Февралѣ слѣдующаго года, Выборгскій намѣстникъ, генералъ-поручикъ Гинцель, уже прямо репортовалъ „о примѣчаемомъ на Шведской сторонѣ необычайномъ тщаніи обучать расположенныя въ сосѣдствѣ къ границамъ нашимъ войска“. Эти извѣстія указывали, что со стороны Швеціи собирается гроза, и потому въ засѣданіи Совѣта, 20-го Марта 1788 г., графъ Безбородко предложилъ какъ соображенія свои о нужныхъ мѣрахъ къ огражденію и обезпеченію границъ нашихъ, Лифляндскихъ и Финдляндскихъ, такъ и выписку изъ прежнихъ плановъ и росписаній на случай диверсіи со стороны Шведской. „Осторожности пограничныя“ (говорилъ онъ въ началѣ своей записки) въ здѣшней части приняты быть должны такія, чтобъ оную обезпечить не токмо противу Шведскаго нечаяннаго нападенія, но и на случай какихъ либо покушеній со стороны короля Прусскаго. Хотя многія изъ мѣръ, тутъ представляемыхъ, требуютъ времени, но необходимо за нихъ приняться и по крайней мѣрѣ впредь отвратить подобные недостатки, каковы нынѣ встрѣчаются“. Далѣе записка признаетъ нужнымъ, по части морской, восполнить, привести въ порядокъ и подчинить одному адмиралу разныя эскадры, назначенныя для наблюденія надъ Швеціею, и исправить порты Кронштадтскій, Ревельскій, который находился въ „самомъ худомъ“ состояніи, и Балтійскій. По части сухопутной записка рекомендуетъ привести Лифляндскія, Эстляндскія и Финляндскія крѣпости „колико возможно, въ оборонительное состояніе“, т. е. снабдить ихъ артиллеріею и людьми. Здѣсь, въ числѣ

---

*) См. выше, стр. 424.

[1]) Архивъ Г. Совѣта, СПБ., 1869 г. т. 1, ч. I, стр. 493.

средствъ для пополненія арміи людьми, указывается во первыхъ, на „укомплектованіе пограничныхъ гарнизоновъ излишними церковниками“, въ Астрахани и Сибири даже семейными, и во вторыхъ, на „формированіе хоругвъ Бѣлорусскихъ изъ мелкой шляхты“. Соображенія по сухопутной части оканчиваются словами: „Нужно послать генерала въ Финляндію для осмотра всего поправленія что̀ надлежитъ, безъ огласки, для примѣрнаго назначенія плана и мѣстъ для лагерей и другихъ распоряженій, не дѣлая однако никакой тревоги и не оказывая безпокойства и опасенія“. По части политической записка совѣтуетъ заранѣе согласиться на счетъ военныхъ, морскихъ и сухопутныхъ дѣйствій по Шведской войнѣ съ Даніею, а Шведамъ и Финляндцамъ внушить, что мы желаемъ имъ покоя и возстановленія ихъ вольности, и что „собственная отечества ихъ польза“ обязываетъ ихъ настаивать на мирѣ съ Россіею [2]).

Послѣдующія событія не замедлили оправдать предосторожность нашего правительства. Не далѣе какъ 23-го Марта получено было извѣстіе изъ Швеціи отъ графа А. К. Разумовскаго „о слухахъ, что въ Карлскронѣ вооружаютъ 12-ть кораблей и нѣсколько фрегатовъ, что, вмѣсто Августа, будутъ уже въ Іюнѣ лагери въ Финляндіи, и что дворъ Шведскій старается о займѣ денегъ внѣ государства“.

Съ открытіемъ Шведскихъ приготовленій къ войнѣ съ Россіею, на графу Безбородку легла новая тяжесть, и 4 Апрѣля 1788 г. онъ писалъ гр. С. Р. Воронцову: „Краткость времени и скорость непріятнаго настоящаго отправленія не дозволяютъ мнѣ написать многое, а при томъ еще подоспѣли отправленія и въ обѣ арміи, кои меня весьма заняли. Трудъ я несу тотъ же, и одинъ всю тягость бремени выдерживаю, съ тою разницею, что и положеніе дѣлъ гораздо заботливѣе, чѣмъ то, коему вы были свидѣтелемъ въ 1783 г. Прибавьте къ сему, что я, который шелъ всегда прямою дорогою и, кромѣ службы, не зналъ инаго пути пріобрѣсть и имя значущее, и благосостояніе не послѣднее, теперь долженъ заботиться обороною противу интригъ самыхъ пакостныхъ, противъ нападеній клеветливыхъ и противъ всѣхъ усилій людей случайныхъ. Сперва хотѣли сложить на насъ подозрѣніе, будто мы употребляемъ разные происки противу князя Потемкина; но когда сей послѣдній засвидѣтельствовалъ, что онъ мною совершенно доволенъ и свою довѣренность даже до собственныхъ видовъ ко мнѣ имѣетъ, тогда напали на насъ съ графомъ Александромъ Романовичемъ [3]), образо̀мъ самымъ оскорбительнымъ. Дѣла и дѣйствія самыя насъ оправдали; но клевета на насъ была явная, а оправданіе безъ явной репараціи можетъ ли удовлетворить чести оскорбленныхъ? Я буду ждать конца войны и тѣмъ кончивъ время свое, невтунѣ употребленное, примуся за собственныя дѣла, оставляя всѣ пакости съ презрѣніемъ. Признаюсь, что я былъ радъ, когда князь Потемкинъ вздумалъ было

---

[2]) „Архивъ Государств. Совѣта“, СПБ., 1869, т. 1, ч. I, стр. 547—550. Тамъ же, стр. 551—552, выписки изъ плана Г. А. Потемкина-Таврическаго, 1784 г.

[3]) Воронцовымъ.

сюда пріѣхать и армію графъ Румянцову оставить. Я тутъ предвидѣлъ, что и дѣла военныя пошли-бы своимъ порядкомъ, и здѣсь многое скорѣе и рѣшительнѣе потекло-бы его содѣйствіемъ; да и своимъ искусствомъ обуздалъ-бы онъ многихъ неистовство. Но я подозрѣваю, что тутъ-то и была интрига, чтобъ его тамъ удержать. Какъ бы то ни было, время покажетъ людей" [4]).

20-го Іюня выяснилось окончательно, что война у насъ съ Швеціею неминуема. Въ этотъ день Безбородко объявилъ Совѣту полученное отъ гр. Разумовскаго извѣстіе, что король, будучи недоволенъ нѣкоторыми выраженіями въ запискѣ его, Разумовскаго, объявилъ, чрезъ церемоніймейстера, что не признаетъ его болѣе министромъ и назначаетъ для выѣзда его восьмидневный срокъ. Совѣтъ призналъ это явнымъ нарушеніемъ дружественныхъ отношеній, или лучше прямымъ объявленіемъ войны и, чтобы надежнѣе приготовиться къ ней и къ защитѣ государства, постановилъ просить Императрицу о назначеніи главнокомандующаго, который бы, по своему усмотрѣнію, приступилъ къ надлежащимъ военнымъ распоряженіямъ противъ Шведскаго вторженія. Съ своей стороны гр. Безбородко предложилъ Совѣту записку, съ обозначеніемъ. какимъ образомъ должны быть расположены и ведены наши военныя дѣйствія и съ росписаніемъ находящихся здѣсь войскъ. Записка предлагаетъ атаковать съ моря Шведскій флагъ и высадить на Шведскій берегъ сухопутное войско, чтобы отвлечь короля Густава отъ Финляндіи, въ которой отъ усилился. Далѣе въ запискѣ излагаются распоряженія касательно укомплектованія сухопутнаго войска, касательно патентовъ для захватыванія Шведскихъ судовъ, касательно манифестовъ, декларацій къ иностраннымъ дворамъ и военныхъ мѣръ внутри страны. По предмету патентовъ, на примѣръ, въ запискѣ встрѣчаемъ мнѣніе Совѣта, что „для нашей торговли Шведскіе арматоры никакаго почти вреда или, по крайней мѣрѣ, весьма малый вредъ сдѣлать могутъ, поелику наша торговля не есть активная, а производится другими народами" [5]). А въ пунктѣ [6]) о декларацiяхъ къ иностраннымъ дворамъ предназначается „съ Вѣнскимъ и Бурбонскими дворами изъясниться искреннимъ образомъ и ихъ интересовать въ дѣлѣ семъ, наипаче же съ послѣднимъ, буде бы Англія рѣшилася вмѣшаться въ оное дѣятельно". Совѣтъ, сообразуя эти предположенія съ „обстоятельствами нынѣшними, призналъ ихъ приличными и удобнѣйшими" [7]).

---

[4]) Авторъ пользуется письмами князя Безбородки къ графамъ Воронцовымъ по списку ихъ, сохранившемуся въ Диканьскомъ архивѣ и провѣренному съ подлинниками еще княземъ Викторомъ Павловичемъ Кочубеемъ, который собиралъ и хранилъ переписку своего знаменитаго дяди и благодѣтеля. *П. Б.*

[5]) Записка, пунктъ 8.

[6]) Тамъ же, пунктъ 10.

[7]) Копія съ записки приложена при протоколахъ Совѣта за 1788 г., хранящихся въ архивѣ Совѣта (стр. 390—399), Въ изданіи „Архивъ Государств. Совѣта, СПБ. 1869 г." (т. 1, ч. I, столб. 571) объ ней только упомянуто. Въ концѣ записки рукою Вейдемеера отмѣчено: „оригиналъ (т. е. протокола и записки) не возвращенъ отъ его с. графа Александра Андреевича".

Манифестъ 30 Іюня 1788 г., написанный Безбородкою, объявилъ „о вѣроломствѣ и наглости новаго непріятеля, побуждающаго насъ поднять оружіе въ свою защиту".

Если вѣрить тогдашнему сообщенію Прусскаго двора, война Швеціи противъ Россіи произошла единственно по желанію Густава III-го, который будто бы былъ вовлеченъ въ нее „недоразумѣніемъ, и весь свѣтъ знаетъ, что онъ получилъ отъ Порты деньги и въ надеждѣ получать оныя рѣшился напасть на Россію" [8]). Но едвали бы Швеція, или Густавъ III согласились принять подкупъ Турціи, засвидѣтельствованный Пруссіею, едвали бы и Турція рѣшилась предложить свой подкупъ Швеціи, если бы этимъ подкупомъ, и слѣдовательно возбужденіемъ Шведской войны противъ Россіи въ 1788 году, не руководили великія Европейскія державы. Мы видѣли уже, что по дѣлу тогдашней Турецкой войны на сторонѣ Россіи была только Австрія съ своимъ благороднымъ и честнымъ Іосифомъ II: Франція лицемѣрила и выжидала, Пруссія и Англія интриговали и вредили. Всего естественнѣе происхожденіе Шведской войны объяснять указаннымъ отношеніемъ къ Россіи Пруссіи, Англіи и Франціи, тревожившихся усиленіемъ Россіи и расширеніемъ ея границъ.

Какъ ни тягостно было положеніе Россіи, переживавшей двѣ войны, Екатерина не сознавала и не видѣла всей затруднительности своего положенія. Они вела и теперь свои политическія сношенія съ другими странами честно и благородно, и въ то время, когда нѣкоторыя изъ нихъ явно интриговали и старались подорвать ея вліяніе и значеніе, она предоставляла имъ полное право дѣйствовать, какъ имъ заблагоразсудится. Въ одной изъ записокъ графа Безбородки, предложенныхъ имъ Государственному Совѣту, именно въ запискѣ, составленной имъ вмѣстѣ съ Остерманомъ и читанной 14—16 Декабря 1788 года, встрѣчаемъ слѣдующую замѣчательную тираду: „Исключить ли Англію изъ случая союза или не исключать, зависитъ отъ собственнаго ея поведенія. Если она свое единомысліе съ королемъ Прусскимъ не распространитъ такъ далеко, чтобъ ему способствовать дѣйствіями противу насъ посредственными или безпосредственными, то мы не можемъ постановить союзъ нашъ съ исключеніемъ ея. Противное тому заставитъ и насъ отложить на сторону всякое уваженіе, наблюдая съ одной стороны взаимство въ разсужденіи Франціи, съ другой—осторожность, чтобъ Американскія и Остъ-индскія дѣла поставлены были, наравнѣ съ нашими Азіатскими, внѣ всякаго союза" [9]). А взгляды Безбородки были взглядами Государыни. Что же касается дружественныхъ, единомышленныхъ или изъявлявшихъ склонность къ единомыслію съ Россіею державъ, то въ отношеніи къ нимъ Екатерина была предупредительною. Въ той же запискѣ Безбородки, по предмету

---

[8]) Европа въ концѣ XVIII вѣка, С. М. Соловьева, въ Русскомъ Вѣстникѣ за 1862 г.

[9]) Архивъ Г. Совѣта, СПБ., 1869 г., т. 1, ч. I, столб. 649.

заключенія мира съ Турціею, читаемъ: „Для скорѣйшаго достиженія мира надобно, чтобъ негоціація объ этомъ открыта была въ стану войскъ нашихъ или въ стану войскъ Австрійскихъ",—и затѣмъ встрѣчаемъ подробныя инструкціи для выполненія дѣла въ томъ или другомъ стану, до такой степени уважительныя въ отноніи къ доброму союзнику, что одна инструкція заявляетъ: „императоръ, ведя свои дѣла подлинно неудачно и большимъ его силамъ несоразмѣрно, приносилъ намъ однакожъ ту пользу, что держалъ всю везирскую армію противъ себя". Въ запискѣ графа-же Безбородки, читанной Совѣту 20-го Іюня 1788 года, о Даніи говорится, что наши корабли могутъ соединиться съ ея эскадрою, „ежели сія корона не отречется исполнить обязательства свои въ нашу и ея собственную пользу" [10]).

Даже въ отношеніи къ побѣжденному непріятелю Екатерина была человѣколюбивою и внимательною, о чемъ свидѣтельствуютъ основанія для заключенія мира съ Турціею, излагаемыя въ запискѣ Остермана и Безбородки, читанной Совѣту 14—16 Декабря 1788 года. „Никто добровольно не отдастъ своего у него неотнятаго, и никогда почти не случается, чтобъ, и при рѣшительной поверхности одной и крайнемъ упадкѣ другой стороны, миръ могъ сдѣлаться на условіи uti possidetis [11]); а надобно много изъ завоеваннаго возвратить, чтобъ удержать малое. Мы сами то не одинъ разъ испытали, что уваженіе къ разнымъ обстоятельствамъ служило убѣжденіемъ къ податливости и снисхожденію. Въ 1739 г. осторожность противу Шведовъ заставила ускорить миромъ, учиня многія жертвы изъ немалыхъ нашихъ тогдашнихъ завоеваній. Въ послѣдней войнѣ нашей славной и побѣдоносной съ Турками, положеніе внутреннее и внѣшнее было причиною, что мы умѣренными удовольствовались пріобрѣтеніями" [12]).

Повторяемъ, Екатерина не сознавала всей затруднительности своего положенія, дѣйствуя въ отношеніи къ другимъ державамъ честно, снисходительно и даже предупредительно. Но дворъ Екатерины, поставленный въ болѣе близкую связь съ дѣятелями Европы и съ ея обстоятельствами, ясно видѣлъ тогдашнее затруднительное положеніе нашего Отечества. Безбородко, въ письмѣ къ гр. С. Р. Воронцову, въ Октябрѣ 1788 г., изображаетъ это положеніе такими чертами: „Нашъ интересъ теперь въ томъ состоитъ, чтобъ скорѣе сдѣлать миръ хотя нѣсколько честный, ибо мочи уже нѣтъ продолжать войну. Отъ неурожая хлѣбнаго и возвышенія цѣнъ и отъ худой экономіи въ войскахъ такъ возрасли расходы, что на войну нынѣшній годъ станетъ 30-ть слишкомъ милліоновъ, и чтобъ быть въ состояніи протянуть будущую кампанію, дошло дѣло до наложенія новыхъ податей".

---

[10]) Протоколы Г. Совѣта, хранящіеся въ Архивѣ. Записка, пункты 3-й и 4-й.

[11]) Какъ владѣешь въ данную минуту.

[12]) Архивъ Г. Совѣта, СПБ. 1869 г., т. 1, ч. I, стр. 2-я, инструкція для 2-й части мирнаго договора.

Однако война съ Турціею шла счастливо для Россіи: 6-го Декабря 1788 года палъ Очаковъ [13]). И война съ Швеціею началась счастливымъ для Россіи морскимъ пораженіемъ непріятеля при Гохландѣ. Гохландская побѣда надъ Шведами имѣла для Русскихъ весьма важное значеніе: она, во первыхъ, обнаружила искусство Русскаго флота и Русской артиллеріи, которая была въ полтора раза слабѣе Шведской и, во вторыхъ, заперла Густаву III-го входъ въ Петербургъ съ его южной вовсе незащищенной стороны [14]). Сухопутныя дѣйствія Шведской арміи въ Финляндіи были столь же неудачны. Привязанность Финляндцевъ къ Россіи и готовность Даніи, „въ слѣдствіе тѣсной дружбы и союза" съ Россіею, принять участіе въ войнѣ нашей съ Швеціею принудили Густава III-го искать поддержки у великихъ Европейскихъ державъ и просить ихъ посредничества къ заключенію мира. Тогда Пруссія, Англія и Голландія заключили между собою союзъ для помощи Швеціи и заставили Данію отказаться отъ содѣйствія Россіи. Интригамъ же Пруссіи Россія была обязана и тѣмъ, что въ Польшѣ не только отвергли нашъ союзъ, но стали обнаруживать явное расположеніе къ Пруссіи. Пруссія помышляла присоединить къ своимъ владѣніямъ Данцигъ и Торнъ. Объ этомъ было сообщено Вѣнскимъ дворомъ, который, съ своей стороны, совѣтовалъ Петербургскому кабинету вооружить противъ Пруссіи Польшу, предложивъ ей возвратъ земель, уступленныхъ Пруссіи по первому раздѣлу. Но Екатерина и ея секретарь не раздѣляли убѣжденій Вѣнскаго двора, какъ и прежде стремленій князя Потемкина къ союзу съ Польшею, хотя Императрица употребляла всѣ средства отклонить войну съ нею, по крайней мѣрѣ на время [15]). Состояніе тогдашнихъ

---

[13]) Необходимо упомянуть здѣсь о разсказѣ П. Ѳ. Карабанова (Русская Старина, 1872 г., т. V, стр. 144), приписывающемъ Безбородкѣ, за это время, весьма важный промахъ при докладѣ Императрицѣ. Карабановъ пишетъ: „Въ 1788 г., въ послѣднюю Турецкую войну при Екатеринѣ, контръ-адміралъ Войновичъ, родомъ изъ Черногоріи, за отличіе представленъ былъ къ награжденію орденомъ Св. Георгія 3-го класса. Безбородко, 22-го Октября 1788 г., поднося Императрицѣ грамату для подписанія, не замѣтилъ, что въ попыхахъ, по ошибкѣ, Войновичъ въ ней названъ графомъ. Безбородко, находя себя виновнымъ, сталъ на колѣни, а Екатерина сказала: „мы оба неправы; гдѣ рука, тутъ и голова: должны согласиться". Разсказъ этотъ слѣдуетъ считать положительно вымышленнымъ, такъ какъ отецъ Марка Ивановича Войновича, Иванъ Войновичъ, состоялъ въ нашей службѣ и имѣлъ титулъ графа. Въ Мѣсяцесловѣ съ росписаніемъ чиновныхъ особъ на 1782 г. (стр. 52-я) о Войновичѣ напечатано: „Въ Архипелагѣ подполковникъ, графъ Иванъ Войновичъ, генеральный консулъ". Сынъ его, Марко Войновичъ, въ чинѣ контръ-адмирала, дѣйствительно, 22 Октября 1788 года, былъ награжденъ орденомъ Св. Георгія 3-й степени (Въ память столѣтняго юбилея ордена Св. Георгія, сост. В. С. Степановымъ и Н. И. Григоровичемъ, СПБ., 1869 г., стр. 9, № 88-й).

[14]) Дѣйствія Русскаго флота въ войнѣ съ Шведами въ 1788—1790 гг., соч. В. Головачова, СПБ. 1871 г., стр. 49.

[15]) Европа въ концѣ XVIII вѣка, статья С. М. Соловьева, въ Русскомъ Вѣстникѣ за 1862 годъ.

политическихъ дѣлъ между великими державами Европы какъ нельзя лучше раскрывается въ запискѣ Безбородки, поданной имъ Екатеринѣ. Тамъ сказано: „Въ условіяхъ съ Австріей было постановлено, что Россія подастъ помощь Австріи, если Пруссія или Франція нападутъ на нее. Но Вѣнскій дворъ, сверхъ диверсіи отъ короля Прусскаго, предполагаетъ другой случай, тотъ, если бы сей государь рѣшился, воспользуясь войною нашею съ Портою, сдѣлать безъ обнаженія меча пріобрѣтеніе на счетъ Польши, или гдѣ индѣ. Цѣлость настоящихъ владѣній Польскихъ предохранена ручательствомъ Ея Императорскаго Величества. Отъ рѣшенія Ея Величества зависитъ, слѣдуетъ ли принять покушеніе короля Прусскаго присвоить Данцигъ [16]) и какую нибудь часть земли Польской за нарушеніе мира и тому воспрепятствовать всѣми силами. Нельзя не признаться, что таковое безъ войны пріобрѣтеніе дало бы королю Прусскому гораздо выгоды болѣе, нежели намъ, кои долженствуемъ нести убытки въ людяхъ и деньгахъ. Можно будетъ Вѣнскому двору отвѣтствовать, что мы уже подали имъ достаточныя увѣренія въ исполненіи обязательствъ нашихъ на случай диверсіи короля Прусскаго; что, относительно подозрѣнія въ завладѣніи частію изъ Польши, святость и сила разныхъ трактатовъ, ручательство наше сей республикѣ утвердившихъ, да и самые интересы наши могутъ совершеннымъ образомъ Вѣнскій дворъ обнадежить, что мы признаемъ подобное покушеніе за противное миру и, поелику возможность дозволитъ, тому воспротивимся. Кауницъ, упоминая съ похвалою о намѣреніи нашемъ заключить союзный трактакъ съ Польшею, внушаетъ о представленіи Полякамъ перспективы на возвращеніе отъ короля Прусскаго, въ случаѣ враждебныхъ его покушеній, той части, которая уступлена ему раздѣльнымъ трактатомъ. Извѣстно, что подобныя дѣла въ Польшѣ негоцируются съ цѣлымъ почти народомъ; какимъ же образомъ можно прежде настоянія случая дѣлать подобныя обнадеживанія? Сіе значило бы совершенно-непріязненныя намѣренія и вызовъ короля Прусскаго къ войнѣ, которую мы теперь отдалять должны“ [17]).

Въ такихъ обстоятельствахъ Государственный Совѣтъ выгоднѣйшимъ для Россіи союзомъ признавалъ союзъ съ Франціею. Взглядъ Совѣта раздѣляла и Екатерина, но съ этимъ взглядомъ не соглашались графъ Шуваловъ, который подалъ въ Совѣтѣ особое мнѣніе, и графъ Безбородко. Послѣдній, по этому поводу, подалъ Императрицѣ двѣ записки [18]), въ которыхъ указывалъ на возможность

---

[16]) Храповицкій въ дневникѣ своемъ (28-го Апрѣля) записалъ, что Екатерина требовала у членовъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ мнѣнія о помощи Данцигу въ его худыхъ обстоятельствахъ: „графъ Безбородко мнѣ сказалъ, что за неимѣніемъ денегъ помочь нечѣмъ“.

[17]) „Европа въ концѣ XVIII вѣка“, статья С. М. Соловьева, въ Русскомъ Вѣстникѣ за 1862 годъ.

[18]) Записки, писанныя собственноручно Безбородкою карандашемъ, съ помѣтою на нихъ князя В. П. Кочубея: „къ 1788 или началу 1789 г.“, хранятся въ Диканьскомъ архивѣ князя С. В. Кочубея, по моей описи № 1399.

заключить миръ при посредствѣ Берлинскаго двора, а союзъ съ Франціею отвергалъ.

„Происшествія во Франціи (докладывалъ Безбородко въ первой своей запискѣ) дѣйствительно отдаляютъ всякую возможность соединенія нашего съ Бурбонскимъ дворомъ, которое одно бы только могло противувѣсить союзу Пруссіи съ Англіею и Голландіею; по крайней мѣрѣ на долго о томъ помышлять не должно. И такъ въ настоящее время наипаче надлежитъ стараться о приласканіи Берлинскаго двора, пользуяся путемъ, чрезъ г-на Алопеуса у любимца королевскаго отверстымъ. Удержать сей дворъ отъ дѣланія намъ пакостей не можемъ мы ничѣмъ инымъ, какъ употребленіемъ его къ примиренію насъ съ Швеціею и поданіемъ большой надежды къ дальнѣйшему нашему сближенію съ нимъ. На семъ основаны быть долженствуютъ инструкціи Алопеусу; но какъ для положенія плана нашего къ прекращенію войны съ Швеціею надобны время и размышленіе, то не угодно ли будетъ Вашему Величеству теперь приказать: 1) къ Алопеусу послать письмо отъ вице-канцлера, дозволяя ему, подъ видомъ собственнаго его прошенія, воспользоваться водами ближними къ Берлину, а въ случаѣ надобности и другими; 2) ему же написать секретно, апробуя его сношеніе съ Бишофсвердеромъ [19]) и составя такимъ образомъ сію депешу, чтобъ она могла сему любимцу показана быть? Тутъ можно обѣщать вскорѣ доставить королю Прусскому дружественное изъясненіе условій, на каковыхъ мы въ Сѣверѣ миръ возстановить желаемъ, изъ коихъ его величество усмотритъ вмѣстѣ, съ одной стороны, неограниченную къ нему откровенность и большую надежду на его искренность и добрыя услуги, съ другой-же—удаленіе Ваше искать разрушенія королевства Шведскаго. Сверхъ того, слегка подана будетъ перспектива и дальняго сближенія, говоря, что пособіе, королемъ Прусскимъ оказываемое въ прекращеніи войны нашей съ Швеціею, или въ томъ соучастіе, будутъ самыми надежнѣйшими предшественниками возстановленія той тѣсной дружбы, которая между нами и дядею его толико лѣтъ счастливо пребывала. Кстати коснуться можно въ депешѣ, что, къ сожалѣнію, происшедшее въ Польшѣ и Даніи не могло служить средствомъ къ сближенію обоихъ дворовъ; и что мы не обинуясь скажемъ, что, послѣ первыхъ короля Прусскаго отзывовъ о вѣроломномъ и нагломъ короля Шведскаго поступкѣ, мы въ доброй были надеждѣ на его дружбу, и минута сближенія нашего весьма не удалена была. Происшествіями въ Даніи и Польшѣ она весьма отдалилася, особливо когда мы видѣли, что, и отставъ отъ намѣренія нашего вступить въ союзъ съ Польшею, гдѣ не было у насъ никакихъ видовъ противъ Берлинскаго двора, а единственно война Турецкая была той цѣлію, не удержали мы подвиговъ Прусскихъ, противу насъ употребленныхъ; что г. Алопеусъ вскорѣ получитъ дальнѣйшія предписанія по симъ

---

[19]) Бишовсвердеръ—въ это время Прусскій министръ и по масонству первый любимецъ новаго короля. Сношенія его съ министромъ нашимъ Алопеусомъ разъяснены въ изданіи Архивъ Г. Совѣта, СПБ. 1869 г. т. 1, ч. 1, столб. 854, 862, 904, 1021, 1023.

матеріямъ. Можно здѣсь объяснить и о нашихъ связяхъ съ императоромъ, что онѣ есть совершенно оборонительныя, и что Тешенскій миръ въ нихъ предохраненъ въ полной силѣ; что потому изъ того для Берлинскаго двора ничего вреднаго и предосудительнаго выдти не можетъ".

Въ другой запискѣ Безбородко высказываетъ, какимъ путемъ должны быть ведены переговоры: „Къ принцу Гессенскому отвѣтъ составить будетъ нужно; но впрочемъ ему нельзя быть ни пространну, ни рѣшительну, ибо нѣтъ надобности, чтобъ Данія знала объ нашихъ намѣреніяхъ; да и какъ видно, что сей принцъ единственно по наставленію Герцберга дѣйствуетъ, то и не можно намъ много тутъ изъясняться. Вся негоціяція ведена быть должна посредствомъ Алопеуса. Онъ долженъ будетъ получить пространную инструкцію, въ которой должно ему будетъ изъяснить степени нашихъ желаній и, по мѣрѣ того, нашей податливости на сближеніе съ Берлинскимъ дворомъ. Тутъ первое наше требованіе простираться будетъ къ примиренію насъ со Швеціею. Въ случаѣ несогласія короля Шведскаго ни на какое намъ удовлетвореніе (наипаче же упорства его соединить войну сію съ тою, что̀ мы съ Портою имѣемъ) чтобъ не препятствовано было Даніи содѣйствованію намъ для понужденія короля Шведскаго; и сіе нужно рѣшить теперь же, дабы мы могли знать, оставлять ли намъ часть флота въ Копенгагенѣ, на случай продолженія войны. Второе наше требованіе касаться будетъ до примиренія нашего съ Турками. Мы скажемъ не обинуяся наши кондиціи, основанныя на прочномъ возобновленіи прежнихъ договоровъ, на положеніи рѣкъ Днѣстра границею Россіи, а Дуная—Порты Оттоманской, оставляя Молдавію, Валахію и Бессарабію независимою областью подъ вѣдѣніе христіянскаго государя, тамъ владычествующаго и на отреченіи Порты отъ Грузіи, для того, что она и прежде не къ ней, но къ Персіи принадлежала. Ежели король Прусскій согласится миръ намъ доставить на сихъ условіяхъ, мы не можемъ уклониться отъ возобновленія союза съ нимъ. Да я признаюся, что, соображая критическое и опасное состояніе дѣлъ нынѣшнихъ, ненадежно полагаться долгое время на силу и вліяніе Бурбонскихъ дворовъ; съ другой же для выгоднаго и славнаго такого для Россіи рѣшенія кризиса не только не считаю предосудительнымъ возобновленіе союза съ Пруссіею, но ежели бы король Прусскій хотѣлъ сорвать что̀ и отъ Польши, тому нельзя противиться: во первыхъ, что нѣтъ силы, а во вторыхъ—пускай онъ то дѣлаетъ безъ нашего соучастія и пускай Польша на него вооружается; мы тогда можемъ пріобрѣсть нашу тамъ силу и вліяніе. Добрая вѣра требуетъ, чтобы мы въ разсужденіи императора поступили съ тою искренностію, съ каковой его поступки прямо дружественные обязываютъ. Покуда мы станемъ негоцировать съ королемъ Прусскимъ, надобно хранить тайну и никакъ не открываться; но коль скоро дѣло сближится къ рѣшимости, можно будетъ ему откровенное сдѣлать сообщеніе, со всѣми тѣми увѣреніями, коими только можно успокоить въ разсужденіи нашей связи съ нимъ (которая, конечно, натуральнѣе другой

и прочнѣе той, кою изъ насъ критическое положеніе Франціи вынуждаетъ), увѣривъ его, что мы никогда на противное интересамъ Австрійской монархіи не поддадимся и что, при нападеніи на него, всегда возможнымъ образомъ общее съ нимъ составимъ дѣло. У насъ имѣется съ нимъ декларація о Польшѣ; но сіе условіе сдѣлано было прежде, нежели война отъ Шведскаго короля подъята и прежде, нежели сама Польша почти намъ непріязненною учинилася, прежде, нежели король Прусскій съ его союзниками возпричинствовалъ отпаденію. Да и тогда мы чувствовали, что, безъ участія Бурбонскихъ дворовъ, не можно намъ помышлять о войнѣ съ другими союзниками. Гишпанія отъ вступленія въ связи совсѣмъ уклонилася; Франція отъ Польскихъ дѣлъ сперва отказывалася, потомъ хотя и дала видъ своей на то податливости, но на сей разъ она въ политикѣ Европейской не существуетъ. Вспомнить надобно, что императоръ чистосердечно намъ сказалъ послѣ, когда король Прусскій хотѣлъ ввесть войска въ Голштинію, что онъ о войнѣ и мыслить не можетъ, покуда не кончена будетъ Турецкая. Съ нашей стороны резоны будутъ еще сильнѣе и не меньше справедливы. Надобно при томъ непремѣнно королю Прусскому представить, что добрая вѣра и союзъ нашъ съ императоромъ требуютъ, чтобъ онъ вышелъ изъ настоящей войны съ честію и потому представить на соглашеніе между нимъ и Портою о нѣкоторыхъ его выгодахъ, кои, конечно, большаго страха Берлинскому двору и сдѣлать не могутъ; напримѣръ, ежели Хотинъ съ уѣздомъ и нѣкоторыя сближенія границъ въ другой сторонѣ пріобрѣтены будутъ. Но заранѣе надобно отвлечь Берлинскій дворъ отъ несообразимаго Герцбергова плана, который не можетъ отнюдь императоромъ принятъ быть".

Нельзя не замѣтить, что не въ пользу предпочтительнаго союза съ Франціею былъ и князь Потемкинъ. При этомъ князь Таврическій произнесъ объ этой державѣ такія слова, которымъ никто и никогда не придалъ бы серьезнаго, а тѣмъ болѣе политически-проницательнаго значенія, если бы въ недавніе годы предъ нашими глазами не пронесся надъ нею рядъ неожиданныхъ событій. Названная держава, какъ произнесъ Потемкинъ, est en délire [20]) и никогда не поправится, а будетъ у нихъ хуже и хуже" [21]).

Послѣдующія событія указываютъ, что соображенія Безбородки были приняты Екатериною. Такъ 14—16 Декабря 1788 года, въ Государственномъ Совѣтѣ читана была пространная записка графовъ Остермана и Безбородки о заключеніи мира между Россіею и Турціею, записка, на которую мы уже имѣли случай указывать. Въ этой запискѣ, послѣ подробнаго изъясненія условій мира съ Турціею, между прочимъ, внушается: „не упустить способовъ, какіе могутъ открыться къ прекращенію войны Шведской, образомъ сходнымъ съ достоинствомъ и безопасностью нашими, хотя употребить добрыя услуги постороннихъ державъ" [22]).

[20]) Внѣ себя.—Во Франціи тогда созывались государственные чины.
[21]) Европа въ концѣ XVIII вѣка, С. М. Соловьева, въ Русскомъ Вѣстникѣ 1862 г.
[22]) Архивъ Г. Совѣта, СПБ. 1869 г. т. 1, ч. 1, столб. 648.

Миръ съ Турціею хотя не состоялся, но въ концѣ Декабря въ Петербургѣ было получено сообщеніе Вѣнскаго двора о заключеніи императоромъ отдѣльнаго съ Турціею мира.

Пока шли разсужденія о необходимости заключенія мира съ одною изъ воюющихъ державъ, при дворѣ явилось новое лицо, оказавшее вліяніе на послѣдующую судьбу графа Безбородки. Зоркій Храповицкій, 19 Іюня 1789 года, въ дневникѣ своемъ назвалъ имя 22-хъ лѣтняго караульнаго секундъ-ротмистра Платона Александровича Зубова съ подозрѣніемъ въ будущихъ близкихъ отношеніяхъ его къ Императрицѣ, которыя улаживала старая подруга еще великокняжескихъ забавъ Екатерины, Анна Никитишна Нарышкина: ей Зубовъ подарилъ часы въ двѣ тысячи рублей. Объ этомъ событіи не замедлилъ и Безбородко сообщить своему другу С. Р. Воронцову отъ 9 Іюля 1789 года: „Происшедшую у насъ перемѣну не описываю пространно, считая, что гр. Александръ Романовичъ объ ней васъ извѣщаетъ. Она, конечно, была нечаянная; ибо Мамоновъ всѣмъ столько уже утвердившимся казался, что, исключая кн. Потемкина, всѣ предмѣстники его не имѣли подобной ему власти и силы, кои употреблялъ онъ на зло, а не на добро людямъ. Ланской, конечно, не хорошаго былъ характера, но въ сравненіи сего былъ сущій ангелъ. Онъ имѣлъ друзей, не усиливался слишкомъ вредить ближнему, а многимъ старался помогать; а сей ни самимъ пріятелямъ, ни кому ни въ чемъ не хотѣлъ. Я не забочуся о томъ злѣ, которое онъ мнѣ надѣлалъ лично; но жалѣю безмѣрно о пакостяхъ, отъ него въ дѣлахъ происшедшихъ, въ единомъ намѣреніи, чтобъ только мнѣ причинить досады. Государыня видѣла съ нами, что Рибопьеръ, его искренній, продавалъ и его, и насъ Прусакамъ и что Келлеръ [23]) чрезъ него дѣйствовалъ на изгнаніе насъ изъ министерства. Расшифрованныя депеши Прусскія служили намъ самымъ лучшимъ аттестатомъ, что насъ купить нельзя; они тѣмъ наполнены были, что и мы однихъ мыслей съ Государынею, а ей тутъ-то всѣ брани и непристойности приписаны. Все сіе перенесено было великодушно, а мы только были жертвою усердія своего и страдали за то, что насъ не любилъ Мамоновъ. Свадьба его совершилася въ Воскресенье, 1-го Іюля, въ присутствіи немногихъ. Невѣста убрана была по обычаю у Государыни, но сама Ея Величество на бракѣ не присутствовала. Третьяго дня ночью они уѣхали въ подмосковную. Объ немъ записанъ указъ объ отпускѣ на годъ. Всѣмъ онъ твердилъ, что еще служить и дѣлами править возвратится [24]); но не такъ, кажется, разстался. Здѣсь умѣлъ онъ увѣрить всю публику, что онъ все самъ распоряжаетъ; а я божуся, что онъ, кромѣ пакостей, ничего не дѣлалъ; а я тотъ же трудъ, съ тою только разностію, что безъ всякой благодарности и уваженія, исправлялъ, перенося то для блага Отечества въ дурномъ его положеніи и имѣя твердое намѣреніе, конча хлопоты настоящія, на

---

[23]) Графъ Келлеръ, Прусскій въ Петербургѣ посланникъ.

[24]) Уже изъ Москвы, женатый графъ Мамоновъ предлагалъ Екатеринѣ все бросить и къ ней возвратиться; съ женою своею онъ жилъ неладно (изъ неизданныхъ бумагъ).

себя употребить остатокъ времени своего. Вице-канцлеръ доказалъ при семъ, что онъ презлой скотъ: искалъ вкрасться въ милость сего бывшаго фаворита, жалуяся на меня, а иногда успѣвалъ; но то бѣда, что когда за руль брался, худо правилъ, и надобно было всегда ко мнѣ же обращаться. Онъ забывалъ, что онъ, по слову покойнаго Верженя, былъ une tête de paille [25]). Вѣрьте, что Вяземскій, который на насъ золъ, не дѣлалъ подобныхъ исканій, какъ сей глупый человѣкъ. Перемѣною пораженъ онъ былъ одинъ, можно сказать, изо всего города, который вообще не хвалами превозноситъ уѣхавшаго. О вступившемъ на мѣсто его сказать ничего нельзя. Онъ мальчикъ почти. Поведенія пристойнаго, ума недалекаго, и я не думаю, чтобъ былъ долговѣченъ на своемъ мѣстѣ. Но меня сіе не интересуетъ“ [26]).

Безбородко и прежде не разъ выражалъ графу Воронцову свое неудовольствіе на Мамонова, когда намекалъ на недоброжелателей и ихъ интриги. Значенія, какое въ началѣ Іюля 1789 года получилъ при дворѣ Зубовъ, Безбородко или не понималъ, или не желалъ пока объяснять Воронцову. Но значеніе это росло очень быстро и, подобно значенію Мамонова, было неблагопріятно Безбородкѣ. На это ясно указываетъ Горновскій въ своемъ письмѣ къ кн. Потемкину отъ 17 Августа того же 1789 г. Въ числѣ новостей Горновскій сообщаетъ князю и слѣдующую: „Графъ Александръ Андреевичъ Безбородко прислалъ ко мнѣ свои депеши подъ вечеръ. Сколько я могъ примѣтить, то сей недоволенъ, что господина Зубова употребляютъ къ пересылкѣ къ вашей свѣтлости писемъ и что его вообще пріучаютъ къ дѣламъ, по которымъ и Храповицкій употребляется. Но понеже я обхожусь съ его сіятельствомъ, сколько позволяютъ осторожность и обстоятельства, довольно откровенно, то сія обида не столько ему чувствительна, сколько при Мамоновѣ была. Онъ вамъ преданъ и увѣренъ, что вы его любите“ [27]).

Нельзя здѣсь не припомнить разсказа о томъ, что Безбородко будто бы хлопоталъ, по удаленіи Мамонова, о „предоставленіи случая“ своему племяннику, Григорію Петровичу Милорадовичу, который, какъ свидѣтельствуетъ портретъ его, былъ красавцемъ. Это обстоятельство будто бы и послужило одною изъ главнѣйшихъ причинъ ненависти Зубова къ Безбородкѣ. Какъ эта ненависть отозвалась въ судьбѣ Безбородки, увидимъ далѣе.

Интриги двора шли своимъ чередомъ, какъ и политическія событія. Миръ съ одною изъ враждебныхъ державъ представлялся необходимымъ для Отечества, и тогда же, т. е. въ концѣ 1789 года, наше правительство вновь старается возобновить переговоры о мирѣ со Швеціею. На нихъ указываетъ Безбородко въ письмѣ къ графу С. Р. Во-

---

[25]) Голова изъ соломы.

[26]) Безбородко не угадалъ: Зубовъ остался при Екатеринѣ по ея кончину; а о политической его вѣскости покойный А. П. Ермоловъ передавалъ намъ, что онъ имѣлъ (конечно позже) обширныя познанія, особливо по дѣламъ внутреннимъ. *П. Б.*

[27]) Записки Одесскаго Общества Ист. и Др., VIII, стр. 249—250.

ронцову, отъ 20 Декабря. „Забылъ сказать въ письмѣ къ вашему сіятельству, что съ Шведами мы намѣрены непремѣнно помириться, хотя in statu quo [28]), съ соблюденіемъ только decorum'а [29]). И для того мы съ графомъ Александромъ Романовичемъ весьма не хотѣли вносить пункта о несвободѣ королю начинать войну безъ сейма. Сей пунктъ самый пустой и ненадежный, и для того я въ осторожность вашу напишу, что онъ оставленъ тутъ по настоянію моего старшаго товарища [30]); но могу при томъ увѣрить, что Государыня на него настоять не хочетъ, ежели встрѣтятся затрудненія. Бога ради старайтесь связать насъ съ Англіею и по торгу, и по политикѣ. Вамъ великое спасибо и слава будутъ за толь важную услугу [31])". И дѣйствительно Воронцовъ оказалъ эту услугу Россіи.

Но и тутъ переговоры къ миру не привели, и война съ Швеціею продолжалась. Извѣстія, стекавшіяся къ Безбородкѣ съ разныхъ мѣстъ нашихъ тогдашнихъ военныхъ дѣйствій, вызвали его представить Совѣту 11-го Февраля 1790 года новую записку. Тутъ Безбородко указывалъ главные предметы для военныхъ дѣйствій нашего корабельнаго и галернаго флотовъ, съ надлежащею къ первому резервною эскадрою, и нашей сухопутной арміи въ наступающую кампанію противъ Шведовъ. Пятый, напримѣръ, изъ семи пунктовъ этой записки, опредѣляющихъ мѣры къ дальнѣйшему подкрѣпленію нашего мореходнаго вооруженія", предписываетъ „дать точное повелѣніе завременно (заблаговременно), сколько къ будущему году построить судовъ легкихъ и какого именно рода, которыя были бы надежны для дѣйствія не только противу Шведовъ, но и противу другихъ народовъ въ Балтійскомъ морѣ, въ случаѣ войны съ ними" [32]).

8-го Іюля того же 1790 года Безбородко снова предложилъ Совѣту записку „о распоряженіяхъ, потребныхъ къ морской атакѣ", и „Совѣтъ нашелъ", что указываемыя запиской „распоряженія весьма приличны и нужны" [33]), а Екатерина видимо уже очень желала окончить эту войну, такъ много надѣлавшую ей тревоги.

Совѣтъ, соображая мѣстное положеніе и прочія до войны сей касающіяся обстоятельства, находилъ расположеніе и производство военныхъ дѣйствій по тому плану весьма приличными.

---

[28]) Въ томъ видѣ, какъ теперь находятся владѣнія.

[29]) Приличія.

[30]) Графа Остермана.

[31]) Припомнимъ, что союзъ съ Франціею Безбородко постоянно отвергалъ, а союзъ съ одною изъ главныхъ морскихъ Европейскихъ державъ признавалъ необходимымъ для Россіи. Въ запискѣ 14-16 Декабря 1788 года, читанной отъ имени Остермана и Безбородки, именно сказано: „не можно остаться безъ союза съ одною или съ другою изъ первѣйшихъ морскихъ державъ". (Архивъ Г. Совѣта, 1869 г., т. I, ч. I, столб. 649).

[32]) Собственноручная записка графа Безбородки, представленная Совѣту 11 Февраля 1790 г., хранится въ Диканьскомъ Архивѣ князя С. В. Кочубея. Въ изданіи „Архивъ Г. Совѣта СПб. 1869 г. т. I, ч. I, ст. 763) о ней только упомянуто.

[33]) Записки этой въ архивѣ Г. Совѣта я не отыскалъ. О ней упоминается въ изданіи: „Архивъ Г. Совѣта" (СПб., 1869, т. I, ч. I, стр. 799).

Пока въ Совѣтѣ шли разсужденія о способѣ веденія войны со Шведами, пушечный громъ сраженія при островѣ Сексарѣ, въ Маѣ 1790 г., послышался въ самомъ Петербургѣ. Секретарь императрицы Храповицкій свидѣтельствуетъ о тревожномъ состояніи Екатерины и ея ближайшаго секретаря графа Безбородки, съ которымъ она раздѣляла трудныя минуты. „Великое безпокойство, почти ночь не спали. Графъ Безбородко плакалъ". „Таятся и не веселы." Однако Екатерина не теряла присутствія духа и утѣшала Безбородку, которому писала, „чтобъ взяли примѣръ съ покойнаго короля Прусскаго, бывшаго не разъ множествомъ окруженнымъ" [34]).

Во время приготовленія нашего флота къ новымъ нападеніямъ на Шведскій, 3 (14) Августа 1790 г., было получено извѣстіе о заключенномъ мирномъ „оборонительномъ и наступательномъ союзѣ" съ королемъ Шведскимъ. По этому поводу Безбородко сказалъ: „мы свое кончили, пусть князь Потемкинъ свое окончитъ" [35]).

За труды по Шведской войнѣ Екатерина наградила Безбородку со свойственною ей щедростью. Въ росписи наградъ, подписанной Екатериною, 8 Сентября 1791 г., между прочимъ, сказано: „Гофмейстеру графу Безбородку, котораго труды и упражненія въ отправленіи порученныхъ ему отъ Ея Императорскаго Величества дѣлъ, Ея Величество ежедневно сама видитъ, всемилостивѣйше жалуется чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, и оставаться ему при его должностяхъ" [36]).

Сообщая матери своей объ этой наградѣ, Безбородко, 8-го Сентября, писалъ: „Милость, мнѣ тутъ сдѣланная, тѣмъ знаменитѣе, что никто почти изъ генераловъ-поручиковъ въ генералъ-аншефскій чинъ не поступалъ менѣе двѣнадцати или пятнадцати лѣтъ, вмѣсто того что я получаю оный, бывъ въ прежнемъ только шесть лѣтъ съ половиною, пріобрѣтая весьма надъ многими старшинство и вступая уже, такъ сказать, на послѣднюю степень статской службы. При томъ ласкательна была для меня честь, что изъ всѣхъ министровъ Совѣта трое насъ только были, которыхъ имена читаны въ росписи публично съ трона, въ день большой аудіенціи, и именно: графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ, получившій тутъ крестъ и звѣзду бриллiантовые ордена Святаго Андрея, Николай Ивановичъ Салтыковъ, пожалованный графомъ, и я. Прочіе наши сотоварищи получили отъ Ея Величества, по возвращеніи уже во внутренніе покои, табакерки богатыя съ портретами".

(*Продолженіе будетъ*).

---

[34]) Дневникъ Храповицкаго, стр. 339. Въ матеріалахъ, мною собранныхъ, записки этой не находится.

[35]) Дневникъ Храповицкаго, стр. 343.

[36]) Подлинная роспись хранится въ архивѣ Пр. Сената въ С. Петербургѣ, кн. № 170, ук. № 38, стр. 84-я.

ОДИНЪ ИЗЪ УКАЗОВЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО ПРОТИВЪ ПЬЯНСТВА.

(1706).

Лѣта 1706-го Сентября въ 24 день, по указу великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, память Воскресенскаго монастыря, что̀ на Истрѣ *), стряпчему Савѣ Кудрявцову.

Въ нынѣшнемъ 1706 году Августа въ 12 день, по его великаго государя указу, велѣно въ патріаршихъ, и въ архіерейскихъ, и въ монастырскихъ вотчинахъ выбрать изъ крестьянъ въ цѣловальники **) добрыхъ людей, смотря по вотчинамъ, въ которой сколько быть пристойно, и велѣть имъ цѣловальникамъ смотрѣть, чтобы тѣхъ вотчинъ крестьяне на кабакахъ пожитковъ своихъ не пропивали: для того, что во многихъ вотчинахъ явились многіе въ пьянствѣ, пожитки свои пропили, а его государевыхъ податей не платятъ; а тѣ деньги за нихъ пропойцевъ правятъ тѣхъ же вотчинъ на нихъ крестьянѣхъ. И о томъ, кто тѣ вотчины вѣдаютъ, послать его великаго государя грамоты и указъ.

И какъ къ тебѣ сія память придетъ, и ты бъ вѣдомства своего всѣхъ вотчинъ о выборѣ къ вышесказанному дѣлу цѣловальниковъ и о всемъ учинилъ по вышесказанному его великаго государю указу, безо всякаго премѣненія. И въ которыхъ вотчинахъ, въ селѣхъ и въ деревняхъ къ вышесказанному дѣлу кто имянно цѣловальники и по скольку человѣкъ въ которой вотчинѣ выбрано будетъ, о томъ велѣлъ подать въ Монастырскомъ Приказѣ боярину Ивану Алексѣевичу Мусину-Пушкину съ товарищи вѣдомость за рукою Лукьяна Васильева.

Справилъ Семенъ Ивановъ.

(*Сообщено архимандритомъ Леонидомъ*).

---

*) Новый Іерусалимъ.

**) Т. е. въ присяжные.

БУМАГИ КНЯЗЯ ИЛАРІОНА ВАСИЛЬЕВИЧА ВАСИЛЬЧИКОВА [1].

II. ПИСЬМА КНЯЗЯ ВОЛКОНСКАГО КЪ (КНЯЗЮ) ВАСИЛЬЧИКОВУ.

I.

Varsovie [2]. Ce 11 Septembre 1820.

Je m'empresse, cher ami, de répondre à votre lettre du 3 Septembre par rapport aux officiers du régiment d'Ismailowsky et vous dire mon opinion à ce sujet [3]. Je trouve qu'il ne faudrait faire aucun cas de cette espèce de gens, qui s'avisent de juger les actions de leurs chefs; ils n'ont qu'à quitter tous; le mal ne sera pas grand: ils seront remplacés par d'autres; et croyez-moi, lorsqu' ils s'apercevront qu'on fait peu de cas de ce qu'ils demandent leur retraite, ils se repentiront, et il n'en sortira que les plus mauvaises têtes. Pourquoi personne de nous, du temps de feu l'empereur, n'a jamais pensé de demander à nous retirer pour avoir été commandés et exercés par les Купріановъ, Каракулинъ, Малютинъ etc?... Nous faisions notre devoir sans jamais faire de repliques et de raisonnements sur la manière d'exercer de ces messieurs [4]. Pourquoi faut-il

---

[1]) См. 1-ю книгу Русскаго Архива сего года, стр. 339, гдѣ напечатаны письма императора Александра Павловича по поводу такъ называемой Семеновской исторіи, коимъ помѣщаемыя теперь письма служатъ, такъ сказать, существеннымъ пополненіемъ и разъясненіемъ. Кн. П. М. Волконскій, по своему положенію начальника Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества, былъ относительно военныхъ дѣлъ первымъ лицемъ въ Россіи и служилъ непосредственнымъ и вѣрнымъ отголоскомъ мыслей государя. Для лучшаго пониманія этихъ писемъ читатель припомнитъ общее предисловіе къ бумагамъ князя Васильчикова, написанное сыномъ его княземъ Александромъ Илларіоновичемъ и напечатанное въ 1-й же книгѣ Русскаго Архива сего года.

[2]) Князь П. М. Волконскій былъ, какъ извѣстно, неразлучнымъ спутникомъ государя въ тогдашнихъ почти безпрерывныхъ его поѣздкахъ по Россіи и за границею. Въ этомъ 1820 году государь выѣхалъ изъ Царскаго Села 8 Іюля, побывалъ въ Москвѣ, Воронежѣ, Курскѣ, Харьковѣ, Полтавѣ, Кременчугѣ и явился въ Варшаву, гдѣ въ Сентябрѣ открылъ засѣданія втораго (по счету) Польскаго сейма, который уже не радовалъ какъ первый, а только раздражалъ Александра Павловича. Передъ тѣмъ, въ Августѣ, въ Парижѣ были захвачены заговорщики противъ Людовика XVIII-го, преимущественно изъ офицеровъ. На сеймѣ въ Варшавѣ государь между прочимъ уже говорилъ, что „духъ зла покушается похитить снова бѣдственное владычество".

[3]) Генералъ Мартыновъ, по приказанію великаго князя Николая Павловича, заставилъ Измаиловскихъ офицеровъ маршировать на плацу въ присутствіи солдатъ. Офицеры обидѣлись и подали въ отставку. Дѣло было улажено благоразуміемъ и кротостью князя И. В. Васильчикова (см. Р. Старину 1871, XII, 648 и слѣд.).

[4]) Князь Васильчиковъ возражалъ на это замѣчаніе: „Причину надо искать въ различіи времени. Немногіе изъ насъ читали тогда газеты, никто не говорилъ о

donc qu'à présent messieurs les officiers aient plus de droit à raisonner et à s'offenser de ce qu'on reprend leurs fautes et qu'on exige d'eux leur devoir, en menaçant de quitter, comme si c'étaient de si grands capitaines, qu'il serait difficile de remplacer? Si Martinoff n'a pas su se prendre avec les officiers, c'est à mrs le brigadier et au divisionnaire et à vous à le reprendre et lui indiquer la manière dont il doit se conduire, et non aux subordonnés à juger des actions du chef, tant qu'elles ne blessent pas l' honneur et regardent seulement le service qu'on exige d'eux.—Dans votre précédente vous me dites, cher ami, que tout est tranquille chez vous et que vous répondez pour le moment. Cette expression n'est pas tout à fait consolante; pourquoi seulement pour le moment? Il faut tâcher que le bon esprit règne toujours, et que nous puissions servir d'exemple aux autres par notre conduite et notre attachement à notre Maître, auquel, vous savez tout aussi bien que moi, nous n'avons rien à reprocher; et il aurait fallu que mrs les officiers se conduisent de manière à ne pas lui faire même le moindre chagrin. Tout cela ne dépend que des chefs des régiments, des brigadiers et des divisionnaires, qui devraient ne pas tant s'éloigner des officiers, surtout les chefs des régiments, veiller de plus près à leur conduite, exiger leur devoir avec justice et ne jamais blesser leur honneur. Je suis sûr qu'ils seront aimés, estimes et craints. Notre retour est retardé par un voyage que nous fairons après la diète à Troppau, pour une entrevue des souverains, dont on ne peut à présent prévoir la durée.

Переводъ [5]). Варшава, 11 Сентября 1820.

Спѣшу, любезный другъ, отвѣчать на ваше письмо отъ 3 Сентября, касательно офицеровъ Измайловскаго полка и высказать вамъ на этотъ счетъ мое мнѣніе. Я нахожу, что нечего обращать слишкомъ большое вниманіе на подобнаго рода людей, которые осмѣливаются осуждать дѣйствія начальства; пусть всѣ выходятъ, бѣда не будетъ велика, они будутъ замѣщены другими, и вѣрьте мнѣ, когда они замѣтятъ, что мало обращаютъ вниманія на то, что они подаютъ въ отставку, они раскаятся, а выйдутъ изъ нихъ только самыя буйныя головы. Почему никто изъ насъ при покойномъ императорѣ и не подумалъ оставлять службы изъ за того, что нами командовали и насъ учили Купріановы, Каракулины, Малютины и проч? Мы исполняли свою обязанность, не дѣлая никогда возраженій и не разсуждая о способѣ обученья этихъ господъ. Почему же теперь необходимо, чтобы гг. офицеры имѣли право разсуждать и обижаться, когда поправляютъ ихъ ошибки и требуютъ отъ нихъ исполненія ихъ обязанностей, и пугать отставкой, какъ будто бы они такіе великіе полководцы, которыхъ и замѣнить трудно? Ежели Мартыновъ не умѣлъ обходиться съ офицерами, то бригадному, дивизіонному и вамъ надлежитъ его оста-

---

политикѣ; служили утромъ и веселились вечеромъ. Теперь же Петербургъ сдѣлался монастыремъ, который вполнѣ подходитъ къ людямъ нашего возраста, но въ высшей степени скученъ для молодежи. (Р. Старина, 1871, XII, 650).

[5]) Напоминаемъ читателю, что Французскія бумаги князя И. В. Васильчикова доставлены намъ съ Русскими переводами, которые принадлежатъ В. Д. Давыдову. Имъ же написаны многія объяснительныя примѣчанія, которыя и означены начальными буквами его имени. *П. Б.*

навливать и указать, какъ себя вести, а никакъ не подчиненнымъ осуждать дѣйствія начальника, пока они не затрогиваютъ чести и касаются только службы, которой отъ нихъ требуютъ. — Въ предъидущемъ письмѣ вы мнѣ говорите, любезный другъ, что все у васъ покойно и что вы отвѣчаете за настоящую минуту. Выраженіе это несовсѣмъ утѣшительно: почему же только „за настоящую минуту?“ Надобно стараться, чтобы хорошее настроеніе преобладало всегда и чтобы мы могли другимъ подавать примѣръ нашимъ поведеніемъ и нашей привязанностью къ нашему Властелину, котораго, что̀ вы знаете точно также, какъ и я, намъ не въ чѣмъ упрекнуть, и гг. офицеры должны бы были себя вести такимъ образомъ, чтобы не причинить ему ни малѣйшаго огорченія. Все это зависитъ только отъ полковыхъ, бригадныхъ и дивизіонныхъ командировъ, которые не должны бы были удаляться отъ офицеровъ, особенно полковые командиры: они должны бы были наблюдать поближе за ихъ поведеніемъ, требовать съ справедливостью исполненія обязанностей, никогда не задѣвая ихъ чести. Я увѣренъ, что тогда любили бы ихъ, почитали и боялись. Наше возвращеніе отстрочено путешествіемъ, которое мы предпримемъ послѣ сейма въ Троппау для свиданія между государями, продолжительность котораго теперь и предвидѣть нельзя.

Примѣчаніе. Касательно причинъ исторіи въ Измайловскомъ полку, о которомъ велась переписка между княземъ Волконскимъ и генераломъ Васильчиковымъ, сенаторъ А. И. Казначеевъ разсказывалъ слѣдующее. Великій князь Николай Павловичь, бывшій въ то время бригаднымъ командиромъ, производилъ ученье въ Измайловскомъ полку и, бывши недоволенъ маршированіемъ гг. офицеровъ, заставилъ всѣхъ, начиная отъ полковника до прапорщика, проходить мимо него по нѣскольку разъ тихимъ шагомъ въ три пріема.

По возвращеніи съ ученья, офицеры, оскорбленные такими дѣйствіями, согласились между собою подать всѣмъ въ отставку, одинъ за другимъ, дабы общей отставкой не подать повода принять это дѣйствіе за манифестацію противъ начальства. Н. Т. Аксаковъ, бывшій въ то время поручикомъ означеннаго полка и находясь вмѣстѣ съ своими братьями въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ Казначеевымъ, сообщилъ ему по секрету объ рѣшеніи офицеровъ Измайловскаго полка. Казначеевъ, желая, въ видахъ пользы службы, остановить эти дѣйствія, немедленно поѣхалъ къ генералу П. П. Мартынову, командиру полка, чтобы съ нимъ переговорить о средствахъ помочь дѣлу. Не нашедши его дома, онъ узналъ, что онъ находится у плацъ-маіора, полковника Гартунга, женатаго на сестрѣ П. А. Клейнмихеля. Онъ рѣшился ѣхать туда, дабы предупредить какія либо дѣйствія генерала Мартынова. Когда онъ вошелъ въ комнату, общій разговоръ былъ о намѣреніи офицеровъ Измайловскаго полка, и г-жа Гартунгъ, имѣвшая большое вліяніе на служащихъ и на Мартынова, женщина весьма бойкая, проповѣдывала, что не слѣдуетъ обращать вниманіе на замыслы молодыхъ офицеровъ, въ сущности мальчиковъ, которые сбиваютъ съ толку и старшихъ офицеровъ; что если старики ихъ послушаются, то пусть уходятъ: потеря не большая, и что нужно немедленно довести все до свѣдѣнія корпуснаго командира [6]) и великаго князя. Казначеевъ, видя, что слова ея сильно подѣйствовали на добраго, колебавшагося Мартынова, сказалъ ему, что онъ не осмѣливается давать ему совѣты, но просто изложитъ свою мысль. Смыслъ словъ Казначеева состоялъ въ слѣдующемъ: что слѣдуетъ остановить въ самомъ началѣ это при-

---

[6]) Т. е. князя И. В. Васильчикова.

скорбное происшествіе, но отнюдь не крутыми мѣрами, а больше ловкостью; и потому ему кажется, что хорошо бы генералу Мартынову, который сочувствуетъ своимъ офицерамъ, пригласить ихъ къ себѣ и объявить имъ, что знаетъ ихъ намѣреніе, но не желаетъ, чтобы Русская армія лишилась сразу 52 офицеровъ, которые нынѣ и со временемъ могутъ быть полезными Отечеству, и потому онъ, не такъ какъ командиръ, а какъ товарищъ, проситъ ихъ остаться служить, а дабы выразить начальству всю скорбь полка за обидныя для него дѣйствія великаго князя, онъ самъ, Мартыновъ, который уже старъ и не желаетъ болѣе ничего, подастъ въ отставку и, жертвуя собой, спасетъ этимъ молодыхъ людей, передъ которыми только что открывается прекрасная будущность. Не смотря на возраженія г-жи Гартунгъ, генералъ Мартыновъ послѣдовалъ совѣту А. И. Казначеева; а офицеры, до слезъ тронутые его поступкомъ, просили его остаться служить съ ними, обѣщая ему оставить свое намѣреніе. Много лѣтъ спустя А. И. Казначеевъ, покинувши свой постъ Одесскаго градоначальника и бывши въ нѣкоторомъ родѣ въ немилости, пріѣхалъ въ С-Петербургъ. Генералъ-адъютантъ Мартыновъ, будучи уже комендантомъ Петербурга, далъ въ честь Казначеева обѣдъ, за которымъ предложилъ тостъ за здоровье Казначеева, припомнивъ, что онъ ему обязанъ, что не погубилъ ни Измайловскаго полка, ни себя, принявши его умный и добрый совѣтъ. *В. Д.*

II.

Varsovie. Ce 13 Septembre 1820.

Je vous envoie ci-inclus, cher ami, par ordre de Sa Majesté, cinq notes, reçues du gouverneur militaire de différents excès, commis par des bas-officiers et soldats de la garde et en grande partie du régiment de Semenowsky. Il paraît que mr Schwartz ne prête pas assez d'attention sur la conduite, que tiennent les soldats du régiment, qui lui est confié. Il y a aussi deux excès avec des filles, l'un du régiment des chasseurs et l'autre de Pawlowsky. Sa Majesté, en me chargeant de vous remettre ces notes, vous fait dire de mettre le holà là-dessus, d'autant plus qu'il y a longtemps qu'il n' y a eu d'excès pareils, et de faire bien examiner sévèrement, si ces gens-là n'ont pas été travaillés par quelques mauvais instigateurs, qui cherchent à pervertir les soldats de toutes les manières; et faites-moi absolument réponse là-dessus après les recherches, que vous aurez faites.

Переводъ. Варшава. 13 Сентября 1820.

Я посылаю вамъ, любезный другъ, вмѣстѣ съ симъ, по приказанію его величества, пять записокъ, полученныхъ отъ военнаго губернатора, о разныхъ распутствахъ, произведенныхъ унтеръ-офицерами и солдатами гвардіи и большею частью изъ Семеновскаго полка. Какъ видно, г. Шварцъ не слишкомъ внимательно слѣдитъ за поведеніемъ солдатъ ввѣреннаго ему полка. Есть также два случая распутства съ дѣвками — одинъ въ Егерьскомъ, а другой въ Павловскомъ полку. Его величество, поручая мнѣ передать вамъ эти записки, проситъ вамъ сказать, чтобы вы положили этому предѣлъ, тѣмъ болѣе, что давно не было подобныхъ распутствъ, и приказываетъ наистрожайше разсмотрѣть, не побуждаютъ ли къ тому солдатъ какіе нибудь злые подстрекатели, всѣми средствами старающіеся ихъ развратить. Отвѣчайте мнѣ непремѣнно по этому вопросу послѣ разслѣдованія, сдѣланнаго вами.

III.

Varsovie. Ce 17 Septembre 1820.

Je suis charmé, cher ami, d'apprendre que l'histoire du régiment d'Ismailowsky est terminée aussi bien et que le général Martinoff a agi en homme d'esprit, malgré la bêtise, qu'on lui suppose avoir. En attendant je joins encore une note de quelques soldats désertés, parmi lesquels se trouve aussi un bas-officier du régiment des grenadiers, tous de vieux serviteurs. L'Empereur veut absolument connaître la cause de leur désertion et suppose toujours qu'il doit y avoir quelques malveillants qui travaillent sur l'esprit de ces gens et tâchent de corrompre leur conduite et leurs moeurs mêmes, en les faisant boire et faire faire toutes sortes d'autres débauches. Je vous recommande donc, cher ami, de faire une recherche bien sévère, et tâchez de découvrir, s'il y a possibilité, ces malveillants.

Le général Rosen m'écrit que l'Empereur lui avait promis le payement de ses dettes dans le courant de trois années, que vous le lui avez annoncé, que Sa Majeté elle-même lui en a parlé; mais comme je n'ai aucune connaissance de cette affaire, j'ai parlé ce matin à l'Empereur, qui m'a dit, qu'il vous avait donné ses ordres à ce sujet et qu'il croyait que vous les aviez déjà remplis. Faites-moi donc part de cela et envoyez une note bien détaillée de la somme de la dette en général et des termes des payements à faire, pour faire préparer un oukaz. Adieu, cher ami, portez-vous bien et ayez plus de bonheur à la chasse à Twer, que je n'ai ici; mais j'espère m'en dédommager à Troppau, pourvu qu'elle ne prenne la tournure d'une autre espèce de chasse.

Переводъ. Варшава. 17 Сентября 1820.

Я очень доволенъ, любезный другъ, узнавъ, что исторія Измайловскаго полка покончена такъ хорошо и что генералъ Мартыновъ поступилъ, какъ подобаетъ умному человѣку, несмотря на глупость, которую въ немъ предполагаютъ. Покуда прилагаю записку о нѣкоторыхъ бѣглыхъ солдатахъ, между которыми находится также унтеръ-офицеръ гренадерскаго полка, и всѣ они старые служивые. Государь непремѣнно желаетъ знать причину, побудившую ихъ къ побѣгу, и все-таки предполагаетъ, что должны быть нѣкоторые неблагонамѣренные люди, которые дѣйствуютъ на духъ солдатъ и стараются развращать ихъ нравственно, заставляя ихъ пить и предаваться другимъ распутствамъ. Поручаю вамъ, любезный другъ, сдѣлать строжайшее изслѣдованіе и стараться, ежели возможно, открыть этихъ неблагонамѣренныхъ людей.

Генералъ Розенъ пишетъ мнѣ, что государь обѣщалъ уплатить его долги въ теченіи трехъ лѣтъ, что вы ему это объявили, что и самъ государь ему о семъ говорилъ; но такъ какъ я объ этомъ дѣлѣ рѣшительно не имѣю никакого свѣдѣнія, то я докладывалъ сегодня утромъ объ этомъ государю, который мнѣ сказалъ, что онъ вамъ отдалъ приказаніе на этотъ счетъ, и думалъ, что вы уже оное выполнили. — Сообщите мнѣ о семъ и пришлите само-подробнѣйшую записку о суммѣ долга вообще и срокахъ платежей, дабы приказать изготовить указъ. Прощайте, любезный другъ,

будьте здоровы; желаю вамъ удачи на охотѣ въ Твери больше, чѣмъ было мнѣ здѣсь; надѣюсь вознаградить себя въ Троппау, лишь бы тамъ это не приняло видъ другаго рода охоты.

IV.

Troppau. Ce $^{13}/_{25}$ Octobre 1820.

N'ayant pas eu de réponses, cher ami, à plusieurs de mes lettres particulières, que je vous ai adressées, je commence à croire qu'elles ne vous parviennent pas, et par la lettre, que je viens de recevoir de Benkendorf [7]), en date du 30 Septembre, je m'aperçois, qu'il ouvre les lettres particulières, que je vous adresse en mains propres. Je ne puis vous cacher, cher ami, que je n'approuve pas cela dutout. Il peut être autorisé par vous d'ouvrir les papiers officiels, qui regardent le service, mais pas une correspondance particulière établie entre nous d'abord par notre intime liaison depuis presque notre enfance, ensuite par la grande confiance que l'Empereur a pour vous; il y a peut-être bien des choses que l'on ne voudrait pas dire à tout le monde. Sans faire tort aux bonnes qualités de Benkendorf et à sa discrétion, je vous prie d'arranger de manière que dorénavant toutes mes lettres particulières vous soient remises en mains propres, sans être ouvertes. Et pour ne pas donner de soupçons là-dessus, je m'en vais les envoyer toujours à Zagrefsky, pour vous être remises directement, sans les envoyer à votre bureau de l'étât-major.

Je joins ici une note que j'ai reçue de Benkendorf sur plusieurs bas-officiers et soldats pris en délits par la police, parmi lesquels il est question d'un bas-officier du régiment de Séménowsky Тройкинъ, que j'ai marqué du crayon rouge. Sa Majesté désire que vous fassiez une enquête bien détaillée: qui était cet inconnu, se disant officier du génie, qui faisait des propositions au bas-officier pour l'engager à venir avec lui? Pourquoi voulait-il qu'il vint chez lui? De quel âge est le bas-officier et de quelle conduite? Ya-t-il longtemps qu'il est au service? De même, si l'inconnu est véritablement un officier du génie? Prenez l'état de son service et sachez la raison, pourquoi il avait quitté l'uniforme?

Nous sommes ici depuis le 8 d'Octobre à nous ennuyer joliment, car il n'y a personne que les hommes d'affaire. Dieu veuille qu'on termine bien et plus vite pour pouvoir retourner chez vous.

Переводъ. Троппау. $^{13}/_{25}$ Октября 1820.

Не имѣя, любезный другъ, отвѣтовъ на нѣсколько моихъ частныхъ писемъ, адресованныхъ къ вамъ, я начинаю предполагать, что они до васъ

---

[7]) Александръ Христофоровичь, впослѣдствіи графъ и шефъ жандармовъ, служилъ тогда начальникомъ штаба гвардейскаго корпуса, коимъ командовалъ князь И. В. Васильчиковъ, къ которому слѣдовательно по службѣ былъ онъ ближайшимъ человѣкомъ. Распечатываніе писемъ происходило конечно отъ того, что на ту пору князь И. В. Васильчиковъ отлучался изъ Петербурга въ Тверь.

не доходятъ, а по письму, которое я только что получилъ отъ Бенкендорфа, я вижу, что онъ вскрываетъ частныя письма, которыя я вамъ адресую въ собственныя руки. Не могу отъ васъ скрыть, любезный другъ, что я этого вовсе не одобряю. Онъ, можетъ быть, вами уполномоченъ вскрывать оффиціальныя, относящіяся до службы бумаги, но никакъ не частную корреспонденцію, установившуюся между нами, во первыхъ, вслѣдствіе искренней дружбы, существующей между нами почти съ нашего дѣтства, а также вслѣдствіе довѣренности, которую государь къ вамъ имѣетъ: вѣроятно, есть много такого, что не всякому желаешь сказать. Не отнимая хорошихъ качествъ и скромности у Бенкендорфа, я васъ прошу устроить такимъ образомъ, чтобы впредъ всѣ мои частныя письма доставлялись вамъ въ собственныя руки, не бывъ вскрыты; а чтобы не возбудить на этотъ счетъ подозрѣній, я буду посылать ихъ всегда чрезъ Закревскаго, для прямой вамъ передачи, минуя канцелярію штаба.

Прилагаю къ сему записку, которую я получилъ отъ Бенкендорфа о нѣсколькихъ унтеръ-офицерахъ и солдатахъ, взятыхъ въ полицію за проступки; между ними упоминается объ одномъ унтеръ-офицерѣ Семеновскаго полка—Тройкинѣ, имя котораго я отмѣтилъ краснымъ крандашемъ. Его величество желаетъ, чтобы вы произвели подробное слѣдствіе: кто былъ сей неизвѣстный, который выдавалъ себя за инженернаго офицера и дѣлалъ унтеръ-офицеру предложеніе идти съ нимъ? Зачѣмъ приглашалъ онъ его къ себѣ? Какихъ лѣтъ и какого поведенія унтеръ-офицеръ и сколько лѣтъ онъ на службѣ? А также, дѣйствительно ли неизвѣстный—инженерный офицеръ? Узнайте, какая его служба и раскройте причину, почему онъ не въ мундирѣ?

Мы здѣсь уже съ 8 Октября и скучаемъ страшно: ибо, кромѣ занятыхъ дѣломъ, никого нѣтъ. — Дай Богъ, чтобы покончили хорошо и чтобы скорѣй можно было возвратиться къ вамъ.

V.

Troppau. Ce $\frac{22\text{ Octobre}}{3\text{ Novembre}}$ 1820.

J'ai reçu, cher ami, votre lettre du 8 d'Octobre, dans laquelle vous combattez les réflexions, que je vous ai faites sur l'histoire du régiment d'Ismailowsky, et ne me dites rien d'une correspondance, qu'il y a eu déjà le 16 Septembre entre le général Benkendorf et le colonel Pirch sur le compte des officiers du régiment de Préobragensky à la suite d'une conversation confidentielle, qu'a eu Benkendorf avec Pirch et auquel le dernier avait dit qu'il y avait quelques officiers, dont il n'approuvait pas la manière de penser et voulait s'en défaire, sans cependant les nommer. Il paraît que cette correspondance a été connue en ville, puisque le général-gouverneur en a connaissance et l'envoie à l'Empereur, en ajoutant que vous lui avez confirmé la vérité de cette conversation [8]).

Sa Majesté, tout en approuvant la réponse du gén. Benkendorf, observe cependant que la chose a été traitée avec beaucoup de légéreté,

[8]) Исторію полковника Пирха съ Бенкендорфомъ, происшедшую изъ за того, что послѣдній попросилъ у перваго списка офицеровъ для наблюденія за ихъ поведеніемъ, изложена въ отвѣтномъ письмѣ князя И. В. Васильчикова къ кн. П. М. Волконскому отъ 15 Октября 1820 (Р. Старина 1871, XII, 650 и 651).

parcequ'il ne fallait pas du tout engager de correspondance, et si elle a eu lieu, il ne fallait pas l'ébruiter. L'Empereur désire savoir qui sont les officiers, dont Pirch est mécontent, et vous ordonne, cher ami, dorénavant de m'en faire part incessamment sur des cas pareils, comme aussi sur l'histoire des officiers de votre régiment de chasseurs à cheval à Novgorod. Pourquoi mr. Potapoff s'avise-t-il de la cacher, et personne de vous ne m'a fait de rapport là-dessus [9])?

Переводъ. Троппау. $\frac{\text{22 Октября}}{\text{3 Ноября}}$ 1820.

Я получилъ, любезный другъ, письмо ваше отъ 8 Октября, въ которомъ вы оспариваете соображенія, мною вамъ сообщенныя, насчетъ исторіи офицеровъ Измайловскаго полка, и не говорите мнѣ ничего о перепискѣ, существовавшей уже 16 Сентября между генераломъ Бенкендорфомъ и полковникомъ Пирхомъ, насчетъ офицеровъ Преображенскаго полка, вслѣдствіе секретнаго разговора, бывшаго между Бенкендорфомъ и Пирхомъ, при чемъ послѣдній высказалъ, что есть нѣсколько офицеровъ, образъ мыслей которыхъ онъ не одобряетъ, и хотѣлъ бы отъ нихъ избавиться, не называя ихъ впрочемъ по имени. Какъ кажется, эта переписка сдѣлалась извѣстна въ городѣ, потому что дошла до свѣдѣнія генералъ-губернатора, который ее прислалъ къ государю, указывая, что вы подтвердили, что эти переговоры были.

Его величество, одобряя отвѣтъ генерала Бенкендорфа, замѣтилъ, однако, что дѣло это было ведено весьма легкомысленно, потому что совсѣмъ не слѣдовало начинать переписки, а ежели она уже существовала, не нужно было ее разглашать. Государь желаетъ знать тѣхъ офицеровъ, которыми Пирхъ не доволенъ, и приказываетъ вамъ, любезный другъ, впредъ немедленно сообщать мнѣ о подобныхъ происшествіяхъ точно также, какъ и объ исторіи офицеровъ вашего конно-егерскаго полка, случившейся въ Новгородѣ. Почему г. Потаповъ осмѣливается ее скрывать, и никто изъ васъ не прислалъ мнѣ объ этомъ рапорта?

VI.

Troppau. Ce $\frac{5}{17}$ Novembre 1820.

Je ne saurais assez vous exprimer, cher ami, la douleur, que j'ai éprouvée, en recevant votre lettre du 19 Octobre sur l'événement inouï du régiment de Séménowsky. Ma peine m'est encore plus sensible, parceque c'est le régiment où j'ai commencé mon service et auquel j'avais conservé un certain faible; mais la faute, qu'il a commise, est si grave, qu'il fallait aussi un remède violent. Je ne puis vous cacher, cher ami, mon étonnement de ce que vous ne vous êtes pas rendu vous-même sur le champ au régiment: vous auriez sûrement à vous seul terminé l'affaire, sans aucun bruit, Schwartz aurait été jugé, et le ré-

[9]) Въ Новгородѣ, гдѣ стоялъ конноегерскій полкъ (сформированный въ Парижѣ и имѣвшій Французскихъ лошадей), шефомъ котораго былъ князь И. В. Васильчиковъ, произошла исторія между командиромъ онаго А. В. Потаповымъ, погорячившимся на ученьи, и офицерами; сіи послѣдніе намѣревались поочередно выдти въ отставку. Дѣло уладилось, въ проѣздъ князя Васильчикова на пути въ Тверь, извиненіемъ командира (слышано отъ Д. Д. Казакова, служившаго тогда въ конноегерскомъ полку).

giment sauvé [10]) .Mais ayant confié l'interrogation au Grand Duc [11]), qui n'a jamais vu faire une, et puis dans une circonstance aussi sérieuse! et le cher Benkendorf, à ce qui me paraît, a perdu la tête,—cela est allé à la diable, et le régiment est perdu: car vous m'avouerez, qu'après une conduite pareille, il est difficile de compter sur lui; aussi ne fallait-il pas laisser de germe gangreneux? D'après les papiers officiels vous verrez, cher ami, la décision de Sa Majesté, qui en même temps me charge de vous remettre encore deux notes ci-jointes, écrites sous sa dictée, dont l'une est absolument pour vous seul, et l'autre peut être montrée, si vous le jugez à propos, à votre chef d'état-major; sinon, gardez-la aussi pour vous. De grâce, veillez, qu'il n'arrive pas de pareille déconfiture dans les autres régiments.

Переводъ. Троппау. 5/17 Ноября 1820.

Я не нахожу достаточно словъ, любезный другъ, чтобы выразить вамъ, какъ я былъ опечаленъ, получивъ письмо ваше отъ 19-го Октября о неслыханномъ происшествіи въ Семеновскомъ полку. Тѣмъ чувствительнѣе была моя скорбь, что это полкъ, въ которомъ я началъ службу и къ которому я сохранилъ нѣкоторую слабость. Но проступокъ, имъ совершенный, такъ важенъ, что нужно было и средство сильное. Я не могу отъ васъ скрыть, любезный другъ, моего удивленія тому, что вы не отправились тотчасъ же сами въ полкъ: вы, конечно, покончили бы дѣло безъ всякаго шума, Шварца бы отдали подъ судъ, а полкъ бы былъ спасенъ; тогда какъ поручивъ допросъ великому князю, который и не видалъ, какъ допросы дѣлаются, притомъ въ такихъ серьезныхъ обстоятельствахъ, да и милый Бенкендорфъ, какъ мнѣ кажется, потерялъ голову,—все пошло чортъ знаетъ какъ, и полкъ погибъ; ибо сознайтесь, что послѣ подобнаго поведенія трудно на него разсчитывать, да и не слѣдуетъ оставлять въ немъ вреднаго зародыша. Изъ оффиціальныхъ бумагъ вы узнаете рѣшеніе его величества, который въ тоже время поручаетъ мнѣ передать вамъ еще двѣ записки, къ сему прилагаемыя, писанныя подъ его диктовку, изъ которыхъ одна назначена исключительно для васъ, а другая можетъ быть показана,—ежели найдете это нужнымъ, — вашему начальнику штаба; въ противномъ случаѣ сохраните ее для себя. Бога ради старайтесь, чтобы не произошло подобныхъ безпорядковъ въ другихъ полкахъ.

VII.

Troppau. Ce 7/19 Novembre 1820.

Je joins ici, cher ami, par ordre de Sa Majesté, encore plusieurs différentes notes du gouverneur militaire, que l'Empereur vous ordonne de prendre en considération, surtout sur les discours des soldats, tenus sur le compte du régiment de Préobragensky et, en vous concertant avec le c. de Miloradowitsch sur les moyens, de tâcher de faire découvrir, peut-être par les filles énoncées dans les notes, les noms des

---

[10]) Князь Васильчиковъ имѣлъ право думать, что являться самому къ ослушникамъ значило придавать дѣлу слишкомъ большое значеніе.

[11]) Михаилу Павловичу, бригадному генералу.

soldats jaseurs. En même temps Sa Majesté, voyant par la lettre, que vous lui avez écrite, le désir qu'on remette toute décision sur le sort du régiment de Séménowsky jusqu'au retour de l'Empereur à Pétersbourg, Sa Majesté me charge de vous dire que c'est une chose de toute impossibilité de remettre une pareille affaire à un grand espace de temps, d'abord pour soutenir l'autorité du chef, et ensuite que le retour de l'Empereur ne peut avoir lieu, avant que les affaires très importantes, qui se traitent ici, ne soient entièrement terminées, ce qui prendra sûrement encore beaucoup de temps.—Sa Majesté me charge de vous dire aussi confidentiellement que vous ayez un peu l'oeil attentif sur Kaznatscheeff [12]), tant sur sa moralité que sur la marche des affaires, qui lui sont confiées.—Depuis quelque temps l'Empereur observe qu'il y a beaucoup d'officiers de différents régiments, qui vont et viennent souvent à Kronstadt. Comme il existe par là une loge maçonique nouvellement établie, peut-être, étant surveillés à Pétersbourg, ne vont-ils pas là-bas pour y assister, sans que personne ne les gêne? Il y a eu dans les derniers rapports qu'un officier-cornette du régiment d'houlans d'Orenbourg, Solohouboff, a été à Kronstadt. Tâchez de savoir un peu ce qu'il y a fait et faites-moi réponse.

P. S. Zagrefsky [13]) m'a fait une présentation pour donner de l'argent pour l'entretien des femmes de soldats; mais je voudrais savoir, comment faisaient-elles donc lorsque le régiment était en campagne les années 812, 813, 814 et 815; elles ne mouraient cependant pas de faim, avaient aussi des enfants et ne recevaient pas de paie extraordinaire? Faites prendre des informations là-dessus et répondez-moi.

Переводъ. Троппау. 7/19 Ноября 1820.

Прилагаю къ сему, любезный другъ, по приказанію его величества, еще нѣсколько разныхъ записокъ военнаго губернатора, которыя государь велитъ вамъ принять во вниманіе, особенно касающуюся разговоровъ, веденныхъ солдатами насчетъ Преображенскаго полка, посовѣтовавшись предварительно съ графомъ Милорадовичемъ насчетъ средствъ къ открытію именъ солдатъ-болтуновъ, можетъ быть, чрезъ дѣвокъ, поименованныхъ въ запискахъ. Между тѣмъ его величество, усматривая изъ письма, вами ему написаннаго, желаніе, чтобы отложили всякое рѣшеніе судьбы Семеновскаго полка до возвращенія его самаго въ Петербургъ, поручаетъ мнѣ вамъ сказать, что рѣшительно невозможно отложить такого рода дѣло на продолжительный срокъ: во первыхъ, для поддержанія власти начальства, а затѣмъ потому, что возвращеніе государя не можетъ совершиться ранѣе, чѣмъ весьма важныя дѣла, здѣсь обсуждаемыя, будутъ совершенно покончены,—что̀ займетъ конечно еще много времени. Его величество поручаетъ мнѣ также передать вамъ секретно, дабы вы зорко слѣдили за Казначеевымъ, сколько за его нравственностью, столько и за ходомъ дѣлъ, ему порученныхъ.—Съ нѣкотораго времени государь замѣчаетъ, что много офицеровъ разныхъ полковъ ѣздятъ въ

---

[12]) А. И. Казначеевъ, нынѣ сенаторъ, былъ тогда дежурнымъ штабъ-офицеромъ гвардейскаго корпуса.

[13]) Арсеній Андреевичъ Закревскій (впослѣдствіи Московскій генералъ губернаторъ) служилъ тогда дежурнымъ генераломъ Главнаго Штаба.

Кронштадтъ; такъ какъ тамъ существуетъ масонская ложа, вновь устроенная, то весьма можетъ быть, что, будучи подъ присмотромъ въ Петербургѣ, не ѣздятъ ли они туда, чтобы участвовать въ засѣданіяхъ безъ всякаго стѣсненія. Видно изъ послѣднихъ рапортовъ, что офицеръ-корнетъ Оренбургскаго уланскаго полка Сологубъ былъ въ Кроншадтѣ. Постарайтесь узнать, чтò онъ тамъ дѣлалъ, и отвѣчайте мнѣ.

P. S. Закревскій сдѣлалъ мнѣ представленіе о выдачѣ денегъ на содержаніе солдатскихъ женъ; но я бы хотѣлъ узнать, какъ дѣлали онѣ, когда полки были въ кампаніяхъ 812, 813, 814 и 815 годовъ; онѣ, вѣдь, не умирали съ голоду, имѣя тоже дѣтей и не получая сверхштатнаго содержанія? Прикажите собрать справки на этотъ счетъ и отвѣчайте мнѣ.

VIII.

Troppau. Ce 17 Novembre 1820.

Je vous remercie, cher ami, pour les deux lettres que vous m'avez écrites, et suis très charmé que tout est tranquille chez vous; je fais des voeux bien sincères, pour que cela continue, et suis fermement persuadé que tout ira bien, si chacun fera son devoir sans aucun excès comme le faisait Schwartz, et surtout quand il y aura plus de subordination parmi les officiers, qui, en grande partie, ne sont que des enfants et s'avisent de juger leurs chefs, surtout en présence des soldats: voilà où est le plus grand mal. Il faut, cher ami, tâcher de découvrir absolument l'auteur du papier, qui a été trouvé par la police chez le bas-officier.—Je joins ici, par ordre de Sa Majesté, quelques entretiens de différents soldats, qui ont été envoyés par la police. Gardez les pour vous seul et surveillez bien ceux dont il est question, sans rien négliger. J'ajoute aussi des vers, qui ont été envoyés à l'Empereur; l'on suppose que c'est le lieutenant-colonel Шелиховъ [14]), des grenadiers du corps, qui était aide-de-camp du c. de Tolstoi, qui les a composés. Sa Majesté pense qu'il serait mieux de le faire passer à l'armée, mais désire connaître d'abord votre opinion. Voyez un peu, si c'est lui, qui les a écrits, et répondez-moi ce que vous voulez qu'on fasse de cet aimable auteur, qui ferait bien mieux de s'occuper de son bataillon, que d'écrire des vers de cette façon. Comme une partie du 2 bataillon du régiment de Séménowsky, d'après l'ordre que j'ai donné à Zakrefsky, devait marcher pour l'Estonie et la Livonie, je ne suis pas fâché qu'une partie de ce bataillon se trouve à Reval: il aura moins de chemin à faire. A l'heure qu'il est, vous aurez déjà reçu la résolution de Sa Majesté. Je ne sais trop, pourquoi croyez-vous qu'il fallait attendre notre retour pour cela. Je suis persuadé que l'ordre du jour de S. M. fera un très grand et bon effet sur toute la troupe, à laquelle

---

[14]) Дмитрій Потаповичъ Шелиховъ въ послѣдствіи былъ членомъ разныхъ обществъ сельскаго хозяйства и писалъ агрономическія статьи. Въ то время онъ написалъ плохіе стихи на Семеновскій бунтъ, а въ особенности на Шварца. Около 1850 года онъ написалъ исторію царствованія императора Павла, выставивъ его величайшимъ царемъ и человѣкомъ, сдѣлавшимся жертвою своей любви къ чести и правосудію. Эту исторію, въ рукописи, онъ представилъ императору Николаю Павловичу, былъ произведенъ въ полковники, но вскорѣ умеръ. *В. Д.*

on rend toute la justice, et pour la relever davantage, on ne veut pas qu'elle soit deshonorée par ceux, qui ne méritent pas de se trouver avec elle, et qu'on les met dehors. Surveillez un peu, cher ami, que l'on lise absolument tous les 8 jours l'Артикулъ; je suis persuadé qu'on le néglige dans quelques régiments, et que les dimanches on fasse les parades d'église, comme cela était ordonné il y a deux ans, mais qu'elles soient absolument pour aller à la prière et non pour parader ou exercer, comme le faisait Schwartz. Je joins encore quelques nouvelles notes de la police sur différents excès, commis par un chasseur et des uhlans, deux matelots, pris avec une femme, et d'autres soldats, qui se sont enivrés aux casernes. Faites, je vous en prie, faire les enquêtes de tout cela d'après les résolutions, marquées sur les notes-mêmes. Je suis bien charmé, cher ami, que vous ayez appris à bien connaître Zagrefsky et que vous lui rendiez la justice, qui lui est dûe sans contredit. Nous serions bien heureux, si nous pouvions avoir davantage des gens de cette espèce; aussi j'espère qu'il n'a pas à se plaindre de moi, qui l'apprécie comme il le mérite, ni de S. M., qui le connâit aussi du meilleur côté possible. Notre départ pour Vienne a été remis encore pour quelque temps; je crois que l'on attend le courrier, que l'on a envoyé à Naples. Je désire bien vivement qu'à son retour nous puissions prendre le chamin de Pétersbourg plutôt que celui de Vienne.

Переводъ. Троппау. 17 Ноября 1820.

Благодарю васъ, любезный другъ, за два письма, написанныя мнѣ вами, и радуюсь, что все спокойно у васъ; отъ чистаго сердца желаю, чтобы такъ и продолжалось, и твердо убѣжденъ, что все пойдетъ прекрасно, ежели всякій исполнитъ долгъ свой безъ излишняго рвенія, какъ это дѣлалъ Шварцъ, и особенно, когда будетъ больше субординаціи между офицерами, которые по большей части почти что дѣти и осмѣливаются осуждать начальство, къ тому же въ присутствіи солдатъ: въ этомъ-то и все зло. Нужно, любезный другъ, стараться непремѣнно отыскать автора бумаги, найденной полиціею у унтеръ-офицера. Прилагаю къ сему, по приказанію его величества, донесенія полиціи о разговорахъ нѣкоторыхъ солдатъ: сохраните ихъ для васъ лично и наблюдайте за тѣми, о которыхъ упоминается, не пропуская ничего. Присоединяю къ сему также стихи, присланные государю. Полагаютъ, что ихъ сочинилъ подполковникъ гренадерскаго корпуса Шелиховъ, бывшій адьютантъ графа Толстаго. Его величество полагаетъ, что лучше бы его перевести въ армію, но предварительно желаетъ знать ваше мнѣніе. Разузнайте, онъ ли ихъ написалъ, и отвѣчайте мнѣ, что̀ хотите, чтобы сдѣлали съ этимъ милымъ авторомъ, который лучше бы поступилъ, ежели-бы занялся своимъ батальономъ, нежели сочиненіемъ подобнаго рода стиховъ. Такъ какъ часть 2-го батальона Семеновскаго полка, по приказанію, отданному мною Закревскому, должна была идти въ Эстляндію и Лифляндію, то я не жалѣю, что часть сего батальона находится въ Ревелѣ: тѣмъ менѣе ему придется быть въ походѣ. — Вы уже теперь получили резолюцію его величества. Я не знаю, почему вы думаете, что нужно было для сего ждать нашего возвращенія. Я увѣренъ, что высочайшій приказъ произведетъ весьма сильное и хорошее дѣйствіе на войско, которому отдаютъ полную справедливость, и чтобы возвысить его еще болѣе, не хотятъ допустить, чтобы

оно было обезславлено тѣми, которые не достойны находиться среди онаго, и потому ихъ удаляютъ. Наблюдайте, любезный другъ, чтобы непремѣнно еженедѣльно читали Артикулъ,—я увѣренъ, что этимъ пренебрегаютъ въ нѣкоторыхъ полкахъ; а также пусть по Воскресеньямъ дѣлаютъ церковные парады, какъ это было приказано два года тому назадъ, но только чтобы они служили единственно для того, чтобы молиться, а не для того, чтобы парадировать и производить ученье, какъ это дѣлалъ Шварцъ.

Прилагаю еще къ сему нѣсколько новыхъ записокъ полиціи о разныхъ распутствахъ, произведенныхъ однимъ егеремъ и уланами, о двухъ матросахъ, пойманныхъ съ женщиной, и о другихъ солдатахъ, которые пьянствовали въ казармахъ. Прикажите пожалуйста произвести слѣдствія по всему этому, согласно резолюціямъ, положеннымъ на самыхъ запискахъ. — Я очень радъ, любезный другъ, что вы узнали Закревскаго и отдаете ему ту справедливость, которая несомнѣнно ему принадлежитъ. Мы были бы весьма счастливы, ежели-бы могли имѣть побольше подобныхъ людей; надѣюсь, что онъ на меня пожаловаться не можетъ, ибо я цѣню его по заслугамъ, ни также на его величество, который также знаетъ его съ лучшей стороны.

Отъѣздъ нашъ въ Вѣну отложенъ на нѣкоторое время; я полагаю, что ожидаютъ возвращенія курьера, посланнаго въ Неаполь. Сильно желаю, чтобы по его возвращеніи мы могли направиться на Петербургъ, а не на Вѣну.

IX.

Troppau. Ce $\frac{24 \text{ Novembre}}{6 \text{ Décembre}}$ 1820. [15])

Malgré les assurances que vous me donnez, cher ami, sur la tranquillité, qui règne chez vous dans la troupe, je ne puis cependant vous dissimuler que les caquets des officiers ne doivent pas être tolérés, et je ne suis pas du tout de votre avis que c'est par le conseil de guerre que l'on pourra les réprimer; au contraire, il se pourrait qu'ils nieraient le fait à la commission de guerre, qui, les trouvant par là innocents, les absoudra, et ces messieurs, au lieu de la punition, s'en prévaudront et se moqueront peut-être des commissions, tandis qu'en ayant avis des propos tenus par quelques uns et vous étant bien assuré de la vérité, vous les fassiez venir pour bien les réprimander, les sermonner et leur faire comprendre l'inconvenance et le mal de leur jugement, en notant toutefois leurs noms, pour me les envoyer, afin de les mettre de suite dehors. Je pense que ceci produira plus d'effet et diminuera le nombre de mauvais sujets et raisonneurs.

Avant la réception de votre lettre, j'ai déjà écrit au c. Miloradovitsch par le courrier passé au sujet de la discrétion sur les affaires secrètes de la police, et de la surveillance, qu'elles ne s'ébruitent pas dans le public. [16])

---

[15]) Это письмо въ переводѣ помѣщено въ Русской Старинѣ 1871 года, съ черноваго подлинника, сохранившагося въ бумагахъ князя П. М. Волконскаго.

[16]) Отъ 11 Ноября князь Васильчиковъ писалъ князю Волконскому о томъ, что, благодаря словоохотливости графа Милорадовича, секретныя мѣры полиціи не достигаютъ цѣли (Р. Старина 1871, XII, 657).

Je suis fort étonné que vous ne me dites pas un seul mot sur l'arrestation de la police du bas-officier du régiment des chasseurs de garde—Степанъ Гушеваровъ, qui a été conduit à la forteresse de Schlüsselbourg pour des propos, tenus avec un de ses camarades et un musicien Préobragensky, sur l'événement du régiment de Séménowsky, et que si l'on ne faisait pas revenir les bataillons arrêtés, ils prouveront que la révolution de l'Espagne n'est rien en comparaison de ce qu'ils feront. Sa Majesté me charge de vous dire, que voilà encore une bien grande preuve que c'est de l'instigation étrangère ou l'effet des caquets des officiers en présence des soldats,—parceque d'où voulez-vous que les soldats aient connaissance sur ce qui se passe en Espagne ou à Naples? Sa Majesté s'étonne aussi que vous n'ayez aucune nouvelle à donner sur ce que fait votre aide-de-camp, qui est envoyé depuis longtemps à Schlüsselbourg pour faire les enquêtes sur plusieurs des individus arrêtés [17]).

J'attends de vos nouvelles avec la plus grande impatience après la réception de l'ordre du jour de S. M. et des résolutions, qui ont été prises à cet égard. J'espère qu'elles produiront un bon effet. Les mamans et les maîtresses jaseront beaucoup; mais dans un cas pareil il ne faut pas trop se soucier de cela.

Переводъ. Троппау, 24 Ноября / 6 Декабря 1820.

Несмотря на то, что вы меня удостовѣряете въ спокойствіи, царствующемъ у васъ въ войскахъ, не могу я скрыть отъ васъ, однако, что болтовня между офицерами не должна быть терпима, и я совершенно не согласенъ съ вами, что прекратить ее можно съ помощью военнаго суда; напротивъ, можетъ случиться, что, отвергнувъ предъ военною коммиссіею существованіе факта, эти господа, признанные невинными и оправданными, воспользуются тѣмъ и, вмѣсто наказанія, пожалуй будутъ насмѣхаться надъ коммиссіею, тогда какъ, узнавъ о разговорахъ, веденныхъ нѣкоторыми изъ нихъ и вполнѣ увѣрившись въ истинѣ сего, вы прикажете имъ явиться къ себѣ, чтобы сдѣлать имъ выговоръ и, хорошенько ихъ пожуривъ, дадите имъ понять неблагопристойность и весь вредъ ихъ сужденій, записавъ, однако, ихъ имена для меня, чтобъ ихъ тотчасъ же можно было выключить. Я полагаю, что это произведетъ болѣе дѣйствія и уменьшитъ число негодяевъ и говоруновъ.—До полученія вашего письма я уже писалъ гр. Милорадовичу съ послѣднимъ курьеромъ, по поводу осторожности и надзора, которые нужно наблюдать въ секретныхъ дѣлахъ полиціи, дабы они не разглашались въ публикѣ.

Я очень удивленъ, что вы мнѣ ни слова не говорите объ арестованіи полиціею унтеръ-офицера гвардейскаго егерьскаго полка—Степана Гушеварова, который препровожденъ въ Шлюссельбургскую крѣпость за веденные имъ разговоры съ однимъ изъ своихъ товарищей и музыкантомъ Преображенскаго полка насчетъ исторіи Семеновскаго полка и о томъ, что ежели не вернутъ арестованные батальоны, то они докажутъ, что революція въ Испаніи ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ они сдѣлаютъ.

[17]) Выпускаемъ о безпокойствѣ князя Волконскаго на счетъ двухъ кораблей, стоявшихъ за дурною погодою въ Ревелѣ съ батальонами раскасированнаго Семеновскаго полка.

Его величество поручаетъ мнѣ сказать вамъ, что вотъ еще весьма сильное доказательство внѣшняго подстрекательства или дѣйствіе болтовни офицеровъ въ присутствіи солдатъ: ибо откуда хотите вы, чтобы солдаты знали, что̀ происходитъ въ Испаніи или въ Неаполѣ? Его величество удивляется также, что вы не сообщаете никакихъ свѣдѣній о томъ, что̀ дѣлаетъ вашъ адъютантъ, который уже давно посланъ въ Шлюссельбургъ для производства слѣдствія надъ многими арестованными лицами.

Жду съ большимъ нетерпѣніемъ извѣстій послѣ полученія вами высочайшаго приказа и тѣхъ мѣръ, которыя вы въ отношеніи сего приняли. Надѣюсь, что они произведутъ хорошее дѣйствіе. Маменьки и любовницы будутъ сильно болтать, но въ подобномъ случаѣ не слѣдуетъ слишкомъ заботиться объ этомъ.

X.

Troppau. Ce 3/15 Décembre 1820.

Votre lettre du 19 Novembre, cher ami, m'a fait le plus grand plaisir par la nouvelle, que vous me donnez sur l'excellent effet, qu'a produit dans la troupe l'ordre du jour de S. M. Je vous avoue que je n'ai pas douté un seul instant que cela puisse être autrement et j'espère que de pareils exemples ne se renouvelleront plus jamais. — Vous recevrez par ce courrier, cher ami, en réponse à votre rapport au sujet des portes-enseignes un papier officiel de ma part, dans lequel je vous dis de les renvoyer tous à l'armée, et je vous refuse leur avancement par ordre de S. M., qui me charge de vous dire, qu'avec toute sa bonne volonté et l'égard à votre présentation, il est impossible de l'accorder, parcequ'ils ne méritent pas la grâce, que vous leur demandez, par les différents propos, qu'ils se permettent de tenir; et pour vous en donner la preuve, je joins ici quelques extraits, par lesquels vous verrez qu'ils s'avisent entre-autre de dire qu'ils ont été autorisés de porter le frac [18]), chose que je vous prie de m'éclaircir et me faire connaître par qui la permission leur a été donnée? Peut-être, trouverez-vous bon de punir même celui, qui a écrit ces lettres, en le dégradant; mais je vous prie de ne montrer ces lettres telles qu'elles sont à personne,—ce n'est que pour vous seul. Comme vous me dites que les officiers des chevaliers-gardes jasent beaucoup, Sa Majesté n'a pas approuvé la promotion de ce régiment qui a été présenté à la vacance du p. Ipsylantie en la remettant au nouvel ordre. Je pense que cela peut servir de remède à tous ces raisonneurs les noms des quels vous m'enverrez cependant, comme je vous l'ai dit dans ma précédente, pour prendre des mesures ultérieures.

Je vous envoie, cher ami, par ordre de S. M., plusieurs notes, dont l'une reçue de mr. le c. de Cotschubei, qui dit vous l'avoir déjà fait passer, et dans laquelle il s'agit des conversations, tenues par les femmes des soldats du régiment de Séménowsky. L'Empereur vous ordonne de prendre bien en considération ces conversations et de recommander à la commission militaire de faire d'abord séparer et bien interroger le sergent-major Braguine, de même que tous les soldats

---

[18]) Фраки носили въ гвардіи отъ 1814 до 1816 года. *В. Д.*

mariés, et mettre séparément dans les prisons tout le peloton des tirailleurs de la 1-re compagnie des grenadiers, parceque c'est de là que le cri d'alarme est parti. Ensuite nommer quelqu'un de très sûr et de bien habil pour faire interroger aussi les femmes séparément, et surtout celles de la compagnie impériale, qui peuvent bien n'avoir pas tort, en disant que c'est Braguine [19]), qui en est l'auteur. La seconde note est d'un nommé Славковичъ, qui vous a été communiquée par mr. le c. de Miloradovitsch, où il s'agit d'une conversation, que cet homme prétend avoir entendue entre le lieutenant Kownazky, du régiment de Préobragensky, et le bas-officier Gontscharoff, sur plusieurs prétentions, qui leur reviennent et qui sont retenues. Sa Majesté pense que toutefois que de pareilles notions vous parviennent, il serait bon de faire de suite une revue d'inspection du régiment, pour s'assurer du fait et y remettre l'ordre, en surveillant cependant très sévèrement que les gens, qui découvrent les abus, ne soient pas vexés ni déplacés par vengeance du régiment; pour ce dernier cas je vous conseille de faire noter de suite les noms de ceux, qui portent les plaintes et de faire conserver ces notes dans le bureau de votre état-major, pour s'en convaincre qu'on ne les mette pas dehors sous quelques autres prétextes.

Une troisième note contient l'affaire du papier, trouvé chez le sergent-major du régiment de Préobragensky Karmanoff, par laquelle vous verrez qu'il nie la chose. Je vous l'envoie, au cas que le c. Miloradovitsch ne vous l'a pas communiquée.

Une toute petite encore est celle, où le colonel Vadkowsky a la bêtise de dire qu'il compte célébrer à Svéaborg la fête du régiment dans tout son beau, oubliant que le régiment se trouve en pénitence et que ce n'est pas de fêtes qu'il devait s'en occuper.

Il parâit que notre retour n'aura pas lieu de si tôt, parcequ'après demain je fais marcher nos chevaux de selle par Vienne à Laybach, et dans quelques jours après, nous les suivrons aussi. Cela fait mon désespoir, je vous le jure.

Переводъ. Троппау, $^{3}/_{15}$ Декабря 1820.

Письмо ваше отъ 19 Ноября, любезный другъ, доставило мнѣ великое удовольствіе извѣстіемъ, даннымъ мнѣ о благодѣтельномъ дѣйствіи, произведенномъ на войско приказомъ его величества. Скажу вамъ откровенно, что я не сомнѣвался ни одной секунды, чтобы могло быть иначе, и надѣюсь, что подобные примѣры не повторятся болѣе никогда. Вы получите отъ меня съ этимъ курьеромъ, любезный другъ, въ отвѣтъ на ваше представленіе о подпрапорщикахъ, оффиціальную бумагу, въ которой я вамъ приказываю перевести ихъ всѣхъ въ армію; я отказываю вамъ въ ихъ производствѣ по волѣ императора: онъ приказываетъ мнѣ сказать вамъ, что при всей его доброй волѣ, при всемъ его уваженіи къ вашему

---

[19]) Брагинъ, — фельдфебель 1-ой государевой роты л. г. Семеновскаго полка. Онъ одинъ изъ всего полка послѣ возмущенія былъ не только помилованъ, но и произведенъ въ офицеры за то, что далъ записку ротному командиру, капитану Кашкарову, съ именами зачинщиковъ, которую тотъ потерялъ. *В. Д.*

представленію, ему невозможно на это согласиться, потому что они не заслуживаютъ той милости, о которой вы для нихъ ходатайствуете, не заслуживаютъ по причинѣ многихъ разговоровъ, которые они себѣ позволяютъ, и чтобъ вамъ дать на то доказательство, прилагаю здѣсь нѣсколько выписокъ, изъ которыхъ вы увидите, что они дозволяютъ себѣ говорить о томъ, что имъ разрѣшено было носить фраки. Я васъ прошу разъяснить мнѣ это обстоятельство и дать знать, кѣмъ это позволеніе было имъ дано? Можетъ быть, вы даже найдете нужнымъ наказать писавшаго эти письма, разжаловавши его; но покорнѣйше прошу не показывать эти письма никому: они только для васъ однихъ. Такъ какъ, по вашимъ словамъ, офицеры кавалергардскіе тоже много болтаютъ, то его величество не согласился на производство въ этомъ полку на вакансію кн. Ипсиланти и отложилъ это до новаго повелѣнія. Я думаю, что это послужитъ исцѣленіемъ всѣмъ этимъ болтунамъ, имена которыхъ вы мнѣ однако пришлите, какъ я вамъ писалъ въ предъидущемъ письмѣ, для принятія дальнѣйшихъ мѣръ. Посылаю вамъ, любезный другъ, по волѣ его величества, нѣсколько записокъ, въ числѣ которыхъ одна отъ графа Кочубея, который говоритъ, что онъ вамъ ее уже передалъ и которая относится до разговоровъ солдатскихъ женъ Семеновскаго полка. Государь приказываетъ вамъ принять въ соображеніе эти разговоры и поручить военно-судной коммиссіи сначала отдѣлить, а потомъ хорошенько переспросить фельдфебеля Брагина, также какъ всѣхъ женатыхъ солдатъ и, кромѣ того, посадить отдѣльно въ крѣпость весь взводъ стрѣлковъ 1-й гренадерской роты, потому что отъ него перваго пошло возмущеніе; назначить еще кого-нибудь очень вѣрнаго и очень ловкаго, дабы тоже переспросить отдѣльно солдатскихъ женъ, а главное изъ роты его величества, которыя, можетъ быть, и правы, говоря, что Брагинъ всему виновникъ. 2-я записка отъ нѣкоего Славковича, переданная вамъ графомъ Милорадовичемъ, въ которой упоминается о разговорѣ, слышанномъ этимъ господиномъ, между поручикомъ Ковнацкимъ Преображенскаго полка и унтеръ-офицеромъ Гончаровымъ, на счетъ нѣкоторыхъ вещей, которыя слѣдуетъ выдать солдатамъ и которыя удерживаютъ.

Его величество находитъ, что всякій разъ, какъ до васъ доходятъ подобныя свѣдѣнія, было бы полезно немедленно же дѣлать инспекторскій смотръ полку, дабы убѣдиться въ истинѣ и возстановить порядокъ, строго наблюдая, однако, чтобы люди, открывающіе злоупотребленія, не были ни преслѣдуемы, ни переводимы изъ-за мести полка. Совѣтую вамъ, вслѣдствіе этого послѣдняго приказанія, велѣть записать немедленно имена всѣхъ тѣхъ, которые жалуются, и хранить эти записки въ канцеляріи вашего штаба, дабы быть увѣрену, что ихъ не выключатъ ни подъ какими предлогами. Въ 3-й запискѣ заключается дѣло по найденной бумагѣ у фельдфебеля Преображенскаго полка Карманова, въ которой вы увидите, что онъ отвергаетъ показанія свои. Я вамъ ее посылаю на тотъ случай, если графъ Милорадовичь еще не успѣлъ вамъ ее сообщить. Еще посылаю весьма маленькую записку, въ которой вы увидите, что полковникъ Вадковскій имѣетъ глупость объявлять, что онъ намѣренъ блистательно праздновать полковой праздникъ въ Свеаборгѣ, забывая, что полкъ находится подъ наказаніемъ и что ему слѣдуетъ заботиться не о праздникахъ.

Кажется, наше возвращеніе не совершится скоро, потому-что послѣ завтра я направляю нашихъ верховыхъ лошадей чрезъ Вѣну на Лайбахъ, а черезъ нѣсколько дней мы поѣдемъ вслѣдъ за ними. Клянусь вамъ, что это приводитъ меня въ отчаяніе.

XI.

Troppau. Ce $^{12}/_{24}$ Décembre 1820.

Vous recevrez, cher ami, ci-joint, par ordre de Sa Majesté, encore quelques observations sur les notes justificatives que vous m'avez envoyées, que je vous recommande de prendre bien en considération, surtout celles, qui regardent le conseil de guerre. Faites bien entendre aux juges que rien ne les presse, qu'il sera honteux à la commission de ne pas parvenir à découvrir les coupables, et si cela était, Sa Majesté vous autorise de faire clôturer cette commission et nommer une autre, composée de nouveaux juges, pour recommencer le jugement, afin de parvenir à découvrir absolument les auteurs de l'événement. Dans un passage de votre lettre à Sa Majesté vous dites qu'il y a quelques généraux, qui ont donné dans le piège à tête baissée. Quoique l'Empereur n'a fait aucune observation là-dessus, il serait bon cependant que j'aie connaissance des noms de ces messieurs. Vous pouvez être assuré, cher ami, que je n'irai pas vous compromettre, et que tout ce, que vous me direz en confidence, restera absolument entre nous. Je vous le demande, parceque le poste, que j'occupe, m'oblige de savoir à qui j'ai affaire pour bien des choses et des cas, surtout dans le siècle où nous vivons.

L'argent que demande Zagrefsky pour les femmes a été accordé.

Dans un des articles des observations secrètes vous dites que vous présenterez une nouvelle organisation pour les écoles; mais ne perdez pas de vue aussi les écoles des filles, dont Gretsch est de même le directeur [20]). Vous avez demandé un prince Gagarine pour aide-de-camp du 1-r corps de cavalerie. Sa Majesté, avant de le confirmer, désire connaître, si ce prince Gagarine possède absolument le talent nécessaire pour cette place, ou cette nomination se fait-elle par protection et par la demande du père? Car ce serait un fainéant et un jaseur de plus dans la société.

Dans le choix d'officiers, que vous ferez pour le régiment de Séménowsky, Sa Majesté ne veut pas avoir absolument Alexéeff du régiment de l'Empereur d'Autriche. En même temps l'Empereur désire connaître, cher ami, votre opinion sur l'aide-de-camp Bibikoff: mérite-t-il par sa conduite de rester au régiment de Séménowsky, ou faut-il le faire passer à l'armée avec le titre d'aide-de-camp de l'Empereur, ou bien le laisser faire le service d'aide-de-camp de Sa Majesté, sans se mêler dans les affaires du régiment? N'oubliez pas de me répondre là-dessus.

Переводъ. Троппау, $^{12}/_{24}$ Декабря 1820.

Вы получите, любезный другъ, на оправдательныя записки, присланныя вами, еще нѣсколько замѣчаній, приложенныхъ къ сему, по приказанію его величества, которыя совѣтую вамъ принять въ уваженіе, особенно касающіяся военнаго совѣта. Дайте почувствовать судьямъ, что спѣшить не за чѣмъ, что коммиссіи будетъ стыдно, ежели она не откроетъ

---

[20]) См. „Записки Греча" (Рус. Арх. 1871 г., стр. 0288).

виновныхъ, и ежели такъ будетъ, его величество уполномочиваетъ васъ закрыть эту коммиссію, назначивъ другую, составленную изъ новыхъ судей, чтобы снова начать судъ, дабы открыть непремѣнно виновниковъ происшествія. Въ одномъ мѣстѣ письма̀ вашего къ его величеству вы говорите, что есть нѣсколько генераловъ, которые попались прямо въ ловушку. Хотя государь на это не сдѣлалъ никакого замѣчанія, однако было бы хорошо, еслибы я зналъ имена сихъ господъ. Вы можете быть увѣрены, любезный другъ, что я не выдамъ васъ и что все, что̀ вы мнѣ дружески сообщите, останется совершенно между нами. Я васъ объ этомъ спрашиваю, потому что на мѣстѣ, мною занимаемомъ и особенно въ нынѣшнемъ вѣкѣ, нужно, чтобы я зналъ, съ кѣмъ я по разнымъ случаямъ и обстоятельствамъ имѣю дѣло.

Деньги, которыя испрашиваетъ Закревскій для солдатскихъ женъ, разрѣшены.

Въ одномъ изъ пунктовъ секретныхъ замѣчаній вы говорите, что сдѣлаете представленіе о преобразованіи школъ; не теряйте также изъ виду школы дѣвицъ, директоромъ которыхъ также Гречь. Вы просили о какомъ-то князѣ Гагаринѣ на должность адъютанта 1-го кавалерійскаго корпуса. Его величество, до утвержденія его, желаетъ знать, дѣйствительно ли этотъ князь Гагаринъ обладаетъ способностями необходимыми для сего мѣста, или же назначеніе это дѣлается по протекціи и по просьбѣ отца: тогда въ обществѣ прибавится однимъ лѣнивцемъ и болтуномъ больше. Въ выборѣ офицеровъ, который вы сдѣлаете для Семеновскаго полка, государь не желалъ бы видѣть Алексѣева, изъ полка Императора Австрійскаго. Вмѣстѣ съ симъ государь желаетъ знать, любезный другъ, мнѣніе ваше насчетъ адъютанта Бибикова: заслуживаетъ ли онъ своимъ поведеніемъ быть оставленнымъ въ Семеновскомъ полку, или нужно перевести его въ армію съ оставленіемъ въ званіи флигель-адъютанта, или же допустить его къ флигель-адъютантской службѣ безъ всякаго вмѣшательства въ полковыя дѣла? Не забудьте отвѣчать мнѣ на этотъ счетъ.

XII.

Troppau. Ce 15/27 Décembre 1820.

[21]) .....J'écris par ce même courrier au ministre des finances de vous donner 5 m. roubles на извѣстное употребленіе pour la police, que vous voulez établir; mais ayez bien soin, cher ami, de bien choisir votre monde [22]). J'ai porté à la connaissance de Sa Majesté votre lettre russe au sujet de cabarets établis dans les régiments [23]). L'Empereur

---

[21]) Выпускаемъ повтореніе просьбы князя Волконскаго, помѣщенной въ предшествующемъ письмѣ, прислать ему свѣдѣнія о гвардейскихъ генералахъ; онъ говоритъ, что о томъ доходятъ до него вѣсти и отъ другихъ лицъ.

[22]) Говорится объ учрежденіи негласной военной полиціи въ гвардейскомъ корпусѣ. „Тяжело быть вынужденнымъ прибѣгать къ такой мѣрѣ (писалъ князь И. В. Васильчиковъ), но при настоящихъ обстоятельствахъ необходимо заставить умолкнуть всѣ свои предубѣжденія“.

[23]) По представленію генерала Васильчикова кабаки были удалены отъ казармъ. Въ то время откупщикомъ былъ гр. Зубовъ, который вслѣдствіе этой мѣры требовалъ двухъ милліоновъ будто бы понесенныхъ имъ убытковъ. Магницкій былъ назначенъ членомъ въ комитетъ для разсмотрѣнія этого прошенія. Дѣло кончилось

m'ordonne de vous dire que tout dépend uniquement de la bonne surveillance des capitaines, sergent-majors et les bas-officiers de service dans les compagnies. L'ordre a été établi d'avoir du vin dans les compagnies pour éviter de voir les soldats ivres dans les rues et ne pas leur permettre de fréquenter les cabarets ou les auberges. La quantité de vin dans les compagnies ne doit pas surpasser le nombre de verres pour le dîner et pour le souper des soldats, se trouvant dans chaque артель; c'est là-dessus que doit surveiller le chef de compagnie et ne jamais permettre à l'артельщикъ d'acheter au cabaret plus de vin, qu'il n'a de soldats dans son артель. Si le sergent-major et les bas-officiers de service surveilleront de même, alors il ne pourra jamais exister de vente de vin dans les compagnies, ce qu'il ne faut pas souffrir absolument. Vous recevrez, cher ami, par ce même courrier, une грамота au nouveau régiment de Séménowsky, que l'Empereur a cru nécessaire de lui donner au moment où les drapeaux seront remis à ce régiment. Je pense que cela produira un bon effet tant sur ce régiment, que même sur les autres. Vous ferez cette cérémonie, comme je vous l'ai dit dans mon ordre à ce sujet: aussitôt que les 3 bataillons seront-tout-à fait habillés, sans attendre les soldats, que vous avez eu ordre de choisir encore par 3 hommes des 12 compagnies de la 2 et 3 division de grenadiers, pour que le régiment puisse commencer son service, comme l'Empereur vous l'écrit dans sa lettre... [24])

Переводъ. Троппау, 15/27 Декабря 1820.

.....Съ этимъ же курьеромъ пишу министру финансовъ, чтобы отпустилъ вамъ 5 т. руб. для извѣстнаго употребленія на полицію, которую вы хотите учредить; но озаботьтесь хорошенько, любезный другъ, выборомъ людей. Я представилъ къ свѣдѣнію его величества ваше Русское письмо о кабакахъ, открытыхъ въ полкахъ. Государь приказалъ мнѣ сказать вамъ, что все зависитъ единственно отъ хорошаго надзора ротныхъ командировъ, фельдфебелей и дежурныхъ по ротамъ унтеръ-офицеровъ. Заведенъ былъ порядокъ имѣть водку въ ротахъ, чтобы не видѣть на улицахъ пьяныхъ солдатъ и не позволять посѣщать имъ кабаки и трактиры. Количество водки въ ротахъ не должно превышать числа чарокъ къ обѣду и къ ужину, отпускаемыхъ по числу солдатъ на всякую артель; за этимъ-то долженъ наблюдать ротный командиръ и никакъ не позволять артельщику покупать въ кабакѣ вина больше, чѣмъ слѣдуетъ по числу солдатъ его артели. Ежели фельдфебель и дежурные унтеръ-офицеры будутъ также наблюдать, тогда продажи водки въ ротахъ не будетъ; она никакъ не должна быть допускаема. Вы получите, любезный другъ, съ этимъ же курьеромъ грамоту новому Семеновскому полку, которую государь считаетъ необходимымъ передать въ этотъ полкъ въ то время, когда ему будутъ даны знамена. Я полагаю, что это произведетъ хорошее дѣйствіе, какъ на этотъ полкъ, такъ и на другіе. Вы исполните эту церемонію такъ, какъ я вамъ передалъ въ моемъ на этотъ счетъ приказѣ:

тѣмъ, что съ самаго гр. Зубова взыскали два милліона, не взнесенныхъ имъ по откупу. Имѣніе графини Потоцкой, бывшее у него въ залогѣ, было продано по этому случаю (Записка Магницкаго, XIX-й вѣкъ, 1872 г., кн. 1, стр.) 239 *В. Д.*

[24]) Выпускаемъ какъ изъ этого, такъ и изъ другихъ писемъ, обычныя прощанья, поздравленія, пожеланія и сѣтованія на недостатокъ времени.

только что 3 батальона будутъ совершенно обмундированы, не ожидая тѣхъ солдатъ, которыхъ вамъ приказано выбрать по 3 человѣка изъ 12 ротъ 2-й и 3-й гренадерскихъ дивизій, полкъ могъ бы начать службу, какъ и пишетъ вамъ государь въ своемъ письмѣ....

XIII.

Laybach, ce 28 Décembre 1820.

Je vous prie de tirer bien au clair l'histoire du pr. Mechersky [25]), de bien vous assurer si la chose est bien positive; et dites-moi ce que vous voulez qu'on fasse avec lui. Vous me parlez d'une promenade en Géorgie. Je suppose que c'est pour le placer dans un des régiments de ce corps sans prérogative des régiments des gardes. Маничаровъ sera congédié: d'après ce que vous me dites de sa conduite, il ne peut pas être souffert au régiment.

La place de Gretsch vient d'être abolie, je vous le communique officiellement et en même temps aussi au prince Galitzine, afin que Gretsch ne reste pas sur le pavé. Je vous ai demandé particulièrement, cher ami, sur le compte de Polivanoff, à quoi peut-il être employé; vous me donnez pour réponse: „не весьма надеженъ къ занятію какой-либо должности". Comme c'est trop vague, je vous prie donc de me dire positivement, peut-il être placé dans quelque régiment pour commander un bataillon, ou non, et n'a-t-il pas quelques défauts particuliers?—Vous ne m'avez pas répondu à la demande, que je vous ai faite, pourquoi le régiment des gardes à cheval n'exerce pas, tandis que tous les autres exercent tous les jours, et d'après la note ci-jointe, dont-il y a déjà même plusieurs depuis, on voit qu'il a aussi commencé à exercer; mais dites-moi pourquoi ne l'a-t-il pas fait auparavant, ou bien a-t-il négligé d'en faire part au commandant?—Le régiment du roi de Prusse, en quittant la ville, a eu 217 hommes de moins sous les armes, que selon les rapports du gouverneur de la ville. Dites-moi qu'a-t-il fait de ces 217 hommes? Il n'a pas envoyé avec les quartier-maîtres que 16 hommes, il lui restait encore 201, qui devaient être absolument sous les armes. L'Empereur a été très fâché de cela et m'a dit: „Pourquoi faut-il donc que cela soit à Laybach qu'on y fasse attention, tandis que sur les lieux on n'y prend pas garde?" Je vous conseille donc dorénavant, pour que cela n'arrive plus, toutes les fois qu'un régiment devra marcher, de faire venir la veille le chef du régiment et de lui demander le rapport du régiment pour savoir au juste le nombre d'hommes, qu'il y aura sous les armes et s'assurer de tous les absens, afin que tout ce, qui se porte bien, soit présent sous les armes sans aucune réplique. La seconde note est encore plus forte; c'est l'histoire arrivée dans la maison appartenante à un bas-officier du régiment des chasseurs,—chose que l'Empereur ne peut pas comprendre, puisqu'il a été très sévèrement défendu, encore du temps de feu l'em-

[25]) Князь Сергѣй Ивановичъ Мещерскій служилъ въ л. г. гренадерскомъ полку; онъ имѣлъ мысль о подачѣ государю адреса отъ гвардейскихъ офицеровъ касательно помилованія Семеновскаго полка. — Упоминаемый ниже Маничаровъ не хотѣлъ уступить квартиру своему ротному командиру.

pereur, que les soldats aient des propriétés. Sa M. veut absolument savoir qui a donné la permission à ce bas-officier d'avoir une maison et des chevaux, et faites prendre des renseignements exactes, n'y a-t-il pas encore dans les autres régiments de pareils propriétaires, et combien (*sic*) la conduite de ce personnage? Il se peut qu'il soit d'une conduite irréprochable; mais ses liaisons autorisent cette surveillance. Si vous apprenez quelque chose, vous me ferez le rapport de suite.

Переводъ. Лайбахъ, 28 Декабря 1820.

Покорнѣйше прошу васъ раскрыть самымъ тщательнымъ образомъ исторію князя Мещерскаго и убѣдиться, что это дѣло было положительно такъ, и скажите мнѣ, что̀ по вашему нужно съ нимъ сдѣлать? Вы мнѣ говорите о прогулкѣ въ Грузію. Я предполагаю, что вы имѣете въ виду назначеніе его въ одинъ изъ полковъ этого корпуса, безъ преимуществъ гвардейскихъ полковъ? Манычаровъ, будетъ уволенъ: вслѣдствіе того, что̀ вы мнѣ говорите о его поведеніи, онъ не можетъ быть болѣе терпимъ.

Мѣсто Греча упразднено. Я вамъ это сообщаю оффиціально и въ тоже время князю Голицыну, дабы Гречъ не остался на бобахъ. Я васъ особенно просилъ, любезный другъ, на счетъ Поливанова; куда можно его употребить? На это вы мнѣ отвѣчали: „не весьма надеженъ къ занятію какой либо должности“. Такъ какъ для меня это слишкомъ неопредѣленно, то я васъ прошу сказать мнѣ положительно, можетъ ли онъ быть опредѣленъ въ какой-нибудь полкъ для командованія баталіономъ или нѣтъ? И нѣтъ ли у него какихъ-нибудь особенныхъ пороковъ? Вы мнѣ не отвѣчали на мой вопросъ, почему конно-гвардейскій полкъ не учится, тогда какъ всѣ остальные полки учатся каждый день, а въ прилагаемой запискѣ и многихъ другихъ уже полученныхъ видно, что онъ тоже началъ учиться. Скажите мнѣ, почему онъ этого не дѣлалъ прежде? Или онъ забылъ дать знать о томъ коменданту? Полкъ короля Прусскаго при выходѣ изъ города имѣлъ на 217 человѣкъ менѣе подъ ружьемъ, чѣмъ указано въ рапортахъ генералъ губернатора,—скажите куда дѣвалъ онъ эти 217 человѣкъ? Съ квартирьерами онъ послалъ только 16 человѣкъ, у него осталось 201 человѣкъ, которые неминуемо должны были быть въ строю. Государь былъ этимъ весьма не доволенъ и сказалъ: „почему-же такъ выходитъ, что это замѣчается въ Лайбахѣ, тогда какъ на мѣстѣ на это не обращаютъ вниманія?“ Совѣтую вамъ по этому случаю впредъ, чтобъ этого не повторялось, всякій разъ, когда полку придется выступать, потребовать къ себѣ на канунѣ полковаго командира и потребовать у него рапортъ полка, чтобъ знать навѣрное количество людей, которое у него будетъ находится подъ ружьемъ и настоять, чтобы всѣ отсутствующіе, если они здоровы, были въ строю безъ всякой отговорки. Вторая записка еще серьезнѣе. Эта исторія, происшедшая въ домѣ, принадлежащемъ унтеръ-офицеру егерьскаго полка. Государь этого никакъ понять не можетъ, потому-что было очень строго запрещено еще при покойникѣ императорѣ имѣть солдатамъ собственность. Его величество непремѣнно желаетъ знать, кто далъ позволеніе этому унтеръ-офицеру имѣть домъ и лошадей? Велите собрать самыя достовѣрныя свѣдѣнія, нѣтъ-ли еще въ другихъ полкахъ подобныхъ собственниковъ и какой образъ дѣйствій этого господина? Можетъ быть, онъ безукоризненнаго поведенія; но его связи даютъ поводъ къ этому надзору. Если вы узнаете что-нибудь, пришлите мнѣ объ этомъ рапортъ немедленно.

XIV.

Laybach. Ce $^6/_{18}$ Janvier 1821 [26].

J'ai reçu, cher ami, votre lettre du 17 Décembre, dans laquelle vous me priez de ne pas arrêter la promotion du régiment des chevaliers-gardes. J'ai porté cette demande à la connaissance de S. M., qui a bien voulu vous l'accorder, et je viens de donner ordre au général Zagrefsky de porter la promotion à l'ordre du jour.

Quant aux trois individus, que vous me nommez, qui jasent le plus, Sa Majesté pense que vous devriez les faire venir chez vous, pour bien les sermonner; mais si vous avez des preuves certaines, il n'y aurait aucun scrupule de les passer à l'armée, d'autant plus que nous avons une lettre, qui a été écrite par le colonel Korsakoff dans un très mauvais sens. J'attendrai donc à ce sujet votre réponse pour les faire passer à l'armée.

Je vous renvoie, cher ami, le projet, confirmé par Sa Majesté. L'argent, que vous demandez, m'a été assigné du ministère des finances на извѣстное употребленіе, et qui vous sera remis par Zagrefsky, sans aucun papier de forme. Zagrefsky lui-même ignore le but, pour lequel cet argent vous sera remis. L'Empereur confirme le choix, que vous avez fait de la personne [27], que vous me nommez et remet cela absolument à votre disposition. Je n'ai qu'une observation à vous faire de ma part, de même qu'à la personne choisie, que le traitement, qui lui est assigné, étant assez considérable et que sa fortune actuelle est assez médiocre, il faut qu'il prenne la précaution de ne pas changer sa manière de vivre, pour ne pas produire de soupçons sur l'augmentation subite de sa fortune.

Expliquez-moi, je vous prie, à quel propos Lévaschoff a-t-il changé sa conduite envers vous depuis l'histoire du régiment, et comment le prouve-t-il?

Je joins ici, par ordre de Sa M., deux notes: l'une du gouverneur militaire au sujet d'un barbier du régiment de grenadiers du prince de Prusse, qui porte des plaintes contre le sergent-major et contre le chef de la compagnie. L'Empereur vous ordonne de prendre des renseignements bien exacts sur cette affaire et de m'en faire part. Sa M. observe qu'il y a plusieurs soldats, qui commencent à se présenter avec leurs plaintes directement à la maison d'ordonnance; au cas que pareille chose se renouvelle encore, l'Empereur vous ordonne de vous informer sous main n'y a-t-il pas quelque écrivain à la maison d'ordonnance, qui les instigue à cela. La seconde note est d'une femme, trouvée morte dans la caserne du régiment de Préobragensky. Sa Majesté vous réitère l'ordre le plus sévère de ne pas souffrir que des

---

[26]) Это письмо въ переводѣ, за исключеніемъ замѣтки о Мейендорфѣ; было напечатано въ Русской Старинѣ 1871 года.

[27]) Говорится о лицѣ, которому поручена была негласная военная полиція. Это былъ библіотекарь гвардейскаго генеральнаго штаба и правитель канцеляріи комитета раненыхъ, Михаила Грибовскій.

filles publiques aient l'entrée dans les casernes, et si les officiers et bas-officiers de service et les sergent-majors rempliront strictement leur devoir, jamais les femmes de cette espèce ne pourront y pénétrer. J'ai été pendant deux ans aide-de-camp du régiment, du temps de feu l'empereur Paul, et je peux répondre qu'il n'y a pas eu d'exemples d'une aventure pareille. Les soldats couraient bien les filles, mais cela se passait hors des casernes.

P. S. J'ai porté à la connaissance de Sa M. la pétition du capitaine en second de l'état-major de la garde Meyendorff 2, qui demande sa retraite. Sa Majesté trouve que c'est très peu délicat de sa part de demander sa démission après la grâce, qui lui a été accordée à la suite du jugement de guerre, qu'il a subit; au contraire, il doit prouver par le zèle qu'il mettra à son service qu'il n'a pas été indigne des bontés, que l'Empereur lui a témoignées. J'attendrai votre réponse; mais je voudrais que vous lui fissiez entendre raison là-dessus, et c'est dommage de le perdre pour les talents qu'il montre: il pourra être un jour utile à la patrie, tandis qu'en quittant le service, il perd son mérite pour le reste de ses jours.

Переводъ. Лайбахъ, $^{6}/_{18}$ Января 1821 г.

Я получилъ, любезный другъ, письмо ваше отъ 17 Декабря, въ которомъ вы просите не пріостанавливать производства въ кавалергардскомъ полку. Я представилъ просьбу эту на благоусмотрѣніе его величества, которому угодно было вамъ оную разрѣшить, и я приказалъ генералу Закревскому внести производство въ приказъ. Что же касается до трехъ поименованныхъ вами лицъ, которыя всего болѣе болтаютъ, его величество полагаетъ, что вы должны бы потребовать ихъ къ себѣ, чтобы хорошенько ихъ пожурить; однако, ежели у васъ есть вѣрныя доказательства, то безъ всякаго грѣха можно бы ихъ перевести въ армію, тѣмъ болѣе что мы имѣемъ письмо, писанное полковникомъ Корсаковымъ въ весьма дурномъ духѣ. И такъ, чтобы перевести ихъ въ армію, я буду на этотъ счетъ ожидать отвѣта вашего.

Возвращаю вамъ, любезный другъ, проэктъ, утвержденный его величествомъ. Деньги, вами испрашиваемыя, ассигнованы мнѣ министерствомъ финансовъ на извѣстное употребленіе: онѣ будутъ переданы вамъ Закревскимъ безъ всякой формальной бумаги. Закревскому самому неизвѣстно, съ какою цѣлью деньги эти поступаютъ къ вамъ. Государь утверждаетъ выборъ лица вами мнѣ указаннаго и предоставляетъ это вполнѣ на ваше распоряженіе. Съ моей стороны я могу только замѣтить вамъ также, какъ и избранному лицу, что такъ какъ содержаніе, ему назначенное, довольно значительно, а состояніе его весьма посредственно, то онъ долженъ остерегаться и не измѣнять своего образа жизни, чтобы не возбудить подозрѣнія быстрымъ увеличеніемъ своего состоянія. Объясните мнѣ, прошу васъ, по какому поводу Левашовъ измѣнилъ свое поведеніе относительно васъ, со времени исторіи полка, и чѣмъ онъ это доказываетъ? Прилагаю къ сему по повелѣнію его величества двѣ записки: одну отъ военнаго генералъ-губернатора насчетъ цирюльника полка короля Прусскаго (гренадерскаго). Ген.-губернаторъ жалуется на фельдфебеля, а также и на ротнаго командира. Государь приказываетъ вамъ, собравъ самыя вѣрныя справки по сему дѣлу, сообщить мнѣ. Его величество замѣчаетъ, что многіе солдаты являются съ жалобами прямо въ ордонансъ-

гаузъ; ежелибы такіе случаи возобновились, государь приказываетъ разузнать вамъ, нѣтъ ли въ ордонансъ-гаузѣ писаря, который къ сему ихъ подстрекаетъ. Вторая записка насчетъ женщины, найденной мертвою въ казармахъ Преображенскаго полка. Его величество подтверждаетъ вамъ наистрожайшій приказъ не терпѣть, чтобы публичныя женщины были допускаемы въ казармы, и ежели дежурные офицеры и унтеръ-офицеры, а также и фельдфебели строго исполнять свою обязанность, никогда подобнаго рода женщины въ казармы попасть не могутъ. Я былъ въ продолженіи двухъ лѣтъ полковымъ адъютантомъ, во времена императора Павла, и отвѣчаю вамъ, что не было примѣра подобнаго происшествія. Солдаты бѣгали конечно за дѣвками, но никогда этого не происходило въ казармахъ.

P. S. Я представилъ на благоусмотрѣніе его величества просьбу штабсъ-капитана гвардейскаго генеральнаго штаба Мейендорфа 2-го объ увольненіи его въ отставку. Его величество находитъ, что очень неделикатно съ его стороны просить объ увольненіи послѣ милости, оказанной ему вслѣдствіе военнаго суда, которому онъ подвергся; напротивъ, онъ долженъ бы былъ ревностью къ службѣ доказать, что онъ не недостоинъ милостей, оказанныхъ ему государемъ. Я буду ожидать отвѣта вашего; я желалъ бы, чтобы вы его вразумили на этотъ счетъ; жаль бы было потерять въ немъ тѣ способности, которыя онъ выказываетъ; со временемъ онъ можетъ быть полезенъ отечеству, тогда какъ, оставивъ службу, онъ потеряетъ навсегда свое достоинство.

XV.

Laybach. Ce 12/24 Janvier 1871 [28]).

En réponse à votre lettre, cher ami, du 24 Décembre, je vous prie de vous aboucher avec le général Zagrefsky sur les différentes questions, qu'il me fait sur la commission militaire, et sur les punitions, qui doivent s'en suivre, mais seulement après la confirmation de Sa Majesté.

Quant aux revues d'inspections du régiment, je ne vois pas d'empêchement qu'elles se fassent un peu plus tard, d'autant plus que nous sommes déjà à la moitié du mois de Janvier. Je pense que les soldats, qui porteraient des plaintes peu réfléchies, doivent être punis et sévérement, si leurs plaintes ne seront pas valables ou injustes, parcequ'il ne faut pas permettre aussi aux soldats de faire de faux rapports et de trop raisonner. La sévérité, observée aves justice, ne déplait jamais à notre soldat; au contraire, j'ai souvent entendu les soldats louer même leurs chefs pour cela.

J'envoie par ce même courrier un ordre de Sa M. au ministre des finances, pour vous payer les prétentions des régiments pour leurs chevaux des compagnies.

Je vous préviens que Sa M. a fait avancer tous les porte-enseignes du ci-devant régiment de Séménowsky dans leurs nouveaux régiments de l'armée. L'Empereur ne voulait pas leur donner les grades d'officiers au moment où ils quittaient le régiment, uniquement pour ne pas blesser ceux, qui servent bien dans les autres régiments des gardes et

---

[28]) Переводъ того письма былъ напечатанъ въ Русской Старинѣ 1871 года.

qui restent encore à continuer leur service dans le grade des porte-enseignes. L'ordre pour la promotion des officiers des chevaliers-gardes a été donné.

L'Empereur accorde un semestre à Панкратьевъ de 4 mois, pour ne pas enfreindre aux réglements; mais si les affaires ne pourront pas être terminées dans l'intervalle de ces 4 mois, l'on pourra lui accorder une prolongation de deux mois, ce qui fera par la suite les 6 mois, qu'il demande et ne dérangera pas l'ordre, qui doit être observé.

Le général Zagrefsky vous communiquera aussi une note, que je lui envoie sur un bas-officier du régiment de Séménowsky, qui se trouve détenu à la forteresse de Schlüsselbourg pour des propos, qu'il a tenus; en même temps il avoue qu'il a été à la forteresse de Pétersbourg chez les soldats du bataillon, déguisé en uniforme du bataillon de train, et que c'est le capitaine Mouravieff, qui l'avait envoyé et lui avait procuré le costume. Il faut faire les recherches les plus sévères là-dessus et me donner les détails, comment cela est arrivé, et comment les gardes ont-elles permis que des étrangers puissent pénétrer chez les prisonniers.

Sa Majesté me charge de vous dire de veiller à ce que l'on fasse lire plus souvent dans toutes les compagnies des régiments le réglement de Pierre le Grand sur les militaires, surtout les articles sur la discipline, sur la défense des rassemblements en corps sans permission pour porter des plaintes et les faire expliquer aux soldats autant que possible par les auditeurs des régiments. L'Empereur trouve encore que tous les généraux visitent peu les casernes des soldats, hors le service. Sa Majesté désirerait qu'à commencer par vous-même, et que vous recommandiez aussi aux autres d'aller dans les casernes seuls, sans prévenir personne, et dans des heures différentes de la journée, pour voir un peu ce que font les soldats, comment ils mangent, ne leur manquait-il pas quelque chose, et souvent, en causant avec eux hors du service, écouter leurs plaintes et porter remède à leur demande, tâchant de gagner davantage leur attachement et le respect, qu'ils doivent avoir pour leurs chefs, pour les soins paternels que ces derniers prendront d'eux.

Переводъ. Лайбахъ, $^{12}/_{24}$ Января 1821 г.

Въ отвѣтъ на письмо ваше отъ 24 Декабря прошу васъ, любезный другъ, переговорить съ генераломъ Закревскимъ о разныхъ вопросахъ, съ которыми онъ ко мнѣ обращается по поводу военно-судной коммиссіи и тѣхъ наказаній, которыя воспослѣдуютъ, однако, только послѣ конфирмаціи его величества.

Чтоже касается инспекторскихъ смотровъ полка, то я не вижу препятствій, чтобы оные производились немного позже, такъ какъ уже наступила половина Января. Я полагаю, что солдаты, которые обратятся съ необдуманными жалобами, должны быть наказаны строго, ежели жалобы ихъ не будутъ законны и справедливы, потому что не слѣдуетъ также позволить солдатамъ дѣлать фальшивые доносы и много разсуждать. Строгость, соединенная съ справедливостью, не можетъ не нравиться солдату нашему; напротивъ, я часто слышалъ, что солдаты за нее хвалили сво-

ихъ начальниковъ. Посылаю съ этимъ же курьеромъ повелѣніе его величества министру финансовъ на уплату полковыхъ требованій за ротныхъ лошадей. Предупреждаю васъ, что его величество приказалъ произвести всѣхъ подпрапорщиковъ бывшаго Семеновскаго полка въ тѣхъ армейскихъ полкахъ, куда они переведены. Государь не хотѣлъ дать имъ офицерскаго чина въ то время, когда они оставляли полкъ единственно для того, чтобы не обидѣть тѣхъ, которые служатъ въ другихъ гвардейскихъ полкахъ и донынѣ продолжаютъ службу въ чинѣ подпрапорщика.

Приказъ о производствѣ офицеровъ кавалергардскаго полка уже отданъ. Государь разрѣшаетъ Панкратьеву четырехъ-мѣсячный отпускъ, дабы не нарушить постановленій; но ежели дѣла его не могутъ быть покончены въ четырехъ-мѣсячный срокъ, можно будетъ разрѣшить ему двухъмѣсячную отсрочку, что̀ въ итогѣ составитъ шесть мѣсяцевъ, о которыхъ онъ проситъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не разстроитъ общаго порядка, который долженъ быть соблюденъ.

Генералъ Закревскій сообщитъ вамъ также записку, которую я ему посылаю, объ одномъ унтеръ-офицерѣ Семеновскаго полка, который содержится въ Шлюсельбургской крѣпости за предосудительные разговоры: вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сознается, что былъ въ Петербургской крѣпости у солдатъ 1-го батальона, переодѣтый въ мундиръ фурштатской команды, что его туда послалъ капитанъ Муравьевъ, снабдивъ его для сего костюмомъ. Нужно сдѣлать наистрожайшее изслѣдованіе по этому предмету, сообщивъ мнѣ подробности, какимъ образомъ это случилось и какъ караульные могли допустить постороннихъ лицъ къ арестантамъ.

Его величество поручаетъ мнѣ сказать вамъ, дабы вы имѣли наблюденіе, чтобы, сколь можно, чаще читалось во всѣхъ ротахъ полковъ постановленіе Петра Великаго объ обязанностяхъ военно-служащихъ, особенно тѣ главы, въ которыхъ говорится о дисциплинѣ, о запрещеніи безъ разрѣшенія собираться скопомъ для принесенія жалобъ, и прочитанное заставить полковыхъ аудиторовъ, по возможности, объяснять солдатамъ. Государь находитъ также, что всѣ генералы вообще внѣ службы рѣдко посѣщаютъ казармы. Его величество желалъ бы, чтобы, начиная съ васъ и прочіе, по внушенію вашему, посѣщали казармы одни, никого о семъ не предупреждая, въ разные часы дня, дабы видѣть, что̀ дѣлаютъ солдаты, какъ ихъ продовольствуютъ, нѣтъ ли у нихъ въ чемъ-либо недостатка и, часто разговаривая съ ними внѣ службы, выслушивать ихъ жалобы, стараться исполнять ихъ просьбы и заслужить, сколь можно, болѣе привязанности и почтенія, которыя они должны имѣть къ начальникамъ за тѣ отеческія попеченія, которыми ихъ будутъ окружать.

XVI.

Laybach. Ce 23 Janvier 1821.

[29]) Je suis charmé que la formation du régiment marche; mais je trouve, cher ami, que vous faites un choix trop sévère; croyez-moi que Sturler et les autres compères sont enchantés de garder plus de vieux soldats, puisqu'en général les meilleurs instructeurs sont toujours choisis par lui parmi les petits, uniquement pour qu'on ne les lui ôte pas. Sa Majesté s'est décidée à nommer Oudom commandeur du régiment de Séménowsky. Je ferai mettre cela à l'ordre du jour, qui

---

[29]) Выпускаемъ извѣстіе о болѣзни князя Волконскаго.

vous arrivera par le courrier prochain; en attendant vous êtes autorisé de le nommer par votre приказъ ad-interim. Comme cependant sa santé n'est pas des plus belles et pour avoir quelqu'un en réserve, Sa M. désire beaucoup que vous décidiez le colonel Шиповъ à entrer dans le régiment avec son bataillon; il commanderait un bataillon, il est vrai, mais en perspective il aura la place du commandeur de ce régiment. Vous lui ferez donc la proposition de la part de l'Empereur et me communiquerez sa réponse. Sa M. désire savoir aussi, si vous avez rempli sa commission au général Patkoule, puisque dans votre lettre à l'Empereur vous n'en faites pas mention. L'aide-de-camp Бибиковъ est placé dans le 4 régiment de la marine. Sa M. l'avait retenu jusqu'à présent au régiment, pour qu'il ait cependant quelqu'un au régiment au moment de la formation, à cause des paperasses du régiment et de tant d'autres choses. Vous me parlez d'argent d'uniforme pour l'année 21; j'espère que cela regarde les autres, mais pas le régiment de Séménowsky, parceque les vieux soldats de ce régiment n'ont pas le droit; quant aux nouveaux, il y a eu ordre de leur donner les uniformes pour l'année 21 en nature. Quant aux autres régiments je pense que le commissariat ne fera aucun retard, dans tous les cas je préviendrai le ministre de la guerre..... [30])

Переводъ. Лайбахъ, 23 Января 1821 г.

Я очень доволенъ, что формированіе полка подвигается; но нахожу, любезный другъ, что вы дѣлаете слишкомъ строгій выборъ: повѣрьте мнѣ, что Стюрлеръ и прочіе хитрецы очень рады удержать болѣе старыхъ солдатъ, такъ какъ вообще лучшіе люди, обучающіе рекрутъ, избираются имъ изъ малорослыхъ, единственно для того, чтобы ихъ у него не отняли. Его величество рѣшился назначить Удома командиромъ Семеновскаго полка. Я прикажу отдать это въ приказѣ, который вы получите съ слѣдующимъ курьеромъ, до того же времени вамъ разрѣшается назначить его вашимъ приказомъ ad-interim. Такъ какъ, однако, здоровье его не изъ самыхъ блестящихъ, то чтобы имѣть кого-нибудь въ запасѣ, его величество желалъ бы очень, чтобы вы уговорили полковника Шипова вступить въ полкъ съ своимъ батальономъ; правда, онъ бы командовалъ батальономъ, но имѣлъ бы въ виду мѣсто командира этого полка. Сдѣлайте ему это предложеніе отъ имени государя и сообщите мнѣ его отвѣтъ.—Его величество желаетъ также знать, исполнили ли вы его порученіе относительно генерала Паткуля, такъ какъ въ письмѣ вашемъ къ государю вы о семъ не упоминаете. Адъютантъ Бибиковъ помѣщенъ въ 4-й морской полкъ. Его величество удержалъ его до сихъ поръ, чтобы кто-нибудь оставался въ полку во время его формированія для разбора письменныхъ и нѣкоторыхъ другихъ дѣлъ полка. Вы говорите мнѣ о мундирныхъ деньгахъ на 21 годъ; надѣюсь, что это относится до другихъ, но никакъ не до Семеновскаго полка, потому что старые солдаты этого полка на это права не имѣютъ; что же касается молодыхъ, то отданъ уже приказъ о выдачѣ имъ мундировъ 21-го года натурою. Я полагаю, что для другихъ полковъ коммисаріатъ не сдѣлаетъ никакихъ замедленій, во всякомъ случаѣ я предупрежу о семъ военнаго министра.

---

[30]) Выпускаемъ повтореніе о нездоровьи князя и его извиненіе передъ Кочубеями, что не отвѣчаетъ имъ съ сегодняшнимъ курьеромъ.

XVII.

Laybach. Ce 1/13 Février 1821.

J'ai reçu, cher ami, votre lettre du 14 Janvier avec les annexes de votre correspondance avec le c. de Miloradovitsch. Je vous dirai avec ma franchise habituelle, que pour cette fois-ci je ne puis qu'approuver la conduite de Miloradovitsch dans cette occasion et j'en aurais fait autant à sa place: car pourquoi voulez-vous déranger l'ordre une fois établi pour le tour des régiments, désignés à monter la garde, et surtout dans une époque comme celle-ci? Il n'y a pas de doute que cela blesserait le régiment de Préobragensky, dont c'était le tour et pouvait produire quelques désagréments sans la moindre nécessité. Comme ce n'est que le 18 que vous remettez les drapeaux au régiment, il ne pouvait donc pas monter la garde sans drapeaux, ou sans les avoir reçus d'après l'ordre donné; et d'ailleurs l'Empereur, dans sa lettre particulière, vous avait nommément dit de ne faire monter la garde à ce régiment qu'à son tour. Supposons que vous désiriez qu'il parût la première fois pour un jour de fête, comme celui du 13; il aurait fallu alors vous concerter plusieurs jours d'avance avec le c. de Miloradovitsch là-dessus, sans entrer en aucune correspondance, mais verbalement; et alors on aurait pu changer d'avance le tour de rôle, en supprimant, par exemple, celui de l'équipage de la garde ou du bataillon des sapeurs; alors le régiment de Préobragensky tout naturellement aurait monté la garde le 12, et le 13 cela aurait été, comme de raison, celui de Séménowsky. Mais en entrant en correspondance, sans l'avoir prévenu, il a été en droit de vous le refuser, comme il l'a fait, craignant sa propre responsabilité, s'il était arrivé quelque désagrément. Sa Majesté est extrêmement peinée de cette aventure, mais il est entièrement du même avis.

Je reçois en même temps un rapport du général Zagrefsky, par lequel il me fait connaître qu'un écrivain du régiment d'Ismailowsky allait chez un employé du civil pour lui recopier ses paperasses et en même temps a fait des bavardages différents, entre autres que le feldfebel du régiment de Séménowsky de la compagnie de Sa M., détenu à la forteresse, venait souvent déguisé en bourgeois, rendre visite au feldfebel de la compagnie du Grand Duc du régiment d'Ismailowsky; c'est une chose qui demande à être découverte absolument. Quand ce feldfebel de Séménowsky a été au régiment d'Ismailowsky? D'où a-t-il eu le costume et quel costume? Comment les sentinelles des grenadiers de corps l'ont-elles laissé sortir et rentrer sans la connaissance de l'officier de garde? Et combien de fois a-t-il fait ces visites? Ensuite, comment permet-on que les écrivains se chargent d'aller copier des papiers d'autrui—chose qui de notre temps a été très sévèrement défendue et même sans exemple? Voilà, cher ami, où je trouve que le service n'est pas assez surveillé, c'est dans ces détails et qui sont très importants, croyez-moi. Cette négligence provient de ce que m-rs les chefs ne pensent seulement qu'au seul service de front; et une fois la parade finie—adieu le reste: personne ne songe même à mettre le pied

à la caserne jusqu'au lendemain, pour voir sur ce qui se passe, et faites moi part nominalement de tous.—Nous voilà ici depuis deux jours, et Dieu sait, pour combien de temps et où cela nous mènera. Le roi de Naples n'est arrivé ici que hier. C'est un bien vieux homme, mais encore assez vert pour son âge.... [31])

Переводъ. Лайбахъ, $^1/_{13}$ Февраля 1821 года.

Я получилъ, дорогой другъ, ваше письмо отъ 14-го Генваря съ прибавленіемъ вашей переписки съ графомъ Милорадовичемъ, и скажу вамъ съ обычною моею откровенностью, что на этотъ разъ я одобряю поведеніе Милорадовича: въ этомъ случаѣ на его мѣстѣ я самъ бы сдѣлалъ тоже самое. Зачѣмъ вы хотѣли измѣнить разъ установленный порядокъ въ караульной очереди гвардейскихъ полковъ, и особенно въ такое время, какъ нынѣшнее? Нѣтъ сомнѣнія, что это оскорбило бы Преображенскій полкъ, котораго была очередь, и могло произвести непріятности безъ всякой необходимости. Такъ какъ вы передаете полку знамена только 18-го числа, то онъ не могъ занимать караула безъ знаменъ; кромѣ этого, государь въ своемъ частномъ письмѣ далъ вамъ именной приказъ не иначе посылать этотъ полкъ въ караулъ, какъ въ очередь. Предположимъ, что вы желали, чтобы онъ въ первый разъ явился въ праздничный день, какъ напримѣръ 13-го числа; вамъ слѣдовало за нѣсколько дней сговориться объ этомъ съ гр. Милорадовичемъ, не входя ни въ какую переписку, а словесно, и тогда можно бы было заранѣе измѣнить очередь, уничтоживъ, напримѣръ, очередь гвардейскаго экипажа или сапернаго баталіона; тогда бы Преображенскому полку само собою пришлось занять караулы 12; а 13, разумѣется, была бы очередь Семеновскаго. Но когда вы вступили въ переписку, не предупредивъ его, онъ былъ въ правѣ отказать вамъ,—какъ онъ и сдѣлалъ, опасаясь за свою отвѣтственность, если-бы произошли какія-либо непріятности. Его величество чрезвычайно огорченъ этимъ происшествіемъ, и онъ совершенно того же мнѣнія. Я въ тоже время получилъ рапортъ генерала Закревскаго, въ которомъ онъ увѣдомляетъ, что одинъ писарь Измайловскаго полка ходилъ для переписки бумагъ къ какому-то гражданскому чиновнику и между прочимъ проболтался, что будто бы фельдфебель Семеновскаго полка, роты его величества, содержащійся въ крѣпости, переодѣтый въ гражданское платье, часто приходитъ къ фельдфебелю роты его высочества Измайловскаго полка. Это обстоятельство должно быть непремѣнно раскрыто. Когда фельдфебель Семеновскаго полка былъ въ Измайловскомъ? Откуда онъ досталъ одежду, и какая она была? Какимъ образомъ часовые лейбъ-гренадерскаго полка пропускали его и впускали обратно безъ вѣдома караульнаго офицера, и сколько разъ повторялось это посѣщеніе? Потомъ, какимъ образомъ позволяютъ писарямъ ходить переписывать частныя бумаги, что̀ въ наше время было строго запрещено и чему даже не было примѣра. Вотъ, любезный другъ, въ чемъ я нахожу, что служба не достаточно наблюдается, въ этихъ мелочахъ, которыя, вѣрьте мнѣ, очень важны. Это нерадѣніе происходитъ оттого, что г. начальники думаютъ только о фрунтовой службѣ, и какъ только ученье кончено, до остальнаго имъ дѣла нѣтъ: никто не думаетъ посѣщать казармы до другаго дня, чтобы видѣть, что̀ тамъ дѣлает-

[31]) Выпускаемъ: сообщеніе о Вѣнѣ, Лайбахѣ, погодѣ; сожалѣніе, что еще долго придется быть внѣ родины; увѣдомленіе, что одинъ изъ рапортовъ Васильчикова не дошелъ до князя.

ся. Сообщите мнѣ поименно обо всѣхъ. Мы здѣсь уже два дня, и Богъ знаетъ, на сколько времени и къ чему это насъ приведетъ. Король Неаполитанскій пріѣхалъ только вчера. Онъ старъ, но еще бодръ для своихъ лѣтъ.

XVIII.

Laybach. Ce 6/18 Février 1821.

32) ....Le colonel Koskoul du régiment des cuirassiers de la garde rapporte à Sa M., qu'il y a eu un coup de pistolet de tiré contre le logement du chef d'escadron Милинъ, et que c'est un bas-officier du même régiment, nommé Лиманскій, qui a avoué à un autre bas-officier, nommé Жилинка, l'avoir fait. Il faut faire juger le coupable, et en même temps Sa M. désire connaître, si ces deux bas-officiers ont été ou non à l'école générale de l'enseignement mutuel, qui a été établie dans la garde à Pétersbourg.

Dans le rapport, que vous avez envoyé sur la mort du capitaine en second du régiment de Préobragensky Kovnatzky, vous avez oublié d'envoyer en original la lettre, qu'il avait écrite avant sa mort,—chose qui doit être toujours observée dans un cas pareil. Sa Majesté me charge de vous dire qu'il croit que les raisons que l'on attribue à sa mort sont trop faibles, et vous ordonne de tâcher de faire des recherches, pour savoir, s'il est possible, la véritable cause,—et n'a-t-il pas été franc-maçon et dans quelle loge?

D'après la note ci-jointe vous faites passer les verges à un soldat du régiment de Pavlowsky pour une absence d'un jour et pour une fausse plainte contre un bas-officier. Sa Majesté désire savoir, si l'on a bien fait l'examen de cette affaire et s'il est bien prouvé que les plaintes étaient fausses.

J'apprends par Zagrefsky que le colonel Korsakoff 33) s'est oublié au point de déboutonner son habit au bal de la Cour, et que vous lui avez ordonné de demander à passer à l'armée. Comme vous ne me dites rien, j'ai écrit à Zagrefsky de le faire placer dans un des régiments du 3 corps d'armée, aussitôt qu'il recevra votre présentation, et je vous conseille de ne pas vous arrêter à le faire, parceque d'après tous les rapports ce n'est pas un officier, que l'on puisse regretter.

Переводъ. Лайбахъ, 6/18 Февраля 1821 года.

..... Полковникъ Коскуль гвардейскаго кирасирскаго полка доноситъ его в., что сдѣланъ былъ пистолетный выстрѣлъ въ квартирѣ эскадроннаго командира Милина и что у. оф. Лиманскій того же полка сознался у. оф-у,

32) Выпускаемъ повтореніе приказанія императора навести точныя справки насчетъ недвижимой собственности унтеръ-офицеровъ и солдатъ, при чемъ его величество высказываетъ намѣреніе поддерживать приказъ, изданный императоромъ Павломъ, по которому солдатамъ запрещалось имѣть недвижимую собственность. (Сколько намъ извѣстно, приказъ этотъ нынѣ отмѣненъ).

33) Григорій Александровичъ Римскій-Корсаковъ служилъ въ л. гв. Московскомъ полку и былъ усыновленъ генераломъ Александромъ Михаиловичемъ Римскимъ-Корсаковымъ. *В. Д.*

по имени Жилинкѣ, что выстрѣлъ сдѣлалъ онъ. Нужно отдать подъ судъ виновнаго, а въ тоже время е. в. желаетъ знать, были ли эти оба у. оф-ра въ главной школѣ взаимнаго обученія, учрежденной при гвардейскомъ корпусѣ въ Петербургѣ.

Въ рапортѣ, присланномъ вами о смерти штабсъ-капитана Преображенскаго полка Ковнатскаго, вы забыли приложить въ оригиналѣ письмо, писанное имъ передъ смертью: обстоятельство, которое должно быть всегда соблюдаемо въ подобныхъ случаяхъ. Его величество поручаетъ сказать вамъ, что онъ думаетъ, что причины, которымъ приписываютъ его смерть, слишкомъ недостаточны и слабы, и приказываетъ вамъ постараться розыскать, дабы узнать, если возможно, настоящую причину,—и не былъ ли онъ масономъ и въ какой ложѣ? По прилагаемой здѣсь запискѣ вы приказываете наказать розгами солдата Павловскаго полка за самовольную отлучку въ продолженіи одного дня и несправедливую жалобу на у. офицера. Его величество желаетъ знать, хорошо ли было изслѣдовано это дѣло и доказано ли, что жалобы были несправедливы?

Я узналъ черезъ Закревскаго, что полковникъ Корсаковъ забылся до того, что растегнулъ мундиръ на придворномъ балу и что ему приказали подать о переводѣ его въ армію. Такъ какъ вы мнѣ ничего объ этомъ не говорите, то я написалъ Закревскому объ опредѣленіи его въ одинъ изъ полковъ 3-го корпуса, какъ только онъ получитъ ваше представленіе; и я вамъ совѣтую не останавливать исполненія, потому что, по всѣмъ донесеніямъ, онъ не изъ тѣхъ офицеровъ, о коихъ можно сожалѣть.

XIX.

Laybach. Ce 15/27 Février 1821.

J'ai reçu, cher ami, votre lettre du 28 Janvier, dans laquelle vous me parlez, que le colonel Korsakoff a demandé sa démission; mais je ne l'ai pas reçue, probablement que Zagrefsky l'a reçue après l'expédition du courrier et qu'il la fera porter à l'ordre du jour, qui m'arrivera par le premier courrier. Le service ne perd pas beaucoup en lui, d'après toutes les données, que j'ai eues sur lui; il n'est pas à regretter. Tâchez donc de faire taire ces bons défenseurs des coupables, en leur faisant entendre leur inconduite, qu'ils auront à regretter, mais cela sera trop tard, et nommez les moi; en général je vous prie de nommer toutes les fois cette espèce de gens [34].... Dites moi, je vous prie, pourquoi avez-vous nommé Lévaschoff président da la commission militaire, si vous aviez connaissance qu'il agissait dans le sens contraire; comme si vous ne pouviez pas choisir un autre! Il risque d'avoir une grande avanie à présent, si l'auditoriat trouve qu'il a jugé avec partialité, ou qu'il s'est éloigné de la formalité; l'auditoriat ne s'arrêtera pas à dire son opinion d'après la loi et ne lui fera pas grâce, je vous en réponds.

Je vous envoie ci-inclus votre note au sujet des déserteurs. Sa Majesté me charge de vous dire, qu'il voit avec plaisir déjà plusieurs notes pareilles, où il n'est plus question de déserteurs. Ceci prouve

[34]) Выпускаемъ предположеніе князя, что теперь уже не долго осталось до возвращенія въ Россію.

qu'on y met plus de soin à la surveillance des gens et sur leur moralité, surtout en empéchant l'ivrognerie, qui enfante tous les vices. Tant qu'on y attachera toute l'attention possible à ce que les soldats s'ennivrent le moins qu'ils peuvent, vous en verrez tout de suite la différence dans toute leur conduite, qui ne peut tourner que vers le bien, surtout si les chefs les visiteront dans les casernes.

P. S. Parmi les défenseurs comprenez-vous le seul chef de la 2 division et Lévaschoff, ou le chef de la 1 division de la garde aussi? Dites-le moi.

Переводъ. Лайбахъ, 15/27 Февраля 1821 г.

Я получилъ, дорогой другъ, ваше письмо отъ 28-го Января, въ которомъ вы говорите, что полковникъ Корсаковъ подалъ въ отставку; но я ея не получалъ: вѣроятно, Закревскій получилъ ее по отправленіи курьера и внесетъ ее въ приказъ, который придетъ ко мнѣ съ ближайшимъ курьеромъ. Служба немного въ немъ потеряетъ: по всѣмъ даннымъ, которыя я имѣю, о немъ жалѣть нечего. Постарайтесь заставить молчать всѣхъ этихъ добрыхъ защитниковъ виновныхъ, дабы имъ понять неприличіе ихъ поведенія, о которомъ они будутъ сожалѣть, но тогда будетъ уже поздно. Назовите мнѣ ихъ имена. Вообще я прошу васъ всякій разъ называть мнѣ имена такого рода людей. Скажите мнѣ, пожалуйста, зачѣмъ вы назначили Левашева президентомъ военной судной коммиссіи, если вамъ было извѣстно, что онъ дѣйствуетъ въ смыслѣ противномъ? Какъ будто вы не могли выбрать другаго! Онъ рискуетъ имѣть большія непріятности, если аудиторіатъ найдетъ, что онъ судилъ пристрастно или не соблюлъ формальностей; аудиторіатъ не задумается высказать свое мнѣніе по закону и не пощадитъ его, я вамъ за это отвѣчаю.

Я посылаю вамъ при семъ вашу записку о дезертирахъ. Его в. поручаетъ сказать вамъ, что видитъ съ удовольствіемъ уже нѣсколько подобныхъ записокъ, въ которыхъ нѣтъ рѣчи о бѣжавшихъ. Это доказываетъ, что люди и ихъ нравственность находятся подъ болѣе тщательнымъ надзоромъ, не допускающимъ пьянства, которое порождаетъ всѣ пороки. Когда будутъ обращать всевозможное вниманіе, чтобы солдаты какъ можно менѣе пьянствовали, вы сейчасъ замѣтите перемѣну въ ихъ поведеніи, которое можетъ только привести къ добру, въ особенности если начальники будутъ часто посѣщать казармы.

P. S. Въ числѣ защитниковъ считаете вы только начальника 2-й дивизіи и Левашева, или также и начальника 1-й гвардейской дивизіи? Напишите мнѣ объ этомъ.

XX.

Laybach. Ce 19 Février / 3 Mars 1821.

Je vous renvoie ci-inclus, cher ami, une de vos présentations pour le remplacement de Чаадаевъ, parceque je n'ai pas osé la présenter, après le fameux sermon, que j'ai eu ordre de faire au ministre de la guerre pour un choix d'aide-de-camp d'un jeune homme du régiment d'Ismailowsky, et de même au prince Repnin aussi pour Капнистъ, pour vous éviter une pareille histoire. L'Empereur ne veut pas que l'on prenne de trop jeunes gens pour aides-de-camp, et je trouve qu'il n'a pas tort en cela: car il faut que ces messieurs connaissent toutes

les fatigues du service et tous les détails avant d'être placés comme aides-de-camp, et qu'ils regardent cela comme un honneur, qu'on leur fait. Celui, que vous présentez, est un parent assez proche même à moi [35]), et j'aurais été bien content de le voir placé aussi bien; mais pour cette fois-ci je dois prêcher contre lui: d'abord je sais par les régiments où il a servi, qu'il était un peu paresseux et beaucoup trop jeune; c'est tout bonnement un enfant. Faites-le venir chez vous, si vous ne le connaissez pas, et vous verrez que j'ai raison. Les Kaznatscheeff m'en voudront; mais cela ne me fait rien: au service je n'ai pas de parents, tous me sont égaux, et quand mes fils seront au service, et que je ne le quitterai pas, on verra l'exemple que je ferai; parceque je trouve que la jeunesse d'aujourd'hui est d'une ingratitupe inconcevable et ne songe seulement qu'à l'avancement, sans savoir si elle le mérite. Si vous me faites réponse à cela, faites le dans une lettre tout-à-fait à part pour moi seul; parceque toutes les autres sont lues.

P. S. Vous pourrez dire à Казначеевъ pour raison, que je n'ai pas cru présenter cette note à cause des raisons, expliquées ci-dessus.

Переводъ. Лайбахъ, $\frac{\text{19 Февраля}}{\text{3 Марта}}$ 1821 г.

Я возвращаю вамъ, дорогой другъ, одно изъ вашихъ представленій относительно замѣщенія Чаадаева: потому-что, желая васъ избавить отъ непріятности, я не осмѣлился представить его послѣ строгаго выговора, который мнѣ приказано было сдѣлать военному министру за выборъ въ адъютанты молодаго офицера Измайловскаго полка, а также и кн. Репнину за Капниста. Государю не угодно, чтобы брали въ адъютанты слишкомъ молодыхъ людей, и я нахожу, что онъ правъ: нужно, чтобы эти господа знали всѣ трудности и подробности службы, прежде чѣмъ получить адъютантское мѣсто и видѣли бы въ этомъ назначеніи дѣлаемую имъ честь. Тотъ, котораго вы представляете, родня мнѣ и довольно близкій, и я былъ бы очень радъ видѣть его такъ хорошо устроившимся, но на этотъ разъ я долженъ говорить противъ него. Прежде всего мнѣ извѣстно изъ полковъ, въ которыхъ онъ служилъ, что онъ былъ немного лѣнивъ и слишкомъ молодъ — просто ребенокъ. Призовите его къ себѣ, если вы его не знаете, и вы увидите, что я правъ. — Казначеевы будутъ мною не довольны, но это не значитъ ничего: на службѣ у меня нѣтъ родныхъ, всѣ для меня равны; и когда мои сыновья будутъ на службѣ, и я еще ея не оставлю, увидятъ, какой я покажу примѣръ, потому что я нахожу, что нынѣшняя молодежъ въ высшей степени неблагодарна и думаетъ только о повышеніи, не зная, заслуживаетъ ли его. Если будете отвѣчать мнѣ на это, пишите въ особомъ письмѣ мнѣ одному, потому что всѣ другія письма читаются.

P. S. Вы можете сказать Казначееву, что я не представилъ этой записки по вышеизложеннымъ причинамъ.

XXI.

Секретно.

Милостивый государь мой Ларіонъ Васильевичъ. До свѣдѣнія Его Императорскаго Величества дошло, будто бы въ Английскомъ клубѣ въ С.Петербургѣ какой-то неизвѣстный молодой человѣкъ спрашивалъ у полковника

[35]) Это относится, вѣроятно, до л. г. егерьскаго полка прапорщика, князя Волконскаго, брата супруги А. И. Казначеева. *В. Д.*

лейбъ-гвардіи гусарскаго полка Слатвинскаго, правда ли, что лейбъ-гусары на ученьи не послушали его команды и не хотѣли учиться, тогда какъ извѣстно всѣмъ, что ничего похожаго не происходило, и заключать должно, что вопросъ сей сдѣланъ былъ съ зловреднымъ намѣреніемъ. Государю Императору угодно, чтобъ ваше превосходительство лично призвали къ себѣ на единѣ полковника Слатвинскаго и объявили бы ему, что Его Величество надѣется, что онъ не скроетъ имени сего молодаго человѣка, и, что̀ по сему откроете, увѣдомьте меня для доклада Его Императорскому Величеству. Съ истиннымъ почтеніемъ и пр.

Въ г. Лайбахѣ, 21 Февраля 1821 года.

XXII.

Secrète. Laybach. Ce $\frac{21\ \text{Février}}{5\ \text{Mars}}$ 1821.

Je vous préviens, cher ami, que Sa Majesté a fait donner la démission, demandée par votre aide-de-camp Tschaadaeff, à la suite de votre lettre du 4 Février, mais sans lui accorder le grade; parceque dans l'intervalle, que je vous ai fait la demande des raisons, que l'obligeaient à quitter, d'après des informations, parvenues d'un autre côté, l'Empereur a reçu des notions très défavorables sur son compte et que Sa Majesté se réserve de vous montrer à son retour à Pétersbourg. L'Empereur voudrait que vous ne disiez pas le mot à Tschaadaeff de ce que je vous écris; mais que vous lui donniez pour raison, s'il vous demandait, que le trouvant trop jeune et bien portant pour quitter le service, que ce n'était que par fainéantise, par conséquent il n'avait pas droit à aucune récompense. Gardez la chose pour vous et vous serez étonné de voir ce que l'Empereur vous montrera. Je n'ai pas reçu la lettre, que Gretsch vous a écrite et de laquelle vous me parlez dans votre lettre. Quant à la grâce, que vous demandez pour le bas-officier des houlans Егоровъ, Sa Majesté me charge de vous dire qu'il est de toute impossibilité de la lui accorder après la conduite, qu'il a tenue, d'autant plus qu'il y a eu un crime de commis, et s'il n'était pas coupable de sa personne, il l'a toléré et caché. Après cela il ne peut pas rester aux gardes, et le général Tschalikoff devrait être honteux même de demander sa grâce.

Переводъ. Секретно. Лайбахъ, $\frac{21\ \text{Февраля}}{25\ \text{Марта}}$ 1821 г.

Предупреждаю васъ, любезный другъ, что его величество, вслѣдствіе вашего письма отъ 4-го Февраля, приказалъ дать испрашиваемую отставку вашему адъютанту Чаадаеву, но безъ пожалованья ему чина, потому-что въ то время, когда я вамъ дѣлалъ запросъ о причинахъ, побуждающихъ его идти въ отставку, — по извѣстіямъ дошедшимъ съ другой стороны, Государь получилъ свѣдѣнія весьма не выгодныя для него. Эти свѣдѣнія его величество предоставляетъ себѣ вамъ показать по своемъ возвращеніи въ Петербургъ. Государь желалъ бы, чтобы вы не говорили Чаадаеву о томъ, что́ я вамъ пишу, но скажете ему слѣдующую причину, если онъ васъ объ ней спроситъ: что находятъ его слишкомъ молодымъ и здоровымъ, дабы оставлять службу,—на что̀ онъ могъ рѣшиться только отъ лѣни, и потому онъ не имѣетъ права ни на какую награду. Храните это

для себя, и вы удивитесь тому, что̀ вамъ государь покажетъ. Я не получалъ того письма, которое Гречъ вамъ написалъ и о которомъ вы мнѣ говорите въ вашемъ письмѣ. Чтоже касается помилованія, которое вы испрашиваете для уланскаго унтеръ-офицера Егорова, его величество приказываетъ мнѣ сказать вамъ, что онъ въ полной невозможности даровать оное, вслѣдствіе его дѣйствій, тѣмъ болѣе что было совершено преступленіе; если онъ самъ по себѣ въ немъ не виновенъ, то онъ его допустилъ и скрылъ. Послѣ всего этого онъ не можетъ оставаться въ гвардіи, и генералу Чаликову слѣдовало бы стыдиться просить объ его помилованіи.

*

Примѣчаніе. Касательно посылки адъютанта генерала Васильчикова, ротмистра Петра Яковлевича Чаадаева въ Троппау, сенаторъ Казначеевъ говорилъ мнѣ, что ему самъ генералъ Васильчиковъ разсказывалъ, что государь получилъ извѣщеніе о бунтѣ Семеновскаго полка ранѣе пріѣзда Чаадаева, именно отъ Австрійскаго министра Метерниха, и Казначеевъ нисколько не удивляется тому, что Чаадаевъ могъ опоздать: ибо (какъ онъ хорошо помнитъ) на другой день бунта, т. е. 18-го Октября, генералъ Васильчиковъ, полковникъ Казначеевъ и Чаадаевъ, въ числѣ другихъ лицъ, обѣдали у дежурнаго генерала Закревскаго, и Казначеевъ сидѣлъ рядомъ съ Чаадаевымъ, когда ему объявилъ генералъ Васильчиковъ, что онъ его посылаетъ курьеромъ къ государю въ Троппау.

Послѣ обѣда П. Я Чаадаевъ отвелъ въ сторону Казначеева и сказалъ ему, что онъ не можетъ иначе ѣхать, какъ въ коляскѣ, а своего лакея на козлы не посадитъ, а помѣститъ его вмѣстѣ съ собой; сопутствующій же ему фельдъегерь пусть ѣдетъ на козлахъ. Казначеевъ замѣтилъ ему на это, что при исполненіи столь важнаго порученія нужна поспѣшность, которую трудно имѣть, путешествуя по дурнымъ дорогамъ не на перекладной, а въ коляскѣ. На это Чаадаевъ отвѣчалъ ему, что онъ иначе ѣхать не можетъ, о чемъ просилъ довести до свѣдѣнія корпуснаго командира.

Во время пути онъ останавливался для исправленія своего туалета. Казначеевъ предполагаетъ, что курьеръ отъ Австрійскаго посольства къ Метерниху выѣхалъ днемъ раньше, т. е. въ самый день возмущенія роты и, не останавливаясь въ дорогѣ, какъ Чаадаевъ, поспѣлъ раньше его.

Исторія отправленія Петра Яковлевича Чаадаева курьеромъ къ государю въ Троппау вслѣдствіе возмущенія Семеновскаго полка дала поводъ къ разнымъ предположеніямъ на счетъ того, дѣйствительно ли Чаадаевъ пріѣхалъ въ Троппау позже Австрійскаго курьера или этотъ распущенный слухъ, такъ упорно существующій до нынѣ, былъ только слѣдствіемъ недоброжелательства и клеветы на Чаадаева?

Нынѣ, казалось бы, показаніе этого живаго свидѣтеля печальнаго происшествія, сенатора Казначеева, и слышанные имъ отъ самого генерала Васильчикова слова государя, что онъ получилъ извѣстіе отъ Метерниха ранѣе пріѣзда Чаадаева, должны бы разсѣчь окончательно этотъ Гордіевъ узелъ догадокъ, предположеній, мнѣній и литературныхъ споровъ. Но увы! вопросъ остается темнымъ. Прежде чѣмъ указать на тѣ статьи журналовъ, которыя, основываясь на болѣе или менѣе достовѣрныхъ фактахъ, разсматривали этотъ спорный вопросъ, я укажу еще на одно показаніе одного изъ оставшихся въ живыхъ самовидца, Матвѣя Ивановича Муравьева-Апостола. Онъ мнѣ говорилъ, что самъ слышалъ отъ графини Зинаиды Ивановны Лебцелтернъ (урожденной графини Лаваль) супруги Австрійскаго посланника, что курьеръ посольства уѣхалъ на другой же

день возмущенія съ извѣстіемъ о томъ къ князю Метерниху, и потому, какъ бы П. Я. Чаадаевъ ни торопился, онъ не могъ бы никоимъ образомъ пріѣхать первымъ, бывши посланнымъ въ Троппау только на третій день возмущенія. Принимая это показаніе въ соображеніе, нельзя не согласиться съ мнѣніемъ М. Н. Лонгинова (помѣщеннымъ въ Русскомъ Вѣстникѣ 1862 г. т. XI, стр. 137 и въ Русскомъ Архивѣ 1868 г. въ №№ 7 и 8, на страницахъ отъ 1317 до 1328), который доказываетъ, что П. Я. Чаадаевъ, выѣхавши изъ Петербурга не ранѣе 22 числа, пріѣхалъ въ Троппау 31-го Октября, проѣхавши 2 т. верстъ не болѣе какъ въ 9 сутокъ по дурнымъ дорогамъ, осенью, слѣдовательно ѣхалъ шибко и опоздать не могъ. Нынѣ изъ письма государя къ генералу Васильчикову, отъ 10 го Ноября 1820 г., мы видимъ, что государь былъ извѣщенъ о возмущеніи полка двумя письмами генерала Васильчикова: однимъ 26 Октября, посланнымъ съ фельдъегеремъ, и другимъ 29 Октября съ Чаадаевымъ. На этомъ основаніи Чаадаевъ, не смотря на свои остановки, проѣхалъ это разстояніе еще скорѣе, чѣмъ разсчиталъ М. Н. Лонгиновъ. Генералъ Богдановичъ въ своей Исторіи царствованія императора Александра I-го (въ V т., на стр. 511) говоритъ, что Чаадаевъ выѣхалъ 21 Октября и прибылъ въ Троппау 30-го. Нынѣ мы изъ письма государя видимъ, что онъ прибылъ 29, а не 30 Октября, и потому ѣхалъ менѣе 8 сутокъ, — слѣдовательно замедленія съ его стороны быть не могло; а курьеръ Австрійскаго посольства, выѣхавши или 18 числа, или даже 19 Октября, долженъ былъ неминуемо поспѣть ранѣе, не только самого Чаадаева, но даже перваго фельдъегеря, посланнаго генераломъ Васильчиковымъ 18 числа и прибывшаго къ государю 26-го Октября. Вотъ явное доказательство, что обвиненіе Чаадаева въ замедленіи не можетъ имѣть мѣста: ибо онъ ѣхалъ тоже количество дней, какъ и предшествующій ему фельдъегерь, который (надобно предполагать) не имѣлъ тѣхъ же причинъ остановки, которыя приписываютъ Чаадаеву. Въ печатаемой нынѣ перепискѣ князя Волконскаго съ генераломъ Васильчиковымъ не только не видно какого-либо намека на это опозданіе, но причина отставки Чаадаева ясно выражена въ письмѣ генерала Васильчикова отъ 4 Февраля, какъ и причина настоящаго на него гнѣва государя, которую его величество обѣщался указать Васильчикову при возвращеніи его въ Петербургъ, при чемъ государь приказалъ князю Волконскому написать Васильчикову, чтобы онъ не говорилъ ни слова о томъ Чаадаеву и не далъ ему при отставкѣ ни мундира, ни чина. А князь Волконскій прибавляетъ отъ себя, что свѣдѣнія, полученныя государемъ о Чаадаевѣ, весьма не выгодны на его счетъ и что Васильчиковъ очень удивится тому, что́ государь ему покажетъ.

И такъ всѣ предположенія на счетъ опозданія Чаадаева и причины его отставки падаютъ передъ этими новыми вѣскими документами, и предположеніе М. И. Жихарева, помѣщенное имъ въ Вѣстникѣ Европы за Іюль мѣсяцъ 1871 года (на страницахъ 200–208) о томъ, что можетъ быть самъ Чаадаевъ былъ причиною распространенія этихъ слуховъ, дабы скрыть настоящіе мотивы, имѣетъ много вѣроятія, тѣмъ болѣе, что Чаадаевъ самъ чувствовалъ, что онъ этой поѣздкой въ Троппау впалъ въ фальшивое положеніе относительно своей совѣсти и мнѣнія тогдашняго общества. Имѣя въ настоящую минуту важный документъ, записку, поданную императору Александру тайнымъ агентомъ Грибовскимъ о дѣйствіяхъ тайныхъ обществъ, въ которой сказано, что Николай Тургеневъ, вмѣстѣ съ профессоромъ Куницынымъ, брались издавать для народа дешевые журналы и сочиненія, что имъ взялся содѣйствовать для распространенія вредныхъ мыслей П. Чаадаевъ, — при чемъ сказано: „тогда еще не испы-

танный",—мы можемъ понять тотъ намекъ, который дѣлаетъ государь на счетъ свѣдѣній, полученныхъ имъ о Чаадаевѣ и извѣстій, которыми онъ хотѣлъ удивить Васильчикова. В. Д.

XXIII.

Laybach. Ce $\frac{\text{27 Février}}{\text{11 Mars}}$ 1821.

J'ai reçu, cher ami, votre lettre du 11 Février avec une note sur les corps des gardes et les prisonniers détenus, mais pas celle sur le campement, de sorte que je ne puis rien vous dire là-dessus; peut-être l'avez-vous envoyée trop tard et qu'on l'a reçue après le départ du courrier. J'ai écrit au gouverneur militaire, par ordre de Sa Majesté, de transporter Priklonsky à la maison d'ordonnance, où il ne sera plus vu des officiers, et l'autre est déjà parti d'après les rapports que j'ai eus.—Je joins ici une petite note des bas officiers du régiment des cuirassiers, que vous avez eu déjà ordre de faire juger. Par cette note vous verrez ce que l'Empereur veut que vous fassiez encore par la résolution, que j'ai marquée au bas de la note.—J'espère que notre séjour ici ne se prolongera plus d'avantage et que sous peu nous pourrons partir. Nous n'attendons que la nouvelle de l'occupation de Naples. Je désire beaucoup que les Autrichiens marchent plus vite; malheureusement ils ne sont pas assez mobiles et ne se décident pas vite à ce qu'ils doivent entreprendre; en attendant, l'ennemi se renforce et paraît très décidé à se défendre. L'armée Autrichienne est déjà toute concentrée, d'après les nouvelles reçues aujourd'hui, entre Spoleto, Rietti et Tivoli. Les Napolitains occupent Aquila, Sulmona, St. Germano, Gaeta, Capoue et Naples. D'après cela vous voyez qu'ils sont assez disséminés, mais comme le pays est extrêmement montagneux, ils ont toujours le temps d'attendre du secours, en tenant fermement la position que chacun d'eux occupe, qui sont très difficiles à tourner, à cause qu'il n'y a pas de chemins praticables pour l'artillerie et très facile à eux de se défendre. Pour les attaquer donc dans une de leurs positions, il faut de la décision et de la promptitude dans les mouvements, pour tomber sur une des positions et les écraser avant que les autres ne viennent à leur secours, tandis qu'en lambinant on ne gagne pas beaucoup et on a l'air timide qui donne à l'ennemi de la prépondérance et du courage. Toutes ces notions sur les armées ne sont que pour vous seul, je vous en prie: car cela pourrait tout de suite produire des caquets sans nombre et qui seraient grossis et embellis d'après le désir de chacun; et même ne me répondez rien sur cet article de ma lettre.

Переводъ. Лайбахъ, $\frac{\text{27 Февраля}}{\text{11 Марта}}$ 1821.

Я получилъ дорогой другъ, ваше письмо отъ 11-го Февраля съ запискою о гауптъ-вахтахъ и объ арестованныхъ тамъ, но не о лагеряхъ, такъ что я не могу вамъ ничего сказать на этотъ счетъ. Можетъ быть, вы ее послали слишкомъ поздно, и она получена послѣ отъѣзда курьера.

Я писалъ, по приказанію его в., военному губернатору о переводѣ Приклонскаго въ ордонансъ-гаузъ, гдѣ офицеры его болѣе не увидятъ; другой же, по донесеніямъ, которыя я получилъ, уже отправленъ. Я прилагаю при семъ небольшую записку объ унтеръ-офицерахъ кирасирскаго полка, которыхъ вы уже получили приказаніе отдать подъ судъ. Изъ нея вы увидите, по резолюціи, помѣщенной мною въ концѣ, волю государя, какъ поступить далѣе.

Я надѣюсь, что ваше пребываніе здѣсь будетъ непродолжительно; мы ждемъ только извѣстія о занятіи Неаполя. Я бы очень желалъ, чтобы Австрійцы подвигались быстрѣе; къ несчастію, они не довольно подвижны и рѣшительны, а между тѣмъ непріятель усиливается и рѣшается защищаться. По свѣдѣніямъ, полученнымъ сегодня, Австрійская армія сосредоточилась между Сполето, Ріетти и Тиволи. Неаполитанцы занимаютъ Аквилу, Сульмону, Сенъ-Жермано, Гаэту, Капую и Неаполь. Изъ этого вы видите, что они довольно разбросаны; но такъ какъ страна очень гориста, имъ легко дождаться подкрѣпленія, держась твердо въ занятыхъ ими позиціяхъ, легко защищаемыхъ и которыя трудно обойти по неимѣнію удобныхъ дорогъ для артиллеріи. Чтобъ ихъ атаковать въ одной изъ позицій, нужна рѣшительность и быстрота въ дѣйствіяхъ, дабы, напавъ на одну изъ нихъ, раздавить ихъ прежде, нежели къ нимъ подоспѣютъ подкрѣпленія; тогда какъ медля ничего не выиграютъ. Медленность придаетъ имъ видъ робости, которая внушаетъ непріятелю превосходство и смѣлость. Всѣ эти свѣдѣнія на счетъ непріятельской арміи пишу только для васъ: прошу сохранить это въ тайнѣ; иначе это можетъ сейчасъ произвести безчисленные толки, которые будутъ преувеличены и разукрашены каждымъ, согласно его желанію, и даже прошу васъ не отвѣчать на эту часть моего письма.

XXXIV.

Laybach. Ce 2/14 Mars 1821.

D'après un extrait ci-joint d'un rapport du général Miloradovitsch vous verrez, cher ami, qu'un soldat du régiment des chasseurs de la garde vient de se tuer. L'Empereur vous ordonne de porter toute votre attention là-dessus, parceque d'après les observations de Sa Majesté les suicides ont été depuis quelques années extrêmement fréquents dans ce seul régiment, tandis que dans les autres on n'en connaît presque pas d'exemple. Il faut donc que cela tienne à quelque cause particulière qu'il est indispensable absolument de découvrir. Sa Majesté, connaîssant sous les meilleurs rapports le brave général Bistrom et tout en rendant justice à son zéle pour le service et aux soins qu'il prend du régiment qui lui est confié, ne peut cependant pas se persuader qu'il n'y ait pas quelques raisons qui produisent ces suicides fréquents. Quelques actes de sévérité, peut-être trop demesurée de la part des chefs de bataillons, des compagnies ou mêmes des sergent-majors, portent les soldats à ce crime. En consequence de quoi Sa Majesté veut que, tout en ménageant les égards et la délicatesse dues au général Bistrom, vous fassiez la recherche la plus stricte de la cause des suicides.

Переводъ. Лайбахъ, 2/14 Марта 1821.

По приложенному извлеченію изъ донесенія генерала графа Милорадовича вы увидите, любезный другъ, что одинъ солдатъ гвардейскаго егерь-

скаго полка лишилъ себя жизни. Государь приказываетъ вамъ обратить на то все ваше вниманіе, потому что, по замѣчанію его величества, съ нѣкоторыхъ лѣтъ самоубійства чрезвычайно усилились въ одномъ этомъ полку, тогда какъ въ другихъ почти не бываетъ ихъ. Нельзя, чтобы тутъ не было какой либо особенной причины, которую непремѣнно и необходимо нужно отыскать. Зная съ наилучшей стороны храбраго генерала Бистрома и отдавая справедливость его усердію къ службѣ и его заботливости о полку, ему ввѣренномъ, его величество все таки не можетъ убѣдить себя, чтобы не было какихъ либо поводовъ къ этимъ частымъ самоубійствамъ. Можетъ быть, неумѣренная строгость батальонныхъ и ротныхъ командировъ, или же самихъ фельдфебелей, побуждаетъ солдатъ къ этому преступленію. Потому его величество желаетъ, чтобы вы, соблюдая уваженіе и учтивость, подобающія съ отношеніи генералу Бистрому, произвели самое точное разслѣдованіе о причинѣ самоубійствъ.

XXV.

Господину командующему гвардейскимъ корпусомъ генералъ-адъютанту Васильчикову 1-му.

По высочайшему повелѣнію имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство, что Его Императорскому Величеству угодно, чтобы при выступленіи въ походъ гвардейскаго корпуса вы оставили въ С. Петербургѣ, подъ командою генералъ-маіора Желтухина 2-го, лейбъ-гвардіи гренадерскій и 2-й карабинерный полки, кои присоединиться имѣютъ каждый къ своей дивизіи по совершенномъ окончаніи военнаго суда надъ бывшими нижними чинами л. г. Семеновскаго полка: лейбъ-гвардіи гренадерскій, потому что онъ занимаетъ караулъ въ Петропавловской крѣпости, гдѣ сіи арестанты содержатся, а 2-й карабинерный полкъ, расположенный въ Парголовѣ, оставляется для произведенія тамъ наказанія, когда судъ будетъ высочайше утвержденъ.

Генералъ-маіору Набокову, до прибытія 2-го карабинернаго полка, поручить въ команду, вмѣсто онаго, гренадерскій наслѣднаго принца Прусскаго полкъ, по случаю нахожденія въ отпуску генералъ-маіора Панкратьева.

Начальникъ Главнаго Штаба князь Волконскій.

Въ г. Лайбахѣ, 10 Марта 1821.

XXVI.

Laybach. Ce 8/20 Mars 1821.

Les événements du siècle où nous vivons, très cher ami, se succédent avec une rapidité inconcevable; il n'y a pas de jour qu'il n'y ait quelque nouvelle catastrophe d'arrivée quelque part, ce qui fait que l'on ne s'étonne plus de rien. De même vous ne devez pas l'être non plus, en recevant l'ordre de marcher avec tout le corps de la garde, pour vous rapprocher des frontières. Dieu donne que les Autrichiens puissent seuls terminer toutes les affaires de l'Italie, comme ils l'ont fait à Naples, et je pense que la fin des affaires de Naples influera beaucoup aussi sur le Piémont, d'autant plus qu'il y a encore Gênes et Navara, qui tiennent pour la bonne cause. Il n'y a à craindre dans tout cela que la France et l'Allemagne; si celles-là résistent et ne font pas de folies, alors il y a tout à espérer que l'on parviendra à bout avec les Italiens, avec les Autrichiens, et que notre armement et marche ne sera qu'une démonstration, qui assurément coûtera cher au pays;

mais aussi, si quelque autre chose arrive et que nous ne serons pas à la portée, cela peut coûter encore plus cher. C'est l'affaire du complétement des chevaux de toutes espèces, qui sera le plus difficile; mais peu à peu je suppose que l'on pourra y parvenir. Je me figure d'ici l'effet, que cette marche produira sur tout le monde, et surtout sur les bavards. Quant aux troupes, je pense que cela fera du bien en les éloignant de tous les caquets et commérages. Je vous conseille, cher ami, de faire acheter chez Zagrefsky plusieurs exemplaires de l'ouvrage qu'il vient de faire publier, qui a pour titre „Сводъ законовъ", et de faire lire chemin faisant à chaque растахъ, tant à la troupe qu'aux officiers, les différents articles tant sur la subordination, discipline, manque de devoirs, tant sur les postes qu'envers les chefs, et sur les duels; je suis persuadé que beaucoup d'officiers n'en ont jamais entendu même parler de toutes les lois existantes sur ces articles. Comme vous avez ordre de marcher sur trois routes différentes, je pense que vous feriez bien de faire marcher d'abord la cavalerie en tête, pour pouvoir la cantonner le long de la Dwina à cause des fourrages depuis Dünabourg, mettant une division à côté de l'autre, et ensuite vient l'infanterie; il n'est pas nécessaire de la faire marcher en masse, mais par régiment, pour ne pas fatiguer les troupes inutilement. J'aurais fait marcher la division de la garde par Narva, Gdof, Pskoff, Ostroff et Lützen; la 2 division par Louga, Porchoff, Opotschka et Sebesch; la division des grenadiers par Novgorod, Stara-Roussa, Холмъ et Weliki-Louky, soit à Nével ou à Sourage, selon la dislocation des troupes. Quant à l'artillerie, je l'aurais fait marcher toute ensemble par la grande route de Louga, Porchoff et Veliki-Louky, parceque le chemin est meilleur, et la division d'houlans pourrait marcher par la route de Staritza et Béloi sur Welige. Au reste cela dépend absolument de vous: vous le ferez d'après les connaisssances que vous pourrez avoir sur les vivres et fourrages, et faites aussi bien reconnaître la route de Stara-Russa à Холмъ. Celle de Холмъ sur la route de Porchoff à Никифоровка est bonne, car nous l'avons faite l'été passé avec l'Empereur; on peut passer partout très bien. Quant à la dislocation, il faudra que vous vous entendiez avec Dibitsch, pour ne pas vous croiser avec les grenadiers, qui doivent appuyer à votre aile gauche. C'est pour cela aussi que je vous conseille de faire marcher la 1 division de grenadiers vers Sourage ou Velige, qui par là se trouvera appuyée à la 2 division de grenadiers. Comme l'artillerie marchera toute ensemble, elle doit être cantonnée aussi toute ensemble, comme toute l'artillerie l'est de la grande armée, et je crois qu'elle pourra être bien cantonnée entre Nével et Veliki-Louky. Pour que la division de grenadiers ne se croise pas avec l'artillerie sur la route de Холмъ à Veliki-Louky, elle pourrait encore marcher de Холмъ en droiture par Toropetz sur Welige. C'est une route passable: je l'ai passé en 1812 avec des troupes, mais c'était au mois d'Octobre. Les chasseurs à cheval de la garde pourraient prendre de Novgorod par Мшара sur la route de Pskoff et se réuniraient à la division. D'ailleurs, cher ami, je vous répète que c'est un conseil amical, que je vous donne, mais pas un ordre, parcequ'on laisse à votre disposition l'ordre

de marche. L'Empereur a été bien peiné d'apprendre la maladie du général Oudom [36]).

Un de vos subordonnés vient de faire aussi un coup, c'est le p. Ypsylantie [37]), qui, au lieu d'aller aux eaux, s'est rendu à Jassy avec quelquesuns de ses amis, a produit une révolution en Moldavie et a envoyé un courrier ici avec une lettre à l'Empereur, par laquelle il demande sa démission pour aller en Grèce se mettre à la tête de plusieurs milliers de Grecs, qui lui ont envoyé des adresses, en l'invitant de venir les commander pour marcher contre les Turcs, et demande du secours. L'Empereur a commencé par l'exclure du service et ne veut pas se mêler du tout de ces affaires. Comment trouvez-vous ce manchot?

Переводъ. Лайбахъ, $^8/_{20}$ Марта 1821 г.

Событія этого вѣка, въ которомъ мы живемъ, любезнѣйшій другъ, слѣдуютъ съ непостижимою быстротою; нѣтъ дня, чтобы не было новаго происшествія, случающаго гдѣ нибудь, и потому не удивляешься уже ничему и, вѣроятно, и вы не должны были быть удивлены, получивъ приказъ выступить со всѣмъ гвардейскимъ корпусомъ, дабы приблизиться къ границамъ. Дай Богъ, чтобы Австрійцы могли покончить одни свои дѣла въ Италіи, какъ они это совершили въ Неаполѣ. Я думаю, что окончаніе Неаполитанскихъ дѣлъ повліяетъ во многомъ также на Пьемонтъ, тѣмъ болѣе, что еще Генуя и Навара стоятъ за правое дѣло. Можно только опасаться во всемъ этомъ Франціи и Германіи. Если онѣ удержатся и не надѣлаютъ вздоровъ, есть полная надежда, что справятся съ Итальянцами одни Австрійцы, и что наши вооруженіе и походъ будутъ только демонстраціею, которая, разумѣется, будетъ стоить дорого народу, но за то, если что̀ случится, и мы не будемъ тутъ, тогда дѣло обойдется еще дороже. Самое затруднительное будетъ укомплектованіе лошадьми всѣхъ сортовъ; но я надѣюсь, что мало по малу до этого можно будетъ достигнуть. Я отсюда вижу, какое впечатлѣніе произведетъ этотъ походъ на всѣхъ, а главное на болтуновъ. Что же касается войскъ, то я думаю, что это имъ принесетъ пользу, удаляя ихъ отъ разговоровъ и сплетенъ. Я вамъ совѣтую, любезный другъ, велѣть купить у Закревскаго нѣсколько экземпляровъ изданія, которое онъ напечаталъ, подъ названіемъ „Сводъ законовъ", и велѣть читать во время похода, на каждомъ растагѣ, какъ войску, такъ и офицерамъ, разныя изъ нихъ статьи, какъ то: касательно послушанія, дисциплины, неисполненія своихъ обязанностей, о постахъ, обязанностяхъ къ начальству и на счетъ дуэлей. Я убѣжденъ, что многіе изъ офицеровъ никогда и не слыхивали о существующихъ законахъ на счетъ этихъ предметовъ. Такъ какъ вы имѣете приказаніе выступать по тремъ разнымъ дорогамъ, то я думаю, что хорошо бы, еслибы вы приказали выступить сначала во главѣ колонъ кавалеріи, дабы размѣстить ее вдоль Двины,

---

[36]) Выпускаемъ: повтореніе о назначеніи командиромъ Семеновскаго полка С. П. Шипова и о желаніи государя, чтобы начальники чаще посѣщали казармы.

[37]) Князь, генералъ-маіоръ, Александръ Ипсиланти служилъ въ кавалергардскомъ полку. Въ началѣ 1813 г. былъ переведенъ въ Лубенскій гусарскій полкъ, которымъ временно командовалъ, по случаю смерти ген. Мелиссино. Подъ Дрезденомъ потерялъ правую руку. Послѣ неудачныхъ попытокъ возстановить Грецію былъ заключенъ въ Венгерскихъ крѣпостяхъ. Умеръ въ 1828 году, будучи освобожденъ изъ крѣпости по настоянію императора Николая. В. Д.

по случаю имѣющихся пастбищъ, начиная отъ Динабурга, размѣщая одну дивизію рядомъ съ другой. Вслѣдъ за ней шла бы пѣхота; не нужно двигать ее массами, но полкъ за полкомъ, чтобы не утомлять напрасно войско. Я бы повелъ первую гвардейскую дивизію на Нарву, Гдовъ, Псковъ, Островъ и Люцинъ, 2-ю дивизію чрезъ Лугу, Порховъ, Опочку и Себежъ; гренадерскую дивизію—черезъ Новгородъ, Старую Русу, Холмъ и Великія Луки, потомъ на Невель или Суражъ, смотря по размѣщенію войска. Чтоже касается артиллеріи, я бы ее двинулъ всю вмѣстѣ по большой дорогѣ на Лугу, Порховъ и Великія Луки, потому что тамъ дорога лучше. Уланская же дивизія могла бы идти по дорогѣ изъ Старицы и Бѣлой на Велижъ. Впрочемъ это все зависитъ отъ васъ; вы этимъ распорядитесь, принимая въ соображеніе, какъ провіантъ, такъ и пастбища и прикажите хорошенько изучить дорогу изъ Старой Русы въ Холмъ. Дорога изъ Холма на Порховъ въ Никифоровку хороша: мы по ней проѣхали въ прошломъ лѣтѣ съ государемъ, и по ней вездѣ можно хорошо проѣхать. Что же касается размѣщенія войскъ, вамъ нужно будетъ сговориться съ Дибичемъ, чтобы вамъ не встрѣтиться съ гренадерами, которые должны примкнуть къ вашему лѣвому флангу. Вотъ почему я вамъ совѣтую направить первую гренадерскую дивизію на Суражъ и Велижъ: она такимъ бы образомъ могла примкнуть ко второй гренадерской дивизіи. Такъ какъ артиллерія пойдетъ вся вмѣстѣ, это артиллерія всей главной арміи, и потому я думаю, что ее можно будетъ расквартировать между Невелемъ и Великими Луками, дабы гренадерская дивизія не встрѣтилась съ артиллеріей на дорогѣ въ Холмѣ и Великихъ Лукахъ; она можетъ прямо двинуться изъ Холма черезъ Торопецъ на Велижъ. Эта дорога изрядная: я проходилъ по ней въ 1812 г. съ войсками, но то было въ Октябрѣ. Гвардейскіе конные егеря могли бы идти изъ Новгорода черезъ Мшару на Псковскую дорогу и присоединились бы къ дивизіи. Впрочемъ, любезный другъ, я вамъ снова повторяю, что я вамъ даю только дружескіе совѣты, но не приказъ, потому что предоставляютъ на вашу волю распоряженія о походѣ.

Одинъ изъ вашихъ подчиненныхъ поступилъ также очертя голову. Это князь Ипсиланти, который, вмѣсто того, чтобы ѣхать на воды, отправился въ Яссы съ нѣкоторыми своими друзьями и произвелъ возмущеніе въ Молдавіи. Онъ прислалъ сюда курьера съ письмомъ къ государю, въ которомъ онъ проситъ отставки, дабы ѣхать въ Грецію и стать во главѣ нѣскольких тысячъ Грековъ, которые ему прислали адресъ, приглашая его прибыть для начальствованія надъ ними и дѣйствовать противъ Турокъ. Онъ проситъ помощи. Государь началъ съ того, что исключилъ его изъ службы и совсѣмъ не хочетъ вмѣшиваться въ эти дѣла. Что̀ вы скажите объ этомъ безрукомъ?

XXVII.

Laybach. Ce $^{10}/_{22}$ Mars 1821.

Quoique je vous aie parlé, cher ami, dans ma lettre de hier, sur la dislocation des troupes et de leur marche d'après mes idées; mais ce matin j'ai reçu des ordres positifs de Sa Majesté sur la dislocation et que je vous envoie officiellement; d'après cela vous ferez toujours marcher les troupes par régiments sur les trois routes, désignées dans l'ordre. J'ai envoyé une copie de cette dislocation au général en chef, pour que ces quartiers soient libres pour vous. L'Empereur a accordé

au général Желтухинъ [38]) la 2 classe de St. Wladimir pour le recomplétement du régiment de Séménowsky, que Zagrefsky vous enverra.

Переводъ. Лайбахъ, $^{10}/_{22}$ Марта 1821-го года.

Хотя я вамъ писалъ, любезный другъ, въ моемъ вчерашнемъ письмѣ касательно размѣщенія войскъ и ихъ движеній, по моимъ мыслямъ, но нынче утромъ я получилъ положительное приказаніе отъ его величества касательно размѣщенія, которое я вамъ посылаю уже оффиціально; вслѣдствіе этого вы прикажите войскамъ идти полками по всѣмъ тремъ дорогамъ, указаннымъ въ приказѣ. Я послалъ копію съ этой диспозиціи главнокомандующему, дабы квартиры были для васъ свободны. Государь пожаловалъ генералу Желтухину Владиміра 2-й степени за переформированіе Семеновскаго полка. Закревскій вамъ пришлетъ орденъ.

XXVIII.

Laybach. Ce $^{11}/_{23}$ Mars 1821.

Sa Majesté l'Empereur me charge de vous prévenir, cher ami, que l'arrivée du c. Ozarowsky à Pétersbourg n'a aucun autre but, que pour lui procurer le plaisir de voir sa femme et sa mère.

Sa Majesté lui avait promis qu'au premier résultat majeur il l'enverrait à Pétersbourg pour lui donner cette jouissance. Il est porteur d'excellentes nouvelles sur les affaires de Naples, qui tirent à leur fin, après lesquelles S. M. espérait aussi revenir, si les affaires du Piémont ne l'avaient pas retenu encore ici. Sa Majesté a cru nécessaire de vous en faire part, afin que l'on n'interprète pas l'arrivée du c. Ozarowsky [39]) autrement, et que l'on ne s'imagine qu'il ait été chargé de quelque commission particulière.

Переводъ. Лайбахъ, $^{11}/_{22}$ Марта 1821 г.

Его величество государь приказываетъ мнѣ предупредить васъ, любезный другъ, что пріѣздъ графа Ожаровскаго въ Петербургъ не имѣетъ другой цѣли, какъ доставить ему удовольствіе повидаться съ его женой и матерью.

Его величество обѣщалъ ему, что при первомъ серьезномъ исходѣ дѣлъ онъ его пошлетъ въ Петербургъ, дабы доставить ему это удовольствіе. Онъ везетъ съ собою отличныя извѣстія касательно дѣлъ въ Неаполѣ, которыя подходятъ къ концу. По окончаніи ихъ, его величество надѣялся тоже возвратиться, если бы Пьемонтскія дѣла не удержали его еще здѣсь. Его величество призналъ за нужное увѣдомить васъ о томъ, дабы не перетолковали въ другомъ смыслѣ пріѣздъ графа Ожаровскаго и чтобъ не вообразили себѣ, что онъ присланъ по какому либо особому порученію.

XXIX.

Laybach. Ce $^{17}/_{29}$ Mars 1821.

J'ai porté, cher ami, à la connaissance de Sa Majesté votre lettre du 25 Février avec l'ordre du jour, que vous avez donné à l'égard de

[38]) Генералъ-адъютантъ Петръ Өедоровичъ Желтухинъ былъ въ послѣдствіи Кіевскимъ комендантомъ. *В. Д.*

[39]) Графъ Адамъ Петровичъ Ожаровскій, генералъ-адъютантъ. *В. Д.*

la distribution de la somme pour les uniformes. L'Empereur me charge de vous faire connaître, qu'il approuve entièrement vos dispositions à ce sujet et suppose que cette augmentation diminuera de beaucoup les dépenses, que les soldats font de leur propre argent, sans qu'il sera nécessaire de leur augmenter les appointements. Faites, je vous prie, faire le calcul, combien d'argent seront-ils obligés d'ajouter encore de leur poche, après la distribution de la somme qui leur revient pour les uniformes. Quant aux старшие оклады du régiment de Séménowsky, l'idée de Sa Majesté n'est pas de les refuser entièrement, mais l'Empereur pense les accorder plus tard, après avoir vu le régiment et s'étant assuré de sa conduite. Pour les donner aussi aux régiments des grenadiers et de Pawlowsky, il faut, chèr ami, d'abord trouver les moyens de quoi le faire, et c'est de quoi Sa Majesté va s'occuper.

Pourquoi a-t-on envoyé un bas-officier de la garde à cheval chez le commandant, pour savoir si la parade se ferait avec ou sans cérémonie,—quand c'est proprement l'affaire d'un aide-de-camp, ou de quelque officier, dont le régiment ne manque pas? C'est une faute du général Orloff [40]).

Je vous envoie ci-joint une dénonciation contre un soldat de l'artillerie de la garde avec son interrogation. L'Empereur ordonne de le faire juger; mais Sa Majesté veut que vous le fassiez venir auparavant chez vous par un feldjäger et que vous lui parliez, à vous seul, sur tout ce qu'il vient de déposer dans l'interrogatoire, qui lui a été fait: d'où a-t-il eu toutes ces idées? pourquoi a-t-il été chez Валяевъ? comment le connaîssait-il? et pourquoi ment-il sur le campement devant Paris, qui n'a jamais eu lieu et où les souverains ne sont pas venus? et n'a-t-il pas été à la grande école de l'enseignement mutuel à Pétersbourg? Après lui avoir parlé, vous le renverrez à la fortesse, pour le faire juger, et vous me rendrez compte de ce qu'il vous aura dit.... [41]) Les affaires de Naples, grâce à Dieu, sont tout-à-fait terminées. L'armée de Naples est dissoute, et les Autrichiens ont dû occuper Naples le $^{11}/_{23}$ du courant. Le roi de Naples est encore à Florence et va se mettre en route pour sa capitale. J'espère que cette nouvelle fera aussi beaucoup de bien aux affaires du Piémont, qui en partie vont assez bien. Et une fois celles-là finies, et si la France reste tranquille, nous pourrons alors nous mettre en route et arrêter nos mouvements militaires. Avant cela il est de toute impossibilité que nous puissions songer à revenir.

Переводъ. Лайбахъ, $^{17}/_{29}$ Марта 1821 года.

Я довелъ до свѣдѣнія его величества, любезный другъ, ваше письмо отъ 25-го Февраля, вмѣстѣ съ вашимъ приказомъ, касательно распредѣленія суммы на мундиры. Государь приказываетъ вамъ сказать, что онъ вполнѣ одобряетъ ваше распоряженіе на этотъ счетъ и предполагаетъ, что это увеличеніе уменьшитъ во многомъ солдатскіе расходы изъ ихъ

---

[40]) Графъ Алексѣй Ѳедоровичъ Орловъ (род. 1787 г.), впослѣдствіи князь, командовалъ въ то время л. г. коннымъ полкомъ.

[41]) Выпускаемъ выраженіе желанія поскорѣе вернуться на родину.

собственныхъ денегъ, не прибѣгая къ увеличенію ихъ жалованья. Пожалуйста, прикажите сдѣлать разсчетъ, сколько еще потребуется ихъ собственныхъ денегъ послѣ раздачи слѣдуемой имъ суммы за мундиры. Что же касается старшихъ окладовъ Семеновскаго полка, государь не думаетъ отказать въ нихъ окончательно, но его величество предполагаетъ даровать ихъ со временемъ, послѣ смотра полка и убѣдившись въ хорошемъ его видѣ. Дабы дать такіе же оклады полкамъ гренадерскому и Павловскому, надобно, любезный другъ, сначала найти, откуда ихъ взять, и этимъ его величество нынѣ займется. Почему отправили одного унтеръ-офицера конной гвардіи къ коменданту для того, чтобы узнать, будетъ-ли разводъ съ церемоніей или безъ церемоніи, тогда какъ это собственно дѣло полковаго адъютанта, или другаго офицера, которыхъ въ полку достаточно? Это вина генерала Орлова. Посылаю къ вамъ доносъ на одного солдата гвардейской артиллеріи съ его показаніями. Государь приказываетъ вамъ предать его суду, но передъ тѣмъ его величество желаетъ, чтобы вы велѣли его привести черезъ фельдъегеря и чтобы вы одни лично его переспросили обо всемъ томъ, что̀ онъ показалъ при его допросѣ: откуда набрался онъ этихъ мыслей? зачѣмъ онъ былъ у Валяева? почему онъ его зналъ, и почему онъ вретъ на счетъ лагеря передъ Парижемъ, который никогда не существовалъ и куда государи никогда не пріѣзжали, и не былъ ли онъ въ Петербургѣ въ главной школѣ взаимнаго обученія? Послѣ вашего разговора съ нимъ отправьте его въ крѣпость для преданія суду, а мнѣ донесите все то, что̀ онъ вамъ скажетъ.... Дѣла Неаполя, слава Богу, окончательно порѣшены. Неаполитанская армія разсѣяна, и Австрійцы должны были занять Неаполь $^{11}/_{23}$ текущаго мѣсяца. Король Неаполитанскій еще во Флоренціи, но скоро направится въ свою столицу. Надѣюсь, что это извѣстіе сдѣлаетъ много пользы дѣламъ Пьемонта, которыя идутъ еще довольно хорошо. Какъ только они будутъ окончены, и если Франція останется спокойною, мы можемъ пуститься въ обратный путь и пріостановить наше военное движеніе; но до этого времени нѣтъ возможности думать о возвращеніи.

XXX.

Laybach. Ce $\frac{23 \text{ Mars}}{4 \text{ Avril}}$ 1821.

J'ai reçu votre lettre du 4 Mars, cher ami, et suis bien peiné de voir que m-rs nos généraux ne savent pas mieux se conduire que les jeunes gens, auxquels ils doivent servir d'exemple et ne pas faire de pareils scandales—et encore à la Cour! Il serait déjà même temps de finir de parler de la campagne de 1812, ou du moins être plus modeste. Si quelqu'un a fait quelque chose de bon, il doit être content d'avoir rempli son devoir en honnête homme et en véritable enfant de la patrie, sans aller faire des indécences de ce genre,—et encore à un dìner de l'Impératrice! Tout cela prouve que ces gens n'ont aucune éducation. Après cela comment voulez-vous qu'on les invite? Autrefois ils n'oseraient pas faire un pareil esclandre même chez quelque grand seigneur, qui leur aurait fermé la porte de sa maison pour toujours,—car peut-on manquer davantage? Je vous assure que tout cela me fâche et me peine beaucoup. Vous avez très bien fait, cher ami, d'avoir apaisé cet épouvantable esclandre. Il y a déjà bien longtemps que j'ai remarqué dans le cosaque un changement incroyable: toujours mécontent et ne sachant pas trop ce qu'il veut, surtout depuis que

l'on a fait rayer de la liste des officiers son fils; l'autre toujours vif, emporté, ne sait que faire dans un premier transport; mais avec cela bon et sent bientôt après le mal qu'il a fait. J'ai vu bien d'exemples pareils avec lui et ne peux vous cacher qu'il m'a fait souvent beaucoup de peine, malgré cependant tout ce que j'ai fait pour lui. Je suis charmé d'apprendre que tout est tranquille chez vous, et vos revues d'inspections vont bien. Observez seulement à ceux, qui font les revues, que si la troupe garde un morne silence à la question, qu'on lui fait au sujet de ses chefs, qu'il ne faut pas se contenter jusqu'à ce que l'on ne parvienne à avoir absolument une réponse décisive, afin que par la suite les gens ne disent pas qu'ils n'ont fait aucune réponse et qu'on n'a pas voulu l'approfondir. Pourquoi Depreradovisch ne demande-t-il pas à se débarasser du régiment? Il faudrait trouver seulement quelqu'un de bon pour le remplacer. Je me figure l'embarras, que vous devez avoir à présent pour les préparatifs de la marche, surtout à cause de l'achat des chevaux qui, je suppose, est ce qu'il y aura de plus difficile. Mais en les achetant en province, je pense que vous pourrez les avoir meilleur marché, et sans trop vous dépêcher, c'est-à-dire pour les seconds caissons de l'artillerie. On pourrait peut-être, en achetant les chevaux dans les provinces du midi, les mener droit vers Vitebsk et amener les caissons avec des chevaux loués, pour ne pas faire marcher inutilement les chevaux à Pétersbourg et faire traîner les caissons.—Les affaires d'ici sont tout à fait incompréhensibles. On ne peut pas parvenir à faire partir le roi de Naples de Florence pour sa capitale. Dans le Piémont elles se tranquillisent un peu et paraîssent se soumettre au roi, qui, de son côté, craint que cela ne soit une ruse,—et tout cela nous fait prendre des mesures hostiles, surtout ne sachant pas ce que fera la France. Si celle-ci reste tranquille, tout pourra, je pense, s'arranger encore à l'amiable, et nous serons quittes pour les dépenses que nous aurons faites. En attendant, toutes ces affaires nous retiennent ici et retardent notre retour... [42])

Переводъ. Лайбахъ, $\frac{\text{23 Марта}}{\text{4 Апрѣля}}$ 1821 г.

Я получилъ ваше письмо отъ 4 Марта, любезный другъ, и съ горестью вижу, что наши генералы не умѣютъ себя лучше вести, чѣмъ тѣ молодые люди, которымъ они должны бы были служить примѣромъ и не позволять себѣ дѣлать подобныхъ скандаловъ, и еще гдѣ же?—при дворѣ! Давно бы пора перестать говорить о кампаніи 1812 года, или по крайней мѣрѣ быть скромнѣе. Если кто-либо сдѣлалъ что хорошее, онъ долженъ быть доволенъ тѣмъ, что исполнилъ свой долгъ, какъ честный человѣкъ и достойный сынъ своего отечества; но не позволять себѣ дѣлать непотребности подобнаго рода, и гдѣ же?—за обѣдомъ императрицы! Это только доказываетъ, что эти господа не имѣютъ никакого воспитанія. Какъ же вы хотите, чтобы послѣ этого ихъ приглашали? Въ прежнія времена они бы не позволили себѣ такого позора даже у какого-нибудь вельможи, который ужъ болѣе никогда бы ихъ не пустилъ къ себѣ въ домъ; можно ли болѣе забыться?! Право, увѣряю васъ, это меня огорча-

---

[42]) Выпускаемъ жалобы на настоящій вѣкъ и поздравленіе съ свѣтлымъ праздникомъ.

етъ и сердитъ. Вы прекрасно сдѣлали, любезный другъ, что уняли это позорное дѣйствіе. Давно я уже замѣчалъ въ казакѣ какую-то непонятную перемѣну: всегда не доволенъ, самъ не знаетъ, чего хочетъ, болѣе же съ тѣхъ поръ, когда исключили его сына изъ списка офицеровъ; другой же всегда вспыльчивый, бѣшеный, самъ не знаетъ, что̀ дѣлаетъ въ первую минуту пыла; но онъ добръ и самъ чувствуетъ потомъ весь вредъ, который онъ надѣлалъ. Я съ нимъ часто видѣлъ подобные примѣры и не могу отъ васъ скрыть, что онъ мнѣ много дѣлалъ вреда, не смотря на все то, что́ я для него дѣлалъ. Душевно радъ знать, что все у васъ покойно и что ваши инспекторскіе смотры идутъ хорошо. Замѣтьте только тѣмъ, которые дѣлаютъ эти смотры, что если солдаты отвѣчаютъ полнымъ молчаніемъ на вопросы касательно ихъ начальниковъ, этимъ довольствоваться не слѣдуетъ, а надобно добиться положительнаго отвѣта, дабы люди потомъ не говорили, что они отвѣта не дали и что его не хотѣли дознать. По чему Депрерадовичъ не проситъ объ оставленіи командованія полкомъ? Надобно бы найти кого либо хорошаго, дабы его замѣстить. Воображаю себѣ всѣ затрудненія, которыя вы должны имѣть для приготовленія похода, главное по случаю покупки лошадей. Это мнѣ кажется самое трудное; но, покупая ихъ въ провинціи, я думаю, вы могли бы получить дешевле, не торопясь, въ особенности для вторыхъ ящиковъ артиллеріи. Можетъ быть, было бы можно, купивши лошадей въ южныхъ губерніяхъ, вести ихъ прямо въ Витебскъ, а ящики привезти на наемныхъ лошадяхъ, дабы не заставить лошадей дѣлать лишній походъ въ Петербургъ для перевоза ящиковъ.—Дѣла здѣсь совершенно непонятны. Нельзя добиться отъѣзда короля Неаполитанскаго изъ Флоренціи въ его столицу. Въ Пьемонтѣ дѣла успокоиваются немного, и всѣ какъ будто желаютъ подчиниться королю, который съ своей стороны думаетъ, что это обманъ. Все это заставляетъ насъ принимать враждебныя мѣры, въ особенности когда не знаешь на что̀ рѣшится Франція. Если она останется спокойна, я надѣюсь, что все можетъ обойтись дружелюбно, и мы только поплатимся нашими расходами. Въ ожиданіи этого, дѣла удерживаютъ насъ и мѣшаютъ нашему возвращенію.

XXXI.

Laybach. Ce 24 de Mars 1821.

Je viens de recevoir votre lettre du 11 Mars, cher ami, dans laquelle vous me parlez de Meyendorff [43]). Comme les troupes doivent marcher, ce n'est pas le moment de prendre son congé, et je lui conseille de reprendre son service; en attendant je verrai par la suite, ce qu'il y aura à faire pour le faire placer dans la ligne, selon son désir. Je suis bien charmé d'apprendre la conduite d'Alexis Orloff, de laquelle je n'ai jamais douté, connaissant sa manière noble de penser et son dévouement pour l'Empereur. Il est à désirer que tout le monde suive son exemple.

Переводъ. Лайбахъ. 24 Марта 1821 г.

Я получилъ ваше письмо отъ 11-го Марта, любезный другъ, въ которомъ вы мнѣ пишете о Мейендорфѣ. Такъ какъ войска идутъ въ походъ, не время теперь выходить въ отставку, и потому совѣтую ему снова

---

[43]) Баронъ Александръ Казимировичъ Мейендорфъ былъ тогда офицеромъ генеральнаго штаба. *В. Д.*

приняться за службу. Со временемъ я посмотрю, что̀ можно будетъ сдѣлать для перевода его въ армію, какъ онъ того желаетъ. Я очень радъ былъ узнать о дѣйствіяхъ Алексѣя Орлова; я въ нихъ никогда не сомнѣвался, зная его благородныя чувства и его преданность государю. Было бы желательно, чтобы всѣ остальные послѣдовали его примѣру.

XXXII.

Laybach. Ce 17/29 Avril 1821.

J'ai reçu, cher ami, vos lettres du 25 Mars et du 1 Avril, et ne puis vous dissimuler que tout ce que vous me dites sur l'esprit, qui règne parmi la jeunesse, n'est pas du tout consolant. Je trouve cependant que malgré leur grand nombre, il faut tâcher de les faire taire, sans quoi le nombre augmentera toujours, et croyez-moi que si l'on happe quelques uns de ceux, qui parlent le plus et qui ne peuvent cependant ne pas vous être connus pour les plus forts, cela fera taire bien d'autres, et ils penseront deux fois avant de se compromettre, voyant que l'on ne souffre pas leur bavardage. D'ailleurs les affaires de Naples et du Piémont peuvent servir de très bons exemples à tous ces beaux diseurs. Quoique les affaires de l'Italie soient entièrement terminées, grâce à Dieu, mieux que l'on n'y pensait, l'on ne peut cependant pas tout à fait se rassurer de ces têtes remuantes. Il a été convenu de rapprocher notre armée vers la frontière, pour l'avoir prête à tout événement, et c'est pourquoi on vous fait toujours marcher.—Notre départ d'ici est presque décidé; on attend encore les dernières nouvelles du Piémont en réponse de ce qu'on a envoyé d'ici. Je pense que nous serons vers le 20 de Mai à Pétersbourg, et vous rencontrerons déjà en marche. Nous prendrons la grande route de Vitebsk par Porchoff; c'est celle-là aussi, j'espère, que vous de votre personne suivrez. L'Empereur a lu les lettres de Depreradovitsch et de Bistrom et veut vous en parler verbalement, de même que pour Казначеевъ. Андреевскій est nommé commandeur du régiment des uhlans de la garde, et la division a été donnée à Tchernischew [44]). Vous ne m'avez rien répondu jusqu'à présent sur ce que je vous avais écrit par rapport à une conversation du colonel Slatwinsky avec un jeune homme au club anglais. N'oubliez pas de le faire, parceque l'Empereur m'en a déjà demandé. Je joins ici une note d'un нестроевой du régiment de Pawlowsky, qui voulait à toute force être pris à la maison d'ordonnance [45]).

Переводъ. Лайбахъ, 17/28 Апрѣля 1821.

Я получилъ, любезный другъ, письма ваши отъ 25 Марта и 1-го Апрѣля и не могу отъ васъ скрыть, что все, что̀ вы мнѣ говорите о томъ духѣ, который господствуетъ среди молодежи, вовсе не утѣшительно. Я нахожу, однако, что, не смотря на ихъ многочисленность, надо стараться-

[44]) Князь Александръ Ивановичъ Чернышевъ, ген.-адъютантъ, былъ назначенъ тогда начальникомъ гвардейской кавалерійской дивизіи. Умеръ, занимая мѣсто предсѣдателя Государственнаго Совѣта.—Далѣе выпускаемъ о назначеніи пенсіона вдовѣ Чаликовой.

[45]) Выпускаемъ жалобы князя Волконскаго на разстройство здоровья и намѣреніе воспользоваться на нѣкоторое время отпускомъ.

ся заставить ихъ молчать, иначе число ихъ будетъ прибавляться, и, вѣрьте мнѣ, что ежелибы схватить нѣкоторыхъ изъ тѣхъ, которые говорятъ болѣе другихъ и которые должны быть вамъ извѣстны, какъ главные, это бы заставило молчать многихъ другихъ, которые, видя, что не терпятъ ихъ болтовни, не рѣшились бы подвергнуть себя непріятности. Къ тому же дѣла въ Италіи и Пьемонтѣ могутъ служить хорошимъ примѣромъ всѣмъ этимъ краснобаямъ. Хотя дѣла въ Италіи, съ помощью Божіею, совершенно покончены, лучше чѣмъ думали, нельзя, однако, совершенно успокоиться на счетъ неспокойныхъ головъ. Согласились придвинуть нашу армію къ границѣ, дабы имѣть ее на готовѣ на всякій случай,—и вотъ почему васъ заставляютъ двигаться.

Нашъ отъѣздъ почти рѣшенъ. Ожидаютъ еще послѣднихъ извѣстій изъ Пьемонта въ отвѣтъ на то, что̀ послано отсюда. Я полагаю, что мы будемъ около 20-го Мая въ Петербургѣ [46]) и васъ встрѣтимъ на походѣ. Мы направимся по большой Витебской дорогѣ, чрезъ Порховъ; надѣюсь, что и вы по ней направитесь. Государь прочелъ письма Депрерадовича и Бистрома и хочетъ съ вами о нихъ переговорить, равно какъ и о Казначеевѣ. Андреевскій назначенъ командиромъ гвардейскаго уланскаго полка, а дивизія дана Чернышеву. Вы ничего не отвѣчали мнѣ, до сихъ поръ на то, что я вамъ писалъ по поводу разговора, происходившаго въ Англійскомъ клубѣ между полковникомъ Слатвинскимъ и однимъ молодымъ человѣкомъ. Не забудьте это сдѣлать, потому что Государь о семъ меня уже спрашивалъ. Прилагаю къ сему записку одного нестроеваго Павловскаго полка, который, во что бы то ни стало, хотѣлъ попасть въ ордонансъ-гаузъ.

XXXIII.

Laybach. Ce $\frac{28\ \text{Avril}}{10\ \text{Mai}}$ 1821.

J'ai reçu, cher ami, votre lettre du 8 Avril et ne puis vous dissimuler, qu'elle m'a donné de l'humeur, en voyant combien messieurs les officiers de tout grade de la garde sont indiscrets sur la demande des secours pécuniers, et qu'ils ne peuvent plus bouger, sans crier à la misère. Ils ont tellement pris l'habitude de puiser dans la poche de Sa M., qu'ils l'envisagent comme la leur, et cela par la trop grande bonté, je trouve, de l'Empereur, et je vous demande pardon, par trop peu de délicatesse aussi de messieurs les chefs des régiments, qui appuient leurs demandes avec beaucoup trop de facilité, au lieu de faire de cela une distinction et ne demander qu'à celui, qui le mérite avec justice — soit par son service distingué, ou véritablement déjà par un besoin bien reconnu. Au contraire cela devient général: en été c'est pour acheter un droschki à la mode, en hiver pour un traîneau; à présent qu'il s'agit de marcher, ce sont des chevaux de selle et de bât etc. Pourquoi toute l'armée a-t-elle marché sans que nous eûmes une seule demande pareille? Et assurément les officiers sont bien plus pauvres, servent tout aussi bien, et ce qu'il y a de mieux, qu'ils jasent moins et sont plus à leur devoir. — Ces mêmes officiers du régiment de Séménowsky, étant à l'armée dans leur régiment primitif, se seraient mis en mouvement, sans qu'un seul ait pensé seulement à demander de l'argent; mais parcequ'ils se trouvent dans la capitale et

[46]) Государь возвратился въ Царское Село 24 Мая 1821 года; онъ отлучался почти цѣлый годъ. *П. Б.*

parmi d'autres, qui ont des moyens de déployer le luxe, ils s'imaginent devoir suivre leur exemple, au lieu de marcher à pied, comme font ceux de toute l'armée.—J'aurais bien voulu voir, comment ils s'aviseraient de faire des demandes de ce genre du temps de feu l'Empereur?— D'ailleurs il n'y a que quelques mois, que l'Empereur a secouru tous les officiers du régiment de Séménowsky, et je trouve que les revenus de l'état ne suffiraient pas s'il fallait payer toutes les fantaisies de mrs les officiers de la garde. Si la maladie d'Oudom ne lui permet pas de marcher, Sa Majesté suppose qu'il vaut mieux donner ce régiment au général Желтухинъ avec la décoration, qui lui a été accordée. Quant à mrs Démidoff, Bistrom et Patkoule, ils ne peuvent pas se formaliser de cette récompense, n'ayant pas du tout travaillé à la formation de ce régiment. Schipoff peut garder son régiment, surtout après les conditions qu'il met en avant. — Mr. Исленьевъ, selon mon avis, mériterait un arrêt, et non une explication pour la prétention qu'il a osé faire au Grand Duc; car des places de ce genre ne se demandent pas, parcequ'elles s'accordent par Sa M. en personne, et je trouve que ce n'est pas la manière de les obtenir. — Pour commander le régiment de Finlande, l'Empereur veut nommer le général-major Шеншинъ de la 14 division et qui a très bien servi au régiment d'Ismailowsky, et vous ordonne de faire la recherche la plus sévère, pour connaître absolument ceux, qui ont proposé à la compagnie de s'habiller. Après que Korsakoff a avoué d'avoir pris de l'argent de la compagnie, comment voulez vous le souffrir dans le grade d'officier à l'armée? Sa Majesté vous ordonne de le faire arrêter et juger.

Les fourrages pour les officiers pendant la marche sont accordés, comme cela était pendant la marche, que les gardes firent à Vilna en 1815. Je vous l'ai annoncé déjà officiellement, en communiquant en même temps l'ordre au ministre de la guerre.—Nous partons d'ici le $^{1}/_{13}$ de Mai et suivrons l'itinéraire ci-joint. D'après cela vous verrez, où nous vous rencontrerons. Je trouve que le prince Dolgorouky [47]) a mal fait de faire devancer les chevaux de Sa M., puisque l'Empereur a voulu qu'ils se trouvassent à votre quartier-général. J'envoie par ce même courrier l'ordre à Pfaf [48]), qui, d'après les derniers ordres de Sa M., doit rester auprès de vous à la place de Gem, qui retourne à Pétersbourg, de s'arrêter et d'attendre votre arrivée, en continuant la marche toujours avec vous. Pourquoi n'avez-vous pas fait marquer les dates des marches des troupes sur les marcheroute? De cette manière je ne sais pas au juste, où nous vous rencontrerons.—Adieu, au plaisir de vous revoir, cher ami; portez-vous bien et tâchez donc qu'il arrive moins d'histoires dans les régiments, qui pour la plupart proviennent de ce que mrs les officiers sont beaucoup trop jeunes et ne savent pas leur devoir.

Переводъ. Лайбахъ, $\frac{\text{28 Апрѣля}}{\text{10 Мая}}$ 1821.

Я получилъ, любезный другъ, письмо ваше отъ 8 Апрѣля и не могу отъ васъ скрыть, что почувствовалъ досаду, видя, насколько господа гвар-

[47]) Князь Василій Васильевичъ Долгорукій, шталмейстеръ двора. *В. Д.*

[48]) Пфафъ и Джемъ—берейторы государя. *В. Д.*

дейскіе офицеры всѣхъ чиновъ нескромны на просьбы о денежныхъ пособіяхъ и какъ они не могутъ сдѣлать шагу, не жалуясь на бѣдность. Они такъ пріучили себя черпать въ карманѣ его величества, что смотрятъ на него, какъ на свой собственный, и я полагаю, что это происходитъ отъ чрезмѣрной доброты государя, и извините меня—также по недостатку деликатности господъ полковыхъ командировъ, которые поддерживаютъ просьбы ихъ съ слишкомъ большою снисходительностью, вмѣсто того, чтобы дѣлать изъ этого отличіе и просить только за того, который того заслужилъ по справедливости, либо отличной службой, либо дѣйствительно сознанной нуждой; напротивъ, это сдѣлалось всеобщимъ: лѣтомъ—для того, чтобъ купить модныя дрожки, зимой—на сани, теперь же, когда дѣло идетъ о походѣ, нужно на лошадей верховыхъ, вьючныхъ и проч. Почему во время передвиженія всей арміи мы не получали ни одной подобной просьбы? А, навѣрное, офицеры гораздо бѣднѣе, служатъ также хорошо, а что всего лучше меньше болтаютъ и лучше исполняютъ свою обязанность. Эти же самые офицеры Семеновскаго полка, будучи въ арміи въ полкахъ первоначальнаго ихъ служенія, пошли бы въ походъ безъ того, чтобы кому-либо изъ нихъ пришла мысль просить денегъ; но такъ какъ они находятся въ столицѣ и между другими, которые имѣютъ средства роскошничать, они думаютъ слѣдовать ихъ примѣру, вмѣсто того, чтобъ идти пѣшкомъ, какъ дѣлаютъ всѣ армейскіе. Я бы очень хотѣлъ посмотрѣть, какъ бы они осмѣлились войти съ прошеньями подобнаго рода во времена покойнаго императора. Сверхъ того, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ государь помогъ всѣмъ офицерамъ Семеновскаго полка, и я нахожу, что не хватило бы государственныхъ доходовъ, ежелибы пришлось оплачивать всѣ прихоти гг. гвардейскихъ офицеровъ. Ежели болѣзнь Удома не позволяетъ ему идти въ походъ, его величество полагаетъ, что лучше дать этотъ полкъ генералу Желтухину послѣ ордена, который ему уже пожалованъ. Что же касается гг. Демидова, Бистрома и Паткуля, они не могутъ быть оскорблены этой наградой, такъ какъ они вовсе не трудились при формированіи этого полка. Шипову можетъ быть оставленъ его полкъ, особенно послѣ высказанныхъ имъ условій. Г. Исленьевъ, по моему мнѣнію, заслуживаетъ ареста, а не объясненія за претензію, которую онъ осмѣлился объявить Великому Князю; ибо такого рода мѣстъ не просятъ, потому что они лично жалуются его величествомъ, и я нахожу, что это дурной путь для ихъ достиженія. Для командованія Финдляндскимъ полкомъ государь хочетъ назначить генералъ-маіора Шеншина изъ 14 дивизіи, который отлично служилъ въ Измайловскомъ полку, и приказываетъ вамъ произвести наистрожайшее разслѣдованіе, дабы непремѣнно узнать тѣхъ, которые предложили ротѣ одѣться. Послѣ того, какъ Корсаковъ сознался въ томъ, что взялъ деньги отъ роты, какъ вы можете допустить, чтобы онъ оставался въ арміи офицеромъ? Его величество приказываетъ вамъ арестовать его и судить.— Фуражъ офицерамъ во время похода разрѣшенъ такъ, какъ это было во время похода гвардіи въ Вильну въ 1815 году, и я вамъ это объявилъ оффиціально, сообщивъ одновременно приказъ военному министру.—Мы уѣзжаемъ отсюда $^1/_{13}$ Мая и будемъ держаться маршрута, при семъ прилагаемаго. По этому вы увидите, гдѣ мы можемъ васъ встрѣтить. Я нахожу, что князь Долгорукій дурно сдѣлалъ, приказавъ лошадей его величества послать впередъ, потому что государь желалъ, чтобы они находились въ вашей главной квартирѣ. Я посылаю, съ этимъ же курьеромъ приказъ Пфафу (который, по послѣднимъ приказаніямъ его величества, долженъ оставаться при васъ, на мѣсто Джема, который возвращается въ Петербургъ) остановиться и дождаться вашего прибытія и

потомъ продолжать походъ съ вами. Почему вы не обозначили числа выступленія въ походъ войскъ по вашимъ маршрутамъ? По этой причинѣ я не могу въ точности опредѣлить, гдѣ мы васъ встрѣтимъ.

Прощайте, до радостнаго свиданья, любезный другъ. Будьте здоровы, и постарайтесь, чтобы въ полкахъ было поменьше исторій, происходящихъ болѣе потому, что офицеры слишкомъ молоды и не знаютъ своихъ обязанностей.

XXXIV.

Zarsko-Selo. Ce 13 Juin 1821.

Sa Majesté, ayant remarqué dans les rapports de la ville que m-r Elisen, médecin, est allé à Toropetz, aux eaux, qui se trouvent dans les terres de Кушелевъ, me charge de vous dire de faire prendre sous main des informations, si effectivement il est allé pour cette raison, et n'est-il pas resté à Toropetz-même sous quelques autres prétextes: parceque c'est un des grands dignitaires des maçons. Comme les chevaliers-gardes s'y trouvent aussi, veillez un peu, s'il n'y a pas des rapports entre eux et lui, et faites-moi part de ce que vous apprendrez. — L'Empereur se porte très bien et compte aller le 22 aux colonies militaires de Novgorod, pour 4 jours.—On a fait courir le bruit à Pétersbourg, qu'il y a eu au régiment des chevaliers-gardes plusieurs duels et qu'il y a eu trois de tués. Comme je n'ai pas de rapport de personne, je n'ajoute pas foi à ces nouvelles. Dites-moi, si cela est vrai?

Переводъ. Царское-Село, 13 Іюня 1821.

Его величество, замѣтивъ въ городскихъ рапортахъ, что докторъ г. Элизенъ отправился въ Торопецъ, на воды, которыя находятся въ имѣньи Кушелева, поручаетъ мнѣ сказать вамъ, чтобы вы навели секретно справки, дѣйствительно ли онъ поѣхалъ по этой причинѣ, и не остался ли онъ въ самомъ Торопцѣ подъ какими-либо другими предлогами: потому что онъ одинъ изъ важныхъ лицъ масонства. Такъ какъ кавалергарды также тамъ находятся, то велите наблюдать, нѣтъ ли сношеній между ними, и сообщите мнѣ то, что̀ вы знаете.—Государь совершенно здоровъ и располагаетъ ѣхать 22-го въ Новгородскія военныя поселенія на 4 дня. Въ Петербургѣ распространили слухи, будто бы было въ кавалергардскомъ полку нѣсколько дуелей и троихъ убили. Такъ какъ я ни отъ кого о семъ рапорта не имѣю, то и не придаю вѣры этимъ слухамъ. Скажите, правда ли это?

XXXV.

St. Pétersbourg. Ce 13 de Juillet.

Ne m'en voulez pas, cher ami, de ce que je ne vous ai pas écrit depuis aussi longtemps; la cause était de ce que je ne pouvais jusqu'à présent obtenir aucune résolution par rapport à la demande, que vous faites pour les portions et les rations; mais enfin, il y a deux jours, l'Empereur a décidé que les gardes recevront sur place dans les cantonnements trois portions de viande, hors les carêmes, et la 1-re division des grenadiers deux portions de viande par semaine, mais point

---

[49]) Генералъ-штабъ-докторъ Элизенъ былъ весьма добрый и умный человѣкъ. *В. Д.*

de vin, tant que l'on n'est en marche, ni aux uns, ni aux autres, parceque cela coûte horriblement; pour rations, on les donnera pour les chevaux de selle seulement, à tous les généraux et officiers; tout cela fait déjà une dépense de plus d'un demi-million, si vous restez longtemps dehors. Jusqu'à présent on ne peut rien décider sur le terme à cause des sottises que font les Turcs. Si la guerre devra avoir lieu, vous changerez de quartiers pour vous rapprocher aussi des frontières, de manière à vous trouver à la portée de marche tant contre les Turcs, que vers un autre côté, si cela sera nécessaire. Je ne dis cela que pour vous seul, cher ami. — J'ai reçu hier soir votre rapport avec celui de Lévaschoff. Je ne le conçois plus. Vous savez qu'il m'a écrit, pour un congé absolu, et que Sa M. a ordonné qu'il s'adresse d'après l'ordre établi; il paraît que l'Empereur ne s'arrêtera pas à le lui accorder. Voilà ce que c'est que d'être trop bon avec des gens, qui ne le méritent pas, et pour cela il faut bien les étudier auparavant... [50]).

Переводъ. С.-Петербургъ. 13 Іюля 1821.

Не сердитесь на меня, любезный другъ, за то, что я такъ долго вамъ не писалъ; причиной тому было то, что до сихъ поръ я не могъ получить никакой резолюціи на просьбу, сдѣланную вами о порціонахъ и раціонахъ; но наконецъ, тому два дня, государь рѣшилъ, что гвардія будетъ получать на мѣстѣ квартированія три говяжьихъ порціи, исключая постовъ, а 1-ая гренадерская дивизія—двѣ говяжьи порціи въ недѣлю; но винà не будутъ получать ни тѣ, ни другіе, пока войска на мѣстѣ, такъ какъ это страшно дорого стоитъ; раціоны будутъ выдавать только на верховыхъ лошадей всѣмъ генераламъ и офицерамъ,—это уже составляетъ издержку болѣе полумилліона, ежели вы долго пробудете въ походѣ. До сихъ поръ ничего нельзя рѣшить о срокѣ по причинѣ глупостей, которыя дѣлаютъ Турки. Ежели война должна быть, вамъ перемѣнятъ квартиры, чтобы приблизить васъ такимъ образомъ къ границѣ и имѣть возможность васъ двинуть противъ Турокъ, или по другому направленію, ежели это будетъ нужно. Я говорю это только вамъ, любезный другъ.—Я получилъ вчера вечеромъ вашъ рапортъ вмѣстѣ съ таковымъ же отъ Левашева; я его рѣшительно не понимаю. Вы знаете, что онъ писалъ мнѣ о безусловной отставкѣ и что его величество приказалъ, чтобы онъ обратился въ установленномъ порядкѣ. Какъ кажется, Государь не остановится изъявить на то согласіе. Вотъ что значитъ быть слишкомъ добрымъ съ людьми, которые этого не заслуживаютъ, и поэтому ихъ нужно предварительно изучать.

Примѣчаніе. Отставка, поданная ген. Левашевымъ, была слѣдствіемъ строгаго выговора, полученнаго имъ отъ государя со всею военною судною коммиссіею, назначенною для суда надъ нижними чинами, которой онъ былъ предсѣдателемъ. (См. Истор. царст. Импер. Александра, Богдановича, стр. 324). Въ этой коммиссіи военнаго суда былъ аудиторомъ Терлецкій, который имѣлъ весьма непріятное столкновеніе съ Левашевымъ, потому и вышелъ изъ коммиссіи. На его мѣсто былъ назначенъ оберъ-аудиторъ внутренней стражи Бѣльскій. Послѣ заявленнаго неудовольствія Васильчиковымъ на рѣшеніе первой коммиссіи была назначена другая подъ предсѣдательствомъ Желтухина, и въ нее снова попалъ Терлецкій оберъ-аудиторомъ и, вслѣд-

[50]) Выпускаемъ жалобу на болѣзнь и желаніе съѣздить отдохнуть въ свое подмосковное имѣніе Суханово.

ствіе неудовольствія на Левашева, онъ вывелъ всѣ его промахи (Изъ записки ген. адъютанта Шипова). В. Д.

XXXVI.

Zarsko-Selo. Ce 6 Août 1821.

J'ai reçu, cher ami, votre lettre du 30 de Juillet, dans laquelle vous m'exprimez vos idées sur la nouvelle dislocation pour la garde. Je les ai portées à la connaissance de Sa M., qui me charge de vous dire, que celle de Minsk est la plus convenable de toutes, d'après les circonstances politiques, et qu'il serait absolument inutile de faire marcher les troupes à Pétersbourg, pour les faire retourner de nouveau à la place, qu'elles occuperont. Quant aux pantalons d'hiver, je n'ai aucune inquiètude; mais je trouve que l'on a mal fait de ne les avoir pas pris avec, parceque les hommes doivent les avoir toujours sur eux ou avec eux. L'Empereur se propose de venir vous voir à Бѣшенковичи pour le 16 de Septembre. Je ne sais seulement, si le temps continue à être toujours aussi mauvais, comment on pourra manoeuvrer, et pourra-t-on avoir assez de fourrages pour la cavalerie. Il est vrai que Sa M. a ordonné d'écrire à Dibitsch, s'il y a beaucoup de difficulté de rassembler tout le corps, de ne réunir que la 1 et 2 division de la garde à pied avec la division légère de cavalerie, laissant les autres dans leurs cantonnements. L'Empereur m'a dit aussi, que vous n'avez pas besoin de faire venir d'autres uniformes, parceque cela ne ferait que vous embarrasser pour le transport pour la marche.

Je viens de recevoir à l'instant votre lettre du 31, dans laquelle vous me parlez de l'affaire du régiment de Finlande. Vous recevrez la réponse par le général en chef, auquel cela est déjà envoyé. L'Empereur a ordonné de juger les coupables.

Переводъ. Царское Село, 6 Августа 1821 г.

Я получилъ, любезный другъ, письмо ваше отъ 30 Іюля, въ которомъ вы мнѣ излагаете ваши мысли о новой дислокаціи для гвардіи. Я ихъ представилъ на разсмотрѣніе его величества, который поручилъ мнѣ вамъ сказать, что, по политическимъ обстоятельствамъ, самая приличная изъ всѣхъ губерній Минская, и что совершенно было бы безполезно двигать войска къ Петербургу для того, чтобъ ихъ снова вернуть на мѣста, ими нынѣ занимаемыя. Чтоже касается зимнихъ брюкъ, я нисколько не безпокоюсь; но нахожу, что дурно сдѣлали, не взявъ ихъ съ собой, ибо люди всегда ихъ должны имѣть на себѣ или съ собой.—Государь предполагаетъ пріѣхать посмотрѣть на васъ въ Бѣшенковичахъ около 16-го Сентября; не знаю, однако, можно ли будетъ маневрировать, ежели погода будетъ такая же дурная, какъ теперь, и достаточно ли будетъ фуража для кавалеріи. Правда, что его величество приказалъ написать Дибичу, что, ежелибы встрѣтились значительныя затрудненія въ сборѣ всего корпуса, то собрать только 1-ю и 2-ю пѣхотныя гвардейскія дивизіи съ кавалерійскою дивизіею, оставивъ прочія на кантониръ-квартирахъ. — Государь сказалъ мнѣ также, что вамъ не зачѣмъ выписывать другихъ мундировъ, потому что это только стѣснило бы васъ при перевозкѣ въ походѣ.

Я сейчасъ получилъ письмо ваше отъ 31, въ которомъ вы мнѣ говорите о дѣлѣ Финляндскаго полка. Вы получите отвѣтъ чрезъ главнокомандующаго, которому онъ уже посланъ. Государь приказалъ судить виновныхъ.

ИЗЪ СТАРОЙ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ НАЧАТОЙ ВЪ 1813 ГОДУ *.

Кто-то говорилъ, что вообще наши статистики скорѣе статисты, которые, по опредѣленію нашего академическаго словаря, суть актеры безъ рѣчей на сценѣ. И отъ нашихъ статистиковъ большихъ рѣчей и чиселъ ожидать нельзя. Въ статистику приходится вѣрить болѣе на слово. Хорошо еще въ маленькомъ государствѣ; но у насъ, съ нашими пространствами, безграмотностью и недостаткомъ правильнаго счетоводства, какъ услѣдить за всѣми дѣлами природы и дѣлами рукъ человѣческихъ? Прошу покорно вычислить, хотя приблизительно, хотя съ нѣкоторою вѣроятностью, число курицъ и коровъ, и такъ далѣе, которыя родятся, здравствуютъ и умираютъ

от хладныхъ Финскихъ скалъ до пламенной Колхиды.

Въ началѣ столѣтія и собиранія статистическихъ свѣдѣній, одна мѣстная власть обратилась въ одинъ уѣздъ съ требованіемъ доставить таковыя свѣдѣнія. Исправникъ отвѣчалъ: „Въ теченіи двухъ послѣднихъ лѣтъ, то есть съ самаго времени назначенія моего на занимаемое мною мѣсто, ни о какихъ статистическихъ происшествіяхъ, благодаря Бога, въ уѣздѣ не слышно. А если таковые слухи до начальства дошли, то единственно по недоброжелательству моихъ завистниковъ и враговъ, которые хотятъ мнѣ повредить въ глазахъ начальства, и я нижайше прошу защитить меня отъ подобной статистической напраслины“.

*

Жена генерала Л., слывшаго острякомъ, была, говорятъ, особенно глупа. При людяхъ, боясь какой нибудь чудовищной обмолвки, мужъ держалъ языкъ ея на привязи. Напримѣръ, онъ не позволялъ ей открывать ротъ, пока не дастъ онъ условленнаго знака. Однажды, на многочисленномъ вечерѣ, генералъ, по обыкновенію своему, краснобаялъ, разсказывалъ анекдоты, разсыпался шутками, острыми словами. Въ пылу витійства своего онъ необдуманно и нечаянно сдѣлалъ головою условленный съ женою знакъ.—„Ну, наконецъ, слава Богу (вскрикнула она), вотъ уже полчаса что̀ мигаю тебѣ: жажда меня замучила. Смерть хочется выпить. Человѣкъ, подай мнѣ стаканъ воды“.

Въ другой разъ генералъ ожидалъ какого-то почетнаго гостя; между тѣмъ необходимо было ему нужно отлучиться изъ дома. Онъ приказываетъ женѣ принять гостя и сказать, что онъ тотчасъ возвратится; вмѣстѣ съ тѣмъ строго наказываетъ ей не пускаться въ дальніе разговоры, а говорить только о самыхъ близкихъ и до-

*) См. первую книгу Русскаго Архива сего года, стр. 468.

машнихъ предметахъ. Гость пріѣзжаетъ.—„Что это за панталоны на васъ?" обращается она къ пріѣзжему. „У моего мужа платье совсѣмъ не такъ сшито". Призываетъ она каммердинера мужа и приказываетъ ему принести жилеты и панталоны барина. Приносятъ. Генералъ возвращается домой и застаетъ выставку. Вотъ картина! (Разсказано В. Л. Пушкинымъ, современникомъ этихъ событій).

*

N. N. говоритъ, что сочиненія К. — недвижимое имущество его: никто не беретъ ихъ въ руки и не двигаетъ съ полки въ книжныхъ лавкахъ.

*

Двоюродные братья, князья Гагарины, оба красавцы въ свое время, встрѣтились послѣ двадцати-лѣтней разлуки въ постороннемъ домѣ. Они, разумѣется, постарѣли и другъ друга не узнали. Хозяинъ долженъ былъ назвать ихъ по имени. Тутъ бросились они во взаимныя объятія. „Грустно" князь Григорій (сказалъ одинъ изъ нихъ); но, судя по впечатлѣнію, которое ты на меня производишь, долженъ я казаться тебѣ очень гадокъ".

*

Обыкновенное дѣйствіе чтеній романиста X..., когда онъ читаетъ въ слухъ пріятелямъ новыя повѣсти свои, есть то, что многіе изъ слушателей засыпаютъ. „Это натурально (говоритъ N. N.); а вотъ что мудрено: какъ самъ авторъ не засыпаетъ, перечитывая ихъ, или какъ не засыпалъ онъ, когда ихъ писалъ!"

Впрочемъ, Карамзинъ разсказывалъ, что, когда (вѣроятно въ угоду какой нибудь дамѣ) писалъ онъ Меланхолію, подражаніе Делилю, съ нимъ было тоже. Онъ писалъ эти стихи ночью, въ постелѣ, съ карандашемъ въ рукѣ. Было уже поздно, сонъ клонилъ его, и онъ часто засыпалъ надъ недоконченнымъ стихомъ: встрепенется и бодро примется опять за дѣло, и опять задремлетъ. Такъ продолжалось до утра; но побѣда осталась за нимъ, и вышло одно изъ лучшихъ стихотвореній его и того времени. Писано оно въ 1800 году.

О меланхолія, нѣжнѣйшій переливъ
Отъ скорби и тоски къ утѣхамъ наслажденья!
Веселья нѣтъ еще, и нѣтъ уже мученья....

—

Безмолвіе любя, ты слушаешь унылый
Шумъ листьевъ, горныхъ водъ, шумъ вѣтровъ и морей;
Тебѣ пріятенъ лѣсъ, тебѣ пустыни милы;
Въ уединеніи ты болѣе съ собой.

*

Ни съ того, ни съ сего, N. N. говоритъ сосѣдкѣ своей за ужиномъ, княгинѣ Т.: „Понимаю, что оно продолжается, но не понимаю, какъ могло оно начаться"...—„А я (улыбаясь, отвѣчаетъ княгиня) напротивъ, понимаю, что оно началось, но сама не понимаю, какъ оно продолжается". Княгиня съ догадливостью, прирожденною жен-

щинѣ, особенно въ подобныхъ случаяхъ, уразумѣла на лету, что рѣчь идетъ о связи ея съ молодымъ ***.

*

Разсказываютъ, что извѣстный Копьевъ, чтобы убѣдить крестьянъ своихъ внести разомъ ему годовой оброкъ, говорилъ имъ, что такой взносъ будетъ послѣдній, а что съ будущаго года станутъ они уплачивать всѣ повинности и отбывать воинскую одною поставкою клюквы.

*

Гастрономическія и застольныя отмѣтки, а также и по части питейной.

К. Г. былъ очень бережливъ, чтобы не сказать скупъ; между тѣмъ имѣлъ онъ притязанія на нѣкоторую гастрономическую изысканность. Однажды, силою какихъ-то обстоятельствъ, былъ онъ вынужденъ дать обѣдъ пріятелямъ своимъ. Въ числѣ ихъ находились два-три гастронома ex professo. Нельзя было пристыдить себя предъ ними. Обѣдъ былъ, какъ говорится, ничего, то есть приличенъ. Доходила очередь до Шампанскаго, а Шампанское въ то время продавалось дорого въ Москвѣ. По водвореніи жителей послѣ Французовъ, цѣна на бутылку Шампанскаго доходила до 25 рублей, разумѣется, на ассигнаціи. Но такая цѣна никого не пугала: незлопамятные Москвичи запивали горе свое, что Французы были въ Москвѣ и радость, что ихъ изъ Москвы прогнали, и совершали всѣ эти тризны и поминки по Французамъ ихъ-же Французскимъ виномъ. Разсказывали, что въ предсмертные дни Москвы до пришествія Французовъ, С. Н. Глинка, добродушный и добросовѣстный отечестволюбецъ, разъѣзжалъ по улицамъ, стоя на дрожкахъ, и кричалъ: „Бросьте Французскія вина и пейте народную сивуху! Она лучше поможетъ вамъ". Разсказъ, можетъ быть и выдуманный, но не лишенный красокъ мѣстности, современности и личности. Пора однакоже возвратиться къ нашему Амфитріону. Когда подали Шампанское, онъ сказалъ: „Je ne vous réponds pas de la qualité de mon vin de Champagne; mais je puis vous promettre ce qu'il est suffisamment frappé (не отвѣчаю вамъ за качество Шампанскаго, но могу обѣщать, что оно достаточно заморожено). Должно замѣтить при томъ, что это было зимою, и недостатка во льду и въ снѣгѣ не было.

*

Л., тоже родъ гастронома и вполнѣ поклонникъ Вакха, но вмѣстѣ съ тѣмъ сребролюбія недугомъ отягченный и казнорачитель, говорилъ въ 30-хъ годахъ: „Какъ времена перемѣнчивы! Давно-ли нельзя было порядочному человѣку отобѣдать безъ бутылки дорогаго Лафита или Бургонскаго вина? Теперь вошли въ моду и въ общее употребленіе Хересъ и Портъ-вейнъ". Такъ и слышенъ былъ въ этихъ словахъ переводъ потаенной мысли: оно и дешевле, и крѣпче.

Около того-же времени Пушкинъ, встрѣтившись съ товарищемъ юныхъ лѣтъ, который только что возвратился въ Петербургъ изъ за границы, гдѣ провелъ нѣсколько лѣтъ, спрашивалъ о впечатлѣніяхъ его и о томъ, какъ находитъ онъ Петербургъ и общество, послѣ долгаго отсутствія.—„Не могу надивиться (отвѣчалъ тотъ), какъ все измѣнилось: бывало за обѣдомъ и у лучшихъ людей ставили на столъ хорошій Медокъ, да и полно; теперь, гдѣ ни обѣдаешь, вездѣ видишь Лафитъ, по шести и семи рублей бутылка".—Статистическія данныя разнорѣчивы между Л. и новымъ наблюдателемъ; но первое наблюденіе выражено человѣкомъ, принадлежащимъ школѣ позитивизма, другое гастрономическому туристу, который изучаетъ страну и народные нравы по столовой статистикѣ. „Скажи мнѣ что̀ ты ѣшь и пьешь, и я скажу тебѣ, что̀ ты за человѣкъ", замѣтилъ извѣстный гастрономъ.

*

Дашковъ, который долго жилъ на Востокѣ, разсказывалъ, по возвращеніи своемъ въ Петербургъ, что одно служебное лице, ѣхавшее въ тѣ края, просило у него свиданія, чтобы воспользоваться указаніями и совѣтами его для руководства своего въ незнакомой сторонѣ и на новомъ поприщѣ. Свиданіе было назначено. Первый вопросъ предусмотрительнаго неофита былъ слѣдующій: „А какъ вы полагаете, не лучше-ли будетъ мнѣ закупить въ Одессѣ нѣсколько боченковъ Французскихъ винъ, и какого именно болѣе, краснаго или бѣлаго; или и тамъ на мѣстѣ могу составить погребъ свой?" Прочіе вопросы вертѣлись около предметовъ такой-же политической экономіи.

*

Ѳ. П. Лубяновскій, пріятель и единовѣрецъ Лопухина (Ивана Владиміровича) разсказывалъ мнѣ, что императоръ Александръ Павловичъ имѣлъ однажды намѣреніе назначить послѣдняго министромъ народнаго просвѣщенія. Для этой цѣли выписали Лопухина изъ Москвы, гдѣ былъ онъ сенаторомъ. Желая ближе съ нимъ ознакомиться, Государь велѣлъ пригласить его къ обѣду. Лопухинъ вовсе не былъ питу́хъ; но, необдуманно соблазнясь лакомыми винами, которыя подавали за царскимъ столомъ, онъ ничего не отказывалъ, охотно выпивалъ все предлагаемое, а иногда въ промежуткахъ подливалъ себѣ еще вино изъ бутылокъ, которыя стояли на столѣ. Къ тому-же, на бѣду, его лице, краснокожее и разцвѣтающее почками багровосиними, напоминало стихи Княжнина:

....лице
Одѣто въ красненькій сафьянный переплетъ;
Не вѣрю я тому, а кажется онъ пьетъ.

Императоръ держался самой строгой трезвости и былъ вообще склоненъ къ подозрѣнію. Возліянія и вліянія недогадливаго Лопухина не могли ускользнуть отъ наблюдательнаго и пытливаго взгляда Императора. Ему не только казалось, но онъ убѣдился, что Лопухинъ пьетъ. „Нѣтъ (сказалъ онъ приближеннымъ своимъ,

вставъ изъ-за стола): этотъ не годится мнѣ въ министры". Тѣмъ министерство его и кончилось: онъ возвратился сенаторомъ въ Москву, какъ и выѣхалъ сенаторомъ.

*

Ю. А. Нелединскій въ молодости своей могъ много съѣсть и много выпить. И онъ охотно пользовался этими способностями. Я узналъ его, когда онъ былъ уже зрѣлыхъ лѣтъ, а я еще ребенкомъ. Помню, съ какою завистью смотрѣлъ я на почетъ, оказываемый ему за обѣдомъ у отца моего. Къ нему возвращалось блюдо съ пирожками послѣ супа, и всѣ оставшіеся пирожки переходили на тарелку его и вскорѣ съ тарелки въ его желудокъ. Вечеромъ, когда подавали чай и, послѣ первой или второй чашки, слуга спрашивалъ его, желаетъ-ли онъ еще чаю, онъ отвѣчалъ: желаю, пока вода будетъ въ самоварѣ. О питейныхъ подвигахъ его по части другихъ жидкостей слыхалъ я разсказы, но самъ засталъ я его въ порѣ совершенной трезвости. О съѣдобной способности своей разсказывалъ онъ забавный случай. Въ молодости зашелъ онъ въ Петербургѣ въ одинъ ресторанъ позавтракать (впрочемъ, въ прошломъ столѣтіи ресторановъ, restaurant, еще не было, не только у насъ, но и въ Парижѣ; а какъ назывались подобныя благородныя харчевни, не знаю). Дѣло въ томъ, что онъ заказалъ себѣ каплуна и всего съѣлъ его до косточки. Каплунъ понравился ему, и на другой день является онъ туда-же и совершаетъ тотъ-же подвигъ. Такъ было въ теченіи нѣсколькихъ дней. Наконецъ замѣчаетъ онъ, что столовая, въ первый день посѣщенія его совершенно пустая, наполняется съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе. По разглашенію хозяина, публика стала собираться смотрѣть, какъ нѣкоторый баринъ уничтожаетъ въ одиночку цѣлаго и жирнаго каплуна. Нелединскому надоѣло давать зрителямъ даровой спектакль, и хозяинъ гостинницы былъ наказанъ за нескромность свою.

*

Однажды обѣдали мы съ Плетневымъ у Гнѣдича на дачѣ. За ѳбѣдомъ понадобилась соль Плетневу; глядь, а соли нѣтъ. „Что-же это, Николай Ивановичъ, столъ у тебя кривой", сказалъ онъ (извѣстная Русская поговорка: безъ соли столъ кривой). Плетневъ вспомнилъ Русскую, но забылъ Французскую поговорку: не надобно говорить о веревкѣ въ домѣ повѣшеннаго (Гнѣдичъ былъ кривъ).

*

Оссинскій, Польскій поэтъ и директоръ Варшавскаго театра, забавно разсказывалъ объ одномъ Польскомъ хлѣбосолѣ, отличавшемся худыми винами, которыя подавались за столомъ его. Я думаю, говорилъ Оссинскій, что нашъ милый хозяинъ разорится на вина свои: иначе нельзя, какъ за большія деньги отыскивать и покупать подобныя въ своемъ родѣ рѣдкости.

*

Николая Николаевича Новосильцова зазвалъ однажды къ себѣ обѣдать братъ его Иванъ Николаевичъ, большой чудакъ и нерасто-

чительнаго десятка. Николай Николаевичь былъ тонкій гастрономъ и винономъ. Въ концѣ обѣда хозяинъ говоритъ ему: „Я тебя, братецъ, Шампанскимъ подчивать не стану: это вино производитъ кислоту въ желудкѣ".

*

Графъ Вьельгорскій спрашивалъ провинціала, пріѣхавшаго въ первый разъ въ Петербургъ и обѣдавшаго у одного сановника, какъ показался ему обѣдъ?—„Великолѣпенъ (отвѣчалъ онъ): только въ концѣ обѣда поданный пуншъ былъ ужасно слабъ". Дѣло въ томъ, что провинціалъ выпилъ залпомъ теплую воду съ ломтикомъ лимона, которую поднесли для полосканія рта.

*

Одна барыня стараго времени имѣла въ домѣ Француза повара и Француза дворецкаго. Однажды за обѣдомъ подаютъ ей дичь съ душкомъ. Она посылаетъ дворецкаго сдѣлать выговоръ повару. Дворецкій возвращается и докладываетъ, что шефъ кухни (le chef de cuisine) объясняетъ, que c'est de la viande mortifiée (мясо нѣсколько замореное). Dites lui et peredites lui (скажите и перескажите ему), говоритъ княгиня, que je n'aime pas les mortifications (что я не люблю замариваній).

*

У степнаго хлѣбосола обѣдаетъ иностранецъ, находитъ, что обѣдъ очень хорошъ и спрашиваетъ хозяина: Французъ-ли поваръ его, или Русскій?—Je ne sais pas, отвѣчаетъ онъ съ нѣкоторою гордостью, si le cuisinier est bon, mais je sais qu'il est mon. (Я не знаю, хорошъ ли поваръ; но знаю, что онъ мой). Вотъ Русскій гастрономъ на законномъ основаніи крѣпостнаго права.

*

Въ старые годы Московскихъ порядковъ, жила богатая барыня и давала балы, то есть балы давалъ мужъ, гостепріимный и пиршестволюбивый Москвичъ, жена-же была очень скупа и косилась на эти балы. За ужиномъ садилась она обыкновенно особнякомъ у дверей, чрезъ которыя вносились и уносились кушанія. Этотъ обсерваціонной постъ имѣлъ двѣ цѣли: она наблюдала за слугами, чтобы они какъ нибудь не присвоили себѣ часть кушаній; а къ тому-же должны были они сваливать ей на тарелку все что̀ оставалось на блюдахъ послѣ разноски по гостямъ, и все это уплетала она, чтобы остатки не пропадали даромъ. Эта барыня приходилась сродни Американцу Толстому. Онъ прозвалъ ее: тетушка сливная лохань.

*

Иванъ Петровичъ Архаровъ, послѣдній бургграфъ (burgrave) Московскаго барства и гостепріимства, сгорѣвшихъ вмѣстѣ съ Москвою въ 1812 году, имѣлъ своего рода угощеніе. Встрѣчая почетныхъ или любимѣйшихъ гостей, говорилъ онъ: „Чѣмъ почтить мнѣ дорогого гостя? Прикажи только, и я для тебя зажарю любую дочь мою".

*

Одинъ очень близкій мнѣ человѣкъ съѣлъ однажды разомъ на тысячу двѣсти рублей земляники. Это покажется баснею, а между тѣмъ оно быль, и самая достовѣрная. Вотъ какъ это случилось. Послѣ довольно долгаго отсутствія изъ Москвы, пріѣхалъ онъ въ свою подмосковную. Это было въ началѣ лѣта. За обѣдомъ угощають его глубокою тарелкою ранней, но очень крупной и вкусной земляники. Онъ ѣстъ ее съ удовольствіемъ и съ чувствомъ признательности къ заботливому и усердному садовнику; онъ думаетъ дать ему за вѣрную службу приличное награжденіе. Но наступаетъ, что̀ называется le quart d'heure de Rabelais, то есть пора расплаты. Помѣщикъ спрашиваетъ садовника, много-ли продалъ онъ плодовъ и много-ли надѣется еще продать?—Всѣ деревья въ грунтовыхъ сараяхъ побиты морозомъ, отвѣчаетъ тотъ, а черви поѣли всѣ плоды на оранжерейныхъ деревьяхъ. Выручки никакой быть не можетъ.—А что̀ стоитъ содержаніе оранжерей и грунтовыхъ сараевъ? спрашиваетъ помѣщикъ. Отвѣтъ: ежегодно тысячу двѣсти рублей. „Прекрасно!" возражаетъ баринъ: „стало, по твоему расчету, съѣлъ я сегодня земляники на тысячу двѣсти рублей. Слуга покорный! Спасибо за угощеніе. А между тѣмъ вели написать въ конторѣ себѣ отпускную, и чтобы и духа твоего здѣсь не было". Управителю велѣлъ онъ тотчасъ-же упразднить оранжерею и прекратить всѣ садовые расходы. Забавно, что, пріѣхавъ въ Москву, узнаётъ онъ, что разнощики особенно хвастаются фруктами, добытыми изъ оранжерей именно подмосковной его.

*

Извѣстно, что въ старые годы, въ концѣ прошлаго столѣтія, гостепріимство нашихъ баръ доходило до баснословныхъ предѣловъ. Ежедневный открытый столъ на 30, на 50 человѣкъ было дѣло обыкновенное. Садились за этотъ столъ кто хотѣлъ: не только родные и близкіе знакомые, но и малознакомые, а иногда и вовсе незнакомые хозяину. Таковыми столами были преимущественно въ Петербургѣ столы графа Шереметева и графа Разумовскаго. Крыловъ разсказывалъ, что къ одному изъ нихъ повадился постоянно ходить одинъ скромный искатель обѣдовъ и чуть-ли не изъ сочинителей. Разумѣется, онъ садился въ концѣ стола, и также, разумѣется, слуги обходили блюдами его какъ можно чаще. Однажды понесчастливилось ему пуще обыкновеннаго: онъ почти голодный всталъ со стола. Въ этотъ день именно такъ случилось, что хозяинъ послѣ обѣда, проходя мимо его, въ первый разъ заговорилъ съ нимъ и спросилъ: доволенъ-ли ты?—Доволенъ, ваше сіятельство, отвѣчалъ онъ съ низкимъ поклономъ: все было мнѣ видно.

*

А самъ Крыловъ! Можно-ли не помянуть его въ застольной лѣтописи? Однажды приглашенъ онъ былъ на обѣдъ къ императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ въ Павловскѣ. Гостей за столомъ было немного. Жуковскій сидѣлъ возлѣ него. Крыловъ не отказывался ни отъ

одного блюда.—Да, откажись хоть разъ, Иванъ Андреевичъ, шепнулъ ему Жуковскій: дай Императрицѣ возможность попотчивать тебя.— Ну, а какъ не попотчуетъ! отвѣчалъ онъ и продолжалъ накладывать себѣ на тарелку. Крыловъ говорилъ, что за столъ надобно такъ садиться, чтобы, какъ скрипачу, свободно дѣйствовать правою рукою. Такъ и старался онъ всегда садиться. Онъ очень любилъ ботвинью и однажды забавно преподавалъ онъ исторію ея и чрезъ какія постепенныя усовершенствованія должна была она проходить, чтобы достигнуть до того, чѣмъ она нынѣ является, хорошо и со всѣми удобствами приготовленная.

*

Нельзя пропустить и Пушкина въ этомъ съѣстномъ очеркѣ. Онъ вовсе не былъ лакомка. Онъ даже, думаю, не цѣнилъ и не хорошо постигалъ тайнъ повареннаго искусства; но на иныя вещи былъ онъ ужасный прожора. Помню, какъ, въ дорогѣ, съѣлъ онъ почти однимъ духомъ двадцать персиковъ, купленныхъ въ Торжкѣ. Моченымъ яблокамъ также доставалось отъ него нерѣдко.

*

Карамзинъ былъ очень воздерженъ въ ѣдѣ и въ питіи. Впрочемъ таковымъ былъ онъ и во всемъ, въ жизни матеріальной и умственной: онъ ни въ какія крайности не вдавался; у него была во всемъ своя прирожденная и благопріобрѣтенная діететика. Онъ вставалъ довольно рано, на тощакъ ходилъ гулять пѣшкомъ, или ѣздилъ верхомъ, въ какую пору года ни было-бы и въ какую-бы ни было погоду. Возвратясь выпивалъ двѣ чашки кофе, за ними выкуривалъ трубку табаку (кажется обыкновеннаго кнастера) и садился вплоть до обѣда за работу, которая для него была также пища и духовная и насущный хлѣбъ. За обѣдомъ начиналъ онъ съ варенаго риса, котораго тарелка стояла всегда у прибора его, и часто смѣшивалъ онъ рисъ съ супомъ. За обѣдомъ выпивалъ рюмку портъвейна и стаканъ пива, а стаканъ этотъ былъ выдѣланъ изъ дерева горькой квассіи. Вечеромъ, около 12-ти часовъ, съѣдалъ онъ непремѣнно два печеныя яблока. Весь этотъ порядокъ соблюдался строго и нерушимо, и преимущественно съ гигіеническою цѣлью: онъ берегъ здоровье свое и наблюдалъ за нимъ, не изъ одного опасенія болѣзней и страданій, а какъ за орудіемъ необходимымъ для безпрепятственнаго и свободнаго труда. Кажется, въ послѣдніе годы жизни его, вседневный порядокъ былъ нѣсколько измѣненъ; но въ Москвѣ держался онъ его постоянно въ теченіи нѣсколькихъ годовъ. Мы сказали, что онъ былъ въ пищѣ воздерженъ. Былъ онъ вовсе и неприхотливъ. Но какъ никогда не писалъ онъ на обумъ, такъ и ѣсть наобумъ не любилъ. Въ этомъ отношеніи былъ онъ взыскателенъ. У него былъ свой слогъ и въ пищѣ: нужны были припасы свѣжіе, здоровые, какъ можно болѣе естественно изготовленные. Неопрятности, неряшества, безвкусія не терпѣлъ онъ ни въ чемъ. Обѣдъ его былъ всегда сытный, хорошо приготовленный и не въ обрѣзъ, не смотря на общіе экономическіе порядки дома.

Въ Петербургѣ два-три пріятеля могли всегда свободно являться къ обѣду его и не возвращались домой голодными. Въ 1816 году обѣдалъ онъ у Державина. Обѣдъ былъ очень плохой. Карамзинъ ничего ѣсть не могъ. Наконецъ къ какому-то кушанью подаютъ горчицу; онъ обрадовался, думая, что на ней отыграться можно и что она отобьетъ дурной вкусъ: вышло, что и горчица была невозможна.—Державинъ былъ болѣе гастрономъ въ поэзіи, нежели на домашнемъ очагѣ. У него встрѣчаются лакомые стихи, отъ которыхъ слюнки по губамъ такъ и текутъ. Напримѣръ:

Тамъ славный окорокъ Вестфальской,
Тамъ звѣнья рыбы Астраханской,
Тамъ пловъ и пироги стоятъ.
Шампанскимъ вафли запиваю.

Въ двухъ первыхъ стихахъ риѳма довольно тощая, но содержаніе стиховъ сытное.—Или:

Багряна ветчина, зелены щи съ желткомъ,
Румяно-жолтъ пирогъ, сыръ бѣлый, раки красны.

Тутъ есть и янтарь-икра, и щука съ голубымъ перомъ. А эта прелесть:

Младыя дѣвы угощаютъ,
Подносятъ вина чередой:
И Аліатико съ Шампанскимъ,
И пиво Русское съ Британскимъ,
И Мозель съ Зельцерской водой.

*

Одно лице, довольно значительное въ городѣ, имѣло обыкновеніе забирать чрезъ посланнаго въ Ренскихъ погребахъ съ дюжину бутылокъ разныхъ винъ, дескать на пробу. Эти постоянно-пробныя вина служили украшеніемъ стола въ дни тезоименитства хозяина, или въ другіе торжественные семейные дни. Дóма срывалъ онъ ярлыки съ бутылокъ и, для вящаго эффекта, импровизировалъ свои, которые и записывались крупными буквами рукою канцелярскаго служителя, напримѣръ: Дрей-лафитъ, Шато-малага, настоящее Англійское Шампанское перваго сорта, и такъ далѣе.

*

По возвращеніи нашихъ войскъ изъ Парижа, ходило въ обществѣ много забавныхъ анекдотовъ о неожиданныхъ приключеніяхъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ офицеровъ, не знавшихъ Французскаго языка. Напримѣръ, входитъ офицеръ въ ресторанъ и проситъ dîner, по заученному имъ слову. Ему подаютъ карту и карандашъ. Онъ ничего разобрать не можетъ и смѣло отхватываетъ карандашемъ первыя четыре кушанія, означенныя на картѣ. „Странный обѣдъ у этихъ Французовъ, говорилъ онъ послѣ: мнѣ подали четыре тарелки разныхъ суповъ“. Дѣло въ томъ, что, по незнанію Французской грамоты, онъ размахнулся карандашемъ по графѣ potages. Другой, немножко маракующій пофранцузски, но не вполнѣ обладающій языкомъ, говорилъ: „Какіе шарлатаны и обманщики эти Французы! Захожу я въ ресторанъ; обѣдаю; гарсонъ предлагаетъ мнѣ, не хо-

чу-ли я свѣжія пети-пуа. Я думаю, почему не попробовать, что̀ такія за пети-пуа, и велѣлъ подать. Что́-же вышло? Подали мнѣ простой горошекъ (petit pois)".

Денисъ Давыдовъ вывезъ изъ похода много такихъ анекдотовъ и уморительно-забавно разсказывалъ ихъ.

*

Хозяинъ дома, подливая себѣ рому въ чашку чая и будто невольнымъ вздрагиваніемъ руки переполнившій мѣру, вскрикнулъ: ухъ! Потомъ предлагаетъ онъ гостю подлить ему адвокатца (выраженіе, употребляемое въ среднемъ кругу и означающее ромъ или коньякъ, то есть адвокатецъ, развязывающій языкъ), но подливаетъ очень осторожно и воздержно. „Нѣтъ, говоритъ гость: сдѣлайте милость, ухните уже и мнѣ".

*

Въ началѣ 20-хъ годовъ, Московская молодежъ была приглашена на Замоскворѣцкій балъ къ одному вице-адмиралу, состоявшему болѣе по части прѣсной воды. За ужиномъ подходитъ онъ къ столу, который заняли молодые люди. Онъ спрашиваетъ ихъ: „Не нужно-ли вамъ чего?"—Очень нужно, отвѣчаютъ они: пить нечего.—„Степашка!" кричитъ хозяинъ: „подай сейчасъ этимъ господамъ нѣсколько бутылокъ кислыхъ щей". Вотъ картина! Сначала общее остолбенѣніе, а потомъ дружный хохотъ.

*

Была пріятельская и помѣщичья попойка въ деревнѣ ** губерніи. Во время пиршества домъ загорѣлся. Кто могъ, опрометью выбѣжалъ. Достопочтенный А. выбѣжать не могъ: его вынесли и положили наземь на дворѣ. Послышались встревоженные крики: воды, воды! Съ просонья А. услышалъ ихъ и нѣсколько сиповатымъ голосомъ сказалъ: „кому воды, а мнѣ водки!" (разсказано свидѣтелемъ).

*

За обѣдомъ, на которомъ гостямъ удобно было пѣть съ Фигаро изъ оперы Россини:

Cito, cito, piano, piano (то есть сыто, сыто, пьяно, пьяно),

Американецъ Толстой могъ быть, разумѣется, не изъ послѣднихъ запѣвальщиковъ. Въ концѣ обѣда подаютъ какую-то закуску или прикуску. Толстой отказывается. Хозяинъ настаиваетъ, чтобы онъ попробовалъ предлагаемое и говоритъ: „Возьми, Толстой; ты увидишь, какъ это хорошо; тотчасъ отобьетъ весь хмель".—„Ахъ Боже мой!", воскликнулъ тотъ, перекрестясь, „да за что-же я два часа трудился? Нѣтъ, слуга покорный; хочу оставаться при своемъ".

Онъ же одно время, не знаю по какимъ причинамъ, наложилъ на себя эпитимію и мѣсяцевъ шесть не бралъ въ ротъ ничего хмельнаго. Въ самое то время совершались въ Москвѣ проводы пріятеля, который отъѣзжалъ на долго. Проводы эти продолжались недѣли двѣ. Что́ день, то прощальный обѣдъ, или прощальный

ужинъ. Всѣ эти прощанія оставались, разумѣется, не сухими. Толстой на нихъ присутствовалъ, но не нарушалъ обѣта, не смотря на всѣ приманки и увѣщанія пріятелей, не смотря, вѣроятно, и на собственное желаніе. Наконецъ назначены окончательные проводы въ гостинницѣ, помнится, въ селѣ Всесвятскомъ. Дружно выпитъ прощальный кубокъ, уже дорожная повозка у крыльца. Отъѣзжающій пріятель сѣлъ въ кибитку и пустился въ путь. Гости отправились обратно въ городъ. Толстой сѣлъ въ сани съ Денисомъ Давыдовымъ, который (замѣтимъ мимоходомъ) не давалъ обѣта въ трезвости. Ночь морозная и свѣтлая. Глубокое молчаніе. Толстой вдругъ кричитъ кучеру: стой! Сани остановились. Онъ обращается къ попутчику и говоритъ: „Голубчикъ Денисъ, дохни на меня!"

Воля ваша, а въ этомъ дохни много поэзіи. Это цѣлая элегія! Оно можетъ служить содержаніемъ и картинѣ; былъ-бы только живописецъ, который бы постигъ всю истину и прелесть этой сцены и умѣлъ выразить типическія личности Дениса Давыдова и Американца Толстого.

*

Заключимъ длинную нашу застольную хронику разсказомъ о столовомъ приключеніи, которое могло кончиться и трагически и комически. Однажды проѣзжалъ изъ-за границы въ Россію чрезъ Варшаву Петръ Михайловичъ Лунинъ. Съ начала столѣтія и ранѣе, былъ онъ очень извѣстенъ обществамъ Петербургскому и Московскому. Его любили, а часто и забавлялись слабостями его. Въ числѣ ихъ была страсть вышивать основу разсказовъ своихъ разными фантастическими красками и несбыточными узорами. Но все это было безобидно. Давно знакомый съ Н. Н. Новосильцовымъ, Лунинъ заѣхалъ къ нему. Тотъ пригласилъ его на обѣдъ. „Охотно, (отвѣчалъ Лунинъ), но подъ однимъ условіемъ: со мною ѣздитъ пріятель мой и дядька (Лунинъ былъ тогда уже очень старъ), позволь мнѣ и его привезти". Оказалось, что это былъ старый Французскій поваръ, кажется по имени Aimé, который долго практиковался въ Петербургѣ и не безъ достоинства. Новосильцовъ посмѣялся при такой странной просьбѣ; но, разумѣется, согласился на нее. За обѣдомъ было только нѣсколько Русскихъ, въ числѣ ихъ князь Александръ Сергѣевичь Голицынъ (одинъ изъ младшихъ сыновей извѣстнаго князя Сергѣя Ѳедоровича), полковникъ гвардейскаго уланскаго полка. По волосамъ слылъ онъ рыжимъ Голицынымъ. Онъ былъ любимъ въ Варшавѣ и Поляками, и земляками. Отличался онъ нѣкоторымъ Русскимъ удальствомъ и остроуміемъ, могъ много выпить, но никогда не напивался; а только, по словамъ дорогихъ собутыльниковъ, видно было, какъ паръ подымается изъ рыжей головы его. Этотъ Голицынъ за обѣдомъ у Новосильцова отпустилъ какую-то шутку, направленную на Людовика XVIII-го. Это происходило въ первые года реставраціи. Сотрапезникъ-поваръ встаетъ со стула и громко говоритъ: „Тотъ негодяй (такъ переводимъ мы крѣпкое Французское выраженіе, употребленное поваромъ), кто осмѣливается оскорбить священную осо-

бу короля. Я готовъ подтвердить слова свои, гдѣ и какъ угодно. Не первую рану получу я за короля своего". И тутъ-же снимаетъ онъ свой фракъ, засучиваетъ рукавъ рубашки и указываетъ на руку. Была-ли получена эта рана отъ кухоннаго ножа, или отъ шпаги, въ достовѣрности неизвѣстно; но вызовъ былъ сдѣланъ въ формальномъ порядкѣ. Можно вообразить себѣ общее удивленіе и смущеніе. Голицынъ принимаетъ вызовъ. Много стоило труда Новосильцову и нѣкоторымъ изъ присутствующихъ, чтобы умирить эту бурю и уладить дѣло безъ кровопролитія. Нечего и говорить, какъ много было-бы несообразнаго и дикаго въ поединкѣ Русскаго князя, Русскаго полковника съ Французскимъ кухмистеромъ. Въ началѣ было не до смѣха; но послѣ много и долго смѣялись этой застольной стычкѣ.

СТИХОТВОРЕНІЕ Н. Ф. ПАВЛОВА.

Иной, всю жизнь отдавъ заботамъ,
Вотще трудится до конца,
И лишь подъ старость, кровью, пòтомъ,
Стяжаетъ имя—подлеца.

Но ты не работàлъ упорно,
Извѣстности недолго ждалъ:
Ты безъ труда, легко, проворно,
Во цвѣтѣ лѣтъ ее снискалъ.

Не по лѣтамъ къ добру ты склоненъ,
На угожденье не брезгливъ,
Не по лѣтамъ низкопоклоненъ,
Не по лѣтамъ благочестивъ.

Въ послѣднее время въ историческихъ изданіяхъ стало появляться имя Н. Ф. Павлова: у насъ, въ Старой Записной Книжкѣ, въ описаніи Московскихъ умственныхъ кружковъ былаго времени, посвящено ему нѣсколько сочувственныхъ словъ; въ „Древней и Новой Россіи" изложена любопытная исторія съ его „Тремя Повѣстями"; Русская Старина напечатала анекдотъ о немъ. Но тутъ читателю выясняются лишь немногія, бѣглыя черты этого лица, вполнѣ принадлежащаго исторіи Русскаго умственнаго движенія и заслуживающаго особаго и цѣльнаго изображенія. Николай Филиповичь Павловъ былъ явленіемъ очень замѣчательнымъ. Необыкновенно-живой умъ, быстрота пониманія, убѣдительная сила изящнаго слова и твердые литературные пріемы при тонкомъ критическомъ талантѣ выдвигали его изъ ряда современниковъ. Какъ всѣ почти даровитые люди на Руси, онъ несетъ на себѣ вину передъ потомствомъ, сдѣлавъ безконечно мало въ сравненіи съ тѣмъ чтò могъ сдѣлать въ общественной сферѣ и чтò ему легко было сдѣлать. Тѣмъ не менѣе, если бы собрать вмѣстѣ написанное имъ въ теченіи почти сорока лѣтъ, могла бы выдти одна изъ тѣхъ книгъ, которыя, по выраженію князя Вяземскаго, похожи на испытанныхъ друзей и которыми дорожишь, потому что непремѣнно захочется перечитать ихъ вновь. Кромѣ повѣстей, критическихъ обозрѣній и замѣтокъ и такъ называемыхъ передовыхъ статей по вопросамъ внѣшней и внутренней политики, Павловъ, съ ранней молодости, переводилъ стихами и писалъ стихи, изъ которыхъ многіе не изданы и сохранились только въ рукописи и въ памяти любителей. Одно изъ такихъ стихотвореній, случайно намъ доставшееся, мы печатаемъ здѣсь. Оно написано лѣтъ трид-

цать тому назадъ, къ юношѣ, который былъ извѣстенъ въ Московскомъ обществѣ чрезмѣрными изъявленіями благоприличія и благочестія, мирившимися (что, къ сожалѣнію, бываетъ нерѣдко) съ добычею чиновъ и наградъ.

Пусть эти стихи и эти строки напомнятъ друзьямъ Н. Ф. Павлова, что пора позаботиться объ изданіи въ свѣтъ собранія его сочиненій. *П. Б.*

*

ПОСЛАНІЕ Н. М. ЯЗЫКОВА КЪ П. Я. ЧАДАЕВУ.

(*Декабря 25-го 1844. Москва*).

Вполнѣ чужда тебѣ Россія,
Твоя родимая страна!
Ея преданія святыя
Ты ненавидишь всѣ сполна.

—

Ты ихъ отрекся малодушно,
Ты лобызаешь туфлю Папъ,—
Почтенныхъ предковъ сынъ ослушной,
Всего чужаго гордый рабъ!

—

Свое ты все презрѣлъ и выдалъ.
Но ты еще не сокрушенъ;
Но ты стоишь, плѣшивый идолъ
Строптивыхъ душъ и слабыхъ жёнъ!

—

Ты цѣлъ еще: тебѣ донынѣ
Вѣнки плететъ большой нашъ свѣтъ;
Своей презрительной гордынѣ
У насъ находишь ты привѣтъ.

—

Намъ не смѣшно, намъ не обидно,
Не страшно намъ тебя ласкать,
Когда изволишь ты безстыдно
Свои хуленья изрыгать

—

На насъ, на все что̀ намъ священно,
Въ чемъ наша Русь еще жива.
Тебя мы слушаемъ смиренно;
Твои преступныя слова

—

Мы осыпаемъ похвалами,
Другъ другу ихъ передаёчъ
Странноприимными устами
И небрезгливымъ языкомъ!

—

А ты тѣмъ выше, тѣмъ ты краше:
Тебѣ угоденъ этотъ срамъ,
Тебѣ любезно рабство наше.
О горе намъ, о горе намъ!

Прошло болѣе тридцати лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ написаны эти стихи, и отъ борьбы, ихъ вызвавшей, не осталось нынѣ никакихъ личныхъ слѣдовъ, почему они и становятся достояніемъ словесной исторіи. Намъ сообщены они были братомъ поэта, А. М. Языковымъ. *П. Б.*

ОТЗЫВЪ РУССКАГО СТАРООБРЯДЦА О ВѢНСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ 1848 ГОДА.

ПИСЬМО ИЗЪ АВСТРІИ ВЪ МОСКВУ НА РОГОЖСКОЕ КЛАДБИЩЕ, ОТЪ НАСТОЯТЕЛЯ БѢЛОКРИНИЦКАГО МОНАСТЫРЯ ПАВЛА ВЕЛИКОДВОРСКАГО.

Григорію Ивановичу черезъ Родіона Мартынова, 23 *Іюня* 1848.

Мы, уже мѣсяца три не могши о вашемъ здравіи и благопребываніи слышать ни слуху, ни духу, уже приходили въ отчаяніе. Хотя мы и вины за собою не имѣли; но, по вашимъ внутреннимъ домашнимъ развратникамъ [1]) и по нашимъ государственнымъ разстройствамъ, нашимъ же собственнымъ и внезапнымъ разореніямъ и по коварномъ отъ насъ отнятіи любезнаго отца нашего, бывшаго оклеветаннаго [2]), уже самое дѣло заставляло насъ плачевнымъ гласомъ вопіять ко Господу: „Боже, Боже мой! Вонми ми! Вскую остави мя далече отъ спасенія, ибо словеса беззаконникъ премогоша насъ“. И уже не осталось намъ инаго на лицѣ земли примѣра, какъ токмо примѣра птенцовъ врановыхъ, уже на гнѣздѣ своемъ отъ рождшихъ своихъ оставленныхъ и не могущихъ на волю ни слетѣти, ни сходити, но точію зовущихъ и малыя му́шицы, во уста ихъ падающія, поглощающихъ. А наконецъ и самое гнѣздо наше воистину что птичее: и закрыто, и до зѣла скорчено. Обаче и при томъ долгъ нашея вѣры, любви и надежды побуждалъ насъ присно молиться за державнаго [3]) и иже во власти сущихъ, нѣсть бо власть аще не отъ Бога, по писанному; при томъ за обидящихъ насъ и творящихъ намъ пакости: „Не постави имъ, Господи, грѣха ихъ!“

Но праведный судъ всемогущаго Бога не закоснѣлъ открыться на повелѣвшихъ сіе. Въ тые бо самые дни, въ которой день комиссія накрыла нашъ домъ, т. е. 1-го числа Марта, въ той самой день открылась въ столичномъ градѣ Вѣнѣ ужасная и даже отъ вѣковъ небывалая революція; а въ третій день, когда у насъ опечатывали домъ, и всю фабрику [4]), и всѣхъ прикащиковъ, и рабочихъ выслали вонъ, тогда въ Вѣнѣ принудили царя подписать на конституціонныя правила. А главнаго виновника, наведшаго на нашъ домъ толикую напасть, князя Меттерниха, который клевету со стороны Сѣвера въ нѣдрахъ своихъ имѣлъ, хотя не по нашему дѣлу, но попущеніемъ Божіимъ, совершенно вонъ изъ Вѣны изгнали и еще смертію угрожали, если бы только не укрылся.

Нынѣ въ государствѣ нашемъ новыя права, и неоднократно объявлены, но еще настояще не утверждены; но уже всѣмъ націямъ и религіямъ совершенная вольность предоставлена. Тѣмъ убо и на-

---

[1]) Т. е. не хотѣвшимъ признать законность заграничной іерархіи.

[2]) Митрополита старообрядческаго Амвросія (изъ Грековъ), распоряженіемъ князя Меттерниха, вслѣдствіе настоятельной ноты императора Николая Павловича, заключеннаго въ крѣпость Цилли (1847).

[3]) Т. е. за Австрійскаго императора.

[4]) Т. е. монастыря. И далѣе говорится иносказательно. Комиссія прибыла изъ Львова, для разбора жителей Бѣлой Криницы, при чемъ положено выслать всѣхъ иностранцевъ, т. е. Русскихъ и Турецкихъ подданныхъ.

шей фабрикѣ мастера̀, прикащики и работники, за высылкою иностранныхъ, остальные теперь всѣ, какъ нѣкія слабыя безъ матери пчелки, собрались въ одну кучу и отъ толикой поражавшей насъ внезапной и ужасной бури едва едва отдыхаемъ; но уже слава Богу къ тому въ тишинѣ пока пребываемъ, даже и честныхъ сѣдинъ любезнаго нашего отца обратно къ себѣ ожидаемъ. Хотя разрѣшенія ему еще нѣтъ [5]), за неутвержденіемъ новыхъ государственныхъ законовъ, такъ какъ его дѣло при старомъ законѣ совершенно закончено; но увѣряютъ, что послѣ депутаціи, имѣющей быть со всего государства въ столицѣ 26 будущаго Іюля, получитъ свободу совершенно. Впрочемъ теперь у насъ архіереевъ и поповъ сколько угодно себѣ поставляй; книги какія угодно сами себѣ печатай публично и безвозбранно. Теперь уже въ Австріи уже нѣтъ такой вѣры, которая бы надъ всѣми господствовала или гонима была, не исключая даже и Жидовъ, но равность и вольность. Я, на сіи смотря перемѣнныя происшествія и видя искру истины Господней, всемогущимъ Промысломъ Божіимъ присно горящу и неутихающу, съ глубокою моею чувствительностью поминаю прореченное ап. Павломъ: „Якоже Богъ рекій изъ тьмы свѣту возсіяти, иже возсія въ сердцахъ нашихъ, къ просвѣщенію разума славы Божіей о лицѣ І. Христовѣ. Имамы же сокровище сіе въ скудѣльныхъ сосудѣхъ, да премножество силы будетъ Божіей, а не отъ насъ, во всемъ скорбяще, но не стужающе, нечаеми, но и не отчаеваеми, гоними, но не оставляеми, низлагаеми, но не погибающе“; и пр.

Но за всѣмъ тѣмъ еще другое хощу отчасти объявить вамъ сердечное мое чувствованіе, съ глубочайшимъ отъ души вздохновеніемъ. Ахъ, любезный мой благопріятель Григорій Ивановичъ! Ей ей, не веселитъ меня открытая въ здѣшнихъ странахъ многими ублажаемая такая великая свобода и вольность, понеже превосходитъ мѣры. Говоритъ пословица: всякое дѣло краситъ мѣра, а безмѣрная воля доводитъ людей до неволи. Если мы посмотримъ на эту вольность съ другой точки, то увидимъ, что по истинѣ не есть воля, но горе, а вслѣдъ за тѣмъ еще грядетъ вдвое. Не о несчастномъ состояніи нашемъ или религіи и священствѣ нашемъ разумѣйте сіи слова мои, но о всемірномъ внѣшнемъ положеніи, основывающемся на силѣ конституціонной. О религіи бо нашей и священствѣ я уже вамъ предъ симъ писалъ, кажется, довольно, что елико Господь единожды въ началѣ животворяще устроилъ, то самая истина Господня и пребудетъ во вѣки. Даже въ самые дни сущаго послѣдняго Антихриста истинная Христова церковь съ богопреданнымъ священствомъ и со всѣми тайнами ея, якова же была отъ начала проповѣди апостольской, вся цѣла и до конца отнюдь не повреждена будетъ отъ змія, имѣя два крыла орла великаго, въ солнце оболчена, и луна подъ ногами ея, и вѣнецъ на главѣ ея: въ томъ самомъ неизмѣнномъ видѣ ожидать будетъ втораго пришествія на землю І. Христа. Тѣмъ убо и врата адова не одолѣютъ ю. Хоть и не будетъ количествомъ во мнозѣ, но будетъ въ малѣ; не будетъ

[5]) Разрѣшенія не послѣдовало, и Амвросій, митрополитъ нашихъ старообрядцевъ, такъ и скончался въ Цилли.

среди міра во градѣхъ и весѣхъ, будетъ же въ пустыняхъ, въ горахъ и вертепахъ. А нынѣшнее истинной церкви постановленіе послѣднее послѣдовати имать первому и яко подобно начатокъ Христовой церкви съ концемъ согласуетъ, какъ свидѣтельствуетъ писатель Книги Вѣры (во главѣ 2, на листу 30 и во главѣ 20, на листу 186). Сей образецъ всякому аки въ зерцалѣ живо показуетъ, како въ началѣ церковь Христова безъ православныхъ царей среди гоненій царствовала. Тѣмъ убо и вамъ хотя нынѣ и настоитъ зельная напасть за религію, но мужайтеся, яко Господь нищая своя не забудетъ и терпѣніе убогихъ не погибнетъ до конца. Вспомните, гдѣ Петръ I-й, гдѣ Павелъ? Не закоснитъ быть тамъ же и Николай. И паки реку: вѣруйте, яко рано или позднѣе, но воздвигнетъ и вамъ Богъ втораго Даніила, который стряхнетъ прахъ поношенія и клеветы отъ невинныя Сусанны. Впрочемъ повторимъ сіе повтореніе о нашей религіи, ибо она подъ всемогущимъ Промысломъ Божіимъ существуетъ и нынѣ и присно и вовѣки пребудетъ.

Но я теперь хощу открыть вамъ ужасное ожиданіе о всемірной конституціи, что̀ значитъ ножъ медомъ помазанъ и уготовляется рано или поздно на закланіе всего міра. Не продолжаю вамъ о началахъ ея, ибо медомъ вольности помазано; ибо вамъ довольно въ предосторожность только сло̀ва того: если услышите конституція, бойтесь, яко нѣкоего кровожаднаго губителя, являющагося къ вамъ подъ видомъ миротворителя. А какъ выше сказано, что нужно посмотрѣть на сію вольность съ другой точки, т. е. не съ начинанія, но съ самаго совершенія цѣли ея, да увидимъ, что не есть воля, но горе.

*

Письмо это, полученное нами въ спискѣ, снятомъ съ подлинника въ самомъ 1848 году, важно какъ для исторіи нашего старообрядства, такъ въ особенности потому, что имъ несомнительно опровергается мнѣніе, будто въ людяхъ такъ называемой старой вѣры кроются противугосударственныя и противуобщественныя нача̀ла. Такихъ мыслей о старообрядцахъ держалось наше правительство въ послѣдніе годы прошлаго царствованія за одно съ нѣкоторыми представителями церковной нашей іерархіи. Позднѣе, когда уже эта подозрительность исчезла, наши писатели отрицательнаго направленія (многіе изъ нихъ, можетъ быть, по своему происхожденію изъ духовенства) думали найти себѣ пособниковъ въ Русскихъ старообрядцахъ. Но къ великой чести сихъ послѣднихъ оказывается, что дѣло вѣроученія для нихъ выше всякой политики и преходящихъ явленій ея.

П. Б.

ПОПРАВКИ И ДОПОЛНЕНІЯ.

Въ Русскомъ Архивѣ 1874 г., стр. 1095, напечатаны краткія свѣдѣнія о Русскихъ писателяхъ и ученыхъ умершихъ въ 1872 году (Изъ справочнаго словаря, составляемаго г. Геннади). Тамъ говорится о В. И. Далѣ и его сочиненіяхъ. Въ этомъ исчисленіи я нашелъ слѣдующія неточности:

1) стр. 1103 сказано: „Первыя статьи Даля по медицинѣ появились на Нѣмецкомъ языкѣ въ Dorpater Jahrbücher. Въ „Dorpater Jahrbucher“ не находится ни одной статьи его по медицинѣ, а только слѣдующія другія: Etwas über die Baschkiren, Bd. II, p. 447—466.

Ueber die Schrifstellerei des russischen Volkes, Bd. IV, p. 37—54.

Vermischte Bemerkungen über Länder u. Völker um Orenburg. Bd. V, p. 426—447.

2) стр. 1103. Заглавіе докторской диссертаціи Даля передано неправильно. Настоящее заглавіе ее слѣдующее: Specimen inaugarale exhibens observationes duas: 1) de terebratione cranii cum successu instituta. 2) de renum exularatione occulta.

3) Описаніе моста и. т. д. съ двумя таблиц. и рисунк. напечатано еще въ журналѣ „Сынъ Отечества“, томъ XXXIII, годъ 1833, № 6 и 7.

4) стр. 1104 сказано: „Въ Справочномъ Энц. Словарѣ Края, т. IV, 426 указана неизвѣстная мнѣ брошюра Даля: „Bemerkungen, и. т. д.“, такъ равно и въ Нѣмецкомъ Conservations-lexicon Brokhaus, будто бы сочиненіе это издано особенною брошюрою; на самомъ же дѣлѣ это только статья, напечатанная въ Beiträge zür Kenntniss des russischen Reiches, изданіи Бера и Гельмерсена, томъ VII, 1845, стр. 1—26.—Въ этомъ же томѣ напечатана статья Даля: Ueber den Kumyss, стр. 27—39.

Нѣкоторыя замѣчанія о жизни Даля въ Дерптѣ находятся въ Verhandlungen der esthnichen Gesellschaft, томъ VII, стр. 116—124 и въ Neue Dorpatischezeitung 1873, № 92.

Л. Стида.

•

Русскіе писатели въ переводѣ на иностранные языки.

Въ числѣ произведеній Русскихъ писателей, явившихся въ 1874—1875 годахъ въ переводѣ на иностранные языки, за границей, оказываются слѣдующія сочиненія *Г. П. Данилевскаго*:

1) „*Die Pioniere des Ostens*“, ein nationales Charakterbild, von *Gregor Danilewski, Leipzig*, aus dem russischen übertragen, bevorwortet und mit Anmerkungen versehen von *Phlipp Löbenstein.*—Подъ этимъ заглавіемъ явился въ Маѣ 1874 г. въ переводѣ на Нѣмецкій языкъ романъ названнаго автора „*Бѣглые въ Новороссіи*“, въ журналѣ „Universal-Bibliothek“ (выпуски 542—545). Переводъ принадлежитъ г. Лёбенштейну, переводчику „Мертвыхъ душъ“ Гоголя и „Кавказскихъ очерковъ“ Марлинскаго. (350 стр. въ 16 долю листа).

2) „*Erzählung der Urgrossmutter*“ aus der alten Zeit, von *Danilewski*. *Berlin*, gedruckt bei Julius Sittenfeld. 1874 г. (30 стр. въ 8 долю). Здѣсь переведенъ разсказъ г. Данилевскаго „Прабабушка“, помѣщенный въ „Русскомъ Вѣстникѣ 1870 г. Переводъ принадлежитъ неизвѣстному лицу.

3) „*Eine Familienchronik*“ von Gregor *Danilewski*, von Ph. Löbenstein, *Leipzig* въ томъ-же журналѣ *Universal-Bibliothek* (выпуски 602 — 603), Февраль 1875 года (145 стр. въ 16 долю). Здѣсь помѣщены четыре разсказа г. Данилевскаго: вышеназванный переведенный въ Берлинѣ „Прабабушка“ (Urgrossmütterchen), „Лейбкампанецъ“ (Der Leibgrenadier), также напечатанный въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1871 года, „Екатерина Великая на Днѣпрѣ“ (*Katharina II am Dniepr*), напечатанный въ „Библіотекѣ для чтенія“ Дружинина (въ 1854 г.) и „Бабушкинъ рай“ (*Grossmütterchens Paradies*), помѣщенный въ „Складчинѣ“ 1874 года.

Въ предисловіи къ послѣднему изданію переводчикъ говоритъ (стр. 8), что онъ готовитъ къ изданію въ свѣтъ переводъ послѣдняго романа г. Данилевскаго, напечатаннаго въ минувшемъ году въ „Вѣстникѣ Европы“— „Девятый валъ“, которому онъ даетъ названіе Die Nonnenklöster in Russland (Русскіе женскіе монастыри).

*

ОПЕЧАТКИ.

Въ первой книгѣ Р. Архива сего года, стр. 217, въ стихахъ князя Хованскаго, въ 4-й строфѣ, грубая ошибка, уничтожающая созвучіе: вмѣсто *вмигъ его я сорвала*, надо *вмигъ его сорвала я*.

Въ первой книгѣ Р. Архива сего года, на стр. 247, вм. край *Туго-Славянскій*, надо: *Югославянскій*, и тамъ-же вм. *Thougo-Slave* надо Jougo-Slave.

Приложенъ портретъ графа М. Л. Воронцова и снимокъ съ его почерка.

РУССКІЙ АРХИВЪ
1875 ГОДА.

(ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

ПИСЬМА, БУМАГИ, ВОСПОМИНАНІЯ И ЖИЗНЕОПИСАНІЯ ГЛАВНѢЙШИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ РУССКОЙ ЖИЗНИ И РУССКОЙ МЫСЛИ.—СТАТЬИ ПО РУССКОЙ ИСТОРІИ ВООБЩЕ.—КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ, НЕКРОЛОГИ, КНИЖНЫЯ ВѢСТИ, ИСТОРИЧЕСКІЕ АНЕКДОТЫ И МЕЛОЧИ.

ВЫХОДИТЪ 12 РАЗЪ ВЪ ГОДЪ ПО МѢРѢ ОТПЕЧАТАНІЯ.

Четыре тетради Русскаго Архива составляютъ одну книгу.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1875 года, какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою гг. иногороднымъ подписчикамъ

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Желающіе получать Русскій Архивъ въ 1875 году доставляютъ или высылаютъ эти **ВОСЕМЬ** рублей, съ приложеніемъ четко написаннаго мѣста своего жительства, *въ Москву, на Берсеневской Набережной Москвы-рѣки, за большимъ Каменнымъ мостомъ, противъ храма Спасителя, въ домъ Московскаго Археологическаго общества, издателю Русскаго Архива Петру Ивановичу Бартеневу.* Кромѣ того подписка на Русскій Архивъ принимается на Страстномъ бульварѣ, при книжномъ магазинѣ *И. Г. Соловьева.* Въ С.-Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ принимается при книжномъ магазинѣ *А. Ѳ. Базунова*, на Невскомъ проспектѣ.

Въ тѣхъ же мѣстахъ можно получать полныя изданія Русскаго Архива 1872, 1873 и 1874 годовъ, по двѣ большія книги въ каждомъ году. Цѣна 4 рубля за каждую книгу (съ пересылкою).

Прежніе годы Русскаго Архива (т. е. 1863 — 1871) можно получать въ С. Петербургѣ, на Большой Садовой, у книгопродавца Ваганова.

Заграничные подписчики къ вышеозначеннымъ цѣнамъ прибавляютъ за годъ: для Германіи и Бельгіи — **2** р., для Франціи и Англіи—**3** р., для Швейцаріи и Италіи—**2** р. **50** к.

Составитель и издатель Русскаго Архива **Петръ Бартеневъ.**

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ

РУССКІЙ АРХИВЪ

1875. ИЗДАВАЕМЫЙ 6.

Петромъ Бартеневымъ

(бывшимъ библіотекаремъ Чертковской Библіотеки).

СОДЕРЖАНІЕ.

МОСКВА.

Типографія Грачева и Комп., у Пречистенскихъ вор., д. Шиловой.

1875.

СОДЕРЖАНІЕ

СЕДЬМОЙ КНИГИ

АРХИВА КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

(688 стр.).

ЦАРСТВОВАНІЕ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ.

ОТЗЫВЪ ИТАЛЬЯНЦА

О ГЛАВНЫХЪ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХЪ ЛИЦАХЪ ВО ВТОРУЮ ПОЛОВИНУ ЕКАТЕРИНИНСКАГО ЦАРСТВОВАНІЯ.

(1783)

Профессоръ Харьковскаго университета Каченовскій, въ отчетѣ о своемъ путешествіи, въ 1858 и 1859 годахъ, по Западной Европѣ, упоминаетъ, между прочимъ, что онъ „не могъ удержаться отъ любопытства осмотрѣть архивъ въ Туринѣ и, сверхъ ожиданія, получилъ на это дозволеніе". „Здѣсь (пишетъ въ своемъ отчетѣ профессоръ), мнѣ удалось найти нѣкоторыя сочиненія и записки о Россіи". Въ приложеніи къ отчету перечислены акты Туринскаго архива, касающіеся Россіи, и между ними обращено особенное вниманіе на документъ, относящійся до знаменитыхъ сподвижниковъ Екатерины II. О немъ Каченовскій сообщилъ слѣдующее: „10. Relation et tableau caractéristique des personnes qui jouent les principaux rôles à la cour de St. Pétersbourg. Это одинъ изъ самыхъ интересныхъ актовъ Туринскаго архива. Здѣсь изображены:

Князь Потемкинъ.
Графъ Безбородко.
Графъ Панинъ.
Князь Вяземскій
Бакунинъ.
Вице-канцлеръ графъ Остерманъ.

„Сколько могу судить, характеристика упомянутыхъ государственныхъ людей сдѣлана довольно удачно. Желательно, чтобы наши историки ею воспользовались [1])".

Занимаясь разработкою матеріаловъ для біографіи канцлера князя Безбородки, я позволилъ себѣ прибѣгнуть къ нашему генеральному консулу въ Генуѣ, Роману Ивановичу Бахерахту, и просилъ его о доставленіи мнѣ копіи съ этой рукописи. Благодаря просвѣщенному содѣйствію Р. И. Бахерахта, а также и главнаго директора архива въ городѣ Туринѣ, Никомеди-Біанки, я получилъ точный, свѣренный съ подлинникомъ списокъ рукописи. Она занимаетъ 8 листовъ, пофранцузски, безъ обозначенія имени автора и времени, когда она была сочинена. Вчитываясь въ событія, въ ней описанныя, можно однако почти съ достовѣрностію сказать, что она принадлежитъ перу „Сардинскаго чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра маркиза Де Парелло", который находился при дворѣ Екатерины съ конца 1783 по 1789 годъ [2]). Рукопись должна относиться къ первымъ мѣсяцамъ пребыванія маркиза въ Петербургѣ, гдѣ онъ

---

[1]) Актъ въ Импер. Харьков. Университетѣ, 30 Августа. Харьковъ, 1860 года, стр. 38 и 47.

[2]) Мѣсяцословы съ росписью чиновн. особъ на 1783 и 1789 г. Въ этомъ послѣднемъ, 1789 году, былъ назначенъ къ нашему двору графъ Сопото-ди-Понши, съ званіемъ „повѣреннаго въ дѣлахъ".

засталъ еще въ живыхъ графа Н. И. Панина († 1783). Россія была тогда на высотѣ могущества своего и имѣла большое вліяніе на всю Европу. Не мудрено, что Итальянцу захотѣлось сообщить на родину свои наблюденія о первыхъ лицахъ двора сѣверной Семирамиды; намъ же въ то время нужны были добрыя сношенія съ Италіей для дѣйствія на Турцію съ Запада: умная политика обезпечивала стоянку судовъ нашихъ въ водахъ Средиземнаго и Адріатическаго морей.

Печатать Туринскую рукопись вполнѣ мы почитаемъ излишнимъ, такъ какъ авторъ ея иное сообщаетъ лишь по невѣрнымъ городскимъ слухамъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ обнаруживаетъ полное незнаніе дѣла, разсказывая напр., будто князь Потемкинъ ѣздилъ въ Парижъ. Но есть въ сочиненіи этомъ нѣсколько очень умныхъ наблюденій и любопытныхъ сообщеній, достовѣрность которыхъ не можетъ быть заподозрѣна. Они предлагаются здѣсь читателямъ въ переводѣ.

Н. Григоровичъ.

Изображеніе и характеристика лицъ, занимающихъ первыя и главныя мѣста при Петербургскомъ дворѣ.

(1783).

Нигдѣ, я думаю, нѣтъ столько чиновниковъ, столько коллегій, столько совѣтниковъ, столько совѣтовъ, какъ въ Россіи. Достаточно бросить взглядъ на придворный альманахъ этой страны, и потомъ обозрѣть новые уставы о губерніяхъ, чтобъ убѣдиться, что, за исключеніемъ обѣихъ столицъ и какого-нибудь многолюднаго города, во всѣхъ прочихъ областяхъ этой Имперіи число должностныхъ лицъ составляетъ около десятой части населенія, — явленіе неудивительное въ странѣ, гдѣ, несмотря на усилія Петра Великаго, несмотря на то, что его преемники не уклонялись отъ пути, проложеннаго этимъ великимъ человѣкомъ, несмотря, наконецъ, на то, что Екатерина II-я, нынѣ царствующая, всѣми мѣрами старается возвести своихъ подданныхъ на уровень прочихъ обитателей Европы, цивилизація все еще много отстала сравнительно съ другими образованными государствами. Да будетъ мнѣ позволено сказать мимоходомъ, что эта государыня, задумавъ существующее нынѣ учрежденіе губерній, а слѣдовательно установивъ наибольшее число должностей, руководствовалась при томъ самою похвальною цѣлью. Слѣдуя правилу, что дѣла образуютъ людей, она пожелала, раздавая занятія большому числу своихъ подданныхъ, заставить ихъ учиться, думать, размышлять. Время покажетъ намъ, будутъ ли послѣдствія соотвѣтствовать ея надеждамъ; и покрайней мѣрѣ тогда будетъ очень умѣстнымъ (по мнѣнію многихъ здравомыслящихъ особъ) нѣсколько упростить политическую машину, дабы ускорить теченіе дѣлъ, нынѣ замедляемыхъ превыше всякаго выраженія. Но чтобъ возвратиться къ моей исходной точкѣ, указавъ на чрезвычайную сложность должностей въ Россіи, я скажу, что относительно важныхъ дѣлъ, какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ, все зависитъ, такъ-сказать, отъ трехъ или не болѣе четырехъ особъ, пользующихся неограниченнымъ довѣріемъ государыни. Эти особы: князь Потемкинъ, графъ Безбородко, князь Вяземскій и г. Бакунинъ. О каждомъ изъ нихъ я буду говорить особо, повторяя (какъ я сказалъ въ моихъ письмахъ), что эти господа остерегаются иностранцевъ, и что слѣдовательно нѣтъ иного средства начертать ихъ изображеніе, какъ собрать съ вѣрною критикою то что̀ слышится о нихъ въ публикѣ.

Князь Потемкинъ происходитъ изъ Смоленскаго дворянскаго рода. Его отрасль прекратится по его смерти, если онъ не женится и не будетъ имѣть прямыхъ наслѣдниковъ; но у него есть племянникъ и нѣсколько племянницъ отъ сестры, вступившей въ семейство Энгельгартъ (Inglar). Отъ другой сестры, вышедшей за господ. Самойлова, онъ имѣетъ втораго племянника въ лицѣ генерала Самойлова: наконецъ, генералы Сергѣй и Михаилъ Потемкины приходятся ему двоюродными братьями. Этого краткаго отступленія о семействѣ Потемкиныхъ будетъ достаточно, и говорить отдѣльно о каждомъ изъ лицъ, его составляющихъ, было-бы излишнимъ; возвращаюсь къ князю. Этотъ замѣчательный человѣкъ вступилъ въ службу конно-гвардейцемъ во время случая Орловыхъ; увѣряютъ, что уже тогда предугадывалъ онъ ожидавшую его громкую судьбу, и хотя въ своей ранней молодости по несчастному приключенію лишился одного глаза, однакожъ сталъ тотчасъ добиваться положенія любимца, чувствуя къ тому, быть можетъ, тайное призваніе особеннаго рода. Разсказываютъ, что, подъ вліяніемъ этой мысли, онъ совершилъ поѣздку въ Парижъ для пріобрѣтенія хрустальнаго глаза; я не знаю, насколько это вѣрно, и не давалъ себѣ большаго труда для уясненія этой довольно темной и мало любопытной подробности его жизни. Достовѣрно то, что онъ—человѣкъ роста и вообще тѣлосложенія удивительнаго; но недостатокъ глаза замѣтенъ, вслѣдствіе чего онъ лицомъ скорѣе дуренъ, чѣмъ красивъ. Что касается выраженія его лица, то оно неспособно внушать довѣріе. Несмотря на такіе недостатки, онъ имѣлъ счастіе быть отличеннымъ своею государыней, и даже былъ произведенъ въ камеръ-юнкеры. Въ то время шла война между Россіей и Турціей. Изъискивая средствъ выдвинуться впередъ, онъ воспользовался нѣкоторымъ благоволеніемъ, тогда уже выпадавшимъ на его долю, чтобы съ выгодою вновь поступить въ военную службу и, посланный въ армію, принялъ начальство надъ корпусомъ войскъ. Я никогда не слыхалъ ни о какихъ его подвигахъ, которые являли бы въ немъ истиннаго воина; но онъ былъ настолько счастливъ, что о немъ не позабыли въ Петербургѣ. Поэтому, послѣ паденія князя Орлова и госп. Васильчикова (его преемника въ расположеніи императрицы), Потемкинъ былъ вызванъ ко двору и объявленъ за любимца такъ открыто, что въ короткое время сдѣланъ вице-президентомъ Военной Коллегіи и получилъ даже портретъ,—отличіе, котораго удостоились только онъ одинъ и князь Орловъ, изъ числа всѣхъ любимцевъ императрицы. Когда, вслѣдствіе одного изъ переворотовъ, которые столь нерѣдки въ царствѣ любви, Екатеринѣ угодно было обратить взоры на госп. Завадовскаго, тогда князь Потемкинъ принужденъ былъ оставить Дворъ; но какъ скоро Завадовскій былъ удаленъ, онъ получилъ дозволеніе возвратиться къ должности своей въ министерствѣ, данной ему еще во время его случая. На этомъ мѣстѣ удалось ему проявить всю обширность своего ума, на основаніи, котораго онъ воздвигъ свою славу, не прибѣгая болѣе къ средствамъ, доставившимъ ему въ началѣ его поприща возможность сдѣлаться извѣстнымъ. Такъ какъ онъ, еще не бывши въ милости, служилъ въ арміи, дѣйствовавшей противъ Турокъ, то могъ обозрѣть южныя области Россіи и размышлять о выгодахъ, какія эта имперія могла-бы пріобрѣсти отъ приниженія Оттоманской Порты. Не слѣдуетъ забывать, что князь — баловень счастія. Какъ меня увѣряютъ, онъ самъ сказалъ, что всѣ проэкты, вышедшіе изъ его головы, имѣли счастливый успѣхъ, и что по этой-то причинѣ онъ чрезвычайно предпріимчивъ. Ободряемый такою мыслью, онъ тогда задумалъ планъ расширенія владѣній Россіи до Чернаго моря, съ цѣлью открыть болѣе удобный путь сбыта для произведеній этой обширной Имперіи, а впослѣдствіи, быть можетъ,

поглотить самую плодородную часть владѣній султана. Въ то время выгоды, пріобрѣтенныя Екатериною II при заключеніи мира въ Кайнарджи, внушали гордость этой государынѣ, склонной, по природѣ, къ блестящимъ замысламъ. Человѣкъ, предлагавшій обширныя предпріятія, могъ навѣрное разсчитывать на ея благорасположеніе, а такимъ являлся человѣкъ, близкій ея сердцу и который обладалъ дарованіями, способными вести политическую нить труднѣйшихъ интригъ. Дѣйствительно, князь славился даромъ познавать людей съ удивительною легкостью; его память служитъ ему вмѣсто изученія:—изъ немногаго, что̀ онъ прочелъ, и многаго, что̀ онъ слышалъ, ничего не ускользнуло въ его головѣ. Мы безпрестанно видимъ въ свѣтѣ, что люди соотвѣтственнаго образа мыслей легко сближаются, несмотря на препятствія, иногда отдаляющія ихъ другъ отъ друга. Такимъ образомъ князь, съ помощью счастливаго стеченія всѣхъ выше приведенныхъ обстоятельствъ, утвердилъ свое вліяніе на умъ царицы до такой степени, что существуетъ мало примѣровъ министра такого вѣса, и что въ настоящее время можно сравнить съ нимъ только одного князя Кауница. Вся Европа говоритъ о томъ, какъ ведетъ себя послѣдній относительно императора и какъ поступаетъ со всѣми. Идолъ, которому мы здѣсь кадимъ,—существо не менѣе странное. Я не умѣю сказать, какъ онъ держитъ себя при императрицѣ: сообщеніе, существующее между императорскимъ дворцомъ и тѣмъ, который онъ занимаетъ, даетъ ему возможность проходить въ ея покои безъ всякаго стѣсненія. Я не сомнѣваюсь, что онъ пользуется этимъ; но было-бы трудно оцѣнить степень вѣроятности всего того, что̀ разсказываютъ и чему я, признаюсь, не склоненъ вѣрить. Несмотря на мою малую опытность, мнѣ доводилось слышать во многихъ, посѣщенныхъ мною, странахъ разсказы въ этомъ родѣ, которые никогда не подтверждались ничѣмъ, и я полагаю болѣе благоразумнымъ откинуть добрую половину подобныхъ толковъ. И такъ, оставляя въ сторонѣ этотъ вопросъ, я перейду къ описанію пріемовъ его обращенія вообще со всѣми. Во первыхъ, его передняя наполнена генералами, особами въ лентахъ и знатнѣйшими лицами страны, которые всѣ усердствуютъ прислужиться ему. Дежурный адъютантъ докладываетъ о просящихъ аудіенціи, которая дается не легко. Иностранные министры, не желая дожидаться въ передней, остаются въ своихъ каретахъ у воротъ дворца, пока не будетъ дознано, принимаетъ-ли онъ, или не принимаетъ. Когда онъ доступенъ, тогда посѣтителей проводятъ, не останавливаясь нигдѣ, прямо въ его комнату, гдѣ почти всегда они находятъ его въ халатѣ, безъ галстуха, въ туфляхъ и, какъ нѣкоторые увѣряютъ, и безъ штановъ, подъ вѣчнымъ предлогомъ нездоровья. Хотя онъ съ мѣста не встаетъ, но нельзя сказать, чтобъ онъ принималъ слишкомъ горделиво. Притворная болѣзнь извиняетъ его, если онъ не трогается, какъ требовала-бы пристойность, и выраженіе, какое онъ, когда захочетъ, придаетъ своему лицу, избавляетъ его отъ обвиненія въ гордости. Такъ какъ случай къ тому представляется, то я здѣсь упомяну, что человѣкъ, о которомъ я говорю, одаренъ способностью передразнивать, до изумительнаго сходства, всѣхъ, кого онъ знаетъ. Это дарованіе не рѣдко въ здѣшней странѣ и проистекаетъ, какъ я думаю, изъ свойства націи, которая ничего не изобрѣтаетъ, но съ величайшею легкостью воспроизводитъ все, что̀ видитъ. При такой наклонности, князь благоволитъ къ людямъ, одареннымъ одинаковою съ нимъ способностью, и мы знаемъ, что многіе, въ томъ числѣ и актеры, вкрались къ нему въ милость съ помощью этого средства. Хотя то, что̀ мы читаемъ въ исторіи о шутахъ при Петрѣ Великомъ, и не сохранилось совершенно въ томъ-же видѣ донынѣ, но и не вывелось окончательно. Лишь въ немногихъ домахъ имѣется шутъ на жало-

ванія; но какой-нибудь прихлебатель или униженный прислужникъ исправляетъ его должность, чтобъ угождать своему начальнику или покровителю. При дворѣ оберъ-шталмейстеръ Нарышкинъ, самое странное существо, какое только можно вообразить, играетъ столь унизительную роль. При князѣ она принадлежитъ одному полковнику [1]), который ищетъ повышенія помимо военныхъ подвиговъ; а въ другихъ домахъ, тому, кто желаетъ кормиться, не тратя ни гроша.

Но пора возвратиться къ предмету настоящей главы. Я описывалъ способъ пріема княземъ иностранныхъ министровъ; нужно прибавить, чтобъ не пропустить ничего, что за исключеніемъ Англійскаго министра и посланника Вѣнскаго двора, прочихъ онъ рѣдко принимаетъ. Первый изъ вышеупомянутыхъ изъятъ изъ общаго правила вслѣдствіе особеннаго расположенія князя къ Англійской націи; второй — благодаря своей хлопотливости, угодливости и, быть-можетъ, также благодаря существующимъ связямъ Россіи съ Вѣнскимъ дворомъ; впрочемъ, меня увѣряютъ, что онъ не пользуется уваженіемъ, несмотря на всѣ его старанія быть угоднымъ. Со времени своего возвышенія, князь постоянно держался вдали отъ всякихъ обществъ, уступая естественной лѣни, преобладающей въ его характерѣ; нынѣ-же онъ бываетъ вездѣ, куда только его приглашаютъ. Легко можно себѣ представить, что подобная перемѣна тотчасъ вызвала разныя предположенія, и замѣтное вниманіе, выражаемое имъ г-жѣ Соллогубъ, старшей дочери оберъ-шталмейстера Нарышкина, было признано многими за дѣйствительный къ тому поводъ.

Нужно еще прибавить, что въ послѣдніе передъ симъ годы при немъ находились княгиня Голицына [2]), госпожа Шепелева, г-жа Б. и г-жа Скавронская. Всѣ эти особы были, какъ утверждаютъ, поочередно любовницами князя Потемкина и составляли для него уютный кружокъ. Теперь ему наскучили двѣ первыя, третья была принуждена уѣхать къ мужу въ Польшу, а четвертая находится въ Неаполѣ; слѣдовательно, если онъ желаетъ видѣть женщинъ, то вынужденъ посѣщать общества, гдѣ, однакоже, его пріемы таковы, что у насъ никогда бы не допустили ихъ. Нужно прежде всего сказать, что въ здѣшней сторонѣ не хотятъ, или не умѣютъ, или не привыкли вести общаго разговора въ кружкѣ, въ продолженіе нѣкотораго времени. Когда случится вечеромъ пріѣхать въ какой-нибудь домъ, хозяинъ или хозяйка обязаны устроить для васъ партію. Наиболѣе любезные посѣтители обходятъ собраніе, чтобъ сказать каждому что-либо пріятное, потомъ садятся къ столу, гдѣ имъ отведено мѣсто. Тѣ, которые не придерживаются этого вѣжливаго способа, прямо изъ входныхъ дверей идутъ къ игрѣ, а потомъ возвращаются домой, такъ сказать, кратчайшимъ путемъ. Что̀ касается князя, то, при его появленіи, считаютъ обязанностью собраться вокругъ него; но это стѣсненіе продолжается недолго, потому что онъ садится за игру, а по окончаніи партіи обыкновенно вскорѣ удаляется, такъ что при всемъ желаніи сблизиться съ нимъ нѣтъ къ тому случаевъ. Скажемъ вкратцѣ: князь такой человѣкъ, который возвысился столько-же своимъ умомъ, сколько по счастливому стеченію обстоятельствъ. Онъ поддерживается скорѣе необходимостью довести до конца проекты, которые онъ задумалъ и заставилъ принять, нежели потому, чтобъ онъ былъ любимъ. Онъ болѣе имѣетъ природнаго ума, чѣмъ образованія; онъ обладаетъ главнымъ изъ всѣхъ дарованій,

---

[1]) С. Л. Львову. *П. Б.*

[2]) Сравни удивительную переписку князя Потемкина съ В. В. Энгельгардтъ, нынѣ напечатанную въ Русской Старинѣ, 1875, кн. 3-я. *П. Б.*

необходимыхъ великому министру, — способностью познавать людей. Но можно-ли считать его честнымъ, искреннимъ, откровеннымъ? Говорятъ, что нѣтъ. Даже разсказываютъ по этому поводу случай, который достаточно рисуетъ его личность. Нѣкто князь Голицынъ, молодой человѣкъ, исполненный достоинствъ, привлекалъ взоры государыни, но не пользовался поддержкой этого всемогущаго министра, который, опасаясь, что не успѣетъ, посредствомъ всевозможныхъ интригъ, втѣснить его назадъ въ толпу людей, не стоющихъ вниманія, счелъ болѣе удобнымъ навлечь ему ничѣмъ не вызванную ссору. Одинъ молодой офицеръ и госп. Шепелевъ приняли на себя это унизительное порученіе. Князь Голицынъ не былъ лишенъ храбрости и ума; увѣряютъ, что, хватаясь за шпагу, онъ сказалъ: я знаю источникъ, откуда проистекаетъ это дѣло, и знаю также, что я долженъ умереть, хотя-бы и былъ побѣдителемъ; но все равно, я хочу лишиться жизни, какъ слѣдуетъ неустрашимому. Дѣйствительно, онъ дрался, какъ левъ, но тѣмъ не менѣе погибъ. Вопреки здѣшнимъ законамъ противъ поединковъ, господинъ Шепелевъ не подвергся никакому наказанію и вскорѣ потомъ женился на одной изъ племянницъ князя. Я никогда не кончилъ-бы, еслибъ захотѣлъ передать все, что́ разсказываютъ о жестокосердіи этого министра. Я счелъ умѣстнымъ привести только этотъ случай, какъ одинъ изъ наиболѣе достовѣрныхъ. Пора приступить къ очерку трехъ прочихъ лицъ, о которыхъ я упомянулъ въ началѣ. Изображеніе ихъ будетъ менѣе подробно, потому что молва о нихъ не столь распространена. Притомъ, говоря о Потемкинѣ, я позволялъ себѣ нѣкоторыя отступленія, дающія понятіе о здѣшней странѣ, и которыхъ я далѣе буду тщательно избѣгать, дабы не повторяться.

Графъ Безбородко. Послѣ князя Потемкина, по порядку слѣдуетъ упомянуть о графѣ Безбородкѣ, который своимъ ровнымъ характеромъ, кроткимъ и почти застѣнчивымъ обращеніемъ, простой и неизысканной одеждой, представляетъ довольно рѣзкую противоположность съ роскошью, самоувѣренностью и надменностью вышеупомянутаго министра. Поверхностный наблюдатель былъ-бы склоненъ думать, что онъ имѣетъ значеніе лишь второстепенное и подчиненное; но если поглубже вникнуть въ дѣла, то сейчасъ видно, что Безбородко, будучи любимъ, можетъ гораздо вѣрнѣе разсчитывать на расположеніе государыни, чѣмъ тотъ, котораго вліяніе поддерживается единственно мыслью о его необходимости. Графъ Безбородко происходитъ изъ дворянскаго семейства въ Украинѣ. Первый шагъ его на поприщѣ службы былъ въ штатѣ фельдмаршала Румянцова, въ должности секретаря; по заключеніи мира въ Кайнарджи, этотъ великій полководецъ, зная, что никто лучше его не былъ въ состояніи исполнить трудное порученіе, послалъ его въ Петербургъ, отъ своего имени, для отчета въ огромныхъ суммахъ, которыми располагалъ во время войны. Исходъ оправдалъ этотъ выборъ: г. Безбородко не только окончилъ это важное дѣло къ удовольствію всѣхъ заинтересованныхъ сторонъ, но, имѣвъ случай работать лицомъ къ лицу съ ея величествомъ, въ продолженіе этой трудной очистки счетовъ, успѣлъ такъ понравиться государынѣ, что она, желая приблизить его, назначила его въ число своихъ секретарей по особымъ дѣламъ и по прошеніямъ. Прежде чѣмъ идти далѣе, не оставлю сказать, что въ совѣщаніяхъ, ознакомившихъ царицу съ этимъ ловкимъ человѣкомъ, не всегда говорилось, какъ увѣряютъ, о денежныхъ разсчетахъ. Но этотъ фактъ ничѣмъ не доказанъ, и если онъ вѣренъ, то это будетъ новымъ доказательствомъ своенравія любви: ибо г. Безбородко далеко не красивъ собою. Чтобъ дать понятіе о новой долж-

ности, на которую онъ былъ назначенъ, а также уяснить ходъ дѣлъ въ этой странѣ, считаю нелишнимъ замѣтить, что, по принятому въ здѣшнемъ правленіи порядку, никто, кромѣ чиновниковъ имѣющихъ представить докладъ, не получаетъ частныхъ аудіенцій у царицы. Ея величество, какъ государыня, имѣетъ придворный штатъ, состоящій изъ генералъ-адъютантовъ, флигель-адъютантовъ, фрейлинъ, штатсъ-дамъ, камеръюнкеровъ, камергеровъ. Какъ частное лицо, она имѣетъ общество, состоящее изъ отборныхъ людей страны, которые собираются во дворцѣ, извѣстномъ подъ названіемъ Эрмитажа. Между-тѣмъ вышеприведенный этикетъ такъ строго соблюдается, что изо всѣхъ лицъ, имѣющихъ къ ней доступъ, никто не смѣетъ говорить ей о какомъ-либо дѣлѣ, и всѣ, отъ перваго до послѣдняго въ Имперіи, должны ограничиваться ходатайствомъ о своихъ интересахъ у начальниковъ разныхъ вѣдомствъ, или письменно обращаться непосредственно къ самой государынѣ. Тогда какъ мы, счастливые тѣмъ, что имѣемъ свободный доступъ къ престолу, смотримъ очами состраданія на народъ, лишенный этого преимущества, здѣсь никакъ не могутъ надивиться государямъ, которые, подобно королю Сардинскому, открываютъ двери своихъ покоевъ всѣмъ своимъ подданнымъ. Порядокъ, установленный въ Піемонтѣ, предохраняетъ насъ отъ множества злоупотребленій; здѣшній же обычай умножаетъ до невѣроятности число писемъ, ежедневно получаемыхъ на имя государыни. Но это еще не все: здѣсь не существуетъ совѣта для принятія прошеній, и пріемка формальныхъ просьбъ и писемъ соединяется въ однѣхъ рукахъ. Роспись чиновъ этого двора въ мѣсяцесловѣ указываетъ имена и число секретарей, исполняющихъ это почетное порученіе. Я съ своей стороны скажу только, что если эти господа имѣютъ много работы, то пользуются, въ воздаяніе своихъ трудовъ, большимъ уваженіемъ. Однакоже, изъ числа лицъ, занимающихъ такія важныя мѣста, никто, сколько мнѣ извѣстно, не докладываетъ дѣлъ непосредственно государынѣ, кромѣ г. Безбородки. Независимо отъ счастливой памяти, значительно облегчающей его собственный трудъ, а также и трудъ тѣхъ, кто съ нимъ работаетъ, онъ, говорятъ, обладаетъ въ высшей степени даромъ находить средства для благополучнаго исхода самыхъ щекотливыхъ дѣлъ. Этими двумя качествами онъ до такой степени возвысился во мнѣніи Екатерины II, что, въ ежедневныхъ бесѣдахъ съ нимъ, эта государыня говоритъ ему обо всемъ и открываетъ ему возможность имѣть вліяніе на все. Здѣсь умѣстно привести дѣлаемый ему упрекъ, что онъ не только медлитъ цѣлые годы окончаніемъ дѣлъ, но даже, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, никогда ихъ не оканчиваетъ. Чувство справедливости побуждаетъ меня упомянуть, по этому поводу, о своеобразной заботѣ, которую эта государыня вперила себѣ въ голову: она хочетъ слыть по всей Европѣ столь милостивою, что будто никто, обращаясь къ ней, не получаетъ отказа. Несмотря на это мнимое великодушіе, здѣсь, какъ и вездѣ, существуетъ разрядъ людей нескромныхъ, или предъявляющихъ домогательства, лишенныя всякаго основанія. Итакъ, для соглашенія требованій правосудія съ предвзятою мыслію государыни, было принято за правило, чтобъ министры истощали терпѣніе лицъ, которыхъ нельзя удовлетворить, безконечными проволочками и затрудненіями. Видя, что они не могутъ ничего добиться, подобные просители наконецъ прекращаютъ свои хлопоты и удаляются съ жалкимъ утѣшеніемъ въ-волю злословить великаго заступника, къ которому они обращались. Графъ Безбородко, имѣя въ своемъ вѣдѣніи болѣе дѣлъ, чаще другихъ бываетъ вынужденъ навлекать себѣ такія нареканія; поэтому неудивительно, что, несмотря на его вѣжливость, привѣтливость и кротость, отвсюду слышатся жалобы на него. Впрочемъ, изо всѣхъ министровъ я гораздо болѣе

склоненъ вѣрить въ его честность, чѣмъ въ честность кого-либо другаго изъ нихъ, и еслибъ мнѣ предстояло вести какое-нибудь важное дѣло, то я счелъ-бы за лучшее довѣриться ему вполнѣ. Онъ дорожитъ такими доказательствами довѣрія, и многіе уже прибѣгали съ успѣхомъ къ подобному способу. Чтобъ окончить безпристрастно изображеніе министра, о которомъ теперь говорю, слѣдовало бы, можетъ-быть, упомянуть о пріятельницахъ, которыхъ онъ открыто содержалъ; но, коль скоро онѣ никогда не заставляли его нарушать его обязанностей въ важныхъ дѣлахъ, и вліяніе этихъ личностей на его умъ ограничивалось ходатайствомъ за нѣкоторыхъ людей, ничтожныхъ въ политическомъ отношеніи, то къ чему останавливаться на слабостяхъ, на которыя здѣсь тѣмъ менѣе обращаютъ вниманіе, что государыня, имѣвши любимцевъ, помѣщенныхъ въ императорскомъ дворцѣ, оправдала своимъ примѣромъ такую свободу нравовъ?

Перехожу къ третьему лицу, имѣющему вліяніе на дѣла, князю Вяземскому.

Князь Вяземскій. Объ этомъ министрѣ я не могу сообщить такихъ удовлетворительныхъ свѣдѣній, какъ о другихъ, потому что онъ не говоритъ по-французски, и вѣдѣнію его подлежатъ только внутреннія дѣла страны. Первое изъ этихъ двухъ обстоятельствъ усложняетъ задачу желающихъ вникнуть въ положеніе дѣлъ; второе, въ большинствѣ иностранныхъ министровъ, охлаждаетъ желаніе познать его вполнѣ. Слѣдовательно, я не могъ собрать о немъ столько матеріаловъ, сколько о первыхъ. Родъ Вяземскихъ одинъ изъ лучшихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ бѣднѣйшихъ дворянскихъ родовъ въ Россіи. Когда князь женился, самую драгоцѣнную его движимость составляли шесть серебряныхъ приборовъ; нынѣ, не считая общирнѣйшаго дворца и великолѣпнѣйшаго загороднаго дома, онъ имѣетъ состояніе въ два милліона рублей и болѣе. Кадетскій корпусъ, гдѣ во время его юности были недовольны имъ, теперь хвалится тѣмъ, что далъ ему образованіе. Оттуда онъ поступилъ въ инженеры и участвовалъ въ войнѣ противъ Прусаковъ. Слѣдуетъ полагать, что онъ въ этомъ походѣ не отличился: ибо даже лесть, обыкновенно столь зоркая и открывающая малѣйшій предлогъ къ воспѣванію хвалы сильнымъ людямъ, умалчиваетъ о его военномъ поприщѣ. Переведенный потомъ въ гражданскую службу по одной изъ величайшихъ несообразностей, существующихъ въ здѣшней странѣ, онъ прослылъ за человѣка въ высшей степени распорядительнаго и трудолюбиваго. Въ этой Имперіи довольно часто случается, что воинъ, посѣдѣвшій подъ знаменами, вдругъ опредѣляется въ Сенатъ, къ дѣламъ судебнымъ и государственнаго хозяйства. Повидимому, цари приписываютъ себѣ достаточно власти, чтобъ раздавать нетолько служебныя должности, но и способности, необходимыя для ихъ достойнаго отправленія. Подобно тому какъ воинъ, сдѣлавшійся судьею, изуродовалъ-бы не одно тяжебное дѣло, такъ и судья, котораго произвели-бы въ генералы, едва-ли довелъ-бы Турковъ до того жалкаго состоянія, въ какомъ они теперь находятся; къ несчастію для нихъ, мы не видимъ примѣровъ этого послѣдняго превращенія, а довольствуются первымъ, которое составляетъ одну изъ главныхъ причинъ крайняго безпорядка и неурядицы въ ходѣ гражданскихъ дѣлъ. Какъ-бы то ни было, я считаю умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ о Сенатѣ, одномъ изъ самыхъ почтенныхъ учрежденій, существующихъ здѣсь, и о которомъ въ другихъ странахъ, быть можетъ, не имѣютъ достаточно вѣрнаго понятія. Я сошлюсь на придворный мѣсяцословъ относительно личнаго состава этого собранія и замѣчу, что названія: 1-й, 2-й, 3-й департаментъ означаютъ 1-ю, 2-ю, 3-ю палату или, выражаясь согласно Піемонтскимъ

понятіямъ, 1-й, 2-й, 3-й разрядъ. Прокуроръ каждаго департамента есть лицо отъ короны или чтó называется во Франціи „l'homme du Roi" (королевскій повѣренный). Хотя онъ лишенъ права голоса, однакоже занимаетъ наиболѣе видное положеніе, потому что ему поручено блюсти за охраненіемъ интересовъ и порядковъ правительства отъ всякихъ нарушеній. Такъ какъ въ здѣшнемъ образѣ правленія все клонится къ деспотизму, хотя и не существующему явно, то принято за правило, когда не состоится единогласія въ департаментѣ при обсужденіи какого-либо дѣла, признавать указы, на которыхъ члены суда основываютъ свои мнѣнія, неясными и допускающими разныя толкованія. Вслѣдствіе сего прокуроръ, когда захочетъ, можетъ пріостановить все производство подъ предлогомъ неясности закона, и тогда дѣло представляется на разрѣшеніе государя, съ ходатайствомъ о разъясненіи его намѣреній или постановленіи окончательнаго приговора. Между тѣмъ, указы многочисленны до безконечности, противорѣчатъ одинъ другому, издавались только по мѣрѣ случайной надобности, безъ всякой мысли о составленіи правильнаго свода законовъ. Судьи, какъ я говорилъ выше, обладаютъ лишь простымъ здравымъ смысломъ и совершенно чужды настоящей юридической логики. Итакъ прокуроръ, когда захочетъ, никогда не имѣетъ недостатка въ предлогахъ пріостановить дѣло и довести до государя. Тогда уже князь Вяземскій, какъ начальникъ всѣхъ прокуроровъ, получаетъ выписку изъ производства, докладываетъ императрицѣ и даетъ дѣламъ такой оборотъ, какой ему внушаютъ его совѣсть или расположеніе. Я описалъ только одно изъ главныхъ преимуществъ въ должности генералъ-прокурора, но есть много другихъ, довольно важныхъ, напримѣръ: Сенатъ назначаетъ на всѣ должности по гражданской части, не превышающія чина подполковника; Сенатъ принимаетъ денежные отчеты различныхъ управленій, какъ въ Піемонтѣ камера; Сенатъ дѣлаетъ всѣ нужныя распоряженія для обнародованія высочайшихъ указовъ. Но для того, чтобъ означенныя дѣла считались оконченными, необходима подпись генералъ-прокурора, который, въ такихъ случаяхъ, является генералъ-контролеромъ. Довѣріе къ нему государыни побудило ее поручить ему министерство финансовъ; мы видѣли его главою судебнаго вѣдомства, но съ гораздо большею властью, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ государствѣ: на дѣлѣ, онъ генералъ-контролеръ. Ему также поручается все, относящееся къ государственнымъ преступленіямъ. Итакъ не трудно понять, что едва ли гдѣ-нибудь министръ внутреннихъ дѣлъ завѣдывалъ столькими частями управленія, какъ онъ. Я сказалъ выше, что онъ слыветъ за человѣка распорядительнаго и трудолюбиваго; это правда, но въ томъ заключается лучшая сторона личности этого министра; дурная же его сторона состоитъ въ томъ, что всѣ убѣждены въ его алчности и корыстолюбіи. Я упомяну ниже о подаркахъ, которые государыня раздаетъ лицамъ, употребляемымъ ею для порученій по особымъ дѣламъ. Князь Вяземскій воспользовался доброю долею этихъ щедротъ; однакоже никто не можетъ объяснить, какимъ-образомъ онъ въ немного лѣтъ пріобрѣлъ огромное богатство. Говорятъ, что государыня начинаетъ познавать его, и что онъ не пользуется ея расположеніемъ въ той-же степени, какъ прежде. Чтó еще важнѣе, иногда толкуютъ о графѣ Воронцовѣ и о г. Завадовскомъ, какъ о его преемникахъ; но эти слухи лишены основанія: ибо онъ остается на своемъ мѣстѣ, отправляя нетолько съ виду, но и на дѣлѣ свою должность, въ отличіе отъ графа Остермана, вице-канцлера иностранныхъ дѣлъ, который пользуется только наружнымъ почетомъ, а нисколько не сущностью своего блестящаго назначенія.

Г. Бакунинъ. Еслибъ я намѣренъ былъ говорить только о любимцахъ Екатерины II, то мое повѣствованіе здѣсь бы должно было окончиться; но предположивъ дать понятіе о всѣхъ лицахъ, имѣющихъ преимущественное вліяніе въ С. Петербургскомъ кабинетѣ, я считаю долгомъ изобразить въ особой статьѣ личность г-на Бакунина. Этотъ членъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ обязанъ почетнымъ положеніемъ, которымъ онъ пользуется въ Петербургѣ, единственно, такъ сказать, по своему искусству въ письменномъ изложеніи дѣлъ и своему здравомыслію. Татаринъ происхожденіемъ, что́ и видно по чертамъ его лица, онъ прибылъ въ столицу искать мѣста и богатства. Онъ поступилъ въ несчетное число чиновниковъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Я полагаю, что нигдѣ политическія управленія не состоятъ изъ такого огромнаго числа секретарей, писцовъ, архиваріусовъ, переводчиковъ, и пр. Недостатокъ въ дѣльныхъ головахъ, естественно рѣдкихъ въ странѣ, политическое устройство которой сложилось не болѣе какъ за сто лѣтъ, могъ быть побудительной причиной такого расположенія чиновниковъ, дабы въ толпѣ ихъ найти хотя одного, искусно владѣющаго перомъ. Но я не имѣю надобности знать, изъ роскоши-ли, или по необходимости платятъ жалованіе такому множеству чиновниковъ: достовѣрно то, что, кромѣ лицъ служащихъ въ канцеляріи иностранныхъ дѣлъ, вице-канцлеръ графъ Остерманъ имѣетъ своихъ частныхъ секретарей, графъ Безбородко своихъ, а г-нъ Бакунинъ также, вслѣдствіе чего насчитывается до ста пятидесяти человѣкъ въ этой канцеляріи. Если, однакоже, наибольшая часть этихъ чиновниковъ коснѣетъ въ подчиненныхъ должностяхъ, то г-нъ Бакунинъ, съ самаго начала службы обнаруживъ свои дарованія, не замедлилъ сдѣлаться правою рукою графа Панина. Этотъ министръ, прославившійся безукоризненною честностью въ дѣлахъ, нашелъ въ лицѣ г-на Бакунина одного изъ тѣхъ рѣдкихъ людей, которые, не останавливаясь на ничтожныхъ подробностяхъ и мелочныхъ затрудненіяхъ, способны обнять общее состояніе дѣлъ съ надлежащей точки зрѣнія, и притомъ излагать на бумагѣ самыя сложныя соображенія со всевозможною точностью и ясностью. Дѣйствительно, таковы два отличительныя дарованія особы, которую я изображаю; а какъ онъ чаще всѣхъ прочихъ членовъ министерства имѣетъ продолжительныя бесѣды съ иностранцами, то я могъ лично, въ разговорахъ съ нимъ, удостовѣриться въ первомъ изъ этихъ качествъ. Онъ объяснилъ мнѣ, между прочимъ, нача̀ла и законодательные пріемы, которыми руководствуются здѣсь относительно подушной подати, таможенныхъ правилъ, наслѣдствъ, и т. подобн., гораздо болѣе удовлетворительно, чѣмъ всѣ другія лица, съ которыми мнѣ случалось бесѣдовать объ этихъ предметахъ.—Такъ какъ люди познаются преимущественно по своимъ дѣламъ, то я считаю умѣстнымъ упомянуть здѣсь о вооруженномъ нейтралитетѣ, деклараціи, которая надѣлала столько шума въ Европѣ и состоялась преимущественно подъ вліяніемъ г-на Бакунина. Извѣстно, что, въ началѣ войны между Франціей и Англіей, эта послѣдняя держава, привыкши властвовать на моряхъ, гордясь выгодами, пріобрѣтенными по Парижскому трактату 1763 г., притѣсняла Голландцевъ самымъ возмутительнымъ образомъ. Корабли этихъ добрыхъ республиканцевъ, захватываемые Англичанами подъ предлогомъ военной контрабанды, подали поводъ къ возбужденію въ Европѣ вопроса о томъ, что́ слѣдуетъ, по здравому смыслу и справедливости, признавать за боевые запасы. Тогда не было жалчайшаго политика, который не предъявлялъ бы доводовъ за и противъ по этому пресловутому вопросу. Въ такое критическое время, г-ну Гаррису *), человѣку ловкому, вкрадчи-

*) Или Мальмсбюри. Читатели припомнятъ любопытныя депеши его въ Русскомъ Архивѣ 1874 года. *П. Б.*

вому, но не очень разборчивому въ выборѣ средствъ для достиженія своихъ цѣлей, дано было порученіе отстаивать при С. Петербургскомъ дворѣ виды его націи и стараться о томъ, чтобъ Россія приняла сторону Англіи. Какъ ловкій политикъ, пользуясь предпочтеніемъ, которое князь Потемкинъ всегда оказывалъ Англичанамъ, онъ прилѣпился къ этому всемогущему временщику и успѣлъ пріобрѣсти его полное содѣйствіе. Между тѣмъ произошелъ случай, который долженъ былъ ускорить, и дѣйствительно ускорилъ, развязку этой интриги. Одинъ Датскій корабль, влекомый приманкою выгоды, сдѣлалъ попытку пройти между военными судами *, блокировавшими Гибралтаръ, и былъ захваченъ при доставленіи пособій въ эту крѣпость. Такъ какъ между здѣшнимъ дворомъ и Даніей издавна существовали близкія связи, то Испанія всѣми силами старалась оправдать свой образъ дѣйствій въ глазахъ здѣшняго министерства. Г. Гаррисъ съ горячностью возбуждалъ негодованіе этого министерства, убѣждая его воспользоваться такимъ случаемъ, чтобы высказаться въ пользу Англіи. Вліяніе министра иностранныхъ дѣлъ, гр. Панина, несмотря на извѣстную его честность, клонилось къ упадку. Князь Потемкинъ, болѣе чѣмъ когда-либо утвердившійся въ силѣ, обольщенный или убѣжденный Англійскимъ посланникомъ, такъ усердно ему благопріятствовалъ, что исходатайствовалъ ему частныя и тайныя аудіенціи у государыни, чему, какъ утверждаютъ, никогда не бывало примѣровъ. Наконецъ, оставляя въ сторонѣ естественный путь черезъ графа Панина и опираясь единственно на князя Потемкина, г. Гаррисъ довелъ здѣсь свои происки до той степени зрѣлости, что вооружался уже флотъ, и ежедневно ожидалось обнародованіе деклараціи здѣшняго двора въ пользу Англіи, и наконецъ Гаррисомъ уже былъ отправленъ въ Лондонъ, съ паспордомъ полученнымъ отъ Потемкина, курьеръ для сообщенія этой утѣшительной вѣсти. Г. Нормандесъ, тотъ самый, который нынѣ состоитъ здѣсь въ качествѣ Испанскаго министра, а тогда былъ только повѣреннымъ въ дѣлахъ, имѣлъ на столько ловкости или удачи, что развѣдалъ о замыслахъ, направленныхъ противъ Бурбонскихъ дворовъ и все открылъ доброму графу Панину. Глубокое уваженіе, которымъ пользуется донынѣ этотъ почтенный старецъ, придаетъ интересъ мельчайшимъ подробностямъ, касающимся его. Поэтому, да будетъ мнѣ позволено сказать, что онъ былъ въ халатѣ и готовился лечь въ постель, когда пришли объявить ему, что Англійскій министръ, пренебрегая имъ, отправилъ курьера по дѣлу, ему еще не сообщенному и съ паспортомъ, выданнымъ отъ князя Потемкина. При такомъ извѣстіи, Панинъ оживился; онъ хватается за свой ночной колпакъ, бросаетъ его на полъ и, пылая негодованіемъ, клянется, что выйдетъ въ отставку, если не успѣетъ разстроить эту подземную интригу. Дѣйствительно, онъ, съ любимцемъ своимъ г. Бакунинымъ, затворяется въ своемъ кабинетѣ, гдѣ, соглашая, такъ сказать, общее состояніе дѣлъ въ Европѣ съ извѣстною страстью Екатерины II-й къ славѣ и блестящимъ предпріятіямъ, онъ составляетъ планъ вооруженнаго нейтралитета, основанный на шести главныхъ началахъ, которыя до такой степени понравились уму царицы, что, спустя менѣе недѣли, появилась по этому поводу знаменитая декларація 1780-го года. Нейтральныя державы были приглашены присоединиться къ этой деклараціи; а люди, посвященные въ интриги здѣшняго Двора, еще болѣе убѣдились въ томъ, что великія событія происходятъ отъ малыхъ причинъ. Тѣмъ не менѣе это дѣло имѣло послѣдствіемъ много славы для г. Бакунина, руко-

*) Т. е. Французскими и Испанскими, противъ которыхъ дѣйствовалъ Англійскій гарнизонъ къ Гибралтарѣ. *П. Б.*

водившаго имъ, и стыда для г. Гарриса, который былъ жестоко обманутъ и уѣхалъ отсюда исполненный негодованія и злобы на все, принадлежащее или относящееся къ Русской націи. Графъ Панинъ, довольный тѣмъ, что отмстилъ своимъ противникамъ и помѣшалъ заключенію обязательствъ, которыхъ онъ не находитъ полезными для своего отечества, предался вновь безпечности, къ которой онъ такъ склоненъ. Между тѣмъ князь Потемкинъ, столько-же дѣятельный умомъ, сколько лѣнивый тѣломъ, добился того, что совершенно уничтожилъ то слабое вліяніе (при дворѣ), которымъ еще пользовался его врагъ. Пріѣздъ императора (Іосифа) въ Петербургъ былъ послѣднимъ ударомъ для министра иностранныхъ дѣлъ, всецѣло преданнаго Пруссіи, и г-нъ Бакунинъ, несмотря на отношенія, связывавшія его съ графомъ Панинымъ, предался теченію, обращенному противъ этого министра. Я признаюсь, что это не было почетной эпохой въ его жизни, и одна эта черта побудила всѣхъ благомыслящихъ людей сомнѣваться въ личномъ достоинствѣ г. Бакунина, заподозрѣннаго тогда въ содѣйствіи къ паденію его покровителя. Такимъ образомъ, если съ одной стороны нельзя не признавать въ немъ ловкости и ума, то съ другой добросовѣстность его болѣе чѣмъ сомнительна. Таковъ этотъ человѣкъ, который, не будучи собственно любимцемъ, имѣетъ, однакоже, такое вліяніе на дѣла, что никто его не обходитъ: министры въ немъ заискиваютъ, а въ виду той пользы, которую онъ приноситъ, онъ такъ близокъ къ гр. Безбородкѣ, что слыветъ за посвященнаго во всѣ важнѣйшія государственныя тайны.

Считаю долгомъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о вице-канцлерѣ графѣ Остерманѣ. Происхожденіе этого министра мало извѣстно, и какъ я имѣю цѣлью представить очеркъ современнаго состоянія Россіи, а не обзоръ исторіи этого государства, то я умолчу о пріѣздѣ отца графа Остермана къ Петербургскому двору, о выказанныхъ имъ дарованіяхъ, о высокихъ должностяхъ, которыхъ онъ достигъ и о вліяніи его на дѣла въ царствованіе императрицы Анны и во время регентства принцессы Брауншвейгской. Можно прочесть въ исторіи г. Левека и въ Запискахъ Манштейна о томъ, какими средствами этотъ ловкій и хитрый политикъ достигъ вершины счастія, и о переворотахъ, ввергнувшихъ его въ крайнюю бѣду.

Графъ Остерманъ. Я здѣсь ограничусь разсказомъ, котораго нельзя найти ни въ одной книгѣ. Эта фамилія спаслась именно тѣмъ, что ея враги преслѣдовали ее съ непримиримымъ ожесточеніемъ,—явное доказательство того, что Провидѣніе нерѣдко достигаетъ своихъ цѣлей такими путями, которые глазамъ слабыхъ смертныхъ кажутся ведущими къ совершенно иному исходу. Генералъ-адмиралъ графъ Остерманъ, не ослѣпляясь счастіемъ, счелъ необходимымъ оградить себя отъ его превратности и помѣстилъ въ Голландіи большую денежную сумму, съ непремѣннымъ условіемъ не выдавать ея по простымъ приказамъ, но единственно въ случаѣ, когда онъ, или его сынъ, явятся лично для полученія. Партія, возведшая на престолъ императрицу Елисавету, узнавъ объ этой предосторожности, рѣшилась, вмѣсто того, чтобъ сослать въ Сибирь сына вмѣстѣ съ отцомъ, выказать притворную умѣренность, и выхлопотала нынѣ здравствующему графу Остерману паспортъ, необходимый для поѣздки въ Голландію по его дѣламъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ послано было Русскому министру при генеральныхъ штатахъ приказаніе уловить минуту, когда онъ получитъ свои деньги и, арестовавъ его подъ какимъ-нибудь благовиднымъ предлогомъ, выслать въ Россію вмѣстѣ съ его деньгами. Возмущенный столь явнымъ предательствомъ, Русскій посланникъ, вмѣсто того чтобъ испол-

нить такія варварскія приказанія, посовѣтовалъ молодому путешественнику прослѣдовать далѣе, не востребовавъ своихъ капиталовъ. Тогда графъ Остерманъ объѣхалъ почти всю Европу, преуспѣвая въ изученіи нѣсколькихъ языковъ, на которыхъ говоритъ свободно, и былъ проѣздомъ въ Туринѣ, о которомъ сохраняетъ живое воспоминаніе. Между тѣмъ его враги утратили свою силу, и лица, которыя еще благоволили къ нему, нашли средство добиться его назначенія кавалеромъ посольства въ Парижѣ, гдѣ тогда былъ посланникомъ извѣстный Бестужевъ. Оттуда онъ былъ переведенъ, въ качествѣ министра, въ Швецію. Во время этого продолжительнаго пребыванія его въ Стокгольмѣ, онъ присылалъ такія интересныя депеши, что здѣсь сложилось самое выгодное мнѣніе о его способностяхъ. Вліяніе гр. Панина тогда клонилось къ упадку, и пріискивали ему искуснаго помощника, чтобъ имѣть возможность отстранить его отъ дѣлъ. Всѣ взоры обратились на графа Остермана, котораго восхваляла вся канцелярія иностранныхъ дѣлъ. Но, къ общему удивленію, въ Совѣтѣ не узнали человѣка, прославившагося своими письменными донесеніями. За удивленіемъ скоро послѣдовало ближайшее разсмотрѣніе; взыскательные люди захотѣли вникнуть въ причину такого рѣзкаго различія, и открылось, что одинъ Шведскій сенаторъ, человѣкъ замѣчательнаго ума и вполнѣ преданный Россіи, снисходительно служилъ Остерману своимъ краснорѣчивымъ перомъ. Несмотря на такое нелестное открытіе, и при томъ не будучи способенъ возбуждать опасеній, онъ удерживается на высокомъ мѣстѣ, на которое возвела его счастливая ошибка, потому что никто не думаетъ о его низведеніи. Дѣйствительно, онъ занимаетъ это мѣсто только ради наружной представительности, въ извѣстные дни еженедѣльно принимаетъ для совѣщаній; но каждый министръ избираетъ, смотря по его личнымъ связямъ, или по свойству дѣлъ, ему предстоящихъ, тотъ путь, который онъ считаетъ наиболѣе удобнымъ для достиженія своихъ цѣлей; Остерману-же сообщаетъ о своихъ дѣйствіяхъ только для формы, когда дѣло уже почти доведено до конца. Тогда графъ Остерманъ безсознательно передаетъ отвѣты, продиктованные ему гр. Безбородкой или г. Бакунинымъ. Изъ всего вышесказаннаго можно судить, что его положеніе не особенно блистательно; но къ несчастію, если онъ неспособенъ выйдти изъ такого незавиднаго состоянія, то по крайней мѣрѣ достаточно уменъ, чтобъ понимать всю его неловкость. Онъ сѣтуетъ объ этомъ и оскорбляется на столько, что не можетъ скрывать своего огорченія. Поэтому онъ всѣхъ принимаетъ съ дурнымъ расположеніемъ духа, изощряется всегда истолковать въ невыгодномъ смыслѣ все, что ему объясняютъ, по малѣйшимъ поводамъ даетъ понять, что ему извѣстно, что уже обращались къ другимъ лицамъ; но, какъ въ сущности онъ человѣкъ честный, то наконецъ смягчается и обѣщаетъ дать отвѣтъ по полученіи повелѣній отъ государыни. Такъ какъ эти пріемы общеизвѣстны, то, если сначала выказать хладнокровіе, а потомъ твердость въ отвѣтахъ, можно быть увѣреннымъ въ благопріятномъ исходѣ аудіенціи. Таковъ образъ дѣйствій, котораго слѣдуетъ держаться относительно этого министра; обойти же его невозможно. Зависть и колкость, преобладающія въ его бесѣдахъ, не придаютъ пріятности объясненіямъ, которыя необходимо имѣть съ нимъ; но слѣдуетъ признаться, что эти неудобства ощущаются преимущественно новоприбывшими. При ближайшемъ знакомствѣ, съ нимъ можно легко сойтись и наконецъ жить съ нимъ въ добромъ согласіи.

БУМАГИ КНЯЗЯ ИЛАРІОНА ВАСИЛЬЕВИЧА ВАСИЛЬЧИКОВА *.

III. ДОНЕСЕНІЕ КНЯЗЯ И. В. ВАСИЛЬЧИКОВА ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ ПАВЛОВИЧУ О СЕМЕНОВСКОЙ ИСТОРІИ.

Государю рапортъ.

Спѣшу всеподданнѣйше донести Вашему Императорскому Величеству, что въ ночь съ 16-го на 17-е число сего Октября мѣсяца, л. г. Семеновскаго полка рота имени В. В-а, въ 11-мъ часу ночи, самовольно собралась въ коридорѣ казармы, по вызову нѣкоторыхъ голосовъ на перекличку. Фельдфебель сей роты закричалъ, дабы рядовые возвратились въ свои мѣста; но они, не исполняя того, отвѣчали ему, что желаютъ говорить съ ротнымъ командиромъ. Фельдфебель, видя невозможность укротить ихъ, принужденъ былъ исполнить ихъ требованіе. Капитанъ Кошкаровъ, пришедъ къ нимъ, спросилъ что̀ имъ надобно и какъ осмѣлились они собраться въ столь позднее время и при томъ самовольно. На сіе объявили, что они вынуждены были, притѣсненіями разнаго рода отъ полковаго командира, рѣшиться на таковой поступокъ и просить его довести до свѣдѣнія высшаго начальства о непомѣрной строгости и нестерпимой взыскательности полковника Шварца. Капитанъ Кошкаровъ приказалъ имъ разойтиться по своимъ мѣстамъ; они же хотя съ перваго раза не повинулись, однакоже вскорѣ то исполнили. Немедленно донесено было о семъ по командѣ, и я, бывши на тотъ разъ въ болѣзненномъ положеніи, тотчасъ послалъ начальника корпуснаго штаба **) въ Семеновскія казармы собрать означенную роту и на мѣстѣ изслѣдовать происшествіе. Найдя изъ донесенія его нижнихъ чиновъ той роты виновными въ ослушаніи и своевольствѣ, я приказалъ арестовать ихъ всѣхъ и подъ карауломъ 2-хъ ротъ л. г. Павловскаго полка препроводить въ Петропавловскую крѣпость для содержанія въ тамошнихъ казематахъ и для производства тамъ военнаго надъ ними суда.

Въ ночи съ 17 на 18 число, первая, вторая и третья фузильерныя роты перваго баталіона, также самовольно выбѣжавъ изъ казармъ, толпами бѣгали во всѣ прочія роты остальныхъ баталіоновъ и принуждали ихъ выходить на парадное мѣсто полковыхъ казармъ для соединенія къ выручкѣ арестованной роты; при томъ насильно вламывались они въ комнаты нѣкоторыхъ ротъ, отбивали двери и требовали, дабы непремѣнно всѣ безъ изъятія нижніе чины сего полка присоединялись къ нимъ и противящихся вытаскивали

---

*) См. выше стр. 44, и первую книгу Р. Архива сего года, гдѣ помѣщены общее предисловіе къ этимъ бумагамъ и первые два отдѣла ихъ, т. е. письма императора Александра и князя П. М. Волконскаго.—Первоначальное донесеніе Государю, здѣсь помѣщаемое, сохранилось въ черновой рукописи.

**) Графа А. Х. Бенкендорфа, коего описаніе этихъ дней слѣдуетъ ниже.

насильно, угрожая въ случаѣ сопротивленія бить. Приказанія, угрозы и увѣщанія офицеровъ для обращенія къ порядку не имѣли никакого успѣха, хотя наружное почтеніе къ ихъ званію было солдатами соблюдаемо. Они безпрестанно твердили объ отягощеніяхъ, претерпѣваемыхъ ими по службѣ отъ полковника Шварца и о томъ, чтобы имъ отдана была арестованная рота. Въ такихъ обстоятельствахъ, взявъ всѣ мѣры предосторожности, по совѣщанію съ генераломъ графомъ Милорадовичемъ, положили мы, чтобы онъ сперва поѣхалъ на сборное ихъ мѣсто и поговорилъ бы съ ними. Они, не преставая толпиться въ безпорядкѣ, объявили ему: что какъ угодно начальству поступить съ ними, они готовы на всѣ наказанія, но не могутъ болѣе сносить притѣсненій полковника Шварца; строиться же во фрунтъ не могутъ потому, что нѣтъ при полку первой роты, которая находится подъ арестомъ. Послѣ того послалъ я начальника корпуснаго штаба сказать имъ, что я самъ къ нимъ пріѣду и чтобы для сего они построились во фрунтъ; но и сіе осталось безъ исполненія. Видя одни и тѣже отзывы ослушныхъ, я, отрѣшивъ полковника Шварца отъ исправленія его должности, которую онъ уже исправлять не могъ, далъ повелѣніе г. м. Бистрому 1-му принять весь полкъ въ свое командованіе и приготовить оный къ инспекторскому моему осмотру. Ген. м. Бистромъ съ объявленіемъ сего повелѣнія моего, по прибытіи на Семеновское парадное мѣсто, началъ было выстраивать 2-й и 3-ій баталіоны; но три роты перваго баталіона тому воспрепятствовали, расталкивая становившихся въ порядокъ и отзываясь, что безъ роты имени Вашего Величества, какъ безъ головы, пристроиться имъ не къ чему. Наконецъ я самъ пріѣхалъ и объявилъ имъ: что рота сія ослушаніемъ противу начальства и своевольствомъ содѣлалась виновною, что за сіе я арестовалъ оную, велѣлъ предать суду и до высочайшаго разрѣшенія Вашего Императорскаго Величества ни подъ какимъ видомъ не освобожу ея ни отъ ареста, ни отъ суда, ни отъ наказанія; что теперь равнымъ образомъ и они сдѣлались ослушниками, а потому приказываю, чтобы и они сей же часъ шли подъ арестъ въ крѣпость. Таковое приказаніе мое было исполнено безпрекословно; они пошли, но не въ томъ видѣ и порядкѣ, каковые должны быть въ благоустроеныхъ войскахъ. Въ продолженіе времени какъ я съ ними разговаривалъ, г. м. Бистромъ, по предварительному распоряженію моему, занялъ л. г. Егерскимъ полкомъ Семеновскія казармы и тѣмъ отдѣлилъ ихъ отъ оружія, въ оныхъ находившагося.

Не могу не доложить всеподданнѣйше В. Величеству, что офицеры Семеновскаго полка при семъ случаѣ не оказали той твердости, которая необходима въ подобныхъ обстоятельствахъ. Зачинщики сего дѣла не открыты, и я впредъ до разрѣшенія Вашего Императорскаго Величества приказалъ 1-й баталіонъ, какъ болѣе всѣхъ виновный, судить военнымъ судомъ въ Петропавловской крѣпости; 2-й баталіонъ при шт., оберъ-и у. офицерахъ онаго отправленъ сего числа на судахъ, отъ морскаго министра присланныхъ, въ кр. Свеаборгъ; 3-й баталіонъ препроводилъ я такимъ же порядкомъ, сухимъ путемъ, по прилагаемому при семъ маршруту, въ кр. Кекс-

гольмъ. Оба сіи баталіоны отправлены безъ прикрытія, въ полной походной аммуниціи, но безъ ружій и тесаковъ. При семъ я принялъ нужныя мѣры предосторожности и распорядился такимъ образомъ, что о поведеніи ихъ буду имѣть безпрерывно вѣрнѣйшія свѣдѣнія. Къ послѣднимъ двумъ баталіонамъ оказалъ я снисхожденіе потому, что они дѣйствительно почти силою вовлечены были въ участвованіе съ первымъ баталіономъ. Сверхъ того, при отправленіи ихъ внѣ столицы, замѣтилъ я въ нихъ истинное раскаяніе и смиренное повиновеніе.

Основываясь на полученныхъ много оффиціально и частно свѣдѣніяхъ, относящихся до сего происшествія, я положительно смѣю донести Вашему Величеству, что единственною причиною онаго есть полковникъ Шварцъ, и что обстоятельство сіе не заключало въ самой сущности никаковой опасности, ниже какой другой причины, кромѣ того, что нижніе чины выведены были изъ терпѣнія отъ неблагоразумнаго и неосторожнаго поведенія его, полковника Шварца. Впрочемъ нужнымъ считаю также донести, что примѣръ ослушанія Семеновскаго полка имѣлъ болѣе хорошее вліяніе на прочія войска: ибо всѣ сіи, въ продолженіе непріятнаго происшествія, оказывали сугубое усердіе въ исполненіи своихъ обязанностей по службѣ.

Дальнѣйшія подробности изложеннаго здѣсь обстоятельства буду имѣть счастіе въ слѣдъ за симъ представить Вашему Императорскому Величеству, чрезъ нарочно посылаемаго отъ меня адъютанта моего, л. г. гусарскаго полка ротмистра Чеодаева.

IV. СЕКРЕТНЫЯ ЗАМѢЧАНІЯ СОБСТВЕННО ДЛЯ СВѢДѢНІЯ ОДНОГО ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТА ВАСИЛЬЧИКОВА *).

(*Писаны собственноручно императоромъ Александромъ Павловичемъ*).

1-е). По многимъ замѣчаніямъ на школы взаимнаго обученія желательно бы было, чтобы обращено было особенное вниманіе на счетъ тѣхъ людей, кои обучались въ общей школѣ, бывшей въ казармахъ Павловскаго полка, какъ со стороны нравственности и поведенія ихъ, такъ и дисциплины и военнаго повиновенія, и не сохранили ли какихъ сношеній съ г. Гречемъ?

Вниманіе обращено съ самаго начала сей исторіи. По свѣдѣніямъ люди сіи ведутъ себя хорошо; но удаленіе г. Греча нахожу нужнымъ и представлю къ пріѣзду Государя новое образованіе симъ школамъ.

2-е). Узнать также для любопытства, не былъ ли въ той же школѣ рядовой Московскаго полка, съ которымъ было происшествіе въ лагерѣ, и также о тѣхъ, кои были зачинщиками въ лейбъ-ротѣ Павловскаго полка противу капитана Либерта и бывшаго фельдфебеля той роты?

Не были.

*) Напечатанные здѣсь мелкими буквами отвѣты на замѣчанія, писаны карандашемъ на подлинной рукописи Государя княземъ И. В. Васильчиковымъ.

3) О сихъ двухъ пунктахъ отнюдь никому не сообщать, что они отсюда писаны, но какъ бы сами пришли на мысль генералъ-адъютанту Васильчикову.

4) По дошедшимъ свѣдѣніямъ оказалось, что когда полкъ, предъ церковью собравшійся, не хотѣлъ строиться, тутъ же на площади находилось много и полковыхъ кантонистовъ, на коихъ нужно также обратить особенное вниманіе, и не возможно ли чего и чрезъ нихъ открыть?

По вѣрнѣйшимъ свѣдѣніямъ полковые кантонисты не участвовали и не выходили изъ своихъ казармъ, а были на площади всѣ флейщики.

5) У фельдфебеля и унтеръ-офицеровъ лейбъ-роты Семеновскаго полка порасспросить, не замѣтили ли они предъ симъ въ разговорахъ людей между собой чего похожаго на сіе происшествіе, и не показывали ли негодованія на командира; ежели было, то когда именно, и между кѣмъ болѣе оное негодованіе или разсужденіе оказывалось, въ гренадерахъ ли, или въ стрѣлкахъ? И не помнятъ ли, кто именнó таковые были? Также не замѣтили ли, чтобы солдатскія дочери, изъ школы взаимнаго обученія приходящія, приносили бы какія либо бумажечки, или записки къ рядовымъ той роты?

По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ полагать должно, что фельдфебель лейбъроты не только не чистъ, но изъ первыхъ зачинщиковъ: то и невѣроятно отъ него что либо узнать, равно и отъ унтеръ-офицеровъ, коихъ также невинными полагать нельзя.

6) Справедливо ли, что будто, когда полкъ шелъ въ крѣпость, то Московскаго полка люди, встрѣчаясь съ ними, цѣловались и прощаясь изъявляли имъ сожалѣніе?

Не справедливо, но сожалѣніе изъявляютъ во всѣхъ полкахъ.

7) Правда ли также, что будто и въ Преображенскомъ полку были нѣкоторые разговоры на счетъ ареста Семеновскаго полка, чтобы и съ ними того же не случилось?

Отъ полиціи много было разныхъ вздоровъ, но вѣрить имъ никакъ нельзя. По вѣрнѣйшимъ свѣдѣніямъ толки на счетъ Семеновской исторіи есть во 2-мъ и 3-мъ баталіонахъ. Пирхомъ [1]) довольны; но, по несчастію, Великаго Князя [2]) не любятъ.

8) Почему начальникъ штаба гвардейскаго корпуса, въ отсутствіе генералъ-адъютанта Васильчикова, не зналъ въ подробности, чтò дѣлалось въ Семеновскомъ полку, говоря часто, что по свѣдѣніямъ его вездѣ тихо и хорошо идетъ?

9) Ежели зналъ, что полковникъ Шварцъ обходился съ нижними чинами незаконнымъ образомъ и дѣлалъ излишнія противузаконныя отъ нихъ требованія, особенно на то, чтобы многія вещи по-

---

[1]) Пирхъ—командиръ Преображенскаго полка.

[2]) Михаила Павловича, не задолго передъ тѣмъ назначеннаго командиромъ бригады, въ составъ которой входилъ Преображенскій полкъ. Солдаты въ то время еще недостаточно знали его; впослѣдствіи же Великій Князь Михаилъ Павловичь пользовался горячею приверженностію гвардейцевъ.

купали на свои деньги, почему тотчасъ не доносилъ о томъ, какъ корпусному командиру, такъ и начальнику Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества? Тѣмъ болѣе, что была доставлена записка военнаго генералъ-губернатора о явившемся въ ордонансгаузъ рядовомъ, показывавшемъ, что принуждали его дѣлать разныя вещи на собственныя его деньги, о чемъ приказано было сдѣлать строгое изслѣдованіе. Но и по сіе время никакого еще отвѣта на то не получено. Тѣмъ сожалительнѣе, что, еслибъ на оное вó время было обращено вниманіе, то, можетъ быть, сего приключенія съ полкомъ не случилось.

Сіе теперь полкъ показываетъ; но извѣстно, что полковникъ Шварцъ отдалъ всѣ деньги слѣдующія на дрова и освѣщеніе, и что въ каждой ротѣ болѣе 2000 рублей оставалось отъ онаго экономіи: то и невѣроятно, чтобы солдаты употребляли свои деньги на чистку. Вещей же покупать на свои деньги никакого повелѣнія отъ начальства не было, чтò судъ вѣроятно откроетъ.

Записка доставлена о рядовомъ, который не болѣе пяти дней состоялъ въ полку и переведенъ изъ гарнизоннаго баталіона, почему й обращенъ былъ въ полкъ, и слѣдствіе представлено начальнику Штаба Его Императорскаго Величества. Тѣмъ менѣе можно было обратить вниманіе на слова сего рядоваго, что вновь поступающій рядовой во всѣхъ полкахъ обязанъ пополнить артельныя деньги.

10) Наконецъ нельзя оставить безъ замѣчанія дошедшіе сюда слухи, что будто нѣкоторые полковые командиры гвардейскихъ полковъ, у коихъ было спрашиваемо, могутъ ли они отвѣчать за своихъ людей, отвѣтствовали, что не могутъ. Сіе не можетъ совсѣмъ быть терпимо въ службѣ. Начальники на то поставлены, чтобы они отвѣтствовали за своихъ подчиненныхъ и принимали такія мѣры, которыя бы давали способъ оное исполнить. Таковое пагубное понятіе не должно допускать въ войскѣ.

Всѣ надѣялись, но рѣшительно отвѣчали двое только: Орловъ и Бистромъ Карлъ Ивановичъ. (Сначала было написано и потомъ зачеркнуто: „Никто не отвѣчалъ, что не могутъ отвѣчать").

Отвѣты князя Васильчикова, набросанные на поляхъ бумаги, содержащей въ себѣ вопросы Государя (безъ означенія времени написанія) вѣроятно были обращены потомъ въ особый докладъ.—Храброму, честному воину, украшенному крестомъ Георгія второй степени, приходилось теперь вести особаго рода войну—съ подозрительностью, шедшею изъ Троппау и Лайбаха и съ непрошеннымъ вмѣшательствомъ мѣстной полиціи, усердные чины которой вдоволь пользовались своимъ начальникомъ, графомъ М. А. Милорадовичемъ. *П. Б.*

V. ПИСЬМО ГРАФА А. Х. БЕНКЕНДОРФА

о Семеновской исторіи *).

Les différents bruits, qui courent la ville, sont les suites inévitables des moindres événements; ils se multiplient à l'infini sur la malheureuse histoire du rég. de Séménofski. Des intérêts divers, et surtout la jalousie qu'inspire tout homme qui, comme le général Wasiltchikoff, est revêtu d'une charge importante, dénaturalisent si complétement les événements, que je crois devoir vous présenter l'historique détaillé et sans remarque de la marche de cette importante affaire, ainsi que de toutes les particularités dont elle a été accompagnées.

Vous jugerez impartialement et comme militaire.

A l'inspection que le général avait faite du régiment de Séménofski, pas une voix ne s'était élevée pour se plaindre du colonel **); dans une seule compagnie du 2-de bataillon, 17 hommes réclamèrent des pantalons d'été qu'ils n'avaient pas encore reçus. La chose fut examinée sur place; il se trouva que les soldats avaient raison, ayant été à l'hôpital lorsqu'on avait distribués les pantalons: une négligeance avait fait oublier de les leur donner. Ceci prouve que les gens avaient pleine liberté à l'inspection de porter leur plainte.

A la compagnie de l'Empereur, après que le g-al lui eût demandé, si elle n'avait pas quelque plainte à faire, il lui dit, qu'il courrait des bruits, comme si quelques grenadiers avaient osé mal parler de leur colonel publiquement en allant à l'ouvrage; qu'il ne voulait pas le croire et que leur conduite prouverait, s'il doit donner quelque croyance à des bruits aussi contraires à l'honneur de la compagnie de l'Empereur.

Celui qui a l'habitude du soldat put remarquer que l'esprit du régiment n'était pas très bon; les soldats répondaient faiblement, et les mines n'avaient pas cette expréssion de gaieté et de zèle que nous avons trouvés dans les autres régiments.

Le mécontentement était connu depuis le premier jour du commandement du c-l Schwarz; mais comme il ne rossait pas plus que les

---

*) Печатается съ черноваго подлинника, сохранившагося въ бумагахъ князя И. В. Васильчикова. Писано это письмо, конечно, за границу къ князю П. М. Волконскому. Оно любопытно и по содержанію своему, ибо излагаетъ Семеновскую исторію, такъ сказать, въ самые дни ея, и по личности писавшаго, которому вскорѣ пришлось занять столь важное положеніе въ Русской исторіи. Графъ А. Х. Бенкендорфъ несомнѣнно дорожилъ судомъ потомства: о томъ свидѣтельствуютъ обширныя его Записки, изъ которыхъ два отрывка (о пребываніи императора Николая въ городѣ Чембарѣ и о пожарѣ Зимняго дворца) были напечатаны въ Русскомъ Архивѣ 1865 года. *П. Б.*

**) Т. е. на полковника Шварца.

autres et qu'en rien il ne retenait de la propriété du soldat, il n'y avait non seulement le préte le à demander son éloignement, mais on devait même supposer, que ваи à peu le régiment se familiariserait avec une discipline plus лъ- taire que celle à la quelle il avait été accoutumé.

D'ailleur les détails des inspections scrutatrices et minutieuses appartiennent aux premiers chefs de la division plus qu'au chefs du corps.

Les derniers rapports de notre gévaldier Ivanow, qui a beaucoup de liaisons dans le régiment, étaient très tranquillisants; il me dit encore 8 jours avant l'événement, que le bois et l'argent du luminaire tout entier avaient été donnés aux compagnies et que plusieurs soldats lui avaient dit: si nous sommes plus fatigués qu'autrefois, aussi nous montrerons nous mieux à l'Empereur à la première parade.

Tel en étaient les choses, lorsque le 17 au matin à 9½, l'aide-de-camp de l'Empereur Bibikow, m'ayant cherché chez moi, me trouva chez le grand duc Michel*). Il nous dit, que la compagnie de Sa Majesté était sortie en tumulte après 10 heures du soir dans le corridor; que ni les bas officiers, ni le feldfebél n'avaient pu faire rentrer les gens et qu'à leur demande, on avait été obligé d'envoyer chercher le capitaine Koschkarow, auquel ils avaient déclarés qu'ils ne pouvaient plus servir avec Schwarz et qu'ils exigeaient que cela fut porté à la connaissance des autorités.

Le grand duc et moi, nous allâmes chez le g-al Wassiltchikow lui porter cette nouvelle.

Il m'ordonna d'aller de suite faire l'enquête; le grand duc vint avec moi, et j'envoyai chercher l'auditeur Wolkow.

Nous commençames par questionner le feldfébel, le bas officier de service, les soldats de jour et plusieurs hommes de la connaissance du grand duc, ou dont la figure me parût plus propre à cela. Notre désir était de trouver un ou quelques coupables, pour diminuer la culpabilite de la masse. Rien ne put nous faire découvrir des instigateurs. Le grand duc fit alors rassembler la compagnie; je l'avais prévenu de ne rien dire aux gens qui put les engager à une réponse, sachant combien la compagnie était montée. Il les gronda brièvement sur leur conduite et me laissa seul avec eux.

A peine eus-je demandé pourquoi ils avaient osés se réunir la nuit, que toute la compagnie me répondit avec force, qu'ils ne pouvaient plus supporter les traitements du colonel et qu'ils ne se plaignaient que de lui seul; qu'ils étaient très contents du feldfébel et de tous leurs officiers. Je leur demandai en quoi consistait leurs griefs; la réponse fut: тиранитъ насъ. J'ordonnai alors le silence et que tous ceux qui avaient été punis sortent des rangs. Après beaucoup d'hésitations et à mon troisième ordre, un seul grenadier se présenta; a ma demande, combien il avait reçu de coups, il me répondit: 3 de plâts de sabre.

---

*) Бригадному генералу Преображенскаго и Семеновскаго полковъ.

J'ordonnai de me répondre tous, par un oui ou non, aux questions que j'allais leur faire.

—Vous étes vous rassemblés le soir d'hier sans en avoir reçu l'ordre?

—Oui.

Vous étes vous retirés dans vos chambres à la sommation que vous en a faite le feldfébel?

—Non.

—Etes vous coupables de désobeissance?

Le plus morne silence.

—Vous vous avouez donc coupables; mais il est impossible que la compagnie qui a l'honneur de porter le nom de l'Empereur ait pu tremper toute entière dans un pareil acte d'indiscipline: il doit y avoir parmi vous un ou quelques fauteurs de cette conduite, la masse a été entrainée. Ce qui diminuera votre faute et donnera à l'Empereur les moyens de vous traiter avec indulgence, est de dénoncer les coupables; je vous donne le tems d'y réfléchir jusqu'à 6 heures du soir.

En rentrant dans la chambre du feldfébel où se trouvait encore le grand duc, qui questionnait quelques bas officiers, le colonel Wadkofski vint nous dire, que les 3 autres compagnies du 1-r bataillon étaient fort inquiètes et qu'il était à craindre qu'elles n'imitâssent la conduite de la compagnie de l'Empereur.

La grand duc et moi nous retournâmes chez le g-al Wassiltchikow. Notre avis, à tous les trois, fut, qu'il fallait montrer une grande sévérité. Le g-al décida, que comme il n'y avait pas un corps de garde assez spacieux pour reçevoir toute une compagnie et que le contact des corps de gardes avec les autres régiments pourrait être dangereux, il fallait l'envoyer à la forteresse et nommer de suite une commission militaire.

J'allai porter au c-te Miloradovitz la nouvelle de cet événement et lui demander ses ordres pour la mîse à la forteresse; il envoya chercher le commandant Soukine et lui donna devant moi les instructions à ce sujet.

Le soir le g-al m'ordonna d'envoyer chercher la compagnie; deux compagnies du régiment de Pawlovski se trouvèrent dans la salle d'exercice du palais, où celle de Séménofski entra en présence du g-al. Il leur fit une courte récapitulation de l'indiscipline inouïe dont ils s'étaient rendus coupables et ordonna au g-al Bistrom de mener la compagnie à la forteresse.

Le g-al avait fait venir chez lui, le soir même, le colonel Schwarz pour lui parler de cette affaire et des précautions qu'il y aurait à prendre pour le moment. Le grand duc avait parlé à tous les feldfébels, et j'avais dis au colonel Wadkofsky de ne pas quitter les casernes et d'ordonner que tous les capitaines soyent à leurs places.

A minuit l'aide-de-camp Bibikow vint m'annoncer que les trois compagnies restantes du 1-r bataillon sortaient en tumulte; et 10 minutes après le colonel Wadkofsky arriva pour me dire que les autres compagnies du régiment s'élevaient aussi et se portaient en désordre sur

la place de l'hôpital, que les gens déclaraient qu'ils ne montemient pas la garde et ne quitteraient pas la place, avant qu'on ne leur ait rendu la compagnie de l'Empereur.

Je courrus réveiller le g-al Wasiltchikow; le grand duc y arriva un moment après.

Le g-al pria son altesse de ne plus prendre part à cet événement qui serait considérablement aggravé par une désobéissance prononcée devant le frère du Souverain.

Nous nous rendimes, le g-al et moi, chez le comte Miloradovitz. Le chef du corps ne pouvant plus paraître devant une troupe mutinée que pour punir et voulant garder son autorité pour dernière ressource, accepta l'offre du gouverneur militaire de se porter à ce rassemblement, comme il se porte à un incendie.

En attendant, tous les chefs de régiments furent appelés à l'état-major de la garde.

Le colonel Schwarz ne se trouvant pas à son poste, le g-al Bistrom fut nommé commandant du régiment de Séménofski et recût de suite l'ordre de préparer le régiment pour une revue d'inspéction que le commandeur du corps devait passer à 8 heures du matin.

Cette mesure parût être la seule convenable pour faire rentrer le régiment dans l'ordre et gagner du tems.

Dans ces entrefaits, le gouverneur militaire n'étant parvenu à rien, et les soldats déclarant qu'ils ne se retireraient que lorsqu'ils reverraient leur tête (c'est le nom qu'il donnaient à la compagnie de l'Empereur), il envoya le g-al Gorgoli *) à l'état-major pour engager le g-al à relâcher cette compagnie. Il ne crût pas pouvoir, ni devoir y consentir.

Le g-al Potemkin, poussé par l'assurance que 8 années de commandement lui inspiraient, se présenta sur la place de l'hôpital, mais ne fit aucun effet.

Le g-al Bistrom arriva avec l'ordre de commander le régiment et de le préparer pour l'inspection. Le 2-d et 3-me bataillons firent mine de se former, mais poussés par des grenadiers du 1-r bataillon, ils rentrèrent dans la confusion.

Les officiers rassemblés recevaient pour réponse à leurs exhortations, qu'il n'y avait plus de bataillons, plus de compagnies, que le régiment était en masse et ne se rangerait que lorsque la 1-e compagnie lui serait rendue. On n'entendait que des cris contre le colonel Schwartz.

En attendant, le régiment de chasseurs, celui de la garde à cheval et celui de Pawlovsky, se préparaient à marcher au premier signal.

Je fus envoyé au régiment, pour lui annoncer l'arrivée du commandeur du corps. Je fis tout ce que je pus, pour les engager à se former par compagnies, leur disant que le g-al ne pouvait pas parler à un régiment en tumulte et que pour connaître leurs griefs, il fallait questionner par ordre une compagnie après l'autre; les mêmes cris contre

*) Петербургскаго оберъ-полицмейстера, памятнаго по тогдашней пѣсенкѣ: „Горголи дамъ отставку, а Соца (цензора) въ желтый домъ“.

Schwartz et „rendez nous la compagnie!" recommençaient après chaque moment de silence. Je les prévins que sans l'ordre de l'Empereur le g-al n'avait pas le droit de rien décider et que tout le régiment aurait les arrêts.

Il faut dire à la louange de l'esprit du soldat, que dans le tumulte même, pas un n'oubliait ce qu'ils devaient au dernier officier; ils se rangeaient avec respect et se taisaient chaque fois que le silence leur était imposé.

Mon rapport ayant été fait au général Wassiltchikow, il se rendit avec moi au régiment. Au moment qu'il était entouré de la masse des soldats avides de l'écouter, le régiment de chasseurs entrait dans les casernes de toutes les compagnies et s'emparait des armes et des issues de portes.

La garde à cheval et le régiment de Pawlowsky se mettaient en mouvement pour se porter vers le régiment de Séménofski.

Le g-al Wassiltchikow déclara positivement, que jamais il ne rendrait la compagnie et que ces cris séditieux méritaient la même punition: ils n'avaient qu'à tous l'aller réjoindre dans la forteresse.

Cette présence d'ésprit termina tout le tapage et toutes les prétentions; tous, en masse, les officiers en tête, marchèrent vers la forteresse; quoique les rangs ne furent pas tenus et qu'il n'y eût aucune formation, le régiment passa la ville avec calme et sans le moindre désordre.

Je courrus avertir le g-al Soukine, auquel le gouverneur militaire fit donner ses ordres par le g-al Gorgoli; un moment après le c-te Miloradovitz et le g-al Zakrefsky arrivèrent à la forteresse et y reçurent le régiment.

Les bataillons et les compagnies se formèrent et entrèrent tranquillement dans les casemates.

Les régiments de la garde à cheval et de Pawlowsky reçurent ordre de rentrer dans leurs cazernes, avant d'avoir été apperçus par un seul soldat de Séménofsky. Une compagnie du régiment des grenadiers du corps vint augmenter la garde de la forteresse et un bataillon de Pawlowsky y fut placé au jour tombant pour y passer la nuit.

Après plusiers avis donnés, combattus et rejettés, on s'arrêta à celui qui fut exécuté.

Nous nous rendîmes le lendemin matin à 8 heures à la forteresse; le régiment de Finlande avait ordre d'être prêt; celui des chevaliers gardes aussi, et les cosaques se trouvaient près du manège du palais de S-t Michel.

Le c-te Miloradovitz et le g-l Zakrefsky parlèrent aux soldats dans leurs casemates pour les prévenir de leur destination jusqu'à ce que l'Empereur déciderait de leur sort. Ils furent écoutés avec calme et respect; un seul osa élever la voix; le g-al Zakrefsky le prit, et il fut enfermé dans un cachôt séparé.

Le 3-me bataillon sortit sur la place d'armes; la g-al Bistrom le forma; les chefs de compagnie et les officiers subalternes se mirent à leur places, et le colonel Wadkofsky en prit le commandement.

Le g-al Wisiltchikow parût alors; on lut le приказъ qui nommait le général Bistrom au commandement du régiment; le g-al leur notifia l'ordre de marcher et de tâcher par leur bonne conduite de diminuer leur faute, ce qui seul pouvaient alléger la punition qu'ils avaient mérités.

Le bataillon marcha, et le régiment de chevalier-gardes et de Pawlowsky reçurent ordre, le 1-r de rentrer dans ses casernes, le 2-d, qui n'en était pas encore sorti, de se déshabiller.

Un escadron de cosaques eut ordre de suivre à 5 ou 6 verstes de distance du bataillon sur la route de Keksholm, d'arrêter toutes les traineurs et de nous donner promptement toutes les nouvelles.

Le 2-nd bataillon fut embarqué tranquillement, et le premier se résigna avec soumission.

Voici, mon prince, l'historique de cette malheureuse affaire. Tout le monde crie, toutes les commères sont en mouvement; mais l'Empereur jugera.

Autant il est malheureux que cet événement ait surpris l'Empereur au moment où il est à travailler sur les destinées du monde, autant nous pouvons le féliciter, que cet événement même a prouvé qu'aucune cause étrangère n'agite l'esprit de la troupe et que, lorsque le danger se montre, toutes les têtes les plus jeunes se relient autour de l'autorité.

Переводъ *).

Неизбѣжными послѣдствіями даже малѣйшаго происшествія являются всегда разные слухи, которые разносятся по городу; они умножаются до безконечности по поводу несчастной исторіи Семеновскаго полка. Различныя побужденія и особенно зависть, которую внушаетъ всякое лицо, занимающее важную должность, какъ генералъ Васильчиковъ, измѣнили существо самого происшествія до того, что я долгомъ считаю представить вамъ подробное, безъ всякихъ замѣчаній, повѣствованіе всего хода этого важнаго дѣла, а равно и всѣхъ тѣхъ обстоятельствъ, которыя оное сопровождали.

На инспекторскомъ смотру, произведенномъ генераломъ въ Семеновскомъ полку, ни одинъ голосъ не возвысился, чтобы жаловаться на полковника; въ одной ротѣ 2-го батальона 17 человѣкъ требовали выдачи неполученныхъ ими лѣтнихъ брюкъ. Дѣло это разсмотрѣно на мѣстѣ, и найдено, что солдаты были правы; когда раздавали брюки, они были въ госпиталѣ, и имъ по небрежности забыли ихъ выдать. Это доказываетъ, что люди имѣли полное право объявить претензію на инспекторскомъ смотру. Послѣ того, какъ генералъ опросилъ роту его величества, не имѣетъ ли она какихъ-нибудь претензій, онъ ей сказалъ, что носятся слухи, какъ будто бы нѣкоторые гренадеры осмѣлились дурно отзываться о своемъ полковникѣ во всеуслышанье, идя на работу; что онъ этому не вѣритъ и что поведеніе ихъ докажетъ, что онъ не долженъ придавать вѣры слухамъ, столь противнымъ чести роты его величества.

---

*) Принадлежитъ В. Д. Давыдову.

Тотъ, кто знаетъ солдата, тотчасъ бы замѣтилъ, что духъ полка несовсѣмъ хорошъ: солдаты едва отвѣчали и не имѣли вида веселаго, и полнаго усердія, который мы встрѣтили въ другихъ полкахъ. Неудовольствіе было извѣстно съ перваго дня командованія полковника Шварца; но такъ какъ онъ не сѣкъ болѣе другихъ и не удерживалъ ничего изъ слѣдуемаго солдатамъ, не только не было повода просить объ его удаленіи, но даже нужно было предполагать, что мало-по-малу полкъ освоится съ дисциплиной болѣе военной, чѣмъ та, къ которой онъ привыкъ. Къ тому же подробности инспекцій повѣрочныхъ и мелочныхъ касаются болѣе дивизіонныхъ командировъ, чѣмъ корпуснаго.

Послѣднія донесенія гевальдигера Иванова, у котораго много связей въ полку, были очень успокоительны; онъ говорилъ мнѣ еще за 8 дней до происшествія, что дрова и деньги на освѣщеніе полностью были отпущены ротамъ и что нѣсколько солдатъ сказали ему: „ежели мы и больше замучены, чѣмъ прежде, за то мы и лучше покажемся Государю на первомъ смотру".

Въ такомъ видѣ были дѣла, какъ 17-го, въ $9^1/_2$ часовъ утра, флигель-адъютантъ Бибиковъ, пріѣхавъ ко мнѣ и не заставъ, нашелъ меня у великаго князя Михаила. Онъ объявилъ намъ, что рота его величества послѣ 10 ч. вечера выбѣжала съ шумомъ въ корридоръ, что ни унтеръ-офицеры, ни фельдфебель не могли заставить людей взойти въ казармы и что по ихъ требованію принуждены были послать за капитаномъ Кошкаровымъ, которому они и объявили, что не могутъ болѣе служить съ Шварцомъ и требуютъ, чтобы это доведено было до свѣдѣнія начальства.

Я отправился съ великимъ княземъ къ генералу Васильчикову, чтобы передать ему это извѣстіе.

Онъ приказалъ мнѣ тотчасъ ѣхать произвести слѣдствіе. Великій князь поѣхалъ со мной, и я послалъ за аудиторомъ Волковымъ.

Мы начали опрашивать фельдфебеля, дежурныхъ унтеръ-офицеровъ, дневальныхъ и нѣкоторыхъ людей, извѣстныхъ великому князю, или такихъ, которыхъ, какъ мнѣ показалось, по ихъ наружности, слѣдовало допросить. Желаніе наше было найти одного или нѣсколькихъ виновныхъ и тѣмъ уменьшить виновность массы: ничто не помогло намъ открыть подстрекателей.

Тогда великій князь приказалъ собрать роту. Зная, какъ она была возбуждена, я предостерегъ его, чтобы онъ ничего такого не говорилъ солдатамъ, что̀ бы могло ихъ вызвать на возраженіе. Онъ сдѣлалъ имъ короткій выговоръ за ихъ поведеніе и оставилъ меня одного съ ними.

Едва успѣлъ я спросить, какъ они смѣли собраться ночью, какъ вся рота дружно отвѣчала мнѣ, что они не могутъ болѣе переносить обращенія съ ними полковника и что только на него и жалуются; что они очень довольны фельдфебелемъ и всѣми своими офицерами. Я ихъ спросилъ, въ чемъ заключаются ихъ жалобы. Отвѣтъ былъ: „тиранитъ насъ". Приказавъ тогда замолчать, я велѣлъ выйти впередъ тѣмъ, которые были наказаны. Послѣ долгаго колебанія и по моему третьему вызову, одинъ гренадеръ вышелъ. На вопросъ мой: сколько онъ получилъ ударовъ? онъ мнѣ отвѣчалъ: „3 плашмя тесакомъ". Я приказалъ всѣмъ отвѣчать мнѣ только „да" или „нѣтъ" на вопросы, которые началъ имъ дѣлать.

— Вы собрались вчера вечеромъ, не получивъ на это приказанія?

„Да."

— Вы вошли обратно въ казармы по требованію фельдфебеля?

„Нѣтъ."

— Виновны ли вы въ ослушаніи?

Глубокое молчаніе.

— И такъ, вы сознаете себя виновными; но невозможно, чтобы рота, которая имѣетъ честь называться именемъ государя, могла бы участвовать вся въ подобномъ поступкѣ противъ дисциплины. Должно быть, между вами находится одинъ или нѣсколько зачинщиковъ такого поступка,—масса была увлечена. Что̀ можетъ уменьшить вину вашу и дать государю средство поступить съ вами снисходительно, это выдача вами виновныхъ. Даю вамъ объ этомъ подумать до 6 часовъ вечера.

Когда я возвратился въ комнату фельдфебеля, гдѣ находился великій князь, опрашивавшій нѣкоторыхъ унтеръ-офицеровъ, полковникъ Вадковскій пришелъ намъ сказать, что остальныя 3 роты 1-го батальона сильно взволнованы и что можно опасаться, что они поступятъ по примѣру роты государя.

Великій князь и я мы возвратились къ генералу Васильчикову. Всѣ трое мы были того мнѣнія, что нужно показать большую строгость. Генералъ рѣшилъ, что такъ какъ не было гауптвахты достаточно просторной, чтобы помѣстить цѣлую роту, и что сношеніе между караульными домами и другими полками можетъ быть опасно, нужно ее послать въ крѣпость и тотчасъ же учредить военно-судную коммиссію. Я отправился къ генералу Милорадовичу, чтобы передать ему извѣстіе объ этомъ происшествіи и получить его приказаніе для арестованія въ крѣпости. Онъ послалъ за комендантомъ Сукинымъ и далъ ему при мнѣ на сей случай предписаніе.

Вечеромъ генералъ приказалъ мнѣ послать за ротой. Двѣ роты Павловскаго полка находились въ дворцовомъ манежѣ въ то время, когда въ присутствіи генерала вступила въ оный рота Семеновскаго полка. Онъ повторилъ имъ вкратцѣ сказанное прежде насчетъ совершеннаго ими неслыханнаго поступка противъ дисциплины и приказалъ генералу Бистрому вести роту въ крѣпость.

Въ этотъ же вечеръ генералъ потребовалъ къ себѣ полковника Шварца, чтобы переговорить съ нимъ объ этомъ дѣлѣ и тѣхъ мѣрахъ, которыя надобно принять для предосторожности. Великій князь говорилъ со всѣми фельдфебелями, а я велѣлъ полковнику Вадковскому не отлучаться изъ казармъ и приказать, чтобы всѣ ротные командиры находились при своихъ ротахъ.

Въ полночь адъютантъ Бибиковъ пріѣхалъ, чтобъ мнѣ объявить, что остальныя три роты 1-го батальона начали выходить. 10 минутъ спустя, полковникъ Вадковскій пріѣхалъ съ извѣстіемъ, что и прочія роты полка также собираются и выходятъ въ безпорядкѣ на плацъ, находящійся предъ госпиталемъ; что солдаты объявили, что они въ караулъ не пойдутъ и не уйдутъ съ плаца, прежде чѣмъ имъ не возвратятъ роту государя.

Я поспѣшилъ къ генералу Васильчикову, чтобъ его разбудить. Великій князь вслѣдъ за мной къ нему пріѣхалъ. Генералъ просилъ его высочество не принимать участія въ этомъ происшествіи, ибо непослушаніе, высказанное предъ лицомъ брата государя, еще болѣе увеличитъ его значеніе.

Генералъ и я мы отправились къ графу Милорадовичу. Корпусной командиръ, не считая возможнымъ выйти къ бунтующему войску иначе, какъ для наказанія его, и желая употребить власть свою, какъ послѣднее средство, принялъ предложеніе военнаго губернатора, который вызвался

поѣхать на мѣсто сборища, точно также, какъ онъ выѣзжаетъ на пожаръ.

—Между тѣмъ всѣ полковые командиры были собраны въ штабъ гвардейскаго корпуса.

Такъ какъ полковникъ Шварцъ не прибылъ къ своему посту, то генералъ Бистромъ былъ назначенъ командиромъ Семеновскаго полка и тотчасъ же получилъ приказаніе приготовить полкъ къ инспекторскому смотру, который корпусный командиръ долженъ былъ произвести въ 8 часовъ утра.

Казалось, что мѣра эта была самая приличная для того, чтобы привести полкъ въ порядокъ и для того, чтобы выиграть время.

Въ это же время военному губернатору ничего не удалось сдѣлать, и солдаты объявили, что они только тогда уйдутъ, когда снова увидятъ свою голову (такъ называли они роту государя). Онъ послалъ Горголи въ штабъ, чтобы убѣдить генерала отпустить роту. Тотъ не нашелъ возможнымъ согласиться на это.

Побуждаемый увѣренностью, пріобрѣтенною восьмилѣтнимъ командованіемъ полка, генералъ Потемкинъ явился на госпитальный плацъ, но ничего не могъ сдѣлать.

Генералъ Бистромъ явился съ приказаніемъ принять начальство надъ полкомъ, чтобъ приготовить его къ инспекторскому смотру. 2-ой и 3-ій батальоны начали было строиться, но, сбитые гренадерами 1-го батальона, они слились опять въ общемъ замѣшательствѣ. Собравшимся офицерамъ они отвѣчали на ихъ увѣщанія, что ни батальоновъ, ни ротъ больше не существуетъ, что полкъ весь въ кучѣ и начнетъ строиться только тогда, когда ему отдадутъ 1-ю роту. Только и слышны были крики противъ полковника Шварца. Между тѣмъ егерскій полкъ, конная гвардія и Павловскій полкъ готовы были выступить по первому сигналу. Я былъ посланъ въ полкъ, чтобы объявить ему о прибытіи корпуснаго командира; я сдѣлалъ все, что̀ могъ, чтобы убѣдить ихъ начать строиться поротно, говоря имъ, что генералъ не можетъ же говорить съ полкомъ возмущеннымъ и что для того, чтобы выслушать ихъ жалобы, надобно опросить одну роту послѣ другой. Тѣ же крики противъ Шварца и „отдайте намъ роту!“ подымались вслѣдъ за молчаніемъ. Я предупредилъ ихъ, что до высочайшаго повелѣнія генералъ не можетъ ничего рѣшить и что весь полкъ будетъ арестованъ.

Нужно сказать въ похвалу духа солдатъ, что даже въ суматохѣ ни одинъ не забылся предъ самымъ послѣднимъ офицеромъ: они пропускали ихъ почтительно и прекращали шумъ всякій разъ, какъ имъ приказывали молчать.

Только что я донесъ обо всемъ генералу Васильчикову, онъ отправился со мною въ полкъ. Въ то время, какъ его окружало большинство солдатъ, жаждущихъ его выслушать, егерскій полкъ вступилъ въ казармы всѣхъ ротъ и началъ забирать оружіе, ставя часовыхъ ко всѣмъ дверямъ. Конная гвардія и Павловскій полкъ начали собираться, чтобъ двинуться противъ Семеновскаго полка. Генералъ Васильчиковъ объявилъ положительно, что никогда онъ роты не отдастъ, а такъ какъ эти мятежные крики заслуживаютъ того же наказанія, то они могутъ всѣ присоединиться къ ней въ крѣпости. Такая рѣшительность прекратила разомъ весь шумъ и всѣ требованія. Всѣ толпой, офицеры впереди, двинулись по направленію къ крѣпости; хотя ряды и не соблюдались и полкъ не постро-

ился, но онъ прошелъ по городу спокойно, безъ нарушенія порядка. Я поспѣшилъ предупредить генерала Сукина, которому военный губернаторъ послалъ приказаніе чрезъ г. Горголи. Вскорѣ послѣ того генералъ Миларадовичъ и Закревскій прибыли въ крѣпость, чтобъ встрѣтить тамъ полкъ.

Тутъ батальоны и роты построились и вступили въ порядкѣ въ казематы. Конной гвардіи и Павловскому полку приказано было идти обратно въ свои казармы, такъ что ни одинъ изъ солдатъ Семеновскаго полка ихъ не видѣлъ. Караулъ въ крѣпости былъ усиленъ одною ротою лейбъ-гренадерскаго полка, и одинъ батальонъ Павловскаго полка былъ туда поставленъ въ сумерки на всю ночь. Послѣ разныхъ мѣръ, предположенныхъ, опровергнутыхъ и отвергнутыхъ, остановились на одной, которую и привели въ исполненіе.

Мы съѣхались на другой день въ 8 часовъ утра въ крѣпость. Финляндскому полку приказано быть на готовѣ, кавалергардскому также, а казаки расположились близъ манежа Михайловскаго дворца. Графъ Милорадовичъ и генералъ Закревскій говорили съ солдатами въ казематахъ, предупреждая, какъ съ ними будетъ поступлено до того времени, пока государь не рѣшитъ ихъ участи. Слушали ихъ спокойно и почтительно. Одинъ только заговорилъ. Тогда генералъ Закревскій схватилъ его, и онъ былъ посаженъ отдѣльно отъ прочихъ. 3-ій батальонъ вышелъ на оружейный плацъ. Генералъ Бистромъ построилъ его, ротные командиры и субалтернъ-офицеры стали на свои мѣста, и полковникъ Вадковскій принялъ надъ нимъ начальство. Тогда показался генералъ Васильчиковъ. Прочитавъ приказъ о назначеніи генерала Бистрома командующимъ полкомъ, генералъ приказалъ имъ двинуться и стараться хорошимъ поведеніемъ загладить свою вину, ибо это только одно могло облегчить наказаніе, которое они заслужили. Батальонъ двинулся, и кавалергардскому и Павловскому полкамъ приказано было: первому—идти въ казармы, а второму, который еще и не выходилъ, раздѣваться. Козачьему эскадрону приказано слѣдовать въ разстояніи 5 или 6 верстъ за батальономъ по Кексгольмской дорогѣ, забирать отсталыхъ и какъ можно скорѣй присылать намъ донесенія.

2-й батальонъ былъ посаженъ на суда въ полномъ порядкѣ, и онъ первый покорился съ полнымъ повиновеніемъ.

Вотъ, князь, изложеніе этого несчастнаго дѣла. Всѣ кричатъ, всѣ болтаютъ; но пусть судитъ государь.

Хотя, къ несчастію, это происшествіе застанетъ государя въ то время, когда онъ занятъ рѣшеніемъ судьбы всего свѣта, однако, мы должны радоваться, что и это происшествіе доказало, что никакая посторонняя причина не волнуетъ духа въ войскѣ, и какъ только наступаетъ опасность—всѣ, даже самые молодые люди, сплачиваются около власти.

(*Продолженіе будетъ*).

КАНЦЛЕРЪ КНЯЗЬ БЕЗБОРОДКО.

ОПЫТЪ ОБРАБОТКИ МАТЕРІАЛОВЪ ДЛЯ ЕГО БІОГРАФІИ *).

XII.

ОТНОШЕНІЯ КЪ ПИСАТЕЛЯМЪ И КЪ ПРОСВѢЩЕНІЮ.

Въ началѣ этого труда уже было сказано о работахъ Безбородки по отечественной исторіи. Онъ составилъ послѣднюю половину (съ 1734 по 1776 годъ) „Краткой Лѣтописи Малыя Россіи", изданной въ 1777 году В. Г. Рубаномъ. Кромѣ того, онъ составилъ два первыя приложенія къ этой книгѣ, а именно: „изъявленіе образа правленія Малыя Россіи" и „списокъ бывшимъ въ Малой Россіи гетманамъ, генеральнымъ старшинамъ и полковникамъ со времени благоприсоединенія той земли къ имперіи Всероссійской, т. е. съ 1654 года". Кромѣ того, Безбородко занимался составленіемъ хронологической таблицы замѣчательнѣйшихъ событій царствованія императрицы Екатерины II и намѣревался, вмѣстѣ съ Рубаномъ, издать полную Малороссійскую исторію, для которой оба они собирали матеріалы. При изданіи послѣдней Безбородко предполагалъ исправить „противу подлинности ошибки" и восполнить недоговоры, допущенные Рубаномъ, по поспѣшности, при изданіи Краткой Лѣтописи Малыя Россіи.

Служебныя занятія, получившія значеніе государственныхъ, отвлекли Безбородку отъ литературной дѣятельности, которой онъ посвящалъ „свободное отъ другихъ дѣлъ время", и судьба какъ хронологической таблицы, которую Безбородко составлялъ, такъ и полной Малороссійской исторіи, къ которой онъ приготовлялся, остается неизвѣстною ни наукѣ, ни библіографіи. Тѣмъ цѣннѣе для опредѣленія литературнаго таланта Безбородки становится сохранившаяся „Краткая Лѣтопись Малыя Россіи", и я считаю не лишнимъ удѣлить ей здѣсь нѣсколько новыхъ замѣчаній.

Книга или, точнѣе, книжка напечатана въ СПБ., въ 12-ю долю листа и посвящена графу Петру Александровичу Румянцову-Задунайскому. Безбородко начинаетъ въ ней 1734-й годъ разсказомъ о болѣзни и смерти гетмана Даніила Павловича Апостола и оканчиваетъ 1776 годъ извѣстіемъ о Кайнарджискомъ мирѣ съ Турціею, который былъ заключенъ президентомъ Малороссійской Коллегіи и Малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ, Румянцовымъ. „Впрочемъ (говоритъ Безбородко) повѣствованіе о его (Румянцова) славныхъ въ теченіи сей войны дѣлахъ и обстоятельствахъ совершеннаго имъ мира принадлежитъ къ общей Россійской исторіи, коея

---

*) См. выше, стр. 29.

писателямъ то и предоставляется; а сей краткой Малороссійской лѣтописи здѣсь и симъ да будетъ конецъ".

Чтобъ дать понятіе о Безбородкѣ, какъ историкѣ, необходимо представить здѣсь хотя небольшой, но цѣльный отрывокъ изъ составленной имъ „Краткой Лѣтописи". Избираемъ моментъ, самъ по себѣ интересный для любителей отечественной исторіи, именно учрежденіе Малороссійской Коллегіи и первыя распоряженія графа Румянцова.

По увольненіи отъ гетманства графа К. Г. Разумовскаго, Ея Императорское Величество, для надлежащаго въ Малой Россіи управленія, повелѣла учредить коллегію, опредѣля въ оной президентомъ, а въ Малороссіи генералъ-губернаторомъ гр. П. А. Румянцова съ четырьмя Великороссійскими и четырьмя Малороссійскими членами. Въ число первыхъ помѣщены: генералъ-поручикъ Яковъ Иларіоновичъ фонъ-Брантъ, бригадиръ князь Платонъ Степановичъ Мещерскій, полковникъ Осипъ Ивановичъ Хвостовъ, кол. сов. Дмитрій Кириловичъ Натальинъ; а Малороссійскіе генеральные: обозный Семенъ Васильевичъ Кочубей, писарь Василій Григорьевичъ Туманскій, эсаулъ Иванъ Тимоѳеевичъ Жоравка и хорунжій Данила Петровичъ Апостолъ. Ея Императорское Величество при томъ соизволила обвѣстить народу Малороссійскому о своемъ монаршемъ о благѣ его попеченіи, и что генералъ-губернаторъ, ею поставляемый, будетъ у престола ея о пользѣ тамошняго края предстателемъ. Выборъ монаршій въ особѣ графа П. А. Румянцова былъ къ крайнему обрадованію всего Малороссійскаго народа. Многіе соблюдали въ памяти добродѣтели отца его, и всѣ знали превосходныя самого его дарованія, и потому съ сею новою перемѣною надѣялися новаго и совершеннаго для себя блага. Съ благополучнымъ его прибытіемъ увидѣли надежду сію нетщетною. По обнародованіи о семъ образѣ правленія, сей новый начальникъ первое имѣлъ стараніе вникнуть въ состояніе ввѣреннаго ему края собраніемъ всѣхъ свѣдѣній изъ правъ, установленій и обрядовъ Малороссійскихъ, допускомъ къ себѣ всякаго съ прошеніями и объясненіями и собственнымъ испытаніемъ, посѣщая съ точнымъ примѣчаніемъ землю. Въ семъ же самомъ еще году успѣлъ онъ объѣхать границу съ Поляками, Татарами и Турками, осмотрѣть войска, крѣпости и посты и видѣть многія мѣста Малороссійскія. Онъ положилъ начало самой обстоятельной и достовѣрной переписи, не токмо съ показаніемъ числа людей, но и съ столь подробнымъ описаніемъ земель и угодій, чтобы оное, при случаѣ межеванія и при частныхъ разборахъ, служить могло къ лучшему объясненію. Всѣмъ правленіямъ, коллегіи подчиненнымъ, далъ образъ благопристойный и средства къ порядочнѣйшему дѣлъ теченію. Ради защищенія безгласныхъ бѣдныхъ и для сохраненія короннаго права учредилъ присяжныхъ адвокатовъ при коллегіи и при генеральномъ судѣ. Гражданство, дознавшее нерѣдко упослѣжденіе [1]) и самыя притѣсненія, возставилъ въ приличное оному почтеніе, такъ что и самые чиновные и шляхетство, въ городахъ жительствующіе, въ честь себѣ вмѣнять начали избраніе и опредѣленіе ихъ къ мѣстамъ градоначальниковъ. Ободрилъ попеченіе о размноженіи торговъ, промысловъ и ремеслъ, сдѣлалъ учрежденіе на поправленіе полиціи. Хотя обиды отъ начальниковъ подчиненнымъ и всякія корыстолюбивыя покушенія и такъ уже, а особливо въ послѣднія вре-

---

[1]) Проволочка. Это же неловкое слово употребляетъ Державинъ въ своихъ Запискахъ, а у князя Я. П. Шаховскаго оно попадается часто. *П. Б.*

мена, весьма рѣдки стали; но по увѣщаніямъ его и при точномъ наблюденіи, да и при толь ясномъ примѣрѣ безпристрастія и безкорыстія въ особѣ самаго верховнаго начальника, можно сказать вовсе исчезли. Закоснѣвшимъ, наипаче при послѣднемъ правленіи, въ однихъ чинахъ, по заслугамъ и достоинству, воздалъ полную справедливость. Удовлетвореніемъ любочестія тамошнихъ возбудилъ во всѣхъ толикое ревнованіе къ службѣ, что не токмо въ оную у себя (т. е. у него) вступать искали, но и великое множество юныхъ людей обратилися въ полки регулярные, въ коихъ число ихъ отъ часу болѣе увеличивается".

Въ предыдущихъ главахъ этого труда Безбородко уже являлся какъ писатель-дипломатъ. Въ письмахъ, запискахъ, и другихъ документахъ мы его видимъ человѣкомъ, который мыслитъ основательно и проницательно и излагаетъ мысли ясно, точно, а иногда и съ увлекательною живостью. Таковъ-же онъ и въ „Краткой Лѣтописи Малыя Россіи", какъ историкъ. Слова Рубана, который въ предисловіи къ „Лѣтописи" называетъ Безбородку „мужемъ, въ знаніи отечественной исторіи извѣданнымъ и способностію къ дѣеписанію одареннымъ достаточно", оказываются не преувеличенными. Можно думать, что еслибы Безбородко вступилъ на литературное поприще, изъ него вышелъ-бы замѣчательный писатель своего времени. Но и оставшись писателемъ-дипломатомъ, государственнымъ человѣкомъ, Безбородко, примыкаетъ къ литераторамъ и ученымъ своего времени. Оттого-то ему естественно было оказывать писателямъ той эпохи и вообще просвѣщенію болѣе чѣмъ обыкновенное вниманіе. По крайней мѣрѣ, имѣется рядъ указаній на то, что Безбородко благоволилъ и покровительствовалъ Русскимъ писателямъ и содѣйствовалъ общему ходу просвѣщенія въ Россіи.

Въ этомъ отношеніи на первомъ планѣ стоитъ дружба Безбородки съ Николаемъ Александровичемъ Львовымъ [2]). Львовъ, не пріобрѣтшій особенной извѣстности въ свое время, былъ однако однимъ изъ замѣчательныхъ писателей. Поэтъ и прозаикъ, переводчикъ Анакреона, проницательный критикъ произведеній литературы и знатокъ изящныхъ искусствъ, онъ, по выраженію академика Я. К. Грота, „былъ настоящимъ Русскимъ Шапеллемъ" [3]).

По службѣ въ Иностранной Коллегіи, Львовъ сблизился съ П. В. Бакунинымъ, у котораго и жилъ. Чрезъ Бакунина съ нимъ познакомился и Безбородко. Любовь къ литературѣ сдружила ихъ, такъ

---

[2]) Львовъ родился въ 1754 г., первоначальное образованіе получилъ дома и въ школѣ Измайловскаго полка, послѣ довершилъ его собственными занятіями и путешествіемъ и сдѣлался живописцемъ, поэтомъ и архитекторомъ. За свои услуги на этихъ поприщахъ удостоился избранія въ члены Академіи Наукъ и въ почетные члены Академіи Художествъ. Между другими сочиненіями онъ написалъ, въ подражаніе Шапеллю, „Ботаническое путешествіе на Дудерову гору" (подъ Петербургомъ) напечатанное въ Февралѣ Сѣвернаго Вѣстника, за 1805 г., уже послѣ смерти автора († 1803).

[3]) Французскій поэтъ XVII вѣка, положившій начало легкой любовной Французской поэзіи новаго времени въ изданной имъ, совмѣстно съ Башомономъ, поэмѣ: „Relation d'un voyage fait en France". Сочиненія и письма Хемницера, изд. Я. К. Грота. СПБ., 1873 г. стр. 12 и 13.

что Львовъ отъ Бакунина переселился къ Безбородкѣ и сдѣлался пріятнымъ для него компаньономъ, его совѣтникомъ въ дѣлахъ мысли и вкуса и украшеніемъ его гостиной. При этомъ Львовъ, совершивъ путешествіе по Европѣ и по Россіи (въ Крымъ, въ свитѣ Екатерины), находился въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ образоваными людьми того времени, живо соприкасался со взглядами и понятіями этихъ людей, лучшія изъ нихъ вносилъ въ оборотъ своей литературно-критической дѣятельности и такимъ образомъ имѣлъ благотворное вліяніе на эстетическую сторону тогдашнихъ произведеній нашей литературы. Подъ вліяніемъ сходства въ воззрѣніяхъ и глубокаго взаимнаго уваженія, близость между Безбородкою и Львовымъ перешла въ искреннюю и тѣсную дружбу. На такую именно дружбу указываютъ письма знаменитаго дипломата къ Львову, обязательно доставленныя мнѣ академикомъ Я. К. Гротомъ. Эти письма будутъ приведены въ своемъ мѣстѣ, а здѣсь достаточно ограничиться заключеніемъ, что, пользуясь своими дружественными отношеніями съ Безбородкою, Львовъ усердно открывалъ доступъ къ покровительству Безбородки и своимъ друзьямъ-писателямъ того времени: Г. Р. Державину, И. И. Хемницеру, а можетъ быть и В. В. Капнисту.

Львовъ былъ близокъ съ Державинымъ не только какъ литераторъ, но и какъ родственникъ: Державинъ и Львовъ были женаты на родныхъ сестрахъ Дьяковыхъ. Общій характеръ покровительства, какимъ Державинъ пользовался со стороны Безбородки, онъ самъ опредѣляетъ въ своихъ письмахъ къ Львову и Капнисту. „Александръ Андреевичъ", говоритъ Державинъ въ одномъ письмѣ къ Львову: „мой ангелъ-благотворитель, а ты—его помощникъ во всѣхъ случаяхъ, счастіе мое устраивающихъ и несчастія мои избавляющихъ". Капниста Державинъ проситъ передать Безбородкѣ благодарственное письмо „за его покровительство", поблагодарить его словесно и сказать, „что я больше чувствую, нежели изъясняю".

Знакомство Державина съ Безбородкою началось около того времени, когда Безбородко поступилъ ко двору. Въ письмѣ къ послѣднему, отъ 9 Марта 1786 г., поэтъ выражается, „что онъ болѣе 10-ти лѣтъ непрестанно осыпаемъ его благодѣяніями". Державинъ просилъ Безбородку исходатайствовать ему награду за участіе въ усмиреніи Пугачевскаго бунта.

Въ знаменитомъ изданіи академика Я. К. Грота „Сочиненія Державина", напечатано 9 писемъ поэта къ Безбородкѣ. Во всѣхъ нихъ Державинъ высказываетъ просьбы о разныхъ своихъ дѣлахъ. Считая Безбородку своимъ „единственнымъ, милостивѣйшимъ, особливымъ благодѣтелемъ и покровителемъ", подъ защиту котораго онъ „привыкъ прибѣгать для изведенія изъ темницы души своей", Державинъ проситъ „даровать ему новую жизнь" ходатайствомъ за него предъ Императрицей, чтó „поселитъ благодарность въ его сердцѣ, которое живо чувствуетъ благодѣяніе его". Просьбы Державина къ Безбородкѣ были весьма часты, такъ что, по собственнымъ его словамъ, онъ, „едва только проходило нѣсколько часовъ по полу-

ченіи монаршей милости, вновь просилъ Безбородку о какомъ либо новомъ дѣлѣ". Эти просьбы Безбородко исполнялъ охотно и успѣшно. Такъ онъ выпросилъ Державину, для поправленія его домашнихъ обстоятельствъ, 4000 рублей; конечно, по содѣйствію-же Безбородки, Екатерина приказала отпечатать, на счетъ Кабинета, представленныя ей сочиненія Державина. Во время распри Державина съ Тутолминымъ Безбородко держалъ сторону перваго и выразился передъ Львовымъ объ этой распрѣ такъ: „Кто ихъ теперь судить станетъ? А если до меня дойдетъ, то я тебѣ (Львову) скажу, и потомъ увидимъ, что̀ дѣлать надобно". Извѣщая Державина о слѣдствіяхъ доноса на него Сатина [4]), Львовъ писалъ, „что сего ложнаго доносу безъ взысканія, а тебя безъ удовлетворенія, конечно, не оставятъ. Графъ Александръ Андреевичъ сегодня тоже мнѣ сказалъ, говоря еще къ тому, что дѣло сіе сдѣлало тебѣ больше добра, нежели зла, вслѣдствіе донесенія Ивана Васильевича [5]) Государынѣ". Въ 1795 году, когда враги Державина очернили его за оду „Властителямъ и Судіямъ" [6]), внушивъ Императрицѣ, что псаломъ 81-й, переложенный въ одѣ, былъ пѣтъ Французскими Якобинцами, какъ гимнъ революціи, и когда Державину угрожала опасность подвергнуться гнѣву Екатерины, онъ обратился съ оправданіемъ (съ анекдотомъ о Даріѣ и его оклеветанномъ врачѣ) къ тремъ приближеннымъ Императрицы, и въ числѣ ихъ къ Безбородкѣ, и не потерялъ императрицыной благосклонности. Вообще покровительство Безбородки Державину было всѣмъ извѣстно, даже Государынѣ, такъ что когда Державину поручено было разсмотрѣть дѣло бывшаго Сибирскаго генералъ-губернатора Якобія, обвиняемаго въ намѣреніи возстановить Китай противъ Россіи, и Державинъ оправдывалъ Якобія, то Екатерина, по чьимъ-то навѣтамъ, подозрѣвала Державина въ пристрастіи къ Якобію подъ вліяніемъ Безбородки, Воронцова и Трощинскаго, будто бы получившихъ отъ подсудимаго дорогіе мѣха въ подарокъ.

Что̀ касается Державина, то онъ при всѣхъ случаяхъ высказываетъ своему покровителю чувство искренней благодарности [7]), хотя и считалъ его человѣкомъ не искреннимъ [8]). Выше представлены выраженія этого чувства, извлеченныя изъ собственныхъ писемъ Державина. Кромѣ того, обращеніе въ „Приглашеніи на обѣдъ" (1795 г.) къ „благодѣтелю давнему", по собственнымъ объясненіямъ

---

[4]) Сатинъ, Михаилъ Ларіоновичъ, капитанъ, помѣщикъ, жившій въ селѣ Коноплянкѣ, Кирсановскаго уѣзда, донесъ на Державина, будто тотъ хотѣлъ перевести въ другія руки доставшееся ему, Сатину, наслѣдство.

[5]) Гудовича, который, по дѣлу о доносѣ со стороны Сатина, производилъ слѣдствіе.

[6]) Ода была написана еще въ 1780 г., а теперь была помѣщена въ рукопись стихотвореній, поднесенныхъ Императрицѣ.

[7]) Сочиненія Державина съ объяснит. примѣч. академика Я. К. Грота, т. V, стр. 367, 368, 370, 410, 429, 433, 434, 847, 869 и 872; т. VII,—687 и 692.

[8]) Тамъ же, т. VI, стр. 634, 635 и 653.

поэта, направлено, между прочимъ, и къ Безбородкѣ [9]). Извѣстно, что Державинъ въ нѣкоторыхъ своихъ стихотвореніяхъ изображаетъ слабости и недостатки вельможъ Екатерининскаго вѣка, „вѣка изысканной роскоши и прихоти". Нѣкоторые отрывки изъ такихъ стихотвореній, относящіеся къ Безбородкѣ, будутъ приведены нами въ своихъ мѣстахъ, согласно связи событій; здѣсь же мы представимъ лишь тѣ отзывы подобнаго рода, въ коихъ болѣе или менѣе обозначается взглядъ поэта на своего покровителя. Такъ въ одѣ „На счастіе" (1789 г.) Державинъ даетъ чувствовать, что своимъ возвышеніемъ и вліяніемъ на дѣла Безбородко обязанъ не только способностямъ, но и счастію:

Услышь, услышь меня, о Счастье!
И солнце какъ сквозь бурь, ненастье,
Такъ на меня и ты взгляни;
Прошу, молю тебя умильно,
Мою ты участь премѣни:
Вѣдь всемогуще ты и сильно
Творить добро изъ самыхъ золъ;
Отъ божеской твоей десницы
Гудокъ гудитъ на тонъ скрипицы,
И вьется локономъ хохолъ [10]).

Въ одѣ „Вельможа" (1794 г.) Державинъ описываетъ сибаритство Екатерининскихъ сановниковъ, ихъ недоступность и невнимательность даже къ своимъ бывшимъ начальникамъ:

А ты, второй Сарданапалъ! и пр.

Самъ поэтъ говоритъ, что эти стихи относятся къ Безбородкѣ и Потемкину, у которыхъ „многіе заслуженные генералы сиживали по нѣскольку часовъ", ожидая, пока они проснутся и выйдутъ къ просителямъ.

У Безбородки была превосходной работы мраморная статуя Эрота, окруженная мѣдными стрѣлами вмѣсто рѣшетки. Вдохновленный видомъ этой статуи, Державинъ написалъ „Крезова Эрота" (1796):

Я у Креза зрѣлъ Эрота:
Онъ расплакавшись сидѣлъ
Среди мраморнаго грота,
Окруженный лѣсомъ стрѣлъ.
Пустъ колчанъ былъ, лукъ изломанъ,
Опущенна тетива,
Факелъ хладомъ околдованъ,
Чуть струилась синева.
Что, сказалъ я, такъ слезами
Льется сей крылатый богъ?
Иль толикими стрѣлами
Въ сердце чье попасть не могъ?
Иль его безсиленъ пламень?
Тщетенъ токъ опасныхъ слезъ?
Ахъ! Нашла коса на камень:
Знать, любить не можетъ Крезъ.

---

[9]) Тамъ же, т. 1., стр. 665—666.

[10]) По объясненію самаго Державина, приводимому издателемъ его „Сочиненій", академикомъ Я. К. Гротомъ, „подъ гудкомъ разумѣется здѣсь Гудовичъ, Тамбовскій генералъ-губернаторъ, бывшій начальникомъ Державина, человѣка ума посредственнаго, но вознесенный счастіемъ"; а подъ хохломъ—графъ Безбородко и вообще Малороссіяне, „знатныя роли счастливо игравшіе". Соч. Держ., т. I, стр. 254 и 255.

Очевидно, въ этомъ стихотвореніи поэтъ подшучиваетъ надъ истощенностью Безбородки и надъ неспособностью старѣющаго холостяка къ восторгамъ любви.

Третьимъ писателемъ, который пользовался покровительствомъ Безбородки, былъ И. И. Хемницеръ, нашъ первый, въ Европейскомъ смыслѣ, даровитый баснописецъ, предшественникъ геніальнаго Крылова [11]). И онъ попалъ подъ покровительство Безбородки чрезъ Львова; а съ Львовымъ Хемницера сблизило сходство занятій. Львовъ, при содѣйствіи княгини Дашковой, доставилъ Хемницеру мѣсто генеральнаго консула въ Смирнѣ, такъ какъ ему „очень легко было заинтересовать" въ пользу Хемницера графа Безбородку. И въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Львову Хемницеръ обращается къ нему съ слѣдующими словами: „Вотъ къ Петру Васильевичу (Бакунину), да и къ Александру Андреевичу пишучи, можетъ быть, и вздумаю пошутить, или лучше сказать, буду писать, какъ думаю. Петръ Васильевичъ тебя и меня знаетъ коротко, а Александръ Андреевичъ тебя одного знаетъ коротко; а чтó тебя коротко знаетъ, мнѣ и легче". Кромѣ того, въ своихъ письмахъ къ Львову Хемницеръ нерѣдко выражалъ радость по тому поводу, что Безбородко и Бакунинъ „благосклонно" принимаютъ его донесенія и письма, и не рѣдко просилъ Львова, въ трудныхъ служебныхъ обстоятельствахъ, обращаться за совѣтомъ къ Безбородкѣ и Бакунину. Разъ даже генеральный консулъ-баснописецъ прислалъ Безбородкѣ въ подарокъ „боченокъ Смирнскаго мушкату". Но не долго пользовался покровительствомъ Безбородки И. И. Хемницеръ, этотъ „добровольный изгнанникъ": онъ скончался въ Мартѣ 1784 года, сорока лѣтъ отъ роду [12]).

Въ 1782 г., находясь въ Петербургѣ, поступилъ на службу подъ начальство самаго Безбородки, можетъ-быть, при посредствѣ-же Львова, и В. В. Капнистъ [13]), авторъ знаменитой въ свое время комедіи „Ябеда". Онъ именно былъ опредѣленъ на должность контролера по почтовому вѣдомству [14]).

Есть свидѣтельство, что Безбородко привлекалъ къ себѣ и Я. Б. Княжнина [15]), но Княжнинъ отказался „отъ всѣхъ лестныхъ предложеній Безбородки" и не измѣнилъ своему другу и благодѣтелю Бецкому [16]).

---

[11]) Иванъ Ивановичъ Хемницеръ былъ сынъ Петербургскаго врача, выѣхавшаго изъ Саксоніи. Служилъ сначала въ военномъ, потомъ въ горномъ и наконецъ въ иностранномъ вѣдомствѣ. Какъ баснописецъ, сдѣлался извѣстнымъ уже послѣ своей смерти.

[12]) Сочиненія и письма Хемницера, по подлиннымъ его рукописямъ, съ біограф. статьею и примѣч. академика Я. К. Грота. СПБ. 1873 г.

[13]) Капнистъ, Василій Васильевичъ, сынъ Грека, перешедшаго въ Русскую военную службу во время Прутскаго похода, род. 1756 г., умеръ 1823 г.

[14]) Сочиненія и письма Хемницера, изд. Я. К. Грота, СПБ., 1873 г. стр. 17.

[15]) Княжнинъ, Яковъ Борисовичъ, род. 1742 г., служилъ сначала по иностранному, потомъ по военному вѣдомству и, наконецъ, былъ преподавателемъ Русской словесности въ Сухопутномъ Кадетскомъ Корпусѣ. Умеръ въ 1791 г.

[16]) Записки С. Н. Глинки, въ Русскомъ Вѣстникѣ за 1866 г., т. 61, стр. 256.

Нашелся документъ, который даетъ основаніе предполагать, что Безбородко ходатайствовалъ у Екатерины и за автора „Недоросля". Мы разумѣетъ написанный рукою Безбородки рескриптъ, данный на имя Безбородки-же и касающійся Д. И. Фонъ-Визина [17]) по назначенію ему пенсіи.

Но особенно интересны отношенія Безбородки къ Радищеву и къ Мартинистамъ.

Когда во Франціи открылась революція, Екатерина начала самымъ пристальнымъ образомъ всматриваться въ событія Франціи и въ отношенія къ этимъ событіямъ своихъ подданныхъ. Между прочимъ, получивъ отъ нашего министра въ Парижѣ Симолина [18]) депешу отъ $^{16}/_{27}$ Іюля 1790 года, она отправила ее къ Безбородкѣ съ такою собственноручною запискою: „читая вчерашнія реляціи Симолина, изъ Парижа полученныя чрезъ Вѣну, о Россійскихъ подданныхъ, за нужно нахожу сказать, чтобъ оныя непремѣнно читаны были въ Совѣтѣ сегодня (26-го Августа 1790 г.), и чтобъ генералу Брюсу [19]) поручено было сказать графу Строгонову, что учитель его сына, Ромъ, сего человѣка молодаго, ему порученнаго, водитъ въ клубъ Жакобеновъ и пропаганды, учрежденный для взбунтованія вездѣ народовъ противу власти и властей; и чтобъ онъ, Строгоновъ, сына своего изъ таковыхъ зловредныхъ рукъ высвободилъ: ибо онъ, графъ Брюсъ, того Рома въ Петербургъ не впуститъ. Положите сей листъ къ реляціи Симолина, дабы вѣдали въ Совѣтѣ мое мнѣніе".

Слѣдствіемъ этого обстоятельства было то, что молодыхъ людей изъ Академіи художествъ стали посылать для усовершенствованія не въ Парижъ, а въ „Италію или другія мѣста" [20]), какъ постановилъ Совѣтъ.

Тревога, произведенная въ Государынѣ извѣстіями изъ за-границы, по всей вѣроятности, имѣла сильное вліяніе на крутой исходъ возникшаго въ это время дѣла о Радищевѣ.

Въ письмѣ Безбородки къ правителю канцеляріи князя Потемкина, Попову, сохранился взглядъ на Радищева и его книгу, принад-

---

[17]) Приводимъ здѣсь этотъ рескриптъ вполнѣ: „Нашему генералъ-маіору Безбородку. Находившемуся членомъ въ главномъ почтовыхъ дѣлъ правленіи, статскому совѣтнику Денису Фонъ-Визину, уволенному, по его прошенію, отъ всѣхъ дѣлъ, повелѣваемъ производить по смерть изъ почтовыхъ доходовъ половинное его жалованье съ прибавочнымъ окладомъ, пожалованнымъ отъ насъ ему въ 1 д. Іюня 1779 г. Екатерина. Въ СПБ. Марта 10 дня 1782 г.". Этимъ рескриптомъ Фонъ-Визину жаловалась ежегодная пенсія въ 1250 рублей.

[18]) Симолинъ, Иванъ Матвѣевичъ, сынъ Шведскаго пастора въ Ревелѣ. Съ 1774-го г. былъ чрезвычайнымъ посланникомъ въ Стокгольмѣ, съ 1779 г. полномочнымъ министромъ въ Лондонѣ; въ 1785 г., смѣнивъ въ Парижѣ князя Барятинскаго, былъ свидѣтелемъ всѣхъ ужасовъ революціи. Скончался онъ въ царствованіе императора Павла 1-го.

[19]) Брюсъ, Яковъ Александровичъ, генералъ-аншефъ (род. 1742 г., ум. 1791 г.,) былъ главнокомандующимъ въ СПбургѣ.

[20]) Архивъ Госуд. Совѣта, СПБ., 1869 г., т. 1. ч. II, столб. 729.

лежавшій Безбородкѣ. „Здѣсь по Уголовной Палатѣ (пишетъ Безбородко) производится нынѣ примѣчанія достойный судъ. Радищевъ, совѣтникъ таможенный, не смотря, что у него и такъ было дѣлъ много, которыя онъ, правду сказать, и правилъ изрядно и безкорыстно, вздумалъ лишніе часы посвятить на мудрованія: заразившись, какъ видно, Франціею, выдалъ книгу „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“, наполненную защитою крестьянъ, зарѣзавшихъ помѣщиковъ, проповѣдію равенства и почти бунта противу помѣщиковъ, неуваженія къ начальникамъ, внесъ много язвительнаго и наконецъ неистовымъ образомъ впуталъ оду, гдѣ излился на царей и хвалилъ Кромвеля. Всего смѣшнѣе, что шалунъ Никита Рылѣевъ [21]) цензировалъ сію книгу, не читавъ, а удовольствовавшись титуломъ, надписалъ свое благословеніе. Книга сія начала входить въ моду у многой шали; но, по счастію, скоро ее узнали. Сочинитель взятъ подъ стражу, признался, извиняясь, что намѣренъ былъ только показать публикѣ, что и онъ авторъ. Теперь его судятъ, и, конечно, выправиться ему нечѣмъ. Съ свободою типографій да съ глупостію полиціи и не усмотришь, какъ нашалятъ“ [22]). Но когда Безбородко, 11 Августа, подносилъ Государынѣ сенатскій докладъ, по дѣлу Радищева, надо думать, что онъ старался смягчить вину подсудимаго. Къ этому убѣжденію приводитъ то обстоятельство, что Екатерина не рѣшилась сама утвердить доклада, а поручила Безбородкѣ разсмотрѣть его въ Совѣтѣ и сказала: „дабы не уважали до меня касающееся, понеже я презираю“ [23]). 19-го Августа Безбородко, докладывая Совѣту сенатскій докладъ, предъявилъ отъ себя помѣченную имъ 12-го Августа записку слѣдующаго содержанія: „Ея Императорское Величество высочайше указать изволила поданный отъ Правительствующаго Сената докладъ о преступленіи коллежскаго совѣтника Радищева предложить Совѣту на разсмотрѣніе, съ замѣчаніемъ, что тутъ выписаны всѣ законы кромѣ присяги, противу коей подсудимый преступникомъ явился, при чемъ объявить, что Ея Величество презираетъ все, чтó въ зловредной его, Радищева, книгѣ оскорбительнаго особѣ Ея Величества сказано [24]).

Совѣтъ, подобно Сенату, присудилъ Радищева къ смертной казни; но Государыня смягчила наказаніе, приговоривъ Радищева къ ссылкѣ въ Илимскій острогъ [25]), гдѣ онъ прожилъ до кончины Ека-

---

[21]) Рылѣевъ, Никита Ивановичъ, оберъ-полиціймейстеръ г. С.Петербурга, генералъ-маіоръ (Мѣсяц. на 1790 г., стр. 128).

[22]) Русскій Архивъ, 1872 г., стр. 935 и 936. Безбородко относился къ Радищеву снисходительно по дружбѣ сего послѣдняго съ графомъ А. Р. Воронцовымъ.

[23]) Храповицкій, 11 Августа 1790.

[24]) Подлинная записка приложена при протоколахъ Совѣта, хранящихся въ Архивѣ Государств. Совѣта за 1790 г., ч. 2. стр. 70. Она напечатана въ изданіи: „Архивъ Госуд. Совѣта“, СПБ., 1869 г. т. 1, ч. II, стр. 737.

[25]) Теперь заштатный городъ съ маленькой крѣпостью, въ Киренскомъ округѣ Иркутской губерніи, при рѣкѣ Илимѣ.

терины. Сынъ Радищева свидѣтельствуетъ, что Безбородко ходатайствовалъ о помилованіи отца у императора Павла [26]).

Назвавъ Радищева за его книгу „Мартинистомъ", Екатерина показала, что она признаетъ „Мартинистовъ" вредными членами государства. Главнымъ притономъ для тогдашнихъ Русскихъ Мартинистовъ была Москва. Между тамошними Мартинистами составилось убѣжденіе, что, въ началѣ 1791 года, Императрица посылала Безбородку въ Москву разслѣдовать ихъ ученіе и поступки. Такъ И. В. Лопухинъ разсказываетъ, что князь Безбородко, бывшій тогда графомъ, подъ видомъ прогулки, пріѣзжалъ въ Москву съ Н. П. Архаровымъ для того, чтобы произвести слѣдствіе надъ Мартинистами, съ секретнымъ указомъ о томъ къ князю Прозоровскому, какъ главнокомандующему въ Москвѣ. Государыня будто бы предоставила графу Безбородкѣ право, освѣдомившись о положеніи дѣлъ на мѣстѣ, объявить этотъ указъ формально главнокомандующему, или привезти его къ ней обратно, судя по обстоятельствамъ и по усмотрѣнію графа. Безбородко прожилъ въ Москвѣ недѣли три и не далъ хода указу, какъ по нѣкоторымъ личнымъ соображеніямъ, такъ и по врожденному мягкосердечію, къ крайнему неудовольствію князя Прозоровскаго [27]).

Въ концѣ того же 1791 года, именно 15-го Ноября, Безбородко писалъ кн. Прозоровскому о Новиковѣ и вообще о Мартинистахъ слѣдующее: „Все, что̀ ваше сіятельство писать изволите по извѣстной матеріи, я представлялъ Государынѣ, и Ея Величество апробуетъ вашу осторожность. Мы употребимъ всѣ способы къ открытію путей, коими переписка сихъ, не знаю, опасныхъ-ли, но скучныхъ, ханжей производится; да и ничего не упустимъ, что̀ сколько можетъ быть нужно къ уничтоженію сея шалости, поколику только удобно согласить съ вольностью и безопасностью, закономъ даруемою. Ея Величество считаетъ, что ваше сіятельство хорошо-бы сдѣлали, если бы послали кого подъ рукою навѣдаться у Новикова въ деревнѣ, что̀ за строенія, что̀ до заведенія и что̀ за образъ жизни и упражненія? Все, что́ у насъ объяснится, я вамъ донесу, пребывая съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію" [28]).

Всего болѣе вредили Московскимъ Мартинистамъ, въ глазахъ Императрицы, ихъ сношенія съ наслѣдникомъ престола, Павломъ Петровичемъ, который терпѣлъ большія непріятности при дворѣ и жилъ почти постоянно въ Гатчинѣ. Естественно, по этому, заключить, что Императрица зорко слѣдила за дѣйствіями Московскихъ Мартинистовъ. Извѣстно, что въ 1785 году, архіепископу Московскому Платону предписано было произвести цензуру книгамъ, которыя напечатаны и изданы Новиковымъ, и его самаго испытать въ исповѣданіи вѣры. Чѣмъ далѣе, тѣмъ предубѣжденія противъ

---

[26]) Русскій Вѣстникъ 1858 г., Декабрь, стр. 416.

[27]) Новиковъ и Московскіе Мартинисты, М. Н. Лонгинова. М. 1867 г., стр. 308. Записки И. В. Лопухина, М. 1867 г., стр. 37.

[28]) Копія съ этого письма обязательно сообщена мнѣ Н. Ѳ. Дубровинымъ.

Мартинистовъ росли болѣе, такъ что Императрица стала считать ихъ способными на все худое, и мы уже знаемъ, какъ о Радищевѣ она съ сердцемъ говорила, что онъ Мартинистъ и бунтовщикъ хуже Пугачева". Можемъ къ этому прибавить, что Новикова она называла „Мартинистомъ хуже Радищева".

Къ изложеннымъ обстоятельствамъ Мартинисты и пріурочивали умышленную, но замаскированную поѣздку Безбородки съ Архаровымъ въ Москву, а его бездѣятельность по обнаруженію мартинистскихъ порядковъ объясняли предусмотрительностію и личными убѣжденіями графа: въ мартинизмѣ былъ замѣшанъ наслѣдникъ престола, и производить слѣдствіе надъ Мартинистами значило со стороны Безбородки возбуждать противъ себя Павла Петровича и рисковать своею дальнѣйшею карьерою. Кромѣ того, Безбородко самъ говоритъ, что не раздѣлялъ строгихъ мѣръ правительства противъ Мартинистовъ и дѣло это считалъ не соотвѣтствующимъ славѣ Императрицы. Вслѣдствіе этого, будто Безбородко, во время своего пребыванія въ Москвѣ, ни къ чему не приступалъ и не отдалъ князю Прозоровскому врученнаго ему высочайшаго указа [29]). Обезпечивъ такъ удачно свои отношенія къ наслѣднику престола, Безбородко, само-собою разумѣется, долженъ былъ заручиться и достаточнымъ основаніемъ своей бездѣятельности въ Москвѣ для успокоенія Императрицы. Для этого, будто бы, онъ пустилъ въ оборотъ ходившій по Москвѣ слухъ, что И. В. Лопухинъ, во время перемѣщенія изъ одной квартиры въ другую, сжегъ свои лишнія и ненужныя бумаги [30]). Онъ именно, будто бы, представилъ Императрицѣ, что указаннымъ истребленіемъ бумагъ скрыты всѣ слѣды къ уликѣ и къ основательному изслѣдованію мартинистскаго дѣла.

Нельзя не согласиться, что еслибы дѣйствительно Безбородкѣ было дано настоящее, оффиціальное порученіе разслѣдовать мартинизмъ, то приведенный слухъ не могъ быть не только уважительнымъ, но и благовиднымъ предлогомъ къ уклоненію отъ исполнительности какъ въ глазахъ Императрицы, такъ и въ глазахъ Безбородки, даже въ глазахъ всякаго посторонняго служащаго лица.

Гельбигъ, въ своихъ депешахъ, указываетъ другую цѣль поѣздки Безбородки въ Москву. „Проживавщій въ Москвѣ" (пишетъ онъ) графъ Алексѣй Орловъ изъ за чего-то поссорился съ княземъ Прозоровскимъ и едва не поколотилъ его палкой. Узнавъ объ этомъ,

---

[29]) Записки И. В. Лопухина. Москва, 1867 г., стр. 37 и 38.

[30]) Объ этомъ и князь Прозоровскій, отъ 7-го Іюня 1792 г., писалъ Екатеринѣ: „Когда въ послѣдній разъ былъ здѣсь графъ Александръ Андреевичъ Безбородко, то извѣщены-ль они были изъ Петербурга, или свои сдѣлали догадки, что будто Ваше Императорское Величество повелѣли ему сдѣлать имъ осмотръ или слѣдствіе, но Иванъ Лопухинъ привезъ въ домъ къ Тургеневу и, оставшись двоемъ, ночью сожгли множество бумагъ, что́ мнѣ извѣстно отъ частнаго пристава, какъ въ домѣ Тургенева одинъ человѣкъ былъ у частнаго пристава въ конфиденціи". (Лѣтописи Русской Литературы и Древности, изд. Н. Тихонравовымъ, т. V, стр. 44).

Императрица послала Орлову выговоръ, но въ отвѣтъ на свой выговоръ получила отъ Орлова странное письмо. Онъ, будто бы, напоминалъ Государынѣ о событіяхъ 1762 года, о томъ, что именно онъ провозгласилъ ее Императрицею передъ Казанскимъ соборомъ, тогда какъ народъ думалъ найти въ ней только опекуншу ея сына. Такой тонъ будтобы встревожилъ Императрицу, и она отправила въ Москву графа Безбородку, чтобы успокоить Орлова и, кромѣ того, поручила Потемкину, на обратномъ пути въ южную Россію, обойтись съ Орловымъ самымъ дружескимъ образомъ. Оба они успѣшно исполнили порученія, и графъ Орловъ, по прежнему, сталъ показывать преданность Императрицѣ" [31]).

Въ письмѣ къ племяннику своему Г. А. Милорадовичу, отъ 25-го Сентября 1790 г., слѣдовательно за три мѣсяца до своего отъѣзда въ Москву, Безбородко говоритъ: „Долго я сбирался сдѣлать походъ въ Москву по курьерски; но ожиданіе Василія Степановича Попова съ обстоятельною реляціею объ Измаилѣ меня удерживало. Теперь жду его съ минуты на минуту, а между тѣмъ имѣю уже дозволеніе Ея Величества, учиня отвѣты на бумаги, кои онъ привезетъ, слетать на двѣ недѣли въ древнюю столицу, гдѣ я себѣ на старости уготовляю преогромный и превыгодный домъ. Вояжъ мой будетъ весной. Генералъ Левашевъ [32]), мой добрый сосѣдъ и старинный пріятель, камарадъ, Осипъ Степановичъ [33]), Николай Матвѣевичъ Карадыкинъ [34]), и Кокушкинъ со мною скачутъ на крыльяхъ вѣтренныхъ, такъ что меньше 3 дней мы доѣдемъ. Къ 15-му Февраля надѣюся возвратиться въ Петербургъ" [35]). Туже мысль Безбородко высказалъ и въ письмѣ къ матери, отъ 25 Января 1791 г., „Для отдохновенія моего отъ бремени трудовъ и чтобы хотя нѣсколько собраться съ силами на хлопоты, которыя обыкновенно съ открытіемъ военныхъ дѣйствій весною сопряжены, выпросилъ я у Государыни дозволеніе съѣздить на двѣ недѣли въ Москву. Я надѣюся возвратиться въ Петербургъ къ 15 Февраля непремѣнно" [36]).

Въ Москвѣ Безбородко пробылъ, дѣйствительно, не больше двухъ недѣль и вынесъ изъ нея пріятныя воспоминанія. Древняя столица

---

[31]) Русскій Архивъ, 1868 года, стр. 825, 826, статья Д. И. Иловайскаго: „Изъ дипломатической переписки XVIII вѣка".

[32]) Левашовъ, Василій Ивановичъ, генералъ-адъютантъ, генералъ-поручикъ, лейбъ-гв. Семеновскаго полка преміеръ-маіоръ (Мѣсяц. на 1790 г., стр. 6).

[33]) Судіенко, Осипъ Степановичъ, членъ главнаго почтовыхъ дѣлъ правленія, ст. сов. (Мѣсяц. на 1790 г., стр. 44).

[34]) Карадыкинъ, Николай Матвѣевичъ, сост. при Кабинетѣ, при собственныхъ Е. И. В. дѣлахъ, ст. сов. (Мѣсяц. на 1790 г., стр. 10).

[35]) Подлинныя письма графа А. А. Безбородки къ братьямъ Милорадовичамъ хранятся въ семейственномъ архивѣ графа Г. А. Милорадовича, который обязательно позволилъ мнѣ воспользоваться ими для настоящаго труда.

[36]) Храповицкій въ своемъ дневникѣ, подъ 30 Января 1791 г., отмѣтилъ: „Уѣхалъ графъ Безбородко въ Москву на двѣ недѣли", а подъ 13 Февраля у него записано: „Графъ Безбородко пріѣхалъ передъ полуднемъ, но во дворцѣ не былъ".

приняла его „ласково", о чемъ онъ, 8 Февраля 1791 года, писалъ Г. А. Милорадовичу: „Уже съ недѣлю какъ я здѣсь отдыхаю, а послѣ завтра и паки на работу возвращаюсь въ Петербургъ. Я еще не помню, когда такъ спокойно и весело прожилъ, какъ сіи короткіе дни. Публика здѣшняя меня приняла ласково. Всѣ лучшіе дали для меня званые обѣды, а графъ Кирила Григорьевичъ [37]) нарядный балъ. Въ дворянскомъ клубѣ было собраніе до двухъ тысячъ обоего пола особъ. Дѣла свои по дому и деревнямъ учредилъ и теперь ѣду мира дожидаться въ депешахъ Петербургскихъ и Цареградскихъ".

Если сопоставить отзывы въ собственныхъ письмахъ Безбородки съ разсказами Лопухина и Гельбига, то самъ собою устраняется документальный поводъ признать эти разсказы справедливыми. Оффиціальные источники обязываютъ придать имъ только условное значеніе отголосковъ молвы. Бумаги, хранящіяся въ государственныхъ архивахъ, не представляютъ никакихъ указаній, которыми бы росказни Лопухина и Гельбига подтверждались. Единственный документъ, найденный мною по разсматриваемому предмету, есть отпускъ, данный изъ канцеляріи Безбородки Николаю Петровичу Архарову; но и этотъ отпускъ свидѣтельствуетъ, что и Архаровъ ѣздилъ въ Москву „по собственному желанію и домашнимъ нуждамъ", а не по порученію Императрицы. Разумѣется, естественно допустить, что Императрица, въ разговорахъ съ Безбородкою, а равно и съ Архаровымъ, какъ съ людьми довѣренными, по поводу предпринимаемой ими поѣздки въ Москву, могла коснуться Мартинистовъ, могла даже поручить имъ приглядѣться къ Мартинистамъ и прислушаться къ толкамъ о нихъ; но это была уже побочная цѣль поѣздки, а не главная. Естественно также допустить, что молва объясняла поѣздку довѣренныхъ лицъ Императрицы изъ сѣверной столицы въ первопрестольную исключительно побужденіями, близкими къ интересамъ общественныхъ кружковъ, изъ которыхъ молва выходила: Лопухинъ объяснялъ поѣздку дѣлами мартинизма, Гельбигъ вспышкою графа Алексѣя Орлова. Всѣ эти соображенія позволяютъ заключать, что Безбородко ѣздилъ въ Москву не съ цѣлію преслѣдовать Мартинистовъ, а главнымъ образомъ „для отдохновенія и для устройства своего дома", пожалованнаго ему въ 1787 году Императрицею. Затѣмъ остается допустить, что Безбородко покровительствовалъ и Мартинистамъ, или, вѣрнѣе сказать, Масонамъ, такъ какъ если бы этого покровительства не было, то при взглядѣ на нихъ Екатерины и особенно при отношеніи къ нимъ князя Прозоровскаго, онъ, Безбородко, непремѣнно бы причинилъ имъ много вреда собственнымъ своимъ вліяніемъ; и съ другой стороны, въ случаѣ противномъ, онъ не заслужилъ бы вышеприведенныхъ упрековъ со стороны кн. Прозоровскаго въ сочувствіи Мартинистамъ, въ мягкосердечіи къ нимъ. О Прозоровскомъ Лопухинъ въ своихъ „Запискахъ" замѣчаетъ, что онъ „отмѣнный былъ

---

[37]) Разумовскій.—О пріѣздахъ Безбородки въ Москву сличи Записки И. Ѳ. Тимковскаго въ Р. Архивѣ 1874, стр. 1425. 1426.

неохотникъ до морали, и подаватели милостыни казались ему бунтовщиками“ [38]).

Безбородко умѣлъ и любилъ оказывать добро и защиту не только Русской наукѣ и литературѣ своего времени въ частномъ смыслѣ, но и вообще Русскому просвѣщенію; и при томъ даже и тѣмъ Русскимъ людямъ, которые искали знанія и истины въ обрядахъ и дѣйствіяхъ, выработанныхъ тогдашнихъ масонствомъ.

Есть документы, правда съ сильнымъ панегиристическимъ оттѣнкомъ, свойственнымъ духу того времени, которые свидѣтельствуютъ, что Безбородко оказывалъ вниманіе и школьному образованію въ отечествѣ.

Въ 1786 году, въ журналѣ „Растущій Виноградъ“ [39]) напечатаны два стихотворенія, обращенныя къ Безбородкѣ. Авторомъ этихъ стихотвореній былъ студентъ главнаго народнаго училища, А. Фіалковскій. Онъ восхваляетъ Безбородку, какъ министра, который желаетъ блаженства своему отечеству, оказываетъ добро ближнимъ, внимателенъ къ ихъ просьбамъ и нуждамъ и не скрываетъ этихъ просьбъ и нуждъ предъ Государыней; самъ свято храня законъ, строго преслѣдуетъ нарушителей его и притѣснителей народа, любитъ науки, видитъ въ нихъ пользу и старается распространить ихъ между народомъ. Первое изъ стихотвореній Фіалковскаго озаглавлено: „Письмо его сіятельству, тайному совѣтнику, графу Александру Андреевичу Безбородку, отъ главнаго народнаго училища,“ коимъ завѣдывалъ другъ его графъ П. В. Завадовскій. Вотъ оно.

Въ томъ, Безбородко, нѣтъ отечеству блаженства,
Нѣтъ сладкой тишины, порядка, благоденства,
Гдѣ мы премудраго правленія не зримъ,
Гдѣ всякій вслѣдъ течетъ желаніямъ своимъ,
Гдѣ отъ монаршаго народъ не видитъ трона
Такого, какъ у насъ, премудраго закона;
Гдѣ точно не хранятъ благихъ царевыхъ словъ,
Гдѣ правды нѣтъ въ властяхъ и вѣрности слѣдовъ,
И гдѣ министръ, взойдя на верхъ высокой чести,
Въ себѣ скрываетъ ядъ подъ видомъ сладкой лести,
О благѣ общества усердно не радитъ,
На низки званія надменнымъ окомъ зритъ,
Слезамъ вдовицъ, сиротъ нимало не внимаетъ,
Подъ игомъ золъ страдать невинныхъ оставляетъ;
Имѣя способы другимъ благотворить,
Не хочетъ къ счастію имъ двери отворить.
    Но ты противное въ дѣлахъ своихъ являешь:
Блаженства своему отечеству желаешь,
Достоинства твои и честь за средства чтишь,
Чрезъ кои ты другимъ добро всегда творишь;
Къ прошеніямъ другихъ весь слухъ свой преклоняешь
И скоро оныя Царицѣ предлагаешь;
Законъ ея хранишь и служишь правдой ей,
Не хочешь утаить по совѣсти своей,
Кто сильною рукой безсильныхъ угнетаетъ

[38]) Записки И. В. Лопухина, стр. 36.

[39]) „Растущій Виноградъ, ежемѣсячное сочиненіе, издаваемое отъ главнаго народнаго училища города Св. Петра“, выходилъ съ Апрѣля 1785-го года по Мартъ (включительно) 1787-го.

И общій тѣмъ союзъ блаженства разрываетъ;
О благѣ общества чрезъ дни и ночи бдишь.
О внутреннемъ людей устройствѣ такъ ты мнишь:
Гдѣ свой министры долгъ въ забавахъ забываютъ,
Но только лишь Царя изъ лести окружаютъ,
Несчастенъ тамъ народъ, хотя онъ тишиной
Снаружи огражденъ, какъ твердою стѣной.
Подобенъ онъ тогда такому точно граду,
Который съ внѣшняго красивымъ зрится взгляду,
Снаружи только твердъ, стѣнами окруженъ,
Внутри безсиленъ, слабъ, въ ровъ бѣдства погруженъ.
Такое мнѣніе дѣла твои являютъ,
Чтò мудраго въ тебѣ министра представляютъ.
Когда жъ желаетъ всѣмъ твой духъ благотворить,
То къ Музамъ можешь-ли неблагосклоннымъ быть?
Науки любишь ты, въ нихъ пользу созерцаешь,
Колико Россамъ знать ихъ нужно, самъ внимаешь.
Къ чему Монархиня ихъ тщится расширить
И подданныхъ умы желаетъ просвѣтить,
Тебѣ извѣстно все, и понимаешь ясно:
То ты ли не горишь желаньемъ, чтобъ прекрасно
Растущій Виноградъ съ успѣхомъ процвѣталъ
И Россовъ доброю надеждою питалъ?
Желаешь ты сего. Не презри же прошенья:
Простри на нашихъ Музъ свой взоръ благоволенья;
Онѣ желаютъ всѣ, чтобъ слухъ свой преклонилъ
И съ Завадовскимъ ты ихъ Меценатомъ былъ.

Сохранилось еще стихотвореніе, посвященное Безбородкѣ тогдашними кадетами Артиллерійскаго и Инженернаго Корпуса и, вѣроятно, поднесенное ему въ благодарность за труды его по исходатайствованію и составленію новаго штата Корпуса, утвержденнаго Екатериною 12 Іюля 1792-го г. [40])

На подносномъ экземплярѣ этихъ стиховъ, принадлежащемъ П. А. Ефремову, находится такое посвященіе: „Его Сіятельству, графу Александру Андреевичу Безбородкѣ, отъ кадетъ Артиллерійскаго и Инженернаго Корпуса усерднѣйшее приношеніе“. На особомъ листѣ къ стихотворенію приложено изображеніе фейерверка, даннаго кадетами въ честь графа Безбородки, какъ на это указываютъ слова стихотворенія:

Огни искусствомъ обрѣтенны,
Изобразя сердца возженны,
Приносимъ знакомъ мы любви.

---

[40]) Въ исходѣ 1790 года, когда Артиллерійскій и Инженерный Корпусъ поступилъ подъ главное начальство князя Потемкина Таврическаго, ветхость корпуснаго строенія и возвышеніе цѣнъ на жизненные припасы въ Петербургѣ вынудили директора корпуса Мелиссино просить у Императрицы новыхъ милостей. Изложивъ всѣ нужды Корпуса въ докладѣ, поданномъ чрезъ графа Безбородку, 14 Августа 1791 года, Мелиссино просилъ объ ассигнованіи на постройку новаго каменнаго зданія и объ уровненіи ввѣреннаго ему Корпуса содержаніемъ съ императорскимъ Сухопутнымъ. Ходатайство Безбородки увѣнчалось успѣхомъ: 12 Іюля 1792 года высочайше утверждены были новые штаты Артиллерійскаго и Инженернаго кадетскаго Корпуса и солдатской при немъ роты, вмѣстѣ съ штатами: Морскаго кадетскаго Корпуса и Греческой Гимназіи (1-е Полн. Собр. Зак. № 17051). На содержаніе Корпуса было положено ежегодно ассигновать 123.360 руб. 62 $^3/_4$ коп. и, сверхъ того, на наемъ квартиръ офицерамъ и учителямъ 6380 р. (Сборникъ свѣдѣній о военно-учебныхъ заведеніяхъ въ Россіи. Состав. полковн. Мельницкій. СПБ., 1857 г., Т. I, ч. I, 110—113).

Фейерверочное изображеніе при стихотвореніи представляетъ павильонъ, окруженный деревьями и зеленью: вверху подъ крышею, помѣщенъ императрицынъ вензель тогдашней формы, а въ самой рединѣ, подъ графскою короною, сдѣлана надпись САВ, т. е. Comes Alexander Besborodko.

Кадетское стихотвореніе отзывается свѣжею, юношескою, почти дѣтскою работою того времени: взрослая рука прошла по нему едва замѣтно. Но все оно проникнуто горячею благодарностію къ графу, соединенною съ восторженнымъ благоговѣніемъ. „Навѣкъ подвластныя, нельстивыя и безпристрастныя сердца" кадетовъ устами автора-товарища говорятъ о Безбородкѣ:

Пространный міръ тому свидѣтель,
Что намъ прямой онъ благодѣтель.

Нельзя указать опредѣленно, какія именно благодѣянія оказалъ Безбородко Артиллерійскому и Инженерному Корпусу. Но что въ той или другой мѣрѣ, въ той или другой формѣ, въ формѣ-ли постояннаго расположенія, оживлявшаго усердіе начальства и труды питомцевъ, въ формѣ ли покровительства, облегчавшаго затрудненія, привлекавшаго милости, и т. подобн., благодѣянія Безбородки чувствовались въ корпусѣ всѣми, и служащими и учащимися,—это несомнѣнно.

Такимъ образомъ, всѣ уцѣлѣвшія извѣстія объ отношеніяхъ Безбородки къ современной ему отечественной интеллигенціи, за время царствованія Екатерины, свидѣтельствуютъ, что онъ оказывалъ живое участіе и постоянное покровительство писателямъ, просвѣщенію и школьному образованію.

(*Продолженіе будетъ*).

КЪ СТОЛѢТІЮ ПЕРВАГО МОСКОВСКАГО КАДЕТСКАГО КОРПУСА.

(НЫНѢ ПЕРВОЙ МОСКОВСКОЙ ВОЕННОЙ ГИМНАЗІИ).

Посвящено памяти М. Д. Хмырова.

Сохраняя благодарныя воспоминанія о первомъ Московскомъ Кадетскомъ Корпусѣ, какъ мѣстѣ моего воспитанія (1835 — 1840) и зная, что по прошествіи трехъ съ половиною лѣтъ наступитъ столѣтіе его существованію (24 Ноября 1778), я, по излюбленному мною отъ юношескаго возраста роду занятій отечественной исторіей и археологіею, не могъ не скорбѣть, что наша alma mater не имѣетъ еще своей правдивой исторіи, тогда какъ многіе и весьма многіе изъ получившихъ свое одни начальное, а другіе и конечное воспитаніе въ этомъ заведеніи съ честію занимаютъ видныя мѣста не только въ военной іерархіи, но и на другихъ поприщахъ государственной службы и общественной дѣятельности. При случайныхъ встрѣчахъ съ бывшими товарищами и однокашниками, я не упускалъ случая выражать имъ свое мнѣніе, что пора бы кому нибудь изъ насъ заняться исторіею нашего Корпуса, и отъ многихъ слышалъ сочувственные отзывы, но никто не выразилъ желанія принять этотъ трудъ на себя. И это весьма естественно, потому что предполагаемый трудъ требуетъ особой подготовки, а главное той непреодолимой охоты къ архивной работѣ и настойчивымъ изысканіямъ, которыми обладаютъ одни лишь записные археологи. Вотъ почему, не имѣя самъ, при всей охотѣ и навыкѣ къ историко-археологическимъ изысканіямъ, ни малѣйшей возможности заняться этимъ сложнымъ трудомъ (по своему настоящему званію и лежащимъ на мнѣ обязанностямъ), я рѣшился обратиться съ настоятельною о семъ просьбою къ двумъ изъ воспитанниковъ нашего Корпуса, любовь и опытность которыхъ въ историко-археологическихъ изслѣдованіяхъ извѣстна не только мнѣ, но и другимъ спеціалистамъ въ области отечествовѣдѣнія. Я разумѣю покойнаго М. Д. Хмырова и А. Н. Корсакова, бывшаго адъютанта перваго Московскаго Кадетскаго Корпуса (нынѣ мироваго судью Серпуховскаго уѣзда). Зная, что сей послѣдній занятъ по своему хозяйству и должности, я болѣе надѣялся на содѣйствіе М. Д. Хмырова, который выразилъ мнѣ полнѣйшую готовность заняться этимъ трудомъ, но откровенно сознался, что, по стѣсненнымъ своимъ обстоятельствамъ, добывая насущный хлѣбъ себѣ и семейству литературнымъ трудомъ, онъ не можетъ на столько располагать временемъ, чтобы всецѣло посвятить себя этому труду, оставивъ другія срочныя занятія; — увы, такова судьба большей части нашихъ истинныхъ тружениковъ! Оказалось, что горькая зависимость отъ обстоятельствъ требовала раздѣленія предполагаемаго труда на

двѣ части: ибо Хмыровъ могъ взять на себя лишь ту часть онаго, матеріалы для которой находятся большею частію въ Петербургскихъ архивахъ (1778 — 1824), а написать вторую часть (съ 1824 года), для которой матеріалъ заключается исключительно въ корпусномъ архивѣ, мы уговорились предложить А. Н. Корсакову.

Рѣшено было приступить къ дѣлу немедленно по возвращеніи Хмырова въ Петербургъ *) и начать тѣмъ, чтобы я написалъ отъ себя письмо къ главному начальнику управленія военно-учебныхъ заведеній Н. В. Исакову (получившему свое начальное воспитаніе также въ нашемъ Корпусѣ). Въ письмѣ должно было выразить просьбу къ его превосходительству: 1) Испросить чрезъ г. военнаго министра Высочайшее соизволеніе на торжественное празднованіе столѣтняго юбилея Корпуса въ будущемъ 1878 году, согласно усердному желанію воспитанниковъ онаго, въ зданіи Головинскаго дворца, въ помѣщеніи Первой Военной Гимназіи. 2) Вслѣдъ за тѣмъ открыть при Штабѣ Военно-Учебныхъ Заведеній, или при Канцеляріи Военнаго Министерства, подписку для воспитанниковъ бывшаго Московскаго Кадетскаго Корпуса, съ цѣлью: а) необходимаго вспомоществованія изъявившимъ свою готовность и усердіе въ написаніи исторіи Корпуса ко дню его столѣтняго юбилея и въ напечатаніи сей исторіи, для раздачи и разсылки въ день юбилея всѣмъ подписавшимся заранѣе на этотъ трудъ; б) учрежденія въ Первой Военной Гимназіи степендіи на содержаніе въ оной степендіата имени „бывшихъ воспитанниковъ 1-го Московскаго Кадетскаго Корпуса". Приглашеніе къ подпискамъ, немедленно по полученіи на сіе разрѣшенія, публиковать во всеобщее свѣдѣніе въ газетахъ и журналахъ. Я написалъ отъ себя къ Н. В. Исакову письмо, въ которомъ просилъ его превосходительство, какъ лицо, поставленное Промысломъ Божіимъ, въ настоящее время, выше всѣхъ своихъ бывшихъ товарищей на поприщѣ государственной службы и пользующееся ихъ уваженіемъ по своему неизмѣнному къ нимъ благорасположенію, стать во главѣ этаго, смѣю думать, во всѣхъ отношеніяхъ добраго и полезнаго дѣла и, вмѣстѣ съ испрошеніемъ на приведенныя выше предположенія Высочайшаго соизволенія,—оказать свое содѣйствіе лицамъ, выразившимъ готовность и усердіе писать „Исторію Корпуса" немедленнымъ допущеніемъ ихъ для занятій въ тѣ архивы, въ которыхъ заключаются необходимые для предполагаемаго труда матеріалы, такъ какъ, по свойству самаго труда, одно составленіе списковъ всѣхъ бывшихъ воспитанниковъ корпуса съ 1778 года съ біографическими данными хотя о нѣкоторыхъ изъ нихъ (въ особенности о запечатлѣвшихъ своею жизнію вѣрность Государю и Отечеству) потребуетъ немалаго труда и времени. Письмо мое, въ этомъ смыслѣ написанное, было отослано въ Петербургъ къ М. Д. Хмырову (17 Октября 1872 г.), который намѣревался, какъ было между нами условлено, лично представить его Н. В. Исакову; а 28 Ноября я получилъ это письмо обратно отъ супруги М. Д. Хмырова съ извѣщеніемъ, что онъ 27 Ноября 1872 года кончилъ свою труженическую жизнь.

*) Послѣ личнаго со мною свиданія.

По кончинѣ М. Д. Хмырова, я не смѣю расчитывать на А. Н. Корсакова въ написаніи полной исторіи Корпуса, такъ какъ для первой его части ему конечно понадобилось бы переселиться на время въ Петербургъ для изысканій въ тамошнихъ архивахъ, чего онъ сдѣлать не можетъ безъ надлежащаго пособія. Такъ рушился разомъ мой разсчетъ на двухъ товарищей, наиболѣе по моему мнѣнію способныхъ написать исторію нашей alma mater, въ томъ видѣ, въ какомъ этотъ трудъ представлялъ я себѣ, т. е. чтобы чрезъ возможно-точныя и вполнѣ правдивыя біографическія свѣдѣнія о воспитанникахъ нашего Корпуса, въ теченіе его столѣтняго существованія, представилось всѣмъ ясное и убѣдительное доказательство той истины, которую мы, бывшіе воспитанники Перваго Московскаго Корпуса, живо сознаемъ и чувствуемъ доселѣ, что духъ и правила роднаго намъ заведенія способны были создать цѣлую фалангу людей, проникнутыхъ единодушною любовію къ своему Отечеству и Государю и доказавшихъ это своею честною и полезною службою не только на поприщѣ военной службы, но и въ другихъ родахъ общественной дѣятельности.

М. Д. Хмыровъ, въ свое посѣщеніе ввѣренной мнѣ обители, пробылъ у меня два дни, въ которые мы успѣли обсудить вполнѣ планъ предполагаемаго труда и способы къ наилучшему его осуществленію, при чемъ, вспоминая о умершихъ и живыхъ товарищахъ, онъ обратилъ мое вниманіе на то, что и въ настоящее время нѣкоторые изъ воспитанниковъ бывшаго 1-го Московскаго Корпуса занимаютъ видныя мѣста въ военной іерархіи. Припоминаю слѣдующихъ: 1) въ Петербургѣ генералъ-лейтенантъ, главный начальникъ управленія военно-учебныхъ заведеній, генералъ-адъютантъ Н. В. Исаковъ; 2) начальникъ Канцеляріи Военнаго Министра генералъ-адъютантъ Д. С. Мордвиновъ; 3) помощникъ начальника Канцеляріи В. М. генералъ-маіоръ Якимовичь; 4) сенаторъ (Межеваго Департамента) И. М. Гедеоновъ. Въ Москвѣ: 5) предсѣдатель Межевой Канцеляріи генералъ-лейтенатъ В. И. Ахшарумовъ; 6) членъ оной канцеляріи д. с. совѣтникъ князь І. А. Мещерскій; 7) директоръ Константиновскаго Межеваго Института г. м. А. Л. Апухтинъ. Служащіе въ дѣйствующихъ войскахъ: 8) г. л. П. З. Неѣловъ; 9) г. л. Своевъ; 10) г. л. Ванновскій; 11) г. м. Прохоровъ (командиръ лейбъ-гвардіи Волынскаго полка); 12) г. м. Святловскій *), начальникъ Военной Московской Прогимназіи; 13) г. л. П. С. Лебедевъ (бывшій профессоръ Военной Академіи); 14) г. м. Декон-

*) Сынъ нашего незабвеннаго начальника Викентія Францовича Святловскаго, который, въ званіи баталіоннаго командира Корпуса, состоя помощникомъ по управленію онымъ директоровъ генераловъ Ренепкампфа, А. О. Статковскаго и Н. П. Анненкова, былъ, можно сказать, душою всего заведенія и благотворно дѣйствовалъ педагогическою опытностію и неутомимою и честною дѣятельностію и на г. офицеровъ (воспитателей), и на кадетъ-воспитанниковъ. Въ 1840 г. онъ былъ назначенъ директоромъ вновь открываемаго Полтавскаго К. Корпуса и, благоустроивъ его, скончался; но память его доселѣ жива въ сердцахъ воспитанныхъ имъ поколѣній—и это лучшій памятникъ его трудовъ.

скій; 15) г. м. Бажановъ (одинъ изъ героевъ послѣдней Кавказской войны, украшенный орденомъ Георгія 2-й степени). Назовемъ еще бывшаго начальника артиллеріи Кавказскаго корпуса г. л. Бриммера; 16) бывшаго начальника штаба въ одномъ изъ военныхъ округовъ г. л. Кармалина; 17) артиллериста г. л. А. Е. Винклера; 18) г. м. Кавказской кавалеріи Джемарджидзе; 19) военнаго инженера полковника Шаврова (сынъ всѣми уважаемаго корпуснаго законоучителя, о. протоіерея Шаврова). Въ гражданской службѣ: 20) Курскій губернаторъ Жедринскій; 21) д. с. с. Венедиктовъ (въ интендантскомъ управленіи). Многіе, послѣ трудовъ военной службы, поселившись въ своихъ родовыхъ имѣніяхъ, занимаются хозяйствомъ и служатъ по земскимъ учрежденіямъ. Не сомнѣваемся, что если бы суждено было такъ или иначе осуществиться нашимъ предположеніямъ, всѣ вышепоименованныя лица отнеслись бы къ нимъ съ живымъ участіемъ, дѣломъ и словомъ; но человѣкъ располагаетъ, а Богъ опредѣляетъ.

Печатая здѣсь нашу переписку съ М. Д. Хмыровымъ по поводу предполагаемой исторіи Корпуса, мы съ одной стороны приносимъ посильную дань памяти многоуважаемаго нашего товарища, съ кончиною котораго потеряно столь много для нашего общаго дѣла, а съ другой желаемъ возбудить къ оному вниманіе тѣхъ изъ воспитанниковъ бывшаго 1-го Московскаго Кадетскаго Корпуса, которые пожелали бы возобновить, въ томъ или другомъ видѣ, не по нашей винѣ неудавшееся предпріятіе. Въ прилагаемой перепискѣ будущій исторіографъ нашего роднаго Корпуса найдетъ необходимыя замѣтки и указанія для своего труда и, воодушевясь примѣромъ и усердіемъ незабвеннаго М. Д. Хмырова, несомнѣнно и совершитъ этотъ трудъ, къ общему утѣшенію своихъ товарищей и однокашниковъ; когда же (будемъ надѣяться) соберутся дружной семьей со всѣхъ краевъ нашего обширнаго Отечества, въ день 24 Ноября будущаго 1878 года, на празднованіе столѣтія своей alma mater,—обмѣнятся дружескими воспоминаніями о незабвенныхъ дняхъ юности и тѣмъ усладятъ остальные дни своей трудовой жизни на ея вечернемъ закатѣ.

Письмо М. Д. Хмырова.

Ночь на 11-е Марта 1872 г. Питеръ.

Многоуважаемый отецъ архимандритъ Леонидъ!

Пріемлю съ благодарностію ваше доброе воспоминаніе о моемъ покойномъ отцѣ *) и поставляю себѣ за честь быть вашимъ сотоварищемъ по мѣсту воспитанія — намъ обоимъ, да и всѣмъ однокашникамъ нашимъ, я увѣренъ, равно дорогаго. Соглашаюсь и съ тѣмъ, что помнить меня, 7 — 8 лѣтняго ребенка въ то время, вы не можете. Но я словно вижу васъ, еще въ кадетской курткѣ. На

*) Одномъ изъ воспитателей въ 1-мъ Московскомъ Кадетскомъ Корпусѣ.

васъ, какъ на воспитанника примѣрнаго, указывалъ мнѣ не одинъ разъ мой бѣдный отецъ, повторяя, что желаетъ такого же сына......

Какъ и вы, я выпущенъ изъ корпуса въ гвардію, въ Измайловскій полкъ (1848). И этому прошло много лѣтъ. Я давно уже въ отставкѣ, имѣю собственную семью, веду горькую жизнь труженика науки. Suum cuique!

Впрочемъ, я встрѣчался съ вами и послѣ конца тридцатыхъ годовъ: все ваше, напечатанное гдѣ либо, извѣстно мнѣ, какъ немножко библіографу. Вотъ, стало быть, еще сторона, насъ нѣсколько связующая, не говоря уже объ одной и той же, нами обоими любимой, области знанія...

Перехожу къ дѣлу. Годъ основанія нашего дорогаго Корпуса не 1777, какъ означено въ письмѣ вашемъ, а 1778. Этотъ 1778 г. вырѣзанъ и на скобкѣ нашего кадетскаго знамени. Случай Семена Гавриловича Зорича при Дворѣ начался только въ Августѣ 1777 г. и продолжался до 30 Іюня 1778 года, когда фаворитъ, нежданно-негаданно, долженъ былъ уѣхать въ Парижъ, а оттуда въ Шкловъ, котораго онъ и не видалъ до Сентября 1778 года. Но въ Шкловѣ, какъ бы въ тысячу первое доказательство той истины, что „нѣтъ худа безъ добра“ и на оборотъ, Зоричь началъ свое благое дѣло немедленно. Это подтверждается слѣдующимъ фактомъ: послѣ Очаковскаго приступа (1790) явились къ Зоричу его бывшіе воспитанники, маіоръ и капитанъ, украшенные Георгіевскими крестами. Господамъ этимъ надо же было выучиться и послужить до своихъ чиновъ. Годъ перехода заведенія Зоричева въ вѣдомство казенное, по всѣмъ источникамъ печатнымъ (мнѣ извѣстнымъ), 1797-ый. Покойный Восковатовъ указываетъ даже цифру, ассигнованную императоромъ Павломъ на ежегодное содержаніе благородной Шкловской затѣи: — до 43.670 рублей. Но предо мной лежитъ полный экземпляръ (большая библіографическая рѣдкость) „Высочайшихъ Приказовъ“ за все время царствованія Павла, съ перваго дня и до послѣдняго, и о передачѣ Шкловскаго заведенія въ казну, ни въ 1797, ни въ 1798 году нѣтъ ни іоты. Съ 1799 года начинаютъ упоминаться въ этихъ „Приказахъ“, выпуски, но не изъ Шкловскаго Кадетскаго Корпуса (какъ пишутъ Бантышъ и Висковатовъ), а изъ Шкловскаго благороднаго училища, — что̀ не одно и тоже. Въ 1799 году было изъ Шклова четыре выпуска: 16 Іюня 7 чел. въ Черноморскіе батальоны, 18 Іюня — 19 чел. въ мушкатерскіе полки, 23 Іюня—23 чел. въ артиллерію, изъ воспитанниковъ, а 30 Сентября—32 чел. въ гарнизонные полки, изъ кадетъ Шкловскаго благороднаго училища. Такъ сказано въ Приказахъ, которые, особенно при Павлѣ, выражались со всею точностью пуризма...

Есть поводъ предполагать, что Зоричь передалъ Царю „500 усыновленныхъ дворянъ“ скорѣе въ 1797 году, нежели позже: по тѣмъ же „Приказамъ“ видно, что Зоричь, вытребованный императоромъ Павломъ въ Петербургъ, произведенъ въ генералъ-лей-

тенанты 20-го Генваря, а уволенъ отъ службы 15-го Сентября того же 1797 года. А передача, сама по себѣ, зависѣла отъ запутанныхъ обстоятельствъ Семена Гавриловича.

Вотъ все, что̀ пока могу сказать вамъ, пересмотрѣвъ внимательно „Высочайшіе Приказы" съ самаго перваго дня по воцареніи Павла. Дальше 30 Сентября 1799 года я еще не читалъ. Но довольно и этого для отвѣта на сущность вашего вопроса. Остальное предоставимъ времени. Но позвольте же и мнѣ, съ своей стороны, предложить вопросъ, смѣю удостовѣрить васъ, прямо, „сотоварищескій": не встрѣчаемся ли мы еще разъ на одной и той же мысли—послужить мѣсту нашего воспитанія составленіемъ его „Исторіи" къ торжеству столѣтняго юбилея 1-го Московскаго Кадетскаго Корпуса? Если такъ, радъ душевно быть вашимъ пособникомъ, тѣмъ больше, что я занятъ этой мыслью давно, и кое-что у меня есть, разумѣется немного: потому что гдѣ же мнѣ, обязанному выписывать хлѣбъ насущный изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, слѣд. дробиться на заказныя статьи, гдѣ же мнѣ сосредоточиться на одномъ предметѣ, хотя и любезномъ сердцу?

А могъ бы я сдѣлать немало, потому что, страстный къ дѣлу такого рода, вхожъ почти во всѣ архивы и знаю, гдѣ что искать. Еще прошлою осенью, находясь временно въ Москвѣ для работъ въ тамошнихъ архивахъ, я писалъ оттуда къ его превосходительству Николаю Васильевичу Исакову, что пора думать объ „Исторіи" нашего Корпуса, доказывалъ (не знаю, убѣдительно ли), почему именно эта „Исторія" важнѣе другихъ, объяснялъ (не знаю, понятно ли) огромное значеніе нашего Корпуса, какъ единственнаго въ прошломъ вѣкѣ военно-педагогическаго заведенія тамъ, гдѣ нѣтъ ихъ и теперь [1]); просилъ, наконецъ, входа въ Архивъ 1-го Московскаго Кадетскаго Корпуса. Н. В. Исаковъ прислалъ мнѣ немедленно оффиціальную бумагу, съ которой я и былъ въ корпусномъ архивѣ. Тамъ приняли меня радушно, какъ питомца и, быть можетъ, историка этого заведенія. Жданъ-Пушкинъ, директоръ, теперь уже покойный, самъ провелъ меня въ архивъ, гдѣ нашелъ я немало любопытнаго, но все—не раньше 1812 года. Поиски въ Шкловѣ, Могилевѣ и Гроднѣ необходимы; въ Смоленскѣ и Костромѣ далеко не излишни; но поиски заблаговременные, съ знаніемъ дѣла и любовью къ нему. Тамъ вся бытовая исторія Корпуса, безъ которой, что̀ ни писали бы, окажется безжизненнымъ перечнемъ годовъ и фамилій. Но эти годы и фамиліи я собираю давно, гдѣ могу. Между прочимъ, исторія мѣста, на которомъ теперь 1-й Московскій Кадетскій Корпусъ и зданія ему присвоеннаго, на столько интересна, что ей не грѣхъ посвятить спеціально обширную главу. И этими матеріалами я запасаюсь давно.

Сообщая все это къ свѣдѣнію в. высокопреподобія, прибавлю, что, преданный дѣлу паче всего, я не только не буду роптать, если не мнѣ Богъ приведетъ потрудиться для дорогаго Корпуса, но съ готовностью сердечною передамъ болѣе счастливому однокашнику, кто

[1]) Т. е. въ Бѣлорусскомъ краѣ. *П. Б.*

бы онъ ни былъ, все, что̀ уцѣлѣетъ у меня въ шкафахъ или въ памяти [2]).

Изъ письма А. Н. Корсакова.

..... Тороплюсь отвѣчать на ваши вопросы.

1) Что Шкловское благородное училище открыто именно 24 Ноября, это (сколько мнѣ помнится) взято мною изъ рукописи: Экстрактъ Шкловскаго благороднаго училища. Надо вамъ сказать, что какъ эта рукопись, такъ и другая: Подробныя свѣдѣнія о Шкловскомъ благородномъ училищѣ 1797 г., были получены мною отъ князя Владиміра Владиміровича Львова, и можете представить себѣ оплошность мою: я, воспользовавшись ими, сколько мнѣ было нужно, возвратилъ ему обратно, не списавши ихъ буквально отъ слова до слова. Кое-что переписалъ; но жаль, что не все. Гдѣ теперь искать ихъ? Князь умеръ, а о семействѣ его не только ничего не вѣдаю, но даже не знаю, у кого можно было бы распросить о немъ. Впрочемъ, совершенно можете быть увѣрены, что указаніе на 24 Ноября, какъ на день открытія заведенія, взято или изъ той, или изъ другой рукописи и что это не догадка,—иначе я непремѣнно оговорился бы.

2) Что̀ касается до § 2 Краткой Лѣтописи 1-го Московскаго Кадетскаго Корпуса, гдѣ сказано, что Шкловское благородное училище, съ поступленіемъ его въ 1797 году на счетъ казны, было, по волѣ Павла I-го, переименовано въ Кадетскій Корпусъ, то долженъ сказать вамъ, что это положительная съ моей стороны ошибка, въ которую, при поспѣшности въ составленіи Лѣтописи (какъ того желалъ В. П. Желтухинъ), былъ я введенъ вѣроятно авторитетомъ Бантышъ-Каменскаго, который говоритъ это въ біографіи Зорича (Слов. Досп. Людей, т. 2, стр. 404). Это невѣрно. Въ именномъ указѣ, объявленномъ Сенату въ 28 день Марта 1797 г., сказано: „Училище, въ Шкловѣ иждивеніемъ генералъ-лейтенанта Зорича устроенное, причислить въ казенное вѣдомство и наименовать Училищемъ Шкловскимъ" и пр. (Пол. Собр. Зак., т. XXVI). Заведеніе стало называться Корпусомъ, а воспитанники кадетами лишь съ 1800 г., какъ это видно изъ приходо-расходныхъ книгъ этого заведенія, что̀ и понятно, ибо въ этомъ году училище получило названіе Гродненскаго отдѣленія 1 Кадетскаго Корпуса (П. С. Законовъ, т. XXVI).

С. Капустино. Апрѣля 3 дня 1862 года.

Изъ писемъ М. Д. Хмырова.

От 12 Апрѣля 1872 г.

ВѢХИ ДЛЯ НАЧАЛЬНАГО ОЧЕРКА.

Исторіи 1-го Московскаго Кадетскаго Корпуса.

(*По документамъ оффиціальнымъ*).

Зерно Корпуса—благородное училище, основанное генералъ-маіоромъ Семеномъ Гавриловичемъ Зоричемъ-Черноевичемъ въ Шкло-

---

[2]) Книжныя и рукописныя собранія Хмырова, какъ извѣстно, пріобрѣтены для будущаго Музея Государя Наслѣдника Цесаревича. *П. Б.*

11*

вѣ, пожалованномъ ему, съ 16.000 душъ, императрицею Екатериной II-ю.

Годъ пожалованія Шклова и основанія въ немъ училища одинъ и тотъ же: 1778. День основанія училища 24 Ноября, какъ день тезоименитства Екатерины II-й (такъ значится въ „Лѣтописи Корпуса“ А. Н. Корсакова).

Училище Зорича дѣлилось на два взвода кавалеріи, кирасирскій и гусарскій, и на двѣ пѣшія роты—гренадерскую и егерскую.

Форма одежды: мундиры у кирасировъ палевые; у гусаровъ—свѣтло-голубые; штаны у всѣхъ бѣлые; шапки: у гренадеровъ—въ родѣ нынѣшнихъ конно-гренадерскихъ; у егерей—картузы, съ круглой тульей, обогнутой перомъ или султаномъ съ кокардой; у кавалеристовъ—каска и киверъ.

Есть описаніе праздника, даннаго Зоричемъ въ день коронованія императрицы Екатерины II-й, 22 Сентября 1793 г., по случаю перемѣщенія училища въ новый домъ. По воцареніи Павла I, Зоричь вызванъ въ Петербургъ, пожалованъ генералъ-лейтенантомъ 20 Января 1797 года, и училище его тогда взято въ казну, съ предоставленіемъ главнаго начальства надъ нимъ Зоричу (П. С. Зак., т. XXIV, № 17893).

Зоричь уволенъ отъ службы 15 Сентября 1797 года, умеръ въ 1801 году. Первый выпускъ, изъ казеннаго Шкловскаго благороднаго училища—16 Іюня 1799, воспитанниковъ. Четвертый выпускъ оттуда же 30 Сентября 1799 г., уже кадетовъ. Въ 1800 г. 17 Февраля Шкловскому благородному училищу повелѣно именоваться Шкловскимъ Кадетскимъ Корпусомъ. Состоявшіе тогда въ немъ подполковникъ Фливеркъ, маіоры Твардовскій, Медеръ, Пятигорскій, штабъ-ротмистръ Бокумъ, мичманъ Райковичь 1-й, подпоручикъ Райковичь 2-й, внесены въ общій армейскій списокъ пѣхотными чинами. При этомъ, въ тотъ же день, данъ высочайшій указъ Фливерку относиться во всемъ къ императору Павлу (указъ имѣется). Тогда Фливеркъ донесъ Государю о неудобствахъ помѣщенія въ Шкловѣ.

6-го Марта 1800 г. переименованы военными чинами состоявшіе въ Корпусѣ: колежскій асесоръ Эльснеръ—въ маіоры, титулярный совѣтникъ Петряевъ — въ капитаны; губернскіе секретари Деконскій и Мазани — въ поручики; колежскіе регистраторы Цалабанъ и Богоявленскій — въ подпоручики, и внесены въ общій армейскій списокъ.

16 Марта 1800 года, указомъ на имя Фливерка, повелѣно перемѣстить Шкловскій Корпусъ въ Гродно, во дворецъ королей Польскихъ (указъ имѣется). Къ указу собственноручная приписка императора Павла: „Совѣтую однакоже послать кого нибудь туда посмотрѣть тотъ дворецъ. Мнѣ онъ кажется довольно великъ“.

2-го Апрѣля 1800 г. Фливеркъ (вѣроятно, за что нибудь) отставленъ отъ службы.

1-го Мая 1800 отставленъ и маіоръ Твардовскій, но этотъ „за старостію и дряхлостію".

13 и 14 Іюля 1800 г. выпущено изъ Шкловскаго Кадетскаго Корпуса въ офицеры 60 человѣкъ. Всего Шкловское училище, со времени взятія въ казну до перевода въ Гродно, доставило 141 офицера, въ артилерію, армію и Черноморскіе линейные батальоны. Осенью 1800 году Шкловскій Корпусъ переведенъ въ Гродно.

16-го Октября 1800 года Шкловскому Кадетскому Корпусу велѣно именоваться Отдѣленіемъ Кадетскаго Корпуса Гродненскаго (П. С Зак., XXVI, № 19106), въ характерѣ вспомогательнаго учебнаго заведенія Перваго Кадетскаго Корпуса. Форма одежды Гродненскаго отдѣленія имѣется.

Въ 1802 выпущенъ изъ Гродненскаго Кадетскаго Корпуса кадетъ Закревскій *) въ прапорщики Архангелогородскаго пѣхотнаго полка.

Въ 1802 г. выпускаются по одному кадету въ день; общихъ выпусковъ нѣтъ.

Въ 1805 г. Гродненскій Кадетскій Корпусъ приведенъ въ двуротный составъ, на основаніи Положенія 21-го Марта (П. С. Зак., т. XXVIII, № 21675).

Въ 1810 г. Гродненскій Кадетскій Корпусъ, начальствуемый генералъ-маіоромъ Вильгельмомъ Карловичемъ Кетлеромъ, по просьбѣ дворянства Смоленской губерніи, переведенъ въ Смоленскъ, съ наименованіемъ Смоленскій Кадетскій Корпусъ.

Въ 1811 году новымъ директоромъ Перваго Кадетскаго Корпуса, полковникомъ Готовцовымъ, Смоленскій Кадетскій Корпусъ преобразованъ въ Военное Училище.

Въ 1812 г. Смоленскій Кадетскій Корпусъ перевозился въ Тверь, въ Ярославль, наконецъ, въ Кострому. Сопровождавшія при семъ передвиженіи орудія (единороги) сохранились на память и стояли въ корпусной, такъ называемой тронной, залѣ. Къ этому (1812 г.) восходятъ дѣла, хранящіяся въ Архивѣ нынѣшняго Московскаго Кадетскаго Корпуса; но раньше тамъ нѣтъ, и надо искать не въ Москвѣ.

Въ 1813 г. за наемный домъ въ Костромѣ отдано корпусомъ 1800 рублей. Штатъ корпуса опредѣленъ въ 270.000 рублей.

Въ 1814 г. домъ этотъ пріобрѣтенъ Корпусомъ за 6000 рублей (Корпусъ въ Костромѣ продолжалъ называться Смоленскимъ).

Въ 1817 г. директоръ генералъ-маіоръ Готовцовъ ходатайствовалъ о сравненіи Смоленскаго Кадетскаго Корпуса въ положеніи и штатѣ съ Императорскимъ Военно-Сиротскимъ Домомъ и о переводѣ Корпуса, за ветхостію зданія и возвышеніемъ цѣнъ на припасы, въ Москву, указывая на домъ князя Гагарина. Домъ этотъ

---

*) Въ послѣдствіи графъ, Московскій генералъ-губернаторъ А. А. Закревскій; изъ Гродненскаго же отдѣленія вышелъ бывшій директоръ Хозяйственнаго Департамента М. В. Дѣлъ, М. И. Лексъ.

велѣно осмотрѣть Московскому военному генералъ-губернатору графу Тормасову. До покупки же его, комитетъ директоровъ опредѣлилъ: отпускать въ Смоленскій Кадетскій Корпусъ не 270.000 рублей на 500 человѣкъ, а сколько причтется по наличному числу кадетовъ.

12-го Мая 1818 году опредѣленіе это утверждено.

Въ 1819 году умеръ шефъ корпуса генералъ-маіоръ Готовцовъ, и для осмотра заведенія командированъ генералъ-маіоръ М. С. Перской, донесшій, что корпусное зданіе ветхо и самый корпусъ слишкомъ удаленъ отъ столицы.

Въ 1820 году новый директоръ, генералъ-маіоръ П. С. Ушаковъ, командированный въ Москву, осматривалъ домы князя Гагарина, князя Куракина (на Разгуляѣ), графини Апраксиной (у Арбатскихъ воротъ) и Головинской дворецъ. Послѣдній оказался удобнѣе. Но по огромности его, положено помѣстить въ немъ, вмѣстѣ съ Корпусомъ, Военно-Сиротское Отдѣленіе и гарнизонный баталіонъ. Генералъ-маіоръ Ушаковъ занялся составленіемъ плановъ и смѣтъ.

Въ Январѣ 1823 года утверждено перемѣщеніе корпуса изъ Смоленска въ Москву.

Въ Мартѣ 1823 г. генералъ-маіоръ Ушаковъ, прибывъ въ Петербургъ, представилъ, чрезъ Московскаго военнаго генералъ-губернатора князя Д. В. Голицына, планы о помѣщеніи Смоленскаго корпуса и баталіона внутренней стражи въ Головинскомъ дворцѣ, а Военно-Сиротскаго Отдѣленія частью тутъ же, а частью въ Красныхъ казармахъ.

14-го Апрѣля 1823 г. высочайше опредѣлено: въ зданіи Головинскаго дворца помѣстить Корпусъ и Военно-Сиротское Отдѣленіе, со всѣми службами, начальствомъ и возможно-большимъ числомъ штабъ и оберъ-офицеровъ. Остальныхъ чиновъ Корпуса и Отдѣленія и весь гарнизонный баталіонъ съ штабъ и оберъ-офицерами размѣстить въ Красныхъ казармахъ.

На приспособленіе зданія къ помѣщенію въ немъ Корпуса исчислено до 855.000 рублей. Тогда же велѣно взять 400.000 рублей изъ экономической суммы Корпуса, а остальные 455.000 рублей пополнить изъ остатковъ суммъ, положенныхъ на содержаніе Корпуса.

Поэтому, на 1824 годъ, вмѣсто 101.949 руб. 84¾ к., требовавшихся по наличному числу кадетъ, велѣно отпустить всѣ 270.000 рублей (на полное число 500 человѣкъ) и столько же отпускать впредъ.

22 Іюля 1824 года Смоленскій Кадетскій Корпусъ переведенъ въ Москву.

3-го Августа 1824 года Смоленскій Кадетскій Корпусъ велѣно именовать Московскимъ Кадетскимъ Корпусомъ.

Въ 1826 году открытъ первый пріемъ дополнительнаго до 500 человѣкъ комплекта, въ 125 кадетъ.

1-го Іюля 1830 года открыто Малолѣтнее Отдѣленіе при Московскомъ Кадетскомъ Корпусѣ, подъ надзоромъ вдовы генералъ-

маіора Хомяковой. Помѣщено въ такъ называемомъ старо-сенатскомъ домѣ, на Нѣмецкой улицѣ. Дальнѣйшія свѣдѣнія найдете въ очеркѣ А. Н. Корсакова, который есть у васъ. Но необходимы свѣдѣнія архивныя,—изъ Штаба Военно-Учебныхъ заведеній или 1-го Кадетскаго Корпуса. Искать и выбирать ихъ здѣсь, въ Питерѣ, надо немедленно, этимъ же лѣтомъ.

Могутъ отыскаться свѣдѣнія, которыя избавятъ отъ поисковъ въ Шкловѣ, Смоленскѣ и т. д.

Рытьё въ Москвѣ (пожалуй, этимъ же лѣтомъ) потребуетъ и денежныхъ издержекъ.

Самое трудное и долговременное, это — списки, хронологическій и алфавитный, воспитателей и воспитанниковъ 1778—1878 гг. При всѣхъ спискахъ подъ рукой (а многіе надо еще розыскивать), уйдетъ на выборку зимы три; и тоже будетъ стоить денегъ, потому что выбирая нельзя уже заниматься ничѣмъ другимъ, но необходимо что-нибудь ѣсть.

Работа собственно-писательная, послѣ всѣхъ розысканій, не займетъ больше полугода, и вотъ третья издержка денежная, потому что эти шесть мѣсяцевъ опять надо же питаться.

И такъ издержекъ денежныхъ три:

1) На 3—4 лѣтнихъ мѣсяца въ Москвѣ.

2) На 15 зимнихъ мѣсяцевъ, въ три зимы, тутъ (въ Питерѣ).

3) На 6 мѣсяцевъ писанія-собственно, тутъ же.

А всего на 24 мѣсяца, во всѣ остающіяся 6 лѣтъ (съ 1872 по 1878 г.). Этимъ опредѣляется и вся задѣльная плата. Мелкіе труды: справки, сличенія, выписки и проч., хотя также требующія времени, въ счетъ не ставятся. Держаніе корректуры и т. п. также. Сочинитель будетъ вознагражденъ, если издатели предоставятъ ему десятка три экземпляровъ для обязательной раздачи друзьямъ и кровнымъ.

Надо подумать и о части художественной: портреты, рисунки. Но самое главное, Боже сохрани откладывать. Такъ и сгинетъ дѣло!... *).

*

4 Мая 1872 г. Питеръ.

Къ слову о конкурсѣ — фактъ, совершающійся именно теперь, во очію. Около трехъ лѣтъ назадъ (въ Октябрѣ минетъ три года), горное вѣдомство, желая отпраздновать достойнымъ образомъ столѣтній юбилей Горнаго Корпуса, объявило конкурсъ на „Исторію горнаго дѣла въ Россіи“ за 4000 рублей съ тѣмъ, что половина

---

*) Изъ этого можно видѣть, какъ горячо было усердіе М. Д. Хмырова написать исторію роднаго Корпуса, и какъ умѣренны были его желанія относительно пособія ему въ этомъ дѣлѣ со стороны товарищей, существенно необходимаго лишь, такъ сказать, по физической потребности: „работая, надобно что-нибудь да ѣсть“..... Я имѣлъ полную надежду, что если бы болѣзнь не прекратила дни М. Д. Хмырова, все это легко бы устроилось при содѣйствіи даже небольшаго кружка товарищей его по мѣсту воспитанія. Теперь же остается пожелать, чтобы послѣднія слова его не были пророчествомъ, что́ было бы болѣе чѣмъ грустно.

уйдетъ на печатаніе труда. И чтоже? Никакой „Исторіи“ до сихъ поръ нѣтъ, хотя срокъ представленія истекъ уже 6 мѣсяцевъ назадъ. Остается въ виду только представленная мною вскорѣ по обнародованіи программы „Исторія горнаго дѣла на Руси до-петровской“, и ей, хотя она только часть задачи, должна быть выдана, по буквѣ программы, вся награда. Оно и понятно: кто же, въ дѣлѣ историческомъ, безъ архивовъ невозможномъ (это вѣдь не сочиненіе какое), возметъ на себя пріѣхать въ Питеръ, архивный центръ или, живя въ Питерѣ, зарыться въ архивы, работать три года, и все это — на ура: будетъ или не будетъ взята премія? Не благоразумнѣе ли вѣдомству, желающему имѣть трудъ, самому избрать автора (выборъ этотъ — дѣло не легкое), котораго и обязать дѣломъ, со всѣми поощреніями и облегченіями. Дѣло отъ того несомнѣнно выиграетъ. Горное вѣдомство хватилось, что сдѣлало промахъ, да уже поздно. Тоже самое можетъ послѣдовать и съ конкурсомъ „Исторіи Московскаго Корпуса“. Юбилей наступитъ, а не будетъ ничего *). Прорывшись около 20 лѣтъ во всѣхъ почти архивахъ обѣихъ столицъ, я вынесъ убѣжденіе такое: выполнить историческій трудъ, какой бы то ни было, тѣмъ паче сложный, живя не въ столицахъ — нельзя; и примѣровъ такихъ не было (укажите!); а живя въ Питерѣ — можно, но человѣку, во 1-хъ съ подготовкой къ занятіямъ именно архивнымъ (занятія эти совсѣмъ особыя), во 2-хъ со всѣми обезпеченными первыми потребностями жизни — самой скромной, не дальше. Иначе не выйдетъ ничего, или выйдетъ дрянь.

И такъ, дайте мнѣ: архивъ, архивъ, архивъ! (т. е. позволеніе попасть въ архивъ). Порывшись въ немъ, скажу вамъ, что́ можно сдѣлать. А спѣшить самымъ дѣломъ (писаніемъ) не надо: спѣшить не годится. Открытіе архива, съ правомъ брать на домъ, ничего не стоитъ.

*

Ночь на 5 Іюля 1872 г. Питеръ.

Роюсь всюду, съ единой цѣлью отыскать какъ можно больше матеріаловъ къ будущей исторіи дорогаго нашего Корпуса. И труды мои не вполнѣ безплодны. Я люблю начинать все сначала, и личность С. Г. Зорича почти выяснилась предо мною во всей своей фактической обстановкѣ. За нею начинаетъ обнаруживаться и Шкловскій періодъ нашего Корпуса. Отыскиваются кое-какія данныя и о Гродненскомъ Отдѣленіи; набираются свѣдѣ-

*) Съ этимъ мнѣніемъ М. Д. Хмырова на счетъ конкурса я всецѣло согласенъ и обращаю на него вниманіе тѣхъ изъ нашихъ сотоварищей, которымъ этотъ способъ, по невѣдѣнію, кажется легчайшимъ къ рѣшенію задачи, требующей особаго приготовленія, но главное охоты и навыка къ архивнымъ трудамъ. Тѣмъ и другимъ М. Д. Хмыровъ обладалъ въ высшей степени, а замѣнить его можетъ, на сколько мнѣ извѣстно, скорѣе другихъ изъ нашихъ сотоварищей, А. Н. Корсаковъ, при тѣхъ же условіяхъ, на которыя указываетъ М. Д. Хмыровъ, т. е. если заинтересованные въ этомъ дѣлѣ пожелаютъ вызвать его на этотъ трудъ и окажутъ ему необходимыя и благовременныя поощренія и облегченія.

нія о періодахъ Смоленскомъ и Костромскомъ. Рядъ начальниковъ (директоровъ) Корпуса, отъ самаго Зорича, кажется, полонъ. Все это, разумѣется, вѣхи, но около которыхъ сгруппируются событія и слѣдственно образуется цѣлое. До сихъ поръ я имѣю дѣло преимущественно съ источниками печатными. Но кто знаетъ, что̀ погребено въ старыхъ листкахъ и книжкахъ нашей періодической литературы (не говоря о книгахъ собственно), тотъ согласится, что никакая монографія не можетъ быть выполнена добросовѣстно безъ такого же знакомства съ Русской библіографіей, представляющей, къ сожалѣнію, поле невоздѣланное. Кто, напримѣръ, станетъ перебирать изъ № въ № „Московскія Вѣдомости" за 30 лѣтъ прошлаго столѣтія? А сколько тамъ матеріаловъ—для чего угодно!

За неимѣніемъ подъ рукой архивовъ, я между прочимъ перебираю старыя газеты моего собранія и по нимъ составляю списки служившихъ и воспитывавшихся въ нашемъ корпусѣ. Пробѣлы тутъ неизбѣжны, потому что полнаго собранія газетъ у меня нѣтъ, какъ нѣтъ этаго даже въ Публичной Библіотекѣ. Но все лучше что нибудь, нежели ничего. По крайней мѣрѣ, закладываемъ основаніе. А со временемъ, когда судьба откроетъ двери архива военно-учебныхъ заведеній и развернетъ полуистлѣвшія хартіи передъ тѣмъ, кто будетъ къ тому призванъ, знайте, что у меня есть уже кое-что, и всѣмъ этимъ, по нашей родной пословицѣ: „что̀ ни есть въ печи, на столъ мечи", я послужу съ радостію, кому укажете. Въ поискахъ моихъ я наткнулся на перваго законоучителя въ Шкловскомъ корпусѣ. Это былъ отецъ-протоіерей Старынкевичъ, о которомъ современники отзываются, какъ о мужѣ ученомъ. Сынъ его, воспитанникъ Корпуса, занималъ въ послѣдствіи видное мѣсто по гражданской службѣ. Интересенъ разсказъ современника же о переселеніи корпуса изъ Шклова въ Гродно. Любопытна переписка императора Павла съ подполковникомъ Фливеркомъ, помощникомъ Зорича. Оказывается, что большинство корпусныхъ офицеровъ въ Смоленскѣ и Костромѣ—воспитанники Зорича. Обстоятельство это любопытно въ особенности, какъ нѣчто традиціонное, почти семейное. Воспитанникъ этихъ воспитанниковъ, капитанъ Граматинъ, единственная корпусная жертва Московской холеры 1830 года, слылъ человѣкомъ разумнымъ, кромѣ того ученымъ. Я и теперь слушаю разсказы о немъ одного изъ его учениковъ, оставившаго Корпусъ въ 1830 году. Личность самаго Зорича, къ удивленію моему, двойственная: онъ, отчасти, самозванецъ. Я догадывался объ этомъ еще лѣтъ 15 тому назадъ, занимаясь обстоятельно архивомъ л. гвардіи Измайловскаго полка. Теперь это мнѣ уясняется. Но къ свѣдѣніямъ окончательнымъ я еще не пришелъ.

Буду слѣдить воспитанниковъ Зоричева Корпуса, погибшихъ въ Швейцарскомъ походѣ Суворова и на поляхъ битвъ Наполеоновскихъ. Черная мраморная доска въ нашей корпусной церкви начинается, какъ вамъ извѣстно, только съ 1831 года, конечно, за неимѣніемъ свѣдѣній и нестараніемъ добыть ихъ. Уповаю, что труды моего невольнаго и горькаго досуга пригодятся—не мнѣ, такъ

другому. Лишь бы самое дѣло выгорѣло! И пусть служитъ ему, чѣмъ можетъ, каждый мыслящій птенецъ Зоричева гнѣзда.

*

Ночь на 21 Іюля 1872 г. Питеръ.

..... Спѣшу привѣтствовать васъ, какъ сочувственника ближайшаго, съ прочнымъ началомъ дѣла. Прочнымъ говорю я потому, что столько охоты и готовности съ разныхъ сторонъ не можетъ не увѣнчаться успѣхомъ вожделѣннымъ. Архивъ и, увы! деньги придутъ послѣ; и лучше, если они будутъ продолженіемъ, а не началомъ дѣла, во главѣ котораго не должна стоять корысть.

Теперь я буду говорить о самомъ дѣлѣ, въ тѣхъ видахъ, чтобъ слова мои, добытыя не съ вѣтра, а изъ многолѣтняго опыта, вы благоволили передать къ свѣдѣнію А. Н. Корсакова. Онъ же, съ своей стороны, можетъ принять или не принять ихъ, на сколько это будетъ ему угодно. Единая цѣль моя, въ настоящемъ случаѣ—самое дѣло. Такъ прошу и разумѣть меня.

Начинаю съ аксіомы, что раздѣленіе занятій—самый достовѣрный способъ не только обезпечить предпріятіе, какъ бы то ни было, но и совершить его. Женевскіе часы прекрасны потому, что каждая малѣйшая частичка ихъ сложнаго механизма производится всегда однимъ и тѣмъ же семействомъ, потомственно: если прадѣдъ отдѣлывалъ шестерню, то и правнукъ не станетъ отдѣлывать ничего другаго. Усовершенствованіе достигается тутъ самымъ естественнымъ образомъ.

Вы пишете, что А. Н. Корсаковъ желаетъ продолжать начатый имъ трудъ и намѣревается заниматься въ архивахъ Московскихъ. Прекрасно! Но должно, такъ сказать, оріентироваться въ работѣ.

И такъ какъ А. Н. Корсаковъ во 1-хъ, человѣкъ Московскій, во 2-хъ бывшій адъютантъ нашего Корпуса, слѣдственно знако́мъ съ архивомъ послѣдняго, то не согласится ли онъ, для общей пользы взять на себя исключительно два большихъ отдѣла будущаго труда: а) Исторію мѣста и воздвигнутаго на немъ зданія (т. е. такъ называемаго Головинскаго дворца; б) Періодъ Корпуса собственно Московскій, т. е. съ 1824 года? Все прочее, т. е. съ 1778 по 1824 годъ, съ удовольствіемъ возьму на себя я, и такъ, что имѣющееся у меня теперь или предполагаемое къ отысканію впредъ по отдѣламъ, на которые указываю г. Корсакову, я сообщу и буду сообщать ему; а онъ, по моимъ, пусть сообщаетъ мнѣ. Работа, такимъ образомъ, опредѣлится и для каждаго изъ работниковъ облегчится; и дѣло, при неразбросанности вниманія трудящихся, выиграетъ несомнѣнно. Угодно? Отвѣчайте скорѣе и категорически, безъ всякихъ но. Времени, по видимому, хотя впередъ и много, но это только повидимому. Одно чтеніе корректуръ и печатаніе, гдѣ бы ни происходили онѣ, займутъ года два, это навѣрное. Стало быть на трудъ-собственно остается года четыре: не увидимъ ихъ!

Что же касается сводки, сдѣланной А. Н. Корсаковымъ и напечатанной въ Московск. Вѣдомостяхъ, она не можетъ почитаться вполнѣ годною для труда капитальнаго; во 1-хъ, какъ сводка, не болѣе того, во 2-хъ же, какъ сводка, основанная на источникахъ исключительно печатныхъ и устарѣвшихъ. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ значатъ теперь Голиковъ, Бантышъ-Каменскій и иже съ ними?

Если А. Н. Корсаковъ человѣкъ дѣла и науки, онъ согласится со мной также искренно, какъ искренно предлагаю я. Инаго раздѣленія занятій не вижу. Беру на себя часть труднѣйшую, но болѣе удобную для человѣка Питерскаго. Въ Московскихъ архивахъ (извѣстныхъ мнѣ, какъ пять пальцевъ), дѣлъ подходящихъ къ нашему нѣтъ; но въ Дворцовой Конторѣ прекрасные матеріалы для исторіи мѣста и зданій Головинскихъ дворцовъ, съ Анненгофомъ включительно. А въ архивѣ Корпуса дѣла не восходятъ раньше 1812 года.

И если А. Н. Корсаковъ приметъ мое предложеніе, то осенью же у насъ можетъ закипѣть работа, съ раздѣленіемъ занятій и взаимнымъ сообщеніемъ свѣдѣній, о которыхъ кому „вѣдать надлежать будетъ".

Само собой разумѣется, что взятые отдѣлы должны разработываться со всею тщательностію и подробностію. При раздѣленіи занятій, можно не торопиться; а поспѣшишь, извѣстно, людей насмѣшишь. Около 20 лѣтъ я уже собираю все, что̀ попадало мнѣ подъ руку о нашемъ Корпусѣ, и знаю по опыту, какова эта работа. Подѣлиться ею необходимо.

Спасибо вамъ на добромъ словѣ, что сулите къ осени архивъ В. У. Завед. Давно бы пора! Но случилось, что и этого лѣта я не потерялъ совершенно даромъ, налегши на списки. Завтра вечеромъ ѣду къ генералу А. А. Якимовичу, который долго служилъ въ Главномъ Штабѣ, знаетъ хорошо тамошній архивъ и обѣщалъ мнѣ разузнать о всѣхъ офицерскихъ спискахъ за послѣднія 15 лѣтъ царствованія Екатерины II, какъ оказывается, что воспитанники Шкловскаго Училища начали производиться прямо въ офицеры артилеріи и арміи съ 1781 года.

На дняхъ, напримѣръ, я узналъ, что Левъ Николаевичь Энгельгардтъ, генералъ-маіоръ, родичь князя Потемкина и авторъ извѣстныхъ любителямъ Записокъ, учился въ Зоричевомъ корпусѣ весь 1779 г., будучи уже Преображенскимъ сержантомъ. Онъ свидѣтельствуетъ, что кадеты Зорича особенно хорошо занимались Математикой. Все это-крайне любопытно.

Я и самъ бы написалъ А. Н. Корсакову; но знаю его мало, а куда писать къ нему, не знаю вовсе. Для выигрыша времени, можете это письмо сообщить ему въ оригиналѣ, на прочтеніе, или какъ угодно. Лишь бы я имѣлъ скорѣе отвѣтъ.

*

Изъ отвѣта А. К. Корсакова на письмо мое, при коемъ была приложена копія съ предъидущаго письма ко мнѣ М. Д. Хмырова.

29 Сентября 1872 г., Серпуховъ.

Мысль ваша о раздѣленіи труда была и моею мыслью, а потому можете себѣ представить, съ какою готовностію я принимаю ее отъ чистаго сердца; подтверждаю и готовность все собранное мною предоставить въ полное распоряженіе М. Д. Хмырова. Какъ говорилъ, такъ и сдѣлаю. Лишь только получу разрѣшеніе заниматься въ архивѣ Первой Московской Военной Гимназіи, тотчасъ же приступлю къ дѣлу, и все, что̀ мною будетъ собрано какъ изъ дѣлъ, такъ и изъ другихъ источниковъ, передамъ вамъ, а вы Михаилу Дмитріевичу. Охотно предоставляю ему право быть редакторомъ будущей моей работы—это необходимо для соблюденія единства въ трудѣ. Нѣтъ надобности говорить, что я буду глубоко благодаренъ М. Д., если онъ будетъ сообщать мнѣ свѣдѣнія о корпусѣ, относящіяся къ его „Московскому періоду"

*

Изъ отвѣта М. Д. Хмырова, по полученіи отъ меня вышеприведеннаго письма А. Н. Корсакова.

5 Октября 1872 г., Питеръ.

Петербургскіе архивы, въ которые желалъ быть допущеннымъ М. Д. Хмыровъ для составленія исторіи 1-го Московскаго Корпуса:

1) Главный Государственный, при Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, для чтенія бумагъ съ 1776 по 1800-й годъ (біографія нашего благотворителя Сем. Гавр. Зорича, его придворная служба, переписка, имѣнія, дѣла, долги, счеты и т. д.).

2) Главнаго Штаба (бывшій Военной Коллегіи) для составленія возможно полнаго списка офицерамъ, выпущеннымъ изъ Зоричева учрежденія по 1824 годъ. Также для выборки именъ нашихъ однокашниковъ, павшихъ въ разныхъ бояхъ за Отечество по 1831 годъ, которымъ только и начинаются, за недостаткомъ свѣдѣній, черныя, мраморныя доски въ церкви бывшаго 1-го Московскаго Корпуса.

3) Главнаго Артиллерійскаго Управленія въ С.Петербургѣ, для тойже цѣли.

4) Главнаго Инженернаго Управленія въ С.Петербургѣ.

5) Сенатскій въ С.Петербургѣ и Министерства Юстиціи въ Москвѣ, для узнанія расходовъ Зорича при императрицѣ Екатеринѣ II-й и доли ихъ собственно на Корпусъ.

(*Сообщилъ архимандритъ Леонидъ*).

ИЗЪ СТАРОЙ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ НАЧАТОЙ ВЪ 1813 ГОДУ *).

Профессоръ Московскаго университета Шлёцеръ, сынъ знаменитаго нашего Несторіанца, пользовался въ Москвѣ извѣстностью и уваженіемъ, едва-ли не въ лучшую пору процвѣтанія Московскаго университета. Въ то время выписываемы были для преподаванія нѣкоторыя Европейскія знаменитости. Они нисколько не давили и не заслоняли развитія отечественныхъ дарованій; напротивъ, отсюда выходило полезное соревнованіе.—Говорятъ о вредѣ замкнутыхъ учебныхъ заведеній для успѣшнаго образованія юношества; но можно многое сказать и о вредѣ замкнутаго и односторонняго преподаванія. Свѣжіе и навѣваемые извнѣ притоки воздуха очищаютъ внутреннюю температуру и придаютъ ей гигіеническую силу. Мечты о какой-то народной, доморощенной наукѣ и требованія на посѣвъ и обработку ея—ничто иное какъ ребячество и прихоть узкаго патріотизма. Когда наука раздробится на пограничные и чрезполосные участки, тогда науки не будетъ, а останутся одни учебники.

*

Шлёцеръ былъ при томъ красивый и плотный мущина. Онъ давалъ уроки въ домѣ К., молодому сыну. Ему показалось, что во время уроковъ мать ученика очень часто приходитъ въ учебную комнату и нѣжно и вызывательно заглядывается на учителя. Цѣломудренная натура Нѣмецкаго Іосифа содрогнулась отъ покушеній новой Потифаровой жены. Вскорѣ за тѣмъ, пишетъ онъ мужу, что не можетъ продолжать давать уроки сыну, потому что подмѣтилъ, что г-жа К. влюблена въ него.

*

Подъ пару цѣломудренному Іосифу-Шлёцеру, выведемъ еще ученаго, и не менѣе благочестиваго Нѣмца. До имени его дѣла нѣтъ. Онъ былъ, однажды, за вечернимъ чаемъ у Карамзиныхъ въ Царскомъ Селѣ. Пріѣзжаетъ тудаже княгиня Г-а, которой онъ не зналъ. Зашла рѣчь о Жуковскомъ и сочиненіяхъ его. Княгиня говоритъ, что его обожаетъ. Нѣмецъ перебиваетъ ее и спрашиваетъ: „А позвольте узнать, милостивая государыня, вы дѣвица, или замужняя?"—„Замужняя".—„Въ такомъ случаѣ, осмѣлюсь замѣтить, что замужняя женщина никого и ничего обожать не должна, за исключеніемъ мужа". Понятно, какъ подобная назидательная выходка позабавила все общество, начиная отъ самой княгини. Не лишнимъ будетъ при томъ вспомнить, что княгиня лѣтъ пятнадцать и болѣе жила уже врозь съ мужемъ. Вопросъ и нравоученіе Нѣмца были тѣмъ смѣшнѣе.

Княгиня Г-на была въ свое время замѣчательная и своеобразная личность въ Петербургскомъ обществѣ. Она была очень красива, и въ красотѣ ея выражалась своя особенность. Она долго пользова-

---

*) См. выше, стр. 99.

лась этимъ преимуществомъ. Не знаю, какова была она въ первой своей молодости; но и вторая и третья молодость ея плѣняли какою-то свѣжестью и цѣломудріемъ дѣвственности. Черные, выразительные глаза, густые темные волосы, падающіе на плеча извивистыми локонами, южный матовый колоритъ лица, улыбка добродушная и граціозная: придайте къ тому голосъ, произношеніе необыкновенно-мягкіе и благозвучные—и вы составите себѣ приблизительное понятіе о внѣшности ея. Вообще красота ея отзывалась чѣмъ-то пластическимъ, напоминавшимъ древнее Греческое изваяніе. Въ ней ничто не обнаруживало обдуманной озабоченности, житейской женской изворотливости и суетливости. Напротивъ, въ ней было что-то ясное, спокойное, скорѣе лѣнивое, безстрастное. По обезпеченному состоянію своему, по обоюдно-согласному разрыву брачныхъ отношеній, она была совершенно независима. Въ слѣдствіе того устроила она жизнь свою, не очень справляясь съ уставомъ свѣтскаго благочинія, которому подчинилъ себя нѣсколько чопорный и боязливый Петербургъ. Но эта независимость, это свѣтское отщепенство держались въ строгихъ границахъ чистѣйшей нравственности и существеннаго благоприличія. Никогда ни малѣйшая тѣнь подозрѣнія, даже злословія, не отемняли чистой и свѣтлой свободы ея. Можетъ быть, старожилы, укоренившіеся на почвѣ прежнихъ порядковъ и старовѣры осуждали нѣкоторыя странности этой жизни, освободившейся отъ крѣпостной зависимости; другіе, можетъ быть, исподтишка и смѣялись надъ подобными эксцентричностями: общество назидательно обсуждаетъ, или себялюбиво предаетъ осмѣянію все, что̀ осмѣливается перешагнуть на сторону со столбовой дороги, которую проложило оно себѣ. Все это въ порядкѣ вещей. Все это могло выпасть, и вѣроятно, пало на долю княгини; но, повторимъ еще, доброе имя ея, и при этой общественной цензурѣ, осталось безупречно-неприкосновеннымъ. При всемъ этомъ, не могла-же такая личность проходить безслѣдно и не пробуждать нѣжныхъ сочувствій въ томъ или другомъ сердцѣ. Такъ и было. Она, на молодомъ вѣку своемъ, внушила нѣсколько глубокихъ и продолжительныхъ приверженностей, почти поклоненій. До какой степени сердце ея, въ чистотѣ своей, отвѣчало на эти жертвоприношенія, и отвѣчало-ли оно, или только благосклонно слушало, все это остается тайною. Да и во всякомъ случаѣ, для свѣтскаго любопытства мало приманчивости и пищи въ разгадкѣ романа платоническаго. Большая часть читателей не зачитывается романа, въ которомъ съ первыхъ страницъ не угадывается, что̀ будетъ продолженіе впредъ. Этого обыкновеннаго и неминуемаго впредъ и ожидаютъ нетерпѣливые читатели, а услужливые романисты считаютъ обязанностью не томить терпѣнія продолжительнымъ ожиданіемъ.

Въ числѣ извѣстныхъ поклонниковъ княгини назовемъ двухъ, особенно отличавшихся умственными и нравственными достоинствами. Одинъ изъ нихъ—М. Ѳ. Орловъ, рыцарь любви и чести, который не былъ-бы неумѣстнымъ и лишнимъ въ той исторической порѣ, когда рыцарство почиталось призваніемъ и удѣломъ возвышен-

ныхъ натуръ. Другой—князь Михаилъ Петровичь Долгоруковъ, одна изъ блестящихъ, но рано угасшая надежда царствованія императора Александра Іго. Говорили, что въ отношеніи къ послѣднему со стороны княгини были попытки и домогательства освободить себя путемъ законнаго развода; но упрямый мужъ не соглашался на расторженіе брака. Какъ-бы то ни было, смерть доблестнаго князя Долгорукова неожиданно разорвала недописанные листы этого романа.

Домъ ея, на Большой Милліонной, былъ артистически украшенъ кистью и рѣзцомъ лучшихъ изъ современныхъ Русскихъ художниковъ. Хозяйка сама хорошо гармонировала съ такою обстановкою дома. Тутъ не было ничего изъ роскошныхъ принадлежностей и прихотей своенравной и скороизмѣнчивой моды. Во всемъ отражалось что-то изящное и строгое. По вечерамъ, немногочисленное, но избранное общество собиралось въ этомъ салонѣ: хотѣлось-бы сказать въ этой храминѣ, тѣмъ болѣе, что и хозяйку можно было признать не обыкновенною свѣтскою барынею, а жрицею какого-то чистаго и высокаго служенія. Вся постановка ея, вообще туалетъ ея, болѣе живописный, нежели подчиненный современному образцу, все это придавало ей и кружку, у нея собиравшемуся, что-то не скажу таинственное, но и не обыденное, не завсегдашнее. Можно было-бы думать, что тутъ собирались не просто гости, а и посвященные. Выше сказали мы: собирались по вечерамъ. Найдется и тутъ поправка: можно было-бы сказать — собирались médianoche, въ полночь *). Княгиню прозвали въ Петербургѣ La Princesse Nocturne (княгиня ночная). Впрочемъ собирались къ ней не поздно, но долго засиживались. Княгиня не любила рано спать ложиться, и бесѣды длились обыкновенно до трехъ и четырехъ часовъ утра. Лѣтомъ живала она на дачѣ своей на Невѣ. Прозрачныя и свѣтлыя Невскія ночи еще болѣе благопріятствовали этимъ продолжительнымъ всенощнымъ. Даже свирѣпствовавшая холера не мѣшала этимъ сходкамъ вѣрныхъ избранныхъ. Едва-ли не одновременно похитила она двухъ-трехъ изъ нихъ. Кажется, въ числѣ ихъ былъ и графъ Ланжеронъ.

Событія 1812 г. живо расшевелили патріотическую струну княгини. Помнится, вскорѣ по окончаніи войны, явилась она въ Москвѣ, на обыкновенный балъ Благороднаго Собранія, въ сарафанѣ и кокошникѣ, оплетенномъ лаврами. Невозмутимо и съ нѣкоторою храбростью прохаживалась она по залѣ и посреди дамъ въ обыкновенныхъ бальныхъ платьяхъ; съ недоумѣніемъ, а, можетъ быть, и съ насмѣшливымъ любопытствомъ, смотрѣли онѣ на эту возрожденную Марѳу Посадницу. Во всякомъ случаѣ эти барыни худо понимали, что̀ это значитъ. Славянофильства и напряженныхъ народолюбивыхъ помышленій тогда и въ поминѣ не было: всѣ довольствовались тѣмъ, что просто порусски выпроводили незваныхъ гостей

*) Médianoche, посреди ночи, Испанское выраженіе, перешедшее и въ другіе западноевропейскіе языки. Имъ означается полуночный пиръ, особенно послѣ постнаго дня. *П. Б.*

изъ Россіи, и съ почетомъ проводили ихъ до Парижа. Каждому дню довлѣетъ злоба его.

Была-ли княгиня очень умна, или нѣтъ? Знавъ ее довольно коротко, мы не безъ нѣкотораго смущенія задаемъ себѣ сей затруднительный и щекотливый вопросъ. Но положительный отвѣтъ дать на него не беремся. Во первыхъ, по мнѣнію нашему, умъ такая неуловимая и улетучивающаяся составная часть, что измѣрить ее, взвѣсить и положительно опредѣлить невозможно. Кажется, въ Испаніи не говорятъ о человѣкѣ: онъ храбръ, а говорятъ: онъ былъ храбръ въ такой-то день, въ такомъ-то дѣлѣ. Можно примѣнить эту осторожность и къ умнымъ людямъ. Особенно женскій умъ не поддается положительной оцѣнкѣ. Умъ женщины иногда тѣмъ и ограничивается, но тѣмъ и обольщаетъ и господствуетъ, что онъ отмѣнно чутокъ на чужой умъ. Женскій умъ часто гостепріименъ; онъ охотно зазываетъ и привѣтствуетъ умныхъ гостей, заботливо и ловко устроивая ихъ у себя: такъ проницательная и опытная хозяйка дома не выдвигается впередъ передъ гостями, не перечитъ имъ, не спѣшитъ перебить у нихъ дорогу, а напротивъ какъ будто прячется, чтобы только имъ было и просторно, и вольно. Женщина, одаренная этимъ свойствомъ, едва-ли не перетягиваетъ на свою сторону владычество женщины надѣленной способностями болѣе рѣзкими и властолюбивыми. Эта пассивность женскаго ума есть нерѣдко увлекательная прелесть и сила. Кажется (сколько можемъ судить по позднему знакомству) этою силою должна была въ высшей степени обладать извѣстная г-жа Рекамье. Блистательная, и въ нѣкоторомъ отношеніи геніальная пріятельница ея, г-жа Сталь, должна была уступать ей первенствующее мѣсто въ состязаніи поклонниковъ, которые толпились предъ тою и другою. Извѣстенъ отвѣтъ Талейрана. Г-жа Сталь, въ присутствіи г-жи Рекамье, спросила его: „Если мы обѣ тонули-бы, которую изъ насъ бросились-бы вы сперва спасать?“—„О, я увѣренъ, отвѣчалъ лукавый дипломатъ, что вы отлично плавать умѣете“. Бенжаменъ Констанъ былъ въ связи съ г-жею Сталь, но до безумія влюбленъ былъ въ г-жу Рекамье.

Сравнивать Парижскіе салоны того времени съ салономъ Большой Милліонной было-бы слишкомъ смѣло; подводить подъ одинъ знаменатель личности, которыя встрѣчались тамъ, и тѣ, которыя могли встрѣчаться у насъ, было-бы неловко. Ограничимся тѣмъ, что̀ мы сказали, не принимая на себя отвѣтственности рѣшать вопросъ ни въ томъ, ни въ другомъ отношеніи: умъ вообще и женскій умъ въ особенности остаются пока еще открытымъ вопросомъ.

Съ своихъ чисто-умозрительныхъ и эстетическихъ вершинъ княгиня сходила иногда на почву и прозаическихъ общественныхъ обсужденій. Въ доказательство тому упомянемъ о противо-картофельномъ походѣ, который предприняла она противъ графа Киселева, когда новый министръ государственныхъ имуществъ заботился объ успѣшномъ разведеніи картофеля въ сельскихъ общинахъ. Ей казалось, что это нововведеніе есть посягательство на

Русскую національность, что картофель испортитъ и желудки, и благочестивые нравы нашихъ искони и богохранимыхъ хлѣбо и кашеѣдовъ. Съ упорствомъ и страстью отстаивала она свой протестъ, которымъ довольно забавлялись въ обществѣ.

Еще позднѣе и въ послѣдніе годы жизни своей, княгиня пустилась въ высшую математику, соединенную съ еще высшею метафизикою. Эти занятія признавала она какимъ-то наитіемъ свыше. Она никогда къ нимъ не готовилась и разрѣшала многотрудныя задачи, такъ сказать, безсознательно и невѣдомо отъ себя. Таковы были собственныя оцѣнки трудовъ ея. Забывая свой прежній сарафанъ, переѣхала она на время въ Парижъ, лучшій и удобнѣйшій городъ для подобныхъ упражненій. Разумѣется, Русская княгиня, къ тому-же богатая, легко отыскала въ ученой Парижской братіи усердныхъ приверженцевъ и дѣятельныхъ сотрудниковъ. Она въ это время издала на Французскомъ языкѣ нѣсколько брошюрокъ по этимъ темнымъ и головоломнымъ предметамъ. Но Русская струя, но Русскій духъ и тутъ были ей не совершенно чужды: при ней, въ качествѣ секретаря или компаньонки (почему не сказать барской барышни?) находилась дочь Сергѣя Николаевича Глинки. Это было родъ Русской ладонки отъ окончательнаго вражьяго, иноземнаго соблазна.

Не знаю, продолжала-ли княгиня, по возвращеніи своемъ въ Петербургъ, заниматься опытами умозрительнаго сновидѣнія своего; но мнѣ жаль, что разстаюсь съ ней на этомъ поворотѣ жизни ея. Въ прежнихъ видахъ и обстановкахъ было болѣе поэзіи, самобытности и правды. Quand le diable devint vieux, il se fit ermite *), говоритъ Французская поговорка. Напрасно! Бѣсу лучше оставаться бѣсомъ до конца, а женщинѣ женщиною, даже когда уже нѣтъ молодости. Метафизика для нея удушливое убѣжище. Хуже ея развѣ одна политика. Кажется, когда настаетъ для женщины пора линянія и отрезвленія, и нужно ей какъ нибудь порѣшить съ собою, то лучше уже откровенно и съ самоотверженіемъ приняться ей за нюханіе табаку: табакерка въ рукахъ женщины есть знаменіе отреченія отъ владычества своего и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ сатаны и всѣхъ дѣлъ его. Впрочемъ все это не касается до нашей княгини. При всей женственности, которою была она проникнута, она, кажется, по натурѣ-ли своей или по обѣту, никогда не прибѣгала къ обольстительнымъ пріемамъ, въ которые невольно вовлекается женщина, одаренная внѣшними и внутренними приманками. Однимъ словомъ, нельзя представить себѣ, чтобы княгиня, когда-бы и въ какихъ обстоятельствахъ то ни было, могла, если смѣемъ сказать, промышлять обыкновенными уловками прирожденнаго болѣе или менѣе каждой женщинѣ, такъ называемаго кокетства.

Со всемъ тѣмъ и Пушкинъ, въ медовые мѣсяцы вступленія своего въ свѣтъ, былъ маленько привороженъ ею. На долго-ли, неизвѣстно, но, во всякомъ случаѣ, неправдоподобно. Въ сочиненіяхъ

*) Когда чортъ старѣетъ, то дѣлается отшельникомъ.

его встрѣчаются стихи, на имя ея надписанные, если не страстные, то довольно воодушевленные. Правда, въ тѣхъ-же сочиненіяхъ есть и оборотная сторона медали. Едва-ли не къ княгинѣ относится слѣдующая замѣтка, по поводу появленія въ свѣтъ первыхъ 8-ми томовъ Исторіи Государства Россійскаго: „Одна дама, впрочемъ весь„ма почтенная (въ первоначальномъ текстѣ сказано милая) при „мнѣ, открывъ 2-ю часть (Исторіи) прочла въ слухъ: Владиміръ „усыновилъ Святополка, однако не любилъ его..... Однако! „за чѣмъ не но? Однако! Какъ это глупо! Чувствуете-ли вы всю „ничтожность вашего Карамзина?“

Какъ ни странна эта критика, но я ею радуюсь. Во первыхъ доказываетъ она, что и въ высшемъ обществѣ, осужденномъ за безграмотность многими не высшими судіями нашими, всякая замѣчательная, хотя-бы и Русская, книга не ускользаетъ отъ вниманія даже и великосвѣтскихъ барынь. Далѣе радуетъ меня сродство критики княгини съ критикою многихъ нашихъ журнальныхъ борзописцевъ. Замѣчаніе княгини такъ-бы и улеглось въ любомъ Русскомъ журналѣ. Слѣдовательно нѣтъ этого вопіющаго разрыва между литературою нашею и нашимъ обществомъ, разрыва, о которомъ у насъ сѣтуютъ и противъ котораго такъ негодуютъ.

Между тѣмъ нелишнимъ допустить здѣсь предположеніе, что княгиня находилась тогда подъ вліяніемъ всеславянскаго генерала Костенецкаго, усерднаго посѣтителя и отчасти оракула этого капища. Впрочемъ, другой приверженецъ княгини, умный и образованный Михаилъ Орловъ, былъ также недоволенъ трудомъ Карамзина: патріотизмъ его оскорблялся и страдалъ въ виду прозаическаго и мѣщанскаго происхожденія Русскаго народа, которое выводилъ историкъ.

Вотъ еще замѣтка Пушкина: „Онъ (т. е. Орловъ) пенялъ Карам„зину, за чѣмъ, въ началѣ Исторіи, не помѣстилъ онъ какой ни„будь блестящей гипотезы о происхожденіи Славянъ, то „есть требовалъ романа въ Исторіи“.

Не дожилъ Орловъ до исполненія патріотическихъ требованій и прихотей своихъ. Позднѣе возникла цѣлая школа гипотезъ, болѣе или менѣе блестящихъ: выбирай любую. Семь Греческихъ городовъ спорили о мѣсторожденіи слѣпаго Омира; наберется, вѣроятно, столько-же изыскателей колыбели Русскаго народа. До окончательнаго рѣшенія спора приходится тысячелѣтнему младенцу быть безъ глазу у семи нянекъ или кормилицъ своихъ.

Но скажемъ съ поэтомъ:

И все то благо, все добро!

Можетъ быть, иному скептику и позитивисту покажется довольно суетною и праздсловною та упорная тяжба о происхожденіи нашемъ, тяжба, за многими и многими столѣтними давностями слѣдующая на покой въ архивъ. Но если, напримѣръ, кому нибудь захотѣлось-бы досконально изслѣдовать, какого цвѣта волосъ была кормилица его, давнымъ давно умершая, была-ли она бѣлокурая, рыжая, или скорѣе шандре, какъ говоритъ городничиха въ Реви-

зорѣ: то почему не предоставить ему волю тѣшиться надъ этою невинною и никому не мѣшающею задачею? Нѣтъ сомнѣнія, что каждому соблазнительна и лестна попытка доказать, что столѣтія и ученые авторитеты ошибались и врали чепуху, а что онъ одинъ нашелъ слово истины. Во всякомъ случаѣ, можетъ быть дѣло и не совсѣмъ безполезное. Истина историческая, какъ и многія другія истины, не рождается въ наше время въ полномъ облаченіи, какъ родилась мудрость изъ больной головы Юпитера. Нынѣ, истина добывается не такъ легко: она часто многотрудная переработка, переплавка очищенныхъ заблужденій, устарѣвшихъ ошибокъ, предубѣжденій, суевѣрныхъ предразсудковъ. А чтобы кончить съ симъ вопросомъ, позволимъ себѣ еще одно замѣчаніе: большой прибыли намъ не будетъ, ежели даже откроются новые источники, новыя достовѣрныя и неопровержимыя справки—чего теперь нѣтъ—по коимъ докажется какъ дважды два четыре, что Несторъ ошибался, или худо былъ понятъ, что ошибались и Шлёцеръ, и Карамзинъ. Мы теперь живемъ не младенческою жизнью, а жизнью уже взрослою и закаленною на огнѣ событій. Какъ-бы то ни было, мы столѣтіями и подвигами завоевали право называться Русскими. И это право давно признано Европою, не безъизвѣстно и Азіи. Что-же касается до утвержденія отечественнаго прозвища нашего по восходящей линіи вплоть до безъимянныхъ и баснословныхъ праотцевъ нашихъ, то въ этомъ нѣтъ насущной и неотлагаемой потребности. Признаюсь, по мнѣ, тутъ кстати сказать: кто ни попъ, тотъ и батька; или кто ни батька, тотъ и попъ. Былъ-бы только приходъ цѣлъ и богохранимъ: вотъ это главное.

Незамѣтнымъ для себя образомъ и увлекаясь теченіемъ мыслей нашихъ, мы немного, и даже много, удалились отъ задачи, первоначально себѣ поставленной. Мы хотѣли вставить въ опредѣленную раму уголокъ изъ нашей общественной жизни и олицетворить его изображеніемъ личности, которая въ свое время занимала непослѣднее мѣсто на сценѣ общежитія нашего. Оказывается, что мы въ очеркѣ своемъ значительно перешли объемъ этой рамы. Въ извиненіе себѣ за подобное своеволіе, мы прикрываемъ археографическое отступленіе свое (пожалуй, настоящій hors d'oeuvre) знаменитымъ сарафаномъ княгини на балѣ Московскаго дворянскаго собранія. Подъ этимъ нарядомъ и знаменіемъ, она безъ большаго труда можетъ вмѣститься въ раздвижную раму нашу. Болѣе того: мы даже увѣрены, что любезная тѣнь ея не посѣтуетъ на насъ за то, что мы помянули о ней добрымъ словомъ въ такой не-женской и полемической обстановкѣ.

Приписка. Когда въ памяти нашей пробуждаются очерки личностей, съ которыми мы, на вѣку своемъ, встрѣчались, живали и бывали въ отношеніяхъ болѣе или менѣе близкихъ, мы всегда чувствуемъ желаніе, болѣе того, потребность, уловить эти мелькающіе призраки, эти въ насъ еще живыя преданія минувшаго: мы хотимъ прикрѣпить ихъ къ бумагѣ. Успѣваемъ-ли въ попыткахъ своихъ, этотъ вопросъ рѣшить не намъ. Но намъ сдается, что на

насъ какъ будто лежитъ обязанность быть однимъ изъ хранителей и кустòдовъ дѣлъ давно-минувшихъ лѣтъ и преданій старины глубокой, но еще свѣжей и не онѣмѣвшей въ воспоминаніяхъ нашихъ. За неимѣніемъ кисти Ванъ-дейка, мы вырѣзываемъ на скорую руку силуэтки, которыя со временемъ могутъ и пригодиться. Успѣлъ-же знаменитый естествоиспытатель Кювье, наблюденіями своими, возсоздать по мелкимъ обломкамъ остововъ цѣлыя поколѣнія существъ, уже съ незапамятнаго времени сошедшихъ съ лица земли и распредѣлить ихъ въ методическомъ и стройномъ порядкѣ. Почему не надѣяться, что и будущій Русскій Кювье-романистъ, или историкъ нашего общежитія, не прослѣдуетъ, по разбросаннымъ очеркамъ нашимъ, ходъ, правдивыя положенія и обстановку Русскаго общества въ періодѣ, который мы бѣглымъ взглядомъ окидываемъ? На будущее всегда позволительно уповать; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ настоящемъ зарождается въ насъ грустное чувство и сѣтованіе, что романисты наши, драматурги, такъ называемые нравоиспытательные публицисты наши, вообще, столь мало знакомы съ достовѣрными и, такъ сказать, олицетворенными преданіями Русскаго общества. Въ слѣдствіе невольнаго невѣдѣнія (не хотимъ и думать о вольномъ и предумышленномъ) они безсознательно и неправдиво изображаютъ это общество съ самыхъ неблаговидныхъ сторонъ: они размалевываютъ картину свою рѣзкими, непріятными и къ тому-же фантастическими красками. Однимъ словомъ, они клеплятъ на общество наше, чтобы не сказать клевещутъ. Подъ ихъ очерками оказывается, будто наше общество (разумѣется и съ ихъ стороны и съ нашей рѣчь идетъ о высшемъ обществѣ) было, если не есть и по-нынѣ, до крайности безцвѣтно, тщедушно, худосочно, малокровно. Если вѣрить имъ, мышцы его дряблы: въ немъ нѣтъ ни твердости воли, ни способности дѣйствія. Существа, образующія это общество, не люди, а какія-то раскрашенныя и нарядныя куклы. Едва-ли оно такъ. Не споримъ, что можно подсмотрѣть въ немъ многіе недостатки; напримѣръ, недостатокъ зрѣлой серьезности, упирающейся на почву, воздѣланную и обработанную постоянными и долговременными трудами. Просвѣщеніе наше, образованность наша, то есть цивилизація, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, нѣсколько поверхностны: они не вошли въ нашу кровь и въ нашу плоть, а болѣе въ привычки наши. Но спасибо и за это. Мы довольствуемся энциклопедическими свѣдѣніями; въ насъ мало спеціальности, потому что въ насъ нѣтъ долготерпѣнія. Съ удивительнымъ чутьемъ, съ тонкимъ и возвышеннымъ сочувствіемъ, съ быстротою и ловкостью мы много хорошаго и прекраснаго уловляемъ на лету, а мало чтó добываемъ въ потѣ лица, труда и науки. Но едва-ли всѣ эти недостатки не окажутся, при ближайшемъ изслѣдованіи, первородными грѣхами нашими, то есть свойствами и условіями Исторіи нашей.

„И мимоидый видѣ человѣка слѣпà отъ рождества; и вопросиша „его ученицы его, глаголюще: Равви, кто согрѣши, сей-ли, или ро„дители его, яко слѣпъ родися. Отвѣща Іисусъ: Ни сей согрѣши, „ни родители его, но да явятся дѣлà Божія на немъ“.

Исторія народа есть истинно гласъ Божій надъ нимъ.

Такъ или сякъ, куда и откуда ни пересаживай генеалогическое дерево наше, но все-же мы Славяне, Славянами родившіеся, или въ Славянъ переродившіеся. Какъ ни увертывайся, а есть въ насъ доля благородной, добродушной и милой беззатѣйливости, прирожденной Славянской натурѣ. Громъ не грянетъ, мужикъ (Русскій человѣкъ) не перекрестится. Эту поговорку выдумали не мы, и не грамотѣи, а мы подслушали ее опять таки изъ устъ самой Исторіи. Намъ не тягаться съ доками-Германцами. Пожалуй, мы иногда и перегонимъ ихъ; но все-же не догонимъ. Не должно также терять изъ виду еще одно историческое обстоятельство. Провидѣніе, въ одно прекрасное утро, послало намъ на должность воеводы, дядьки и учителя—богатыря, который былъ маленько-горячъ и скоръ и крѣпокъ на руку. Почву свою онъ не обсѣменялъ въ ожиданіи будущихъ благъ. Онъ ждать не любилъ и не умѣлъ. Жолуди были не по немъ: давай ему сейчасъ дубнякъ. Вотъ онъ и сталъ цѣликомъ и живьемъ пересаживать его на обширныхъ пространствахъ своей возлюбленной вотчины. И мы всѣ, большіе и малые, особенно большіе, и старые, и молодые, вольные и невольные, возрасли и обжились подъ этимъ импровизированнымъ дубнякомъ. Кажется, князь Циціановъ, извѣстный поэзіею разсказовъ, говорилъ, что въ деревнѣ его одна крестьянка разрѣшилась отъ долгаго бремени семилѣтнимъ мальчикомъ, и первое слово его, въ часъ рожденія, было: дай мнѣ водки! Можетъ быть, и мы начали пропитаніе свое не съ молока матери, а прямо съ водки.

Какъ-бы то ни было, но если упрекать высшее общество наше въ недостаткѣ, скажемъ опять, серьозности (за неимѣніемъ другаго слова подъ перомъ), усидчивости, духовной возмужалости, то въ какихъ другихъ общественныхъ слояхъ нашихъ найдемъ мы живыя и поразительныя улики въ свойствахъ и качествахъ, которыя могли-бы пристыдить это высшее общество въ легкомысліи его, недозрѣлости и въ умственной и нравственной несостоятельности? Скажемъ безпристрастно и по совѣсти, что всѣ эти нареканія и междоусобныя непріязненныя притязанія, оглашаемыя нѣкоторою частью печати нашей, неосновательны, несправедливы и неблаговидны. Высшее общество наше имѣетъ въ такомъ случаѣ полное право сказать нашей печати: не вамъ-бы говорить, не мнѣ-бы слушать.

(*Продолженіе будетъ*).

ВОСПОМИНАНІЯ ГРАФИНИ АНТОНИНЫ ДМИТРІЕВНЫ БЛУДОВОЙ *).

За прискорбными происшествіями 14-го Декабря послѣдовали прискорбныя открытія важнаго, распространеннаго въ Россіи заговора. Ежедневно новые аресты, допросы, и при томъ все въ кружкѣ близкомъ нашему семейству, распространили по Петербургу и въ нашемъ домѣ тревожныя опасенія за родственниковъ и друзей. Какъ всегда въ такихъ случаяхъ, молва преувеличивала важность заговора и распространенность его, и я помню тревожное состояніе умовъ, грусть и страхъ, которые овладѣвали матушкой и мамзель Дютуръ [1]) при арестованіи другъ за другомъ близкихъ знакомыхъ нашихъ. Я помню, что, года два передъ этимъ временемъ, мы жили на Крестовскомъ и, всякій день гуляя далеко, часто возвращались вечеромъ по набережной Каменноостровской; наша дорога лежала мимо нынѣшней дачи принца Ольденбургскаго, принадлежавшей тогда графу Чернышеву, котораго одна дочь уже была за мужемъ за Никитою Муравьевымъ, а другія еще были красивыя, живыя дѣвочки; и все это миловидное, красивое семейство съ друзьями или родственниками сиживало по вечерамъ въ галлереѣ въ родѣ оранжереи, такъ что видно было, что̀ дѣлалось въ этой ярко освѣщенной стеклянной залѣ, гдѣ, среди зелени и цвѣтовъ, мелькали молодыя личики около чайнаго стола. У насъ на Крестовскомъ не было знакомыхъ дѣтей, и я помню, что мнѣ бывало завидно Чернышевымъ, или по крайней мѣрѣ очень хотѣлось хотя со временемъ вести такую счастливую жизнь, какъ онѣ, когда я буду большая. А въ самое это время уже готовился разгромъ, который обрушился на это счастливое семейство и на долгія, долгія лѣта предалъ его горю и слезамъ. Не одни только дѣти судятъ такъ ошибочно, по наружной обстановкѣ, и представляютъ себѣ картину счастія, которому завидуютъ, хотя оно существуетъ только въ воображеніи.

У батюшки опасенія были, такъ сказать, менѣе личныя: это были опасенія за самое состояніе Россіи, за спокойствіе Отечества. Странно, что, вращаясь въ кругу коноводовъ заговора, никогда отецъ мой, ни Дашковъ, ни Жуковскій не подозрѣвали ничего подобнаго; кажется, и Александръ Тургеневъ тоже. Это тяжелое открытіе глубоко поразило ихъ. Особенно было трудно предвидѣть, на чемъ остановится попытка возмущенія южной арміи.

---

*) См. первую книгу Русскаго Архива нынѣшняго 1875 года, стр. 129—195.

[1]) Недавно скончавшаяся въ глубокой старости, воспитательница въ домѣ Блудовыхъ, Француженка родомъ, Каролина Антоновна Дютуръ, бурею первой революціи занесенная въ Англію (гдѣ получила основательное образованіе) вызываетъ почтительное воспоминаніе въ людяхъ знавшихъ ее. Это была женщина, вполнѣ преданная своему долгу. *П. Б.*

Батюшкѣ казалось, что опасность грозитъ Россіи; но онъ былъ прежде всего человѣкъ долга, обязанности, и потому рѣшился не выѣзжать изъ Петербурга, не бѣжать отъ возможной опасности, не удаляться отъ центра правительства, противъ котораго подняли знамя бунта.

Между тѣмъ домъ нашъ былъ проданъ купцу Шапошникову, и намъ пришлось переѣхать на̀-скоро, на маленькую квартиру, какую могли найти, въ домѣ князя Трубецкаго, на Воскресенской, довольно узкой и весьма некрасивой улицѣ, которая мнѣ какъ-то всегда казалась не улицей, а дворомъ. Собственно говоря, настоящій дворъ, свѣтлый, чистый и просторный, былъ гораздо красивѣе улицы, и туда было намъ веселѣе глядѣть.

Это рѣшеніе остаться въ Петербургѣ [2]) перемѣнило всю нашу жизнь, всю будущность и имѣло вліяніе не только на службу батюшки, но и на многія законоположенія и правительственныя мѣры важныя для Россіи, въ которыхъ голосъ его былъ услышанъ и предложенія его приняты Государемъ.

Съ новымъ царствованіемъ повѣяло въ воздухѣ чѣмъ-то новымъ, что́ Баба-яга назвала бы Русскимъ духомъ. Сброшено было иго иностранное и, не смотря на колебанія, на реакціи являвшіяся неоднократно въ теченіи 30 лѣтъ, никогда уже не было раболѣпнаго подобострастія передъ чужими державами и чужими мыслями, и Уваровскій девизъ можно все таки (съ малыми исключеніями, въ слѣдствіе обстоятельствъ), считать лозунгомъ всего царствованія: „Православіе, самодержавіе, народность". Не могу не записать здѣсь характеристическаго случая. Въ самые первые дни царствованія пріѣхала къ намъ обѣдать тетушка Шишкина, жившая тогда фрейлиной въ Зимнемъ дворцѣ и разсказывала при насъ, что́ случилось въ это утро. Она была дежурная и ожидала приказаній въ пріемной Императрицы съ нѣкоторыми городскими дамами. „Входитъ молодой Государь (говоритъ она), и вообразите, обращается къ намъ порусски. Насъ было пять дамъ, и я одна только могла отвѣчать!" Другія дамы не знали порусски, и это обращеніе къ нимъ съ Русской рѣчью была диковина неслыханная.

Николая Павловича сначала называли все „молодой государь", чтобъ отличить отъ императора Александра; да и въ самомъ дѣлѣ онъ былъ очень молодъ: тогда ему было 29 лѣтъ. Такой анекдотъ, какъ выше приведенный, теперь былъ бы невозможенъ, и наши молодыя женщины уже охотно или даже охотнѣе говорятъ порусски, чѣмъ пофранцузски. Не даромъ былъ данъ толчекъ Николаемъ Павловичемъ: на Русской умственной почвѣ выросло два или три поколѣнія, которыя много и съ усердіемъ разработали Русскій языкъ и Русскую исторію, предаваясь съ любовію изысканіямъ и теоріямъ, можетъ быть и натянутымъ, но все же приносящимъ пользу Отечеству.

Почуяли тоже и за границей съ новымъ царствованіемъ новое направленіе политики Русской на Востокѣ. Послѣдняя предатель-

---

[2]) Сколько намъ извѣстно, въ 1825 году графъ Д. Н. Блудовъ намѣревался поселиться въ Дерптѣ для обученія сыновей своихъ. *П. Б.*

ская продѣлка Англійскаго кабинета, попытка завладѣть остальной Греціей, какъ уже завладѣли Іоническими островами, возмутила и оскорбила Государя, вмѣстѣ какъ оскорбленіе Россіи и какъ враждебное отношеніе къ Христіянамъ Турецкимъ, этимъ единовѣрцамъ нашимъ, за которыхъ онъ заступился съ самаго начала своего царствованія, за которыхъ онъ отдалъ жизнь, умирая отъ нравственной пытки, отъ истязаній Европейскихъ союзниковъ нашихъ. Въ роковыя минуты Исторіи недостаточно одного ума: нужны сердечное пониманіе и сознаніе права на жизнь, на существованіе, на преуспѣяніе, на усиленіе, на власть своего роднаго края. Этого чувства не было у большей части нашихъ дипломатовъ; но это чувство наполняло сердце Государя и, какъ сказалъ поэтъ о великомъ его прадѣдѣ, такъ можно сказать о Николаѣ Павловичѣ:

Не презиралъ страны родной.
Онъ зналъ ея предназначенье!

Противорѣчіе между направленіемъ и исполненіемъ погубило дѣло Русское и Христіянское въ послѣднюю войну, и безъ всякой метафоры, безъ всякаго преувеличенія, Николай Павловичь, по истинѣ, душу свою положилъ за други своя, хотя и казалось, будто о нихъ уже и забыто, среди ужаснаго разгрома самой Россіи.

Когда Наслѣдникъ Престола сталъ Царемъ Россіи, ему уже было ясно, что новое вино надо вливать въ новые мѣхи, и съ тѣхъ поръ полное согласіе въ направленіи Царя и въ исполненіи его начертаній создало ту спокойную силу, которую должны были признать за границей. La Russie ne boude pas, la Russie se recueille, былъ мѣткій и правдивый отвѣтъ на всѣ придирки Запада, съ начала царствованія Александра Николаевича. Въ этой глубокой думѣ святыя мысли созрѣли, и Христіянскимъ смиреніемъ, съ искони вѣковъ учившимъ Россію сознавать грѣхи, которыми прогнѣвила она Бога, глубокимъ сознаніемъ ея Царя всей тяжести и отвѣтственности Своего святаго подвига, искупились наши ошибки: спáла съ глазъ вѣковая повязка, разрѣшился плѣнъ народа, и обновленная въ своемъ внутреннемъ строѣ Россія могла безбоязненно заявить свои права и обязанности передъ цѣлымъ свѣтомъ въ отношеніи ея внѣшней политики, и спокойно и открыто стать на свое мѣсто, старшимъ членомъ въ семьѣ Славянской, православной, не отказываясь отъ своего родства, какъ выскочка какой нибудь, спасовавшій передъ вельможею „Западомъ".

Это Русское чувство, этотъ инстинктъ сердца пробудится конечно теперь у нашей дипломаціи всякій разъ, когда настанетъ время заявить непреложное право Россіи: ставить свою честь и свое самосохраненіе выше интересовъ чужихъ, выше заносчивыхъ требованій мнимыхъ союзниковъ. Да и то надобно помнить, что Европейскія державы уважаютъ одно только: „силу".

Такъ въ 1825 или, лучше сказать въ 1826 году, когда увидѣли иностранцы, что миръ не былъ серіозно возмущенъ внутри Россіи

безумною попыткою 14-го Декабря, правители Европы призадумались и стали болѣе серіозно относиться къ Россіи на Востокѣ. Король Прусскій остался вѣрнымъ союзникомъ и личнымъ нѣжнымъ другомъ новаго Государя, мужа его любимой дочери. Императоръ Францъ II-й съ Метернихомъ пріутихли. Они видѣли передъ собою юнаго, пылкаго, энергичнаго Государя, полнаго свѣжихъ силъ, представителя и типа юныхъ свѣжихъ народовъ, готовыхъ воспрянуть изъ вѣковаго сна и плѣна. Какъ они, такъ и онъ не были запутаны въ интригахъ и во лжи конгрессовъ и конференцій дипломаціи, ни въ сплетняхъ послѣдняго десятилѣтія. На ихъ счастіе, ихъ не допускали въ этотъ зараженный воздухъ, какъ не допускалъ императоръ Александръ своего наслѣдника въ печальную неурядицу нашихъ отношеній съ Европой. Передъ этой молодой, нетронутой силой лучше было Австріи не высказываться, лучше было съ улыбкой привѣта выжидать свое время.

Во Франціи Карлъ Х-й, недавно наслѣдственно сѣвшій на престолѣ, былъ расположенъ къ Россіи,—расположенъ, какъ потомокъ рыцарей, къ мысли о крестовыхъ походахъ, и охотно склонялъ своихъ министровъ въ пользу Христіянъ.

Въ Англіи, бывшій Тори, перешедшій въ партію Виговъ блистательный Канингъ понялъ, что одинъ безъ войны (а война была невозможна тогда) онъ не отстоитъ популярное въ Англіи дѣло Грековъ. Къ тому же Турки уже вырѣзывали цѣлыя населенія взятыхъ ими городовъ или сплошь перевозили жителей въ Азію и заселяли опустошенныя мѣста Египетскими Турками, подъ предводительствомъ Ибрагимъ-Паши, сына намѣстника Египетскаго Мехмедъ-Али, талантливаго полководца. Дѣло начинало усложняться этой перспективой усиленія или полнаго водворенія новаго Магометанскаго государства въ Европѣ. Ужасныя жестокости этихъ Африканскихъ пришельцевъ приводили въ негодованіе самыхъ холодныхъ политиковъ. Благородный, открытый характеръ Канинга наконецъ взялъ верхъ и, понимая, что лучше совокупнымъ дѣйствіемъ держать въ рукахъ окончательный исходъ дѣла, нежели предоставлять его одному молодому, сильному Государю Россіи, онъ выбралъ чрезвычайнымъ посломъ для поздравленія Николая Павловича герцога Велингтона, на котораго мы дѣти смотрѣли съ такимъ любопытствомъ. Какъ всегда, такъ и въ то время, увидѣвъ энергическую волю и неустрашимость въ правительствѣ, увидѣвъ Россію сильную противъ крамолъ и готовую идти на брань, Европа возымѣла къ намъ уваженіе и рѣшилась на уступки. Государь повелъ переговоры лично съ Велингтономъ, и 23 Марта (4 Апрѣля) 1826 г. былъ подписанъ протоколъ совокупнаго дѣйствія Англіи и Россіи, для умиротворенія Турковъ (или ихъ усмиренія), положившій начало Лондонскому трактату, для общаго дѣйствія Англіи, Франціи и Россіи въ пользу Христіянъ на Востокѣ. Этотъ протоколъ былъ неожиданнымъ ударомъ для Метерниха, привыкшаго

къ почти безусловной покорности Русской дипломаціи, со времени отпуска Каподистріи.

Всѣ мѣры были употреблены, чтобы заставить Турокъ исполнить прежнія требованія Россіи и предупредить военныя дѣйствія.

Батюшка не разъ говорилъ мнѣ, какъ сожалѣлъ Государь о готовности Турокъ согласиться на старыя условія, какъ сожалѣлъ онъ, что подписали Акерманскій трактатъ. Требованія наши относились только къ Придунайскимъ княжествамъ, къ исполненію Бухарестскаго трактата, а объ Грекахъ еще не было рѣчи.

Свѣжимъ глазомъ новаго человѣка, Государь какъ только сталъ вникать въ наши дипломатическія дѣла, увидѣлъ всю эту „мерзость запустѣнія", по словамъ Евангелія, и обратился отъ руководящихъ распоряженій и указаній министерства къ депешамъ посланниковъ. Первая, отъ Поццо ди Борго, поразила его своею ясностію и справедливостію. Онъ потребовалъ записки о дѣлахъ Востока у Каподистріи и пригласилъ его самаго въ Петербургъ. Самъ Каподистрія между тѣмъ просилъ дозволенія пріѣхать поклониться могилѣ усопшаго Государя, любимаго и почитаемаго имъ такъ искренно. (И въ самомъ дѣлѣ, въ дорожной каретѣ, не заѣзжая никуда въ Петербургѣ, проѣхалъ онъ въ крѣпость). Меморія или записка, составленная имъ для Николая Павловича, извѣстна. Государь и Императрица Марія Ѳеодоровна приняли его съ лаской и уваженіемъ; въ долгихъ искреннихъ бесѣдахъ вспоминались прошедшія слава и ошибки, и для Каподистріи невыносимо-тяжелое настоящее состояніе Греціи. Ибрагимъ-паша, взявши разрушенный городъ Наваринъ, неистовствовалъ съ своими Египтянами по всему взморью: отъ Аѳинъ, Мисолунги, Патраса, Триполицы остались однѣ развалины. Георгій Караискаки палъ у стѣнъ Аѳинъ; но благородный, безкорыстный герой успѣлъ, передъ смертію, сговориться съ Колокотрони, увлекая за собой большинство предводителей Греческихъ, и провелъ спасительную мысль избрать Каподистрію главою временнаго правительства и вызвать его въ Грецію, въ надеждѣ на укрощеніе внутреннихъ распрей и на поддержку извнѣ при иностранныхъ державахъ. Уже Лондонскій трактатъ былъ подписанъ, и Англія, Франція и Россія выслали соединенную эскадру въ Наваринскій заливъ на случай нужды.

Акерманскій трактатъ только былъ дѣйствителенъ для трехъ Придунайскихъ княжествъ, да и тамъ плохо исполнялись обязательства; а между тѣмъ Турецкое правительство подстрекало такъ успѣшно Персіянъ противъ насъ, что война съ ними была уже въ полномъ разгарѣ, и начиналась слава Паскевича.

Государь не покидалъ намѣренія заступиться за Грековъ и, высоко цѣня характеръ и таланты Каподистріи, предложилъ ему опять принять должность (которая за нимъ оставалась номинально и въ отпуску) и прежнее положеніе въ Россіи. Но времена были другія. Греція нуждалась въ опорѣ сильныхъ иностранныхъ государствъ, но еще болѣе въ энергіи такого человѣка, кто бы могъ соединить и укротить тѣ внутреннія силы, которыя уже не съ вра-

гами Греціи боролись, а погибали во внутреннемъ раздорѣ и соперничествѣ. Отечество Каподистріи погибало и взывало къ нему изъ бездны. Онъ уже не могъ колебаться и отказался отъ предложенія Государя и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ пенсіи, которую конечно заслужилъ, но которая показалась бы подкупомъ въ глазахъ враговъ его. Николай Павловичъ самъ былъ строгій исполнитель долга и благоговѣлъ предъ святостію всего, что̀ было или казалось ему обязанностью. Онъ понялъ вполнѣ Каподистрію и, глубоко уважая его, отпустилъ изъ службы и уже совѣтовался съ нимъ, какъ съ представителемъ другой земли, въ пользу его Отечества.

Вотъ въ это время я опять встрѣчала Каподистрію въ часы прогулокъ нашихъ, и онъ часто бывалъ у батюшки.

Взявъ на себя славный, но тяжелый подвигъ, онъ не обольщалъ себя блестящими мечтами. Напротивъ, онъ шелъ, можно сказать, сознательно на мученичество, на смерть.

Изъ Россіи, гдѣ Государь приласкалъ и ободрилъ его, гдѣ столько старыхъ друзей съ искренностію, даже съ восторгомъ, раздѣляли его чувства и сообщали ему свои надежды, Каподистрія отправился въ Лондонъ и Парижъ, на терновый путь политическаго просителя о землѣ страждущей, о землѣ бѣдной, на которую смотрѣли съ высока, какъ на нищую. Тяжело, невыносимо-тяжело положеніе такого человѣка, обязаннаго выносить высокомѣрное состраданіе, фарисейскія увѣщеванія, мелочную расчетливость чужихъ правительствъ и смирять порывы негодованія, гордости, самостоятельности личной, ради неотразимыхъ требованій нуждающагося Отечества.

Лондонскій трактатъ уже былъ подписанъ. Англія, Франція и Россія согласились сообща прекратить истребленіе Христіянъ, если понадобится и силою оружія. Это было въ Іюлѣ мѣсяцѣ 1827 года. Каподистрія спѣшилъ въ Лондонъ, надѣясь на важныя послѣдствія для Греціи отъ переговоровъ съ безстрашнымъ и геніальнымъ государственнымъ человѣкомъ, каковъ былъ Канингъ. Каподистрія былъ съ нимъ лично знакомъ, и конечно они должны были сочувствовать другъ другу. Батюшка до конца жизни вспоминалъ о Канингѣ, какъ объ одномъ изъ блистательнѣйшихъ людей, встрѣтившихся съ нимъ на политическомъ поприщѣ; воспоминаніе о немъ было одно изъ любезнѣйшихъ его воспоминаній; онъ часто повторялъ стихъ Канинга, писанный въ его молодости, какъ бы исполнившееся предвѣщаніе его судьбы, его желаній: Live in a blaze, and in a blaze expire (жить въ блескѣ и сіяніи, и въ блескѣ и сіяніи умереть). Канингъ только что достигъ крайней высоты власти, сдѣлался первымъ министромъ Англіи; въ его рукахъ были или казались судьбы ея, а съ нею судьбы Европы. И съ этой высоты сорвала его преждевременная, неожиданная смерть, среди отважныхъ замысловъ, гордыхъ предположеній на славу и величіе Отечества. Каподистрія уже не засталъ его въ живыхъ и, разумѣется, у его преемника не нашелъ той рѣшимости, которую желалъ встрѣтить, но на которую неспособны посредственные умы. Обѣщанія денежной

помощи посредствомъ займа, защиты посредствомъ угрожающаго появленія эскадры около береговъ Мореи,—больше этого дипломатическая рутина новаго министерства не могла ему дать въ Англіи, и когда впослѣдствіи рѣшено было согласиться на заемъ отъ трехъ державъ для Греціи, Франція и Россія на первое время дали каждая по 3½ милліона франковъ, а Англія, богатая Англія, 500 тысячъ франковъ только.

Въ Парижѣ Каподистрія нашелъ болѣе сочувствія, болѣе теплоты. Король особенно оказалъ расположеніе помочь, съ ласкою и уваженіемъ принялъ его и своимъ личнымъ вліяніемъ поддержалъ передъ министерствомъ, между тѣмъ какъ частные люди, Филеллены, передали ему всѣ собранныя ими частные денежные сборы для Грековъ. Во главѣ ихъ былъ неутомимый Эйнаръ, который связался дружбой съ Каподистріею и съ непоколебимой вѣрностію продолжалъ до конца употреблять всѣ усилія для доставленія помощи Грекамъ. Самъ Каподистрія, подъ видомъ займа, отдалъ все свое состояніе, около 800,000 франковъ.

Съ такимъ весьма неполнымъ успѣхомъ и съ грустнымъ предчувствіемъ страданій и бѣдъ, онъ отправился въ Анкону, куда Англійское правительство обѣщало выслать фрегатъ для его переѣзда въ Грецію. Не успѣлъ онъ доѣхать однако, какъ узналъ о славной Наваринской побѣдѣ, почти случайной,—изъ тѣхъ случаевъ, о которыхъ отецъ мой говорилъ, что въ нихъ какъ бы скрывается чудодѣйствіе Промысла Божія (le hasard — c'est incognito de la Providence).

Во Франціи, въ Россіи ликовали. Я помню, какой я чувствовала восторгъ, съ какой горячностію и нетерпѣніемъ я ожидала. Я призывала всею душою войну съ Турками, великодушную, смѣлую, блистательную, которая покрыла бъ славой имя Русское, какъ во времена Екатерины! И по обыкновенію нашему, дѣтскому, все это пріятное волненіе, всѣ эти воинственныя мечты осуществились въ нашихъ играхъ. Воейковы тогда уѣхали въ чужіе края, и во всѣхъ моихъ письмахъ къ Катѣ я разсказывала про вымышленные подвиги, про военныя операціи Русской арміи, и не знаю какими судьбами, по ея ли разсказамъ знакомымъ ей дѣтямъ или по нескромности почтовыхъ чиновниковъ, но мои мечтательныя военныя операціи попали въ иностранныя газеты, которымъ, разумѣется, повѣрили, и Катя стала въ письмахъ подтрунивать надо мной, что̀ меня нѣсколько обидѣло: потому что, хотя реляціи были вымышленныя, но чувство было неподдѣльное и казалось мнѣ слишкомъ свято, чтобъ шутить имъ. Пятнадцать лѣтъ спустя, въ Ревелѣ я познакомилась съ героемъ Наваринскаго боя, престарѣлымъ уже адмираломъ Гейденомъ. Съ любопытствомъ и любовію смотрѣла я на него, съ глубокимъ уваженіемъ и интересомъ вслушивалась въ его живую, такъ сказать, молодую рѣчь, когда онъ съ батюшкой и матушкой разговаривалъ о происшествіяхъ 1827 и 1828 годовъ. Полный живости, ума, юмора, съ той откровенной простотой и сердечной привѣтливостію, которыя отличаютъ настоящихъ мо-

ряковъ военнаго флота нашего, графъ Гейденъ былъ одинъ изъ симпатичнѣйшихъ людей, которыхъ я знала, и въ немъ, какъ и въ его семействѣ, и на его дачѣ все дышало здоровой, благородной, моральной атмосферой; все было весело, просто, чисто; все было миловидно, какъ его престарѣлая, но еще красивая жена, съ ея свѣжимъ розовымъ личикомъ, въ ея безукоризненно-бѣломъ кругломъ чепчикѣ: все носило отпечатокъ дѣятельности и крѣпости, которыя выражались въ характерномъ лицѣ Гейдена, его бодромъ и живомъ взглядѣ, въ его густыхъ, волнистыхъ сѣдыхъ волосахъ.

Но въ Англіи не такъ отнеслись къ Наваринскому дѣлу, какъ мы. Тотъ же герцогъ Велингтонъ, который подписалъ протоколъ 4 Апрѣля, теперь въ Парламентѣ употребилъ выраженіе, надѣлавшее много шуму: онъ назвалъ an untoward event (непріятнымъ приключеніемъ) побѣду подъ Наварином соединенной Англо-Французско-Русской эскадры. Съ своей стороны Французы сейчасъ придумали новый модный цвѣтъ, красновато-сѣрый, и назвали fumée de Navarin (Наваринскаго дыма *); а у насъ въ Россіи служили молебны по церквамъ и благодарили Бога. Такъ каждая народность высказывалась по своему. Вѣроятно, непріятность этого приключенія отозвалась на отношеніяхъ къ возраждающейся Греціи и ея новому президенту. Вмѣсто Октября мѣсяца фрегатъ Англійскій, Варспитъ, явился въ водахъ Анконы только въ половинѣ Декабря и, присоединивъ къ себѣ Французскій и Русскій фрегаты, отплылъ наконецъ къ Навпліи, гдѣ разныхъ партій Греки, бунтуя другъ противъ друга, оспаривали другъ у друга власть въ городѣ. Каподистрія потребовалъ примиренія и сдачи въ его руки укрѣпленій, и самый буйный изъ предводителей партіи, Гривасъ, повиновался приказанію президента, къ изумленію дипломатическаго корпуса, засѣдавшаго въ Корфу послѣ выѣзда изъ Константинополя. Такого нравственнаго вліянія въ человѣкѣ, явившемся безъ военной силы, безъ окружающей свиты, безъ всякаго обаянія кромѣ чистоты и честности своей прошедшей жизни, никто не ожидалъ. И это первое его дѣйствіе, эта твердость характера укоренили его власть на долго.

Хотя на видъ удовлетворили требованіямъ Россіи Акерманскимъ договоромъ, хотя и заняли ее по возможности далеко войною въ Персіи, однако и Турки, и Европейцы, подстрекатели ихъ, слишкомъ поняли Николая Павловича, слишкомъ увѣрились въ полнотѣ силъ, въ дѣятельности и молодой энергіи его, въ твердости его убѣжденій, чтобъ дозволить себѣ по прежнему безцеремонно относиться къ жизни или смерти Христіянскихъ населеній въ Турціи. Турки уже отказались отъ наступательныхъ дѣйствій, отъ поголовной рѣзни. А Паскевичъ одерживалъ побѣду за побѣдой, предвѣщая скорое окончаніе войны и за тѣмъ готовую армію въ распоряженіе Государя на защиту Грековъ, даже и безъ содѣйствія

---

*) Помню, какъ мнѣ хотѣлось что нибудь этого цвѣта носить. Но матушка находила, что цвѣтъ слишкомъ теменъ для ребенка и слишкомъ дорогъ.

другихъ державъ. Настало что-то въ родѣ перемирія. Народъ встрѣтилъ Каподистрію съ неописаннымъ восторгомъ и надеждою, съ вѣрою въ его нравственную силу, которую массы народныя чуятъ и понимаютъ какимъ-то инстинктомъ, когда эти массы еще не испорчены повсемѣстнымъ политическимъ развращеніемъ. Народъ привѣтствовалъ въ немъ избавителя и устроителя своего.

Но изъ массы народной выдѣлялись три партіи, которыя ожидали президента не какъ избавителя, а какъ добычу, и для нихъ вопросъ состоялъ лишь въ томъ, которая изъ нихъ разработаетъ въ свою корыстную пользу вліяніе новаго правителя на дѣла внутреннія и внѣшнія. Это были: 1) Партія старшинъ, составлявшая изъ себя что-то въ родѣ сельской олигархіи, въ теченіи долгихъ вѣковъ Магометанскаго ига, и стремящаяся къ раздробленію Греціи на мелкіе федеративные участки: для нихъ не по сердцу было всякое центральное правительство, какое бы ни было. 2) Партія „полуграмотныхъ, но совершенно развращенныхъ" недоучекъ Европейской цивилизаціи, воспитанныхъ въ безвѣріи и безличіи народномъ на чужой почвѣ: для нихъ всякій порядокъ казался стѣсненіемъ, и всякая, самая безумная даже, опозиція казалась признакомъ просвѣщенія и свободомыслія. 3) Третія партія „Фанаріотовъ", въ маломъ числѣ уцѣлѣвшихъ отъ Константинопольской рѣзни, приписывала себѣ какое-то преемственное право грабить народъ въ свою пользу. Эти три партіи остались враждебны Каподистріи до конца: полуграмотная экзотическая, потому что онъ былъ Христіянинъ и Православный; другія двѣ потому, что онъ былъ другъ и вождь народной массы; всѣ три, безоружныя внутри края, возбуждали противъ него препятствія внѣшнія своими интригами. А между тѣмъ такое было безлюдіе для выбора въ управленіе, что ему пришлось въ этихъ же партіяхъ брать своихъ сотрудниковъ и сослуживцевъ. Онъ надѣялся, вызывая на здоровую дѣятельность выдающіяся личности всѣхъ партій, разбудить въ нихъ энергію и патріотизмъ, и нѣкоторыя изъ нихъ точно помогли къ возстановленію правительственныхъ дѣйствій власти. Надобно было еще удовлетворять иностранныхъ Филелленовъ на Греческой службѣ, между которыми тоже было не мало дряни. Все въ краю нужно было организовать. Задача Каподистріи была если не сотвореніе міра Греческаго, то по крайней мѣрѣ возстановленіе его послѣ потопа. Изъ всѣхъ ужасовъ ужаснаго положенія, всего болѣе потрясала его душу картина сиротства столькихъ тысячь дѣтей, оставшихся послѣ умерщвленныхъ родителей, дѣтей, брошенныхъ на произволъ судьбы, голодныхъ, въ лохмотьяхъ, утопающихъ въ грязныхъ порокахъ, пріученныхъ нищетою къ воровству, къ мошенничеству, къ разбою. А это было то поколѣніе, отъ котораго зависѣло будущее Греціи, даже освобожденной. Пріютить этихъ безпріютныхъ, исправить этихъ развращенныхъ дѣтей, спасти эти Христіянскія души на краю бездны, возрастить это гніющее сѣмя, эти погибающія силы народныя, значило вывести Грецію изъ дикаго состоянія и подготовить ея будущую гражданственность. И все это должно было сдѣлать ему одному, на средства копеечныя, ибо самъ край

въ своемъ разореніи былъ не въ силахъ помочь вопіющей нуждѣ своей. Филелленскіе комитеты во Франціи, Германіи и Швейцаріи передали ему свои сборы на школы, и эти небольшія суммы, съ прибавкою конечно собственныхъ своихъ, послужили ему на основаніи Орфанотрофа (сиротскаго пріюта), для 700 мальчиковъ, съ домовой церковью и залою для гимнастики, съ преподаваніемъ самымъ элементарнымъ, но уже съ правильнымъ воспитаніемъ на Христіянскихъ началахъ. Оттуда, смотря по способностямъ, дѣти должны были переходить или въ земледѣльческую школу, или учиться ремесламъ, или въ высшее военное училище въ Навпліи. Въ короткое время Каподистрія успѣлъ уничтожить пиратство на морѣ, разбой на дорогахъ и въ лѣсахъ, укротить своеволіе старшинъ и дать вздохнуть народу, который чувства благодарности и любви къ нему выражалъ ласковымъ прозвищемъ Барба-Яни (дядя Иванъ), не называя иначе правителя своего.

Изумительная дѣятельность Каподистріи обратилась и на устройство военной части. Надобно было привести въ порядокъ разрозненныя шайки, вышколить нѣкоторой дисциплинѣ буйныхъ начальниковъ, завестись артилеріей, чтобы можно было воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ для завоеванія Эпира и Ѳессаліи. И вся эта работа встрѣчалась на каждомъ шагу съ препятствіями и тормазомъ столько же отъ иностранной дипломаціи, сколько отъ домашнихъ интригъ; отписываться приходилось безпрестанно, и однако онъ успѣвалъ еще писать истинно-отеческія письма къ маленькому сыну Марка Боцариса. Забота о воспитаніи этого ребенка казалась ему священнымъ долгомъ Отечества, за котораго геройски пали отецъ и дядя. Мы познакомились съ молодымъ Боцарисомъ (уже адъютантомъ Греческаго короля) въ 1854 или 1853 году, и впечатлѣніе, имъ оставленное на всѣхъ насъ, было самое отрадное: умъ образованный съ скромностію, которая такъ много украшаетъ молодость, симпатическая красивая наружность, теплая любовь къ Отечеству и какой-то сдержанный восторгъ и вѣра въ отношеніи къ Христіянскому дѣлу на Востокѣ составляли самое пріятное цѣлое. Громкое имя свое онъ носилъ почтительно и достойно. Изъ всѣхъ Грековъ, перебывавшихъ у насъ въ послѣдніе два десятка лѣтъ, молодой Боцарисъ и уже немолодые Метакса и Зографосъ, на мой взглядъ, были единственные истинно-замѣчательные и серіозные люди. Обоихъ уже нѣтъ на свѣтѣ. Не говорю о Колокотрони и Хаджи-Петросѣ; о нихъ я уже упомянула, и они были обломки прошедшаго самозданнаго,—до временъ независимости Греціи.

Между тѣмъ блистательная Персидская кампанія привела за собою, послѣ взятія Эривани, мирный договоръ Туркманчайскій. Абасъ-Мирза, старшій сынъ Фетъ-Али-Шаха, несмотря на Европейскихъ офицеровъ, совѣтниковъ своихъ, вездѣ разбитый, воротился къ отцу; а въ Россію, для скрѣпленія дружескихъ отношеній и, кажется, для уменьшенія цыфры уплаты за военныя издержки, присланъ былъ второй сынъ шаха Хозревъ-Мирза, хорошень-

кій юноша съ прекрасными глазами, такими большими и такими черными, что я помню ихъ понынѣ, черезъ 46 лѣтъ времени; помню, какъ много дамъ стояло въ сѣняхъ около лѣстницы, а мы дѣти подъ лѣстницей, въ Царско-сельскомъ дворцѣ, и какъ мы выскочили въ самую ту минуту, какъ онъ ступилъ на первыя ступени, такъ что никто не успѣлъ насъ удержать, и мы видѣли очень, очень близко, какъ онъ шелъ довольно скоро, оглядываясь на насъ и поднимая полы своего длиннаго кафтана, безъ особенной граціи, напоминая сельскаго причетника, поднимающаго стихарь свой въ крестномъ ходу. Говорили тогда, что онъ влюбился въ молоденькую Елену Бибикову, у которой глаза были почти такіе большіе и почти такіе черные, какъ у него самаго. Бѣдному Хозреву-Мирзѣ впослѣдствіи братъ его или племянникъ велѣлъ выколоть или вылущить его прекрасные глаза, чтобъ ему не пришло въ голову оспаривать престолъ. Но, когда именно это было, я не могу припомнить. За то живо помню, что въ 1828 году, въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, мнѣ подарили въ день моего рожденія, вмѣсто ложи въ театрѣ, окошко, которое наняли для насъ, чтобъ смотрѣть, какъ шли войска гвардіи въ походъ на Турокъ, которымъ наконецъ была объявлена война.

Съ несомнѣнной вѣрою въ святость этого подвига Россіи и ея Царя, съ непоколебимою увѣренностію въ успѣхѣ, съ восторженной любовію къ Государю, исполнителю дорогой мечты моей, я смотрѣла на проходящіе полки, на блестящее на солнцѣ оружіе, на добрыя, веселыя лица солдатъ, на красивыхъ офицерскихъ коней, которые, какъ бы играя, весело махали и хвостомъ и гривою. Мы вспоминали между собою коня въ Іовѣ и всѣ описанія кавалерійскихъ атакъ, прочитанныхъ или слышанныхъ нами, и одна только блестящая, увлекательная сторона войны являлась нашему воображенію.

Скоро узнали, что самъ Государь ѣдетъ и Михаилъ Павловичъ; а Государыня и Елена Павловна тоже уѣзжаютъ на Югъ, чтобъ быть ближе къ мужьямъ своимъ, кажется въ Тульчинъ, великолѣпное имѣніе графа Потоцкаго.—Дашковъ ѣхалъ съ Государемъ при дипломатической канцеляріи.—Не смотря на нѣкоторыя частныя неудачи, война шла успѣшно, и въ Павловскѣ, гдѣ мы жили лѣтомъ, батюшка получалъ всегда свѣжія извѣстія изъ арміи чрезъ императрицу Марію Ѳеодоровну, и молебенъ за молебномъ извѣщалъ народъ о побѣдахъ. Къ этому году относится и первое знакомство наше съ молодыми членами Императорской фамиліи, о которомъ я уже писала, и первое представленіе императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ.

Для насъ, дѣтей, это былъ золотой вѣкъ, но для людей во власти трудное время. Помню, что Государь думалъ отправить часть Польской арміи въ походъ, и мысль эта была также счастлива, какъ и справедлива: для Поляковъ удовлетворено бы было и самолюбіе личное, и славолюбіе національное. Война съ Турками для нихъ была народнымъ преданіемъ, священнымъ; а товарищество съ

Русскими, воинское братство въ дѣлѣ, равно симпатичномъ обѣимъ національностямъ, могло бы, можетъ быть, и вправду сблизить, если не слить насъ другъ съ другомъ. Великій князь Константинъ Павловичъ не согласился съ этимъ мнѣніемъ, хотѣлъ удержать, сохранить свою армію; и точно онъ сохранилъ ее въ цѣлости противъ себя и Россіи. Помню, что батюшка и всѣ наши друзья находили это большой, несчастной ошибкой; но положеніе Великаго Князя и отношенія Государя къ нему были такія особенныя, такія не нормальныя, что уступка желанію старшаго брата была необходима.

Какъ скоро Россія рѣшительно заступилась за Христіянъ, всѣ прежнія интриги, всѣ прежнія предательства возникли тотчасъ. Несмотря на тройственный союзъ, Англійское правительство, сберегая собственныя силы, не хотѣло идти на дальнѣйшія приключенія послѣ непріятнаго приключенія Наваринскаго и затягивало рѣшенія Лондонской конференціи. Каподистрія истощалъ силы свои и народныя въ борьбѣ съ лишеніями и затрудненіями денежными, для созданія такой арміи или хоть отрядовъ, съ которыми можно бы было, пользуясь войною въ Турціи, занять Греческія провинціи и дать помощь Кандіотамъ и острову Самосу. Обѣщанный заемъ все откладывался; чума открылась въ Паросѣ и Гидрѣ; Метернихъ своими консервативными фразами старался тайно поддержать Турокъ, а Англійскій кабинетъ заводилъ всевозможныя интриги противъ Россіи. Во Франціи сильная партія тоже проповѣдывала общую коалицію противъ насъ *), ту самую, которая въ наше время привела почти всю Европу подъ Севастополь и на Дунай. Одинъ изъ корифеевъ этой партіи была аббатъ Де Пратъ (De Pradt), увѣрявшій, будто въ какой-то изъ дипломатическихъ негоціацій, порученныхъ ему Наполеономъ I-мъ, онъ предлагалъ Россіи перейдти за Уралъ и сдѣлаться Азіатской державой, но Русское правительство заупрямилось и никакъ не хотѣло на это согласиться. Въ то самое время, когда относились такъ безцеремонно къ Россіи, Англія поддерживала Тунискаго и Алжирскаго беевъ: у нея заключены были съ ними договоры, по которымъ ея корабли плавали безопасно, между тѣмъ какъ ихъ корсары безнаказанно нападали на купеческія суда Франціи, Италіи, Германіи; а Швеція просто платила имъ родъ дани, чтобъ спасти свою торговлю отъ разоренія. Пираты, буканьеры, всякіе морскіе разбойники были не менѣе обыкновенны въ то время, какъ мелкіе мошенники и воры въ наши дни; и противъ такого порядка вещей Англія не допускала никакихъ общихъ мѣръ. Во Франціи однако наконецъ партія либерально-монархическая взяла верхъ въ камерахъ (въ концѣ 1827 года), и министерство Мартиньяка явилось золотымъ вѣкомъ Реставраціи. Внѣшняя политика тоже перемѣнилась, и министры уже не удерживали Карла X отъ дружескихъ отношеній къ Россіи и общихъ дѣйствій съ нею. Они отправили

---

*) Une coalition générale contre la Russie est urgente et possible (Общій союзъ противъ Россіи настоятеленъ и возможенъ).

небольшое десантное войско въ Морею подъ командою маршала Мезона (Maison). Тогда же была задумана и война противъ Алжира, которую вело уже министерство Полиньяка, а воспользовался ею Луи-Филипъ.

Морейская экспедиція не была кровопролитна; всю почти мѣстность занимали возставшіе Греки, которые, разумѣется, радостно братались съ Французами, и самъ Мезонъ шутя разсказывалъ, что вступленіе въ одинъ изъ маленькихъ городовъ тамошнихъ стоило его арміи одного солдата, убитаго какой-то старухой, бросившей въ него изъ окошка каменнымъ кувшиномъ. Важно было то, что Франція шла объ руку съ Россіей, и въ крайнемъ случаѣ Турція очутилась бы между двухъ огней. Пруссія была еще слишкомъ истощена, слишкомъ занята дòма своими преобразованіями, чтобъ принять дѣятельное участіе въ войнѣ. Хотя кампанія 1828 года не во всемъ была успѣшна, хотя чума уже явилась въ арміи, хотя, по обыкновенію, время и людей теряли въ осадахъ крѣпостей, и подъ Силистріей была неудача (со временъ Святослава Силистрія намъ причиняетъ бѣды), хотя первый приступъ на Варну былъ отбитъ Турками: однако ее взяли, и много было блистательныхъ дѣлъ для арміи Русской въ Турціи, и много благодарственныхъ молебновъ для насъ въ Павловскѣ, гдѣ мы принимали все къ сердцу съ неописаннымъ восторгомъ; а Николай Павловичъ сдѣлался любимымъ героемъ моего воображенія.

«Онъ шелъ—свѣтла его дорога;
«Въ душѣ любовь, въ десницѣ громъ,
«Прекрасный, грозный, Ангелъ Бога,
«Съ огне-сверкающимъ челомъ».

Взятіемъ Варны кончилась первая кампанія, и Государь воротился въ Октябрѣ 1828 года.

Любопытно и поучительно вспомнить неизмѣнное противодѣйствіе, недоброжелательство и интриги Англіи и Австріи противъ Россіи (Австріи особенно) Князь Метернихъ съ необычайной страстностію, страстностію чуждой его общаго характера, почти съ безумной яростію, ищетъ союзниковъ противъ Россіи, употребляетъ всевозможныя средства, клевещетъ, преувеличиваетъ, раздуваетъ въ огромные размѣры всякую неудачную стычку, или показываетъ въ такомъ же громадномъ видѣ опасность для всего міра отъ нашихъ побѣдъ. Видя непоколебимость союза нашего съ Франціей, онъ наконецъ вмѣстѣ съ Англіей работаетъ и достигаетъ ниспроверженія министерствъ Мартиньяка и Лафероне. Съ Велингтономъ вмѣстѣ, они добиваются назначенія Полиньяка, и все это во имя охраненія монархическаго принципа, а въ сущности противъ Русскаго императора, которому съ другой стороны льстятъ и въ немъ заискиваютъ. Это и привело Луи-Филипа на престолъ и къ возстанію въ Царствѣ Польскомъ. Такъ отмстилъ Метернихъ Карлу X и Николаю Павловичу за то, что они честно и христіански отнеслись къ Христіанамъ въ Турціи и не убоялись показать себя независи-

мыми отъ него и его политическаго вліянія. Съ какимъ чувствомъ читаешь депеши Поццо ди Борго, нечего и говорить. Въ концѣ Ноября 1828 года онъ пишетъ графу Нессельроде:

„A la résolution de l'Empereur Nicolas de se faire rendre raison du sultan par les armes, le p-ce de Metternich s'indigne et se conduit comme pour une révolte contre sa suprématie. Dès lors tout est mis en oeuvre par lui pour nuire à la Russie. Il s'adresse à l'Angleterre afin de l'armer contre l'Empereur, et il répète ses tentatives à chaque phase que les événemens lui présentent; il accrédite l'idée que tous les gouvernemens sont exposés à des révolutions intérieures, parceque la Russie veut obliger le sultan à observer les traités, et il parvient à en intimider plusieurs; il tente le ministère français, qui lui résiste, et lui suscite des querelles intestines à cause de cette résistance. D'un côté il flatte les Bonapartistes et les encourage à faire revivre la mémoire du fils de Napoléon, de l'autre il s'approprie la Gazette de France et la Quotidienne, représentantes prétendues du royalisme pur et des Jésuites, et ces feuilles soi-disant chrétiennes, devenues turques, versent dans le public un déluge d'injures et de faussetés contre nous. Ces vérités, monsieur le comte, n'échappent à personne ici; le ministère français en est convaincu; il me les répète et me les confirme sans cesse.“

„J'étais convenu avec le comte De la Ferronays (пишетъ онъ въ другой Ноябрьской депешѣ 1828 г.) que j'entretiendrais le roi Charles X en particulier avant d'expédier le présent courrier. La présentantion de la lettre de notification de la mort de S. M. l'Impératrice-Mère, d'auguste et de vénérable mémoire, m'en a fourni l'occasion sans avoir recours à d'autres motifs extraordinaires. Après m'avoir témoigné combien il s'associait à la douleur qu'une si grande perte venait de faire éprouver à la famille Impériale, le roi entra lui-même en matière sur les affaires“.

„Sa Majesté me dit qu'elle avait vu et entendu le duc de Mortemart avec le plus vif intérêt, et qu'elle avait appris avec satisfaction, d'un témoin aussi respectable et aussi compétent, le véritable état des choses et la réfutation complète de toutes les suppositions érronées qu'on s'était plu à répandre et à accréditer jusqu'à un certain point. Le roi, d'après la manière dont il s'est expliqué, apprécie les avantages remportés par l'Empereur durant la campagne qui vient de finir, et s'attend à ceux qui arriveront pendant celle qui suivra. En parlant de la politique de la France, Sa M. m'a répété qu'elle persistera dans celle qu'elle a adoptée, et par conséquent dans la résolution de rester unie à la Russie.—En parlant des éventualités qui pouvaient arriver dans le courant de l'hyver, le roi me dit: „Vous savez que nous envoyons „quelqu'un à Constantinople afin de disposer, s'il est possible, le sultan „à la paix et de lui remettre le protocole qui contient la garantie pro„visoire de la Morée et des Iles. Mais cet homme répétera à cette „occasion ce qu'il a dit dans les précédentes: Dieu a arrangé bien „d'autres affaires, et Il voudra aussi pourvoir à celle-ci“. J'observai que cette conclusion était la plus probable, et que les insinuations auprès

d'un caractère tel que celui du sultan, au lieu de le porter à la réflexion, augmenteraient son orgueil et le confirmeraient dans l'espoir que sa résistance lui amenera à la longue le secours de quelque puissance chrétienne; qu'au lieu d'envoyer à Constantinople, c'est à Vienne que les cours neutres devraient se faire valoir et menacer, parceque c'est du cabinet Autrichien que dérivent en grande partie les espérances fatales de la Porte, et toutes les prétentions et les contradictions qui agitent le public de l'Europe. Le roi, sans combattre cette observation et me donnant plutôt à croire qu'il la trouvait juste, me dit qu'en effet le p-ce de Metternich se trompait, parceque dans le cas d'une conflagration générale ou d'une lutte corps à corps avec la Russie, l'Autriche serait exposée aux plus grands dangers."

Въ другой депешѣ Поццо ди Борго говоритъ объ отношеніяхъ Австріи къ Англіи:

„Il est un autre plan que le duc de Wellington travaille à réaliser et au quel m-r de Metternich contribue, quoique avec moins de réserve et d'une manière plus active et plus tranchante. C'est le changement du ministère actuel en France et le rappel de m-r de Villele aux affaires. Le comte de Lieven *) me le mande en termes explicites, et je n'ai jamais douté du désir du duc de Wellington à cet égard, parcequ'il doit être convaincu, que sans avoir un instrument à la tête du cabinet de ce pays, il ne pourra jamais en obtenir la déférence qui lui serait nécessaire ou pour former une coalition contre la Russie, ou pour la priver de l'appui moral qu'elle en reçoit en attendant la coopération réelle qui pourrait avoir lieu dans le cas d'une guerre civile".

„L'arrivée de m-r de Polignac à Paris a coïncidé, selon ce que m-r De la Ferronays m'a dit, avec certains renseignemens que ce ministre s'est procurés et qui prouvent évidemment les intentions sinistres du p-ce de Metternich contre la France".

„Pour ce qui concerne la conduite de la France, Sa M. a dit ces propres paroles à m-r de Polignac: „Je veux rester uni à la Russie. Si l'Empereur Nicolas attaque l'Autriche, je me tiendrai en mesure et me réglerai selon les circonstances; mais si l'Autriche l'attaque, je ferai marcher immédiatement contre elle. Peut-être qu'une guerre contre la cour de Vienne me sera utile, parcequ'elle fera cesser les discussions intérieures et occupera la nation en grand, comme elle le désire".

Еще въ другой депешѣ читаемъ:

„Le ministère français est ébranlé par les relations sans doute exagerées sur nos pertes et le désordre qu'on suppose régner dans notre administration militaire; son existence s'en trouvera jusqu'à un certain point compromise à l'ouverture des chambres. Les intrigues de l'Autriche se multiplient. L'ambassadeur d'Angleterre les seconde, et si nous ne nous hâtons pas de remporter des succès, sitôt que la saison des opérations arrivera, nous risquons de voir ici des changemens qui rendront la continuation de notre influence plus difficile".

---

*) Нашъ посолъ въ Лондонѣ. *П. Б.*

Даже было поручено Метернихомъ графу Апони (послу при Французскомъ дворѣ) прямо предложить графу Лафероне союзъ для одновременнаго вмѣшательства трехъ дворовъ, Австріи, Англіи и Франціи, противъ Россіи въ дѣлахъ Турціи; но Лафероне, именемъ короля и министерства, отказался на отрѣзъ отъ этого предательства *). Тогда Австрія объявила, что порученіе не было дано графу Апони (on le désavoua).

Странно, что въ 1828-мъ году, какъ и всегда прежде, я слышала, какъ всѣ военные, между прочимъ Паскевичь, говорили, что это большая ошибка останавливаться передъ крѣпостями Дуная вмѣсто того, чтобъ миновать ихъ и идти прямо на Софію, на Адріанополь и Царьградъ; и однако во всякую кампанію дѣлаютъ эту самую ошибку. Необходимо было исправить ее въ слѣдующую кампанію.

Между тѣмъ интриги Австріи продолжались, и графу Красинскому было поручено замѣтить Метерниху, что онѣ стали извѣстны Государю.

5-го Іюня 1829 года Красинскій писалъ изъ Вѣны: „Le 5 Juin, d'après les' ordres de Votre Majesté (l'Empereur Nicolas) je me suis présenté chez le p-ce de Metternich. Il m'a amené dans son cabinet avec beaucoup d'empressement, et voici le résultat d'une conversation de quatre heures. „Vous m'avez dit, commença le prince, que j'ai reculé dans.nos relations avec le cabinet de S-t Pétersbourg. Je vous dirai avec franchise que le bien-être de la monarchie Autrichienne, dont le cabinet m'est confié, m'intéresse plus que tout le reste, mais que je ne suis pas l'ennemi de la Russie pour cela. J'ai été contraire à toutes les innovations que l'empereur Alexandre a favorisées, parceque je craignais que le parti libéral qui profite de tout n'y trouvât un champ trop fertile à moissonner. La sainte alliance a été une alliance de vertus et de stabilité. Les affaires de Naples et de Turin en ont prouvé l'avantage, et dans beaucoup de circonstances qui n'appartiennent qu'au secret des cabinets, elle a eu les résultats les plus heureux en arrêtant dans leur naissance beaucoup de projets de destruction. J'ai été contraire à l'affranchissement de la Grèce, de la manière dont on s'y est pris, parceque je prévoyais que la guerre en serait le résultat. J'ai été contraire au départ des ambassadeurs des puissances de Constantinople, parceque ce départ, comme moyen coërcitif, ne pouvait faire l'effet qu'on en espérait sur le sultan, comme je suis encore contraire à leur retour, car je n'en prévois aucun bien, et je crois que l'Empereur Nicolas est sur ce point du même avis que moi. Cette affaire, mon cher comte, est extrêmement compliquée. Les cours de Londres et de Paris ne voient que l'affaire de la triple alliance; la cour de Pétersbourg voit deux affaires: l'une celle de la Grèce, l'autre sa guerre en Bulgarie. Celle de Constantinople ne fait de ces deux

---

*) Замѣчательно, что какъ во Франціи, такъ и въ Англіи, либеральныя министерства, иногда, честно и дружелюбно относились къ Россіи, а тори и консерваторы (les Ultras et les Bonapartistes)—никогда.

qu'une seule affaire, et on ne lui persuadera jamais qu'on puisse séparer ces deux choses. L'Empereur Nicolas dit ce que vous nous répétez, qu'il ne veut point d'agrandissement, qu'il n'a aucun nouveau projet; et bien! que je sache quelles sont ses intentions? *)"

„Ici le p-ce de Metternich s'arrêta un moment comme pour lire l'impression qu'il avait faite sur moi. Puis il reprit: „Vous me dites que le bruit public est que ce que je vous dis est faux; que si nous ne donnons pas de secours matériels à la Turquie, nous lui donnons des secours moraux par l'espoir qu'elle met dans notre cabinet. Je vous dis encore que ce n'est pas vrai, car mes dépêches sont uniformes pour toutes les cours, et je dis toujours aux Turcs: „Cédez pour ce qui est de la Grèce, parceque l'on vous y forçera, et il vaut mieux le faire de bonne grâce qu'après avoir dépensé des millions d'hommes et des millions d'argent". Si j'avais la confiance de l'Empereur Nicolas, je lui dirais: „Sire! Votre Majesté peut avoir de Turcs ce qu'elle propose, et il vaut mieux le faire avant la dépense en hommes et en argent"...... Voyez quelles sont vos préventions: mon souverain envoie le comte de Ficquelmont à S-t P-bourg et dit dans sa lettre que son ambassadeur exprimera à votre Maître toute sa pensée; et si l'empereur Francois II dit au comte de témoigner un désir de repos et de paix, à son retour le courrier apporte une plainte de votre cabinet sur ce que l'Autriche propose une paix déshonorante pour la Russie".

Въ это время, въ 1829-мъ году, среди всѣхъ этихъ интригъ, Государь рѣшился оставить часть войскъ для наблюденія за крѣпостями и идти впередъ. Перешли Балканы. Дибичь пошелъ къ Адріанополю; Киселевъ былъ отряженъ къ Софіи. Главная Турецкая армія, подъ начальствомъ сераскира, на голову разбита, и Адріанополь занятъ. И тутъ, почти у воротъ Константинополя, остановились. Тоже затрудненіе являлось, какъ и въ 1853-мъ году, когда сэръ Гамильтонъ-Сеймуръ не повѣрилъ словамъ Николая Павловича.

Отецъ мой часто говорилъ, что было составлено предположеніе, порученное Дашкову, о конфедераціи Греко-Славянской, даже съ допущеніемъ магометанскаго малочисленнаго княжества; но я не знаю, на какихъ основаніяхъ. Эта мысль или подобная, кажется, не покидала Николая Павловича. Всѣ совѣтники покойнаго Государя, всѣ его окружающіе такой мысли не понимали, или же отрицали неотлагательность рѣшенія такаго вопроса. А было такъ много дѣла и внутри Россіи, и за границей. Дни шли за днями, весь Западъ кипѣлъ и разлагался; умные люди пользовались этимъ разложеніемъ, чтобы присвоить себѣ кусочки, или даже большіе куски распадающихся державъ; а насъ запугивали опасностію революціи, которую сами эксплуатировали, а подъ часъ и въ самомъ дѣлѣ угощали насъ ею, т. е. взрывами своего издѣлія въ Польшѣ,

---

*) Врядъ ли и теперь какое либо правительство знаетъ, чего хочетъ съ Константинополемъ.

гдѣ эти ультра-консерваторы сей часъ же заступались за возстающихъ противъ насъ.

Не знаю, какъ смотрѣлъ на блистательныя мечты Дашко́вскаго плана государь Николай Павловичь въ концѣ своего царствованія, когда его втянули въ обманчивый союзъ Западныхъ державъ Европы. Въ дни его отважной молодости эта мысль, или нѣчто подобное, плѣняла его.

Но теперь рѣчь идетъ о Греческихъ дѣлахъ 1829-го года. Каподистрія только что успѣлъ справиться съ одолѣвавшими его обстоятельствами и поставить на военную ногу два отряда подъ начальствомъ Димитрія Ипсиланти и генерала Черча (Church), когда старые враги,—истинные враги Христіянъ Востока—представители Европейской дипломаціи, подняли плачь и вой, описывая будущіе ужасы рѣзни Христіянъ въ Константинополѣ; и тѣже самыя державы, которыя такъ спокойно смотрѣли на поголовное истребленіе Грековъ въ Царьградѣ, въ Ипсарѣ, Славянъ въ Сербіи, исполнились жалости и человѣколюбиваго участія къ сомнительнымъ страданіямъ въ будущемъ, какимъ могли подвергнуться нѣсколько десятковъ агентовъ Западной Европы и нѣсколько купцовъ, въ случаѣ приближенія нашихъ войскъ къ Турецкой столицѣ! Государь и наши уполномоченные повѣрили, и былъ подписанъ мирный договоръ, въ которомъ выговорены права́ на самоуправленіе Молдаванъ, Валаховъ и Сербовъ, однако какъ вассаловъ Порты; но объ Греціи было выражено неопредѣленно и предоставлено рѣшить на Лондонской конференціи, полную ли независимость выговорить ей и какія назначить ей границы. Общія дѣйствія трехъ державъ въ конечномъ выводѣ оказались тормазомъ для намѣреній Россіи въ пользу Грековъ, между тѣмъ какъ Русской кровію была куплена побѣда. Такимъ образомъ, даже въ наилучшихъ отношеніяхъ къ Европейскимъ союзникамъ, Россія оказывается все таки ихъ жертвой, только въ бо́льшихъ или меньшихъ размѣрахъ.

Посланникомъ въ Константинополѣ былъ уже знаменитый своей ненавистію къ намъ сэръ Страдфордъ-Каннингъ (впослѣдствіи лордъ Редклифъ). Не помню, въ которомъ году мы видѣли его въ Петербургѣ; съ нимъ былъ маленькій сынъ; всѣ они были въ траурѣ, и намъ показали его какъ Англійскаго посланника въ Константинополѣ, врага Христіянъ православныхъ. Не знаю, прежде или послѣ его посольства въ Турцію это было. Не знаю тоже, почему Государь Николай Павловичь отклонилъ его назначеніе посломъ при себѣ. Редклифъ жестоко ему отомстилъ за это.

Послѣдствіемъ великодушія и умѣренности Русскаго правительства было, по обыкновенію, усложненіе тѣхъ дѣлъ, для устройства которыхъ дѣлались уступки. Еще въ концѣ 1828 года, 4000 Грековъ были прикомандированы къ Французскому войску, и Аѳины взяты вторично ими; но Англійскій посланникъ протестовалъ, и Французская армія остановила свои дѣйствія. Въ этомъ же году, въ Маѣ мѣсяцѣ, Греки съ своей маленькой флотиліей, во главѣ ко-

торой былъ ихъ единственный фрегатъ Геллась *), съ братомъ президента графомъ Августиномъ Каподистріей, осадили Лепанту, Миссолунги и Анатолико. Въ самое время, когда шли окончательные переговоры съ Турецкимъ комендантомъ Миссолунги для сдачи города, явился вдругъ Англійскій фрегатъ Мадагаскаръ, на которомъ находился лордъ Спенсеръ, уполномоченный Англійскимъ министерствомъ запретить блокаду Турецкихъ портовъ и требовать удаленія Греческой флотиліи; если же не согласятся, то употребить силу. Графъ Августинъ отвѣчалъ, что онъ исполняетъ только приказанія своего правительства, т. е. президента, и такъ какъ крѣпость къ вечеру должна сдаться, то онъ не сойдетъ съ рейда. Лордъ Спенсеръ отвѣчалъ, что если до вечера не будетъ подписана капитуляція, онъ принужденъ будетъ исполнить непріятное порученіе—выгнать силою Грековъ; однако лично будетъ очень радъ избавиться отъ такой необходимости. Къ вечеру точно крѣпость Миссолунги сдалась.

Но съ самаго Адріанопольскаго мира, когда опять воцарились мнимое спокойствіе и взаимная дружба великихъ державъ, когда дипломація взяла на себя рѣшеніе справедливое и гуманное Греко-Турецкой распри, началась опять невыносимая моральная пытка для Каподистріи, и онъ очутился одинъ, защищая Грецію: ибо, по обыкновенію, вѣжливости, обращенныя къ Русскому правительству, въ переводѣ на общечеловѣческій языкъ, были только ложь, зависть и двуличіе. Лондонская конференція тянулась и тянулась. Рѣшивши создать независимое королевство, стали оспаривать его границы и, какъ говорилъ Метернихъ, если допустить Христіянское государство на Востокѣ, то по крайней мѣрѣ такое зло допустить въ наименьшихъ размѣрахъ. Потомъ рѣшили, что избрать надобно короля изъ царствующихъ династій Европы; слѣдовательно тотчасъ же допустили рознь между нимъ и народомъ въ отношеніи церкви. Наконецъ рѣшили, что никто изъ участвующихъ въ союзѣ не долженъ допустить къ избранію члена своего дома. И тогда начали искать охотника на престолъ,—на всѣ лишенія, неудобства, затрудненія и даже опасности основателя династіи въ чужой землѣ, бѣдной, невѣжественной, слабой, окруженной врагами, встрѣченной недоброжелательствомъ даже тѣхъ, которые ей лицемѣрно благотворили! Можно ли удивляться, что такаго человѣка было трудно найдти. Лучше всего было избрать ребенка, присоединить его къ православной церкви и назначить Каподистрію регентомъ и воспитателемъ его. Но это было слишкомъ просто и удобно, и разумѣется стали выражать опасеніе, обидное опасеніе властолюбія въ регентѣ (и такомъ регентѣ, какъ Каподистрія!) и толковать о неудобствѣ малолѣтняго государя. Выборъ палъ наконецъ на принца Леопольда Саксенъ-Кобургскаго. Мы уже имѣли въ рукахъ его портретъ съ титуломъ короля Греческаго, который всюду продавался во время нашего путешествія въ Берлинъ.

*) Тотъ самый, который Міаулисъ самъ сжегъ потомъ въ началѣ бунта.

Но Каподистрія былъ слишкомъ честенъ, чтобы дозволить принцу, ему лично знакомому и имъ уважаемому, попасть, такъ сказать, въ западню и очутиться среди чуждаго народа, безъ всякихъ средствъ дѣйствія, безъ знакомства съ положеніемъ края. Онъ ему тотчасъ же написалъ всю правду, какъ зналъ и понималъ ее. Вотъ какъ Каподистрія относился къ этому выбору.

Le président de la Grèce à baron Eynard.

Napoli, 6 Avril 1830.

„Il était de mon devoir d'appeler avant tout l'attention du p-ce Léopold sur les difficultés que pourront rencontrer, je ne dis pas l'adoption, mais la mise à exécution des actes de la Conférence de Londres. La Grèce n'a qu'à obéir, et elle obéira. Mais ce n'est pas tout: elle doit aussi faire preuve de la gratitude que lui inspirent les nombreux bienfaits de ses augustes protecteurs, et j'aime à croire qu'elle remplira ce devoir d'une manière honorable. Elle placera desormais toute sa confiance dans les intentions nobles et paternelles de son souverain; elle le rendra dépositaire de ses voeux et de ses espérances, et ce sera à S. A. Royale à faire le reste".

Въ тоже время онъ писалъ къ принцу Леопольду:

Napoli, 26 Mars / 7 Avril 1830.

„Prince, la Providence n'abondonne pas la Grèce. Je trouve une nouvelle preuve de cette vérité dans les généreux sentimens qui ont porté Votre Altesse Royale à défendre les légitimes intérêts de ce pays, au moment où son sort est sur le point d'être décidé. (Онъ здѣсь входитъ въ подробности о положеніи Греціи и продолжаетъ:)

„Je vous supplie en conséquence de vous hâter d'arriver en Grèce. Dans une conjoncture si importante, personne, prince, ne pourrait essayer de remplir votre place, sans donner aux Grecs, aux puissances alliées et méme à la Porte, des motifs pour regretter votre absence".

„Pour moi, quoique accablé par les affaires, par l'inquiétude, je n'en continuerai pas moins à faire tous mes efforts pour justifier la confiance des Grecs et celle dont m'honore Votre Altesse Royale, et je m'estimerai heureux de remplir ce double devoir aussi longtems que ma santé me le permettra, et que Votre Altesse Royale agréera le faible hommage de mes services".

Между тѣмъ партіи въ Греціи неистовствовали болѣе нежели когдѣ нибудь, а у временнаго правительства не хватало денегъ на уплату жалованья солдатамъ; начальники отрядовъ волновались. Каподистрія уже разъ созвалъ въ Аргосѣ народное собраніе и, не смотря на всѣ козни враговъ его, огромное большинство, все настоящее народное, тѣсно сомкнулось и поддержало всѣ его предложенія, расширяя его полномочія цѣлымъ рядомъ постановленій, избирая его представителемъ, отдавая ему съ восторгомъ неограниченную власть, которую онъ самъ потребовалъ, чтобы собраніе уменьшило. Положеніе духовенства и разрушенныхъ церквей было плачевно, сношенія съ патріархомъ прерваны съ 1821 года; онъ умѣлъ постепенно все возстановить, завести духовныя училища, поднять

духъ священниковъ, начать переговоры о сношеніяхъ съ патріархами и заранѣе обезпечить посредничество и сочувствіе Русскаго Государя въ устройствѣ Греческой церкви, безъ разрыва съ Царе-градской патріархіей. Но финансы были въ такомъ отчаянномъ положеніи, что, отдавъ уже все до послѣдняго собственное состояніе, онъ видѣлъ неотвратимую катастрофу народнаго банкротства. Въ теченіичетырехъ лѣтъ никакими мольбами, описаніемъ бѣдствій края, представленіемъ неизбѣжныхъ послѣдствій такого положенія, напоминаніемъ формальныхъ обязательствъ, взятыхъ на себя тремя державами, онъ не могъ добиться, чтобы выслали обѣщанныя субсидіи. Такое положеніе дѣлъ онъ не могъ и не хотѣлъ скрывать отъ принца Леопольда, котораго богатое состояніе должно бы было погибнуть въ пропасти народнаго безденежья. Принцъ не рѣшился на такія лишенія и невзгоды, на такой рискъ, на удальство своего рода этой экспедиціи, изъ-за пустаго титула королевскаго, безъ всего того что̀ можетъ создать или упрочить власть. Онъ предложилъ нѣкоторыя благоразумныя условія. Конференція отвѣчала:

Le 20 Fevrier. 1830.

„Présens: les plénipotentiaires de France, de la Grande-Brétagne et de la Russie".

„Les plénipotentiaires des trois cours alliées, se trouvant réunies, l'objet de la Conférence était de prendre connaissance de la réponse de S. A. R. le p-ce Léopold de Saxe-Cobourg, à la note collective qui lui a été adressée par les plénipotentiaires, conformément aux prescriptions du protocole № 2 en date du 3 Fevrier 1830. Après avoir examiné les observations présentées par le p-ce Léopold, à la suite de son acceptation de la souveraineté de la Grèce, qui lui a été offerte,— les plénipotentiaires de l'Alliance ont arrêté entre eux les résolutions suivantes, relativement aux cinq points indiqués dans la réponse de Son Altesse Royale:

1-o) Les intentions des trois cours sont conformes aux voeux exprimés par le prince à l'égard de la garantie du nouvel état Grec par les puissances signataires du traité. Les autres puissances seront invitées à y adhérer. 2-o) Les puissances alliées ne sauraient admettre le droit d'intervention du p-ce souverain de la Grèce, par rapport à la manière dont le gouvernement Turc exerce son autorité à Candie ou à Samos. Ces îles doivent rester sous la domination de la Porte et doivent être indépendantes de la nouvelle puissance que l'on est convenu d'établir en Grèce. Cependant les puissances alliées s'empressent de déclarer au p-ce Léopold pour la propre satisfaction de Son Altesse Royale, qu'en vertu des engagemens qu'elles ont contractés d'un commun accord, elles se croyent tenues d'assurer aux habitans de Candie et de Samos une sécurité contre toute molestation en raison de la part qu'il auraient prise dans les troubles antécedens. Dans le cas où l'autorité turque serait exercée d'une manière qui pourrait blesser l'humanité, chacune des puissances alliées, sans prendre toutefois un engagement spécial et formel à cet effet, croirait de son devoir d'interposer son influence auprès de la Porte, afin d'assurer aux habitans des îles

susmentionnées une protection contre des actes oppressifs et arbitraires: 3–o) La conférence a reconnu qu'il existait des obstacles insurmontables à revenir sur les décisions relatives à la démarcation des limites du nouvel état. 4-o) Les trois puissances sont résolues à assurer au nouvel état des secours pécuniaires au moyen de la garantie d'un emprunt que fera le gouvernement Grec, et dont le but sera de pourvoir à la solde et à l'entretien des troupes que le prince souverain se trouvera dans le cas de lever à son service. 5-o) Afin d'obvier aux difficultés temporaires que le prince souverain pourra éprouver avant que la levée de ses troupes soit effectuée, les trois cours consentent à laisser à la disposition de Son Altesse Royale, pour le terme d'une année, le corps français qui se trouve actuellement en Grèce".

Dans le cas qu'un plus long séjour de ces troupes fut jugé indispensable, les puissances s'entendraient avec le prince souverain pour condescendre à ses voeux".

Но принцъ былъ слишкомъ благоразуменъ и въ свою очередь отвѣчалъ учтивымъ отказомъ:

Londres. 21 Mai 1830.

„Après avoir réflechi aussi mûrement que possible, le soussigné ne peut changer ce qu'il a communiqué aux plénipolentiaires par sa note du 15 de ce mois. Dans de telles circonstances, le devoir du soussigné envers les Grecs est clair et parfaitement déterminé; il n'a eu dans toute cette négociation d'autre but que l'interêt du pays, comme on peut le voir par toutes les protestations qu'il a faites au ministère anglais et aux plénipotentiaires des puissances alliées contre tout arrangement qui contrarierait les désirs de la nation Grecque et qui détruirait les droits que lui ont assuré les grands sacrifices qu'elle a faits".

„Si le soussigné s'est flatté d'obtenir la haute distinction de devenir souverain de la Grèce, c'était dans l'espérance d'être reconnu librement et à l'unanimité par la nation et reçu comme un ami capable de récompenser ses longues et héroiques résistances, en assurant l'intégrité de son territoire et en établissant son indépendance sur une base solide et honorable".

„Le soussigné, vivement affligé de voir cette espérance s'évanouir, résigne donc formellement entre les mains des plénipotentiaires un titre que les circonstances ne lui permettent pas de garder plus longtems avec honneur pour lui-même, pour le bonheur de la Grèce, les avantages et les intérêts généraux de l'Europe".

„Léopold prince de Saxe".

Такимъ образомъ Греческое правительство оставалось по прежнему временнымъ. Лондонская Конференція не спѣшила другимъ выборомъ, и Каподистрія былъ предоставленъ въ жертву всѣхъ случайностей и всѣхъ партій, тѣмъ болѣе окрѣпшихъ, что Іюльская революція (Французская) вскружила голову старымъ властолюбцамъ и своекорыстнымъ поджигателямъ народа и молодежи.

Пошли всевозможныя подражанія Франціи, начиная разумѣется съ прессы.

Попытка, сдѣланная во время Байрона, возобновилась, и нашелся одинъ г-нъ Полизоидесъ, къ тому же лично обязанный графу Каподистріи и знавшій какъ нельзя лучше всю ложь имъ самимъ распространенную, который, однако, предложилъ свои услуги врагамъ его въ газетѣ: „Аполлонъ", сдѣлавшейся òрганомъ недовольныхъ. Клевета за клеветой являлись на страницахъ этаго журнала, а Каподистрія не хотѣлъ унижать себя отвѣтомъ на такія наглыя выдумки. Однако его молчаніе, его презрѣніе, не всѣми были поняты. Calomniez, calomniez: toujours il en restera quelque chose. Увѣряютъ, что это аксіома Іезуитовъ; во всякомъ случаѣ есть много правды въ этомъ изрѣченіи. Кто повѣрилъ; кто хотя не вѣрилъ, но усумнился, смутился; а кто воспользовался, чтобы прикинуться, что вѣритъ.

Въ Гидрѣ бывшіе старшины (примасы) требовали для себя однихъ всѣ отбитыя у Турковъ земли, въ ущербъ остальному народу. Въ Майнѣ начались безпорядки, отчасти возбужденные Европейскими авантюристами. Петро Мавро-Михалисъ, бывшій при Туркахъ беемъ Майнотовъ, тайно выѣхалъ изъ Навпліи и сталъ во главѣ бунтующихъ, подъ предлогомъ заставить президента дать имъ конституціонную хартію, въ которой будто отказывалъ президентъ. Требовали участія въ законодательствѣ Майноты, эти люди безграмотные, необузданные, занимающіеся разбоемъ, какъ ремесломъ, не признающіе никакого закона, никакой нравственной силы. Каподистрія, человѣкъ своего вѣка, былъ тоже поклонникомъ Англійской конституціи; но онъ слишкомъ искренно желалъ такого образа правленія, чтобы подать народу однѣ ложныя формы вмѣсто сущности; онъ слишкомъ близко и хорошо изучилъ весь вредъ такой политической фальши, чтобы согласиться на нее для своего Отечества.

„Le gouvernement, писалъ онъ, ne peut en consience proposer à la „nation de charte constitutionnelle qu'à l'époque ou l'emprunt et la „mesure agraire auront fait circuler une nouvelle vie dans tous les „membres du corps politique *). Jusque là, toute charte est une for„mule dérisoire. Je mourrais plutôt que de tromper un peuple qui „m'a confié ses destinées, un peuple qui croit à mon dévouement".

Но Лондонская Конференція не отвѣчала на его депеши. О давно обѣщанномъ займѣ и не упоминалось; часть субсидій, уже выданная Россіей и Франціей, неизвѣстно какимъ образомъ была пріостановлена и не доходила до Греческаго правительства. Это молчаніе въ Лондонѣ, разумѣется, ободряло всѣхъ мятежниковъ, всѣхъ агитаторовъ, подавая пищу злословію газеты, такъ сказать, офиці-

*) L'emprunt de 60 millions amortira les dettes de la nation, et déduction faite des sommes consacrées à ce but, fera circuler une masse de numéraire. Ce sera le moment de proceder à la distribution du sol reconquis sur les Turcs; et le gouvernement donnera des terres à une population capable de les rendre productives.

Capo d'Istrias.

альной, и приводило къ окончательному разоренію и нищетѣ само правительство, опекаемое Европой.

Тогда Каподистрія рѣшился ѣхать самъ въ Лондонъ, чтобъ лично добиться какого нибудь рѣшенія. Но оставить Грецію во время бунта было невозможно. Однако Мавро-Михалисъ, разбитый правительственнымъ войскомъ, сдался плѣннымъ; начальникъ Гидріотовъ, Каратасосъ обращенъ въ бѣгство. Казалось, волненіе улеглося; но президентъ не могъ согласиться на выдачу Гидріотамъ безъ всякаго пересмотра и контроля всѣхъ требуемыхъ ими вознагражденій и земель. Тогда старшины ихъ рѣшились на отчаянное дѣйствіе. Подговоренный ими знаменитый морякъ Міаулисъ отравился въ Паросъ, захватилъ находящіяся въ портѣ военныя суда, разграбилъ арсеналъ и съ своей добычей поплылъ въ Гидру. Нашъ адмиралъ Рикордъ, узнавъ объ этомъ похищеніи, отправился вслѣдъ за ними, объявляя блокаду Гидры, если не возвратятъ Греческому правительству захваченныхъ ими кораблей. Мятежники колебались; но адмиралъ Лаландъ, стоявшій тутъ же съ Французскимъ фрегатомъ, отказываетъ Рикорду въ содѣйствіи и, пользуясь такимъ разногласіемъ, пираты Міаулиса стрѣляютъ въ Русскій фрегатъ „Телемакъ". Они однако тотъ часъ поняли послѣдствія такого буйства и рѣшились сами истребить добытую кровію Грековъ маленькую флотилію, единственно для того, чтобъ она не осталась правительству народному. Міаулисъ самъ зажегъ единственный линейный корабль (или фрегатъ) Греческій „Гелласъ", а за нимъ спалили и всѣ мелкія суда. Этимъ отчаяннымъ взрывомъ кончился открытый бунтъ, уже вездѣ подавленный; но начался заговоръ худшаго свойства. Уже нельзя было и помышлять о поѣздкѣ въ Лондонъ. Президентъ долженъ былъ остаться въ Греціи; онъ рѣшился созвать новое народное собраніе, и не у одной или другой партіи, а у представителей всего народа потребовать одобренія или осужденія своихъ дѣйствій. Заговорщики хорошо знали, что такое собраніе будетъ новымъ торжествомъ для Каподистріи и рѣшились на низкое злодѣяніе, чтобъ избавиться отъ правителя слишкомъ честнаго и сильнаго для нихъ. Каподистрія видѣлъ во всѣхъ этихъ волненіяхъ много напускнаго, много иностраннаго. „Les Hydriotes ont voulu avoir aussi l e u r s j o u r n é e s, l e u r g r a n d e s e m a i n e *). Un esprit de vertige s'est emparé d'eux et travaille ce malheureux pays. Cependant les affaires se compliquent en Europe. Si par suite des événements qui ont tout changé en France, une guerre s'allumait, que deviendrions nous? — Dieu seul le sait! Quoiqu'il arrive, je ferai mon devoir;—et après tout qui vivra verra".

Такъ писалъ онъ въ Августѣ мѣсяцѣ 1831-го года, полный заботою о родномъ краѣ, объ себѣ думая только какъ бы исполнить обязанности свои. Недолго ему должно было подвизаться на труд-

---

*) Относится къ хвастливымъ фразамъ Парижанъ: „l e s g l o r i e u s e s j o u r n é e s, les journées de Juillet, l a g r a n d e s e m a i n e", какъ они называли свою уличную революцію 1830 года.

номъ поприщѣ своемъ! Заговорщики уже только искали случая покончить съ ненавистнымъ правителемъ посредствомъ убійства. Орудіе нашли они опять у Майнотовъ. Старикъ Мавро-Михалисъ, или какъ его по старому все называли Петро-бей, взятый въ плѣнъ въ вооруженномъ возстаніи, сидѣлъ въ крѣпости Навпліи, въ ожиданіи суда. Корыстолюбивый старикъ, передъ тѣмъ безпрестанно вымаливавшій у Каподистріи денежныхъ пособій, превратился на столбцахъ газеты „Аполлонъ“ въ невинную, безкорыстную жертву своихъ либеральныхъ стремленій и властолюбивой тираніи президента, мечтающаго о созданіи собственнаго самодержавія въ Греціи. Партія фанаріотовъ и партія Гидріотовъ воспользовались проволочкой слѣдствія надъ нимъ: ибо Каподистріи было больно казнить стараго вождя, отца двухъ сыновей, убитыхъ въ сраженіяхъ за родину. Такое чувство было непонятно для его враговъ; они видѣли тутъ опасеніе раздражить народъ и надѣялись, что на народъ подѣйствовали наконецъ ихъ клеветы и брань, что время было благопріятно для покушенія на жизнь главы правительства, потерявшаго свою популярность. Уже стали ходить слухи о заговорѣ противъ его жизни. Къ стыду окружавшихъ его, облагодѣтельственныхъ имъ, многіе изъ нихъ стали малодушно удаляться. Около него, обреченнаго на смерть, уже становилось пусто. Но вѣрные его друзья и прислуга не разъ предостерегали его отъ убійцъ. Онъ однако не хотѣлъ принять никакихъ мѣръ предосторожности и отвѣчалъ: „Меня хотятъ вѣроятно „запугать распространеніемъ такихъ слуховъ, но они не тревожатъ „меня. Я буду исполнять мою обязаность, а обязанностію моею „считаю противиться всѣмъ, кто хочетъ бунтовать и губить землю „нашу. Жизнь моя въ рукахъ Божіихъ, а смерти не боюсь; нерѣдко „она бываетъ для насъ часомъ избавленія.“

Для безстрашнаго гражданина, для смиреннаго Христіянина, Каподистріи, этотъ часъ уже былъ близокъ; какъ тать къ нощи, подходилъ онъ къ нему.

Сынъ Петро-бея, Георгій и племянникъ Константинъ Мавро Михалисы были менѣе старика виновны въ Майнотскомъ бунтѣ. Президентъ не счелъ нужнымъ арестовать ихъ, а только удерживалъ въ Навпліи подъ надзоромъ полиціи. Надзоръ этотъ оказался фиктивнымъ; отъ дѣйствительнаго подкупъ ихъ освободилъ. Они сами себя предложили для совершенія убійства, и предложеніе было принято съ радостію заговорщиками. Съ тѣхъ поръ (конецъ Августа мѣсяца) они уже поджидали удобнаго случая, встрѣчали его часто, но все какъ-то не удавалось исполнить намѣреніе. Они знали, что Каподистрія всюду ходилъ одинъ, любилъ останавливатся, чтобъ вступать въ разговоръ съ простымъ народомъ и часто посѣщалъ церкви; знали, что онъ особенно любилъ молиться въ церкви Св. Спиридонія, особенно чтимаго на родинѣ его, островѣ Корфу. Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ они рѣшились совершить свое неистовое дѣло безотлагательно, на паперти церковной. Два Воскресенья сряду они его поджидали у Спиридонія.... То нездоровье, то экстренныя дѣла его задерживали дома. Пришло 26-е Сентября, праздникъ Св. Іоанна Бо-

гослова. Они стали на свои мѣста и выжидали. Опять онъ не пришелъ, и они хладнокровно отложили свое преступленіе на слѣдующій день. Это былъ день воскресный, 27 Сентября. При Каподистріи состоялъ одинъ ветеранъ изъ Кандіотовъ, Георгій Кокони, потерявшій руку во время защиты Наварина. Этотъ преданный, вѣрный человѣкъ и одинъ солдатъ-ординарецъ составляли обыкновенно всю его свиту и конвой. Въ церковь онъ ходилъ пѣшкомъ. На Востокѣ, по крайней мѣрѣ тогда, былъ обычай начинать воскресную обѣдню передъ самымъ восходомъ солнца, какъ ранняя обѣдня бываетъ у насъ. И въ это роковое Воскресенье, какъ всегда, уже къ 6-ти часамъ утра стали сходиться богомольцы въ церковь Спиридонія Чудотворца; на площади, взводъ пѣхоты и артилерійская команда готовились къ церковному параду. Заря занималась на прозрачномъ южномъ небѣ; сквозь отворенныя двери виднѣлись свѣчи зажженныя внутри храма, гдѣ молился народъ; все смотрѣло такъ тихо, празднично, такъ ясно, такъ благоговѣйно. Убійцы заняли свои мѣста у крыльца на паперти. Пробило 6 часовъ. Каподистрія уже показался издали; онъ шелъ поспѣшно, чтобъ не опоздать, какъ всегда, въ своемъ знакомомъ намъ синемъ сюртукѣ, съ свѣтлымъ задушевнымъ взглядомъ, съ прямой, но непринужденной осанкой, спокойной походкой, хотя наканунѣ онъ получилъ предостереженіе объ ожидающей его опасности. За нимъ, въ нѣсколькихъ шагахъ, шелъ его вѣрный Георгій Кокони. Увидавъ Мавро-Михалисовъ, онъ однако спокойно поднялся на крыльцо и въ отвѣтъ на ихъ поклонъ снялъ шляпу. Въ эту минуту, сбросивъ плащи свои, Константинъ выстрѣлилъ въ упоръ въ открытую голову его, а Георгій, выхвативъ изъ за пояса кинжалъ, кинулся на пошатнувшагося отъ первой раны правителя Греціи и нанесъ ему глубокую рану въ животъ. Бѣдный Кандіотъ его успѣлъ подбѣжать только, чтобъ принять тѣло его на свою единственную руку.

Такъ угасла мгновенно эта чистая жизнь; такъ отдалъ онъ духъ свой въ руки Отца Небеснаго, у порога храма Божія, въ молитвенномъ настроеніи, самъ мученикъ за Отечество, у вратъ церкви, посвященной мученику, заступнику его роднаго края. Каподистрія не боялся смерти, какъ говорилъ друзьямъ своимъ передъ этимъ, и она была такъ мгновенна, что онъ не успѣлъ страдать ни отъ физической боли, ни отъ нравственнаго мученія, отъ мысли, что погибаетъ рукою Грековъ, за которыхъ столько выдержалъ страданій, столько понесъ труда и заботъ, за которыхъ столько мучился даже въ самое это время. Смерть для него была „часомъ избавленія", по его собственнымъ словамъ.

И вотъ, такимъ же тихимъ свѣтомъ утренней зари, и воскреснаго моленія, и теплящихся свѣчъ, былъ окруженъ нашъ Каподистрія въ послѣднюю свою минуту, какъ онъ всегда являлся и является въ моей памяти.

Выписываю теперь современныя извѣстія изъ газетъ и книгъ, черезъ которыя мы узнали о послѣдовавшемъ послѣ его смерти. Тутъ опять Европейская дипломація и даже начальникъ штаба Француз-

ской арміи (уже не Карла X, а Луи-Филипа) отличались по своему обыкновенію, а Французскій лексиконъ Булье, который намедни я раскрыла для хронологической справки, оканчивая статью убійствомъ Каподистріи, прибавляетъ: au reste il passait pour être un agent de la Russie и какъ бы извиняетъ этимъ его убійцъ!

Услышавъ выстрѣлы, молящіеся выбѣжали изъ церкви, и Кандіотъ, увидя, что нѣтъ уже признаковъ жизни въ возлюбленномъ начальникѣ его, положилъ тѣло на землю и кинулся за Константиномъ Мавро-Михалисомъ. Первый разъ пистолетъ осѣкся; онъ выхватилъ другой и ранилъ бѣжавшаго въ поясницу, взывая въ тоже время къ народу схватить убійцу, отмстить за Отечество. Народъ бросился на Константина и растерзалъ его, а трупъ, привязавъ за ноги, поволокли по улицамъ и сбросили съ высоты берега въ море.

Соучастникъ его, сынъ Петро-бея, вмѣсто того, чтобы бѣжать по близости за городъ, быстро несется по площади прямо въ домъ Французскаго резидента (повѣреннаго въ дѣлахъ), стучится въ дверь и, черезъ минуту переговоровъ, дверь отворяется, и его принимаютъ подъ покровительство посольства. Между тѣмъ на скоро назначено регенство подъ предсѣдательствомъ брата умершаго, графа Августина Каподистріи; артилерійская команда только что успѣла принести тѣло убитаго президента въ домъ правленія, а полковникъ Алмейда (Португалецъ въ службѣ Греческой), комендантъ крѣпости, распорядился усилить караулы и прервать всѣ сношенія между портомъ и городомъ, какъ является генералъ Жерардъ *) съ своимъ штабомъ и держитъ рѣчь Греческимъ полкамъ, требуя въ тоже время отъ Сената, чтобъ его назначили временнымъ комендантомъ города. Ему отвѣчали, что есть уже временное правительство Греческое и не нуждаются въ посторонней помощи для охраненія порядка.

Тогда явились г-нъ Де-Руенъ, Французскій резидентъ и Англійскій г-нъ Давкинсъ, и на площади, во всеуслышаніе народа, стали рѣзко возставать противъ мѣръ, взятыхъ правительствомъ, чтобъ помѣшать бѣгству преступниковъ, настаивая на свои дипломатическія права, будто поруганныя запрещеніемъ всякаго сношенія съ морскими станціями, пока преступники не будутъ въ рукахъ властей. Не слушая никакихъ доводовъ полковника Алмейды, агенты Европейскихъ державъ наконецъ объявили, что они сейчасъ выѣдутъ изъ Навпліи, если онъ не отмѣнитъ своихъ полицейскихъ распоряженій. Алмейда нѣсколько смутился; однако, помолчавъ немного, спокойно снялъ шляпу и поклонившись сказалъ имъ: „Тогда, добрый путь, господа! Уѣзжайте; а я все таки свою обязанность свято исполню.“

Разумѣется, они остались; но имъ не удалось помочь Мавро-Михалису скрыться бѣгствомъ на иностранномъ кораблѣ. Народъ, узнавъ, что его скрываетъ Французскій резидентъ, бросился къ его дому и въ бѣшенствѣ, съ крикомъ и проклятіями, потребовалъ выдачи зло-

*) Командовавшій Французскимъ войскомъ, вновь назначенный уже Іюльскимъ правительствомъ.

дѣя. Де-Руенъ наконецъ выдалъ его, не народу, разумѣется, но по требованію Сената.

„Негодованіе противъ Мавро-Михалиса всеобщее здѣсь (писали изъ Навпліи 29 Сент.) Говорятъ, что Константинъ, который былъ убитъ народомъ, былъ много обязанъ графу Каподистріи, который между прочимъ за него заплатилъ до 30,000 піастровъ долговъ, полтора года назадъ........ Главное чувство однако глубокая скорбь. Судъ надъ преступниками отложенъ, чтобъ дать время народному волненію и гнѣву утихнуть. Съ тоюже цѣлію отложено погребеніе тѣла президента, которое бальзамировали; но торжественное отпѣваніе будетъ послѣ казни убійцъ".

До Парижа печальная вѣсть дошла нескоро. Она вызвала глубокую скорбь въ другѣ Каподистріи Эйнарѣ. Вотъ его письмо: „Парижъ, 25 Октября 1831 г. Графъ Каподистрія убитъ! Написать эти слова я не могу безъ глубокой душевной скорби. Этотъ добродѣтельный человѣкъ, который все принесъ въ жертву своему Отечеству, самъ палъ жертвою личной мести (оказалось, что это была не личная месть, а злодѣйство политической партіи). Еще неизвѣстны подробности преступленія, лишившаго Грецію великаго гражданина, единственной вѣрной поддержки при Европейскихъ правительствахъ. Президентъ Греческаго правительства является въ наше время античнымъ лицемъ. Строгій, взыскательный къ самому себѣ, честности несравненной, никогда не выставляющій себя и свои добродѣтели на показъ, пренебрегающій клеветою, употребляющій все свое имущество на пользу Греціи, неустанно работающій на просвѣщеніе своей земли. Не знаю человѣка, который бы соединялъ въ себѣ столько прекрасныхъ качествъ. Умный, ученый, неутомимый, необыкновенно правдивый и прямодушный, съ большою простотою нравовъ, безъ малѣйшаго высокомѣрія, безъ притязаній на этикетъ, онъ съ этими общественными добродѣтелями соединялъ непоколебимую вѣру въ Промыселъ Божій. Свои письма, исполненныя заботой о народѣ Греческомъ, онъ почти всегда оканчивалъ словами: „Я однако не теряю надежды на наше будущее. Богъ такъ очевидно „охранялъ Грецію до нынѣ, что конечно сохранитъ ее и теперь." Вотъ еще нѣсколько строчекъ изъ послѣдняго письма, написаннаго превосходнымъ человѣкомъ, котораго оплакиваю: „Ни опасеніе интригъ „и тѣхъ, которые интригуютъ, ни опасеніе длинныхъ столбцевъ „нѣкоторыхъ газетъ, не заставятъ меня измѣнить моего направленія. „Пускай говорятъ и печатаютъ что̀ хотятъ; въ концѣ концевъ человѣка будутъ судить не по тому что̀ писали и говорили о его дѣйствіяхъ, но по самимъ дѣйствіямъ его и ихъ плодамъ. Эта увѣренность укрѣпляла меня, съ этими правилами прожилъ я въ свѣтѣ „до заката дней моихъ и не раскаявался. Я не могу подъ старость „измѣнить своихъ убѣжденій: буду исполнять долгъ свой по прежнему, что̀ бы ни случилось."

„Личность Каподистріи была конечно одна изъ прекраснѣйшихъ личностей нашего вѣка, и преступникъ, который убилъ Каподистрію, убилъ вмѣстѣ съ нимъ Отечество". 8 (20) Октября, изъ Нав-

пліи пишутъ, что сынъ Петро-бея, убійца графа Каподистріи, осужденъ на казнь отцеубійцевъ: сперва должны отрубить ему правую руку по кисть, потомъ растрѣлять его. Двое изъ его сообщниковъ приговорены быть задѣланными по горло въ стѣнѣ, гдѣ ихъ будутъ кормить, пока они останутся живы". Этотъ дикій, по теперешнимъ понятіямъ нашимъ, приговоръ военнаго суда былъ однако смягченъ правительствомъ въ подробностяхъ. Кисти руки не отрубили у Георгія Мавро-Михалиса; просто разстрѣляли среди громкихъ проклятій народа, а другихъ приговорили къ пожизненному заключенію въ тюрьмѣ.

3 (15) Ноября изъ Навпліи: „Несчастный народъ очень хорошо понимаетъ, сколько онъ потерялъ со смертію Каподистріи. За то и горесть и бѣшенство, можно сказать, безграничны. Грепія поголовно вооружилась. Трудно будетъ не допустить семейной (кровной) мести, удержать отъ междоусобій, хотя выборъ членовъ временнаго правленія хорошъ: Колокотрони, Колетти и меньшой братъ умершаго, графъ Августинъ Каподистрія."

Однако особенно важныхъ мятежей не было, хотя продолжались мѣстные безпорядки. Черезъ шесть мѣсяцевъ спустя, графъ Августинъ сложилъ съ себя должность члена правленія и увезъ тѣло знаменитаго брата съ собой на родину, въ Корфу, гдѣ похоронилъ возлѣ отца въ монастырѣ. Простая плита покрываетъ могилу, и надпись на ней гласитъ:

ГРАФЪ

ІОАННЪ КАПОДИСТРІЯ.

Въ концѣ Февраля Европа избрала на Греческій престолъ втораго сына короля Филеллина (Лудвига Баварскаго), Оттона, малолѣтняго, но Католика, и окружила его Баварцами.

Остальное не касается моего разсказа.

*

Я такъ много говорила о князѣ Метернихѣ и о его враждебномъ отношеніи къ Россіи, что, кажется, будетъ умѣстно здѣсь же записать впечатлѣніе, произведенное имъ на меня, когда я лично съ нимъ познакомилась. Это было въ 1847 году, когда я находилась временно при великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ въ Вѣнѣ. Во время предсмертной болѣзни великой княжны Маріи Михаиловны, живя въ Палаццо д'Есте по предложенію императорскаго Австрійскаго двора, Великая Княгиня часто видалась съ княземъ Метернихомъ; но я пріѣхала уже послѣ кончины Великой Княжны. Пріемовъ больше не было, и хотя я часто видала княгиню Меланію (жену его) и дочь Меланджерлъ (уменьшительное того же имени) по вечерамъ у насъ придворныхъ дамъ, но самаго князя мнѣ не случалось встрѣтить. Онъ въ то время болѣе нежели когда нибудь управлялъ Австріей, не только уже по иностранной политикѣ, но и по внутреннимъ дѣламъ.

Царствовалъ номинально императоръ Фердинандъ, добрый, кроткій, незлобивый ребенокъ пятидесяти-четырехъ-лѣтній. При немъ были назначены отцемъ его и предшественникомъ трое

опекуновъ: князь Метернихъ, графъ Коловратъ и графъ Фикельмонтъ. Коловрата я не знала, а хотя Фикельмонтъ былъ ума свѣтлаго, блистательнаго и обращенія самаго утонченнаго и благороднаго, однако въ этомъ тріумвиратѣ несомнѣнно держалъ скипетръ князь Метернихъ. Какъ ни антипатична была мнѣ его политика, все же онъ былъ замѣчательное историческое лице, съ огромнымъ вліяніемъ на свое время, въ своемъ государствѣ,—а государство это много имѣло вліянія на составъ Европейскихъ державъ, особенно въ послѣднее десятилѣтіе царствованія Александра I-го, и начинало опять сильно дѣйствовать на иностранную политику Россіи въ это самое время (въ 1847-мъ году). Историческіе люди, дѣйствовавшіе къ добру или ко вреду человѣчества, всегда меня занимали. Мнѣ хотѣлось познакомиться съ Метернихомъ, и за нѣсколько дней до моего отъѣзда изъ Вѣны я сказала его дочери: je ne puis pourtant pas partir sans avoir fait la connaissance de monsieur votre père: avoir été deux mois à Vienne sans rencontrer le p-ce Metternich, c'est avoir été à Rome sans avoir vu le pape. Вѣроятно она передала эти слова отцу и дня черезъ два пріѣхала отъ имени матери звать меня къ нимъ обѣдать. Я нашла ихъ въ семейномъ кругу. Княгиня, еще красивая, оживленная, разговорчивая женщина, съ той искренностію въ выраженіяхъ, которая всегда привлекательна. Она была не первой молодости, но въ сравненіи съ мужемъ очень моложава; ихъ дочь, 14-ти лѣтняя Меланджерлъ, очень хорошенькая, но такого большаго роста и такъ развита физически, что на видъ ей было лѣтъ 18. Двѣ дочери князя отъ перваго брака: графиня Шандоръ и княжна Эрминія, симпатичной наружности, кроткой, болѣзненной, нѣсколько кривобокая. Сынъ отъ 2-го брака, въ послѣдствіи посолъ въ Парижѣ, Ришаръ, извѣстный болѣе эксцентричностію и модной развязностью своей жены, нежели собственными качествами, а въ то время очень молодой, благовоспитанный и пріятный въ разговорѣ. Еще былъ тутъ домашній человѣкъ le chevalier Hügel, извѣстный всей Вѣнѣ и всему дипломатическому корпусу какъ пріятель князя, влюбленный въ княгиню, преданный всецѣло ихъ семейству, фактотумъ, cavaliere-servente, другъ и распорядитель въ маленькихъ вещахъ, что-то въ родѣ принадлежности ихъ дома и тѣни княгининой. Положеніе его было странное: нѣкогда онъ влюбился въ молодую графиню Меланію Зичи-Ферарисъ, 16-ти лѣтнюю красавицу, своевольную, веселую, безпечную, нѣсколько дикую даже въ отношеніи къ откровеннымъ выходкамъ въ ея разговорѣ, чистую Маджарку со всею привлекательностію необузданнаго племени своего (Гюгель, должно быть, вообще нравился женщинамъ, судя по романическимъ приключеніямъ его, не только въ молодости, но и на старости лѣтъ, какъ свидѣтельствуетъ его женитьба). Какъ бы ни было, графинѣ Зичи онъ понравился, и они были помолвлены. Въ это время сильный, богатый, знатный князь Метернихъ во вторый разъ овдовѣлъ, и привыкшій къ исполненію воли своей всѣми, начиная съ своего государя и кончая иностранными дворами, онъ, не взирая на слово данное другому графиней Меланіей, предложилъ свою руку обворожившей его дѣвушкѣ—почти ребенку въ сравненіи съ нимъ. Родители

ея, въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, съ многочисленнымъ семействомъ, фамиліи не особенно знатной и безконечно развѣтвленной, изъ тѣхъ фамилій Венгерскихъ, которыхъ въ Австріи никакъ не ставятъ въ уровень съ имперскими графами, родители ея дали себя обольстить блескомъ такой знатной партіи, и Гюгелю отказано отъ обѣщанной уже руки дочери, но не отъ дома: какъ видно, женихъ и невѣста умѣли, внезапно и безъ особаго затрудненія, обратить любовь свою въ дружбу, оставаясь постоянно въ наилучшихъ отношеніяхъ въ теченіи долгихъ лѣтъ, безъ всякаго ущерба репутаціи княгининой.

Въ вечеръ, о которомъ вспоминаю, Clement Hügel (его звали Климентомъ, также какъ Метерниха) не обратилъ на себя моего вниманія ничѣмъ. Высокаго роста, среднихъ лѣтъ, довольно красивой и совершенно приличной наружности, человѣкъ, который очевидно принадлежалъ къ семейству или дому, онъ первый встрѣтилъ меня у дверей пріемной и поклонившись пошелъ за мной въ гостиную. Только когда княгиня его представила мнѣ, называя по фамиліи, я посмотрѣла на него съ любопытствомъ и не признала никакихъ наружныхъ свойствъ героя романа въ спокойныхъ, почти флегматическихъ чертахъ его. Въ послѣдствіи онъ довольно оживлялся въ разговорѣ, но не особенно. Словомъ, идеальнаго или поэтическаго не было тутъ ничего. — Въ гостинной, у продолговато-круглаго стола, съ разбросанными передъ нимъ газетами, сидѣлъ старый, но бодрый человѣкъ, съ правильными чертами, сѣдыми волосами, свѣжимъ, но неподвижнымъ лицемъ, въ бѣломъ высокомъ галстукѣ, настоящій типъ тогдашняго Англійскаго gentleman'а или общеевропейскаго англомана. Онъ всталъ, когда я взошла, и княгиня назвала его мнѣ. Высокаго роста, необыкновенно прямо и нѣсколько raide держался онъ и кланялся, хотя съ вѣжливостію лучшаго тона. Черезъ нѣсколько минутъ, онъ подалъ мнѣ руку, и мы пошли въ столовую. Такъ вотъ этотъ дипломатъ изъ дипломатовъ, этотъ диктаторъ конгрессовъ, этотъ правитель великой державы къ царствованіе блаженнаго государя, вотъ этотъ—какъ бы сказать? — не врагъ, а завистникъ и зложелатель Россіи, хуже открытаго врага; а все таки замѣчательное, историческое лице, преданное своему Отечеству и своимъ убѣжденіямъ и слѣдовательно не дюжинное и не презрѣнное. Въ своемъ разговорѣ, умномъ, но не блистательномъ (ибо онъ больше говорилъ изрѣченіями, поученіями, афоризмами) свои сужденія высказывалъ онъ какъ бы приговоры, на которые нѣтъ возраженія; во всемъ былъ верхъ приличія, образованности, умѣнія жить, какъ говорятъ пофранцузски (savoir vivre); но не было священнаго огня, не было этого самороднаго неуловимаго чего-то, что̀ бьётъ въ разговорѣ нѣкоторыхъ избранныхъ людей и оживляетъ, и увлекаетъ, и пристаетъ, такъ сказать, къ собесѣдникамъ, возбуждая и въ нихъ живость и краснорѣчіе, дѣлая изъ разговора взаимный обмѣнъ остроумныхъ или сердечныхъ мыслей и чувствъ. Этого прелестнаго дара не было у князя Метерниха, и мнѣ казалось, что одно изъ двухъ: или, должно быть, онъ бралъ своей настойчивостію, хладнокровіемъ, самоувѣренностію; или че-

резъ долгіе годы деспотическаго управленія мыслію и волею другихъ онъ утратилъ свѣжесть впечатлѣній и воспріимчивость ума.

Все его окружающее относилось къ нему съ подобострастіемъ подчиненныхъ,—подчиненныхъ умомъ болѣе, чѣмъ положеніемъ. Сынъ слушалъ его почтительно; княжна Эрминія съ умиленіемъ, другія дочери и Гюгель съ уваженіемъ. Онъ говорилъ почти одинъ, почти какъ съ каѳедры, и только одна княгиня иногда вставляла свое слово или даже противорѣчила: иначе вышелъ бы длинный монологъ. Изъ этого обѣда я вынесла впечатлѣніе удовлетвореннаго любопытства, но вмѣстѣ съ тѣмъ какой-то пустоты въ головѣ, похожей на скуку. Рѣшительно княгиня Метернихъ казалась мнѣ гораздо умнѣе мужа, при всѣхъ ея странностяхъ и парадоксахъ. Однако въ то время князь Метернихъ нисколько не ослабъ въ своей политической дѣятельности, ни въ своей ревности противъ Россіи. Въ концѣ 1846-го года, въ разговорѣ съ великой княгиней Еленой Павловной, онъ коснулся событія довольно важнаго для Россіи: основанія около Черновицъ Бѣлокриницкой епископской каѳедры для Русскихъ раскольниковъ, подъ предлогомъ, что это только новый примѣръ гостепріимнаго милосердія Австріи ко всѣмъ изгнанникамъ изъ своего Отечества. Великая Княгиня только спросила, откуда епископъ явился? Метернихъ съ торжествомъ объявилъ, что онъ самъ постарался объ этомъ и устроилъ съ Цареградскимъ патріархомъ, чтобъ дозволили бѣжать въ Австрію сосланному на покаяніе въ монастырь нѣкоему Амвросію, отрѣшенному отъ сана епископа за нѣкоторыя не весьма добрыя дѣла свои. „Охота вамъ", сказала Великая Княгиня, будто не понимая поводовъ къ этой интригѣ. Метернихъ не утерпѣлъ. „Vous avez enlevé à l'église catholique deux millions de „Grecs unis, il y a quelques années; maintenant nous vous rendons la „pareille, en établissant un réfuge pour la propagande d'une secte „russe hostile à votre église *)".

Сходства въ этихъ событіяхъ не было никакого: Уніатовъ мы не у Австріи отняли, возвращая ихъ своей древней церкви, а отнимали у Поляковъ равно враждебныхъ и намъ, и Австріи, и много, много что у папы. Слѣдовательно тутъ было чувство только зависти и желанія сохранить или даже умножить причины разлада внутри Россіи, желаніе помѣшать ея единству и спокойному управленію ея государей. Сама въ борьбѣ съ разнородными элементами, держащимися вмѣстѣ только династической связью съ императорами въ ихъ качествѣ королей мелкихъ земель, перешедшихъ въ видѣ приданаго Австрійскимъ эрцгерцогамъ, Австрія не можетъ искренно стоять за усиленіе Польскихъ надеждъ и стремленій, ибо эти стремленія были бъ ей самой въ ущербъ. Почему же негодовать и противодѣйствовать естественному ходу исторіи внутри Россіи, когда Русскія же населенія ставятъ преграду ополяченію Русскихъ, т. е. усиленію Польскаго, враждебнаго Австріи, вліянія? За такой политикой кроется (или скрывалось) не самосохраненіе, а необъятное властолюбіе, которое имѣло въ виду огромную Имперію, наслѣдство Римской и обладаніе отъ Рейна до Днѣпра, отъ Среди-

---

*) Сличи выше, стр. 112. *П. Б.*

земнаго до Чернаго моря, съ тѣмъ натискомъ на Балканскій полуостровъ, который всѣ Нѣмцы какъ сѣверной такъ и южной Германіи разумѣютъ подъ словами: „Drang nach Osten". Какъ скоро Россія, съ законнымъ чувствомъ самосохраненія, отказывается играть имъ въ руку, такъ они считаютъ ее бунтовщицей противъ своихъ верховныхъ государей (западныхъ державъ), и всѣ они единодушно стремятся унять эту рабыню, эту parvenue, которая позволяетъ себѣ „смѣть свои сужденія имѣть".

Въ томъ убѣдила насъ Крымская война, не смотря на то, что въ 1846-мъ году мы сдали Австріи Краковъ, а въ 1849-мъ сдали ей всю Венгрію.

Невольно возмущаешься духомъ при такихъ наглыхъ обидахъ родной землѣ; но тутъ же вспоминаешь, что на свою голову они призываютъ кару историческую, которая есть ничто иное какъ кара небесная.

Не ожидала я въ первыхъ числахъ Генваря 1847 года, когда познакомилась съ княземъ Метернихомъ, властелиномъ Вѣнскимъ, наказывающимъ Россію посредствомъ лже-епископа Амвросія въ Буковинѣ, что такъ скоро

«Громъ двойнаго наказанья
«Грянетъ надъ его главой.

Роковой для Запада 1848-ой годъ уже шелъ тихими шагами, сокрытый отъ человѣческихъ глазъ грознымъ призракомъ, вслѣдъ за начинающимся годомъ, со всѣми его неправдами и мелочными канцелярскими страстями и интригами. Въ это самое время скончался эрцгерцогъ Іосифъ, палатинъ Венгріи. Сынъ его эрцгерцогъ Стефанъ былъ любимецъ и баловень Венгерцевъ. Красивой наружности (что́ рѣдкость у Габсбургскаго дома), образованный, съ хорошимъ воспитаніемъ, вѣжливостью и любезностью, которыя безспорно составляютъ принадлежность эрцгерцоговъ Австрійскихъ, онъ, какъ видно, имѣлъ много внѣшняго блеска, ибо его считали весьма умнымъ, способнымъ и замѣчательнымъ человѣкомъ въ молодости; но онъ доказалъ потомъ, что онъ не доросъ до этой роли, которую сулили ему и отъ которой онъ конечно былъ не прочь. Онъ искалъ популярности и достигъ ея; но достигнувъ очутился передъ задачей далеко ему не подъ силу. Передъ этимъ онъ было хотѣлъ свататься къ Русской Великой Княжнѣ, но по словамъ самой императрицы Маріи Анны, они какъ бы не считали себя счастливыми лично имѣть ее въ императорскомъ семействѣ. Это семейство (или правительственный тріумвиратъ) побоялось, чтобъ изъ нея не сдѣлали знамени (on ferait d'elle, malgré elle, peut être,—un drapeau) т. е. православные Славяне Венгріи были бы слишкомъ ею обрадованы, слишкомъ бы подняли голову. Вышло однако на повѣрку, что Венгры-католики были поопаснѣе и особенно построптивѣе; а Славяне взяли себѣ въ знамя вѣрность до конца законному Государю, за что ихъ полки теперь обезоружили, имъ въ наказаніе, а бунтовщикамъ въ поощреніе.

Странныя вещи бываютъ на свѣтѣ! Правительство Австрійское въ 1847-мъ году, впрочемъ, боялось эрцгерцога Стефана и холостаго, безъ Русской жены. Венгерцы это знали и, не давъ времени Вѣнскому правительству распорядиться, сей часъ же въ Пештѣ собра-

лись и сдѣлали постановленіе испросить у короля своего, императора, утвержденія на должность палатина намѣстника, избраннаго всею Венгріей, эрцгерцога Стефана; между тѣмъ подъ рукою было дано знать, что если эрцгерцогъ не будетъ утвержденъ, то они выберутъ уже своего человѣка, частнаго, изъ опозиціонныхъ членовъ сейма, кажется графа Сечени, но не помню хорошенько. Это прошеніе было получено вечеромъ въ Вѣнѣ, и его считали дѣломъ такимъ важнымъ, что Метернихъ собралъ своихъ двухъ товарищей, не взирая на поздній часъ, и въ этомъ тайномъ совѣщаніи рѣшились утвердить избраніе эрцгерцога Стефана, потому что все же онъ эрцгерцогъ и Нѣмецъ; а не то обойдутся безъ всякаго принца и возмутъ такого члена сейма, что не дай Богъ имѣть съ нимъ дѣло.

Курьеръ съ согласіемъ на выборъ въ туже ночь былъ отправленъ. Не даромъ впрочемъ правительство опасалось Венгерцевъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, эрцгерцогъ оказался недовольно податливъ; партіи ожесточились; Славянъ насильно хотѣли омаджарить; отъ Вѣны требовали не только признанія широкой автономіи, но рѣшительнаго преобладанія Венгріи надъ всей Имперіей, и въ слѣдующемъ 1848-мъ году эрцгерцогъ Стефанъ былъ принужденъ удалиться. Кошутъ сталъ во главѣ открытаго бунта и междоусобной войны. Извѣстно, что вмѣшательство Россіи тогда спасло Австрію, которая однако сдѣлалась сторонницей ея враговъ. А когда весь строй Европейской измѣнился, все таки опасаясь, остерегаясь Россіи и ея вліянія, правительство Австрійское бросилось въ объятія революціи, сдѣлавшейся всеобщей почти въ Европѣ, и нынѣ черезъ 28 лѣтъ въ ея объятіяхъ пока и почиваетъ подъ фирмою дуализма, съ однимъ изъ главныхъ политическихъ заговорщиковъ того времени въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ. Недавно пріѣзжалъ онъ и въ Россію удостовѣриться, какъ призрачны были опасенія Русскаго вліянія 1847 года.

Разумѣется уже роль Метерниха была кончена; ему даже пришлось спастись если не бѣгствомъ, то по крайней мѣрѣ поспѣшнымъ отъѣздомъ изъ Вѣны. Гюгель способствовалъ ему и семейству его переѣхать въ Англію. Но это была уже лебединая пѣснь его долговременной, преданной дружбы или любви. Онъ уѣхалъ назадъ, остался на службѣ, сдѣлался посланникомъ при Флорентійскомъ дворѣ, гдѣ и женился.

Время шло, волненія нѣсколько стихли, и Метернихъ, уже какъ частный человѣкъ, воротился въ Вѣну и поселился въ своей Villa на Ландштрасѣ. Тамъ я повидалась съ нимъ еще разъ. Это было именно въ томъ же 1852-мъ году, когда я первый разъ была въ Италіи, и Верона меня такъ прельстила. Метерниха свергнутаго съ своего пьедестала, лишеннаго не только власти, но всякаго значенія для новаго поколѣнія, намъ нельзя было не посѣтить: показалось бы, что мы чуждаемся его въ опалѣ, знавши его офиціально, во дни его почти самодержавной власти.

Опять поѣхала я, на этотъ разъ съ батюшкой, обѣдать къ нему и опять застала его, точно какъ прежде, за большимъ овальнымъ столомъ, съ разбросанными передъ нимъ газетами, старымъ, но не постарѣвшимъ, такимъ же бодрымъ, съ такими же сѣдыми волосами не особенно побѣлѣвшими, съ такимъ же свѣжимъ и неподвижнымъ ли-

цемъ, въ такомъ же высокомъ, бѣломъ галстукѣ, обсуживающимъ съ такимъ же хладнокровіемъ дѣла, въ которыхъ онъ уже не принималъ участія, но о которыхъ также рѣшительно произносилъ безапеляціонный приговоръ. Но этотъ разъ его спокойное, хотя можетъ быть не безпристрастное отношеніе къ политическимъ партіямъ, отъ которыхъ все же пострадалъ онъ немало, меня очень поразило и возвысило его въ моемъ мнѣніи. Ни малѣйшей горечи, никакого завистливаго или оскорбительнаго намека, не слыхать было отъ него. Онъ являлся въ самомъ выгодномъ свѣтѣ; какъ говорятъ Французы, il était beau joueur, il avait joué une grosse partie et l'avait perdue. Онъ не сердился и даже отдавалъ справедливость умѣнію противниковъ-игроковъ, хотя попрежнему считалъ свои сужденія непреложными. Было много достоинства во всемъ этомъ, и очевидно, если онъ ошибался въ своей политикѣ и былъ неразборчивъ въ средствахъ, то по крайней мѣрѣ цѣли его не были личныя, и онъ служилъ чему-то выше собственнаго интереса. Не такъ спокойно относилась княгиня Метернихъ къ недавнимъ событіямъ. Она уже прежде страдала опасной женской болѣзнію; эта болѣзнь усилилась и сдѣлалась мучительной: талія была изуродована; лице, еще миловидное и подвижное въ своемъ выраженіи, потеряло свою красоту, налилось и пожелтѣло; она казалась почти ровесницей своего мужа. Неблагодарность мнимыхъ друзей, нападки враговъ и ихъ журналистики, измѣнившееся положеніе и съ нимъ измѣнившіяся отношенія многихъ и многихъ людей, къ тому же забота о судьбѣ дочери, которая уже не могла разсчитывать на блистательную партію по прежнему и которую боялись оставить послѣ себя непристроенной, все это сказалось тяжело на бѣдной княгинѣ Метернихъ, балованной счастіемъ и легкими успѣхами до тѣхъ поръ. Но къ мужу княгиня какъ будто еще болѣе привязалась и очевидно съ такимъ же благоговѣніемъ относилась къ его уму и характеру. Вообще она была для меня всегда очень симпатична. Дочь ея Меланджерлъ, уже взрослая дѣвушка, невѣста, была по прежнему хорошенькая и свѣжая, но какъ-то присмирѣла, какъ бываетъ съ слишкомъ бойкимъ ребенкомъ. Гюгеля уже не было, но какой-то другой господинъ занималъ его неопредѣленное, но видное мѣсто въ домѣ, и двое-трое близкихъ людей обѣдало съ нами. Такъ мало было разницы въ обстановкѣ, что можно было думать, будто ничего не случилось съ 1847 года. Самъ же хозяинъ рѣшительно выросъ въ моихъ глазахъ. Это спокойное, холодное, бодрое лице,—историческій типъ недавняго прошедшаго, осталось такъ самостоятельно и твердо, среди развалинъ обрушившагося вокругъ него міра, міра политическаго, почти созданнаго имъ, что нельзя было не отдать ему должной чести, не признать въ немъ почтеннаго человѣка, ошибавшагося въ средствахъ, но глубоко убѣжденнаго въ своихъ началахъ. А въ тоже время чувствовался какой-то душевный трепетъ передъ этимъ живымъ примѣромъ грознаго приговора, исполнившагося надъ нимъ, приговора божественнаго Промысла, за грѣхъ двоедушія и коварства, который такъ долго почитаемъ былъ въ наукѣ политической верхомъ человѣческой ловкости.

(*Продолженіе будетъ*).

ПО ПОВОДУ СТАТЕЙ О ТОМЪ, КТО ПОСЛѢДНІЙ ОСТАВИЛЪ СЕВАСТОПОЛЬ.

I.

ПИСЬМО ГРАФА Д. Е. ОСТЕНЪ-САКЕНА КЪ И. И. КРАСОВСКОМУ.

Почтенный товарищъ Севастопольской бойни, Иванъ Ивановичъ!

Любезное письмо ваше отъ 11-го Марта съ выдержкою изъ Русскаго Архива *) я имѣлъ удовольствіе получить и спѣшу отвѣтомъ моимъ дополнить все съ полною справедливостію сказанное вами.

Дополненіе это будетъ заключаться въ послѣднемъ великолѣпномъ эпизодѣ Севастопольской кровавой драмы.

Я самъ поручилъ ревностному помощнику моему, достойному начальнику моего штаба по Севастопольскому гарнизону, собрать раненыхъ Французовъ и Англичанъ и нѣсколькихъ Русскихъ; потому что большая ихъ часть была уже заблаговременно перевезена на Сѣверную сторону. Князь Викторъ Илларіоновичъ избралъ извѣстнаго неустрашимостью, кажется, лейтенанта Сербина, чтобы исполнить перевозку на судахъ и по мосту.

За нѣсколько недѣль передъ тѣмъ, ожидая, что изъ развалинъ южнаго Севастополя, политыхъ кровію доблестныхъ, знаменитыхъ православныхъ воиновъ, гарнизонъ будетъ переведенъ на грозную для непріятеля Сѣверную сторону, я поручилъ князю Васильчикову составить планъ этой трудной операціи, раздѣливъ ее на нѣсколько моментовъ. Дѣло это князю поручилъ я потому, что онъ лучше всѣхъ инженеровъ усвоилъ себѣ мѣстность неимовѣрно-пресѣченную природою и оборонительными верками и обладалъ необыкновеннымъ военнымъ глазомѣромъ. Планъ былъ составленъ; я восхищенъ былъ этою истинно-артистическою работою и, при выраженіяхъ признательности, расцѣловалъ князя Виктора Илларіоновича.

Когда князь Михаилъ Дмитріевичъ Горчаковъ, 27-го числа, выказалъ блистательную неустрашимость, усиливаясь, съ малымъ числомъ уцѣлѣвшихъ доблестныхъ войскъ Корабельной стороны, взять обратно Корниловъ бастіонъ (защищаемый тридцатитысячнымъ штурмовымъ корпусомъ съ огромнымъ за нимъ резервомъ) и потерявъ послѣдовательно выбывшими изъ строя троихъ начальниковъ, рѣшился прекратить напрасное пролитіе крови: то я, найдя князя передъ плотинкою Доковой Балки, предложилъ ему поручить начальство надъ войсками Корабельной стороны генералъ-лейтенанту Шепелеву, человѣку блистательной храбрости и отличныхъ военныхъ способностей.

Главнокомандующій, передъ наступленіемъ сумерокъ, хотѣлъ составить диспозицію для перевода войскъ; но я и князь Васильчиковъ предложили ему не терять напрасно драгоцѣннаго времени и разослать скорѣе составленную уже прежде и одобренную княземъ диспозицію, на что князь съ радостію согласился и, по наступленіи сумерокъ, переводъ войскъ начался.

---

*) См. первую книгу Русскаго Архива сего года, и тамъ же письмо къ издателю генералъ-адъютанта графа П. Е. Коцебу. *П. Б.*

И такъ, отступленіе и переводъ войскъ съ Корабельной стороны на судахъ поручены были генералъ-лейтенанту Шепелеву; а переводъ войскъ съ Городовой стороны предоставилъ я себѣ по плашкотному мосту, который знаменитый инженеръ генералъ-лейтенантъ Бухмейеръ превосходно устроилъ съ вѣрнымъ разсчетомъ времени и матеріяловъ, подъ огнемъ непріятельской огромной артиллеріи съ осадной линіи и громаднаго флота, подъ ядрами, бомбами, шрапнелевыми гранатами, ракетами и штуцернымъ огнемъ. Заслуга и подвигъ Бухмейера, безъ сомнѣнія, были одними изъ блистательнѣйшихъ, совершенныхъ Севастопольскими героями.

Сильнѣйшая буря (штормъ) продолжалась почти всю ночь; мостъ чрезвычайно колебался, въ особенности на фарватерѣ; канаты якорей безпрестанно рвались, и кровавая Севастопольская драма могла-бы окончиться страшно—погибелью гарнизона обѣихъ сторонъ, Городовой и Корабельной: потому что доблестный гарнизонъ, въ которомъ до послѣдней минуты сохранился возвышенный воинственный духъ, никогда-бы не сдался, но легъ бы до послѣдняго человѣка.

Князь Михаилъ Дмитріевичь и я почти всю ночь слѣдили за переводомъ войскъ. Они спокойно, бодро, шли по мосту, колыхавшемуся то въ право, то въ влѣво, и отъ тяжести, и отъ нагибанія краевъ, такъ что онъ захватывался волнами и перебрасывалъ ихъ на противоположную сторону. Дружины ополченія неохотно вступали на мостъ, такъ что я одинъ разъ долженъ былъ приказать взять на штыки слѣдовавшему за одною дружиною батальону и угрожать дружинѣ, и этимъ способомъ переходъ продолжался безостановочно.

По временамъ верстовое разстояніе моста освѣщалось бомбами и ракетами и представляло нѣчто грозно-величественное.

Этотъ величественный, поэтическій эпизодъ можетъ составить прекрасную страницу эпической поэмы „Севастополіада", въ которой знаменитый поэтъ нашъ графъ Толстой, трогательно изобразившій кающуюся грѣшницу, вызвавшую изъ тьмы кромѣшной на путь спасенія многихъ грѣшниковъ, долженъ прославить и себя. Дѣйствующія лица въ Севастополіадѣ и вся Россія умоляютъ его о томъ: Севастополіада составитъ краеугольный камень литературныхъ трудовъ великаго, самостоятельнаго Русскаго поэта.

Приступаю къ послѣднему моменту.

Я стоялъ пѣшій въ 50-ти шагахъ отъ Графской пристани, правѣе ея, близъ берега Южной бухты, наблюдая движеніе войскъ Городовой и Корабельной сторонъ. Князь Васильчиковъ находился на самой пристани Графской батареи и распоряжался отправленіемъ на судахъ нашихъ и непріятельскихъ раненыхъ. Я любовался стройностію, воинственнымъ видомъ, спокойствіемъ, не выражавшимъ ни радости, ни печали, и согласіемъ въ движеніи войскъ обѣихъ сторонъ — Городовой и Корабельной. Главнокомандующій подходилъ ко мнѣ нѣсколько разъ и вполнѣ раздѣлялъ со мною удовольствіе видѣть совершенство дисциплированныхъ войскъ, одушевленныхъ чувствомъ долга. Около 8-ми часовъ утра отправился онъ къ себѣ на Инкерманъ составлять донесеніе Государю Императору.

Когда блистательный Тобольскій пѣхотный полкъ, подъ начальствомъ славнаго своего начальника *), ознаменовавшаго себя въ оборонѣ Севастополя неустрашимостію и боевыми достоинствами, составлявшій по-

*) Тогда полковникъ, нынѣ генералъ отъ инфантеріи, генералъ-адъютантъ и членъ Государственнаго Совѣта Александръ Алексѣевичь Зеленый.

слѣдній эшелонъ и послѣдній моментъ, прошелъ мимо меня, я приказалъ ему остановиться, чтобы дождаться перевоза княземъ Васильчиковымъ послѣднихъ раненыхъ. Непріятель уже почти не безпокоилъ огнемъ своимъ. Рѣдко шипѣли бомбы и ракеты и свистѣли пули. Нѣкоторое время продолжалась тишина, но вдругъ бомба падаетъ подлѣ князя Васильчикова, подъ носилки раненаго Француза, лопается и высоко поднимаетъ на воздухъ мелкіе клочки костей и тѣла этого плѣнника; вокругъ меня ложатся осколки, и падаетъ много кусковъ тѣла и костей; я обрызганъ головнымъ мозгомъ. По благости Божіей, я, Васильчиковъ и Зеленый остались невредимы. Чрезъ нѣсколько минутъ послѣ того, князь Викторъ Илларіоновичъ доложилъ мнѣ, что послѣдній отдѣлъ раненыхъ отчалилъ отъ берега. Тогда я обратился къ Собору, снялъ фуражку (всѣ послѣдовали моему примѣру), вознесъ горячія молитвы за новое великое благо Подателя благъ, могуществомъ Своимъ удержавшаго враговъ нашихъ отъ боя съ нами, тогда какъ у нихъ было болѣе 160 т. войскъ подъ ружьемъ; помолился о упокоеніи душъ 3-хъ доблестныхъ адмираловъ и падшихъ товарищей, сѣлъ на лошадь, приказалъ полковнику Зеленому скомандовать отступленіе цѣпи съ обоихъ флянговъ и, въ сопровожденіи князя Васильчикова, вмѣстѣ съ штабомъ своимъ, послѣдовалъ за полковникомъ Зеленымъ, который шелъ въ хвостѣ своей цѣпи.

Выразивъ величайшую похвалу и благодарность блистательному строителю моста и расцѣловавъ его, я вступилъ со штабомъ на мостъ, и генералъ Бухмейеръ, вслѣдъ за мною, началъ снимать плашкоты и отворачивать ихъ на правую сторону, то есть по теченію, къ сторонѣ моря.

Минута въ высокой степени торжественная. Когда я вступилъ на правый берегъ бухты, то въ одинъ моментъ со мною генералъ Шепелевъ на послѣднемъ баркасѣ причалилъ къ берегу. Я не находилъ словъ къ выраженію ему признательности моей за блистательную службу его.

Я послалъ князя Васильчикова доложить главнокомандующему о счастливомъ исходѣ перевода войскъ на Сѣверную сторону и сказать, что онъ смѣло можетъ обрадовать Государя небывалымъ въ лѣтописяхъ осадъ событіемъ; а самъ поѣхалъ въ крѣпость переодѣться: потому что я было одѣлся слишкомъ тепло, не ожидая, чтобы послѣ ночнаго шторма наступила прекрасная, тихая, ясная погода.

Осмотрѣвъ батареи и гарнизонъ подъ начальствомъ храбраго боеваго генералъ-лейтенанта Тетеревникова и отдохнувъ часа два, я поѣхалъ на Инкерманъ доложить князю о превосходномъ состояніи войскъ и подчиненности, достойной войскъ Густава Адольфа. Князь принялъ меня очень ласково, но не выразилъ ни малѣйшей благодарности.

Я помѣстился на Инкерманѣ въ землянкѣ и занялся составленіемъ реляціи. Часу во 2-мъ ночи, когда я спалъ глубокимъ сномъ, приходитъ главнокомандующій, будитъ меня и говоритъ: „Pardon, cher général: j'ai oublié de Vous exprimer ma reconnaissance pour tout ce que Vous avez fait à Sébastopol" *). Растроганный бросается онъ въ мои объятія и прижимаетъ къ благородной груди своей.

Все, чтò я сказалъ здѣсь, помѣщено въ моихъ донесеніяхъ, извѣстно всему гарнизону и находится въ архивѣ Военнаго Министерства.

*) Простите, любезный генералъ: я позабылъ выразить вамъ мою признательность за все чтò вы сдѣлали въ Севастополѣ.

Прошу васъ, любезный боевой товарищъ, присоединить къ вашему справедливому сказанію мое добавленіе въ подробностяхъ и сдѣлать его гласнымъ.

Генералъ-адъютантъ графъ Остенъ-Сакенъ I-й.

№ 243. 25 Марта 1875.
С. Пріютъ, *близъ* ст. Максимовской
(Херсонской губерніи).

ИЗЪ ПИСЬМА КЪ ИЗДАТЕЛЮ КНЯЗЯ С. С. УРУСОВА.

Въ качествѣ одного изъ дѣятельнѣйшихъ участниковъ Севастопольской битвы, продолжавшейся, какъ извѣстно, 350 дней, я беру на себя священную обязанность отстаивать нынѣ, какъ отстаивалъ всегда прежде, главнаго героя этой битвы, графа Д. Е. Остенъ-Сакена. Читатели мнѣ повѣрятъ: во-первыхъ потому, что я никогда не отвѣчалъ и не оправдывался, когда клеветы и обвиненія взваливались на меня одного; во-вторыхъ потому, что утвержденія свои я всегда подкрѣплялъ неопровержимыми доказательствами.

Г-нъ Красовскій, авторъ помѣщенной въ Р. Архивѣ статьи подъ заглавіемъ: „Кто послѣдній оставилъ Севастополь?“ рѣшаетъ на самомъ дѣлѣ не этотъ вопросъ, а слѣдующій: *Кто изъ двухъ прежде и кто послѣ оставилъ Южную сторону Севастополя въ день отступленія, 28 Августа 1855 года, князь ли М. Д. Горчаковъ или графъ Д. Е. Остенъ-Сакенъ?* Отвѣчая на этотъ вопросъ, г. Красовскій доказываетъ, что въ этотъ день утромъ графъ Д. Е. Остенъ-Сакенъ оставилъ Севастополь по крайней мѣрѣ двумя часами позже, чѣмъ оставилъ Южную сторону князь М. Д. Горчаковъ. Бывшій же начальникъ штаба князя М. Д. Горчакова, возражая на это, выразился такъ: „За симъ, не подвергая никакому сомнѣнію, что начальникъ гарнизона графъ Д. Е. Остенъ-Сакенъ, слѣдуя за колонами генералъ-лейтенанта Хрущова, послѣдній *перешелъ черезъ мостъ* на Сѣверную сторону, я остаюсь въ твердомъ убѣжденіи, что послѣдній *оставилъ Южную сторону* главнокомандующій князь М. Д. Горчаковъ“.

Разъясню сущность и значеніе затронутаго вопроса, а потомъ приступлю къ изложенію отвѣта.

По обоимъ берегамъ большой Севастопольской бухты, гдѣ прежде находился нашъ флотъ, выстроены были батареи, выстрѣлами коихъ оборонялся входъ въ эту бухту. Для того, чтобы овладѣть этими батареями, а потомъ сжечь нашъ флотъ, непріятель высадился у Евпаторіи и двинулся къ Севастополю. Нашихъ было въ трое меньше, а потому шествіе непріятеля къ Севастополю продолжалось почти безостановочно. Когда же пѣхота наша присоединилась къ флотскимъ войскамъ, находившимся въ Севастополѣ, нашихъ стало уже не въ трое, а только въ двое меньше, чѣмъ было войскъ у непріятеля. Наши не пустили непріятеля къ Сѣвернымъ батареямъ. Онъ думалъ, что пустятъ его къ Южнымъ, а потому перешелъ 11-го Сентября 1854 г. съ Сѣверной стороны на Южную. Но тамъ его тоже не пустили. Тогда, занявъ неприступную позицію, то есть натуральную *крѣпость*, онъ въ ней окопался и оттуда сталъ безпрерывно нападать на ту часть нашихъ войскъ, которая загородила ему подступъ къ батареямъ. И такъ, съ 11-го Сентября или, пожалуй, съ 7-го Сентября, началась битва, продолжавшаяся непрерывно по 28-е Августа слѣдующаго года. *Мы вездѣ укрѣплялись;* но укрѣпленная позиція тогда только принимаетъ названіе *крѣпости*, когда она, *будучи обезпече-*

на отъ нападеній нечаянныхъ и открытою силою, не можетъ быть иначе взята, какъ правильною осадою (о которой и можно найти всѣ нужныя свѣдѣнія въ любой *фортификаціи). Англо-Французы занимали такую позицію, которою нельзя было иначе овладѣть, какъ правильною осадою*, а потому *эту позицію должно называть крѣпостію.* (Подъ Бородинымъ, въ 1812 году, наши имѣли въ своихъ рукахъ *укрѣпленную позицію;* но никто не назвалъ бы ее *крѣпостію*, даже тогда, когда бы армія Наполеона I, отказавшись отъ атаки открытою силою, повела бы противъ нее *правильную осаду).* И такъ, хотя Севастопольцы укрѣпились и непріятель повелъ противъ этихъ укрѣпленій правильную осаду; но никто не имѣетъ права насъ позорить, называя нашу позицію *крѣпостію*: ибо мы не были ни одной минуты обезпечены ни отъ нечаяннаго нападенія, ни отъ открытой атаки.

Армія въ полѣ обезпечиваетъ себя отъ нечаянныхъ нападеній, а иногда и отъ открытой атаки, передовымъ (авангардомъ), боковыми и тыльнымъ (аріергардомъ) отрядами. Эти отряды, въ свою очередь, обезпечиваютъ себя отъ нечаянныхъ нападеній помощію передовыхъ карауловъ, пикетовъ, секретовъ и разъѣздовъ. Само собою разумѣется, что всѣ эти предосторожности становятся безполезными съ той минуты, когда арміи сблизятся между собою менѣе чѣмъ на 300 саженъ: ибо въ этомъ случаѣ непріятель могъ бы ворваться въ нашу укрѣпленную позицію *по пятамъ* нашего передоваго отряда и, ударивъ насъ въ самое сердце, безъ выстрѣла овладѣть всею арміею. И такъ, въ этомъ случаѣ обороняющемуся остается одно: днемъ и ночью держать половину арміи въ полной готовности къ рукопашному бою, высылая лишь по временамъ секреты, которые уже считаются *отпѣтыми.*

Въ этомъ безвыходномъ положеніи билась наша Севастопольская армія въ теченіи 350 (или болѣе) дней: ибо непріятельскія передовыя войска съ первой же минуты битвы приблизились къ намъ на 300 саженъ, а потомъ, подвигаясь ближе и ближе, дошли до такого разстоянія отъ нашей позиціи, которое можно было пробѣжать въ 25 секундъ времени. И какъ намъ, для того чтобы собраться, нужно было не менѣе пяти минутъ: то сраженіе всегда начиналось съ того, что мы выбивали непріятеля изъ собственныхъ нашихъ позицій. Французскій генералъ Ніель напечаталъ слѣдующій парадоксъ: „Мы могли овладѣвать въ нѣсколько секундъ Русскими позиціями, за то и Русскіе могли овладѣвать нашими позиціями въ такое же число секундъ“. Онъ не замѣтилъ, что непріятель овладѣвалъ нашимъ *сердцемъ*, а мы овладѣвали *канавою*: ибо *крѣпость*, въ которой сидѣла его армія, отстояла отъ нашей позиціи и отъ его передовой канавы на нѣсколько верстъ, которыя намъ приходилось проходить подъ непрерывнымъ перекрестнымъ огнемъ сильныхъ его батарей. Подобными парадоксами общественное мнѣніе Европы вообще, и Россіи въ особенности, было направлено такъ, чтобы былъ подписанъ и одобренъ всѣми трактатъ 1856 года. Насъ увѣрили, будто бы мы защищали и не съумѣли защитить *крѣпость*, а непріятель осаждалъ и съумѣлъ взять эту *крѣпость.* Никогда не могло бы случиться подобныхъ несправедливостей, если бы нашъ подвигъ былъ названъ *„Севастопольскою битвою“*. Вѣдь не сказали же наши предки: „Оборона Бородина“, а сказали про́сто: „Бородинская битва“; за что же опозорили нашу битву названіемъ: „Оборона Севастополя“, давая тѣмъ возможность подразумѣвать слово *крѣпость?*

Привожу перечень главнѣйшихъ фактовъ, изъ которыхъ читатель усмотритъ, что не *крѣпость* защищали мы, а самую обыкновенную позицію. Въ половинѣ Февраля 1855 г. Французы напали на отрядъ ген. Хрущова и, прежде чѣмъ наши дали выстрѣлъ, прежде даже чѣмъ наши

взялись за ружья и заняли свои мѣста, начался рукопашный бой. Само собою разумѣется, что наши заняты были не отдыхомъ, а работами рва и вала, и въ этомъ-то рву началась битва. Не смотря на нечаянность нападенія, Французы были истреблены. За симъ начался рядъ нечаянныхъ нападеній на *Корабельную*, которыя всѣ были отражены. Тогда непріятель сталъ нападать на нашъ правый флангъ; потомъ, внезапно перенеся атаку на центръ и лѣвый флангъ, трижды бросался на наши позиціи въ огромныхъ силахъ и овладѣвалъ ими, но трижды былъ побѣдоносно отражаемъ. Великъ былъ подвигъ князя Суворова въ Швейцаріи, но армія его имѣла право отступить, и она отступила, сражаясь съ непріятелемъ въ теченіи двухъ недѣль. Великъ былъ подвигъ князя Багратіона подъ Шёнграбеномъ, но онъ могъ отступить послѣ краткаго боя, потерявъ всю свою артиллерію. (Извѣстно, что за этотъ подвигъ онъ былъ прославленъ и награжденъ Георгіевскою звѣздою). Командиръ же Севастопольской арміи, графъ Остенъ-Сакенъ *не имѣлъ права ни наступать, ни отступать: онъ долженъ былъ биться, стоя на мѣстѣ и ежеминутно рискуя быть взятымъ, вмѣстѣ съ арміею, въ плѣнъ: ибо въ военныхъ лѣтописяхъ не было примѣра, чтобы армія, не обезпеченная отъ нечаяннаго нападенія, не попалась бы въ плѣнъ.* Севастопольская битва представляетъ первый (и, прибавлю, послѣдній) примѣръ, что армія побѣдоносно вышла изъ такого безвыходнаго положенія.

Не знаю, извѣстно ли читателю дѣйствіе, производимое на человѣческій организмъ продолжительными душевными страданіями, безпокойствами и ожиданіями позора. Я изслѣдовалъ это дѣйствіе на опытѣ въ Севастополѣ и, на всякій случай, сообщаю результаты моихъ изслѣдованій здѣсь. Первое слѣдствіе — *изнурительная лихорадка;* второе—въ теченіи какихъ нибудь двухъ недѣль человѣкъ, въ полной силѣ, въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ, *скрючивается*, обращаясь въ согбеннаго старца; третье—*умопомѣшательство* не далѣе какъ чрезъ 30 дней, въ виду котораго человѣкъ рѣшается искать насильственной смерти. Желая оцѣнить эти страданія и, конечно, испытывая ихъ самъ, императоръ Николай I-й повелѣлъ, какъ извѣстно, считать мѣсяцъ Севастопольской службы за годъ обыкновенной боевой службы.

Теперь нужно сказать, что главнокомандующій Крымской арміи жилъ на Сѣверной сторонѣ, то есть внѣ опасности и внѣ тѣхъ мученій, которыя выносили Севастопольцы. Онъ посѣщалъ Севастопольскія войска, потомъ отправлялся домой. Начальникъ же Севастопольской арміи, которая всегда бывала въ три раза слабѣе непріятельской (по крайней мѣрѣ въ *три раза;* очень часто бывала въ четверо и въ пятеро слабѣе), постоянно находился подъ огнемъ и непрерывно несъ ту страшную отвѣтственность, о которой я только что говорилъ. Императоръ Николай I, предугадывая, что Севастопольцамъ непремѣнно будетъ нуженъ такой же *воинъ-христіянинъ*, какими бывали Суворовъ и Котляревскій, назначилъ имъ начальникомъ воина-христіянина Остенъ-Сакена. Послѣдствія показали, что Государь не ошибся. Государь предвидѣлъ, что Севастопольцамъ придется вынести не только тѣ мученія, о которыхъ только что говорено, но также *пытку интригъ.* Интриги вездѣ бываютъ, но *пытка интригъ* бываетъ только при великихъ подвигахъ. Отъ этой пытки умеръ Суворовъ; чрезъ эту пытку прошли многіе изъ Севастопольцевъ, но болѣе всѣхъ испыталъ эти мученія графъ Остенъ-Сакенъ. Пытка, которую вынесли многіе, была слѣдующаго рода. Васъ назначаютъ въ должность такъ называемаго *траншей-маіора* (это наименованіе вовсе не подходило къ Севастопольской службѣ, оно употребляется только при оса-

дѣ *крѣпостей*), а по справедливости въ должность обреченнаго на вѣрнѣйшую смерть при счастіи, и на позоръ при несчастіи. Вы обязаны въ теченіи 28 дней не допустить непріятеля ворваться въ сердце Севастопольцевъ. Такихъ *обрёковъ* было 22; изъ нихъ одинъ выдержалъ срокъ и остался живъ. На Сѣверной сторонѣ идетъ разсужденіе объ вашемъ подвигѣ, пока еще вы живы. Тамъ говорятъ: „Да чтожъ тутъ особеннаго? Не гораздо ли труднѣе быть траншей-маіоромъ при осадѣ крѣпости?"... Непріятель нападаетъ въ большихъ силахъ, *нечаянно* (т. е. безъ выстрѣла) овладѣваетъ позиціею и уже готовъ забрать весь гарнизонъ. Вы съ малыми силами бросаетесь на него и овладѣваете позиціею обратно. На Сѣверной говорятъ: „Да чтожъ тутъ особеннаго? Не труднѣе ли было непріятелю отнять у насъ *крѣпость*?" А когда на это возражаютъ съ Южной стороны, что непріятель овладѣлъ мѣстомъ, которое, не бывъ обезпечено отъ нечаянныхъ атакъ, потому самому должно было быть взято *нечаянно*, тогда какъ отбито оно было не нечаянно, а открытою силою, тогда съ Сѣверной возражали: „Да полно, правда ли это!?"... Еще бо́льшую пытку выдержалъ нашъ воинъ-христіянинъ Остенъ-Сакенъ. Онъ вступилъ въ должность свѣжимъ, здоровымъ, энергическимъ, а вышелъ изъ Севастополя — *руиной*, согбеннымъ, глухимъ и почти слѣпымъ старцемъ. И вотъ теперь, когда этому старцу 84 года, когда отпраздновалъ онъ не только юбилей 50-лѣтней службы, но также и 50-лѣтней службы въ чинахъ генеральскимъ, вдругъ ему отъ *общества подарокъ: — объявляется всенародно, будто бы глава Севастопольцевъ не исполнилъ своей обязанности* 28-го Августа 1855 года, *допустивъ своего начальника остаться въ Севастополѣ послѣ себя.*

Есть ли какая нибудь вѣроятность, чтобы человѣкъ, неуклонно и свято исполнявшій свои обязанности въ теченіе 50-лѣтней боевой службы и побѣдоносно выдержавшій Севастопольскую битву, которой не было и не будетъ ничего подобнаго, — вдругъ, ни съ того, ни съ сего, не исполнилъ своей обязанности, дозволивъ себѣ оставить свой постъ, прежде чѣмъ уѣхалъ его начальникъ? Вѣроятности нѣтъ никакой. Повѣрилъ ли бы кто нибудь, если бы Бенигсенъ сталъ утверждать, будто бы въ 1812 году графъ Ростопчинъ оставилъ Москву, прежде чѣмъ изъ нея выѣхалъ князь Кутузовъ? Никто, конечно, не повѣрилъ бы. А надо замѣтить, за графомъ Остенъ-Сакенымъ гораздо болѣе было заслугъ, чѣмъ за графомъ Ростопчинымъ. Всѣ свидѣтельства, приведенныя въ статьѣ г-на Красовскаго, единогласно утверждаютъ, что главнокомандующій князь Горчаковъ оставилъ южную сторону не позже 6 часовъ утра (28 Августа); съ этимъ согласны также слова дневника бывшаго начальника штаба бывшей Южной арміи; извѣстно также, что только въ *девятомъ часу* утра вступили на мостъ послѣднія войска генер. Хрущова и что позади этихъ войскъ шелъ графъ Остенъ-Сакенъ съ своимъ штабомъ: — Какъ же можно допустить, что шесть равно восьми или девяти?

Послѣ этого *перваго опроверженія*, перейду къ новымъ аргументамъ и новымъ обличеніямъ.

По мѣрѣ того, какъ войска переправлялись съ Южной стороны на Сѣверную, въ ночь съ 27 на 28 Августа и утромъ 28-го, число свидѣтелей, зорко слѣдившихъ за всѣмъ, что̀ происходило на водѣ и въ городѣ, на мосту и на судахъ, все болѣе и болѣе умножалось. Въ числѣ этихъ свидѣтелей, наблюдавшихъ съ Сѣвернаго берега за событіями дня, находился и пишущій эти строки. Моя палатка была разбита, и скромное угощеніе предлагалось всѣмъ и всякому. Гостей было много, разговоръ шелъ жаркій, одушевленный; о снѣ не было рѣчи. Загорѣлся на-

конецъ Севастополь; скоро огненная черта опоясала всѣ курганы (въ томъ числѣ и Малаховъ); а это значило, что наши внѣ опасности, по сю сторону огненной лавы, и что непріятель бѣжалъ въ предѣлы своей крѣпости. Однако же бомбы летали надъ рейдомъ: того и гляди хоть одна попадетъ на мостъ и прорветъ его; была опасность и отъ сильнаго вѣтра, ибо волны могли разорвать мостъ и потопить тысячи людей. Но теплыя молитвы сопутствовали нашимъ, и все шло хорошо. Только что разсвѣло (солнце еще не всходило), какъ подошелъ къ намъ одинъ изъ офицеровъ, переправившихся на одномъ катерѣ съ княземъ Горчаковымъ и сказалъ:—„Ѣдемъ мы, а начальникъ штаба, съ улыбкою обращаясь къ князю, говоритъ:—Voyez, prince, que c'est beau! при чемъ указываетъ на пожаръ. Князь закричалъ:—C'est horrible! и зарыдалъ какъ дитя".... Часа черезъ три послѣ того, когда солнце уже давно свѣтило, увидѣли мы послѣднія войска, переходившія мостъ. За ними ѣхалъ верхомъ гр. Остенъ-Сакенъ со своимъ штабомъ, а за штабомъ—генералъ Бухмейеръ, руководившій разведеніемъ моста. Отдѣльныя команды наши прохаживались по Севастополю, предавая все пламени и разрушая укрѣпленія (Это странствованіе продолжалось до 2-го Сентября; только 2 Сентября утромъ непріятельскіе отряды вступили въ развалины). Намъ оставалось дождаться еще двухъ событій: перевозки раненыхъ и взрывовъ батарей. И такъ, мы стояли, ходили, говорили и продолжали наблюдать. Сперва князь Горчаковъ предполагалъ оставить раненыхъ (своихъ и чужихъ-плѣнныхъ) на попеченіе непріятелю, для чего и хотѣлъ назначить къ нимъ медика съ письмомъ къ Французскому главнокомандующему; но, когда Севастополь былъ зажженъ и стало очевиднымъ, что непріятель не сунется въ городъ ранѣе двухъ-трехъ дней, князь приказалъ перевезти на Сѣверную также и всѣхъ раненыхъ. Тѣ изъ нихъ, которые были на Николаевской батареѣ, поручены были попеченію князя Васильчикова, исполнившему эту обязанность съ такимъ же рвеніемъ и съ такою же точностію, съ какими всегда исполнялъ всѣ другія свои обязанности. Но тѣ раненые, которые лежали въ Павловской батареѣ (что́ на мысу, противъ Николаевской, на другой сторонѣ южной бухты), не были поручены никому въ особенности. Начальникъ штаба говоритъ только, что посѣтилъ ихъ вмѣстѣ съ княземъ. Надо думать, что судьба ихъ была ввѣрена начальнику штаба, ибо не къ кому больше было обратиться какъ къ нему, тѣмъ болѣе, что перевозочныя средства были въ рукахъ у него.

Меня лично судьба раненыхъ, лежавшихъ въ Павловской батареѣ, особенно интересовала потому, что сослуживецъ мой по бригадѣ, полковникъ Нейдгардтъ (командовалъ 1-мъ полкомъ 8-й дивизіи, а я 2-мъ), находился тамъ въ числѣ ампутированныхъ. Обозъ его при служителяхъ сиротливо стоялъ близъ моей палатки, и я уже нѣсколько разъ справлялся, не привезли ли полковника. *Было уже за полдень, когда эту батарею (Павловскую) внезапно закрыло черною тучею и съ трескомъ подняло вверхъ: она, какъ и другія береговыя батареи Южной стороны, взлетѣла на воздухъ.* Потомъ прибылъ въ число моихъ гостей тотъ штабъ-офицеръ, который произвелъ этотъ взрывъ и спросилъ:—„Что̀, видѣли господа, какъ взлетѣла?"—„Какъ не видать!" отвѣчали мы. „Но не знаете ли, куда дѣвались раненые?"—„Какъ, какіе?....." — Полковникъ Нейдгардтъ показанъ, какъ показаны и многіе другіе, въ числѣ *„безъ вѣсти пропавшихъ"*.

Не знаю, записано ли это драматическое событіе въ дневникѣ у начальника штаба. Если нѣтъ, можно записать теперь: потому что живъ тотъ, кто взорвалъ батарею; живы и тѣ тысячи людей, которые видѣли взрывъ и зорко слѣдили за всѣми событіями переправы. Съ однимъ изъ этихъ

свидѣтелей довелось мнѣ бесѣдовать *о взрывѣ* не далѣе какъ въ 1874 году. Я затронулъ этотъ вопросъ потому, что теперь еще можно его разъяснить; но со временемъ—никто не разъяснитъ, и все взвалятъ на невинныхъ.

Замѣтка. Тому свидѣтелю, на котораго я только что сослался, приписываютъ куплеты извѣстной пѣсни (см. Р. „Старину" нынѣшняго года). Я долженъ объявить, что нѣкоторые, дѣйствительно остроумные, куплеты были сочинены имъ; но клевета и пошлость присочинили остальные, пасквильные, и скрылись, а свидѣтель, о которомъ говорю, невинно и молча пострадалъ. Вотъ одинъ изъ образщиковъ *интриги*, о которой говорено выше.

30-го Марта 1875 г.

Князь С. С. Урусовъ.

ПОСЛѢДНЯЯ ІЕРЕМІАДА НИКОЛАЕВСКОЙ ЭПОХИ.

Посланіе М. А. Дмитріева къ С. Т. Аксакову.

Въ тѣ дни, какъ жилъ Василій Львовичь,
Когда Антонскій-Прокоповичь
Еще словесниковъ сбиралъ;
Когда Кокошкинъ возглашалъ
Торжественно и важно оды,
Такъ что дрожали залы своды,
И авторъ съ радости дрожалъ;
Когда для публики Московской
Съ старинной злостью Каченовскій
И съ новой скукой выдавалъ
Уединенно свой журналъ:
Тогда мѣшали съ шуткой дѣло,
Писали, говорили смѣло,
Шутили колко и остро,
Что̀ нынче нѣсколько старо!

За тѣмъ-то я, какъ антикварій
Литературныхъ нашихъ дѣлъ,
Хоть не знатокъ оксій и варій *),
Съ тобой впослѣдни захотѣлъ
Возобновить тѣхъ дней преданье,
Пожить еще въ воспоминаньи,
Впослѣдни душу отвести,
Сказавъ минувшему: прости!

Да! золотое было время,
И благодатные они —
Для Руси были эти дни!
Тогда лишь только спало бремя
Войны всемірной съ нашихъ плечь.
Смѣла была Россіи рѣчь!
Между державъ, спасенныхъ ею,
Она одна рукой своею
Держала Западъ и Востокъ;
Никто, никто не смѣлъ предъ нею
Сказать ни слова поперекъ!
Москва изъ пепла возродилась,
Цвѣла и славою гордилась,
Огнемъ омывши свой позоръ.
Поэты, какъ пернатыхъ хоръ,
Воскресшій снова послѣ бури,
На солнцѣ, средь небесъ лазури,
Летали вольно, высоко.
Ихъ пѣснь звучала далеко.
Парнасъ былъ полонъ благодати.
Жуковскій былъ Тиртеемъ рати;
Роскошный Батюшковъ въ тѣ дни
Былъ нашъ Тибуллъ и нашъ Парни.
Державинъ пѣснью лебединой,
Не очень звучной, очень длинной,
Пропѣлъ свой гимнъ и не отсталъ
Отъ юныхъ плесковъ и похвалъ,
Какъ дѣдъ отъ юныхъ, смѣлыхъ внуковъ!
Еще былъ живъ князь Долгоруковъ
И мѣткой рѣчью иногда
Не оставался безъ слѣда.
Мой дядя, Дмитріевъ — безмолвно
Напѣвамъ молодымъ внималъ,
Но ихъ съ восторгомъ ободрялъ,

*) Стихъ А. И. Писарева.

Дѣлилъ вѣнокъ безпрекословно,
Который нѣкогда ему
Сплели за пѣсни самому.
Давыдовъ — просто, безъ Пегаса,
Леталъ на высоты Парнаса
На боевомъ своемъ конѣ,
Такимъ же смѣлымъ ураганомъ
Какъ онъ, съ наскоку, партизаномъ
Леталъ въ дыму, леталъ въ огнѣ!
Воейковъ — тотъ остро злословилъ,
Но пѣлъ искусства и сады;
А Карамзинъ уже готовилъ
Свои великіе труды
Принесть на жертвенникъ отчизны,
Дѣянья Руси оживить
И нашимъ предкамъ посвятить
Великолѣпный праздникъ тризны.
Но что! — и самый графъ Хвостовъ
Былъ слышанъ тоже, какъ другіе.
Онъ тоже пѣлъ хвалы Россіи,
Ея возстанье послѣ ранъ;
Онъ, какъ Турецкій барабанъ,
Въ окрестрѣ не считался лишнимъ.
И какъ смѣялись одамъ пышнымъ
Весь Петербургъ и вся Москва!
Всей братьи пишущей забава,
И онъ гремѣлъ; а что же слава,
Какъ не всеобщая молва?
Тогдажъ и Пушкинъ, цвѣтъ прелестный,
Зацвѣлъ и, съ первыхъ дней извѣстный,
Ревнуя опытнымъ орламъ,
Уже порывался къ облакамъ.
  Такое было это время!
Такое счастливое племя
Подъ кровомъ родины цвѣло!
Дни дарованій, громкой славы,
Безпечной воли и забавы!
За чѣмъ и какъ оно прошло?
Судьбы, временъ все это тайны.
Но годъ бываетъ урожайный,
Когда то дождикъ, то тепло;
А не тогда, какъ ранній холодъ
Свернетъ что только разцвѣло.
Тяжелъ судьбы холодный молотъ,
И жаль, что старое прошло!
И счастливъ, кто тогда былъ молодъ!
  Ты вѣрно, вѣрно не забылъ,
Какъ въ скромномъ домикѣ ты жилъ,
На площади сѣнной Арбатской,
Какъ насъ комедіей дурацкой
С....овъ однажды угостилъ.
Какъ долго, долго, послѣ чтенья,
Мы хохотали безъ зазрѣнья.
Теперь — промолвятъ только: дрянь!
И прочь пойдутъ, и смѣха дань
Не наградитъ за претерпѣнье.
А смѣхъ — онъ легкой жизни плодъ
Когда живется безъ хлопотъ,
Когда всѣ мысли удаются.
Давно у насъ ужъ не смѣются.
Давно задумался народъ.
  Ты помнишь, какъ къ тебѣ съѣзжались
Мы встарину по вечерамъ?
Чѣмъ мы въ бесѣдахъ занимались?
Что́ было первой цѣлью намъ?
На чемъ вертѣлись разговоры?
О чемъ бывали наши споры?
Поэзія — она, она
Была предметомъ намъ одна!
Съ какой отвагой благородной
Цѣнили мы что́ превосходно.
Какъ отвергалъ нашъ вѣрный судъ
Пустой натуги пошлый трудъ.
Какъ всякій лиры отзывъ новый
Мы были съ радостью готовы
Тотчасъ принесть на судъ друзьямъ.
Но судъ былъ строгій, откровенный;
И сколько, сколько тутъ мгновенно
Раждалось острыхъ эпиграммъ!
  Гдѣ онъ, юнѣйшій нашъ пріятель,
Поэтъ и тонкій разбиратель?
За чѣмъ онъ рано отлетѣлъ?
За чѣмъ, зачѣмъ онъ, какъ предатель,
Насъ подождать не захотѣлъ?
Кто знаетъ! Въ дни судьбы желѣзной,
Когда нѣтъ дружбы не полезной,
Когда безъ пользы связи нѣтъ;
Какъ спроста сказанное слово
Боишься, чтобъ дорогой новой
Не пролетѣло за секретъ;
Когда въ самой литературѣ,
Благодаря такой цензурѣ,
Закрыты мыслямъ всѣ пути;
Когда, ни въ дни народной славы,
Ни въ дни страданія державы,
Живого слова не найти;
Когда, во дни волненій міра,
Поетъ войну у насъ не лира,
А подлый съ присказкой гудокъ,
Какъ будто нанятой на срокъ;
Когда послѣдній откликъ слова,
Восторгомъ полнаго, живова,
И благородный правды звукъ,
Гимнъ окрыленный Хомякова —
Не перешелъ цензурныхъ рукъ:
Кто знаетъ! — съ юношества лирикъ,
Элегикъ, комикъ и сатирикъ,
Быть можетъ Писаревъ живой

Теперь бы тоже носъ повѣсилъ,
Разсудкомъ хладнымъ вѣкъ нашъ взвѣсилъ,
Покинулъ лиры звонкій строй,
И охладѣлъ, какъ и другой!
Его замолкла бъ эпиграмма;
И онъ, затерянный межъ хлама
Литературныхъ мастеровъ,
Забылъ бы живость острыхъ словъ.
Никѣмъ непонятый, увѣренъ,
Что остроумье ни по чемъ,
Молчалъ бы онъ, удостовѣренъ,
Что и журнальные листы,
И ихъ читателей гурты,
Не стоятъ даже остроты!
Не думай, что сужу я строго
И не трудись мнѣ возражать.
И нынче — я готовъ сознать —
Насъ любятъ смѣхомъ потѣшать;
Но шутовства у насъ и много,
Да остроумья не видать.

Тогда была у насъ словесность
Въ избранный кругъ—билетъ на входъ;
Литературная извѣстность
Давала мѣсто и почетъ.
Теперь, круговъ въ смѣшеньѣ дикомъ,
Талантъ, иль вовсе незнакомъ,
Иль безъ таланта, просто крикомъ
Пройдешь великимъ знатокомъ.
И было бъ нынче какъ-то странно
Въ бесѣдѣ свѣтской своенравно
Рѣчь на словесность навести!
Другой нашъ горизонтъ пространный,
Открылись шире намъ пути.
Языкъ боговъ — теперь не въ тонѣ.
Изъ всѣхъ талантовъ два въ салонѣ
Пристойныхъ: пѣть и танцовать.
Въ кругу общественномъ обычно
Поговорить слегка, прилично,
Но мыслью мозгъ не отягчать;
И разныхъ вѣрованій вѣка,
Иль убѣжденій человѣка,
Не убѣжденнаго ни въ чемъ,
Который только лишь по слуху
Повѣрилъ времени и духу,
Не задѣвать своимъ умомъ,
Своимъ не потчивать добромъ!
Я началъ шуткой, кончилъ грустно.
Прими, какъ будто бы изустно
Я говорю, какъ мой языкъ
Съ тобою говорить привыкъ.
Я шутку первую поправлю
И на любимый нашъ предметъ
Съ тобою выду, какъ на свѣтъ.
Нѣтъ! я высоко въ мнѣньи ставлю
Литературный бывшій кругъ,
Который каждый мѣсяцъ прежде
Сбирался въ сладостной надеждѣ
Нетщетныхъ родинѣ заслугъ,
Заслугъ негромкихъ, тихихъ, мирныхъ;
Но цѣль была ихъ высока:
Согласованье звуковъ лирныхъ
И вѣрный кодексъ языка.
Ты помнишь эти засѣданья!
Какое пышное собранье
Духовныхъ, свѣтскихъ, важныхъ лицъ,
Героевъ въ толстыхъ эполетахъ,
Прославленныхъ во всѣхъ газетахъ,
И дамъ нарядныхъ и дѣвицъ!
Ты помнишь и псалмы Шатрова,
И разсужденья Мерзлякова;
И какъ Буянова пѣвецъ,
Въ одышкѣ Пушкинъ, подъ конецъ,
Бывало басней распотѣшитъ;
Какъ скромный старецъ-президентъ,
Взглянувъ на дамъ, рядъ звѣздъ и лентъ,
Бывало нѣсколько опѣшитъ,
Боясь, чтобъ шутка иногда
Не оскорбила ихъ стыда,
Чтобъ стихъ иной, иное слово,
Прошли для общества здорово,
Чтобы правительству оно
Не показалося вольно.
Но все въ безмолвіи внимало,
И уваженіемъ полно!

И это было все давно.
И все прошло, какъ не бывало.
Какъ птицъ пугаетъ ложный страхъ,
Когда, зашевелясь въ кустахъ,
Внезапный вѣтръ листы ихъ тронетъ,
Какъ онъ пугливо бѣдныхъ гонитъ:
Такъ ложный страхъ разрознилъ Музъ
И благородный нашъ союзъ.
Успѣхъ полезный и немалый!
Судъ важный общества затихъ;
За то — для дарованій въ мигъ
Открылись толстые журналы!
Но какъ ихъ произвольный судъ,
Корысть, пристрастье, полузнанье
Въ душахъ питаютъ дарованье—
И говорить излишній трудъ!
Вотъ мы съ тобой какъ инвалиды,
Перетерпѣвшіе обиды,
Не тяжкихъ ранъ, а тяжкихъ лѣтъ,
Осуждены смотрѣть безмолвно,
Какъ зло и дрянь безпрекословно
Завоевали цѣлый свѣтъ!
Сидимъ у моря, ждемъ погоды;
Но не дождемся никогда

Ни дней веселыхъ, ни свободы,
Ни безпристрастнаго суда!

А тамъ ватагой богомерзкой
Союзъ на Русь составленъ звѣрскій,
Союзъ, неслыханный дотоль;
Клевещутъ насъ, поносятъ дерзко
И брать хотятъ Севастополь!
Ты помнишь бѣдствія державы,
Затмѣнье временное славы,
Когда на Русь была бѣда:
Мы, надъ Москвой свершая тризны
Въ день грозный Божьяго суда,
Переживали укоризны,
Но поношенья — никогда.

Все также Русскаго солдата
И грудь крѣпка, и вѣренъ штыкъ;
За Русь ничто намъ крови трата;
Но низко, низко духъ поникъ,
И кòсенъ робкій нашъ языкъ.

И отъ того-то пѣснопѣнье,
Какъ ни натягивай струну,
Не то, чтò было встарину.
Тѣхъ дней великихъ вдохновенье
Смѣнилъ усердныхъ словъ подборъ,
Бездарной подлости позоръ,
И тяжкій грѣхъ боготворенья.

30 Генваря 1855 (Сызранская деревня).

ПАУЛЬС-ГНАДЕ И ЗОРГЕН-ФРЕЙ.

(МЫЗЫ ВЪ КУРЛЯНДІИ).

Разъ въ Петербургѣ, на Царицыномъ лугу, былъ какой-то военный парадъ. Это было въ началѣ царствованія Павла, и слѣдовательно вскорѣ по присоединеніи Курляндіи *). День былъ весенній, теплый; солнце сіяло въ полномъ блескѣ; лѣтній садъ уже начиналъ одѣваться первою, весеннею листвою; войска парадировали превосходно, и Павелъ, присутствовавшій на парадѣ, былъ въ полномъ удовольствіи... Густыя, пестрыя толпы зрителей, по обыкновенію, окаймляли обширное поле, занимаемое войсками. Впереди толпы, тѣснившейся по берегу Лебяжьяго канала, стояла какая-то военная фигура, въ мундирѣ нерусскаго покроя и съ воротникомъ и лацканами какого-то невообразимаго цвѣта. Государь пожелалъ узнать, чтò это за личность. Посланный привезъ отвѣтъ: „Главнокомандующій Курляндскими войсками, В. И. В. маіоръ баронъ Д.“—Его позвали. Въ продолженіи милостиваго разговора, котораго удостоился баронъ Д., Императоръ, постепенно возвышалъ его въ чинахъ: въ подполковники, въ полковники, въ генералъ-маіоры... Баронъ благодарственно и низко кланялся. Наконецъ, Государь произвелъ его въ генералъ-лейтенанты. Тогда главнокомандующій войсками, численность которыхъ едва ли всего на все превышала составъ нынѣшняго армейскаго батальона, принося Государю глубочайшую свою благодарность, осмѣлился доложить, что въ скромномъ чинѣ Курляндскаго маіора, онъ могъ безбѣдно существовать стольже скромными матеріальными средствами; но теперь, возведенный въ чинъ Россійско-императорскаго генералъ-лейтенанта, онъ будетъ крайне затрудненъ въ приличномъ чину содержаніи. Благосклонно выслушавъ такое объясненіе, Государь изволилъ сказать ему, что онъ самъ объ этомъ позаботится.

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней послѣ этого свиданія, Д. получилъ отъ кого слѣдовало пакетъ, адресованный въ Курляндскую Казенную Палату (Cameral-Hof), въ которомъ заключалось высочайшее повелѣніе объ отдачѣ ему въ вѣчное и потомственное владѣніе коронного имѣнія Экгофъ.

*) Присоединеніе Курляндіи и Семигаліи къ Имперіи совершилось въ 1795 году, а императоръ Павелъ вступилъ на престолъ въ Ноябрѣ 1796 года.

Счастливый баронъ, получившій вслѣдствіе эксцентричнаго своего мундира и знатный чинъ, и значительное имѣніе, поспѣшилъ въ Митаву и не замедлилъ явиться въ Палату. Но здѣсь встрѣтилось недоумѣніе. Оказалось, что въ Курляндіи существовало два коронныхъ имѣнія этого имени: Гросъ-Экгофъ и Клейнъ-Экгофъ. Которое же изъ двухъ отдавалось барону Д.? Палата объявила, что за разрѣшеніемъ этого вопроса, она должна войдти съ представленіемъ по начальству. Но баронъ, которому захотѣлось, по пословицѣ: „l'appetit vient en mangeant“ *), завладѣть обоими имѣніями, просилъ этого не дѣлать, обѣщаясь въ скоромъ времени доставить Палатѣ требуемое разъясненіе.

Вслѣдъ за симъ баронъ Д. обратился къ Государю со всеподданнѣйшимъ прошеніемъ, въ которомъ, повторяя выраженіе своей глубочайшей благодарности, писалъ, что желаетъ увѣковѣчить въ потомствѣ память о полученныхъ имъ милостяхъ и щедротахъ и потому проситъ разрѣшить ему пожалованныя имѣнія переименовать: Гросъ-Экгофъ въ Pauls-Gnade (*Милость Павла*), а Клейнъ-Экгофъ въ Sorgenfrei (*Обезпеченность*). Такое остроумное выраженіе вѣрноподданнической благодарности новаго царскаго подданнаго понравилось Государю, и переименованіе обѣихъ мызъ удостоено высочайшаго одобренія. Такимъ образомъ оба имѣнія ipso facto поступили во владѣніе барона Д.

Оба эти имѣнія и доселѣ существуютъ подъ этими именованіями. Мы не знаемъ только, принадлежатъ ли они еще фамиліи бароновъ Д., или уже перешли въ другія руки.

20 Марта 1875. Сергіевъ Посадъ.

О КРѢПОСТНОМЪ ПРАВѢ ВЪ МАЛОРОССІИ.

Въ статьѣ Петербургскаго профессора О. Ө. Миллера „Малороссійскія народныя думы и кобзарь Остапъ Вересай“, напечатанной въ 4-й тетради новаго журнала: „Древняя и Новая Россія“, на стр. 353, повторяется весьма старое и избитое положеніе, будто Малороссійскіе крестьяне, освободившись при помощи казаковъ отъ Польской власти, освободились при этомъ и отъ крѣпостнаго права. Такъ-де они были свободны, со временъ Богдана Хмельницкаго, до тѣхъ поръ пока снова закрѣпостила ихъ Екатерина II. При этомъ г. профессоръ говоритъ о казакахъ такимъ образомъ: они-де „отстояли вмѣстѣ съ своею народностію и права народа, не позволили низвести его весь въ состояніе „раба“, сохранили за нимъ до позднѣйшаго времени, на зло всѣмъ усиліямъ чуждой государственной власти, ту исконную его свободу, которую въ остальной половинѣ земли Русской, въ Московскомъ царствѣ, не удержала за нимъ своя домашняя власть государственная“. Неужели г-нъ профессоръ не знаетъ, что утверждать, будто Екатерина II „прикрѣпила Украинцевъ къ землѣ“, есть историческая клевета. Какъ сложилась эта клевета, я не нахожу нужнымъ теперь объяснять; скажу только, что Екатерина II и не думала закрѣпощать Украинцевъ: она только формулировала безконтрольное Польское крѣпостное право, существовавшее въ Малороссіи во всѣ времена.

Казаки Богдана Хмельницкаго, прогнавши и избивши Польскихъ пановъ, спѣшили не только захватить маетности прежнихъ своихъ господъ, но и по отношенію къ крестьянамъ занять ихъ мѣсто. Въ доказательство

*) Охота ѣсть приходитъ, какъ ѣшь.

этому положенію я могу представить множество документовъ; теперь же только, въ концѣ настоящей замѣтки, перепечатываю изданную уже мною *) челобитную къ царю Алексѣю Михайловичу посланниковъ Войска Запорожскаго (генеральнаго судьи Самойлы Богданова и Переяславскаго полковника Павла Тетери), въ Мартѣ 1654 г., во время переговоровъ о правахъ всѣхъ жителей Малыя Россіи. По этой челобитной были выданы посланникамъ жалованныя грамоты на маетности, которыхъ они просили, и въ грамотахъ прописано, что маетности жалуются и „со крестьяны". Вслѣдъ за этими переговорами о правахъ и остальные старшины Войска Запорожскаго, за немногими исключеніями, стали подавать государю челобитныя съ просьбами о пожалованіи имъ маетностей; просьбы эти были удовлетворяемы, и особенно много получили маетностей Выговскіе и Золотаренки.

Но представители Войска Запорожскаго нетолько стремились завладѣть и законнымъ образомъ укрѣпить за собою бывшія маетности Польскихъ пановъ; они еще заботились и о томъ, чтобы и во всемъ остальномъ сравняться съ этими панами. Такъ они всегда претендовали попасть или въ Польскіе шляхтичи или въ Московскіе дворяне; это имъ удавалось и особенно тогда, когда они продавали правительствамъ, если можно такъ выразиться, дѣйствительныя права своего народа. Въ этомъ отношеніи не слѣдуетъ забывать двухъ крупныхъ событій Малороссійской исторіи. Первое: Выговскій, возвращая Малороссію снова подъ власть Польши и обѣщая уменьшить самое число Войска Запорожскаго и т. п. (въ 1658 году), получилъ за это сенаторство, Кіевское воеводство и пр.; а по 17 пункту его Гадячскихъ статей еще слѣдовало со всякого полку по сту человѣкъ учинить шляхтичами (всѣхъ полковъ тогда считалось 14). Второе: по Московскимъ статьямъ Брюховецкаго (1665 года) предлагалось Московскому правительству уничтожить исконныя права Малороссійскихъ городовъ, самостоятельность Малороссійской церкви и т. п. За эти заботы объ интересахъ Московскаго правительства гетману сказано было боярство, старшины Войска Запорожскаго получили права Московскаго дворянства, и всѣмъ имъ были выданы жалованныя грамоты на маетности, какія они только себѣ просили.

Изъ этихъ немногихъ, но вполнѣ достовѣрныхъ извѣстій, можно кажется, видѣть, что казаки, только что освободившіе Малороссію отъ Польской власти, совсѣмъ не думали, да и не понимали, какъ это можно освободить крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, какъ можетъ совсѣмъ не существовать крѣпостнаго права: шляхтичь пусть будетъ шляхтичемъ, казакъ казакомъ, мѣщанинъ мѣщаниномъ, а пашенный крестьянинъ будетъ „должность обыклую его царскому величеству отдавать, какъ и прежъ сего бывало". Вотъ вся мирная политическая программа Запорожцевъ. По казацкимъ понятіямъ можно было сколько угодно враждовать съ панами, но въ концѣ концовъ высшая награда для человѣка низкаго происхожденія за его заслуги все таки заключалась въ томъ, что такого человѣка слѣдуетъ сдѣлать паномъ и именно въ той формѣ, въ какой они привыкли видѣть пановъ при Польской власти надъ ихъ родиною.

Мы здѣсь говоримъ о казакахъ; но кромѣ представителей Войска Запорожскаго, претендовавшихъ попасть въ шляхтичи, въ Малороссіи во времена Богдана Хмельницкаго и послѣ него уцѣлѣла еще настоящая ро-

*) См. наше изслѣдованіе „Переговоры объ условіяхъ соединенія Малороссіи съ Великою Россіей", напечатанное въ Журн. Мин. Народн. Просвѣщенія за 1871 годъ, кн. XI и XII.

довая Польская шляхта. Небольшая ея часть, во время общаго избіенія и изгнанія Польскихъ пановъ, осталась въ живыхъ по двумъ причинамъ: во первыхъ, то были православные шляхтичи, а во вторыхъ, что̀ самое главное, эти шляхтичи во время возстанія пристали къ Войску Запорожскому. Но эти невольные союзники казаковъ никогда не забывали своихъ правъ; да кстати Богданъ Хмельницкій и Выговскій (самъ шляхтичь по происхожденію) покровительствовали имъ. Во время общаго подтвержденія правъ Малороссіянъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ была выдана и жалованная грамота Малороссійской шляхтѣ. Въ этой грамотѣ, составленной на основаніи челобитной Богдана Хмельницкаго, читаемъ: пожаловали мы великій государь „шляхтѣ благочестивой вѣры, которые въ Малой Россіи обрѣтаются и намъ великому государю вѣру учинили, быть въ своихъ шляхетскихъ вольностяхъ, правахъ и привилеяхъ... и добра свои имѣть свободно, также какъ и напередъ того при Польскихъ короляхъ бывало". Если не ошибаемся въ счетѣ (по переписнымъ дворянскимъ книгамъ) приведенныхъ въ Малороссіи къ присягѣ въ Январѣ 1654 года, то упомянутой въ жалованной грамотѣ шляхты слѣдуетъ считать 303 человѣка.

Повторяю, что въ Малороссіи со временъ Богдана Хмельницкаго вплоть до 19 Февраля 1861 года крѣпостное право никогда не прекращалось. Конечно, бывало, что оно значительно ослаблялось въ своей силѣ и именно въ эпоху смутнаго времени въ Малороссіи. Но это однакоже не значитъ, что тогда крѣпостное право совершенно прекращалось въ своемъ дѣйствіи и что шляхта и представители Войска Запорожскаго отъ него отрекались. Какъ доказательство этому, намъ извѣстенъ (за время отъ 1648 по 1654 годъ) рядъ жалованныхъ грамотъ, данныхъ Польскимъ королемъ самому шляхтному Богдану Хмельницкому (во время заключенія Зборовскаго и Бѣлоцерковскаго договоровъ) на маетности „на правѣ помѣстномъ съ подданными". Точно также въ первыя 18 лѣтъ по возсоединеніи (съ 1654 по 1672 годъ, то есть по избраніе въ гетманы Самойловича), въ то самое время, какъ представители Войска Запорожскаго вышеуказаннымъ образомъ устроивали свои дѣла относительно узаконенія захваченныхъ ими маетностей, крѣпостное право не могло быть особенно чувствительно для народа: онъ и безъ того страдалъ тогда отъ страшной домашней смуты, среди которой гибли и новые его паны. Но съ замиреніемъ Малороссіи крѣпостное право всплыло на верхъ, и особенно оно усилилось при Мазепѣ и Полуботкѣ. Къ этому времени войсковая старшина и родовитые шляхтичи, можно сказать, уже слились въ одно сословіе по отношенію къ массѣ чернаго народа. Заслуживаетъ обратить вниманіе на то, что въ тѣ времена по отношенію массы казачества стала повторяться таже самая исторія, какая была передъ возстаніемъ Богдана Хмельницкаго: тогда паны казаковъ, жившихъ въ ихъ маетностяхъ, старались превращать въ своихъ крѣпостныхъ; теперь же, во времена Мазепы и Полуботка, войсковая старшина стала закрѣпощать за собою подчиненныхъ имъ казаковъ. Трудно себѣ представить, до какихъ безобразныхъ формъ доходила тогда въ Малороссіи власть пана надъ его подданными: нѣтъ хуже и жесточе господина, который самъ вышелъ изъ рабовъ. Въ Великой Россіи, кажется, не случалось, во всякомъ случаѣ не было обыкновеннымъ дѣломъ, чтобы толпы людей, скованныхъ цѣпями, выгонялись на рынки для продажи. Подобное состояніе крѣпостнаго человѣка въ Малороссіи было уже состояніе не только раба, а просто на просто рабочаго скота (быдло).

Но здѣсь можетъ возникнуть вопросъ: почему Малороссійкій народъ, находясь подъ Польскою властію, бунтовалъ противъ тяжести крѣпостнаго права, а когда онъ перешелъ подъ Русскую власть, и хотя его положе-

ніе почти что не улучшилось, мы такихъ бунтовъ не знаемъ? Отвѣтомъ на это является простое объясненіе: Россія не Польша, и народъ, сознавалъ, что въ Россіи многимъ безобразіямъ бываетъ и конецъ. Такъ Полуботокъ все таки окончилъ свое поприще тѣмъ, что угодилъ въ Петропавловскую, а потомъ при Екатеринѣ II и самое гетманство было окончательно уничтожено. Затѣмъ, Малороссійскій народъ также очень хорошо сознавалъ, что Русская государственная власть не только для Великой, но и для Малой Россіи, да кстати и для Польши, есть власть домашняя и что есть много основаній ожидать отъ этой власти спасенія. Ожиданія не были обмануты; съ высоты трона послышались слова которыхъ Польская власть не въ состояніи была выговорить: „Православный Русскій народъ, призови Божіе благословеніе на твой свободный трудъ".

Конечно, все здѣсь высказанное совершенно противорѣчитъ тому, что̀ можно вычитать въ извѣстномъ пасквилѣ, озаглавленномъ „Исторіею Руссовъ" и фальшиво приписанномъ Георгію Конискому (это тоже клевета на знаменитаго іерарха). На чтеніи этого пасквиля, по сознанію самихъ же Малороссіянъ, воспиталась вся современная намъ ихъ интеллигенція. Но вотъ подлинный текстъ упомянутой выше челобитной, изъ которой видно, какъ освободители Малороссійскаго народа и въ тоже время наслѣдники Потоцкихъ и Вишневецкихъ съ товарищи, понимали свои отношенія къ крестьянамъ:

„Какъ насъ царское величество милостиве пожаловалъ, о томъ нынѣ низко челомъ бьемъ и просимъ о привиліяхъ на хартіяхъ, золотыми словами писанныхъ: мнѣ судьѣ на мѣстечко Имглѣево-Старый съ подданными въ немъ будучими и со всѣми землями издавна до Имглѣева належачими; а мнѣ полковнику на мѣстечко Смѣлую такожъ съ подданными въ немъ будучими и со всѣми землями къ ней належачими и на тѣхъ земляхъ подданными будучими и со всѣми принадлежностями, полями, лѣсами, уходами и озерами, которые имѣютъ быть со всѣмъ, какъ и прежде было. И чтобъ есми были вольны въ своихъ подданныхъ какъ хотя ими уряжати и обладати мы и дѣти и наслѣдники наши, которые бы имѣли отъ насъ тѣ маетности одержати; и чтобъ до нихъ никто кромѣ насъ и наслѣдниковъ нашихъ никакого дѣла не имѣлъ вѣчными времяны. Также чтобъ намъ вольно было на тѣхъ земляхъ своихъ, которыя съ милостиваго жалованья его царскаго величества будемъ имѣти, людей селить, какъ которые будутъ приходити, мельницы̀ ставити и всякіе пожитки, какіе нибудь прежде были и какіе сами можемъ привлащить и вымыслить, можемъ приспособляючи безъ всякой въ томъ ни отъ кого помѣшки. Также потомъ челомъ бьемъ, чтобъ намъ вольно было всякія питья для своихъ же подданныхъ держати, вино курити и откупъ, какъ извычай есть на Украинѣ, имѣти и при всемъ томъ извычаю, какъ въ томъ краѣ ведется, пребывати. А намъ на волю просимъ, пусть будетъ либо въ списку Войска Запорожскаго быти и съ нимъ службу отдавать, либо въ присудкѣ воеводства града и земства Кіевскаго будучи, въ службу его царскаго величества такую какъ земляня и шляхта Кіевскаго воеводства, исполняти и равно съ ними тѣмъ же правомъ, противъ подтвержденныхъ привиліевъ его царскаго величества правъ, судиться. А что обоимъ намъ единое слово въ слово молимъ и просимъ, пусть изъ милостиваго жалованья его царскаго величества будетъ въ привиліяхъ написано и все, о чемъ есми помянули, поволено: понеже мы тутъ ничего мимо дѣла не писали, но по извычаю, каковъ тамъ въ тѣхъ краяхъ ведется".

Геннадій Карповъ.

Приложенъ портретъ графа М. Л. Воронцова и снимокъ съ его почерка.

Цѣна **два** рубля.

(Пересылка за 4 фунта).

Къ книгамъ Архива князя Воронцова приложены азбучные указатели (ко 2-й и 3-й, общій); а при седьмой книгѣ общая роспись всему содержанію этого историческаго изданія.

Складъ изданія находится въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Ольхиной, въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, гдѣ можно получать и первыя шесть книгъ Архива Князя Воронцова по 2 р. за каждую, кромѣ первой, которая стоитъ 2 р. 50 к. Пересылка за три фунта, за каждую книгу.

РУССКІЙ АРХИВЪ
1875 ГОДА.

(ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

письма, бумаги, воспоминанія и жизнеописанія главнѣйшихъ дѣятелей русской жизни и русской мысли.—статьи по русской исторіи вообще.—критическія и библіографическія замѣтки, некрологи, книжныя вѣсти, историческіе анекдоты и мелочи.

ВЫХОДИТЪ 12 РАЗЪ ВЪ ГОДЪ ПО МѢРѢ ОТПЕЧАТАНІЯ.

Четыре тетради Русскаго Архива составляютъ одну книгу.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1875 года, какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою гг. иногороднымъ подписчикамъ

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Желающіе получать Русскій Архивъ въ 1875 году доставляютъ или высылаютъ эти **ВОСЕМЬ** рублей, съ приложеніемъ четко написаннаго мѣста своего жительства, *въ Москву, на Берсеневской Набережной Москвы-рѣки, за большимъ Каменнымъ мостомъ, противъ храма Спасителя, въ домъ Московскаго Археологическаго общества, издателю Русскаго Архива Петру Ивановичу Бартеневу*. Кромѣ того подписка на Русскій Архивъ принимается на Страстномъ бульварѣ, при книжномъ магазинѣ *И. Г. Соловьева*. Въ С.-Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ принимается при книжномъ магазинѣ *А. Ѳ. Базунова*, на Невскомъ проспектѣ.

Въ тѣхъ же мѣстахъ можно получать полныя изданія Русскаго Архива 1872, 1873 и 1874 годовъ, по двѣ большія книги въ каждомъ году. Цѣна 4 рубля за каждую книгу (съ пересылкою).

Прежніе годы Русскаго Архива (т. е. 1863 — 1871) можно получать въ С. Петербургѣ, на Апраксиномъ дворѣ, у книгопродавца Ваганова.

Заграничные подписчики къ вышеозначеннымъ цѣнамъ прибавляютъ за годъ: для Германіи и Бельгіи — 2 р., для Франціи и Англіи—3 р., для Швейцаріи и Италіи—2 р. 50 к.

Составитель и издатель Русскаго Архива Петръ Бартеневъ.

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ

РУССКІЙ АРХИВЪ

1875. ИЗДАВАЕМЫЙ 7.

Петромъ Бартеневымъ

(бывшимъ библіотекаремъ Чертковской Библіотеки).

СОДЕРЖАНІЕ.

Печатается восьмая книга Архива князя Воронцова.

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ ГРАЧЕВА И КОМП., У ПРЕЧИСТЕНСКИХЪ ВОР., Д. ШИЛОВОЙ.

1875.

ГЛАВНЫЯ СТАТЬИ

ВЪ

ПЕРВЫХЪ ШЕСТИ ТЕТРАДЯХЪ РУССКАГО АРХИВА 1874.

ВЫШЕДШИХЪ ОТДѢЛЬНОЮ КНИГОЮ.

ЦѢНА 4 РУБЛЯ СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ.

Осмнадцать писемъ *В. А. Жуковскаго* къ императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ (1826—1839) о воспитаніи, отроческихъ лѣтахъ и первой молодости Государя Императора Александра Николаевича.

Пятьдесятъ писемъ *А. С. Пушкина* къ князю П. А. Вяземскому (1816—1831) съ новыми стихами А. С. Пушкина.

Письмо *А. С. Пушкина* къ А. Н. Верстовскому (1830). Письмо *А. С. Пушкина* къ барону Дельвигу, съ новыми стихами А. С. Пушкина.

Анекдотъ о Пушкинѣ (изъ Записокъ *П. М. Языкова*): Пушкинъ во время холеры.

Поединокъ и кончина Пушкина на Итальянской сценѣ.

Письмо *князя П. А. Вяземскаго* къ А. С. Пушкину 1825 года. Письмо *князя П. А. Вяземскаго* къ М. Н. Лонгинову (о Грибоѣдовѣ).

Изъ Старой Записной Книжки. Загряжская. Графъ Гудовичъ. Магницкій. Сперанскій. Его отношенія къ императору Александру Павловичу. Первыя судьбы Бирона. — Пальмштернъ. — Московскіе типы: Н. Д. Офросимова и ея сынъ, Сибилевъ. Театральная исторія 1830 года.— Анекдоты о князѣ А. С. Меншиковѣ, Давыдовѣ, Ермоловѣ.—Клочки разговоры, мимоходомъ схваченныхъ и пр.—Donna Sol.—Левъ Пушкинъ.—Арендтъ.—Разные анекдоты.

Очеркъ первоначальной исторіи Горя отъ ума. Статья *А. Н. Веселовскаго.*

Любительскіе спектакли въ Москвѣ. Изъ воспоминаній бывшаго режиссера Московскаго театра *С. П. Соловьева.*

Записки *Мессельера* о пребываніи его въ Россія съ Мая 1757 по Мартъ 1759.—Письма *лорда Мальмсбюри* о Россіи въ царствованіе Екатерины II-й. 1778-й годъ.

Записки *князя Ѳедора Николаевича Голицына.* — Записки *Хршонщевскаго* (1770 — 1820). Переводъ съ Польской рукописи.—Записки *Ильи Ѳедоровича Тимковскаго.*

Письма *Дмитрія Сергѣевича Дохтурова* къ его супругѣ во время войнъ 1805 — 1813 годовъ. — Графъ Михаилъ Огинскій и его отношенія къ императору Александру Павловичу. — Графъ Н. С. Мордвиновъ въ его сельско-хозяйственной дѣятельности. Письма и приказы его въ Пензенскую деревню.

Изъ Записокъ *Николая Ивановича Лорера* (Декабристъ на Кавказѣ).—Серъ Джонъ Макниль. Изъ служебныхъ воспоминаній *Владиміра Сергѣевича Толстаго.*

Воспоминанія *графини А. Д. Блудовой.* 1831 годъ. Польскій мятежъ и первая холера. — Изъ личныхъ воспоминаній о Крымской войнѣ (Дѣло на Черной) *Д. А. Столыпина.* Письмо *А. Х. Бенкендорфа* къ Н. А. Полевому касательно исторіи Петра Великаго. — Письмо къ издателю Русскаго Архива отъ *князя В. И. Васильчикова* (О Севастополѣ и князѣ М. Д. Горчаковѣ).

Изъ неизданныхъ бумагъ князя В. Ѳ. Одоевскаго: отрывки, замѣтки, афоризмы, автобіографическіе наброски и пр.

Обзоръ дѣятельности Русской печати за послѣднія 18 лѣтъ, *Д. И. Иловайскаго.* Уроки исторіи: двѣ статьи *Д. И. Иловайскаго* (Мнимые охранители). — Wahrheit und Dichtung, Статья *Д. Д. Голохвастова* по поводу воспоминаній Т. П. Пассекъ.—Наши земледѣльческіе порядки до и послѣ упраздненія крѣпостнаго права, *Д. А. Столыпина* и пр.

При сей книгѣ гравированный на стали портретъ князя В. Ѳ. Одоевскаго.

КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ ДАНИЛОВИЧЬ МЕНШИКОВЪ.

I. МЕНШИКОВЪ И ПЕТРЪ ПЕРВЫЙ.

1673—1700.

Александръ Даниловичъ Меншиковъ, въ продолженіе двухъ царствованій, Петра I-го и Екатерины I-й и въ началѣ царствованія Петра II-го, занимаетъ первенствующее мѣсто между всѣми Русскими людьми.

Съ юныхъ лѣтъ другъ Петра, дѣятельный исполнитель его преобразовательныхъ намѣреній, товарищъ его въ трудахъ и въ разгульной жизни, Меншиковъ при Петрѣ достигаетъ высшихъ почестей, возводится въ княжеское достоинство и пріобрѣтаетъ огромное состояніе.

Послѣ Петра, Меншиковъ возводитъ на престолъ Екатерину и управляетъ Россіею. Все въ его рукахъ, и сама императрица не можетъ противорѣчить ему.

Не стало Екатерины; мальчикъ-императоръ Петръ II-й, сынъ царевича Алексѣя Петровича, получаетъ престолъ, и немедленно дочь Меншикова, княжна Марія объявлена невѣстою императора.

Но чаша злоупотребленій личнаго вліянія уже переполнена. Властолюбіе, выкокомѣріе, жадность къ богатству, пренебреженіе къ друзьямъ и роднымъ, не только оттолкнули отъ Меншикова всѣхъ близкихъ людей, но возбудили общую ненависть и желаніе избавиться отъ человѣка, съ которымъ жить стало через мѣру тяжело. Ссылка старыхъ товарищей и друзей, Толстаго, Скорнякова-Писарева и Девіера, показала, что свѣтлѣйшій князь не щадитъ никого. Начались интриги, заговоры противъ необузданнаго честолюбца. Онъ началъ подозрѣвать и сослалъ въ Сибирь Маврина, графа Санти, Ганнибала; Черкасова въ Москву, княгиню Волконскую въ деревню. Меншиковъ развѣдываетъ, кто еще его противники, и не узнаетъ ничего, и не можетъ узнать: потому что противъ него всѣ въ заговорѣ. Наконецъ Долгорукіе, чрезъ князя Ивана и съ помощью любимой сестры императора, царевны Натальи, рѣшаются дѣйствовать открыто: Меншиковъ, лишенный всѣхъ почестей и богатствъ, сосланъ умирать въ Сибирь, въ Березовъ.

Кто же былъ этотъ человѣкъ, имя котораго гремѣло не только у насъ въ Россіи, но и въ Европѣ, наполняя собою цѣлую четверть XVIII вѣка?

О происхожденіи Меншикова исторія сообщаетъ до сихъ поръ лишь преданія, неточныя свидѣтельства и сказанія иностранцевъ. Изъ преданій одно Русское—это разсказъ царскаго токаря Нартова. Нартовъ говоритъ только, что Меншиковъ былъ пирожникъ; но въ то время пирожникомъ могъ быть и сынъ дворянина, и сынъ торговаго человѣка, и посадскаго, и крестьянина: сословной знати въ нынѣшнемъ значеніи не существовало кромѣ семей боярскихъ. Нѣкоторые писатели говорятъ, что Меншиковъ

былъ Литовскаго происхожденія, и это повторяется въ грамотѣ 1707 года, данной Меншикову на княжеское достоинство: въ ней сказано, что отецъ Меншикова былъ изъ фамиліи благородной Литовской и что, ради вѣрныхъ услугъ его въ гвардіи, сынъ его былъ принятъ ко двору. Странно, что никогда при жизни своей Меншиковъ ничѣмъ не почтилъ памяти своего отца, и въ сохранившейся семейной перепискѣ Меншикова съ женою и дѣтьми нѣтъ никакого воспоминанія объ отцѣ. Только священники подмосковнаго села Семеновскаго напомнили (и то въ 1724 году) свѣтлѣйшему князю, что родители его похоронены у нихъ при церкви Введенія Пресвятыя Богородицы [1]). И это напоминаніе осталось, кажется, безслѣдно; но оно, по крайней мѣрѣ, позволяетъ намъ предполагать, что родители Меншикова были православные; иначе ихъ не похоронили бы при нашей церкви.

И такъ о происхожденіи Меншикова не имѣется точныхъ свѣдѣній, и самый годъ его рожденія опредѣляется только по дневнику Голштинскаго камеръ-юнкера Берхгольца, который говоритъ, что 6-го Ноября 1723 года праздновали день рожденія Меншикова, которому исполнилось 50 лѣтъ. Слѣдовательно Меншиковъ родился въ 1673 году и былъ на полтора года моложе Петра I-го. Относительно дня рожденія и тутъ не точность: самъ Меншиковъ въ одномъ изъ нижеприводимыхъ писемъ своихъ говоритъ, что онъ родился 13 Ноября.

Когда же явился Меншиковъ при дворѣ царскомъ? Какія обстоятельства сблизили его съ Петромъ, и что̀ способствовало человѣку полуизвѣстнаго происхожденія получить такое нравственное вліяніе на государя, который не терпѣлъ надъ собою опеки?

О первомъ появленіи Меншикова при Петрѣ мы имѣемъ извѣстіе только въ сказаніяхъ иностранцевъ и въ грамотѣ 1707 года, о которой мы упомянули. Иностранцы, одни утверждаютъ, что Петръ взялъ Меншикова съ улицы; другіе, что Петру передалъ Меншикова Лефортъ, какъ остроумнаго и веселаго мальчишку; а грамота говоритъ, что Меншиковъ взятъ къ Петру съ юныхъ лѣтъ, но когда именно и при какой обстановкѣ, это остается неизвѣстнымъ. Мы знаемъ положительно только то, что Меншиковъ служилъ въ Преображенскомъ полку при самомъ учрежденіи полка и слѣдовательно въ потѣшныхъ и, вѣроятно, былъ любимымъ денщикомъ Петра. Денщики были самые близкіе люди къ царю: они попеременно дневали и ночевали при немъ, а Меншиковъ находился при Петрѣ безотлучно и завѣдывалъ домашнимъ его хозяйствомъ и платьемъ. Это доказывается письмомъ Петра въ Январѣ 1700 г. къ Меншикову: „Мейнъ герценкинъ! Вели вычистить вездѣ (во дворцѣ) и починить. Также вели въ спальной сдѣлать полъ липовой, да и въ другихъ вели новые полы передѣлать. Также вели пиво слободское и другое Андреева въ ледъ засѣчь. Также вели сдѣлать вновь погребъ подъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ ботъ стоитъ, или гдѣ старая баня. Также и во всемъ осмотри и прикажи. А самъ для

[1]) Письмо это сохранилось въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Оно писано къ Варварѣ Михайловнѣ Арсеньевой, свояченицѣ Меншикова: „Премилостивая государыня Варвара Михайловна! При церкви Божіей у насъ его высокой княжей свѣтлости родители и дщерь княжна Екатерина Александровна почиваютъ, а въ прошломъ 722 году имяннымъ приказомъ свѣтлѣйшей княгини Дарьи Михайловны служимъ мы по княжнѣ Екатеринѣ Александровнѣ годовую службу, повседневно святыя литоргіи, уже другой годъ; а за труды наши за поминовеніе отъ ихъ свѣтлостей дачи никакой намъ не бывало“.

Бога не мѣшкай; а для чего, самъ знаешь. За симъ передаю васъ въ сохраненіе всѣхъ хранителя Бога" [2]).

Въ Азовскомъ походѣ Петръ и Меншиковъ жили вмѣстѣ, въ одной палаткѣ.

Въ 1697 году, въ поѣздку по чужимъ краямъ, Меншиковъ находился при царѣ въ числѣ волонтеровъ, которыхъ „при великомъ посольствѣ" состояло три десятка, и во второмъ десяткѣ десятникомъ былъ Петръ, а первымъ волонтеромъ въ спискѣ Александръ Меншиковъ. Въ Голландіи, въ Мартѣ 1697 года, Меншиковъ обучался корабельному мастерству, также какъ и царь, въ званіи плотника. Корабельный мастеръ Герринъ-Класъ-Поль выдалъ, въ одинъ и тотъ же день, Петру и Меншикову отдѣльные каждому аттестаты. Въ послѣдствіи, съ 1700 до 1704 г., Меншиковъ получалъ по 180 руб. въ годъ „за изученіе въ окрестныхъ государствахъ корабельному художеству" [3]). Меншиковъ ѣздилъ съ Петромъ въ Англію, оттуда опять въ Голландію и въ Вѣну. Изъ Вѣны Петръ предполалалъ ѣхать въ Венецію съ семью волонтерами, въ числѣ которыхъ былъ и Меншиковъ. Все было готово къ отъѣзду; волонтерамъ выдали каждому по 30-ти золотыхъ „на платье для Венеціянской посылки"; проѣзжій листъ взяли у Венеціянскаго посланника на имя Меншикова, которому выдано 500 золотыхъ „для потребы дорожной на Венеціянской путь". Но Петръ получилъ письмо отъ Рамадановскаго о возмущеніи стрѣльцовъ и поскакалъ въ Россію съ Меншиковымъ.

Ежедневно, съ утра до ночи, вмѣстѣ, и въ работѣ, и въ разгульѣ, Петръ привязывался все сильнѣе къ Меншикову, а вкрадчивый денщикъ постоянными угожденіями пріобрѣталъ нравственное вліяніе на Петра.

До насъ дошелъ разсказъ объ одномъ проявленіи этого вліянія. По возвращеніи изъ заграницы въ 1698 году, на пиру у Лефорта, Петръ разсердился на Шеина за неправильное производство въ офицеры, въ пылу гнѣва ударилъ по столу обнаженною шпагою и закричалъ Шеину: „Такъ я уничтожу твой полкъ, а съ тебя сдеру кожу!" Любимцы Петра, Никита Моисѣевичь Зотовъ и князь Ѳедоръ Юрьевичь Рамадановскій, хотѣли успокоить царя; но первому достался ударъ въ голову, а второму Петръ пересѣкъ пальцы, почти до половины. Царская шпага занесена была и на Шеина, какъ Лефортъ удержалъ Петра за руку, при чемъ получилъ самъ нѣсколько ударовъ. Богъ знаетъ, чѣмъ бы все кончилось; но тутъ Алексаша Меншиковъ увелъ царя въ другую комнату, и вскорѣ Петръ возвратился къ компаніи въ веселомъ духѣ" [4]).

Сколько могло быть подобныхъ случаевъ, когда Меншиковъ смирялъ раздражительность Петра, и нѣтъ сомнѣнія, что Петръ, какъ скоро утихало раздраженіе, сознавалъ свою несдержанность и былъ признателенъ Меншикову, что̀ конечно и скрѣпляло ихъ дружескую связь.

Но Меншиковъ угождаетъ царю не одними домашними дѣлами. Въ страшные дни стрѣлецкихъ казней Петръ собственноручно отрубилъ головы пятерымъ стрѣльцамъ, а Меншиковъ хвалился, что обезглавилъ 20 человѣкъ. Стрѣльцы стонутъ на колесахъ, Меншиковъ пристрѣливаетъ одного изъ нихъ, по приказанію Петра [5]). Послѣ многомѣсячной отлучки, на первомъ же пріемѣ по возвращеніи изъ чужихъ краевъ, Петръ набрасывается съ ножницами на своихъ ближнихъ бояръ, которые явились по-

[2]) Напечатано у Устрялова т. IV, ч. 1, стр. 213.
[3]) Устряловъ, т. IV, ч. 2, стр. 493.
[4]) Устряловъ, т. IV, ч. 1, стр. 211.
[5]) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XIV, стр. 160.

клониться ему, и своеручно обрѣзываетъ имъ бороды, начиная съ Шеина и Рамадановскаго; а Меншиковъ стрижетъ бороды членамъ Ратуши и приводитъ остриженныхъ на показъ царю въ Успенскій соборъ [6]). Петръ вводитъ перемѣну одежды: у Меншикова на дому шьютъ Французскіе и Италіянскіе кафтаны для прислуги и приближенныхъ. Устроивается Семеновскій полкъ: Меншиковъ шьетъ для него знамёна.

Наконецъ, въ любовныхъ дѣлахъ, Меншиковъ не отстаетъ отъ своего повелителя. Петръ ведетъ интригу съ хорошенькою Нѣмкою дѣвицею Монсъ, а Меншиковъ занялся тѣмъ же въ придворномъ кружкѣ царевны Натальи Алексѣевны и вступаетъ въ связь съ дѣвицею Д. М. Арсеньевой.

Въ народѣ носилась молва, что Петръ любитъ и награждаетъ безпримѣрно Меншикова въ слѣдствіе *противуестественной* съ нимъ связи. Мы не даемъ вѣры этой молвѣ; но странно, что это нареканіе приходило въ народъ отъ людей кружка Петровскаго. Приведемъ два случая. Въ 1702 году, передъ походомъ Петра въ Архангельскъ, каптенармусъ Преображенскаго полка Владиміръ Бояркинскій ѣхалъ по улицѣ мимо дома Меншикова съ однимъ своимъ родственникомъ, который спросилъ его: отъ чего Меншиковъ такъ богатъ и за что царь къ нему такъ милостивъ? Каптенармусъ отвѣчалъ: „за то, что царь живетъ съ Александромъ Даниловичемъ б....о“. Черезъ нѣсколько времени родственникъ поссорился съ каптенармусомъ и донесъ на него въ *непристойныхъ словахъ про государя*. Родственника и каптенармуса взяли въ Преображенскій Приказъ, въ это страшное карательное судилище всякой народной болтовни о Петрѣ, и обоихъ пытали. Каптенармусъ отпирался, что не говорилъ непристойныхъ словъ, а родственникъ подтвердилъ свой доносъ тремя пытками, вслѣдствіе которыхъ и умеръ въ тюрьмѣ. По смерти его, въ 1705 г., состоялось рѣшеніе этого дѣла по *имянному* указу: „Каптенармуса Бояркинскаго съ женою и дѣтьми сослать на вѣчное житье въ Азовъ и служить ему тамъ въ солдатахъ“. Но по дѣламъ Преображенскаго Приказа видно, что за важныя непристойныя слова про государя наказывали обыкновенно: смертною казнію, отрѣзываніемъ языка, и самое слабѣйшее наказаніе было-бить кнутомъ или плетьми нещадно. А Бояркинскій былъ отправленъ на службу въ Азовъ безъ всякаго наказанія. Это снисхожденіе бросается въ глаза.

Другой случай. Въ 1718 г. управляющій имѣніями Ивана Кикина, Дуденковъ разсказывалъ своимъ знакомымъ, что Петръ живетъ съ Меншиковымъ. На него донесли и привели его въ Преображенскій Приказъ. На допросѣ онъ повинился, что говорилъ „непристойныя слова“, но объяснилъ причину своей болтовни: „Служилъ онъ прежде у Александра Кикина и въ прошлыхъ годѣхъ, а въ которомъ подлинно сказать не помнитъ, въ Санктпетербургѣ, въ домѣ его Александра былъ царское величество, а при немъ свѣтлѣйшій князь Александръ Даниловичь Меншиковъ да окольничій Кузьма Хрисанѳовъ; и тотъ Кузьма, издѣваясь надъ Дуденковымъ, говорилъ про б...е дѣло, и Александръ Кикинъ говорилъ ему Кузьмѣ, чтобъ онъ Кузьма отъ него Дуденкова отошелъ и издѣваться пересталъ; и онъ Кузьма ему Дуденкову указалъ на свѣтлѣйшаго князя и на него Кикина, таковъ ли онъ Дуденковъ цѣлъ какъ и они, и указалъ на царское величество, означивая про б...е дѣло, онъ-де ихъ обоихъ. И онъ Дуденковъ для того тѣ слова и говорилъ“. Дуденковъ наказанъ былъ кнутомъ нещадно и освобожденъ *).

---

[6]) Анекдоты Голикова.

*) Изъ дѣлъ Преображенскаго Приказа въ Архивѣ Министерства Юстиціи.

II. МЕНШИКОВЪ И ДѢВИЦЫ АРСЕНЬЕВЫ. 1700—1704.

Во второй половинѣ XVII столѣтія, при „комнатахъ“ царицъ и царевенъ, находились между другими „дворовыми чинами“ боярышни-дѣвицы. Въ дворовомъ чинѣ они считались въ третьей степени (Въ первой степени были боярыни дворовыя, а во второй казначеи царицъ и царевенъ). Въ боярышни-дѣвицы избирались преимущественно близкія къ царицамъ по свойству и по родству; онѣ жили во дворцѣ, въ комнатахъ царицы и царевенъ, для разныхъ услугъ, для игръ, забавъ и вообще для собесѣдничества [7]). Послѣ кончины царицы Натальи Кириловны, дворцовый внутренній бытъ значительно измѣнился: женщины и дѣвицы понемножку выходили изъ теремовъ, и сами царевны не держались строго прежняго затворничества. Царевна Екатерина Алексѣевна нерѣдко ѣздила въ Нѣмецкую слободу къ знакомой Нѣмкѣ, сахарной мастерицѣ, покупать конфекты и занимать деньги подъ закладъ вещей или дворцоваго серебра [8]). Царевна Наталья, единоутробная сестра и любимица Петра, жила въ Преображенскомъ у брата, съ своими дѣвицами-боярышнями, и нѣтъ сомнѣнія, что Петръ не стѣснялся посѣщать ее съ другомъ своимъ Меншиковымъ, и дѣвицамъ-боярышнямъ не приходилось уже прятаться отъ окружавшихъ Петра молодыхъ людей. При царевнѣ, въ числѣ другихъ дѣвицъ, были: Дарья, Варвара и Аксинья Арсеньевы (про отца ихъ извѣстно только, что онъ воеводствовалъ гдѣ-то въ Сибири). Варвара и Дарья поступили ко двору царевны въ 1686 году, а Аксинья въ 1692 г. Дарья Михайловна полюбила Александра Даниловича, и слѣды этой любви сохранились въ перепискѣ ея и сестры ея Варвары съ Меншиковымъ.

Первыя письма—на маленькихъ лоскуткахъ сѣрой бумаги, безъ года. Дѣвицы въ разлукѣ съ Александромъ Даниловичемъ тоскуютъ, „сокрушаются“. „Радость наша, государь милостивый, батюшка Александръ Даниловичь! Здравіе твое въ сохраненіе Божіе предаемъ на лѣта многа; пожалуй, радость наша, своимъ писаніемъ въ забвеніи не остави. Ей, ей, съ печали, батюшка нашъ, о разлученіи твоемъ съ нами сокрушаемся и недоумѣваемъ: нѣтъ ли, отъ досажденія нашего, твоего на насъ гнѣву. Дашка и Варька“. На письмѣ этомъ выколоты булавкою два соединенныхъ сердца.

Меншиковъ, также на лоскуткѣ сѣрой бумаги, отвѣчаетъ: „Дарья Михайловна да Варвара Михайловна, здравствуйте на лѣта многа. Челомъ бью за ваше жалованье, что жалуете пишете о своемъ здравіи. За симъ Александръ Меншиковъ“.

Наступаетъ великій день Пасхи. Меншиковъ съ Петромъ въ Воронежѣ. Дѣвицамъ грустно въ разлукѣ: „Радость, нашъ государь милостивый, батюшка Александръ Даниловичь! Здравіе твое въ сохраненіе Божіе предаемъ. За твою, государь, отеческую къ намъ милость и за писаніе челомъ бьемъ въ самый праздникъ Воскресенія Христова. И не сподобились видѣть тебя свѣта своего; только о семъ порадовались, что увидѣли письмо руки твоей. „Дашка да Варька челомъ бьемъ“.

Пришла изъ Воронежа почта, а писемъ отъ Александра Даниловича нѣтъ. „Пожалуй радость, нашъ государь, порадуй насъ: отъ печали ей, ей сокрушаемся, что не было съ сей почты письма къ намъ отъ милости твоей, и чаемъ, что есть нѣкоторый гнѣвъ твой на насъ; пожалуй, батюшка мой, прикажи писать о своемъ здравіи; у насъ только на свѣтѣ и радости что̀ милость твоя“.

---

7) Забѣлина, Бытъ Русскихъ царицъ, стр. 506.

8) Изъ дѣла Преображенскаго Приказа о растригѣ Григоріѣ.

Въ 1702 году Меншиковъ уѣзжаетъ съ Петромъ въ Архангельскъ, уже въ званіи гофмейстера царевича Алексѣя Петровича, котораго Петръ взялъ съ собою. Изъ Вологды Меншиковъ посылаетъ вѣсточку дѣвицамъ: „Пожалуйте, извольте писать о своемъ здоровьѣ, чего я слышать желаю; а я за помощію Божію живъ.“

На обратномъ пути изъ Соловецкаго монастыря, Меншиковъ отправляется съ Петромъ подъ Нотенбургъ и передъ отъѣздомъ изъ Ладоги пишетъ къ дѣвицамъ: „О мнѣ извольте вѣдать, и я при милости государя нашего и государя царевича слава Богу въ добромъ здравіи; челомъ бью за ваше писаніе, и впредь пожалуйте пишите“. Письмо это онъ передалъ для отправленія учителю царевича Никифору Вяземскому. Вяземскій отправилъ письмо изъ Новгорода, куда онъ возвратился съ царевичемъ и отъ себя приписалъ дѣвицамъ: „Вѣдомо вамъ буди: государь царевичь, слава Богу, въ добромъ здоровьѣ, пришелъ въ Новгородъ Сентября 26 дня, и мы при милости его всѣ живы, и чаю намъ здѣсь пожить. Челомъ бью за вашу милость, что вашимъ ходатайствомъ младенецъ мой Алексѣй окрещёнъ, и милость государыни царевны чрезъ ваше прошеніе получилъ и Льва Кириловича также милость пріялъ. За сіе, какъ я васъ увижу, буду бить челомъ стократно; а нынѣ не умѣю, что васъ не вижу, а желаю видѣть. Пожалуйте, пишите къ намъ въ Новгородъ, а отъ насъ мочно посылать въ полки. Великій государь пошелъ Сентября 23 дня съ войскомъ подъ городъ Орѣшекъ; тамъ же близко и Канцы. При милости его Даниловичь. Во управительствѣ Борисъ Петровичь [9]) всего воинства“.

Тонъ письма показываетъ, что Вяземскому извѣстна близость Арсеньевыхъ къ гофмейстеру царевича, его ученика. Письмо писано 27 Сентября 1702 г.: въ этотъ день на берегахъ Невы раздались первые выстрѣлы Русскіе, а 11-го Октября Нотенбургъ, или нынѣшній Шлюссельбургъ, сдался Петру. Меншиковъ увѣдомлялъ своихъ дѣвицъ объ этой побѣдѣ: „Извольте о мнѣ вѣдать, что помощію Божіею поручилъ Богъ государю нашему новую крѣпость, и о такой радости радуемся, дабы и впредъ такія радости намъ видѣть.“

Храбрость, расторопность, смышленность Меншикова во время приступа къ Шлюссельбургу доказали Петру, что онъ пригоденъ и въ дѣлахъ военныхъ. Петръ, назначивъ его Шлиссельбургскимъ комендантомъ, уѣхалъ въ Москву. Тутъ впервыя разлучался Петръ съ своимъ наперсникомъ.

Меншиковъ начинаетъ работать дѣятельно: въ Шлиссельбургѣ и на берегахъ Невы отбивается отъ Шведовъ, ѣздитъ въ Олонецкъ, занимается приготовленіями къ постройкѣ флота, необходимаго для отнятія у Шведовъ устья Невы и Канцовъ; и въ то же время каждую почту пишетъ къ дѣвицамъ. Онѣ все еще живутъ при царевнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ.

Въ Шлюссельбургѣ Меншиковъ устроилъ съ довольствомъ свое домашнее хозяйство. Онъ выписалъ себѣ изъ Москвы столовые припасы и „заморскія питія“. Первый транспортъ пришелъ на 50 подводахъ, второй на 60-ти. Изъ Архангельска выписаны заграничныя коляски и кареты [10]). Именитый человѣкъ Григорій Дмитріевичь Строгоновъ „для увеселенія“ подарилъ и прислалъ въ Шлюссельбургъ своего крѣпостнаго органиста Аѳоньку. Въ это время братъ Арсеньевыхъ, Андрей Михаиловичь, пріѣхалъ къ Меншикову служить подъ его начальствомъ. Дѣвицы прислали съ нимъ письмо: „Пожалуй, батюшка мой, будь милостивъ къ брату нашему“.—„Братецъ вашъ Андрей Михаиловичь (отвѣчаетъ дѣвицамъ Мен-

---

9) Т. е. графъ Шереметевъ.

10) Изъ книгъ Ямскаго Приказа.

шиковъ) съ нами, слава Богу, въ добромъ здравіи, и живемъ вмѣстѣ въ одной избѣ.“

Меншиковъ живетъ въ избѣ, а Петръ въ это время, на пути изъ Воронежа, въ Рязанской степной глуши, самолично устроиваетъ ему Ораніенбургъ, съ крѣпостными валами. „Благодарствую (пишетъ Меншиковъ Петру) вашей милости за наименованіе города и за то, что веселился въ домѣ моемъ. У насъ здѣсь превеликіе морозы и жестокіе вѣтры: съ великою нуждою за ворота выходимъ, едва можно жить въ хоромѣхъ [11])“.

Наступила весна 1703 года, а съ нею начались и военныя дѣйствія.

19 Марта 1703 г. Петръ возвратился въ Шлиссельбургъ; за нимъ на семи подводахъ привезли платье, инструменты и мартышекъ. При первомъ-же свиданіи съ Меншиковымъ онъ пожаловалъ ему „золотой съ персоною великаго государя за его великому государю вѣрную службу и что онъ въ прошломъ 1702 году у Архангельскаго города, при его великаго государя пришествіи, дѣлалъ фортецію“ [12]).

Успѣхи Русскаго оружія на берегахъ Невы шли изо-дня въ день; Ніен шанцъ взятъ, а 10 Мая 1703 первая морская побѣда, за которую Меншиковъ получилъ орденъ св. Андрея. Черезъ нѣсколько дней Меншиковъ получаетъ подарокъ отъ своихъ дѣвицъ: „Благодарствую (пишетъ онъ къ нимъ 27 Марта 1703) за вашу ко мнѣ нелицемѣрную любовь, за любительную присылку. Дарьѣ Михайловнѣ за сорочку и за алмазное сердце, Варварѣ Михайловнѣ за галздуки. Оное присланное отъ милости вашей принято съ любовію. За сіе ваше ко мнѣ любленіе поклоненіе отсылаю. Если милость вашу получу видѣть, буду самъ платить; недорого мнѣ алмазное сердце, дорого ваше ко мнѣ любительство. За симъ предаю васъ въ сохраненіе десницы Божіей“. По случаю морской побѣды 10-го Мая и награжденія орденомъ св. Андрея, Меншиковъ дѣлится своею радостію съ дѣвицами. „О мнѣ милости вашей буди извѣстно: милостію Бога живъ, при милости моего государя; сего Мая 10-го дня дадеся ми честь кавалеръ, понеже сего Мая 5 дня явился на море непріятельскій флотъ; при немъ былъ Шведскій господинъ вице-адмиралъ Фонъ-Нуммерсъ съ 9-ю кораблями, и противъ 7-го числа господинъ капитанъ (т. е. Петръ) соизволилъ ходить на море, и я при немъ былъ-же, и возвратилися не безъ счастія: 2 корабля непріятельскіе съ знамены и съ пушки и со всякими припасы взяли, на первомъ 10, на другомъ 8 пушекъ. На которомъ кораблѣ было 10 пушекъ—офицеръ, которой былъ старшимъ, при немъ 27 человѣкъ матросовъ и другихъ побито, 13 человѣкъ взято живыхъ; а другое судно отъ ручныхъ гранатъ порохъ запалилъ, и люди непріятельскіе всѣ погибли. А мы возвратились всѣ въ цѣлости. За симъ здравствуйте, мои любезнѣйшія. Шлюссельбургскій и Шлотбургскій губернаторъ и кавалеръ Александръ Меншиковъ. Изъ Шлотбурга, Мая 10 дня 1703 г“.

Въ подписи Меншикова „губернаторъ и кавалеръ“ можно видѣть зародышъ того высокомѣрія и честолюбія, которыми въ послѣдствіи попрекали Меншикова его современники; но съ другой стороны, онъ, конечно, желалъ подѣлиться съ близкими сердцу дѣвицами своимъ счастіемъ. Давно-ли онъ былъ только денщикъ и сержантъ, а теперь губернаторъ и Андреевскій кавалеръ! Петръ получилъ также Андреевскій орденъ за это морское дѣло, но увѣдомлялъ о наградѣ Ѳ. М. Апраксина съ большею скромностію: „Хотя недостойны (писалъ онъ), однакоже отъ господъ фельдмаршала (Шереметева) и адмирала (Головина) мы съ господиномъ поручикомъ учинены кавалерами св. Андрея.“

---

[11]) Устряловъ, т. IV, ч. I, стр. 223.

[12]) Приходорасходная книга Военнаго-Морскаго Приказа.

По взятіи Ніеншанца, 16 Мая 1703 года, заложена Петербургская крѣпость: одинъ изъ больверковъ былъ названъ Меншиковскимъ; а на Петербургской сторонѣ, противъ дворца, построенъ былъ для Меншикова домъ, получившій названіе Посольскаго двора, потому что въ немъ принимались посланники.

Устройство Петербурга и защита вновь завоеваннаго края требовали неутомимой дѣятельности. Меншиковъ назначенъ былъ Петербургскимъ губернаторомъ. Дѣла много, и писать къ дѣвицамъ ему некогда; дѣвицы упрекаютъ его за молчаніе. Сентября 22-го 1703 г. онъ отвѣчаетъ имъ: „А что вы пеняете, что не часто вамъ пишу, и вы въ томъ не подивуйте; потому что за недосугами то чинится, а вамъ мочно всегда писать.“

Въ Октябрѣ 1703 года Меншиковъ пріѣхалъ въ Москву, и съ его пріѣздомъ дѣвицы Арсеньевы переѣхали жить къ нему въ домъ, гдѣ находились его сестры. Изъ нихъ Марья Даниловна въ Декабрѣ вышла за мужъ за графа Алексѣя Алексѣевича Головина, котораго братъ графъ Ѳедоръ Алексѣевичъ управлялъ Посольскимъ Приказомъ. По случаю этого брака сочинены стихи на Нѣмецкомъ языкѣ, сохранившіеся въ переводѣ:

Венусъ любезная совѣтовалася
Распрю яблока завистнаго отъяти;
Ревла бо время есть скончати прѣніе
И сердца любовію сердечною сопрягати.

*

Тоё случилось, женихъ то чувствовалъ;
Супружница ему отъ Бога прилаганна.
Велми я радостенъ, когда сіе внималъ;
Съ нею же честь ему и благость дарованна.

*

Загадія вся сія, да нынѣ явная.
Невѣста славная къ тебѣ днесь приведется;
Два сердца, двѣ души соединилися.
Соединеннымъ же пѣснь брачная поется.

*

Сія, сердечной другъ, отъ Бога пріими;
Въ сихъ сладостяхъ твоя да юность веселится.
Плодовъ же съ небеси извѣстно подожди,
Да родъ и честь твои зѣло пріумножится.

Заглавіе стиховъ понѣмецки: „Der süsse Liebe-Apfel am hoch-gräfflichen Gollowin-und Menstzikofschen Vermahlungs-Feste, vorgestellet von beyder hoher Haüser Höchstferbundenen“ (изъ портфелей Миллера).

Послѣ этой свадьбы, водворивши съ сестрами своими дѣвицъ Арсеньевыхъ, Меншиковъ отправился въ Петербургъ. При отъѣздѣ царь подарилъ ему соболью шубу въ 500 рублей. Меншиковъ вздумалъ помолиться въ Троицко-Сергіевѣ монастырѣ. Власти монастырскія любопытствовали знать о новомъ городѣ Шлиссельбургѣ. Меншиковъ подарилъ имъ три экземпляра чертежа этого города, а власти поднесли ему 300 рублей (Приходо-расходныя книги Ямскаго Приказа 1703 г.).

Меншиковъ пріобрѣтаетъ такимъ образомъ связи съ важными людьми Русскими, но народомъ онъ не былъ любимъ. Въ народѣ разсказывали, что Меншиковъ деретъ за волосы царевича Алексѣя Петровича, что Меншиковъ околдовалъ царя, и ходили слухи, что хотятъ убить его, приписывая ему всѣ тягости налоговъ по случаю Шведской войны (Донесенія Плейера).

Съ отъѣзда Меншикова въ Петербургъ, т. е. съ Декабря 1703 г., переписки его не сохранилось до 19 Іюля 1704 г. Въ это-то время къ семейству его присоединяется одно лицо, сблизившее еще тѣснѣе Меншикова съ Петромъ. То была Катерина Трубачóва, будущая Екатерина I-я.

III. ПЕТРЪ, МЕНШИКОВЪ И ДѢВИЦЫ. 1704—1706.

25 Августа 1702 г. Шереметевъ взялъ Маріенбургъ, и въ числѣ плѣнныхъ досталась ему съ семействомъ пробста Глюка Катерина Трубачова. Въ концѣ 1703 г. пасторъ Глюкъ присланъ въ Москву съ его домочадцами но о Катеринѣ документы архивные еще молчатъ. По разсказу Вебера, Екатерина, за нѣсколько дней до взятія Маріенбурга, вышла за мужъ за одного драгуна; а по словамъ одного иностранца этотъ драгунъ былъ трубачь [13]). Шереметевъ оставилъ ее у себя. Черезъ полгода послѣ того пріѣхалъ къ Шереметеву Меншиковъ и отнялъ у него Катерину; но держалъ ее у себя недолго: она понравилась царю, однажды обѣдавшему у Меншикова, отвезена была во дворецъ и названа „осударыня". Въ 1703 году Катерина была крещена въ Православіе. Она выучилась Русскому языку такъ, что почти забыла свой природный.—Такъ пишетъ Веберъ, но этотъ разсказъ не вѣренъ въ хронологическомъ отношеніи.

Маріенбургъ взятъ въ Августѣ 1702 года. Черезъ полгода, т. е. въ Февралѣ 1703 года, Меншиковъ не видался съ Шереметевымъ, и только 31 Іюля 1703 онъ пріѣзжалъ къ Шереметеву съ порученіемъ отъ Петра и 15 Августа возвратился къ Петру на Олонецкую верфь. Слѣдовательно Меншиковъ могъ взять Катерину у Шереметева или въ это время, или уже въ Москвѣ, въ концѣ 1703 года, когда Шереметевъ пріѣзжалъ туда и, можетъ быть, привезъ съ собою Катерину. Если Меншиковъ привозилъ ее въ Петербургъ въ Августѣ 1703 г., то Петръ не могъ тогда взять ее къ себѣ, потому что онъ еще горячо любилъ въ это время Анну Монсъ и разстался съ нею только въ Декабрѣ 1703 года. Всего вѣроятнѣе, что Меншиковъ взялъ Катерину у Шереметева въ Москвѣ: въ это время Петръ бросилъ Монсъ, Катерина ему понравилась; а въ Февралѣ и не позже первыхъ чиселъ Марта 1704 года Катерина была уже беременна отъ Петра, что̀ доказывается письмомъ дѣвицъ Арсеньевыхъ къ Петру отъ 6 Октября 1705 года, на которомъ Катерина подписалась сама-третья, т. е. съ двумя дѣтьми. Посланникъ Австрійской Рабутинъ подтверждаетъ въ своемъ донесеніи предположеніе наше, что Катерина въ Москвѣ перешла отъ Шереметева къ Меншикову (Устряловъ, т. IV, ч. 1, стр. 131). Въ одномъ письмѣ (1717 г. 8 Апрѣля, изъ Гаги) Екатерина между прочимъ написала: „Желаю вѣдать, изволили-ли ваша милость въ 5-е число Апрѣля (день ея рожденія) выкушать по рюмкѣ водки, также какъ въ 1-е число Марта. А я чаю, что изволили запамятовать: прошу ко мнѣ отписать". (Устряловъ, т. IV, ч. 1, стр. 140.) Если сообразить время, то выходитъ вѣроятно, что Катерина тутъ напоминала Петру 1-е Марта, какъ день окончательнаго ихъ знакомства въ Москвѣ въ 1704 году. Съ этого времени и пасторъ Глюкъ начинаетъ получать награды, какъ учитель Нѣмецкаго, Латинскаго и Французскаго языковъ. Пасторъ переведенъ изъ Нѣмецкой Слободы на Покровку въ Бѣлый городъ, на дворъ стольника Василья Ѳедоровича Нарышкина, и здѣсь устроена ему школа. Пасторъ Глюкъ умеръ въ 1704 году, и школа его передана въ завѣдываніе Ингерманландской Канцеляріи, т. е. подъ начальство Меншикова, съ назначеніемъ содержанія въ три тысячи рублей, что̀ по тому времени было важною суммою (Книга Посольскаго Приказа 85-я, стр. 59, 79, 118 и др.)

И такъ Меншиковъ закрѣпилъ свои отношенія съ Петромъ, передавъ ему Екатерину и пріютивъ ее въ своемъ семействѣ.

---

[13]) См. Царствованіе Екатерины I-й, К. Арсеньева, стр. 68 и 92.

26 Іюля 1704 года Меншиковъ вызываетъ Арсеньевыхъ, и по всему вѣроятію и Екатерину, подъ Нарву, гдѣ онъ работаетъ съ Петромъ. „Благопріятна мнѣ любовь ваша, что вы меня безвѣстна о себѣ не чините; нынѣ не письменныя о васъ вѣдомости, но самихъ васъ здѣсь видѣть уже желаю: извольте кончая сюда быть къ нынѣшнему воскресенію, т. е. къ тридесятому числу сего мѣсяца. Изъ обозу отъ Нарвы, Іюля 26 д. 1704 г“.

Переписка прекращается до Февраля 1705 года, и вѣроятно оттого, что переписавшіеся жили вмѣстѣ. Въ Февралѣ Меншиковъ опять побывалъ въ Троицко-Сергіевомъ монастырѣ (Расходн. книги Троицко-Сергіевскаго монастыря 1705).

Дѣвицы Арсеньевы съ Екатериною въ это время возвратились въ Москву. Изъ Можайска Меншиковъ имъ пишетъ 23 Февр. 1705: „Прикажите Ларіону, чтобъ, взявъ у Франца присланные отъ Бранта новые волосы, такожъ пудры доброй 10 фунтовъ и масла, прислалъ ко мнѣ въ Смоленскъ на почтѣ немедленно“. Дарья Арсеньева отвѣчала: „Изволилъ милость твоя писать къ намъ о пудрѣ и о маслѣ, и мы къ милости твоей послали пудры и масла довольно съ Францысшкою; да послали мы къ милости твоей дорожную кровать съ постелью и съ одѣяломъ, да кафтанъ и камзолъ“.

1-го Марта 1705 изъ Смоленска Меншиковъ снова пишетъ къ дѣвицамъ: „Извѣстны будьте, что я за помощію Божіею въ добромъ обрѣтаюсь здѣсь здравіи и съ Поляками подпиваемъ довольно; бывъ здѣсь я двои сутки, отсюды поѣду въ Полоцкъ сего числа, а оттуда паки поѣдемъ куда надлежитъ немедленно“.

Дѣвицъ Арсеньевыхъ нисколько не огорчало, что Александръ Даниловичь подпиваетъ съ Поляками: „Радуемся, что ты изволишь писать къ намъ, что съ Поляками изволишь веселиться довольно; и мы, батюшка мой, сердешно желаемъ, чтобъ ты во всякой радости пребывалъ, а насъ бы по милости своей не забывалъ; только намъ печально то, что ты не изволишь прислать по насъ и, естьли будетъ возможно, пожалуй, батюшка мой, не учини въ забвеніи“.

Меншиковъ отвѣчалъ имъ 13-го Марта изъ Вильны: „Мы здѣсь, за помощію Вышняго, обрѣтаемся въ добромъ здравіи и съ Поляками веселимся и подпиваемъ довольно. А что вы пишите ко мнѣ, чтобъ вамъ съ нами случиться, и о томъ куда вамъ быть, впредъ отпишу“.

Арсеньевы повторили просьбу, чтобъ Александръ Данилычь позволилъ имъ пріѣхать къ нему, и онъ разрѣшилъ ихъ письмомъ отъ 19 Марта изъ Ковны: „За писанія ваши отъ разныхъ чиселъ ко мнѣ писанныя, я благодаренъ; а что въ оныхъ пишете и желаете, чтобъ вамъ быть ко мнѣ, и вы извольте ѣхать въ Смоленскъ немедленно, чтобъ вамъ нынѣшнимъ временемъ, а имянно къ празднику, поспѣть въ Витебскъ, гдѣ буду я васъ ожидать; а буде того не желаете или опасаясь распутицы ѣхать не изволите, и вы пришлите ко мнѣ Катерину Трубачову, да съ нею другихъ двухъ дѣвокъ, немедленно же; а хорошобъ какъ мочно, чтобы сами изволили облегчиться“.

Къ этому времени (Мартъ 1705) относится сохранившійся отрывокъ письма Петра къ дѣвицамъ Арсеньевымъ: „Изрѣдка веселюсь; да пожалуйте, матушки, не покиньте моего Петрушки [14]). Матушки мои, пожалуйте прикажите сдѣлать сыну моему платье и какъ вы изволите ѣхать, а вы пожалуйте прикажите, чтобъ ему было пить-ѣсть довольно; да пожалуйте,

---

[14]) Слѣдовательно это первый ребенокъ.

государыни мои, поклонитеся отъ меня Александру Даниловичу, а въ томъ ваша немилость, что ко мнѣ писать не изволите о своемъ здравіи". На оборотѣ письма приписано: „Пожалуйте, не все вѣрьте, а чаю недалеко до правды; естьли поѣдете къ Алексашѣ, отдайте отъ меня поклонъ. Piter".

Весьма вѣроятно, что дѣвицамъ, особенно Дарьѣ Михайловнѣ, не хотѣлось отпустить къ дорогому Александру Даниловичу Катерину Трубачову; имъ самимъ хотѣлось встрѣтить Пасху (9-го Апрѣля) вмѣстѣ съ Меншиковымъ. Но распутица не пустила ихъ. „А намъ, свѣтъ мой" (отвѣчала Дарья Михайловна) зѣло печально то, что не получили видѣть тебя радость свою въ такой торжественный день, и спѣшили какъ возможно, только самой путь послѣдній: невозможно было поспѣшить... Радость моя, благодаримъ милость твою къ себѣ, что ты изволилъ, свѣтъ мой, писать къ намъ, что ты, радость моя, повеселился бы о пріѣздѣ нашемъ къ тебѣ. И что воздамъ, батюшка мой, за милость твою такую сердечную къ себѣ, которой я недостойна? Только не могу больше блажить противъ милости твоей: желаю сердечно видѣть тебя радость свою и неотлучно бъ быть при милости твоей всегда. Здравствуй, радость моя и свѣтъ мой, батюшка мой, душенька моя дорогая, въ сей торжественный день возстанія Христова, и заочно свѣтъ мой: Христосъ воскресе! Послала я тебѣ радость моя вмѣсто яичка перстень и камзолецъ съ штанами и сорочку и галздукъ".

Меншиковъ изъ Витебска повторилъ просьбу, чтобъ дѣвицы поскорѣе пріѣзжали: „Зѣло я повеселился изъ вашего ко мнѣ писанія, а паче о томъ, что вы сюда къ намъ хотѣли поспѣшить. Для Бога скорѣе пріѣзжайте и нигдѣ въ пути не медлите, потому что мнѣ безъ васъ зѣло скучно, о чемъ сами изволите разсудить; и зѣло мнѣ небезприскорбно, что вы къ такому торжественному празднику къ намъ не поспѣете и что не съ кѣмъ особо мнѣ повеселиться: у меня приготовлено здѣсь для васъ изрядное судно, въ чемъ по Двинѣ рѣкѣ гулять. Больше съ грусти не пишу."

Послѣ Пасхи дѣвицы пріѣхали къ Меншикову въ Витебскъ, но недолго веселились вмѣстѣ: Меншиковъ получилъ 11 Мая (1705) письмо отъ Петра изъ Москвы, которое его очень встревожило. Петръ былъ боленъ. „Я бы давно уже былъ у васъ (писалъ онъ къ Меншикову 8 Мая), только за грѣхи и безчастье мое остался здѣсь такимъ образомъ: въ самый день выѣзда моего отсель, т. е. въ четвертокъ, въ 4 д. сего мѣсяца, взяла меня лихорадка, и я принужденъ возвратиться. Утромъ, послѣ употребленія лѣкарства, стало полегче. На завтра я хотѣлъ ѣхать, но паки она вящше прежняго возвратилась; потомъ день легче, послѣ снова болѣзнь. И такъ мы узнали, что чрездневная лихорадка; для того принужденъ здѣсь нѣкоторое время побыть, надѣясь на милость всемогущаго Бога, что болѣзнь не продолжится. Иначе пришлю чрезъ васъ указы къ фельдмаршаламъ, а васъ тогда попрошу къ себѣ. Гей! сколько отъ болѣзни, а паче отъ печали, что время пропадаетъ, такожъ разлученіе съ вами. Прошу, для Бога, не печальтесь; а я истинну написалъ о себѣ подробно для того, чтобъ вамъ чрезъ иныхъ инако не донеслось, какъ обычай, съ прибавкою".

14 Мая, хотя Петру было и легче, но онъ вызывалъ Меншикова: „Къ болѣзни присоединилась еще тоска разлученія съ вами; долго я терпѣлъ, но нынѣ уже вящше не могу. Извольте ко мнѣ быть поскоряй, чтобъ мнѣ веселяе было, о чемъ можешь разсудить. Также возьми съ собою доктора Аглинскаго и пріѣзжай съ небольшими сюда".

Но письмо это не застало уже Меншикова, который спѣшилъ къ царю. 11-го Мая Меншиковъ писалъ изъ Смоленска дѣвицамъ въ Витебскъ: „О

мнѣ будьте извѣстны: пріѣхалъ я сюда сегодня ввечеру и сего же числа получилъ я письмо отъ господина капитана, по которому намѣренъ въ завтра кончая ѣхать на малое время къ Москвѣ, чѣмъ другаго о томъ отъ него письма дожидаться, какъ писано въ помянутомъ его письмѣ, и надѣюсь къ вамъ подлинно на будущей недѣлѣ быть. Вы, для Бога, какъ при мнѣ, такъ и нынѣ веселитесь, а ничего не думайте; а буде вы станете о чемъ печалиться, а веселиться не учнете, о чемъ я пріѣхавъ увѣдаю подлинно, то въ то время на меня не прогнѣвайтеся: истинно лишены будете моей милости вѣчно.“

14-е Мая Меншиковъ пріѣхалъ въ Москву и въ тотъ же день увѣдомилъ дѣвицъ, что „нынѣ чрезъ милость всемогущаго Бога отъ болѣзни (государь) имѣетъ свобожденіе. Я въ твердой надеждѣ чаю милости Божіей быть къ вамъ на будущей недѣлѣ. Вѣдаю я, что вамъ небезпечально; однакоже сами то можете разсудить, желалъ ли бы я когда къ Москвѣ ѣхать, естьли бы не нынѣшняя воля Божія принудила, которая, твердо надѣюсь, паки вскорѣ насъ съ вами совокупитъ. Того ради радуйтесь и веселитесь, а насъ вскорѣ ожидайте; истинно ни зачѣмъ нигдѣ медлить не будемъ.“

Петръ выздоровѣлъ и 31-го Мая съ Меншиковымъ отправился къ войскамъ. 8-го Іюня въ Витебскѣ свидѣлись дѣвицы съ Меншиковымъ, а Петръ съ Екатериною, которая слѣдовала при Арсеньевыхъ.

Въ Іюлѣ дѣвицы возвратились въ Москву, вѣроятно по случаю беременности Екатерины. Меншиковъ изъ мѣстечка Михалишекъ (отъ Вильны въ 50 верстахъ) писалъ къ дѣвицамъ 7 Іюля 1705 г.: „Долго не писалъ, потому что никогда свободнаго времени не получилъ“. На пакетѣ надписано: „въ пути, гдѣ обрѣтаются, дѣвицамъ Аннѣ Даниловнѣ, Дарьѣ и Варварѣ Михаиловнамъ“.

Дѣвицы, пріѣхавши обратно въ Москву, постоянно извѣщаютъ Меншикова, что здоровы, ждутъ отъ него писемъ, посылаютъ ему „сочиненные ими ягодники“. Меншиковъ благодаритъ ихъ за „писанія, за ягодники, которые дошли до него ничѣмъ невредимы и которые онъ съ любовію употребляетъ, понеже зѣло показались ему угодны“. Дарья Михайловна безпокоится, чтобъ не убили въ сраженіи радость ея Александра Даниловича. Онъ успокоиваетъ ее письмомъ изъ Гродны отъ 5 Сентября: „А что ты, Дарья Михайловна, изволишь меня письмомъ своимъ остерегать и попеченіе имѣешь, и за то я особо паки милости твоей благодарствую; однако нынѣ никакой мы опасности не имѣемъ, понеже о непріятелѣ здѣсь подлинно не слышимъ и пребываемъ всегда при благополучномъ состояніи“.

Въ Октябрѣ (1705) Екатерина родила сына. Дѣвицы Арсеньевы, у которыхъ она жила, поспѣшили поздравить Петра съ новорожденнымъ, а на письмѣ Екатерина подписалась: Катерина сама-третья. А отъ имени дѣтей Петра на этомъ же письмѣ приписка: „За симъ Петръ и Павелъ, благословенія твоего прося, челомъ бьютъ.“ (Устрял. т. IV, ч. 2-я, стр. 357).

Такимъ образомъ новая связь Петра окончательно укрѣпилась. Меншиковъ, увѣдомленный объ этомъ отъ Арсеньевыхъ, писалъ имъ 27 Октября изъ Тикотина: „За писаніе ваше благодарствую, а особо за присылку шлафмица [15]), которой зѣло любовно принятъ; такъ и посланной отъ васъ галздукъ господину капитану вручилъ, которой также тотъ галздукъ милостиво принять благоволилъ. Объ насъ будьте извѣстны, что мы здѣсь въ добромъ состояніи и зѣло въ великой радости пребываемъ, понеже въ 21

[15]) Ночной колпакъ.

день сего мѣсяца его королевское величество Польской незапно чрезъ почту счастливо сюда прибылъ. Для Бога пишите ко мнѣ по вся почты, которыя на каждой недѣлѣ подважды отсюда ходятъ. Поздравляю васъ съ новорожденнымъ и съ матерью его и со всею вашею компаніею.“

Компанію составляли: Анна Меншикова, Варвара (Арсеньева), Катерина сама-третья, тетка несмышленная (Анисья Толстая) и Дарья глупая (Арсеньева).

13-го Ноября день рожденія Меншикова. Дѣвицы съ подьячимъ посылаютъ ему къ этому дню подарки. Онъ отвѣчаетъ имъ изъ Гродны: „За писаніе ваше прошлаго мѣсяца отъ 30 дня изъ Москвы ко мнѣ писанное, которое получилъ я чрезъ посланнаго отъ васъ подъячаго вчерашняго дня, милости вашей благодарствую, а паче за пріятнѣйшую отъ васъ присылку: кафтана, камзола, сорочки и галздука, которые зѣло любительно я пріялъ и сегодня, упоминая ваше здравіе, оные обновлялъ; а особо паки вашу милость благодарствую, что потщилися оную присылку къ нынѣшнему числу, понеже сей день рожденія моего, котораго за поздравленіе паки вамъ благодарствую. Объ насъ будьте извѣстны, что мы при помощи Божіей въ добромъ обрѣтаемся состояніи. При семъ посылаю къ вамъ свои патреты, которые желаю дабы такожде къ торжеству, а имянно къ тезоименитству моему, до васъ доведены были, и извольте оные дѣлить промежъ себя какъ знаете.“

Въ началѣ Декабря (1705) Петръ поѣхалъ въ Москву. Меншиковъ увѣдомилъ объ этомъ дѣвицъ письмомъ изъ Гродны 10-го Декабря: „За писаніе ваше я благодаренъ, изъ котораго увѣдомился о вашемъ здравіи, также и о торжествѣ, которое вашимъ благотруднымъ тщаніемъ въ день тезоименитства моего въ добромъ отправилось порядкѣ, за что паки зѣло милости вашей благодарствую. О мнѣ будьте извѣстны, что по отшествіи отсюды господина капитана, которой въ 8-й день сего мѣсяца путь свой къ вамъ воспріялъ, пребываемъ мы здѣсь въ добромъ состояніи, и чаю, что здѣсь долго забавляться не будемъ, но отсюды къ вамъ отъѣздомъ не умедлимъ“.

Но надежды Меншикова не сбылись. Онъ принужденъ былъ, по случаю военныхъ дѣйствій, остаться при войскахъ.

Въ Декабрѣ 1705 года и въ Январѣ 1706 мы встрѣчаемъ въ письмахъ Петра къ Меншикову изъ Москвы какія-то загадочныя фразы. 13-е Декабря 1705 года Петръ пишетъ: „Еще васъ о единомъ прошу, ни для чего только для Бога и души моей, держи свой пароль“. 12 Января 1706 г., наканунѣ своего отъѣзда изъ Москвы къ войскамъ, Петръ повторяетъ: „что вы изволите пароль свой держать, за то зѣло, зѣло благодарствую.“ (Устряловъ, т. IV, ч. 2, стр. 107 и 357). Къ какому обстоятельству могъ относится этотъ пароль, условленный между Петромъ и Меншиковымъ? Изъ словъ Петра „для Бога и для души моей“ ясно, что дѣло шло объ обстоятельствѣ, касающемся лично до Петра, до его счастія, и что Петръ сомнѣвался, сдержитъ-ли Меншиковъ уговоръ. Не боялся-ли Петръ возобновленія прежнихъ отношеній Меншикова съ Екатериною и для этого взялъ съ него слово жениться на Дарьѣ Арсеньевой, а самъ обѣщалъ жениться на Екатеринѣ? Это предположеніе получаетъ достовѣрность изъ одного письма Петра въ 1711 г., гдѣ онъ самъ объясняетъ, что этотъ пароль относился къ Екатеринѣ [16]).

[16]) См. Соловьевъ, Исторія Россіи, XVI, стр. 66.

13 Января 1706 г. Петръ отправился изъ Москвы въ Польшу; 23 Января Меншиковъ встрѣтилъ его въ Дубровнахъ и въ тотъ-же день писалъ дѣвицамъ: „Объ насъ будьте извѣстны, что мы, при помощи Божіей и по счастливомъ слученіи съ господиномъ капитаномъ, пребываемъ въ добромъ здравіи и отъ непріятеля, слава Богу, страху никакого не имѣемъ."

Петръ хотѣлъ проѣхать въ Гродну къ нашей арміи, но это сопряжено было съ опасностію, потому что непріятель съ большими силами уже обошелъ Гродну. Петръ съ Меншиковымъ возвратился, потомъ переѣхалъ въ Смоленскъ, отсюда въ Минскъ; здѣсь вручилъ команду войсками Меншикову, а самъ уѣхалъ черезъ Нарву въ Петербургъ.

Дѣвицы тосковали по Меншиковѣ, Екатерина вмѣстѣ съ ними по „капитанѣ". 6-го Марта 1706 г. онѣ послали къ Петру въ Минскъ письмо: „Радость наша, государь милостивый, дорогой капитанъ! Здравіе твое да сохранитъ десница Божія и съ любимымъ твоимъ товарищемъ. Въ горести дни свои проводимъ безъ милости вашей. Пожалуй, батюшка, если будетъ благополучное время, не оставьте насъ. Всегдашнія услужницы ваши Анна худенькая, Катерина, Варвара, Дарья, челомъ бьютъ". (Устряловъ, т. IV, ч. 2, стр. 403). 22-го Марта, за два дни до Пасхи, Меншиковъ изъ Слуцка, поздравляя дѣвицъ съ наступающимъ праздникомъ, прибавляетъ: „Я чаю, что уже отъ господина капитана къ вамъ писано, гдѣ вамъ быть, куда надѣюсь и я вскорѣ быть, гдѣ дай Боже васъ въ радости видѣть." Дѣйствительно Петръ, отъѣзжая изъ Минска, послалъ приказаніе дѣвицамъ пріѣхать въ Нарву. Поѣздка эта требовала расходовъ, и управляющій дѣлами Меншикова въ Москвѣ Кузма Думашевъ спрашивалъ Меншикова письмомъ отъ 17 Марта: „Прикажешь ли мнѣ рабу твоему ѣхать съ дѣвицами въ Нарву и на тамошніе на всякіе расходы сколько и у кого деньги взять?"

И такъ Меншиковъ передалъ дѣвицъ въ распоряженіе Петра. Петръ пріѣзжаетъ въ Нарву и съ нетерпѣніемъ ждетъ дѣвицъ. 20-го Марта онъ пишетъ изъ Нарвы къ Меншикову: „Токмо еще души наши на мытарствахъ задерживаются, о чемъ самъ можешь разсудить. Боже даруй воскресеніемъ Своимъ радость!"

Дѣвицы пріѣхали. Петръ провелъ съ ними Пасху въ Нарвѣ, и съ ними 29 Марта уѣхалъ въ Петербургъ. 7 Апрѣля онъ пишетъ къ Меншикову: „Истинно, что въ раю здѣсь живемъ; точію едино мнѣніе никогда насъ не оставляетъ, о чемъ самъ можешь вѣдать, въ чемъ возлагаемъ не на человѣчью, но на Божію волю и милость".

Что̀ же безпокоило Петра и наводило на такія грустныя мысли? Не воспоминанія ли о царицѣ Евдокіи и о невозможности брака при ея жизни?

Петръ „въ раю", блаженствуетъ съ Екатериною, а Меншикову скучно. 17-го Апрѣля, письмомъ изъ Колки на Стыри, онъ проситъ Петра, когда онъ поѣдетъ изъ Петербурга, чтобъ и дѣвицамъ приказано было ѣхать въ Смоленскъ (Устряловъ, т. IV, ч. 2, стр. 411).

Въ Петербургѣ дѣвицы живутъ съ Екатериною въ домѣ Меншикова и продолжаютъ посылать ему кафтаны, камзолы, штаны, сорочки. Наконецъ 17 Іюня Петръ поѣхалъ въ Смоленскъ, а за нимъ и дѣвицы. Извѣстіе объ этомъ сохранилось въ письмѣ Смоленскаго губернатора Салтыкова къ Ѳ. А. Головину: „Великій государь пришелъ въ Смоленскъ въ 17 день сего мѣсяца. Даниловичь пріѣхалъ въ 18-й день. Дѣвицы пріѣхали того же дня. А изъ Смоленска благоволилъ итить водою на стругахъ, и съ нимъ Даниловичь съ домашними своими".

Изъ Смоленска дѣвицы проѣхали съ Петромъ и Меншиковымъ въ Кіевъ. Отсюда Меншиковъ долженъ былъ уѣхать къ драгунскимъ полкамъ, ко-

торыми онъ командовалъ и изъ похода 19 Іюля посылалъ дѣвицамъ лимоны. „Извѣстны будьте, пишетъ онъ имъ изъ Хвостова, что я здѣсь въ добромъ здравіи обрѣтаюсь. При семъ посылаю къ вамъ пять лимоновъ, каковы могъ здѣсь достать, которые когда случится про государя употребляйте.“ За эти лимоны Петръ самъ благодаритъ Меншикова письмомъ отъ 22 Іюля изъ Кіева.

Но пароль не выходитъ изъ головы Петра. Надобно покончить съ нимъ, надобно женить Меншикова. 27 Іюня онъ вызываетъ его въ Кіевъ. „Еще же зѣло вамъ нужно необходимо къ Успеньеву дню быть сюда, чтобъ опредѣлить то, о чемъ довольно говорено съ вами и мой отъѣздъ.“ 3-го Августа онъ снова пишетъ: „Возвѣщаю вамъ, что господа Стрѣшневъ и другіе пріѣхали, чего для изволь ваша милость быть къ празднику Преображенія Христова ко вторнику“.

Меншиковъ пріѣхалъ въ Кіевъ, и 18 Августа [17]) 1706 г. Петръ обвѣнчалъ его съ Дарьею Михайловною Арсеньевою, самъ же 20 Августа съ Екатериною и Анисьею Толстою уѣхалъ въ Петербургъ. Варвара Михайловна и Анна Даниловна остались при Меншиковѣ. 22 Сентября (1706) Петръ посылалъ имъ чрезъ Меншикова поклонъ изъ Петербурга. „По цыдулкѣ вашей (какъ и словомъ обязался я) держать буду, лишь бы вы также пароль свой удержали. Пожалуй всѣмъ (писалъ Петръ) знаемымъ нашимъ отдай поклонъ, какъ оружіе носящимъ, такъ и иглу имѣющимъ.“ (Устряловъ, т. IV, ч. 2, стр. 125). 2-го Октября прислали поклонъ Меншикову черезъ Петра Екатерина и Толстая, а 4-го Октября сама Екатерина прислала князю и княгинѣ привѣтливое письмо:

„Милостивой мой государь нашъ князь Александръ Даниловичь. Здравіе вашего сіятельства купно и съ княгинею (особливо къ намъ милостивою) Дарьею Михаиловною десница Вышняго счастливо да соблюдетъ. Зѣло мы благодарны за писаніе вашего сіятельства, которое на нынѣшней почтѣ получили, о чемъ и впредъ просимъ, дабы не забвенны были въ милости вашей. При семъ здравіе ваше обоихъ къ намъ милостивыхъ патроновъ Господу въ сохраніе предаемъ. Катерина и тетка Настасья (sic) Толстая со всякимъ должнѣйшимъ и нижайщимъ поклономъ остаемся. Изъ Санктъ-Петербурга, Октября 4 дня 1706.“

Григорій Есиповъ.

(*Продолженіе будетъ*).

---

[17]) Въ 1714 г. Варвара Мих. Арсеньева писала къ Меншикову 19 Августа: „Поздравляю вашу свѣтлость вчерашнимъ днемъ, то есть, какъ всемилостивѣйшій Господь Богъ благословилъ васъ совокупить законнымъ бракомъ, которой мы напоминая, воздавъ Господеви должное благодареніе въ домѣ вашемъ, зѣло и изрядно повеселились; а другіе весьма были въ красныхъ кафтанахъ, которые между собою и рубашки и прочая забавляясь изодрали.“

ОЧЕРКИ МАЛОРОССІЙСКИХЪ ФАМИЛІЙ.
МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ОБЩЕСТВА ВЪ XVII И XVIII В.

СОБИРАЕМЫЕ А. М. ЛАЗАРЕВСКИМЪ *).

9. ГОРЛЕНКИ.

1. Лазарь Горленко, полковникъ прилуцкій 1659—1687. Ж.—Евфросинія † 1713.
2. Петръ, упомин. 1685 . . . . 1.
3. Дмитрій, полковникъ прилуцкій 1693—1708. † около 1731. Ж.—Марья Захарьевна Голубъ . . . . 1.
4. Степанъ, упомин. 1687. Ж.—дочь Гамалѣи . . . . 1.
5. Иванъ, упомин. 1687. Ж.—дочь Петра Кудара, изъ с. Яблоновицы. . . . . 1.
6. Агаѳья (едва ли не падчерица Лазаря). М. — Семенъ Раковичъ, прилуцкій полковой писарь 1671. . . . . 1.
7. Дочь. М.—Григорій Лихопека, прилуцкій бургомистръ 1697 . . . . 1.
8. Василій, прозвищемъ Паливода. . . . . 2.
9. Андрей, бунчуковый товарищъ 1708 —1754. Ж.—Марья Даниловна Апостолъ . . . . 3.
10. Пахомій, монахъ кіевской лавры. . . . . 3.
11. Агаѳья. М.—Григорій Бутовичъ. . . . . 3.
12. Ѳедосья. М.—Григорій Корнѣевичъ Огроновичъ . 3.
13. Настасья, монахиня Ладинскаго монастыря. . . . . 3.
14. Акимъ, генеральный судья 1741. Ж.—Марья . . . . 5.
15. Акимъ-Іоасафъ, р. 1705 † 1754, епископъ Бѣлгородскій. 9.
16. Андрей, полковникъ полтавскій 1744—1774. Ж. — Настасья Семеновна Лизогубъ . . . . 9.
17. Павелъ . . . . 9.
18. Прасковья. М. — Иванъ Григорьевичъ Квитка, изюмскій полковникъ † 1751 . . . . 9.
19. Петръ, бунчуков. товарищъ 1743; потомъ—полковникъ. Ж.—дочь бунчуков. товарища Ивана Тимоѳеева, Марья. Жилъ въ с. Заиздѣ; имѣлъ 495 крестьянъ. . . . . . 14.
20. Степанъ . . . . 14.
21. Евфросинья. М. — 1, Ѳедоръ Андреевичъ Кандиба; 2, Антонъ Гавриловичъ Милорадовичъ . . . 14.
22. Дочь. М.—Иванъ Шишкевичъ, 1727. . . . . . . 14.

---

*) Первыя восемь фамилій см. въ первой книгѣ Р. Архива 1875 года.

23. Иванъ, р. 1740. Маршалъ прилуцкаго уѣзда. Ж.—Марья Андреевна Миницкая. Жилъ въ мѣстечкѣ Иваницѣ; имѣлъ 2401 крестьянъ . . . . **16**.

24. Семенъ, р. 1750. Капитанъ. Ж.—Анна Петровна Галецкая. Жилъ въ х. Романовщинѣ. Имѣлъ въ с. Ярошовкѣ—601 и въ с. Коваляхъ—268 крестьянъ обоего пола. **16**.

25. Петръ, р. 1751. Майоръ, а потомъ—надворн. совѣтникъ; въ 1797—прилуцкій судья; затѣмъ—прилуцкій хорунжій. Ж.—Евдокія Васильевна. Жилъ въ с. Ярошовкѣ . . **16**.

26. Марья. М.—Андрей Степановичъ Милорадовичъ 1768 . . . . **16**.

27. Ульяна. М. — графъ Борисъ Петровичъ Девьеръ, 1772 . . . . **16**.

28. Семенъ, началъ службу при дворѣ, берейторомъ; въ 1765 г.—поручикъ; потомъ — прилуцкій повѣтовый маршалъ, 1829 — 1841. Ж. — княжна Анна Евдокимовна Килдашева. Жилъ въ с. Заиздѣ . . . . **19**.

Лазарь Г-ко въ первый разъ упоминается въ 1649 г., когда онъ былъ только рядовымъ козакомъ прилуцкой сотни [1]); а черезъ десять лѣтъ, въ 1659 г., онъ уже былъ наказнымъ прилуцкаго полковника Ѳедора Терещенка [2]). Въ 1661 г. онъ сдѣлался дѣйствительнымъ полковникомъ, смѣнивъ того же Терещенка, съ которымъ не разъ мѣнялся прилуцкимъ полковничествомъ [3]). Въ 1664 г. гетманъ Брюховецкій далъ Лазарю три мельницы на р. Удаѣ, за „давнія прислуги"; а въ 1665 г. когда тотъ же гетманъ ѣздилъ въ Москву и бралъ съ собою въ числѣ полковниковъ и Лазаря, послѣдній былъ пожалованъ дворянствомъ и селомъ Ольшаною (прилуцк. уѣзда). Но при Многогрѣшномъ Лазарь лишается полковничества, видно, какъ бывшій сторонникъ Брюховецкаго, и въ 1671 г. встрѣчается уже на низшемъ урядѣ – полковаго судьи. Затѣмъ, съ избраніемъ Самойловича, Лазарь снова занимаетъ прилуцкое полковничество и остается полковникомъ до 1677 г.; въ этомъ году онъ присталъ къ заговору Рославца, кончившемуся тѣмъ, что заговорщики лишены были имѣній и посажены въ тюрьму [4]). Но чрезъ три года, вслѣдъ за Молчаномъ и Дмитріемъ Чернявскимъ, Лазарь снова получилъ полковничество и оставался на этомъ урядѣ до низложенія Самойловича. Отъ этого времени сохранилось интересное постановленіе прилуцкаго суда по жалобѣ Лазаря Горленка на одного своего полчанина, за клевету: 1684 г., судья Янъ Христофоровичъ (Грекъ) и другіе урядники слушали словесную жалобу Лазаря Горленка на козака Петра Валка, за захватъ части полковничьяго грунта, при чемъ „Валко примовками ущипливими началъ озлословляти п. полковника, менуючи якобы сыломоцю (насиліемъ) посѣдалъ людскіе грунта". Судъ помирилъ полковника съ козакомъ подъ условіемъ, что если Валко „напотомъ еще важится (осмѣлится) въ грунтъ п. полковника вступать и въ лозы увязовать, албо лживыми обмовляти о той гай якими словами, теди

---

[1]) Реестра Войска Запорожскаго 1649 года, изд. Бодянскаго. М. 1875, стр. 305.

[2]) Акты Ю. и З. Рос., IV, 250.

[3]) Ibid., V, 57, 69 и 234.

[4]) Ригельманъ, II, 155.

варовали теперешнимъ постановленемъ, Валкови десять талеровъ дати, а гай п. полковниковѣ собѣ приняти.“ Такая простота отношеній между полковникомъ и полчанами, возможна была только до временъ Мазепы, когда полковничья власть никакъ уже не могла допустить надъ собою полковаго суда.... А что Лазарь Горленко „посѣдалъ (захватывалъ) людскіе грунта“, пользуясь своею властью, это было справедливо, такъ какъ ему дано было одно только село, Ольшана, а въ дѣйствительности Лазарь владѣлъ еще Дубовымъ Гаемъ и Ковтуновкою да Рясками, чтó впрочемъ принадлежало полковничьему уряду.

Въ извѣстный походъ 1687 г. кн. Голицына на Крымъ, Лазарь Г-ко находился въ отрядѣ Григорія Самойловича, на правомъ берегу Днѣпра; по полученіи отрядомъ гетманича извѣстія о судьбѣ гетмана, прилуцкіе полчане „взбунтовались“ и убили своего полковника, 2 Августа, на р. Сурѣ [5]). Тамъ же Лазарь былъ и похороненъ, между Кодакомъ и Самарою, „гдѣ и могилу значную высыпано надъ нимъ, въ которой лѣтъ десять лежалъ; а кгды Господь Богъ нагеровалъ (направилъ) сердце его м. п. Дмитрію Горленку, за вѣдомостю гетманскою, будучи зъ полкомъ своимъ на томъ же мѣстцу, откопалъ тѣло милого п. родича своего и почесне допровадилъ до монастыря Густынѣ, идѣ же положися въ склепѣ 1697, септ. 15“ [6]).

Изъ сыновей Лазаря, пріобрѣлъ извѣстность одинъ только—Дмитрій. Онъ былъ женатъ на Марьѣ Захарьевнѣ Голубъ, родной племянницѣ гетманши Самойловичъ [7]). Не смотря на родство съ Самойловичемъ, память о которомъ не могла быть пріятна его преемнику, Дмитрій Г-ко однакожъ успѣлъ занять отцовскій урядъ: въ 1693 г. онъ получилъ прилуцкое полковничество, смѣнивъ Ивана Стороженка, и вскорѣ сталъ однимъ изъ близкихъ къ Мазепѣ людей. Пользуясь этою близостью, Дмитрій Г-ко получилъ отъ гетмана богатыя маетности: въ 1694 г. — села Сергѣевку, Бѣлошапки и Ябловоницу; въ 1701 г. — с. Ярошовку и въ 1706 г. — с. Вечорки; кромѣ того, въ 1707 г. Мазепа далъ маетность и сыну Дмитрія, Андрею, прилуцкое село Дѣвицу. Сверхъ этихъ селъ, полученныхъ отъ гетмана, Дмитрій Г-ко, пользуясь своею властью, присоединилъ къ своимъ маетностямъ еще села Калюжинцы, Моклячки и Мамаевку, которую сначала было отдалъ брату своему Степану, а по смерти его себѣ взялъ.— Такимъ образомъ при Мазепѣ, Горленки стали одними изъ богатѣйшихъ владѣльцевъ не только въ прилуцкомъ полку, но и во всей Малороссіи.

Дмитрій Г-ко былъ однимъ изъ небольшаго числа вліятельныхъ людей у Мазепы; Орликъ говоритъ, что полковники миргородскій и при-

---

[5]) Величко, III, 21. Гордонъ (Tagebuch, II, 194) говоритъ: die Kosaken, bei einem Aufstande, den Obristen von Priluk, einen alten Mann Namens Lasar, ermordet hätten. Sie hätten diesen Obristen, da er noch gelebt, in einen heissen Ofen geworfen.

[6]) Лѣтоп. монаст. Густынскаго. М. 1848, стр. 64 и Москвитянинъ 1849 г., № 9, стр. 5.

[7]) Гордонъ (II, 75) называетъ брата Захара Голуба, генер. бунчучнаго Константина Г—ба, des Hetmans Frauenbruder. Голубы были уроженцы м. Кр. Колядина, куда изъ за Днѣпра переселился и отецъ Самойловича; здѣсь будущій гетманъ женился на дочери козака Ивана Григорьевича Голуба.—Русск. Родосл. Книга (СПБ. 1873) говоритъ, что Дмитрій Г-ко былъ женатъ на дочерѣ Мазепы, бывшей сперва за Голубомъ (стр. 150); но это одна изъ тѣхъ невѣрностей, которыхъ немало въ Родословной Книгѣ относительно Малороссійскихъ фамилій. У Мазепы дѣтей не было, по крайней мѣрѣ взрослыхъ. На вдовѣ Константина Голуба былъ женатъ гетманъ Скоропадскій.

луцкій (Апостолъ и Горленко), паче иныхъ, большое до Мазепы дерзновеніе имѣли [8]). Изъ этого же свидѣтельства Орлика видно, что Апостолъ, Горленко и Ломиковскій были главною нравственною опорою у Мазепы, въ развитіи его замысловъ. Безъ нихъ Мазепа не рѣшился бы на тотъ шагъ, который онъ сдѣлалъ 23 Октября 1708 г., выйдя рано утромъ изъ Батурина на соединеніе со Шведами. За нимъ въ числѣ старшины пошелъ и Дмитрій Г-ко, вмѣстѣ съ сыномъ Андреемъ и зятемъ Бутовичемъ. — Послѣ бѣгства Мазепы въ Бендеры, Дмитрій оставался въ Турціи до 1715 г. Въ этомъ году онъ возвратился, но былъ поселенъ въ Москвѣ, гдѣ оставался болѣе пятнадцати лѣтъ [9]). Въ Февралѣ 1731 г., Дмитрій Г-ко былъ наконецъ отпущенъ на родину, давъ слѣдующее обязательство: „Я нижеименованный обязуюсь чрезъ сей реверсъ, что, по всемилостивѣйшему ея имп. величества указу, отпускаюся я ради моей старости и дряхлости въ домъ мой, въ Малую Россію, и мнѣ будучи въ Малой Россіи никакого себѣ уряду не искать и не принимать, и никуда изъ Малой Россіи не отъѣхать, и ни съ кѣмъ никакихъ кореспонденцій и пересылокъ не имѣть; а наипаче въ предосужденіе Россійской Имперіи никакихъ противностей тайно не чинить и особливо бы съ измѣнниками изъ Малороссіянъ, съ Орликомъ и другими, которые нынѣ при немъ измѣнникѣ Орликѣ, и съ Запорожцы никакихъ сообщеній не чинить, и такожде кореспонденцій и пересылокъ съ ними никако имѣть; а ежели я въ чемъ вышеписанномъ виновенъ и изобличенъ явлюся, и за то повиненъ, и поручтики по мнѣ, смертной казни. Къ сему реверсу бывшей прилуцкой полковникъ Дмитрій Горленко руку приложилъ“. Поручителями были: Михайло Турковскій, Өедоръ Лысенко и Иванъ Борозда [10]).

Возвратившись на родину, Дмитрій въ Августѣ написалъ свое завѣщаніе [11]), изъ котораго видно, что за единомысліе свое съ Мазепой онъ поплатился всѣми почти своими богатствами.

Сыновья Дмитрія Горленка получили образованіе въ Кіевѣ, въ тамошнихъ Латинскихъ школахъ“ [12]). Младшій въ Кіевѣ и остался, поступивъ въ монахи, а старшій — Андрей жилъ при отцѣ, помогая ему не только въ хозяйствѣ, но и въ походахъ. Не отсталъ онъ отъ отца, когда тотъ пошелъ и за Мазепою, тѣмъ болѣе, что за Мазепою пошелъ и тесть Андрея Апостолъ. Послѣдній скоро разсчиталъ всѣ невыгодныя послѣдствія своей рѣшимости и вернулся къ царю. При этомъ, конечно, онъ убѣ-

---

[8]) Основа 1862 г., № 10.

[9]) Подробности возвращенія см. Малороссійскіе Эмигранты, Вѣстникъ Евр. 1872 г., № 5.—Оставаясь такъ долго въ Москвѣ, Дмитрій тѣмъ не менѣе заботился о прилуцкомъ своемъ хозяйствѣ: у насъ имѣется его записка 1722 г., которою онъ сообщаетъ „найкоханшой малжонцѣ Маріи Захарьевнѣ“, что уступилъ прилуцкому протопопу Михаилу Трифановскому свой ставокъ, за который протопопъ „мѣетъ до двора панѣ малжонки моей, на розводъ мнѣ новой пасѣки, десять пніовъ съ пчолами добрыми дати“.

[10]) Современная копія реверса—въ нашемъ рукописномъ собраніи.

[11]) Вѣстн. Европы, 1. с., 86—88.

[12]) Современникъ разсказываетъ, что по смерти прилуцкаго полковника Якова Воронка (1679) у него остался въ Кіевѣ домъ, въ которомъ поселился зять Воронка—Иванъ Грекъ (иначе Янъ Христофоровичъ, бывшій въ 1684 г., прилуцк. судьею), „и у него, Грека, въ томъ дворѣ жили дѣти Дмитрія Горленка, которіе учились въ Брацкомъ монастырѣ, въ Латинскихъ школахъ“. Рукописн. прошеніе 1726 г. мужа внуки Воронка.

17*

дилъ вернуться и зятя своего Андрея Г-ка, который объ этомъ возвращеніи разсказываетъ: „Я, нижайшій, хочай въ неволѣ и по крайней нуждѣ, принужденъ былъ обрѣтатись при отцѣ и матцѣ своей и свойственникахъ, въ сторонѣ противной его имп. величества; однакъ устороживши измѣнника Мазепы хитрость и змѣну, оставя отца и матерь и свойственниковъ, самъ только съ женою, зъ тоей непріятельской стороны увойшолъ, еще на масляницѣ въ 1709 году. И за возвращеніемъ, когда я прибылъ къ тестю своему, полковнику миргородскому, въ мѣстечко Голтву, при бытности тамъ же Андрея Ивановича и Дмитрія Ивановича Цепелева, то онъ, тесть, заразъ меня оттоля послалъ до его имп. величества. И я, не могучи въ пути достигнуть, пріѣхалъ въ Воронежъ и тамъ былъ представленъ предъ лице его величества и пріятъ милостиво, безъ всякаго пороку, и получилъ жалованье сто рублей; и при томъ дано мнѣ отъ свѣтлѣйшаго князя (Меншикова) письмо, по именному указу его имп. величества, до гетмана Скоропадскаго“ [13]). А Меншиковъ написалъ послѣднему: „которыя ни есть на Украинѣ отца его Андрея и его самаго маетности, всѣ отдать ему“.

Извѣстіе объ этой милости къ Андрею Г-ку произвело межъ прилуцкою старшиною большое смятеніе. Новый прилуцкій полковникъ Носъ разсчитывалъ воспользоваться хоть частью богатыхъ маетностей своего предмѣстника, въ особенности за ту услугу, которую онъ оказалъ Меншикову при взятіи Батурина осенью 1708 г. Остальная старшина также, вѣроятно, надѣялась на какую нибудь частичку.... По этому поводу Носъ написалъ Скоропадскому (въ Апрѣлѣ 1709 г.) слѣдующее интересное письмо: „Я получилъ листъ ясневельможности вашей, съ извѣстіемъ какъ о возвращеніи сына бывшаго прилуцкаго полковника, такъ и о полученіи листа отъ свѣтлѣйшаго князя Меншикова „за нимъ интерцедуючаго“, относительно отдачи ему маетностей, какъ его собственныхъ, такъ и отцовскихъ. Поэтому спѣшу послать своихъ — судью и есаула, которые подробно разскажутъ, какимъ способомъ нажилъ отецъ Андрея свои грунта и маетности. Кромѣ того извѣщаю, что если п. Андрей „съ прошлою властью до своего повернется дому, то не только я съ своего полковницкого уряду, але и всѣ мѣщане (горожане) наши значніе и наиподлѣйшіе люди съ жилищъ своихъ уступати мусятъ“. Довольно и того, что отецъ его, „здобячи свои до́мы и распространяючися оными“, гдѣ было какое годное къ пользѣ людской въ нашемъ полку, мѣсто, все онъ своими хуторами позанималъ; а дѣлалъ это такимъ способомъ, что одному заплатитъ, а сотни людей неволею должны свое имущество оставлять; да настроилъ хуторовъ на свободныхъ степяхъ, которыя прежде всегда принадлежали на полковниковъ прилуцкихъ. И такое стѣсненіе сдѣлалъ хуторами своими въ моемъ полку, что куда не глянешь — все его хутора! и все будто купленные, а купчія беретъ, хоть и не рады продавать. А онъ, многомогущимъ будучи властетелемъ, все что хотѣлъ, то и забиралъ, имѣя своего протектора и отца въ бывшемъ гетманѣ Мазепѣ, который, „не видяй обиды людской“, выдавалъ ему универсалы нетолько на всякіе грунта и маетности, а выдалъ бы универсалъ „подуфалому своему сыну“ и на цѣлый полкъ, на всѣхъ людей посполитыхъ и козаковъ, еслибъ только онъ, Горленко, попросилъ такой универсалъ. Ни въ чемъ ему отказа не было! Да и не имѣя такого универсала, Горленко распоряжался всѣми полчанами, какъ своими подданными: ибо, защищая своихъ крестьянъ, которыхъ у него было болѣе тысячи, отъ работъ,

[13]) Вѣстн. Евр., I. c., 69.

выгонялъ на свои полевыя работы другихъ полчанъ, и должны были ему работать цѣлое лѣто. Всякій изъ насъ, кто только помнитъ „лядскихъ пановъ“, хорошо понимаетъ, что далеко болѣе горькую муку терпѣли полчане въ работахъ на полковника, чѣмъ „за пановъ лядскихъ“. „Не мордовали такъ паны лядскіе своихъ подданныхъ и не забивали до смерти кіями, какъ отецъ п. Андрея мучилъ мужиковъ и козаковъ; да и самъ п. Андрей не едныхъ людей боемъ своимъ припровадилъ до калѣцства и смерти“. И какого ждать намъ сосѣда изъ п. Андрея, который „подуфалъ“ генерала Крейца, чтобы всѣхъ людей въ Прилукѣ вырубить, на томъ основаніи, что, кромѣ ихъ Горленковскаго дома, нѣтъ въ городѣ другихъ пріятелей Шведамъ?... Хочетъ п. Андрей отцовскими маетностями завладѣть, а того знать не хочетъ, что отецъ его взялъ войсковыхъ денегъ съ нашего города Прилуки, за пятнадцать лѣтъ,—33250 золотыхъ! Мы всѣ хочемъ просить ясневельможность вашу, чтобъ маетности бывшаго полковника были возвращены обѣднѣвшему и разоренному нашему полку; „а до того и мнѣ, сего неспокойного часу, мѣшкаючи вотще на полковничомъ урядѣ и подручнымъ моимъ новопоставленнымъ, безъ якой колвекъ нагороды, не будетъ охоты до услугъ и працъ войсковыхъ ложеня, ежели п. Андрей свои и отцовскія посядетъ маетности....“ [14]).

Въ этомъ письмѣ есть преувеличенія, но основа его вѣрна; и въ этомъ сомнѣваться нельзя, ибо тотъ способъ пріобрѣтенія старшиною „грунтовъ“ у своихъ подвластныхъ, о которомъ говоритъ Носъ, былъ тогда самымъ обыкновеннымъ способомъ: понравилось полковнику или сотнику какое нибудь мѣсто, удобное для заведенія хуторскаго хозяйства, и они, не стѣсняясь, навязывали собственнику и деньги и купчую; случалось, что отказъ отъ такой продажи принимался какъ сопротивленіе власти [15]).

---

[14]) Современная копія письма въ нашемъ рукописномъ собраніи.

[15]) Характерный примѣръ подобной купли-продажи видимъ въ жалобѣ одного роменскаго козака на товарища и единомышленника Дмитрія Г-ка, — на Дмитрія Зеленскаго, полковника лубенскаго (также ушедшаго за Мазепою). Козакъ Ѳедоръ Оксакъ жаловался наказному гетману Полуботку въ 1722 г., т. е. когда народъ получилъ отъ только что учрежденной въ Глуховѣ Коллегіи обѣщаніе преградить старшинѣ возможность къ дальнѣйшимъ насиліямъ. Жалобы этого времени отличаются тѣми подробностями, которыя народъ въ другое время стѣснялся приводить, понимая очень хорошо, что вся старшина связана круговою порукою. Вотъ жалоба Оксака: „Слезне плачучи, повергаю себе до поважныхъ велможности вашой ногъ, въ немалой затѣянной мнѣ отъ Маріи Громѣчихи зъ мужемъ ея покойнымъ обидѣ и прошу святой справедливости. Въ прошлихъ еще отъ Петриковой руины годѣхъ, въ селѣ Оксютинцахъ, на р. Сулѣ стоячій, о двохъ колахъ, млинокъ купилъ я двѣ части, за сумму денежную золотыхъ сто и повшестдесятъ (31 р. ас.), а третюю часть покойній Громѣка Василь (сотникъ м. Смѣлаго, родственникъ Мазепы), въ небытности мене въ домѣ моемъ, у моего шурина сплатилъ и уфаючи (надѣясь) на власть, имъ тогда бывшую, отпиралъ мене отъ власныхъ моихъ, цѣною денежною набытыхъ, двохъ млиновыхъ частей и чрезъ 12 лѣтъ усиловне завладѣвши, пожитки (доходы) отбиралъ; только я чрезъ тіе года приналежную покабанщину (подать за мельницы) за млинъ оплачовалъ. И якъ скоро мужъ еи, Маріи, умеръ, того жъ часу боячись она, жебы я власного своего усиловне ими забратаго грунтика не отстоялъ у Зеленского, бывшого лубенского полковника, не давши жадной вины, меня позывала (позывать= звать къ суду) на которой очевистой ставцѣ Зеленскій, ганивши (бранивши) меня довольно, мовилъ, же для того такъ контруешь долго и не продаешь двохъ частій млинних п. Громѣчисѣ? Знать ты противишься власти нашей! — и

Носъ думалъ конечно, что Скоропадскій, въ виду его письма, можетъ измѣнить распоряженіе о возвращеніи Андрею Г-ку отцовскихъ маетностей; кажется, что и самъ гетманъ былъ на сторонѣ прилуцкаго полковника, такъ какъ письмо Меншикова онъ получилъ великимъ постомъ, а универсалъ свой Г-ку выдалъ лишь 29 Мая 1709 г. Андрей получилъ: Дубовый Гай, Сергіевку, Бѣлошапки, Яблоновицу и тѣ хутора, которые завелъ отецъ его „на купленныхъ грунтахъ". Но прежнее значеніе Г-ка было потеряно; не смотря на поддержку своего тестя, Андрею Г-ку пришлось перетерпѣть не одну бѣду. Больше всего пришлось ему терпѣть отъ Носа, которому онъ помѣшалъ захватить маетности своего отца; въ жалобѣ, поданной Андреемъ Г-комъ Апостолу въ 1729 г., лучше всего рисуется тогдашнее безпомощное его положеніе: „Въ 1710 г., небожкикъ (покойный) полковникъ прилуцкій Иванъ Носъ, по своей на меня тогда злобѣ и завзятости, въ дому Михаила Огроновича, ругалъ меня какъ самъ хотѣлъ — словами, а потомъ билъ и пробилъ мнѣ голову; за то безчестье и побои, жаловался я гетману, по приказанію котораго былъ сдѣланъ розыскъ, и Носъ явился виноватымъ; и приказалъ было гетманъ Носу „погодить" (удовлетворить) меня и возвратить мнѣ проторы и убытки, счетомъ сто червонцевъ; и по тому гетманскому приказу, возвращено мнѣ только 57 червонцевъ... Главный интересъ, впрочемъ, этой жалобы заключается въ томъ, что сто червонцевъ проторовъ и убытковъ Андрея Г-ка составляютъ тѣ взятки, которыя онъ долженъ былъ роздать въ Глуховѣ, чтобы добиться суда за Носово насиліе; для этого ему пришлось заплатить: самому Скоропадскому — 30 червонцевъ, двумъ бунчуковымъ товарищамъ Тернавскому и Полуницкому (которые производили, вѣроятно, „розыскъ") по 30 червонцевъ каждому, генеральному писарю (Семену Савичу) 4 червонца и Андрею Марковичу, шурину гетмана, 6 червонцевъ (конечно, за предстательство у Скоропадскаго, а еще вѣрнѣе—у своей сестры-гетманши). Пятьдесятъ семь червонцевъ самъ Скоропадскій взыскалъ, а сорокъ три остались не взысканными, хотя тотъ же Скоропадскій не разъ приказывалъ Носу, а потомъ вдовѣ его, возвратить Андрею Г-ку его „убытки" [16]).

сами себѣ написавши облѣкъ (купчую), насилне рукою моею крестъ подписали; а она, Марія, также силою, зъ хусткою (платкомъ) своею, за пазуху мнѣ грошн, всего 170 золотыхъ, вкинула; а млинокъ, якъ я оправивъ, тысячи золотыхъ стоить. И я прошу, ежели она хощетъ себѣ тихъ частій во владѣніе, то принамнѣй (по крайности) бы по шацунку людскомъ, чого стоитъ слушне, мнѣ заплатила...." Арх. Малрск. Коллег., № 1227.

[16]) Арх. Малорос. Кол.—Скоропадскій, какъ видно, взыскалъ 57 червонц. уже по смерти Носа, который по всей вѣроятности не подчинился требованію гетмана. Сохранилась слѣдующая записка Скоропадскаго къ вдовѣ Носа, писанная 21 Января 1716 года: „Моя ласковая панѣ Носовая. Неоднократно стужаетъ намъ п. Андрей Горленко о червоніе, за побитте и пробитте ему головы, на покойнаго п. малжонка вшмостиного ложенне, которыхъ певное число любо мы приказали зъ розныхъ особъ, въ якихъ были зобрати, ему п. Горленку, отдати; а взглядомъ остатка семидесяти червоныхъ и двохъ велѣлисмо п. Тарнавскому вмти предложити, чтобъ вмть оніе нагородила п. Горленку; однакъ вмть, тотъ нашъ указъ презрѣвши, до сего часу ему ихъ не вернула и не хочешъ возвратити. Зачимъ крайне сей нашъ листъ пишучи до вмти, пилно жадаемъ и приказуемъ, абы вмть теперь помянутіе червоніе ему п. Горленку отдала. Кгди жъ если не отдаси, то зъ большою будетъ вмти турбаціею, когда повелимо оному за тое грунтъ якій вмтинъ взяти въ арештъ".

Затѣмъ на Андрея Г-ка взведено было подозрѣніе въ сношеніяхъ съ отцомъ. Въ Январѣ 1711 г., Головкинъ писалъ Скоропадскому: „Понеже прилуцкаго полковника измѣнника Горленка сынъ Андрей явился въ немалой причинѣ и подозрѣніи, что онъ присланныхъ къ нему отъ отца его изъ Бендеры съ письмами людей донынѣ не объявляетъ и объявить не хочетъ; для чего весьма не безподозрительно ему, Андрею, на Украинѣ нынѣ быть, за близостію отъ Бендеры, гдѣ отецъ его при королѣ шведскомъ съ прочими измѣнники: того ради писалъ я нынѣ къ Виніусу, дабы его Андрея прислалъ изъ Глухова въ Москву, а на Москвѣ онъ будетъ жить безъ утѣсненія“ [17]) Такъ неожиданно Андрей Г-ко переселенъ былъ въ Москву, какъ человѣкъ заподозрѣнный. Маетности его остались безъ хозяина.....

Въ это время гетманша Скоропадская начала возобновленіе Гамалѣевскаго монастыря (въ глуховск. у.), который нужно было надѣлить, по тогдашнему обычаю, маетностями, „на прокормленіе“. Хотя послѣ старшины, ушедшей за Мазепою, осталось не мало свободныхъ селъ, но всѣ они были уже розданы новымъ гетманомъ, частью—новой старшинѣ же, частью своей роднѣ, а всего больше—царскимъ совѣтникамъ, которымъ Скоропадскій не зналъ какъ и годить, въ своемъ безсиліи [18]). Удобнѣе всего показалось отдать на монастырь маетности Г-ка, который находился въ ссылкѣ, хотя и не далекой, но все равно не позволявшей ему отстаивать свои интересы своевременно и на мѣстѣ. Тестя его гетманъ хотя и побаивался, но надѣялся на поддержку въ Москвѣ. Рѣшено было воспользоваться маетностями Г-ка, а для большей прочности дара употребили хитрость. Въ универсалѣ 1 Декабря 1713 г., читаемъ: „Давно уже малжонка (жена) моя п. Анастасія Марковна, за нашимъ совѣтомъ и согласіемъ, положила въ своемъ намѣреніи обѣтъ создать своимъ коштомъ, дѣвичій монастырь и поселить въ немъ, сколько возможно будетъ, инокинь побожнаго житія; а нынѣ, желая обѣтъ тотъ свой привести въ исполненіе и мѣсто для фундаціи того монастыря способное избравъ, млины и прочіе грунта монастырю тому покупала на собственныя деньги, а также отдала и собственный свой отческій хуторъ — Дубогаевскій съ людьми, тамъ же на купленныхъ грунтахъ поселенными и съ приселками къ тому хутору принадлежащими, какъ-то: Яблоновцемъ, Бѣлошапками, Деймановкою, Сергіевкою и двумя Дѣвичками, и просила насъ, тѣ грунта—на обитель подтвердитъ“ [19]). Такимъ образомъ, скрывая то обстоятельство, что на монастырь отбираются чужія села, Скоропадскіе назвали ихъ приселками собственнаго Настасьи Марковны Дубогаевскаго хутора, который въ дѣйствительности былъ не хуторъ, а тоже село—Дубовый Гай, принадлежавшее, вмѣстѣ съ Сергіевкою, Бѣлошапками и Яблоновицею, тому же Горленку. Хитрость эта была употреблена, сколько мы понимаемъ, для того собственно, чтобы легче было получить монастырю царскую грамоту на чужія села, а грамота безповоротно уже закрѣпляла ихъ за монастыремъ. Обыкновенно, при выдачѣ каждой грамоты, Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ наводила справки о свободности жалуемыхъ маетностей; а здѣсь—никакихъ селъ названо не

---

[17]) Матеріалы для Отеч. Истор. Судіенка, II, 165.

[18]) Интересная переписка Скоропадскаго съ этими лицами, о раздачѣ имъ маетностей, издана Судіенкомъ въ Матер. для Отечеств. Истор., т. II.

[19]) Румянцевская Опись, стр. 774 (Оттиски изъ Черниг. Губ. Вѣд. 1866—67 и 1873—75 г.).

было, а упоминались лишь „приселки“ принадлежавшаго Скоропадской Дубогаевскаго хутора... Выдача грамоты зависѣла отъ Головкина, который, получивъ въ Малороссіи всѣ имѣнія, принадлежавшія лубенскому полковнику Зеленскому, иначе Скоропадскаго и не называлъ какъ своимъ благодѣтелемъ, а потому универсалъ 1 Декабря 1713 года дословно былъ подтвержденъ царскою грамотою 25 Января 1714 года.

Весною 1715 г. вернулся въ Малороссію Дмитрій Г-ко и вслѣдъ за тѣмъ, какъ мы уже видѣли, былъ поселенъ въ Москвѣ; а въ Маѣ отпущенъ былъ „въ домы свои“ и сынъ его Андрей [20]); но домовъ своихъ онъ не нашелъ.... Отыскивать маетности, закрѣпленныя царскою грамотою за другимъ владѣльцемъ, было невозможно въ положеніи Андрея Г-ка, и сталъ онъ бѣднякомъ... И долго пришлось терпѣть ему бѣдность, пока тесть его не сталъ гетманомъ. Тогда Апостолъ съ лихвою наградилъ зятя; изъ старыхъ маетностей Андрею Г-ку можно было вернуть одну только Ярошовку; но къ ней тесть прибавилъ пять новыхъ селъ: Валки, Хаенки, Давыдовку, Ковали и Зубани [21]). Г-ко снова разбогатѣлъ и опять не надолго: въ концѣ 1735 г. онъ снова въ чемъ-то былъ заподозрѣнъ, уже съ сыномъ своимъ Андреемъ (16) взятъ въ Петербургъ и лишенъ маетностей. Яковъ Марковичъ, въ Январѣ 1736 г., отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ: „Горленки, отецъ и сынъ, взятые еще съ осени въ С. Петербургъ, отпущены и явились въ Глуховъ свободными“. Но маетности, однакожъ, возвращены не были, пока Андрей Дм—чъ не получилъ возможности лично предстательствовать предъ императрицею Елисаветою. Въ 1742 году онъ былъ отправленъ въ числѣ депутатовъ ко двору, для поздравленія императрицы со вступленіемъ на престолъ. Депутаты приняты были, какъ видно, очень милостиво и оставались при дворѣ около года, усердно посѣщая во все это время Алексѣя Разумовскаго, тогда еще камергера [22]). Кромѣ личнаго предстательства, Андрею Дм-чу вѣроятно немало помогъ и сынъ его — Іоасафъ, тогда мгарскій игуменъ, который въ это время тоже пріѣзжалъ въ Москву и 28 Ноября (1742 г.) говорилъ въ присутствіи императрицы, „въ придворной комнатной церкви“, проповѣдь [23]). Милости императрицы къ Горленкамъ начались назначеніемъ младшаго сына Андрея Дм-ча, Андрея—сержантомъ гвардіи; а прибывъ черезъ годъ въ Малороссію, императрица возвратила имъ и всѣ отобранныя въ 1735 г. маетности: грамотою 1744 г. „бунчук. товар. Андрей Дм-чъ Г-ко за службы и за то, что онъ въ 1736 г. съ сыномъ своимъ Андреемъ, безвинно въ тайной канцеляріи содержаны и домъ и пожитки ихъ описаны были, отчего они понесли немалое разореніе“, пожалованъ былъ всѣми тѣми маетностями, которыя даны были ему Апостоломъ.

Андрей Дм-чъ умеръ глубокимъ старикомъ: въ 1754 г. онъ былъ еще живъ и принималъ своего сына—епископа Іоасафа [24]).

Акимъ Г-ко (14) началъ службу при Скоропадскомъ; универсаломъ 1716 года ему, въ то время знатному войсковому товарищу, поручено было

---

[20]) Апостолъ пробовалъ было опять отнять у Гамалѣевскаго монастыря маетности своего зятя, но не смогъ... Записки Марковича, I, 327, 331.

[21]) Записки Марковича, II, 156—158 и слѣд.

[22]) Андрей Дм-чъ Г-ко былъ лично извѣстенъ императрицѣ еще раньше. См. Истор. Малорос. Маркевича, II, 631.

[23]) Проповѣдь напечатана въ видѣ приложенія къ описанію жизни Іоасафа, Григ. Квитки, Кіевъ. 1836, 33—61.

[24]) Подробности см. въ описаніи жизни преосв. Іоасафа Горленко, еп. Бѣлогр., Кіевъ. 1836, 23—28.

проѣхать Днѣпровское побережье и описать перевозы, лодейныя мельницы и всякія судна на Днѣпрѣ, въ виду ожидавшагося по слухамъ нападенія орды на Украину. Въ этомъ же году Акимъ Г-ко получилъ и маетность—с. Заиздъ, которую передалъ и потомкамъ своимъ. Въ 1736 г., онъ получилъ урядъ генеральнаго хоружаго, а въ 1741 г. генер. судьи; вмѣстѣ съ послѣднимъ урядомъ Акимъ Г-ко получилъ „на рангъ" 300 дворовъ въ сс. Очкинѣ, Переволочной, Оксютинцахъ, Пустовойтовкѣ, Красиловкѣ и Мартыновкѣ. До того онъ былъ такимъ бѣднякомъ, что когда выдавалъ дочь свою Евфросинью за Кандибу, то „подъ часъ акту веселнаго, и плаття зъ скринкою ей, Горленковны, отъ отца даннаго, не было нащо узять, которое мусѣли на лошадяхъ свекра взяти и въ Конотопъ привезти" [25]).

О другомъ Акимѣ Г-кѣ, въ монашествѣ Іоасафѣ, мы не будемъ говорить: жизнь его извѣстна. Лучшая біографія святителя Іоасафа написана по семейнымъ запискамъ и преданіямъ Григ. Ѳед. Квиткою (Основьяненкомъ) и издана (безъ имени автора) въ Кіевѣ 1836 г.; а подробныя свѣдѣнія объ управленіи Іоасафа Бѣлгородскою епархіею собраны архіепископомъ Филаретомъ Гумилевскимъ, въ его Описаніи Харьковской Епархіи, I, 18—38.

Младшій братъ святителя, Андрей Г-ко, какъ мы видѣли уже, назначенъ былъ въ Декабрѣ 1742 г. сержантомъ въ Измайловскій полкъ, можетъ быть за ту проповѣдь, которую говорилъ императрицѣ, за нѣсколько дней передъ тѣмъ, его старшій братъ; а черезъ годъ, онъ былъ пожалованъ полковникомъ на первую вакансію, который ждалъ онъ не долго: въ это время полтавскій полковникъ Кочубей въ чемъ-то былъ заподозрѣнъ [26]), и его мѣсто занялъ Андрей Андр-чъ Г-ко. Вмѣстѣ съ полковничествомъ, императрица ему пожаловала 120 дворовъ крестьянъ въ богатомъ мѣстечкѣ Иваницѣ. Одинъ изъ пріятелей Андрея Г-ка, получивъ извѣстіе объ этихъ ему милостяхъ, писалъ другому: „о пожалованіи товарища нашего п. Андрея Горленка чиномъ и деревнями уповаю, что и вы сорадуетеся, въ разсужденіи его бѣдности и доброты сердца. Какъ же то онъ въ томъ радостномъ случаѣ чуприну себѣ спереду гладилъ и на пальчикахъ подымался!" [27]).

Андрей Андр-чъ Г-ко, получивъ такъ неожиданно урядъ полковничества, сразу сталъ завиднымъ женихомъ и тогда же высваталъ себѣ внучку гетмана Скоропадскаго, за которою взялъ богатое приданое. Урядъ свой Г-ко умѣлъ сохранить въ продолженіе тридцати лѣтъ, переживъ за это время цѣлое гетманство Разумовскаго и десять лѣтъ управленія Румянцова, при которомъ полковники лишены были возможности тѣснить и обирать своихъ полчанъ; поэтому десятилѣтняя служба Г-ка при Румянцевѣ показываетъ, что онъ дѣйствительно былъ добръ, т. е. не отнималъ „грунтовъ" у своихъ полчанъ, не бралъ съ нихъ взятокъ, а рядилъ ихъ по своему крайнему разумѣнію того неяснаго права, которое представлялось въ смѣшеніи „войсковыхъ обычаевъ" съ Литовскимъ статутомъ... Благосостояніемъ Г-ко довольствовался и тѣмъ, которое извлекалъ изъ своихъ богатыхъ маетностей и съ помощью котораго онъ все-таки значительно умножилъ свои земельныя богатства, при тогдашней легкости пріобрѣтенія ихъ куплею. Состояніе Андрея Г-ка видно изъ вѣновыхъ

[25]) Записки Черниг. Губ. Статист. Комит., кн. II, 264.

[26]) Зап. Марковича, II, 190.

[27]) См. выше, Апостолы, примѣч. 12.

(рядныхъ) записей, написанныхъ при выдачѣ дочерей въ замужество. Выдавъ въ 1768 г. Марью за полковника Сѣверскаго полка, Андрея Милорадовича, Г-ко въ вѣновой ея записѣ говоритъ: „Опредѣлилъ и далъ ему, зятю, въ приданномъ за дочерью моею въ вѣчное и потомственное ихъ владѣніе, изъ недвижимаго и собственно мною пріобрѣтеннаго имѣнія, въ полку полтавскомъ и въ отшедшихъ съ оного къ Екатеринской провинціи мѣстахъ, а именно: при городѣ Полтавѣ дворъ съ строеніемъ и садомъ; во второй полковой сотнѣ, село Горбанювку съ людьми и подданническими ихъ землями и другими угодіями и всѣми землями и лѣсами, которые къ тому селу принадлежатъ; въ урочищи Булановой Максима Мазуренка лѣсъ; сотнѣ старосанжаровской, Игната Гонтара — по двумъ купчимъ крѣпостямъ, лѣса съ садомъ, съ пахатною землею и сѣнокосною лучкою; тамъ же, по уступкѣ Якова Стеценка — садъ да лѣсъ Юраса Кременчуцкого, по обѣимъ сторонамъ ставища, съ пустою гребелькою; во второй же полковой сотнѣ, на рѣчкѣ Полузорьи мельницы съ ставомъ, съ пахатными и сѣнокосными землями; по той же рѣчкѣ, внизъ мельницъ, хуторъ, прозываемый Чарнышевъ съ принадлежащими къ оному хутору и прикупленными землями; да вверхъ той же рѣчки Полузорья, доставшійся по куплѣ отъ вдовы Вандихи, островъ съ лукою и пахатною землею и садомъ; отъ Терентія Бережного—лука да отъ асаула сотеннаго Василя Жилы—луки и пахатныя земли“ и т. д. Всѣ эти угодья, на половину только нами перечисленныя, пріобрѣтены были Г-комъ, какъ видно, въ Полтавѣ уже, и показываютъ, что и безъ насилій полковникъ легко дѣлалъ значительныя земельныя пріобрѣтенія... Цѣнность такого приданнаго видна изъ другой записи 1772 г., которую далъ Г-ко второй дочерѣ Ульянѣ, при выдачѣ ея замужъ за графа Бориса Девьера: „Даю въ приданное, въ бриліантахъ и алмазахъ, въ золотѣ и сребрѣ, въ платьѣ и бѣльѣ и въ прочемъ, въ суммѣ семи тысячъ рублей; наличными деньгами 6000 р.; да полку черниговскаго, сотни городницкой, село Владимерку и на рѣкѣ Снивѣ мельницы о шести колесахъ съ плотиною, покойному гетману Скоропадскому утвержденное, а по немъ доставшееся его дочерѣ, Иринѣ Ивановнѣ Лизогубовой; отъ нея же, тещи моей, за дочерью ея Анастасіею Семеновною, бывшею въ супружествѣ за мною, въ приданномъ же записанное, стоящее 12000 р., а всего приданаго на 25000 р.“ [28]).

Такимъ образомъ, за двумя дочерьми Г-ко отдалъ состоянія тысячъ на пятьдесятъ, а это была по тогдашнему, и не для бывшаго бѣдняка, сумма громадная. Сыновьямъ Г-ко оставилъ еще большее наслѣдство: въ крестьянскихъ душахъ оно обозначалось болѣе чѣмъ тремя тысячами; земель, значитъ, было тысячъ пятнадцать десятинъ, не менѣе.

Сыновья Андрея Г-ка явились въ общественной жизни уже съ Русскими чинами и были первыми дѣятелями въ реформированномъ прилуцкомъ повѣтѣ.

---

[28]) Полтавскіе земельные акты 1757—1772 г., рукопись.

10. ГРАБЯНКИ.

1. N N
2. Григорій, полковникъ гадяцкій † 1738. Ж. Евдокія Забѣла † 1735 . . . . **1.**
3. N N . . . . **1.**
4. Иванъ, бунчуков. товарищъ и членъ генер. суда 1748. **3.**
5. Василій. . . . . **3.**
6. Ѳедоръ, войсков. канцеляристъ 1754 . . . . **4.**
7. Марья. М.—Иванъ Абаза, поручикъ молдавскаго гусарскаго полка. . . . . **4.**
8. Павелъ, р. 1750 . . . . **6.**
9. Матвѣй. . . . . **7.**
10. Кириллъ . . . . **7.**

Григорій Гр-ка, извѣстный авторъ хроники о презѣльной брани Б. Хмельницкаго съ Поляками, вышелъ, какъ можно догадываться, изъ рядоваго козачества [1]) и началъ войсковую службу съ 1686 г. Онъ участвовалъ во всѣхъ походахъ к. XVII в. и въ началѣ слѣдующаго столѣтія добился чина полковаго прапорщика [2]); на этомъ урядѣ Гр-ка въ 1710 г. получилъ село Максимовку; за тѣмъ онъ былъ выбранъ полковымъ есауломъ, а въ 1717 г., и — судьею, при чемъ получилъ другое сельцо—Русановъ. Въ универсалѣ этого года читаемъ: „Поневажъ вольными голосами полковой старшины, сотниковъ и чернѣ полку гадяцкаго, п. Григорій Грабянка, асаулъ ихъ полковый, избранъ на урядъ судейства полковаго: теды и мы, респектуючи на его въ войску запорожскомъ не отъ теперь працовито роненнія заслуги, а иле видячи п. Гр-ку до того уряду судейства способнымъ, утверждаемъ на ономъ его, докладаемъ тутъ же, абы вольныя справы и всякіе суды при общомъ старшины полковой и мѣской (городской) собраніи, негдѣ индѣ, только въ ратушѣ тамошнемъ (гадяцкомъ) были слуханы и децѣдованы, въ чомъ п. полковникъ, заховуючи давній порядокъ войсковій, не имѣетъ чинити жадного препятія и по сторонамъ ниякихъ судовъ, мимо его п. судіи, казать отправовати“ [3]). Въ этомъ универсалѣ Скоропадскій, опредѣляя права и обязанности полковаго судьи на основаніи „давнихъ войсковыхъ порядковъ“, имѣлъ въ виду главнымъ образомъ указать на эти порядки тогдашнему гадяцкому полковнику Михаилу Милорадовичу, который, опираясь на личную свою извѣстность Петру В., хотѣлъ соединить въ своемъ лицѣ исключительно всѣ полковыя должности. Милорадовичъ назначенъ былъ гадяцкимъ пол-

---

[1]) Въ числѣ рядовыхъ козаковъ 1649 г. въ лютенской сотнѣ значится Мойсей Гребенкинъ (Реестра Войска Запор., изд. Бодянскаго, 303), который можетъ и былъ родоначальникомъ Гребенокъ, затѣмъ полонизировавшихъ свое прозвище въ Грабянокъ.

[2]) Прапорщикъ оберегалъ полковое знамя, „прапоръ“. Полковой хоружій былъ оберегателемъ другаго полковаго знамени, кажется бо́льшаго и главнаго, „корогвы“. Остатки козацкихъ прапоровъ мы видимъ и теперь еще на могильныхъ крестахъ „малороссійскихъ козаковъ“, составляющихъ особое податное сословіе въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской; только за этимъ сословіемъ народная память признаетъ право на украшеніе надгробнаго креста „прапиркою“, полотнянымъ платкомъ, который прикрѣпляется на особомъ древкѣ къ поперечной части креста.

[3]) Арх. Полт. Двор. Деп. Собр.

ковникомъ въ 1715 г., и за два года Гр-ка хорошо уже зналъ неукротимый нравъ своего полковника Серба, тѣмъ болѣе, что это время прожилъ съ нимъ, занимая есаульскій урядъ, обязанности котораго главнымъ образомъ заключались въ томъ, чтобъ быть на посылкахъ у полковника. Вступая въ отправленіе новаго уряда, Г-ка желалъ оберечь свои права отъ полковничьихъ притязаній и для этого прежде всего заручился приведеннымъ гетманскимъ универсаломъ, который, какъ водилось, новый судья предъявилъ полковнику для полученія „лѣски“ — знака судейской власти.

Милорадовичъ не стѣснялся гетманскими универсалами и вовсе не желалъ выпускать изъ своихъ рукъ доходныхъ судейскихъ обязанностей. Но и Гр-ка не намѣренъ былъ сразу уступить полковнику. Первое столкновеніе между ними случилось осенью того же 1717 года. Священникъ с. Павловки пожаловался полковнику на своего сельскаго атамана; розыскъ по этой жалобѣ Милорадовичъ поручилъ сдѣлать одному изъ своихъ „дворянъ“, Волошину Юрку Булюбашу и за тѣмъ, разсудивъ тяжущихся, „приказалъ Булюбашу, за трудъ его по розыску, взять у Шкитскаго (отвѣтчика) грошей три рубля. Шкитскій давалъ Булюбашу всего полтину, а когда тотъ не взялъ, ходилъ за совѣтомъ къ судьѣ; а тотъ ему сказалъ, что если не беретъ полтины, то пусть не даетъ и шеляга. За тѣмъ послѣдовала встрѣча Гр-ки съ Булюбашемъ. Послѣдній зашелъ въ ратушу „подголиться“ у цырюльника, сидѣвшаго тамъ „на арматѣ“, т. е. бывшаго подъ арестомъ при ратушѣ. Выходя изъ ратуши, Булюбашъ встрѣтилъ Гр-ку, который на поклонъ Булюбаша, спросилъ его: за что онъ требуетъ у Шкитскаго пять талеровъ денегъ? Тотъ отвѣчалъ, что по приказу полковника; судья разсердясь бросился на Булюбаша, ударилъ его своею „очеретиною“, а когда Булюбашъ ее вырвалъ, взялъ другую палку и, приказавъ ратушнымъ слугамъ придержать Булюбаша, сталъ его бить, повторяя: „и за что ты вымогаешь у Шкитскаго пять талеровъ? я и судья, да по столько не беру!“ Вырвавшись отъ Гр-ки, Булюбашъ бросился къ Милорадовичу и при находившейся у него полковой старшинѣ „презентовалъ знаки своего побитія“. Полковникъ сейчасъ же послалъ за Гр-кою прапорщика Цюпку, чтобъ тотъ шелъ къ нему „на оправданіе“; но Гр-ка не пошелъ. Милорадовичъ отправилъ другаго посланца, „дворянина“ своего Юрка Катана; но по немъ Гр-ка грозилъ уже стрѣлять изъ пистолета, если тотъ не уйдетъ со двора.... Въ такомъ видѣ раскрыли это дѣло слѣдователи, которыхъ выслалъ гетманъ изъ Глухова, по жалобѣ Милорадовича. Самъ Гр-ка объяснялъ это дѣло обстоятельнѣе и правдоподобнѣе; онъ показалъ слѣдователямъ, что дѣйствительно побилъ Юрка Булюбаша, будучи выведенъ изъ терпѣнія тѣмъ своимъ положеніемъ, въ которое поставилъ его полковникъ: всѣ слуги полковника въ дѣла суда мѣшаются, пояснялъ Гр-ка, и сами эти дѣла судятъ, запрещая тяжущимся обращаться къ полковой старшинѣ; сельскихъ атамановъ „кіями“ наказываютъ, сажаютъ ихъ въ колодки и урядовъ лишаютъ; такъ сдѣлалъ и Юрко Булюбашъ: когда Шкитскаго посадили „на армату“, за нимъ пріѣхала полковская „громада“, чтобъ освободить своего атамана; но Булюбашъ не допустилъ громады къ полковнику, объясняя, что Шкитскій отданъ на судъ ему лично; и затѣмъ грозилъ Шкитскому кіевымъ наказаніемъ, если онъ не помирится съ своимъ попомъ и не вознаградитъ его за судебные убытки: а Шкитскій ни въ чемъ невиненъ и страдаетъ изъ за вымогательствъ своего попа, да изъ за того, чтобъ Булюбашу было чѣмъ попользоваться. — Побой Булюбаша случился такъ: посадилъ я „на армату“ Сербина Христофора, цырюльника и приказалъ

сторожамъ ратушнымъ строго смотрѣть за нимъ, такъ какъ преступленіе его было важное; но идя разъ въ ратушу вечеромъ, увидѣлъ, что Христофора того на арматѣ — нѣтъ; спросивъ гдѣ онъ дѣлся, узналъ, что взялъ его изъ арматы Булюбашъ. Въ это время вышелъ изъ ратуши и самъ Булюбашъ, который тутъ же запросилъ меня, за что посадилъ я подъ арестъ дѣвку шинкарку?—А тебѣ что за дѣло? отвѣчалъ я,—та дѣвка посажена за воровство отъ меня — судьи! а вотъ ты, за что утѣсняешъ козаковъ?—Повезешъ „позовъ" (вызовъ къ суду) козаку, на козацкомъ же конѣ, да и держишъ потомъ этого козака два дня, чтобъ заплатилъ тебѣ за трудъ! А прежде, какъ козаки сами возили такіе позвы, то довольствовались за то гривною, много двумя.—Ты изъ „барвы" [4]) пану служишъ и хлѣбъ панскій ѣшъ, такъ и смотри за панскимъ конемъ да сѣдломъ, чтобъ въ порядкѣ было.... Булюбашъ возразилъ мнѣ дерзостью, за что я сунувъ его очеретиною, сказалъ, чтобъ онъ шелъ отъ меня прочь; но онъ бросился на меня, вырвалъ у меня очеретину, схватилъ за кунтушъ и сбилъ съ головы шапку.... Тогда я, взявъ у бывшаго тутъ асаульчика палку, и дѣйствительно ударилъ Булюбаша нѣсколько разъ. Булюбашъ бросился къ полковнику, который тотчасъ же приказалъ похватать ратушныхъ слугъ и сторожей и запереть ихъ въ своемъ дворѣ; а одного—нещадно били предъ народомъ, „да страхъ имутъ" всѣ; а потомъ заперли его въ конюшню и что ужъ тамъ творили съ нимъ „возницы и машталяры", того я не знаю; но на другой день, снова было вывели его наказывать кіями; только ужъ полковничій господарь, Анастасій, остановилъ, ибо тотъ человѣкъ и то уже еле дышалъ; а били того человѣка, допытываясь, не говорилъ ли я чего худаго про полковника.... Въ подтвержденіе моего отвѣта есть у меня и свидѣтелей немало, но боюсь ихъ указывать, чтобъ невинныхъ людей „къ смерти не приправити"; достаточно и того, что теперь чуть не весь городъ находится въ страхѣ, видя, какъ полковничьи слуги толпою ходятъ по базару, хватаютъ людей, бьютъ ихъ до полусмерти и потомъ сами же бросаютъ ихъ въ тюрьмы, гдѣ держатъ по нѣсколько дней, пока тѣ не откупятся; а которые пошли было жаловаться на такія истязанія къ полковнику, тѣхъ самъ, своею рукою „за лобъ волочачи по двору и кіемъ бьючи немилостиво, мовитъ, же и многимъ тутъ такъ треба датися знати!"

Въ добавокъ къ слѣдствію, Милорадовичъ писалъ Скоропадскому: „А я покорно прошу, за разслѣдованіемъ моей жалобы на судью, наказать его за безвинный побой Булюбаша и приказать ему убытки и увѣчье Булюбаша пополнить. А что онъ, Грабянка, меня и жену мою безчеститъ по шинкамъ и честь нашу „неповрачливе шарпаетъ", о томъ впредь буду просить суда, а теперь только протестуюсь"...

Дѣло это, по тогдашнимъ порядкамъ, кончилось ничѣмъ; только Милорадовичъ сталъ уже открыто преслѣдовать непокорнаго судью и не разъ доводилъ его до отчаянья. Въ Январѣ 1719 года Гр-ка писалъ Скоропадскому: „Вотъ уже два года, какъ сталъ я терпѣть безвинно и безсудно отъ полковника нашего Михаила Милорадовича гоненія; а вина моя— одна, что, слѣдуя царскому указу, сталъ я было говорить противъ тѣхъ обидъ, которыя терпятъ здѣшніе козаки отъ приближенныхъ полковника, которые къ тому же все люди иноземные: ибо козаковъ до наипослѣднѣйшихъ услугъ и работизнъ попримушавши (приневоливъ), кони ихъ на смерть позаѣзжали, чиня воровство и разбои по дорогамъ, а грабительство

---

[4]) Барва—плата слугамъ за службу, большею частью натурою, напр. платьемъ. См. Зап. Марков. I, 66.

по домамъ и ярмаркамъ.... Но п. полковнику не понравились мои рѣчи, и сталъ онъ меня съ тѣхъ поръ преслѣдовать своими гоненіями; и принужденъ былъ я, не желая звать на судъ своего командира, и домъ свой не разъ оставлять и слоняться по нѣсколько мѣсяцевъ въ поѣздкахъ, дожидаясь окончанія его гнѣва; случилось и въ домѣ своемъ два раза, запершися, по шесть недѣль высиживать и только въ окно на свѣтъ смотря, болѣть горше чѣмъ отъ злѣйшей болѣзни: ибо лишенъ былъ въ это время, и церковной молитвы, точно отпадшій отъ вѣры; а въ церковь ходить не смѣлъ, страшась нападенія полковника и сына его, такъ какъ случилось разъ, что напалъ на меня полковникъ въ самой церквѣ и спасся я тогда однимъ лишь заступничествомъ священника, который заперъ меня въ церквѣ и грозилъ полковнику архіерейскимъ неблагословеніемъ и проклятіемъ, если онъ осквернитъ храмъ невинною кровью.... Да и за то священнику тому мало что головы и бороды не оборвалъ.... А когда о сихъ моихъ бѣдствіяхъ извѣстившись, изволили ясневельможность ваша совѣтовать полковнику, письменно и словесно, скромнѣе обходиться съ своими полчанами, подъ угрозою жалобы царскому величеству, то страданія мои отъ того нисколько не уменьшились; ибо когда я разъ, послѣ шестинедѣльнаго затворничества, вышелъ было на Пасху Христову въ церковь, то полковничій хлопецъ встрѣтилъ меня выстрѣломъ и едва не убилъ при всемъ многолюдствіи: та пуля сидитъ въ стѣнѣ и по нынѣ... И такихъ двухлѣтнихъ страданій не имѣя силъ долѣе переносить, выпросилъ я у ясневельможности вашей охранительный универсалъ; но получивъ его, никакъ не могу добиться у полковника позволенія—предстать предъ его особу съ тѣмъ универсаломъ; а передавъ чрезъ старшину списокъ его, все таки никакого отвѣта отъ полковника не получилъ; развѣ, что приказалъ—въ одно поруганіе—судить мнѣ судъ въ пустой ратушѣ, такъ какъ всѣ суды судитъ самъ, съ своими слугами, въ своемъ дворѣ. Но когда, и по такому его позволенію, пришелъ по мнѣ за судомъ одинъ изъ полчанъ, жалуясь на порубъ своего лѣса, то полковничьи слуги сейчасъ же схватили того человѣка и били его кіями немилосердно, предъ очами самаго полковника.... Умилосердися, ясневельможный пане (заключаетъ Гр-ка) и не даждь отъ такой враждебной завзятости полковника въ конецъ мнѣ разориться и повели судомъ войсковымъ генеральнымъ розыскать, а по розыскѣ святую справедливость мнѣ учинить!“ [5]).

Но защитникомъ отъ насилій такихъ полковниковъ, какимъ былъ Михайло Милорадовичъ, Скородадскій не могъ быть. Гр-кѣ оставалось смириться, что̀ онъ вѣроятно и сдѣлалъ, потому что Милорадовичъ правилъ полкомъ до 1726 г., а Гр-ка все это время оставался на урядѣ судейства, но былъ судьею, конечно, только по имени. Впрочемъ, будучи лишенъ общественной дѣятельности въ своемъ полку, Гр-ка принималъ, какъ видно, живое участіе въ событіяхъ, послѣдовавшихъ въ исторіи Малороссіи вслѣдъ за смертью Скоропадскаго. Въ началѣ 1723 г., Гр-ка посланъ былъ въ числѣ другихъ, Полуботкомъ, къ царю съ прошеніемъ о выборѣ новаго гетмана, былъ задержанъ, посаженъ въ крѣпость, откуда освободился уже по смерти Петра В.; а возвратился на родину не раньше 1726 г. [6]). Въ это время его урядъ судейства былъ уже занятъ другимъ, запорожцемъ Штишевскимъ, и Гр-ка сталъ полковымъ обознымъ. Когда же, въ 1729 г., тогдашній гадяцкій полковникъ Гаврило Милорадовичъ,

---

[5]) Арх. Млрск. Коп.

[6]) Записки Марковича, I, 8 и 67.

младшій братъ Михаила, былъ смѣщенъ за насилія и взятки, гадяцкимъ полчанамъ предоставлено было право выбрать на мѣсто его двухъ или трехъ кандидатовъ и представить въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ на утвержденіе. Выбраны были: управитель „гадяцкаго замка" Турковскій, обозный Грабянка и судья Штишевскій. Указомъ 30 Мая 1730 г., утвержденъ былъ второй [7].—Какъ полковникъ, Гр-ка представлялъ собою личность довольно исключительную между своими товарищами по уряду, которые, пользуясь своимъ вліяніемъ на полчанъ, наживали на этихъ урядахъ цѣлыя богатства. Три предшественника Гр-ки, Чорнышъ, Михайло и Гаврило Милорадовичи, особенно отличались своими насиліями, подробно описанными въ цѣлой массѣ разныхъ „суплик". На Гр-ку ни одной жалобы въ архивахъ мы не встрѣтили: должно быть, онъ дѣйствительно отстаивалъ интересы своихъ примученныхъ полчанъ... И въ Глуховѣ считали Гр-ку настолько непритязательнымъ, что, пообѣщавъ ему, при утвержденіи въ полковничествѣ, дать „на урядъ" тѣже маетности [8], которыми пользовались его предшественники, объ этомъ обѣщаніи и не вспомнили, пока новый полковникъ не росписалъ гетману своего плачевнаго положенія въ слѣдующемъ письмѣ: „Удостоенъ будучи я въ чинъ полковничества гадяцкаго, когда получилъ себѣ изъ Глухова на свою резиденцію отпускъ, въ то время, при отклонѣ, обнадеженъ зосталъ рейментарскимъ отъ ясневельможности вашей респектомъ, на якое милостивое обнадеживаніе несомнѣнно надѣясь и доселѣ въ томъ стужать в. ясн., не дерзалъ, содержа себя изъ убогой субстанційки своей, въ прежнихъ чинахъ заслуженной; но понеже скудость моя понуждаетъ меня, же весьма не имѣю впредъ на чемъ, на нынѣшнемъ урядѣ, жить; ибо полковникомъ будучи—такъ старшину полковую и полчанъ, яко и другихъ, всегда приключающихся гостей, надобно всегда за одну честь войсковую принимати; на что меня, прежній запасецъ сими часами мало не ввесь изжившаго, отнюдь не стаетъ. Того ради, досязая служебничою повольностью моею, поважныхъ стопы ногъ в. ясн-ти, пренайпокорнѣй прошу о преждедеклярованный на мене респектъ и патронское благопризрѣніе, абымъ якое мѣли прежніе гадяцкіе полковники и я тогожде опредѣленія въ настоящемъ моемъ чинѣ не лишенъ былъ" [9]. Дѣйствительно достатки Гр-ки были невелики: ставши полковникомъ, онъ владѣлъ тѣми же Максимовкою и Русановымъ [10]. За свое полковничество Гр-ка тоже ничего не пріобрѣлъ, оставивъ наслѣдникамъ одну ту же Максимовку (Русановъ куда-то дѣвался, должно быть отобранъ послѣ Апостола). Внѣ походовъ и козацкой службы, Гр-ка, повидимому, исключительно занимался своею хроникою, которая, судя по его предисловію, составляла для него не отдохновеніе, а завѣтную цѣль—правдивое возсозданіе событій, при которыхъ Малороссія избавилась отъ польскаго порабощенія. На эту работу Гр-ка былъ наведенъ, какъ самъ говоритъ, чтеніемъ историческихъ сочиненій о подвигахъ Моисея, Навуходоносора, Кира, Александра Маке-

---

[7]) Арх. Млрск. Кол., № 4714.

[8]) Маетности „на урядъ" давались вмѣсто денежнаго жалованья; на каждый урядъ назначалось извѣстное число крестьянскихъ дворовъ. Поэтому маетности были урядовыя или ранговыя и заслуженныя; послѣднія давались обыкновенно сначала гетманомъ — „до ласки войсковой", а потомъ—большею частью утверждались царскими грамотами „въ вѣчность".

[9]) Арх. Млрск. Кол., № 5039. По этому письму Гр-кѣ дали, въ Октябрѣ 1730 г., м. Рашавку, но и то не на урядъ, а только „до дальшого указу и разсмотрѣнія".

[10]) Въ обоихъ селахъ числилось въ 1730 г. 98 дворовъ.

донскаго, Дмитрія Донскаго.... „Тихъ убо и тимъ подобныхъ побѣдителей исторіи, мнѣ многочастнѣ чтущу, соболѣзновахъ не мало, яко и нашого отчества, ничимъ же отъ иныхъ въ воинскихъ трудахъ разнствующаго, въ толикой забвенія пучинѣ дѣла видя погруженна; сего ради не коею либо любострастною славицею, но общою возбужденій пользою, судихъ и сего благоразумнаго вожда—Богдана Хмельницкаго, Малую Россію отъ тяжчайшаго ига лядскаго свободившаго, немолчная дѣйствія, не оставляя въ пепелѣ погребенныхъ, повѣстми свѣту явити..." Хроника Гр-ки сохраняетъ и теперь свое значеніе, такъ какъ авторъ ея пользовался для своего труда не только письменными памятниками, но и „повѣствованіями самобытныхъ свидѣтелей, еще въ живыхъ обрѣтавшихся" тогда [11]).

Какъ видимъ изъ всего, Грабянка былъ исключительною личностью въ современномъ ему обществѣ.

Женатъ былъ Гр-ка на Евдокіи Забѣлиной, съ которою, проживъ болѣе двадцати лѣтъ, дѣтей не имѣлъ. Въ отлучку его въ польскій походъ, въ 1735 г., Евдокія умерла, а черезъ три года убитъ былъ и мужъ, въ крымскомъ походѣ [12]). Другой современникъ говоритъ: „12 Іюля 1737 г., на баталіи въ Крыму, гадяцкаго полковника Грабянку у неволю взято" [13]).

Объ Иванѣ Гр-кѣ знаемъ только, что онъ былъ членомъ генеральнаго суда (но не судьею) и былъ очень несчастливъ въ семейной жизни. Въ одной жалобѣ его читаемъ: „Яновскій, чрезъ три года живучи въ дворѣ бывшаго полковника Грабянки, завладѣлъ наслѣдственнымъ ему селомъ Максимовкою, называя себя наслѣдникомъ тому селу; и согласясь съ женою его (Ивана), всѣмъ домомъ и имѣніемъ его (Григорія) завладѣлъ". Далѣе онъ пишетъ, что не хочетъ распространяться: „о бои его Яновскимъ и жестокомъ озлобленіи, хотѣвшемъ истребить его изъ жизни, бьючи его нещадно и о приказаніи его Гр-ки служителямъ ему, Грабянцѣ, разрубить ногу и о беззакономъ имъ, Яновскимъ, съ его, Грабянкиною женою, житіи и прижитіи съ нею нѣсколькихъ дѣтей, о его Гр-ки содержаніи подъ карауломъ, и послѣ о жестокомъ его Гр-ки бои и заборѣ имущества, всего на 930 р. и 17 к....." [14]).

Внукъ Ивана, Павелъ, представляя въ 1784 г. доказательства своего дворянства, показалъ себя происходящимъ по прямой линіи отъ Григорія Гр-ки [15]); но какъ мы видѣли, у гадяцкаго полковника дѣтей не было. Вообще въ концѣ XVIII в., родъ Грабянокъ дотого измельчалъ, что не могъ попасть, не смотря на свои права, въ привиллегированное сословіе и затѣмъ совсѣмъ затерялся.

Мы не знаемъ, въ какой связи съ этимъ родомъ находился авторъ Пирятинскихъ Разсказовъ Евг. П. Гребенка.

---

[11]) Хроника Грабянки издана первоначально Ѳ. Туманскимъ, въ журналѣ его „Россійскій Магазинъ" 1793, ч. 2 и 3. Другое изданіе, о первомъ неупоминающее, въ Кіевѣ, 1854 г. См. статью М. А Максимовича, Москвитянинъ 1855 г., № 17—18.

[12]) Арх. Малор. Кол., № 10497. Марков. II, 47.

[13]) Рукописн. лѣтопись XVIII в.

[14]) Арх. Малор. Кол., № 13586.

[15]) Арх. Полт. Двор. Деп. Собр., дѣло о родѣ Грабянокъ.

ИЗЪ СЛУЖЕБНЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ В. С. ТОЛСТАГО *).

Поѣздка въ Осетію въ 1847 году.

Трудно указать другую мѣстность, гдѣ было бы сосредоточено такъ много разнообразныхъ вѣроисповѣданій, какъ на пространствѣ, которое занято Кавказскимъ намѣстничествомъ.

Отъ Дона, при въѣздѣ въ степи Ставропольской губерніи, на первомъ планѣ господствуетъ Ламское исповѣданіе Калмыковъ; потомъ Магометанское исповѣданіе Ногайцевъ; по линіи, въ средѣ Русскаго населенія, вѣра православная, всевозможныя поповскія и безпоповскія ученія, начиная со старовѣровъ до Поморцевъ. Тутъ же встрѣчаются Армяне-Грегоріяне и Армяне-Католики въ Моздокѣ, въ прежнее время обращенные Іезуитами, имѣвшими въ этомъ городѣ большой костелъ, а между колонистами Протестанты; далѣе Молоканы и Суботники. Въ горахъ преобладаютъ Магометане, Суниты и Мюриды; потомъ небольшое число язычниковъ, объязычившихся Христіянъ, по спискамъ значившихся православными. За горами Грузины и Греки, всѣ православные; Армяне-Грегоріане, Армяне-Католики, потомъ Магометане-Суниты, Магометане-Шіиты, Магометане-Бабіи; далѣе масса Русскихъ раскольниковъ какъ то: Общіихъ, Акинѳіевъ, Духоборцевъ, Суботниковъ, Немолянъ, Духовидцевъ, Скопцовъ и преимущественно Молоканъ, руководимыхъ Базельскими братьями, въ прежнее время основавшими свою школу, типографію и проповѣдь въ городѣ Шушѣ. Наконецъ около Баку—огнепоклонники.

Не должно терять изъ виду, что князь Воронцовъ засталъ войну въ горахъ съ Шамилемъ, создававшимъ себѣ новую державу, подъ предлогомъ введенія истиннаго духовнаго ученія. Слѣдовательно скорѣе чѣмъ когда либо крайне необходимо было употреблять всѣ усилія, дабы борьба съ горцами не приняла характера религіозной войны и не породила изувѣрства и религіознаго мученичества. Это же обстоятельство предстояло и относительно прочихъ исповѣданій, не исключая нашихъ раскольниковъ, посреди которыхъ находились самыя фанатическія личности, высланныя изъ Россіи.

Въ 1847 году князь Воронцовъ получилъ увѣдомленіе отъ Грузино-Имеритинской Сѵнодальной Конторы, что до настоящаго времени она постоянно доносила Святѣйшему Сѵноду о приращеніи Христіянъ среди Осетинскаго народа, а нынѣ изъ донесеній благочинныхъ, находящихся въ Осетіи, оказывается значительное отпаденіе оныхъ отъ Православной церкви. По этому поводу Сѵнодальная Контора просила намѣстника поставить ее въ извѣстность, для поясненія Святѣйшему Сѵноду, какимъ причинамъ должно приписать столь печальное явленіе.

Князь Воронцовъ поручилъ мнѣ объѣхать всю горную сѣверную Осетію, во многихъ мѣстахъ которой до того никогда не бывала Рус-

*) См. Русскій Архивъ 1873 года, стр. 1762 и 1874 года кн. 1-я, стр. 884.

ская нога. Я долженъ былъ объявить жителямъ, что отступничество отъ Православія нашими законами причисляется къ уголовнымъ преступленіямъ. При этомъ князь Михаилъ Семеновичь приказалъ мнѣ вникнуть въ дѣло и доискаться причинъ самаго отступничества.

Въ Тифлисѣ я получилъ самыя поверхностныя свѣдѣнія о миссіонерствѣ въ горахъ. Въ Штабѣ Кавказскаго Корпуса, гдѣ прежде сосредоточивались дѣла, относящіяся до странъ, которыя не считались по мѣстному выраженію „мирными", все, что я успѣлъ узнать, заключалось въ слѣдующемъ: Осетинская Духовная Коммиссія учреждена въ 1745-мъ году въ Моздокѣ; въ 1771-мъ году воспослѣдовало измѣненіе въ положеніи этой Коммиссіи; въ 1785-мъ году она переведена въ станицу Екатериноградскую, горскаго линейнаго казачьяго полка; въ 1793-мъ году непосредственно подчинена викарію Моздокскому и Мажарскому; въ 1814-мъ году поручена вѣдѣнію архіепископа Телавскаго, позднѣе поступила въ непосредственное завѣдываніе Грузино-Имеритинской Сѵнодальной Конторы. По нѣкоторымъ отрывкамъ слѣдовало заключить, что, въ слишкомъ столѣтнее существованіе этой коммиссіи, ею потрачены весьма значительныя суммы.

Я отправился въ крѣпость Владикавказъ, какъ центръ предстоящей мнѣ дѣятельности. Здѣсь, пока собиралась команда казаковъ, имѣвшая слѣдовать за мною въ горы, обитаемыя полумирнымъ, вооруженнымъ населеніемъ, я пріискивалъ себѣ переводчиковъ и готовился въ горный путь. До меня дошло преданіе, будто въ 1842 году, когда проѣзжалъ тутъ военный министръ князь Чернышевъ, ему были поданы разными Осетинскими племенами поголовныя прошенія, заключающіяся въ слѣдующемъ: однимъ и тѣмъ же лицамъ при первомъ крещеніи были выданы крестъ, снурокъ, рубашка и полтинникъ; при второмъ крещеніи крестъ, снурокъ и рубашка; при третьемъ крещеніи крестъ и снурокъ. Просители ходатайствовали о выдачѣ слѣдующихъ имъ по одной рубашкѣ и по два полтинника.

Выѣхалъ я въ горы на Страстной недѣлѣ, и первое поразившее меня обстоятельство было то, что Осетины, изъ язычниковъ обращенные въ Православіе, совращались въ Магометанство преимущественно муллами, тайно приходящими изъ земель Назрановцевъ и Галгашевцевъ, покорныхъ Шамилю. Церкви въ горахъ представляли самый бѣднѣйшій видъ. Вмѣсто богатыхъ иконостасовъ нашихъ православныхъ храмовъ, встрѣчались, въ виду прежнихъ благовидныхъ языческихъ капищъ, христіанскія церкви самой невзрачной наружности, въ которыхъ иконостасы топорно сколочены изъ голыхъ, грубо отдѣланныхъ досокъ съ висячими, крошечными иконами. Царскихъ дверей не было, занавѣсь состояла изъ бѣдной бумажной ткани, ризы священниковъ въ заплатахъ. Впрочемъ все это порождало своеобразное чувство и убѣждало въ высокомъ значеніи Христіанства: и при этой, столь скудной обстановкѣ, совершаются тѣже великія таинства, исполняемыя среди роскоши и пышности въ православныхъ храмахъ Россіи.

Одно зданіе, мною посѣщенное, очень замѣчательно. Надъ ледниками, на самомъ рубежѣ вѣчныхъ снѣговъ, въ урочищѣ „Рекомѣ",

которое считается святымъ мѣстамъ у объязычившихся Христіянъ, замѣнившихъ священнослужителей своими „Деканозами", стоитъ низенькій срубъ, къ которому всѣ безъ исключенія не иначе подходятъ какъ разувшись сажень за двѣсти. Никто не рѣшался открыть дверь строенія въ отсутствіи мѣстнаго Деканоза, вѣроятно не успѣвшаго приготовиться къ этому: для того цѣлую недѣлю онъ долженъ питаться однимъ молокомъ, которымъ также обязанъ ежедневно омывать все свое тѣло. Съ трудомъ бывшіе со мною священники и я ухитрились открыть дверь этого святилища. Что же мы нашли? Въ сѣняхъ стояла жестяная купель для крещенія, и лежалъ колоколъ въ аршинъ вышины, съ Грузинскою надписью „хуцури",—доказательство, что Христіянство исповѣдывалось здѣсь еще во времена Грузинскихъ царей. Въ срубѣ къ одной сторонѣ сложены были доски, обитыя листовымъ желѣзомъ съ горельефами, изображающія Деісуса и другія иконы. Ясно, что эти доски прежде составляли иконостасъ. Въ другомъ углу лежала огромная куча по поламъ изломанныхъ стрѣлъ. Сопровождавшіе меня старики-Осетины пояснили мнѣ, что въ давнія времена былъ здѣсь воинскій обычай брататься слѣдующимъ образомъ: два воина отправлялись къ Рекому, изъ каждаго колчана вынимали по стрѣлѣ, перемѣшивали ихъ, одну переламывали по поламъ и оба куска оставляли въ стѣнахъ Рекома. Это обязывало съ самоотверженіемъ оборонять другъ друга въ бою, а въ случаѣ гибели одного побратима, другой долженъ вынести тѣло изъ сраженія и похоронить его.

Христіянство въ Осетіи находилось въ самомъ печальномъ видѣ. Приходскіе священники изъ Грузинъ, съ начала своего опредѣленія, въ продолженіи многихъ лѣтъ, не узнавали ни слова поосетински, а прихожане никакого языка не знали кромѣ своего природнаго и Черкескаго. Церковная служба отправлялась на языкѣ Грузинскомъ. Былъ сдѣланъ опытъ печатать Осетинскій переводъ Грузинскими буквами, но вышли звуки никому не понятные (азбуки собственно-Осетинской не было). Я нашелъ Осетинское духовенство въ ужасномъ положеніи; скуднаго содержанія рѣшительно не доставало ему, и оно съ семействами, не въ состояніи будучи даже изъясняться съ прихожанами, дѣйствительно голодало. Сверхъ того приходовъ было очень мало, и тѣ перемѣшаны съ язычниками и враждебными Христіянамъ Магометанами. Можно сказать, что духовенство совершенно изводилось вслѣдствіе трудныхъ пѣшихъ переходовъ по исполинскимъ горамъ, въ которыхъ круглый годъ свирѣпствовали ужасныя непогоды, обыкновенныя въ горныхъ странахъ. Хотя Осетины охотно крестились, но такъ какъ не было и помину объ утвержденіи новоокрещенныхъ, то они также легко впадали въ отступничество.

Князь М. С. Воронцовъ вникнулъ во всѣ эти подробности, сдѣлалъ что отъ него зависило и съ энергіею настоялъ, чтобы, во первыхъ во Владикавказскомъ училищѣ преподавалась Осетинская письменность по азбукѣ, составленной академикомъ Броссе и вполнѣ приспособленной къ звукамъ Осетинскаго языка, и во вторыхъ, чтобы немедленно было приступлено къ постепенному переводу на Осетинскій языкъ всего богослужебнаго круга книгъ, начиная съ четырехъ Евангелій.

Все мною здѣсь описанное относительно Христіянскаго просвѣщенія Осетинскаго народа подтверждается дѣломъ гражданской канцеляріи Намѣстника Кавказскаго и доказываетъ, что основаніе духовной проповѣди посреди Осетинъ слѣдуетъ отнести не къ 1745-му году, а ко времени основательныхъ и практическихъ распоряженій князя М. С. Воронцова.

Припоминая эту мою поѣздку въ сѣверную Осетію и Дагорію, естественно не могу я не сожалѣть, что по окончаніи трудныхъ военныхъ событій, тогда всецѣло поглощавшихъ время и вниманіе Кавказскаго начальства, не приступается къ изученію того края, что̀ безъ сомнѣнія обогатило бы науку. Край этотъ изобилуетъ народными легендами, былинами, преданіями, памятниками. Здѣсь, какъ и въ Грузіи, гигантскія развалины, драгоцѣнныя археологамъ, приписываются царицѣ Тамарѣ; напримѣръ циклопическая стѣна, поставленная поперекъ цѣлаго ущелья, перекинутая чрезъ бѣшеный потокъ и кончающаяся башнею на самой вершинѣ исполинской горы. Тамъ капища языческія, развалины крѣпостей, и пр. и пр. Какія богатства открылись бы для геологіи, минералогіи, фауны, ботаники въ этой неизслѣдованной горной странѣ! Наконецъ, образъ, какимъ люди сливались въ общества, въ Осетіи не имѣетъ гадательнаго характера ипотезы: въ этой каменной странѣ видно воочію, по сохранившимся древнимъ жилищамъ родоначальниковъ, постепенное размноженіе семействъ, въ послѣдствіи переходящихъ въ племена, изъ которыхъ наконецъ сложился и самъ народъ. Не перечтешь всего что̀ разныя отрасли науки нашли бы себѣ новаго, пояснительнаго въ Осетіи. Я могъ только верхоглядно замѣтить это; но мнѣ не предстояло возможности что либо изслѣдовать, по неимѣнію надлежащихъ спеціальныхъ познаній и времени: слишкомъ мѣсяцъ, проведенный мною въ горной Осетіи, былъ весь посвященъ исполненію служебной обязанности, возложенной на меня и требовавшей значительныхъ трудовъ, въ томъ числѣ и физическихъ, такъ что ежедневно, при наступленіи ночи, въ полномъ смыслѣ я изнемогалъ отъ изнуренія. Къ тому же и военныя обстоятельства того времени очень стѣсняли всякую попытку какого либо научнаго изслѣдованія, когда всюду фланкеры тщательно разсматривали личность, и само военное прикрытіе во всѣ стороны смотрѣло въ оба. Теперь же въ странѣ, о которой идетъ рѣчь, чуть ли не спокойнѣе, чѣмъ въ иныхъ мѣстахъ самой Россіи. По прекращеніи побѣдъ военныхъ, кажется, пора бы и очень пора бы приступить къ завоеваніямъ науки. Время уходитъ, поколѣніе изчезаетъ, и безъ сомнѣнія скоро многіе слѣды скроются, а это въ будущемъ значительно усугубитъ трудъ изысканія: что̀ теперь видно воочію, со временемъ дастъ поводъ только къ гадательнымъ предположеніямъ.

Понадѣемся, что и для нашихъ Кавказскихъ горъ своевременно найдется личность, подобная господину Миклухѣ-Маклаю, неутомимо изслѣдующему дальнюю чужбину.

27-го Марта 1875.

Бараново.

МОСКВА ВЪ 1812 ГОДУ *.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ концѣ Марта 1812 года гр. Ростопчинъ возвратился изъ Петербурга въ Москву, гдѣ еще никто не зналъ о его назначеніи; знали однакоже, что графъ Гудовичъ просился въ отставку и предполагали, что просьба его будетъ принята. Заслуженный, но престарѣлый фельдмаршалъ Гудовичъ не могъ управлять Москвою въ это трудное время. Говорили о томъ, кто будетъ назначенъ генералъ-губернаторомъ, и каждый, сообразно своимъ понятіямъ и желаніямъ, указывалъ на то или на другое лицо. Но этотъ говоръ составлялъ лишь одну струю въ общемъ потокѣ рѣчей о предстоявшей войнѣ. Въ Москвѣ, также какъ и въ Петербургѣ, мнѣнія были различны. „Было всего печальнѣе (говоритъ графъ Ростопчинъ), что недовольные и трусы обвиняли императора въ томъ, что предстоявшія бѣдствія для Россіи были послѣдствіемъ нежеланія или неумѣнія предупредить или устранить третью войну съ врагомъ, уже два раза побѣдившимъ насъ. Мнѣ приходилось слышать страшныя слова. Отчаяніе до того доходило, что превозносили до небесъ умъ и доблести покойнаго императора и сожалѣли о его царствованіи. Фельдмаршалъ Гудовичъ все попускалъ дѣлать и говорить, полагая всѣхъ успокоить надеждою, что если государь ему ввѣритъ предводительство войсками, то войска Наполеона будутъ уничтожены въ продолженіи одного мѣсяца. Онъ предполагалъ, что обладаетъ достаточными къ тому способами; но къ несчастію свою тайну онъ унесъ съ собою въ могилу, а во все время войны спокойно проживалъ въ своемъ Украинскомъ помѣстьѣ“ [1]).

---

*) Сочиненіе это составляетъ одну изъ частей обширнаго труда, имѣющаго великую важность для новой Русской исторіи: изучивъ все что̀ до сихъ поръ было извѣстно въ печати о знаменитой эпохѣ 1812 года, сочинитель обогатилъ свое изслѣдованіе множествомъ новыхъ показаній, найденныхъ имъ въ государственныхъ и частныхъ архивахъ. Та часть сочиненія этого, которая посвящена тогдашнимъ дипломатическимъ отношеніямъ Россіи, печатается въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1875 года. *П. Б.*

[1]) Несвойственно было графу Ростопчину, съ его неспокойнымъ, увлекающимся характеромъ, вести постоянно Записки о своей жизни. Но стремленіе къ литературной дѣятельности часто заставляло его браться за перо. Кромѣ извѣстнаго сочиненія его о кончинѣ Екатерины, въ его семействѣ сохранилось преданіе, что онъ написалъ Записки о происшествіяхъ 1812 г., которыя, послѣ его смерти, съ другими его бумагами, были взяты по распоряженію правительства и хранятся въ государственныхъ архивахъ. У одной изъ его дочерей, г-жи Нарышкиной осталось нѣсколько отрывковъ, списанныхъ съ этихъ Записокъ. Эти отрывки напечатаны его сыномъ гр. А. Ѳ. Ростопчинымъ въ Брюсселѣ въ 1864 г. подъ заглавіемъ: Matériaux, en grande partie inédits, pour la biographie future du c-te Th. Rostopchine, rassemblés par son fils. Tiré en douze exemplaires, 525 стр. Въ переводѣ на Русскій языкъ они помѣщены въ 2-й кн. „Девятнадцатаго Вѣка“, стр. 114—120. Ими воспользовался внукъ гр. Ростопчина, гр. Сегюръ, написавшій его біографію (Vie du c-te Rostopchine, gouverneur de Moscou en 1812. Paris. 1871, стр. 181—182). Дѣйствительно, въ нашихъ государственныхъ архивахъ хранится чер-

Немногіе однако же предавались унынію и предвѣщали гибель Отечеству; многіе, напротивъ, какъ и графъ Гудовичъ, увѣрены были, что непріятель непремѣнно будетъ побѣжденъ. „Не смотря на всеобщую тревогу, увлекались самонадѣянностію, заглушали здравый смыслъ, не давая мѣста разсужденію“. Но эти слова писаны графомъ Ростопчинымъ долго спустя послѣ событій 1812 года. А что и какъ самъ онъ тогда думалъ? Хладнокровно-ли разсуждалъ онъ во время всеобщей тревоги, не увлекаясь *самонадѣянностію* и не предаваясь *унынію?* Если судить на основаніи только писемъ графа Ростопчина, писанныхъ въ это время къ императору, то можно отвѣчать на этотъ вопросъ положительно. „Мнѣ приходитъ на мысль (писалъ онъ государю въ началѣ Іюня), что извѣстіе о заключеніи мира съ Турками принудитъ Наполеона начать съ вами войну, если нѣтъ какого либо особеннаго соглашенія. Онъ не захочетъ поджидать подкрѣпленій, которыя придутъ съ Дуная, для войскъ, предназначенныхъ къ тому, чтобы бить Французовъ. Ваша имперія имѣетъ двухъ могущественныхъ защитниковъ: въ своихъ пространствахъ и въ своемъ климатѣ. 16 милліоновъ людей, исповѣдующихъ одну вѣру, говорящихъ однимъ языкомъ, которыхъ не коснулась бритва, эти-то бороды и составляютъ твердыню Россіи; кровь солдатъ родитъ героевъ на ихъ мѣсто и если бы несчастное стеченіе обстоятельствъ принудило бы васъ отступать

новая тетрадь, въ большой листъ, писанная рукою графа Ростопчина, съ поправками и помарками. Въ ней заключается разсказъ о происшествіяхъ въ Москвѣ съ назначенія гр. Ростопчина главнокомандующимъ и до вступленія Французовъ въ Москву. Когда и гдѣ были написаны эти Записки графомъ Ростопчинымъ? По словамъ его сына, онъ написалъ ихъ въ 1823 г. въ Ливенской своей деревнѣ, въ Козмодемьянскомъ (Matériaux, etc., стр. 272). По словамъ его внука, первые мѣсяцы по возвращеніи изъ Франціи (1823) онъ провелъ въ Вороновѣ, гдѣ сожженный имъ въ 1812 году домъ былъ уже возобновленъ. „Тамъ въ свободное время онъ писалъ свои воспоминанія о 1812 г. (гр. Сегюръ, Vie du c-te Rostopchine, кн. II, гл. V., стр. 339). Послѣднее извѣстіе вѣроятнѣе, потому что едвали самъ больной и съ больною дочерью (которая скончалась въ началѣ 1824 г.) гр. Ростопчинъ рѣшился на долго поселиться въ отдаленной деревнѣ. Но весьма вѣроятно, что именно въ это время написаны имъ Записки о 1812 г. или, лучше сказать, о его генералъ-губернаторствѣ въ Москвѣ въ 1812 г.; потому: 1) Содержаніе этихъ Записокъ показываетъ, что онѣ писаны были долго спустя послѣ происшествій, въ которыхъ самъ гр. Ростопчинъ принималъ дѣятельное и видное участіе. Выраженный въ нихъ взглядъ на многія отъ этихъ происшествій и на дѣйствовавшихъ въ нихъ лицъ совершенно несогласенъ съ современными взглядами того времени, даже самого гр. Ростопчина. Память утратила свѣжесть и силу современныхъ впечатлѣній; а вновь возникшія обстоятельства и отношенія къ лицамъ положили на нихъ печать особыхъ, исключительныхъ воззрѣній, образовавшихъ въ послѣдствіи у нѣкоторыхъ лицъ. 2) Что эти Записки были писаны въ 1823 г. вѣроятно и потому, что онѣ составляютъ продолженіе той-же историко-литературной дѣятельности гр. Ростопчина, плодомъ которой было извѣстное его сочиненіе „Правда о Московскомъ пожарѣ“, изданное имъ въ Парижѣ въ томъ же 1823 г. Обстоятельства, вызвавшія его написать это сочиненіе, невольно погрузили его въ воспоминанія о своей дѣятельности въ 1812 г., которую онъ и описалъ въ своихъ Запискахъ. Въ нихъ выражаются два направленія: сказанія современника перемѣшиваются со взглядами историка, повѣствующаго о давно совершившихся событіяхъ. Этими Записками я пользовался въ моемъ разсказѣ, и вездѣ, гдѣ приводятся въ немъ слова гр. Ростопчина безъ особаго указанія на источникъ, онѣ заимствованы изъ этихъ Записокъ.

предъ побѣдоносным непріятелемъ, Русскій императоръ всегда будетъ страшенъ въ Москвѣ, ужасенъ въ Казани, непобѣдимъ въ Тобольскѣ. Но простите, государь, мои опасенія и мои тревоги; они относятся единственно до вашего священнаго лица, подвергающагося покушеніямъ вѣроломства и злодѣйства ужаснаго человѣка, одареннаго адскимъ геніемъ и поддерживающаго себя ужасомъ. Для этого человѣка нѣтъ ничего священнаго; для него покушеніе на преступленіе и самое преступленіе составляютъ позволительныя средства, лишь бы они вели успѣшно къ цѣли. И что̀ будетъ съ нами? Что̀ будетъ съ Россіею? Снова прошу простить, государь, за эти размышленія того, кто знаетъ, какъ вы любите правду, который и самъ ее любитъ и повергаетъ къ стопамъ вашимъ [2])".

Читая эти строки, написанныя до полученія первыхъ извѣстій объ открывшихся военныхъ дѣйствіяхъ, нельзя не замѣтить, что взглядъ графа Ростопчина отличался необыкновенною по тому времени вѣрностію сравнительно со взглядами другихъ лицъ его общества. Но онъ усвоилъ себѣ этотъ взглядъ, будучи стороннимъ наблюдателемъ совершавшихся предъ его глазами происшествій; какъ же скоро выступилъ самъ на поприще исторической дѣятельности, то уже не могъ преодолѣть въ себѣ страстности и впечатлительности, свойственныхъ ему по самой его природѣ. Спустя нѣсколько дней послѣ приведенныхъ выше строкъ, онъ писалъ (30 Іюня 1812): „Съ какимъ нетерпѣніемъ, государь, мы ждемъ извѣстія о первой побѣдѣ. Наполеонъ остановился; онъ, который постоянно шелъ впередъ. Прогоните его за Рейнъ, тогда и Леппиху нечего будетъ дѣлать. Объявленіе войны, обращенное къ одному Наполеону, а не къ Французамъ, можетъ произвести нѣкоторое впечатлѣніе на этотъ великій народъ сумашедшихъ" [3]). И такъ графъ Ростопчинъ уже дожидается извѣстія о побѣдахъ, между тѣмъ какъ наши войска были въ полномъ отступленіи, и Наполеонъ находился въ Вильнѣ. Его продолжительное (18 дневное) пребываніе въ этомъ городѣ, гдѣ онъ сосредоточивалъ войска, принималъ мѣры относительно продовольствія ихъ и устроивалъ временное управленіе будущаго Польскаго королевства, дали поводъ гр. Ростопчину предполагать, что онъ далѣе уже не пойдетъ и что пораженіе его неминуемо.

Тревожное настроеніе Москвы усиливалось въ это время слухами, дошедшими изъ Петербурга о ссылкѣ Сперанскаго и Магницкаго. Объ этомъ событіи не было никакого заявленія правительства, ни указа, ни приказа: все сдѣлалось тайно, административнымъ порядкомъ, что̀ и давало молвѣ полную возможность преувеличивать и искажать дѣло и распространять небылицы. Въ Москвѣ говорили, что въ высшихъ правительственныхъ кругахъ открытъ заговоръ, что главою заговорщиковъ Сперанскій, что его обличили въ измѣнѣ и вмѣстѣ съ Магницкимъ „везутъ подъ стражею черезъ Москву въ опредѣленные имъ для жительства города. Говорили при томъ, что лишь только они въѣдутъ въ Москву, то будутъ истерзаны народомъ. „Но слава Богу (замѣчаетъ одинъ изъ современниковъ) они съ Твери поворотили въ другую сторону, а въ Москвѣ не были" [4]).

---

[2]) Письмо къ императору изъ Москвы 11-го Іюня 1812 г. Всѣ письма гр. Ростопчина къ императору писаны на Французскомъ языкѣ.

[3]) Письмо 30 Іюня 1812 г.

[4]) Чтенія въ Имп. обществѣ Истор. и Древн. при Московск. университетѣ, 1859 г. кн. 2-я, отд. V. Бестужева-Рюмина: Краткое описаніе происшествіямъ въ столицѣ Москвѣ въ 1812 г., стр. 72. Въ началѣ этого *описанія* значится: „Отдѣленіе 1-е, происшествія въ столицѣ Москвѣ, до вторженія въ оную непріятеля".

Въ это-то время состоялось назначеніе гр. Ростопчина. „Дѣйствительный тайный совѣтникъ и двора его императорскаго величества оберъ-камергеръ, гр. Ростопчинъ всемилостивѣйше переименовывается въ генералы отъ инфантеріи и назначается военнымъ губернаторомъ въ Москву". Этотъ указъ былъ подписанъ императоромъ въ Вильнѣ 24-го Мая, т. е. черезъ два мѣсяца послѣ того, какъ государь объявилъ о томъ лично графу Ростопчину въ Петербургѣ. „Только долгъ приличія, которое я долженъ былъ сохранить въ отношеніи къ фельдмаршалу, замедлилъ ваше назначеніе на его мѣсто (писалъ ему императоръ). Я выразилъ ему желаніе, чтобы онъ присутствовалъ въ Государственномъ Совѣтѣ. Онъ мнѣ отвѣчалъ, что онъ слишкомъ старъ и слабъ и просилъ меня уволить его въ отставку. Я согласился и сейчасъ же назначилъ васъ на его мѣсто. Я полагаюсь на васъ и льщу себя увѣренностію, что вы оправдаете мое довѣріе" [5]).

Дѣйствительно, разсказъ событій тутъ оканчивается 2-мъ Сентября, днемъ вступленія непріятеля въ Москву. И такъ второе заглавіе не соотвѣтствуетъ первому и показываетъ, что это только первое отдѣленіе „Описанія", за которымъ должно слѣдовать второе о пребываніи непріятелей въ Москвѣ. Было-ли написано Бестужевымъ-Рюминымъ это второе отдѣленіе?

Въ той же книгѣ Чтеній помѣщено „Донесеніе члена вотчиннаго департамента Бестужева-Рюмина г. министру юстиціи, И. И. Дмитріеву, 27 Февраля 1813 г". Въ этомъ донесеніи заключается разсказъ о всѣхъ происшествіяхъ въ Москвѣ со 2-го Сент. до 12-го Окт., составленный по числамъ, также какъ и въ первомъ отдѣленіи *описанія*, со дня вступленія Французовъ въ Москву и до перваго появленія въ ней казаковъ, послѣ выхода ихъ изъ столицы. Очевидно, это донесеніе замѣняетъ второе отдѣленіе „Описанія", какъ справедливо замѣтилъ и редакторъ „Чтеній". Но было-ли оно первоначально составлено Бестужевымъ-Рюминымъ въ этомъ видѣ, т. е. какъ донесеніе къ министру юстиціи, или отдѣльно, какъ второе отдѣленіе его сочиненія и потомъ уже, въ слѣдствіе особыхъ цѣлей, включено въ составъ поданнаго имъ въ 1813 г. донесенія министру? При внимательномъ чтеніи этого донесенія не трудно замѣтить, что его содержаніе распадается на двѣ части: на разсказъ о происшествіяхъ въ Москвѣ этого времени и на дополненіе къ нимъ, въ видѣ поясненій, написанныхъ позднѣе и вызванныхъ тѣмъ положеніемъ, въ которое былъ поставленъ сочинитель послѣ оставленія Москвы Французами. Онъ былъ отданъ подъ судъ, со многими другими лицами, остававшимся въ Москвѣ, во время занятія ея Французами, изъ которыхъ нѣкоторые, и въ ихъ числѣ Бестужевъ-Рюминъ, приняли должности въ муниципальномъ управленіи, учрежденномъ Наполеономъ. Авторъ долженъ былъ оправдываться. Его донесеніе министру юстиціи 1813 г. Февр. 27 и есть оправданіе его дѣйствій, въ которое, для большей убѣдительности, онъ включилъ подробный разсказъ о пребываніи Французовъ въ Москвѣ, первоначально составленный имъ отдѣльно. Что̀ именно такъ и было, подтверждаютъ его собственноручныя рукописи, которыя, во время продолженія слѣдствія и суда по его дѣлу, онъ самъ разсылалъ различнымъ лицамъ и вѣдомствамъ и которыя сохранились въ нашихъ архивахъ, Главнаго Штаба и Министерства Внутреннихъ Дѣлъ (въ дѣлахъ общества о пособіи разореннымъ жителямъ Москвы, бывшаго подъ предсѣдательствомъ императрицы Елизаветы Алексѣевны). При сличеніи рукописи, писанной рукою самого Бестужева съ изданною въ Чтеніяхъ, оказался только слѣдующій пропускъ (стр. 165): „28-го Августа совѣтникъ департамента г. статскій совѣтникъ Аничковъ, по предложенію гр. Дмитріева-Мамонова, уволенъ паки въ отпускъ на 8 дней, и департаменту остался я начальникъ".

[5]) Письмо императора къ гр. Ростопчину изъ Вильны 24-го Мая 1812 г.

Увольняя отъ должности графа Гудовича, императоръ въ рескриптѣ ему говорилъ: „Справедливымъ поставляю долгомъ изъявить вамъ отличное мое благоволеніе и признательность за труды, въ теченіе долговременнаго служенія вашего вами понесенные. Въ вящшее же ознаменованіе сихъ моихъ къ вамъ расположеній, препровождаю алмазами осыпанный портретъ мой для ношенія вами. Мнѣ пріятно будетъ, если вы, по возстановленіи вашего здоровья, займете мѣсто ваше въ Государственномъ Совѣтѣ, гдѣ опытность ваша и благоразуміе послужатъ конечно во благо общее“ [6]).

Хотя ни въ письмахъ гр. Ростопчина къ государю и другимъ лицамъ въ это время, ни въ его Запискахъ не встрѣчаемъ никакихъ указаній; но едва-ли онъ не былъ нѣсколько оскорбленъ назначеніемъ его *военнымъ губернаторомъ*. Это назначеніе не соотвѣтствовало не только прежнимъ его должностямъ, но и званію оберъ-камергера, которымъ онъ былъ облеченъ уже при императорѣ Александрѣ, и ставило его въ странное отношеніе съ Московскимъ гражданскимъ губернаторомъ, равнымъ съ нимъ по должности. Была ли это случайная ошибка и дѣло умышленное, далъ ли это замѣтить самъ гр. Ростопчинъ или нѣтъ, мы не можемъ рѣшить; но что это вскорѣ было замѣчено и исправлено, служитъ доказательствомъ состоявшееся чрезъ нѣсколько дней новое высочайшее повелѣніе о назначеніи его *главнокомандующимъ* въ Москвѣ. „Въ высочайшемъ повелѣніи, которое я имѣлъ честь получить вчера вечеромъ за подписью вашего императорскаго величества (писалъ гр. Ростопчинъ государю 4-го Іюня), я названъ главнокомандующимъ въ Москвѣ, и въ адресѣ означенъ тотъ же титулъ. Я остановился принять его, прежде нежели узнаю волю вашего величества“ [7]). Конечно эту волю онъ узналъ скоро, ибо повелѣніе государя было обнародовано. Но этой, быть можетъ и случайной, ошибкѣ не замѣтить онъ не могъ; потому что принялъ это мѣсто не по той важности только, какую представляло оно въ то время, но и потому, что онъ считалъ его вообще выше всѣхъ генералъ-губернаторствъ. „Не смотря на то, что государи постоянно держали себя въ удаленіи отъ Москвы (говоритъ въ своихъ Запискахъ гр. Ростопчинъ), они тѣмъ не менѣе обходились съ ней съ особенною предупредительностью. Генералъ-губернаторами въ Москву всегда назначали заслуженныхъ, полныхъ генераловъ, а часто и фельдмаршаловъ. Они имѣли право сноситься прямо и непосредственно съ государемъ. Домъ, въ которомъ они помѣщались, былъ однимъ изъ лучшихъ дворцевъ въ городѣ; въ ихъ распоряженіи находилась великолѣпная придворная посуда. Во время войнъ, Москву извѣщали о всякой побѣдѣ: отправлялся особый посланный изъ Петербурга съ рескриптомъ на имя генералъ-губернатора, исполненнымъ самыхъ лестныхъ для Москвы выраженій. При каждомъ восшествіи на престолъ туда отправляли для объявленія важнаго военнаго сановника“. Отставка одного генералъ-губернатора и назначеніе на его мѣсто другаго, какъ явленіе обычное, не могли-бы произвести особеннаго впечатлѣнія на Москву и возбудили бы лишь толки въ разныхъ слояхъ ея народонаселенія, если бы эта перемѣна совершилась въ другое время, а не въ виду грозившей опасности Отечеству. Но въ то время, когда послѣдовало это назначеніе, такое положеніе дѣлъ понимали немногіе. Война еще не начиналась, и свѣдѣній объ отношеніи къ Россіи Наполеона никакихъ не обнародовалось; но тяжелое предчувствіе, не смотря на это, тревожило всѣхъ. Поэтому всякая

---

[6]) Рескриптъ гр. Гудовичу 13-го Мая. Сѣверная Почта 1812 г. № 45.

[7]) Письмо къ императору гр. Ростопчина 4-го Іюня изъ Москвы.

новая мѣра правительства возбуждала вниманіе и служила поводомъ къ разнымъ толкамъ и сужденіямъ. Въ томъ обществѣ, гдѣ хотя изрѣдка, но видали гр. Ростопчина, которое онъ потѣшалъ своими остротами и забавными выходками, были удивлены, увидавъ въ немъ *Московскаго властелина*. „То-то онъ будетъ гордо выступать теперь (писала одна изъ представительницъ этого общества къ своей подругѣ въ Петербургъ). Теперь всѣ его качества и достоинства обнаружатся. Но пока я не думаю, чтобы у него было много друзей въ Москвѣ. Надо признаться, что онъ и не искалъ ихъ, дѣлая видъ, что ему нѣтъ дѣла ни до кого на свѣтѣ“ [8]). Гр. Ростопчинъ съ немногими семействами былъ въ дружескихъ отношеніяхъ, и въ ихъ средѣ его назначеніе приняли съ восторгомъ. На мѣсто гр. Гудовича назначенъ „нашъ неоцѣненный гр. Ѳедоръ Васильевичъ (говоритъ одинъ изъ членовъ такой семьи). Онъ самъ сегодня пріѣзжалъ возвѣстить намъ эту радость“ [9]).

Впрочемъ, первое впечатлѣніе, которое могло произвесть его назначеніе въ средѣ Московскаго высшаго общества, не могло выразиться въ видѣ общаго мнѣнія потому уже, что онъ вступилъ въ новую должность въ то время, когда большая часть семействъ этого общества давно оставили Москву, разъѣхавшись по деревнямъ, на лѣто. Сохранились только впечатлѣнія отдѣльныхъ лицъ. „Признаюсь откровенно (говоритъ одинъ), что лишь только я узналъ о сей перемѣнѣ начальства, сердце у меня облилось кровью, какъ будто я ожидалъ чего-то очень непріятнаго“ [10]). Но другіе находили выборъ императора самымъ счастливымъ и совершенно удовлетворявшимъ требованіямъ времени. С. Н. Глинка, который пользовался особенною извѣстностію въ это время въ Москвѣ, какъ писатель и общественный дѣятель, съ свойственнымъ ему увлеченіемъ, поставилъ гр. Ростопчина даже рядомъ съ Наполеономъ. „Приведемъ здѣсь двухъ человѣкъ, говоритъ онъ, изъ которыхъ одинъ водилъ полки, переставлялъ престолы, а другой жилъ въ уединеніи, съ однимъ собою и какъ будто въ глубокомъ бездѣйствіи. Эти два человѣка—Наполеонъ и графъ Ростопчинъ“. Гр. Ростопчинъ молчалъ до Тильзитскаго мира и „въ первый разъ откликнулся живымъ Русскимъ словомъ въ 1807 году и прослылъ въ народѣ Русскимъ человѣкомъ. Искусный полководецъ выжидаетъ надлежащаго мгновенія для дѣйствія; также поступаетъ и внимательный наблюдатель духа народнаго: онъ не бросаетъ словъ на вѣтеръ, онъ знаетъ ихъ силу на душу и говоритъ тогда, когда душа, принимая слова, готова обратить ихъ въ дѣйствіе. Въ то время, когда Наполеонъ воевалъ за Пиринеями, онъ продолжалъ всматриваться въ духъ народный и наблюдалъ возстаніе душъ въ Испаніи. Въ послѣдующіе годы онъ жилъ въ уединеніи, продолжая свое дѣло, и довѣренность къ нему Московскаго народа часъ отъ часу усиливалась. Онъ жилъ просто, не давалъ пировъ, велъ свое хозяйство домовито и расчетливо; не гонялся ни за какими случайными выгодами, не входилъ ни въ какіе долги и потому не имѣлъ ни въ комъ нужды. Исторія, повѣствуя о громкихъ событіяхъ, рѣдко замѣчаетъ частныя обстоятельства, которыя дѣлаютъ человѣка лицомъ общественнымъ и обращаютъ на него общее мнѣніе. А потому здѣсь справедливо

---

[8]) Письма М. А. Волковой къ В. И. Ланской, отъ 7 и 24-го Іюня; Русс. Архивъ 1872 г. № 12; Вѣстникъ Европы 1874 г. № 8, Августъ.

[9]) Выдержки изъ Записокъ А. Я. Булгакова, подъ 1-мъ Іюня; Русс. Архивъ 1867 г. № 11, стр. 1373.

[10]) Бестужева-Рюмина, Описаніе событій и пр. Чтенія въ Имп. Моск. общ. Исторіи и Древн. 1859 г. кн. 2, Отд. V, стр. 69—70.

можно сказать, что гласъ Божій слышенъ былъ и въ голосѣ народномъ, когда въ 1812 г. графъ Ростопчинъ былъ назначенъ главнокомандующимъ въ Москву. Съ мыслью новаго начальника породнилась мысль цѣлой Москвы, а на Москву смотрѣла Россія" [11]).

Другой изъ современниковъ говоритъ: „Можно сказать, что Александръ былъ вдохновленъ свыше, когда въ преемники гр. Гудовичу выбралъ гр. Ростопчина. Всѣ жители Москвы чрезвычайно этому обрадовались, только радость была непродолжительна. Онъ выпрямился во всю высоту роста и ума своего и вдругъ явился грознымъ повелителемъ, съ своими нахмуренными бровями, какъ бы Юпитеромъ-громовержцемъ. Это было необходимо. Онъ зналъ дворянъ, зналъ также своеволіе, предразсудки и повѣрья простаго народа; зналъ, что сей послѣдній въ свирѣпомъ видѣ всегда предполагаетъ смѣлость и силу. Сжавъ тѣхъ и другихъ въ мощной рукѣ своей, онъ въ тоже время умѣлъ овладѣть ихъ умами и привязать ихъ къ себѣ,—искусство удивительное, которое не умѣли у насъ довольно оцѣнить. Если вспомнить, что Москва имѣла тогда главное вліяніе на внутреннія провинціи и что примѣръ ея дѣйствовалъ на все государство, то надобно признаться, что заслуги его въ семъ году суть безсмертны" [12]).

Но этотъ послѣдній отзывъ составленъ по слухамъ, разносившимся по Россіи о дѣйствіяхъ гр. Ростопчина уже въ качествѣ Московскаго главнокомандующаго. Смотря на эти дѣйствія, даже и тѣ, которые съ недовѣріемъ относились къ его назначенію, должны были черезъ мѣсяцъ сознаться, что „до сихъ поръ имъ довольны, можетъ быть потому, что все новое нравится; впрочемъ я никогда не сомнѣвалась, что у него въ тысячу разъ болѣе ума и дѣятельности, чѣмъ у бывшаго нашего фельдмаршала... Имъ довольны въ нашей доброй Москвѣ: онъ очень дѣятеленъ, справедливъ и, если не измѣнится, то его здѣсь очень полюбятъ" [13]).

Дѣйствительно, дѣйствія гр. Ростопчина, какъ главнокомандующаго, направили общественное мнѣніе въ его пользу. Но еще прежде нежели они обнаружились, при самомъ его назначеніи радовались въ одномъ темномъ уголкѣ Московской жизни, широко однакоже простиравшемъ свое вліяніе на высшіе слои общества. Іезуитъ, аббатъ Сюрюгъ, настоятель Латинской церкви св. Людовика въ Москвѣ, писалъ въ это время другому Іезуиту, аббату Билли въ Петербургъ: „Перемѣна губернатора будетъ для насъ выгодна. Я имѣлъ случай представиться ему и былъ имъ принятъ хорошо. Обѣщаніе графа оказывать намъ особенное покровительство даетъ намъ самыя счастливыя надежды. По крайней мѣрѣ на гр. Ростопчина не будутъ имѣть вліянія люди ненавидящіе духовныхъ. Графиня по этому случаю написала къ своему мужу письмо, достойное королевы Бланки. Она отправляется 19 числа изъ Петербурга съ сестрою своей кн. Голицыной; воспользуйтесь этимъ случаемъ, чтобы переслать ко мнѣ должныя наставленія". Намекъ на людей враждебныхъ духовенству, т. е. Латинскому, объясняется предшествующими письмами аббата Сюрюга къ тому же Іезуиту, въ которыхъ онъ жалуется на доктора Сальватора, состоявшаго при фельдмаршалѣ Гудовичѣ, что онъ мѣшаетъ имъ дѣйствовать и доноситъ на нихъ. „Докторъ Сальваторъ революціонеръ и Якобинецъ; онъ хвалился,

---

[11]) С. Н. Глинки. Русское Чтеніе. Спб. 1845 г. ч. I, стр. 240—24.

[12]) Записки Ф. Ф. Вигеля, ч. IV, стр. 24 и слѣд.

[13]) Письма М. А. Волковой отъ 24-го Іюня и 1-го Іюля 1812 г.

что разстрѣлялъ въ Калабріи 12 священниковъ“ [14]). Этого доктора особенно преслѣдовалъ потомъ и гр. Ростопчинъ.

Наконецъ, самъ гр. Ростопчинъ сознавалъ отношенія къ нему Москвы и употреблялъ всѣ способы, чтобы пріобрѣсть ея довѣренность и расположеніе. „Городъ, кажется, доволенъ былъ моимъ назначеніемъ. Мнѣ было 47 лѣтъ, я пользовался хорошимъ здоровьемъ и съ самаго начала вступленія въ должность выказалъ большую дѣятельность (говоритъ онъ), что̀ было важною новостью, потому что всѣ мои предшественники были старики. Меня съ разу полюбили за то, что я сдѣлался всѣмъ доступенъ; я объявилъ, что ежедневно съ 11 до 12 часовъ ко мнѣ могутъ являться всѣ; а тѣ, которые имѣютъ сообщить мнѣ что либо важное, будутъ приняты мною во всякое время дня. Въ день моего вступленія въ должность, я велѣлъ отслужить молебны передъ всѣми чудотворными иконами, которыя весьма почитаетъ народъ. Я старался обходиться съ особенною учтивостію со всѣми тѣми, которые имѣли до меня дѣло. Я поддѣлался къ старухамъ, сплетницамъ и богомолкамъ и приказалъ убрать гробы, которые употребляли вмѣсто вывѣсокъ на мастерскихъ, гдѣ ихъ дѣлали. Я также велѣлъ снимать съ церквей наклеенныя на нихъ афишки и разныя объявленія. Двухъ дней мнѣ достаточно было, чтобы бросить пыль въ глаза и убѣдить большую часть жителей Москвы, что я неутомимъ и что меня видятъ повсюду. Я успѣлъ заставить такъ думать о моей дѣятельности, разъѣзжая въ одно и тоже утро по самымъ отдаленнымъ одна отъ другой частямъ города и вездѣ оставляя слѣды моего правосудія или строгости. Такъ, въ первый день я велѣлъ посадить подъ арестъ офицера въ военномъ госпиталѣ, которому препоручена раздача пищи, потому что не нашелъ его въ кухнѣ во время завтрака. Я оказалъ правосудіе крестьянину, которому, вмѣсто 30 фунтовъ купленной имъ соли, отпустили только 25. Я посадилъ въ тюрьму чиновника, находившагося при постройкѣ моста на баркахъ. Я входилъ всюду, я говорилъ со всѣми, я многое узнавалъ и потомъ пользовался этимъ и, изморивъ двѣ пары лошадей въ статскомъ платьѣ, я возвращался домой въ 8 часовъ утра, переодѣвался въ военное и былъ готовъ начать работу“.

Нѣтъ нужды, кажется, и говорить, что подобная гроза, промчавшись надъ Москвою, должна была пробудить ея вниманіе и освѣжить воздухъ. На другой день по вступленіи въ должность, графъ писалъ государю: „Я имѣлъ счастіе получить рескриптъ вашего императорскаго величества отъ 31 Мая и на другой же день вступилъ въ отправленіе важной должности, которую вы на меня возложили. Я преисполненъ самой горячей ревности, законной преданности и искренней любви къ лицу вашего величества, къ вашей славѣ, къ вашимъ пользамъ. Не буду говорить о безпорядкахъ и распущенности въ управленіи. Я не обвиняю даже моего предшественника. Онъ отъ природы ограниченный человѣкъ. Онъ слишкомъ долго жилъ и окончилъ тѣмъ, что сдѣлался игрушкою двухъ разбойниковъ, своего брата и доктора Сальватора. Полиція мнѣ не доставитъ много труда, потому что она была приведена только въ бездѣйствіе; но правосудіе все подкупное. Губернаторъ Обрѣзковъ былъ только связанъ по рукамъ и по ногамъ. Докторъ Сальваторъ, который прямо говоритъ, что получаетъ по 6000 ливровъ отъ Наполеона, грабительствомъ составилъ себѣ имущество, простирающееся до 400 тысячъ рублей, деньгами и вещами, и уѣзжаетъ съ фельдмаршаломъ сначала въ его помѣстье въ 35 верстахъ подъ

[14]) Описаніе бумагъ, отобранныхъ у Іезуитовъ въ 1815 г. (Полн. Собр. Зак. №. 26036). Письма аббата Сюрюга къ Билли въ Маѣ и Іюнѣ 1812 г. № 115.

Москвою, а потомъ въ Каменецъ-Подольскую губернію. Онъ проситъ паспорта, чтобы выѣхать изъ Россіи; но этотъ человѣкъ никогда не долженъ изъ ней удаляться. Я осмѣливаюсь просить ваше императорское величество обратить вниманіе на мое соображеніе, что для большей безопасности, особенно, если начнется война, слѣдовало бы запретить выдавать паспорты иностранцамъ вообще какъ для въѣзда въ Россію, такъ и для выѣзда изъ ней. За тѣми, которые у насъ находятся, легко было бы наблюдать, чтобы не дать имъ способовъ вредить сообщеніемъ свѣдѣній своимъ правительствамъ о различныхъ предметахъ; а тѣ, которые могли бы вновь пріѣхать изъ за границы, не привезли бы съ собою новаго яда для растлѣнія умовъ. Я мало по малу начну искоренять безпорядки и буйства, происходящіе въ трактирахъ, гдѣ разнообразные посѣтители пьянствуютъ, играютъ, заражаются и погибаютъ. Я обращаюсь съ просьбою къ министру полиціи, чтобы онъ уполномочилъ меня отправлять къ кн. Лобанову и включать въ составъ полковъ, которые поручено ему образовать, безпаспортныхъ бродягъ, которые будутъ пойманы полиціею и не имѣютъ никакихъ постоянныхъ занятій. Это большею частію мѣщане, иногда офицеры или гражданскіе чиновники низшихъ классовъ, которые по утрамъ просятъ милостыню, днемъ воруютъ, а ночью производятъ безпорядки. Я увѣренъ, что въ одинъ мѣсяцъ я поставлю такихъ людей не менѣе 500. Ихъ удаленіе будетъ истиннымъ благодѣяніемъ для города. Здѣсь есть два проповѣдника *иллюминатства*: одинъ типографщикъ Семенъ, другой книгопродавецъ Аллартъ. Я поручилъ наблюдать за ними человѣку весьма способному; но эти люди, также какъ и Мартинисты, игроки и всѣ плуты высшаго разряда, пріутихли: они хотятъ узнать, какъ я буду управлять, чтобы опредѣлить потомъ и свой образъ дѣйствій. Фельдмаршалъ упустилъ изъ виду довести до свѣдѣнія вашего императорскаго величества о прекрасномъ поступкѣ Муромцева. Я сообщилъ о немъ министру полиціи. Этотъ поступокъ достоинъ вашего вниманія, государь. Считаю долгомъ предупредить, что нѣкто Зерновъ, представленный фельдмаршаломъ къ чину или ордену, былъ служителемъ гр. Михаила Гудовича, потомъ буфетчикомъ фельдмаршала, величайшій воръ. Чрезъ его посредство дѣлались всѣ скверныя дѣла, и онъ получалъ значительную долю изъ беззаконныхъ поборовъ гр. Михаила и Сальватора. Я нашелъ въ числѣ служащихъ въ канцеляріи фельдмаршала 13 дѣтей и несовершенно-лѣтнихъ, которые никогда не являлись на службу, а между тѣмъ получали чины. Если ваше величество удостоите меня вашими приказаніями относительно Леппиха, то прошу сообщать ихъ съ нарочными, потому что я увѣренъ, что Ключаревъ распечатываетъ и читаетъ всѣ письма. Коллежскій совѣтникъ Брокеръ, котораго я представляю на мѣсто 3-го полиціймейстера въ Москву, есть тотъ, который открылъ контрабанду на почтѣ и золотые рудники Губина. Онъ столько же ревностенъ, какъ и честенъ“ [15]).

Мы вполнѣ привели это письмо, дабы показать, что съ перваго дня вступленія въ должность гр. Ростопчинъ дѣйствовалъ, какъ опытный, хорошо знакомый съ Москвою, начальникъ. Но какими же способами онъ могъ пріобрѣсть эти познанія и опытность? Проживая въ Москвѣ какъ частный человѣкъ, большей частію уединенно, рѣдко являясь въ обществѣ и посѣщая лишь немногіе дома, онъ могъ знать только городскіе слухи. Едва ли человѣкъ, знакомый съ высшею государственною дѣятельностію, могъ вполнѣ полагаться на слухи и принимать ихъ въ руководство для своихъ

---

[15]) Письмо гр. Ростопчина къ императору отъ 7-го Іюня 1812 г.

дѣйствій, не провѣривъ ихъ основательности ни съ дѣлами ввѣреннаго ему управленія, ни съ служебною дѣятельностію подчиненныхъ ему лицъ. Такую провѣрку и невозможно было сдѣлать въ одинъ или два дня, не смотря на всю опытность и всѣ дарованія новаго главнокомандующаго. Очевидно, гр. Ростопчинъ вступилъ въ управленіе Москвою съ готовымъ уже мнѣніемъ о тамошнихъ Мартинистахъ, которое выражено имъ въ первыхъ письмахъ къ императору и которое поддерживали въ немъ посторонніе вліянія.

Взглядъ гр. Ростопчина на Мартинистовъ былъ точкою соприкосновенія его съ Іезуитами. Это прикосновеніе усложнилось въ это время вслѣдствіе происшествія, совершившагося въ его собственномъ семействѣ.

Супруга графа Ростопчина, Екатерина Петровна, урожденная Протасова, получила совершенно свѣтское-образованіе, живя съ дѣтства во дворцѣ Екатерины у тетки своей, камерфрейлины Протасовой (родственницы графовъ Орловыхъ). По свидѣтельству ея внука, первоначально она не имѣла никакихъ религіозныхъ убѣжденій. Восхищаясь художественною стороною Христіянства, она говаривала: „Какъ жаль, что такое прекрасное ученіе—ложно". Но въ послѣдствіи, гр. Ростопчина близко познакомилась съ гр. Местромъ, и многія страницы „Вечеровъ въ Петербургѣ", этого великаго мыслителя и великаго писателя составляютъ воспоминанія и выводы изъ разговоровъ съ графинею Ростопчиной. Іезуиты, изгнанные изъ Латинской Европы, нашли радушный пріемъ въ Россіи. Они поразили Русское общество своими познаніями и добродѣтелями. Гр. Ростопчина и ея сестры подчинились ихъ вліянію". Чтеніе сочиненій, на которыя ей указывали ея руководители и особенна книги, которыя сообщалъ ей въ Москвѣ аббатъ Сюрюгъ, привели ее къ убѣжденію, что „христіянская вѣра есть истинная вѣра, и во всей своей полнотѣ она выразилась въ Римско-католическомъ исповѣданіи". Это убѣжденіе естественно привело ее къ тому, что тотъ-же аббатъ принялъ отъ нея „отреченіе" отъ исповѣданія, въ которомъ она была крещена и ввелъ ее въ нѣдра Латинской церкви, взявъ напередъ (не смотря на ея возраженія) строгое обѣщаніе, что она сохранитъ это въ тайнѣ даже отъ своего мужа. „Нѣсколько мѣсяцевъ она сохраняла тайну, и это время, по ея свидѣтельству, было лучшимъ въ ея жизни. Любопытенъ разсказъ (говоритъ внукъ ея, графъ Сегюръ) о тѣхъ предосторожностяхъ, которыя она должна была принимать въ своихъ отношеніяхъ къ новому исповѣданію. Аббатъ Сюрюгъ разъ въ недѣлю обѣдалъ у гр. Ростопчина, который въ это время жилъ открыто и принималъ многихъ. Каждый разъ послѣ обѣда она начинала ходить съ нимъ по обширнымъ комнатамъ дома, какъ бы ведя обыкновенный разговоръ; но тутъ она исповѣдывалась у него. Послѣ исповѣди, незамѣтно для другихъ, онъ передавалъ ей золотой ящичекъ, въ которомъ находился освященная остія; а она потомъ возвращала ему такой-же пустой. Она благочестиво относила ящичекъ въ свою моленную и снова возвращалась занимать гостей, увлекая ихъ любезностью. Этими остіями она ежедневно сама пріобщалась [16])".—„Кто постигнетъ пути Господни (писалъ аббатъ Сюрюгъ къ іезуиту Билли)? Я живу въ близкомъ сосѣдствѣ съ графинею Ростопчиной, которая уже предваряла меня о желаніи часто видѣться со мною. Разсужденія наши о вѣрѣ и церкви не истощаются... Она посылаетъ своего сына на проповѣдь въ нашу церковь Св. Людо-

[16]) Гр. Сегюръ, Vie du c-te Rostopchine. Paris, 1871, стр. 159—162.

вика. Графъ также иногда самъ бываетъ въ ней. Вы видите, что сосѣдство не упущено" [17]).

Новое положеніе гр. Ростопчина въ Московскомъ обществѣ поставило его и въ новыя къ нему отношенія. *Независимый*, державшій себя выше тѣхъ, надъ которыми онъ шутливо насмѣхался и ѣдко острилъ, онъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы не понять, что, получивъ власть надъ столицею, онъ тѣмъ самымъ сталъ въ зависимое положеніе отъ ея общества и, для своей собственной извѣстности и успѣха въ дѣйствіяхъ, долженъ былъ пріобрѣсти расположеніе этого общества. Оставаться по прежнему въ близкихъ отношеніяхъ только съ немногими семействами было уже невозможно; но, сохраняя прежнія связи, необходимо было расширить кругъ дружелюбныхъ или по крайней мѣрѣ мирныхъ отношеній къ большинству семействъ этого общества, особенно допустивъ къ себѣ свободный доступъ всѣмъ и каждому. Такъ и дѣйствовалъ новый главнокомандующій Московскій.

„Исключая князя Долгорукаго и генерала Апраксина (говоритъ гр. Ростопчинъ) я со всѣми жилъ въ ладахъ. Перваго я слишкомъ презиралъ и потому пересталъ у него бывать; что̀ же касается до втораго, съ которымъ издавна я былъ въ близкихъ связяхъ и потомъ мы ссорились съ нимъ нѣсколько разъ: то я нисколько не заботился о моихъ къ нему отношеніяхъ. Съ одной стороны я хорошо зналъ, что не дамъ никакого повода жаловаться на меня, съ другой я расчитывалъ на пособіе трехъ самыхъ вѣрныхъ помощниковъ, т. е. на глупость, низость и гордость. Небольшая награда, данная или даже обѣщанная, нѣкоторое отличіе и угроза, заставляли молчать недовольныхъ. Когда же ожидали прибытія императора, то всѣ отношенія сей-часъ же измѣнялись: старались напередъ заискивать, чтобъ удостоиться какой нибудь милости; представляли, что имѣютъ на это права, дѣйствительныя или вымышленныя, и желали, чтобы я подкрѣпилъ ихъ своимъ вліяніемъ. Всѣ стремились къ тому, чтобы утолить свою жажду отъ источника милостей. Въ этомъ случаѣ они постоянно повторяли одно неизмѣнное правило: государь милостивъ, все зависитъ отъ его воли. Но какъ невозможно осыпать милостями всѣхъ и каждаго, и избранниковъ оказывалось немного, поэтому каждое короткое пребываніе государя въ Москвѣ служило послѣ его отъѣзда поводомъ къ неудовольствіямъ и безконечнымъ жалобамъ, которыя затихали предъ каждымъ новымъ его пріѣздомъ. Я очень хорошо понималъ, что Москва послужитъ примѣромъ для всей Россіи и употребилъ всѣ старанія, чтобы пріобрѣсть довѣріе и расположеніе ея жителей. Необходимо было, чтобы Москва служила указателемъ, маякомъ и электрическимъ очагомъ. Дабы болѣе обезпечить общественное спокойствіе, я строго наблюдалъ за исполненіемъ моихъ распоряженій относительно гостинницъ, трактировъ и кофеенъ, гдѣ собирались праздные люди, гуляки и развратники, проводя цѣлыя ночи въ пьянствѣ, игрѣ, обманывая другъ друга, развращаясь еще болѣе и окончательно погибая. Дворянство и граждане поддерживали эти

---

[17]) Задніе ходы Ростопчинскаго дома (нынѣ Н. П. Шипова), выходящіе на Малую Лубянку, приходятся какъ разъ противъ Латинской церкви Св. Людовика, при которой жилъ аббатъ Сюрюгъ. Замѣтимъ кстати, что аббатъ этотъ былъ прежде домашнимъ учителемъ при дѣтяхъ извѣстнаго археолога, бывшаго нѣкогда оберъ-прокуроромъ Св. Синода, графа А. И. Мусина-Пушкина. На домѣ графа, на Разгуляѣ (нынѣ вторая гимназія) устроены Сюрюгомъ сохранившіеся до сихъ поръ солнечные часы (слышано отъ княгини Е. А. Оболенской, дочери графа А. И. Мусина-Пушкина). *П. Б.*

мѣры, служившія препятствіемъ къ развращенію слугъ, сидѣльцевъ и купеческихъ сыновей. Выгнавъ изъ службы квартальнаго надзирателя, который ежедневно бралъ съ мясниковъ по 60 фунтовъ говядины, я достигъ того, что цѣна говядины понизилась на одну треть. Я объявилъ полицейскимъ чинамъ, которыхъ было до 300, что я ничего имъ не спущу и чтобы они не думали скрывать отъ меня свои плутни, потому что они знали, что я разговариваю со всѣми и что всякій имѣетъ ко мнѣ свободный доступъ. Мнѣ случилось только три раза прибѣгать къ строгимъ мѣрамъ, и я былъ очень счастливъ въ этомъ отношеніи, такъ какъ полиція составлена была изъ лицъ неизвѣстныхъ и бѣдняковъ, получавшихъ ничтожное жалованье, презираемыхъ и не имѣвшихъ никакой надежды на повышеніе по службѣ. Было только 20 частныхъ приставовъ: должности болѣе замѣтныя, на полученіе которыхъ могли разсчитывать подчиненные офицеры, потому что генералъ-губернаторъ замѣщалъ ихъ тѣми изъ нихъ, которыхъ желалъ поощрить".

Кромѣ полиціи гр. Ростопчинъ и въ отношеніи къ прочимъ лицамъ, входившимъ въ составъ управленія, поступилъ не съ меньшимъ благоразуміемъ. Онъ почти никого не исключилъ, развѣ тѣхъ, которые числились только, а не служили, и немногихъ опредѣлилъ вновь, найдя возможнымъ воспользоваться успѣшно наличными силами. Вотъ какъ онъ описалъ въ своихъ Запискахъ ближайшихъ своихъ сотрудниковъ: „Статскій совѣтникъ Обрѣзковъ, гражданскій губернаторъ, человѣкъ весьма умный, тонкій и понимавшій людей, съ которыми имѣлъ дѣло. Онъ вышелъ въ отставку еще въ царствованіе императора Павла, а потомъ вновь вступилъ въ службу для того, чтобы получить повышеніе. Хотя онъ былъ еще довольно молодъ, но съ сильно разстроеннымъ здоровьемъ, отъ безсонныхъ ночей, проводимыхъ за игрою въ карты, въ которой онъ былъ очень счастливъ. Онъ былъ очень лѣнивъ, но обстоятельства того времени вывели его изъ этого положенія, и онъ своею дѣятельностію въ 1812 и 1813 годахъ былъ чрезвычайно полезенъ. Вице-губернаторъ Арсеньевъ, человѣкъ тоже не безъ способностей, но огрубѣвшій отъ употребленія крѣпкихъ напитковъ, и въ концѣ 1813 года я принужденъ былъ его смѣнить. Комендантъ Гессе былъ Нѣмецъ невысокаго происхожденія, служилъ офицеромъ въ морскомъ баталіонѣ, который императоръ Павелъ, будучи еще великимъ княземъ, образовалъ въ Гатчинѣ. Потомъ мало по малу онъ дослужился до чина генералъ-лейтенанта и 20 лѣтъ занималъ мѣсто коменданта въ Москвѣ. Это былъ прекраснѣйшій человѣкъ, честный и безпристрастный, но обращавшій болѣе всего вниманіе на форму. Однако онъ былъ хорошъ только до 6 часовъ вечера, послѣ чего пуншъ и трубка совершенно имъ завладѣвали. Начальникъ гарнизона Брозинъ былъ ничтожный человѣкъ, съ которымъ я находился въ постоянныхъ пререканіяхъ за его грабительства и слишкомъ явное поползновеніе воспользоваться всѣмъ отъ полка въ свою собственность. Полиціймейстеръ, генералъ маіоръ Ивашкинъ, человѣкъ честный, но слишкомъ мягкій, находившійся постоянно подъ вліяніемъ жены, робкій, болѣзненный, но точно исполнявшій предписанія. Архіепископъ Августинъ былъ человѣкъ весьма образованный, знавшій хорошо Латинскій и Греческій языки. Онъ былъ весьма даровитымъ проповѣдникомъ, обладая краснорѣчіемъ, пріятнымъ и мягкимъ. Онъ не очень былъ набоженъ, въ обществѣ былъ свѣтскимъ человѣкомъ, а съ духовенствомъ обращался грубо. Онъ не былъ равнодушенъ къ прекрасному полу: у него много племянницъ, которыя имѣли къ нему доступъ во всякое время. Предводитель дворянства Арсеньевъ, толстый, ограниченный, обжора и всепокорнѣйшій слуга генералъ-губернатора.

1-й полицiймейстеръ, генералъ Воейковъ, былъ слишкомъ уменъ для своего мѣста, которое ему надоѣло, считался членомъ тайнаго общества, велъ жизнь неправильную и разгульную, все стараясь обратить въ свою пользу и не разбирая средствъ. 2-й полицiймейстеръ Дурасовъ, полковникъ гвардiи, болѣзненный, ограниченный, но очень честный человѣкъ. 3-й полицiймейстеръ полковникъ Брокеръ, котораго я опредѣлилъ, чтобы имѣть надежнаго человѣка. Онъ имѣлъ глубокое отвращенiе ко всякой интригѣ, лжи и негодяямъ. Онъ сверхъ того обладалъ способностью раскрыть и распутать всякое дѣло. Онъ много разъ доказалъ свою честность и признанъ былъ за ревностнаго и вѣрнаго слугу. Г-нъ Ильинъ былъ поэтъ и драматическiй писатель. У него было болѣе воображенiя, нежели ума и здраваго смысла; но онъ ревностно исполнялъ свои обязанности и мнѣ былъ искренно преданъ. Директоромъ моей канцелярiи былъ молодой человѣкъ, сынъ сенатора, Руничь. Онъ былъ уменъ, образованъ и опытенъ въ дѣлахъ; но онъ любилъ проводить вечера за картами и виномъ. Я оставилъ его, также какъ и всѣхъ другихъ, которыхъ я нашелъ въ составѣ управленiя, руководствуясь тѣмъ правиломъ, что смѣстить кого либо всегда будетъ время, а очень часто можетъ случиться, что замѣнишь худшимъ; что умный человѣкъ всегда пригодится, что порочный человѣкъ соображаетъ свое поведенiе съ требованiями высшихъ и часто измѣняетъ его или отъ страха, или по раскаянiю, или по разсчету. Я опредѣлилъ къ себѣ въ качествѣ секретарей Ильина и Булгакова. Первый получилъ прекрасное образованiе и хорошо учился. Онъ былъ секретаремъ посольствъ при многихъ дворахъ. Сначала я питалъ къ нему довѣренность, а потомъ и дружбу. Второй былъ сынъ весьма достойнаго по большимъ заслугамъ человѣка, который, во времена Екатерины, былъ министромъ въ Константинополѣ и посланникомъ въ Варшавѣ“.

Такой строгiй и рѣзкiй оцѣнщикъ людей, такъ вѣрно подмѣчавшiй слабости и недостатки всѣхъ и каждаго, какъ гр. Ростопчинъ, описалъ однакоже такъ своихъ сотрудниковъ по управленiю, что едвали лучшихъ возможно было желать и даже найти въ то время. Между тѣмъ всѣ они принадлежали къ составу управленiя бывшаго при гр. Гудовичѣ, которое онъ такъ порицалъ. Поэтому, за исключенiемъ нѣкоторыхъ злоупотребленiй, управленiе графа Гудовича едва ли было такъ дурно, какъ онъ его представилъ. Оттого и были люди, которые жалѣли гр. Гудовича и съ недовѣрчивостiю относились къ Ростопчину. Но безъ сомнѣнiя престарѣлый фельдмаршалъ не могъ быть такъ дѣятеленъ, какъ новый генералъ-губернаторъ. Принятыя вновь на службу гр. Ростопчинымъ лица, Булгаковъ и Брокеръ, принадлежали къ разнымъ слоямъ общества и не были похожи одинъ на другаго.

А. Я. Булгаковъ, сынъ извѣстнаго дипломата временъ Екатерины, женатый на княжнѣ Хованской, принадлежалъ къ семейству, съ которымъ Ростопчинъ находился въ дружескихъ отношенiяхъ. Умный, хорошо образованный, онъ служилъ по дипломатической части; но женившись оставилъ дѣятельную службу и былъ причисленъ къ Московскому Архиву Иностранной Коллегiи. Въ первые же дни вступленiя своего въ должность графъ Ростопчинъ спросилъ его: „не хотите ли служить со мной?“ Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ продолжалъ: „Я знаю, какъ вы любите жену, дѣтей и не хочу вамъ дать мѣсто, которое бы слишкомъ васъ съ ними разлучало. Я желаю только имѣть средство толкнуть васъ по службѣ и доставить вамъ нѣкоторыя другiя выгоды. Трудъ вашъ не будетъ очень тягостенъ; вы будете состоять при мнѣ для дипломатической переписки и по секретной части. Мнѣ нуженъ человѣкъ благонадежный, вѣр-

ный помощникъ. Вы по прежнему останетесь въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ для того, чтобы сохранить получаемое вами жалованье, и кромѣ того вамъ прибавится двѣ или три тысячи рублей. Согласны ли?" Когда Булгаковъ объявилъ согласіе, замѣтивъ только, что графъ незнакомъ съ его способностями какъ чиновника, графъ Ростопчинъ продолжалъ: „Я васъ знаю болѣе, чѣмъ вы думаете. Я устроилъ судьбу многихъ, которые васъ не стоили и далеко не имѣли вашихъ способностей" [18]). Въ назначеніи Булгакова выразилось желаніе „толкнуть по службѣ" и „устроить судьбу" хорошо знакомаго человѣка. Исключительныя занятія, для которыхъ предназначалъ его гр. Ростопчинъ, требовали умѣнія писать и знанія иностранныхъ языковъ, но не могли имѣть особаго вліянія на управленіе столицею. Не таково было назначеніе Брокера, которому графъ Ростопчинъ далъ мѣсто третьяго полиціймейстера въ Москвѣ.

Адамъ Ѳомичь Брокеръ, Шведъ по происхожденію, началъ службу во флотѣ; но потомъ, по желанію князя Безбородки, управлявшаго вмѣстѣ съ Иностранною Коллегіею и Почтовымъ Департаментомъ, опредѣленъ въ Московскій почтамтъ, котораго начальникомъ былъ И. Б. Пестель, получившій потомъ извѣстность какъ Сибирскій генералъ-губернаторъ. Брокеру, исправлявшему должность экспедитора, удалось открыть важныя злоупотребленія въ Почтамтѣ. „Отправляли чрезъ газетную экспедицію частныя письма и посылки. Для нихъ была учреждена особая пріемная, *воровская* экспедиція," говоритъ Брокеръ. Получивъ поощреніе за свою дѣятельность, онъ продолжалъ ее въ томъ же направленіи и при новомъ почтъ-директорѣ Ѳ. П. Ключаревѣ. Но въ этомъ случаѣ ему не посчастливилось, и онъ долженъ былъ выдти въ отставку въ 1810 году. Случайно познакомившись съ отцемъ гр. Ростопчина, онъ исполнялъ разныя домашнія его порученія и потомъ, когда графъ Ѳедоръ Васильевичъ поселился въ Вороновѣ и въ Москвѣ, Брокеръ сдѣлался однимъ изъ близкихъ ему людей также по частнымъ, домашнимъ и хозяйственнымъ его дѣламъ. Конечно и въ этой дѣятельности гр. Ростопчинъ могъ замѣтить способности, распорядительность и честность Брокера; но едва-ли, при его назначеніи Московскимъ полиціймейстеромъ, не было и другихъ соображеній. Брокеръ, считая себя обиженнымъ по службѣ въ Почтамтѣ, конечно былъ враждебно расположенъ къ Ключареву, а въ его лицѣ и вообще къ обществу Масоновъ, котораго Ключаревъ, воспитанникъ Шварца, близкій человѣкъ къ Гамалеѣ и Лопухину, былъ однимъ изъ видныхъ представителей въ Москвѣ. Это чувство ненависти къ Масонамъ и было особою связью, соединявшею его съ гр. Ростопчинымъ, послужившею поводомъ къ назначенію его полиціймейстеромъ въ Москву. Гр. Ростопчинъ конечно надѣялся найти въ немъ способное орудіе для того, чтобы прослѣдить дѣйствія Мартинистовъ и открыть предполагаемыя имъ козни этихъ людей, которые, по его мнѣнію, прикрываясь личиною благотворительности и благочестія, преслѣдовали политическія цѣли [19]).

Чрезъ нѣсколько дней послѣ вступленія въ должность гр. Ростопчина, его разбудили ночью, извѣстіемъ, что пріѣхалъ курьеръ изъ Вильны. Адъютантъ министра полиціи Протасьевъ доставилъ ему рескриптъ государя, въ которомъ возвѣщалось о мирѣ, заключенномъ съ Турками, поручалось объ этомъ радостномъ событіи объявить столицѣ, совершить торжественное молебствіе, но празднества, которыя обыкновенно бываютъ

---

[18]) Выдержки изъ Записокъ А. Я. Булгакова подъ 3-мъ Іюня.

[19]) Адамъ Ѳомичь Брокеръ, его Записки. Рус. Архивъ 1868 г. № 9, стр. 1413 и слѣд.

въ такихъ случаяхъ, отложить до дальнѣйшаго распоряженія. Поводомъ къ этой отсрочкѣ послужило то обстоятельство, что не было еще получено ратификаціи мирнаго договора. Императоръ получилъ ее только въ Смоленскѣ, 9 Іюля, когда ѣхалъ въ Москву послѣ оставленія Дрисскаго лагеря. „Извѣстіе о мирѣ было принято (говоритъ гр. Ростопчинъ) тѣмъ съ большею радостію, что такимъ образомъ Дунайская армія освободилась и могла быть двинута также противъ Наполеона; а Турція вѣроятно доведена была до крайняго истощенія, если рѣшилась подписать миръ, которымъ уступала Россіи лѣвый берегъ Дуная съ Измаиломъ, Киліею, Акерманомъ, Бендерами и Хотинымъ. Новая граница проходила въ 24 верстахъ отъ Яссъ, столицы Молдавіи.—Народъ, необразованный и болѣе или менѣе суевѣрный повсюду, считалъ хорошимъ предзнаменованіемъ мое назначеніе и называлъ меня *счастливымъ*. Уже три недѣли какъ не было дождя; стояли страшные жары и угрожали такимъ же неурожаемъ, какъ въ прошломъ году. Въ тотъ самый день, какъ узнали въ Москвѣ о моемъ назначеніи, пошелъ дождь и освѣжилъ землю, прожженную солнцемъ. Къ дождю потомъ присоединилось извѣстіе о заключеніи мира съ Турками. Эти два обстоятельства расположили по мнѣ всѣхъ тѣхъ, которые вѣрятъ, что звѣзда одного человѣка можетъ имѣть вліяніе даже на атмосферу“.

Общественное вниманіе было напряжено ожиданіемъ извѣстій о военныхъ дѣйствіяхъ; но война еще не начиналась, извѣстій изъ главной квартиры не было никакихъ. Въ это-то время всеобщаго ожиданія вѣсть о мирѣ съ Турками была принята съ восторгомъ и праздновалась какъ бы побѣда надъ самимъ Наполеономъ. Довольный тѣмъ впечатлѣніемъ, которое она произвела на жителей столицы, графъ Ростопчинъ писалъ государю: „Слава Всевышнему! Никогда извѣстіе о счастливомъ событіи не приходило такъ кстати. Вѣсть о мирѣ получена мною 8-го Іюня въ два часа по полуночи и въ семь часовъ утра разнеслась уже по всему городу. Чтобы удовлетворить нетерпѣнію тѣхъ, которые бѣгали за справками повсюду и къ каждому, я приказалъ въ полиціи напечатать нѣсколько сотъ экземпляровъ объявленій и раздавать ихъ всѣмъ. Радость всеобщая. Это происшествіе уже произвело два послѣдствія. 7-го числа фунтъ кофе стоилъ 3 р. 50 коп., а вчера онъ продавался по 2 р. Червонецъ стоилъ 12 руб. 40 к., а теперь стоитъ 10 р. 90 коп. Появилось множество серебряныхъ денегъ. Всѣ стараются избавиться отъ нихъ скорѣе, опасаясь пониженія ихъ цѣны. Простой народъ говоритъ: „Всѣ города теперь наши, гдѣ кровь христіянскую проливали.“ Они разумѣютъ Бендеры и Измаилъ, кровопролитные приступы которыхъ производили такое сильное впечатлѣніе. Я распустилъ слухъ, что теперь Турки будутъ за одно съ нами дѣйствовать, и сего дня утромъ меня уже извѣстили, что слышали, какъ разсказываютъ мужики: „Турки покорились и дали нашему государю подписку, что имъ платить дань—ежегодно по 20.000 головъ Французскихъ.“ Купцы радуются, потому что надѣятся свергнуть иго скупщиковъ. Дворянство гордится, и по праву, такимъ выгоднымъ миромъ, заключеннымъ, не смотря на припятствія и затрудненія. Что же касается до меня, то я выигрываю болѣе другихъ: миръ послужилъ хорошимъ предзнаменованіемъ въ началѣ моего управленія, и какъ нарочно, дождь, котораго такъ желали, прошелъ два раза въ продолженіи недѣли. Я дѣлаю *все*, чтобы пріобрѣсть расположеніе *всѣхъ* для того, чтобы сдѣлаться наиболѣе полезнымъ для службы вашей и подготовить умы такъ, чтобъ я могъ ими воспользоваться въ случаѣ нужды. Два моихъ посѣщенія часовни Иверской Божіей Матери, свободный доступъ ко мнѣ каждому, повѣрка вѣсовъ, 50 палочныхъ ударовъ, данныхъ въ моемъ присутствіи унтеръ-офицеру,

состоявшему при продажѣ соли, который заставлялъ долго дожидаться мужиковъ,—все это располагаетъ ко мнѣ вашихъ добрыхъ и вѣрныхъ подданныхъ. Протасьевъ увезетъ съ собою воспоминаніе объ общемъ удовольствіи и признательности Москвы. Съ нетерпѣніемъ буду ожидать полученія вашего приказанія объ обнародованіи и праздновавіи мира. Я надѣюсь, что Москва доставитъ содержаніе для обширнаго приложенія къ газетѣ Козодавлева [20])". Графъ Ростопчинъ не дождался однакоже этого приказанія: оно прибыло вмѣстѣ съ неожиданнымъ пріѣздомъ государя въ Москву, и миръ праздновался въ его присутствіи.

Около недѣли радовалась Москва извѣстіемъ о счастливомъ мирѣ и строила различныя предположенія. Одни говорили, что это событіе заставитъ Наполеона отложить войну и вступить въ мирные переговоры; другіе, и въ ихъ числѣ графъ Ростопчинъ, предполагали, что вѣсть о мирѣ съ Турками заставитъ его скорѣе начать военныя дѣйствія, чтобы не дать времени Дунайской арміи соединиться съ нашими главными силами и такимъ образомъ подкрѣпить ихъ. Іюня 17-го фельдъегерь привезъ гр. Ростопчину для обнародованія императорскій приказъ арміямъ и рескриптъ фельдмаршалу графу Салтыкову, подписанные въ Вильнѣ 13-го Іюня и на другой же день появившіеся въ Московскихъ Вѣдомостяхъ [21]). Въ нихъ объявлялось о вторженіи непріятеля въ предѣлы Имперіи. Война, которой ожидали со временъ Тильзитскаго мира, о которой такъ много говорили, которой боялись одни и употребляли всѣ средства, чтобы отклонить или отсрочить ея взрывъ и которой такъ желали другіе, изъ области ожиданій и предположеній перешла въ дѣйствительность. Война началась, хотя еще и не было пролито ни капли крови. Въ ея значеніи нисколько не ошибалось общественное мнѣніе: оно признавало ее войною за существованіе, для которой не будетъ достаточно обыкновенныхъ средствъ государства, но потребуются чрезвычайныя, которую съ успѣхомъ не можетъ вести одно правительство, но необходимо будетъ участіе въ ней всего народа. „Нельзя уступать болѣе (говоритъ гр. Ростопчинъ), потому что уже стояли лицемъ къ лицу съ непріятелемъ. Императоръ требовалъ помощи отъ дворянъ и купцовъ въ милліонъ рублей для покупки быковъ. Они немедленно и съ величайшею готовностію ихъ собрали и доставили. Три дня спустя, какіе-то офицеры, посланные изъ главной квартиры въ Малороссію для образованія казачьихъ полковъ, распустили слухъ, что, перейдя Нѣманъ, Наполеонъ такъ быстро подвигался, что занялъ уже и Вильну и едва не взялъ въ плѣнъ нашу главную квартиру. Начало печальное. Къ несчастію, эти извѣстія были вѣрны, и ничего нельзя было сказать противъ нихъ. Я рѣшился (и такъ поступалъ во все продолженіе войны), при каждомъ непріятномъ извѣстіи, возбуждать сомнѣніе въ его справедливости. Это ослабляло впечатлѣніе и, прежде нежели успѣвали удостовѣриться въ справедливости одного извѣстія, приходило обыкновенно новое, въ которомъ также приходилось удостовѣряться."

Правительственныхъ извѣстій о многихъ происшествіяхъ вовсе не появлялось, о другихъ они были кратки и неопредѣленны и потому мало внушали довѣрія. Слухи, часто конечно невѣрные, отовсюду приходили въ Москву; въ народной молвѣ они преувеличивались и искажались и вол-

---

[20]) Письмо гр. Ростопчина къ императору 11-го Іюня 1812 г.

[21]) Москов. Вѣдомости 1812 г. № 50. Въ изданномъ въ „Чтеніяхъ" описаніи происшествій въ Москвѣ въ 1812 г. Бестужева-Рюмина по ошибкѣ поставлено число 13 Іюля; въ подлинной же его рукописи означено 18-е, какъ и слѣдуетъ.

новали общественное мнѣніе. По мѣрѣ распространенія тревоги, усиливалась и бдительность графа Ростопчина. „Я преобразовалъ (говоритъ онъ) полъ-дюжины шпіоновъ, которые стоили дорого и были безполезны въ такое время, когда всѣ испытывали страхъ, а общество тревожилось неизвѣстностью. Но мнѣ необходимо было знать, какое впечатлѣніе на умы производятъ военныя происшествія. Съ этою цѣлію я воспользовался услугами трехъ незначительныхъ агентовъ; они-то, переодѣтые, постоянно проводили время, бродя по улицамъ, вмѣшиваясь въ толпы, которыя собирались въ трактирахъ и кофейняхъ, и потомъ они являлись ко мнѣ отдать отчетъ и получить наставленія о томъ, чтобы распустить по городу какой нибудь слухъ, или для того, чтобы поддержать воодушевленіе въ народѣ, или чтобы ослабить впечатлѣніе какого нибудь непріятнаго извѣстія.“

Но кромѣ этихъ мелкихъ шпіоновъ гр. Ростопчинъ употреблялъ и другихъ для наблюденія за людьми, которые принадлежали къ образованнымъ сословіямъ, но которыхъ онъ считалъ опасными въ политическомъ смыслѣ. Но кто же были эти люди? Масоны, Мартинисты, Иллюминаты, Якобинцы. На этихъ людей гр. Ростопчинъ смотрѣлъ точно также, какъ гр. Местръ и Іезуиты, смѣшивая всѣхъ ихъ въ одномъ общемъ понятіи о вредныхъ въ политическомъ отношеніи людяхъ, за которыми слѣдуетъ зорко наблюдать, которыхъ необходимо преслѣдовать. Въ первомъ же по принятіи должности письмѣ къ государю, онъ указалъ на Семена и Алларта, какъ на опасныхъ Иллюминатовъ. „Общество Мартинистовъ (говоритъ онъ) началось въ 80 годахъ. Нѣкто Шварцъ, профессоръ, Нѣмецъ по происхожденію, положилъ первыя ему основанія и привлекъ въ него многихъ. Послѣ его смерти, Новиковъ, дворянинъ въ отставкѣ, умный человѣкъ, образованный, но съ состояніемъ совершенно разстроеннымъ, сдѣлался главою секты. Онъ увеличилъ число членовъ, расширилъ сношенія, купилъ большой домъ, въ которомъ устроилъ типографію для печатанія мистическихъ книгъ, написанныхъ порусски или переведенныхъ. Онъ выбралъ нѣсколько студентовъ университета, чтобы обратить ихъ въ своихъ членовъ, и отправлялъ ихъ на счетъ общества для окончанія наукъ въ чужіе края. Карамзинъ, исторіографъ, который въ это время былъ еще очень молодъ, находился въ ихъ числѣ; но по возвращеніи изъ за границы, его здравый смыслъ и романическія склонности заставили его отказаться отъ этого общества, которое весьма его цѣнило. На это собраніе Мартинистовъ не обращали особеннаго вниманія; они отличались благотворительностію и добрыми дѣлами и потому вмѣсто подозрѣній возбуждали признательность и уваженіе. Но письмо извѣстнаго Вейсгаупта, не знаю по какому случаю, попалось въ руки императрицы Екатерины. Оно надписано было на имя Новикова и заключало нѣсколько таинственныхъ выраженій. Такъ какъ виды и цѣли Иллюмината Вейсгаупта были уже извѣстны въ это время, то это письмо заставило обратить на нихъ вниманіе и прибѣгнуть къ строгимъ мѣрамъ. Послано было приказаніе къ князю Прозоровскому, тогдашнему Московскому генералъ-губернатору (въ 1790 г.), въ слѣдствіе котораго отправленъ былъ офицеръ съ казаками въ деревню къ Новикову, чтобы его арестовать, привезти въ Москву и захватить всѣ его бумаги. Не много стоило труда офицеру исполнить возложенное на него порученіе. Онъ нашелъ Новикова въ полночь, окруженнаго нѣсколькими молодыми людьми, которые слушали его съ почтеніемъ. Прежде нежели отправиться, онъ далъ имъ нѣкоторые совѣты, какъ они должны вести себя и оставилъ ихъ обливающихся слезами. Такъ какъ онъ не хотѣлъ представить кн. Прозоровскому никакихъ объясненій, то былъ отправленъ въ Петербургъ и посаженъ въ Шлюссельбургскую крѣпость, гдѣ и находился до самаго восшествія на

престолъ Павла I-го. Главнѣйшіе члены этой секты, князь Трубецкой и Лопухинъ, были высланы изъ столицы. Эту секту осмѣяли, даже на театрѣ; она разсѣялась, замолкла, но не уничтожилась. Ея представителемъ у императора Павла, когда онъ былъ еще великимъ княземъ, былъ Плещеевъ, человѣкъ умный и замѣчательный во многихъ отношеніяхъ, который подъ личиною благочестія былъ Мартинистъ во глубинѣ души. Секта заявила свое существованіе съ восшествія на престолъ Павла I-го. Плещеевъ немедленно выписалъ изъ Москвы Лопухина, который и сдѣланъ былъ статсъ-секретаремъ, и одного приходскаго священника, хорошаго проповѣдника и стариннаго Мартиниста, чтобы опредѣлить его духовникомъ къ императору; но это не удалось. Павелъ охладѣлъ къ сектѣ и, казалось, не обращалъ на нее вниманія; но, допуская ея существованіе, онъ далъ ей время, во все продолженіе своего царствованія, размножиться. Съ восшествіемъ на престолъ въ 1801 г. императора Александра эта секта становилась грозною подъ покровительствомъ Кошелева, человѣка упрямаго, ограниченнаго, тщеславнаго, который при жизни хотѣлъ слыть государственнымъ человѣкомъ, а по смерти святымъ. Онъ совершенно овладѣлъ душою князя Голицына, человѣка свѣтскаго, великаго шутника, и когда онъ сдѣланъ былъ министромъ просвѣщенія и исповѣданій, тогда, опираясь на этихъ двухъ апостоловъ, мартинизмъ поднялъ голову и подъ рукою преслѣдовалъ всѣхъ тѣхъ, которые считали это общество шайкою плутовъ и толпою обманутыхъ. Въ Москвѣ было нѣсколько сенаторовъ въ числѣ членовъ этого общества, но наиболѣе дѣятельными и вліятельными были Ключаревъ и Кутузовъ. Первый низкаго происхожденія *), будучи первоначально выгнанъ изъ службы за воровство, достигъ до того, что получилъ мѣсто почтъ-директора въ Москвѣ. Императоръ относился къ нему благосклонно; онъ былъ уменъ, но безъ убѣжденій, грубъ, корыстолюбивъ. Подчиненные его ненавидѣли."

Этихъ-то людей, послѣднихъ представителей Новиковскаго общества, изъ которыхъ нѣкоторые дѣйствительно увлекались мистическими теоріями, большая же часть посѣщали масонскія собранія просто отъ нечего дѣлать, людей мирныхъ, графъ Ростопчинъ считалъ политическою партіею, чуть не заговорщиками, способными на государственное преступленіе и даже измѣну **). Онъ поставилъ себѣ цѣлью, во что бы ни стало, открыть ихъ козни и помѣшать исполненію ихъ преступныхъ намѣреній. Гоняясь за призракомъ, онъ конечно не имѣлъ повода начать преслѣдованіе, а между тѣмъ самое это неимѣніе повода приписывалъ ихъ хитрости: они притаились и притихли съ цѣлію присмотрѣться къ его управленію и потомъ, сообразуясь съ нимъ, начать свои дѣйствія, какъ писалъ онъ го-

---

*) Изъ крестьянъ графа Шереметева (слышано отъ покойнаго М. А. Дмитріева). *П. Б.*

**) Конечно, графъ Ростопчинъ ни о комъ и ни о чемъ не могъ говорить иначе какъ съ горячностью; но кажется намъ, что авторъ слишкомъ уже недовѣрчиво относится къ его отзывамъ и мнѣніямъ о Мартинистахъ. Гр. Ростопчинъ, при Павлѣ, могъ близко видѣть, что̀ такое Мартинисты и какъ они падки къ власти; а что при Александрѣ они имѣли великое значеніе, и при томъ во все продолженіе его царствованія, это несомнѣнно. Могъ ли гр. Ростопчинъ равнодушно относиться наприм. къ тому, что государь, отправляясь въ походъ 1805 года, ѣздилъ благословляться къ Кондратію Селиванову, лжехристу и лжецарю, находившемуся подъ особымъ покровительствомъ оберъ-прокурора Св. Синода и того же Р. А. Кошелева? (См. Записки Лубяновскаго въ Р. Архивѣ 1872, стр. 475). Въ такое народное время, какъ 1812-ый годъ, можно ли было не остерегаться людей образованныхъ, но по самому ученію секты своей отрѣшавшихся отъ всякой народности? *П. Б.*

сударю, едва вступивъ въ должность Московскаго генералъ-губернатора.

Вдругъ, неожиданно для всѣхъ Москвичей, 3 Іюля появилось слѣдующее объявленіе: „Московскій военный губернаторъ графъ Ростопчинъ симъ извѣщаетъ, что въ Москвѣ показалась дерзкая бумага, гдѣ между прочимъ вздоромъ сказано, что Французскій императоръ Наполеонъ обѣщается черезъ шесть мѣсяцевъ быть въ обѣихъ Россійскихъ столицахъ. Въ 14 часовъ полиція отыскала и сочинителя, и отъ кого вышла бумага. Онъ есть сынъ Московскаго второй гильдіи купца Верещагина, воспитанный иностраннымъ и развращенный трактирною бесѣдою. Графъ Ростопчинъ признаетъ нужнымъ обнародовать о семъ, полагая возможнымъ, что списки сего мерзкаго сочиненія могли дойти до свѣдѣнія и легковѣрныхъ и наклонныхъ вѣрять невозможному. Верещагинъ же сочинитель и губернскій секретарь Мѣшковъ, переписчикъ ихъ, преданы суду и получатъ должное наказаніе за преступленіе. Я нужнымъ почитаю приложить при семъ точныя копіи съ обѣихъ дерзкихъ бумагъ. *1) Письмо Наполеона къ Прусскому королю*. Ваше Величество! Краткость времени не позволила мнѣ извѣстить васъ о послѣдовавшемъ занятіи вашихъ областей. Я для соблюденія порядка опредѣлилъ въ нихъ моего принца; будьте увѣрены, ваше величество, въ моихъ къ вамъ искреннихъ чувствованіяхъ дружбы. Очень радуюсь, что вы, какъ курфирстъ Бранденбургскій, заглаживаете недостойный васъ союзъ съ потомками Чингизъ-хана желаніемъ присоединиться къ огромной массѣ Рейнской монархіи. Мой статсъ-секретарь пространно объявитъ вамъ мою волю и желаніе, которое, надѣюсь, вы съ великимъ рвеніемъ исполните. Дѣла моихъ ополченій зовутъ теперь меня въ мой воинскій станъ. Пребываю вамъ благосклонный Наполеонъ. *2) Рѣчь произнесенная Наполеономъ къ князьямъ Рейнскаго союза съ Дрезденѣ*. „Вѣнценосные друзья Франціи! Дѣла въ Европѣ взяли другой оборотъ. Повелѣваю, какъ глава Рейнскаго союза, для общей пользы, удвоить свои ополченія, приведя ихъ въ готовность пожинать лавры подъ моимъ начальствомъ на полѣ чести. Вамъ объявляю мои намѣренія: желаю возстановленія Польши; хочу исторгнуть ее изъ неполитическаго существованія и возвесть на степень могущественнаго государства; хочу наказать варваровъ, презирающихъ мою дружбу. Уже берега Прегеля и Вислы покрыты орлами Франціи. Мои народы! Мои союзники! Мои друзья! Думайте со мною одинаково. Я хочу и поражу древнихъ тирановъ Европы. Я держалъ свое слово и теперь говорю: прежде шести мѣсяцевъ двѣ сѣверныя столицы Европы будутъ видѣть въ стѣнахъ своихъ побѣдителей Европы [22])“.

Графъ Ростопчинъ, придавая чрезвычайную важность этому открытію, немедленно приступилъ къ строгому слѣдствію и увѣдомилъ о томъ министра полиціи, графа Н. И. Салтыкова и самого императора. „Изъ донесенія моего по министерству полиціи къ главнокомандующему въ Петербургѣ ваше сіятельство усмотрите (писалъ онъ гр. Салтыкову), какое злое намѣреніе имѣлъ купецъ Верещагинъ и посему съ кѣмъ онъ могъ имѣть сношенія и связи. При слѣдствіи сего дѣла открылось весьма странное. Когда полиціймейстеръ Дурасовъ посланъ былъ въ Почтамтъ для узнанія и изобличенія того, кто ему, по словамъ его, далъ газету, съ коей онъ будто сдѣлалъ переводъ, то почтамтскій экзекуторъ Дружининъ грубымъ образомъ не пустилъ полиціймейстера въ газетную, объявя, что безъ воли почтъ-директора полиція быть допущена не можетъ. Потомъ самъ почтъ-директоръ объяснилъ, что̀ должно съ нихъ спрашиваться и, узнавъ, что

---

[22]) Московскія Вѣдомости 1812 г. № 53, 3-го Іюля.

Дурасовъ привезъ съ собою Верещагина узнавать, кто ему далъ газеты, вошелъ въ разговоръ и, взявъ Верещагина въ другую комнату, былъ тамъ съ нимъ наединѣ. Вышедъ вонъ, говорилъ, что я вѣрно, изъ уваженія къ молодости Верещагина, прощу его вину и что его дарованія могутъ быть употреблены съ пользою. По возвращеніи Верещагина изъ Почтамта, онъ не переставалъ увѣрять, что онъ сочинилъ прокламацію самъ и безъ всякаго совѣта. На другой день, когда оберъ-полиціймейстеръ ѣздилъ къ Верещагину въ домъ обыскивать, то по окончаніи, шедши мимо мачихи, онъ ей что-то тихо сказалъ. Мачиха объявила, что онъ ей шепнулъ: „Не безпокойтесь за меня, Өедоръ Петровичь Ключаревъ вступится", что̀ Верещагинъ подтвердилъ и оберъ-полиціймейстеру. Я писалъ къ Ключареву, не имѣетъ ли онъ какого предписанія отъ начальства, чтобъ не допущать полиціи исполнять повелѣнія начальниковъ Москвы? Онъ отвѣчалъ мнѣ, что приказаній особыхъ нѣтъ, но что управляемый имъ Почтамтъ исполняетъ требованія по его приказанію. Я прошу ваше сіятельство удостоить вниманія содержаніе этого письма и потомъ рѣшить, можетъ ли при теперешнихъ обстоятельствахъ Ключаревъ занимать мѣсто почтъ-директора въ Москвѣ [23])".

При сличеніи этого письма съ тѣмъ объявленіемъ, которое приведено выше, представляется вопросъ весьма важный для опредѣленія вины Верещагина и дѣйствій графа Ростопчина по этому дѣлу: *сочинилъ*-ли Верещагинъ эти бумаги и распространилъ ихъ списки, или онъ только *перевелъ* ихъ изъ иностранныхъ газетъ? Въ наше время безъ сомнѣнія не могло бы и представляться такого вопроса; подлинность обоихъ документовъ извѣстна: они въ свое время были напечатаны въ газетахъ [24]). Самъ Наполеонъ желалъ придать имъ гласность съ тѣмъ, чтобы унизить въ глазахъ Европы Прусскаго короля и показать, въ какой зависимости отъ него находится вся Германія. Но въ то время иностранныя газеты не были распространены въ обществѣ; ихъ получали немногіе, и притомъ тѣ листы, въ которыхъ печатано что-либо неблагопріятное о Россіи, постоянно задерживались и не пускались въ общій оборотъ. Поэтому въ обществѣ, особенно въ первое время, тутъ еще возможно было возникнуть сомнѣнію. Но могъ-ли сомнѣваться графъ Ростопчинъ? Если бы даже въ первое время открытія этихъ бумагъ, ему и не были извѣстны ихъ подлинники, то самый ихъ складъ и содержаніе явно обнаруживали, что это были простые переводы съ иностранныхъ подлинниковъ. Въ письмѣ къ графу Салтыкову графъ Ростопчинъ, хотя и не выдаетъ Верещагина за сочинителя этихъ бумагъ; но какъ будто выражаетъ сомнѣніе, что они переведены изъ иностранныхъ газетъ. Но главное то, что онъ предполагаетъ злой умыселъ съ его стороны и какія-то таинственныя связи. Передъ государемъ онъ выражаетъ свои мысли яснѣе. „Вы увидите, государь (писалъ онъ) изъ моего донесенія къ министру полиціи, какого откопалъ я здѣсь злодѣя. Это открытіе успокоило тѣхъ, которые легко пугаются. Я знаю, государь, и ваше милосердіе, и вашу ангельскую доброту; знаю, что вы прощаете всякія лично вамъ нанесенныя оскорбленія, будучи слишкомъ велики для того, чтобы оскорбляться; но сочинитель (l'auteur) прокламаціи отъ имени врага своего Отечества и въ началѣ войны есть измѣнникъ и государственный преступникъ. Такъ онъ будетъ судимъ и наказанъ по законамъ. Его примѣръ заставитъ задуматься тѣхъ, которые

---

[23]) Письмо гр. Ростопчина къ гр. Салтыкову 30 Іюня 1812 г.

[24]) Journal de département des bouches de l'Elbe oder Staats-und-Gelehrte-Zeitung des Hamburger unpartheischen Correspondenten.

бы захотѣли ему подражать. Этотъ презрѣнный 23 лѣтъ отъ роду и былъ воспитанъ въ домѣ своего отца Силезцемъ Клейномъ (?) [25]), великимъ Масономъ и Мартинистомъ, какъ доказываютъ его сочиненія и книги, оставшіяся послѣ его смерти. Поведеніе г. Ключарева во время слѣдствія, которое было произведено въ Почтамтѣ, тайный его разговоръ съ преступникомъ, обѣщаніе, которое онъ далъ ему, что будетъ ему покровительствовать и т. п. все это должно васъ убѣдить, государь, что Мартинисты суть ваши тайные враги, отъ которыхъ умышленно было отклонено ваше вниманіе. Не дай Богъ, чтобы здѣсь произошло волненіе въ народѣ; но если бы это случилось, то я напередъ увѣренъ, что эти лицемѣры-Мартинисты явятся открытыми злодѣями. Они притворяются смиренниками, чтобы возбуждать безпорядки" [26]). Спустя четыре дня, онъ снова писалъ къ государю: „Открытіе сочинителя такъ называемаго обращенія Наполеона къ князьямъ Рейнскаго союза вынудило меня немедленно отправить курьера, чтобы испросить повелѣній вашего императорскаго величества. Не считаю нужнымъ ни усиливать преступленія этого человѣка, ни доказывать необходимость грознаго примѣра для народа и особенно для нѣкоторыхъ тайныхъ злодѣевъ. Этотъ Верещагинъ сынъ купца 2-й гильдіи и записанъ вмѣстѣ съ нимъ, поэтому изъятъ отъ тѣлесныхъ наказаній. Его дѣло не можетъ долго продолжаться въ судахъ; но оно должно поступить въ Сенатъ и тогда затянется надолго. Между тѣмъ надо поспѣшить произведеніемъ въ исполненіе приговора, въ виду важности преступленія, колебаній въ народѣ и сомнѣній въ обществѣ. Я осмѣлюсь предложить вашему императорскому величеству средство согласить правосудіе съ вашею милостію: прислать мнѣ указъ, чтобы Верещагина повѣсить, возвесть на висѣлицу и потомъ сослать въ Сибирь въ каторжную работу. Я придамъ самый торжественный видъ этой экзекуціи, и никто не будетъ знать о помилованіи до тѣхъ поръ, пока я не произнесу его [27])".

Конечно, государь отклонилъ средство согласить правосудіе съ милостію, придуманное гр. Ростопчинымъ. Между тѣмъ въ обоихъ этихъ письмахъ графъ считаетъ Верещагина сочинителемъ бумагъ *); въ Запискахъ же своихъ о 1812 г. онъ говоритъ: „Верещагинъ не признался, отъ кого онъ получилъ эту бумагу, которая не могла быть сочинена имъ. Онъ говорилъ, что перевелъ ее изъ Польской газеты, но попольски онъ не зналъ."

Вниманіе Москвы въ это время, по свидѣтельству самаго гр. Ростопчина, было обращено на военныя дѣйствія; она томилась неизвѣстностью о томъ, чтó дѣлается на границахъ имперіи, съ жадностію ловила и разносила всякую вѣсть, приходившую оттуда. Переходъ непріятеля черезъ Нѣманъ, занятіе Вильны, отступленіе нашихъ войскъ,—все было предметомъ толковъ и разсказовъ. Потомъ, говоритъ графъ Ростопчинъ, „новость, которая особенно всѣхъ занимала, былъ укрѣпленный лагерь при Дриссѣ. Одни полагали, что это преграда, которая остановитъ движеніе Наполеона; другіе разсчитывали, сколько нужно продовольствія для содержанія 300 тысячной арміи, сосредоточенной въ укрѣпленіяхъ. Люди понимавшіе военное дѣло ничего не могли объяснить; чтó же касается до меня, то я

[25]) Въ письмѣ къ императору гр. Ростопчина имя учители Верещагина написано неразборчиво, но кажется можно прочесть, что его звали Клейнъ. Это имя извѣстно между Масонами. (М. Н. Лонгинова, Новиковъ и Московскіе Мартинисты, стр. 291).

[26]) Письмо къ императору гр. Ростопчина 30 Іюня 1812.

[27]) Письмо гр. Ростопчина къ императору, помѣчено: полночь, 4-го Іюля 1812, Москва. Сенатъ позднѣе и приговорилъ Верещагина къ ссылкѣ въ рудники. *П. Б.*

*) Основываясь на тогдашнемъ показаніи самаго Верещагина, см. выше стр. 288. *П. Б.*

не находилъ никакихъ разумныхъ причинъ поставить войска въ бездѣятельное положеніе, за укрѣпленіями, въ самомъ началѣ военныхъ дѣйствій, и открыть всю страну непріятелю, который свободно могъ двинуться, куда бы ни пожелалъ. Скоро потомъ узнали, что Дрисскій лагерь былъ оставленъ, что мысль укрѣпиться въ немъ принадлежала нѣкоему Пфулю, Пруссаку, служившему въ арміи еще Фридриха Великаго и потомъ генералъ-лейтенанту Русской службы, дававшему уроки тактики императору Александру въ первые годы его царствованія. Такъ какъ Московское общество очень расположено къ подозрѣніямъ и щедро на прозвища, то этого несчастнаго Пфуля сразу прокликали измѣнникомъ."

Въ такомъ-то положеніи дѣлъ, когда вѣсти о войнѣ ловились съ жадностію и повторялись повсюду, 23 лѣтнему образованному *) юношѣ, попался въ руки листокъ иностранной газеты, въ которомъ онъ прочелъ два любопытные документа и перевелъ ихъ, чтобы подѣлиться новостью съ своими знакомыми. Ничего не могло быть естественнѣе этого поступка. Если распространеніе этихъ бумагъ и могло считаться въ то время неумѣстнымъ, хотя уже обнародовались извѣстія о военныхъ дѣйствіяхъ: то во всякомъ случаѣ неумышленный и непричинившій никакого вреда поступокъ Верещагина могъ считаться не болѣе какъ простымъ, неважнымъ проступкомъ. Какимъ же образомъ, можетъ быть и легкомысленный юноша превратился въ глазахъ гр. Ростопчина въ *злодѣя* и *предателя*, и полицейскій проступокъ въ *государственное преступленіе* и *измѣну*?

Гр. Ростопчинъ предполагалъ существованіе заговора Мартинистовъ и, преслѣдуя несуществовавшій призракъ созданный его воображеніемъ, думалъ, что въ лицѣ Верещагина напалъ на слѣды этого заговора.

Но какое же впечатлѣніе произвело на Москву происшествіе съ Верещагинымъ? „Читая эти бумаги (говоритъ одинъ современникъ) съ первыхъ строкъ можно было замѣтить, что 20 лѣтній купеческій сынъ Верещагинъ, отъ какого бы онъ иностранца воспитаніе ни получилъ и какою бы трактирною бесѣдою развращенъ ни былъ, такихъ бумагъ не напишетъ; а потому и объявленіе главнокомандующаго Москвою всѣмъ показалось ложью, что конечно не могло поселить къ нему ни довѣрія, ни искренняго уваженія... Впрочемъ бумаги сіи и сами по себѣ не сдѣлали особеннаго впечатлѣнія въ народѣ. Народъ говорилъ: мы-де Русскіе и должны держаться Русской пословицы: „Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ"; и не знали, чему дивиться: дерзости ли Наполеона, которую онъ оказывалъ къ вѣнценоснымъ друзьямъ своимъ, или кротости и снисхожденію сихъ вѣнценосныхъ его друзей [28]").

Но хотя нѣкоторые и такъ смотрѣли на это дѣло; но другіе и вѣроятно большинство встрѣтили привѣтливо новое выраженіе дѣятельности генералъ-губернатора, оберегающаго безопасность столицы отъ гнѣздившихся въ ней самой враговъ, и онъ былъ правъ, донося государю, что задержаніе Верещагина успокоило трусливость. С. Н. Глинка написалъ и напечаталъ въ честь его хвалебный гимнъ, въ которомъ, называя его вторымъ Еропкинымъ, говорилъ:

---

[28]) Бестужевъ-Рюминъ, Описаніе, стр. 71 и 72. (Показаніе враждебнаго графу Ростопчину лица).

*) Откуда авторъ знаетъ про образованность Верещагина? Что его училъ Силезецъ Клейнъ, и что Верещагинъ, можетъ быть, только мараковалъ понѣмецки, это еще ничего не значитъ. По образцамъ позднѣйшимъ мы, напротивъ, можемъ предполагать въ Верещагинѣ не образованность, а весьма нескладное обезьянство европейства. *П. Б.*

«Твои заботы, попеченье,
День каждый чувствуетъ сей градъ,
Гласитъ тебѣ благодаренье,
Хвалу-жъ тебѣ дѣла гласятъ.
Ты неусыпенъ дни и ночи;
Въ примѣръ себѣ монарха взявъ,
Ты всюду простираешь очи,
Гдѣ есть источники огравъ.
Открылъ плоды ты развращенья,
Сплетенье вымысловъ пустыхъ,
Плоды нерусскаго ученья,
Плоды бесѣдъ и обществъ злыхъ [29]).

Графъ Ростопчинъ, ревностно производя слѣдствіе о Верещагинѣ, былъ очень доволенъ, узнавъ въ это время, что одно изъ его донесеній, именно о докторѣ Сальваторѣ, было уважено императоромъ. Онъ получилъ отъ Вязмитнвова, управлявшаго министерствомъ полиціи въ отсутствіе Балашева, указъ не выдавать доктору заграничнаго паспорта и задержать его самого. „Я удержалъ паспортъ (писалъ онъ императору), который уже былъ испрошенъ для него и присланъ. Но этотъ негодяй не оставляетъ гр. Гудовича. Онъ нанялъ его за 3000 рублей серебромъ, чтобы онъ сопровождалъ его повсюду. Старикъ убѣжденъ, что онъ согласился на это изъ благодарности и привязанности къ нему; но мнѣ извѣстно, что Сальваторъ очень безпокоился, долго не получая паспорта и рѣшился сопровождать фельдмаршала въ его Каменецъ-Подольское имѣніе для того, чтобы находиться поближе къ границѣ и удобнѣе уйти. Фельдмаршалъ остается еще дней 15 въ своей подмосковной деревнѣ, въ 35 верстахъ отъ столицы. Сальваторъ часто пріѣзжаетъ сюда по своимъ частнымъ дѣламъ. Лишь только онъ предприметъ подобную поѣздку, какъ Яковлевъ, которому одному я ввѣрилъ эту тайну, вмѣстѣ съ полицейскимъ офицеромъ, схватитъ его въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Москвы и прямо оттуда съ этимъ офицеромъ, который будетъ снабженъ нужными наставленіями, отправитъ его въ Пермь. Что касается до его бумагъ, то Сальваторъ слишкомъ большой плутъ, чтобы сохранять какія нибудь бумаги. Когда поѣздка далеко отъ Москвы сдѣлается извѣстна черезъ нѣсколько дней, я увѣренъ, что всѣ честные люди будутъ очень довольны“ [30]).

Въ то время какъ гр. Ростопчинъ намѣревался привесть въ исполненіе свое предположеніе, неожиданно онъ получилъ изъ Смоленска слѣдующее письмо отъ графа Аракчеева:

„Его императорское величество высочайше повелѣлъ мнѣ отправить къ вашему сіятельству адъютанта моего барона Тизенгаузена и увѣдомить ваше сіятельство о нижеслѣдующемъ:

1. „Сего числа государь императоръ получилъ ратификацію Турецкаго султана; слѣдовательно теперь миръ съ Турціею совершенно оконченъ.

2. „Завтра поутру государь императоръ изволитъ выѣзжать отсюда въ Москву и проситъ вашего сіятельства, дабы вы 11 числа сего мѣсяца, т. е. въ четвергъ по полудни, выѣхали сами, одни, на встрѣчу государю, на послѣднюю станцію [31])“.

---

[29]) Русскій Вѣстникъ 1812 г. Іюль. Стихи подписаны 3 Іюля, т. е. въ самый день когда появилось въ Москов. Вѣдомостяхъ объявленіе о Верещагинѣ.

[30]) Письмо гр. Ростопчина къ императору, 30 Іюня 1812 г.

[31]) Письмо гр. Аракчеева къ гр. Ростопчину 9 Іюля 1812 г. изъ Смоленска.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Императоръ слѣдовалъ съ войсками, выступившими изъ Дрисскаго лагеря, къ Полоцку; но, не доѣзжая нѣсколькихъ верстъ до этого города, онъ остановился въ деревнѣ Ляховѣ. Тамъ онъ подписалъ воззваніе къ Москвѣ и манифестъ объ ополченіи и отправилъ ихъ съ генералъ-адъютантомъ княземъ В. С. Трубецкимъ къ графу Ростопчину для обнародованія. Поѣздка въ Москву была дѣломъ рѣшеннымъ; но для государя не былъ еще рѣшенъ вопросъ: немедленно-ли онъ отправится туда, или нѣсколько дней спустя. Его занимала мысль о соединеніи армій: гдѣ и когда успѣетъ Багратіонъ соединиться съ первою арміею и даже успѣетъ-ли? „Все у насъ продолжаетъ идти, благодаря Всевышнему, порядочно (писалъ онъ гр. Салтыкову). Непріятель тянется на нашъ лѣвый флангъ; а мы стараемся передъ нимъ быть. Князь Багратіонъ съ начала самаго замѣшкался и далъ себя предупредить въ Минскѣ. Даже и послѣ промедленія своего, могъ бы онъ быть въ Минскѣ, по собственнымъ его рапортамъ, 27 Іюня. Непріятель же вступилъ въ сей городъ 26-го, но въ весьма маломъ числѣ, такъ что, продолжая быстро свой маршъ на сей пунктъ, Багратіонъ несомнѣнно изъ оного его бы вытѣснилъ. Вмѣсто того пошелъ онъ на Несвижъ и Бобруйскъ, что̀ составляетъ весьма дальній и ненужный обходъ, удаляющій его отъ первой арміи. Какъ нельзя полагать, чтобы здѣсь такъ скоро могло важное произойти, я сегодня въ ночь поѣду къ Багратіону, дабы ускорить его движеніе. Если же въ Смоленскѣ получу я свѣдѣнія, что онъ на настоящемъ направленіи и быстро идетъ; то я воспользуюсь самъ временемъ съѣздить на нѣсколько дней въ Москву, дабы устроить тамъ новыя войска и поджечь тамошній духъ. Сія поѣздка можетъ продолжиться до десяти дней; потомъ обстоятельства рѣшатъ, куда я устремлюсь [1])“.

Недовольные ходомъ военныхъ дѣлъ съ самаго начала кампаніи радовались, что оставленъ былъ Дрисскій лагерь, что императоръ рѣшился предоставить полную власть главнокомандующему и тѣмъ возложилъ на него и отвѣтственность за дѣйствія, что онъ ѣхалъ въ средоточіе Россіи, въ Москву, чтобы поднять духъ своего народа и призвать его на защиту Отечества. Но въ то время, когда государь рѣшился ѣхать въ Москву, его вниманіе обращалось къ войскамъ, которыя онъ оставлялъ. Онъ намѣревался ѣхать изъ Смоленска во вторую армію, чтобы ускорить ея движеніе. Еще накануне пріѣзда въ Ляхово, онъ написалъ нѣсколько привѣтливыхъ строкъ къ Барклаю, какъ бы желая поднять его духъ: „Я приношу самыя теплыя молитвы, генералъ, чтобы всѣ ваши предположенія обратились къ славѣ Отечества и вашей личной. Для того, чтобы награждать, я только буду ожидать вашихъ представленій, и всякій получитъ то, что̀ вы назначите [2])“. На другой день изъ Ляхова императоръ писалъ: „Прежде нежели уѣду отсюда, пишу вамъ, генералъ, съ тѣмъ, чтобы выразить вамъ, до какой степени я полагаюсь на васъ, на ваши заслуги и увѣренъ, что вы оправдаете мою совершенную довѣренность къ вамъ“. Императора не оставляло желаніе руководить военными дѣйствіями. „Если Витгенштейнъ останется безъ дѣйствія, не имѣя передъ собою непріятеля, то не лучше ли быстро двинуть его на Макдональда и освободить Ригу, если она будетъ осаждена?“ Но это предположеніе императоръ сообщаетъ главнокомандующему въ видѣ вопроса, прибавляя: „это я предоставляю совершенно на ваше усмотрѣніе“, и совѣтуетъ толь-

---

[1]) Письмо императора къ гр. Салтыкову, Ляхово возлѣ Полоцка, Іюля 6, 1812 г.

[2]) На запискѣ помѣта: Забѣла, 5 Іюля 1812 г.

ко стараться о томъ, чтобы имѣть постоянныя свѣдѣнія о положеніи Риги. Въ этомъ же письмѣ императоръ увѣдомляетъ Барклая, что назначилъ генералъ-адъютанта Кутузова *) начальникомъ своей главной квартиры и свиты во время своего отсутствія. „Завтра онъ явится къ вамъ, чтобы выслушать ваши приказанія и дѣйствовать согласно съ ними. Поручите начальнику вашего штаба давать ему всякій разъ надлежащее наставленіе [3])“.

За императоромъ отправились въ Москву только гр. Аракчеевъ, Балашевъ, Шишковъ, ген.-адъют. князь В. С. Трубецкій и флигель-адъютантъ Чернышевъ. Всѣ прочія лица его главной квартиры и свиты, не исключая Пфуля и Вольцогена, оставались при войскахъ. Назначеніе ихъ начальникомъ Кутузова показывало, что императоръ только на короткое время оставлялъ войска и снова намѣренъ былъ возвратиться къ нимъ.

Во время переѣзда отъ Дрисскаго лагеря до Ляхова императоръ испыталъ противоположныя впечатлѣнія. Онъ былъ чрезвычайно доволенъ, встрѣтивъ полкъ полковника Бистрома, который шелъ въ совершенномъ порядкѣ. „Даю вамъ честное слово (писалъ онъ Барклаю де Толли), что въ Петербургѣ на плацъ-парадѣ нельзя бы встрѣтить бо̀льшаго порядка. Выправка удивительная, и ни одного отсталаго“. Императоръ поручалъ ему заявить объ этомъ съ похвалою въ приказѣ; но въ тоже время писалъ, что на него произвело непріятное впечатлѣніе встрѣчать по дорогѣ отставшихъ отъ войскъ мародеровъ „въ самомъ отвратительномъ видѣ“. „Пожалуста, генералъ (просилъ онъ главнокомандующаго) постарайтесь уничтожить это ужасное зло. Я обращаю на это ваше вниманіе, зная вашу ревность къ общему благу [4])“.

Императоръ выѣхалъ изъ Ляхова на Невель, гдѣ встрѣтилъ и смотрѣлъ войска, шедшія на подкрѣпленіе первой арміи, оттуда поворотилъ на Сеньково, первую станцію отъ Великихъ-Лукъ къ Смоленску и поѣхалъ въ этотъ городъ [5]). Сопровождавшія его лица ѣхали прямо изъ Полоцка въ Смоленскъ. При въѣздѣ въ предѣлы этой губерніи, ихъ не могло не поразить новое, не встрѣчавшееся до того явленіе. „Сначала проѣзжали мы деревни совершенно пустыя (говоритъ Шишковъ, который ѣхалъ вмѣстѣ съ кн. Волконскимъ въ слѣдъ за государемъ), въ которыхъ не только людей, даже никакихъ животныхъ не видали; потомъ начало становиться нѣсколько живѣе. Наконецъ, по пріѣздѣ въ Смоленскъ, гдѣ мы нашли еще государя, предстало очамъ нашимъ великое множество народа и разныхъ чиновъ отставныхъ дворянъ [6])“. Дворяне собрались въ городѣ и за два дни еще до пріѣзда государя составили прошеніе на его имя, въ которомъ испрашивали дозволенія вооружиться самимъ и вооружить своихъ крестьянъ въ числѣ 20 тысячь человѣкъ. „Сіи защитники Отечества (писали они) назначенные по городамъ и уѣздамъ, оставаться могутъ при своихъ жилищахъ до востребованія къ тому мѣсту Смоленской губерніи, гдѣ настоять будетъ нужда или опасность, куда изъ ближнихъ уѣздовъ подоспѣть могутъ въ самое короткое время, а изъ дальнихъ на своихъ подводахъ въ три дня, каждый съ провіантомъ, который въ сухаряхъ или крупѣ собственной въ заготовленіи для сего имѣ-

*) Павла Васильевича. *П. Б.*

[3]) На письмѣ помѣта: Ляхово, 6 Іюля, 1812 г. въ 11 часовъ вечера.

[4]) Тоже письмо.

[5]) Сѣверн. Почта 1812 г. №. 57, извѣстіе изъ Невеля.

[6]) Записки, А. С. Шишкова. Берлинъ, 1870, ч. 1, стр. 149—150.

етъ быть на мѣсяцъ; а по востребованію изъ уѣздовъ будутъ охранять оные отъ малыхъ непріятельскихъ партій. Если розданы будутъ ружья со штыками, пули и порохъ, то искусные и мужественные штабъ-офицеры, живущіе по губерніи въ деревняхъ своихъ, могутъ, при свободномъ времени, обучать надлежащей стрѣльбѣ, дѣйствовать штыкомъ, способному и скорому движенію, а до полученія ружей дозволить разобрать хотя оставшіяся отъ милиціи пики, сколько ихъ находится по городамъ въ вѣдѣніи городничихъ [7]". Въ то время, когда дворянство испрашивало дозволенія составить народныя ополченія, народонаселеніе ближайшихъ къ поприщу военныхъ дѣйствій уѣздовъ уже оставляло свои села и деревни, уходило далѣе въ глубь Россіи или скрывалось въ лѣсахъ съ своими семьями и всѣмъ имуществомъ и вооружалось чѣмъ могло.

Не доѣзжая до Смоленска, государь получилъ прошеніе дворянъ. Занятый мыслью поднять народъ въ помощь войскамъ для совокупнаго дѣйствія противъ непріятеля, онъ конечно былъ доволенъ, что само дворянство первой изъ чисто-русскихъ губерній выступило впередъ съ такимъ предложеніемъ. На послѣдней станціи передъ Смоленскомъ другая утѣшительная вѣсть встрѣтила императора: онъ получилъ донесенія изъ второй арміи, въ которыхъ князь Багратіонъ и начальникъ его штаба генералъ Сенъ-При увѣдомляли о выступленіи второй арміи изъ Бобруйска къ Могилеву, „Прибытіе въ Могилевъ (писалъ князя Багратіонъ), укажетъ мнѣ новый путь, на которомъ равно буду имѣть въ виду пораженіе непріятеля, предупрежденіе его черезъ Оршу на Смоленскъ и соединеніе съ первою арміею". Генералъ Сенъ-При писалъ государю, что „быстрота движеній второй арміи", три раза одержанныя ею побѣды надъ авангардомъ Вестфальскаго короля, вывели ее изъ опасности, которая ей угрожала. Со стороны Минска непріятели находились уже въ 40 верстахъ отъ Бобруйска, а со стороны Пинска въ 50 верстахъ отъ Мозыря. Черезъ нѣсколько дней намъ пришлось бы отступать въ одномъ изъ этихъ направленій, въ виду непріятеля, который шелъ бы по нашимъ пятамъ. Прибытіе арміи въ Бобруйскъ измѣнило положеніе дѣлъ. Перейдя уже Березину, мы сами можемъ, двигаясь на Могилевъ, угрожать тылу тѣхъ войскъ, которыя направились бы на Оршу. Завтра, не смотря на усталость людей и лошадей, мы усиленными переходами двинемся двумя колоннами. Платовъ будетъ прикрывать наше лѣвое крыло и пойдетъ между Березиною и большою дорогою въ Могилевъ. Вторая армія двинется прямо изъ Бобруйска на Старый Быховъ и Могилевъ, куда придетъ въ четыре перехода [8])".

Эти извѣстія послужили поводомъ къ тому, что императоръ отложилъ поѣздку во вторую армію и прямо изъ Смоленска отправился въ Москву.

Смоленскъ предчувствовалъ грозившую ему бѣду и готовился къ ней. Въ тотъ день (7 Іюля), когда дворянство составило прошеніе къ государю, горожане подняли чудотворную икону Смоленской Богоматери изъ Успенскаго собора и перенесли въ думу, гдѣ отслужена была всенощная. На другой день съ этою иконою совершенъ былъ крестный ходъ вокругъ стѣнъ города. На слѣдующій день (9 Іюля), въ 10 часовъ утра, прибылъ императоръ въ Смоленскъ и восторженно былъ встрѣченъ многочисленнымъ народомъ, собравшимся въ городѣ. Войдя въ приготовленный для

---

[7]) Прошеніе Смоленскихъ дворянъ 7 Іюля 1812 г.

[8]) Донесеніе кн. Багратіона 6-го Іюля изъ Бобруйска и оттуда-же и отъ тогоже числа письмо гр. Сенъ-При къ императору.

него домъ, онъ принялъ чиновниковъ и представителей дворянства, поблагодарилъ послѣднихъ за добровольный вызовъ ополчиться противъ непріятеля и вооружить народъ, что̀ совершенно совпадало съ его собственными намѣреніями, отправился въ соборъ, потомъ осматривалъ войска, составлявшіяся въ Смоленскѣ. Возвратившись въ свою квартиру, императоръ собственноручно написалъ нѣсколько правилъ о составленіи ополченія и передалъ ихъ потомъ губернатору для руководства:

„1) Лѣсничіе, умѣющіе стрѣлять и ѣздить верхомъ составятъ конныхъ егерей. 2) Къ нимъ можно присоединить господскихъ егерей, знающихъ верховую ѣзду. 3) Изъ псарей, конюховъ составить казаковъ и вооружить ихъ пиками. 4) Изъ умѣющихъ стрѣлять, но пѣшихъ, составить егерей и вооружить охотничьими ружьями. 5) Изъ прочихъ составить пѣшее войско и распредѣлить для обученія по резервнымъ батальонамъ, собирающимся въ Смоленскѣ“.

Въ тоже время епископу Смоленскому Иринею императоръ написалъ слѣдующій рескриптъ: „Узнавъ, что нѣкоторые поселяне и жители, оставляя поля и работы свои, бѣгутъ отъ малочисленныхъ непріятельскихъ разъѣздовъ, появляющихся въ далекомъ еще разстояніи отъ Смоленска, возлагаемъ мы на васъ пастырскій долгъ внушеніями и увѣщаніями своими ободрить ихъ и не токмо отвращать отъ страха и побѣга; но напротивъ убѣждать, какъ того требуетъ долгъ и вѣра христіянская, чтобы они, совокупясь вмѣстѣ, старались вооружиться чѣмъ только могутъ, дабы, не давая никакого пристанища врагамъ, вездѣ и повсюду истребляли ихъ и вмѣсто робости наносили имъ самимъ великій вредъ и ужасъ“.

Въ то время, когда императоръ занимался въ кабинетѣ соображеніями о Смоленскомъ ополченіи, пріѣхалъ нарочный изъ Бухареста и привезъ ратификаціи мирнаго договора Россіи съ Оттоманскою Портою, заключеннаго гр. Кутузовымъ. Эта третья пріятная вѣсть, полученная императоромъ со времени отъѣзда изъ арміи, естественно произвела на него сильное впечатлѣніе. Зная предположенія адмирала Чичагова, свои не вполнѣ рѣшительныя ему предписанія, посланныя изъ лагеря при Дриссѣ, онъ могъ еще сомнѣваться въ томъ, будетъ ли этотъ мирный договоръ утвержденъ султаномъ. Теперь разсѣялись сомнѣнія. Императоръ вышелъ изъ кабинета въ залу, чтобы сообщить радостную вѣсть, которой съ нетерпѣніемъ ожидала вся Россія; но зала была пуста. Всѣ удалились, зная, что государь занятъ дѣлами. Случайно еще находился въ ней городской Смоленской голова. Государь обнялъ его, сообщилъ о заключеніи мира съ Турціею и при томъ прибавилъ: „славнаго мира“, поручилъ ему объявить это народу, окружавшему многочисленными толпами домъ, которой занималъ государь, и распорядиться, чтобы въ соборномъ храмѣ приготовились торжественно служить благодарственный молебенъ. Громкое *ура* оглушительными перекатами долго раздавалось по городу, когда городской голова объявилъ отъ имени государя радостную вѣсть. Послѣ благодарственнаго молебна въ соборномъ храмѣ, около вечера въ тотъ же день императоръ поѣхалъ въ Москву [9]), увѣдомивъ о полученныхъ ратификаціяхъ канцлера, который находился въ Великихъ-Лукахъ и велъ переговоры съ Зеа-Бермудецомъ, уполномоченнымъ отъ Испанскаго правительства

---

9) Сѣвер. Почта 1812 г. № 58. Михайловскій-Данилевскій. Полн. Собр. сочин. т. IV, стр. 169—171. Донесеніе Чичагова изъ Бухареста 2 Іюля 1812 г.

короля Фердинанда [10]), и отправилъ слѣдующее письмо къ Барклаю-де-Толли:

„Извѣщаю васъ, генералъ, что размѣнены ратификаціи мирнаго договора съ Турками въ Бухарестѣ. Я получилъ уже ратификацію султана. И такъ миръ заключенъ, и я служилъ торжественный молебенъ въ Смоленскѣ. Объявите объ этомъ войскамъ и также распорядитесь, чтобы отслуженъ былъ благодарственный молебенъ. На послѣдней станціи передъ Смоленскомъ я получилъ донесенія кн. Багратіона. Я надѣюсь, что сегодня Платовъ будетъ въ Могилевѣ, а за нимъ приблизится и вторая армія. Между тѣмъ я счелъ нужнымъ образовать обсерваціонный корпусъ передъ Смоленскомъ. Я составилъ его изъ четвертыхъ батальоновъ резерва въ числѣ 17, а именно: 2 изъ Бѣлой, 6 изъ Вязьмы, 4 изъ Дорогобужа и 5 изъ Рославля,—и 8 эскадроновъ: 4 изъ Дорогобужа и 4 изъ Рославля. Я присоединилъ къ нимъ 4 роты артиллеріи, которыя составлялись въ Смоленскѣ. Начальство надъ этимъ корпусомъ я ввѣрилъ моему генералъ-адъютанту барону Винценгероде; онъ будетъ прикрывать Смоленскъ и поддерживать сообщеніе между вашею арміею и арміею князя Багратіона. Сверхъ того Смоленсвое дворянство вызвалось мнѣ составить корпусъ изъ 20 тыс. человѣкъ, пѣхоты и конницы. Хотя губернаторъ и говоритъ, что число нѣсколько *преувеличено;* но отвѣчаетъ однакоже, что составъ этого корпуса достигнетъ до 15 тыс., а этого уже будетъ достаточно. Это ополченіе составитъ подкрѣпленіе къ корпусу Винценгероде. Онъ желаетъ только, когда подойдетъ Платовъ, чтобы онъ оставилъ ему одинъ казачій полкъ на время, пока онъ не обучитъ своихъ конниковъ, которые всѣ изъ новобранцевъ. Многіе изъ отставныхъ, служившихъ въ военной службѣ дворянъ Смоленской губерніи изъявляютъ желаніе вступить на службу въ этотъ корпусъ. Между прочимъ генералъ-маіоры Пассекъ и Понъ-де-Руа. Послѣдній хорошо служилъ въ артиллеріи и управлялъ потомъ Охтенскимъ пороховымъ заводомъ. Онъ зять Сухтелена. Пришлите, прошу васъ, моего флигель-адъютанта Бенкендорфа въ Смоленскъ, чтобы онъ состоялъ при Винценгероде, у котораго никого нѣтъ, кто бы могъ помогать ему и служить его адъютантомъ [11])“.

Въ приведенномъ письмѣ императора къ гр. Салтыкову изъ Ляхова, онъ писалъ, что его поѣздка въ Москву продолжится не болѣе десяти, а за тѣмъ *обстоятельства рѣшатъ,* куда направитъ онъ свой путь. Императоръ Александръ I-й обладалъ особеннымъ свойствомъ чутко относиться къ историческому движенію жизни, понимать *обстоятельства* и покоряться имъ, не покидая дѣятельнаго въ нихъ участія и продолжая, вмѣстѣ съ ними и руководя ими, идти къ общей цѣли. Это свойство совершенно противоположно свойству его противника, который не только мнилъ создавать самъ современную ему исторію, но и пересоздавать прошлую по своему произволу.

Въ Смоленскѣ обстоятельства сложились такъ, что опредѣлили поѣздку государя прямо въ Москву, съ предоставленіемъ князю Багратіону самостоятельно дѣйствовать въ указанномъ ему направленіи. Эти же обстоятельства опредѣлили взглядъ государя на будущее назначеніе Дунайской арміи. Удаляясь отъ войскъ, онъ предполагалъ однакоже, что разлучается съ ними не надолго; но въ Москвѣ обстоятельства указали ему, что онъ долженъ былъ удалиться еще болѣе отъ арміи, ѣхать въ Петербургъ и въ Або и оставить армію уже на долго.

---

[10]) Письмо гр. Румянцева къ императору изъ Великихъ-Лукъ 11 Іюля 1812 г.

[11]) Письмо императора къ Барклаю-де-Толли изъ Смоленска 9-го Іюля 1812 г.

Пребываніе въ Смоленскѣ подняло и оживило и унылаго государственнаго секретаря. Всеобщее оживленіе подѣйствовало на него. „Тутъ (говоритъ Шишковъ), смотря на мужественный духъ и пылающее рвеніе, возродилась во мнѣ исчезнувшая надежда, и я, въ восторгѣ души моей, самъ себѣ сказалъ: нѣтъ, Богъ милостивъ, Россія не погибнетъ! Одно только меня смущало: почти всѣ приходившіе ко мнѣ дворяне говорили единогласно, что если дадутъ имъ предводителя, то они охотно ему повиноваться будутъ, лишь бы только это былъ Русскій; но въ тоже время назначенъ предводительствовать ими, незнающій ни слова порусски, иностранецъ Винценгероде [12])“.

Между тѣмъ въ Москвѣ все было спокойно. Ходили неопредѣленные толки, извѣстій о военныхъ дѣйствіяхъ никакихъ не получалось. Успокоился повидимому и гр. Ростопчинъ. „Моя жена (пишетъ онъ) возвратилась изъ путешествія въ Петербургъ, куда ѣздила для свиданія съ родственниками. Мы поселились на дачѣ недалеко отъ городской заставы (въ Сокольникахъ), гдѣ, *по видимому*, проводимъ спокойную жизнь“. Хорошій семьянинъ, какимъ былъ гр. Ростопчинъ, конечно долженъ былъ почувствовать нѣкоторое спокойствіе въ кругу своего семейства, на загородной дачѣ, напоминавшей деревню. Она успокоительно дѣйствовала на его нервы, способныя раздражаться и напрягаться безъ мѣры въ общественной и государственной дѣятельности. Но, по его сознанію, это было только *по видимому*; безъ сомнѣнія его волновало производимое имъ слѣдствіе о Верещагинѣ. И время было таково, что не давало успокоиваться. „Это продолжалось только до 9-го Іюля (говоритъ онъ). Вечеромъ, садясь въ карету, я замѣтилъ, что во всю прыть скачетъ ко мнѣ оберъ-полицеймейстеръ. Съ нимъ былъ генералъ-адъютантъ князь Трубецкой, прибывшій курьеромъ. Онъ привезъ мнѣ пакетъ отъ императора, съ воззваніемъ къ Москвѣ и съ увѣдомленіемъ о его скоромъ прибытіи въ эту столицу“. Это произвело сильное впечатлѣніе на гр. Ростопчина. Съ перваго раза онъ подумалъ, что войска наши разбиты непріятелемъ. „Я долго распрашивалъ князя Трубецкаго, чтобы убѣдиться, что наши арміи не поражены окончательно. Онъ увѣрилъ меня, что даже и сраженія вовсе не было, но что Багратіонъ еще отдѣленъ отъ Барклая и всѣ ихъ движенія направлены къ тому, чтобы соединиться, что̀ вѣроятно и совершится подъ Смоленскомъ“. Онъ былъ отправленъ изъ Великихъ-Лукъ. Императоръ долженъ былъ выѣхать оттуда на другой день [13]), въ сопровожденіи небольшой свиты и только на день остановиться въ Смоленскѣ, чтобы сдѣлать распоряженія объ ополченіи. Я принялся за работу; всю ночь провелъ безъ сна, успѣлъ призвать къ себѣ и повидаться со многими лицами; поручилъ напечатать воззваніе вмѣстѣ съ извѣщеніемъ въ моемъ родѣ (bulletin de ma façon) къ народу, и на другой день вся Москва узнала о скоромъ пріѣздѣ императора. Слогъ воззванія былъ удачно принаровленъ къ обстоятельствамъ. Шишковъ, секретарь императора, хорошо обдумалъ, сообразилъ и выразилъ причины, цѣль и надежды государя, ѣхавшаго въ древнюю столицу имперіи, чтобы совѣщаться съ своими подданными и согласиться въ отношеніи къ средствамъ остановить и побѣдить страшнаго непріятеля. Дворянство было польщено этою довѣренностію и воодушевилось благород-

---

[12]) Записки Шишкова, ч. I, стр. 151.

[13]) Императоръ не былъ въ Великихъ-Лукахъ, но изъ Невеля черезъ станцію Сеньково отправился въ Смоленскъ. (Сѣвер. Почта 1812 г. № 57; Михайловскій-Данилевскій, Полн. Собр. Сочин. т. IV, стр. 169). Вѣроятно его сопровождалъ до Невеля кн. Трубецкой и оттуда черезъ Великія-Луки отправился въ Москву.

нымъ усердіемъ; купцы готовы были на пожертвованія; а народъ, казалось, оставался *равнодушнымъ*, потому что онъ и не признавалъ возможности, чтобы непріятель вошелъ въ Москву. Такую неблагоразумную увѣренность въ немъ поддерживало то обстоятельство, что въ продолженіи ста лѣтъ нога непріятельская не была на Русской землѣ и что Наполеонъ точно также долженъ погибнуть, какъ Карлъ XII подъ Полтавою. Бороды постоянно повторяли: „Наполеонъ не можетъ насъ побѣдить, потому что для этого нужно всѣхъ насъ напередъ перебить".

На другой день къ гр. Ростопчину пріѣхали два курьера, одинъ отъ государя съ приказаніемъ встрѣтить его на первой станціи отъ Москвы по Смоленской дорогѣ, куда онъ надѣялся прибыть въ тотъ же день къ 3-мъ часамъ по полудни; другой, отъ графа Аракчеева, привезъ извѣстіе о ратификаціи мирнаго договора съ Портою. Онъ же увѣдомлялъ князя Трубецкаго, что тотъ долженъ ѣхать на встрѣчу императора. Князь Трубецкой пріѣхалъ къ графу, и послѣ завтрака они вмѣстѣ отправились. День былъ прекрасный; улицы Москвы, которыми они проѣзжали, наполняло множество народа, который и далѣе, по большой дорогѣ къ Смоленску, толпами шелъ встрѣчать императора.

„Въ достопамятный и бурный 1812 годъ жилъ я въ переулкѣ *Тишинѣ*, близъ Дорогомиловскаго моста (пишетъ С. Н. Глинка). 11 Іюля, на ранней зарѣ утренней, разбудилъ меня внезапный приходъ хозяйки дома. Едва вышелъ я къ ней, она со слезами вскричала: „мы пропали, мы пропали!" и подала мнѣ печатный листъ. Это и было воззваніе императора къ Москвѣ 6-го Іюля. Прочитавъ его, Глинка отвѣчалъ ей: „Благодарите Бога; гдѣ заранѣе предвидятъ опасность, тамъ и примутъ мѣры противъ нея; будьте спокойны и молитесь Богу". Между тѣмъ, немедленно одѣвшись, Глинка *полетѣлъ* въ Сокольники къ гр. Ростопчину и когда вся Москва еще спала, въ 5 часовъ утра онъ уже былъ въ его домѣ. Ранняя дѣятельность порывистаго и пылкаго Глинки не предупредила однакоже дѣятельности графа Ростопчина. Когда, по его словамъ, „исполинская Москва была еще объята сномъ и безмолвіемъ", въ домѣ Московскаго главнокомандующаго уже все было въ движеніи. Передъ кабинетомъ онъ нашелъ предводителя дворянства Василія Дмитріевича Арсеньева и правителя канцеляріи графа Ростопчина Аркадія Павловича Рунича. Обращаясь къ послѣднему, Глинка объявилъ, что имѣетъ нужду видѣться съ графомъ. „Нельзя, отвѣчалъ Руничъ: графъ занятъ теперь совѣщаніемъ съ преосвященнымъ Августиномъ и П. С. Валуевымъ". „Позвольте мнѣ по крайней мѣрѣ оставить записку", возразилъ нетерпѣливый Глинка, понявъ конечно, что нельзя прервать совѣщанія, предметомъ котораго очевидно было устроить пріемъ государю; дожидаться-же неопредѣленное время его самостоятельной и подвижной природѣ казалось невозможнымъ. Поэтому, когда Руничъ *привѣтливо* (слѣдуя наставленіямъ своего начальника) подалъ ему бумагу и перо, Глинка написалъ: „Хотя у меня нѣтъ помѣстья, хотя у меня нѣтъ въ Москвѣ никакой недвижимой собственности и хотя я не уроженецъ Московскій; но гдѣ кого застала опасность Отечества, тотъ тамъ и долженъ стать подъ хоругви отечественныя. Обрекаю себя въ ратники Московскаго ополченія и на олтарь Отечества возлагаю на 300 рублей серебра". „Такимъ образомъ (писалъ въ послѣдствіи Глинка) мнѣ *первому* удалось записаться въ Москвѣ въ ратники и принести первую жертву усердія". Этотъ поступокъ объясняется личнымъ характеромъ С. Н. Глинки и особенно тѣмъ положеніемъ, которое онъ имѣлъ въ это время, въ качествѣ издателя *Русскаго Вѣстника*, какъ проповѣдникъ любви къ Отечеству и врагъ Французскаго вліянія на Россію.

По мѣрѣ того какъ просыпалась Москва, утромъ 11 Іюля вѣсть о пріѣздѣ государя разносилась повсюду; къ 10 часамъ взволновался весь городъ, и улицы наполнились народомъ. Москва всегда съ радостію принимаетъ своихъ государей; но въ это время радостное настроеніе жителей заключало въ себѣ нѣчто особенное. И робкіе передъ грозившею опасностію какъ будто ободрились, и „не слышно было удалыхъ поговорокъ: мы закидаемъ шапками, мы постоимъ за себя". Неизвѣстность, которою томилась Москва, предчувствуя силу грозившей Отечеству опасности и не зная о принятыхъ мѣрахъ для защиты, должна была окончиться свиданіемъ съ государемъ, который одинъ только и могъ сказать ей вѣрное и надежное слово и разрѣшить роковое недоразумѣніе между нимъ и Россіею. Увлекаемая естественнымъ желаніемъ скорѣйшаго разрѣшенія томительной тайны, Москва какъ бы *вышла изъ себя*, и волны народа двинулись по всѣмъ улицамъ, спѣша за заставу на Смоленскую дорогу, чтобы встрѣтить и привѣтствовать императора. „Въ обширныхъ Московскихъ рядахъ лавки запирались ранѣе обыкновеннаго. Замкнувъ товары и осѣнясь крестомъ, добрые граждане говорили: „пойдемъ въ храмы господни, помолимся за царя, а оттуда за заставу". Встрѣчался-ли кто съ кѣмъ на улицѣ, первый вопросъ: куда идешь? и общій отвѣтъ: „на встрѣчу государю, за заставу".

Часа въ три послѣ полудня въ эти толпы вмѣшался С. Н. Глинка, „желая прислушаться къ мнѣнію народному и *прибавить новую статью въ Русскій Вѣстникъ*". Идя вмѣстѣ съ ними, часу въ 6-мъ, онъ очутился на Поклонной Горѣ, на которой въ то время росла дубовая роща. Довольно продолжительный походъ въ жаркій лѣтній день невольно заставилъ толпу остановиться и отдохнуть подъ тѣнью деревъ. Въ разныхъ кружкахъ велись шумныя рѣчи и читали воззваніе государя къ Москвѣ. Глинка вмѣшался въ общій говоръ, чтобы „прислушаться къ живымъ и, такъ сказать, *самороднымъ изреченіямъ* духа народнаго", какъ онъ говоритъ.

Въ то время до народнаго сонма, отдыхавшаго въ рощѣ на Поклонной горѣ, дошелъ слухъ, что нѣкоторые у Дорогомиловской заставы намѣрены выпрячь лошадей изъ государева экипажа и сами своими руками везти его въ Кремль. „Не уступимъ, завопила толпа, мы впереди, мы скорѣе поспѣемъ, мы на себѣ понесемъ коляску государеву оттуда, гдѣ ее встрѣтимъ; а вы (говорили они, обращаясь къ Глинкѣ) ведите насъ".

По самому своему характеру Глинка не только не способенъ былъ сдерживать неблагоразумные порывы толпы, но самъ увлекался еще болѣе, нежели она. Возбужденный предложеніемъ, онъ вскрикнулъ: ура! и повелъ толпу, оглашавшую воздухъ криками и пѣснями.

Между тѣмъ приближалась ночь. На 17 верстѣ кто-то изъ ѣхавшихъ въ Москву объявилъ, что государь ночуетъ въ Перхушковѣ, гдѣ ожидаетъ его и гр. Ростопчинъ. Толпа съ своимъ случайнымъ предводителемъ должна была возвращаться назадъ [14]).

Разсчитавъ встрѣтить государя въ Перхушковѣ, гдѣ былъ приготовленъ для него обѣдъ, гр. Ростопчинъ вмѣстѣ съ кн. Трубецкимъ пріѣхали туда къ этому времени. Но государь прибылъ только къ 5 часамъ. „Онъ болѣе часу разговаривалъ со мною наединѣ (пишетъ гр. Ростопчинъ), хвалилъ меня за способъ моихъ дѣйствій, чтобы пріобрѣсть расположеніе жителей Москвы. Онъ говорилъ о войнѣ, никого не обвинялъ въ дурномъ образѣ дѣй-

---

14) С. Н. Глинка, Записки о 1812 г., стр. 2—4, 6—9. Записки гр. Комаровскаго въ Русс. Архивѣ 1867 г. №. 5—6, стр. 775.

ствій; казалось, былъ увѣренъ, что арміи Барклая и Багратіона соединятся, вовсе не казался унылымъ, но былъ спокоенъ и въ хорошемъ расположеніи духа. Онъ распрашивалъ меня о настроеніи умовъ, сообщилъ мнѣ свое намѣреніе обратиться къ дворянству съ предложеніемъ образовать земское ополченіе и хотѣлъ остановиться въ Москвѣ въ Слободскомъ дворцѣ, находящемся на одной изъ городскихъ окраинъ. Но когда я замѣтилъ, что было бы приличнѣе, если бы онъ находился въ Кремлѣ, во дворцѣ своихъ предковъ и средоточіи города, то онъ согласился съ моимъ замѣчаніемъ. Взглянувъ на мои эполеты, сказалъ: „здѣсь кой-чего недостаетъ", подразумѣвая свой вензель, особенное отличіе, которое въ то время имѣли только двое главнокомандующихъ. Онъ къ этому прибавилъ: „Мнѣ пріятно быть на вашихъ плечахъ" (j'aime à être sur vos épaules).

„При государѣ находились оберъ-гофъ-маршалъ гр. Толстой, гр. Аракчеевъ, кн. Волконскій и гр. Комаровскій. Узнавъ, что въ свитѣ находился также баронъ Штейнъ, я сдѣлалъ распоряженіе, чтобы, подъ предлогомъ недостатка въ лошадяхъ, замедлили его пріѣздъ въ Москву на нѣсколько часовъ. Я сдѣлалъ это въ виду *сильно укоренившагося* мнѣнія, что всѣ иностранцы наши враги и шпіоны. Въ 8 часовъ государь приказалъ мнѣ ѣхать, часомъ прежде него, желая прибыть около полуночи въ Москву, для того, чтобы избѣгнуть толпы любопытныхъ, которые его ожидали по дорогѣ и намѣревались даже выпрячь лошадей и сами везти его коляску въ Кремль. Эта мысль отъ народа перешла и къ болѣе высшимъ классамъ, и мнѣ было извѣстно, что многія лица, имѣвшія даже ордена, намѣревались отправиться къ заставѣ и, можетъ быть по усердію, а можетъ быть и по глупости, превратиться тамъ въ четвероногихъ".

„На пространствѣ 15 верстъ отъ Москвы, по обѣимъ сторонамъ дороги, были толпы народа, вышедшаго изъ города на встрѣчу государю. Они лежали или сидѣли, отдыхая по валамъ канавъ. Я ѣхалъ въ дрожкахъ и никогда не забуду этого путешествія, которое произвело на меня глубокое впечатлѣніе. Ночь была великолѣпная, небо ясно, и ни малѣйшаго движенія въ воздухѣ. Величественная тишина и лунный свѣтъ, падавшій на страну населенную, богатую и счастливую производили сильное впечатлѣніе. Въ каждой деревнѣ, находившейся на дорогѣ, священники съ крестомъ въ рукѣ, въ полномъ облаченіи, въ сопровожденіи нѣсколькихъ лицъ съ зажженными свѣчами выходили изъ церквей, чтобы благословить государя при его проѣздѣ. Эти свѣчи, эти священники, ихъ появленіе, сильно дѣйствовали на воображеніе, волновали чувства и возбуждали множество мыслей, которыя современныя обстоятельства обвивали погребальнымъ трауромъ. Тяжело становилось на сердцѣ, волновалась душа и тревожился умъ. Эти процессіи напоминали похороны, и послѣ взгляда на нихъ глаза невольно подымались къ небу, какъ бы желая прочесть на немъ будущую судьбу Отечества".

Было уже около полуночи, когда государь приближался къ Москвѣ. Вышедшій ему на встрѣчу народъ уже большею частію возвратился въ городъ. Запоздавшіе и отставшіе соединились съ жителями села *Филей или Покровскаго*, которые непремѣнно хотѣли встрѣтить государя. Они послали своихъ гонцовъ въ село Перхушково, которые и дали имъ во-время знать, что государь выѣхалъ оттуда и приближается. Священникъ отецъ Григорій Гавриловъ, въ полномъ облаченіи, вышелъ впередъ народа на Поклонную Гору, неся на серебряномъ блюдѣ крестъ, а старикъ дьяконъ держалъ зажженную свѣчу. Поравнявшись съ ними, государь велѣлъ остановить лошадей, вышелъ изъ коляски, положилъ земной поклонъ и съ глубо-

кимъ вздохомъ облобызалъ крестъ господень". Священникъ провозгласилъ: „Да воскреснетъ Богъ, и расточатся врази его [15])!

„Около полуночи (говоритъ гр. Ростопчинъ) государь пріѣхалъ въ Кремль, гдѣ нашелъ, что всѣ спятъ; по странному недоразумѣнію, его ожидали въ другомъ дворцѣ [16])".

Въ одномъ общемъ чувствѣ необходимости и готовности къ самопожертвованію для спасенія Отечества сливались всѣ состоянія, и оно-то, переполняя души, вызвало ихъ на встрѣчу императора. Замѣчаніе гр. Ростопчина, что народъ остался равнодушенъ (indifférent) къ воззванію императора, не допуская возможности, чтобы непріятель могъ занять Москву, опровергается именно попыткою этой встрѣчи, а еще болѣе собственнымъ его замѣчаніемъ: *бороды*, по его словамъ, говорили постоянно: „Наполеонъ не можетъ насъ покорить, потому что для этого нужно насъ всѣхъ перебить". *Бороды* чувствовали безсознательно вопросъ именно въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ поставленъ историческою судьбою. Нашествіе непріятеля грозило такимъ же покореніемъ и Россіи, какому уже подверглись многія страны континентальной Европы. Попытка подобной встрѣчи императору была, такъ сказать, предувѣдомленіемъ только къ выраженію народнаго чувства, которое и обнаружилось на слѣдующій день.

„Всякій, кто читалъ воззваніе государя къ столицѣ Москвѣ, былъ тронутъ до глубины души (говоритъ свидѣтель событія), всякій готовъ одинъ былъ жертвовать собою для защиты престола и Отечества [17])". Но при такомъ настроеніи духа, безъ сомнѣнія, жители Москвы и окрестныхъ деревень были бы не мало изумлены, еслибы правительство вздумало похвалить ихъ за такія чувства; а между тѣмъ именно эта странная мысль пришла въ голову С. Н. Глинкѣ *). „Въ туже ночь (пишетъ онъ) извѣстилъ я, гдѣ слѣдовало, что народъ, по собственному порыву душъ своихъ, двинулся на встрѣчу государю и что разошелся съ сокрушеннымъ сердцемъ. А потому и просилъ на другой день напечатать что нибудь одобрительное для народа". На эту странную просьбу, внушенную впрочемъ искреннимъ увлеченіемъ, послѣдовалъ не менѣе странный отвѣтъ: „Не знаю почему (продолжаетъ Глинка), приказано было за мною присматривать [18])", т. е. его отдали подъ надзоръ полиціи. Гр. Ростопчинъ, горячій прежде сотрудникъ Русскаго Вѣстника, въ это время былъ въ ссорѣ съ его редакторомъ, но конечно не это обстоятельство заставило его прибѣгнуть къ такой мѣрѣ. Самая роль, которую принялъ на себя Глинка, роль какого-то народнаго трибуна, не могла не тревожить графа Ростопчина: онъ видѣлъ въ этомъ какъ бы соперничество съ нимъ самимъ, покушеніе на его права. Онъ самъ желалъ играть эту роль, какъ доказываетъ его способъ обхожденія съ народомъ и особенно его афиши, и онъ считалъ это своимъ правомъ въ качествѣ Московскаго главнокомандующаго. Но по свойственной ему способ-

---

[15]) Записки С. Н. Глинки, стр. 11—12.

[16]) *Странное недоразумѣніе* вѣроятно произошло отъ самого гр. Ростопчина. По его свидѣтельству, государь предполагалъ остановиться въ Слободскомъ дворцѣ, и безъ сомнѣнія согласно съ этимъ желаніемъ сдѣланы были приготовленія для его пріема. Онъ измѣнилъ это намѣреніе по совѣту гр. Ростопчина, который ранѣе государя пріѣхалъ въ Москву изъ Перхушкова, но не далъ знать кому слѣдовало о томъ, что государь прибудетъ въ Кремлевскій дворецъ.

[17]) Бестужевъ-Рюминъ. Описаніе и пр., стр. 74.

*) Глинка разумѣлъ не похвалу Москвичамъ, а то, что государь какъ бы чуждался народа, въѣзжая въ Москву ночью. *П. Б.*

[18]) Записки о 1812 г., стр. 9—10.

ности увлекаться минутнымъ впечатлѣніемъ, онъ рѣшился на мѣру, отъ которой чрезъ нѣсколько дней долженъ былъ отказаться, уступая требованіямъ обстоятельствъ.

Послѣ происшествій 11 Іюля нельзя было сомнѣваться въ томъ, какъ государь будетъ принятъ всѣми состояніями въ самой Москвѣ. Графъ Ростопчинъ, желая показать замѣчательному иностранцу (образу мыслей котораго онъ однакоже не сочувствовалъ), въ какихъ отношеніяхъ Русскіе государи находятся къ своимъ подданнымъ во времена угрожающія Отечеству опасностію, послалъ слѣдующее приглашеніе барону Штейну на 12 Іюля: „Гр. Ростопчинъ, свидѣтельствуя свое почтеніе г. барону Штейну, препровождаетъ пакетъ, полученный на его имя и, *если ему любопытно видѣть императора, обожаемаго своимъ народомъ,* то предлагаетъ ему пожаловать во дворецъ въ 10 часовъ [19])“. Впрочемъ, не одинъ гр. Ростопчинъ могъ съ увѣренностію говорить, что государь будетъ восторженно принятъ Москвою. Это говорили всѣ люди того времени, знавшіе настроеніе всего общества, но только иначе выражали свое мнѣніе, безъ умышленнаго желанія выставить на показъ это естественное явленіе. Въ это же самое время, именно отъ 11 Іюля изъ Великихъ-Лукъ, гр. Кочубей писалъ барону Штейну: „Можно подумать, баронъ, что вы обладаете даромъ предвидѣнія; такъ удачно вы избрали время для поѣздки въ Москву. Вы увидите эту древнюю столицу во всемъ ея блескѣ и, что важнѣе, встрѣтите въ ней глубокую привязанность и восторгъ къ законному своему государю. Вы увидите, какія будутъ сдѣланы пожертвованія, и все это конечно произведетъ пріятное впечатлѣніе на человѣка съ вашимъ образомъ мыслей. Я очень сожалѣю, что не буду свидѣтелемъ этихъ прекрасныхъ порывовъ; они мнѣ любы и сами по себѣ, и потому, что показываютъ нашу силу, наши средства [20])“.

Безъ всякихъ объявленій народъ уже зналъ, что государь въ Москвѣ и 12 Іюля съ ранняго утра стремился въ Кремль. Вскорѣ не только всѣ площади Кремлевскія до тѣсноты наполнились народомъ, но даже кровли до-

---

[19]) Пертцъ, Das Leben des Fr. v. Stein. III т., прилож. XVI, стр. 625. Le comte Rostopschin a l'honneur de présenter ses hommages à m-r le baron de Stein. Il envoye un paquet à son adresse et lui propose, s'il est curieux de voir un empereur adoré par son peuple, de vouloir bien se rendre au château à 10 heures.

[20]) Письмо гр. Кочубея изъ Великихъ-Лукъ отъ 11 Іюля 1812 г. On dirait, m-r le baron, que vous avez l'art de la divination, tellement vous avez choisi à propos le moment de votre voyage à Moscou. Vouz verrez cette ancienne capitale dans un grand éclat, et ce qui est plus, vous trouverez un grand attachement et un grand enthousiasme pour un souverain légitime. Vous verrez les sacrifices que l'on fera, et tout cela agira bien agréablement sur un homme qui pense et sent comme vous. Je suis bien fâché de ne pas être témoin de ces beaux élans. Je les aime par eux mêmes et la conviction qu'ils donnent de notre force, de nos moyens. Эти слова доказываютъ, что, при общемъ настроеніи всей Россіи въ это время, всѣ напередъ знали, какой пріемъ встрѣтитъ государь въ Москвѣ, безъ всякихъ искусственныхъ подготовленій. Въ этомъ же письмѣ гр. Кочубей пишетъ б. Штейну: au grand mouvement que j'ai vu à Veliki-lucki le premier jour après le départ de l'empereur, a succedé le plus grand calme“. Императоръ не заѣзжалъ въ Великія-Луки (ср. прим. 13); но пребываніе его въ Невелѣ и на станціи Сеньковѣ могло возбудить движеніе и въ Великихъ-Лукахъ, находящихся въ близкомъ разстояніи. Pertz, Das Leb. des Fr. v. Stein. ч. III, прил. XI, стр. 613—614.

мовъ. Былъ великолѣпный лѣтній день, и солнце сіяло въ полномъ блескѣ. Въ 9 часовъ появился на Красномъ Крыльцѣ императоръ, идя въ Успенскій соборъ къ литургіи, послѣ которой должно было отпѣть благодарственный молебенъ по случаю заключеннаго мира съ Турками. Лишь только появился государь и поклонился народу, вмѣстѣ съ колокольнымъ звономъ слились привѣтственные возгласы многочисленнаго народа. Но рядомъ съ обычнымъ *ура* смѣшались другіе возгласы: *веди насъ, куда хочешь; веди насъ, отецъ нашъ; умремъ или побѣдимъ!* Народъ вполнѣ чувствовалъ грозившую опасность, безусловно готовъ былъ жертвовать собою для спасенія Отечества; но ему нуженъ былъ вождь, онъ чувствовалъ и эту нужду, и потому радость его вышла изъ предѣловъ, когда наконецъ его *законный* вождь явился передъ нимъ съ видимымъ къ нему довѣріемъ.

„На каждой ступени Краснаго Крыльца, со всѣхъ сторонъ сотни торопливыхъ рукъ (говоритъ очевидецъ) хватались за ноги государя, за полы мундира, цѣловали и орошали ихъ слезами.. Быстрый приливъ народа стѣснялъ его все болѣе и болѣе, чиновники его порывались раздвигать ряды. Государь, кланяясь на всѣ стороны, говорилъ: „не троньте, не троньте ихъ, я пройду [21])“. „Находившіеся при государѣ генералъ-адъютанты (говоритъ другой очевидецъ) принуждены были составить изъ себя родъ оплота, чтобъ довести императора отъ Краснаго Крыльца до собора. Всѣхъ насъ можно было уподобить судну безъ мачтъ и кормила, обуреваемому на морѣ волнами. Мы очутились почти у гаубтвахты и оттуда уже кое-какъ добрались до церкви. Между тѣмъ громогласное ура заглушило почти звонъ колоколовъ. Это шествіе продолжалось очень долго, и мы едва совершенно не выбились изъ силъ. Я никогда не видывалъ такого энтузіазма въ народѣ, какъ въ это время [22])“.

Всѣ очевидцы и свидѣтели этихъ происшествій описываютъ ихъ совершенно одинаково въ общихъ чертахъ и только въ подробностяхъ дополняютъ одинъ другаго. Баронъ Штейнъ и С. Н. Глинка, А. С. Шишковъ и гр. Комаровскій, говорятъ тоже, что̀ и графъ Ростопчинъ. Конечно въ разсказахъ каждаго изъ нихъ не могъ не отразиться и личный ихъ характеръ; онъ отразился и въ разсказѣ гр. Ростопчина: его не оставила свойственная ему насмѣшливость, конечно совершенно неумѣстная при разсказѣ объ этомъ событіи. „Государь (пишетъ онъ) около полуночи пріѣхалъ въ Кремль, гдѣ всѣ спали: по какому-то недоразумѣнію его ожидали въ другомъ дворцѣ. На другой день, съ самаго разсвѣта, большая площадь до такой степени наполнилась *любопытными*, что сверху видны были только одни головы. Московскій народъ рѣдко утѣшается присутствіемъ своихъ государей и потому весьма жаждетъ ихъ видѣть. Въ этотъ день, въ большомъ соборѣ, послѣ обѣдни назначенъ былъ благодарственный молебенъ, по случаю заключенія мира съ Оттоманскою Портою. Государь пошелъ въ соборъ и при входѣ былъ встрѣченъ архіепископомъ Августиномъ, викаріемъ митрополита Платона, который удалился въ маленькій монастырь, построенный имъ въ 60 верстахъ отъ Москвы. Съ нимъ уже нѣсколько разъ были припадки паралича, и онъ плохо владѣлъ языкомъ; но это болѣзненное состояніе не помѣшало ему прислать изъ своего уединенія государю образъ св. Сергія вмѣстѣ съ прекраснымъ письмомъ, въ

---

[21]) Записки С. Н. Глинки о 1812 г. стр. 13—14; его-же Русскіе Анекдоты, ч. II, стр. 7—10;

[22]) Записки гр. Комаровскаго, Рус. Архивъ 1867 г. № 5 и 6, стр. 775; Pertz, das Leben v. Stein ч. III, стр. 104—105; Записки Шишкова ч. I, стр. 151.

которомъ онъ предвѣщалъ славный конецъ войнѣ и сравнивалъ государя съ пастыремъ Давидомъ, а Наполеона съ Голіаѳомъ. Но времена уже были иныя: Наполеонъ не сдѣлалъ бы вызова и не таковъ былъ, чтобы позволить себя убить ударомъ пращи".

Не простое *любопытство* привлекаетъ Русскій народъ привѣтствовать своихъ государей; тѣмъ болѣе не простое любопытство взволновало всю Москву и двинуло ее на Смоленскую дорогу и потомъ въ Кремль въ дни пребыванія въ ней императора въ Іюлѣ мѣсяцѣ вѣчнопамятнаго 1812-го года. Не стоило бы конечно останавливать вниманія на этомъ недостойномъ словѣ, если бы оно было написано кѣмъ нибудь другимъ, а не гр. Ростопчинымъ.

Московскіе архипастыри, при входѣ государей въ Успенскій соборъ, храмъ, гдѣ совершается ихъ вѣнчаніе на царство, по принятому обычаю, встрѣчаютъ ихъ привѣтственною рѣчью.

Московскою митрополіею управлялъ викарій митрополита Платона Августинъ. Онъ пользовался извѣстностью, какъ проповѣдникъ, хотя его умныя и горячія рѣчи являлись въ изысканномъ риторическомъ убранствѣ. Встрѣчая императора въ дверяхъ Успенскаго собора, онъ привѣтствовалъ, „свѣтъ вождѣленнаго мира, возсіявшій на Югѣ, покрытомъ тучами браней" т. е. заключеніе мира съ Турками; но, указавъ на войну, начатую противъ Россіи Западомъ, говорилъ государю: „Тамъ, среди мощныхъ и храбрыхъ ополченій своихъ, ты мещешь перуны на дерзкаго врага, здѣсь воспламеняешь души наши любовью къ тебѣ и Отечеству. Тамъ двигаешь громы на пораженіе злобы, здѣсь возбуждаешь и движешь сердца наши на защищеніе возлюбленной тебѣ Россіи. Тамъ казнишь, здѣсь покоишь: тамъ мертвишь, здѣсь оживляешь. Государь, оружіемъ ты побѣдилъ тысящи, а благостію тьмы. Наша благодарность, наша любовь къ тебѣ не имѣютъ предѣловъ; но твоя отеческая къ намъ любовь превосходитъ всѣ чувствія нашего къ тебѣ усердія и признательности. Ты и надъ нами побѣдитель, ты торжествуешь и надъ своими". Въ рѣчи Московскаго архипастыря риторическое убранство не помѣшало однакоже выразиться тому необычайному увлеченію, съ которымъ встрѣчала государя Москва въ это грозное время. При вступленіи государя въ храмъ, вмѣсто обычной пѣсни, пѣвчіе, по распоряженію преосвященнаго Августина, запѣли: „да воскреснетъ Богъ, и расточатся врази его [23])".

Когда государь возвращался изъ собора, народъ стѣснилъ его до такой степени (по свидѣтельству гр. Ростопчина), что онъ долженъ былъ остановиться, чтобы дать возможность толпѣ раздвинуться и открыть ему путь. „Это неудобство было потомъ устранено тѣмъ, что я велѣлъ устроить помостъ между Краснымъ Крыльцомъ и соборомъ, возвышавшійся на нѣсколько ступенекъ надъ мостовою". Престарѣлый митрополитъ Платонъ, узнавъ, что государь пріѣдетъ въ Москву, собирался ѣхать въ столицу, чтобы лично его привѣтствовать; нѣсколько разъ запрягали лошадей, нѣсколько разъ онъ подходилъ къ каретѣ; но, изнемогая отъ слабости и болѣзни, возвращался въ свои кельи. Понимая значеніе обстоятельствъ, онъ не могъ оставаться внѣ ихъ и чуждъ имъ и потому послалъ съ намѣстникомъ Троицкой лавры Самуиломъ, въ знакъ благословенія императору, образъ Св. Сергія при слѣдующемъ письмѣ: „Первопрестольный градъ Москва, новый Іерусалимъ, пріемлетъ Христа своего, яко мать въ объятія усердныхъ сыновъ своихъ и, сквозь возникающую мглу, *провидя* бли-

[23]) Снегирева. Очерки жизни Московскаго архіепископа Августина, стр. 19—21.

стательную славу твоея державы, поетъ въ восторгѣ: Осанна, благословенъ грядый во имя Господне! Пусть дерзкій и наглый Голіаѳъ отъ предѣловъ Франціи обноситъ на краяхъ Россіи смертоносные ужасы; но кроткая вѣра, сія праща Россійскаго Давида, сразитъ внезапно главу кровожаждущей гордыни. Се образъ преподобнаго Сергія, древняго ревнителя о благѣ нашего Отечества, приносится вашему императорскому величеству. Болѣзную, что слабѣющія силы мои препятствуютъ мнѣ насладиться любезнѣйшимъ вашимъ лицезрѣніемъ. Теплыя возсылаю къ небесамъ молитвы, да Всесильный возвеличитъ родъ правыхъ и исполнитъ во благихъ желанія вашего величества".

Икона, которою митрополитъ благословлялъ императора, имѣла важное историческое значеніе: она была написана въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича, на доскѣ отъ гроба преподобнаго Сергія. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ (въ 1654 году) она находилась при войскахъ въ войнѣ съ Польшею и возвращена потомъ въ Лавру (въ 1658 г.). Во время войны со Шведами Петръ Великій поручилъ графу Шереметеву взять ее изъ Лавры, и она сопутствовала войскамъ во все продолженіе этой войны. Съ ея святынею соединялись воспоминанія о славѣ древней и новой Россіи. „Образъ святаго *поборника Россійскихъ военныхъ силъ* (писалъ императоръ м. Платону) я велѣлъ отдать составляющемуся для защиты Отечества Московскому ополченію, да сохранитъ онъ его своимъ предстательствомъ у престола Божія" [24]).

Рѣшившись прямо обратиться къ своимъ подданнымъ, государь назначилъ дворянамъ и купцамъ собраться 15 Іюля въ залахъ Слободскаго дворца *).

Могъ-ли при этомъ случаѣ оставаться спокойно въ своемъ домѣ, или бѣгать по площадямъ и улицамъ Московскимъ, издатель *Русскаго Вѣстника*? А между тѣмъ у него не было никакой собственности не только въ Московской, но даже и въ родной его Смоленской губерніи. „Въ правѣ ли я (пишетъ онъ) говорить о пожертвованіяхъ? Но обозрѣвая положеніе мое съ другой стороны и зная, что подпалъ подъ присмотръ, я рѣшился, для отстраненія предположеній и пересудовъ, явиться въ собраніе съ одною неотъемлемою собственностію: съ чистою совѣстью и самоотреченіемъ отъ жизни. Не было у меня ни милиціоннаго, ни губернскаго мундира. Послѣдній я выпросилъ у брата хозяйки нанимаемаго мною дома. Невольно улыбнулся я, взглянувъ въ зеркало и увидя себя въ необычайномъ нарядѣ. Улыбки знакомыхъ встрѣтили меня и при входѣ въ собраніе". Но С. Н. Глинка былъ извѣстенъ всѣмъ по направленію своей дѣятельности и знакомъ со многими лично, и потому конечно его присутствіе въ собраніи никому не показалось неумѣстнымъ.

Между тѣмъ залы наполнялись болѣе и болѣе; шли оживленные разговоры. За столомъ, покрытымъ зеленымъ сукномъ, сидѣли болѣе почетныя лица; другія отдѣльными группами собирались въ залѣ собранія и въ смежныхъ комнатахъ. Въ одной изъ нихъ (по сказанію Глинки) завязался жаркій споръ; одинъ (какъ онъ называетъ) изъ *чиновныхъ бояръ* сказалъ: „Мы должны спросить государя, сколько у насъ войска и гдѣ наше войско". „Если бы и въ правѣ были спрашивать объ этомъ государя, возразилъ

[24]) Письмо митрополита Платона изъ Виѳаніи отъ 14 Іюля, отвѣтъ государя изъ Твери 19 Іюля; Записки Шишкова ч. I стр. 429, прилож. VIII; Снегирева, Жизнь митрополита Платона, ч. II, стр. 42, примѣч. 19.

*) Нынѣшнее Ремесленное Училище, возлѣ Лефортовскаго дворца. *П. Б.*

ему генералъ Апраксинъ, то онъ не могъ бы намъ дать удовлетворительнаго отвѣта: войска наши двигаются сообразно движеніямъ непріятеля, которыя могутъ измѣняться каждый часъ; также можетъ измѣняться и число войскъ".

Вслѣдъ за этимъ, „мужчина лѣтъ въ 40, высокій ростомъ, плечистый, статный, благовидный, рѣчистый въ Русскомъ словѣ, въ мундирѣ безъ эполетъ (объ имени его некогда было спросить) сказалъ: „Теперь не время разсуждать, надобно дѣйствовать. Кипитъ война необычайная, война нашествія, война внутренняя. Она изроетъ могилы и городамъ и народу. Россія должна выдержать сильную борьбу, и эта война требуетъ и небывалой доселѣ мѣры. Двинемся сотнями тысячъ, вооружимся чѣмъ можемъ. Двинемся быстро въ тылъ непріятеля, составимъ конныя дружины, будемъ вездѣ тревожить Наполеона, отрѣжемъ его отъ Европы и покажемъ, что Россія возстаетъ за Россію".

Не выдержалъ далѣе молчанія С. Н. Глинка: „Адъ должно отражать адомъ! воскликнулъ онъ и, воодушевляясь болѣе и болѣе, говорилъ около получаса объ опасномъ положеніи Отечества и необходимости крайнихъ средствъ для защиты. Его слушали молча, вокругъ него стѣснился кружокъ, и незамѣтно придвинули его къ столу въ залѣ собранія въ то время, когда онъ говорилъ: „Мы не должны ужасаться, Москва будетъ сдана". Въ это время вскочили съ своихъ креселъ нѣкоторые изъ сидѣвшихъ у стола, и раздались вопросы: „Кто вамъ сказалъ, почему вы это знаете"?

Въ минуту увлеченія, безсознательно вырвалось это роковое слово у Глинки. Предложенные вопросы нѣсколько пріостановили его рѣчь; но, не *смутясь духомъ*, онъ продолжалъ, отвѣчая на нихъ: „Милостивые государи, во первыхъ отъ Нѣмана до Москвы нѣтъ ни природной, ни искусственной обороны, достаточной для того, чтобы остановить сильнаго непріятеля. Во вторыхъ, всѣ отечественныя лѣтописи наши свидѣтельствуютъ, что Москва привыкла страдать за Россію, и въ третьихъ—и дай Богъ, чтобъ сбылись мои слова—сдача Москвы будетъ спасеніемъ Россіи и Европы [25])". Рѣчь С. Н. Глинки, увлекавшагося болѣе и болѣе, была внезапно прервана появленіемъ въ залѣ собранія гр. Ростопчина и статсъ-секретаря Шишкова.

По приказанію государя они отправились въ собраніе до его пріѣзда, съ тѣмъ чтобъ отъ его имени прочесть какъ дворянству, такъ и купечеству манифестъ 6 Іюля. При входѣ гр. Ростопчинъ сказалъ, указывая на залу, гдѣ были собраны купцы: „Отсюда польются къ намъ милліоны, а наше дѣло выставить ополченіе и не щадить себя". Въ послѣдствіи въ своихъ Запискахъ онъ такъ разсказываетъ о собраніи 15 Іюля: „Передъ прибытіемъ государя, я отправился во дворецъ вмѣстѣ съ г. Шишковымъ. Прежде мы посѣтили залу дворянъ, а потомъ купцевъ. Въ первой залѣ, въ которой собралось около 1000 челов., съѣхавшихся со всѣхъ сторонъ по полученіи извѣстія о пріѣздѣ государя, все происходило тихо и въ порядкѣ; но во второй залѣ, гдѣ были собраны купцы, я былъ пораженъ тѣмъ впечатлѣніемъ, которое произвело чтеніе манифеста. Сначала—вниманіе, потомъ гнѣвъ; но когда Шишковъ произнесъ слова, въ которыхъ говорилось, что непріятель съ лестью на устахъ несетъ въ рукахъ оковы, тогда негодованіе выразилось въ сильнѣйшей степени: ударяли себя въ голову, рвали на себѣ волосы, ломали руки, видны были слезы гнѣва, струившіяся по этимъ лицамъ, напоминавшимъ древнихъ. Я ви-

[25]) Записки о 1812 г., стр. 16—19.

дѣлъ одного, который скрежеталъ зубами. При этомъ шумѣ невозможно было разобрать, что̀ говорили; но явно было, что это угрозы и возгласы гнѣва и стенанія. Это было единственное зрѣлище въ своемъ родѣ, когда Русскій человѣкъ на свободѣ выражаетъ своя чувства и, *забывая о своемъ рабствѣ,* негодуетъ на оковы, которые готовитъ ему иностранецъ, предпочитая смерть позору—быть побѣжденнымъ. Въ этомъ случаѣ открылись старые Русскіе. Они сохранили старую одежду, ихъ бороды придавали имъ почтенный и величественный видъ ихъ предковъ. У нихъ не было другаго руководства, другихъ началъ, другихъ правилъ кромѣ четырехъ пословицъ, которыми объясняются причины какъ хорошихъ, такъ и дурныхъ ихъ дѣйствій: „Русскій Богъ великъ; служить государю вѣрою и правдою; два раза не умираютъ; чему быть, тому не миновать".

„Вотъ что дѣлаетъ настоящаго Русскаго покорнымъ волѣ Божіей, вѣрнымъ своему государю, равнодушнымъ къ смерти и предпріимчивымъ. И въ какомъ блескѣ выражались его мужество и вѣрность въ продолженіи 1812 г.! Онъ дѣйствовалъ самъ собою, его инстинктъ одинъ руководилъ имъ. Древняя исторія мало представляетъ примѣровъ такой преданности и пожертвованій. Исторія нашего времени не представляетъ ни одного".

Гр. Ростопчинъ писалъ свои Записки о 1812 г. гораздо послѣ событій: живое ихъ впечатлѣніе хотя и сохранилось въ немъ, но къ нему уже примѣшались позднѣйшіе взгляды и желанія объяснить ими событія. Странное объясненіе чувствъ, выразившихся въ это великое мгновеніе исторической жизни народа, четырьмя поговорками показываетъ только, что многія изъ лицъ образованнаго сословія того времени такъ далеко отошли отъ народа, что даже и въ этомъ случаѣ не могли совершенно слиться съ нимъ и хотѣли стоять выше. Увидавъ лицемъ къ лицу настоящихъ Русскихъ, они не узнавали ихъ и считали какъ бы за воскресшихъ изъ гроба предковъ.

Пріѣхавъ въ Слободской дворецъ, государь вошелъ прежде въ свои покои, куда явился къ нему графъ Ростопчинъ, чтобы доложить, что все готово къ его пріему и отдать отчетъ о случившемся. Государь говорилъ съ нимъ объ ополченіи и когда „онъ разсчитывалъ на 10 тыс. человѣкъ, я (говоритъ гр. Ростопчинъ) вполнѣ былъ увѣренъ, что ихъ будетъ гораздо болѣе". Потомъ государь пошелъ во дворцовую церковь, гдѣ совершено было краткое молебствіе. Государь какъ будто медлилъ вступить въ залы, гдѣ были собраны сословія. Дѣлая рѣшительный шагъ, онъ сосредоточивалъ мысли; прибѣгая къ народной силѣ и сливаясь съ нею, какъ будто отказывался отъ своего личнаго полновластія; но въ силѣ народа онъ чувствовалъ, что получаетъ еще бо̀льшую силу. „Войдя въ дворянскую залу (по словамъ графа Ростопчина) онъ казался озабоченнымъ. Шагъ, который онъ рѣшался сдѣлать, не могъ не быть тяжелъ для каждаго государя. Онъ милостиво поклонился собранію; потомъ, нѣсколько собравшись съ духомъ, съ лицемъ оживленнымъ, сказалъ прекрасную рѣчь, полную благородства, величія и откровенности, которая произвела электрическое дѣйствіе и расположила всѣхъ жертвовать *частію своего состоянія, чтобы спасти все*". Было бы вѣрнѣе, еслибъ графъ Ростопчинъ сказалъ: жертвовать *всѣмъ* своимъ состояніемъ и *собою,* чтобы спасти *Отечество.* Разсчеты *о всемъ* и о *части* своего личнаго состоянія не могли существовать въ эти минуты всеобщаго увлеченія.

Обратясь къ дворянамъ, государь говорилъ: „Вамъ извѣстна, знаменитое дворянство, причина моего сюда пріѣзда. Императоръ Французовъ, вѣроломнымъ образомъ, безъ объявленія войны, съ многочисленною арміею, составленною изъ порабощенныхъ имъ народовъ, вторгся въ наши

границы. Всѣ средства были истощены, сохраняя однакоже достоинство имперіи, къ отвращенію бѣдствія; но властолюбивый духъ Наполеона, не знающій предѣловъ, не внималъ никакимъ предложеніямъ. Настало время для Россіи показать свѣту ея могущество и силу. Я въ полной увѣренности взываю къ вамъ: вы, подобно предкамъ вашимъ, не потерпите ига чуждаго, и непріятель да не восторжествуетъ въ своихъ дерзкихъ замыслахъ. Сего ожидаютъ отъ васъ Отечество ваше и государь".

На рѣчь государя бывшій главнокомандующій Москвы графъ Гудовичь, какъ старшій по лѣтамъ и положенію, отвѣчалъ (по разсказу гр. Ростопчина) „въ духѣ стараго и вѣрнаго слуги, что императоръ нисколько не долженъ сомнѣваться въ успѣхѣ дѣла, которое всѣ Русскіе считаютъ священнымъ. Они готовы жертвовать всѣмъ своимъ состояніемъ и пролить свою кровь до послѣдней капли и предлагаютъ императору по одному ратнику съ 25 душъ, одѣтому и снабженному на мѣсяцъ провіантомъ". Лишь только фельдмаршалъ кончилъ рѣчь, какъ раздались голоса: „нѣтъ не по одному съ 25, но по одному съ 10, обмундированныхъ и снабженныхъ провіантомъ на три мѣсяца". Это съ шумомъ было повторено большею частію собранія. Императоръ благодарилъ въ лестныхъ выраженіяхъ и хвалилъ щедрость дворянства".

Другой свидѣтель происшествія, графъ Комаровскій говоритъ, что вся зала огласилась словами, послѣ того какъ государь произнесъ рѣчь: „Готовы умереть скорѣе, государь, нежели покориться врагу. Все что̀ мы имѣемъ отдаемъ тебѣ; на первый случай назначаемъ 10 человѣкъ со 100 душъ нашихъ крестьянъ на службу. Всѣ бывшіе въ залѣ не могли удержаться отъ слезъ. Государь былъ самъ чрезмѣрно тронутъ". „Я многаго ожидалъ отъ Московскаго дворянства, сказалъ онъ въ отвѣтъ на предложеніе дворянъ; но оно превзошло мои ожиданія. Благодарю васъ именемъ Отечества". Послѣ того государь обратился было къ гр. Ростопчину, приказывая ему прочесть составленное уже положеніе объ ополченіи. „Я замѣтилъ государю (пишетъ гр. Ростопчинъ) что оно составлено на иныхъ основаніяхъ и что дворянство, само опредѣливъ число ратниковъ, тѣмъ самымъ уничтожило это положеніе. Государь одобрилъ мое замѣчаніе, поклонился собранію и перешелъ въ залу, гдѣ было собрано купечество. Сказавъ имъ нѣсколько лестныхъ словъ, онъ объявилъ о пожертвованіяхъ дворянства и, поручивъ мнѣ прочесть имъ положеніе о пріемѣ пожертвованій, сѣлъ въ экипажъ и возвратился въ Кремль. Я не далъ времени купцамъ охладиться. Бумага, чернильницы, перья были приготовлены на столахъ: подписка началась, и не болѣе, какъ въ полчаса собрано было 2,400,000. Градской голова, котораго капиталъ состоялъ изъ 100 тысячь, первый подписался на 50 тыс., крестясь и говоря: „мнѣ далъ ихъ Богъ, и я отдаю ихъ Отечеству". Изъ разсказа графа Комаровскаго видно, что подписка пожертвованій въ купеческой залѣ началась прежде того, какъ вошелъ государь, и на его рѣчь они уже объявили ему: „что сдѣланы подписки на нѣсколько милліоновъ рублей, которые они приносятъ въ даръ Отечеству". Графъ Ростопчинъ только поощрилъ, вѣроятно, дальнѣйшій ходъ подписки послѣ отъѣзда государя.

„Я возвратился въ Кремль (продолжаетъ гр. Ростопчинъ) съ извѣстіемъ о 2,400,000 и нашелъ императора въ кабинетѣ, вмѣстѣ съ Балашевымъ и Аракчеевымъ. Десять человѣкъ на сто, по разсчету народонаселенія губерніи, составляло 32 тыс. человѣкъ, снабженныхъ продовольствіемъ на три мѣсяца, и сверхъ того сумма пожертвованная купцами. Государь мнѣ сказалъ, что считаетъ себя очень счастливымъ и радуется, что рѣшился пріѣхать въ Москву и что назначилъ меня генералъ-губернаторомъ.

Потомъ, когда я уходилъ, онъ съ чуствомъ меня поцѣловалъ. Когда я находился въ другой комнатѣ, Аракчеевъ поздравилъ меня съ тѣмъ, что я получилъ самый высшій знакъ благорасположенія, будучи поцѣлованъ императоромъ: потому (прибавилъ онъ) что я служу ему со дня его восшествія на престолъ, и онъ никогда меня не поцѣловалъ. „Будьте увѣрены, сказалъ мнѣ потомъ Балашевъ, что Аракчеевъ никогда не забудетъ и никогда не проститъ этого поцѣлуя". Я разсмѣялся въ то время; но въ послѣдствіи неопровержимые доводы убѣдили меня, что министръ полиціи былъ правъ и что онъ болѣе зналъ Аракчеева, нежели я".

Государь былъ дѣйствительно доволенъ, что пріѣхалъ въ Москву. Въ ней изъ военачальника онъ сталъ Русскимъ царемъ и почувствовалъ силы народа. За большимъ обѣденнымъ столомъ, который былъ въ этотъ день во дворцѣ, онъ нѣсколько разъ повторялъ: „этого дня я никогда не забуду". Его не забылъ и никто, кто только былъ свидѣтелемъ происшествій.

Только гр. Ростопчинъ пытается накинуть нѣкоторую тѣнь на этотъ свѣтлый день въ жизни Россіи. „Теперь надо объяснить, говоритъ онъ, почему собраніе было такъ щедро и благородно (si généreuse et si noble). Предложеніе фельдмаршала Гудовича было и справедливо, и разумно: но первые два голоса, которые усилили это предложеніе и предложили по одному съ десяти человѣкъ, принадлежали двумъ, совершенно различнымъ между собою, людямъ. Одинъ изъ этихъ господъ былъ очень умный человѣкъ и предлагалъ мѣру, которая ему ничего не стоила, потому что у него не было никакой собственности въ Московской губерніи, и онъ случайно сдѣлалъ свое предложеніе, какъ бы шутя. Другой съ сильными легкими былъ низкій человѣкъ, глупый и злой; онъ мнѣ обѣщалъ свой голосъ за то, чтобы имѣть честь быть приглашеннымъ къ императорскому столу. И вотъ какъ часто направляютъ собранія, и какъ они дѣйствуютъ и подаютъ голоса по увлеченію и безъ размышленія! Бываютъ люди, которыхъ газетчики, біографы и историко-романисты возвышаютъ до небесъ за какой нибудь поступокъ или слово, въ которомъ они, можетъ быть, сей часъ же раскаявались, что его сдѣлали или произнесли".

Конечно въ многочисленномъ собраніи не могли быть всѣ одинаково честными и благородными людьми. Дѣло не въ томъ и не въ количествѣ ратниковъ, одинъ ли съ 10 или съ 25. Дѣло въ общемъ настроеніи, которое увлекаетъ за собою всѣхъ, даже и дурныхъ людей. По свидѣтельству же всѣхъ современниковъ, не исключая и графа Ростопчина, общее настроеніе было таково, что всѣ сословія, весь народъ готовы были на всѣ возможныя пожертвованія, и жизнью, и имуществомъ, для спасенія Отечества. Всѣ спѣшили только поскорѣе составить ополченіе. „Многіе изъ моихъ знакомыхъ, говоритъ графъ Комаровскій, Московскихъ дворянъ, говорили мнѣ, одни что отдадутъ всѣхъ своихъ музыкантовъ, другіе актеровъ, третьи дворовыхъ людей, псарей въ ратники; ибо ихъ скорѣе можно образовать для военной службы, нежели крестьянъ" [26]).

---

[26]) Записки гр. Комаровскаго, Русс. Архивъ 1867 г., № 5—6 стр. 776 и 777; передавая рѣчи государя въ собраніи, онъ прибавляетъ: „и весь этотъ разговоръ остался у меня въ совершенной памяти". Записки о 1812 г. С. Н. Глинки, стр. 20—21; Записки адм. Шишкова т. 1, стр. 151; Бестужева-Рюмина, Кратк. описаніе, стр. 74; Записки Д. Б. Мертваго, Русс. Арх. 1867, № 8—9, стр. 313; Записки Ѳ. П. Лубяновскаго, Русс. Архивъ 1872 г., № 3—4, стр. 509—511; Вильсонъ, Geheime Geschichte des Feldzugs v. 1812 г. стр. 70—71; Пертцъ,

„Усердіе и любовь къ Отечеству внушили благородныя и великодушныя намѣренія четыремъ лицамъ (говоритъ графъ Ростопчинъ): молодые графы Мамоновъ и Салтыковъ, владѣвшіе большими имѣніями, вызвались образовать на свой счетъ каждый по конному полку и были назначены въ нихъ полковниками. Они сей часъ же принялись за дѣло и истратили на него громадныя для частныхъ лицъ суммы. Кн. Николай Гагаринъ и г-нъ Демидовъ каждый взяли на себя обмундировку цѣлаго полка Московскаго ополченія. Всѣ молодые люди изъ гражданской службы поступали въ военную; присутственныя мѣста опустѣли; Сенатъ остался безъ прокуроровъ“.

Были явленія, на которыя нельзя не обратить вниманія, потому что они дѣйствительно бросаютъ грустную тѣнь на свѣтлый день 15 Іюля 1812 г.

Мы уже говорили, что неизвѣстность, въ которой находилась Москва и вся Россія о количествѣ нашихъ оборонительныхъ силъ, о дѣйствіяхъ арміи, тревожила болѣе или менѣе всѣхъ и естественно вынуждала нѣкоторыхъ выражать желаніе узнать о наличныхъ средствахъ прежде, нежели приступать къ составленію новыхъ. Новыя ополченія не могли составиться мгновенно; непріятель быстро приближался къ средоточію Россіи; носились зловѣщіе слухи о положеніи нашихъ войскъ, даже о гнѣздившейся въ нихъ измѣнѣ. Это желаніе узнать о состояніи нашихъ войскъ выражено было однимъ изъ присутствовавшихъ въ собраніи 15 Іюля дворянъ, какъ свидѣтельствуетъ С. Н. Глинка. Конечно это весьма естественное желаніе неумѣстно было бы выразить въ видѣ вопроса государю при этомъ случаѣ. Такъ это и было понято всѣмъ собраніемъ, да иначе и понято быть не могло при господствовавшемъ общемъ настроеніи. Готовившійся голосъ смолкъ, прежде нежели раздался [27]).

Не такъ взглянулъ на это обстоятельство Московскій генералъ-губернаторъ. Въ день пріѣзда государя, т. е. 12 Іюля (пишетъ гр. Ростопчинъ) „ночью я узналъ, и это мнѣ было подтверждено на другой день утромъ, что нѣкоторые изъ лицъ, принадлежавшихъ къ обществу *Мартинистовъ*, сговаривались, когда государь предложитъ составленіе ополченій, спросить, сколько же у насъ теперь войскъ, сколько у непріятеля и какія имѣются средства обороны и пр. Это предположеніе—смѣлое, неумѣстное и опасное при тогдашнихъ обстоятельствахъ; но его исполненіе на дѣлѣ меня нисколько не пугало, потому что я зналъ, что эти лица весьма храбры у себя дома, какъ трусливы въ обществѣ. Однакоже я нарочно говорилъ нѣсколько разъ передъ всѣми, что надѣюсь представить государю зрѣлище дворянскаго собранія, вѣрнаго и почтительнаго, и я буду въ *отчаяніи*, если кто либо изъ неблагонамѣренныхъ людей нарушитъ спокойствіе и забудется въ присутствіи государя: потому что такой господинъ, прежде нежели окончитъ то что̀ захочетъ сказать, во всю *прыть полетитъ въ дальній путь*. Чтобы придать дѣйствительное значеніе моимъ словамъ, я велѣлъ неподалеку отъ Слободскаго дворца поставить двѣ телѣжки, запряженныя почтовыми лошадьми и двухъ полицейскихъ офицеровъ, одѣтыхъ подорожному, которые прохаживались подлѣ нихъ и, если кто либо изъ любопытныхъ спроситъ, для кого приготовлены эти телѣжки, должны были отвѣчать: для тѣхъ, которыхъ пошлютъ

---

das Leben des Freih. v. Stein, т. III, стр. 104 и слѣд. Статья Нелединскаго-Мелецкаго въ Моск. Вѣдом. 1812, № 58. Письмо гр. Ростопчина къ кн. Горчакову 17 Іюля 1812 г. Рус. Арх. 1871 г. № 1.

[27]) Записки о 1812 г. стр. 17.

въ ссылку. Слухъ объ этихъ отвѣтахъ и о телѣжкахъ дошелъ и до собранія. Хвастуны ничего не говорили въ собраніи и вели себя умно".

Изъ этихъ словъ нельзя не замѣтить, что графъ Ростопчинъ, кажется, былъ не на шутку увѣренъ, что онъ своими распоряженіями доставилъ государю *зрѣлище* такого собранія сословій, какимъ было собраніе 15 Іюля. Что же касается до принятой имъ мѣры, то, судя по его же словамъ, она была совершенно не нужна; потому что тѣ лица, которыя хотѣли сдѣлать эти вопросы государю, какъ онъ былъ увѣренъ, *храбры только у себя на дому*; а между тѣмъ эта мѣра неумѣстно напоминала предшествовавшее царствованіе, въ которомъ гр. Ростопчинъ игралъ такую видную роль.

Другое обстоятельство, которое также бросаетъ грустную тѣнь на это время, было слѣдующее. Дворянство Рязанской губерніи, узнавъ о воззваніи императора къ Москвѣ, отправило въ качествѣ депутатовъ къ императору своихъ уѣздныхъ предводителей, заявить государю, что они готовы поставить на защиту Отечества 60 тысячъ ратниковъ, вооруженныхъ и обмундированныхъ. Губернскій предводитель, извѣстный Л. Д. Измайловъ, владѣлецъ также извѣстнаго села Дѣднова, не могъ по болѣзни ѣхать въ Москву; но предводители, пріѣхавъ въ Москву, остановились въ его домѣ и на другой день отправились къ министру полиціи. Генералъ Балашевъ принялъ ихъ весьма неблагосклонно, позволилъ себѣ кричать на нихъ и упрекать, какъ смѣли они отлучиться отъ своихъ должностей. Депутаты отвѣчали, что они присланы общимъ приговоромъ дворянства и даже съ согласія губернатора Бухарина. На это министръ отвѣчалъ, что подвергнетъ тѣхъ, кто допустилъ ихъ пріѣхать, строгому взысканію и почти выгналъ ихъ отъ себя. Оскорбленные и огорченные предводители дворянства Рязанской губерніи, исполняя долгъ вѣрныхъ сыновъ Россіи, не хотѣли оставить дѣла послѣ этой неожиданной неудачи и отправились къ Московскому генералъ-губернатору. Графъ Ростопчинъ принялъ ихъ чрезвычайно вѣжливо и ласково и когда они пересказали ему о пріемѣ министра полиціи, онъ порицалъ Балашева и обѣщалъ имъ въ тотъ же день доложить о нихъ государю. Но на другой же день утромъ черезъ полицію имъ велѣно было немедленно выѣхать изъ Москвы [28]).

Государь конечно не зналъ ни о почтовыхъ телѣжкахъ у Слободскаго дворца, ни объ изгнаніи изъ Москвы депутатовъ Рязанскаго дворянства. Онъ не могъ и подозрѣвать такихъ явленій: его чувства были взволнованы искреннимъ желаніемъ сословій, не жалѣя жизни и достоянія, идти за нимъ на защиту Отечества; его умъ занятъ былъ великою мыслью—спасти Россію.

Не какія либо распоряженія властей произвели то настроеніе во всѣхъ слояхъ общества, которое обнаружилось въ Москвѣ. Оно было всеобщимъ во всей Россіи и только что передъ тѣмъ выразилось въ Смоленскѣ. Въ Москвѣ конечно, по ея значенію въ отношеніи къ имперіи, оно выразилось, такъ сказать, ладнѣе и ярче [29]). Императоръ понялъ и отдалъ должную справедливость этому общему настроенію. „Мой пріѣздъ въ Москву имѣлъ настоящую пользу", писалъ онъ къ гр. Н. И. Салтыкову и, исчисливъ пожертвованія дворянства въ Смоленскѣ и Москвѣ, такъ заключилъ письмо: „однимъ словомъ, нельзя не быть тронутымъ до слезъ, видя духъ,

---

[28]). Бестужева-Рюмина, Краткое описаніе и пр., стр. 75—76.

[29]) Mémoires de m-me de Staël, dix ans d'exil. Paris. 1861, гл. XIII, стр. 418.

оживляющій всѣхъ и усердіе и готовность каждаго содѣйствовать общей пользѣ" [30]). Императоръ не только самъ понималъ это общее настроеніе въ это время, но и желалъ увѣковѣчить память о немъ для исторіи. Съ этою цѣлію онъ поручилъ описать событія въ Москвѣ во время его пребыванія въ ней извѣстному писателю, сенатору Нелединскому-Мелецкому. Это описаніе, согласное со всѣми другими сказаніями современниковъ-свидѣтелей, оканчивается словами: „Да познаетъ надменный и жребіемъ подвластныхъ ему людей играющій врагъ нашъ, что мы идемъ противъ него *всѣ*, предводимые вѣрою, неизмѣнною любовію къ монарху и Отечеству своему; умремъ *всѣ* совокупно или—побѣдимъ" [31]). Не ту же ли рѣшимость выразилъ въ этихъ словахъ одинъ изъ лучшихъ представителей образованнаго общества, какую выражали *бороды* по словамъ гр. Ростопчина, говоря: чтобы насъ побѣдить, нужно насъ всѣхъ перебить?

Императоръ, знавшій уже въ это время всю силу грозившей Россіи опасности и недостатокъ средствъ къ оборонѣ, конечно былъ доволенъ, встрѣтивъ безграничную готовность всѣхъ сословій къ самопожертвованію для спасенія Отечества. Она давала надежду не только уравновѣсить средства противниковъ, но и увеличить силу обороны противъ наступавшаго врага. Но эта готовность должна была *превзойти его ожиданія*, потому что сословія, обрѣкавшія на жертву себя самихъ и свои имущества, ничего не знали ни о силѣ врага, ни о средствахъ обороны. Темные, неопредѣленные слухи и предположенія носились между ними, и непроницаемая завѣса тайны закрывала отъ нихъ дѣйствительное положеніе дѣлъ. Не смотря на то, они безсознательно почувствовали всю силу опасности и рѣшились или спасти Отечество, или погибнуть вмѣстѣ съ нимъ. Но еще болѣе эта готовность должна была поразить Московскаго генералъ-губернатора: онъ ея не ожидалъ—въ такихъ размѣрахъ.

Великая княгиня Екатерина Павловна, герцогиня Ольденбургская по супругу, была особенно расположена къ графу Ростопчину и своимъ вліяніемъ на императора, какъ любимая его сестра, способствовала его назначенію въ Москву. Умная, образованная, любившая Россію и еще болѣе ненавидившая Наполеона, она указывала на гр. Ростопчина не по личному только къ нему расположенію, но какъ на человѣка прослывшаго въ Россіи по преимуществу Русскимъ, отличавшагося горячею любовью къ Отечеству, человѣка дѣйствительно одареннаго блестящими качествами, образованнаго и рѣшительнаго. Чувствуя всю силу опасности грозившей Отечеству, она желала подвинуть къ пожертвованіямъ частныхъ лицъ и особенно дворянство для усиленія правительства въ средствахъ обороны. Мысль объ ополченіи постоянно ее занимала, хотя и въ ограниченныхъ размѣрахъ, по одному полку съ губерніи. Посредствомъ гр. Ростопчина она думала дѣйствовать на Москву, а ея примѣръ подѣйствовалъ бы на всю Россію. „Скажите гр. Ростопчину (писала она кн. А. П. Оболенскому, состоявшему при ея дворѣ въ Твери), что когда вы сообщили мнѣ о вашей поѣздкѣ въ Москву, я вамъ отвѣчала: если такъ, то, зная, что вы пользуетесь довѣренностію гр. Ростопчина, я вамъ сообщила мысль, о которой въ общихъ чертахъ я писала ему и которая развилась потомъ въ моей голо-

---

30) Письмо императора отъ 15 Іюля 1812 г. изъ Москвы.

31) Москов. Вѣдомости 1812 г. № 58, Іюля 20; письмо Балашева къ Нелединскому-Мелецкому 16-го Іюля 1812 г., въ которомъ онъ объявляетъ ему волю государя, чтобы онъ написалъ статью для печати о собраніи сословій 15 Іюля въ Слободскомъ дворцѣ.

вѣ во всѣхъ подробностяхъ,—скажите, что я читала вамъ мое письмо къ нему. Онъ долженъ воспламенить дворянство, первенствующее въ имперіи по своему богатству и по тому почтенію, которымъ пользуется Москва. Ему стоитъ только отправиться въ дворянское собраніе или другое общество, указать на опасность, въ какой находится Отечество и на народное значеніе этой войны. Въ Москвѣ проживаютъ дворяне всѣхъ губерній; восторгъ (l'enthousiame), который онъ возбудитъ въ нихъ, немедленно распространится по всей Россіи. Скажите, что вы увѣрены, также какъ и я, что не найдется ни одного Русскаго, который не постыдился бы не пожертвовать собою и своимъ усердіемъ (zèle); а что вы сами, какъ дворянинъ, полагаете, также какъ и я, что каждая губернія можетъ вооружить полкъ въ 1000 человѣкъ и содержать его на свой счетъ во все продолженіе войны, которая чѣмъ сильнѣе будетъ ведена, тѣмъ скорѣе окончится". Зная, вѣроятно, что эта мысль встрѣтитъ возраженія со стороны графа Ростопчина, она напередъ излагаетъ ихъ въ этомъ письмѣ или, лучше сказать, наставленіи своемъ князю Оболенскому и предлагаетъ отвѣты. Не дождавшись почина со стороны Москвы, великая княгиня рѣшилась сдѣлать его лично отъ себя и обратилась съ просьбою къ императору дозволить ей образовать изъ ея удѣльныхъ имѣній особый баталіонъ и содержать его на свой счетъ въ продолженіи войны. Императоръ получилъ ея прошеніе въ то время, когда въ его соображеніяхъ созрѣла уже мысль о необходимости призвать народныя дружины на помощь дѣйствующимъ войскамъ. Онъ утвердилъ его за нѣсколько дней (3-го Іюля) до подписанія манифеста 6-го Іюля, рѣшившись уже ѣхать въ Москву изъ главной квартиры. Обрадованная согласіемъ императора и зная уже о намѣреніи его призвать всеобщее ополченіе, в. княгиня писала къ тому-же кн. Оболенскому: „Великая мысль приведется въ исполненіе на перекоръ графу; не знаю еще всѣхъ подробностей, но черезъ двѣ недѣли Москва покажетъ своему губернатору, что онъ ошибся въ ней. Не говорите объ этомъ никому. Я рада, что благое дѣло совершится, чрезъ кого бы то ни было; вы поймете меня; спѣшу сообщить вамъ это извѣстіе, полученное мною вчера [32])".

Въ продолженіи недѣли, проведенной императоромъ въ Москвѣ, обычныя его занятія не только не прерывались, но усилены были новыми, по устройству народнаго ополченія. Но его распоряженія по этой части только что начинались. Въ Москвѣ подписанъ былъ императоромъ манифестъ о „составленіи внутреннихъ силъ для защиты Отечества". „По прибытіи нашемъ въ Москву, говоритъ императоръ въ этомъ манифестѣ, нашли мы, къ совершенному удовольствію нашему, во всѣхъ сословіяхъ и состояніяхъ такую ревность и усердіе, что предлагаемыя добровольно приношенія далеко превосходятъ потребное къ ополченію число людей". Принимая такое „рвеніе съ отеческимъ умиленіемъ и признательностію", императоръ считалъ возможнымъ ограничить его и потому предписывалъ приступить къ составленію ополченій только въ 16 губерніяхъ, „чтобы, составя достаточныя силы изъ однѣхъ губерній, не тревожить безъ нужды другихъ". Ополченія были раздѣлены на три округа:

1. Ополченія перваго округа, составленнаго изъ 8 губерній, Московской, Тверской, Ярославской, Владимірской, Рязанской, Тульской, Калуж-

[32]) Полн. Собр. Зак. 1812 г. № 25174; Французскіе подлинники двухъ писемъ великой княгини напечатаны въ сочиненіи А. Языкова: „Баталіонъ Е. И. В. великой княгини Екатерины Павловны". СПб. 1868 г. стр. 43—45, 52—54; Русскіе переводы: въ Архивѣ истор. и практ. свѣдѣній Н. В. Калачева 1860—61 г., кн. 2-я. Первое письмо безъ обозначенія времени, второе отъ 7-го Іюля 1812 г.

ской и Смоленской, предназначались для того, чтобы „охранять первопрестольную столицу Москву и предѣлы сего округа“. Графу Ростопчину порученъ былъ главный надзоръ какъ за составленіемъ ополченій этого округа, такъ и за сближеніемъ ихъ къ Москвѣ. Тверское ополченіе должно было сосредоточиться у Клина, Калужское у Можайска и Вереи, Тульское въ окрестностяхъ Серпухова, Рязанское близь Каширы, Владимірское у Богородска, Ярославское у Дмитрова и наконецъ Московское въ Воскресенскѣ, Звѣнигородѣ и Подольскѣ. Такимъ образомъ ополченіе, въ числѣ слишкомъ 123 тысячь человѣкъ, должно было окружать со вѣхъ сторонъ Москву, не въ дальнемъ разстояніи, почти все въ предѣлахъ ея губерніи.

По пріѣздѣ въ Тверь императоръ поручилъ составленіе ополченій въ Тверской и Ярославской губерніяхъ генералъ-губернатору этихъ губерній принцу Ольденбургскому (безъ сомнѣнія, по его вызову), не выдѣляя ихъ однакоже изъ состава перваго округа и не измѣняя направленія, куда они должны были слѣдовать.

2. Ополченія втораго округа, Петербургской и Новгородской губерній, составившія около 25 тысячь человѣкъ, предназначались „для охраненія Петербурга и предѣловъ округа“.

3. Въ отношеніи къ ополченію третьяго округа, въ составъ котораго входили губерніи: Казанская, Нижегородская, Пензенская, Костромская, Симбирская и Вятская, предписано было только „приготовить, разчислить и назначить людей; но до повелѣнія не сбирать ихъ и не отрывать отъ сельскихъ работъ“.

Всѣ прочія губерніи уволены отъ составленія ополченій до тѣхъ поръ, какъ сказано въ манифестѣ, пока „не будетъ надобности употребить ихъ къ равномѣрнымъ Отечеству жертвамъ и услугамъ“. „Наконецъ, вся составляемая нынѣ внутренняя сила не есть милиція или рекрутскій наборъ, но временное вѣрныхъ сыновъ Россіи ополченіе, устрояемое изъ предосторожности, въ подкрѣпленіе войскамъ и для надежнѣйшаго охраненія Отечества. Каждый изъ военачальниковъ и воиновъ, при новомъ званіи своемъ, сохраняетъ прежнее, даже не принуждается къ перемѣнѣ одежды; а по прошествіи надобности, т. е. по изгнаніи непріятеля изъ земли нашей, всякъ возвратится съ честію и славою въ первобытное свое состояніе и къ прежнимъ своимъ обязанностямъ“.

Кромѣ губерній, не вошедшихъ въ составъ трехъ округовъ ополченій, отъ участія въ немъ освобождались крестьяне государственные, экономическіе и удѣльные и въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ составлялось ополченіе. Они должны были подлежать „обыкновенному набору съ нихъ рекрутъ по установленнымъ правиламъ [33])“.

Собирая ополченія для подкрѣпленія дѣйствующихъ войскъ, императоръ не могъ отклонить и отъ нихъ своего вниманія, хотя бы и временно, тѣмъ болѣе, что войска готовились къ важнымъ дѣйствіямъ. Дабы ободрить ихъ, онъ писалъ къ Барклаю-де-Толли: „Сообщаю вамъ, генералъ,

[33]) Манифестъ 18 Іюля 1812 г. подписанъ въ Москвѣ, Полн. Собр. Законовъ № 25188; рескриптъ гр. Ростопчину 19 Іюля подписанъ въ Твери. Оба писаны адм. Шишковымъ, его Записки, ч. I, стр. 151 и прилож. VI и VII. Изъ Петербурга императоръ отправилъ слѣдующее повелѣніе гр. Ростопчину: „предоставя образовать внутреннія военныя силы по губерніямъ Тверской и Ярославской Его Императорскому Высочеству принцу Георгію Ольденбургскому, предписываю вамъ, кромѣ движенія ихъ на назначенные мною пункты, во внутренее ихъ формированіе не касаться. Іюля 1812“ г. Въ Архивѣ гр. Аракчеева находится сборникъ подъ заглавіемъ: „Исходящій журналъ именнымъ высочайшимъ указамъ и рескриптамъ, за собственно-

что Московская губернія и смежныя съ нею даютъ мнѣ ополченіе во сто тысячь человѣкъ, пѣхоты и конницы. У меня будетъ другое той же силы, между Нижнимъ Новгородомъ и Казанью. Они будутъ на первый разъ вооружены пиками и охотничьими ружьями, сколько возможно ихъ будетъ собрать; потому что въ Тулѣ, какъ сообщилъ мнѣ генералъ Вороновъ (начальникъ оружейнаго завода, котораго я вызывалъ сюда), нѣтъ болѣе ни одного ружья. Поручаю вамъ, генералъ, распорядиться, чтобы собраны были всѣ ружья, которыя принадлежатъ больнымъ и умершимъ и немедленно присланы въ Москву. Что̀ касается до продовольствія, то я облекъ васъ полною властью въ этомъ отношеніи, и мнѣ остается только утвердить всѣ тѣ мѣры, которыя вы предпримете для снабженія имъ войскъ. Вы не можете себѣ представить, съ какимъ нетерпѣніемъ я ожидаю вашихъ донесеній объ *исходѣ генеральнаго сраженія,* къ которому вы приготовляетесь. Я полагаю надежды на милость Всевышняго. Я посылаю вамъ представленіе о наградахъ за дѣло генерала Кульнева; назначьте, какія бы вы желали, чтобы я далъ. Конечно вы получили списки съ донесеній ко мнѣ кн. Багратіона, и потому не посылаю ихъ вамъ. Признаюсь, я очень сожалѣю объ этомъ сраженіи, которое не имѣло никакихъ послѣдствій. Завтра я уѣзжаю въ Петербургъ, чтобы тамъ устроить ополченіе; поэтому, генералъ, до новаго приказанія, туда посылайте мнѣ ваши донесенія [34])“.

Это письмо доказываетъ, что императоръ получилъ уже донесенія и Барклая де-Толли о томъ, что онъ рѣшился дать генеральное сраженіе подъ Витебскомъ и князя Багратіона о дѣлѣ при Салтановкѣ подъ Могилевымъ [35]). Озабоченный судьбою генеральнаго сраженія, которое, еслибы даже не рѣшило участи всей кампаніи, то во всякомъ случаѣ оказало бы чрезвычайно важное вліяніе на ея дальнѣйшій ходъ, государь не остановилъ вниманія на блестящихъ подвигахъ войскъ, дѣйствовавшихъ подъ начальствомъ г. Раевскаго и не придавалъ значенія сраженію, которое однакоже дало возможность кн. Багратіону привести въ Смоленскъ вторую армію.

Тульскій оружейный заводъ пріобрѣталъ особенное значеніе въ это время, когда приходилось вооружать значительныя народныя ополченія и ни откуда изъ за границы нельзя было получить оружія, по крайней мѣрѣ своевременно. Хотя заключеніе мира съ Англіею уже приближалось къ окончанію, но наши порты еще были закрыты для Англійскихъ судовъ. Естественно было императору обратить на это вниманіе и вызвать ген. Воронова въ Москву. Сообщенное имъ извѣстіе о томъ, что при заводѣ вовсе нѣтъ запаснаго оружія послужило поводомъ къ принятію особыхъ мѣръ. „По личному вашему мнѣ объясненію о средствахъ пріумноженія ружьевъ на Тульскомъ заводѣ“ (сказано въ предписаніи Воронову) предположено было казенными мастеровыми приговлять ежемѣсячно по 7 тысячь рублей по новому образцу“. Сверхъ того генералу Воронову предписывалось заключать условія съ оружейниками, имѣвшими свои частныя фабрики, чтобы они выдѣлывали по три тыс. ружей въ мѣсяцъ по опредѣленной цѣнѣ (18 рублей за ружье) и вольными рабочими передѣлывать и исправлять старыя ружья также по три тысячи ружей въ мѣсяцъ. „Если вы

ручнымъ Его Императорскаго Величества подписаніемъ, съ 27 Іюня 1812 г.“ Въ этомъ сборникѣ 467 указовъ и рескриптовъ. Приведенный указъ на имя гр. Ростопчина не помѣченъ числомъ; но помѣщается въ числѣ указовъ отъ 28 Іюля.

[34]) Письмо императора 17 Іюля 1812 г. изъ Москвы.

[35]) Донесенія Барклая-де-Толли отъ 14 Іюля изъ Витебска и Багратіона отъ 13 Іюля изъ Новаго Быхова. Оттуда же и отъ того-же числа письмо Сенъ-При.

(сказано въ этомъ предписаніи) благоразумнымъ своимъ распоряженіемъ и стараніемъ вольныхъ фабрикантовъ будете ежемѣсячно приготовлять *болѣе*, то оное будетъ принято мною за особый знакъ вашего ко мнѣ и Отечеству усердія. Поручаю вамъ объявить всѣмъ заводскимъ мастерамъ и фабрикантамъ, имѣющимъ свои фабрики, что никакое еще время въ Отечествѣ нашемъ не требовалось болѣе отъ каждаго усердія и пожертвованій, какъ нынѣшнее. Слѣдовательно я увѣренъ, что изъ оныхъ фабрикантовъ найдутся такіе усердные сыны Отечества, что цѣлыя свои фабрики обратятъ къ одному дѣлу оружія и тѣмъ дадутъ способъ ихъ имена передать въ память потомству. Необходимыя для производства ружей издержки, по разсчету самими вами составленному въ 506.758 руб., предписалъ я отпустить вамъ нынѣ же Московскому военному губернатору графу Ростопчину изъ пожертвованій г. Москвы [36]".

Императоръ вызвалъ также въ Москву Милорадовича, кн. Лобанова-Ростовскаго и гр. П. А. Толстаго. Офицеры, посланные императоромъ еще изъ Дрисскаго лагеря, когда рѣшено было его оставить и, продолжая отступленіе, отыскивать вокругъ Москвы удобныя мѣста для укрѣпленныхъ лагерей, полковники Чернышевъ, Мишо и Эйхенъ, узнавъ о прибытіи въ Москву императора, также явились туда. Графъ Толстой назначенъ былъ начальникомъ третьяго округа ополченія и долженъ былъ отправиться въ Нижній Новгородъ. Туда же отправленъ былъ и полковникъ Мишо, чтобы тамъ, на берегу Волги, избрать мѣсто для укрѣпленнаго лагеря. Разговаривая съ гр. Толстымъ, когда зашла рѣчь о томъ, что Наполеонъ можетъ занять Москву и остаться въ ней на зиму, на его вопросъ: что же тогда ваше величество намѣрены предпринять? государь сказалъ: „Сдѣлать изъ Россіи вторую Испанію [37]".

Еще изъ лагеря при Дриссѣ, Милорадовичу, занимавшему мѣсто генералъ-губернатора въ Кіевѣ, поручено было изъ запасныхъ войскъ (рекрутскихъ депо) образовать отдѣльный корпусъ, избравъ средоточіемъ Калугу. Такую же обязанность исполнялъ князь Лобановъ во Владимірѣ. При свиданіи съ ними въ Москвѣ императоръ предпринялъ мѣры для снабженія ихъ средствами къ скорѣйшему образованію и увеличенію этихъ резервныхъ корпусовъ, которые въ послѣдствіи вошли въ составъ дѣйствовавшихъ армій. Принятыя мѣры къ призыву народныхъ ополченій имѣли вліяніе и на составленіе этихъ корпусовъ. Князю Лобанову императоръ предписывалъ: „касательно назначенія въ полковыя и батальонныя команды, а равно и въ опредѣленіи всѣхъ прочихъ штабъ и оберъ-офицеровъ, руководствоваться правилами конфирмованнаго мною доклада о составѣ военной Московской силы, съ дополненіемъ дозволенія моего на пріемъ дворянъ, служившихъ въ подвижной милиціи сотенными или пятидесятными начальниками, а не имѣющихъ другихъ чиновъ въ прапорщики [38]".

---

[36]) Предписаніе ген. Воронову 17 Іюля 1812 г. въ Москвѣ; указъ гр. Ростопчину отъ того-же числа о выдачѣ денегъ Воронову (Аракчеевскій сборникъ).

[37]) Михайловскій-Данилевскій, Собр. Сочин. т. IV, гл. XII, стр. 177—178.

[38]) Предписаніе Милорадовичу 5 Іюля; князю Лобанову-Ростовскому 27 Іюля; къ нему приложены исполнительныя бумаги, послѣдовавшія въ слѣдствіе этого самого предписанія, помѣченныя 18-мъ Іюля, а именно: указъ гр. Ростопчину изъ „строющагося въ Москвѣ вольными мастеровыми военнаго обоза отпустить на 12 полковъ 144 сухарныхъ фуры и 144 патронныхъ ящика ген. лейт. кн. Лобанову-Ростовскому"; указъ управлявшему военнымъ министерствомъ кн. Горчакову объ ускореніи высылки пороха; ему же указъ Оренбургскому военному губернатору кн. Волконскому: „избрать отъ ввѣренныхъ вамъ линейныхъ баталіоновъ сколь воз-

Къ числу военныхъ распоряженій императора, сдѣланныхъ имъ во время пребыванія въ Москвѣ, принадлежитъ весьма важное, имѣвшее политическое значеніе — это окончательное рѣшеніе о будущемъ назначеніи Дунайской арміи. Письмомъ къ Чичагову изъ Дрисскаго лагеря императоръ уже устранилъ заносчивыя намѣренія адмирала, предлагавшаго разорвать переговоры объ утвержденіи мира съ Турками и идти прямо на Константинополь; но онъ предоставлялъ его рѣшенію вопросъ, что̀ будетъ полезнѣе при современныхъ обстоятельствахъ: употребить-ли ввѣренныя его начальству войска для диверсіи въ Далмацію, или ввести ихъ въ предѣлы Россіи для дѣйствія противъ праваго крыла великой арміи Наполеона, совокупно съ войсками Тормазова? Получивъ султанскія ратификаціи мирнаго договора и отпраздновавъ его заключеніе торжественными молебнами въ Смоленскѣ и Москвѣ, императоръ не могъ не опасаться однакоже, чтобы вмѣсто только что оглашеннаго по всей Россіи мира не возгорѣлась снова война съ Турками, которую всѣми силами желала возбудить политика Наполеона. Изъ письма Чичагова онъ могъ усмотрѣть, что адмиралъ не только не отказывался отъ своихъ замысловъ, не только миръ съ Турціею считалъ дѣйствіемъ ошибочной политики, вредной по своимъ послѣдствіямъ, но приступалъ къ такимъ дѣйствіямъ (образуя ополченія изъ Молдаванъ и Валаховъ и вводя Русскія войска въ Сербію), которыя неминуемо повлекли бы къ возобновленію войны съ Турками.

Такое состояніе дѣла требовало, чтобы императоръ положилъ предѣлъ самостоятельнымъ дѣйствіямъ адмирала и далъ окончательное направленіе Дунайской арміи. Поэтому онъ писалъ къ Чичагову изъ Москвы: „Рѣшившись продолжать войну до послѣдней крайности (à toute outrance), я долженъ былъ позаботиться о собраніи новыхъ силъ въ помощь дѣйствующимъ войскамъ. Поэтому я долженъ былъ рѣшиться провести нѣсколько дней въ средоточіи имперіи, чтобы возбудить духъ всѣхъ сословій и подготовить къ новымъ пожертвованіямъ въ пользу святого дѣла, которое мы защищаемъ оружіемъ. Послѣдствія превзошли мои ожиданія: Смоленскъ мнѣ далъ 15 тыс. человѣкъ, Москва 80 тыс., Калуга 23. Каждый часъ я ожидаю донесеній изъ другихъ губерній. А между тѣмъ наши арміи еще цѣлы и невредимы. Въ Смоленскѣ я получилъ присланныя вами ратификаціи. Я болѣе нежели когда нибудь держусь тѣхъ соображеній, которыя излагалъ вамъ въ моихъ послѣднихъ письмахъ. Мы должны заботиться о томъ, чтобы употребить *всѣ* наши силы противъ главнаго врага, съ которымъ ведемъ войну. Посылаю вамъ депешу Штакельберга, изъ которой вы увидите, что предположенная нами диверсія становится болѣе и болѣе затруднительною. Въ такомъ случаѣ остановитесь на другомъ предположеніи, которое я вамъ сообщалъ: переведите какъ можно скорѣе ваши войска черезъ Днѣстръ и слѣдуйте на Дубну. Тамъ подкрѣпятъ васъ армія Тормазова и корпусъ герцога Ришелье. Такимъ образомъ составится армія изъ 8 или 9 дивизій пѣхоты и 4 или 5 конницы, и вы будете въ состояніи дѣйствовать наступательно, смотря по обстоятельствамъ, или на Пинскъ, или на Люблинъ и Варшаву. Такое движеніе можетъ поставить Наполеона въ затруднительное положеніе и можетъ дать совершенно новое направленіе военнымъ дѣйствіямъ [39])“.

можно болѣе исправныхъ оберъ и унтеръ-офицеровъ, также и рядовыхъ, достойныхъ быть въ арміи унтеръ-офицерами, только изъ такихъ, кои не женаты“ и прислать ихъ во Владиміръ кн. Лобанову-Ростовскому. Очевидно, еще въ Москвѣ дано было ему приказаніе, т. е. въ одно время съ исполнительными бумагами, а потомъ только письменно изложено въ Петербургѣ и помѣчено 27-го Іюля 1812.

[39]) Письмо императора къ адмиралу Чичагову 18 Іюля 1812 г. изъ Москвы.

Это письмо положило конецъ какъ мечтательнымъ замысламъ адмирала-полководца, такъ и предположенной диверсіи въ тылъ непріятелю съ праваго его крыла, въ Далмацію и сѣверную Италію. Кромѣ затрудненій со стороны Австріи (о которыхъ писалъ гр. Штакельбергъ въ депешѣ, сообщенной адмиралу государемъ) эта экспедиція могла быть произведена не иначе, какъ при согласіи Англіи, на предложенныхъ ей въ этомъ смыслѣ условіяхъ при заключеніи мирнаго договора; но они были ею отвергнуты. Извѣстіе о томъ императоръ получилъ еще на пути изъ Вильны къ Дрисскому лагерю и, дорожа заключеніемъ мира съ Англіею и открытіемъ торговли съ нею, онъ отказался отъ этихъ условій, которыя могли единственно служить ручательствомъ въ успѣхѣ предположенной диверсіи.

Но въ общихъ соображеніяхъ о военныхъ дѣйствіяхъ эта диверсія находилась въ связи съ другою — съ высадкою Шведско-русскихъ войскъ подъ предводительствомъ Бернадота въ Германіи съ лѣваго крыла, въ тылъ Наполеону. Эти соображенія, составленныя въ то время, когда предполагали, что императоръ Французовъ не можетъ ввести въ предѣлы Россіи такой многочисленной арміи и что Русскія войска, готовившіяся къ встрѣчѣ, были достаточно сильны, чтобы съ успѣхомъ противодѣйствовать вторженію, оказались ошибочными. Въ это время, когда императоръ убѣдился въ превосходствѣ силъ непріятеля сравнительно съ нашими на всемъ поприщѣ военныхъ дѣйствій, какъ въ центрѣ, такъ и на флангахъ, когда онъ рѣшился призвать народъ на помощь войскамъ, дѣятельно руководилъ составленіемъ ополченій, поощрялъ народную войну и вызвалъ Дунайскую армію въ предѣлы имперіи, могъ ли онъ не обратить вниманія на 20 тысячь готовыхъ къ бою, опытныхъ войскъ, находившихся въ Финляндіи въ полномъ бездѣйствіи, ожидавшихъ переправы въ Швецію для того, чтобы поступить подъ начальство наслѣднаго Шведскаго принца для дальнѣйшихъ дѣйствій совокупно съ Шведскими войсками? Но выводъ этихъ войскъ изъ предѣловъ Финляндіи, съ цѣлію употребить ихъ на главномъ поприщѣ военныхъ дѣйствій, неминуемо повлекъ бы за собою два послѣдствія: Финляндія осталась бы совершенно беззащитною противъ вторженія Шведовъ, если бы оно могло послѣдовать, и предположенная высадка Шведско-русскихъ войскъ на берега Германіи не могла бы состояться. Союзъ съ Швеціею былъ слишкомъ новъ, потеря Финляндіи еще ничѣмъ не была вознаграждена для Шведовъ, и трудно было надѣяться, чтобы единственно вліяніемъ Бернадота ихъ ненависть къ Россіи и желаніе отмстить ей могли превратиться въ мирныя и дружелюбныя къ ней чувства. Но что же могло ручаться за искренность чувствъ въ этомъ случаѣ и самого наслѣднаго принца Шведскаго? Бывшій маршалъ Франціи не былъ лично знакомъ императору; взаимныя ихъ отношенія ограничивались перепискою и дипломатическими сношеніями.

А между тѣмъ мысль о защитѣ Петербурга постоянно занимала императора. Корпусъ графа Витгенштейна былъ такъ незначителенъ, что нельзя было возложить на него всю надежду и успокоиться. Еще въ письмахъ къ Н. И. Салтыкову (бывшему своему воспитателю, при Екатеринѣ президенту Военной Коллегіи), передъ отъѣздомъ въ Москву, императоръ заботился о приготовленіи къ вывозу изъ Петербурга государственныхъ архивовъ, драгоцѣнностей и произведеній искусства [40]). По пріѣздѣ въ Москву онъ получилъ отвѣтъ на эти письма отъ гр. Салтыкова: „Касательно до положенія по военнымъ дѣйствіямъ, изображеннаго въ письмѣ вашемъ, осмѣливаюсь на ваше благоусмотрѣніе слѣдующія мои разсужденія предста-

40) Письмо императора къ гр. Салтыкову 5 Іюля 1812 г. изъ Бѣлковщины.

вить: сколь ни превосходны непріятельскія силы противъ нашихъ, нельзя однакоже предполагать, чтобы непріятель рѣшился и съ значущимъ корпусомъ идти прямо на Петербургъ, оставя за собою нашу дѣйствующую армію, хотя бы и удалось одержать ему и знатную побѣду, бывъ долженъ ожидать, что и въ такомъ случаѣ конечно предпримутся и отъ нашей арміи нужныя мѣры воспрепятствовать ему такое предпріятіе свободно исполнить. Но, однакожъ почитаю нужнымъ здѣсь теперача-же собрать корпусъ войскъ изъ находящихся здѣсь, въ Финляндіи и другихъ по близости мѣстахъ, коихъ, по освѣдомленію моему съ княземъ Горчаковымъ, можетъ быть до 20 тыс. слишкомъ, подъ предлогомъ, что оныя нужны для подкрѣпленія Риги, которая въ опасности находится. И если на сіе вашего величества соизволеніе будетъ, то и дать о семъ повелѣніе кн. Горчакову. А какъ здѣсь теперь находится генералъ Кутузовъ, то не угодно ли будетъ ему тотъ корпусъ подчинить въ команду, къ защитѣ здѣшней столицы и ему предписать на имя его рескриптомъ? Я считаю, что такой корпусъ, если не въ состояніи будетъ совсѣмъ непріятеля удержать, по крайней мѣрѣ замедлитъ ему приходъ сюда. На случай-же, сохрани Боже, если-бы непріятель разбитіемъ нашей арміи совершенно уничтожилъ силы наши, на таковой случай мнѣ кажется нужно заблаговременно *приготовлять резервную армію* внутри Россіи, по близости Москвы, не *выпуская изъ виду стороны Смоленска*,—дабы при таковомъ, какъ выше сказано, несчастливомъ приключеніи, армія нынѣ дѣйствующая, ретируясь во внутрь Россіи, нашла себѣ новое подкрѣпленіе и была бы паки въ состояніи дѣйствовать. Осмѣливаюсь еще прибавить, что въ такомъ случаѣ непремѣнно нужно, чтобы и вы собственною особою вашею были здѣсь, чтобы принимать мѣры самыя сильныя, а безъ васъ оныя будутъ всѣ недостаточны. И сему въ примѣръ вамъ поставлю Петра Великаго: когда онъ передъ Нарвскою баталіею видѣлъ опасность цѣлости Россіи, тогда оставилъ армію, возвратился во внутрь Россіи, чтобы усилить своимъ присутствіемъ принимаемыя мѣры внутри государства, къ защитѣ онаго. Что же принадлежитъ до принятія мѣръ къ вывозу изъ Петербурга означенныхъ предметовъ въ запискѣ вашей, я соображалъ сколько можно. Не смѣю однакожъ ничего покамѣстъ сдѣлать, чтобы безвременно не встревожить здѣсь; а буду ожидать вашего рѣшительнаго повелѣнія, чтобы къ тому приступить. И если по обстоятельствамъ сіе непремѣнно нужно будетъ, въ такомъ случаѣ не разсудите-ль, оставя здѣсь Вязмитинова во всемъ управленіи, какъ онъ есть, прислать на время сюда Балашева съ приказаніемъ вашимъ и нужными ему наставленіями, возложивъ на него весь сей отсюда вывозъ? Вамъ самимъ извѣстна его дѣятельность и расторопность. Ему-же и все здѣсь извѣстно. Я долженъ вамъ, всемилостивѣйшій государь, признаться, сколь ни велика моя ревность и усердіе вамъ служить, боюсь я, что мое здоровье и слабость, какую я совершенно чувствую, отнимутъ у меня всѣ надобныя къ тому способности. Я нѣсколько дней теперича едва только ходить могу; а въ таковомъ случаѣ не только нужны совѣты или приказанія, но и большая дѣятельность [41]“.

Воспитатель императора, 76 лѣтній старикъ, больной, постоянно лѣчившійся, доживавшій послѣдніе годы свои, графъ Н. И. Салтыковъ терялъ уже тѣлесныя силы, но вполнѣ сохранялъ умственныя. Его совѣты императору, выраженныя въ этомъ письмѣ, соотвѣтствовали обстоятельствамъ того времени и совпадали съ образомъ дѣйствій самого императора, вызваннымъ тѣми же обстоятельствами. Въ виду силъ противника, превосходившихъ значительно наши, разсчитывая возможность неудачъ въ сра-

[41]) Письмо гр. Салтыкова къ императору 7 Іюля 1812 г. изъ Петербурга.

женіяхъ, графъ Салтыковъ совѣтовалъ позаботиться о приготовленіи подкрѣпленій для войскъ около Москвы и не выпускать изъ виду Смоленска. Такъ выражался гр. Салтыковъ въ то самое время, когда императоръ подписалъ воззваніе къ Москвѣ и манифестъ объ ополченіи, которыхъ не успѣлъ еще привезть въ Москву князь Трубецкой и которыхъ содержаніе никому еще не было извѣстно. Онъ совѣтовалъ императору оставить войска и прибыть „во внутрь Россіи", чтобы своимъ присутствіемъ усилить средства обороны и ускорить ихъ исполненіемъ на дѣлѣ, въ то время, когда императоръ уже выѣхалъ въ Москву. Хотя онъ былъ увѣренъ, что непріятель не пойдетъ на Петербургъ, а именно на Москву и при томъ черезъ Смоленскъ: но въ виду опасеній со стороны императора онъ предлагалъ образовать особый корпусъ войскъ для защиты Петербурга и первый указалъ на графа Кутузова, какъ вождя, котораго не слѣдуетъ оставлять въ бездѣйствіи при тогдашнихъ обстоятельствахъ, предупреждая общее мнѣніе Россіи, которое немедленно выразилось въ избраніи графа Кутузова начальникомъ ополченій какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ.

Полученнымъ въ слѣдъ за тѣмъ донесеніемъ отъ Эссена изъ Риги подтвердились опасенія. Испуганный пораженіемъ Левиза у Экау, онъ сжегъ Московское, Петербургское и Задвинское предмѣстья Риги, населенныя по преимуществу Русскими и, ожидая немедленной ея осады, извѣстилъ объ этомъ гр. Салтыкова. Пересылая его донесенія императору, гр. Салтыковъ писалъ: „Хотя считаю, что ваше величество можете прямо имѣть донесеніе изъ Риги отъ Эссена; но по важности онаго я на всякой случай у сего поднесть честь имѣю. Я не думаю, чтобы непріятель занялся осадою Риги; а больше думаю, что онъ устремится сюда. Хотя оно и весьма отважно оставить позади себя корпусъ войскъ въ командѣ Эссена (какъ слышу, довольно знатный), къ тому же если есть и около Динабурга войска отъ первой нашей арміи; но отъ сего непріятеля можно ожидать всякаго и отчаяннаго предпріятія, а потому едва ли можно будетъ обойтиться отъ выѣзду и вывозу всего отсюда. Развѣ Богъ поможетъ вашей арміи побить Наполеона самого [42])".

Это письмо безъ сомнѣнія усилило опасенія императора и указало, куда онъ долженъ былъ направить свой путь изъ Москвы. „Извѣстіе о Ригѣ, отвѣчалъ онъ гр. Салтыкову, сообщенное мнѣ вами, ни мало меня не удивляетъ. Вспомните, что я всегда сіе предвидѣлъ по превосходству силъ дѣйствующихъ противъ насъ. Признаюсь, что я не полагаю, чтобы переходъ черезъ Двину, о коемъ упоминается въ письмѣ отъ Эссена, былъ сдѣланъ съ намѣреніемъ идти на Петербургъ; но единственно по прави-

---

[42]) Письмо гр. Салтыкова отъ 12 Іюля изъ Петербурга; донесеніе ему Эссена отъ 9 Іюля изъ Риги слѣдующее: „Имѣю честь вашему сіятельству донесть, что непріятель послѣ упорнаго сраженія при селеніи Экау съ ген. л. Левизомъ, превосходнѣйшими силами принудилъ онаго отступить къ Ригѣ. Митава занята вчерашняго числа, и сей-часъ я получилъ увѣдомленіе, что непріятель при Юнфергофѣ переправляется черезъ Двину. Здѣшніе форштаты сожигаются и частію сожжены. Всякая комуникація, стало, скоро будетъ пресѣчена, и я свои донесенія не иначе буду чинить, какъ моремъ черезъ Перновъ. Всѣ присутственныя мѣста вывезены, гдѣ будетъ имѣть пребываніе Лифляндскій гражданскій губернаторъ. Я писалъ къ министру морскихъ силъ о высылкѣ для комуникаціи легкихъ морскихъ судовъ въ Перновъ. У непріятеля осадной артиллеріи нѣтъ; но плѣнные утверждаютъ, что таковая изъ Динабурга имѣетъ быть привезена". Ср. Михайловскій-Данилевскій, Собр. Сочин. т. IV, гл. XVIII; Skizzen zu einer Geschichte des russisch-französischen Krieges im Jahre 1812, стр. 53 и слѣд.

ламъ военнымъ, дабы передъ осадою запереть Ригу, какъ говорится по-французски, pour cerner la place. Мудрено, чтобы они отважились отправить корпусъ на Петербургъ, *прежде* нежели *участь* Риги и дѣйствующихъ армій рѣшена будетъ. Но не менѣе того, какъ я прежде писалъ, всѣ мѣры къ увозу изъ Петербурга всего нужнаго необходимы, и времени терять не слѣдуетъ. Я надѣюсь еще пріѣхать самъ въ Петербургъ къ 21-му Іюля; но желалъ бы уже найти все приготовленнымъ на всякій случай. Выѣздомъ императорской фамиліи, полагаю, спѣшить нечего, развѣ уже когда корпусъ непріятельскій будетъ приближаться къ Нарвѣ. Имѣвъ лошадей, заготовленныхъ по Ярославской дорогѣ на Казань, всегда во́-время успѣть можно выѣхать. Важнѣе, чтобы всѣ тягости заблаговременно были выпровождены. Продолженіемъ же присутствія императорской фамиліи и публика будетъ нѣсколько успокоена. Между тѣмъ, съ помощію Божіею, и арміи дѣйствующія могутъ имѣть успѣхи, которые перемѣнятъ видъ вещей. По послѣднимъ извѣстіямъ все, благодаря Бога, идетъ хорошо. Первая армія совершила свое движеніе къ Витебску, дабы быть между Двиною и Днѣпромъ и имѣть Смоленскъ въ тылу; вторая уже подошла къ Могилеву, и кн. Багратіонъ хотѣлъ атаковать непріятеля. Посему соединеніе сихъ двухъ армій кажется *вѣроятнымъ*. Что же касается до составленія корпуса для защиты Петербурга, я долженъ замѣтить, что означенныя въ прилагаемой запискѣ войска существенно составляютъ только три полка; прочіе—все рекруты, а кавалеріи вовсе нѣтъ. Нельзя-ли приступить въ Петербургѣ къ формированію на подобіе того, что̀ дѣлается въ Смоленскѣ и Москвѣ? Употребя псарей, кучеровъ, конюховъ, форейторовъ господскихъ, словомъ, людей ѣздившихъ верхомъ, можно весьма скоро составить казачьи полки. Въ Петербургѣ и въ губерніи, по примѣру Московскому, должно составиться довольно значительное число. Къ сему можно присовокупить одинъ драгунскій полкъ, оставшійся въ Финляндіи и не назначенный на суда. Дать ему повелѣніе придти въ Петербургъ. Сверхъ того съ каждаго кавалерійскаго гвардейскаго полка осталось по 50 человѣкъ съ двумя офицерами, которые могли бы всѣ служить для образованія сей новой кавалеріи. Три-же полка пѣхотныхъ могли бы образовать новую пѣхоту, и тогда корпусъ будетъ довольно значителенъ. Занявъ позицію подъ Нарвою, можно будетъ непріятеля остановить, тѣмъ больше, что, по свѣдѣніямъ, которыя я имѣю, въ верхъ по Нарвѣ мосты строить неудобно по быстротѣ и порогамъ. Неужели Петербургъ захочетъ отстать отъ Москвы въ усердіи къ защитѣ Отечества? Прилагаю рескриптъ Кутузову о назначеніи его начальникомъ корпуса для защиты Петербурга. Со стороны Пскова корпусъ графа Витгенштейна, усиленный резервными войсками и составляющій до 30 тыс. человѣкъ, назначенъ къ защитѣ Петербурга. Прошу ваше сіятельство, съ помощію генераловъ Кутузова, Вязмитинова и кн. Горчакова, дать ходъ новому вооруженію въ Петербургѣ. При семъ прилагаю Московское образованіе: оно можетъ послужить примѣромъ. Артиллеріи же въ Петербургѣ и Псковѣ слишкомъ достаточно [43])“.

Императоръ хотя и принялъ предложеніе гр. Салтыкова о составленіи корпуса войскъ для защиты Петербурга, потому что всякое умноженіе войскъ въ это время считалъ полезнымъ; но онъ понималъ, что этотъ корпусъ, въ составѣ котораго окажутся только три полка опытныхъ солдатъ, далеко не можетъ имѣть того значенія, какъ 20 тысячный корпусъ опытныхъ воиновъ, находившихся безъ дѣла въ Финляндіи.

---

[43]) Письмо императора къ гр. Салтыкову 18 Іюля изъ Москвы.

Въ Москвѣ получены мирные договоры, заключенные съ Испаніею и Англіею. Въ первомъ, подписанномъ уполномоченными обѣихъ державъ 8 Іюля, въ Великихъ-Лукахъ, постановлялось, что условія союза между обоими государствами и правила къ распространенію торговыхъ между ними сношеній будутъ опредѣлены въ послѣдствіи. Сущность же самого этого договора заключалась въ томъ, то обѣ договаривающіяся стороны приняли „твердое намѣреніе вести мужественно войну противъ императора Французскаго, общаго ихъ непріятеля, обѣщая съ сего часа рачить и содѣйствовать искренно всему тому, что̀ можетъ быть полезно для той или другой стороны [44])“. Лишь только Англійскій уполномоченный при Стокгольмскомъ дворѣ узналъ, что Россія отказывается отъ тѣхъ условій, которыя обязывали Англію содѣйствовать диверсіи Дунайской арміи въ Далмаціи, какъ мирный договоръ съ Россіею былъ немедленно имъ подписанъ вмѣстѣ съ нашимъ посланникомъ Сухтеленомъ въ Еребро, 6 Іюля. Обѣ договаривающіяся стороны „обязывались, если бы какая держава вела войну съ которою нибудь изъ нихъ, защищать одна другую“ и постановляли, что „ратификаціи этого договора будутъ размѣнены въ продолженіи шести недѣль или, буде можно, и *скорѣе* [45])“. Возобновленіе торговыхъ сношеній составляло важную потребность для обѣихъ державъ: множество Англійскихъ торговыхъ судовъ, охраняемыхъ Англійскими военными эскадрами въ Нѣмецкомъ и Балтійскомъ моряхъ, только и ожидали открытія Русскихъ портовъ, и командиры эскадръ имѣли уже предписанія дѣйствовать за одно съ Русскими, лишь только узнаютъ о подписаніи мирнаго договора между Англіею и Россіею.

Финансы Россіи были крайне истощены въ это время континентальною системою и большими издержками на приготовленія къ войнѣ. Наше правительство должно было прибѣгать къ чрезвычайнымъ мѣрамъ, чтобы усилить средства государственнаго казначейства. Нѣкоторыя изъ этихъ мѣръ утверждены были императоромъ во время пребыванія его въ Москвѣ [46]). Открытіе торговли съ Англіею и субсидія въ 4.200.000 руб., назначенная тайными статьями по этому договору, давали надежду на улучшеніе нашихъ финансовъ.

Заключеніемъ этого договора достигалась и другая важная цѣль: устранялись препятствія къ исполненію предположенной высадки Шведско-русскихъ войскъ на берега Германіи, которая безъ денежной помощи Швеціи со стороны Англіи и безъ покровительства и защиты со стороны ея морскихъ силъ не могла бы осуществиться. Но перевозка Русскихъ войскъ на берега Швеціи, приготовленіе Шведскихъ къ переѣзду моремъ и необходимыхъ для того морскихъ судовъ, требовали значительнаго времени; а между тѣмъ приближалась пора, когда морскія экспедиціи въ сѣверныхъ водахъ представлялись опасными, какъ писалъ и самъ наслѣдный принцъ въ письмахъ къ императору [47]). Къ этому обстоятельству въ соображеніяхъ

---

[44]) Полн. Собр. Зак. № 25178, ратификаціи этого договора были размѣнены въ Петербургѣ 17 Окт. 1812 г.

[45]) Полн. Собр. Зак. № 25177, ратификаціи этого договора состоялись 1-го Авг. 1812; а 4-го Авг. послѣдовалъ указъ объ открытіи портовъ и возобновленіи торговли съ Англіею. Тамъ-же № 25197.

[46]) Полн. Собр. Зак. №. 25186; положеніе 15 Іюля 1812 г., которымъ предписывалось: остановить всѣ постройки въ имперіи, не выдавать ссудъ частнымъ лицамъ, а поступающія отъ нихъ уплаты по займамъ обращать въ государственное казначейство, а равно и всѣ капиталы городовъ, оставивъ имъ сколько нужно лишь для необходимыхъ расходовъ.

[47]) Письмо Бернадота къ императору 15 (27) Іюня 1812 г. изъ Еребро.

императора Александра должно было присоединиться другое: возможно ли думать о диверсіи, которой вліяніе на общій ходъ военныхъ дѣлъ должно было обнаружиться въ будущемъ, довольно отдаленномъ, когда на главномъ поприщѣ войны дѣла приняли такой оборотъ, что вынуждали не только воспользоваться всѣми готовыми средствами обороны, но и образовывать новыя въ значительномъ количествѣ?

Въ это время императоръ получилъ письмо отъ наслѣднаго Шведскаго принца, въ которомъ тотъ писалъ: „Мы находимся въ постоянномъ ожиданіи извѣстій изъ главной квартиры вашего величества и никакихъ не получаемъ изъ Лондона; а между тѣмъ наши вооруженія продолжаются. 35 тысячъ Шведскихъ войскъ къ концу мѣсяца будутъ находиться въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ должны быть посажены на суда. Другая армія будетъ собрана на границахъ Норвегіи, чтобы наблюдать за движеніями въ этой странѣ. Почти четыре мѣсяца тому назадъ, въ разговорахъ съ Сухтеленомъ, я уже выражалъ крайнюю необходимость, чтобы Рига была приведена въ такое положеніе, чтобы могла выдержать осаду, будучи окружена укрѣпленными лагерями, независимыми одинъ отъ другаго, но которые могъ бы поддерживать огонь крѣпостныхъ орудій, въ родѣ тѣхъ, которыми защитилъ себя Петръ Великій во время Полтавскаго сраженія. Если воздвигнуты уже эти укрѣпленія, то Рига, защищаемая только 15 или 20 тысячами человѣкъ, подъ предводительствомъ смѣлыхъ генераловъ, можетъ на долго задержать на Двинѣ императора Наполеона. Онъ не можетъ отъ нея удалиться, не оставивъ передъ Ригою корпуса войскъ по крайней мѣрѣ въ 50 тысячъ; но, по извѣстіямъ, которыя я имѣю, его армія не такъ многочисленна, чтобы онъ могъ отдѣлять отъ нея такіе корпуса. Рига во всякомъ случаѣ можетъ быть раздѣлена на четыре части, и защита каждой ввѣрена особому начальнику. Окруженная рвами и траверсами, каждая часть должна представлять какъ бы отдѣльное укрѣпленіе. Извините, государь, что я вдаюсь въ подробности, которыя вѣроятно входили въ ваши соображенія; но желаніе торжества вашимъ войскамъ увлекаетъ и занимаетъ меня до такой степени, что я молю Провидѣніе, чтобы каждый городъ, каждое укрѣпленіе вашей имперіи защищались бы также какъ Сарагосса. Надѣюсь однакоже, что крѣпости вашего величества будутъ счастливѣе, потому что военныя лѣтописи мало представляютъ примѣровъ, чтобы Русскія войска сдавались на капитуляцію“.

Окончивъ это письмо, Бернадотъ получилъ письмо императора изъ Видзи 22 Іюня (4 Іюля) и приписалъ слѣдующее: „Я чрезвычайно былъ доволенъ, узнавъ, что вы предписали вашей второй арміи дѣйствовать наступательно, тогда какъ ваша (первая) армія приближается къ укрѣпленной позиціи на Двинѣ. Ваше величество должны употребить всѣ способы, чтобы угрожать правому крылу Наполеона и принудить его измѣнить свой боевой порядокъ (son ordre de bataille) съ тою цѣлію, чтобы вамъ возможно было внезапно напасть на его лѣвое крыло первою арміею съ ея резервами, а въ тоже время Рижскій гарнизонъ, сдѣлавъ вылазку, угрожалъ бы тылу его центра и лѣваго фланга [48])“.

Это письмо также обращало вниманіе императора на лѣвый флангъ непріятеля, на Ригу и ея укрѣпленія, которая не была снабжена вполнѣ достаточнымъ количествомъ оборонительныхъ средствъ и далеко не такъ укрѣплена, какъ желалъ наслѣдный принцъ Шведскій. Между тѣмъ импе-

[48]) Письмо Бернадота изъ Еребро отъ 1 (13) Іюля 1812 г.

раторъ поручилъ Шведскому посланнику [49]) написать Бернадоту, что онъ желалъ бы имѣть съ нимъ свиданіе и лично переговорить о дальнѣйшихъ взаимныхъ дѣйствіяхъ противъ общаго врага и въ слѣдъ затѣмъ отвѣчалъ Бернадоту слѣдующимъ письмомъ изъ Москвы: „Благодарю ваше высочество за тѣ чувства, которыя вы мнѣ выражаете при каждомъ случаѣ. Прошу вѣрить и въ неизмѣнность моихъ чувствъ къ вамъ. Да позволено мнѣ будетъ присовокупить къ этому, что много разъ я желалъ видѣть васъ присутствующимъ посреди моихъ войскъ, чтобы руководить вашими высокими дарованіями и большою опытностію всю совокупность военныхъ дѣйствій въ этой важной войнѣ. Я получилъ ваши письма, когда всѣ движенія были уже окончены, и не представлялось уже возможности ихъ измѣнить. Не остановлюсь откровенно выразить мое мнѣніе, что ваши соображенія нашелъ я несравненно превосходнѣе тѣхъ, которыми мы руководствовались въ нашихъ дѣйствіяхъ. Одно только изъ нихъ до сего времени исполнялось въ точности: мы избѣгали генеральныхъ сраженій, а всѣ частныя дѣла оканчивались въ нашу пользу. Я только не былъ доволенъ движеніями второй арміи: она совершала движеніе не съ достаточною быстротою и дала возможность непріятелю предупредить себя въ такомъ важномъ мѣстѣ, какъ Минскъ. Но я надѣюсь, что во всякомъ случаѣ и эта ошибка будетъ исправлена. Рѣшившись продолжать войну до послѣдней крайности, я долженъ былъ позаботиться о томъ, чтобы составить новыя резервныя войска. Въ виду этой цѣли необходимо было мое присутствіе въ средоточіи имперіи, чтобы возбудить духъ и склонить на новыя пожертвованія моихъ подданныхъ. Я воспользовался промежуткомъ времени, которое мнѣ оставалось до полученія вашего отвѣта на тѣ сообщенія, которыя я поручилъ адмиралу Бентинку доставить вамъ, чтобы съѣздить на нѣсколько дней въ Москву. Эта поѣздка доставила мнѣ болѣе ста тысячь ополченія, которое предложили мнѣ Московская и смежныя съ нею губерніи. Другое такое же ополченіе будетъ устроено между Нижнимъ-Новгородомъ и Казанью. Пробывъ здѣсь восемь дней, завтра я отправлюсь въ Петербургъ, гдѣ буду 20 ст. ст. Тамъ я надѣюсь получить отвѣтъ вашего высочества, отъ котораго будетъ зависить, направлюсь ли я къ тому мѣсту свиданія съ вами, которое вы назначите или возвращусь къ войскамъ, если вы не найдете возможнымъ устроить наше свиданіе въ настоящее время. Корпусъ Макдональда приблизился къ Ригѣ, чтобы начать осаду. Если Наполеонъ одержитъ значительные успѣхи надъ моими арміями, то Петербургъ окажется въ опасности; потому что Рига можетъ быть прикрыта (masquée) частію корпуса Макдональда. Поэтому я полагаю, что высадку нашихъ соединенныхъ войскъ въ настоящее время съ гораздо большею пользою можно бы произвести у Ревеля. Соображеніямъ вашего королевскаго высочества я предоставляю рѣшить этотъ вопросъ и вполнѣ полагаюсь какъ на вашу дружбу ко мнѣ, такъ и на желаніе ваше успѣха общему дѣлу. Будьте увѣрены, что ничто не можетъ ослабить моихъ усилій для торжества святаго дѣла и что я вижу спасеніе Россіи и Европы только въ томъ постоянствѣ, съ которымъ мы будемъ стремиться къ этой цѣли [50])“.

(*Продолженіе будетъ*).

---

[49]) Это извѣстіе было послано черезъ адмир. Бентинка, командовавшаго Англійкою эскадрою въ Балтійскомъ морѣ и пришло въ Стокгольмъ около 20-хъ чиселъ Іюля. Депеша Сухтелена 22 Іюля (3 Августа) 1812 г.

[50]) Письмо императора къ Бернадоту изъ Москвы 17 Іюля 1812 г.

БУМАГИ КНЯЗЯ ИЛАРІОНА ВАСИЛЬЕВИЧА ВАСИЛЬЧИКОВА *).

VI. ПИСЬМА КНЯЗЯ И. В. ВАСИЛЬЧИКОВА КЪ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ ПАВЛОВИЧУ, ПО ПОВОДУ СЕМЕНОВСКОЙ ИСТОРІИ.

I.

(26 Ноября 1820).

J'ai eû le bonheur de recevoir la lettre dont V. M. I. a daigné m'honorer. Elle restera à jamais gravée dans mon coeur. Puisse le Ciel m'accorder la grâce de répondre en tout à la confiance que vous daignez m'accorder, Sire! Ma tâche n'est pas facile; elle serait moins pénible, si les individus qui se trouvent sous mes ordres voyaient dans tout ce qui s'est passé une affaire d'état et ne se laissaient pas entraîner par des vues personnelles et une jalousie condamnable. Des discours peu réfléchis sur l'histoire qui vient de se passer ont été généralement adoptés et pouvaient naturellement conduire à des résultats très fâcheux. Quelques généraux de la garde ont donné dans ce piège, à tête baissée. Votre ordre du jour, Sire, leur a fait faire des réflexions, et j'aime à croire qu'ils se repentent de leur imprudence. Maintenant tout est tranquille, les discours cessent, le service va son train, et la surveillance la plus exacte continue.

Je tâche, autant que possible, Sire, de surveiller Gretch; les écoles, qui n'ont pas été ouvertes sous différents prétextes, ne le seront pas. J'usqu'au nouvel an, je n'ai pas crû devoir fermer celles qui existent, pour ne pas faire voir de la méfiance; mais je crois, Sire, qu'il sera nécessaire d'organiser autrement les écoles et d'en éloigner Gretch, en supprimant la place du directeur; on confierait alors la surveillance de ces écoles aux chefs des régimens.

Karasinn est surveillé par la police et, à mon avis, est l'homme le plus dangereux qu'il y ait ici: car il a de l'esprit et sous le masque d'un dévouement sans bornes à la personne de V. M. I. pourrait plutôt servir nos ennemis que Gretch, qui a très peu de moyens et qui est bavard comme une pie. Quant à Kasnatchéef, Sire, je vous certifie que c'est un homme rare, dévoué à V. M. I. et aussi bienpensant que possible; d'ailleurs il ne quitte pas l'état-major et ne voit personne. Quant à la

---

*) См. Р. Архивъ сего года, книгу I-ю, стр. 339 и слѣд., гдѣ помѣщены письма, на которыя печатаемыя теперь (съ черновыхъ подлинниковъ) служатъ отвѣтами. Для пониманія этой переписки читателямъ необходимо припомнить общее предисловіе къ „Бумагамъ князя Васильчикова“, написанное сыномъ его княземъ Александромъ Иларіоновичемъ и напечатанное также въ I-й книгѣ Русскаго Архива сего года. Русскій переводъ и примѣчанія принадлежатъ В. Д. Давыдову. *П. Б.*

maçonnerie, je vous réponds, Sire, qu'il n'est pas maçon et ne l'a jamais été.

Puisse la Providence bénir l'ouvrage que vous entreprenez, Sire! Il vous est réservé, peut-être, de sauver l'Europe du plus grand des malheurs qui soit, c'est l'anarchie militaire. Avec l'aide de cette Providence, sans laquelle rien ne se fait, j'ai tout lieu d'espérer que la tranquillité ne sera pas troublée chez nous, et que Votre retour, Sire, sera le signal du bonheur des Russes.

Примѣчаніе. Отрывокъ изъ этого письма помѣщенъ въ V книгѣ Ист. царст. импер. Александра, соч. Богдановича, на стр. 527, со словъ ma tâche n'est pas facile до словъ Votre ordre du jour, Sire, leur a fait faire des réflexions, et j'aime à croire qu'ils se repentent de leur imprudence, и потомъ упомянуто выраженіе объ Гречѣ qui a très peu de moyens et qui est bavard comme une pie, при чемъ упомянуто въ (35) примѣчаніи, на стр. 93, что это взято изъ письма къ Государю генерала Васильчикова отъ 26 Ноября 1820. *П. Б.*

Переводъ.

Я имѣлъ счастіе получить письмо вашего императорскаго величества; оно на вѣкъ запечатлѣно въ моемъ сердцѣ. Молю Провидѣніе, дабы оно дозволило мнѣ оправдать довѣріе, которымъ вы меня удостоиваете, государь. Моя обязанность не легка. Она бы не была такъ тяжела, еслибы мои подчиненные смотрѣли на все происшествіе, какъ на государственное дѣло, и не увлекались бы личными видами и предосудительною ревностью. Необдуманныя рѣчи обо всемъ происшедшемъ говорились всѣми вообще и могли привести къ весьма грустнымъ послѣдствіямъ. Нѣсколько гвардейскихъ генераловъ попались тоже въ ловушку; но приказъ вашъ, государь, ихъ заставилъ одуматься, и я надѣюсь, что они раскаеваются въ своей неосторожности. Теперь все спокойно: рѣчи прекращаются, служба идетъ своимъ чередомъ, и присмотръ самый тщательный продолжается. Я стараюсь по возможности слѣдить за Гречемъ [1]); школы, подъ разными предлогами не открывавшіяся, и не будутъ открыты. До новаго года я не счелъ нужнымъ закрыть тѣ, которыя существуютъ, чтобы не показать недовѣрія; но я думаю, государь, что нужно будетъ совсѣмъ иначе устроить школы и, удаливши Греча, уничтожить директорское мѣсто и поручить присмотръ за ними полковымъ командирамъ. За Каразинымъ [2]) слѣдитъ полиція. По моему мнѣнію, онъ

---

1) Гречь, издававшій въ то время журналъ „Сынъ Отечества", завѣдывалъ всѣми Ланкастерскими школами гвардейскаго корпуса. Послѣ событій 1825 г. разнесся слухъ, будто бы Гречь вмѣстѣ съ Булгаринымъ составили манифестъ отъ имени временнаго правительства и будто бы этотъ манифестъ былъ набранъ въ типографіи Греча въ самый день 14-го Декабря; но въ виду неудавшагося предпріятія манифестъ будто былъ уничтоженъ, а типографщикъ, набиравшій его, пропалъ безъ вѣсти. Въ Р. Архивѣ въ 6-й книгѣ за 1871 г. въ Запискахъ Греча, на стр. 0281 до 0289, напечатанъ весь его разсказъ объ упраздненіи гвардейскихъ школъ въ 1821 году.

2) Василій Назарьевичъ Каразинъ родился въ 1773-мъ г., умеръ въ г. Николаевѣ 4-го Ноября 1842 года; былъ отставнымъ статскимъ совѣтникомъ и помѣщикомъ Харьковской губерніи. Его судьба весьма замѣчательна: бывши сначала не только въ милости, но даже въ перепискѣ съ императоромъ Александромъ, который поручалъ ему составленіе разныхъ статей по части законодательной, онъ впалъ въ немилость, и послѣ исторіи Семеновскаго полка былъ взятъ и отправ-

здѣсь самый опасный человѣкъ: онъ уменъ и подъ личиною безграничной преданности къ особѣ в. и. в-ва можетъ служить нашимъ врагамъ болѣе, чѣмъ Гречь, который самъ по себѣ имѣетъ мало средствъ и большой болтунъ. А за Казначеева я могу вамъ, государь, поручиться: онъ человѣкъ рѣдкій, преданъ душой вашему императорскому величеству и благонамѣренный въ высшей степени. Онъ не выходитъ изъ штаба и не видитъ никого. Что̀ же касается масонства, то ручаюсь вамъ, государь, что онъ не Масонъ, и никогда имъ не былъ. Да благословитъ Провидѣніе предпріятіе ваше, государь! Вамъ, можетъ быть, будетъ суждено спасти Европу отъ самаго ужаснаго несчастія, которое существуетъ: отъ военной анархіи. Съ помощью Провидѣнія, безъ котораго ничто не совершается, я надѣюсь, что спокойствіе и миръ у насъ не будутъ нарушены, и что возвращеніе ваше, государь, будетъ залогомъ счастія для Русскихъ.

III.

Sire!

Puisse le Ciel permettre que les affaires du congrès ne retiennent pas longtemps V. M. I.: c'est le voeu de tous les hommes bienpensants. Le libelle, dont j'ai eû l'honneur de parler à V. M. I. dans ma dernière lettre, n'a pas percé dans les casernes; tout est tranquille, et le service va son train. Il serait à désirer que dans les salons il y eût moins des fausses nouvelles et moins des commérages; mais, comme j'ai eû l'honneur de le dire à V. M. I., votre arrivée seule peut mettre fin à l'inquiétude qui règne ici et remettra la tranquillité dans tous les coeurs. Il serait à désirer que la police s'entourât de plus de mystère sur les découvertes qu'elle fait: de fausses mesures prises par elle pourraient aggraver le mal et paralyser les recherches sur les individus dangereux. Enfin il faut de la prudence dans les circonstances actuelles, et il ne faut rien décider avant votre retour, Sire.

Le jugement du 1-er bataillon va son train, le bataillon est arrivé à Keksholm le plus tranquillement du monde; le soldat est repentant et accuse de son malheur le 1-er bataillon; le 2-nd est entré dans la rade de Svéaborg; nous n'avons pas encore des nouvelles de son débarquement. Il est hors de doute que les malveillants ne parviendront pas à leur but, mais il ne faudrait pas laisser durer trop longtemps l'inquiétude qui règne ici, et ce n'est que votre retour seul, Sire, qui doit rétablir le calme.

ленъ въ Шлюссельбургъ, но вскорѣ освобожденъ. Извѣстный тогда агентъ тайной полиціи Фогель заподозрилъ его въ составленіи одного пасквиля, подброшеннаго въ казармы. Онъ подалъ государю, когда еще пользовался его милостью, подъ названіемъ „Альфа и Омега"—родъ катехизиса для Русскаго царя, наставленіе, какъ царствовать и, уже бывши отдаленъ, написалъ ему непріятное письмо по случаю возмущенія Семеновскаго полка изъ-за Шварца (см. Чтенія въ импер. общ. ист; 3 ч. 1861 г., стр. 199). Біографія В. Н. Каразина, составленная Г. П. Данилевскимъ, помѣщена въ книгѣ „Украинская Старина", Харьковъ 1866. В. Д.

Дѣятельность Каразина представляетъ нѣкоторыя неразъясненныя стороны, безъ тщательной провѣрки которыхъ трудно привѣтствовать постановку памятника ему. Если воздвигать статую Греку Каразина, отчего не поставить памятника Неаполитанцу Рибасу? *П. Б.*

Переводъ.

Государь! Молю Небо, чтобы оно дозволило вамъ не быть задержану дѣлами конгресса. Это желаніе всѣхъ благонамѣренныхъ людей. Пасквиль, про который я уже умѣлъ честь говорить вашему императорскому величеству въ моемъ послѣднемъ письмѣ, еще не проникъ въ казармы; все спокойно, и служба идетъ своимъ порядкомъ. Желательно бы было, чтобы въ гостинныхъ распускали менѣе фальшивыхъ извѣстій и сплетенъ; но какъ я имѣлъ уже честь писать вашему импер. величеству, единственно вашъ пріѣздъ можетъ прекратить безпокойство, которое воцарилось здѣсь, и возстановить тишину во всѣхъ сердцахъ. Еще желательно бы было, чтобы полиція окружалась бо̀льшею таинственностью на счетъ ея открытій: фальшивыя мѣры, предпринятыя ею, могутъ увеличить зло и парализировать розыски людей опасныхъ; наконецъ, нужна осторожность въ теперешнихъ обстоятельствахъ, и ничего нельзя рѣшать прежде вашего пріѣзда, государь.

Судъ надъ 1-мъ баталіономъ производится. Баталіонъ пришелъ въ Кексгольмъ самымъ спокойнымъ образомъ, солдаты даже раскаеваются въ своемъ несчастіи. Первый и второй баталіонъ вступаютъ въ Свеаборгъ. Мы еще не получили извѣщенія о его высадкѣ на берегъ. Нѣтъ сомнѣнія, что злонамѣренные люди не добьются своей цѣли; но не слѣдуетъ давать средства продолжаться тревожному состоянію, которое царствуетъ здѣсь, и только возвращеніе ваше, государь, должно успокоить всѣхъ.

*

Примѣчаніе. Касательно этого пасквиля, упомянутаго и въ письмѣ государя къ генералу Васильчикову отъ 10-го Ноября 1820 г., я обращался къ Ѳ. Н. Глинкѣ, и онъ разсказалъ мнѣ слѣдующее. Передъ возмущеніемъ Семеновскаго полка, какой-то дворовой человѣкъ, корчившій юродиваго или пророка, ходилъ по казармамъ и упрекалъ солдатъ въ маловѣріи и въ разныхъ грѣхахъ; онъ даже приходилъ и къ нѣкоторымъ начальствовавшимъ лицамъ и въ томъ числѣ къ графу Милорадовичу. Однажды онъ зашелъ въ казармы л. г. Семеновскаго полка и послѣ нѣкотораго разговора съ солдатами вышелъ на минуту на дворъ и въ воротахъ будто бы нашелъ воззваніе, написанное на очень толстой бумагѣ въ родѣ пергамента, Славянскимъ шрифтомъ, дабы скрыть руку.

Это воззваніе было одно изъ самыхъ ярыхъ, гдѣ солдатамъ предлагалось убить государя и начальниковъ и выбрать изъ среды себя новыхъ офицеровъ, дабы измѣнить весь старый порядокъ и все передѣлать за ново. Это воззваніе было доставлено графу Милорадовичу, который немедленно послалъ за Глинкою. Когда тотъ пришелъ, то къ удивленію своему увидѣлъ графа у письменнаго стола, блѣднаго и встревоженнаго; во всю свою службу Глинка его не видалъ въ подобномъ взволнованномъ положеніи. Графъ, подавая ему эту бумагу, сказалъ ему: „Lisez!“ Кромѣ вышеупомянутыхъ выраженій, воззваніе кончалось слѣдующимъ: „Когда вы все это сдѣлаете, тогда явлюсь я вамъ самъ и укажу вамъ, что́ тогда дѣлать“.—„Что́ вы на это скажете?“ спросилъ графъ.—„Это, ваше сіятельство, очень важно, и нужно-бы найти, кто этотъ человѣкъ, который долженъ явиться въ извѣстную минуту“. Графъ позвонилъ: „Послать за Горголи“. Горголи былъ тогда оберъ-полицмейстеромъ и, кромѣ красивой и привлекательной наружности и свѣтской ловкости, имѣлъ великія способности, какъ оберъ-полицмейстеръ. Онъ, прочитавши означенную бумагу, сказалъ графу: „Я уже докладывалъ вашему сіятельству, что расположеніе умовъ въ городѣ такое, что не отвѣчаю за три дня спокойствія“.—„Однако,

надобно, его непремѣнно найти". „Слушаю-съ!" Начались розыски, и узнали, что этотъ неизвѣстный человѣкъ высокаго роста, съ черными волосами, одѣтъ въ венгерку и съ толстою палкою въ рукахъ; но, не смотря на всѣ усилія полиціи, онъ остался не найденнымъ, хотя дознались, что онъ ходилъ по многимъ полкамъ, бывалъ до того времени въ казармахъ и проповѣдывалъ свое воззваніе очень открыто, никѣмъ нетревожимый. Всего болѣе было у него адептовъ въ г. л. гренадерскомъ полку. Извѣстный тогда шпіонъ тайной полиціи Фогель заподозрилъ Василья Назарьевича Каразина въ составленіи этого пасквиля, но по собраннымъ тщательнымъ свѣдѣніямъ это не подтвердилось.

III.

Sire!

Le papier horrible dont la police vient de se saisir prouve à V. M. I. que nous avons aussi des agitateurs qui voudraient profiter de l'histoire du régiment Sémenofsky pour soulever les autres régiments. Jusqu'à présent tout est tranquille, Sire, et j'ai tout lieu d'espérer qu'ils ne réussiront pas. Mais cette découverte vient encore à l'appui de ce que j'ai eû l'honneur de soumettre à V. M. I. dans ma dernière lettre. Je le répète, il est indispensable de remettre la décision de cette affaire au retour de V. M. Une mesure de sevérité, prise pendant votre absence, produirait, peut-être, de fâcheux résultats; il est notoire que l'opinion des salons, aussi bien que celle des casernes, est pour le régiment. Le rétour de V. M. I. est attendu avec impatience par tout le monde et seul peut mettre fin aux bruits et commérages plus ou moins signifiants. J'ignore si les affaires de congrès peuvent permettre à V. M. I. de les quitter; mais ce qu'il y a de certain, c'est que....

Переводъ.

Государь! Ужасная бумага, которую задержала полиція, доказываетъ вашему императорскому величеству, что у насъ есть тоже агитаторы, которые желали бы воспользоваться исторіей Семеновскаго полка, чтобъ поднять другіе полки. До сихъ поръ все спокойно, государь, и я надѣюсь, что это имъ не удастся; но это открытіе является подтвержденіемъ тому, чтó я уже имѣлъ честь донести вашему императорскому величеству въ послѣднемъ моемъ письмѣ; повторяю: необходимо, отложить рѣшеніе этого дѣла до пріѣзда вашего императорскаго величества. Мѣра строгости, принятая въ вашемъ отсутствіи, произведетъ можетъ быть весьма грустные результаты. Извѣстно и явно, что мнѣніе гостинныхъ, также какъ и казармъ, за полкъ. Всѣ ожидаютъ пріѣзда в. и. в. съ нетерпѣніемъ, и онъ одинъ можетъ прекратить толки и сплетни болѣе или менѣе значительныя. Не знаю, дѣлá конгресса позволятъ-ли вашему императорскому величеству его оставить; о чтó вѣрно, это, что.....

IV.

Sire!

J'ai réçu l'ordre de V. M. I. de me mettre en marche et j'espère sous peu de jours être prêt à l'exécuter. Avant de partir, je crois devoir vous soumettre la position embarrassante dans laquelle je me trouve: mes deux divisionnaires d'infanterie sont deux hommes que j'ai appris à connaître plus particulièrement; tous les deux sont des individus auxquels il

m'est impossible de me fier. Le bien du service me fait désirer de m'en débarasser, s'il y a guerre, et d'avoir à leurs places le général Paskewitch dans la 1-ère division, ou tel autre, que V. M. I. voudra choisir, et Bistrom dans la seconde. Je suis loin de leur vouloir du mal, mais mes principes sur le militaire sont si opposés avec ceux qu'ils cherchent à propager, que nous ne pourrons jamais nous entendre, et dans chaque occasion j'ai toujours à craindre qu'ils ne me fassent quelque sottise.

La franchise avec laquelle je vous parle, Sire, m'est dicté par la gravité des circonstances et l'énorme responsabilité qui pèse sur moi; avoir pour aides des hommes auxquels je ne puis me fier est une position trop pénible pour ne pas trouver grâce près de V. M. I. A Pétersbourg l'inconvénient est moins sensible, en marche il est incalculable, et c'est pourquoi j'ai crû de mon devoir de mettre tout scrupule de côté et de ne considérer que le devoir que ma responsabilité m'impose.

Переводъ.

Государь! Я получилъ приказаніе вашего императорскаго величества выступать въ походъ. Надѣюсь чрезъ нѣсколько дней быть совершенно готовымъ къ выступленію, но прежде всего я считаю себя обязаннымъ изложить вашему императорскому величеству всю затруднительность моего положенія: мои два начальника пѣхотныхъ дивизій *), оба люди, которыхъ я теперь узналъ хорошо, суть такія личности, на которыхъ мнѣ рѣшительно положиться нельзя. Я бы желалъ избавиться отъ нихъ для пользы службы, ежели будетъ война, и получить на ихъ мѣста генерала Паскевича для 1-й дивизіи и г. Бистрома для второй, или другаго, кого в. и. в-во заблагоразсудите назначить. Я далекъ отъ желанія имъ вредить, но мои правила на счетъ военнаго ремесла до того противоположны съ тѣми, которыя они провозглашаютъ, что мы никогда не сойдемся, и я постоянно опасаюсь, что они совершатъ какую-нибудь нелѣпость. Важность обстоятельствъ и огромная отвѣтственность, которая возложена на меня, принуждаютъ меня откровенно говорить съ вами, государь. Имѣть помощниками людей, къ которымъ не имѣешь вѣры, ставитъ въ положеніе слишкомъ затруднительное, и потому в. и. в-во меня простите. Въ Петербургѣ это неудобство не такъ чувствительно, въ походѣ же оно становится неисчислимо; поэтому-то я и счелъ своимъ долгомъ отложить всякое недоумѣніе и помнить только объ обязанностяхъ, которыя возлагаетъ на меня отвѣтственность.

V.

Sire!

J'ai différé jusqu'à présent d'importuner V. M. I., espérant que votre retour, Sire, me donnerait la possibilité de vous soumettre verbalement la position pénible dans laquelle je me trouve. Dans un moment où le mécontentement augmente, où la malveillance travaille visiblement, où les têtes fermentent, les deux divisionnaires de l'infanterie de la garde, sur lesquels je devrais me reposer, sont des individus, qui par leurs paroles et leurs actions gâtent l'esprit de la troupe et entravent la

*) 1-ю гвардейскою дивизіей командовалъ ген. лейт. баронъ Розенъ, а 2-ю гвардейскою ген. ад. Яковъ Алексѣевичъ Потемкинъ.

marche du service. Je le dis avec douleur, Sire; mais la responsabilité immense qui pèse sur moi et le dévouement sans bornes que je porte à V. M. I., ainsi qu'à ma Patrie, ne me permet plus de me taire. Sur place, je pouvais obvier au mal; en marche, les conséquences, qui peuvent en résulter, sont incalculables.

C'est donc uniquement pour le bien du service que je demande à V. M. I., non comme une grâce, mais comme une chose de la plus grande nécessité, d'éloigner ces deux individus du corps de la garde et de me donner à leurs places le g. Paskewitch pour la 1-ère division et le g. Bistrom pour la seconde, ou bien tel autre que V. M. I. jugera à propos.

Quant au général L., vous verrez, Sire, par l'affaire qui vous sera soumise, si sa conduite est celle d'un homme qui mérite votre confiance, et V. M. I. décidera alors, s'il peut continuer à occuper sa place.

Votre M. I. me connait assez pour être persuadé qu'aucune considération personnelle n'aurait pû m'engager à une démarche, qui par bien du monde sera probablement taxé de vengeance; mais fort de ma conscience, pénétré de mon devoir et sourd à toute espèce de commérages et d'intrigues, je ne puis et ne dois avoir en vue que le bien du service de V. M. I. et le bien-être de ma Patrie. Vous savez, Sire, si j'ai varié dans mes principes; ce n'est pas dans les circonstance actuelles et à 43 ans que j'y renoncerais.

Переводъ.

Государь! Я до сихъ поръ все откладывалъ обезпокоить ваше императорское величество, надѣясь, что ваше возвращеніе, государь, дастъ мнѣ возможность изложить вамъ изустно всѣ трудности положенія, въ которомъ я нахожусь. Когда неудовольствіе возрастаетъ, когда злонамѣренность работаетъ очевидно, и всѣ умы въ броженіи, оба начальника дивизій гвардейской пѣхоты, на которыхъ я бы долженъ полагаться, суть такія личности, которыя своими словами и дѣйствіями портятъ духъ войска и тормозятъ ходъ службы. Съ огорченіемъ говорю вамъ это, государь; но громадная отвѣтственность, лежащая на мнѣ, и неограниченная преданность къ в. и. в-ву и къ моему Отечеству не дозволяютъ мнѣ болѣе молчать. Оставаясь на мѣстѣ, я бы могъ еще предупредить зло, но на походѣ послѣдствія этого образа дѣйствій неисчислимы. Единственно для пользы службы, я прошу в. и. в-во не какъ милости, а лишь въ крайней необходимости, удалить эти двѣ личности изъ гвардейскаго корпуса и дать на ихъ мѣсто генерала Паскевича для первой дивизіи и генерала Бистрома для второй, или всякаго другаго, кого в. и. в. заблагоразсудите. Чтò касается генерала Л......, вы увидите, государь, изъ дѣла, которое вамъ будетъ представлено, достойно ли вашего довѣрія поведеніе его, и в. и. величество рѣшите сами, можетъ ли онъ оставаться на своемъ мѣстѣ. Ваше императорское величество меня слишкомъ хорошо знаете, чтобы быть увѣреннымъ, что никакія личныя соображенія не могли бы меня заставить открыться вамъ такъ откровенно. Эти дѣйствія будутъ, вѣроятно, приписаны мщенію; но проникнутый моею обязанностію, съ спокойною совѣстью, я глухъ на всѣ сплетни и интриги и имѣю въ виду одну пользу службы в. и. в-ва и благосостояніе моей родины. Вы знаете, государь, что я никогда не измѣнялъ своимъ правиламъ, и конечно при нынѣшнихъ обстоятельствахъ и въ 43 года отъ нихъ не откажусь.

VI.

Sire!

J'ai reçu la lettre dont Votre Majesté Impériale a daigné m'honorer. Si je ne consultais dans ma réponse que mon coeur et mon intérêt personnel, vous me donnez, Sire, une trop belle occasion pour la laisser échapper de payer le bien pour le mal et de faire sentir l'oubli de son devoir à un homme, contre lequel je n'ai non seulement rien de personnel, mais au quel j'ai toujours témoigné de l'intérêt. Mais il ne s'agit pas de moi dans cette circonstance; c'est de vous, Sire, dont il est question; c'est de l'effet que cette faveur produira sur les esprits. Que diront les individus qui n'ont pas dévié dans leurs marches, qui se sont réunis à l'autorité, qui ne se sont pas laissé entraîner par une opinion vulgaire, que diront-ils, quand ils apprendront que Votre Majesté Impériale vient d'accorder une grâce à un homme qui s'est laissé entraîner sans doute, mais dont la conduite est digne de blâme aux yeux de touts les hommes bienpensans? Je le répète encore, Sire: il m'en coûte de faire mon devoir dans cette circonstance; je me fais violence pour ne pas céder à l'impulsion de mon coeur; mais je serais indigne de servir Votre Majesté Impériale, si des considérations personnelles pouvaient m'entraîner.

Je me plais à croire,' Sire, que vous n'attribuerez ma conduite dans cette circonstance qu'au dévouement sans bornes que je porte à Votre Majesté Impériale: aucun fiel, aucune animosité n'a eu accès dans mon coeur, et je puis dire que je ne suis brouillé avec personne; mais ma consience ne serait plus tranquille, si par une condescendance coupable je vous entraînais, Sire, dans une fausse démarche.

Переводъ.

Государь! Я получилъ письмо, котораго ваше императорское величество удостоили меня. Ежели-бы въ моемъ отвѣтѣ я принялъ въ соображеніе одно желаніе моего сердца и мою личную выгоду, то сказалъ бы вамъ, государь, что вы даете мнѣ слишкомъ хорошее средство не упустить возможности заплатить за зло добромъ и тѣмъ дать почувствовать человѣку, съ которымъ я никогда не имѣлъ личностей, но въ которомъ, напротивъ, всегда принималъ участіе, до какой степени онъ забылъ свой долгъ. Но въ настоящемъ случаѣ не обо мнѣ дѣло, а объ васъ, государь, о впечатлѣніи, которое произведетъ подобная милость. Чтò скажутъ тѣ, не отступавшіе отъ своихъ обязанностей, окружавшіе начальство своимъ сочувствіемъ, не увлекавшіеся пошлыми мнѣніями, чтò скажутъ они, когда узнаютъ, что в. и. в-во оказали милость человѣку, который, конечно, увлекся, но чье поведеніе не заслуживаетъ похвалы въ глазахъ всѣхъ здравомыслящихъ людей? Повторяю вамъ еще, государь: мнѣ тяжело исполнять мою обязанность при этихъ обстоятельствахъ, и я принуждаю себя не уступать влеченію сердца; но я не слылъ бы достойнымъ служить в. и. в-ву, не исполнивши этого. Льщу себя надеждою, что мою откровенность въ этомъ случаѣ вы припишите единственно неограниченной преданности моей къ вашему величеству. Въ моемъ сердцѣ нѣтъ ни желчи, ни злобы. Смѣло скажу: я ни съ кѣмъ не въ ссорѣ; но совѣсть моя была бы неспокойна, ежели-бы преступною уступкою я вовлекъ васъ, государь, въ фальшивое положеніе.

VII.

Sire!

J'ai reçu la lettre dont Votre M. I. a daigné m'honorer. La formation du régiment est en pleine activité, et j'espère, que le 12 du mois prochain il pourra monter la garde. Le choix du chef de ce régiment est d'une trop grande conséquence dans les circonstances actuelles pour me faire négliger de fixer l'attention de Votre M. I. sur les inconvéniens qui pourraient provenir par la nomination du colonel Шиповъ. Votre remarque, Sire, sur l'effet que produira ce régiment sur les autres est trop juste pour ne pas chercher à en diminuer les conséquences par la caractère, les services et les moyens de celui que V. M. I. placera à sa tête. Personne ne rend plus de justice au colonel Шиповъ que moi. Il est excellent pour la place qu'il occupe, mais son age ne lui a pas encore permis d'acquérir une réputation militaire bien établi et par là gagner assez de considération parmis les troupes pour faire respecter le régiment qu'il est appelé à commander. C'est dans ce but, Sire, que j'ai chargé le général Geltouchine de surveiller la formation du régiment, ne pouvant le confier au lieutenant-colonel Тимротъ qui ne connait pas assez les détails d'un régiment des gardes pour faire aller la besogne avec célérité. Si V. M. I. approuve les raisons qui me font désirer un autre que le c-nel Шиповъ pour commander le régiment de Sémenovsky, je pourrais lui indiquer les généraux Udom ou Geltouchine. Le premier, quoique faible de santé, se charge volontiers de ce commandement et, sans que je lui en aie parlé, est venu de lui-même me prier de le proposer. Quand au second, je n'ai pas crû devoir lui en parler sans y être autorisé par V. M. I., pour la mettre parfaitement à son aise sur le choix qu'elle croira devoir faire. Je me permetterai ici d'ajouter, Sire, une considération majeure. Monseigneur le Grand-Duc Michel, avec le meilleur coeur du monde et les meilleurs intentions, a besoin par son inexpérience d'être guidé dans les affaires de service; il serait trop à son aise avec un colonel, quelque bon qu'il fut. Les généraux que je vous propose, Sire, ont touts les deux une bonne réputation militaire, connaissent parfaitement le service et pourraient par là avoir sur le Grand-Duc une influence salutaire. Mais je ne dois pas vous cacher, Sire, les clabodages qui auront inmancablement lieu, si le choix de V. M. I. tombe sur Желтухинъ. Vous n'ignorez pas, Sire, qu'il n'est pas aimé ici; je ne prendrai pas sur moi de décider, si sa réputation de cruauté est mérité ou non; mais je sais qu'il est plein de zéle, qu'il a bien servi et que l'age et des malheurs lui ont fait faire de réflexions salutaires. Quand à ces moyens, V. M. I. les connait mieux que moi.

La formation de ce régiment n'a produit aucun mavais effet, et je crois même que cette mesure fera cesser touts les bavardages, qui depuis quelques jours ont sensiblement diminué. J'ai tout lieu d'espérer, Sire, que la Providence me permettra de maintenir la tranquillité parmis les troupes qui se trouvent sous mes ordres et qu'au retour de V. M. I. tous les hommes bienpensans se réuniront autour de vous, Sire, pour coopérer aux améliorations que Votre M. I. ne manquera pas de faire et dont la nécessité devient touts les jours plus sensible.

Переводъ.

Государь! Я получилъ письмо, которымъ ваше императорское величество изволили меня удостоить. Формировка полка въ полной дѣятельности, и я надѣюсь, что къ 12-му числу будущаго мѣсяца онъ будетъ въ караулѣ. Выборъ полковаго командира для этого полка слишкомъ важное дѣло въ теперешнихъ обстоятельствахъ, чтобы не остановить вниманія в. и. в. на неудобствахъ которыя могутъ произойти назначеніемъ полковника Шипова. Ваше замѣчаніе, государь, о впечатлѣніи, которое произведетъ этотъ полкъ на другіе, слишкомъ вѣрно, чтобъ не стараться умалить по слѣдствія характеромъ и средствами того лица, котораго в. и. в-ва поставите во главѣ полка. Полковникъ Шиповъ—никто ему болѣе меня не отдаетъ справедливости,—очень хорошъ для мѣста, которое онъ занимаетъ; но его лѣта не дали ему еще возможности пріобрѣсти основательную военную репутацію и тѣмъ заслужить достаточный авторитетъ въ войскѣ, чтобы заставить уважать тотъ полкъ, которымъ ему предстоитъ командовать. Я поэтому и заставилъ генерала Желтухина присматривать за формированіемъ полка, не рѣшившись поручить это дѣло подполковнику Тимроту, который недостаточно знакомъ съ подробностями службы гвардейскаго полка, дабы дѣло могло идти со всевозможной поспѣшностью. Ежели в. и. в-во оправдаете причины, которыя меня заставляютъ желать другаго командира для Семеновскаго полка, то я могу вамъ указать на генераловъ Удома и Желтухина. Первый, хотя слабаго здоровья, принимаетъ охотно командованіе; онъ самъ приходилъ просить меня о томъ. Что̀ же касается до другаго, я не счелъ еще нужнымъ говорить съ нимъ, не бывши уполномоченъ на то вашимъ императорскимъ величествомъ, дабы оставить полную свободу выбора, который угодно будетъ сдѣлать вашему императорскому величеству. Позволю себѣ прибавить, государь, весьма важное соображеніе: великій князь Михаилъ Павловичъ, одаренный прекраснымъ сердцемъ и имѣющій самыя благія намѣренія, по неопытности своей долженъ быть руководимъ въ служебныхъ дѣлахъ; ему слишкомъ было бы легко обращаться съ полковникомъ, какой бы онъ отличный ни былъ; генералы же, которыхъ я вамъ предлагаю, государь, имѣютъ оба заслуженную военную репутацію, знаютъ превосходно службу и могли бы, на основаніи этихъ данныхъ, имѣть благотворное вліяніе на великаго князя. Но я не долженъ скрывать отъ васъ, государь, что толкамъ и нарѣканіямъ конца не будетъ, ежели выборъ в. и. в-ва падетъ на генерала Желтухина. Вамъ извѣстно, государь, что онъ здѣсь весьма не любимъ. Я не возму на себя рѣшать, справедлива или нѣтъ молва объ его строгости; но знаю одно, что онъ весьма усердный служака и что лѣта и несчастія много его измѣнили въ его пользу; что̀ же касается способностей его, вашему императорскому в-ву они еще извѣстнѣе, чѣмъ мнѣ.

Формированіе новаго полка дурнаго впечатлѣнія никакого не произвело, и даже, я думаю, что эта мѣра прекратитъ всѣ толки, которые въ послѣдніе дни значительно уменьшились. Я имѣю полную надежду, государь, что Провидѣніе дозволитъ мнѣ поддержать спокойствіе во ввѣренныхъ мнѣ войскахъ, и что къ минутѣ возвращенія в. и. в-ва всѣ здравомыслящіе люди окружатъ васъ, государь, чтобъ содѣйствовать улучшеніямъ, которыя вашему императорскому в-ву угодно будетъ предпринять и необходимость которыхъ становится ощутительнѣе съ каждымъ днемъ.

VIII.

Sire!

Dans mes rapports adressés à V. M. I., aussi bien que dans mes lettres au p-ce Volchonsky, j'ai trouvé inutile de parler de ma conduite personnelle, l'abandonnant entiérement à la pénétration de V. M. I. Aujourd'hui que mes ennemis et de faux amis se réunissent pour me jeter la pierre en débitant des absurdités sur mon compte, je ne puis, je ne dois plus me taire. On m'accuse d'avoir donné lieu à cette mutinerie en punissant trop sévérement la compagnie de V. M. I. J'en appele à votre justice, Sire: pouvois-je, sans faire tomber totalement la discipline, permettre à une compagnie de se rassembler la nuit, de désobéir à son sergent-major, d'exiger qu'on appela le capitaine pour se plaindre de son colonel. Prévoir que tout le régiment prendrait fait et cause pour compagnie était hors de toute probabilité. Mais en supposant même la possibilité du fait, n'était-il pas de mon devoir de chercher d'en imposer au reste de la troupe? On m'accuse encore de n'avoir pas connu le mécontentement du régiment; je le savais, mais je savais aussi que le tout ne roulait que sur des exigences plus au moins fortes du service. Plus d'une fois j'ai sermonné le colonel Schwartz là-dessus, mais j'étais persuadé qu'il n'y avait point de tiranie et qu'on ne les rossait pas. Je savais aussi que ce régiment avait besoin d'être pris en main et je croyais de mon devoir de soutenir le colonel, parce que tout le monde était contre lui dès le moment de sa nomination. Quand aux mesures que j'ai pris dans le moment de la mutenerie, elles sont connues de V. M. I., tant par mon rapport, que par les détails qu'a pû vous donner, Sire, mon aide-de-camp Tchédaeff. Maintenant tout est tranquille, Sire; mais si de mon sang je pouvais racheter les moments désagréables que cette malheureuse histoire vous procure, il coulerait sans regrêt.

Ayant exposé ma conduite dans tout son jour, je crois devoir supplier Votre Majeste I. de ne rien décider sur cette histoire avant votre retour, Sire. L'opinion de la ville influence beaucoup l'esprit du soldat; la majorité des habitants plaignent le sort du régiment de Sémenovsky; tout le monde accuse Schwartz, et le soldat, en partageant cette opinion, attend avec inquiétude le sort destiné à ses camarades et espère tout du retour de V. M. I. et de votre clémence. Une mesure sévère, prise en votre absence, Sire, pourait produire un mauvais effet, par la supposition, que l'on ne manquerait pas de faire, que V. M. I. a été mal instruite. Comme la commission militaire ne pourra être finie que dans 15 jours, il paraîtra, tout naturel, que vous ne décidez rien, Sire, avant de connaître à fond l'affaire. Pardonnez, Sire, si j'ose soumettre mon opinion. Fort de ma conscience et convaincu de la justice de V. M. I., le mépris est, Sire, le sentiment que m'inspirent tous les caquets de la ville.

Переводъ.

Государь! Въ рапортахъ моихъ, посланныхъ вашему императорскому величеству, точно такъ, какъ и въ письмахъ къ князю Волконскому, я находилъ лишнимъ говорить о своемъ собственномъ поведеніи, предоставляя его совершенно проницательности вашего императорскаго величе-

ства. Теперь же, когда враги мои и фальшивые друзья собрались, чтобы бросать въ меня камнями, выдумывая разныя нелѣпости на мой счетъ, я не могу и не долженъ болѣе молчать. Меня обвиняютъ въ томъ, что я далъ поводъ къ этому бунту, взыскавши слишкомъ строго при наказаніи роты имени в. и. в-ва. Прибѣгаю къ вашей справедливости, государь! Могъ ли я безъ ущерба дисциплины позволить ротѣ собраться ночью, ослушаться фельдфебеля, требовать вызова капитана, чтобъ жаловаться на полковника? Предвидѣть, что весь полкъ заступится за эту роту было невозможно; но, предполагая даже возможнымъ подобный случай, не была ли моя прямая обязанность внушить страхъ остальному войску? Меня еще обвиняютъ въ томъ, что мнѣ было неизвѣстно неудовольствіе полка; напротивъ, я это зналъ, но я зналъ тоже, что оно было основано на болѣе или менѣе строгихъ служебныхъ требованіяхъ. Я часто за это упрекалъ полковника Шварца; но я тоже зналъ съ достовѣрностью, что въ немъ тиранства никакого не было; видѣлъ, что полкъ этотъ слѣдуетъ взять въ руки и считалъ своею прямою обязанностью поддерживать полковника, противъ котораго всѣ были возстановлены съ самой минуты его назначенія. Чтò же касается мѣръ, которыя я принялъ въ минуту бунта, онѣ извѣстны вашему императорскому величеству и по моимъ отчетамъ, и по подробностямъ, которыя могъ вамъ передать, государь, мой адъютантъ Чадаевъ. Теперь все спокойно, государь; но я считаю себя обязаннымъ умолять в. и. в. ничего не рѣшать касательно этого дѣла до вашего возвращенія. Ежелибы я могъ выкупить своею кровью тѣ непріятныя минуты, которыя доставила вамъ, государь, эта печальная исторія, я бы пролилъ ее безъ сожалѣнія. Представивши мое поведеніе въ его настоящемъ видѣ, государь, я позволю сказать вамъ еще, что городскія сужденія имѣютъ большое вліяніе на духъ солдата: большинство обывателей жалѣетъ Семеновскій полкъ; всѣ противъ Шварца, и солдаты, раздѣляя эти мнѣнія, съ безпокойствомъ ожидаютъ разрѣшенія участи своихъ товарищей. Всѣ надѣятся на возвращеніе и милосердіе вашего императорскаго величества. Строгая мѣра, принятая въ ваше отсутствіе, произвела бы весьма дурное впечатлѣніе. Такъ какъ военно-судная коммиссія не можетъ окончить свое дѣло прежде двухъ недѣль, то всѣмъ покажется весьма естественнымъ, что вы, государь, не рѣшите ничего, не узнавши достовѣрно всю суть дѣла. Поддерживаемый моей совѣстью и будучи убѣжденъ въ справедливости вашего имп. величества, я питаю единственное чувство ко всѣмъ этимъ городскимъ сплетнямъ—это презрѣніе.

IX.

Sire!

L'état brillant dans lequel Votre Majesté Impériale a trouvé ses gardes et le bon esprit qui règne parmis cette troupe, me permettent enfin de vous soumettre, Sire, la position pénible dans laquelle je me trouve. Depuis la dernière guerre ma santé se détruit; les quatres années que j'ai passé dans le poste que j'occupe et surtout la dernière, l'a totalement détruite; mes forces physiques ne sont plus à la hauteur de mon zèle, et ma conscience, tranquille jusqu'à présent, ne le serait plus, si je me permettais de conserver un poste aussi honorable que difficile dans l'état de délabrement où se trouve ma santé. C'est uniquement la conviction intime de ne pouvoir pour le moment continuer à répondre à votre confiance, Sire, qui m'engage à supplier Votre Majesté Impériale

de m'accorder un semestre pour rétablir ma santé et de nommer quelqu'un pour me remplacer. L'espoir de pouvoir encore vous être utile, Sire, hâtera, j'espère, ma guérison et si le Ciel permet que ma santé se rétablisse, V. M. I. daignera disposer de moi comme elle le jugera à propos.

S-t Pétersbourg, le 21 Octobre 1821.

Переводъ.

Государь! Блестящее состоянiе, въ которомъ ваше императорское величество нашли войска гвардiи и отличный духъ, царствующiй въ нихъ, дозволяютъ мнѣ наконецъ изложить передъ вами, государь, то затруднительное положенiе, въ которомъ я нахожусь. Съ послѣдней войны здоровье мое слабѣетъ; четыре года, проведенные на занимаемомъ мною мѣстѣ, а въ особенности послѣднiй, окончательно разстроили его. Мои физическiя силы уже не на уровнѣ моего усердiя, и моя совѣсть, спокойная до сихъ поръ, упрекала бы меня, ежелибы я позволилъ себѣ остаться при должности, столь же почетной, сколь и трудной, съ разрушеннымъ моимъ здоровьемъ. Искреннее убѣжденiе, что я не могу въ эту минуту оправдать ваше довѣрiе, государь, заставляетъ меня умолять в. и. в-во разрѣшить мнѣ отпускъ для поправленiя здоровья и назначить другаго на мое мѣсто. Надежда быть вамъ еще полезнымъ со временемъ ускоритъ, надѣюсь, мое выздоровленiе, и ежели Провидѣнiе дозволитъ мнѣ поправиться, удостойте располагать мною, в. и. в., какъ вамъ заблагоразсудится. Спб. 21 Октября 1821.

VII. ПИСЬМО КНЯЗЯ И. В. ВАСИЛЬЧИКОВА КЪ ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ НИКОЛАЮ ПАВЛОВИЧУ *).

Monseigneur!

J'ai reçu la lettre que Votre Altesse Impériale a daigné m'écrire et répondrai avec franchise à la confiance que vous avez la bonté de me témoigner. D'après des renseignements très exacts que j'ai pris par le général Martinoff, j'ai tout lieu de croire, que des conversations entre camarades, à la suite de quelques paroles qui vous sont échappées dans un moment de vivacité, ont donné lieu à des suppositions, qui sont restées sans effet, et si la police ne s'était empressée de relever les discours d'une jeunesse sans expérience, leurs clameurs ne seraient pas même parvenus jusqu'à nous: car un mot de Votre Altesse Impériale à l'officier qui se trouvait offensé, a suffi pour rétablir le calme le plus parfait. Quant à l'influence que les paroles de Rosen ont dû produire sur l'esprit des officiers, je crois, au contraire, monseigneur, que le

*) Поводъ и обстоятельства, по которымъ написано это письмо, а равно и высокое, истинно-царское благородство, которое проявилъ въ этомъ случаѣ будущiй императоръ Николай Павловичъ, изложены въ общемъ предисловiи къ бумагамъ князя И. В. Васильчикова (Р. Архивъ 1875, I, 342 и II, 46). Разсказываютъ, что, уже будучи государемъ, Николай Павловичь однажды привелъ Васильчикова въ свою спальню и, указывая ему на его портретъ, сказалъ: „Знаете, Ларiонъ Васильевичъ: какъ только я просыпаюсь, то перваго, кого вижу, это моего наставника, друга и благодѣтеля“. (Слышано отъ С. П. Шипова). *П. Б.*

calme que vous avez montré n'a pu faire que le plus grand bien et a dû prouver à tous les témoins que V. A. I., s'étant chargé d'une brigade, ne l'a fait uniquement que dans l'intention salutaire de donner du relief à la discipline: car personne n'ignore qu'un grand-duc de Russie n'est forcé d'obéir qu'à son Souverain. Je crois pouvoir assurer, que la justice la plus parfaite vous a été rendue à cette occasion, et sans un moment de vivacité, dont Votre Altesse I. a été fâchée elle-même, l'homme le plus mal intentionné aurait été obligé de convenir, que votre conduite dans cette occasion était d'un bel exemple. Croyez, monseigneur, à un homme, qui par devoir, comme par principe, est incapable de vous tenir un autre langage, que celui de l'honneur: cherchez à maîtriser cette vivacité qui est l'unique défaut que je vous connaisse; tâchez de vous rendre maître de vos paroles, et vous réunirez les suffrages et l'amour d'une nation sur laquelle vous étes appelé à régner un jour. Plein de confiance dans les bontés de V. A. I., je n'ai pas balancé à vous ouvrir mon coeur, persuadé que monseigneur daignera recevoir les conseils que j'ose vous donner, comme une preuve de l'attachement que je vous porte et du désir que j'ai de voir les frères de mon Souverain.....

ПЕРЕВОДЪ.

Ваше высочество! Я получилъ письмо, которое в. и. в. изволили написать ко мнѣ и смѣло буду отвѣчать на довѣріе, милостиво вами оказанное. Судя по весьма точнымъ свѣдѣніямъ, доставленныхъ мнѣ отъ ген. Мартынова, я долженъ думать, что разговоры между товарищами по поводу нѣсколькихъ словъ, которыя вырвались у васъ въ минуту горячности, привели къ предположеніямъ, оставшимся безъ дѣйствія; и если бы полиція не поусердствовала придать значеніе рѣчамъ неопытныхъ юношей, то ихъ шумливые возгласы даже не дошли бы до насъ, такъ какъ одного слова вашего и. высочества, сказаннаго офицеру, который считалъ себя обиженнымъ, было достаточно для возстановленія полнѣйшаго спокойствія. Касательно впечатлѣнія, которые должны были произвести на офицеровъ слова Розена, я напротивъ думаю, что обнаруженное вашимъ высочествомъ спокойствіе произвело наилучшее дѣйствіе, доказавъ всѣмъ присутствовавшимъ, что ваше и. высочество приняли бригаду единственно съ тѣмъ благимъ намѣреніемъ, чтобы придать болѣе вѣсу дисциплинѣ; ибо всякому извѣстно, что Русскій великій князь обязанъ повиновеніемъ только своему государю. Могу васъ увѣрить, что въ этомъ случаѣ вамъ отдана была полная справедливость, и кромѣ минутной горячности, о которой сами ваше высочество сожалѣете, даже злонамѣреннѣйшій человѣкъ принужденъ сознаться, что вашъ образъ дѣйствій въ этомъ случаѣ послужилъ хорошимъ примѣромъ. Повѣрьте, ваше высочество, человѣку, который и по долгу, и по своимъ правиламъ, не способенъ говорить съ вами иначе, какъ языкомъ чести: старайтесь обуздать вашу горячность, которая есть единственный мнѣ извѣстный вашъ недостатокъ; старайтесь владѣть вашими словами, и вы пріобрѣтете похвалу и любовь народа, надъ которымъ вы призваны царствовать нѣкогда. Съ полною довѣренностью къ милостямъ вашего и. высочества, я не задумался открыть вамъ свое сердце; я убѣжденъ, что ваше высочество удостоите принять совѣты, которые я осмѣливаюсь преподавать вамъ, какъ залогъ моей къ вамъ привязанности и желанія, чтобы братья моего государя....

(*Продолженіе будетъ*).

АРЕСТЪ ГРИБОѢДОВА.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ НИКОЛАЯ ВИКТОРОВИЧА ШИМАНОВСКАГО.

Въ 1825 году, въ Ноябрѣ, мы возвратились изъ похода въ горы. Отрядъ былъ расквартированъ по казачьимъ станицамъ, какъ для отдыха, такъ и для того, чтобы исправить аммуницію, слишкомъ пострадавшую отъ довольно продолжительнаго движенія въ горахъ. Главная квартира учреждена была Гребенскаго полка въ станицѣ Червленной.

Вскорѣ отправились мы въ станицу Екатериноградскую. Ермоловъ, Алексѣй Петровичъ, назначилъ тутъ свиданіе съ начальникомъ своего штаба генералъ-маіоромъ Алексѣемъ Александровичемъ Вельяминовымъ, начальникомъ въ Имеретіи княземъ Петромъ Дмитріевичемъ Горчаковымъ и нашимъ посланникомъ въ Персіи статскимъ совѣтникомъ Семеномъ Ивановичемъ Мазаровичемъ, жившимъ тогда уже въ Тифлисѣ, по натянутымъ отношеніямъ съ Персіянами. Тутъ нашли мы Грибоѣдова, возвращавшагося изъ продолжительнаго отпуска и по пути изъ Петербурга обратно на Кавказъ побывавшаго въ Крыму.

Черезъ нѣсколько дней прибылъ изъ Таганрога фельдъегерь Якунинъ съ горестнымъ извѣстіемъ о кончинѣ императора Александра, и за симъ полученъ указъ о присягѣ императору Константину Павловичу. Въ тотъ же день, въ станичной церкви, мы принесли присягу; на площади были приведены къ присягѣ казаки станицы и рота Кабардинскаго полка, расположенная въ станицѣ. Въ тотъ же день отправлены были два курьера: одинъ въ Тифлисъ, другой въ станицу Червленную, для приведенія войскъ къ присягѣ.

Мы собирались всякій день къ обѣду у Алексѣя Александровича Вельяминова (прекраснѣйшаго изъ смертныхъ). Послѣ гастрономическаго обѣда Грибоѣдовъ читалъ намъ по нѣскольку явленій изъ только что конченнаго Горя отъ ума, которое и послужило ему впослѣдствіи къ оправданію по дѣлу декабристовъ. Конецъ вечера проводили мы за вистомъ.

Наканунѣ отъѣзда нашего изъ Екатериноградской станицы, когда были кончены всѣ дѣла съ начальствующими лицами, вызванными туда Алексѣемъ Петровичемъ, Грибоѣдовъ долженъ былъ ѣхать въ Тифлисъ, но убѣдительно просилъ Алексѣя Петровича взять его въ назначенный тогда походъ. Алексѣй Петровичъ отговаривалъ его, но наконецъ какъ-то неохотно согласился.

На другой день мы уѣхали въ Червленную, гдѣ Грибоѣдовъ, за неимѣніемъ квартиры, помѣстился у меня. При немъ былъ молодой мальчикъ за камердинера, Алексаша. Этому Алексашѣ при-

шлось черезъ нѣсколько дней играть важную роль, вмѣстѣ съ моимъ человѣкомъ Матвѣемъ Алексѣевымъ, въ крѣпости Грозной.

Утромъ 25 Декабря, всѣ чиновники и офицеры, находившіеся при главной квартирѣ, собрались, чтобы поздравить Алексѣя Петровича съ праздникомъ. Домикъ офицерскій, занимаемый Алексѣемъ Петровичемъ, былъ на площади, на углу улицы, ведущей къ станицѣ Науръ, то есть къ дорогѣ изъ Россіи. Утро было прекрасное, довольно теплое. Кто сидѣлъ на завалинкѣ домика, кто прохаживался по близости. Толкуя о предстоящемъ походѣ въ Чечню, мы увидали, что шибко скачетъ кто-то на тройкѣ прямо къ квартирѣ генерала. Это былъ фельдъегерь Дамишъ. Тотчасъ позвали его къ генералу; онъ подалъ ему довольно толстый конвертъ, въ которомъ были: манифестъ о восшествіи на престолъ императора Николая и всѣ приложенія, которыя хранились въ Москвѣ, въ Успенскомъ соборѣ. Алексѣй Петровичъ поздравилъ насъ съ новымъ государемъ и тутъ же приказалъ дежурному по отряду сдѣлать нужныя распоряженія относительно присяги. Немедля нимало, былъ отправленъ курьеръ въ Тифлисъ къ начальнику штаба, и какъ мы расположены были по раскольничьимъ станицамъ, то пришлось посылать за священникомъ въ г. Кизляръ (слишкомъ 200 верстъ отъ станицы Червленной), котораго и привезли только на третій день; тогда мы всѣ, и 1-й баталіонъ Ширванскаго полка, и казаки станицы, присягнули. Эта медленность была поставлена потомъ въ вину Алексѣю Петровичу, между тѣмъ какъ вины тутъ никакой не было.

Когда Алексѣй Петровичъ окончилъ распоряженія, фельдъегерь Дамишъ сталъ разсказывать о событіи 14 Декабря. Въ это время Грибоѣдовъ, то сжимая кулаки, то разводя руками, сказалъ съ улыбкою: „Вотъ теперь въ Петербургѣ идетъ кутерьма! Чѣмъ-то кончится!“

Еще было поставлено въ вину Алексѣю Петровичу, отъ чего онъ донесъ о присягѣ съ тѣмъ же фельдъегеремъ, а не послалъ кого нибудь изъ адъютантовъ или изъ офицеровъ. Это конечно было бы приличнѣе. Не знаю, почему это случилось. Говорили, что будетъ посланъ поручикъ гвардейскаго генеральнаго штаба Сергѣй Ермоловъ, двоюродный братъ генерала; но вышло не такъ.

На 28 Декабря велѣно было отряду собираться въ станицу Червленную. Алексѣй Петровичъ назначилъ свой отъѣздъ этого же числа и приказалъ за собой слѣдовать генеральнаго штаба подполковнику Жихареву. Тутъ Грибоѣдовъ сталъ просить убѣдительно, чтобы и ему слѣдовать съ генераломъ. Алексѣй Петровичъ согласился, и на другое утро Грибоѣдовъ выступилъ съ первымъ баталіономъ Ширванскаго полка, съ 2-мя сотнями казаковъ, при 2 конныхъ казачьихъ орудіяхъ. Тогда время было опасное: хотя до крѣпости Грозной только 40 верстъ, но иначе идти было нельзя, такъ какъ вся Чечня находилась въ волненіи. Бей-Булатъ, первый имамъ, проповѣдывалъ казаватъ, т. е. войну противъ невѣрныхъ.

Штабъ отряда и тяжести должны были выступить на другой день. Такъ и исполнили, согласно приказанію. Хотя перевозочныя

средства могли быть усилены, но Алексѣй Петровичъ жалѣлъ нашихъ Нагайцевъ, поставлявшихъ провіантъ, отчего и вышло, что намъ дали съ Грибоѣдовымъ одну арбу, на которую сложили наши вещи. Люди наши слѣдовали на вьючныхъ лошадяхъ.

Станица Червленная расположена близь Терека, но переправа устроена выше станицы, въ четырехъ или пяти верстахъ, гдѣ мы и переправились на правый берегъ. Въ 10 верстахъ отъ переправы, за небольшимъ переваломъ, находился Чеченскій аулъ, при горячемъ сѣрномъ источникѣ, и противъ аула построено укрѣпленіе, названное Горячеводскомъ. Въ укрѣпленіи этомъ расположена была рота 43 Егерьскаго полка подъ командою капитана графа Бельфорта *), который, хотя родомъ Французъ, но кромѣ Русскаго языка не зналъ никакого, получивъ воспитаніе во второмъ кадетскомъ корпусѣ.

Все что̀ мнѣ удалось читать печатнаго объ арестѣ Грибоѣдова, все совершенно не такъ. Видно, что это пересказанныя рѣчи. Я буду говорить, какъ очевидный свидѣтель и ручаюсь за сказанное.

Рано утромъ мы выступили изъ Червленной и часу въ одиннадцатомъ подошли къ Горячеводскому укрѣпленію, гдѣ назначенъ былъ привалъ съ тѣмъ, чтобы стянуть обозъ съ тяжестями, который по случаю переправы очень растянулся.

Гостепріимный хозяинъ графъ Бельфортъ, ожидая насъ, приготовилъ цѣлаго барана, жарившагося на шашлыкѣ. Мы выпили водки или покавказски спирту (когда его разводить!) и принялись за гомерическій завтракъ на открытомъ воздухѣ. День былъ солнечный и довольно теплый. Исправлявшій должность дежурнаго штабъ-офицера, гвардіи капитанъ Талызинъ первый увидалъ, на перевалѣ отъ Терека, тройку въ саняхъ, окруженную 20 или 30 казаками и первый сказалъ: „Господа, вѣдь это долженъ быть фельдъегерь!" Такъ и вышло. Черезъ полчаса подскакали сани, изъ которыхъ выскочилъ фельдъегерь, съ одной сумкой на груди. Онъ назвалъ себя Уклонскимъ **). Мы познакомились и предложили ему водки. Онъ выпилъ нашего спирту и принялся съ нами за шашлыкъ. Талызинъ, какъ ловкій человѣкъ, предложилъ другую чарочку. Тотъ отказался. Успѣли принести отъ маркитанта шампанскаго; фельдъегерь тоже отказался, сказавъ, что, не пьетъ виноградныхъ винъ. Хотѣли угостить чѣмъ бы нибудь еще, но онъ ото всего отказывался. Лошадь верховая ему была готова.

Ударили подъемъ, и мы пошли въ крѣпость Грозную. Погода сдѣлалась сумрачная, да и на душѣ было невесело: давило какое-то предчувствіе.

Подойдя къ Шульцову кургану (а теперь называется Ермоловскимъ; это, кажется, въ 4-хъ или 3-хъ верстахъ отъ крѣпости), мы согласились поѣхать впередъ отряда. Талызинъ, Сергѣй Ермоловъ и я, пригласивши съ собой фельдъегеря, пустились на

*) Былъ комендантомъ въ Моздокѣ и умеръ въ чинѣ полковника.

**) Былъ впослѣдствіи почтмейстеромъ въ Гатчинѣ.

рысяхъ и прямо къ дому коменданта крѣпости Грозной. Алексѣй Петровичъ сидѣлъ за большимъ столомъ и, какъ теперь помню, раскладывалъ пасьянсъ. Съ боку возлѣ него сидѣлъ съ трубкою Грибоѣдовъ. Когда мы доложили, что прибыли и привезли фельдъегеря, генералъ немедленно приказалъ позвать его къ себѣ. Уклонскій вынулъ изъ сумки одинъ тонкій конвертъ отъ начальника главнаго штаба Дибича. Генералъ разорвалъ конвертъ; бумага заключала въ себѣ нѣсколько строкъ, но когда онъ читалъ, Талызинъ прошелъ сзади креселъ и поймалъ на глазъ фамилію Грибоѣдова. Алексѣй Петровичъ, пробѣжавши быстро бумагу, положилъ въ боковой карманъ сюртука и застегнулся. Потомъ онъ началъ расспрашивать Уклонскаго о событіяхъ въ Петербургѣ. Очень толково и послѣдовательно разсказывалъ Уклонскій. Я не обратилъ вниманія на Грибоѣдова; но Талызинъ мнѣ послѣ сказывалъ, что онъ сдѣлался блѣденъ какъ полотно. Такъ какъ это было зимой, то мы были въ черкескахъ и полушубкахъ. Я вышелъ, чтобы узнать, гдѣ наша квартира, которая была отведена на насъ четверыхъ почти что рядомъ, въ офицерскомъ флигелѣ: мнѣ, подполковнику Жихареву, Сергѣю Ермолову и Грибоѣдову. Это была квартира капитана Козловскаго (послѣ дослужившагося до чина полнаго генерала, Викентія Михайловича, бывшаго предсѣдателемъ Кавказскихъ вечеровъ въ Петербургѣ).

Въ сѣняхъ встрѣтилъ я Талызина, который отдавалъ приказаніе одному изъ ординарцевъ генерала, урядннку Кавказскаго казачьяго полка Разсвѣтаеву, чтобы онъ скакалъ въ обозъ, отыскалъ арбу Грибоѣдова и Шимановскаго и чтобы гналъ въ крѣпость. Я спросилъ его пофранцузски: на что это? Талызинъ отвѣчалъ: „Послѣ скажу!“

Когда я возвратился къ А. П. Ермолову, снявши свой полушубокъ, то Грибоѣдова не было въ комнатѣ. Онъ выходилъ куда-то, но скоро возвратился, былъ повидимому покоенъ и слушалъ разсказы Уклонскаго, который назвалъ много арестованныхъ. Приказано было подавать ужинъ, къ которому генералъ велѣлъ пригласить прибывшаго передъ тѣмъ дежурнаго по отряду артиллеріи полковника Мищенка, пріѣхавшаго съ донесеніемъ, что голова колонны прибыла и расположена бивуакомъ около крѣпости, а равно и фельдъегеря Уклонскаго. Походный ужинъ не затѣйливъ: два блюда; стало быть онъ недолго продолжался, но росказни Уклонскаго заставили просидѣть за столомъ лишнее время, а можетъ быть и нужно было продлить ужинъ для другихъ цѣлей. Генералъ послѣ ужина сиживалъ за столомъ всегда подолгу; тутъ бывали разные шутки, росказни и анекдоты; но на сей разъ ничего подобнаго не было, и когда мы встали, и люди убрали посуду, то генералъ, обратившись ко всѣмъ, сказалъ: „Господа, вы съ походу вѣроятно спать хотите, то покойной ночи!“ Всѣ стали расходиться.

Подъ квартиру намъ отведена была одна большая комната, но безъ всякой мебели; намъ постлано было на полу и чтобы удер-

жать подушки, наши переметные чемоданы были приставлены къ головамъ. Такъ было и у постели Грибоѣдова.

Мы съ Жихаревымъ раздѣлись и легли. Сергѣй Ермоловъ раздѣвался, но по обыкновенію спорилъ съ Грибоѣдовымъ и защищалъ Москву, которую Грибоѣдовъ, какъ и всегда, клеймилъ своими сарказмами. Грибоѣдовъ не раздѣвался. Вдругъ отворяются двери, и является дежурный по отряду полковникъ Мищенко, но уже въ сертукѣ и шарфѣ, точно такъ и дежурный штабъ-офицеръ Талызинъ; а за ними фельдъегерь Уклонскій. Мищенко подошелъ къ Грибоѣдову и сказалъ ему: „Александръ Сергіевичъ, воля Государя Императора, чтобы васъ арестовать. Гдѣ ваши вещи и бумаги?" Грибоѣдовъ весьма покойно показалъ ему на переметные чемоданы, стоявшіе въ головѣ нашей постели. Потащили чемоданы на средину комнаты. Начали перебирать бѣлье и платье и наконецъ въ одномъ чемоданѣ на днѣ нашли довольно толстую тетрадь. Это было Горе отъ ума. Мищенко спросилъ, нѣтъ ли еще какихъ бумагъ. Грибоѣдовъ отвѣчалъ, что больше у него бумагъ нѣтъ, и что все его имущество заключается въ этихъ чемоданахъ. Переметные чемоданы перевязали веревками и наложили печати Мищенко, Талызинъ и Уклонскій, у котораго оказалась при часахъ сердоликовая печать. Потомъ полковникъ Мищенко сказалъ Грибоѣдову, чтобы онъ пожаловалъ за нимъ. Его перевели въ другой офицерскій домикъ, гдѣ уже были поставлены часовые у каждаго окна и у двери.

Какъ мы ни устали, но провели эту ночь почти что безъ сна.

На утро мы проводили Грибоѣдова до кургана. Прощаясь, онъ повторялъ намъ: „Пожалуста не сокрушайтесь, я скоро съ вами увижусь". Такъ и было: онъ пріѣхалъ назадъ въ Тифлисъ изъ Петербурга въ началѣ Сентября этого же года.

Тутъ нужно возвратиться къ арбѣ съ нашими вещами. Урядникъ Разсвѣтаевъ ловко исполнилъ возложенное на него порученіе. Онъ отыскалъ арбу, вывелъ ее изъ колонны и заставилъ быковъ скакать, такъ что очень скоро прибыли наши люди къ назначенному намъ флигелю. Тутъ встрѣтило нашихъ людей приказаніе елико возможно скорѣе сжечь всѣ бумаги Грибоѣдова, оставивъ лишь толстую тетрадь—Горе отъ ума. Камердинеръ его Алексаша хорошо зналъ бумаги своего господина; онъ этимъ и руководствовалъ, и не болѣе какъ въ полчаса времени все сожгли на кухнѣ Козловскаго, а чемоданы поставили на прежнее мѣсто въ арбу.

Такъ совершилось это важное для Грибоѣдова событіе, и потому-то онъ намъ на прощаньи съ такой увѣренностію говорилъ: „Я къ вамъ возвращусь". Сего конечно не случилось бы, если бы бумаги его уцѣлѣли. Да это дѣло прошлое; но нужно бы Грибоѣдову это помнить и быть благодарнымъ. Но не такъ вышло, а совершенно противное.

Въ Сентябрѣ 1826 года я былъ командированъ по службѣ на Кавказскую линію. Въѣзжая на казачій постъ въ Коди, я встрѣтилъ Грибоѣдова, на его обратномъ пути. Изъ Москвы онъ ѣхалъ вмѣ-

стѣ съ Денисомъ Васильевичемъ Давыдовымъ. Долго я просидѣлъ съ ними; но этотъ случай подробно разсказанъ Денисомъ Васильевичемъ въ его Запискахъ, изданныхъ въ Лейпцигѣ *). Говорено было немало, да ума-разума не стало! Старинная поговорка.

Послѣднее слово о Грибоѣдовѣ. Его товарищи не любили; у него былъ характеръ непостоянный, и самолюбіе неограниченное. Вотъ для образца одинъ случай. Когда, по пріѣздѣ въ станицу Червленную, онъ еще жилъ у меня въ хатѣ, разъ приходитъ къ намъ Сергѣй Ермоловъ и, разумѣется, разговоръ перешелъ на Москву. Ермоловъ хорошо зналъ по Москвѣ Степана Никитича Б.....ва и спросилъ Грибоѣдова, какъ онъ могъ съ этимъ увальнемъ и тюфякомъ такъ подружиться? Грибоѣдовъ съ живостію отвѣчалъ: „Это потому, что Б.....въ первый сталъ меня уважать“. А потомъ онъ же вывелъ этого своего друга на сцену въ Горѣ отъ ума въ лицѣ Платона Михайловича.

Изо всѣхъ дѣйствовавшихъ лицъ въ настоящемъ событіи я одинъ остался въ живыхъ, и что̀ написалъ, то написалъ вѣрно.

ИЗЪ ДНЕВНИКОВЪ ВАРНГАГЕНА ФОНЪ-ЭНЗЕ.

Біографическія свѣдѣнія о Варнгагенѣ фонъ-Энзе.

Прусскій тайный посольскій совѣтникъ Варнгагенъ-фонъ-Энзе родился въ 1785 г. въ Дюссельдорфѣ и обучался медицинѣ, философіи и классической литературѣ въ Берлинскомъ университетѣ. Въ 1809 г., подъ вліяніемъ благородныхъ порывовъ, эпизодически одушевившихъ населеніе Австріи, Варнгагенъ опредѣлился въ Австрійскую военную службу и за сраженіе при Асперне былъ произведенъ въ офицеры. Послѣ Вѣнскаго мира, состоя адъютантомъ принца Бентгейма, которому поручены были дипломатическія дѣла, онъ посѣтилъ нѣсколько Европейскихъ дворовъ, и между прочими дворъ Наполеона (1810). Когда Австрія приняла участіе въ походѣ противъ Россіи, Варнгагенъ оставилъ Австрійскую службу, а въ 1813 году поступилъ въ Русскую, съ чиномъ капитана, и участвовалъ въ подвигахъ извѣстнаго партизана Теттенборна. Тутъ онъ познакомился со многими Русскими людьми (между прочими съ молодымъ тогда графомъ П. Х. Граббе, котораго называетъ въ Запискахъ своихъ героическою натурою). По окончаніи войны съ Наполеономъ, приглашенный Прусскимъ правительствомъ, Варнгагенъ перенесъ свою дѣятельность на дипломатическое поприще и, состоя при государственномъ канцлерѣ Гарденбергѣ, принималъ участіе въ занятіяхъ Вѣнскаго конгресса. Окончилъ онъ свое служебное поприще въ должности Прусскаго посланника при Баденскомъ дворѣ въ 1819 г. и съ того времени, проживая по большой части въ

*) Тутъ разсказано, какъ Грибоѣдовъ уклонился отъ А. П. Ермолова и передался на сторону его счастливаго соперника Паскевича. *П. Б.*

Берлинѣ, посвятилъ себя исключительно литературнымъ занятіямъ [1]). Варнгагенъ былъ женатъ на извѣстной своимъ умомъ и образованіемъ Рахели Маркусъ, урожденной Левинъ, крещеной Еврейкѣ. Въ ея гостиной собирались лучшіе умы Берлина. Недавно изданная переписка ея (1808—1812) съ Варнгагеномъ представляетъ много интереснаго.

Довольно многочисленные литературные труды Варнгагена принадлежатъ преимущественно къ біографіямъ и военной исторіи. Вотъ главнѣйшія изъ нихъ: Geschichte der Kriegszüge Tettenborn's 1814.—Biographische Denkmäle 1824—1830.—Leben des Generals Seidlitz 1835.—Leben der Königinn v. Preussen Sophie Charlotte 1837.—Leben des Feldmarschall's Keith 1844.—Denkwürdigkeiten и vermischte Schriften 1843—1846. Имъ также изданы весьма интересныя, къ нему писанныя, письма А. фонъ Гумбольта. Варнгагенъ писалъ также много критическихъ статей и разборовъ. Сверхъ того, онъ долгое время былъ постояннымъ сотрудникомъ Augsburger Allgemeine Zeitung, лучшей въ то время Нѣмецкой политической газеты, а въ послѣдствіи Берлинской National Zeitung. Его „Tagebücher" или Дневники, изъ которыхъ мы сообщаемъ здѣсь небольшое извлеченіе, были изданы уже послѣ смерти его, племянницею его Людмилою Асингъ.

Главными достоинствами въ произведеніяхъ Варнгагена фонъ-Энзе должно признать обиліе интересныхъ фактовъ, свидѣтельствующее о наблюдательности автора и о его близкихъ связяхъ и сношеніяхъ съ современными знаменитостями, а также рѣдкую способность изображать легко и занимательно предметы разнороднаго интереса и достоинства. Нѣкоторые критики даже сравниваютъ біографическій талантъ Варнгагена съ талантомъ Плутарха. Слогъ его, относительно сжатости и образности, есть удачное подражение слогу Гёте.

Чтó касается до политическихъ убѣжденій Варнгагена, то онъ былъ либераломъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Если въ этомъ направленіи можно сдѣлать ему упрекъ, то развѣ въ чрезмѣрномъ обожаніи Французскихъ конституціонныхъ учрежденій; но кто же изъ передовыхъ людей, въ періодъ неограниченнаго господства системы Меттерниха, не увлекался Франціею? О политическихъ вѣрованіяхъ автора всего вѣрнѣе можно судить по слѣдующимъ признаніямъ, которыя мы встрѣчаемъ въ его Дневникахъ: „Отъ революцій всегда ожидаютъ, что онѣ могутъ и должны водворить на землѣ золотой вѣкъ; но исторія ничѣмъ не подтверждаетъ основательности подобнаго требованія. Революціи суть не что иное какъ шаги всемірной исторіи. Исторія не знаетъ другаго хода, какъ шагъ за шагомъ, и лишь послѣдній шагъ можетъ привести къ цѣли; но всякій прогрессъ приноситъ какую нибудь пользу". Въ другомъ мѣстѣ онъ изъясняетъ свои убѣжденія такимъ оригинальныхъ образомъ: „Одна дама спросила меня сегодня (1840 г.): трудно понять, чтó я такое, язычникъ или христіанинъ, монархистъ или республиканецъ; ибо мои убѣжденія выражаются во всѣхъ тонахъ, и можно вывести изъ нихъ любое заключеніе. На такое вторженіе въ духовную мою область замѣтилъ я этой госпожѣ, что, вѣроятно, мои убѣжденія ей не совсѣмъ неизвѣстны: ибо прежде чѣмъ рѣшиться предложить человѣку подобный вопросъ, нужно бы убѣдиться, что я такая личность, которой можно его предложить; а это убѣжденіе въ возможности равнозначуще полному profession de foi.

[1]) Въ 1849 г. отклонилъ онъ сдѣланное ему министерствомъ Пфуля предложеніе быть министромъ иностранныхъ дѣлъ; тогдашніе правительственные принципы не согласовались съ образомъ его мыслей.

Что же было мнѣ ей отвѣчать? Не распространяться же о такой простой истинѣ, что во всѣхъ проявленiяхъ духовнаго мiра можно любить ихъ идеальную форму и ненавидѣть реальную [2])". „Моимъ девизомъ, продолжаетъ Варнгагенъ, могли бы служить слѣд. слова: *Въ процессѣ образованiя новыхъ формъ необходима полная свобода духа.* Для Пруссiи я уже давно избралъ девизомъ: *Стремиться къ свободѣ посредствомъ просвѣщенiя народа*".

Теперь обратимся къ „Дневникамъ" Варнгагена. Это не что иное какъ отрывочныя и краткiя замѣтки и разсужденiя о событiяхъ дня и лицахъ, болѣе или менѣе пользующихся извѣстностiю. Авторъ первоначально не предназначалъ ихъ для печати и, какъ мы уже сказали, они были изданы его племянницей послѣ его смерти. Весьма естественно, что большая часть содержанiя „Дневниковъ" посвящена чисто-Прусскимъ и Нѣмецкимъ интересамъ и особенно безпокойному перiоду царствованiя короля Фридриха Вильгельма IV; но мѣстами встрѣчаемъ мы въ этихъ Дневникахъ факты и личности, которые заслуживаютъ вниманiя болѣе обширнаго круга читателей. Рѣдкiй изъ Русскихъ туристовъ или ученыхъ и другихъ дѣятелей 30 и 40 годовъ уѣзжалъ изъ Берлина, Киссингена, Гомбурга, не заглянувъ къ Варнгагену и не сообщивъ ему дурныхъ или хорошихъ новостей изъ своего отечества. Между такими посѣтителями встрѣчаемъ мы дорогiя намъ имена Жуковскаго, князя Одоевскаго, А. И. Тургенева, Ѳ. Тютчева, Грановскаго и др. Искали его интересной бесѣды также Великiя Княгини Марiя Павловна и Елена Павловна. Такой обширный и разнообразный кругъ знакомства давалъ Варнгагену возможность заносить въ свои „Дневники" множество закулисныхъ фактовъ, анекдотовъ о лицахъ и событiяхъ, которые, не смотря на нѣкоторую тенденцiозность автора, составляютъ драгоцѣнный историческiй матерiалъ. Нельзя не согласиться съ однимъ нашимъ историческимъ писателемъ, проф. Брикнеромъ, который, сравнивая „Записки Храповицкаго" съ „Дневникомъ Варнгагена", замѣтилъ, что даже занесенныя въ нихъ сплетни имѣютъ для историка значенiе матерiала. Самъ авторъ отзывается о своихъ „Дневникахъ" такимъ образомъ: „Я нахожу, что главное достоинство ихъ, не смотря на *весь балластъ* ихъ сопровождающiй, состоитъ въ ихъ *непосредственности* — достоинство, которое не въ состоянiи былъ бы имъ придать никакой кропотливый и долговременный трудъ".

Что касается сообщаемыхъ нами выдержекъ изъ „Дневниковъ", то мы, не считая себя въ правѣ сортировать ихъ на интересныя и неинтересныя, правдоподобныя и неправдоподобныя, передали изъ нихъ все то, что̀ маломальски касается Россiи и Русскихъ людей и можетъ быть напечатано. Мы также не считали нужнымъ исправлять или оговаривать встрѣчающiеся въ этихъ выдержкахъ промахи и погрѣшности, столь обыкновенные въ иностранныхъ сочиненiяхъ, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ слишкомъ очевидны и могутъ быть исправлены самимъ читателемъ, другiе же потребовали бы слишкомъ пространныхъ объясненiй, не подходящихъ къ размѣрамъ самого текста. *А. Чумиковъ.*

I.

Выдержки изъ Дневниковъ Варнгагена фонъ-Энзе.

1835, Августа 30. Жалкая комедiя безъ цѣли и результата! Пустая забава, выставка солдатъ! Нѣсколько выписанныхъ отсюда (изъ Берлина) фокусниковъ, танцовщиковъ и Вѣнскiй скрипачъ Штраусъ—вотъ предста-

[2]) Другими словами: ненавидѣть неудачное осуществленiе идеала. А. Ч.

вители Калишскихъ эстетическихъ наслажденій. Гадко! Между монархами не замедлятъ возникнуть нерасположеніе, порицаніе; арміи будутъ коситься одна на другую. Въ концѣ концовъ издержки будутъ уплачены, и вся затѣя предана забвенію [1]).

1836, 18 Іюня. Посѣщеніе Мельгунова, изъ Москвы. Русскій, одаренный большимъ умомъ; дѣльный Русскій, архи-русскій, такой, какіе желательны для Германіи. Былъ здѣсь недавно князь Мещерскій, личность весьма извѣстная въ Веймарскомъ кружкѣ [2]), человѣкъ благородныхъ чувствъ и высокаго образованія. Убѣдившись, что служебная карьера не представляетъ его дѣятельности завидной цѣли и что его умственныя способности требуютъ существенной пищи, онъ рѣшился посвятить себя интересамъ промышленнымъ и другимъ общественнымъ вопросамъ и учрежденіямъ. Однимъ словомъ, истый Сенъ-Симонистъ, хотя можетъ быть и пренебрегаетъ этимъ словомъ. Онъ сообщаетъ свои проекты отчасти и непосредственно Императору, который покровительствуетъ ему.

1837, 30 Января. Разсуждали о непріятностяхъ дипломатической карьеры. На ней дѣйствуютъ всегда окольными путями, и нерѣдко само правительство выдаетъ своихъ чиновниковъ. Даже императоръ Николай, извѣщая Баранта [3]), человѣка, на котораго смотрѣли какъ на недруга, о переводѣ Поццо ди Борго (изъ Парижа) на постъ посла въ Лондонъ, выразился о немъ: Je vous ai délivré d'un grand intrigant. (Я освободилъ васъ отъ большаго козподѣя).

1837, 10 Марта. Пожалованіе сюда осенью къ маневрамъ 3000 Русскихъ возбуждаетъ сильное неудовольствіе. Это начало, котораго продолженіе и конецъ трудно предвидѣть; примѣръ сомнительнаго достоинства, котораго бы лучше вовсе не подавать.

1837, 11 Іюня. Одинъ изъ слушателей Фридриха Раумера [4]), Полякъ, услышавъ на лекціяхъ нѣсколько фразъ о раздѣлѣ Польши, сообщилъ ихъ на свою родину; письмо попало въ руки Русской полиціи, а императоръ Николай передалъ содержаніе онаго правительствамъ Пруссіи и Австріи, требуя отъ первой, чтобы она приняла мѣры противъ безчинствъ, проповѣдуемыхъ съ каѳедры.

1837, 22 Іюня. Дѣло Фр. Раумера надѣятся уладить. За нѣкоторыя изъ употребленныхъ имъ выраженій онъ много-много что заслужилъ начальническое замѣчаніе; другія же присочинены самимъ Полякомъ-корреспондентомъ. Но даже самыя крупныя изъ нихъ могли быть истолкованы въ дурную сторону лишь злонамѣренностію или смѣшнымъ недоразумѣніемъ со стороны Русскаго полицейскаго вѣдомства.

1838, 21 Апрѣля. Вечеръ у г-жи Флоровой [5]), гдѣ встрѣтилъ Невѣрова [6]); большія пренія о такъ называемой духовной собственности и т. п.

1838, 9 Іюня. Мое лѣто услаждаю я чтеніемъ Пушкина. Я наполняю имъ все дообѣденное время, а иногда и вечеръ. Языкъ его имѣетъ для

---

[1]) Относится къ Калишскимъ маневрамъ, въ которыхъ участвовали Русскія войска совмѣстно съ Прусскими.

[2]) Въ кружкѣ Великой Княгини Маріи Павловны.—Князь Элимъ Петровичь Мещерскій былъ по матери племянникъ военнаго министра князя Чернышева.

[3]) Французскій посланникъ при Русскомъ дворѣ.

[4]) Профессоръ Берлинскаго университета.

[5]) Жена переводчика „Космоса".

[6]) Я. М. Невѣровъ, въ настоящее время попечитель Кавказскаго учебн. округа.

меня какую-то притягательную силу. Какая прекрасная литература нѣкогда процвѣтетъ на этомъ языкѣ! Въ этомъ отношеніи ожидаетъ Россію неизмѣримо-богатая будущность, и я ее какъ бы предчувствую. Впередъ они и мы! Пусть каждый народъ стремится къ своему совершенству, но не мѣшаетъ дѣлать тоже самое другому.

1838, 18 Сентября. Сильный ропотъ на запрещеніе императоромъ Николаемъ національнаго Польскаго костюма.

1839, 8 Мая. Пришли Невѣровъ, князь Вяземскій и Валуевъ. Говорили о Гансѣ [7]), о Русскихъ и Французскихъ дѣлахъ. Князь Вяземскій—Русскій съ изящными манерами и мягкимъ характеромъ, только слишкомъ неблагопріятно относится къ Французамъ и ихъ свободнымъ учрежденіямъ [8]).

Киссингенъ 1839, 20 Іюня. Одушевленный разговоръ съ Тургеневымъ [9]) о Шарнгорстѣ [10]), объ исторіи, чудесахъ, природѣ, объ образованіи и общественности. Настроеніе религіозное въ Тургеневѣ соединено съ рѣшительнымъ стремленіемъ къ просвѣщенію и гуманности: „нравственность и Провидѣніе".

Киссингенъ, 1839, 22 Іюня. (Послѣ встрѣчи съ Великою Княгинею Маріей Павловной). Не желая открыто порицать бракъ Великой Княгини Маріи Николаевны съ герцогомъ Лейхтенбергскимъ, Великая Княгиня, тѣмъ не менѣе, не скрываетъ, что этотъ союзъ ей не нравится. Какъ мнѣ кажется, ея гордость порядочно страдаетъ: ибо она не утерпѣла, чтобы, по этому случаю, не вспомнить съ горечью о бракѣ Великаго Князя Константина Павловича.—На этотъ разъ и Тургеневъ также проповѣдуетъ о гордости и родовитости. Онъ видитъ въ дѣйствіяхъ императора лишь ничѣмъ не связанную личную власть, тогда какъ ему желательно было бы видѣть ее связанною хоть бы предразсудкомъ и давнимъ обычаемъ. Я же думаю, что когда уже существуетъ подобная власть, то необходимо ей предоставить свободу пользоваться присущей ей силой. Что̀ относится до меня, то я радуюсь этому брачному союзу, потому что онъ основанъ на свободномъ взаимномъ чувствѣ; радуюсь также потому, что имъ разрушается предразсудокъ, именно тамъ, гдѣ господство его не знало границъ. Не одобряю систему оппозиціи Тургенева: ибо тамъ я не могу болѣе видѣть врага, гдѣ врагъ сходится со мною во взглядѣ на вещи.—Послѣ обѣда Тургеневъ читалъ мнѣ стихотвореніе Вяземскаго „Самоваръ".

Киссингенъ, 1839, 24 Іюня. Часто упоминаютъ о Великой Княгинѣ Маріи Павловнѣ, разсказываютъ о ней разныя частности; никто не отзывается о ней дурно, но и хвалить ее кромѣ меня никто не хвалитъ. При столькихъ дѣйствительно-отличныхъ душевныхъ качествахъ и благихъ намѣреніяхъ, при ея умѣньи обращаться съ людьми и ея оригинальномъ умѣ, такое равнодушіе рѣшительно трудно было понять. Сегодня я нашелъ ключъ къ этой загадкѣ: герцогиня не довольно развлекаетъ своихъ собесѣдниковъ. Гораздо выгоднѣе для нея было бы, если бы она чаще давала

---

[7]) Знаменитый въ то время профессоръ правовѣдѣнія, поклонникъ Гегеля и антагонистъ исторической школы, основанной юристомъ Савиньи. Гансъ отрицалъ въ Славянскомъ племени способность самостоятельнаго творчества.

[8]) Т. е. къ тогдашнимъ Французскимъ предубѣжденіямъ противъ Россіи и недостойной игрѣ въ свободу, за которую сама исторія осудила правительство Луи-Филиппа. *П. Б.*

[9]) Александромъ Ивановичемъ.

[10]) Прусскій генералъ и военный писатель, ум. въ 1839 г.

волю своимъ чувствамъ, симпатіи и антипатіи, хотя бы несправедливымъ; это по крайней мѣрѣ занимало бы всѣхъ.

Киссингенъ, 1839, 25 Іюня. Великая Княгиня недовольна романомъ Кюстина Ethel, потому что въ немъ мужъ любитъ свою свояченицу; а между тѣмъ защищаетъ Wahlverwandschaften (родство по избранію) Гёте! Источникъ такого вреднаго для нея пуританизма, должно быть, находится въ придворномъ этикетѣ, на который она, по общей жалобѣ, обращаетъ слишкомъ много вниманія.

Киссингенъ, 1839, 30 Іюня. Княгиня В. заболѣла; вчерашній вечеръ засидѣлись у нея Тургеневъ и Муравьевъ, и разговоръ съ ними взволновалъ ее. Тò что Тургеневъ сообщилъ изъ этого разговора испортило и намъ также все утро... Какъ для насъ Пруссаковъ 1806 годъ [11]) играетъ роль трагическаго пугала, къ которому мы не перестаемъ обращать наши помышленія и отъ котораго некуда намъ скрыться, точно такое значеніе имѣетъ для Русскихъ, по видимому, 1825-ый годъ [12]): они не перестаютъ сокрушаться, анализировать и дополнять это печальное событіе. Но 1806-му году въ скоромъ времени противосталъ 1813-ый, а для Русскихъ не то. По случаю бракосочетанія Великой Княгини Маріи Николаевны ожидаютъ амнистіи въ большихъ размѣрахъ.

Киссингенъ, 1839, 3 Іюля. Замѣтно было, какъ Великая Герцогиня одушевлена была желаніемъ быть со всѣми, какъ можно болѣе, любезною; она мнѣ наговорила много лестнаго; но къ несчастію была необыкновенно туга на ухо, такъ что нашъ разговоръ совершенно не клеился. Тоже самое было и во время обѣда: говорила она и гости всѣ на авось, не слушая отвѣтовъ другъ друга. Она, между прочимъ, замѣтила мнѣ, что я слишкомъ высоко ставлю „Онѣгина“ Пушкина. Вообще она не жалуетъ Пушкина и какъ поэта, и какъ человѣка. Имъ бы хотѣлось секвестровать поэта въ пользу государства и двора! Мнѣ жаль Великой Герцогини: она достойна того, чтобы судить иначе. Если бы не ея глухота, я бы все это высказалъ ей, вступилъ бы съ ней въ преніе и, можетъ, съумѣлъ многія изъ ея мыслей направить въ другую сторону. Крайне утомленный вышелъ я отъ нея въ $9^1/_2$ часовъ.

Киссингенъ, 1839, 12 Іюля. Шарнгорстъ въ полномъ восторгѣ отъ В. Кн. Маріи Павловны, которой онъ имѣлъ честь откланяться. Долго распространялся онъ о ея необыкновенной пріятности, неподдѣльныхъ чувствахъ дружелюбія, недосягаемой деликатности; увѣрялъ, что никогда онъ ничего подобнаго не встрѣчалъ; а Шарнгорстъ не изъ тѣхъ людей, которыхъ бы можно было подкупить льстивыми рѣчами.

Киссингенъ, 1840, 25 Іюня. Съ Комовскимъ длинныя разсужденія о философіи, исторіи, литературѣ, Шеллингѣ и Гегелѣ, о Гёте, Языковѣ и Русскихъ порядкахъ.—О походѣ въ Хиву Русскіе нехорошо отзываются; полагаютъ, что императоръ, а за нимъ и Перовскій, слишкомъ поспѣшили. Но походъ этотъ когда нибудь повторится при бòльшихъ предосторожностяхъ.

Киссингенъ, 1840, 23 Іюля. Отецъ нынѣшняго Русскаго вице-канцлера гр. Нессельроде говорилъ про него: „онъ имѣетъ желаніе сдѣлаться дипломатомъ, но не обладаетъ необходимыми для того качествами; внутри

---

[11]) Послѣ пораженія Прусской арміи при Іенѣ и Ауэрштедѣ, существованіе Гогенцоллернской династіи висѣло на волоскѣ.

[12]) Параллель довольно неудачная: чтò тутъ общаго между народнымъ бѣдствіемъ послѣ непріятельскаго погрома и неудавшеюся затѣей декабристовъ?

его не сидятъ черти (Teufel im Leibe), а безъ такихъ чертей дипломатъ никуда не годенъ". Въ то время отецъ уже находился на Русской службѣ— посланникомъ въ Гагѣ [13]).

Берлинъ, 1840, 8 Октября. Каницъ (впослѣдствіи Прусскій министръ) сообщилъ мнѣ остроту Русскаго Н. „Je ne dis pas, сказалъ онъ ему, que le Grand-Duc Constantin m'aime, eh non! Mais il aime à avoir un animal comme moi dans sa ménagerie". (Я не говорю, чтобы Великій Князь меня любилъ, нѣтъ; но ему пріятно имѣть въ своемъ звѣринцѣ подобное мнѣ животное).

1840, 19 Октября. Я еще лежалъ въ постели, когда ко мнѣ явился Бакунинъ. Письмо отъ Невѣрова онъ затерялъ. Кажется, это прекрасный молодой человѣкъ, съ благороднымъ и либеральнымъ направленіемъ. Онъ желаетъ посвятить себя здѣсь преимущественно изученію философіи Гегеля [14]).

1841, 2 Мая. Были г-да Скачковъ, Катковъ и Волковъ. Въ Россіи безпокойствія: крестьяне требуютъ свободы, и императоръ готовъ дать ее, но затрудняется въ способѣ и средствахъ. Въ ожиданіи свободы, крестьяне мѣстами рѣжутъ своихъ помѣщиковъ.—Тотъ же императоръ, который помышляетъ о такой либеральной реформѣ въ своемъ государствѣ, не одобряетъ либеральныхъ проектовъ нашего короля (Фридриха Вильгельма IV). Mon frère de Prusse se perdra (мой Прусскій братъ погубитъ себя) сказалъ онъ недавно

1841, 5 Мая. Императоръ (Русскій) разсерженъ на короля за покровительство, оказываемое Польской національности въ Познани.

Эмсъ, 1841, 5 Августа. Посѣщеніе Бакунина съ Языковымъ, братомъ поэта, который находится въ Швальбахѣ. Мельгуновъ [15]), прохворавшій всю зиму въ Вѣнѣ, возвращается опять въ Италію. Статскій совѣтникъ Гречь, къ моему удовольствію, уѣхалъ отсюда.

1843, 29 Сентября. Камергеръ Т. [16]) привезъ мнѣ поклоны изъ Москвы и Петербурга. Онъ увѣрялъ, что Русскіе любятъ меня и благодарны мнѣ. О Кюстинѣ отзывается онъ довольно спокойно; поправляетъ, гдѣ требуется и не отрицаетъ достоинствъ книги [17]). По его словамъ, она произвела въ Россіи огромное впечатлѣніе: вся образованная и дѣльная часть публики согласна съ мнѣніями автора; книгу почти вовсе не бранятъ, напротивъ еще хвалятъ ея тонъ. Будто бы даже самъ генералъ Бенкендорфъ откровенно признался императору, что „monsieur de Custine n'a fait que formuler les idées que tout le monde a depuis longtems sur nous, que nous avons nous-même" (г. Кюстинъ только придалъ форму тѣмъ понятіямъ, которыя всѣ имѣютъ о насъ, и даже мы сами). Однакоже императоръ крайне недоволенъ тѣмъ, что авторъ какъ бы старался вездѣ от-

---

13) Отецъ, кажется, нѣсколько ошибся, ибо вице-канцлеръ принадлежалъ къ числу замѣчательныхъ дипломатовъ Метерниховой школы.

14) Какая противоположность съ позднѣйшимъ характеромъ и дѣятельностью Бакунина!

15) Н. А. Мельгуновъ, который издалъ на Нѣмецкомъ языкѣ исторію Русской литературы новѣйшихъ временъ, подъ заглавіемъ Bilder aus Russland.

16) Кажется, не ошибемся, назвавъ Ѳ. И. Тютчева.

17) Извѣстное сочиненіе Кюстина о Россіи: La Russie en 1839, par le marquis de Custine.

дѣлить интересы государя отъ интересовъ его народа. Съ необычайнымъ знаніемъ дѣла разсказывалъ Т. объ особенностяхъ Русскихъ людей и вообще Славянъ; онъ выказалъ возвышенный историческій взглядъ на старинныя несогласія и борьбу между церквами Латинскою и Греческою, о нарѣчіяхъ, нравахъ и формахъ правленія; сообщилъ о новыхъ открытіяхъ въ области Русской средневѣковой литературы, особенно въ духовной; также по части лѣтописей, пѣсней и былинъ. Все кажется новымъ, какъ было одно время и у насъ съ Нибелунгами, Минезингерами и т. д.

Киссингенъ, 1843, 29 Іюля. Прибыла Великая Княгиня Елена Павловна и явилась на гуляньи. Всѣ устремились посмотрѣть на нее. Мнѣ случилось близко видѣть ее: красавица, взглядъ умный и повелительный (herrscherlich).

1843, 13 Сентября. Тайный совѣтникъ Жуковскій просидѣлъ у меня цѣлыхъ три часа. Онъ провѣряетъ со мной свой переводъ Одиссеи, сдѣланный гекзаметрами; моя обязанность—слѣдить по подлиннику за каждымъ стихомъ. Онъ прочиталъ мнѣ часть первой пѣсни, потомъ изъ Пушкина и проч. Добродушный, словоохотливый старичекъ. Весьма курьозное явленіе представляютъ, при его простосердечіи, подсматривающіе (lauernden), мнительные, улыбающіеся глаза.

1843, 19 Сентября. Разсказываютъ, что обхожденіе Русскаго императора съ королемъ было вѣжливое и ласковое; но въ немъ не было и слѣда довѣрія. Напротивъ, императоръ былъ съ нимъ молчаливъ и сдержанъ, съ принцемъ же Прусскимъ (нынѣшній императоръ Германскій), онъ душевно подружился и провелъ у него нѣсколько часовъ въ откровенной бесѣдѣ.

1843, 26 Сентября. Изъ Познани извѣщаютъ о полученномъ изъ Варшавы увѣдомленіи, что какой-то коллежскій совѣтникъ, вмѣстѣ съ другимъ чиновникомъ, показалъ, что когда они, отставъ отъ свиты императора, выѣзжали изъ Познани въ казенномъ экипажѣ, то былъ ими слышанъ выстрѣлъ, и въ задней части верха экипажа оказались слѣды крупной дроби. Находясь еще въ гостинницѣ, они замѣтили четырехъ лицъ за стаканами вина, говорившихъ попольски, пофранцузски и англійски. Въ самой же Познани ничего не знаютъ объ этомъ происшествіи. Императоръ, какъ было извѣстно всему городу, выѣхалъ тремя часами ранѣе. Должно полагать, что гг. Русскіе чиновники только пожелали придать себѣ болѣе важности. Между тѣмъ эта глупая вѣсть разойдется, и на Поляковъ падутъ новыя подозрѣнія.

1843, 22 Декабря. Какая-то пріѣзжая, княгиня Гол—а посылала за Шеллингомъ съ требованіемъ сдѣлать ей „une courte exposition de son système“ (изложить вкратцѣ свою систему). Когда тотъ приказалъ извиниться нездоровьемъ, то былъ призванъ или присланъ одинъ изъ его адептовъ. Услыхавъ отъ него какой-то кощунственный отзывъ, княгиня вскричала: Ah! quel blasphème, и снова послала за Шеллингомъ, чтобы доказать ему его заблужденіе и сообщить свою собственную, болѣе истинную систему. Студенты смѣются и надъ княгиней, и надъ Шеллингомъ *).

1843, 29 Декабря. Г. фонъ Мадаи [18]) опредѣленъ герцогомъ Нассаускимъ на хорошую должность въ Висбаденѣ. Превосходно! Нѣтъ сомнѣнія что здѣсь постаралась Великая Княгиня Елена Павловна.

---

*) Это была Авдотья Ивановна Голицына (Princesse Nocturne). *П. Б.*

[18]) Въ извѣстной исторіи поднесенія Дерптскими студентами серебряннаго кубка своему любимому ректору Ульману пострадали, кромѣ сго самаго, также профессо-

Гомбургъ, 1844, 12 Августа. Разсуждалъ съ ландграфомъ Гомбургскимъ о Кюстинѣ. Ландграфъ много ѣздилъ по Россіи и во многомъ согласенъ съ Кюстиномъ; но исторію съ Трубецкимъ [19]) онъ находитъ преувеличенною и говоритъ, что все это дѣло представлено въ слишкомъ яркихъ чертахъ.

1844, 27 Сентября. Вчера, вслѣдъ за проф. Прейсомъ, пришелъ князь Павелъ Ливенъ. Онъ произвелъ на меня весьма пріятное впечатлѣніе, очень либерально доказывалъ необходимость для Пруссіи конституціи и т. д. Князь только что получилъ магистра въ Дерптѣ, что̀ даетъ ему въ Россіи право на чинъ, котораго не давало ему его княжеское достоинство. Шутили надъ тѣмъ, что теперь ему открыта служебная дорога.

1844, 28 Іюня. Пріятный сюрпризъ—пріѣздъ Невѣрова. Онъ пріѣхалъ изъ Риги. Множество разсказовъ о себѣ самомъ, литературѣ и политикѣ. Грановскій превосходно принялся на Московской почвѣ; Мельгуновъ женился въ Кобленцѣ. Къ сожалѣнію, Невѣровъ пріѣхалъ сюда только ради своего больнаго единственнаго глаза. Я былъ чрезвычайно радъ его посѣщенію: благородный, дѣльный и истинно-добродушный человѣкъ.

1845, 9 Марта. Дѣвица * разсказывала, что на дняхъ Виллиссенъ читалъ королевѣ мое сочиненіе Kriegsthaten (Военныя дѣянія) и нѣкоторые изъ моихъ переводовъ съ Русскаго. Королева очень хвалила и обѣщала рекомендовать ихъ Русской императрицѣ и спросить ее, извѣстенъ ли ей Русскій подлинникъ этихъ переводовъ. Я отношусь къ этой хвалѣ весьма равнодушно, потому что извѣстно, какъ измѣнчивы придворные вкусы. Читалъ Пиндара и кое-что изъ Лермонтова.

1845, 3 Апрѣля. Посылка отъ князя В.; въ ней новѣйшій Русскій альманахъ съ памятникомъ Крылова, романъ Князь Курбскій въ 4 частяхъ отъ его автора, Бориса Ѳедорова. Поклонъ отъ Петербургскихъ знакомыхъ и ихъ жалобы на всякаго рода стѣсненія: „вездѣ тайна и подозрительность.... задыхаешься“. Императоръ страшно осуждаетъ конституціонные проэкты короля и смотритъ на Пруссію какъ на государство, находящееся въ разложеніи [21]); ожидали даже, что онъ прикажетъ придвинуть къ границѣ войска. Пусть попытается: вся Германія вооружится противъ Россіи за Пруссію.

1845, 14 Мая. Всѣ толкуютъ о назначеніи генерала Рауха посломъ въ Петербургъ, на важнѣйшій постъ—глупѣйшаго человѣка! Впрочемъ я нахожу, что тамъ онъ будетъ менѣе вреденъ, нежели въ Штутгартѣ.

1845, 16 Мая. Отзывы Русскаго императора (онъ теперь въ Варшавѣ, но на сей рядъ наврядъ ли пріѣдетъ сюда) дѣйствуютъ весьма непріятно на короля. Какъ съ Русской, такъ и съ Австрійской стороны употребля-

---

ра Мадаи и Бунге, за то, что первый въ качествѣ секретаря, а второй, деканъ юридическаго факультета, не видѣли въ актѣ поднесенія и принятія подарка нарушенія законовъ. Всѣ трое были высланы изъ Дерпта, что̀ впрочемъ не помѣшало имъ сдѣлать хорошую карьеру: г. Бунге былъ принятъ на службу во II. Отд.-Соб. Е. И. В. Канцеляріи, гдѣ дослужился чина тайн. совѣтника и хорошей пенсіи (проживаетъ въ настоящее время на спокоѣ въ Готѣ); Ульманъ же въ началѣ нынѣшняго царствованія былъ возведенъ въ санъ епископа.

[19]) Какъ извѣстно, Кюстинъ, совершенно неосновательно, упрекаетъ императора Николая въ жестокосердіи, живо обнаружившемся будто бы въ отказѣ на просьбу жены декабриста Трубецкаго дать ея дѣтямъ приличное воспитаніе.

[21]) Далѣе на стр. 73, Варнгагенъ ф. Э. говоритъ, что ему передавалъ о семъ Нерстъ, который это слышалъ въ Петербургѣ отъ самого императора.

ются всѣ средства, чтобы парализовать его порывъ, запутать его волю, растроить и затруднить его.

1845, Гомбургъ, 10 Іюля. Къ намъ подсѣла графиня К.[22]). Я узналъ отъ нея, наконецъ, о судьбѣ милой Розы Потоцкой, моей Парижской знакомки 1810 года: она въ замужствѣ за графомъ Замойскимъ. Разговаривали о Польшѣ, Польскихъ Евреяхъ, Польскихъ поэтахъ. Пресыщенная жизнью въ большемъ свѣтѣ, гр. К. какъ бы возвратилась ко временамъ невинности и наивности. Своимъ быстрымъ и пламеннымъ взглядомъ, болѣе пытливымъ, чѣмъ побѣдоноснымъ, она, повидимому, тотчасъ можетъ разгадать человѣка, но не извлекаетъ изъ этого никакой пользы, ибо приговоры ея всегда дышатъ добродушіемъ. Она все играетъ, но безъ особенной страсти къ игрѣ; мало способна для политической роли, тѣмъ болѣе, что ея положеніе, какъ Польки, замужемъ за Русскимъ, не представляетъ для сего твердой почвы. Очевидно, что умъ ея чувствуетъ недостатокъ въ пищѣ, а безпокойная натура ея недостаточно сильна для борьбы съ обстоятельствами. Она была столь любезна, что обѣщала мнѣ нѣсколько автографовъ: увижу, сдержитъ ли свое слово.

1845, Гомбургъ, 15 Іюля. Визитъ двухъ Русскихъ, именъ же ихъ не могу припомнить. Они знаютъ князя Одоевскаго и очень обрадовались, увидавъ на моемъ столѣ Лермонтова. Увѣряли, что мое имя пользуется въ Россіи большою извѣстностію; разумѣется, такой отзывъ нѣсколько преувеличенъ.

Гомбургъ, 1845, 23 Іюля. Здѣсь находится Убри, Русскій посланникъ при Германскомъ сеймѣ. Имя его связано съ когда-то происходившими важными переговорами; въ настоящее время это отживиій и малозамѣтный дипломатъ; толстый старикашка, больной и отупѣлый.

Гомбургъ, 1845, 26 Іюля. Слышалъ анекдотъ, какъ на Вѣнскомъ конгрессѣ между географическими картами, сообщенными Русскимъ кабинетомъ Прусскому, нашлась такая, на которой Русскія границы были нанесены вплоть до самой Эльбы. Это обстоятельство встревожило короля до такой степени, что онъ довольно долго никого не принималъ; но потомъ, возвращая принесшему офицеру карту, съ досадою вымолвилъ: „ничего болѣе, какъ глупая кабинетская хвастливость (Cabinetsprahlerei)".

Гомбургъ, 1845, 28 Іюля. Корефъ [23]) разсказывалъ мнѣ, что графиня Эдлингъ, урожд. Стурдза, сообщала ему о существованіи собственноручныхъ Записокъ Екатерины II, въ которыхъ она съ рѣзкою откровенностію разсказываетъ о разныхъ событіяхъ своей жизни и, между прочимъ, подробно описываетъ паденіе супруга, совершившееся при такихъ обстоятельствахъ, которыя много говорятъ въ ея пользу. Когда-то императрица Елисавета Алексѣевна одолжила графинѣ, на одну недѣлю, одинъ томъ этихъ мемуаровъ, переплетенный въ малиновый бархатъ и въ металлической оправѣ. Императоръ Александръ I будто бы имѣлъ намѣреніе уничтожить эту рукопись, но сообразилъ, что его бабка представляется съ гораздо выгоднѣйшей стороны въ этой рукописи, чѣмъ въ большей части другихъ историческихъ сочиненій и что съ рукописи существуютъ два, а можетъ быть и болѣе, списка, которые, при неимѣніи оригинальнаго текста, могутъ подвергнуться фальсификаціи [24]).

Гомбургъ, 1845, 3 Августа. Д-ръ Корефъ разсказывалъ мнѣ, какъ о достозамѣчательномъ событіи, что король, увидавъ Жуковскаго въ числѣ

---

[22]) Графиня Киселева, урожденная Потоцкая.

[23]) Нѣмецкій медикъ, пользовавшійся извѣстностію и долго проживавшій въ Парижѣ.

[24]) Въ Historische Zeitschrift, изданіи Зибеля, весьма основательно доказывается подлинность этихъ Записокъ.

лицъ поспѣшившихъ привѣтствовать его, бросился въ его объятія и отдыхалъ своей ланитой на ланитѣ поэта по крайней мѣрѣ пять минутъ, что̀ присутствовавшимъ при этой сценѣ зрителямъ дало поводъ съострить и сказать, что, вѣроятно, его величество чувствовалъ большую усталость.

Киссингенъ, 1845, 14 Августа. Изъ всѣхъ разсказовъ, выпускаемыхъ большимъ и малымъ свѣтомъ, наиболѣе удивилъ меня конфиденціально сообщенный намъ генераломъ Ботомъ (v. Both). Онъ увѣрялъ, что Русскій императоръ, уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, сказалъ ему: „Je suis persuadé que je mourrai d'une mort spontanée“ (Я убѣжденъ, что умру естественною смертью).

Киссингенъ, 1845, 18 Августа. Вечеръ провелъ въ большомъ обществѣ у графа и гр-ни Гудовичъ. Хозяева, а равно и дочь ихъ, невѣстка генерала Дохтурова, были до крайности любезны. Тамъ находились княгиня Чернышева съ дочерью, кн-я Каллимахи изъ Молдавіи, блестящая красавица; элегантный Русскій офицеръ Струковъ и другіе. Книги лежали на всѣхъ столахъ, и графъ тотчасъ принялся экзаменовать меня изъ Русскаго языка: чрезвычайно удивился моимъ познаніямъ, сказалъ, что я единственный Нѣмецъ, который и проч. Онъ сдѣлалъ мнѣ, какъ самъ выразился, нескромный вопросъ: въ самомъ ли дѣлѣ у насъ такъ не любятъ Русскихъ? Я, не обинуясь, отвѣчалъ: совершенная истина. „Но за что?“—„За то, что отъ васъ приходятъ къ намъ только дурные, деспотическіе порядки“.—„Съ подобнымъ же вопросомъ обратился я (Гудовичъ) къ одному вашему полковнику; но тотъ отвѣчалъ, что противъ насъ (Русскихъ) вооружаются лишь нѣкоторыя горячія, либеральныя головы... Вижу, что тотъ былъ со мною не такъ откровененъ, какъ вы“.

Киссингенъ, 1845, 19 Августа. Узналъ отъ Матисена, что мой молодой пріятель Скачковъ, изучавшій книгопродавческое дѣло въ Берлинѣ, бросилъ это занятіе, какъ сопряженное въ Россіи съ большими затрудненіями. Онъ въ настоящее время въ Архангельскѣ преподавателемъ въ коммерческомъ училищѣ. Разсуждали о Бакунинѣ и его судьбѣ.

Киссингенъ, 1845, 20 Августа. У Теттенборна [25]) на чаѣ были, между прочими, и княгиня Чернышева съ дочерью. Разговаривала со мною очень дружелюбно и горячо, какъ бы со старымъ знакомымъ и военнымъ товарищемъ своего мужа, не подозрѣвая, что тотъ всегда чуждался меня и по временамъ относился ко мнѣ даже непріязненно. Выслушавъ равнодушно ея комплименты, я далъ разговору другое направленіе.

Киссингенъ, 1845, 23 Августа. Большое собраніе на чайномъ вечерѣ у Теттенборна. Разговаривалъ много съ Гудовичемъ, Вимпфеномъ и Теттенборномъ; потомъ съ графинею фонъ С. о Вѣнскомъ обществѣ: сравнивали прошлое съ настоящимъ; тужили, что уже нѣтъ тамъ болѣе ни князя де Линя, ни графа Трогова (Trogoff), ни князя Козловскаго. — Русская императрица ѣдетъ въ Италію.

Киссингенъ, 1845, 24 Августа. Усѣлись въ сторонкѣ съ Теттенборномъ и Кёнерицемъ [26]). Толковали о дипломатическихъ курьозахъ и порядкахъ, о депешахъ и легкомысленныхъ дѣйствіяхъ; о печальномъ исходѣ поприща Поццо ди Борго: впавъ въ старческое ребячество, онъ все перезабылъ, даже всѣ свои языки, и говорилъ и понималъ въ послѣднее время только поиталіянски.

---

[25]) Баронъ Теттенборнъ вступилъ изъ Австрійской службы въ Русскую въ 1812 г. подполковникомъ; перешелъ въ Баденскую въ 1818 г. и умеръ въ 1845 г. въ Вѣнѣ Баденскимъ посланникомъ.

[26]) Неизвѣстно, котораго изъ двухъ братьевъ Кёнерицовъ разумѣетъ авторъ: Саксонскаго ли перваго министра, или Саксонскаго посланника въ Парижѣ.

ПО УНІАТСКОМУ ДѢЛУ.

Въ № 125 „Московскихъ Вѣдомостей" сего года, г. М. Соловьевъ, разбирая сочиненіе іезуита Мартынова, опровергаетъ неправильныя показанія сего послѣдняго относительно возсоединенія уніатовъ съ Православіемъ и, доказывая, что возсоединеніе это было *дѣйствительно народнымъ движеніемъ*, относитъ успѣхъ его къ заслугамъ *уніатскаго духовенства* и *тѣхъ главныхъ представителей его*, которые *стали во главѣ движенія.*

Еслибы это мнѣніе, высказанное г. Соловьевымъ въ видѣ категорическаго утвержденія, относилось исключительно къ совершившемуся въ минувшее царствованіе возсоединенію Литовской епархіи, то противъ него, конечно, не могло бы возникнуть никакихъ возраженій; но такъ какъ г. Соловьевъ не дѣлаетъ никакого различія между тѣмъ движеніемъ къ Православію, которое возбуждено было великими трудами знаменитаго іерарха Литовскаго Сѣмашки и движеніемъ, совершившимся нынѣ на нашихъ глазахъ между уніатами Царства Польскаго: то уваженіе къ *исторической* истинѣ побуждаетъ меня предложить по этому предмету нѣкоторыя замѣтки и исправленія, съ цѣлью пролить хотя нѣкоторый свѣтъ на это послѣднее, для многихъ еще неуясненное, событіе. Обязываюсь, съ своей стороны, подтвердить, въ случаѣ надобности, каждое мое слово неопровержимыми документами.

Г. Соловьевъ не только самъ не дѣлаетъ никаго различія между упомянутыми двумя событіями, приведшими къ одной и той же цѣли съ двухъ совершенно-противоположныхъ точекъ отправленія, но, повидимому, не допускаетъ даже возможности какого либо между ними различія. „Безъ духовенства (говоритъ онъ) немыслимо возсоединеніе уніатовъ". Еслибы это категорическое положеніе было высказано не прямо по поводу уніатскихъ событій, еслибы оно относилось, въ видѣ общаго правила, ко всѣмъ религіознымъ реформамъ, словомъ, еслибы г. Соловьевъ сказалъ, что безъ духовенства немыслимо никакое народное движеніе въ пользу перемѣны одного вѣроисповѣданія на другое, то и тогда слѣдовало бы вспомнить, что нѣтъ правила безъ исключенія. Но дѣло идетъ объ уніатскомъ исповѣданіи, которое, какъ извѣстно, представляетъ единственное исключеніе изъ всѣхъ возможныхъ человѣческихъ исповѣданій и, какъ давно уже замѣчено, есть не столько вѣроисповѣданіе, сколько политическая интрига на вѣроисповѣдной подкладкѣ. Отсюда a priori можно уже допустить, что *народное движеніе* уніатовъ къ возсоединенію могло идти двумя различными путями, смотря по тому, религіозная или политическая сторона выдвинута впередъ и, слѣдовательно, могло возникнуть въ народѣ помимо руководительства духовенства, какъ это дѣйствительно и случилось на нашихъ глазахъ.

Перехожу теперь къ доказательствамъ à posteriori. Возсоединеніе Литовскихъ уніатовъ произошло, какъ всѣмъ извѣстно, по вчинанію незабвеннаго іерарха, который всю жизнь свою посвятилъ этому дѣлу: велъ его сперва одинъ на собственный страхъ; потомъ, успѣвъ

снискать къ задуманной имъ идеѣ сочувствіе и поддержку со стороны правительства, а также помощь со стороны многихъ талантливыхъ сотрудниковъ, продолжалъ двигать дѣло, до и послѣ возсоединенія, въ теченіи цѣлаго полустолѣтія, въ одномъ и томъ же духѣ и направленіи. Въ Царствѣ Польскомъ, наоборотъ, починъ такъ называемаго уніатскаго дѣла принадлежалъ правительству, и во главѣ этого дѣла, съ тѣхъ поръ какъ положилъ ему начало статсъ-секретарь Н. А. Милютинъ, успѣло перебывать столько различныхъ лицъ и направленій, что о единствѣ сего послѣдняго не могло быть и рѣчи. Достаточно вспомнить, что непосредственно послѣ князя В. А. Черкасскаго дѣло перешло въ руки графа Ѳ. Ѳ. Берга, потомъ поступило въ завѣдываніе г. Министра Народнаго Просвѣщенія; потомъ, наканунѣ самаго возсоединенія, передано г. Министру Внутреннихъ Дѣлъ и наконецъ нынѣ, въ силу совершившагося возсоединенія, должно снова поступить въ вѣдѣніе г. оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода. Въ тоже время, во главѣ Холмскаго епархіальнаго управленія быстро слѣдовали одинъ за другимъ: номинатъ Калинскій, архипресвитеръ Войцицкій, епископъ Куземскій и наконецъ протоіерей, нынѣ викарный епископъ Маркеллъ Поппель; изъ нихъ каждый слѣдовалъ системѣ управленія, діаметрально-противоположной системѣ его предшественника. Но на этомъ еще не кончается различіе между Литовскимъ и Холмскимъ событіями. Въ самомъ началѣ, которое положено въ основу предпринятыхъ тамъ и здѣсь работъ, коренилось глубокое различіе. При возсоединеніи Литовскихъ уніатовъ главнымъ образомъ имѣлось въ виду признаніе догмата Православія, обрядъ же Греко-восточной церкви и тѣ неправильныя уклоненія отъ него, которыя введены были искусственно въ чинъ уніатскаго богослуженія, отнесены были къ вопросамъ второстепенной важности и, по особому ходатайству Сѣмашки, оставлены были безъ всякаго исправленія и преслѣдованія, въ надеждѣ, что время и постепенное укрѣпленіе духа православной вѣры въ народѣ сами собою уврачуютъ эти сравнительно-неважныя язвы, нанесенныя восточному обряду духовнымъ мечемъ Латинства. Совершенно иначе и противоположнымъ путемъ приведены были къ возсоединенію уніаты Царства Польскаго. Здѣсь дѣло начато съ обряда, Православіе же оставлено какъ отдаленное pium desiderium на волю будущихъ судебъ; здѣсь на первый планъ выдвинулась политическая сторона уніатскаго дѣла. И весьма понятно, почему это случилось такъ, а не иначе. Правительство, подвергая въ 1864 году реформѣ и обновленію весь гражданскій и политическій строй народной жизни въ Царствѣ Польскомъ, естественнымъ образомъ пришло къ необходимости коснуться также и порядковъ управленія здѣшнихъ уніатовъ. Подымать вопросъ о Православіи оно вовсе не имѣло и не могло имѣть въ виду, во первыхъ въ силу вѣротерпимости, которою были проникнуты до послѣдней минуты всѣ участвовавшія въ семъ дѣлѣ правительственныя лица (не смотря на различіе пріемовъ въ ихъ дѣйствіяхъ); во вторыхъ потому, что среди горячихъ политическихъ работъ въ здѣшнемъ краѣ возвозбуждать религіозныя движенія несвоевременно и опасно. Къ тому же странно было бы и замышлять пропаганду Православія въ средѣ

тогдашняго уніатскаго духовенства, которое чуть-ли не поголовно участвовало въ Польскомъ мятежѣ и съ пѣною у рта отнеслось къ первому требованію правительства, заключавшемуся въ томъ, чтобы церковная проповѣдь для уніатовъ произносилась не на Польскомъ, а на родномъ ихъ Малорусскомъ нарѣчіи. Такимъ образомъ, повторяю, въ Царствѣ Польскомъ шло дѣло не о возсоединеніи, но главнымъ образомъ о возрусеніи уніатовъ, при чемъ самое возрусеніе начато съ обряда. Это была единственно возможная и притомъ совершенно-легальная, хотя (какъ доказали послѣдствія) весьма неудобная и горячая по своему свойству почва, на которой правительство могло утвердить свои требованія и отстаивать ихъ смѣло передъ цѣлымъ свѣтомъ, не взирая на обычные вопли и клеветы Западно-латинскаго міра. Установленная правительствомъ программа на всѣ эти вопли отвѣчала спокойно и кратко: „Неправда! Мы не обращаемъ и не намѣрены обращать въ Православіе уніатовъ, но твердо стоимъ за очищеніе Грекоуніатскаго обряда отъ неправильныхъ Латинскихъ искаженій, опираясь въ этомъ нашемъ требованіи на цѣлый рядъ папскихъ буллъ, подтвержденныхъ буллою самого Пія IX-го, которыми обезпечена для Грекоуніатовъ чистота и неприкосновенность ихъ восточнаго обряда“.

Достаточно сопоставить эту программу съ программою Сѣмашки, чтобы убѣдиться въ совершенной противоположности исходныхъ точекъ зрѣнія той и другой. Но установить еще не значитъ исполнить програму. На долю же исполнителей уніатской программы Царства Польскаго выпали затрудненія и препятствія, которыя для Сѣмашки были совершенно невѣдомы. Здѣсь прежде всего предстоялъ вопросъ: кому поручить исполненіе дѣла на мѣстѣ; кто приметъ на себя защищать, разъяснять и проводить въ сознаніе народной массы справедливость и законность правительственной программы? Очевидно, что такая задача не могла быть предоставлена въ то время духовенству, съ которымъ предстояла самая упорная борьба и которое, прежде очищенія обряда, должно было само, въ личномъ своемъ составѣ, подвергнуться коренному очищенію. И такъ оставалось одно изъ двухъ: или вовсе не начинать дѣла и ожидать, пока всѣ или большая часть уніатскихъ священниковъ (число коихъ простиралось до 300 человѣкъ) будутъ замѣнены благонадежными лицами, или-же прямо возложить эту задачу на обязанность мѣстной администраціи. Я увѣренъ, что еслибы былъ спрошенъ покойный Сѣмашко, то онъ не задумался бы подтвердить это заключеніе, и даже, говорятъ (не знаю, на сколько это вѣрно), что въ частныхъ бесѣдахъ своихъ, незадолго до кончины, онъ дѣйствительно выражалъ мнѣніе, что въ Царствѣ Польскомъ нужно начинать дѣло не съ духовенства, а съ народа, т. е. именно такъ, какъ оно само собою и случилось впослѣдствіи. Но къ сожалѣнію, ни въ самомъ началѣ, ни потомъ, въ теченіи цѣлыхъ девяти лѣтъ, до 1874 года включительно, прямаго отвѣта на этотъ вопросъ не послѣдовало, и правительственныя лица, поперемѣнно становившіяся во главѣ управленія уніатскимъ дѣломъ, съ одной стороны не могли и не считали себя въ правѣ откладывать исполненіе правительственной программы, а съ другой, въ силу господствующаго

въ общественномъ мнѣніи взгляда, который столь рельефно выраженъ нынѣ г. М. Соловьевымъ, не рѣшались возлагать на администрацію „обязанностей, по существу принадлежащихъ духовной власти". Мало того: въ неуклонномъ стремленіи къ точному выполненію правительственной программы, не допускавшей никакого насилія надъ религіозною совѣстью уніатовъ, наши дѣятели неоднократно простирали свою добросовѣстность въ этомъ отношеніи до того, что прямо и строго воспрещали администраціи не только вмѣшательство, но и всякіе разговоры съ уніатскимъ населеніемъ о совершавшемся очищеніи обряда и ограничивали мѣры мѣстной власти однимъ наблюденіемъ за *наружнымъ* порядкомъ и спокойствіемъ.

Такимъ образомъ, въ силу присущей уніатскому вопросу двойственности характера, живо напоминающей двуликій образъ Януса и неразрывно связывающей въ себѣ два противоположныхъ начала (политическое и религіозное) вышло, что власть политическая, начавшая это дѣло съ цѣлью исключительно-политическою, занялась предпочтительно обереганіемъ чистоты и неприкосновенности религіозной стороны вопроса; а духовенству, которое не переставало до недавняго времени противудѣйствовать на каждомъ шагу правительству, предоставлено было осуществить политическіе виды правительства.

Можно себѣ представить то безъисходное положеніе и тѣ неимовѣрныя затрудненія, на которыя, вслѣдствіе такого хода дѣла, осуждена была мѣстная администрація. Она обязана была предупреждать безпорядокъ, не смѣя касаться источника его; подавлять его, не имѣя права произнести ни одного слова для вразумленія волнующихся и, вмѣсто отвѣта на волновавшіе ихъ вопросы, отсылать вопрошавшихъ къ священникамъ, изъ которыхъ одни сами волновали народъ, а другіе подвергались побоямъ и глумленію. И тѣмъ не менѣе не подлежитъ сомнѣнію, что, не смотря на всѣ эти преграды, администрація (именно администрація, а не духовенство) подготовила первые успѣхи Православія между уніатами Царства Польскаго и что, вопреки безусловному положенію г. М. Соловьева, народное движеніе къ возсоединенію начато было здѣсь нетолько помимо духовенства, но даже безъ всякаго съ его стороны содѣйствія. Я знаю, что берусь доказывать фактъ, весьма для публики несочувственный и считающійся нелиберальнымъ; я хорошо знаю, что въ общественномъ мнѣніи и даже въ сферахъ близко знакомыхъ съ дѣломъ (вслѣдствіе сбивчивости понятій и постояннаго упущенія изъ виду политической стороны уніатскаго дѣла) существуетъ какъ-бы предъумышленный уговоръ поворачиваться спиною къ указанному факту и увѣрять самихъ себя и заграничную печать, что все дѣло якобы затѣяно и приведено къ концу Холмскою Консисторіею, которая, опираясь на каноническія основанія и имѣя въ виду исключительно церковно-религіозные интересы, по собственному якобы почину потребовала отъ подчиненнаго духовенства очищенія обряда, правительство же съ своей стороны якобы совершенно устранило себя отъ этого дѣла, несмотря на то, что ему хорошо были извѣстны періодическія волненія, происшедшія вслѣдствіе печальныхъ недоразумѣній, вызванныхъ этимъ требованіемъ въ народѣ; народъ же, какъ всѣмъ было извѣстно, въ

перемѣнѣ обряда видѣлъ перемѣну вѣры. Но мнѣ кажется, что наступила пора отказаться отъ такого самообольщенія, тѣмъ болѣе, что никто ни въ Европѣ, ни въ самой Россіи ни на минуту не могъ серьезно повѣрить, чтобы въ такомъ важномъ и столь чувствительно затрогивающемъ правительственные интересы дѣлѣ могла самостоятельно и безконтрольно дѣйствовать Консисторія, состоящая изъ членовъ, назначаемыхъ самимъ правительствомъ. Пора сознаться въ истинѣ, которая во всякомъ случаѣ (раньше или позже) будетъ раскрыта сполна, и отстраненіе которой много вредило дѣлу до сихъ поръ и, несмотря на блистательное нынѣ завершеніе его, можетъ немало повредить въ будущемъ. И мнѣ кажется, что это тѣмъ легче сдѣлать, что въ истинѣ, которую я взялся отстаивать, нѣтъ ничего постыднаго. Для признанія ея стòитъ только стать на ту точку зрѣнія, на которой стоялъ незабвенный государственный дѣятель, начавшій уніатское дѣло въ Царствѣ Польскомъ. Даже благоразумные Поляки охотно признаютъ законность этой точки зрѣнія. Въ доказательство я могъ бы привести мнѣніе одного вліятельнаго Польскаго графа или даже маркиза, который, въ разговорѣ съ однимъ изъ моихъ сослуживцевъ, выражалъ удивленіе. „Почему-де вы, господа Русскіе, такъ усиленно хлопочете втиснуть уніатское дѣло въ предѣлы чисто-религіознаго вопроса? Мы, Поляки, давно и очень хорошо знаемъ, что Унія сочинена была нами исключительно съ политическою цѣлью и служила намъ, пока мы были въ силѣ, переходнымъ мостомъ для ополяченія Русскихъ. Теперь сила въ вашихъ рукахъ, и мы понимаемъ, что мостъ этотъ долженъ послужитъ вамъ для вашихъ Русскихъ цѣлей. Мы можемъ только сожалѣть, что вы медлите этимъ дѣломъ, котораго мы давно ждемъ и съ неизбѣжностью котораго примирились всѣ маломальски развитые умственно Поляки, за исключеніемъ развѣ немногихъ фанатизованныхъ бабъ и ксендзовъ“.

Итакъ, говорю я, истина состоитъ въ томъ, что возсоединеніе здѣшнихъ уніатовъ достигнуто съ помощью администраціи, а не духовенства. Но прежде, чѣмъ перейти къ болѣе подробнымъ доказательствамъ этой истины, замѣчу, что положеніемъ моимъ я вовсе не имѣю въ виду ни хвалить дѣйствія администраціи, ни порицать дѣйствія духовенства, такъ какъ ни то, ни другое, сами по себѣ (при тѣхъ условіяхъ, въ какія они были до сихъ поръ поставлены) ничего не могли сдѣлать по той простой причинѣ, что уніатскій народъ, точно также какъ и наше общественное мнѣніе, до послѣдней минуты твердо былъ убѣжденъ, что отъ него требуютъ религіозной, а не политической жертвы, что дѣло дѣйствительно затѣяно Холмскою Консисторіею совокупно съ мѣстною администраціею, высшее же начальство и верховная власть ничего о томъ не знали. При такомъ условіи, ни администрація, ни тѣмъ менѣе духовенство, сколько-бы они ни расточали своего краснорѣчія, очевидно не могли подѣйствовать на убѣжденіе народа. Для этого требовалось, чтобъ выдвинута была политическая сторона дѣла; требовалось, чтобы народъ былъ приведенъ къ убѣжденію, что высшее правительство все знаетъ и что дѣло дѣлается съ его разрѣшенія и одобренія. Крайняя настоятельность этого требованія (какъ это объяснено въ № 16 „Голоса“) давно уже была сознаваема людьми, близко стоявшими къ дѣлу. Еще въ 1867 году, во время пер-

ваго уніатскаго волненія въ Сѣдлецкой губерніи, въ народѣ ходили разговоры, о которыхъ было своевременно доведено до свѣдѣнія начальства, „что если дѣйствительно предержащая власть хочетъ, чтобы мы перемѣнили вѣру нашу, то нечего дѣлать, придется перемѣнить“. Въ томъ же номерѣ „Голоса“, на который я только что сослался, объяснено, что первый рѣшительный шагъ къ устраненію всѣхъ недоразумѣній уніатскаго народа по этому великому вопросу сдѣланъ былъ въ 1874 году, т. е. послѣ уже совершившихся печальныхъ Январскихъ событій и заключался въ напечатанномъ въ Варшавскомъ Дневникѣ 30-го Іюня прошлаго года объявленіи графа П. Е. Коцебу, въ которомъ излагалась Высочайшая воля о разъясненіи уніатамъ „что просьбы ихъ объ отмѣнѣ распоряженія Холмской Консисторіи относительно очищенія обряда исполнены быть не могутъ и что Государь Императоръ изволитъ быть увѣреннымъ, что уніатское населеніе, искони Русское и всегда вѣрное Престолу, освободясь отъ несчастныхъ заблужденій и неблагонамѣренныхъ внушеній, сбивающихъ его съ должнаго пути, не замедлитъ утвердиться въ своихъ древнихъ правильныхъ обрядахъ и явитъ себя по прежнему покорнымъ и спокойнымъ, какъ Государь Императоръ привыкъ его видѣть до настоящаго времени“. Въ этомъ объявленіи ключь всей позиціи; имъ разъясняется вся тайна столь непонятнаго для многихъ рѣзкаго перехода уніатовъ отъ бунтовъ и волненій къ возсоединенію съ *Бѣлымъ Царемъ*. Такимъ образомъ честь правильнаго поворота, отъ котораго зависѣлъ весь успѣхъ дѣла, т. е. обнародованіе вышеприведенной Высочайшей воли, всецѣло принадлежитъ графу П. Е. Коцебу, и въ этомъ ни мало неповинны ни администрація, ни тѣмъ менѣе духовенство. Оставалось только успѣшно выполнить эту Высочайшую волю, т. е. передать ее уніатскому народу и убѣдить его въ томъ, что напечатанное графомъ Коцебу объявленіе дѣйствительно исходитъ отъ Высочайшей власти. Весьма понятно, что миссія эта возложена была графомъ на администрацію, а не на духовенство, которое въ ту минуту находилось въ самомъ бѣдственномъ положеніи—безъ прихожанъ, безъ работниковъ, и даже безъ прислуги, такъ какъ почти никто изъ уніатовъ въ то время не ходилъ въ церковь и не хотѣлъ имѣть сношеній съ священниками.

Мнѣ остается сказать немного словъ въ доказательство того, что духовенство нетолько неповинно въ предварительномъ подготовленіи народа къ Православію, но что самаго слова *Православіе* ни одинъ священникъ не рѣшался произнести передъ народомъ вплоть до того момента, когда оно появилось на страницахъ общественныхъ крестьянскихъ приговоровъ. Для этого мнѣ нѣтъ надобности обращаться далеко ко временамъ номината Калинскаго (который, если и произносилъ слово *Православіе*, то, конечно, не ради его успѣховъ) или ко временамъ Войцицкаго, управленіе котораго епархіею было кратковременно и исполнено однихъ начинаній. Не вижу особенной надобности распространяться также о пресловутомъ управленіи епископа Куземскаго, который, будучи вызванъ для очищенія обряда отъ Латинскихъ искаженій и получивъ за то напередъ великія и богатыя милости, началъ съ возстановленія въ Холмской соборной церкви изгнанныхъ оттуда Войцицкимъ колокольчиковъ, монстранцій, шептанокъ (литургій,

произносимыхъ шопотомъ) и кончилъ тѣмъ, что, отказавшись наотрѣзъ отъ инаго способа дѣйствій, удалился восвояси. Полагаю достаточнымъ напомнить только о томъ, что всѣ усилія Куземскаго были направлены къ очищенію не обряда, а личнаго состава ввѣреннаго ему духовенства отъ тѣхъ немногихъ благонадежныхъ священниковъ, которые были вызваны изъ Галиціи во время Войцицкаго и къ поддержанію и укрѣпленію комплота мѣстнаго духовенства, переполненнаго родственниками номината Калинскаго. Остается разсмотрѣть, что̀ могло сдѣлать духовенство съ того времени, когда во главѣ его поставлено было наконецъ лице, несомнѣнно сочувствовавшее видамъ правительства и твердо преданное идеѣ очищенія обряда, т. е. въ короткій періодъ съ 1872 года по 1-ое Января 1874 года. Для этого достаточно въ памяти лицъ, слѣдившихъ за ходомъ дѣла, возстановить главныя событія въ томъ порядкѣ, въ какомъ они быстро слѣдовали одно за другимъ.

Не успѣлъ сойти со сцены Куземскій, какъ освободившаяся отъ его преслѣдованій часть благонадежнаго духовенства, въ началѣ 1872 года, отъ избытка усердія или неопытности, тотчасъ поспѣшила приступить къ очищенію обряда, безъ всякихъ предварительныхъ къ тому подготовленій. Послѣдствіемъ такого поспѣшнаго образа дѣйствій были новыя волненія и безпорядки, происшедшія въ Сѣдлецкой губерніи весною 1872 года. Правительство нашлось наконецъ вынужденнымъ озаботиться прiисканіемъ мѣръ, посредствомъ которыхъ, ни на шагъ не отступая отъ утвержденной программы очищенія обряда, можно было бы положить конецъ періодически-возобновлявшимся безпорядкомъ среди уніатовъ. Очевидно, что такія мѣры (если только онѣ могли быть найдены) должны были опять выдвинуть впередъ политическую сторону дѣла; но такова уже судьба этого вопроса, носящаго въ нѣдрахъ своихъ явное противорѣчіе, что и на этотъ разъ стороны опять помѣнялись ролями: какъ и прежде, политическая власть стала на стражѣ религіозной стороны уніатскаго дѣла, а власть церковная призвана была къ изысканію мѣръ для прекращенія полицейскихъ безпорядковъ. Спрошенный по сему предмету администраторъ епархіи, основываясь на свидѣтельствѣ мѣстныхъ благочинныхъ и находя, что главнымъ поводомъ къ безпорядкамъ служитъ крайнее разнообразіе пріемовъ богослуженія между священниками (изъ которыхъ одни держатся очищеннаго, а другіе неочищеннаго обряда), ходатайствовалъ о разрѣшеніи ему приступить 1-го Января 1874 года къ формальному, одновременному и повсемѣстному очищенію обряда, дабы никто изъ прихожанъ не имѣлъ болѣе повода ссылаться на приходы, въ которыхъ Латинскія искаженія сохранились во всей полнотѣ. Ходатайство администратора было уважено, при чемъ всѣ предварительныя распоряженія и подготовленіе народа къ подчиненію предстоящей реформѣ всецѣло ввѣрены были духовенству, до такой степени всецѣло, что администрація, въ силу особо-изданной на сей случай инструкціи, обязана была только *слѣдить и доводить до свѣдѣнія* начальства о ходѣ событій, *къ фактическимъ же дѣйствіямъ могла приступать не прежде, какъ по обнаруженіи внѣшняго безпорядка*. Всякій, конечно, согласится, что лучшихъ условій и бо̀льшаго простора для раскрытія просвѣтительныхъ силъ уніатскаго духовенства нельзя было и придумать. Тѣмъ не менѣе,

всему міру извѣстно, какими печальными послѣдствіями сопровождались труды Холмской Консисторіи по этой части въ 1874 году. Кончилось дѣло тѣмъ, что священники Сѣдлецкой губерніи частью отказались на отрѣзъ отъ подчиненія циркуляру Консисторіи, частью же прогнаны были прихожанами изъ приходовъ и подверглись побоямъ и поруганіямъ, при чемъ ошеломляющее впечатлѣніе событія было такъ велико, что Консисторія не только прекратила дальнѣйшія дѣйствія по очищенію обряда въ Сѣдлецкой губерніи, но пріостановила даже замѣщеніе множества вакансій въ приходахъ, оставшихся безъ священниковъ. Въ такомъ положеніи дѣло находилось вплоть до воспослѣдованія новыхъ безпорядковъ осенью 1874 года, окончившихся возсоединеніемъ уніатовъ съ Православіемъ. Въ виду этого краткаго обзора событій, я полагаю, никто не рѣшится доказывать, что возсоединенію этому въ чемъ либо могло содѣйствовать духовенство Сѣдлецкой губерніи. Если же за всѣмъ тѣмъ кому-либо придетъ охота это доказывать, то мы сошлемся на оффиціяльную статью „Правительственнаго Вѣстника" 14-го Января сего года, въ которой описывается ходъ народнаго движенія уніатовъ къ Православію и гдѣ между прочимъ сказано слѣдующее: „отъ народа движеніе не замедлило перейти и къ духовенству", — фактъ знаменательный, доказывающій ясно, что настоящее движеніе составляетъ результатъ внутренней борьбы и сознательно-принятаго народомъ рѣшенія, а не движеніе массы, слѣпо слѣдующей за своими вожаками.

Мнѣ могутъ справедливо замѣтить, что я говорю только о духовенствѣ Сѣдлецкой губерніи, но ничего не говорю о Люблинской. Чего не знаю, — о томъ и не говорю. Но насколько могу судить a priori, полагаю, что замѣтка моя немного потеряла бы силы, если бы провѣрена была и по отношенію къ этому послѣднему духовенству. Нѣтъ спора, что, благодаря бездѣятельной покорности Люблинскаго уніатскаго населенія, среди котораго почти никакихъ волненій никогда не происходило, очищеніе обряда шло гораздо успѣшнѣе. Но о Православіи и тамъ никто изъ духовенства заикнуться не рѣшался. Доказательство этому можно видѣть вопервыхъ въ томъ, что, наканунѣ ожидавшейся развязки обрядовой реформы 1874 года, просьба двухъ Люблинскихъ приходовъ о возсоединеніи была отклонена духовенствомъ изъ опасенія, что это можетъ повредить успѣху очищенія обряда; во вторыхъ доказательствомъ могутъ служить документы, напечатанные въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" 26-го Марта сего года, изъ которыхъ явствуетъ, что, послѣ уже торжества возсоединенія первыхъ сорока пяти приходовъ Сѣдлецкой губерніи, въ Холмскую Консисторію стали поступать рапорты благочинныхъ объ искреннемъ *желаніи духовенства* Люблинской губерніи *возвратиться вмѣстѣ съ своею паствою* въ лоно православной церкви, вслѣдствіе чего соборное духовенство единодушно постановило ходатайствовать о возсоединеніи; но такъ какъ при этомъ духовенство умалчивало о томъ, желаетъ ли того же паства, то г. Варшавскій генералъ-губернаторъ *призналъ прежде всего необходимымъ самымъ положительнымъ образомъ выяснить, на сколько населеніе Люблинской губерніи расположено послѣдовать примѣру своего духовенства.* Изъ напечатанной же въ „Московскихъ Вѣдомо-

стяхъ" частной корреспонденціи о результатахъ произведенной по сему предмету г. генералъ-губернаторомъ повѣрки видно, что опросъ уніатскаго населенія произведенъ былъ въ теченіи двухъ недѣль администраціею и особыми чиновниками, командированными для сего изъ Варшавы и привелъ къ блистательному успѣху, сопровождавшемуся бурными заявленіями народнаго восторга. Изъ этихъ краткихъ показаній можно уже достаточно судить, какъ мало духовенство Люблинской губерніи было знакомо съ настроеніемъ своихъ прихожанъ, если за годъ или полтора до этихъ бурныхъ заявленій, не посмѣло рѣшиться на возсоединеніе двухъ приходовъ, которые сами домогались Православія.

Въ заключеніе повторяю, что я не имѣю въ виду ни умалять, ни превозносить чьи либо заслуги въ уніатскомъ дѣлѣ, которое требуетъ болѣе подробнаго изслѣдованія. Заслуги бывшаго администратора, нынѣ викарнаго епископа Холмской епархіи, несомнѣнны и достаточно уже оцѣнены Святѣйшимъ Синодомъ, признавшимъ справедливымъ и полезнымъ возвести его въ санъ епископа: онѣ заключаются главнымъ образомъ въ твердомъ и неуклонномъ слѣдованіи правительственной программѣ. Сверхъ того ему, совокупно съ ректоромъ Холмской Семинаріи протоіереемъ Криницкимъ, принадлежитъ честь приготовленія нѣсколькихъ десятковъ благонадежныхъ молодыхъ священниковъ, нынѣ съ большимъ стараніемъ подвизающихся по поприщѣ духовнаго просвѣщенія своихъ прихожанъ. Но уподоблять эти почтенныя заслуги Холмкаго администратора историческому подвигу Сѣмашки, конечно, никто не станетъ; да и самъ преосвященный Маркеллъ, по свойственной ему скромности, вѣроятно не простираетъ на это никакого притязанія. Suum cuique. Между тѣмъ многіе, въ настоящую минуту, до того увлечены блистательнымъ исходомъ уніатскаго дѣла въ Люблинской губерніи, что, въ пылу великодушной благодарности пр. Маркеллу и его духовнымъ сподвижникамъ изъ Галичанъ, признаютъ необходимымъ и даже полезнымъ предоставить симъ послѣднимъ преимущественное право на занятіе вакантныхъ священническихъ должностей въ этой епархіи и такимъ образомъ, чуть не на вѣчныя времена, намѣрены закрѣпостить за Галичанами миссію духовнаго воспитанія ново-возсоединенной паствы. Это значило бы прибавить еще одно важное противорѣчіе къ безчисленному ряду прежнихъ непослѣдовательностей по уніатскому дѣлу, которыя всѣ происходили изъ одного и того же источника—изъ убѣжденія, выраженнаго въ формулѣ г. М. Соловьева и сопровождаемаго постояннымъ упущеніемъ изъ виду двойственнаго характера уніатскаго вопроса.

До какой степени эти противорѣчія до сихъ поръ неуклонно слѣдуютъ по пятамъ уніатскаго дѣла, показываютъ самые свѣжіе, только что совершившіеся факты, описанные въ вышеприведенномъ номерѣ „Правительственнаго Вѣстника", изъ которыхъ явствуетъ, что правительство, поднявшее уніатскій вопросъ съ исключительно-политическою цѣлью, — въ ту самую минуту, когда достиженіе этой цѣли было уже близко, когда политическая сторона дѣла громко заявила свое преобладаніе, и народъ, круто повернувъ изъ одной крайности въ другую,

заявилъ громогласно готовность свою быть одной вѣры съ Бѣлымъ Царемъ, что въ это самое время правительство вынуждено было болѣе всего заботиться объ охраненіи принципа вѣротерпимости и поэтому *признало необходимымъ, не допуская никакихъ торопливыхъ мѣръ, принимать уніатовъ въ Православіе не прежде, какъ по предварительномъ и обстоятельномъ разслѣдованіи, дѣйствительно ли выраженное ими желаніе добровольно.* Такое рѣшеніе, принятое въ самую критическую минуту, когда нужно было ковать желѣзо, пока оно горячо, свидѣтельствуетъ лучше всего о несправедливости расточавшихся иностранною печатью увѣреній на счетъ насильственнаго будто бы образа дѣйствій нашего правительства въ этомъ дѣлѣ. Но оно свидѣтельствуетъ также и о томъ, что въ самую горячую минуту правительство должно было отступить отъ первоначально-намѣченной цѣли и отодвинуть ее на задній планъ. Спрашивается однако: какая необходимость продолжать это отступленіе теперь, когда цѣль достигнута? Зачѣмъ замедлять и отодвигать дѣло возрусенія уніатовъ, ввѣряя дѣльнѣйшее духовное попеченіе о нихъ *преимущественно* Галичанамъ? Сторонники этой совершенно-нежелательной мѣры, слѣдуя формулѣ М. Соловьева, конечно разсуждаютъ слѣдующимъ образомъ: безъ духовенства немыслимо было возсоединіе; между уніатскимъ духовенствомъ единственными благонадежными священниками были Галичане; они слѣдовательно одни съумѣли привлечь сердца своихъ прихожанъ и вдохнуть въ нихъ стремленіе къ Православію, имъ однимъ обязана Россія успѣхомъ возсоединенія; ergo, имъ однимъ и надлежитъ продолжатъ дѣло насажденія и укрѣпленія въ тѣхъ-же сердцахъ духа Православія. Замѣтка моя клонилась до сихъ поръ къ тому, чтобы показать до очевидности несостоятельность первой и третьей посылокъ такого умозаключенія; но еще съ бо̀льшею очевидностью хотѣлось бы мнѣ обнаружить тѣ нежеланныя послѣдствія, къ которымъ могутъ привести эти посылки. Главная забота наша послѣ возсоединенія уніатовъ должна заключаться въ перевоспитаніи ихъ въ духѣ Русской національности, въ сліяніи ихъ быта съ стихіями Русской жизни, словомъ—въ полномъ возрусеніи ихъ. Конечно, Православіе должно послужить однимъ изъ самыхъ могущественныхъ двигателей народа къ этой цѣли. Но кромѣ религіозныхъ не слѣдовало бы забывать и о другихъ двигателяхъ, не менѣе важныхъ для этой цѣли. А въ состояніи ли Галичане выполнить собственными силами всѣ обязанности и удовлетворить всѣ нужды въ этомъ отношеніи? Хотя они люди несомнѣнно-благонадежные, несомнѣнно-Русскіе (собственно говоря Руськіе *), но несомнѣнно также, что они чужеземцы. Имъ чужды сокровенныя тайны Великорусской жизни; въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій они стояли въ сторонѣ отъ нея, не участвуя ни въ нашихъ радостяхъ, ни въ нашихъ напастяхъ. Современные вопросы Русской жизни интересуютъ ихъ гораздо менѣе, чѣмъ вопросы о министерствѣ графа Голуховскаго и дѣяніяхъ митрополита Сембратовича. А между тѣмъ обращеніе съ ново-возсоединенными уніатами требуетъ именно Русской руки и именно Русскаго сердца и притомъ сердца без-

*) Ороографія, посредствомъ которой Галицкая Русь довольно о̀бразно отличаетъ себя и въ дѣйствительности отличается отъ Руси „Московской“.

корыстно и горячо любящаго, которое съумѣло бы привлечь неофитовъ, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, къ возсоединенію съ Русскою жизнью. Могутъ ли Галичане быть признанными за *болѣе пригодныхъ* для этой цѣли, чѣмъ духовенство сѣверо и юго-западныхъ губерній? До сихъ поръ они были полезны и необходимы для насъ потому, что намъ нужны были благонадежные *уніатскіе* священники, которыхъ у себя дома мы въ достаточномъ количествѣ не имѣли; но теперь, когда намъ нужны священники *православные*, зачѣмъ звать къ себѣ священниковъ иновѣрныхъ изъ Галиціи? Неужели земля Русская сошлась клиномъ? Неужели духъ Православія будетъ крѣпче водворенъ, если будетъ насаждаемъ пастырями, которые принимаютъ Православіе только здѣсь у насъ, по переѣздѣ черезъ границу, а у себя дома продолжаютъ быть уніатами? Или, быть можетъ, этого требуютъ соображенія политическія, къ которымъ найдено нужнымъ обратиться теперь, когда политическое сліяніе уніатовъ съ Бѣлымъ Царемъ уже достигнуто? Быть можетъ, Галичане признаны лицами единственно-способными продолжатъ борьбу съ духомъ Латино-польскихъ традицій, въ которыхъ воспитано возсоединившееся населеніе? Но Малороссіяне западныхъ и особенно юго-западныхъ губерній гораздо громче заявили въ исторіи умѣніе свое бороться съ этимъ духомъ и побѣждать его, чѣмъ Галичане, которые до сихъ поръ все еще борятся и не могутъ побороть его.

Вотъ главный вопросъ, ради котораго я рѣшился возразить противъ формулы г. М. Соловьева, представляющейся съ перваго взгляда столь невинною и справедливою. Вопросъ этотъ живо интересуетъ многихъ подобно мнѣ принимающихъ близкое участіе въ судьбѣ возсоединеннаго народа. Я самъ вышелъ изъ среды народа; я жилъ въ средѣ уніатовъ, служилъ этому народу сперва въ качествѣ сельскаго учителя, потомъ въ званіи ближайшаго исполнителя относившихся до него административныхъ распоряженій; я удостоился лично присутствовать при подписаніи имъ перваго приговора о возсоединеніи съ Православіемъ. Поэтому, какъ ближайшій свидѣтель событій, считаю себя вправѣ откликнуться на столь важное по мнѣнію моему дѣло и увѣренъ, что мнѣніе мое будетъ поддержано сочувствіемъ всѣхъ непредубѣжденныхъ лицъ, особенно же Малороссійскаго духовенства, которому по всей справедливости и по праву историческаго преемства должна принадлежать честь состязанія съ тѣми достойными всякой похвалы Галичанами, которые вошли уже въ составъ мѣстнаго духовенства, до возсоединенія уніатовъ.

Л. Словачевскій.

2-го Іюня 1875 г.

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ ЗАЯВЛЕНІЕ.

Въ Русскомъ Архивѣ 1875 года, въ тетради 1-й, стр. 448, въ статьѣ г. Лазаревскаго „Очерки Малороссійскихъ фамилій“, помѣщено извѣстіе о родѣ Герциковъ, которое оканчивается замѣчаніемъ, что потомки этой фамиліи, стѣсняясь родовымъ прозвищемъ, постоянно именовали себя по отечеству и тѣмъ не хотѣли напоминать о своемъ происхожденіи отъ выкреста-Еврея изъ Уманя. Желаніе это, кажется, исполнилось и, сколько мнѣ извѣстно, въ настоящее время въ Малороссіи этой фамиліи не встрѣчается. Въ Россіи же и западныхъ губерніяхъ есть другая однозвучная и только съ разницею въ правописаніи фамилія „Герцыкъ“, но неимѣющая ничего общаго съ тою, о которой напечаталъ извѣстіе г. Лазаревскій.

Родъ этотъ, какъ видно изъ имѣющихся у меня фамильныхъ бумагъ, происходитъ отъ Өедора, князя на Лубнѣ, Полубинскаго; сынъ его Петръ жилъ въ XIV вѣкѣ; а внукъ Щенсный, за отличные подвиги за границею, пожалованъ титуломъ герцога, „Hercyk“; титулъ обратился въ прозвище, фамилію, и потомки стали именоваться Герцыками. Гербъ фамиліи этой: въ голубомъ полѣ черный орелъ, на груди орла золотая подкова, а въ ней такой же крестъ; на верху княжеской короны также черный орелъ, держащій въ лапѣ туже золотую подкову съ крестомъ.

Вотъ разница между двумя фамиліями, совершенно однозвучными, но тѣмъ не менѣе, какъ выше сказано, не имѣющими между собой ничего общаго. Потомки первой, стѣсняясь происхожденіемъ своего родоначальника, старались избавиться отъ нея; а линія отъ князей Полубинскихъ сохранила ее, какъ титулъ пожалованный одному изъ предковъ за военные подвиги. *Викторъ Герцыкъ.*

Муромъ. 12 Апрѣля 1875.

Поправка.

Въ Р. Архивѣ сего года въ І-й кн., на стр. 219 и д., помѣщена статья подъ заглавіемъ: „Изъ недавняго прошлаго“, за подписью „стараго воспитанника Военной Академіи“. Въ статью эту вкралась ошибка. Въ разсказѣ, чрезвычайно знаменательномъ, почтенный авторъ называетъ вице-директора Военной Академіи Александромъ Ивановичемъ Ризенкамфомъ, тогда какъ этотъ былъ вице-директоромъ департамента Генеральнаго Штаба, а вице-директоромъ Военной Академіи былъ—Рененкамфъ, и ни одинъ изъ нихъ не назывался Александромъ Ивановичемъ. Первый былъ Егоръ Евстафьевичъ, а послѣдній Карлъ Павловичъ. Здѣсь нельзя сказать, какъ въ одномъ стихотвореніи:

«Какое дѣло до названья?
«Положимъ, мать была Маланья,
«Мы будемъ продолжать разсказъ»...

Такая неточность, въ разсказѣ историческаго значенія, и не маловажнаго, ослабляетъ довѣренность къ остальному. *И. Липранди.*

25 Марта 1875 г. С. П. Б.

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ

КНИГА ПЕРВАЯ

(533 стр.)

1. Біографія Е. А. Головина, соч. *Ю. В. Толстаго.*
2. Записки *Н В. Басаргина.*
3. Записка о духовномъ союзѣ Татариновой (по неизданнымъ бумагамъ).
4. Дневникъ художника *Боровиковскаго.*
5. Записки *князя Грабе-Горскаго.*
6. Новыя автобіографическія показанія *Магницкаго.*
7. Воспоминанія о Венгерской кампаніи, *Д. П. Сонцова.*
8. Крестьяне Царства Польскаго въ 1863 г.
9. Неизданныя бумаги и письма Рылѣева, статьи и воспоминанія о немъ.
10. Письма Рылѣева къ Пушкину и Пушкина къ Нащокину.
11. Письма Жуковскаго къ Е. Г. Пушкиной.
12. Обозрѣніе жизни и царствованія императора Александра Павловича, *Н. В. Путяты.*

СОДЕРЖАНІЕ

второй книги

ДЕВЯТНАДЦАТАГО ВѢКА

(296 и 0271 стр.)

ЗАПИСКИ Н. В. БЕРГА
О ПОЛЬСКИХЪ ЗАГОВОРАХЪ И ВОЗСТАНІЯХЪ
1831—1862.

СОДЕРЖАНІЕ ЗАПИСОКЪ Н. В. БЕРГА.
О ПОЛЬСКИХЪ ЗАГОВОРАХЪ И ВОЗСТАНІЯХЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Польская эмиграція въ Европѣ.—Партіи и Комитеты.—Заговоръ Заливскаго.—Эмиссаръ Конарскій.—Послѣдствія его пропаганды.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Заговоры и революціонные взрывы 1846 года.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Распоряженіе фельдмаршала Паскевича.—Занятіе Кракова Русскими войсками.—Краткій очеркъ безпорядковъ въ Княжествѣ Познанскомъ.—Нѣсколько словъ о послѣдующихъ возстаніяхъ до 1849 года.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Прибытіе въ Варшаву князя Горчакова.—Перемѣна въ воздухѣ.—Партіи.—Первыя манифестаціи.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Адресъ. — Медицинско-судебный осмотръ тѣлъ. — Торжественныя похороны пяти жертвъ. — Занятія делегатовъ. — Слѣдственная коммиссія для разбора дѣла о выстрѣлахъ.—Маркизъ Велепольскій.—Упраздненіе делегаціи.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Трудность положенія Велепольскаго. — Закрытіе Земледѣльческаго Общества. — Манифестаціи у дома Кредитнаго Общества и у дома графа Замойскаго.—Сборища народа у Замка. — Стрѣльба. — Зачатки бѣлой организаціи. — Смерть князя Горчакова.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Назначеніе намѣстникомъ военнаго министра Сухозанета.—Проѣздъ графа Ламберта черезъ Варшаву изъ за границы.—Возобновленіе манифестаціи.—Первый подземный листокъ.—Назначеніе намѣстникомъ графа Ламберта, а военнымъ генералъ-губернаторомъ г. Варшавы генералъ-адъютанта Герштенцвейга.—Выборы.—Борьба противъ нихъ красной партіи.—Городельская манифестація.—Смерть архіепископа Фіалковскаго.—Манифестація похоронъ.—Объявленіе военнаго положенія.—Панихида по Костюшкѣ.—Аресты въ храмахъ.—Закрытіе ихъ по распоряженію духовенства. Послѣдствія этого.—Смерть Герштенцвейга.—Отъѣздъ за границу графа Ламберта.

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ 1875 ГОДА.

(ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

ПИСЬМА, БУМАГИ, ВОСПОМИНАНІЯ И ЖИЗНЕОПИСАНІЯ ГЛАВНѢЙШИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ РУССКОЙ ЖИЗНИ И РУССКОЙ МЫСЛИ.—СТАТЬИ ПО РУССКОЙ ИСТОРІИ ВООБЩЕ.—КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ, НЕКРОЛОГИ, КНИЖНЫЯ ВѢСТИ, ИСТОРИЧЕСКІЕ АНЕКДОТЫ И МЕЛОЧИ.

ВЫХОДИТЪ 12 РАЗЪ ВЪ ГОДЪ ПО МѢРѢ ОТПЕЧАТАНІЯ.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1875 года, какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою гг. иногороднымъ подписчикамъ

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Желающіе получать Русскій Архивъ въ 1875 году доставляютъ или высылаютъ эти **ВОСЕМЬ** рублей, съ приложеніемъ четко написаннаго мѣста своего жительства, *въ Москву. на Берсеневской Набережной Москвы-рѣки, за большимъ Каменнымъ мостомъ, противъ храма Спасителя, въ домъ Московскаго Археологическаго общества, издателю Русскаго Архива Петру Ивановичу Бартеневу*. Кромѣ того подписка на Русскій Архивъ принимается на Страстномъ бульварѣ, при книжномъ магазинѣ *И. Г. Соловьева*. Въ С.-Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ принимается при книжномъ магазинѣ *А. Ѳ. Базунова*, на Невскомъ проспектѣ.

Въ тѣхъ же мѣстахъ можно получать полныя изданія Русскаго Архива 1872, 1873 и 1874 годовъ, по двѣ большія книги въ каждомъ году. Цѣна 4 рубля за каждую книгу (съ пересылкою).

Прежніе годы Русскаго Архива (т. е. 1863 —1871) можно получать въ С.-Петербургѣ, на Апраксиномъ дворѣ, у книгопродавца Ваганова.

Заграничные подписчики къ вышеозначеннымъ цѣнамъ прибавляютъ за годъ: для Германіи и Бельгіи — **2** р., для Франціи и Англіи—**3** р., для Швейцаріи и Италіи—**2** р. **50** к.

Составитель и издатель Русскаго Архива **Петръ Бартеневъ.**

Русскій Архивъ будетъ выходить въ 1876 году на прежнихъ основаніяхъ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1875. ИЗДАВАЕМЫЙ 8.

Петромъ Бартеневымъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

☞ ИЗДАНІЕ РУССКАГО АРХИВА ПЕРЕВЕДЕНО СЪ БЕРСЕНЕВКИ НА НИКИТСКІЙ БУЛЬВАРЪ, БЛИЗЪ ЦЕРКВИ СВЯТАГО ѲЕОДОРА СТУДИТА, ВЪ ДОМЪ ДЮГАМЕЛЯ.

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ ГРАЧЕВА И КОМП., У ПРЕЧИСТЕНСКИХЪ ВОР., Д. ШИЛОВОЙ.

1875.

МОСКВА ВЪ 1812 ГОДУ *).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Императоръ выѣхалъ изъ Москвы ночью съ 18 на 19-е Іюля. „Въ день отъѣзда онъ занимался дѣлами въ продолженіи цѣлаго дня, говоритъ гр. Ростопчинъ. Я вошелъ къ нему проститься уже около полуночи. Онъ предложилъ мнѣ главное начальство надъ ополченіемъ шести губерній, смежныхъ съ Московскою. Я просилъ его уволить меня отъ этого назначенія, и онъ, кажется, согласился съ моими соображеніями; я просилъ также у него приказаній и наставленій о томъ, какъ я долженъ былъ поступать при различныхъ обстоятельствахъ и получилъ только слѣдующій отвѣтъ: „Я даю вамъ полную власть дѣйствовать, какъ сочтете нужнымъ. Какъ можно предвидѣть въ настоящее время, что̀ можетъ случиться? Я полагаюсь на васъ“. Онъ сообщилъ мнѣ только, что оставилъ при первой арміи генералъ-адъютанта Кутузова съ тѣмъ, чтобы онъ привезъ ему извѣстіе о проигранномъ сраженіи, если это случится. Онъ не хотѣлъ, чтобы я провожалъ его до заставы, сѣлъ въ коляску и уѣхалъ, оставивъ меня *полновластнымъ*, вполнѣ облеченнымъ его довѣренностію и въ чрезвычайно-затруднительномъ положеніи импровизатора, которому задали задачу: *Наполеонъ* и *Москва*“.

Обстоятельства были таковы, что и при первомъ назначеніи гр. Ростопчина Московскимъ генералъ-губернаторомъ, въ Мартѣ мѣсяцѣ, императоръ отказался исполнить его желаніе, т. е. не далъ ему особаго наказа для дѣйствій, которыя онъ долженъ былъ согласовать съ ходомъ событій. Съ тѣхъ поръ обстоятельства усложнились еще болѣе, возможность ихъ послѣдствій сдѣлалась еще неопредѣленнѣе и грознѣе. Чрезвычайныя мѣры, предпринятыя для защиты Отечества, именно во время пребыванія императора въ Москвѣ, уже показывали всю силу грозившей опасности; а сообщеніе императора, съ какою цѣлью онъ оставилъ при арміи генералъ-адъютанта Кутузова, свидѣтельствовало̀, что онъ имѣлъ причины опасаться, что рѣшительное сраженіе, данное непріятелю, можетъ быть проиграно. Это событіе въ свой чередъ значительно измѣнило бы ходъ дѣлъ. При такихъ обстоятельствахъ очевидно, что императоръ поступилъ благоразумно, не давъ подробныхъ приказаній и наставленій гр. Ростопчину. Безъ сомнѣнія это положеніе понималъ и самъ Московскій генералъ-губернаторъ и, испрашивая ихъ снова у государя, желалъ только дать ему поводъ снова выразить ему полное свое довѣріе. Онъ понималъ, что образъ мыслей императора былъ несогласенъ съ его образомъ мыслей, который безъ сомнѣнія не могъ остаться безъ вліянія и на образъ его дѣйствій, какъ бы онъ ни желалъ согласовать ихъ съ видами государя. „Во время моего управленія, замѣтилъ онъ въ своихъ Запискахъ, многіе въ Москвѣ были увѣрены и даже до сихъ поръ полагаютъ, что у меня были подписан-

---

*) См. выше, стр. 269.

ныя императоромъ бланки; но они ошибаются: императоръ никогда и никому не ввѣрялъ такихъ бланокъ, за что конечно онъ достоинъ хвалы, потому что такъ много людей, которые готовы злоупотреблять властью даже и безъ такого полномочія". Конечно весьма справедливы послѣднія слова графа Ростопчина; но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не замѣтить, что и мнѣніе Москвичей, которые полагали, что полновластіе, дарованное ему государемъ, простиралось до такой степени, что онъ снабдилъ его бланками за своею подписью, также имѣло свое основаніе, какъ покажетъ дальнѣйшій разсказъ о его дѣйствіяхъ.

Гр. Ростопчинъ не упоминаетъ о томъ, что̀ онъ говорилъ государю и какія предлагалъ принять мѣры. Но сомнѣнія быть не можетъ (если принять въ соображеніе его письма къ государю), что послѣ цѣлаго мѣсяца исправленія своей должности, онъ говорилъ съ государемъ напримѣръ о Верещагинѣ и Мартинистахъ, составлявшихъ главный предметъ его заботъ. Его предположенія, изложенныя въ письмахъ къ государю, остались безъ отвѣта, можетъ быть и потому, что государь получалъ ихъ въ то время, когда самъ намѣревался уже ѣхать въ Москву. Едвали можно сомнѣваться, что гр. Ростопчинъ пожелалъ узнать мнѣніе объ этомъ государя. Заводилъ ли онъ рѣчь о подложной казни Верещагина, которую безъ сомнѣнія отклонилъ бы государь, или понялъ самъ всю невозможность (послѣ пріема, оказаннаго государю Москвою) разыграть на ея стогнахъ эту недостойную траги-комедію? Но что онъ напоминалъ о Верещагинѣ и слѣдовательно о Ключаревѣ и вообще Мартинистахъ, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Въ послѣдствіи, когда дѣло было внесено въ Сенатъ, онъ объявилъ высочайшее повелѣніе, чтобы оно было разсмотрѣно *немедленно и безъ очереди*. Когда же онъ могъ получить это повелѣніе какъ не при личномъ докладѣ, настаивая на томъ, что обстоятельства времени требуютъ скорѣйшаго рѣшенія этого дѣла. Понятно, что при этомъ случаѣ онъ говорилъ о Ключаревѣ и Мартинистахъ. Вѣроятно государь отклонилъ принятіе суровыхъ мѣръ къ отношеніи къ людямъ не изобличеннымъ ни въ чемъ преступномъ; но вѣроятно также, что графу Ростопчину удалось внушить государю подозрѣніе къ нимъ, какъ можно предполагать по нѣкоторымъ послѣдующимъ его дѣйствіямъ.

Не разсказывая того, о чемъ онъ говорилъ съ государемъ, графъ Ростопчинъ счелъ нужнымъ упомянуть о томъ, чего онъ ему не сказалъ [1]).

---

[1]) Гр. Ростопчинъ въ Запискахъ о 1812 г. говоритъ: „Во время пребыванія императора въ Москвѣ постоянно приходили извѣстія объ отступленіи войскъ къ Смоленску, прибытіи ихъ въ этотъ городъ, соединеніи Барклая съ Багратіономъ. Непріятель уже занялъ Минскъ, Могилевъ и Витебскъ. Страхъ распространялся въ Москвѣ, но пребываніе государя привлекало всеобщее вниманіе. Курьеръ изъ Петербурга привезъ извѣстіе, что наслѣдный принцъ Шведскій (Бернадотъ) прибудетъ въ Або, для свиданія съ императоромъ и что пріѣхалъ новый Англійскій посланникъ лордъ Каткартъ". Очевидно память измѣнила гр. Ростопчину въ то время, когда онъ писалъ эти строки; у него утратилась послѣдовательность происшествій, и происшествія разныхъ временъ пріурочены къ одному. Во время пребыванія государя въ Москвѣ никто не зналъ, что наши войска будутъ отступать до Смоленска, и самъ онъ этого не предполагалъ. Напротивъ, государь думалъ, что будетъ дано генеральное сраженіе подъ Витебскомъ и ожидалъ о немъ извѣстій, которыя поручилъ привезть къ себѣ генералъ-адъютанту Кутузову. Императоръ выѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ съ 18-го на 19-е Іюля, а обѣ наши арміи соединились въ Смоленскѣ 22-го Іюля; слѣдовательно извѣстіе объ этомъ событіи не могло-

„Великій князь Константинъ (говоритъ онъ) прибылъ изъ арміи Барклая, который, считая его присутствіе безполезнымъ и затруднительнымъ, отправилъ его курьеромъ къ императору въ Москву съ словеснымъ порученіемъ представить отчетъ о состояніи войскъ и предположеніяхъ главнокомандующаго. Императоръ хотѣлъ оставить великаго князя въ Москвѣ, поручивъ ему составить кавалерійскій полкъ, чтó великій князь считалъ дѣломъ 15 дней, предполагая годныхъ ему людей и лошадей брать повсюду, гдѣ бы онъ ихъ ни нашелъ. Предвидя неудобства отъ его пребыванія въ Москвѣ и дурнаго впечатлѣнія, которое могъ бы произвесть тотъ способъ, который онъ намѣревался употребить для составленія полка, я просилъ императора дать другое назначеніе великому князю, чтобы избавить меня отъ непріятностей: мнѣ бы пришлось отвѣчать за его дѣйствія въ такое время, когда всѣ часы я долженъ былъ посвящать многочисленнымъ дѣламъ первостепенной важности. Императоръ согласился со мною и намѣревался поручить своему брату составленіе ополченій въ Нижнемъ Новгородѣ; но въ слѣдствіе его отказа и просьбъ согласился снова отпустить его въ армію. Я ревностно желалъ отъѣзда и удаленія изъ Москвы великаго князя Константина. Мартинисты, которые дѣйствовали въ тайнѣ, но съ упорнымъ постоянствомъ, распустили между хвастунами и трусами молву, что императоръ Александръ былъ причиною опасности, которая угрожаетъ имперіи, что его царствованіе можетъ быть только несчастливое и что на его мѣсто слѣдуетъ посадить его брата Константина. Такое предположеніе, столько же безсмысленное, какъ и ужасное, разумѣется, никогда не могло быть осуществлено на дѣлѣ, потому что это послужило бы въ пользу Наполеона и къ погибели государства, произвело бы революцію въ такое время, когда всѣми способами слѣдовало поддерживать и подкрѣплять правительство, пожертвованіями, единодушіемъ и спокойствіемъ. Разрушеніемъ же основанія конечно нельзя было предохранить зданіе отъ паденія. Я не сказалъ объ этомъ ни одного слова государю ни въ то время, ни послѣ, чтобы не возбудить подозрѣнія къ брату, который былъ совершенно чуждъ этимъ кознямъ злыхъ людей. Низость также примѣшалась къ тайной измѣнѣ, и въ то время, когда великій князь спѣшилъ изготовиться къ отъѣзду въ армію, Валуевъ ему сказалъ: „Останьтесь здѣсь, ваше высочество, не удаляйтесь отъ собора; ваше мѣсто здѣсь"... На это великій князь, не понимая значенія этихъ словъ, отвѣчалъ: „Я васъ оставляю здѣсь молиться Богу; а самъ ѣду драться въ арміи; тамъ мое мѣсто".

Какихъ рѣчей нельзя было подслушать въ темныхъ закоулкахъ Москвы или въ кабакахъ и харчевняхъ! Но они не имѣли ровно никакого значенія и не производили никакого дѣйствія, какъ свидѣтельствуетъ самъ же

прідти въ Москву во время его пребыванія въ ней. Письмо отъ наслѣднаго Шведскаго принца, въ которомъ онъ изъявлялъ согласіе имѣть личное свиданіе съ императоромъ, было получено имъ уже въ Петербургѣ, чрезъ нѣсколько дней по возвращеніи изъ Москвы. Что же касается до лорда Каткарта, то императоръ могъ узнать въ Москвѣ только о назначеніи его чрезвычайнымъ посломъ къ нашему двору. Сѣвер. Почта 1812 г. № 62, Авг. 3-го, въ числѣ извѣстій изъ Лондона отъ 21 Авг. н. ст., сообщала, что: „вчера лордъ Каткартъ откланивался, будучи назначенъ посломъ *къ одному* изъ знатнѣйшихъ дворовъ въ Европѣ. Онъ немедленно отсюда отправится". Письмомъ изъ Або, лордъ Каткартъ 27-го Авг. н. ст. извѣщалъ гр. Румянцева, что онъ туда прибылъ и ожидаетъ распоряженій нашего правительства. Онъ же письмомъ отъ 23 Авг. (4 Сент.) увѣдомилъ канцлера, что пріѣхалъ въ Петербургъ.

графъ Ростопчинъ. Говоря о собраніяхъ Мартинистовъ у П. И. Кутузова, онъ продолжаетъ: „По счастію, не смотря на значительное число ихъ послѣдователей, даже между купцами, слухи, которые они распускали, не производили дѣйствія, какое они предполагали. Всѣ были слишкомъ заняты и озобочены, и не было времени для праздности, которая была бы способна вѣрить ложнымъ слухамъ, такъ что всякій подобный слухъ не внушалъ никакого довѣрія. Но самый коварный изо всѣхъ былъ слухъ, будто Наполеонъ былъ сынъ императрицы Екатерины, что онъ былъ воспитанъ въ чужихъ краяхъ и что на смертномъ одрѣ она взяла клятву съ императора Павла, чтобы онъ уступилъ половину Русской имперіи своему брату Наполеону, если онъ появится". Общее настроеніе Москвы, выразившееся въ пріемѣ государя, уничтожило всякіе нелѣпые слухи, и никто изъ современниковъ даже не упоминаетъ о подобныхъ слухахъ. Но за этими слухами ревностно слѣдилъ гр. Ростопчинъ и къ несчастію придавалъ имъ важность, приписывая ихъ Мартинистамъ. Каждому случайному выраженію, а при томъ такого безопаснаго въ политическомъ отношеніи лица, какъ Валуевъ, онъ придавалъ преступное значеніе.

Никому неизвѣстные разговоры гр. Ростопчина съ императоромъ естественно составляли предметъ толковъ и предположеній между Москвичами въ это время. Эти предположенія вошли и во многія сочиненія современниковъ объ этой эпохѣ, а потомъ повторялись, доказывались или опровергались послѣдующими писателями. „Удивленный и почти испуганный, по свойственной ему скромности (говоритъ одинъ изъ нихъ) силою выраженія чувствъ жителями Москвы, императоръ пробылъ нѣсколько дней въ древней столицѣ; но эти дни составляли эпоху въ жизни генералъ-губернатора, съ которымъ онъ велъ разговоры великой важности, въ которыхъ дѣло шло о чрезвычайныхъ средствахъ для спасенія имперіи. Далъ-ли онъ положительныя наставленія гр. Ростопчину, какъ онъ долженъ поступать въ томъ случаѣ, если Французы приблизятся къ стѣнамъ Кремля? Ничего положительнаго объ этомъ сказать нельзя. Не могла однакоже возможность этого случая не представиться имъ обоимъ, и кто знаетъ, можетъ быть заносчивый Ростопчинъ, который у подножія трона не умѣлъ себя сдерживать, предвидѣлъ уже это? А можетъ быть нерѣшительный и мягкій характеръ императора Александра помѣшалъ генералъ-губернатору предложить вопросъ, на тотъ случай, если священный городъ будетъ опозоренъ занятіемъ непріятеля" [2]).

Не можетъ подлежать сомнѣнію, что главный предметъ разговоровъ касался именно тѣхъ чрезвычайныхъ средствъ, которыя рѣшился придпринять императоръ, а именно пожертвованій и составленія народныхъ ополченій. Но едвали могла быть рѣчь о занятіи непріятелемъ Москвы, и особенно о ея сожженіи, какъ думаютъ нѣкоторые иностранные писатели [3]). Ходъ войны еще недостаточно обозначился; императоръ ожидалъ рѣшительнаго сраженія послѣ соединенія двухъ армій; еще неизвѣстно было, на Москву или на Петербургъ двинетъ непріятель главныя свои силы. Чтó касается до графа Ростопчина, то онъ былъ весьма далекъ отъ этой мысли въ это время. Послѣ извѣстія объ оставленіи Дрисскаго лагеря,

---

[2]) Шнитцлеръ, Rostopchine et Koutousof, la Russie en 1812. Paris. 1869, стр. 108.

[3]) Chambray, Histoire de l'expédition de Russie, т. 1, стр. 365.—Fain, manuscrit de 1812, т. 1, стр. 313.—Cte Segur, Histoire de Napoleon et de la grande armée, т. II, кн. VIII, гл. 2, стр. 18.

онъ говоритъ: „Я узналъ отъ одного изъ чиновниковъ при арміи Багратіона, что она съ начала военныхъ дѣйствій простиралась только до 68 тысячъ, а Барклаева до 104. Зная умѣнье Наполеона дѣйствовать большими массами и въ виду возможности съ нашей стороны противупоставить ему болѣе половины силъ въ сравненіи съ его, я надѣялся, что Смоленскъ остановитъ его движеніе впередъ и что онъ окончитъ свою первую кампанію на берегахъ Днѣпра“.

Одинъ изъ иностранцевъ, проживавшій въ это время въ Москвѣ, говоритъ, что „гр. Ростопчинъ совѣтовалъ императору возвести укрѣпленія вокругъ Москвы, вооружить жителей для ея защиты и особенно усилить надзоръ и принять строгія мѣры противъ проживавшихъ тамъ Французовъ; но императоръ положительно отвергъ это послѣднее предложеніе. „За чѣмъ, сказалъ онъ, тревожить Французовъ, поселившихся въ Россіи? Я знаю, что они невинны и меня любятъ“ [4]). Конечно этотъ разговоръ основанъ на слухахъ, ходившихъ въ это время между иностранцами въ Москвѣ; но онъ не представляетъ ничего невѣроятнаго. Очень естественно было графу Ростопчину говорить о той мѣрѣ, которую онъ уже предлагалъ императору прежде. Вѣроятно и то, что государь совѣтовалъ ему не употреблять безъ разбора строгихъ мѣръ въ отношеніи къ Французамъ; но чтобы его отвѣтъ на предложеніе гр. Ростопчина былъ выраженъ такъ безусловно, это весьма сомнительно. Высочайшее повелѣніе объ иностранцахъ, состоявшееся еще въ лагерѣ при Дриссѣ, на основаніи быть можетъ совѣтовъ гр. Ростопчина, а особенно на основаніи донесеній нашихъ дипломатическихъ агентовъ за границею о Французскихъ шпіонахъ, отправленныхъ въ Россію, можетъ служить тому доказательствомъ. Только что сдѣлавъ распоряженія о приготовленіи къ вывозу изъ Петербурга всѣхъ государственныхъ дѣлъ, архивовъ и драгоцѣнностей, государь конечно поручилъ гр. Ростопчину принять такія же мѣры и въ отношеніи къ Москвѣ. Послѣдующія письма гр. Ростопчина къ государю доказываютъ, что этотъ вопросъ входилъ въ предметы совѣщаній государя съ Московскимъ главнокомандующимъ. Безъ сомнѣнія онъ говорилъ съ нимъ и о возбужденіи народа къ защитѣ Отечества. Эта мысль занимала его въ это время, и слѣдующее обстоятельство подтверждаетъ такое предположеніе.

15 Іюля, когда государь выходилъ уже изъ залы Слободскаго дворца, гдѣ было собрано дворянство и купечество, начальникъ Кремлевской Экспедиціи П. С. Валуевъ взялъ за руку Глинку, говоря: „Пойдемте, Сергѣй Николаевичь, я представлю васъ государю“.—„Теперь не до меня, ваше превосходительство“, отвѣчалъ ему Глинка и поспѣшно уѣхалъ домой.

Не одни событія этого дня, способныя взволновать и не такого впечатлительнаго и увлекавшагося человѣка, какимъ былъ С. Н. Глинка, но вмѣстѣ съ тѣмъ и забота о семействѣ должны были его тревожить. Его постоянныя выходки, хотя и патріотическія, его бесѣды съ народомъ, внушили опасенія въ близкихъ къ нему людяхъ, которые постоянно его предостерегали. Съ тѣхъ поръ какъ онъ отданъ былъ подъ надзоръ полиціи, его семейство находилось въ постоянномъ ожиданіи бѣды. По пріѣздѣ домой, „сбылось мое предчувствіе, говоритъ онъ: застаю бѣдную жену мою въ страданіи и горькихъ слезахъ. Нѣкоторые изъ услужливыхъ моихъ знакомыхъ настращали ее, что мнѣ, за отважные мои возгласы въ собраніи, не

---

[4]) Armand Domergue, la Russie pendant les guerres de l’empire, т. I, стр. 230.

миновать бѣды. „Молись Богу, сказалъ я плачущей женѣ моей; знаю, что меня позовутъ; а потому на всякой случай заготовь бѣлый жилетъ и бѣлую косынку. Когда потребуютъ, то поѣду во фракѣ: чужой губернскій мундиръ насмѣшилъ и меня, и моихъ знакомыхъ“. Семейство и знакомые Глинки были увѣрены, что его рѣчь въ дворянскомъ собраніи не пройдетъ ему даромъ. Вѣсть о почтовыхъ телѣжкахъ конечно уже разнеслась по Москвѣ. Безпокойство усилилось, когда 19-го Іюля явился къ Глинкѣ ординарецъ гр. Ростопчина съ приглашеніемъ явиться къ нему. „Я этого ожидалъ, сказалъ онъ своей супругѣ, молись Богу“.

Когда Глинка вошелъ въ кабинетъ главнокомандующаго, у котораго находился въ это время его адъютантъ Обрѣзковъ, гр. Ростопчинъ быстро подошелъ къ нему, говоря: „Забудемъ прошедшее, теперь дѣло идетъ о судьбѣ Отечества“ и, взявъ со стола орденъ и бумагу, продолжалъ: „Государь жалуетъ васъ кавалеромъ четвертой степени Владиміра *за любовь вашу къ Отечеству*, доказанную сочиненіями и дѣяніями вашими. Такъ изображено въ рескриптѣ за собственноручною подписью государя императора. Вотъ рескриптъ и орденъ. Поздравляю васъ кавалеромъ“. Въ то время какъ графъ Ростопчинъ сопровождалъ поцалуемъ свое поздравленіе, Обрѣзковъ суетился прицѣпить орденъ ко фраку Глинки. За тѣмъ графъ Ростопчинъ продолжалъ: „Священнымъ именемъ государя императора развязываю вамъ языкъ на все полезное для Отечества, а руки на 300 тысячъ экстраординарной суммы. Государь возлагаетъ на васъ особенныя порученія, по которымъ будете совѣщаться со мною“.—„Благодарю государя, отвѣчалъ Глинка; но позвольте мнѣ поспѣшить къ женѣ моей. У ней трое сутокъ отзывается въ ушахъ звонъ Сибирскаго колокольчика“. Подъѣхавъ къ своему дому и увидавъ супругу, которая, ожидая его, сидѣла у растворреннаго окна, Глинка махалъ ей лентою ордена, говоря: „вотъ крестъ, а не бѣда“ [5]).

Хотя графъ Ростопчинъ и былъ въ ссорѣ съ Глинкою, но долженъ былъ уступить силѣ обстоятельствъ. Безъ сомнѣнія въ этомъ случаѣ воля государя служила главнымъ основаніемъ перемѣны его образа дѣйствій. Императоръ не могъ не знать, какое значеніе пріобрѣлъ издатель Русскаго Вѣстника и какое вліяніе могъ имѣть на народъ. 300 тысячъ назначались для поддержанія и бóльшаго возбужденія патріотическаго духа въ народѣ и отдавались въ распоряженіе Глинки. Впрочемъ и самъ гр. Ростопчинъ безъ сомнѣнія понялъ, что вступать въ борьбу и преслѣдовать человѣка, котораго исключительная особенность заключалась въ восхваленіи, хотя подъ часъ неудачномъ, всего Русскаго, въ воззваніяхъ къ самопожертвованію для спасенія Отечества, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, было бы не только неумѣстнымъ, но даже опаснымъ. Будучи представителемъ государственной власти въ Москвѣ, онъ самъ желалъ разыгрывать въ тоже время и какъ бы роль народнаго трибуна; но кто же повѣрилъ бы его искренности въ этомъ случаѣ, еслибъ онъ сталъ преслѣдовать Глинку? Ему необходимо было помириться съ нимъ, чтобы взять его въ свои руки и сдѣлать своимъ орудіемъ.

Такъ и поступилъ гр. Ростопчинъ. Это была уступка обстоятельствамъ. Въ послѣдствіи, въ своихъ Запискахъ о 1812 г., онъ ни разу не упоминаетъ даже имени Глинки; а между тѣмъ Глинка очень ревностно исполнялъ *особенныя порученія*, которыя возложены были на него государемъ и которымъ гр. Ростопчинъ придавалъ важное значеніе. Но взгляды графа въ этомъ отно-

---

[5]) С. Н. Глинка, Записки о 1812 г., стр. 28—29.

шеніи совершенно различались со взглядами его подручника. Онъ счелъ нужнымъ испросить у государя 300 тыс. особенной суммы, предназначенной для того, чтобы возбудить народъ противъ непріятеля къ защитѣ Отечества и поручилъ С. Н. Глинкѣ распоряжаться этими деньгами. „Немедленно, говоритъ Глинка, я приступилъ къ тѣмъ особымъ порученіямъ, съ которыми нерѣдко, и въ Москвѣ и внѣ стѣнъ ея, сопряжена была опасность жизни. Но тогда жизнь была для меня послѣднимъ условіемъ. Я былъ счастливъ и подъ грозною тучею, быстро устремлявшеюся къ Москвѣ. Провидѣніе помогало мнѣ оживлять души добрыхъ гражданъ, успокоивать ихъ умы и внушать имъ мѣры осторожности, предостерегая ихъ отъ смущенія и торопливой робости. Непрестанное присутствіе мое на площадяхъ, на рынкахъ и на улицахъ Московскихъ, сроднило со мною взоры, мысли и сердца Московскихъ обывателей. Дѣйствуя открытою грудью и громкимъ словомъ, я не *прикасался рукою* сотнямъ тысячъ, ввѣреннымъ мнѣ вмѣстѣ съ свободою развязанныхъ устъ. Однажды только, по запискѣ моей, препровождены были въ село Крылацкое кушакъ и шапка крестьянину Никифору, благословившему на брань трехъ сыновъ своихъ. Деньги хороши какъ средство къ оборотамъ потребностей быта общественнаго; но бѣда, гдѣ онѣ заполонятъ общество человѣческое.... При возстаніи душъ дѣйствуйте на нихъ силою нравственною, уравнивающею духъ народный съ величіемъ необычайныхъ обстоятельствъ [6])“.

Въ этихъ послѣднихъ словахъ выражаются великое достоинство С. Н. Глинки и великая его заслуга, которая должна заслонить въ глазахъ потомковъ всѣ странныя и подъ часъ смѣшныя свойства этого историческаго дѣятеля. Онъ сроднился съ народомъ или, лучше сказать, никогда въ качествѣ образованнаго человѣка и не относился къ нему какъ къ невѣжественной и грубой силѣ, неспособной на возвышенное чувство любви къ Отечеству, которую будто можно возбудить въ немъ или ловкими распоряженіями правительственныхъ властей, или силою денегъ [7]).

Хотя гр. Ростопчинъ и пробовалъ отклонить отъ себя начальство надъ ополченіемъ шести смежныхъ съ Московскою губерній, но императоръ назначилъ его начальникомъ перваго округа ополченія. „Это назначеніе, говоритъ гр. Ростопчинъ, въ значительной степени усложнило мои занятія. Ко всѣмъ гражданскимъ губернаторамъ этихъ губерній отправлены были курьеры и сообщены правила, которыми они должны были въ этомъ случаѣ руководствоваться. Я назначилъ мѣста, гдѣ должны были собраться ополченія (которыя были указаны въ самомъ рескриптѣ государя), и въ 24 дня эти ополченія были составлены и обмундированы; но не было достаточнаго количества ружей, чтобы ихъ вооружить. Они были вооружены пиками, которыя мало принесли пользы. Если бы исполнили мое предложеніе еще 1811 года, то имѣли бы въ готовности—640,000 человѣкъ, взявъ по одному съ 25 душъ. Было бы достаточно времени составить дружины и

---

[6]) Тамъ-же.

[7]) Адм. Чичаговъ (Mémoires въ Biblioth. russe, nouv. série, т. VII, Leipzig, 1862 г., стр. 209), говоря о Московскомъ пожарѣ, замѣчаетъ: „Пожаръ по моему мнѣнію не былъ дѣломъ народнаго патріотизма. Патріотизмъ есть чувство слишкомъ возвышенное, чтобы онъ могъ въ значительной степени развиться въ деспотическомъ государствѣ. Въ инстинктивной любви къ своему очагу нельзя отказать Русскимъ; но ея нельзя смѣшивать съ просвѣщенной любовью въ Отечеству свободныхъ народовъ“. Сравни Графа Местра: Correspondance diplomatique, т. I, стр. 153.

обучить ихъ по мѣрѣ слѣдованія къ назначеннымъ мѣстамъ. Они были бы прилично и удобно одѣты; слѣдовало бы взять для нихъ всѣ ружья изъ арсеналовъ и усилить производство на оружейныхъ заводахъ. Не было бы недостатка ни въ пушкахъ, ни въ порохѣ; ихъ распредѣлили бы по корпусамъ и постепенно придвинули бы къ границамъ, гдѣ должны бы начаться военныя дѣйствія. Въ шесть мѣсяцевъ, если даже предположить, что четвертая часть осталась бы назади или совсѣмъ не была бы собрана, во всякомъ случаѣ можно бы имѣть полъ-милліона отличныхъ солдатъ для подкрѣпленія армій, простиравшихся до 300 тысячъ. Были бы еще и резервы, и можно бы числу враговъ противупоставить двойное число воиновъ. Это была война истребленія людей, стало быть у кого ихъ было бы болѣе, за тѣмъ осталась бы и побѣда; а, быть можетъ, узнавши это, Наполеонъ не рѣшился бы начать войну съ Россіею. Европа осталась бы спокойна, а онъ императоромъ въ Тюльери [8])".

---

[8]) Неизвѣстно, на какое свое предложеніе о вооруженіяхъ указываетъ графъ Ростопчинъ. Можетъ быть, это объяснитъ слѣдующее его письмо къ императору 29 Дек. 1806 г. „Государь! Присяга, которую я вамъ приносилъ, можетъ ручаться за мою вѣрность. Я исполняю долгъ христіянина, вѣрнаго подданнаго, говоря о современныхъ обстоятельствахъ вашему величеству, зная людей и будучи одушевленъ ревностію къ славѣ Отечества и сохраненію дворянства, которое вы сами считаете опорою престола. Это знаменитое сословіе, исполненное духа Пожарскаго и Минина, жертвуетъ всѣмъ для Отечества и гордится Русскимъ именемъ. Составляемыя ополченія сдѣлаются необоримою преградою врагу всего міра и положатъ конецъ его желанію проникнуть въ страну, хранимую Богомъ и которой не смѣла въ продолженіи ста лѣтъ касаться нога непріятеля. Но всѣ эти мѣры, всѣ вооруженія, невиданныя до сихъ поръ, мгновенно исчезнутъ, если желаніе получить такъ называемую свободу возмутитъ народъ къ погибели дворянства, единственной цѣли, къ которой чернь (la populace) стремилась при всякихъ смутахъ и возстаніяхъ. Такого рода людямъ служитъ поощреніемъ примѣръ Франціи, подготовленный тѣмъ гибельнымъ просвѣщеніемъ (funeste lumière), которое влечетъ за собою уничтоженіе законовъ и властей. Мѣры принятыя для удаленія иностранцевъ изъ имперіи привели къ дурнымъ послѣдствіямъ, потому что едва ли по одному изъ сорока оставили страну, гдѣ ихъ уважаютъ и обогащаютъ. Если Французы приняли наше подданство, то это изъ страха или жадности, нисколько не измѣнивъ своего образа мыслей. Они вредны для Россіи, что́ доказывается ихъ вліяніемъ на нѣкоторыхъ людей, которые только и ожидали Наполеона, чтобы получить свободу. Очистите Россію, государь, и оставивъ только одних священниковъ, отправьте за границы толпу негодяевъ, которыхъ гибельное вліяніе развращаетъ умы и души вашихъ заблуждающихся подданныхъ. Мой долгъ, моя присяга, моя совѣсть заставляютъ меня исполнить священную обязанность—открыть вамъ истину въ томъ видѣ, какъ я представлялъ ее вамъ въ то время, когда ваше сердце отдавало справедливость моей искренней преданности".

„Я умоляю васъ, государь, именемъ Всемогущаго подумать о прошедшемъ и настоящемъ, объ измѣнѣ Степанова(?), о расположеніи умовъ, о философахъ, Мартинистахъ, объ избраніи начальника Московскаго ополченія. Пріѣзжайте на нѣсколько дней въ Москву, и ваше присутствіе оживитъ любовь, заглушенную разномысліемъ, забвеніемъ законовъ и презрѣніемъ къ министрамъ". Это письмо, какъ и всѣ письма гр. Ростопчина къ императору, писанное пофранцузски, найдено было въ 1812 г. Французами въ его Московскомъ домѣ вмѣстѣ съ другими бумагами и по распоряженію Наполеона напечатано въ Мониторѣ 1-го Дек. 1812 г. (Перепечатано у Шнитцлера, Rostopchine et Koutousof, стр. 66—68). Едва-ли возможно это письмо считать подложнымъ; какъ по изложенію, такъ и образу мыслей, оно

Въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, уже поздно было думать объ этомъ, а надо было дѣйствовать. Но гр. Ростопчинъ написалъ приведенныя нами строки уже гораздо позже, и въ то время онъ неутомимо исполнялъ возложенную на него обязанность. „На другой же день по отъѣздѣ государя, говоритъ онъ, я открылъ, въ качествѣ генералъ-губернатора, два комитета. Одинъ изъ нихъ сдѣлался совершенно безполезнымъ послѣ обѣщанія дворянства поставить по десяти ратниковъ со ста душъ; но государь приказалъ мнѣ собирать тѣхъ господъ, которыхъ онъ назначилъ въ этотъ комитетъ. Они впрочемъ ничего и не дѣлали, только болтали и спорили съ генераломъ Апраксинымъ; этотъ постоянно вмѣшивался въ дѣла, до него не касавшіяся, предлагалъ новыя мѣры, съ которыми не соглашались и разсылалъ приказанія, которымъ не повиновались". Дѣйствительно ли нѣкоторые члены комитета, по своимъ способностямъ и познаніямъ, не соотвѣтствовали возложенному на нихъ порученію, или соотвѣтствовали, графъ Ростопчинъ во всякомъ случаѣ не могъ быть доволенъ ими вообще. Члены комитета, какъ совѣщательнаго собранія, не обязаны выслушивать только мнѣнія предсѣдателя и безпрекословно исполнять его приказанія. Напротивъ, предсѣдатель обязанъ выслушивать мнѣнія каждаго изъ членовъ и приводить ихъ къ соглашенію. Такое положеніе перваго между равными не соотвѣтствовало личнымъ свойствамъ гр. Ростопчина, и потому, по выраженію одного изъ современниковъ, скоро „возникла шаткость въ ратническомъ комитетѣ". Но если это положеніе не соотвѣтствовало характеру и привычкамъ гр. Ростопчина, то еще менѣе онъ могъ помириться съ положеніемъ подчиненнаго; а между тѣмъ императоръ, по возвращеніи въ Петербургъ, учредилъ особый высшій комитетъ по дѣламъ ополченій, какъ для общаго наблюденія надъ всѣми окружными и губернскими комитетами, такъ и для того, чтобы придать единство ихъ дѣйствіямъ. Учрежденіе этого комитета, а равно назначеніе въ его составъ гр. Аракчеева, крайне волновали графа Ѳедора Васильевича. „Я не ребенокъ, говаривалъ онъ съ досадою, меня поздно водить на помочахъ [9]".

Не смотря однакоже на *шаткость* въ этомъ комитетѣ, на недовольство своимъ положеніемъ его предсѣдателя, общее настроеніе духа были таково, что не болѣе какъ въ одинъ мѣсяцъ ополченіе было составлено и выступило въ походъ въ числѣ 12 полковъ, изъ которыхъ одинъ былъ конный.

Все Московское ополченіе состояло изъ 25.834 человѣкъ, но ружій нашлось для нихъ только 6000 [10]. Кромѣ общаго ополченія въ Москвѣ

обличаетъ сочинителя. Но, кажется, нѣкоторыя выраженія ошибочно прочтены въ черновой вѣроятно рукописи, писанной не всегда разборчивою рукою гр. Ростопчина, и по которой оно было напечатано въ Монитерѣ. Считая собранныя въ то время значительныя ополченія „неопреодолимою преградою" для Наполеона, еслибы онъ возъимѣлъ намѣреніе вторгнуться въ Россію, вѣроятно, послѣ заключенія Тильзитскаго мира, графъ предлагалъ не распускать его окончательно, но приберегать какъ запасъ на случай новой войны съ Франціею. Гр. Ростопчинъ, какъ и большая часть образованнаго общества того времени, смотрѣли на Тильзитскій миръ какъ на временное перемиріе и были увѣрены, что возгорится снова война.

[9]) С. Н. Глинка, Записки о 1812 г., стр. 32.—Полн. Собр. Зак. № 25193.—Сѣвер. Почта 1812 г., № 62.

[10]) Михаиловскій-Даниловскій, Полн. собр. сочин. т. IV, стр. 292; но гр. Ростопчинъ (La vérité sur l'incendie de Moscou) говоритъ: „1600 починенныхъ ружей въ арсеналѣ были выданы Московскому ополченію".

составлялись еще особые полки графа Мамонова и Салтыкова. Когда первый получилъ разрѣшеніе государя, „дѣло закипѣло, говоритъ одинъ изъ современниковъ, самъ записавшійся въ этотъ полкъ. Гр. Мамоновъ вызвалъ изъ деревень своихъ нѣсколько сотъ крестьянъ, началъ вербовать на деньги охотниковъ, всѣхъ ихъ обмундировалъ, посадилъ на коней, вооружилъ исправно, и скоро полкъ началъ приходить въ надлежащее устройство. Были и отъ другихъ лицъ предложенія и попытки ставить полки на собственныя издержки; но, кажется, одинъ полкъ Мамонова достигъ предназначенной цѣли [11]). Князь П. А. Вяземскій, слова котораго мы привели, оставилъ полкъ Мамонова передъ самою Бородинскою битвою, отправившись къ дѣйствующимъ войскамъ, въ качествѣ адъютанта гр. Милорадовича. Хотя его молодой начальникъ (гр. Мамонову былъ только 22-й годъ) не жалѣлъ ни хлопотъ, ни денегъ, чтобы образовать свой полкъ, однакоже дѣло не ладилось. Оберъ-прокуроръ Сената, не имѣвшій понятія о военной службѣ, блестящій представитель высшаго общества, умный и образованный на Французскій ладъ, но гордый и надменный, не понимавшій Россіи, графъ Мамоновъ не умѣлъ ладить съ людьми и еще менѣе распоряжаться полковымъ хозяйствомъ. Давно уже составленіе ополченій было окончено, и они выступили на предназначенныя имъ мѣста; разыгралась Бородинская битва, въ ней принимала участіе и часть Московскаго ополченія, въ которомъ былъ В. А. Жуковскій; затѣмъ была сдана Москва непріятелю, а полкъ гр. Мамонова еще не былъ устроенъ окончательно. Въ послѣдствіи, въ губерніи, онъ былъ приведенъ въ надлежащее устройство и только въ 1813 г. могъ принять участіе, но конечно не въ защитѣ Отечества, чего желалъ его начальникъ, но въ избавленіи Германіи отъ ига Наполеона, о чемъ онъ вовсе не думалъ.

Съ такою-же ревностью приступилъ къ составленію своего „Московскаго гусарскаго“ полка и гр. Салтыковъ. Нѣсколько дней спустя послѣ отъѣзда императора изъ Москвы, гр. Ростопчинъ увѣдомлялъ его, что гр. Салтыковъ набралъ уже 160 чел., которые помѣщены въ гарнизонныхъ казармахъ [12]). Но успѣхъ остановился на первомъ шагѣ. По занятіи Москвы непріятелемъ, гр. Салтыковъ продолжалъ составлять его въ Казани; смерть положила предѣлъ его дѣятельности, и набранные имъ люди введены потомъ въ составъ Иркутскаго гусарскаго полка [13]).

Сильное волненіе, въ которомъ находилась Москва во все время пребыванія въ ней императора, конечно улеглось послѣ его отъѣзда; но все-таки въ продолженіи нѣкотораго времени „движеніе народа было необыкновенное. Многіе пріѣзжіе изъ деревень наполняли вечернія гулянья на бульварахъ, такъ что отъ нихъ было тѣсно; всѣ почти были въ мундирахъ Московскаго ополченія, вооруженные, готовые кровью своею искупить мать городовъ Русскихъ“ [14]). Составленіе ополченій наполняло Москву множествомъ дворянъ, пріѣхавшихъ изъ деревень и новыми ратниками. По мѣрѣ того какъ составлялись дружины и выступали въ назначенныя мѣста, Москва пустѣла и затихала.

Августа 14-го Московскія дружины, уже готовыя выступать въ походъ, были собраны на земляномъ валу противъ Спасскихъ казармъ. Множество стеклось народа провожать *крестоносныхъ* ратниковъ на войну. Пріѣхалъ

11) Русскій Архивъ 1869 г. №. 1, стр. 193.

12) Письмо гр. Ростопчина къ императору 23 Іюля 1812 г.

13) Богдановича, Исторія отечеств. войны, т. II, стр. 35 и 36.

14) Бестужева-Рюмина, Описаніе, стр. 76.

и архіепископъ Августинъ. Послѣ молебна съ водосвятіемъ, дружины проходили мимо его. Окропляя ихъ святою водою, онъ говорилъ: „Господь самъ съ вами, Господь поборетъ по васъ!“ Но замѣтивъ странное явленіе,—у Московскаго ополченія не было знаменъ, онъ распорядился, чтобы изъ церкви Спаса во Спасской принесли хоругви и отдалъ ихъ ополченію. Такъ выступило оно съ хоругвями вмѣсто знаменъ и съ иконою, которую митрополитъ Платонъ прислалъ императору [15]).

Но въ это время въ пустѣвшую мало по малу Москву начали являться новые гости и привозить извѣстія съ поприща военныхъ дѣйствій. „Въ Москвѣ все было тихо, говоритъ гр. Ростопчинъ во все то время, когда наши войска соединились у Смоленска и не предпринимали еще никакихъ дѣйствій; предполагали даже, что война можетъ быть окончена. Между тѣмъ въ Москву начали пріѣзжать изгнанные и бѣжавшіе изъ Бѣлоруссіи, которые, при приближеніи непріятеля, оставляли свои имѣнія и пріѣзжали въ столицу, ожидая найти въ ней полную безопасность. Они-то распространили слухи о жестокихъ и святотатственныхъ дѣйствіяхъ Наполеоновыхъ воиновъ. Одинъ отрядъ пришелъ въ деревню, гдѣ находился помѣщикъ съ своимъ семействомъ; эти люди позволили себѣ всевозможныя неистовства въ отношеніи ко всѣмъ, не исключая его дочери и племянницы: первая умерла на другой же день, вторая умирающею была привезена въ Москву. Въ то время какъ распространилось по городу извѣстіе объ этомъ случаѣ, узнали также, что непріятельская кавалерія устраиваетъ въ церквахъ конюшни для своихъ лошадей. Я ни о чемъ не заботился болѣе, какъ распространить повсюду эти извѣстія. Первое показало дворянству, что оно поступаетъ дурно, ожидая прибытія непріятеля, и приготовило его къ мысли о необходимости выѣхать изъ Москвы, что̀ и было рѣшено во всѣхъ семействахъ; второе возбудило во всѣхъ жажду мщенія. Народъ, узнавши объ этомъ, пришелъ въ ярость и началъ вооружаться. Вотъ причина убіенія Французскихъ солдатъ крестьянами“.

Въ то время когда Французы подвигались отъ Нѣмана и до предѣловъ Смоленской губерніи, помѣщики, почти всѣ Поляки, не оставляли своихъ имѣній и не только не убѣгали во внутрь Россіи отъ непріятеля, но напротивъ встрѣчали его съ сочувствіемъ и даже старались скрывать всѣ совершаемые имъ грабежи и насилія. Но съ движеніемъ Французовъ за Вильну начали появляться въ Москвѣ бѣжавшіе оттуда Русскіе люди и разсказывать о ихъ дѣйствіяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по мѣрѣ приближенія къ Москвѣ нашихъ армій, и вѣсти изъ нихъ начали умножаться. Въ обществѣ и народѣ съ жадностію ловили каждое извѣстіе. „На другой день послѣ отъѣзда государя изъ Москвы мнѣ доложили, говоритъ гр. Ростопчинъ, около вечера, что изъ Смоленска пріѣхалъ генералъ-адъютантъ Кутузовъ, тотъ самый, о которомъ отъѣзжая сказалъ мнѣ государь, что онъ долженъ привезть извѣстіе о пораженіи нашихъ войскъ. Какъ онъ ни увѣрялъ меня, что вовсе не было сраженія, что Наполеонъ находится въ Минскѣ, что наши арміи въ Смоленскѣ, я упорно настаивалъ на томъ, чтобы онъ сознался, что мы потеряли сраженіе, сообщивъ ему сказанныя мнѣ о немъ государемъ слова. Наконецъ онъ убѣдилъ меня чест-

---

[15]) Снегирева, Очерки жизни преосв. Августина, стр. 25. Его-же, Жизнь митр. Платона: „И такъ Московское ополченіе, за неимѣніемъ знаменъ, выступило въ походъ съ благословеніемъ м. Платона и съ хоругвями изъ церкви Спаса во Спасской, извѣстной іерарху съ дѣтскихъ его лѣтъ: при ней хранился прахъ отца его. Услышавъ объ этомъ, митрополитъ со слезами воскликнулъ: „съ нами Богъ!“ т. II, стр. 44.

нымъ словомъ и, проговоривъ со мной около часа, отправился въ Петербургъ. Находясь въ сомнѣніи и безпокойствѣ, я узналъ потомъ, что многіе изъ наиболѣе замѣчательныхъ генераловъ поручили Кутузову просить государя замѣнить Барклая Багратіономъ, по причинѣ разномыслія между ними и происходящей отъ того бездѣятельности нашихъ армій. Причина этой вражды заключалась въ томъ, что князь Багратіонъ былъ старше по чину Барклая; но этотъ имѣлъ преимущество передъ нимъ по званію военнаго министра, и потому со времени соединенія обѣихъ армій онъ принялъ подъ свое начальство и армію Багратіона. Оба они весьма дорожили мнѣніемъ Москвы и потому часто писали ко мнѣ письма, наполненныя жалобами другъ на друга. Барклай, болѣе благоразумный, сохранялъ въ нихъ нѣкоторое достоинство, тогда какъ Багратіонъ писалъ глупости о своемъ товарищѣ и желалъ его представить то неспособнымъ человѣкомъ, то измѣнникомъ".

Дальнѣйшія извѣстія изъ арміи подтверждали эти вѣсти. Онѣ распространились по всей Москвѣ и конечно неуспокоительно на нее подѣйствовали. До этого времени Московское общество, по увѣренію графа Ростопчина, нѣсколько успокоилось въ отношеніи къ важнымъ дѣйствіямъ; будто бы предполагали даже возможность заключенія мира. Соединеніе обѣихъ армій у Смоленска, долговременный перерывъ въ военныхъ дѣйствіяхъ, извѣстіе о побѣдахъ, одержанныхъ отдѣльными нашими отрядами надъ непріятелемъ, могли конечно возбудить въ нѣкоторыхъ предположеніе, что непріятель, въ виду дѣятельно приготовляемыхъ ополченій, которыя должны были составить довольно грозную силу, рѣшится прекратить войну. Но кромѣ приведенныхъ нами словъ графа Ростопчина мы ни у кого изъ современниковъ не встрѣчаемъ указаній, чтобы существовало въ Москвѣ подобное предположеніе. Едва ли не свой собственный взглядъ на военныя дѣйствія въ это время графъ Ростопчинъ смѣшиваетъ съ общественнымъ мнѣніемъ Москвы.

Въ перепискѣ съ графомъ П. А. Толстымъ, которому поручено было составленіе ополченій 3-го округа и который находился въ Нижнемъ Новгородѣ, графъ Ростопчинъ выражаетъ свой взглядъ на военныя дѣйствія этого времени. „Если Витгенштейну удастся разбить Макдональда, говоритъ онъ, то Рига и Петербургъ будутъ покойны. Не знаю, на что рѣшится Тормасовъ: продолжать ли предписанный ему ходъ, или идти на Шварценберга, что̀ кажется нужнѣе. Въ Смоленскѣ изготовили сухарей на 10 дней и съ вчерашняго дня идутъ впередъ; Французы *отступили,* и мы полками стоимъ въ 55 верстахъ отъ Смоленска. Но кто командуетъ войсками, право не знаю! Армія усилилась баталіонами Эртеля, кои пришли; корпусъ Милорадовича будетъ собранъ весь къ 6-му числу Августа. У меня все спокойно, но я начну сѣчь Французовъ, объявляя, что если не уймутся, то и вѣшать буду" [16]).

Спустя четыре дня, графъ Ростопчинъ, посылая къ графу Толстому присланныя изъ Петербурга бумаги, писалъ: „Въ Петербургѣ стали спокойнѣе послѣ побѣды графа Витгенштейна (при Клястицахъ). Но видно, что Макдональдъ, узнавъ о разбитіи Удино̀, не захотѣлъ дожидаться и ушелъ прочь. Тормасовъ также разбилъ Клингеля (при Кобринѣ) съ 8000; и онъ долженъ былъ идти къ Ренье, у котораго 17 тыс., большею частью Саксонцевъ и Поляковъ. Но что-то нѣтъ до сихъ поръ извѣстія. Графъ Ламбертъ съ 3000 конницы ходилъ вездѣ по герцогству Варшавскому и при-

---

[16]) Письмо гр. Ростопчина къ гр. Толстому 31 Іюля 1812 г.

шелъ опять къ Тормасову. Чичаговъ съ 55 тыс., пѣшихъ войскъ и 7000 Сербовъ, десять тому дней назадъ, былъ за Каменецъ-Подольскимъ. Мое мнѣніе то, чтобы онъ или Тормасовъ, но кто нибудь, вошелъ въ Варшаву и дѣйствовалъ на правомъ берегу Вислы, для отнятія у непріятеля способовъ къ усиленію войскъ своихъ и заготовленію провіанта. Наполеонъ въ Витебскѣ и близь окрестностей Борисова окапывается въ лѣсахъ или для того, чтобы безопасно дожидаться новаго хлѣба и новыхъ войскъ, или обмануть нашихъ. Багратіонъ въ командѣ у Барклая, и они оба не подавались впередъ, но ходятъ взадъ и впередъ. Барклай мнѣ пишетъ, что, въ ожиданіи подкрѣпленія изъ разныхъ мѣстъ, онъ будетъ избѣгать большой битвы и частію будетъ стараться истреблять отдѣльные корпуса, не подвергая судьбу Россіи участи одного проиграннаго сраженія. Государь въ Петербургѣ, и ничего о пріѣздѣ его (въ Москву) не слышно. Вооруженія идутъ своимъ порядкомъ, а у меня также все спокойно, какъ и при васъ; только я принужденъ былъ начать сѣчь Французовъ“ [17]).

Это письмо писано было за три недѣли до Бородинской бытвы, а между тѣмъ изъ него видно, что гр. Ростопчинъ и не думалъ о близкой опасности, угрожавшей Москвѣ. Хотя его смущали конечно извѣстія о странныхъ движеніяхъ нашихъ армій, послѣ ихъ соединенія подъ Смоленскомъ, но успокоивали слухи о томъ, что Наполеонъ не только не подвигается впередъ, но будто-бы отступаетъ и даже приготовляется зимовать въ Литвѣ, объ удачныхъ поискахъ графа Ламберта въ герцогствѣ Варшавскомъ, побѣдахъ графа Витгенштейна и Тормасова. Его заботы исключительно относились къ тому, чтобы поддержать спокойствіе въ Москвѣ, отъ чего, онъ полагалъ, зависило и спокойствіе всей Россіи, а слѣдовательно удачный исходъ борьбы съ врагами. *Наполеонъ* и *Москва* или, лучше сказать, онъ самъ, потому что онъ вполнѣ сливалъ ее съ собою: вотъ въ какомъ видѣ представлялъ онъ свою задачу въ это время.

Но кромѣ внѣшнихъ враговъ, гр. Ростопчину представлялась еще другая опасность, внутренніе враги, противъ которыхъ, по его мнѣнію, слѣдовало принимать строгія мѣры.

Четыре дня спустя послѣ того какъ государь выѣхалъ изъ Москвы, онъ писалъ ему: „Послѣ вашего отъѣзда я занятъ былъ сборомъ войскъ, и сегодня уже генералы отправятся по назначенію. Городъ опечаленъ вашимъ отъѣздомъ, и къ этому присоединилась еще тревога по случаю проѣзда генералъ-адъютанта Кутузова, цѣль поѣздки котораго никому неизвѣстна. Одни предполагаютъ, что онъ везетъ дурныя извѣстія, другіе мирныя предложенія; но въ послѣднее время весь городъ говоритъ о соперничествѣ между главнокомандующими, которые не соединяются отъ того, что ни одинъ не хочетъ быть подъ начальствомъ другаго. Надѣются однакоже, что ваши войска, соединенныя у Смоленска, могутъ остановить дерзость непріятеля; но для этого нужно согласиться между собою, драться и побѣдить—нѣсколько разъ. Общая ревность ко благу Отечества не только не уменьшается, но напротивъ усиливается. Я только боюсь иностранцевъ, которыхъ народъ начинаетъ ненавидить. Всѣ эти дни были исторіи на улицахъ, но къ счастію полиціи удавалось водворить порядокъ, и все ограничивалось нѣсколькими толчками, полученными иностранцами или тѣми, которыхъ сочли за иностранцевъ. Хотя еще не представляется никакой вѣроятности, чтобы двѣ наши арміи дали проникнуть непріятелю до Москвы, но я принялъ мѣры предосторожности

---

[17]) Его-же письмо отъ 4 Августа 1812 г.

на этотъ случай, отправивъ надежнаго человѣка въ Коломну нанять и остановить нѣсколько барокъ подъ предлогомъ отправленія пушекъ въ Нижній Новгородъ и привоза оттуда желѣза. Эти барки, подъ надзоромъ вѣрныхъ людей, могутъ послужить для перевозки по Окѣ тѣхъ предметовъ, которыхъ сохраненіе ваше императорское величество мнѣ изволили ввѣрить. Переписка нѣкоего Буфа съ Парижемъ и Ригою доказываетъ, что здѣшній почтамтъ не такъ дѣятеленъ и бдителенъ, какъ ваше величество хотѣли увѣрить. Здѣсь носится слухъ, будтобы министръ полиціи, передъ своимъ отъѣздомъ отсюда, видился съ этимъ негоднымъ Ключаревымъ, котораго ненавидитъ весь городъ. Я имѣлъ честь говорить объ этомъ человѣкѣ вашему императорскому величеству; но я не знаю, удостоился ли я полной довѣренности съ вашей стороны. Привыкши любить и почитать моихъ государей, я смотрю на службу не иначе, какъ на вѣрное средство быть полезнымъ, и я никогда не имѣлъ никакихъ иныхъ побужденій кромѣ безусловной преданности. Обстоятельства таковы, что въ случаѣ продолжительныхъ неудачъ, или возмущенія, или какой измѣны, дѣло будетъ касаться гибели Отечества и вашей священной особы. Поэтому я колѣнопреклоненно умоляю ваше императорское величество, при случаѣ малѣйшаго сомнѣнія въ моихъ способностяхъ или усердіи, не останавливаться ни на одно мгновеніе въ рѣшимости замѣстить меня другимъ; потому что я могу вамъ служить и быть болѣе полезнымъ инымъ способомъ. Я буду служить помощникомъ Леппиха, стану во главѣ 1000 человѣкъ и отправлюсь драться; я буду проповѣдывать народу, который меня любитъ и до послѣдняго дыханія употреблю жизнь для того, чтобы служить вамъ“ [18]). Конечно нѣтъ никакого повода заподозрѣвать искренность гр. Ростопчина и готовность его жертвовать своею жизнью въ это трудное для Россіи время; но нельзя не замѣтить однакоже, что онъ былъ увлеченъ въ опасную крайность. Нашествіе внѣшнихъ враговъ ему казалось еще отдаленною грозою въ это время; онъ не думалъ еще о близкой опасности, грозившей Москвѣ и если принималъ мѣры предосторожности для спасенія нѣкоторыхъ государственныхъ дѣлъ и драгоцѣнностей, то по указанію самаго императора. Государь безъ сомнѣнія указалъ ему на необходимость этой мѣры, точно также какъ передъ тѣмъ онъ подробно предписалъ о томъ же гр. Салтыкову въ отношеніи Петербурга. Ближайшую опасность графъ Ростопчинъ видѣлъ внутри самой Москвы, въ Мартинистахъ и преслѣдовалъ тѣхъ, кого считалъ ихъ вождями. Когда Поздѣевъ пріѣхалъ на пять дней въ Москву, и его конечно навѣстили знакомые, онъ немедленно написалъ къ нему письмо, совѣтуя „не отлагать своего отъѣзда и впредь не являться въ столицу“ [19]). Кутузову, сенатору и попечителю университета, онъ запретилъ собирать у себя общество по опредѣленнымъ днямъ. Кутузовъ повиновался, но „другой начальникъ Мартинистовъ (говоритъ графъ Ростопчинъ) вздумалъ было не исполнять моихъ предписаній. Тогда я поѣхалъ къ нему и, запечатавъ всѣ его бумаги, отправилъ его съ полицейскимъ офицеромъ въ Воронежъ, за 500 верстъ отъ Москвы, чтобы онъ находился тамъ подъ надзоромъ“. Это былъ старикъ, почтъ-директоръ Ключаревъ, котораго особенно ненавидѣлъ и подозрѣвалъ графъ Ростопчинъ.

Изъ всѣхъ Масоновъ Ключарева по преимуществу преслѣдовалъ гр. Ростопчинъ съ перваго дня вступленія въ должность Московскаго генералъ-губернатора, въ слѣдствіе ли близкихъ отношеній къ Брокеру, кото-

---

[18]) Его-же письмо къ императору отъ 23 Іюля 1812 г.

[19]) Его-же письмо къ императору отъ 26 Іюля 1812 г.

рый имѣлъ причины его не любить, или въ слѣдствіе того положенія, въ которомъ находился онъ, какъ почтъ-директоръ: графъ Ростопчинъ подозрѣвалъ, что онъ читаетъ всю переписку, которая должна оставаться тайною. Онъ просилъ государя не посылать ему черезъ почту такихъ приказаній, которыя никому кромѣ его не должны быть извѣстны. Онъ подозрѣвалъ, что къ Ключареву пересылаются запрещенныя вещи и извѣстія изъ за границы и что самъ онъ разсылаетъ разныя новости, вредныя и опасныя для общественнаго спокойствія. „Въ это время (говоритъ онъ въ своихъ Запискахъ), мнѣ принесли нѣсколько извѣстій, которыя по почтѣ разсылались по городамъ, находившимся на большихъ дорогахъ. Ихъ изложеніе совершенно не соотвѣтствовало видамъ правительства. Созывали ополченіе, усиленный наборъ рекрутовъ, описывали Москву пораженною отчаяніемъ, называли защиту отъ непріятеля неразумною, такъ какъ, чтобы восторжествовать надъ геніемъ Наполеона съ его огромными силами, необходимо чудо Провидѣнія, и всякое человѣческое противуборство невозможно. Оказалось, что эти извѣстія были сочиняемы близкимъ секретаремъ Ключарева, котораго я сейчасъ же и отправилъ въ Петербургъ къ министру полиціи“. „Открытіе тѣхъ извѣстій, которыя разсылались здѣшнимъ почтамтомъ (доносилъ графъ Ростопчинъ государю) служитъ новымъ доказательствомъ той цѣли, которой хочетъ достичь секта Мартинистовъ. Послѣ собственнаго сознанія я арестовалъ надворнаго совѣтника Дружинина и посылаю его съ офицеромъ къ министру полиціи. Не смотря на незначительность успѣховъ Наполеона въ продолженіи трехъ недѣль, эта адская секта не можетъ сдержать своей ненависти къ Россіи и къ вамъ и своей приверженности къ непріятелю. Я повергаю это дѣло рѣшенію вашего императорскаго величества, на колѣняхъ умоляя пощадить имперію, которую Провидѣніе ввѣрило вашему попеченію и не дать средствъ и способовъ злодѣямъ вести ее къ погибели, поражая умы ужасомъ и убѣждая, что всѣ великодушныя усилія вашего народа останутся безполезными для спасенія Отечества. Теперь я осмѣливаюсь просить васъ, государь, если вы сочтете возможнымъ оставлять здѣсь еще Ключарева, назначить на мое мѣсто кого либо другаго, потому что я буду считать себя недостойнымъ далѣе занимать его. У меня двѣ руки, и жизнью моею я жертвую вамъ, и я попрошу у васъ позволенія служить въ арміи прапорщикомъ или товарищемъ Леппиха“ [20]).

На другой же день послѣ этого письма, гр. Ростопчинъ счелъ нужнымъ сообщить государю нелѣпый слухъ, гдѣ-то подслушанный, будто гибель Россіи есть наказаніе Божіе, насылаемое за кончину императора Павла, и прибавилъ: „Я не сомнѣваюсь, что сочинители этой безсовѣстной молвы суть Лопухинъ, Ключаревъ, Кутузовъ и Лубяновскій; но который изъ нихъ пустилъ ее въ ходъ, этого открыть невозможно. Не рѣшитесь ли вы, государь, для предотвращенія бо́льшихъ несчастій, приказать мнѣ сообщить этимъ господамъ, чтобы они отправлялись въ свои деревни и оставались тамъ до дальнѣйшаго распоряженія? Я обязуюсь на одного себя обратить ихъ гнѣвъ; ибо пущу въ ходъ слухъ, что я поступилъ такъ самовольно. Такимъ образомъ вы помѣшаете работать для вашей гибели; общество съ удовольствіемъ признаетъ это дѣломъ правосудія противъ людей, достойно имъ презираемыхъ. Я въ отчаяніи, что долженъ вамъ это донесть; но моя честь и присяга обязуютъ меня къ этому“ [21]).

---

[20]) Его-же письмо къ императору отъ 4 Августа 1812 г.

[21]) Его-же письмо къ императору отъ 6-го Августа 1812 г.

Эти письма получены были въ Петербургѣ въ то время, когда императоръ уѣхалъ въ Або для свиданія съ наслѣднымъ принцемъ Шведскимъ, и потому графъ Ростопчинъ долго не могъ получить отвѣта. Ожиданіе только раздражало его, и онъ рѣшился дѣйствительно самовольно привесть въ исполненіе ту мѣру, на которую испрашивалъ позволенія государя, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ Ключареву. Черезъ четыре дня послѣ послѣдняго письма, онъ уже доносилъ государю: „Слухи, вновь распространившіеся о ночныхъ собраніяхъ у презрѣннаго Ключарева, вынудили меня отправить его въ Воронежъ, а его должность, до вашего назначенія, поручить князю Циціанову. Къ этому поступку я принужденъ былъ прибѣгнуть, какъ къ единственному средству предупредить замыслы Мартинистовъ, которые доведены уже до того, что угрожали несчастіемъ Россіи и вамъ участію Людовика XVI-го. Со временемъ вы увидите, государь, что эта ужасная секта благорасположила васъ къ ней посредствомъ тѣхъ, которые сами къ ней принадлежали“ [22]).

Министръ внутреннихъ дѣлъ, находившійся во все это время въ Петербургѣ и конечно не знавшій о взглядахъ и способѣ дѣйствія Московскаго главнокомандующаго, вдругъ получилъ по эстафетѣ донесеніе помощника Московскаго почтъ-директора Рунича съ приложеніемъ слѣдующаго предписанія, даннаго ему гр. Ростопчинымъ 10 Августа: „На время *отсутствія* г. почтъ-директора Ключарева извольте принять на себя отправленіе его должности и о семъ рапортовать министерству внутреннихъ дѣлъ“. Руничъ спрашивалъ министра, какъ непосредственнаго своего начальника, какъ онъ долженъ поступать. Это донесеніе О. П. Козодавлевъ получилъ въ то время, когда государь находился въ Або. Крайне пораженный поступкомъ графа Ростопчина, онъ счелъ долгомъ довести о немъ до свѣдѣнія императора. „Признаюсь, всемилостивѣйшій государь, писалъ онъ, въ первомъ движеніи подумалъ я, что почтъ-директоръ Ключаревъ бѣжалъ изъ Москвы; ибо, не имѣя и не видя указа, ни высочайшаго вашего предписанія, не могъ я себѣ представить, чтобы *отсутствіемъ* почтъ-директора могла быть ссылка его и что, въ какомъ бы то ни было государствѣ, начальникъ города могъ кого нибудь, а тѣмъ болѣе такого чиновника, каковъ есть почтъ-директоръ, отправить самовластно въ ссылку. Къ крайнему моему сожалѣнію однакоже узналъ я, что сіе самое на дѣлѣ случилось; ибо Руничь пишетъ ко мнѣ въ частномъ письмѣ, что Ключаревъ главнокомандующимъ отправленъ въ Воронежъ, и кабинетъ его запечатанъ. Я тотчасъ же съ эстафетою писалъ къ графу Ростопчину, чтобы онъ снабдилъ Рунича надлежащимъ наставленіемъ въ принятіи дѣлъ, дабы отвратить всякій могущій отъ того послѣдовать безпорядокъ и вида ему даже не подалъ моего неудовольствія; а поступилъ въ семъ случаѣ точно такъ, какъ будтобы сіе случилось по высочайшему вашего императорскаго величества указу или, по крайней мѣрѣ, что мнѣ неизвѣстно, что̀ съ Ключаревымъ сдѣлалось. Вчера присланъ ко мнѣ также отъ здѣшняго главнокомандующаго экзекуторъ Московскаго почтамта Дружининъ, дѣло котораго вашему величеству уже извѣстно по докладу министра полиціи Балашева. Онъ посаженъ былъ въ тюремный замокъ, въ нумеръ, куда самые важнѣйшіе преступники сажаются, и привезенъ сюда, яко тайный колодникъ, за извѣстный вашему величеству поступокъ. Будучи всею душею нелицемѣрно вамъ преданъ, я обливаюсь слезами отъ мысли, что сіи два происшествія могли случиться въ царствованіе ваше. Въ Комитетъ Министровъ я о семъ не представилъ, дабы не огласить сихъ дѣлъ; а ожидать буду вашего повелѣнія,

---

[22]) Его-же письмо къ императору отъ 10 Августа 1812 г.

особливоже относительно запечатанія почтъ-директорскаго кабинета, въ которомъ хранятся всѣ секретныя и до перлюстраціи касающіяся дѣла. Я весьма опасаюсь, чтобы сіи бумаги не сдѣлались жертвою любопытства и не послужили пищею остроумію. По пріѣздѣ вашего величества сюда, не премину я обо всемъ донести подробнѣе и о причинахъ столь жестокаго наказанія Дружинина, которыя мнѣ весьма извѣстны. Беспристрастіе мое въ семъ случаѣ не подвергнется сомнѣнію, ибо Ключарева видѣлъ я только два раза, въ проѣздъ мой въ Саратовъ черезъ Москву и обратно. Довѣренность моя къ нему и хорошіе объ немъ отзывы основаны единственно на самомъ лучшемъ отправленіи имъ своей должности и личныхъ къ оной способностяхъ. Дружинина же вчера я въ первый разъ увидалъ, слѣдственно я вовсе его не зналъ. Удаленіе Ключарева отъ его мѣста по обстоятельствамъ можетъ быть и необходимо. Я не дерзаю входить въ разсмотрѣніе сихъ обстоятельствъ; но на мѣсто его, какъ я слышалъ, хотѣлъ гр. Ростопчинъ нынѣ же прикомандировать князя Циціанова. Я Циціанова знаю и знаю коротко: онъ человѣкъ достойный и умный и, кажется, потому именно и не принялъ на себя сего дѣла, что графъ Ростопчинъ не имѣетъ права прикомандировать его къ сему мѣсту. Впрочемъ, ежели Циціановъ или кто другой изъ приверженцовъ графа Ростопчина будетъ почтъ-директоромъ, то Московскій почтамтъ совсѣмъ уже будетъ въ рукахъ Московскаго главнокомандующаго, перлюстрація тогда перестанетъ быть отъ полиціи тайною, и у вашего величества отнимется средство повѣрять другимъ, и самымъ вѣрнѣйшимъ способомъ, скрытыя дѣйствія и намѣренія разныхъ чиновниковъ, не исключая и самыхъ знатнѣйшихъ. Сверхъ того Руничъ, яко помощникъ почтъ-директора и весьма достойный, благовоспитанный и способный человѣкъ, могъ бы почтъ-директорское мѣсто занять, или по крайней мѣрѣ править сію должность до времени [23])".

Министръ внутреннихъ дѣлъ, подъ начальствомъ котораго въ это время состояло и управленіе почтами, находился, разумѣется, въ затруднительномъ положеніи. Безъ его вѣдома и участія не только смѣщаютъ одного изъ важныхъ подчиненныхъ ему чиновниковъ; но даже отправляютъ въ ссылку и назначаютъ на его мѣсто новаго; другаго чиновника, какъ колодника, присылаютъ въ Петербургъ. Конечно подобныя дѣйствія не могли ему быть пріятны: они унижали значеніе ввѣренной ему власти. Но въ виду исключительныхъ обстоятельствъ времени, онъ вышелъ благоразумно изъ затруднительнаго положенія, не уронивъ значенія графа Ростопчина и предоставивъ судить объ этомъ дѣлѣ самому императору.

Графъ Ростопчинъ считалъ свое положеніе совершенно исключительнымъ, внѣ общаго устройства и управленія. Онъ сносился преимущественно съ самимъ императоромъ и съ тѣми лицами, которыя пользовались его особымъ довѣріемъ. Поэтому и о поступкѣ съ Ключаревымъ, кромѣ государя, онъ увѣдомилъ только Балашева, который удивленъ былъ не менѣе Козадавлева. „Хотя сегодня я уже имѣлъ счастіе писать къ вашему величеству, доносилъ онъ государю въ Або, но пріѣздъ его высочества и прилагаемый пакетъ подаютъ мнѣ поводъ симъ и еще васъ безпокоить. Первое обстоятельство, т. е. прибытіе его высочества, послѣдовавъ неожиданно, подало поводъ къ великому множеству толковъ, и многіе полагаютъ, что сильный уронъ нашихъ войскъ былъ тому поводомъ; но когда объяснится истинная тому причина, то и толки сіи умолкнутъ. Гр. Ростопчинъ пишетъ ко мнѣ отъ 10 числа: „Завтра три полка Московской

---

[23]) Донесеніе управлявшаго Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ императору изъ Петербурга въ Або, отъ 17 Авг. 1812 г.

силы выходятъ на бивуакъ и оттуда пойдутъ къ Можайску". Онъ же пишетъ, что новыя разглашенія и ночные съѣзды сенатора Кутузова и професора Чеботарева у Ключарева рѣшили его отправить Ключарева въ Воронежъ, а его должность поручить князю Циціанову. Меня его рѣшимость удивила; ибо явнаго его преступленія онъ не пишетъ; а зная ихъ личность, извѣстную и всѣмъ, я опасаюсь, чтобы таковые поступки не стали иные относить на счетъ слабости правительства, попускающаго излишнему самовластію: ибо одному генералу послать въ ссылку другаго генеральскаго-же чина чиновника, безъ повелѣнія государя, мнѣ кажется иначе нельзя, какъ въ важности первой степени" [24]).

Читая приведенныя нами выписки изъ писемъ графа Ростопчина, можно бы подумать, что Москва находилась въ сильномъ волненіи, ожидала ежеминутно вспышки мятежа самаго преступнаго свойства; между тѣмъ въ тѣхъ самыхъ письмахъ, изъ которыхъ мы привели выписки и въ другихъ, писанныхъ къ государю въ тоже время, самъ гр. Ростопчинъ свидѣтельствуетъ о постоянномъ спокойствіи въ Москвѣ, о чувствѣ любви къ Отечеству и государю. Это настроеніе было такъ сильно, что нелѣпая молва не могла распространиться и произвесть какое либо вредное дѣйствіе: никто ей не вѣрилъ. „Въ Москвѣ не остается ни одного мужчины: старые и молодые всѣ поступаютъ на службу. Вездѣ видно движеніе, приготовленія. Видя все это, приходишь въ ужасъ: сколько трауровъ, слезъ!" писала образованная свидѣтельница происшествій къ своей подругѣ въ Петербургъ, именно въ это время. „Народъ ведетъ себя прекрасно, говоритъ она. Увѣряю тебя, что не достало бы журналистовъ, еслибъ описывать всѣ доказательства преданности Отечеству и государю, о которыхъ безпрестанно слышишь и которыя повторяются не только въ самомъ городѣ, но и въ окрестностяхъ и даже въ разныхъ губерніяхъ" [25]). Но всего замѣчательнѣе, что тоже самое говоритъ и гр. Ростопчинъ. По случаю пріѣзда Милорадовича изъ Калуги, отправляя его донесеніе въ Петербургъ, въ концѣ Іюля, онъ писалъ государю: „Завтра Милорадовичь намѣревается ѣхать обратно въ Калугу, гдѣ къ 6 Августа собирается весь его корпусъ; онъ чрезвычайно хвалитъ баталіоны и увѣряетъ, что никогда не видывалъ такой прекрасной конной артиллеріи. Мы условились съ нимъ въ отношеніи мѣстностей, которыя долженъ занять его корпусъ. Я уступаю ему нѣсколько генераловъ, вошедшихъ было въ составъ Московской силы; онъ сообщитъ завтра списокъ. Но какъ у него нѣтъ ни гроша денегъ, то я прошу позволенія вашего величества удѣлить ему 10 тыс. изъ находящихся въ моемъ распоряженіи. По городу ходятъ слухи благопріятные для насъ; но какъ ничего положительно неизвѣстно, то для успокоенія города и чтобы мнѣ самому сообразовать мои дѣйствія съ ходомъ событій, я отправляю въ Смоленскъ полицейскаго офицера Вороненко, прося военнаго министра сообщать ему какъ хорошія, такъ и дурныя вѣсти для передачи мнѣ съ эстафетами. Это дастъ возможность помѣшать выдумкамъ и придастъ вѣру тому, что̀ будетъ объявлено. Народъ сердитъ на иностранцевъ, и полиція усиливаетъ бдительность. Впрочемъ, все *спокойно*, все *вѣрно* и *исполнено ревности*. Всѣ желаютъ, государь, чтобы вы возвратились въ Москву, а я васъ умоляю. Вы будете въ средоточіи дѣлъ, недалеко отъ войскъ и во главѣ движенія, которое должно подавить врага всѣхъ и каждаго

---

[24]) Донесеніе государю Балашева въ Або отъ 14 Авг. 1812 г.

[25]) Письма М. А. Волковой отъ 15-го Іюля и 5-го Авг. 1812 г. Русс. Арх. 1872 г. № 12; Вѣстникъ Европы 1874 г. кн. 8.

изъ вашихъ подданныхъ“ [26]). На другой день послѣ этого онъ снова писалъ государю: „По истинѣ все идетъ хорошо и окончится еще лучше, государь; таково мнѣніе вашего вѣрнаго слуги и всѣхъ тѣхъ, которые думаютъ съ нимъ одинаково. Мнѣ кажется, что этотъ новый Корсиканскій Цезарь скажетъ скоро: пришелъ, увидѣлъ и возвратился назадъ. Вашему императорскому величеству будетъ предстоять сдѣлать ему возвратъ непріятнымъ и избавить его отъ неудовольствія вступить въ Парижъ, гдѣ онъ можетъ перестать быть идоломъ. Мишо нѣсколько нездоровъ; но онъ завтра же отправляется въ Нижній, гдѣ найдетъ гр. П. А. Толстаго, который поѣхалъ туда вчера вечеромъ. Милорадовичь исполненъ ревности и въ эту ночь ѣдетъ въ Калугу. Онъ беретъ съ собою генераловъ Шепелева и Вадковскаго. Москва такъ *спокойна, что надо удивляться;* причина, почему ничего не боятся, заключается въ томъ, что ненавидятъ великаго Наполеона и надѣятся, что онъ окажется очень *малымъ*. Вашъ народъ, государь,—образецъ терпѣнія, мужества и благодушія. Вчера пришелъ ко мнѣ молодой дворовый слуга и объявилъ, что онъ такъ страстно желаетъ драться съ Французами, что потерялъ сонъ и боленъ отъ этого. Я принялъ его въ солдаты, выдавъ рекрутскую квитанцію его помѣщицѣ, далъ ему денегъ и съ первымъ курьеромъ отправляю къ военному министру, чтобы употребилъ его въ дѣло. Онъ обѣщалъ мнѣ убивать до 15 Французовъ въ день и страшно гнѣвенъ на нихъ. Возвратитесь, государь, въ вашу истинную столицу; вы найдете въ ней новыя доказательства любви къ вамъ вашихъ подданныхъ. Всѣ знаютъ, что вы обѣщались пріѣхать черезъ 15 дней, а вотъ уже прошло восемь“ [27]).

Эти письма, находящіяся въ полномъ противорѣчіи съ приведенными выше, доказываютъ съ одной стороны, что въ Москвѣ господствовали невозмутимое спокойствіе и любовь къ Отечеству и государю; а съ другой могутъ служить несомнѣннѣйшимъ свидѣтельствомъ, что въ это время гр. Ростопчинъ надѣялся не успѣшный ходъ обороны противъ врага и вовсе не думалъ о близкой опасности, грозившей Москвѣ. Если онъ и принималъ нѣкоторыя мѣры для вывоза изъ Москвы разныхъ предметовъ, то въ этомъ случаѣ онъ исполнялъ только приказаніе императора. Вѣрныхъ свѣдѣній съ поприща военныхъ дѣйствій онъ имѣть не могъ. Его сынъ, еще очень юный, бывшій адъютантомъ Барклая, былъ едва-ли въ состояніи сообщать ихъ. Самъ Барклай, съ которымъ онъ переписывался, увѣдомлялъ его о намѣреніи дать сраженіе, которымъ надѣялись остановить дальнѣйшій ходъ непріятеля. Счастливое соединеніе армій внушало надежду на успѣхъ, а бодрый духъ отважнаго Милорадовича вѣроятно произвелъ впечатлѣніе на воспріимчиваго графа Ростопчина. Подъ вліяніемъ такого настроенія духа написаны приведенныя выше письма къ государю, въ которыхъ онъ вѣрно описалъ общее направленіе, господствовавшее въ то время въ Москвѣ и *умолялъ* государя возвратиться въ свою *истинную* столицу. Но приглашая государя въ Москву, онъ забывалъ о другихъ своихъ извѣстіяхъ, о воображаемомъ заговорѣ Мартинистовъ. Императоръ, тронутый пріемомъ Москвы, оставляя столицу, выразилъ намѣреніе черезъ двѣ недѣли снова туда пріѣхать. Безъ сомнѣнія ходъ послѣдовавшихъ событій, быстро смѣнявшихся одно другимъ, воспрепятствовалъ ему исполнить это намѣреніе; но съ вѣроятностью, кажется, можно предполагать, что и эти извѣстія графа Ростопчина могли имѣть

---

[26]) Письмо гр. Ростопчина къ императору 25-го Іюля 1812 г.

[27]) Его-же письмо отъ 26 Іюля 1812 г.

вліяніе на его рѣшеніе и помрачить воспоминаніе о тѣхъ свѣтлыхъ дняхъ которые онъ провелъ въ Москвѣ.

„Въ это время", говоритъ графъ Ростопчинъ, „я почувствовалъ необходимость дѣйствовать на духъ народа, возбудить его и приготовить ко всѣмъ жертвамъ для спасенія Отечества. Поэтому съ этого времени я началъ обнародовать извѣстія, чтобы городъ зналъ о ходѣ происшествій и о военныхъ дѣйствіяхъ. Я отбросилъ въ сторону сказки и рисунки, которые появлялись ежедневно и въ которыхъ Французы представлялись карликами, оборванными, плохо вооруженными, которыхъ бьютъ женщины и дѣти". Эти строки, написанныя гр. Ростопчинымъ гораздо послѣ 1812-го года, показываютъ, что ему не хотѣлось уже вспоминать о хвастовствѣ Корнюшки Чихирина и тѣхъ *сказкахъ и рисункахъ*, которые съ его же легкой руки и были пущены въ ходъ въ то время [28]). Дѣйствительно,

---

[28]) Въ Москвѣ 1-го Іюля появилась въ родѣ лубочныхъ картинка, представляющая кабакъ, съ двуглавымъ орломъ надъ дверями; за прилавкомъ цѣловальникъ, въ дверяхъ стоитъ Корнюшка, вокругъ него толпа крестьянъ, а подъ картинкою надпись: „Московскій мѣщанинъ, бывшій въ ратникахъ, Корнюшка Чихиринъ, выпивъ лишній крючекъ на Тычкѣ, услышалъ, что будто Бонапартъ хочетъ идти въ Москву, разсердился и разругалъ скверными словами всѣхъ Французовъ; вышедъ изъ питейнаго дому, заговорилъ подъ орломъ такъ: „Какъ! Къ намъ? Милости просимъ, хоть на святкахъ, хоть на масляницу; да и тутъ жгутами дѣвки такъ припопонятъ, что спина вздуется горой. Полно демономъ-то наряжаться: молитву сотворимъ, такъ до пѣтуховъ сгинешь! Сиди-ка дома, да играй въ жмурки, либо въ гулючки. Полно тебѣ фиглярить: вишь солдаты-то твои карлики, да щегольки; ни тулупа, ни рукавицъ, ни малахая, ни онучь не надѣнутъ. Ну, гдѣ имъ Русское житье-бытье вынести? Отъ капусты раздуются, отъ каши перелопаются, отъ щей задохнутся, а которые въ зиму-то и останутся, такъ крещенскіе морозы поморятъ; право такъ! Будутъ у воротъ замерзать, на дворѣ околѣвать, въ сѣняхъ зазябать, въ избѣ задыхаться, на печи обжигаться. Да что и говорить! Повадился кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сломить. Карлъ-то Шведскій пожилистѣй тебя былъ, да и чистой царской крови, да уходился подъ Полтавой, ушелъ безъ возврату. Да и при тебѣ будущихъ-то мало будетъ. Побойчѣй Французовъ твоихъ были Поляки, Татары и Шведы, да и тѣхъ старики наши такъ отпотчивали, что и по сю пору кругъ Москвы курганы, какъ грибы, а подъ грибами-то ихъ кости. Ну, и матушка Москва! Вѣдь это не городъ, а царство. У тебя дома-то слѣпой да хромой, старухи да ребятишки остались, а на Нѣмцахъ не выѣдешь: они тебя съ маху осѣдлаютъ. А на Руси что, знаешь ли ты, забубенная голова? Выведено 600.000, да забритыхъ 300.000, да старыхъ рекрутъ 200.000. А всюду молодцы: одному Богу вѣруютъ, одному царю служатъ, однимъ крестомъ молятся, всѣ братья родные. Да коли понадобится, скажи намъ батюшка Александръ Павловичь: сила христіянская, выходи, и высыпитъ безсчетная, и свѣту Божьева не увидишь! Ну, переднихъ бей пожалуй: тебѣ это по сердцу; за то остальные тебя доканаютъ на вѣки-вѣковъ. Ну, какъ же тебѣ къ намъ забраться? Не токмо что Ивана Великаго, да и Поклонной во снѣ не увидишь. Бѣлорусцовъ возьмемъ, да тебя въ Польшѣ и погребемъ. Ну, и поминай какъ звали! Посему и прочее разумѣвай, не наступай, не начинай, а направо кругомъ домой ступай и знай, изъ роду въ родъ, каковъ Русскій народъ".

Потомъ Чихиринъ пошелъ бодро и запѣлъ: „Во полѣ березынька стояла", а народъ, смотря на него, говорилъ: „откуда берется? А что говоритъ дѣло, то ужъ дѣло".

2 Августа онъ обнародовалъ сухое и безъ всякихъ прикрасъ извѣщеніе о движеніяхъ нашихъ армій у Смоленска и объ авангардномъ дѣлѣ у Молева болота [29]).

Но черезъ нѣсколько дней, 9 Августа, было обнародовано объявленіе *отъ главнокомандующаго къ Москвѣ*, хотя и наполненное прибаутками, но дѣйствительно уже не отличавшееся хвастливостію Корнюшки Чихирина. „Слава Богу, все у насъ въ Москвѣ хорошо и спокойно. Хлѣбъ не дорожаетъ, и мясо дешевѣетъ. Одного всѣмъ хочется, чтобъ злодѣя побить; и то будетъ. Станемъ Богу молиться, да воиновъ снаряжать, да въ армію ихъ отправлять. А за насъ предъ Богомъ заступники: Божія Матерь и Московскіе чудотворцы, предъ свѣтомъ милосердый государь нашъ Александръ Павловичь, а предъ супостаты христолюбивое воинство; а чтобъ скорѣе дѣло рѣшить, государю угодить, Россію одолжить и Наполеону насолить, то должно имѣть послушаніе, усердіе и вѣру къ словамъ начальниковъ, и они рады съ вами и жить и умереть. Когда дѣло дѣлать, я съ вами; на войну идти, предъ вами; а отдыхать—за вами. Не бойтесь ничего,—нашла туча, да мы ее отдуемъ; все перемелится, мука будетъ, а берегитесь одного: пьяницъ да дураковъ; они, распустя уши, шатаются, да и другимъ въ уши въ расплохъ надуваютъ. Иной вздумаетъ, что Наполеонъ за добромъ идетъ; а его дѣло кожу драть: обѣщаетъ все, а выйдетъ ничего. Солдатамъ сулитъ фельдмаршальство, нищимъ золотыя горы, народу свободу; а всѣхъ ловитъ за виски, да и въ тиски, и пошлетъ на смерть: убьютъ либо тамъ, либо тутъ. И для сего, я прошу, если кто изъ нашихъ, или изъ чужихъ станетъ его выхвалять и сулить то и другое, то какой бы онъ ни былъ, за хохолъ, да и на съѣзжую: тотъ, кто возметъ, тому честь, слава и награда; а кого возьмутъ, съ тѣмъ я раздѣлаюсь, хотя пяти пядей будь во лбу; мнѣ на то и власть дана, и государь изволилъ приказать беречь матушку Москву; а комужъ беречь мать, какъ не дѣткамъ! Ей Богу, братцы, государь на васъ, какъ на Кремль, надѣется, а я за васъ присягнуть готовъ. Не введите въ слово! А я вѣрной слуга царской, Русской баринъ и православной христіанинъ. Вотъ моя молитва: „Господи, царю небесный! Продли дни благочестиваго земнаго царя нашего! Продли благодать твою на православную Россію, продли мужество христолюбиваго воинства, продли вѣрность и любовь къ Отечеству православнаго Русскаго народа! Направь стопы воиновъ на гибель враговъ, просвѣти и укрѣпи ихъ силою животворящаго креста, чело ихъ охраняюща, и симъ знаменіемъ побѣдиша“ [30]).

---

[29]) Вотъ это объявленіе: „2 Августа. Вчерашняго числа главнокомандующій въ Москвѣ получилъ чрезъ нарочнаго курьера отъ его высокопревосходительства военнаго министра отъ мызы Мощинки, слѣдующія извѣстія: 26 числа 1 и 2 арміи, снабдившись продовольствіемъ,выступили изъ Смоленска, 1-я въ Выдры, а 2-а въ Катань. 27-го авангардъ 1-й арміи, подъ начальствомъ генерала Платова и генералъ-майора гр. Палена, разбилъ корпусъ непріятельской кавалеріи. Большое число войскъ, оный составлявшихъ, совершенно истреблено, и взято въ плѣнъ нами около 1000 человѣкъ, въ числѣ коихъ одинъ полковникъ и много штабъ и оберъ-офицеровъ; также взятъ обозъ командующаго онымъ генерала Малбрюна. 27 же числа арміи перешли 1-я въ Мощинку на Порѣчинскую дорогу, а 2-я въ Выдру“. Библіогр. Записки 1859 г., т. 2, стр. 48.

[30]) Гр. Ростопчинъ печаталъ свои объявленія или въ Московскихъ Вѣдомостяхъ или отдѣльными листками, которые разносились по домамъ какъ театральныя афиши, и потому они сдѣлались извѣстными подъ названіемъ *Ростопчинскихъ афишъ*. „Всѣхъ такихъ афишекъ, говоритъ М. Н. Лонгиновъ, извѣстно намъ 16,

Совершенное отсутствіе положительныхъ извѣстій о ходѣ военныхъ дѣлъ естественно вынуждало Москвичей хвататься за всякую вѣсть, сообщаемую кѣмъ бы то ни было.

„Мы все тревожимся, писала изъ Москвы въ Петербургъ въ это время свидѣтельница происшествій. Лишь только оживитъ насъ пріятное извѣстіе, какъ снова услышимъ что либо устрашающее. Признаюсь, что если въ нѣкоторомъ отношеніи безопаснѣе жить въ большомъ городѣ, за то нигдѣ не распускаютъ столько ложныхъ слуховъ, какъ въ большихъ городахъ. Дней пять тому назадъ разсказывали, что Остерманъ одержалъ большую побѣду. Оказалось что это выдумка. Нынче утромъ дошли до насъ вѣсти о блестящей побѣдѣ, одержанной Витгенштейномъ. Извѣстіе

хотя вѣроятно ихъ было и болѣе; но онѣ легко могли истребиться“ (Русс. Архивъ 1868 г. № 4 и 5, стр. 857). Къ сожалѣнію это послѣднее замѣчаніе совершенно вѣрно, и желаніе собрать всѣ афишки гр. Ростопчина, не смотря на всѣ старанія, приведетъ къ сомнѣнію: всѣ-ли ихъ удалось собрать? потому что, по свидѣтельству современника, „графъ Ростопчинъ, по отъѣздѣ государя изъ Москвы, рѣдкій день не выдавалъ афишекъ какъ о дѣйствіяхъ нашихъ армій, такъ и особенно отъ себя въ народное извѣстіе“ (Бестужева-Рюмина, Кратк. описаніе, стр. 77). Было нѣсколько попытокъ издать эти афишки. Въ первыя, сколько мнѣ извѣстно, появилось ихъ собраніе въ Историч. географич. и статистич. журналѣ, 1812 г., въ числѣ 15, подъ заглавіемъ: „Дружескія посланія отъ главнокомандующаго въ Москвѣ къ жителямъ ея“. Потомъ издалъ ихъ И. М. Снегиревъ въ приложеніяхъ къ Очеркамъ жизни преосв. Августина, въ числѣ 9 (прилож. 16, стр. 116—122), въ 1841 г. За тѣмъ въ 1853 г. въ Смирдинскомъ изданіи сочиненій гр. Ростопчина ихъ помѣщено 12, и сверхъ того лубочная картинка съ Корнюшкою Чихиринымъ и его рѣчью къ народу, 1-го Іюля, и воззваніе къ крестьянамъ Московской губерніи (стр. 163—182). Наконецъ третье собраніе издано ген. Богдановичемъ (Истор. царствов. Александра 1-го, т. III, гл. 35, прилож., стр. 69—73), въ числѣ десяти. Это перепечатка съ Смирдинскаго изданія съ пропускомъ двухъ афишекъ, №№ 3 и 4, безъ объясненія, почему онѣ исключены. Не помѣщены также изданныя самимъ ген. Богдановичемъ объявленія о сраженіи подъ Смоленскомъ и о потеряхъ непріятеля 27 Авг. (Истор. отечеств. войны, т. III, гл. XXV, стр. 259 и 262). Обо всѣхъ этихъ изданіяхъ можно сказать то, что́ М. Н. Лонгиновъ говоритъ объ изданіи Смирдина: „знаменитыя Ростопчинскія афишки 1812 г. напечатаны въ безпорядкѣ, многія безъ означенія чиселъ; нѣкорыя, уже извѣстныя, вовсе не вошли въ собраніе“. Онъ насчитываетъ 16 афишъ и дѣлаетъ довольно удачный опытъ пріурочить каждую изъ нихъ къ числамъ мѣсяцевъ. Онъ прямо ставитъ подъ № 1 афишку отъ 1-го Іюля о Корнюшкѣ Чихиринѣ въ числѣ Ростопчинскихъ, хотя Снегиревъ и Богдановичь пропустили ее въ своихъ собраніяхъ, а у Смирдина она напечатана отдѣльно отъ нихъ (стр. 163—165). Очевидно издатели этихъ афишъ или не приписывали ея гр. Ростопчину вовсе, или сомнѣвались, имъ ли она написана. Но я совершенно раздѣляю взглядъ г. Лонгинова и не вижу никакихъ поводовъ сомнѣваться въ ея сочинителѣ. Приведенныя строки изъ его Записокъ о 1812 годѣ, я „отбросилъ въ сторону (mis de côté) сказки и рисунки и пр“., составляютъ косвенное признаніе, что онъ сочинитель этой афишки, въ чемъ были увѣрены всѣ современники. Посланіе къ Московскимъ жителямъ г. Лонгиновъ пріурочиваетъ къ 9 Авг., кажется, вѣрнѣе, нежели Шнитцлеръ, который обозначаетъ его 24-мъ числомъ Августа нов. ст. т. е. 11-го Августа нашего, что́ повторяетъ за нимъ и гр. Сегюръ (Schnitzler, Rostopchine et Kotouzof, стр. 128. C-te Segur, Vie du c-te Rostopcthine стр. 191). Ср. примѣч. 8-е къ слѣдующей главѣ.

это пришло изъ вѣрнаго источника, такъ какъ о побѣдѣ этой разсказываетъ гр. Ростопчинъ; а между тѣмъ никто ни смѣетъ вѣрить" [31]). Въ это время только что появилось въ печати въ Петербургѣ правительственное извѣстіе о сраженіи при Клястицахъ и вѣроятно не дошло еще до Москвы.

При такихъ обстоятельствахъ конечно справедливо понялъ гр. Ростопчинъ, что необходимо сообщать Москвѣ вѣрныя извѣстія и тѣмъ дать возможность образоваться разумному общественному мнѣнію. Еще справедливѣе была мысль отбросить хвастливыя побасенки о ничтожествѣ Французовъ и нашей непобѣдимой силѣ. Но вѣрныхъ извѣстій о военныхъ дѣйствіяхъ гр. Ростопчинъ и самъ не имѣлъ и потому отправилъ въ Смоленскъ нарочнаго полицейскаго чиновника, черезъ котораго надѣялся получать ихъ. А покамѣстъ, въ вышеприведенномъ объявленіи его, кромѣ общей мысли, что походъ Наполеона на Россію окончится для него неудачно, не сообщалось никакихъ извѣстій о войнѣ. При всемъ томъ, объявленіе произвело значительное дѣйствіе на жителей Москвы, съ которыми главнокомандующій вступалъ въ открытый обмѣнъ мыслями. С. Н. Глинка поспѣшилъ въ ближайшей книжкѣ своего журнала напечатать *благодарность жителей Москвы за дружеское посланіе*. „Чтó сердце Русское, писалъ онъ, говоритъ сердцамъ Русскимъ, то всегда подѣйствуетъ надъ душами. Я самъ во многихъ мѣстахъ читалъ народу „Посланіе къ жителямъ Москвы". Всѣ они единогласно благодарили Бога и государя за своего начальника. „Онъ вразумляетъ народъ православный, говорили они; онъ остерегаетъ шаткіе умы отъ всякаго зла, онъ съ нами молится Богу; какъ же намъ за него не молиться Богу?" Я самъ также былъ очевидцемъ, какое дѣйствіе произвели сіи слова: „когда дѣло дѣлать, я съ вами; на войну идти, передъ вами, а отдыхать — за вами". У многихъ изъ глазъ лились слезы, на лицахъ пылала отважность, и всѣ въ туже минуту готовы были поднять оружіе на врага вѣроломнаго. „Рады за начальникомъ нашимъ въ огонь и въ воду! (восклицали восхищенные жители Москвы), рады съ нимъ и жить и умереть". „Осторожность—первая похвала, а трусость—послѣдняя глупость". Рады быть осторожными, на стражѣ Москвы бѣлокаменной; она мать Русскихъ городовъ, она царство въ царствѣ Русскомъ. Слава Богу и государю, слава имъ за нашего начальника. Онъ слушаетъ приказъ государевъ; онъ бережетъ насъ, какъ дѣтей; онъ крѣпкой слуга государевъ, онъ отецъ Москвы".

Это не вымыселъ, но простое повтореніе общаго голоса Русскихъ сердецъ. Искусство не выдумаетъ такихъ словъ. Одни только благодарныя души могутъ сказать начальнику: ты крѣпкій слуга государевъ, ты отецъ Москвы [32]). Но въ этомъ объявленіи заключалось порученіе народу хватать всякаго изъ *нашихъ* или *чужихъ*, кто станетъ говорить въ пользу Наполеона. Конечно это порученіе всего болѣе угрожало иностранцамъ, за которыми весьма усердно наблюдалъ гр. Ростопчинъ. Ихъ было весьма много въ Москвѣ, и число однихъ Французовъ простиралось до 3600 человѣкъ. Въ ихъ числѣ безъ всякаго сомнѣнія, были и приверженцы Наполеона; но едва-ли въ это время кто либо изъ нихъ рѣшился открыто выражать свои мнѣнія. Во всякомъ случаѣ, возможно-ли было поручать наблюденіе надъ ними всѣмъ жителямъ Москвы [33])?

---

[31]) Письмо М. А. Волковой отъ 29 Іюля 1812 г.

[32]) Русскій Вѣстникъ 1812 г., кн. 10, стр. 86.

[33]) Domergue. La Russie pendant les guerres de l'empire, т. I, стр. 237 и слѣд.

Графъ Ростопчинъ долженъ былъ зорко слѣдить за проживавшими въ Москвѣ пришельцами вообще изъ западной Европы и особенно за Французами, въ силу общаго предписанія правительства. Еще въ лагерѣ при Дриссѣ, 2 Іюня, состоялось высочайшее повелѣніе, сообщенное министромъ полиціи всѣмъ губернаторамъ и генералъ-губернаторамъ: „1) чтобы въ губерніяхъ оставить только тѣхъ изъ иностранцевъ, въ благонадежности которыхъ губернаторъ приметъ на себя отвѣтственность, что они ни личными внушеніями, ни другими средствами не могутъ подать повода къ нарушенію спокойствія или къ совращенію съ пути Русскихъ подданныхъ; 2) всѣхъ иностранцевъ, которые окажутся неблагонадежными, выслать за границу моремъ и 3), тѣхъ изъ нихъ, коихъ отправленіе за границу сочтется неумѣстнымъ, по уваженію, что разглашеніями въ чужихъ краяхъ о внутреннемъ нашемъ положеніи они могутъ подать поводъ къ неблагопріятнымъ и невыгоднымъ для Россіи послѣдствіямъ, выслать во внутреннія губерніи“ [34]).

Политика Наполеона, не разбиравшая средствъ, а считавшая пригоднымъ всякое, лишь бы оно вело къ цѣли, была хорошо извѣстна Русскому правительству. Передъ началомъ военныхъ дѣйствій съ какимъ либо государствомъ онъ обыкновенно посылалъ туда множество своихъ шпіоновъ, какъ для того чтобы собрать необходимыя для него свѣдѣнія, такъ и для того, чтобы своими разглашеніями о тѣхъ благахъ, которыя готовитъ *великій* человѣкъ, произвести рознь, смуты и даже измѣну. Въ отношеніи къ Россіи это было для него даже удобнѣе сдѣлать, нежели въ отношеніи къ какой нибудь другой странѣ. Такого рода люди были подъ рукою—это Поляки. Быть можетъ, нужно было послать для того, чтобы руководить дѣйствіями Поляковъ, немногихъ, болѣе осторожныхъ и ловкихъ агентовъ. Одинъ изъ современниковъ, артиллерійскій офицеръ, находившійся съ своею батареею въ Несвижѣ, свидѣтельствуетъ, что уже въ началѣ 1812-го года тамъ „начали ловить шпіоновъ, являвшихся подъ видомъ комедіантовъ, фокусниковъ, странствующихъ монаховъ и тому подобныхъ. Кажется, въ правилахъ великаго Наполеона было, передъ начатіемъ войны съ какимъ либо государствомъ, впускать въ него сперва легіоны шпіоновъ и зажигателей, которые пріуготовляли и расчищали путь для его побѣдоноснаго воинства. Наиболѣе этихъ шпіоновъ являлось тогда подъ видомъ землемѣровъ, или попольски коморниковъ, которые, попеременно съ нашими офицерами квартирмейстерской части, снимали ситуацію окрестностей Несвижа инструментально. Я это замѣтилъ особенно по одному случаю. Мнѣ назначили въ городѣ для переселенія другую квартиру. Со вступленіемъ моимъ за порогъ въ новое жилище представился мнѣ коморникъ, окруженный математическими инструментами и планами. Я предложилъ ему, чтобы онъ очистилъ квартиру, опредѣленную мнѣ по власти жидовскаго кагала и въ удостовѣреніе представилъ на лицо десятника-Еврея. Коморникъ отвѣчалъ мнѣ попольски, неловкимъ нарѣчіемъ, что онъ квартируетъ тутъ съ позволенія князя Р. и не позволитъ себя согнать съ мѣста никому. Разговоръ у насъ сдѣлался живѣе; устрашенный Еврей-десятникъ убѣжалъ, а Польскій коморникъ превратился во Француза. Догадавшись, каковъ былъ гость, я поспѣшилъ къ своему командиру; но покуда отыскивалъ городничаго, коморникъ исчезъ, не оставивъ лоскута бумаги на мѣстѣ“ [35]).

---

[34]) Михайловскій-Данилевскій, Полн. Собр. Соч. т. IV, стр. 482.

[35]) Записка артиллериста, т. I, стр. 19 и 20.

Наши агенты, посланные на границу Пруссіи, постоянно доносили о переходѣ въ наши предѣлы многихъ подозрительныхъ лицъ. Еще въ Декабрѣ 1811 г., одинъ изъ нихъ писалъ военному министру, что нѣсколько времени назадъ у Полангена, съ паспортами отъ гр. Румянцова, помѣченными однимъ числомъ, перешли границу нѣсколько Италіанцевъ или Швейцарцевъ, направляясь пѣшкомъ въ Литву, трое ксендзовъ, одинъ студентъ, одинъ садовникъ и одинъ поваръ. Но едва они перешли границу, какъ всѣ переодѣлись нищенствующими монахами и разсѣялись въ разныя стороны [36]). Нашъ посланникъ въ Вѣнѣ, гр. Штакельбергъ, въ концѣ Мая 1812 г., сообщилъ гр. Румянцеву цѣлый перечень лицъ разныхъ сословій, которыя должны были пробраться въ Россію въ качествѣ Французскихъ эмиссаровъ и списки съ этой депеши отправилъ гр. Кутузову въ Бухарестъ, князю Багратіону и министру полиціи Балашеву. Хотя нѣкоторыя имѣли видъ принадлежавшихъ къ высшимъ разрядамъ Европейскаго общества и приводили его въ нѣкоторое недоумѣніе; но онъ считалъ эти извѣстія, добытыя изъ такихъ вѣрныхъ источниковъ, столь важными, что счелъ долгомъ сообщить ихъ нашему правительству. „Не подлежитъ никакому сомнѣнію, писалъ онъ, что лица такого рода, о какихъ я буду говорить, старались пробраться въ Россію и что многимъ изъ нихъ удалось это, и поэтому всякое предувѣдомленіе о нихъ должно обратить на себя вниманіе. Конечно нерѣдко низкія страсти и другія тому подобныя побужденія клеймятъ подозрѣніемъ людей невинныхъ; но грустный опытъ научаетъ однакоже, что вещи, повидимому самыя нѣвѣроятныя, оказываются дѣйствительными. Вы поймете конечно, что эти разсужденія относятся собственно до одного имени, весьма почетнаго, которое встрѣтите въ этомъ спискѣ въ числѣ лицъ, назначенныхъ Французскимъ правительствомъ эмиссарами въ Россію“. Вѣроятно рѣчь идетъ о князѣ Гейнрихѣ Рейссъ-Плауенѣ, который, по словамъ Штакельберга, вполнѣ преданъ Французамъ, а намѣревается вступить въ Русскую службу, или можетъ быть, о графѣ Дорревилѣ или Дорвилѣ, котораго онъ считаетъ особенно опаснымъ, если ему удастся приблизиться къ лицу императора.

Эти лица были правильно устроены, шайками, подъ предводительствомъ опытныхъ дѣльцовъ въ этомъ родѣ. Въ одной шайкѣ были Евреи, въ другой было много учениковъ академіи восточныхъ языковъ. Сія послѣдняя шайка, черезъ Константинополь, Бѣлградъ и Видинъ, должна была пробраться въ Россію [37]).

---

[36]) Письмо къ военному министру изъ Полангена 10 Дек. 1811 г. подписано: de Laizew.

[37]) Депеша гр. Штакельберга изъ Вѣны гр. Румянцову (6 Іюля) 1812 г. Вотъ этотъ списокъ:

„*Margot*, о которомъ я уже упоминалъ въ прежнихъ депешахъ, начальникъ 40 человѣкъ; имъ поручено дѣйствовать на направленіе общественнаго мнѣнія, и они состоятъ большею частью изъ вышедшихъ изъ Парижской академіи восточныхъ языковъ. Они отправились въ Константинополь и должны пробраться въ Россію чрезъ Бѣлградъ и Видинъ. Предполагаютъ, что вѣроятно Вѣнской дворъ объ этомъ не знаетъ. *Chopius*, изъ Доля близь Безансона, былъ секретаремъ Французскаго посланника при Регенсбургскомъ сеймѣ; употреблялся для тайныхъ порученій въ Швейцаріи. Въ Мартѣ мѣсяцѣ онъ былъ въ Парижѣ и исчезъ, чтобъ появиться при Французскомъ посланникѣ въ Берлинѣ. *Duminick*, 40 лѣтъ, сынъ министра Трирскаго електора, съ юности употреблявшійся для тайныхъ порученій, прошедшій безопасно всѣ мытарства Французской революціи; говоритъ на всѣхъ языкахъ,

При огромномъ наплывѣ иностранцевъ въ это время не только вообще въ Россію, но и въ Русскую службу, конечно легко было пробраться и подозрительнымъ лицамъ. Главнокомандующіе арміями и начальники отдѣльныхъ корпусовъ постоянно получали свѣдѣнія о такихъ лицахъ, и Тормасовъ извѣстилъ о двухъ изъ нихъ, находившихся въ Москвѣ еще при предшественникѣ гр. Ростопчина [38]).

Въ такомъ положеніи дѣлъ естественно, что Русское правительство должно было усугубить наблюденіе за иностранцами, пребывающими въ Россіи и особенно за Французами. Гр. Ростопчинъ еще 26 Іюня послалъ аббатамъ двухъ Латинскихъ приходовъ въ Москвѣ слѣдующее объявленіе: „Императоръ Французовъ вступилъ въ предѣлы Россіи. Война началась. Зная образъ мыслей вашихъ и должность священнаго званія, вами отправляемую, обращаюсь къ вамъ, милостивые государи мои, прося покор-

---

хорошій географъ, торговый человѣкъ, очень забавенъ и чрезвычайно скрытенъ. Около 7 лѣтъ онъ состоялъ при Французскомъ посольствѣ. Онъ не получаетъ опредѣленнаго жалованья, но всѣмъ Французскимъ посольствамъ вмѣнено въ обязанность выдавать ему денегъ, сколько онъ потребуетъ. Какъ только дѣла принимаютъ тревожное направленіе, онъ начинаетъ путешествовать подъ именемъ Христіана Кохендорфера. У него имѣются всякіе паспорты. Его бумаги стоятъ изслѣдованія. Въ половинѣ Марта онъ находился въ Страсбургѣ и былъ нездоровъ, но имѣлъ порученіе отправиться въ Берлинъ или Петербургъ къ Французскимъ посольствамъ. Въ его распоряженіи состоятъ слѣдующіе Евреи: *Parckas* изъ Гамбурга; *Isaac Sterbnitscher; Joseph Hofweiler*, оба изъ Вормса; *Rudolf Legé*, Саксонецъ, опасный; *Auguste Mutsdorf*, прежде бывшій секретаремъ герцога Курляндскаго; Louis *de Fermin*, Мальтійскій кавалеръ, игрокъ, не совсѣмъ подозрительный, имѣетъ знакомство въ нашемъ посольствѣ въ Парижѣ и, кажется, былъ въ Россіи въ войскахъ принца Конде; *le c-te de Dorreville* или *Dorville*, изъ Парижа, большой пройдоха; надо удалять его отъ лица императора: все готовъ сдѣлать изъ за денегъ. Послѣдніе двое находятся уже въ Берлинѣ. *Le prince Henri de Reusse-Plauen*, былъ капитаномъ въ Австрійской службѣ, въ гусарахъ Бланкенштейна, племянникъ Австрійскаго артиллерійскаго генерала князя Рейсса. Совершенно преданъ Франціи. Хочетъ вступить въ Русскую службу. Имѣетъ деньги. Вѣроятно онъ находится въ Берлинѣ, Вильнѣ или Петербургѣ. *Iohann Friederich von Norck*, изъ Гамбурга, извѣстный шпіонъ Французскаго правительства, наблюдавшій за эмигрантами въ Брюсселѣ; бываетъ то въ Берлинѣ, то въ Петербургѣ. *Gherardi*, Италіанецъ, неважный. *Sir Viscombet*, Ирландецъ, находился въ связи съ графинею *de Vares*, теперь княгинею *Salm-Salm*, авантюристъ и интриганъ; собирается ѣхать въ Петербургъ. Многіе Греки, пріѣзжающіе по торговымъ дѣламъ, участвуютъ также и въ подобныхъ дѣлахъ. На Іезуитовъ слѣдуетъ обращать вниманіе“.

[38]) Письмо гр. Ростопчина къ гр. Аракчееву: „М. г. графъ Алексѣй Андреевичь! На отношеніе ко мнѣ вашего сіятельства, коимъ требовать изволите свѣдѣнія о причинахъ, по которымъ иностранцы, купцы Каспаръ Веберъ и Гейдеръ, удалены были изъ Москвы въ Нижній Новгородъ, я честь имѣю отвѣтствовать вамъ, что генералъ отъ кавалеріи Тормасовъ, до открытія еще кампаніи противъ Французовъ, увѣдомлялъ предшественника моего, что Французское правительство намѣревалось прислать въ Россійскіе города тайныхъ агентовъ, и что въ числѣ ихъ прибыли сюда вышеписанные Швейцарскіе уроженцы, Каспаръ Веберъ и Гейдеръ. Сія причина была достаточнымъ поводомъ къ обращенію на нихъ полицейскаго надзора и еще болѣе къ высылкѣ ихъ изъ Москвы при смутныхъ обстоятельствахъ, въ послѣдствіи времени столицу сію постигшихъ. Генваря 13 дня 1813 г. Москва“.

но употребить убѣдительнѣйшее средство, по мѣрѣ возможности, ко внушенію иностранцамъ прихода вашего, чтобы они въ поступкахъ своихъ были благоразумнѣе и въ разговорахъ ограничивали себя скромностью. Надѣюсь, что имъ будетъ возможно, по крайней мѣрѣ, въ теченіи военнаго времени, почтить тотъ край, котораго государь являетъ имъ отеческую защиту, а подданные его величества оказываютъ гостепріимство, гдѣ бѣдные находятъ изобиліе, несчастные покровъ, и бродяги странники свое счастіе. Я въ полномъ увѣреніи, что совѣты ваши подѣйствуютъ на умы легкомысленные и развращенные и что начальству не останется другаго дѣла, какъ только пещись о сохраненіи общей тишины, вмѣсто розысковъ, наказаній и употребленія строгихъ мѣръ къ водворенію порядка и успокоенію народа, съ давняго времени, особенно нынѣ раздраженнаго противъ Французовъ [39]).

Но это средство едвали имѣло дѣйствіе именно на тѣхъ лицъ, которыхъ могъ имѣть въ виду гр. Ростопчинъ. Оно походило болѣе на колкую шутку, нежели на правительственную мѣру, принятую въ виду опредѣленной цѣли. Безъ сомнѣнія, тѣ изъ Французовъ и вообще иностранцевъ, которые посѣщали храмы ради молитвы и слушали увѣщанія аббатовъ, не могли быть опасны. „Отъ времени до времени, говоритъ въ своихъ Запискахъ гр. Ростопчинъ, появлялись болтуны, которыхъ полиція подвергала аресту. Но такъ какъ я не желалъ, чтобы эти случаи дѣлались извѣстными; то вмѣсто того, чтобы предавать суду этихъ ничтожныхъ людей, я отправлялъ ихъ въ сумасшедшій домъ, гдѣ ихъ подвергали правильному леченію, т. е. каждое утро обдавали ихъ холодною водою и по суботамъ заставляли принимать лекарство. Когда непріятель вошелъ въ Москву, такихъ было: 3 женщины и 10 мущинъ. Страхъ и подозрѣніе въ отношеніи къ иностраннымъ и похвальная ревность превратили всякаго въ чиновника правительства; опасались шпіоновъ, и какъ въ этомъ отношеніи прежде всего дѣло дошло до иностранцевъ, то я обнародовалъ извѣщеніе, чтобы всякаго, кого бы ни арестовали какъ подозрительнаго по чему либо, непремѣнно приводили ко мнѣ для изслѣдованія. Я очень былъ доволенъ, что поспѣшилъ принять эту мѣру, потому что мнѣ ежедневно приводили такихъ лицъ, какихъ никоимъ образомъ нельзя было считать шпіонами. Я объяснялъ дѣло толпамъ народа, которыя ихъ приводили; они сознавались въ ошибкѣ, и арестованные по напрасну немедленно освобождались. Однажды мнѣ привели Русскаго мальчика, заику и дурачка, котораго схватили за то, что онъ не могъ скоро отвѣчать на предложенные ему вопросы: откуда онъ? Другой — мой сапожникъ Нѣмецъ, который, узнавъ, что за городомъ между плѣнными есть его соотечественники, купилъ имъ бѣлаго хлѣба и за это былъ схваченъ и приведенъ на мой судъ. Но народъ никого не оскорблялъ, ни съ кѣмъ не обращался дурно. Подало ему поводъ къ такимъ арестамъ слѣдующее обстоятельство: одинъ цирюльникъ-Нѣмецъ вздумалъ жильцамъ того дома, гдѣ онъ самъ помѣщался, расписывать картину счастія, которымъ они будутъ наслаждаться подъ властью Наполеона. Одинъ изъ слугъ этого дома, пригласивъ на помощь другихъ, выдалъ его народу. Я произвелъ къ себѣ вѣрнаго присягѣ слугу и далъ ему при многочисленномъ народѣ 1000 руб. вознагражденья, а цирюльника велѣлъ посадить въ тюрьму. Я принялъ къ себѣ въ услуженіе повара-Француза, который былъ у меня прежде въ Петербургѣ. Помощники его, Русскіе, которые вмѣстѣ съ нимъ готовили, донесли на него, что онъ поклонникъ Наполеона. Я поручилъ двумъ полицей-

---

[39]) Сочиненія гр. Ростопчина, изд. Смирдина, стр. 185—186.

скимъ чиновникамъ наблюдать, чтобы убѣдиться въ истинѣ и когда это оказалось справедливымъ, я велѣлъ его арестовать, судить и потомъ отправить въ Пермь“ [40]).

Отзывъ гр. Ростопчина въ приведенныхъ строкахъ изъ его же Записокъ объ отношеніи Русскаго народа къ иностранцамъ въ 1812 г. совершенно противорѣчитъ тому, что̀ въ то время онъ писалъ государю. Онъ говоритъ, что народъ никого изъ нихъ не оскорблялъ, ни съ кѣмъ не

---

[40]) Главнымъ поваромъ гр. Ростопчина былъ Арнольдъ Турне (Arnold Tournay); Бельгіецъ, род. въ г. Спа. Любопытныя извѣстія о его судьбѣ находятся въ примѣчаніяхъ къ разсказу кавалера Д'Изарна (Francois-Joseph D'Ysarn) о пребываніи Французовъ въ Москвѣ въ 1812 г. (Relation du séjour des Francais à Moscou en 1812, ed. de Gadaruel, Bruxelles 1871; сначала помѣщено въ Русс. Архивѣ 1869 года №, 9). Турне былъ Русскимъ подданнымъ, вѣроятно вступившимъ въ наше подданство въ слѣдствіе распоряженій объ иностранцахъ въ 1806 г. Семь лѣтъ онъ пробылъ въ ссылкѣ, въ Перми, и потомъ получилъ разрѣшеніе поселиться въ Казани, куда было дозволено переѣхать изъ Москвы и его женѣ съ дѣтьми. Въ Казани онъ открылъ кондитерскую лавку, торговалъ удачно и умеръ тамъ 72-мъ лѣтъ, въ 1841 г. Онъ не любилъ вспоминать о позорномъ наказаніи, претерпѣнномъ имъ по распоряженію гр. Ростопчина въ 1812 г. въ Москвѣ, и когда заходила объ этомъ рѣчь, то слезы текли изъ его глазъ. По его разсказамъ дѣло происходило такъ. „Не за долго до вступленія Французовъ, Турне заботился приготовить завтракъ для графа. Одинъ изъ его помощниковъ неохотно и небрежно исполнялъ свои обязанности и разсердилъ его (что̀ очень легко было сдѣлать, такъ какъ онъ и въ старости не утратилъ своей вспылчивости). Онъ въ это время рубилъ ножемъ говядину. „Вотъ погоди, закричалъ онъ на поваренка, пусть только придетъ нашъ императоръ, вотъ что онъ съ вами сдѣлаетъ“, и продолжалъ знаменательное занятіе. Одинъ изъ лакеевъ, всегда готовыхъ подслуживаться своимъ господамъ, потворствуя ихъ страстямъ, пошелъ тотъ часъ-же сдѣлать доносъ грозному губернатору, украсивъ разсказъ самыми недоброжелательными толкованіями. Когда немедленно затѣмъ Турне былъ позванъ къ графу, который спросилъ его о словахъ, которыя онъ произнесъ и о жестахъ, то онъ отвѣчалъ ему слѣдующее: „Графъ, я сказалъ нашъ императоръ, подразумѣвая императора Александра“. Его сіятельство не обратилъ никакого вниманія на такое объясненіе, сурово упрекнулъ его въ измѣнѣ своему новому отечеству и велѣлъ подождать въ передней распоряженія, которое и не замедлилъ сдѣлать. По приказанію графа, Турне вывели на дворъ, посадили въ тѣлежку, привезли на красную площадь передъ гостинымъ дворомъ, положили на позорную скамью и дали 25 ударовъ розгами. По окончаніи наказанія его бросили полумертваго въ телѣжку и, не позволивъ даже заѣхать домой, чтобы взять нѣкоторыя необходимыя вещи, отправили прямо по дорогѣ въ Сибирь, въ бѣлой холстинной курткѣ, въ которой онъ исправлялъ свои обязанности въ кухнѣ“. Очень возможно, что слова вспыльчиваго Турне, въ минуту гнѣва сказанныя поваренку, и дѣйствительно относились къ императору Наполеону; но что̀ касается до быстроты суда и расправы надъ нимъ, то его разсказъ кажется правдоподобнымъ, потому что совершенно соотвѣтствуетъ характеру и взглядамъ на правосудіе гр. Ростопчина, предлагавшимъ императору совершить такой же скорый судъ надъ Верещагинымъ. Но почему же такая ничтожная выходка его повара-Бельгійца послужила поводомъ къ такому странному наказанію? Неужели его можно объяснить, слѣдуя многимъ иностраннымъ писателямъ, *слѣпою ненавистью* гр. Ростопчина къ Французамъ? Одинъ изъ нихъ, Арманъ Домергъ, бывшій въ это время режиссеромъ Московскаго Французскаго театра, разсказываетъ, что на обѣдѣ у графа Апраксина, на которомъ онъ самъ присутствовалъ, гр. Ростопчинъ, заспоривъ съ кн. Хованскимъ, устремилъ

поступалъ дурно; а въ приведенныхъ выше письмахъ онъ извѣщалъ государя, что народъ раздраженъ противъ иностранцевъ, что его ненависть выражается въ ежедневныхъ уличныхъ ссорахъ и что такое положеніе вынуждаетъ его усиливать бдительность полиціи. Весьма естественно могло бы возбуждаться въ народѣ чувство ненависти къ иностранцамъ и особенно къ Французамъ во время ихъ грознаго нашествія на Россію.

сверкающій взглядъ на него, Домерга, и сказалъ: „я тогда только успокоюсь, когда искупаюсь въ крови Французовъ (je ne serai satisfait que lorsque j'aurai pris le bain dans le sang des Français)". Заносчивый графъ Ростопчинъ, видя въ это время въ обществѣ Русскихъ Француза, конечно могъ произнести такія слова, которыя вѣроятно относились во всякомъ случаѣ къ тѣмъ Французамъ, которые съ оружіемъ въ рукахъ шли разорять и губить Россію; но за что же сѣчь публично и ссылать въ Сибирь мирныхъ иностранцевъ, какъ его поваръ Турне? Поручая народу „брать за хохолъ да на съѣзжую", всякаго, кто бы вздумалъ хвалить Наполеона, онъ хотѣлъ дать правильное направленіе *народной ненависти къ иностранцамъ*: карая виновныхъ и оправдывая невинныхъ, предупредить возможность волненій. Но это порученіе, по словамъ того же Домерга, не произвело „на народъ почти никакого вліянія; только подверглись публичнымъ оскорбленіямъ, вызваннымъ полицейскими агентами (par des agens-provocateurs) нѣсколько мирныхъ Французовъ и Нѣмцевъ. Видя спокойное отношеніе народа къ иностранцамъ и опасаясь, чтобы всѣ эти постыдныя мѣры не были вмѣнены ему, губернаторъ пытался покровомъ человѣколюбія прикрыть свои жестокости и вмѣнить народу тѣ увлеченія, въ которыя его вовлекали его же подстрекатели. По этому поводу онъ издалъ новое объявленіе, въ такомъ же родѣ, какъ и первое, въ которомъ говорилъ: „за чѣмъ бить тощаго Француза или толстаго Нѣмца въ парикѣ?" и пр. (La Russie pendant les guerres de l'empire, vol. I, стр. 237—240). Другой иностранецъ, бывшій офицеръ нашей службы, проживавшій въ это время въ отставкѣ въ Москвѣ, говоритъ: „Въ каждомъ иностранцѣ правительство (т. е. Московское) подозрѣвало непріятельскаго шпіона и окружало ихъ дѣйствительными шпіонами, получавшими жалованье отъ полиціи, которые безпрерывно ходили по кофейнымъ и пивнымъ. Одинъ изъ нихъ былъ особенно страшенъ иностранцамъ, онъ говорилъ на всѣхъ языкахъ; это былъ Италіанецъ Тигри. Низшіе агенты понимали только Русскій языкъ и по своимъ соображеніямъ доносили то чего не понимали; такъ что опасно было вести самыя обыкновенные разговоры. Напримѣръ: въ одномъ трактирѣ говорили о скоромъ прибытіи Наполеона и говорили-съ ужасомъ. Одинъ Нѣмецъ портной, желая выказать свою храбрость, сказалъ: „чего-жъ бояться этого чудака (ce drôle-là)? Если онъ придетъ ко мнѣ, я приглашу его обѣдать". Полиція усмотрѣла въ этихъ словахъ приверженность къ Наполеону. Портнаго взяли, жестоко наказали плетьми и сослали въ Сибирь (Hist. de la destruction de Moscou en 1812, par A. F. B....ch, стр. 52 и 53). Иностранцы не обвиняли Русской народъ въ слѣпой къ нимъ ненависти, конечно нѣкоторые и потому, что считали его слишкомъ грубою силою для того, чтобы быть способнымъ какъ любить Отечество, такъ и ненавидить враговъ. Но едва-ли они были правы, объясняя также слѣпою ненавистью нѣкоторые поступки графа Ростопчина противъ иностранцевъ. Одинъ изъ Русскихъ свидѣтелей событій говоритъ: „Надобно ли было графу Ростопчину опасаться въ общей тревогѣ возстанія черни и успѣлъ-ли бы онъ, какъ провозглашали, отвесть ее отъ того прибаутками, — онъ про то зналъ; а повидимому ни у кого не было ничего похожаго на то и въ помышленіи. Скорѣе можно было бы ожидать отъ черни своевольства отъ подстрекательствъ тѣми-же колкими шутками, если бы здравый смыслъ народный не сознавалъ и не уважалъ общаго бѣд-

Это чувство и было возбуждено; но неужели здравый смыслъ Русскаго народа не указалъ ему предѣловъ этой естественной ненависти и не оградилъ отъ нея тѣхъ иностранцевъ, которые издавна и мирно проживали въ Москвѣ и другихъ мѣстахъ Россіи? Мы дадимъ отвѣтъ на этотъ вопросъ словами современнаго свидѣтеля, С. Н. Глинки, вообще поклонника гр. Ростопчина. Говоря о немъ, что онъ дѣйствовалъ въ отношеніи къ иностранцамъ, *увлекаясь мечтою*, Глинка прибавляетъ: „Я близокъ былъ къ народу; я жилъ съ народомъ на улицахъ, на площадяхъ, на рынкахъ, вездѣ въ Москвѣ и въ окрестностяхъ Москвы, и живымъ Богомъ свидѣтельствуюсь, что никакая неистовая ненависть не волновала сыновъ Россіи". Онъ же разсказываетъ, что однажды послѣ обѣда у гр. Ростопчина, на дачѣ въ Сокольникахъ, хозяинъ съ своими гостями, кн. Юсуповымъ и Н. М. Карамзинымъ, пили кофе въ саду. Въ это время пришедшій чиновникъ сказалъ что-то графу шопотомъ, и графъ пошелъ въ комнаты. Возвратясь оттуда, онъ съ улыбкою сказалъ: два добрые человѣка привели мнѣ съ улицы какого-то испитаго Нѣмца, увѣряя, что онъ шпіонъ. Распрося Нѣмца, я далъ рубль серебромъ его провожатымъ, сказавъ: ступайте съ Богомъ, братцы, это не шпіонъ и не шампиніонъ, какъ вы его называете, а мухоморъ. Гости улыбнулись" [41]).

Едвали Русскій народъ сталъ бы ловить на улицахъ и приводить къ главнокомандующему подобныхъ иностранцевъ, если бы самъ графъ Ростопчинъ не вызывалъ на это своимъ посланіемъ къ жителямъ Москвы. Народъ былъ одушевленъ священнымъ чувствомъ любви къ Отечеству и для его спасенія готовъ жертвовать всѣмъ; но это чувство не совмѣстно съ слѣпою ненавистью къ иностранцамъ. Народъ не щадилъ вооруженнаго врага, но вовсе не ненавидилъ вообще иностранцевъ. Такъ было въ Москвѣ и во всей Россіи [42]).

Если бъ дѣйствительно существовала подобная ненависть, то возможно ли было семейству или обществу иностранцевъ, состоявшему изъ многихъ лицъ, незнавшихъ ни слова порусски, проѣхать изъ конца въ конецъ всю Россію, отъ Австрійской границы, отъ Бродъ до Кіева и Москвы и потомъ до Петербурга, въ концѣ Іюля, когда непріятель занималъ уже Вильну, и встрѣтить повсюду радушный пріемъ? Между тѣмъ это именно и случилось, въ то самое время, съ г-жею Сталь, и такой пріемъ она встрѣтила не со стороны только лицъ образованнаго общества, которое могло знать объ ея извѣстности какъ писательницы и еще большей извѣстности какъ жертвы, съ такою ухищренною и безпощадною злостью преслѣдуемой Наполеономъ, но со стороны лицъ всѣхъ состояній. „Въ Русской имперіи, которую такъ неправильно называютъ варварскою, я испытала самыя сладкія и благородныя ощущенія: да привлечетъ

ствія (Записки Ѳ. П. Лубяновскаго, Русс. Арх. 1872. № 3—4, стр. 511)". Въ этихъ уклончивыхъ словахъ и заключается, по моему мнѣнію, разгадка образа дѣйствій гр. Ростопчина, какъ въ отношеніи къ народу, такъ и Французамъ, проживавшимъ въ Москвѣ. Также какъ опасался онъ измѣны и возмущенія со стороны Мартинистовъ, онъ опасался и *возстанія черни*, какъ выразился г. Лубяновскій. Онъ опасался, что находившійся въ *крѣпостной зависимости* народъ способенъ цѣною измѣны Отечеству принять *освобожденіе* изъ рукъ его врага, и поэтому всѣми способами старался возстановить его противъ иностранцевъ вообще и противъ Французовъ въ особенности.

[41]) Записки о 1812 г., стр. 42.

[42]) Тамъ же, стр. 34; С. Н. Глинки, Русс. Чтеніе, ч. I, стр. 305—306.

моя признательность благословеніе на этотъ народъ и его государя! Я въѣхала въ Россію въ такое время, когда Французская армія уже проникла далеко въ Русскую землю и, не смотря на то, никакое преслѣдованіе, никакое даже затрудненіе не останавливало на пути иностраннаго путешественника. Ни я, ни мои спутники, мы ни слова не знали порусски; мы говорили только пофранцузски, языкомъ врага, опустошавшаго страну. Въ слѣдствіе печальныхъ случайностей я не имѣла при себѣ даже ни одного слуги, который бы говорилъ порусски и еслибъ не докторъ Нѣмецъ (Реннеръ), который самымъ обязательнымъ образомъ вызвался служить мнѣ переводчикомъ до Москвы, то мы прослыли бы *Нѣмцами* (sourds et muets), какъ называютъ Русскіе иностранцевъ, не понимающихъ ихъ языка. И не смотря на то, наше путешествіе по Россіи совершилось безопасно и легко: такъ велико гостепріимство и дворянства, и народа". Переѣхавъ предѣлы старой Европы, надъ которою тяготѣла тираннія Наполеона, послѣ девяти лѣтъ томительной жизни, Сталь у насъ увидала себя на свободѣ и въ безопасности; а общественное настроеніе всѣхъ состояній Русскаго народа возбудило въ ней бодрость духа, и она почувствовала существованіе силы, способной бороться съ непобѣдимымъ по мнѣнію Европы Наполеономъ. „Въ Кіевѣ я въ первый разъ испытала Русское гостепріимство, говоритъ она. Генералъ-губернаторъ Милорадовичъ окружилъ меня самою любезною заботливостію; онъ былъ адъютантомъ Суворова и такой же безстрашный, какъ и онъ. Онъ внушилъ мнѣ гораздо бóльшую увѣренность въ военные успѣхи Россіи, нежели я думала прежде. До того времени я встрѣчала только военныхъ Нѣмецкой школы, которая нисколько не соотвѣтствуетъ Русскому характеру; въ генералѣ Милорадовичѣ я въ первый разъ встрѣтила истиннаго Русскаго, пылкаго, храбраго, увѣреннаго и нисколько не увлеченнаго подражаніемъ, которое часто лишаетъ его соотечественниковъ даже народнаго характера". Сталь ѣхала по Россіи въ то время, когда отовсюду двигались войска, перевозились припасы, съ *невѣроятною* быстротою мчались курьеры; часто на станціяхъ приходилось ждать лошадей, и потому часто она сталкивалась съ народомъ и могла наблюдать надъ нимъ. „Одинъ очень умный человѣкъ, говоритъ она, сказалъ о Россіи, что она похожа на произведенія Шекспира, въ которыхъ *возвышенно* все, чтò не составляетъ явной ошибки и все чтò не возвышенно составляетъ *ошибку*. Ничего не можетъ быть вѣрнѣе этого замѣчанія; но во время страшнаго переворота, въ которомъ находилась Россія, когда я проѣхала по ней, невозможно было достаточно надивиться той силѣ сопротивленія и рѣшимости на пожертвованія, которыя выражалъ этотъ народъ. Въ виду такихъ добродѣтелей нельзя было позволить себѣ даже замѣчать то, чтó въ другое время можно бы порицать" [43]).

---

[43]) Mémoires de m-me de Stael: dix ans d'exil. Paris, 1861 г. ч. 2, гл. X, стр. 394 и слѣд., гл. XI, стр. 418. Un homme de beaucoup d'esprit disait que la Russie ressemblait aux pièces de Shakspeare, où tout ce qui n'est pas faute est sublime, où tout ce qui n'est pas sublime est faute. Rien de plus juste que cette observation; mais dans la grande crise où se trouvait la Russie quand ja l'ai traversée, l'on ne pouvait qu'admirer l'enérgie de résistance et de la résignation aux sacrifices qui manifestait cette nation; et l'on n'osait presque pas, en voyant de telles vertus, se permettre de remarquer ce qu'on aurait blâmé dans d'autres tems.

По пріѣздѣ г-жи Сталь въ Москву, не менѣе графа Милорадовича любезно принялъ ее и Московскій главнокомандующій, хотя и не съ тѣмъ, какъ тотъ, простодушіемъ и искренностію. „Посреди занятій, которыя мнѣ не оставляли и минуты покоя, говоритъ онъ, моя злая судьба привела въ Москву г-жу Сталь. Надо было бывать у ней, приглашать обѣдать, успокоивать, сколько возможно. Она пріѣхала изъ Швейцаріи и черезъ Россію проѣзжала въ Швецію къ наслѣдному принцу (Бернадоту), ея искреннему другу (какъ она увѣряла). Она пробыла цѣлую недѣлю въ Москвѣ по случаю нездоровья ея сына; съ нею были: ея корректоръ Шлегель и г. Рокка, котораго она называла барономъ Лефортомъ и такъ мнѣ его представила, вѣроятно, полагая придать ему болѣе важности. Г. Рокка, высокій, изнуренный, задыхавшійся, сдѣлался боленъ отъ слишкомъ большаго употребленія напитка, извѣстнаго подъ названіемъ кислыхъ щей, которыя ему очень понравились. Въ своихъ заботахъ о больныхъ Сталь волновалась смертельнымъ страхомъ, чтобы Наполеонъ, занятый исключительно ея преслѣдованіемъ и раздраженный тѣмъ, что она ушла, не послалъ особаго отряда кавалеріи, чтобы поймать ее въ Москвѣ. Для того чтобы убѣдить меня въ справедливости своихъ опасеній, она постоянно прибавляла: „вы не знаете, что́ это за человѣкъ; онъ способенъ на все“. Въ то время, когда она опасалась быть похищенною по распоряженію Наполеона, онъ былъ еще въ 800 верстахъ отъ Москвы; потому я не принялъ никакихъ мѣръ, чтобы воспрепятствовать этому похищенію“.

Хотя г-жа Сталь не менѣе графа Ростопчина ненавидѣла Наполеона, и въ этомъ чувствѣ они сходились между собою; но дочь Неккера, другъ Бенжамена Констана, ни по своему происхожденію, ни по образу мыслей не могла возбудить въ немъ сочувствія. Любезная же и умная собесѣдница въ обществѣ, отличавшаяся способностью счастливаго выраженія мѣткихъ мыслей и замѣчаній, которыя повторялись потомъ повсюду и всѣми, она была скорѣе ему непріятна. Онъ видѣлъ въ ней въ нѣкоторомъ смыслѣ соперницу; а соперничество съ женщиной, хотя бы и даровитой и извѣстной писательницею, вовсе не согласовалось съ его природою. Высшее образованное общество старой Франціи, разрушенное революціею, въ числѣ другихъ необходимыхъ принадлежностей своего существованія, выработало и общественную бесѣду, доведенную имъ до степени художества. Оно превратило съ одной стороны гостиныя частныхъ домовъ въ театральныя сцены, лишивъ ихъ дѣловаго значенія обыкновенной жизни, семейной простоты и задушевности, а собесѣдниковъ въ актеровъ; но съ другой придало имъ дѣйствительно художественный характеръ. „Поигравъ умомъ и показавъ свои прекрасныя руки, г-жа Сталь уѣхала изъ Москвы, увѣдомлялъ государя гр. Ростопчинъ. Ее сопровождаютъ поэтъ Шлегель и молодой Лефортъ, который служилъ во Французской арміи; его лицо красиво, но съ дурнымъ выраженіемъ [44])“.

„Извѣстный Ростопчинъ (говоритъ г-жа Сталь) котораго имя постоянно повторялось въ бюллетеняхъ императора, пріѣхалъ ко мнѣ и пригласилъ меня къ себѣ на обѣдъ. Онъ былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ при Павлѣ 1-мъ. Его разговоръ оригиналенъ, и легко можно было замѣтить, что его характеръ выразится со всею рѣзкостію, если того потребуютъ обстоятельства. Графиня Ростопчина подарила мнѣ свою книгу о торжествѣ вѣры, написанную правильнымъ слогомъ и безукоризненную въ отношеніи къ нравственности. Я была у нея въ деревнѣ въ окрестностяхъ Москвы. Чтобы туда пріѣхать, нужно было миновать озеро и лѣсъ: этотъ-

[44]) Письмо гр. Ростопчина къ императору отъ 26 Іюля 1812 г.

то домъ, одно изъ лучшихъ мѣстопребываній въ Россіи, гр. Ростопчинъ сжегъ при приближеніи Французскихъ войскъ [45])“. Кроткій и сдержанный отзызъ г-жи Сталь о гр. Ростопчинѣ уже показываетъ, что онъ произвелъ на нее совсѣмъ не то впечатлѣніе, какъ Милорадовичъ и не возбудилъ въ ней сочувствія. Она могла сдержать свои сужденія о немъ изъ благодарности за учтивый пріемъ; но конечно поняла, что такъ поступилъ гр. Ростопчинъ, исполняя лишь обязанность Московскаго главнокомандующаго и условія свѣтскаго приличія. Появленіе въ Москвѣ г-жи Сталь было непріятно гр. Ростопчину и потому еще, что отвлекало его отъ дѣлъ и налагало лишнюю заботу, требовавшую траты времени, которымъ онъ такъ дорожилъ.

Графъ Ростопчинъ велъ чрезвычайно-дѣятельную жизнь. Онъ жилъ въ это время на дачѣ своей въ Сокольникахъ, но, говоритъ онъ, „чтобы имѣть въ своемъ распоряженіи послѣ-обѣденное время, я ежедневно въ 8 часовъ пріѣзжалъ къ городъ въ домъ главнокомандующаго. Тамъ у меня былъ рабочій кабинетъ, тамъ я принималъ донесенія, просьбы и тѣхъ лицъ, которыя желали со мною говорить. Это было всѣмъ удобнѣе, потому что домъ главнокомандующаго находится въ срединѣ города. Я не пропустилъ ни одного утра, начиная съ 20 Іюня и до 29 Августа, и всякій день тамъ бывалъ и оставался до 2-хъ часовъ по полудни; потомъ я возвращался на дачу обѣдать и заниматься дѣлами. Около 7 часовъ вечера я выѣзжалъ, чтобы проѣхаться по нѣкоторымъ частямъ города. Часто я гулялъ въ Кремлѣ, куда мое присутствіе привлекало много купцовъ и народа, съ которыми я попросту разговаривалъ, сообщалъ имъ нѣкоторыя хорошія извѣстія съ тою цѣлію, чтобы они распространились по городу. Но съ этими людьми надо было говорить весьма осторожно, потому что никто не обладаетъ такимъ здравымъ смысломъ, какъ Русскій человѣкъ, и они предлагали иногда мнѣ такіе вопросы и замѣчанія, которые могли поставить въ затруднительное положеніе самаго опытнаго дипломата. Всѣ мои вечера я проводилъ у кн. Хованскаго, у котораго обыкновенно съѣзжалось большое общество, гдѣ собирались разныя извѣстія и велись длинныя разсужденія о военныхъ дѣйствіяхъ, о движеніи армій, объ ихъ успѣхахъ и т. п. д. Я возвращался домой около полуночи, и прежде нежели ложился спать, писалъ донесенія императору и отправлялъ эстафеты. Утреннія собранія въ генералъ-губернаторскомъ домѣ представляли чрезвычайно-любопытное зрѣлище: тутъ собирались люди всѣхъ возрастовъ и разрядовъ, всѣ праздные, подстрекаемые любопытствомъ узнать что́ нибудь вѣрное. Это была биржа, почтовая контора или приморская пристань. Я былъ цѣлью, на которую устремлялись взгляды всѣхъ любопытныхъ. Послѣ пріѣзда курьера, когда я выходилъ, всѣ смотрѣли на меня, чтобы по выраженію моего лица догадаться, какого рода извѣстіе я получилъ, и очень часто видали меня спокойнымъ и веселымъ, тогда какъ моя душа мучилась смертельно. Большая часть этихъ Лафатеровъ не знали о томъ, что я отлично владѣлъ пантомимою и былъ замѣчательнымъ актеромъ въ моей молодости“.

С. Н. Глинка, часто бывая у графа Ростопчина, однажды заѣхалъ къ нему на дачу въ глухую ночь. Графъ отправлялъ нарочныхъ въ различныя стороны Московскихъ окрестностей и давалъ всѣмъ изустныя наставленія, *толковито* и *отчетливо*. Когда онъ окончилъ ихъ отправку, Глинка сказалъ: „Удивляюсь вамъ, графъ, когда къ вамъ ни заѣду, днемъ-ли

---

[45]) Mémoires, dix ans d'éxil, гл. XIV, стр. 426. Г-жа Сталь говоритъ конечно о дачѣ Ростопчина въ Сокольникахъ (нынѣ Митькова). Домъ его въ Вороновѣ былъ сожженъ имъ позднѣе. *П. Б.*

ночью-ли, вы всегда въ военномъ сюртукѣ. Успокоенная вами Москва спитъ; а вы когда спите? Вы живете на дачѣ, а днемъ то у Тверской Божьей матери, то въ Кремлѣ, то во всѣхъ концахъ Москвы. Вы какъ будто размножаетесь!"—„Стыдно было бы мнѣ, отвѣчалъ графъ, и дремать и спать. Богъ помогъ мнѣ сохранить и крѣпость здоровья, и дѣятельность мысли. Наступило мое время. Я дѣйствую въ полнотѣ моихъ силъ,—вотъ и все!" „И какъ онъ былъ неутомимъ", восклицаетъ, разсказывая этотъ случай, Глинка: „онъ всего себя отдалъ Москвѣ и Отечеству" [46]).

Гр. Ростопчинъ обладалъ дарованіями хорошаго актера [47]), какъ и самъ свидѣтельствуетъ; онъ не только „твердо зналъ коренную Русскую рѣчь, говоритъ С. Н. Глинка и всѣ прибаутки; но зналъ и всѣ ухватки и всѣ выпляски, всѣ запѣванья удалыхъ головъ по шинкамъ окрестнымъ. Разсылая своихъ чиновниковъ, онъ каждому говорилъ: въ такомъ-то мѣстѣ такой запѣвало, а тамъ такой-то скоморохъ, и наперечетъ высказывалъ пріемы ихъ" [48]).

(*Продолженіе будетъ*).

ОЧЕРКИ МАЛОРОССІЙСКИХЪ ФАМИЛІЙ. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ОБЩЕСТВА ВЪ XVII И XVIII В.

СОБИРАЕМЫЕ А. М. ЛАЗАРЕВСКИМЪ *).

11. ДМИТРАШКИ-РАИЧИ.

1. Григорій Раичъ.
2. Дмитрій, полковникъ переяславскій. 1666—1687. † Ок. 1705. Ж: 1) вдова Василія Золотаренка, полковника нѣжинскаго; 2) Настасья Максимовна . . . . **1.**
3. Сынъ . . . . **1.**
4. Маркъ . . . . **3.**
5. Алексѣй. Ж.—Настасья Степановна Забѣла . . **4.**
6. Дмитрій. † послѣ 1708, въ ссылкѣ . . . . **4.**
7. Ѳедоръ. Ж.—дочь Михаила Андреевича Гамалѣи . . . **5.**
8. Василій, бунчуковый товарищъ, а съ 1738 — сотникъ березанскій . . . . **5.**

---

[46]) Русск. Чтеніе С. Н. Глинки, ч. I, стр. 241—242.

[47]) Домергъ говоритъ: Dans les hautes sociétés on voyait le général Rostopchine contrefaisant la démarche chancelante et les prétentions caduques du vieillard (фельдмаршала гр. Гудовича). Il excellait surtout dans un salon à représenter le vieux gouverneur passant la revue de ses soldats et toute la société de rire de bouffonnes attitudes du général Rostopchine (La Russie pendant les guerres de l'empire, т. I, стр. 242).

[48]) Записки о Москвѣ и о заграничныхъ происшествіяхъ съ исхода 1812 г. и до половины 1813 г. СПБ. 1837 г., стр. 43—44.

*) См. выше, стр. 248.

9. Андрей, бунчуковый товарищъ. 1743. . . . . **6**.
10. Петръ . . . .
11. Иванъ . . . . **6**.
12. Владиміръ. . . . .
13. Ефросинья. М.—Иванъ Марковичъ. . . . . **7**.
14. Иванъ † 1755 . . . . **8**.
15. Өедоръ, бунчук. товарищъ 1782. Ж. Ирина Чеснокъ. Жилъ въ с. Бакумовкѣ, остерскаго уѣзда. . . . . . **9**.
16. Николай, войсковой товарищъ. 1782. Имѣлъ 1032 крестьянъ обоего пола . . . . **9**(?)
17. Романъ, р. 1751, капитанъ. Ж. — Анна Григорьевна Гроновская . . . . **11**.
18. Иванъ, войсков. товарищъ 1782. Ж. — Марөа Владиміровна Подгаецкая . . . . **11**.
19. Степанъ . . . . **11**.

Дмитрій Раичъ [1]), прозванный Дмитрашкомъ, вышелъ изъ Молдавіи при Брюховецкомъ и привелъ съ собою отрядъ „Волоховъ" въ 500 человѣкъ, съ которыми и принялъ присягу на службу царю. Съ этимъ отрядомъ Р-чъ служилъ службу Брюховецкому, въ борьбѣ его съ Дорошенкомъ; за это онъ, въ 1666 г., получилъ въ управленіе Брацлавскій полкъ, продолжая начальствовать и надъ Волохами. Въ томъ же году, переяславскій полковникъ Левко былъ убитъ въ одномъ изъ сраженій съ Дорошенкомъ, и Дмитрій Р-чъ занялъ его мѣсто [2]). По смерти Брюховецкаго, Р-чъ присталъ было къ Дорошенку; но скоро бросилъ его и сталъ держать сторону Многогрѣшнаго и его преемника, Самойловича [3]).—Въ 1672 г., за участіе въ заговорѣ Рославца противъ гетмана, Р-чъ лишенъ былъ имѣній и посаженъ въ тюрьму [4]). Освободясь изъ заключенія, Р-чъ немедленно перешелъ на сторону Поляковъ, которые поспѣшили отличить его тогдашнею козацкою приманкою—„нобилитаціей". Сохранилась королевская грамота 25 Февраля 1673 г., въ которой между прочимъ читаемъ: „Понеже шляхетный Дмитрій Думитрашко, полковникъ нашъ Войска Запорожскаго, ввесь вѣкъ молодости своей военнымъ посвятивши упражненіямъ, такъ какъ храброму, геройскому приличествуетъ мужу, тотъ который ни къ какой непріятельской, а на пагубу народу польского вредящей не совокупясь стороны, какъ пресвѣтлѣйшему предку нашему, такъ и намъ самимъ, непремѣнно ставалъ и по сю пору нашія себѣ не престаетъ выслуговать благодѣянія; дабы же за такъ высокія добродѣтели приличную восприялъ благодарность, мы, по совѣту гг. сенаторовъ нашихъ, на нынѣшнемъ сеймѣ генералномъ Варшавскомъ, а при томъ дѣлая то за особливою рекомендаціею благороднаго Михайла Ханенка, гетмана войскъ нашихъ Запорожскихъ, помянутаго Думитрашка, полковника нашего, также Марка, племянника его, и весь домъ—клейнотомъ шляхетства полского надарить и шляхтами полскими точными и вещественными сдѣлать мы предпріяли. Что же касается до гербу, коимъ всякому шлях-

---

[1]) Родъ Раичей былъ изъ извѣстныхъ въ Молдавіи: въ 1673 году одинъ изъ нихъ былъ тамъ господаремъ. Ригельманъ II, 141.

[2]) Акты Ю. и З. Росс., VI, 25, 41, 53, 87, 108, 136, 173.

[3]) Ibid., VII, 122, 174.

[4]) Грабянка, 211.

тичу полскому защищать и украшать себя надлежитъ, понеже благородный Александръ Кладнѣцкій, ротмистръ придворной корогвы нашой козацкой, помянутыхъ Думитрашковъ до гербу своего Сасъ допущаетъ, то и мы того жъ гербу употреблять дозволяемъ [5])".

Но Раичу не долго пришлось хвалиться своимъ шляхетствомъ, такъ какъ Самойловичъ, вслѣдъ за его „нобилитаціею", поспѣшилъ предложить ему болѣе вещественные знаки своего вниманія: въ Апрѣлѣ того же 1673 г., гетманъ возвратилъ Раичу переяславскій полкъ и одѣлилъ его богатыми маетностями, давъ мѣстечко Березань и окружныя села: Недру, Паришки, Лукаши, Лукьяновку, Войтово, Круполье и Березанку. Должно быть, Р-ча дорого цѣнили, давши ему сразу столько маетностей. — И маетности, и возвращенный перначъ Р-чъ вполнѣ заслужилъ въ первомъ Чигиринскомъ походѣ, въ которомъ не разъ отличался своею расторопностью и храбростью [6]). Но вскорѣ за тѣмъ, Р-чъ снова лишается полковничества, должно быть за неспокойный свой нравъ, и передаетъ перначъ своему наказному Вуйцѣ Сербину [7]). — Въ низложеніи Самойловича Р-чъ опять принимаетъ дѣятельное участіе, за которое, должно быть, Мазепа и возвратилъ ему переяславское полковничество, отнявъ послѣднее у сторонника Самойловичей Леонтія Полуботка. Тогда же Мазепа подтвердилъ ему и маетности, полученныя отъ Самойловича.

Въ слѣдующемъ 1688 г., Р-чъ ѣздилъ въ Москву съ какими-то предложеніями, можетъ быть касавшимися крымскихъ походовъ; но тамъ, зная неспокойный нравъ Р-ча, его задержали, чтобъ не было новыхъ волненій въ Малороссіи [8]); а когда самъ Мазепа нашелъ эту мѣру полезною, Р-ча сейчасъ же отпустили, имѣя въ виду окружать гетмана, по возможности, людьми независимыми, чтобъ не дать ему той силы, какою пользовался его предшественникъ [9]). Но Мазепа имѣлъ полную возможность сбывать съ рукъ „независимыхъ" и отнялъ у Р-ча полковничество очень скоро, отдавъ его своему стороннику Ивану Мировичу.

Р-чъ жилъ внѣ всякихъ урядовъ лѣтъ пятнадцать; умеръ онъ около 1705 года. Переселившись въ Малороссію, онъ женился сначала на вдовѣ казненнаго нѣжинскаго полковника, Василія Золотаренка, а потомъ овдовѣвъ, — на какой-то Настасьѣ Максимовнѣ. Дѣтей у него не было и продолженіе рода своего онъ видѣлъ въ семьѣ своего племянника Марка, съ которымъ вмѣстѣ вышелъ изъ Молдавіи. Гордонъ называетъ этого племянника „кузеномъ" гетмана Самойловича (II, 21), можетъ быть по женитьбѣ его на какой нибудь родственницѣ послѣдняго; а Купчинскій, извѣстный врагъ Безбородка, говоритъ, что Маркъ Р-чъ былъ „явственный грабитель и на чужіе домы нападатель" и что такъ выразился о немъ декретъ генеральнаго суда въ 1688 г. — У Марка было три сына; на старшаго изъ нихъ, Алексѣя, Дмитрій Р-чъ смотрѣлъ какъ на продолжателя своего рода и особенно старался высватать ему богатую невѣсту. Намѣтивъ дочь Степана Петровича Забѣлы, нѣжинскаго полковника, Р-чъ всѣ средства употреблялъ, чтобъ не получить отказа. Вдова Алексѣя Р-ча

---

5) Арх. Полт. Двор. Деп. Собранія.

6) Симбирск. Сборн. 1845, Малорос. Дѣла, 22, 95, 96, 205 и 217. Грабянка, 215. Ригельманъ, II, 142.

7) Симбирск. Сборникъ, 218. Акты Зап. Рос., V, 135. Ср. Величко, II, 530.

8) Гордонъ, Tagebuch, II, 218. Гордонъ, знавшій Р-ча лично, называетъ его — ein sehr thätiger Mann.

9) Гордонъ, II, 220.

въ 1713 г. разсказывала, что старый Р-чъ, стараясь, чтобъ она за внука его Алексѣя „въ малженство" была выдана, таковой съ покойнымъ ея родителемъ, Степаномъ Забѣлою, при заручинахъ, учинилъ контрактъ, что Бакумовку и всѣ свои маетности обѣщалъ по смерти отдать никому другому кромѣ Алексѣя и ту свою декларацію подтвердилъ на письмѣ; а при „актѣ весельномъ", обѣщалъ прибавить еще 500 червонцевъ. Обѣщанія были сдѣланы въ виду богатства невѣсты, за которою, кромѣ разныхъ кунтушей „венецкого оксамиту подъ соболями", дано было напр. двадцать перстней, „діаментовыхъ, рубиновыхъ, шафировыхъ" и друг., въ посудѣ сребра — „камень" (50 фунтовъ) и десять тысячъ (талеровъ) „готовыхъ грошей". Такое „вѣно" въ XVII в. приносили въ Малороссіи немногія невѣсты. Старый Р-чъ тѣшился этимъ бракомъ, разсказываетъ другой современникъ, нѣжинскій полковникъ Лукьянъ Жураховскій, прибавляющій, что когда у Алексѣя родился первый сынъ, то на „крестинномъ актѣ" его, въ Березанѣ, старый Р-чъ „барзо съ того рожденнаго тѣшачися, потомкомъ и наслѣдникомъ онаго называючи, многократно, при всѣхъ, сколько было тамъ особъ, тоё твердилъ, что не кому иному, только Алексѣю съ его женою и потомками, всѣ свои имѣнія отдастъ [10]."

Но старый Р-чъ жилъ такъ долго, что пережилъ любимаго своего внука Алексѣя и забылъ впечатлѣнія, подъ которыми сдѣланы были обѣщанія. По смерти его, обѣщанныя внуку имѣнія, универсаломъ Мазепы 27 Марта 1705 г., утверждены были за вдовою Дмитрія Гр-ча Р-ча; вдовѣ Алексѣя отдѣлены были Паришки и два новыя села—Пилипчичи и Ярешки, а Дмитрію Марковичу досталось одно сельце Недра. За тѣмъ, мазепинское дѣло отразилось и на семьѣ Р-чей: современникъ разсказываетъ, что „подъ часъ нашествія на Украину короля шведскаго, Дмитрія Марковича въ селѣ Недрѣ, за измѣну, взято и до Березани препровожено" [11]. Такимъ образомъ семьи Алексѣя и Дмитрія остались безъ хозяевъ. Семью перваго взялась защищать сама вдова, Настасья Степановна, которая добилась того, что Скоропадскій, универсаломъ 1713 г., перемѣнилъ данныя ей въ 1705 г. села—на Березань, Семенчицы и Лехновцы. У вдовы стараго Р-ча остались Лукаши, Лукьяновка, Круполье, Войтово и Березанка; ей же при этомъ отданы были Паришки, Пилипчичи и Ярешки, въ замѣнъ селъ отошедшихъ Настасьѣ Степановнѣ.—По смерти вдовы Дм. Гр. Р-ча, имѣнія ея перешли дѣтямъ Дмитрія, кромѣ Круполья и Лукьяновки, отданныхъ „переводчику" Ѳедору Корбе. Настасья Степановна имѣнія свои передала младшему сыну Василію, который, кромѣ того, выхлопоталъ себѣ въ 1729 г. и с. Недру. Владѣніе Р-чей наслѣдственными ихъ имѣніями было нарушено доносомъ Купчинскаго, который объяснилъ, что дѣти Дмитрія потеряли наслѣдственныя свои права измѣною отца; по этому доносу, въ 1736 году, имѣнія были отобраны не только отъ дѣтей Дмитрія М-ча, но и отъ Василія. Возвращены были Р-чамъ эти имѣнія въ 1739 г., стараніями Безбородка, который, по женѣ своей, находился съ ними въ свойствѣ. Впрочемъ, по разсказу Купчинскаго, и здѣсь Безбородко услужилъ Раичамъ не даромъ: за возвращеніе имѣній дѣтямъ Дмитрія, онъ будто бы взялъ у Андрея сребряную кружку и два такіе же стакана. Кромѣ того, Безбородко помогъ Анрею Р-чу купить, у какого-то Рокитного, село Нечипоровку, которую Рокитный не имѣлъ права продавать.

---

[10]) Декретъ генеральнаго суда 1713 г.

[11]) Тамъ же. Объ отношеніяхъ Дм. Р-ча къ Мазепѣ см. письмо Орлика къ Яворскому, Основа 1862 г., № 10, стр. 9.

12. ЖУЧЕНКИ-ЖУКОВСКІЕ.

1. Иванъ Жукъ, жилъ въ нач. XVII ст. и „бывалъ въ хвалебныхъ военныхъ противъ Татаръ оказіяхъ".
2. Тимоѳей. Ж.—Любовь . . . . **1**.
3. Ѳедоръ Жученко, полковникъ полтавскій, 1659—1691, съ перерывами; умеръ около 1709 г. Ж.—Анна Ясиковна **1**.
4. Александра, игуменья Будищенскаго дѣвичьяго монастыря. 1679 . . . . **1**.
5. Петръ . . . . **2**.
6. Дочь. М.—Залѣскій . . . . **3**.
7. Любовь. М.—Василій Кочубей, генер. судья. . . . **3**.
8. Прасковья. М.—Иванъ Искра, полтавскій полковникъ . **3**.
9. Яковъ, „по бытности его въ кіевской академіи въ наукахъ, переименованъ по привычкѣ студентовъ Жуковскимъ: такъ показалъ сынъ его, Кириллъ, называя отца—внукомъ Ѳедора Жученка; но у послѣдняго сыновей не было . . . . **5**.
10. Григорій, священникъ . . . . **9**.
11. Кириллъ, значковый товарищъ 1762 . . . . **9**.
12. Петръ, подпоручикъ 1791 . . . . **10**.
13. Осипъ, значковый товарищъ . . . . **10**.
14. Василій, р. 1764; лѣкарь. Началъ службу подлѣкаремъ въ СПБ., въ 1782; отправленъ былъ въ Челябу для изслѣдованія сибирской язвы; тамъ остался и былъ въ 1838 почетнымъ смотрителемъ Челябинскаго уѣзднаго училища. **10**.
15. Василій, лѣкарь, надворный совѣтникъ . . . . . . **13**.
16. Александръ, штабсъ-капитанъ . . . . **13**.
17. Николай, началъ службу въ 1802 году въ Челябинскомъ уѣздномъ судѣ; въ 1850—тайный совѣтникъ и С.-Петербургскій гражданскій губернаторъ . . . . **14**.
18. Иванъ, коллежскій ассесоръ . . . . **14**.
19. Григорій, генералъ-лейтенантъ и таврическій губернаторъ, 1870 . . . . **14**.

О предкѣ Жученковъ, Иванѣ Жукѣ, Кочубей говоритъ, что сынъ Жука, Ѳедоръ Ив-чъ Жученко „еще передъ войною Хмельницкаго, бывалъ съ отцемъ своимъ п. Иваномъ Жукомъ, „въ хвалебныхъ военныхъ противъ Татаръ оказіяхъ" [1]). Какъ кажется, Жуки вышли изъ за Днѣпра вмѣстѣ съ Яковомъ Остряницею, сначала въ Чугуевъ; а когда послѣдній былъ убитъ [2]), Жуки вмѣстѣ съ Искрами и другими „Черкасами" переселились въ Полтавщину, гдѣ по позволенію Конецпольскаго и заняли разные „вольные грунта"; между прочимъ, Конецпольскій позволилъ имъ селиться слободою подъ Полтавою [3]). Очень можетъ быть, что такою „слобо-

---

1) Чтенія М. о. Ист. и Др. 1859, I, 147.
2) Опис. Харьк. Епарх., IV, 25 и 36.
3) Акты Ю. и З. Росс., III, 54.

дою“ поселено было теперешнее село Жуки, сохраняющее въ своемъ названіи фамилію его основателей. Въ Полтавщину переселились, кажется, только дѣти Ивана: Тимоѳей, Ѳедоръ и дочь Александра, бывшая впослѣдствіи игуменьею Будищенскаго монастыря. Изъ нихъ Тимоѳей скоро умеръ: въ 1659 г. вдова его жаловалась царю на разореніе ея пасѣки, стоявшей гдѣ-то подъ Валками [4]). Въ томъ же году, осенью, Ѳедоръ Жученко выбранъ былъ полтавскимъ полковникомъ, смѣнивъ Кирика Мартыновича Пушкаря [5]). Въ это время Ж-ко былъ сторонникомъ Юрія Хмельницкаго, отъ котораго не отсталъ, когда тотъ передался и Полякамъ [6]). За это Полтавцы, весною 1661 г., Жученка перемѣнили на Гуджола, послѣ чего и Ж-ко отсталъ отъ Поляковъ и просилъ царя „вину ему отдать“ [7]). Затѣмъ, Ѳедоръ Ж-ко, въ продолженіи тридцати лѣтъ, еще четыре раза занималъ урядъ полтавскаго полковничества, мѣняясь послѣднимъ, вслѣдствіе интригъ, съ другими искателями пернача: Левенцомъ, Герцикомъ и Черникомъ [8]). Успокоился Ж-ко отъ искательствъ только вслѣдствіе своей старости. Служба его описана зятемъ его Кочубеемъ, который между прочимъ говоритъ, что Ж-ко „бывалъ на войнахъ съ Богданомъ Хмельницкимъ, какъ въ Польшѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ; знаетъ черкесскую землю, знаетъ и Крымъ; имѣетъ на тѣлѣ своемъ раны и близны (шрамы), отъ стрѣлъ бусурманскихъ понесенныя“ [9]). При Самойловичѣ, Ж-ко былъ уже старикомъ: въ универсалѣ 1682 г., читаемъ, что гетманъ, „респектуючи на старинныя въ Войску Запорожскомъ заслуги п. Ѳедора Жученка, который, съ молодости лѣтъ своихъ до самой сивизны, во всякихъ оказіяхъ военныхъ, значныя оказывалъ праци, далъ ему въ послушенство село Жуки“. До этого времени имѣнія Ж-ка были незначительны и заключались въ разнаго рода занятыхъ и купленныхъ угодьяхъ, по разнымъ мѣстамъ Полтавщины. Въ универсалѣ 1680 г., читаемъ: „маючи мы донесенне, же сѣчъ на рѣчцѣ Орелѣ, выше Заршицкой найдуючаяся, здавна надлежитъ п. Ѳедорови Жученкови, значному товарищеви войсковому, подтверждаемъ симъ нашимъ писаннемъ оную сѣчъ, яко никому не певную, п. Ѳедору Жученкови, у вѣчное заживанне“ [10]). На такихъ грунтахъ Ж-ко „осадилъ“ три слободы: Ѳедоровку, Тагамлыкъ и Локощину.

Сложивъ, уже въ послѣдній разъ, урядъ полковничества въ 1691 г., Ж-ко продолжалъ сохранять въ полку значеніе, и въ отличіе отъ другихъ „товарищей“, въ актахъ именуется не иначе, какъ „славне знаменитый войсковый заслужонный особа“. Знаменитъ былъ Ж-ко и какъ „старинный

---

[4]) Т. же. VII, 287.

[5]) Т. же., 297.

[6]) Т. же., V, 54. Опис. Харьковской Епархіи III, 89 и 262.

[7]) Акты Ю. и З. Р., V, 65.

[8]) См. выше. Герцики.

[9]) Чтенія 1859, I, 147.

[10]) Изъ Полтавскихъ юридическихъ актовъ XVII в. видно, что берега Орели и Ворсклы покрыты были въ то время густыми лиственными лѣсами, прорубливая которые, первые поселенцы этихъ мѣстъ, заводили тутъ, на этихъ сѣчахъ, хутора и слободы. Такое возникновеніе первыхъ поселеній по Ворсклѣ и Орелѣ, изъ сѣчей въ побережныхъ лѣсахъ, объясняетъ происхожденіе и той „сѣчи“ за Днѣпровскими порогами, которая, сохранивъ свое названіе экономическаго урочища, стала впослѣдствіи знаменитою Сѣчью Запорожскою.

полтавскій обыватель", и какъ тесть Василія Кочубея и Ивана Искры, изъ которыхъ первый былъ тогда генеральнымъ судьею, а второй—полтавскимъ полковникомъ. Впрочемъ, подъ конецъ гетманства Мазепы, значеніе какъ Ж-ка, такъ и его зятьевъ, было значительно умалено интригами Герциковъ и зятя ихъ Филипа Орлика [11]). Этими интригами только и можно объяснить слѣдующій замѣчательный универсалъ, подписанный Мазепою въ Мартѣ 1707 года: „Донеслося намъ вѣдати, что п. Өедоръ Ж-ко, значный товаришъ войсковый, одобравши наше рейментарское позволеніе на переселеніе нѣсколькихъ людей изъ маетности своей Жуковъ въ слободу Локощинскую, въ милю отъ города обрѣтающуюся, подъ тѣмъ претекстомъ людей многихъ значныхъ, войсковыхъ и посполитыхъ, полтавскихъ, до оной слободы, обнадеживаніемъ вольностей, на житло зваблаетъ (перезываетъ). Также и п. Искра, значный товаришъ войсковый, мимо волю и позволенье наше, поблизу своего дворца, прозываемого Трибовскаго, не поотдаль города Полтавы, между грунтами мѣскими (городскими) слободу, — вольность на нѣсколько лѣтъ оголосивъ, — осадилъ и многихъ значныхъ людей изъ Полтавы, козаковъ и посполитыхъ, туда перевабилъ. Уважаючи пре то, мы тотъ ихъ п. Өедора Ж-ка и п. Ивана Искры неслушный праву посполитому и намъ, гетманови, противный, неуложный, самовольный и никогда еще въ Малороссійской нашей отчизнѣ небувалый поступокъ, же чрезъ тое самовольное слободъ, мимо волю и указъ нашъ, безъ вѣдома и позволенья нашого, для своихъ приватныхъ пожитковъ и прихотей, осаживанье, не только явный и публичный наноситcя городу Полтавѣ въ людяхъ ущербокъ и въ приходахъ мѣскихъ убытокъ, но и въ походахъ войсковыхъ окажется малолюдствіе, когда товариство (козаки) полтавское, ухиляючись отъ службы войсковой для вольностей и свободнаго на сей часъ помѣшканя, оставивши жилища свои, туда, на слободу, попереходили: даемъ п. полковнику полтавскому полную мочь и власть и накрѣпко приказываемъ, чтобъ таковыхъ легкомысленныхъ людей, которые, убѣгаючи отъ повинностей, на тѣ слободы уходятъ, не только переймалъ, грабилъ, забиралъ, вязеньемъ мордовалъ, кіями билъ, лечъ безъ пощадѣнія вѣшати розсказовалъ. Тѣхъ же козаковъ и посполитыхъ людей, которые, уже на помянутыя слободы перейдя, поселились, долженъ будетъ самъ п. полковникъ съ старшиною своею, туда съѣхавши, оттоль согнать на прежнія ихъ жилища и слободы тѣ, неправильно поселенныя, уничтожить и впредь не допускать никому тамъ селиться" [12]).

Поселеніе новыхъ слободъ въ Малороссіи до половины XVIII в. совершалось безъ всякихъ препятствій со стороны администраціи; если при этомъ и запрещалось державцамъ принимать на слободы козаковъ, то нарушеніе этого запрещенія почти что не преслѣдовалось, особенно если слободу садилъ урядникъ, имѣвшій хоть какое нибудь значеніе; преслѣдовался иногда, да и то уже позднѣе, переходъ на слободы посполитыхъ крестьянъ, но и здѣсь преслѣдованіе являлось не со стороны администраціи, а со стороны стараго державцы, который въ уходящихъ крестьянахъ терялъ рабочую силу.... Поэтому приведенный универсалъ, въ которомъ Мазепа называетъ поселеніе Жученкомъ и Искрою слободъ, при описанной обстановкѣ, небывалымъ въ Малороссіи явленіемъ, въ преду-

---

[11]) Чтенія, 1859, I, 149.

[12]) Современный списокъ универсала въ нашей библіотекѣ.

прежденіе котораго гетманъ разрѣшаетъ полковнику даже вѣшать слобожанъ, такой универсалъ для насъ остался бы загадкою, если бы мы не знали кѣмъ и противъ кого онъ былъ написанъ. Зная же ненависть, которую питалъ къ Жученку Григорій Герцикъ съ своимъ зятемъ Орликомъ, не имѣемъ никакого сомнѣнія, что универсалъ 1707 г. написанъ былъ тѣмъ же Орликомъ, тогдашнимъ генеральнымъ писаремъ, который въ это время былъ уже ближайшимъ наперсникомъ Мазепы [13]) и имѣлъ полную возможность выпросить у него универсалъ, дававшій полковнику то право, котораго самъ гетманъ не имѣлъ — вѣшать народъ, переходившій на слободы... Не даромъ Кочубей писалъ черезъ годъ послѣ выдачи этого универсала, что „п. Орликъ, сдѣлавшись зятемъ п. Герцика, вступилъ въ его стремя тестевское, всяко намъ ищучи зла: заслуги п. Жученка старинныя подъ ноги топчетъ, а п. Искру и меня судью, вмѣстѣ съ Григоріемъ Герцикомъ, оговариваетъ и всячески хулитъ и уничтожаетъ“ [14]).

Жученку суждено было пережить обоихъ своихъ зятьевъ, Кочубея и Искру, казненныхъ въ Іюнѣ 1708 г.: онъ былъ живъ еще въ это время, такъ какъ сохранился универсалъ 5 Декабря 1708 г., которымъ Скоропадскій подтвердилъ „п. Ѳедору Ивановичу Жуку, знаменитому въ войску Запорожскомъ товаришу“, владѣніе его с. Жуками и Никольскою слободою.

Ж-ко не имѣлъ сыновей и имѣнія свои завѣщалъ внукамъ: слободу Тагамлыкъ—Ивану Залѣскому ,а остальныя—Кочубеямъ. Показаніе Кирилла Жученка, данное имъ въ к. XVIII в., полтавскому дворянскому депутатскому собранію, что дѣдъ его, Петръ, былъ сыномъ Ѳедора Ж-ка, не справедливо [15]); Петръ былъ сыномъ по всѣмъ вѣроятіямъ,—Тимоѳея.

Тимоѳей Ж-ко умеръ рано, не успѣвъ обезпечить своего потомства, которое въ лицѣ уже его внука, Якова, является совершенно обѣднѣвшимъ. Кое-какія имѣнія, впрочемъ, Яковъ оставилъ сыновьямъ своимъ; по купчей крѣпости 1762 г., Кирилло Ж-ко хуторъ свой при р. Ольховой Голтвѣ, доставшійся ему отъ отца, продалъ генеральному обозному Семену Кочубею за 750 р. По другой купчей 1768 г., тотъ же Кирилло продалъ другой наслѣдственный свой хуторъ, въ с. Сокольемъ Байракѣ, козаку Леонтію Бугаевскому, за 200 р. Изъ этой же купчей крѣпости видно, что Ж-ко въ это время жилъ въ с. Жукахъ.

---

[13]) См. письмо Орлика къ Яворскому, Основа 1862 г., № 10.

[14]) Чтенія, 1859, I, 149.

[15]) Арх. Полт. Двор. Депут. Собр., дѣло о родѣ Жученковъ и Жуковскихъ.

(*Продолженіе будетъ*).

ИЗЪ ДОНЕСЕНІЙ РУССКАГО ПОСЛАННИКА ВЪ ПАРИЖѢ И. М. СИМОЛИНА ВИЦЕ-КАНЦЛЕРУ ГРАФУ И. А. ОСТЕРМАНУ.

(Переводъ съ Французскихъ подлинниковъ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ).

I.

ПЕРВЫЙ ВЗРЫВЪ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

Парижъ, 8 (19) Іюля 1789.

Переворотъ во Франціи совершился, и королевская власть уничтожена. Умы, по видимому, были приготовлены къ возстанію города Парижа, которое вспыхнуло на другой день по отъѣздѣ господина Неккера и возрастало въ послѣдующіе дни, какъ ваше сіятельство усмотрите изъ прилагаемаго журнала тому что̀ происходило съ прошлой Суботы до Пятницы. Къ журналу этому я принимаю смѣлость присоединить нѣсколько печатныхъ извѣстій, во всѣхъ подробностяхъ излагающихъ столь неожиданное для Европы событіе. Возстаніе сопровождалось потрясающими сценами убійства, коего многія жертвы оказываются невинными. Посланникъ его величества императора, графъ де Мерси, счелъ своею обязанностью укрыться отъ ненависти, которую народъ выражалъ къ нему, какъ представителю брата королевы. Онъ уѣхалъ въ деревню, а для охраны посольскаго дома долженъ былъ просить стражи изъ обывателей, которая и была дана ему. Тѣмъ не менѣе стражѣ этой велѣно никого не впускать въ домъ безъ обыска, что̀ предстояло и мнѣ, когда я захотѣлъ увидать секретаря посольства. Мнѣ не пришлось однако подвергнуться этой церемоніи, такъ какъ секретаря не было до̀ма. По распоряженію постояннаго комитета (Comité Permanent) приходили осматривать посольскій домъ, думая найти въ немъ пушки и склады военныхъ запасовъ.

Жестокость и свирѣпство Французскаго народа выразились при этомъ случаѣ въ тѣхъ же чертахъ, о которыхъ съ ужасомъ читаемъ въ описаніяхъ Варѳоломеевской ночи, съ тою разницею, что вмѣсто изступленія религіознаго умы одержимы въ настоящее время политическимъ изувѣрствомъ, которое порождено войною и революціею въ Америкѣ. Если бы король воспротивился требованіямъ комитета, засѣдающаго въ Ратушѣ, то по всему вѣроятію народъ свергнулъ бы его съ престола, такъ что добрый государь этотъ, никому не желающій зла, поставленъ былъ въ жестокую необходимость подчиниться распоряженіямъ мятежниковъ, тѣмъ паче, что Французская гвардія имѣла подлость покинуть его; а на войска, собранныя вокругъ Парижа и Версаля, была ему плохая надежда.

По определенію, состоявшемуся вслѣдствіе королевскаго отвѣта, Народное Собраніе (Assemblée Nationale), въ качествѣ истолкователя чувствъ народа, выражаетъ г-ну Неккеру и другимъ уволеннымъ министрамъ свое почтеніе и сожалѣніе объ ихъ отставкѣ.

Страшась пагубныхъ послѣдствій королевскаго отвѣта, оно продолжаетъ настаивать на удаленіи войскъ, собранныхъ нарочно близь Парижа и Версаля и на учрежденіи стражи изъ обывателей.

Оно снова объявляетъ, что между королемъ и Народнымъ Собраніемъ не можетъ быть посредниковъ; что министры и агенты правительства, гражданскіе и военные, отвѣтственны за всякое дѣйствіе, противное правамъ народа и опредѣленіямъ Народнаго Собранія.

Что теперешніе министры и совѣтники его величества, какого бы званія и чина они ни были, отвѣтственны лично за настоящія дѣйствія и послѣдствія ихъ; что общественный долгъ обезпечивается честію и правосудіемъ Французскаго народа, который не отказывается платить по немъ проценты; а потому никакая власть, подъ какимъ бы то ни было видомъ и названіемъ, не имѣетъ права произнести позорное слово банкротство.

Напослѣдокъ, Народное Собраніе объявляетъ, что оно настаиваетъ на предъидущихъ своихъ опредѣленіяхъ, и что настоящее объявленіе будетъ подано королю президентомъ, обнародовано путемъ печати и, по приказанію Народнаго Собранія, обращено къ г. Неккеру и къ другимъ министрамъ, коихъ народъ лишился.

Всякое сообщеніе съ чужими краями было прекращено съ Понедѣльника рѣшительно для всѣхъ. Обывательская стража на заставахъ обыскивала и даже раздѣвала лицъ обоего пола, какъ выбывавшихъ изъ города, такъ и вступавшихъ въ него.

Я счелъ долгомъ не медлить отправленіемъ курьера съ извѣстіемъ о событіи, которое, кромѣ общей своей важности, имѣетъ еще въ настоящую минуту важность особенную для нашего двора. Было бы мечтаніемъ разсчитывать теперь на союзъ и еще менѣе на политическое значеніе Франціи. Какъ бы новое министерство ни было склонно въ пользу союза, предположеннаго Ея Императорскимъ Величествомъ, оно не въ состояніи долго заняться онымъ. Въ дѣлахъ, которыя теперь у насъ на плечахъ, Францію надо считать не существующею. Не смѣя подавать совѣты, я однако считаю обязанностію предъявлять то что̀ вижу, и потому скажу, что какъ бы хорошо ни была расположена къ намъ Франція, но она не будетъ въ состояніи оказать намъ какую либо услугу, и что ея союзъ съ Россійскою имперіею надо считать мечтою. Кромѣ того, Французскій народъ, какъ видно, исполненъ отвращенія къ союзу съ Австрійскимъ домомъ, ради королевы, и если бы даже заключить намъ такой союзъ, онъ не будетъ имѣть значенія, такъ какъ министры обязаны теперь слѣдовать превозмогающему направленію и внушеніямъ третьяго сословія (tiers-état). Если Государынѣ нужны посредники, чтобы удобнѣе окончить

обѣ войны, которыя она ведетъ, то необходимо обратиться за ними куда нибудь въ другую сторону. Свободу, съ которою я изъясняюсь, ваше сіятельство должны приписать моему усердію къ службѣ и выгодамъ нашей великой и августѣйшей Государыни. Нельзя не поразиться удивленіемъ при видѣ того, какъ въ продолженіи 36 часовъ уничтожилась Французская монархія, и представителю ея пришлось подписать все что̀ дерзко и повелительно потребовано отъ него разнузданнымъ, жестокимъ и варварскимъ народомъ. И онъ еще счастливъ, что народъ соблаговолилъ удовольствоваться этимъ принесеніемъ себѣ въ жертву королевскихъ правъ и власти.

Въ Палерояле, центрѣ мятежа, въ Воскресенье вечеромъ, замышляли провозгласить правителемъ Франціи герцога Орлеанскаго. Онъ тотчасъ поѣхалъ въ Версаль предъявить королю и его братьямъ, что онъ любитъ свободу, но не принимаетъ участія въ столь нелѣпомъ замыслѣ, и съ этой минуты онъ не выѣзжалъ изъ Версаля. Онъ не явился и въ числѣ депутатовъ, сопровождавшихъ въ Пятницу его величество въ Ратушу. Такимъ образомъ народъ не имѣлъ повода кричать въ присутствіи короля: „Да здравствуетъ герцогъ Орлеанскій!“, какъ то бывало обыкновенно, когда онъ появлялся гдѣ либо въ толпѣ.

Находясь въ Ратушѣ, король былъ слишкомъ взволнованъ и едва могъ произнести слѣдующія слова, которыя за него повторили Собранію: „Мой народъ всегда можетъ разсчитывать на мою любовь“. Господинъ Байли, получивъ королевское приказаніе исправлять должность хранителя печатей, продолжалъ его рѣчь и сказалъ, что король явился съ тѣмъ, чтобы успокоить тревожныя мысли, которыя еще могли бы возникнуть по поводу распоряженій, объявленныхъ имъ народу и чтобы насладиться видомъ и любовію своего народа; что его величество желаетъ, чтобы возстановились миръ и тишина въ его столицѣ, чтобы все шло въ ней по прежнему обыкновенному порядку, и коль скоро послѣдуетъ какое нарушеніе законовъ, чтобы виновные были отдаваемы въ руки правосудія.

Его величество утвердилъ маркиза де-Лафайета въ чинѣ главнокомандующаго Парижскими обывательскими войсками (milices bourgeoises), а господина Байли, какъ Парижскаго мера, въ должности старшины купечества (prévôt des marchands). Говорятъ, что сей послѣдній соединитъ въ лицѣ своемъ и должность лейтенанта полиціи. Его величество согласился также, чтобы на развалинахъ Бастиліи воздвигли монументъ Людовику XVI-му, и чтобы полкъ Французскихъ гвардейцевъ, коего недѣйствіемъ ускорился переворотъ, отнынѣ носилъ названіе народной гвардіи.

Многія придворныя лица уѣхали. Называютъ госпожу Полиньякъ, воспитательницу дѣтей Франціи, съ герцогинею Гишъ, ея дочерью, графа Водрёля, барона Безевальда, подполковника Швейцарской гвардіи, и многихъ другихъ. Князь Ламбезъ отправился съ марша-

ломъ Броліо, во главѣ Нѣмецкаго королевскаго полка, который провелъ ночь съ Пятницы на Суботу въ Сенъ-Дени, на пути къ Нанси.

Получено 27 Іюля 1789 *).

II.

ЖУРНАЛЪ СОБЫТІЯМЪ, СОВЕРШИВШИМСЯ ВЪ ПАРИЖѢ СЪ 11-ГО ПО 17-Е ІЮЛЯ 1789 ГОДА.

Въ Суботу, 11-го числа текущаго мѣсяца, совершилось одно изъ самыхъ замѣчательныхъ и вполнѣ неожиданныхъ событій. Господинъ Неккеръ получилъ отставку, и почти все министерство перемѣнилось. Баронъ Бретейль былъ назначенъ предсѣдателемъ и главою Финансоваго Совѣта, а г. дела Галезьеръ (de la Galaisière) генералъ-контролеромъ финансовъ, для подписей; герцогъ Вогіонъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, г. Делапортъ государственнымъ секретаремъ по морской части, маршалъ Броліо министромъ военнымъ и генералиссимусомъ; г. Дефулонъ интендантомъ арміи и флота, Дамекуръ членомъ Финансоваго Совѣта. Вильдейль, секретарь королевскаго дома и Парижа, удержался на мѣстѣ, равно какъ и хранитель печатей. Герцогъ Ниверну удалился за нѣсколько дней тому назадъ.

Роковое извѣстіе обо всѣхъ этихъ перемѣнахъ пришло въ Парижъ только въ Воскресенье утромъ. Огорченіе было всеобщее, и народъ сталъ приходить въ отчаяніе. Первымъ проявленіемъ онаго было закрытіе театральныхъ представленій. За тѣмъ рѣшились вооружиться, чтобы отражать силу силою, что̀ и было исполнено исключительно народомъ. Ночь съ Воскресенья на Понедѣльникъ была ужаснѣйшая. По улицамъ бѣгали съ обнаженными шпагами въ рукахъ, съ криками о поджогахъ и грабежахъ. Однако сожжены были только нѣкоторые изъ новыхъ заставъ, а разграбленъ одинъ монастырь св. Лазаря. Въ 10 часовъ вечера стали осаждать домъ Ришелье, гдѣ находилась главная квартира войскъ, расположенныхъ въ Парижѣ и окрестностяхъ. Раздавались ружейные выстрѣлы; но нападеніе на стѣну сада было отбито, благодаря подоспѣвшимъ Французскимъ гвардейцамъ, которые разогнали народъ. Въ часъ по полуночи происходила весьма значительная стычка на бульварѣ Итальянской Комедіи: дрались полки Нѣмецкой королевской кавалеріи и королевскіе драгуны съ народомъ, на сторону котораго перешла большая часть полка Французскихъ гвардейцевъ и отряды полка Прованскаго и пѣхотнаго Винтимильскаго (Vintimille-Infanterie). Сіи послѣдніе стрѣляли по двумъ полкамъ,

*) Извѣстіе это привезено курьеромъ Павловымъ и у Храповицкаго, въ его дневникѣ, подъ 29 Іюля 1789 года, отмѣчено: „Призыванъ былъ тит. совѣтн. Павловъ, но оробѣлъ. Велѣно ему подать изъясненіе на письмѣ. Разговоръ ея величества о происшествіи въ Парижѣ. Le pourquoi est le roi? Онъ всякій вечеръ пьянъ, и имъ управляетъ кто хочетъ". Вотъ первоначальное впечатлѣніе, произведенное на прозорливую Государыню Французскимъ переворотомъ. *П. Б.*

оставшимся вѣрными королю, и убили до смерти шестерыхъ всадниковъ и двухъ лошадей.

13-е, въ Понедѣльникъ, въ 10 часовъ утра, граждане рѣшились принять участіе въ дѣлѣ и образовали милицію съ тѣмъ, чтобы охранять порядокъ и противодѣйствовать силѣ. Ударили въ набатъ для сбора по участкамъ въ церквахъ и для записыванія въ милицію. Оружіе забрано у ружейныхъ мастеровъ, въ Арсеналѣ, въ королевскихъ кладовыхъ, въ Инвалидномъ домѣ, и вскорѣ оказалось до 80 тысячь вооруженныхъ гражданъ. Учреждены очень частые, денные и ночные, обходы, и порядокъ тотчасъ возстановился. Пошли въ ходъ зеленыя кокарды, какъ знакъ надежды, и безъ нихъ никто не смѣетъ показаться на улицу. Ночь въ Понедѣльникъ на Вторникъ миновала очень покойно. По приказанію гражданства, четверо негодяевъ повѣшаны на фонарныхъ уличныхъ веревкахъ за воровство и грабежъ.

Во Вторникъ утромъ, 14-го, подъ ружьемъ было слишкомъ 150 тысячь гражданъ. Французскіе гвардейцы, конная и пѣшая стража, и множество солдатъ всякаго рода приносили присягу Парижскому гражданству и народу. Зеленыя кокарды замѣнены голубыми и розовыми, такъ какъ ливрея королевскаго брата графа Дартуа—зеленаго цвѣта, а ему приписывали устраненіе Неккера. Старшины Парижа и купечества, генералъ-лейтенантъ полиціи и городскіе чины приняли участіе въ общественномъ дѣлѣ. У въѣздовъ и заставъ и въ разныхъ мѣстахъ города разставлены пушки. На многихъ улицахъ снята мостовая, нѣкоторыя загорожены колясками и возами. Въ полдень послѣдовало запрещеніе отлучаться изъ города кому бы то ни было; осматривали всѣ экипажи, всѣхъ ѣхавшихъ и шедшихъ пѣшкомъ. По этой причинѣ ѣздовой, посланный въ Версаль съ письмомъ отъ купеческаго старшины г. Дефлесселя, увѣдомлявшаго о томъ что̀ происходило въ Парижѣ, былъ задержанъ, а письмо доставлено въ Ратушу. Пошли къ Дефлесселю и застали его за другимъ письмомъ къ губернатору Бастиліи, маркизу Делоне. Дефлессель совѣтовалъ ему держаться твердо, въ случаѣ, если придутъ къ нему за оружіемъ и прибавлялъ, что вечеромъ до 9 часовъ къ нему придетъ подкрѣпленіе. Послѣ такого открытія народъ овладѣлъ купеческимъ старшиною и растерзалъ его на части. За тѣмъ пошли въ Бастилію и потребовали, чтобы Делоне отдалъ все, сколько у него есть оружія. Г-нъ Делоне отвѣчалъ, что онъ соглашается на это требованіе и чтобы кто нибудь вошелъ въ крѣпость и взялъ оружіе. Человѣкъ тридцать изъ городовой милиціи послѣдовали этому приглашенію. Подъемный мостъ за ними развели, и какъ говорятъ, въ оставшихся за мостомъ велѣно выстрѣлить изъ пушки. Тогда начался приступъ къ крѣпости, и черезъ полтора часа она была взята. Г-нъ Делоне изрубленъ въ куски, равно какъ плацъ-маіоръ и нѣсколько пушкарей. Сынъ губернатора, 18 лѣтъ отъ роду, защищавшій отца, потерпѣлъ ту же участь. Послѣ этого съ торжествомъ носили по всему городу головы маркиза Делоне, его

маіора, г-на Дефлесселя и двухъ пушкарей, стрѣлявшихъ изъ за Бастиліи. Вечеромъ эти головы были выставлены въ саду Палерояля; женщины и дѣти плясали вокругъ нихъ, выражая сожалѣніе, что головъ мало. Назначена цѣна за головы графа Дартуа, князя Ламбеза и герцогини Полиньякъ. Братъ короля подвергся этой немилости за то, что ему приписываютъ отстраненіе Неккера; князь Ламбезъ за то, что, вступая Воскресенье вечеромъ въ Тюльерійскій садъ во главѣ своего полка, онъ ударилъ саблею одного 80-лѣтняго старика, который не хотѣлъ или не могъ посторониться; а госпожа де Полиньякъ, какъ совѣтница королевы. Въ этотъ же день сожжено еще нѣсколько заставъ, и число бѣглыхъ солдатъ значительно умножилось. Ночь со Вторника на Середу прошла еще весьма спокойно, не смотря на то, что распространили слухъ, будто десять тысячъ человѣкъ королевскаго войска приближаются къ городу.

Въ Середу, поутру, 15-го, возили по городу въ фаэтонѣ обывательскаго солдата, который первый вступилъ въ Бастилію и занесъ руку на г. Делоне. Его украсили крестомъ св. Людовика и провозгласили губернаторомъ Бастиліи. Въ полдень пришло извѣстіе изъ Версаля, что король прибылъ въ залу собранія общихъ чиновъ, называемаго теперь Народнымъ Собраніемъ, что его сопровождали только два его брата и что король произнесъ: „Извѣстившись о страшномъ безпорядкѣ, господствующемъ въ столицѣ, я являюсь посреди представителей народа, чтобы пригласить васъ оказать мнѣ содѣйствіе въ этихъ обстоятельствахъ и обезпечить спасеніе государства. Я приказалъ удалить войска; а васъ уполномочиваю и даже приглашаю извѣстить столицу о моихъ распоряженіяхъ". Все собраніе рукоплескало этимъ словамъ. Герцоги Орлеанскій и Биронъ взяли его на руки, а представители народа проводили его во дворецъ, гдѣ на балконѣ ожидала его королева съ дофиномъ. Ей также рукоплескали. Депутація изъ 80 членовъ Народнаго Собранія прибыла въ Парижъ, въ Ратушу, чтобы дать знать о расположеніи короля. Она была привѣтствована громкими рукоплесканіями. Герцогъ Ліаскуръ всталъ на окно и держалъ рѣчь къ народу. Рѣчь эта не совсѣмъ успокоила умы, такъ какъ не отмѣнили дозоровъ и всякаго рода предосторожностей, покамѣстъ дѣла не уладятся окончательно. Г. маркизъ де-Лафайетъ объявленъ главнокомандующимъ городской милиціи въ Парижѣ и во всемъ королевствѣ, а меромъ Парижа г. Байли, бывшій президентъ Народнаго Собранія. Г-нъ де Кронъ (De Crosne), генералъ-лейтенантъ полиціи, попросился въ отставку и получилъ ее. Распространился слухъ, что на завтрашній день, въ 11 часовъ, король прибудетъ въ Парижъ; но утромъ.

Въ Четвергъ, 16-го, слухъ этотъ стали опровергать, что̀ усилило сомнѣнія въ публикѣ на счетъ того, что еще не все кончилось. Въ тотъ же день Постоянный Комитетъ приказалъ сломать Бастилію. Тогда арестовали и доставили въ Ратушу де Сенмарка, находящагося въ родствѣ съ маркизомъ Делоне, за то, что онъ

будто сочинялъ проэктъ овладѣть этою крѣпостію, что̀ ему не удалось вслѣдствіе измѣны.

Въ Пятницу, 17 Іюля, день, который останется незабвеннымъ въ лѣтописяхъ Франціи, въ 6 съ половиною часовъ утра, объявлено, что король возвѣщаетъ городу о прибытіи своемъ въ Парижъ къ одинадцати часамъ и о королевскомъ засѣданіи въ Ратушѣ. Съ 8 часовъ, народъ сталъ собираться на пути, къ которому приходилось слѣдовать его величеству. Начиная отъ Ратуши до Пуанъ-дюжуръ (одна миля за Парижемъ) разставленъ двойной рядъ вооруженныхъ гражданъ въ перемежку съ Французскими гвардейцами и другими войсками, подъ предводительствомъ офицеровъ обывательской милиціи. Король прибылъ лишь въ два съ половиною часа, въ обыкновенной каретѣ, въ сопровожденіи маршала Бово, герцога Виллеруа, капитана гвардейскаго корпуса, герцога Вилькье, перваго камергера, и графа Дестена (D'Estaing). За ними слѣдовала только одна карета, въ которой сидѣло нѣсколько человѣкъ придворныхъ. Депутаты Народнаго Собранія и Ратуши встрѣтили короля у заставы конференціи, и голова, г-нъ Бюффо, поднесъ ему ключи города на золотомъ блюдѣ. Передъ его величествомъ несли оливковую вѣтвь. Впереди его кареты ѣхалъ на конѣ стражникъ (guet-à-cheval) и многочисленная обывательская кавалерія, съ г. маркизомъ де-Лафаетомъ во главѣ. А сзади шла обывательская пѣхота въ числѣ слишкомъ ста тысячь человѣкъ. Вмѣсто: „да здравствуетъ король!" кричали: „да здравствуетъ народъ!", при чемъ говорили, что въ честь короля прокричатъ послѣ, на обратномъ пути его, когда будутъ имъ довольны.

Прибывъ въ Ратушу, его величество одобрилъ все что̀ сдѣлало гражданство и объявилъ, что онъ уволилъ новое министерство и послалъ въ ссылку брата своего графа Дартуа (который, говорятъ, уѣхалъ въ Туринъ). Семейство Полиньяковъ также получило приказаніе удалиться отъ двора. Отправленъ курьеръ къ г-ну Неккеру съ письмомъ отъ короля, который проситъ его именемъ своимъ и именемъ народа возратиться на должность. Полагаютъ, что онъ въ Брюсселѣ, и потому ожидаютъ, что онъ возвратится нынче вечеромъ или завтра поутру.

Король возвращался въ шесть часовъ вечера, и раздавались крики: „да здравствуетъ король и народъ!" Карету его величества окружала толпа вооруженныхъ гражданъ, державшихъ ружья свои прикладами вверхъ; многіе ружья были на каретѣ. На шляпѣ у короля была кокарда, которая называется народною и которую поднесъ ему въ Ратушѣ г-нъ Лалли-де-Толендаль.

Г-нъ маркизъ де-Лафаетъ воспретилъ всякія изъявленія радости и приказалъ собираться по прежнему участкамъ и устроивать дозоры.

Король согласился, чтобы на развалинахъ Бастиліи воздвигли памятникъ Людовику XVI-му, возродителю общественной свободы, возстановителю народнаго благосостоянія, отцу Французскаго народа.

III.
ПРЕДЛОЖЕНІЯ КОРСИКАНЦЕВЪ РУССКОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ.

Парижъ, $\frac{16}{27}$ Октября 1789.

Два Корсиканца, изъ которыхъ одинъ подполковникъ Французской службы и кавалеръ св. Людовика, а другой служитъ по внутреннему управленію островомъ Корсикою, пожелали меня видѣть и сдѣлали мнѣ предложенія, прося донести объ оныхъ моему Двору. Ваше сіятельство изъ нижеслѣдующей бумаги, которую они мнѣ передали, увидите, въ чемъ дѣло. Они объявили, что желаютъ оставаться за Франціею, коль скоро она намѣрена сохранить Корсику и что предложенія ихъ имѣютъ силу лишь въ такомъ случаѣ, если здѣшнее правительство, наскучивъ обладать ихъ островомъ и будучи не въ состояніи поддерживать въ немъ спокойствіе, покинетъ его и предоставитъ Генуэзской республикѣ или Испаніи. Сначала я отказался передавать моему двору эти предложенія, зная, какъ Ея Императорское Величество деликатна въ подобныхъ дѣлахъ и принимая при томъ во вниманіе дружественныя ея заявленія Французскому двору; но такъ какъ они настаивали на томъ, что вовсе не хотятъ отдѣляться отъ Франціи, покамѣстъ она удерживаетъ за собою Корсику и оказываетъ ей покровительство, то я обѣщалъ имъ довести предложенія ихъ до свѣдѣнія вашего сіятельства, не обнадеживая ихъ полученіемъ какого либо отвѣта *); но на случай сего послѣдняго, они оставили мнѣ свой адресъ. Ваше сіятельство увидите и обсудите, заслуживаютъ ли эти предложенія того, чтобы представлять ихъ воззрѣнію августѣйшей нашей Государыни.

Получено 18 Ноября 1789.

Записка Корсиканцевъ.

Переворотъ Французскаго королевства, печальныя послѣдствія, которыхъ надо ожидать отъ него, и тревожное состояніе умовъ въ Корсикѣ, для успокоенія котораго не имѣется въ ней достаточнаго гарнизона, заставляютъ добрыхъ гражданъ этого острова страшиться возобновленія анархіи и бѣдствій междоусобной войны.

Внутренняя тревога, которою одержимо это государство, можетъ быть, поставитъ его въ невозможность заниматься Корсикою и побудитъ его отдѣлаться отъ оной, отдавъ ее Генуэзцамъ или предоставивъ Испанцамъ въ видѣ залога, о чемъ и ходятъ слухи.

Многія лица на этомъ островѣ, столь же ревностныя, какъ и достойныя, съ цѣлью устранить бѣдствія, угрожающія ихъ землѣ, принимаютъ смѣлость сдѣлать Россійскому министру предложеніе, которое, можетъ быть, будетъ соотвѣтствовать видамъ Великой Государыни. Но прежде чѣмъ излагать дѣло, предлагающіе объявляютъ и утверждаютъ, что намѣреніе ихъ должно почитаться несуществующимъ и не будетъ имѣть никакихъ послѣдствій, коль скоро Французское министерство не откажется удержать за собою Корсику, доставляя ей средства для поддержанія спокойствія, чего од-

*) Этого отвѣта мы не отыскали и не знаемъ, былъ ли таковой. *П. Б.*

нако, по видимому, трудно ожидать въ теперешнихъ обстоятельствахъ, такъ какъ гарнизону всего три тысячи человѣкъ, т. е. вдвое менѣе противъ того, который содержался въ мирныя времена.

Въ томъ предположеніи, что Корсика, покинутая Франціею, подвергнется смутамъ, которыя могутъ въ ней произойти отъ какихъ либо своихъ или иноземныхъ честолюбцевъ, лица, пользующіяся довѣріемъ и при томъ въ довольно значительномъ числѣ, рѣшились ничего не щадить для противодѣйствія безпорядку и для установленія правительства патріотическаго и свободнаго, подъ покровительствомъ государства, которое бы великодушно поддержало несчастный народъ, имѣющій впослѣдствіи воздать ему за то очень важными услугами.

По самомъ зрѣломъ размышленіи, полагаютъ, что такимъ государствомъ всего удобнѣе могла бы быть Россія. Ея Императорское Величество, по видимому, можетъ скорѣе всѣхъ другихъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы пріобрѣсти въ Средиземномъ морѣ пристани, которыя были бы ей пригодны въ ея намѣреніяхъ расширить торговлю Россійской имперіи. Корсика изобилуетъ лѣсомъ всякаго качества для постройки военныхъ судовъ; въ ней добываютъ превосходный деготь; она можетъ доставлять матросовъ и хорошія войска для предпріятій въ Левантѣ. Чтобъ получать все это, ей нужна помощь.

Ей бы нужно имѣть ежегодно, въ теченіи четырехъ лѣтъ, по 500 тысячъ Французскихъ ливровъ, получая въ каждые три мѣсяца по 125 тысячъ, кромѣ перваго полугодія, которые нужно уплатить впередъ. Военные запасы состояли бы въ 3 или 4 тысячахъ ружей, въ тысячѣ квинталовъ пороху, въ соотвѣтственномъ количествѣ свинцу и нѣсколько малыхъ полевыхъ пушекъ.

Можно бы выбрать два мѣста, годныя для пріема этой помощи, пока овладѣютъ какимъ нибудь приморскимъ мѣстомъ, которое будетъ первымъ залогомъ признательности Корсиканскаго народа Ея Императорскому Величеству. Если ей нравится Порто-Веккіо, будетъ очень легко вскорѣ имѣть его. Въ послѣдствіи Ея Величество выберетъ себѣ по желанію два приморскихъ города, куда помѣститъ гарнизонъ и будетъ содержать его на свой счетъ. Остальные города̀ и вся внутренность острова устроятъ себѣ правленіе по своему желанію и будутъ находиться подъ покровительствомъ Россіи, свободные, независимые, съ своими законами. Мѣстомъ, наиболѣе удобнымъ для переписки и для доставленія вышеупомянутыхъ пособій, былъ бы городъ Ницца въ Савойѣ. Необходимо соблюсти тайну и самую строгую и точную осмотрительность, чтобы не вызвать криковъ со стороны господъ, завидующихъ распространенію Россіи.

Если мысль эта будетъ благосклонно принята (чего она, по видимому, заслуживаетъ), было бы чрезвычайно важно заняться приведеніемъ ея въ исполненіе какъ можно скорѣе и предупредить о томъ немедленно тѣхъ, которые имѣютъ честь представлять ее, дабы они могли принять соотвѣтствующія мѣры.

Сочинители сей записки ничего не пощадятъ для осуществленія своего плана, внушеннаго усердіемъ, коимъ они одушевлены ко благу страны своей и ко славѣ Ея Императорскаго Величества.

БУМАГИ КНЯЗЯ ИЛАРІОНА ВАСИЛЬЕВИЧА ВАСИЛЬЧИКОВА *).

VIII. ПИСЬМА КНЯЗЯ ВАСИЛЬЧИКОВА КЪ КНЯЗЮ ВОЛКОНСКОМУ.

I.

J'ai reçu votre lettre du 11 Septembre, mon cher ami, à Twer, et c'est pourquoi j'ai tardé à vous répondre.

Les réflxions, que vous faîtes sur l'histoire du régiment Ismaislovsky, demandent à être discutées. J'ai pour principe que quand des jeunes gens veulent faire des sottises, il faut commencer par leur expliquer la chose, et puis taper s'ils ne se rendent pas à vos raisons. Quant à la comparaison, que vous faites de notre manière de voir les choses et celle des jeunes gens actuels, il faut en chercher la cause dans la différence des temps: peu de nous lisaient alors les gazettes, personne ne parlait politique, on servait le matin et on s'amusait le soir; maintenant Pétersbourg est devenu un couvent, qui convient aux hommes de notre âge, mais qui est bien triste pour la jeunesse. Que voulez vous que les jeunes gens fassent de leur journée? Ils est tout simple qu'ils cherchent dans ce qui se passe autour d'eux des moyens d'occupation; de là proviennent des raisonnements politiques, des idées constitutionnelles, qui n'ont ni rime, ni raison, des réflexions et des raisonnements sur ce qu'on exige d'eux! Je leur ai parlé, leur ai fait faire des réflexions qu'une sévérité prématurée ne leur aurait pas fait faire; la preuve en est que l'harmonie la plus parfaite règne dans le régiment.

Переводъ.

Ваше письмо отъ 11-го Сентября я получилъ въ Твери, и вотъ почему опаздываю отвѣтомъ.

Всѣ ваши разсужденія на счетъ Измайловскаго полка должны быть разсмотрѣны. Я имѣю такое правило, что когда молодежъ вздумаетъ дурачиться, ей прежде всего надо объяснить въ чемъ дѣло, а потомъ уже наказывать, если она вздумаетъ упрямиться и оставаться при своемъ мнѣніи. Что касается до сравненія, которое вы дѣлаете, между нашимъ образомъ мыслей и взглядами теперешней молодежи, то причину такого явленія надо искать въ различіи времени: изъ насъ мало кто читалъ газеты, никто не говорилъ о политикѣ, мы утро проводили на службѣ, а вечеромъ веселились; теперь же Петербургъ превратился въ монастырь, который можетъ быть пріятенъ только для людей нашихъ лѣтъ, но очень скученъ для молодежи. Куда же убить ей цѣлый день? Очень естественно, что она ищетъ себѣ занятія во всемъ томъ, чтó происходитъ вокругъ нея. Отъ этого являются политическія размышленія, идеи о конституціи, ко-

*) См. выше, стр. 325. Печатается съ черновыхъ подлинниковъ. Русскіе переводы и примѣчанія принадлежатъ В. Д. Давыдову. Нѣкоторые переводы этихъ писемъ были напечатаны въ XII-й книжкѣ Русской Старины 1871 года; письма же князя П. М. Волконскаго, на которыя здѣсь печатаются отвѣты, помѣщены выше, стр. 47 и слѣд. *П. Б.*

торыя не имѣютъ никакого смысла, и разсужденія на счетъ того, чего отъ нихъ требуютъ. Я говорилъ съ ними и заставилъ ихъ поразмыслить обо всемъ, полагаю, больше, чѣмъ могла бы принудить ихъ къ тому преждевременная строгость, чему доказательствомъ служитъ то, что самое полное согласіе господствуетъ въ полку.

II.

Vous me dites „qu'il ne faudrait faire aucun cas de cette espèce de gens, qui s'avisent de juger la conduite de leurs chefs"; mais où trouver ces gens que l'on puisse mener tambour battant, sans qu'ils réfléchissent sur ce qu'on leur fait faire? Croyez moi, n'allons pas trop loin avec nos principes d'obéissance; le seul moyen de bien servir son Souverain, c'est de n'exiger que des choses raisonnables et alors taper sans miséricorde sur ceux qui raisonnent.

Mais si les chefs se permettent de traîter leurs officiers comme des goujats, sans ménager leur amour-propre, il est tout simple qu'ils s'en formalisent. C'est ce que je ne cesse de répéter à nos chefs de régiments. Tous me comprennent, hormi ceux dont les vues militaires se bornent à la pointe des pieds des soldats. Croyez moi, cher ami, un bon choix de chefs de régiments, une sévérité raisonnable et de la distraction pour les officiers, et nous resterons longtemps aussi tranquilles que nous le sommes. Le service va son train chez nous; tous les régiments s'occupent également d'autres vues, et tout est d'une tranquillité remarquable. Benkendorf vous a envoyé la réponse aux notes, que vous m'avez envoyées. Croyez, cher ami, que je ne laisserai rien passer de condamnable, mais avant d'ajouter foi aux rapports de la police, j'aime à me convaincre de la vérité de ce qu'elle dit.

Переводъ.

Вы говорите, что не слѣдуетъ обращать никакого вниманія на такихъ людей, которые осмѣливаются осуждать поведеніе своихъ начальниковъ. Да гдѣ жъ найти людей, которыхъ можно вести по звуку барабана безъ того, чтобы они не разсуждали о томъ, чтó ихъ заставляютъ дѣлать? Повѣрьте мнѣ, не слѣдуетъ увлекаться чувствомъ безусловнаго послушанія. Единственное средство вѣрно служить своему государю, по моему, требовать только благоразумнаго и затѣмъ уже карать тѣхъ безъ милосердія, которые осмѣлятся разсуждать. Но если начальники позволяютъ себѣ третировать своихъ офицеровъ, какъ негодяевъ, не думая объ ихъ самолюбіи, очень натурально, что офицеры обижаются. Я это постоянно повторяю нашимъ полковымъ командирамъ; всѣ меня понимаютъ, кромѣ тѣхъ, конечно, которыхъ военныя понятія ограничиваются знаніемъ носковъ и солдатскихъ сапогъ. Вѣрьте мнѣ, любезный другъ, если у насъ будетъ хорошій выборъ полковыхъ командировъ, благоразумная строгость и развлеченіе для офицеровъ, тогда мы долго будемъ пользоваться спокойствіемъ, подобнымъ настоящему. Служба у насъ идетъ своимъ порядкомъ; всѣ полки одинаково занимаются своимъ дѣломъ и вездѣ царствуетъ замѣчательное спокойствіе. Бенкендорфъ послалъ вамъ отвѣтъ на замѣтки, которыя вы мнѣ прислали. Вѣрьте, любезный другъ, что я не пропущу ничего предосудительнаго; но прежде чѣмъ повѣрить докладамъ полиціи, я всегда желаю лично убѣдиться въ правдивости того, чтò она мнѣ доноситъ.

III.

Comme il est possible qu'une petite histoire, arrivée entre Benkendorf et Pirch, vous parvienne par d'autre voie, mon cher ami, je vais vous la compter en détail.

Pendant mon absence, Benkendorf a eu une conversation avec le colonel Pirch au sujet des officiers de son régiment, et lui dit qu'il était indispensable à tous les chefs de connaître un peu les sociétés, que les officiers fréquentent, et que s'il avait besoin de son service, il les lui offrait et qu'il n'avait qu'à lui envoyer une note on lui dire verbalement les noms de ceux des se officiers qu'il trouvait nécessaire de surveiller.

Pirch prétend avoir compris que Benkendorf exigeait de lui une note en forme de rapport là-dessus; il écrivit à Benkendorf une lettre, dans laquelle il lui dit qu'il ne peut pas y avoir de Quiroga, ni de Pepe dans le gouvernement d'un Souverain, comme le nôtre, et qu'il répondait de l'esprit de ses officiers. La réponse de Benkendorf fut qu'il n'avait jamais eu l'intention d'entrer en correspondance avec lui, qu'il ne savait point, pourquoi il parlait de Quiroga dans sa lettre, car dans la conversation qu'il a eu avec lui il n'était question que d'empêcher les officiers de fréquenter des sociétés.

Quelques jours après, Benkendorf, ayant appris qu'on parlait en ville de sa correspondance, fit chercher Pirch et lui témoigna son mécontentement sur son indiscrétion. Celui-ci lui jura n'avoir montré la lettre qu'au Grand-Duc en présence de Bibicof et, comme Benkendorf lui fit remarquer qu'il avait très mal fait, Pirch lui répliqua qu'il ne connaissait pas quels étaient ses devoirs en pareil cas envers un chef d'étât-major. Sur cela Benkendorf, d'un ton ferme, lui répondit que s'il ne les connaissait pas, il les lui apprendrait: que lui commandait et que c'était à Pirch à obéir, et sur cela ils se quittèrent.

Ayant appris à mon arrivée cette histoire, je fis chercher Pirch et lui fis sentir l'inconvenance de sa conduite. Il m'assura qu'il était au désespoir d'avoir écrit, qu'il le sentait lui-même, ayant mal compris ce que Benkendorf lui avait dit: il aurait dû, sans écriture, venir lui-même s'en expliquer avec lui; que le g. Benkendorf avait mal compris sa réponse sur le reproche d'avoir montré sa lettre au Grand-Duc, qu'il lui avait dit qu'il avait aussi des devoirs à remplir vis-à-vis de son a. i., tout aussi bien qu'envers le chef d'étât-major; qu'il était au désespoir de tout ce qui était arrivé et qu'il le serait bien plus si je pouvais attribuer tout ceci à d'autres motifs qu'à un mésentendu.

Je lui ai répondu, que si je croyais pouvoir attribuer ceci à autre chose, qu'à une imprudence blâmable, je ne servirai pas deux minutes avec lui; mais qu'occupant le poste, qu'il occupe, j'étais en droit d'exiger de lui plus de réflexion dans sa conduite et que j'espérais ne plus me trouver dans le cas de le lui répéter. Je suis fermement convaincu que tout ceci provient d'un mésentendu et d'un amour-propre d'écrivain; mais ce qui me déplait, c'est la publicité de la chose, c'est pourquoi, sans faire de bruit, je chercherai à savoir qui y a donné lieu.

Quant à l'affaire des officiers du régiment des chasseurs, j'ai été moi-même sur les lieux; elle ne vaut pas la peine d'en parler, et ces cochons n'ont fait tant de bruit que pour se faire payer plus d'argent. Les officiers se promenaient dans la rue; deux de ces misérables, à moitié ivres, s'amusèrent à passer entre les officiers en les poussant. Les officiers ne trouvèrent pas la chose plaisante, leur donnèrent des tapes. J'ai fait une verte réprimande à m-r Potapof.

Переводъ.

Такъ какъ очень возможно, что дойдетъ до васъ, любезный другъ, слухъ о маленькой исторіи, случившейся между Бенкендорфомъ и Пирхомъ, то я вамъ разскажу ее подробно.

Во время моего отсутствія, Бенкендорфъ имѣлъ разговоръ съ полковникомъ Пирхомъ относительно офицеровъ его полка и сказалъ ему, что необходимо всѣмъ начальникамъ полковъ знать болѣе или менѣе тѣ общества, въ которыхъ бываютъ ихъ офицеры, и что если Пирхъ нуждается въ его помощи, то онъ готовъ ему служить: пусть только пришлетъ списокъ или словесно скажетъ имена офицеровъ, за которыми онъ считаетъ нужнымъ присмотрѣть.

Пирхъ же увѣряетъ, что онъ понялъ такъ, что Бенкендорфъ требуетъ отъ него списка въ видѣ рапорта. Онъ написалъ Бенкендорфу письмо, въ которомъ говоритъ, что подъ управленіемъ такого монарха, какъ нашъ, не могутъ существовать личности, въ родѣ Кироги и Пепе и что онъ отвѣчаетъ за направленіе умовъ своихъ офицеровъ. Отвѣтъ Бенкендорфа былъ такой, что онъ никогда не имѣлъ намѣренія входить съ нимъ въ переписку и что онъ не понимаетъ, про какого Кирогу тотъ говоритъ въ своемъ письмѣ, потому что въ разговорѣ, который онъ имѣлъ съ нимъ, рѣчь шла только о томъ, чтобы препятствовать офицерамъ посѣщать общества.

Нѣсколько дней спустя, Бенкендорфъ, узнавъ, что въ городѣ заговорили о его перепискѣ, послалъ за Пирхомъ и высказалъ ему свое неудовольствіе на счетъ его нескромности. Тотъ поклялся ему, что письмо свое показалъ только одному Великому Князю въ присутствіи Бибикова. Когда Бенкендорфъ ему замѣтилъ, что онъ весьма дурно поступилъ, Пирхъ ему возразилъ, что послѣ этого онъ не знаетъ, какія его обязанности въ подобныхъ случаяхъ къ начальнику штаба. На это Бенкендорфъ положительно отвѣчалъ ему, что, если онъ ихъ не знаетъ, то онъ, Бенкендорфъ, его научитъ: онъ приказываетъ, а Пирхъ долженъ повиноваться. Затѣмъ они разстались.

По пріѣздѣ, узнавъ объ этой исторіи, я послалъ за Пирхомъ и далъ ему почувствовать все неприличіе его поведенія. Онъ увѣрялъ меня, что онъ въ отчаяніи отъ своего письма, что самъ чувствуетъ, что, не понявши словъ Бенкендорфа, ему бы слѣдовало безъ всякой переписки пріѣхать самому объясниться, но что и генер. Бенкендорфъ плохо понялъ его отвѣтъ. На упрекъ, зачѣмъ онъ показалъ письмо Великому Князю, онъ сказалъ, что имѣетъ такія же обязанности передъ Великимъ Княземъ, какъ и передъ начальникомъ штаба. Онъ въ отчаяніи отъ всего случившагося и еще болѣе оттого, что я могу приписать все это другимъ побужденіямъ, кромѣ недоразумѣнія.

Я ему отвѣчалъ, что еслибы я думалъ, что нужно приписать это чему другому, кромѣ предосудительной неосторожности, то я бы не продолжалъ служить съ нимъ вмѣстѣ и двухъ минутъ, но что по должности, которую онъ занимаетъ, я въ правѣ требовать отъ него болѣе разсуди-

тельности въ поведеніи, и что я надѣюсь не быть вынужденнымъ повторять это еще разъ. Я твердо убѣжденъ, что все это ничто иное какъ недоразумѣніе и задѣтое самолюбіе автора; но мнѣ не нравится огласка этого дѣла. Вотъ почему я постараюсь потихоньку узнать, кто всему этому причиной.

Что же касается до исторіи офицера въ конно-егерьскомъ полку, я самъ тамъ былъ; это такія пустяки, что не стòитъ и говорить о нихъ. Эти свиньи нашумѣли, чтобъ получить за нее болѣе денегъ. Офицеры гуляли по улицѣ; двое изъ этихъ негодяевъ полупьяные начали для забавы проходить между ними и толкать ихъ. Офицеры, конечно, нашли это весьма мало забавнымъ для себя и дали имъ трепку. Однакожъ, за это я намылилъ голову г. Потапову.

IV.

Mon aide-de-camp Чедаевъ vous contera, mon cher ami, en détail tout ce qui s'est passé. Grâce à Dieu, tout est tranquille, et j'ai tout lieu d'espérer que cette malheureuse histoire fera faire de mûres réflexions à notre jeunesse. Quant à ma conduite personnelle, je la soumets au jugement de l'Empereur. Je crois avoir fait mon devoir. On m'accuse ici d'imprévoyance. Je défie au plus fin de prévoir un éclat de ce genre. Si je n'ai pas cru devoir passer à une troupe un acte d'insubordination pareil à celui de la 1-ère compagnie, j'en appele à tous ceux, qui ont l'idée de la discipline militaire: qu'ils disent, si je le pouvais. Au reste, comme une bataille perdue retombe toujours sur celui qui commande, je ne demande qu'une seule grâce à S. M. l'Emp. celle de ne pas me ménager, de me punir le plus rigoureusement possible, s'il croit que je suis coupable. D'après toutes les données, que nous avons pu rassembler, il est certain que la conduite seule du colonel Schwartz a été la cause de cette mutinerie: car si quelqu'instigation étrangère avait pu en être la source, cette mutinerie aurait eû des résultats bien plus fâcheux. Car il ne faut pas se faire illusion: les troupes fesaient bien leur devoir, mais n'avaient pas le sentiment d'indignation unanime, qui porte l'élan jusqu'à donner sur leurs camarades.

Tous conviennent que ce régiment est coupable, mais le plaignent et espèrent sa grâce. Tcheadaeff vous dira, que les caquets de la ville ont attiré notre attention sur le régiment des grenadiers; mais toutes ces nouvelles se sont trouvées être fausses, et le général Miloradovitch s'en est convaincu lui-même. Les parades et exercices vont leur train, et aucun changement n'a été ordonné.

Переводъ.

Мой адъютантъ Чадаевъ разскажетъ вамъ, любезный другъ, подробности происшедшаго. Слава Богу, все спокойно, и я имѣю всѣ данныя предполагать, что эта несчастная исторія заставитъ серіозно размыслить нашу молодежъ. Что же касается до моихъ личныхъ дѣйствій, я ихъ повергаю на судъ государя и предполагаю, что я исполнилъ свой долгъ. Здѣсь меня обвиняютъ въ недосмотрительности. Вызываю самаго хитраго предугадать вспышку подобнаго рода. Если я не допустилъ въ войскѣ ослушанія, подобнаго ослушанію 1-й роты, то взываю ко всѣмъ тѣмъ, которые понимаютъ, чтó такое дисциплина, и пусть они скажутъ, могъ

ли я это допустить. Впрочемъ, какъ за проигранное сраженіе отвѣчаетъ всегда тотъ, кто командуетъ, то я прошу одной милости у его величества, чтобы онъ меня не щадилъ и наказалъ бы самымъ строгимъ образомъ, если онъ найдетъ, что я виноватъ. Вслѣдствіе всѣхъ собранныхъ нами свѣдѣній оказывается, что одни дѣйствія полковника Шварца причиною этого возмущенія: ибо еслибъ начало лежало во внѣшнемъ подстрекательствѣ, то послѣдствія были бы гораздо плачевнѣе. Не нужно себя обманывать. Войска исполняли свои обязанности, но въ нихъ не было чувствъ негодованія, заставляющихъ идти драться съ товарищами. Всѣ согласны, что полкъ виновенъ; но всѣ его жалѣютъ и надѣются на его прощеніе. Чадаевъ вамъ скажетъ, что городскія сплетни заставили насъ обратить вниманіе на гренадерскій полкъ, но всѣ эти извѣстія оказались фальшивы, и генералъ Милорадовичъ самъ въ томъ убѣдился. Парады и ученья идутъ своимъ чередомъ, и никакихъ измѣненій не приказано дѣлать.

V.

Ne voulant pas laisser passer une seule occasion, je vous écris, mon cher ami, encore par celle-ci, quoique mon aide-de-camp Tchéadaeff ne soit parti qu'hier.

Tout est parfaitement tranquille, aucun ordre accoutumé n'a été interrompu, tout marche comme à l'ordinaire, et notre jeunesse, la moins considérée, fait des réflexions utiles et montre l'esprit le plus concentrant à l'autorité.

Ce qui doit me consoler dans cette malheureuse affaire, en rendre l'effet moins défavorable en Europe et le faire servir d'exemple salutaire, c'est que l'autorité y a conservé toute sa supériorité, et que rien n'a pu y être interprêté comme faiblesse ou condescendance. Tout un régiment est puni pour avoir demandé tumultueusement le changement de son chef. Plusieurs personnes avaient crû qu'il était nécessaire, que je fasse des revues d'inspection aux cazernes et sans parade. Une chose, aussi inusitée et faite dans un moment où le soldat cherche à interprêter toutes les actions de son chef, m'a paru nuisible, et je remets les inspections dans toute la forme à un temps plus éloigné.

Je fais arranger un hôpital séparé pour les malades du 1-er bataillon qui est à la forteresse. J'ai fait demander à Zakrefsky des chemises pour tout le bataillon. On leur fait des нары dans les cazemates, et on prendra toutes les précautions possibles pour la santé des gens.

Переводъ.

Не желая пропустить ни одного случая, я вамъ пишу любезный другъ и съ настоящимъ, хотя мой адъютантъ Чадаевъ уѣхалъ только вчера. Все здѣсь совершенно спокойно, порядокъ не былъ нарушенъ, все идетъ попрежнему, и даже наша молодежъ, менѣе всего уважаемая, взялась за спасительное размышленіе и согласуется въ мысляхъ съ правительствомъ. Что можетъ насъ утѣшить въ этомъ несчастномъ дѣлѣ, умалить его значеніе въ Европѣ и послужить спасительнымъ примѣромъ, это то, что власть сохранила въ немъ всю свою силу и что ничего не могло быть приписано слабости или снисхожденію. Цѣлый полкъ наказанъ за то, что осмѣлился мятежно просить о смѣнѣ своего начальника. Многіе думали,

что было бы полезно произвести мнѣ инспекторскіе смотры въ казармахъ и безъ всякихъ приготовленій. Такое необычное дѣйствіе, произведенное въ такое время, когда солдаты готовы перетолковывать въ превратномъ смыслѣ всѣ дѣйствія своихъ начальниковъ, мнѣ показалось вреднымъ, и я отложилъ инспекторскіе смотры, но съ соблюденіемъ надлежащаго порядка, до болѣе отдаленнаго времени. Я приказалъ заготовить госпиталь для больныхъ 1-го баталіона, находящагося въ крѣпости и вытребовать отъ Закревскаго рубашки на весь баталіонъ. Имъ дѣлаютъ нары въ казармахъ и принимаютъ всѣ мѣры для охраненія здоровья солдатъ.

VI.

Tout est tranquille, mon cher ami, parmi les troupes. Le papier, que la police a découvert, n'a fait aucun effet et n'a point percée dans les cazernes: car il est encore à prouver, si le sergent-major l'a eu réellement entre ses mains, ou si c'est une coquinerie de l'écrivain, qui a été gagné par la police. Tout ceci s'éclaircira par l'enquête, qui se fait. Les caquets et les commérages continuent dans la ville; mais, comme je vous l'ai déjà dit, il n'y a que le retour de l'Empereur, qui puisse les faire cesser. Vous verrez par mon rapport que le 2-d bataillon n'a pû arriver à Swéaborg en entier: deux bâtimens ont été jeté sur Révél; j'ai pris les mesures nécessaires pour leurs logements, aussi bien que pour leur nourriture; j'y ai envoyé Schepping pour arranger le tout avec les autorités. Le 3-ême bataillon est très tranquille à Keksholm, aussi bien que le 1-er, qui est dans la forteresse d'ici. Le nombre des malades commence à augmenter, mais nous avons pris toutes les mesures nécessaires tant pour l'hôpital, qui y est établi, que pour la salubrité de l'air dans les cazemates.

Le conseil de guerre continue ses travaux; il ne pourra pas être terminé avant 3 semaines: c'est l'époque vers laquelle nous espérons voir S. M. I. de retour, et ce n'est qu'alors qu'il sera possible de décider l'affaire du régiment de Sémenofsky. Je me suis décidé à le laisser à Pétersbourg, vu que la saison avancée ne permet plus de le transporter à Swéaborg. J'ai appris à connaître Zakrefsky plus particulièrement dans cette occasion, et je serais le dernier des hommes, si je ne lui rendais pleine et entière justice, tant sur la manière de penser, que sur l'activité et la bonne volonté, qu'il a déployé dans cette occasion. Vous sentez bien, cher ami, que ce n'est pas une recommandation de bulletin, que je vous fais là, mais connaissant l'amitié que vous avez pour lui, je suis charmé de pouvoir vous dire qu'elle est bien placée.

Переводъ.

Въ войскѣ все спокойно, любезный другъ. Бумага, открытая полиціею, не произвела никакого впечатлѣнія и не проникла въ казармы, потому что еще не доказано, была ли она въ рукахъ у фельдфебеля, или это мошенничество писаря, котораго подкупила полиція. Это все разъяснится

слѣдствіемъ, которое производится. Болтовня и сплетни продолжаются въ городѣ; но, какъ я вамъ уже говорилъ, только пріѣздъ государя можетъ ихъ уничтожить. Вы увидите по моему отчету, что 2-ой баталіонъ не могъ доѣхать до Свеаборга въ цѣломъ составѣ: два судна брошены были на Ревель; я принялъ всѣ необходимыя мѣры, для ихъ размѣщенія и продовольствія и послалъ Шепинга, чтобы все тамъ устроить съ начальствомъ. 3-ій баталіонъ стоитъ спокойно въ Кексгольмѣ, точно также какъ и первый здѣсь въ крѣпости. Число больныхъ начинаетъ увеличиваться, но мы приняли всѣ нужныя мѣры, чтобы лазаретъ, который тамъ устроенъ, былъ въ порядкѣ, и чтобы въ казематахъ очищали воздухъ.

Военный совѣтъ продолжается; его работы не могутъ окончиться прежде 3-хъ недѣль, время, къ которому мы ожидаемъ и надѣемся увидѣть е. и. в.: тогда только возможно будетъ рѣшить дѣло Семеновскаго полка. Я рѣшился его *) оставить въ Петербургѣ, потому что въ такое позднее время перебираться ему въ Свèаборгъ слишкомъ затруднительно. Теперь, среди такихъ обстоятельствъ, я въ особенности хорошо узналъ Закревскаго и считалъ бы себя самымъ низкимъ человѣкомъ, ежели бы не отдалъ полной и совершенной справедливости его образу мыслей, его дѣятельности и доброй волѣ, которыя онъ показалъ въ этомъ случаѣ. Вы понимаете, любезный другъ, что это я вамъ пишу не оффиціально; но зная вашу дружбу къ нему, я счастливъ, что могу сказать, что она совершенно заслужена.

VII.

Je ne vous ai pas écrit par les deux derniers courriers, mon cher ami, parce que je n'en ai pas eu le temps. Il est des circonstances dans la vie, que l'homme le plus prudent ne saurait prévoir. Tout ce qui s'est passé chez nous n'est remarquable que par l'effet, que cette circonstance a produit sur les esprits. Les faux bruits, les commérages se succèdent, les plus ridicules nouvelles passent des salons dans les antichambres et se répandent tout naturellement dans la ville. C'est un état de choses, qu'il ne faut pas laisser durer, et il n'y a que le retour de l'Empereur, qui peut calmer l'inquiétude, qui règne. Les troupes sont tranquilles, le service continue comme ci-devant, et l'indignation du soldat n'est pas générale: ils regrettent leurs camarades, ils les plaignent et espèrent dans la clémence de l'Empereur. Or, il est de plus grande conséquence de ne rien décider avant le retour de S. M. Imp.; il est d'autant plus facile de remettre la décision de cette affaire que le jugement n'est pas fini. Or, il paraîtra tout naturel que l'Empereur veuille connaître l'affaire à fond avant de décider. Vous saurez probablement que la majorité de la ville penche pour la douceur envers le régiment de Sémenofsky. Quant a moi, je crois et suis fermement convaincu que l'esprit du régiment est trop mauvais pour le garder dans la capitale. Le casser serait, peut-être, une mesure, qui ferait trop de bruit et présenterait la chose dans un aspect beaucoup trop grave, mais une campagne ou deux, faites en Géorgie, serait un moyen de concilier le maintien de la discipline avec la clémence. Au reste, le retour de l'Empereur que tout le monde attend avec impatience le mettra à même de bien combiner les mesures à prendre et bien juger ce qui s'est passé.

---

*) Т. е. военный совѣтъ.

Переводъ.

Я не писалъ къ вамъ, любезный другъ, съ послѣдними двумя курьерами, потому что не было времени. Да, есть обстоятельства въ жизни, которыхъ самый дальновидный и осторожный человѣкъ никакъ предвидѣть не можетъ. Все, что̀ произошло у насъ, замѣчательно только впечатлѣніемъ, которое оно произвело на умы: фальшивые слухи, сплетни слѣдуютъ одни за другими; самыя смѣшныя извѣстія переходятъ изъ гостинныхъ въ переднія и, конечно, распространяются по городу. Этотъ порядокъ вещей не долженъ продолжаться, и только одно возвращеніе государя можетъ успокоить всеобщее волненіе. Войска спокойны, служба идетъ по прежнему, и негодованіе солдатъ не единодушно; они жалѣютъ своихъ товарищей и надѣются на царское милосердіе, и потому весьма важно ничего не рѣшать до возвращенія е. и. в-ва, что̀ тѣмъ болѣе легко, что слѣдствіе не окончено: покажется всѣмъ весьма натуральнымъ, что государь пожелаетъ все дѣло узнать основательно, прежде чѣмъ рѣшить его.

Вы знаете, вѣроятно, что большинство въ городѣ желаетъ пощады для Семеновскаго полка. Что же касается до меня, я думаю и твердо убѣжденъ, что настроеніе полка такъ дурно, что его оставлять въ городѣ не слѣдуетъ. Раскасировать его было бы, можетъ быть, мѣрою, которая надѣлала бы слишкомъ много шуму и придала бы этому дѣлу видъ слишкомъ большой важности; но одинъ или два похода въ Грузію были бы хорошимъ средствомъ согласить поддержку дисциплины съ милосердіемъ. Впрочемъ, возвращеніе государя, котораго всѣ ожидаютъ съ нетерпѣніемъ, дастъ возможность сообразить мѣры, которыя слѣдуетъ предпринять и разсмотрѣть все, что̀ произошло.

VIII.

La tranquillité continue à régner chez nous; les froids nous empêchent d'exercer, mais le service va son train. J'avais appris, il y a quelques jours, qu'il était question parmi les officiers de la garde de présenter une adresse à l'Empereur pour le supplier de pardonner les officiers de Sémenofsky. J'ai porté mon attention làdessus et j'ai découvert, que l'idée en est venue au lieutenant prince Metchersky, du régiment des grenadiers, qu'il s'est adressé à cet effet au colonel Shérémétief du régiment des chevaliers-gardes, que celui-ci lui a répondu de manière à lui faire perdre l'espoir de voir ses projets adoptés dans ce régiment. Il n'avoue pas s'être adressé à d'autres; mais je sais pour sûr, qu'il en a été question dans les gardes-à-cheval et dans le régiment de Préobragensky, que tous les deux ont refusé d'y prendre part et que le projet est tombé de lui-même. Le prince Metchersky a servi avant dans le régiment Sémenofsky; c'est un mauvais sujet, dont la tête est très exaltée; je crois qu'une promenade en Georgie lui ferait du bien. Le lieutenant-colonel Shelicof n'est pas l'auteur des vers que vous m'avez envoyés; je crois que la police s'est trompée en le désignant; le comte Kotchoubey tâchera de déméler la vérité.

J'ai pris aussi des renseignements sur Сологубовъ, officier du régiment d'Orenbourg, huland. C'est un pauvre diable, qui, embarassé de son existence ici, va de tems en tems, à Cronstadt voir un de ses bienfai-

teurs Imberg *) homme agé, qui a un fils retiré du service avec lequel Sologoubow est lié. Il n'a aucune autre liaison à Cronstadt et ne fréquente personne. Il y est encore par cause de maladie; le commendant m'a envoyé un certificat, qui constate son mal.

Le sous-lieutenant Manitcharof est un officier très paresseux et mauvais, d'après ce que dit Fridrichs. Il a eu une petite histoire avec lui pour un quartier, que le colonel lui ordonnait de céder à un chef de compagnie; comme l'expliquation a été un peu vive de part et d'autre, Manitcharof a demandé son congé. C'est pourquoi j'ai cru ne pas devoir l'engager à rester et attendrai les ordres de S. M. I. là-dessus.

Je reçois à l'instant votre lettre du 24 Novembre. Je suis loin de vouloir tolérer les caquets des officiers, mais aussi il faut avoir des notions très certaines sur ce qui se dit, pour pouvoir agir, et c'est justement ces moyens qui nous manquent: on dit beaucoup de choses, mais allez à la source, et personne ne voudra l'avouer, l'avoir entendu; la plupart des notions se trouveront fausses, et les démarches, que l'on fait dans pareils cas, vous compromettent aux yeux de la troupe, sans produire aucun résultat.

C'est pour cela que l'établissement d'une police secrète, bien organisée, près du corps de la garde, est une chose indispensable à mon avis. Je n'ai pas besoin de vous dire, combien une pareille mesure me répugne; mais les circonstances sont telles, qu'il faut faire taire les scrupules et doubler les moyens de surveillance. Je n'ai pas pû achever encore mon projet là-dessus, mais je vous l'enverrai absolument par le premier courrier.

Je ne vous ai rien dit sur l'arrestation du bas-officier du régiment des chasseurs de la garde par la police, parce que je savais que la note avait été envoyé par le comte Miloradovitz à S. M. l'Empereur, et j'attendais l'issue de l'enquête que faisait faire la police pour savoir, à quoi m'en tenir. Il se trouve qu'il à été ivre et ne se rappele pas de ses discours. Si, effectivement il a tenu les propos, contenus dans la note, ce ne serait pas encore une preuve d'une instigation étrangère, mais plutôt l'effet de l'imprudence de nos officiers et celui de nos gazettes russes, qui se lisent dans les antichambres. N'allez pas croire que j'affirme la non-existence de l'instigation étrangère; au contraire, je la crois très probable, je donnerais la moitié de mon existence pour en tenir le fil, mais jusqu'à présent rien ne peut établir une donnée certaine là-dessus. Quant à mon aide-de-camp, envoyé à Shlüsselbourg, il n'y a été que, comme député; c'est la police qui a fait l'enquête, c'est elle qui s'est saisi des individus, c'est du c. Miloradovitch que j'ai reçu la nouvelle du résultat de l'affaire et c'est d'après un papier officiel de lui que je vous ai fait le rapport que vous devez avoir reçu. Je n'ai pas cru devoir me mêler autrement de l'enquête, qu'en y envoyant un député, ne voulant pas avoir l'air d'entraver le moins du monde les recherches de la police.

Je vous envoie un papier sur l'abolition de la place de Gretch; je crois que nous pouvons très bien nous passer de cet individu, qui n'a

*) Отецъ А. О. Имберха, коего Записки помѣщены въ Р. Архивѣ 1868 года. *П. Б.*

point fait de mal jusqu'à présent, mais pourrait, peut-être, en faire. Les écoles pourraient continuer sous la surveillance immédiate des chefs de régiments et sous l'inspection du ministre de l'instruction publique.

Переводъ.

У насъ спокойно. Морозы мѣшаютъ ученью, но служба идетъ своимъ порядкомъ. Я услыхалъ, нѣсколько дней тому назадъ, что у гвардейскихъ офицеровъ рѣчь идетъ объ адресѣ, который они собираются поднести государю, чтобъ его просить о помилованіи Семеновскихъ офицеровъ. Я обратилъ на это вниманіе и узналъ, что первый, кому объ этомъ пришла мысль, былъ нѣкто князь Мещерскій изъ гренадерскаго полка, что онъ объ этомъ говорилъ полковнику Шереметеву (кавалергарду), что тотъ ему на это отвѣчалъ въ такомъ смыслѣ, что онъ долженъ потерять всякую надежду на поддержку своихъ плановъ въ этомъ полку. Мещерскій не сознается, что онъ говорилъ объ этомъ еще съ другими; но я знаю навѣрное, что въ конной гвардіи тоже объ этомъ говорили и также, какъ и въ Преображенскомъ, отказались принять участіе въ его планѣ, и поэтому онъ провалился. Князь Мещерскій, служившій прежде въ Семеновскомъ полку, повѣса, съ экзальтированной головой; я думаю, что ему не вредно бы было прогуляться въ Грузію. Стихи, которые вы мнѣ прислали, не подполковника Шелихова; кажется, полиція ошиблась, указывая на него. Графъ Кочубей постарается добраться до истины. Я тоже навелъ справки о Сологубовѣ, уланѣ Оренбургскаго полка. Это весьма бѣдный человѣкъ; онъ, будучи въ весьма стѣсненныхъ обстоятельствахъ, ѣздитъ иногда въ Кронштадтъ къ своему благодѣтелю, старику Имбергу, который имѣетъ сына въ отставкѣ, съ которымъ Сологубовъ друженъ. Сологубовъ больше ни съ кѣмъ не имѣетъ никакихъ сношеній въ Кронштатѣ и ни у кого не бываетъ. Онъ и нынѣ, по болѣзни, находится тамъ; комендантъ мнѣ прислалъ о томъ свидѣтельство.

Подпоручикъ Маничаровъ—лѣнивый и дурной офицеръ. Фридрихсъ говоритъ, что онъ съ нимъ имѣлъ исторію за квартиру, которую полковникъ приказывалъ ему уступить баталіонному командиру. Они оба погорячились, и Маничаровъ подалъ въ отставку. Я не счелъ нужнымъ его упрашивать остаться. Подожду приказаній е. и. величества на этотъ счетъ.

Сейчасъ получилъ ваше письмо отъ 24-го Ноября. Я далекъ отъ того, чтобы попускать офицерскимъ толкамъ, но прежде нужно собрать свѣдѣнія самыя вѣрныя о томъ, что̀ говорится, дабы рѣшиться дѣйствовать; а средствъ къ этому у насъ нѣтъ: мало ли что говорятъ, но какъ подойдете къ источнику, такъ никто не захочетъ сознаться, что слышалъ; бо́льшая часть свѣдѣній оказывается фальшивыми, и розыски, дѣлаемые въ подобныхъ случаяхъ, компрометтируютъ насъ въ глазахъ войска, не приводя ни къ какому результату.

Вотъ по чему хорошо организованная секретная полиція при гвардейскомъ корпусѣ, по моему мнѣнію, вещь необходимая. Не могу вамъ описать, до какой степени мнѣ противна такая мѣра; но обстоятельства таковы, что нужно заставить молчать совѣсть и удвоить средства надзора. Я еще не успѣлъ окончить проэктъ о полиціи, но я его вамъ пришлю непремѣнно, съ первымъ курьеромъ.

Я вамъ еще ничего не писалъ о задержаніи полиціей фельдфебеля гвардейскаго егерскаго полка, потому что я зналъ, что графъ Милорадовичъ объ этомъ донесъ е. и. в-ву и ожидалъ окончанія полицейскаго слѣдствія; оказывается, что онъ былъ пьянъ и не помнилъ, что̀ говорилъ. Ежели

бы и дѣйствительно онъ говорилъ все то, что̀ въ бумагѣ приведено, все таки это не доказываетъ, что тутъ есть чужія наущенія; но скорѣе дѣйствіе неосторожности нашихъ офицеровъ и Русскихъ газетъ, которыя читаются въ переднихъ. Не думайте, чтобъ я утверждалъ, что тутъ нѣтъ внѣшняго подстрекательства; напротивъ, я думаю, что это болѣе чѣмъ вѣроятно, я отдалъ бы половину своей жизни, чтобъ добиться истины; но до сихъ поръ нѣтъ никакихъ положительныхъ данныхъ. Мой адъютантъ посланъ былъ въ Шлюссельбургъ депутатомъ, полиція же производила слѣдствіе и арестовала этихъ личностей, а я получилъ отъ графа Милорадовича извѣстіе о производствѣ дѣла, и уже, по его офиціяльной бумагѣ, я вамъ составилъ о томъ рапортъ, который, вѣроятно, вы уже получили. Я не хотѣлъ вмѣшиваться въ слѣдствіе, не желая показать вида, что я мѣшаю розыскамъ полиціи, а только послалъ туда депутата. Посылаю вамъ бумагу объ уничтоженіи мѣста Греча. Я думаю, что мы очень хорошо обойдемся безъ него. Онъ еще до сихъ поръ никакого зла не сдѣлалъ, но могъ бы повредить. Школы могутъ существовать подъ присмотромъ полковыхъ командировъ непосредственно и подъ надзоромъ министра народнаго просвѣщенія.

IX. St. Petersb, ce 11 Novembre 1820.

Tout est tranquille chez nous, mon cher ami; le soldat est plus circonspect dans ses discours en ville, et le service se fait avec toute l'exactitude possible; mais il n'en est pas de même de quelques officiers, qui jâsent beaucoup. Les faire taire en les punissant sévèrement est une mesure, qui probablement ne réussirait pas dans les circonstances actuelles; au contraire, elle ferait crier contre l'arbitraire et produirait, peut-être, un mauvais effet. Je crois que la seule conduite à suivre serait de noter les noms de ceux, qui parlent contre le gouvernement, de bien s'assurer de la véracité des dénonciations de la police et les faire juger par un conseil de guerre et punir publiquement. Cette marche franche ne donnerait aucune prise aux malveillants et en imposerait aux aboyeurs. Je ne puis ni ne dois vous le cacher: le comte Miloradowitch est un homme entièrement dévoué à la bonne cause, mais son indiscrétion est désolante; toutes les mesures, que la police prend sont connues de toute la ville, et l'on en parle dans les rues. C'est le vrai moyen de mettre les malveillants en garde et de ne rien découvrir. Je lui en ai parlé plus d'une fois et j'espère qu'il sera plus circonspect.

Les soldats du régiment de Sémenofsky continuent à se bien conduire et sont très tranquilles partout. Tout le public attend avec impatience le courrier, qui, à ce qu'on croit, doit apporter la décision de l'Empereur sur l'affaire du régiment Sémenofsky.

Переводъ. С.-Петербургъ, 11 Ноября 1820 г.

Все спокойно у насъ, любезный другъ; солдаты болѣе сдержанны въ своихъ рѣчахъ, когда находятся въ городѣ, и служба идетъ со всевозможной исправностью. Нельзя того же самого сказать про нѣкоторыхъ офицеровъ: они болтаютъ ужасно; заставить же ихъ молчать строгимъ наказаніемъ—эта мѣра, вѣроятно, не удалась бы въ теперешнихъ обстоятельствахъ; напротивъ, станутъ кричать о произволѣ и произведутъ, можетъ быть, этимъ дурное дѣйствіе. Я думаю, что слѣдуетъ отмѣчать

имена тѣхъ, которые кричатъ противъ правительства, убѣдиться въ правдивости полицейскихъ доносовъ и тогда судить ихъ военнымъ судомъ и наказать публично. Этотъ откровенный ходъ дѣла не дастъ пищи злонамѣренннымъ и усмиритъ крикуновъ. Я не могу и не долженъ скрывать отъ васъ, что гр. Милорадовичъ человѣкъ совершенно преданный и благонамѣренный; но его несдержанность въ рѣчахъ приводитъ въ отчаяніе. Всѣ мѣры, которыя принимаетъ полиція, извѣстны всему городу, и о нихъ толкуютъ на улицахъ; это самое вѣрное средство предостеречь злонамѣренныхъ людей и ничего не открыть. Я уже ему говорилъ о томъ нѣсколько разъ и надѣюсь, что онъ сдѣлается осторожнѣе.

Семеновскіе солдаты продолжаютъ вести себя хорошо и вездѣ очень спокойны. Все общество съ нетерпѣніемъ ожидаетъ курьера, который, думаютъ, привезетъ рѣшеніе государя касательно дѣла Семеновскаго полка.

X.

L'ordre du jour, que nous avons reçu, mon cher ami, a fait un bon effet ici; je l'ai lû dans tous les régiments moi-même, et je puis certifier que la grande majorité des troupes a trouvé la punition juste et clémente. Le 1-er bataillon du régiment de Préobrajensky a montré le meilleur esprit possible; les deux autres après mon départ se sont permis quelques réflexions partiales, mais ne regardant que ma personne à moi; ils espèrent que l'Empereur pardonnera et que 3000 hommes ne seront pas punis pour un tyran. J'ai tout lieu de croire que le calme ne sera point troublé; je crois même pouvoir affirmer que tous les renseignements inquiétants de la police ont leur source dans la cupidité des agents que l'on emploie, lesquels, pour se faire valoir et tirer de l'argent, inventent à plaisir. Si malheureusement une société pareille à celle, que la police a dénoncée, existait, il n'y a aucun doute, que dans les circonstances actuelles nous en verrions les effets. Le régiment des chevaliers-gardes est tranquille, mais les officiers jâsent beaucoup, et le régiment n'est pas content de son chef. Je crois pour le moment devoir laisser les esprits se calmer, et alors une revue d'inspection éclaircira, si le mécontentement est réel. Comme ces jours-ci j'ai été continuellement en courses, pour lire l'ordre du jour à tous les régiments, il m'est impossible de vous répondre à toutes les remarques, que vous m'avez envoyé; je le ferai par le premier courrier.

Je me contenterai de répondre à votre étonnement sur ce que je n'ai pas été moi-même à la compagnie. Je commencerai d'abord par vous dire que si vous m'avez vu alors, vous n'en seriez pas étonné, car j'étais malade depuis huit jours. Mais quand même j'y aurais été, pouvai-je entrer en pourparlers avec une compagnie, qui s'était permis de faire un coup d'éclat, de se rassembler la nuit et d'exiger, que son capitaine vienne lui parler à 10½ du soir? Si la loi porte peine de mort pour un semblable délit, que devais-je faire? Constater le fait et punir. Si j'avais fait autrement, l'on m'aurait reproché avec raison une faiblesse criminelle, qui pouvait donner un exemple pernitieux au reste de la troupe, car au fond quel était le crime de Schwartz? Celui, uniquement, de n'avoir pas eu assez de tête pour commander un régiment dont la discipline était relâchée; car pour tyran, il ne l'était

pas, on le verra; il était aussi intègre, que possible; il désirait répondre à la confiance de l'Empereur; il sentait très bien qu'il fallait rétablir la discipline, mais manquait de tête pour réussir dans un régiment, que sa nomination seule avait mis contre lui. Devais-je le soutenir ou permettre aux officiers des autres régiments d'en faire autant pour se débarrasser de leurs chefs? Car, cher ami, il ne faut pas aller chercher dans les instigations étrangères le principe de ce qui est arrivé; les officiers y sont pour beaucoup, et je suis pleinement persuadé, que si Kasnakoff s'était trouvé présent, rien de tout cela n'aurait eu lieu. D'ailleurs le 26 Août, j'ai fait une revue d'inspection, j'ai demandé à toutes les compagnies si elles étaient contentes; voyant que dans le 1-er bataillon les hommes me répondaient mollement, j'ai insisté pour qu'ils me disent la vérité; je leur ai déclaré que j'étais là uniquement pour recevoir leurs plaintes, qu'il était de leur devoir de me dire la vérité. Personne n'a parlé. Après tout cela, devais-je m'expliquer avec eux ou bien punir? J'en appele à tous ceux qui ont l'habitude de la discipline. Les autres bataillons' m'ont répondu rondement à toutes mes questions et ne se sont plaint que de 17 pantalons d'été, qui ne leur ont pas été délivrés; or, s'ils ont porté cette plainte, pourquoi ne se sont pas plaint aussi de leur colonel? Ils savaient très bien qu'ils en avaient le droit. Je suis loin de croire, que les officiers les aient instigué à aller aussi loin; mais qu'ils y ont donné lieu par leur imprudences et leurs caquets à tout ce qui est arrivé, j'en suis convaincu.

Переводъ.

Приказъ произвелъ здѣсь очень хорошее впечатлѣніе; я его самъ прочиталъ во всѣхъ полкахъ и могу удостовѣрить, что большинство войска нашло наказаніе справедливымъ и милосерднымъ. Первый баталіонъ Преображенскаго полка показалъ самое лучшее настроеніе духа, а два другіе, послѣ моего отъѣзда, позволили себѣ нѣсколько разсужденій частныхъ, касающихся только моей личности. Они надѣятся, что государь помилуетъ и что 3000 человѣкъ не будутъ наказаны изъ-за одного тирана. Я надѣюсь, что спокойствіе не будетъ нарушено и, кажется, могу даже положительно сказать, что всѣ тревожныя свѣдѣнія полиціи имѣютъ свой источникъ въ алчности ея агентовъ, желающихъ придать себѣ болѣе важности для выманиванья денегъ, выдумывая, что̀ имъ угодно. Ежели, по несчастію, дѣйствительно бы существовало общество такое, о которомъ полиція донесла, нѣтъ сомнѣнія, что въ теперешнихъ обстоятельствахъ мы бы увидѣли его дѣйствія. Кавалергардскій полкъ спокоенъ, но офицеры болтаютъ много, и полкъ недоволенъ своимъ командиромъ. Я предполагаю лучше въ эту минуту оставить умы успокоиться, и тогда инспекторскій смотръ разъяснитъ, есть ли дѣйствительное неудовольствіе. Такъ какъ я всѣ эти дни былъ въ разъѣздахъ, чтобъ читать во всѣхъ полкахъ приказъ, то мнѣ невозможно отвѣчать вамъ на всѣ замѣчанія, которыя вы мнѣ прислали; я это исполню съ первымъ курьеромъ. Покамѣстъ дамъ отвѣтъ вамъ на ваше удивленіе, что я не былъ самъ въ ротѣ. Начну съ того, что скажу вамъ, что ежели бы вы меня видѣли, вы бы не удивились, потому что я былъ боленъ съ недѣлю; но ежели бы я тамъ даже и былъ, могъ ли бы я входить въ разговоры съ ротой, которая себѣ позволила сдѣлать такое преступленіе: собраться ночью, требовать, чтобъ

капитанъ вышелъ съ ней говорить въ $10^1/_2$ часовъ ночи? Ежели законъ наказываетъ такое преступленіе смертью, что жъ мнѣ тутъ было дѣлать? Убѣдиться и наказать. А ежели бы я поступилъ иначе, меня бы упрекнули, и не безъ основанія, въ преступной слабости, которая подала бы вредный примѣръ остальному войску; потому что въ сущности, какое же было преступленіе Шварца? Единственно только то, что у него не хватило твердости характера сладить съ полкомъ, въ которомъ дисциплина была распущена; но что онъ никогда не былъ тираномъ, это увидятъ. Онъ былъ крѣпкій человѣкъ и старался оправдать довѣріе государя; онъ чувствовалъ очень хорошо, что слѣдовало подтянуть полкъ, но не хватало ума для удачи въ такомъ полку, гдѣ уже одно его назначеніе возстановило всѣхъ противъ него. Слѣдовало ли мнѣ его поддерживать, или позволить офицерамъ другихъ полковъ сдѣлать тоже самое, дабы избавиться отъ своихъ начальниковъ? Потому что, любезный другъ, начáла этому не нужно искать далеко, во внѣшнихъ подстрекательствахъ: офицеры очень много этому содѣйствовали, и я убѣжденъ, что будь тутъ на лицо Казнаковъ, ничего бы этого не случилось. Впрочемъ, 26 Августа я дѣлалъ инспекторскій смотръ, спрашивалъ у всѣхъ ротъ, довольны ли они и, видя, что первый баталіонъ отвѣчаетъ вяло, я настаивалъ, чтобы онѣ мнѣ говорили правду, объявивъ имъ, что я тутъ собственно для того, чтобы принимать ихъ жалобы и что ихъ обязанность высказать мнѣ всю правду. Никто ничего не сказалъ. Послѣ всего этого слѣдовало ли мнѣ еще съ ними объясняться, или уже наказать? Я ссылаюсь на всѣхъ тѣхъ, которые понимаютъ дисциплину. Другіе баталіоны всѣ отвѣчали мнѣ на мои вопросы и жаловались только, что имъ не выдано 17 лѣтнихъ штановъ; значитъ, ежели они успѣли высказать эту претензію, отчего же они не пожаловались на своего полковника? Они очень хорошо знали, что имѣли на то право. Я не думаю, чтобы офицеры ихъ настроили зайти такъ далеко; но что они дали поводъ ко всему тому, чтó случилось, своими неосторожностями и болтовней,—въ этомъ я убѣжденъ.

Примѣчаніе.

Это и слѣдующее письма снимаютъ обвиненіе съ генерала Васильчикова въ распространенной на него клеветѣ, будто онъ запретилъ на инспекторскомъ смотру жаловаться солдатамъ л. г. Семеновскаго полка, о чемъ заявляетъ и авторъ статьи: „Возмущеніе Семеновскаго полка", помѣщенной въ Русской Старинѣ (кн. XI, 1871 года, на стр. 535). Къ несчастію, не одинъ авторъ этой статьи былъ такого убѣжденія. Матвѣй Ивановичъ Муравьевъ-Апостолъ, къ которому мы обращались для разъясненія этого обстоятельства, заявилъ намъ тоже самое убѣжденіе, основанное на письмахъ, писанныхъ къ нему во время возмущенія покойнымъ братомъ его, Сергѣемъ Ивановичемъ, командиромъ 3-й роты. Чтобы уничтожить невѣрные слухи, распущенные тогда насчетъ всей этой исторіи, гр. Бенкендорфъ въ письмѣ къ кн. Волконскому подробно и послѣдовательно разсказываетъ весь ходъ происшествія (См. выше, стр. 131). В. Д.

XI.

Je n'ai que de bonnes nouvelles à vous donner, mon cher ami: la tranquillité parait se rétablir entiérement, les caquets diminuent, et les troupes font leur devoir aussi bien que possible.

Tout ceci est dû à l'effet qu'a produit l'ordre du jour. Je me suis abstenu jusqu'à présent de vous parler des raisons, qui m'ont fait désirer que la décision de Sa M. fut remise au moment de son retour.

Les mesures sérieuses que j'ai cru devoir prendre dans une circonstance aussi grave, m'attireront le blâme de tous ceux qui n'ont ni la connaissance du soldat, ni l'idée de la discipline, pour chercher à me faire du tort. Je n'avais pour moi, les premiers jours, que les vieillards et quelques hommes bien pensants. Des militaires, qui, par leurs rangs et les places qu'ils occupent, étaient à même d'influencer l'opinion, oublièrent que dans un moment, comme celui-là, il était de leur devoir de soutenir (du moins en public) l'autorité établie par le gouvernement; au contraire, ils se laissèrent aller à leurs calculs et se déclarèrent hautement en faveur du régiment. Cette conduite influença l'opinion des cazernes; les femmes crièrent à la tyrannie, et il y eut des militaires assez femmes pour être leur écho. Cette conduite, peu réfléchie, rendit ma position des plus difficiles; je ne répondis à toutes ces menées que par le silence du mépris et, fort de ma conscience, je ne fis aucune attention aux basses intrigues que l'on tramait contre moi. Cependant les commérages et les calomnies augmentaient; on allait même jusqu'à répandre le bruit qu'au moment de l'inspection, qui eut lieu au mois d'Août, j'avais défendu aux soldats du régiment Sémenofsky de se plaindre.

Il m'était donc permis de craindre que l'on ne me supposât capable d'en avoir imposé à l'Empereur par mes rapports et de lui avoir surpris une décision trop sevère. Voilà ce qui m'engagea de suppléer Sa M. I. de remettre l'affaire à son retour. L'effet de l'ordre du jour fut magique: une grande partie des aboyeurs se tûrent, et la tranquillité fut rétablie au bout de quelques jours. On dit même maintenant, que si j'avais agi mollement dans cette circonstance, je me serais rendu coupable d'une faiblesse criminelle.

Après tout ceci vous conviendrez qu'il faut être dénué de bon sens pour tenir à l'opinion publique chez nous.

Переводъ.

Могу вамъ сообщить только одни хорошія извѣстія, любезный другъ: спокойствіе возстановляется совершенно, сплетни утихаютъ, войска исполняютъ свою обязанность какъ нельзя лучше, и все это вслѣдствіе приказа, который произвелъ огромное впечатлѣніе. Я воздерживался до сихъ поръ говорить о причинахъ, которыя заставляли меня такъ желать, чтобы рѣшеніе государя было отложено до его пріѣзда. Строгія мѣры, которыя я счелъ нужнымъ принять въ столь важныхъ обстоятельствахъ, заслужили неодобреніе всѣхъ тѣхъ, которые не знаютъ солдата и не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о дисциплинѣ. За меня были только старики и нѣсколько здравомыслящихъ людей. Военные же, которые и по чинамъ, и по мѣстахъ, занимаемымъ ими, могли бы повліять на мнѣніе, забыли въ такую минуту, что прямая обязанность ихъ была поддержать (въ публикѣ по крайней мѣрѣ) установленную правительствомъ власть,—напротивъ, они послушались своихъ личныхъ разсчетовъ и объявили себя защитниками полка. Это поведеніе имѣло пагубное вліяніе на казармы. Барыни заговорили о жестокостяхъ, и явились военные хуже барынь, вторящіе имъ. Это необдуманное поведеніе сдѣлало мое положеніе невыносимо труднымъ; презрительнымъ молчаніемъ отвѣчалъ я на всѣ эти пронырства и, покойный въ совѣсти, не обращалъ никакого вниманія на под-

лыя интриги, которыми былъ окруженъ; но сплетни и клеветы все увеличивались, и дошло до того, что разнесся слухъ, будто бы во время инспекторскихъ смотровъ, происходившихъ въ Августѣ, я запретилъ солдатамъ Семеновскаго полка жаловаться. Я могъ опасаться, чтобы не сочли меня способнымъ моими рапортами вовлечь государя въ заблужденіе и тѣмъ вызвать его на принятіе слишкомъ строгихъ мѣръ.

Эфектъ приказа былъ волшебный: большая часть лаятелей умолкли, и въ продолженіи нѣсколькихъ сутокъ всеобщее спокойствіе возстановлено. Теперь даже начинаютъ уже говорить, что ежелибы я поступилъ въ этомъ обстоятельствѣ мягко, то это бы была преступная слабость.

Послѣ всего этого сознайтесь, что нужно быть дуракомъ, чтобы дорожить общественнымъ мнѣніемъ у насъ.

XII.

3 Décembre.

Je suis fâché, que Sa M. l'Empereur ait refusé l'avancement des porte-enseignes, car comme les officiers (bien plus coupables qu'eux) n'ont rien perdu par leur renvoie à l'armée, je crois qu'il eût été juste de leur accorder le même avantage. Je ne puis non plus être de l'avis qu'en arrêtant la promotion dans un régiment ce soit un moyen de faire cesser les caquets; au contraire, dans les circonstances actuelles ce serait, peut-être, celui de les augmenter, car la punition tomberait sur l'innocent, comme sur le coupable et ne manquerait pas de produire un mauvais effet. D'ailleurs, tout le monde a jâsé et jâse encore, et je ne voudrais pas prendre sur ma conscience d'affirmer que dans les chevaliers-gardes il y ait plus de mauvaises têtes qu'autre part: la chose est trop délicate pour ne pas exiger la plus grande circonspection. Une fausse indication entraîne de fausses mesures, et l'arbître dans un moment, où les têtes travaillent, peut produire de funestes résultats.

Je demande, comme une chose essentielle, d'accorder la promotion dans le régiment des chevaliers-gardes. Quant à la note, que vous me demandez, je ne puis vous indiquer que trois individus, qui ont la réputation de jâser beaucoup: c'est le colonel Shérémétief, le capitaine Pestel du régiment des chevaliers-gardes et le colonel Korsakof, de celui de Moscou. Ce dernier surtout est une mauvaise tête. Comme il est difficile d'obtenir des preuves certaines là-dessus, il faudrait à mon avis trouver un prétexte pour les éloigner; car en les faisant passer tout simplement à l'armée, sans donner aucune raison, ils auraient l'air de nouvelles victimes du pouvoir et donneraient lieu à de nouveaux discours contre l'arbitraire et contre l'abus de l'espionnage. Car il faut que vous sachiez, que dès qu'on a eu ici la nouvelle de l'arrivée prochaine d'Ouvaroff, les bruits sur le pardon du régiment de Sémenofsky ont recommencé; on a prétendu que l'Empereur envoyait le général pour avoir les renseignements plus exactes et que la formation du régiment de S-sky était même suspendue. Ces bruits, soutenus par l'opinion même de quelques généraux, furent partagés par les soldats, et c'est pourquoi vous verrez dans les notes de la police qu'il est question parmi ces derniers de demander au retour de l'Empereur à la première parade le pardon du régiment. Tout ceci se calmera dès que le

nouveau régiment sera formé et qu'ils verront clairement qu'il n'y a plus à y revenir. Malgré cela, je ne perdrai pas de vue tous ces discours et tâcherai d'empêcher que cette opinion ne se propage. J'ai fait tout ce que j'ai pu pour avoir des notions exactes sur la note, que Kotchoubey a envoyé à l'Empereur; je desirerais savoir quelle est cette femme, qui a parlé, mais j'usqu'à présent nous n'avons rien pu découvrir. Quant à la commission, je lui ferai part de ce que vous me dites verbalement, car par écrit je ne puis m'en mêler. Je vous envoie, mon cher ami, le projet sur l'établissement d'une police militaire; vous trouverez la somme un peu forte, mais vous savez que, pour que les coquins vous servent bien, il faut les bien payer. Il est dur d'être obligé de recourir à une pareille mesure, mais il faut faire taire des scrupules dans les circonstances actuelles. La chose principale que me demande l'homme, qui se charge de mener cette partie, est le secret le plus impénétrable; il n'a consenti à s'en charger que pour moi. C'est un individu que je connais depuis cinq ans; il est d'une probité à toute épreuve, instruit, adroit, discrêt, dévoué à l'Empereur et n'étant d'aucune espéce du société, c'est enfin Gribofsky, bibliothécaire de l'état-major de la garde et chef de la chancellerie du comité des invalides. Depuis l'histoire du régiment Sémenofsky je l'ai chargé provisoirement de la direction de cette partie, et je ne puis que me louer de son activité et de la bonne volonté qu'il y met. Si S. M. confirme le plan que je propose, je vous prierai de n'en rien dire à qui que ce soit et que même l'argent me soit délivré de manière à ne pouvoir donner aucun soupçon sur l'existence de cette police.

Переводъ. 3 Декабря (1820)

Сожалѣю, что государь отказалъ въ производствѣ юнкеровъ, потому что, такъ какъ офицеры, которые гораздо виновнѣе ихъ, ничего не проиграли переводомъ въ армію, мнѣ кажется, справедливо было бы имъ дозволить тоже преимущество. Не могу тоже согласиться съ мнѣніемъ, что, останавливая производство въ одномъ полку, можно этимъ заставить прекратить толки. Напротивъ, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ это ихъ увеличитъ, потому что наказаніе падаетъ и на виновныхъ, и на невинныхъ и непремѣнно произведетъ дурное впечатлѣніе. Всѣ болтали и болтаютъ еще и теперь, и я не хотѣлъ бы принять на свою совѣсть увѣрять, что въ кавалергардскому полку находится больше горячихъ головъ, чѣмъ въ другихъ полкахъ. Это предметъ слишкомъ деликатный и требуетъ величайшей осторожности. Фальшивое показаніе приводитъ къ фальшивымъ мѣрамъ и произволъ, въ минуту броженія умовъ, можетъ произвести грустные результаты. Я прошу, какъ мѣры необходимой, производства въ кавалергардскомъ полку. Чтò касается до замѣтки, которой вы у меня просите, я могу вамъ назвать только три личности, которыя имѣютъ репутацію большихъ болтуновъ, а именно: полковникъ Шереметевъ, капитанъ Пестель (кавалергардъ) и полковникъ Корсаковъ— изъ Московскаго полка. Этотъ послѣдній, въ особенности, безпокойный человѣкъ. Такъ какъ весьма трудно получить положительныя доказательства, то, по моему, всего бы лучше найти предлогъ, чтобъ ихъ удалить; если же ихъ просто перевести въ армію безъ причины, то они представятся лишь жертвами власти и дадутъ новый поводъ къ толкамъ о произволѣ и злоупотребленіяхъ шпіонства. Вы должны знать, что какъ только что

здѣсь получено было извѣстіе о скоромъ пріѣздѣ Уварова, толки о помилованіи Семеновскаго полка возобновились; даже увѣряли, что государь прислалъ этого генерала, чтобъ собрать самыя точныя свѣдѣнія и что даже формировка Семеновскаго полка отложена. Эти слухи, поддерживаемые нѣкоторыми генералами, были приняты солдатами, и вотъ почему вы увидите въ полицейскихъ отмѣткахъ, что идутъ рѣчи между этими послѣдними о просьбѣ помиловать полкъ по пріѣздѣ государя, на первомъ же разводѣ. Все успокоится, какъ только новый полкъ будетъ сформированъ: они увидятъ ясно, что дѣло кончено; но я все таки не оставлю безъ вниманія всѣ эти толки и постараюсь воспрепятствовать распространенію подобныхъ мнѣній. Я сдѣлалъ все возможное, чтобъ получить точныя свѣдѣнія о замѣткѣ, посланной Кочубеемъ государю. Очень бы хотѣлось мнѣ провѣдать, кто эта женщина, которая говорила. До сихъ поръ ничего не могу открыть. Касательно же военно-ссудной комиссіи я передамъ все, что́ вы мнѣ говорили, передамъ словесно: писать не могу, ибо не могу тутъ вмѣшиваться. Посылаю вамъ, любезный другъ, проэктъ устройства военной полиціи; вы можетъ быть найдете, что сумма очень велика; но вы знаете, чтобъ негодяи служили вамъ хорошо, нужно имъ платить дорого. Грустно прибѣгать къ такой мѣрѣ, но нужно усыплять совѣсть въ подобныхъ случаяхъ. Тотъ человѣкъ, который берется вести это дѣло, ставитъ главнымъ условіемъ самый непроницаемый секретъ; онъ согласился взяться за это дѣло только для меня. Я этого человѣка знаю пять лѣтъ; онъ идеальной честности, ученъ, ловокъ, скроменъ, преданъ государю и не находится въ связи ни съ какимъ обществомъ; это, наконецъ, Грибовскій, библіотекарь главнаго штаба гвардіи и начальникъ канцеляріи комитета раненыхъ. Послѣ исторіи Семеновскаго полка я ему поручилъ эту часть и не могу нахвалиться его дѣятельностью и доброй волей. Если его и. в-во утвердитъ проэктъ, который я предлагаю, я васъ попрошу никому рѣшительно объ этомъ не говорить, и даже, чтобы деньги мнѣ были выданы такимъ образомъ, чтобы никакое подозрѣніе не могло возникнуть касательно существованія этой полиціи.

XIII.

Les discours des cazernes commencent à diminuer, mon cher ami, et je ne doute nullement qu'ils ne cessent entiérement dès que la formation du nouveau régiment sera commencé. La comission militaire aura bientôt achevé sa besogne, et je crois nécessaire de s'entendre d'avance sur les punitions qu'il y aura à faire: car il est à désirer de pouvoir le plutôt possible retirer de la forteresse les individus, reconnus pour être les moins coupables, et n'y garder que ceux, qui seront condamnés à des punitions corporelles. Cette mesure est d'autant plus nécessaire que la vue de la forteresse offre matière aux discours du peuple, aussi bien que du soldat et qu'il est à désirer qu'il n'en soit plus question. Le moment des revues d'inspection va bientôt venir; je crois qu'il serait prudent de les remettre à un moment plus calme, car il est à craindre que les soldats ne portent des plaintes peu réfléchies, et dans les circonstances actuelles elles pourraient être très embarrassantes et produire un mauvais effet. Je crois, qu'en les remettant au mois de Février ou Mars, nous gagnerions du temps, l'affaire du régiment de Sémenofsky serait entiérement terminé et

les têtes plus tranquilles. C'est tout simplement une mesure de prudence que je comptais prendre et que je crois nécessaire pour ne pas me mettre gratuitement de nouveau dans une position difficile. Vous me direz votre opinion là-dessus.

J'ai pris en considération, même avant la reception de la note, que vous m'avez envoyée, le contenu du discours du bas-officier Gontcharoff du régiment de Préobrajensky. L'affaire des pantalons est entièrement terminée, et ce n'était qu'un mésentendu. Quant aux chevaux д'артель et leurs charriots, la prétention est de la plus stricte justice; depuis que je commande le corps, la correspondance à ce sujet n'a pas discontinué, et il se trouve maintenant que l'année 12 l'argent a été assigné et délivré au chef d'étât-major de l'armée, mais n'est point parvenu au corps de la garde. Vous verrez par les papiers, que je vous envoie et que je viens de recevoir, que le ministre de la guerre m'ordonne de ne plus parler de cette prétention; j'ai cru, au contraire, devoir insister sur la nécessité absolue de la satisfaire, car il serait de la plus grande injustice de priver le soldat d'une propriété réelle.

Le 3-ème article est entiérement faux, d'après des renseignements très exactes, que j'ai pris: aucun achat d'effet ne se fait dans le régiment à la charge des soldats. Les fracs, dont parle Moltchanof dans sa lettre, n'ont jamais été permis, ni toléré par personne; mais il est possible que ces messieurs se les soient accordés de leur propre autorité. Demain ils quitteront tous la ville *).....

Mes généraux-crieurs commencent à baisser de ton; ils sentent l'inconvenance de leur conduite primitive; l'impossibilité de disculper la compagnie de l'Empereur leur parait prouvée, et les discours des salons l'en ressentent. Reste à désirer, que leur conduite ultérieure fasse disparaître le mauvais effet de leurs discours imprudents,—c'est pourquoi je vous prie de prendre en considération ce que je vous ai dit dans ma dernière lettre au sujet de Shérémétief, Pestel et Korsakof. Une punition sans preuves évidentes donnerait prise aux malveillants et compromettrait l'autorité.

Переводъ.

Тòлки въ казармахъ начинаютъ уменьшаться, любезный другъ, и я не сомнѣваюсь нисколько, что, какъ только начнется формированіе новаго полка, они совсѣмъ прекратятся. Слѣдственная коммисія скоро окончитъ свои занятія, и мнѣ кажется, намъ надо впередъ сговориться на счетъ наказаній; потому что желательно, чтобы какъ можно скорѣе выпустили изъ крѣпости тѣхъ людей, которые будутъ признаны судомъ менѣе виновными, и оставили бы тамъ только тѣхъ, которые приговорены будутъ къ тѣлеснымъ наказаніямъ. Эта мѣра тѣмъ болѣе нужна, что видъ крѣпости даетъ поводъ толкамъ въ народѣ, а также и между солдатами, а хорошо бы перестать уже толковать обо всемъ этомъ. Наступаетъ время инспекторскихъ смотровъ. Я думаю, осторожнѣе бы было отложить ихъ до болѣе спокойной минуты, потому что можно опасаться встрѣтить жалобы солдатъ по пустякамъ, а жалобы эти при теперешнихъ обстоя-

*) Выпускаемъ повтореніе князя Васильчикова настоять насчетъ производства въ кавалергардскомъ полку.

тельствахъ могутъ очень затруднить и произвести дурное дѣйствіе. Я думаю, что, отложивъ ихъ до Февраля или Марта, мы выиграемъ время: дѣло Семеновскаго полка придетъ къ концу, и головы успокоятся. Это просто мѣра осторожности, которую я думалъ бы принять: я ее нахожу нужною, чтобы не поставить себя вновь въ затруднительное положеніе. Скажите мнѣ ваше мнѣніе на этотъ счетъ.

До полученія еще вашихъ замѣтокъ я принялъ къ соображенію содержаніе словъ фельдфебеля Гончарова, Преображенскаго полка. Исторія панталонъ совершенно кончена, и это было не болѣе какъ недоразумѣніе. Что́ же касается до артельныхъ лошадей и ихъ обозовъ, жалоба совершенно справедлива: съ тѣхъ поръ какъ я командую корпусомъ, переписка объ этомъ предметѣ не прекращалась, и теперь оказывается, что въ 12-омъ году опредѣленныя и отпущенныя деньги начальнику штаба арміи не дошли въ гвардейскій корпусъ. Вы увидите по бумагамъ, которыя я вамъ посылаю и которыя я только что получилъ, что военный министръ приказываетъ мнѣ болѣе не говорить объ этой претензіи; а я считаю, напротивъ, необходимымъ настаивать на непремѣнной надобности удовлетворить ей, потому что было бы слишкомъ несправедливо лишать солдата его собственности.

3-я же статья совершенно фальшивая. По очень тщательнымъ справкамъ, наведеннымъ мною, никакихъ вещей не покупаютъ въ полку на солдатскія деньги. Фраки, о которыхъ Молчановъ говоритъ въ своемъ письмѣ, никогда не были ни позволены, ни даже допущены никѣмъ; но очень возможно, что эти господа сами себѣ ихъ разрѣшили, собственной властью. Завтра они оставятъ городъ....

Мои крикуны-генералы начинаютъ спускать тонъ, видятъ неприличіе своего прежняго поведенія и невозможность оправдать роту государя; толки въ гостинныхъ успокоиваются вслѣдствіе сего. Остается только пожелать, чтобъ ихъ поведеніе въ послѣдствіи заставило исчезнуть впечатлѣніе, которое произвели ихъ неосторожныя рѣчи, — вотъ потому-то я и прошу васъ принять въ соображеніе, что̀ я вамъ говорилъ въ послѣднемъ моемъ письмѣ, касательно Шереметева, Пестеля и Корсакова. Наказаніе безъ очевидныхъ доказательствъ дастъ волю неблагонамѣреннымъ и скомпрометируетъ власть.

XIV.

J'ai reçu votre lettre du 15 Décembre, cher ami, et vous dirai franchement que n'étant pas habitué à me plaindre, je m'étais décidé à garder un profond silence jusqu'au retour de l'Empereur sur le nom des généraux dont la conduite a été d'une indécence ridicule. Mais puisque vous me le demandez, je vous le dirai, mais sous le sceau du plus grand secret. Il m'en coûte de vous nommer Potemkinn et Lévacheff. Le premier s'est permis de prendre fait et cause pour le régiment, de publier partout qu'il était innocent, que depuis longtemps il voyait que je voulais perdre une troupe, qui avait rendu d'aussi grands services à l'état, et que pour une misère, qui ne valait pas la peine qu'on en parlât, on fesait du bruit et que l'on cherchera à induire l'Empereur en erreur. Enfin il n'a quitté l'uniforme de Sémenofsky qu'au moment ou l'ordre du jour de l'Empereur a paru, affichant de le mettre à la parade, lorsque les régiments de sa division montaient la garde. Vous pouvez vous figurer l'effet que cette conduite devait produire

sur la troupe. Lévacheff, ami intime du premier, déclarait hautement que la compagnie de l'Empereur était parfaitement innocente et que la commission militaire ne pouvait pas faire autrement que de l'absoudre: voilà la raison pour laquelle je n'ai pas voulu m'aboucher avec lui sur les opérations de la commission. Maintenant elle tire à sa fin: la compagnie est trouvée coupable, jugée comme telle et condamnée. Or, je vous demande si c'est le fait d'un homme d'esprit, abstraction faite des sentiments de justice et de dévouement qui aurait dû le guider dans une circonstance pareille? Je ne vous parlerai pas du gouverneur militaire qui avec sa légéreté accoutumée a clabaudé dans le même sens. Le divisionnaire baron de Rosen ne manquait pas de placer son petit mot, quand l'occasion se présentait, mais au moins d'une manière prudente. Vous pouvez juger d'après cela de la position dans laquelle je me suis trouvé. Tout ceci m'a rendu misanthrope et triste. On est peiné d'être forcé de revenir sur l'opinion que l'on a eu sur des hommes que l'on croyait connaître. Mais le siècle où nous vivons est fertile en action de ce genre, et c'est pourquoi je vous demande encore une fois un secret inviolable sur ce que je viens de vous dire.

Pour vous prouver à quel point tous ces clabaudages ont fait effet ici, c'est que ces jours-ci toute la ville était remplie d'une réprimande très forte, que je dois avoir reçu de l'Empereur.

Maintenant venons à la formation du régiment de Sémenofsky. Je n'ai pas pu confier cette besogne au lieutenant-colonel Timrot, qui est le plus ancien: car il n'a pas l'idée de la chose et que la formation aurait été lente et mauvaise. Je l'ai donc confié à Geltouhin, en attendant la nomination du chef que S. M. choisira. J'ignore s'il acceptera cette place et ne lui en ai pas parlé pour ne pas gêner le moins du monde les intentions de l'Empereur; mais si le choix tombe sur lui, je vous prierai d'envoyer de suite l'ordre du jour, et je me charge de l'engager à l'accepter. Oudom, quoique faible de santé, ne demande pas mieux que de se trouver à la tête de ce régiment et s'est présenté chez moi pour me prier de le proposer. Passons maintenant aux officiers. Ils sont pour la plupart pauvres, et il est indispensable de les soutenir. Je me suis décidé à les faire habiller au compte de S. M. l'Empereur, et je vous envoie la nôte de ce que cela coûtera; elle vous effrayera, peut-être, mais il n'y a pas à reculer, et il ne faut pas permettre que l'on puisse leur reprocher leur pauvreté. Je vous demande pour commencer 50000, et je me charge de veiller à ce qu'elle soit bien employée.

Quant à Bibicof, je suis de l'avis de l'Empereur: il ne peut, ni ne doit rester au régiment, et il serait juste de le faire passer à l'armée; cependant comme la chose n'a pas été faite dans le premier moment, je crois qu'il serait conséquent de le laisser comme aide-de-camp de l'Empereur, sauf à le renvoyer après.

Quant à la commission militaire, d'après les notions que j'ai, la compagnie de l'Empereur a avoué s'être formé le complot le même jour après l'exercice et s'être arrangé de manière à se rassembler во время повѣстки; elle n'avoue pas qu'il y ait eu des cris „къ перекличкѣ“.

J'ai fait connaître à la commission les ordres de l'Empereur à ce sujet, mais je doute, qu'il soit possible maintenant de découvrir les instigateurs de cette compagnie. Quant à ceux de la 1-ere et de la 2-de, ils sont découverts et ont tout avoué.

Переводъ.

Я получилъ ваше письмо отъ 15 Декабря, любезный другъ, и скажу вамъ откровенно, что, не имѣя привычки жаловаться, я рѣшился хранить глубокое молчаніе касательно именъ генераловъ, которыхъ поведеніе было неблагопристойно, до пріѣзда государя; но такъ какъ вы меня объ этомъ спрашиваете, то я вамъ скажу подъ величайшею тайною. Мнѣ больно назвать вамъ Потемкина и Левашева. Первый позволилъ себѣ заступаться за полкъ, проповѣдуя вездѣ, что онъ неповиненъ, что онъ давно замѣчалъ, что я желалъ погубить войско, принесшее отечеству такія огромныя услуги, и что за бездѣлицу, о которой не стоило и говорить, такъ шумятъ и желаютъ ввести въ заблужденіе государя. Наконецъ, онъ не снималъ Семеновскаго мундира до той поры, пока не вышелъ приказъ государя, самохвально надѣвая его на всѣхъ разводахъ, когда полки его дивизіи вступали въ караулъ. Вы можете себѣ представить, какое дѣйствіе производило его поведеніе на войска. Левашевъ, другъ его, объявлялъ громко, что рота его величества совершенно невинна и что судная коммиссія не можетъ иначе поступить, какъ ее оправдать. Вотъ причина, почему я не хотѣлъ переговаривать съ нимъ на счетъ дѣйствій коммиссіи. Теперь она кончаетъ свои работы. Рота найдена виновною, присуждена и приговорена; и я васъ спрашиваю, это ли дѣйствіе умнаго человѣка, не говоря уже о чувствахъ справедливости и преданности, которыя должны были руководить имъ въ несчастныхъ подобныхъ обстоятельствахъ? Я не буду и говорить вамъ о генералъ-губернаторѣ, который съ свойственной ему легкостью сплетничалъ въ томъ же духѣ. Начальникъ дивизіи, баронъ Розенъ, не упускалъ случая вставлять и свое словцо, по крайней мѣрѣ осторожно. Поэтому можете судить, въ какомъ положеніи я находился. Все это сдѣлало меня нелюдимымъ и наполнило грустью. Тяжела необходимость мѣнять мнѣніе о людяхъ, которыхъ по видимому хорошо зналъ. Но въ нашъ вѣкъ много подобныхъ случаевъ, и вотъ почему я еще разъ прошу васъ держать все мною сказанное въ ненарушимой тайнѣ. Чтобы вамъ доказать, какое дѣйствіе произвели здѣсь эти сплетни, сообщу, что всѣ эти дни городъ только и былъ занятъ извѣстіемъ о строгомъ выговорѣ, полученномъ будто мною отъ государя. Перейдемъ теперь къ формированію Семеновскаго полка. Я не могъ поручить это дѣло подполковнику Тимроту, который старшій въ чинѣ; ибо онъ объ этомъ понятія не имѣетъ, и формированіе совершалось бы и медленно, и дурно. Вслѣдствіе сего я поручилъ это Желтухину до назначенія начальника, котораго выберетъ е. и. в-во. Мнѣ неизвѣстно, приметъ ли онъ это мѣсто; я ему даже объ этомъ не говорилъ, дабы ничѣмъ не стѣснять намѣреній государя; но если выборъ падетъ на него, то я васъ прошу немедленно прислать приказъ, и я берусь уговорить его принять эту должность. Удомъ, хотя слабый здоровьемъ, желаетъ весьма охотно принять полкъ и былъ у меня съ просьбою представить его. Государь можетъ выбрать изъ двухъ. Перейдемъ къ вопросу объ офицерахъ. Они большею частію бѣдные, и необходимо ихъ поддержать. Я рѣшился одѣть ихъ на счетъ государя и посылаю вамъ счетъ будущаго расхода; онъ васъ, можетъ быть, испугаетъ, но отступить отъ него нельзя: нельзя позволить, чтобы ихъ упрекали въ бѣдности. Я для

начала прошу у васъ 50000 р. и берусь слѣдить за тѣмъ, чтобъ эта сумма была употреблена настоящимъ образомъ. Что же касается Бибикова, то я совершенно согласенъ съ мнѣніемъ государя, что онъ не можетъ и не долженъ оставаться въ полку. Было бъ справедливо перевести его въ армію; но такъ какъ это сначала не было исполнено, то было бы послѣдовательнѣе оставить его нынѣ флигель-адъютантомъ съ тѣмъ, чтобъ въ послѣдствіи его перевести.

Что же касается до военно-судной коммиссіи, то, по имѣющимся у меня свѣдѣніямъ, рота его величества призналась въ томъ, что заговоръ былъ составленъ въ тотъ же день, послѣ ученія, гдѣ люди сговорились собраться во время повѣстки, но она не признается въ томъ, что были крики „къ перекличкѣ!" Я передалъ въ коммиссію волю государя на этотъ счетъ, но сомнѣваюсь, чтобъ было возможно въ настоящее время открыть подстрекателей этой роты. Они найдены въ 1 и 2-й и признались во всемъ.

XV.

Les notions, que je viens d'avoir, me paraissent assez conséquentes pour exiger que je vous en informe. Il s'agit d'une entrevue, que doivent avoir à Moscou le g. Fonvisin, Michel Orlof, le colonel Grabbe, chef d'un régiment de huzards, Nicolas Tourguéneff, le colonel Glinka et m-s Mouravieff—père et fils. Il s'agit, à ce que l'on prétend, dans cette entrevue de poser les bases d'une association, qui aurait pour but l'émancipation des paysans et un changement de gouvernement. D'après les renseignements, que j'ai pris, Fonvisin est parti d'ici pour Moscou; Michel Orloff doit y venir de Kieff; le colonel Grabbe a demandé et obtenu un congé; Tourguéneff vient de partir pour l'ancienne capitale; Glinka demande aussi à y aller. Vous trouverez tout simple que je vous en avertisse, afin qui vous preniez vos mesures.

Je suis loin de croire que la chose soit conséquente, mais les individus, que je nomme, sont des têtes assez renversées pour mériter l'attention du gouvernement sur leurs menées.

Je vous prierai seulement, cher ami, de ne confier à personne ce que je viens de vous dire, car je le tiens d'un homme, qui m'est dévoué et que l'on a beaucoup engagé à être de la partie. Tout est tranquille chez nous; le nouveau régiment Sémenofsky est formé, et le 13 il montera la garde. Vous sentez bien que je n'en suis pas plus heureux pour cela et que ma position [devient tous les jours plus désagréable et plus difficile, vu l'éloignement de l'époque du retour de lE'mpereur, qui, à ce que l'on croit, se propose de parcourir l'Italie après avoir achevé les affaires de Nâples. Je vous avoue que j'en suis au désespoir.

Переводъ.

Любезный другъ, я получилъ извѣстіе, которое мнѣ кажется столь важно, что требуетъ, чтобъ я вамъ его сообщилъ. Оно касается свиданія, которое должно состояться въ Москвѣ между генераломъ Фонвизинымъ, Михаиломъ Орловымъ [1]), полковникомъ Граббе [2]), командиромъ гусар-

---

[1]) Михаилъ Ѳедоровичъ Орловъ († 1842 г.,) отставной генералъ-маіоръ. Онъ и братъ его, гр. Алексѣй Ѳедоровичъ, были усыновленныя дѣти гр. Ѳедора Григорьевича Орлова. Былъ флигель-адъютантомъ, и въ этомъ званіи ему поручены

скаго полка, Николаемъ Тургеневымъ [3]), полковникомъ Глинкою [4]) и Муравьевыми, отцомъ и сыномъ [5]). Увѣряютъ, что на этомъ съѣздѣ хотятъ положить основанія ассоціаціи, имѣющей цѣлью освобожденіе крестьянъ и перемѣну правленія.

По имѣющимся свѣдѣніямъ, Фонвизинъ [6]) уѣхалъ отсюда въ Москву, Михаилъ Орловъ долженъ туда же пріѣхать изъ Кіева, полковникъ Граббе просилъ и получилъ отпускъ, Тургеневъ отправился въ древнюю столицу, Глинка тоже просится туда же. Вы найдете весьма естественнымъ мое увѣдомленіе, дабы вы приняли ваши мѣры. Я не считаю это дѣло

были государемъ переговоры о сдачѣ Парижа въ 1814 г.; лишился этого званія по случаю составленія имъ адреса государю, дабы отклонить его отъ намѣренія касательно отдѣленія Литвы и западныхъ областей отъ имперіи. Былъ начальникомъ штаба 4-го пѣхотнаго корпуса у тестя своего Н. Н. Раевскаго и затѣмъ командовалъ 16 дивизіею во второй арміи; послѣ происшествія 1825 года онъ жилъ въ Калужской деревнѣ и въ Москвѣ, гдѣ и умеръ.

[2]) Полковникъ Павелъ Христофоровичъ Граббе, нынѣ генералъ отъ кавалеріи, генералъ-адъютантъ и графъ, началъ свою службу въ артиллеріи, былъ адъютантомъ генерала Ермолова, участвовалъ во всѣхъ войнахъ съ Наполеономъ, командовалъ 6-ть лѣтъ Лубенскимъ гусарскимъ полкомъ, былъ уволенъ отъ службы въ 1822 году и арестованъ въ 1825 году. Снова принятъ на службу, участвовалъ въ Персидской и Польской кампаніяхъ 1828 и 1831 г., потомъ въ 1837 году былъ командующимъ войсками на Кавказской линіи до 1842 года; ознаменовалъ свое командованіе на Кавказѣ взятіемъ укрѣпленнаго аула Ахульго (за что назначенъ былъ генералъ-адъютантомъ) и экспедиціею въ аулъ Дарго; былъ временно лишенъ ген-адъютантскаго званія; но во время восточной войны снова получилъ его съ назначеніемъ начальникомъ войскъ въ Лифляндскихъ губерніяхъ; былъ наказнымъ атаманомъ войска Донскаго, а нынѣ членъ Государственнаго Совѣта. Автобіографическія Записки его напечатаны въ Р. Архивѣ 1873 года. Къ сожалѣнію, Записки эти обнимаютъ собою только начало его славнаго боеваго поприща.

[3]) Николай Ивановичъ Тургеневъ родился 22-го Октября 1789 года, умеръ 10 Ноября 1871 г., на виллѣ Вербуа, близь Парижа. Это была одна изъ самыхъ свѣтлыхъ личностей Россіи, первый заявившій въ 1819 г. и преслѣдовавшій всю свою жизнь завѣтную мысль освобожденія крестьянъ. Онъ вступилъ въ тайное общество только съ этою цѣлью, но въ 1824-мъ году разорвалъ всѣ свои сношенія съ нимъ и, не смотря на это, былъ обвиненъ и жилъ изгнанникомъ за границею, осужденнымъ на смертную казнь до 1856 года, когда былъ оправданъ, и въ 1857 году возвратился въ свое отечество, столь горячо имъ всегда любимое. Это былъ одинъ изъ самыхъ горячихъ патріотовъ, мужъ блага въ полномъ смыслѣ слова, котораго, къ несчастію, Россія лишилась вслѣдствіе происшествія 1825 г., вмѣстѣ со многими другими дѣятелями, увлекавшимися химерическими замыслами.

[4]) Полковникъ Ѳ. Н. Глинка служилъ въ то время по особымъ порученіямъ при Петербургскомъ генералъ-губернаторѣ, графѣ Милорадовичѣ. Онъ и братъ его, Сергѣй Николаевичъ, первый ратникъ Московскаго ополченія, отличались патріотизмомъ въ своихъ дѣйствіяхъ и сочиненіяхъ. Нынѣ онъ житель города Твери, въ преклонныхъ лѣтахъ, окруженъ уваженіемъ и почетомъ всѣхъ его знающихъ.

[5]) Изъ Муравьевыхъ, участвовавшихъ въ тайныхъ обществахъ, были слѣдующіе: Сергѣй, Матвей и Ипполитъ Ивановичи Муравьевы-Апостолы, Михаилъ и Александръ Николаевичи, Никита Михайловичъ и Артамонъ Захаровичъ.

[6]) Генералъ-маіоръ М. А. Фонъ-Визинъ (вмѣстѣ съ Граббе) былъ адъютантомъ ген. Ермолова, командовалъ сначала 37, а потомъ 38 егерскимъ полкомъ и пострадалъ со всѣми декабристами въ 1826 году.

очень важнымъ; но личности, которыхъ я вамъ назвалъ, съ такими сумасбродными головами, что достойны привлечь вниманіе правительства своими продѣлками.

Я васъ прошу, любезный другъ, никому не передавать то, что̀ я вамъ говорю, потому что я слышалъ это отъ человѣка мнѣ преданнаго и котораго очень старались завербовать въ ихъ компанію. У насъ все спокойно; новый Семеновскій полкъ сформированъ и вступитъ въ караулъ 13-го. Понимаете, что я отъ этого нисколько не чувствую себя счастливѣе и что мое положеніе ежедневно становится и труднѣе, и непріятнѣе по причинѣ отдаленія времени возвращенія государя, который собирается, какъ думаютъ, проѣхаться по всей Италіи по окончаніи Неаполитанскихъ дѣлъ. Сознаюсь, что это меня приводитъ въ отчаяніе.

Примѣчаніе. Этотъ съѣздъ уполномоченныхъ тайнаго общества, о которомъ увѣдомляетъ генералъ Васильчиковъ, былъ тотъ самый, о которомъ говоритъ и ген. Бенкендорфъ въ своей запискѣ государю и Якушкинъ въ своихъ Запискахъ на стр. 55, и Фонъ-Визинъ на стр. 157, и ген. Богдановичъ—въ VI-мъ томѣ Ист. царст. Импер. Александра, стр. 425.

XVI.

La formation du nouveau régiment n'a produit, mon cher ami, qu'un bon effet. Hier les officiers se sont trouvés à la cour, et malgré la surprise, que leur apparition a causé, leur début s'est passé tranquillement. Le 13, j'espère, que le régiment pourra monter la garde, et le corps diplomatique le verra. Sans faire trop les difficiles, il ne nous a pas été possible de choisir sur les 3 bataillons plus de 1700 hommes. Ceux, que j'ai refusé, sont réellement hideux ou de mauvaise conduite; mais ce que vous ne croirez pas, peut-être, c'est que le bataillon du prince de Prusse est le plus beau, non seulement en hommes, mais même pour la tenue.

Je vous proposais dans une note, que je vous envoie, le moyen de compléter le régiment de Sémenofsky d'une manière convenable. Il n'y a aucun doute que les grenadiers en souffriront: car en choisissant 240 hommes sur les 12 compagnies, qui arrivent, la brèche sera forte; mais je ne vois le moyen de faire autrement. Il faut absolument que le nouveau régiment soit beau. Or, ce que nous avons choisi n'est pas assez distingué pour entrer en comparaison avec les régiments de la vieille garde. Quant aux 260 hommes, que je proposais de prendre sur ceux, qui sont ici, pour le complétement de la garde, j'aurai soin de les choisir les plus beaux.

J'ai fait connaître à Levacheff les remarques de S. M. l'Empereur, sur les opérations de la commission; mais je doute, qu'il soit possible maintenant de connaître les instigateurs de la 1-ère compagnie des greradiers: leurs réponses, étant unanimes dès le commencement, prouvent, qu'ils se sont arrangés d'avance, et l'espoir qu'on leur a donné d'être reconnu innocent, a raffermi l'esprit de corps, qu'ils ont montré dans toute cette affaire.

La sentence doit être signée aujourd'hui; j'ignore la conclusion de la commission, mais j'ai des raisons de croire qu'elle est aussi faible, que mal raisonnée. Au reste, l'auditoriat reverra la chose avec soin; mais il

serait à désirer de n'en pas venir à la fâcheuse extrémité de casser le jugement, ce qui donnerait occasion aux malveillants et aux sots de clabauder.

Du reste tout est tranquille; les commerages cessent, et les aboyeurs commencent à être moins acharnés.... *)

Переводъ

Формированіе новаго полка произвело очень хорошее впечатлѣніе, любезный другъ. Вчера офицеры были при дворѣ и, не взирая на удивленіе, которое они возбудили, ихъ появленіе сошло благополучно. Надѣюсь, что 13-го полкъ пойдетъ въ караулъ, и дипломатическій корпусъ его увидитъ. Не бывши очень разборчивыми, намъ не возможно было выбрать изъ 3-хъ ротъ болѣе 1,700 людей; тѣ, которыхъ я забраковалъ, положительно уроды или дурнаго поведенія, — но чему вы, вѣроятно, не повѣрите, это, что рота принца Прусскаго самая красивая, не только людьми, но и осанкой. Я вамъ предлагаю, въ запискѣ посылаемой нынѣ, средство пополнить прилично Семеновскій полкъ; конечно, гренадеры отъ этого пострадаютъ, потому что, при выборѣ 240 человѣкъ изъ 12-ти ротъ, которыя приходятъ, потеря ихъ будетъ очень чувствительна, но я не вижу никакого средства поступить иначе.

Непремѣнно надо, чтобъ новый полкъ былъ красивъ. То что́ мы выбрали не довольно хорошо, чтобы сравняться съ полками старой гвардіи; что̀ же касается 260-ти человѣкъ, которыхъ я предлагалъ взять изъ тѣхъ, которые находятся уже здѣсь для пополненія гвардіи, то я выберу изъ нихъ самыхъ красивыхъ.

Я передалъ Левашеву замѣчанія е. и. в-ва о дѣйствіяхъ коммиссіи, но сомнѣваюсь, чтобы теперь возможно было узнать зачинщиковъ 1-й гренадерской роты. Ихъ отвѣты были съ самаго начала единодушны. Это доказываетъ, что они напередъ сговорились, а надежда, возбужденная въ нихъ, что они могутъ быть признаны невинными, подкрѣпила духъ сообщничества, обнаруженный ими въ этомъ дѣлѣ.

Сегодня долженъ быть подписанъ приговоръ. Я не знаю сентенціи коммиссіи, но имѣю всѣ причины думать, что она будетъ слабъ и недостаточно обдумана. Впрочемъ, аудиторіатъ еще разберетъ его со вниканіемъ; но было бы желательно не дойти до печальной крайности кассировать постановленіе суда, что̀ подало бы поводъ злонамѣреннымъ и дуракамъ опять болтать. Впрочемъ, все покойно; толки утихаютъ, и крикуны начанаютъ быть менѣе ожесточенными.

XVII.

14 Janvier (1821).

Vous verrez par la correspondance ci-jointe, mon cher ami, qu'il n'a pas dépendu de moi de faire monter la garde le 13 au régiment de Sémenofsky, comme je vous l'avais annoncé; mes raisons étaient, j'espère, assez raisonnables et assez fortes pour être admises, tandis que celles, que le comte Miloradovitch met en avant, ditruisent le peu de discipline, qui nous reste: car si nous introduisons parmi nos troupes l'idée de s'offenser de ce qu'un régiment monte la garde plutôt qu'un

---

*) Выпускаемъ повтореніе желанія князя Васильчикова, чтобы государь скорѣе вернулся въ Россію.

autre, de raisonnements en raisonnements nous irons bientôt plus loin qu'on ne pense. Etant compromis par ce refus, auquel on n'a pas manqué de donner de la publicité, j'ai fait savoir au comte Miloradowitch que le régiment ne pouvait pas être prêt pour le 14 et que je l'avertirai dès qu'il sera entièrement équipé. J'ai cru devoir prendre cette mesure pour soutenir mon autorité, que l'on cherche à compromettre. Le 17 je ferai dans la maison d'exercice du palais Michel la cérémonie pour la remise des drapeaux, et le 20 le régiment montera la garde. Les caquets sur le nouveau régiment continuent toujours; on se moque des officiers, et on est fâché de trouver parmi eux des hommes très présentables. C'est une chose au reste à laquelle il fallait s'attendre. Comme cette formation de régiment n'a procuré aucun avancement dans les gardes, il est tout simple que l'on crie *).

Переводъ. 14 Генваря (1821).

Вы увидите по прилагаемой перепискѣ, любезный другъ, что не отъ меня зависѣло, чтобъ 13-го числа Семеновскій полкъ вступилъ въ караулъ, какъ я вамъ о томъ объявлялъ. Кажется, изложенныя мною причины были довольно основательны и вѣски, чтобы быть принятыми, тогда какъ высказанное графомъ Милорадовичемъ уничтожаетъ послѣднюю дисциплину, оставшуюся у насъ: потому что, ежели мы введемъ въ войско мысль обижаться тѣмъ, что не тотъ полкъ вступаетъ въ караулъ, а другой,— отъ одного обсужденія до другаго мы скоро пойдемъ быстро далѣе, нежели думаютъ. Меня скомпрометтировали этимъ отказомъ, которому не приминули придать гласность; и потому я далъ знать графу Милорадовичу, что полкъ не можетъ быть готовъ къ 14-му числу, и что я его увѣдомлю, когда онъ будетъ совершенно экипированъ. Я счелъ нужнымъ принять эту мѣру, чтобъ поддержать мой авторитетъ, которой стараются поколебать. 17-го въ экзерциръ-гаузѣ Михайловскаго дворца я устрою церемонію передачи знаменъ, и 20-го полкъ вступитъ въ караулъ. Пустые толки о новомъ полку все продолжаются; смѣются надъ офицерами, и досадно нѣкоторымъ видѣть, что между ними находятся весьма приличные. Впрочемъ, этого и должно было ожидать; такъ какъ формированіе полка не доставило никакого производства по гвардіи, весьма естественно что кричатъ.

XVIII. 20 Janvier.

Le régiment du roi de Prusse n'est venu ici que pour quelques jours. Je lui avais donc permis de laisser quelques hommes pour veiller dans ses quartiers, aussi bien que dans les cazernes, aux effets du régiment et pour achever la confection de différents objets, ce que je n'ai pas cru devoir lui refuser, d'autant plus que les 1400 hommes, qu'il a amené ici, suffisaient pour le service qu'il avait à faire.

Vous verrez aussi par mon rapport qu'effectivement le bas-officier des chasseurs a une maison, qu'il a acheté. Comme il n'existe à l'état-major aucun ordre de défense là-dessus, le régiment l'ignorait, et moi tout le premier. Quant aux chevaux, vous verrez qu'ils appartenaient

*) Выпускаемъ повтореніе ген. Васильчикова о необходимости личнаго присутствія государя при настоящемъ положеніи дѣлъ.

au locataire. Au reste, ne connaissant pas les intentions de l'Empereur là-dessus, je vous avouerai franchement, que je ne croyais pas devoir défendre à un soldat d'avoir une propriété dans une ville, où il est en garnison, et que dans tous les cas on peut plutôt compter sur un homme, qui en a une, que sur celui, qui ne tient à rien; il s'agit seulement d'observer, que l'argent ne soit pas un moyen d'allégement pour le service au préjudice de ceux, qui n'en ont pas.

J'ai remis le 18 les drapeaux au régiment Sémenofsky dans la maison d'exercice du palais Michel; le régiment a très bien défilé, beaucoup de généraux ont assisté à la cérémonie. La taille des hommes est petite en comparaison des autres régiments des gardes, mais ils ont une excellente tenue. Hier la parade a été très belle; beaucoup de spectateurs sont venus voir nos débutants. Le commandant Bashuzky seul a été en défaut: au moment, où les officiers sont venus s'annoncer à lui, il a donné aux chevaliers-gardes et aux gardes-à-cheval le pas sur les officiers du régiment Sémenofsky, malgré que je lui avais fait remarquer, qu'il ne s'agissait pas là-dedans de l'ancienneté des officiers, mais de celui des régiments. La commission militaire a terminé l'affaire. Je ne l'ai pas vue, c'est pourquoi je ne vous en dirai rien; elle a passée à la revision de Rosen.

La tranquillité continue à régner parmis les troupes, les discours plus ou moins absurdes dans les salons vont leur train, et le retour de l'Empereur est attendu avec plus d'impatience que jamais par tous les hommes bien pensants.

J'oubliais de vous dire qu'ayant remarqué au souper, au bal du 13, le colonel Korsakoff *), déboutonné, je lui fait signifier, que comme il donnait un détestable exemple aux officiers et osait s'oublier au point de se déboutonner en présence des ses chefs, je le priai de quitter le corps. Il a présenté sa supplique et a demandé son congé. Elle ne m'est pas encore parvenue; vous l'aurez par le premier courrier.

Переводъ. 20 Генваря.

Полкъ короля Прусскаго пришелъ сюда только на нѣсколько дней. Я ему дозволилъ оставить нѣсколько человѣкъ, чтобы въ стоянкахъ и въ казармахъ охранять полковыя вещи и окончить постройку нѣкоторыхъ вещей; я не счелъ нужнымъ ему въ томъ отказать, тѣмъ болѣе, что 1400 человѣкъ, пришедшихъ сюда, вполнѣ достаточны для исправленія службы. Вы увидите въ моемъ рапортѣ, что егерскаго полка фельдфебель дѣйствительно владѣетъ домомъ, который онъ купилъ. Такъ какъ у насъ въ штабѣ не существуетъ никакого приказа о запрещеніи, то полкъ этого не зналъ, и я первый. Касательно лошадей вы увидите, что они принадлежали постояльцу. Впрочемъ, не зная воли государя относительно это-

---

*) Полковникъ Григорій Александр. Римскій-Корсаковъ, про котораго Д. В. Давыдовъ сказалъ въ Современной пѣснѣ:

А глядишь, нашъ Лафайетъ,
Брутъ или Фабрицій,
Мужиковъ подъ прессъ кладетъ
Вмѣстѣ съ свекловицей.

го, я вамъ скажу откровенно, что не считалъ нужнымъ запрещать солдату имѣть свою собственность въ томъ городѣ, гдѣ онъ квартируетъ, потому что во всякомъ случаѣ скорѣе можно разсчитывать на человѣка имѣющаго оную, чѣмъ на того, который ничѣмъ не дорожитъ. Нужно только слѣдить, дабы имѣющій деньги не сдѣлалъ ихъ средствомъ къ облегченію своихъ служебныхъ обязанностей въ ущербъ тѣмъ, которые ничего не имѣютъ.

18-го я передалъ знамена Семеновскому полку въ экзерциръ-гаузѣ Михайловскаго дворца. Полкъ прошелъ отлично, очень много генераловъ присутствовало при этой церемоніи. Ростъ людей малъ въ сравненіи съ другими полками гвардіи, но выправка очень хороша.

Вчера парадъ былъ весьма красивъ; очень много зрителей пришли взглянуть на нашихъ дебютантовъ. Комендантъ Башуцкій одинъ только оплошалъ: когда офицеры подходили къ нему представляться, онъ далъ старшинство конно-гвардейцамъ и кавалергардамъ передъ Семеновцами, хотя я ему замѣтилъ, что тутъ не идетъ рѣчь о старшинствѣ офицеровъ, а полковъ. Военно-судная коммиссія окончила свою работу; я ея не смотрѣлъ, и поэтому ничего не могу еще вамъ сказать о ней. Дѣло передано на пересмотръ Розену. Тишина у насъ продолжаетъ царствовать въ войскѣ; толки же одни глупѣе другихъ продолжаются, и возвращеніе государя ожидается съ бо̀льшимъ нетерпѣніемъ, чѣмъ когда-либо, всѣми благомыслящими людьми. Я забылъ вамъ сказать, что 13-го на балѣ за ужиномъ полковникъ Корсаковъ растегнулся. Я это замѣтилъ и послалъ ему сказать, что онъ показываетъ дурной примѣръ офицерамъ, осмѣливаясь забыться до той степени, что растегивается въ присутствіи своихъ начальниковъ, и что я его прошу оставить корпусъ. Онъ подаетъ въ отставку. Прошеніе его еще не дошло до меня; вы его получите съ первымъ курьеромъ.

XIX.

J'ai reçu votre lettre du 28 Décembre, mon cher ami, et vous dirai sur l'histoire du prince Mechersky [1]), qu'il m'a avoué lui-même s'être adressé au colonel Schérémétieff [2]) pour le consulter sur l'idée, qui lui était venue de faire une adresse à l'Empereur, signée par les officiers de tous les régiments des gardes, pour lui demander le pardon de ceux du régiment de Sémenovsky; mais il ajoute, qu'il n'avait pas l'intention d'agir sans connaître mon intention là-dessus. Comme cette affaire est entiérement tombée, et que c'est un jeune homme, qui a des moyens, mais dont la tête est passablement exaltée, je crois, qu'en l'envoyant en Géorgie près de Jermoloff, sans lui faire perdre les prérogatives des gardes, la leçon serait assez forte et pourrait lui faire faire des réflexions salutaires. Au reste, je m'en remets absolument à ce que Sa M. l'Empereur croira devoir faire dans cette occasion, car cette affaire est totalement tombée et n'a eu aucune suite.

---

[1]) Князь Серг. Ив. Мещерскій служилъ сначала въ л. г. Семеновскомъ полку, а потомъ въ л. г. гренадерскомъ. Умеръ въ 1869 году.

[2]) Полковникъ Серг. Вас. Шереметевъ былъ въ послѣдствіи Нижегородскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства.

Переводъ.

Я получилъ ваше письмо отъ 28 Декабря, любезный другъ, и скажу вамъ относительно исторіи съ княземъ Мещерскимъ, что онъ мнѣ самъ признался въ томъ, что обращался къ полковнику Шереметеву, желая посовѣтоваться съ нимъ на счетъ явившейся ему мысли составить адресъ государю за подписью офицеровъ всѣхъ полковъ гвардіи, дабы испросить прощеніе офицерамъ Семеновскаго полка; но онъ добавилъ къ этому, что не имѣлъ желанія дѣйствовать, не узнавши моихъ намѣреній по этому предмету. Такъ какъ это дѣло окончательно заглохло, а онъ молодой человѣкъ со способностями, но съ слишкомъ восторженной головой: то я думаю, что, если послать его въ Грузію къ Ермолову безъ лишенія его гвардейскихъ преимуществъ, урокъ былъ бы ему достаточно силенъ и заставилъ бы его обратиться къ болѣе благоразумнымъ мыслямъ. Впрочемъ, я вполнѣ подчиняюсь тому, что̀ его величество государь пожелаетъ рѣшить на этотъ счетъ, ибо это дѣло пало окончательно и не имѣло никакихъ послѣдствій.

XX. 28 Janvier.

Je dois vous dire que tout ce, qui se passe ici, est très mauvais; de fausses nouvelles, répandues à dessin, se succèdent. La révolte du régiment de Sevsky, dont la fausseté est prouvée, est du plus mauvais genre: elle n'a été inventée que pour agir sur l'esprit du soldat. Ce bruit a circulé dans la ville avec une rapidité remarquable; mais je n'ai point de nouvelles, qu'il soit parvenu dans les cazernes; dès que j'en aurai, je vous informerais de l'effet qu'il y produira. D'un autre côté les intrigues et les caquets sur le régiment Sémenofsky vont leur train: les individus, que je vous ai désigné, ne changent point de conduite et tiennent à maintenir leur opinion sur l'innocence d'un régiment, indignement sacrifié. D'après tout cela vous pouvez juger, s'il est tems ou non, que l'Empereur revienne. Je ne suis pas homme à me laisser décourager facilement, mais je croirais manquer à mon devoir et à ma conscience, si je pouvais me taire ou m'aveugler sur la nécessité absolue de faire cesser ces désordres et mettre un frein aux menées des malveillants, soutenus par des sots, qui ne veulent pas voir où on les mène et qui pour des intérêts, qui sont en opposition directe avec les leurs, prennent fait et cause et sont, sans s'en apercevoir, instruments de leur propre malheur. Je le répète, cher ami, il n'y a que l'Empereur, qui puisse mettre fin à tout ceci; il en est encore tems; plus tard l'affaire sera plus difficile, qu'on ne le pense.

Vous me demandez dans votre lettre du 6 Janvier, quelles sont les raisons, qui ont pu engager Lévacheff à changer de conduite envers moi depuis l'histoire du régiment et comment le prouve-t-il? Je vous répondrai à cela, que je n'en sais rien et, certes, ce n'est pas moi, qui lui ai donné des raisons de changer à mon égard. Quant à la preuve, d'autres vous diront tout ce qu'il a dit sur l'histoire de Sémenofsky, avant même d'avoir revu l'affaire. La sentence de la commission vous prouvera, qu'il a tenu parole. Il a été la dupe d'une soi-disante opinion publique et a cru de son honneur de défendre l'innocence opprimée.

Si nous en sommes à poser en question, si l'autorité a bien ou mal fait de punir une infraction, faite à une loi de Pierre le Grand, sur laquelle repose toute la discipline: je vous laisse juger, si nous irons loin avec cette manière de voir les choses et s'il est tems d'apporter remède aux idées, qui se propagent chez nous.

Le barbier du régiment du prince de Prusse, duquel vous me parlez dans votre lettre, est jugé: le général Démidoff a fait lui-même l'enquête et l'a mis sous jugement. Vous verrez toute l'affaire dans le rapport, que je vous envoie; j'ajouterai seulement qu'il venait tous les jours raser le colonel Shipoff; s'il avait des raisons fondées de plainte, il avait toute l'occasion de les porter.

Переводъ. 28 Генваря.

Однакожъ, я долженъ вамъ сказать, что все, что̀ здѣсь происходитъ, не хорошо: фальшивыя извѣстія слѣдуютъ одно за другимъ. Извѣстіе о бунтѣ Сѣвскаго полка, которое опровергнуто, очень дурнаго свойства; оно собственно было выдумано, чтобъ подѣйствовать на духъ солдатъ. Слухъ этотъ разнесся по городу съ замѣчательной скоростью; но я еще пока не имѣю извѣстія, чтобъ онъ дошелъ до казармъ; какъ узна̀ю, увѣдомлю васъ, а также и о томъ, какое произведетъ оно тамъ дѣйствіе. Съ другой стороны интриги и болтовня касательно Семеновскаго полка идутъ своимъ порядкомъ; личности, которыхъ я вамъ называлъ, не измѣняютъ своего поведенія и упорно держатся мнѣнія о невинности полка, который былъ будто пожертвованъ.

По всему этому вы можете судить, нужно или нѣтъ возвращеніе государя. Я не легко падаю духомъ, но счелъ бы неисполненіемъ своего долга и грѣхомъ совѣсти, ежелибы я молчалъ или ослѣплялся на счетъ непремѣнной необходимости прекратить безпорядки и положить предѣлъ пронырствамъ зломыслящихъ, поддерживаемыхъ дураками; они не хотятъ видѣть, куда ихъ ведутъ, и защищаютъ интересы совершенно противоположные ихъ собственнымъ, не замѣчая, что они дѣлаются орудіями своего собственнаго несчастія. Повторяю, любезный другъ: государь одинъ можетъ положить конецъ всему этому, и еще есть время; далѣе дѣло труднѣе будетъ покончить, чѣмъ думаютъ.

Вы спрашиваете въ письмѣ вашемъ отъ 6-го Января, какая причина могла заставить Левашева перемѣнить свое поведеніе относительно меня со времени исторіи Семеновскаго полка, и какъ и чѣмъ онъ это доказываетъ? Я вамъ скажу на это, что причины этой не знаю и, конечно, не я ему далъ поводъ къ перемѣнѣ относительно меня; что́ же касается до доказательствъ, другіе вамъ скажутъ все, что́ онъ говорилъ про исторію Семеновскаго полка, даже еще не читавши дѣла. Приговоръ военно-судной коммиссіи вамъ докажетъ, что онъ сдержалъ слово. Онъ былъ обманутъ какимъ-то общественнымъ мнѣніемъ и считалъ, что честь его заставляетъ заступиться за угнетенную невинность.

Ежели мы ужъ до того дошли, что начали толковать, хорошо или дурно поступила власть, наказавши за нарушеніе закона Петра Великаго, на которомъ основана вся дисциплина, то я вамъ предоставляю судить, куда мы уйдемъ съ такимъ взглядомъ на вещи, и не пора ли принять мѣры, чтобъ остановить послѣдствія этихъ мыслей, распространяющихся у насъ.

Цирульникъ короля Прусскаго полка, на котораго вы мнѣ указываете въ вашемъ письмѣ, былъ осужденъ. Генералъ Демидовъ самъ дѣлалъ

слѣдствіе и отдалъ его подъ судъ. Вы увидите все дѣло въ рапортѣ, который я вамъ посылаю; прибавлю только, что всякій день ходилъ онъ брить полковника Шипова: значитъ, ежели-бы онъ имѣлъ основательныя причины жалобы, онъ имѣлъ всегда случай ихъ подать.

XXI. 4 Février.

Dès que j'aurai revu l'affaire du bataillon de Sémenofsky, je me concerterai avec Zakrefsky pour voir les mesures, qu'il y aura à prendre; elle est chez moi depuis deux jours; je ne puis encore rien vous dire de positif là-dessus. J'ai vu chez le général Zakrefsky la note, dont vous me parlez sur un bas-officier du régiment de Sémenofsky, détenu à la forteresse de Schlusselbourg. C'est une affaire, qu'il cherche à tirer au clair, mais qui ne peut nullement retomber sur les gardes: car les bataillons de train portaient le manger aux soldats détenus dans la forteresse, et ce n'est que sous ce déguisement que le bas-officier s'y est introduit. Zakrefsky a déjà fait l'enquête et vous en parle probablement dans sa lettre.

Le réglement de Pierre le Grand se lit toutes les semaines dans les compagnies. Je fais attention à l'exécution d'une mesure aussi conséquente. Le déplacement de Gretch a fait ici une vive sensation: on a beaucoup clabaudé; on a prétendu, que les écoles de Lancaster étaient défendues et qu'un homme innocent venait d'être calomnié par l'autorité. Gretch est venu me faire ses doléances et me prier en grâce de lui dire, à quoi il doit attribuer son malheur. Je lui ai répondu, que sa personne n'était absolument pour rien dans tout ceci, que cette mesure n'a été prise qu'à la demande des chefs de régiments, qui désiraient ne point partager la surveillance de leurs écoles; que si l'Empereur avait été mécontent de lui, on l'aurait remplacé par un autre. Là-dessus il m'a écrit une lettre, que je vous envoie. La grâce, qu'il demande, n'est pas énorme, et je crois qu'on pourrait la lui accorder *). Sa m. l'impératrice a cru devoir aussi l'éloigner de l'école des filles de soldats. Cette école ne va pas dutout: les soldats ne trouvent pas leurs comptes à y envoyer leurs filles, et j'ai tout lieu de croire qu'il faudra ou bien changer l'organisation de cette école, ou bien y renoncer. Vous me demandez, quelle est la raison pour laquelle Tchédaeff prend son congé. Celle, qu'il donne, là voici. Il a une vieille tante, à ce qu'il dit, à laquelle il doit beaucoup de reconnaissance, qui exige de lui de quitter le service pour venir vivre près d'elle. J'ai fais tout ce que j'ai pu pour le retenir: je lui ai même offert un semestre de quatre mois, mais il tient ferme; or, je crois que ce qu'il y a de mieux à faire, c'est de satisfaire ses désirs.

Faites moi l'amitié, cher ami, d'obtenir de Sa M. I. la grâce du bas-officier des lanciers de la garde, Егоровъ, qui vient d'être passé à l'armée. C'est un homme d'une conduite exemplaire et pour lequel le régiment intercède.

Le service va son train, et je n'ai rien à ajouter à ce que je vous ai dit dans ma dernière lettre.

*) Всѣ подробности этого дѣла можно найти въ Запискахъ Греча (Рус. Арх. 1871 г., стр. 0285—0288).

Переводъ. 4 Февраля.

Какъ только пересмотрю дѣло о баталіонѣ Семеновскаго полка, я сговорюсь съ Закревскимъ насчетъ мѣръ, которыя нужно будетъ принять; у меня оно уже два дня, но не могу еще вамъ ничего сказать про него положительно. Я видѣлъ у генерала Закревскаго замѣтку, про которую вы мнѣ говорите насчетъ одного фельдфебеля Семеновскаго полка, содержащагося въ Шлюссельбурской крѣпости; онъ старается разъяснить это дѣло, Оно не можетъ относиться къ гвардейцамъ, потому что фурштаты носили пищу солдатамъ арестованнымъ въ крѣпости, и развѣ только переодѣтый въ эту форму фельдфебель могъ туда проникнуть. Закревскій уже произвелъ слѣдствіе и, вѣрно, вамъ про него говоритъ въ своемъ письмѣ.

Артикулъ Петра Великаго читается каждую недѣлю въ ротахъ, и я очень слѣжу за исполненіемъ столь важной мѣры. Перемѣщеніе Греча произвело здѣсь сильное впечатлѣніе; много болтали, увѣряя, что Ланкастерскія школы запрещены и что невиннаго оклеветало начальство. Гречь явился ко мнѣ съ жалобами и просилъ у меня, какъ милости, сказать ему, кому онъ обязанъ своимъ несчастіемъ. Я ему отвѣчалъ, что тутъ ничего нѣтъ общаго съ его личностью, что эта мѣра была принята собственно по просьбѣ полковыхъ командировъ, которые не желали никакого раздѣла въ наблюденіи за ихъ школами, что ежелибы государь былъ недоволенъ имъ, онъ бы просто его замѣнилъ другимъ. Тогда онъ мнѣ написалъ письмо, которое и прилагаю. Мнѣ кажется, просимая имъ милость не такъ велика, чтобы нельзя было ея не исполнить. Ея величество императрица сочла нужнымъ тоже его удалить изъ школы солдатскихъ дочерей. Эта школа рѣшительно не идетъ: солдаты находятъ невыгоднымъ для себя посылать въ нее своихъ дочерей, и я думаю, что придется или перемѣнить всю организацію этой школы, или отказаться отъ нея совсѣмъ. Вы спрашиваете у меня, какая причина побуждаетъ Чадаева выходить въ отставку. Вотъ та, которую онъ заявляетъ: у него старая тетка, которой онъ очень много обязанъ, требующая, чтобъ онъ вышелъ въ отставку и поселился возлѣ нея. Я сдѣлалъ все, что́ могъ, чтобъ его удержать; я ему даже предлагалъ 4-хъ мѣсячный отпускъ; но онъ твердо стоитъ на своемъ, и я думаю, что всего лучше исполнить его желаніе.—Сдѣлайте мнѣ одолженіе, любезный другъ, выпросите прощеніе у государя гвардейскому уланскому унтеръ-офицеру Егорову, котораго только что перевели въ армію. Онъ примѣрнаго поведенія, и полкъ за него проситъ.

Служба идетъ своимъ порядкомъ, и я не имѣю ничего болѣе прибавить къ тому, что́ я уже писалъ вамъ въ послѣднемъ своемъ письмѣ.

Примѣчаніе.

М. И. Муравьевъ объясняетъ начало этого письма слѣдующимъ образомъ. Въ Семеновскомъ старомъ полку, кромѣ артельныхъ денегъ, у солдатъ находились еще собственно имъ принадлежащія, заработныя деньги, хранившіяся не на ихъ рукахъ, а у ихъ ротныхъ командировъ, по довѣрію къ нимъ. Эти деньги хранились въ сундукѣ подъ тремя замками, ключи которыхъ были у ротнаго командира, у фельдфебеля и у дежурнаго унтеръофицера, и сундукъ не открывался иначе, какъ въ присутствіи этихъ трехъ лицъ. Когда была отправлена въ крѣпость 3-ая рота, капитанъ Муравьевъ былъ въ большомъ затрудненіи, какъ доставить эти деньги солдатамъ своей роты, не имѣя разсчетнаго листа и не зная, сколько приходилось на каждаго. Онъ объяснился объ этомъ съ находившимся на свободѣ каптенармусомъ, который взялся дойти до своихъ собратій и доставить весь разсчетъ, если только капитанъ достанетъ ему фурштатскую

шинель. Муравьевъ выпросилъ таковую съ Глѣбова двора, гдѣ стояла команда фурштатская и отдалъ ее каптенармусу. Онъ вмѣстѣ съ фурштатскою командою, отвозившею провіантъ, проникъ въ крѣпость, свидѣлся съ ротою и доставилъ ротному командиру весь разсчетъ. Все это осталось бы скрыто, еслибы означенный каптенармусъ подъ пьяную руку не сталъ хвастаться своими поѣздками въ крѣпость передъ агентомъ полиціи, заявлявшимъ ему, что роты содержатся весьма строго и что дойти до нихъ невозможно. Когда изъ Лайбаха пришло приказаніе разслѣдовать это дѣло, то Сергѣй Ивановичъ Муравьевъ заявилъ всю истину дежурному генералу Закревскому и былъ за это арестованъ по высочайшему повелѣнію на одинъ день на гауптъ-вахтѣ.

Князь Иванъ Дмитріевичъ Щербатовъ, командиръ 1-ой фузелерной роты, во время происшествія въ полку, былъ въ отпуску въ Москвѣ и, узнавши о бунтѣ, написалъ своему двоюродному брату Михаилу Яковлевичу Чадаеву для полученія того же самого разсчета о солдатскихъ деньгахъ своей роты и въ концѣ письма приписалъ слѣдующую фразу: „Si je suis indispensable, écris moi un mot, et j'arrive aussitôt“ (Если я нуженъ, черкни мнѣ — и я тотчасъ пріѣду.) Послѣ выхода въ отставку П. Я. Чадаева и его возвращенія изъ путешествія, было велѣно забрать его бумаги, и потому обратились къ брату его Михаилу Яковлевичу, и въ числѣ бумагъ было взято вышеупомянутое письмо. Эта фраза показалась сомнительною, и онъ былъ арестованъ вмѣстѣ съ И. Ѳ. Вадковскимъ, Н. И. Кошкаровымъ и Д. П. Ермолаевымъ, которые послѣ суда надъ ними гр. Орлова были содержимы въ Витебскѣ; болѣе трехъ лѣтъ сентенція не приводилась въ исполненіе, и только по воцареніи на престолъ императора Николая они были разжалованы въ солдаты и посланы на Кавказъ. Зная, что князь Щербатовъ былъ знакомъ и друженъ со всѣми декабристами, военно-судная коммиссія употребляла всѣ средства, чтобы вывѣдать отъ него подробности о его соучастіи; но князь Щербатовъ, не принадлежа къ обществу, ничего не могъ сказать, не смотря на всѣ лишенія, которымъ его подвергали. Объ этомъ упоминаетъ въ Запискахъ своихъ Якушкинъ, на стр. 65 Лондонскаго изданія 1862 г.

XXII. 11 Février.

Le choix des hommes du régiment de l'empereur d'Autriche n'a été nullement sévère, comme vous le supposez: je les ai vus tous moimême et je puis certifier, que les hommes, que j'ai refusés, ne sont pas acceptables: ceux d'entr'eux, qui auraient pu l'être, n'ont pas été choisis pour raison de mauvaise conduite. Cependant j'irai Vendredi à Tzarsko-Selo pour les revoir encore une fois. Quant aux instructions, nous les avons toutes prises. Oudom est enchanté de sa nomination, mais malheureusement il est si malade dans ce moment, que je doute qu'il puisse nous être utile. J'ai parlé au colonel Shipoff *) et n'ai rien négligé pour le décider à passer dans le régiment de Sémenofsky

*) Ген.-адъют. Серг. Павл. Шиповъ передавалъ намъ, что Васильчиковъ предлагалъ ему поступить сначала старшимъ полковникомъ въ л. г. Семеновскій полкъ, когда въ командиры предполагалъ назначить ген. Удома; хотя Шиповъ ему и замѣтилъ, что ему будетъ обидно поступить въ новый полкъ только старшимъ шатбъ-офицеромъ, но, принимая въ соображеніе пользу службы, онъ согласился на такое перемѣщеніе. Въ письмѣ кн. Волконскаго сказано, что государь назначитъ Шипова флигель-адъютантомъ; но это назначеніе не состоялось.

comme chef de bataillon; je lui ai bien expliqué, que, vu la mauvaise santé du g-l Oudom, c'est lui qui commanderait le régiment. Mais mes efforts ont été inutiles: il m'a dit, qu'il était trop attaché à son régiment pour l'échanger contre un bataillon, que d'ailleurs le g-l Oudom voyant en lui un successeur, sa position serait difficile et désagréable. Je lui ai fait observer que ceci devenait mon affaire et que je lui garantissais que le g-l Oudom serait enchanté de l'avoir. A cela il m'a répondu, qu'il lui était impossible de se décider à quitter un régiment, auquel il devait la bonne opinion, qu'on avait la bonté d'avoir de lui. Je reviendrai encore une fois là-dessus et tâcherai d'engager Oudom à lui en faire la proposition.

J'ai rendu mot pour mot la commission de S. M. l'Empereur à Patkul. Il a été vivement touché de la bonté de Sa M. I. à son égard et m'a dit confidentiellement, qu'il était enchanté de rester à sa brigade, qu'il se trouvait si heureux à Tzarskoe Selo, que de son gré il n'aurait jamais songé à changer de situation; puis, les larmes aux yeux, il m'a répété, qu'il était tellement touché de l'intérêt que l'Empereur daigne lui témoigner, qu'il allait redoubler, s'il était possible, de zèle pour son service.—Veuillez, cher ami, me répondre par le premier courrier sur la note, que je vous envoie, au sujet du campement des troupes. Comme j'ignore l'époque du retour de Sa M. l'Empereur, je voudrais avoir d'avance ses ordres pour prendre mes arrangements en conséquence. Voici une note, que je crois devoir vous communiquer: comme il n'est pas de ma compétence d'y remédier, j'ai cru devoir vous la faire tenir. Le raisonnement sur les inconvénients d'enfermer les individus, mis sous jugement dans les corps de garde, est assez juste: ces hommes, coupables ou non, doivent avoir du fiel. Ils le répandent, tant qu'ils peuvent, inspirant de l'intérêt à ceux, qui les gardent et ne ménagent pas le gouvernement.

La conduite du g-l Geltouchin depuis son retour a été tellement exemplaire, mon cher ami, que je serais le dernier des hommes si je n'en faisais mention: il a mis de côté tout amour-propre et m'a donné réellement une preuve convaincante de son zèle.

Переводъ. 11 Февраля.

Выборъ людей изъ полка императора Австрійскаго совсѣмъ не былъ такой строгій, какъ вы предполагаете; я ихъ всѣхъ смотрѣлъ самъ и могу васъ увѣрить, что тѣхъ, которыхъ я забраковалъ, невозможно было принять. Тѣ же изъ нихъ, которыхъ можно было бы выбрать, не были взяты за дурное поведеніе. Я снова поѣду въ Царское Село, чтобъ посмотрѣть на нихъ еще разъ. Удомъ въ восхищеніи отъ своего назначенія; но, къ несчастію, онъ такъ боленъ въ эту минуту, что я сомнѣваюсь, чтобъ онъ могъ быть намъ полезенъ. Я говорилъ съ полковникомъ Шиповымъ и употребилъ всѣ средства убѣдить его перейти въ Семеновскій полкъ баталіоннымъ командиромъ; я ему объяснилъ, что такъ какъ генералъ Удомъ боленъ, то defacto онъ будетъ командовать полкомъ; но всѣ мои усилія остались безплодны: онъ мнѣ сказалъ, что онъ слишкомъ привязанъ къ своему полку, чтобы промѣнять его на баталіонъ и что такъ какъ генералъ Удомъ будетъ видѣть въ немъ своего преемника, его

положеніе будетъ затруднительное и непріятное. Я ему замѣтилъ, что этимъ я займусь, и ручаюсь ему, что генералъ Удомъ будетъ въ восторгѣ имѣть его у себя. На это онъ мнѣ отвѣчалъ, что ему невозможно рѣшиться оставить полкъ, которому онъ обязанъ за хорошое мнѣніе объ немъ. Я еще разъ примусь за это и постараюсь уговорить Удома, чтобъ онъ съ своей стороны сдѣлалъ ему предложеніе. Я передалъ слово въ слово порученіе его императорскаго величества государя Паткулю. Онъ былъ очень тронутъ милостію государя и сказалъ мнѣ по секрету, что онъ въ восхищеніи остаться въ своей бригадѣ, что онъ себя чувствуетъ такъ счастливымъ въ Царскомъ Селѣ, что онъ по своему желанію никогда не перемѣнилъ бы своего положенія; потомъ со слезами на глазахъ повторилъ мнѣ, что онъ такъ тронутъ участіемъ, которымъ удостоиваетъ его государь, что, ежели возможно, онъ еще удвоитъ усердіе къ службѣ. Прошу, любезный другъ, мнѣ отвѣчать съ первымъ курьеромъ, на замѣтку, которую я вамъ посылаю, касательно кампамента войскъ. Такъ какъ я не знаю времени возвращенія его императорскаго величества, то мнѣ бы хотѣлось имѣть приказанія его впередъ, чтобы сдѣлать мои распоряженія сообразно обстоятельствамъ.

Вотъ замѣтка, которую считаю нужнымъ вамъ сообщить, такъ какъ не въ моей власти тутъ помочь. Разсужденія касательно неудобства содержать подсудимыхъ на гауптъ-вахтѣ довольно вѣрны; арестованные, виновные или нѣтъ, негодуютъ и распространяютъ негодованіе всѣми мѣрами, внушая сочувствіе тѣмъ, которые ихъ караулятъ и бранятъ правительство.

Поведеніе г-ла Желтухина по возвращеніи его до того примѣрно, что я былъ бы послѣдній изъ людей, ежели-бы не упомянулъ о немъ: онъ отложилъ въ сторону все самолюбіе и далъ мнѣ истинное и убѣдительное доказательство своего усердія.

XXIII. 18 Février.

Vous me dites que Miloradowitch a eu raison de refuser de faire monter la garde au régiment de Sémenofsky le 13 Janvier, et qu'il aurait fallu se concerter d'avance avec lui et supprimer du tour de rôle le bataillon des sapeurs. C'est mot pour mot ce qui a été proposé au moins 8 jours d'avance, accepté et promis par le commandant, et c'est sur cela que j'ai annoncé dans ma lettre à l'Empereur, que le régiment pourrait monter la garde le 13, et c'est pour cela aussi que j'avais commandé pour le 11 la remise des drapeaux. Or, vous voyez que j'étais en règle, lorsque le 9 on me fit savoir que le comte Miloradowitch avait défendu de rien changer au tour du rôle. Ce n'est qu'alors que je suis entré en correspondance avec lui, pour pouvoir vous envoyer sa réponse et vous donner la raison, pour laquelle le régiment ne montait pas la garde le 13. Vous me dites, mon cher ami, que le comte Miloradow. craignait sa propre responsabilité, s'il était arrivé quelques désagréments. D'abord, de la manière, dont la chose devait être arrangée, il n'y avait pas de désagréments à prévoir, et si même il était arrivé quelque chose, la responsabilité ne pouvait peser que sur moi, qui commande la troupe et qui avais demandé ce changement dans le tour de rôle. Supposons maintenant que je me trouve dans la nécessité de faire monter la garde à un régiment plutôt qu'à un autre

pour des raisons, que je dois taire. La chose me deviendrait impossible. Quel est donc le pouvoir d'un chef de corps ici? Je vous le demande. Je finirai cet article par vous dire que je ne vous aurais points parlé de cette correspondance, si je n'avais pas annoncé à l'Empereur que le régiment de Sémenofsky monterait la garde le 13: je suis à une trop bonne école de patience pour ne pas me mettre au dessus de viles intrigues. Pourvu que le Ciel me permette de maintenir la tranquillité jusqu'au retour de l'Empereur, il verra, s'il est facile de faire son devoir en son absence, et si un état de choses, comme celui qui existe, peut durer.

L'écrivain du régiment Ismailofsky est un mauvais sujet, et il y a gros à parier que tout ce qu'il a dit est de son invention: car le sergent-major du régiment Ismailofsky est un brave, d'une conduite exemplaire,—l'enquête la plus stricte sera faite là-dessus. Le général Oudom a été si mal ces jours-ci qu'on a cru qu'il mourrait. Je lui ai envoyé hier le chirurgien du corps, qui m'a fait le rapport, qu'il allait mieux pour le moment; mais que son mal était incurable et qu'il avait tous les symptômes d'un anevrisme au coeur. Comme le régiment exige une surveillance active, surtout pour mettre en ordre l'intérieur du régiment, je suis parvenu, non sans difficulté, à persuader Schipoff à y entrer. La condition, qu'il y a mis, est celle de ne pas être nommé chef de bataillon, mais tout simplement числиться во второмъ баталіонѣ. Il m'a fait entendre que ses voeux seraient comblés, s'il pouvait devenir aide-de-camp de Sa M. l'Empereur. Je lui ai promis de faire parvenir à Sa M. ses désirs. En attendant je me suis décidé à faire mettre demain à l'ordre du jour, что полковникъ Шиповъ прикомандировывается къ л. г. Семеновскому полку. J'ai encore une fois revu les hommes du 1-er bataillon des régiments de l'empereur d'Autriche et du roi de Prusse et me suis convaincu, qu'il n'y a pas de choix à faire parmi eux; que les chefs de bataillons reconnaissent être d'une bonne conduite. Avec toute la bonne volonté possible, je n'ai pu choisir que 7 hommes du régiment de l'empereur d'Autriche et 6 de celui du roi de Prusse,—c'est pourquoi j'ai pris 393 hommes sur les 1200, qui sont ici pour compléter l'infanterie de la garde. Le régiment sera beau en hommes maintenant; il s'agit seulement d'y maintenir le bon esprit, qui l'anime.

Переводъ. 18 Февраля.

Вы говорите, что Милорадовичъ былъ правъ, отказавъ мнѣ послать въ караулъ Семеновскій полкъ 13-го Января, и что надо было впередъ сговориться съ нимъ, чтобы перемѣнить очередь и исключить изъ нея саперный баталіонъ. Это слово въ слово то, что́ я предлагалъ за 8 сутокъ передъ тѣмъ и что́ было принято и обѣщано комендантомъ. На этомъ основаніи я донесъ государю, что 13-го Семеновскій полкъ вступитъ въ караулъ и назначилъ на 11-е число передачу знаменъ. И такъ, вы видите, что съ моей стороны все было сдѣлано, какъ слѣдуетъ; но вдругъ 9-го мнѣ присылаютъ сказать, что графъ Милорадовичъ запретилъ перемѣнить очередь карауловъ. Тогда я вступилъ въ переписку съ нимъ,

чтобъ имѣть возможность переслать вамъ его отвѣтъ и заявить причину, по которой полкъ не вступилъ въ караулъ 13-го.

Вы мнѣ говорите, любезный другъ, что графъ Милорадовичъ страшился за свою отвѣтственность, ежели-бы случились какія-нибудь непріятности: во первыхъ, все было такъ устроено, что никакихъ непріятностей ожидать нельзя было, а ежели-бы что и случилось, отвѣтственность падала прямо на меня, какъ командующаго войскомъ и просившаго перемѣнить очередь. Предположимъ, что я бы былъ поставленъ въ необходимость заставить вступить въ караулъ неочередной полкъ, а другой, по причинамъ, которыхъ я не желаю указать, неужели это бы было мнѣ невозможно! Въ чемъ же заключается нынѣ власть корпуснаго командира? спрашиваю я васъ. Кончаю эту статью тѣмъ, что я бы не заикнулся объ этой перепискѣ, ежели-бы не объявилъ впередъ государю, что Семеновскій полкъ вступаетъ въ караулъ 13-го. Я уже прошелъ чрезъ слишкомъ хорошую школу терпѣнія, чтобы не презирать подлыя интриги, и пусть только Небо дозволитъ мнѣ поддержать спокойствіе до возвращенія государя: онъ увидитъ самъ, какъ легко исполнять свою обязанность въ его отсутствіи, и можетъ ли подобный порядокъ вещей продолжаться.

Измайловскаго полка писарь—отъявленный мерзавецъ. Можно держать большое пари о томъ, что все, что́ онъ сказалъ, его выдумка, потому что фельдфебель Измайловскаго полка отличный солдатъ, примѣрнаго поведенія,—самое строгое изслѣдованіе будетъ назначено объ этомъ предметѣ. Генералъ Удомъ былъ такъ плохъ эти дни, что думали, онъ умираетъ. Я послалъ къ нему гвардейскаго корпуса штабъ-доктора, который мнѣ донесъ, что ему теперь лучше, но что у него болѣзнь неизлѣчимая: у него аневризмъ въ сердцѣ, всѣ признаки. Такъ какъ полкъ требуетъ присмотра дѣятельнаго, въ особенности по хозяйственной части, то я добился, но не безъ труда, убѣдить Шипова вступить въ него. Условіе его то, чтобъ не быть назначеннымъ баталіоннымъ командиромъ, но просто числиться во второмъ баталіонѣ. Онъ мнѣ далъ почувствовать, что всѣ его мечты сбылись бы, еслибы онъ могъ быть назначенъ флигель-адъютантомъ. Я ему обѣщалъ передать е. в-ву его желаніе; а пока я рѣшился завтра отдать въ приказѣ „что полковникъ Шиповъ прикомандировывается къ л. г. Семеновскому полку“. Я еще разъ осмотрѣлъ всѣхъ людей 1-й роты полковъ императора Австрійскаго и короля Прусскаго и убѣдился, что некого выбирать между тѣми, которыхъ баталіонные командиры хвалятъ за хорошее поведеніе. При всемъ моемъ желаніи я могъ выбрать только 7 человѣкъ изъ полка императора Австрійскаго и 6-ть изъ полка короля Прусскаго, и поэтому я взялъ 393 человѣка изъ тѣхъ 1200, которые находятся здѣсь для укомплектованія гвардейской пѣхоты. Полкъ будетъ теперь красивъ людьми; надо только поддержать въ немъ хорошій духъ.

XXIV. 25 Février 1821.

Les recherches les plus exactes sur les propriétés des bas-officiers et soldats des gardes se font; dès que j'en recevrai la note, je vous l'enverrai. Les bas-officiers Лиманской и Жилинка du régiment des cuirassiers de la garde sont déjà mis sous jugement. D'après l'enquête, tous les soupçons tombent sur Limanski, comme vous le verrez par le rapport, que je vous ai envoyé par le dernier courrier; aucun des deux n'a été à l'école de Lancastre. Quant à la mort du capitaine en second

Kovnatzky, j'ai employé tous les moyens possibles pour découvrir les raisons de son suicide, mais toutes les notions que j'ai eu, étaient conformes à ce que je vous ai dit dans mon rapport. Je vous envoie sa lettre et je chercherai à savoir s'il a été franc-maçon. Je vous envoie l'exposé de l'affaire du grenadier du régiment de Pavlovsky. Vous verrez que la commission militaire a constaté que ses plaintes contre le bas-officier étaient fausses et qu'il a fini par l'avouer lui-même; or, je crois n'avoir pas eu tort de le faire punir. Je vous envoie l'ordre du jour, que j'ai cru devoir donner pour faire tomber les bruits, qui circulaient dans les régiments sur ce que cette somme ne parviendrait pas aux soldats et qu'elle devait être employée à leur faire faire les culottes de nouvelle invention.

J'ai la conviction intime que la distribution de cet argent telle, que je la proposais, est la seule qui convienne et sera conforme à la stricte justice: car il est notoire, et vous en jugerez par les notes, que je vous envoie, que les appointements du soldat ne sont plus suffisants pour les dépenses qu'ils ont à faire.

Je vous ai dit dans ma dernière lettre que Shipoff consentait à passer dans le régiment Sémenofsky et que je comptais en parler au général Oudom. Le vieillard n'entend pas raison: il ne veut absolument pas du colonel Shipoff; il prétend que sa santé est encore bonne et qu'il est trop content des chefs de bataillons qu'il a pour en désirer d'autres, qu'il espère pouvoir sortir dans quelques jours et qu'il répond que sa santé ne mettra aucune entrave à son service. Le cas est d'autant plus embarassant qu'il ne voit pas son état, et qu'en insistant on peut aggraver son mal. Je me suis décidé à abandonner la chose pour le moment, sauf à y revenir dès qu'il aura une rechute. On est généralement étonné que l'Empereur prolonge son absence dans un moment, où sa présence devient tous les jours plus nécessaire, vu le désordre, qui règne dans l'intérieur de notre empire et le mécontentement, qui en résulte dans toutes les classes. Les hommes bien pensants et à même de juger de la nécessité où est l'Empereur de terminer la lutte, qui va s'engager, ne sont pas tranquilles sur l'esprit, qui règne ici et sentent tous les jours d'avantage la nécessite d'un prompt remède. Voila, où nous en sommes, cher ami. Avec cela aucun centre de pouvoir ici, chacun tire de son côté, et la plupart des gens en place agissent dans le sens de leurs intérêts particuliers. Vous conviendrez, que ce tableau n'est pas consolant; mais croyez moi qu'il est vrai, et si d'autres vous parlent dans un sens différent, ce ne sont peut-être que des aveugles ou de traîtres.

J'ai reçu l'ordre, qui refuse les старшие оклады au régiment Sémenofsky; je crois que, vu les circonstances, il serait nécessaire de leur maintenir les prérogatives, accordées au régiment, d'abord parce que les hommes, qui y sont entrés, sont pour la plupart des grenadiers, qui ont bien servi; il y en a beaucoup de vieux et 140 chevaliers de St. George; or, je pense qu'il serait injuste de leur refuser une prérogative, qui leur aurait été accordée, s'ils étaient entrés dans un autre

régiment des gardes. Pour empêcher toute espèce de réclamation, il serait nécessaire d'accorder la même grâce aux régiments des grenadiers de la garde et à celui de Pavlovsky. Il est arrivé ce matin un mésentendu à la parade: un bas-officier de la garde a été envoyé chez le commendant pour savoir, si la parade se fairait avec ou sans cérémonie; ayant mal entendu, il est venu dire qu'elle se faisait sans cérémonie; la garde est donc allé tout droit au chateau, aulieu de venir à la maison d'exercice.

Переводъ 25 Февраля 1821 года.

Справки самыя точныя были наведены насчетъ унтеръ-офицерскихъ имуществъ и гвардейскихъ солдатъ. Какъ получу отмѣтки, перешлю ихъ къ вамъ. Унтеръ-офицеры Лиманскій и Жилинка гвардейскаго кирасирскаго полка отданы подъ судъ; по слѣдствію всѣ подозрѣнія падаютъ на Лиманскаго, что̀ вы и увидите въ отчетѣ, который я вамъ послалъ съ послѣднимъ курьеромъ. Никто изъ нихъ не былъ въ Ланкастерской школѣ; а что̀ касается до смерти штабсъ-капитана Ковнацкаго, я употребилъ всѣ средства, чтобъ открыть причину его самоубійства; но всѣ свѣдѣнія, полученныя мною, сходятся съ тѣмъ, о чемъ я уже вамъ писалъ въ моемъ рапортѣ. Прилагаю его письмо и постараюсь узнать, былъ ли онъ масонъ. Посылаю вамъ все изложеніе дѣла гренадера Павловскаго полка. Вы увидите, что военно-судная коммиссія признала его жалобы фальшивыми, въ чемъ онъ и самъ сознался; значитъ, я былъ въ правѣ его наказать. Посылаю вамъ приказъ, который я отдалъ, чтобы прекратить толки, которые шли въ полкахъ о томъ, что выданная сумма не дойдетъ до солдатъ и что она будетъ употреблена на шитье брюкъ новой системы. Я имѣю полное убѣжденіе, что распредѣленіе этихъ денегъ, какъ я предлагалъ, есть единственно приличное и будетъ согласно съ самой строгой справедливостью, потому что доказано, и вы это увидите по замѣткамъ, которыя я вамъ высылаю, что солдатскаго жалованья уже не хватаетъ на расходы, которые солдаты принуждены дѣлать.—Я вамъ писалъ въ послѣднемъ моемъ письмѣ, что Шиповъ согласился перейти въ Семеновскій полкъ и что я собирался объ этомъ поговорить съ г. Удомомъ, но старикъ и слышать не хочетъ о полковникѣ Шиповѣ. Онъ увѣряетъ, что здоровье его еще очень хорошо и что онъ слишкомъ доволенъ своими баталіонными командирами, чтобы желать другихъ. Онъ настаиваетъ на томъ, что надѣется выѣхать на дняхъ и ручается, что здоровье его нисколько ему не помѣшаетъ заниматься службой. Обстоятельство тѣмъ болѣе затруднительно, что онъ вовсе не чувствуетъ своего положенія и что, настаивая на этомъ, можно ухудшить ходъ его болѣзни. Я рѣшился оставить это пока и заговорить съ нимъ опять только тогда, какъ съ нимъ сдѣлается повтореніе пароксизма.

Всѣ вообще удивляются, что государь продолжаетъ свое отсутствіе въ такую минуту, когда его присутствіе ежедневно дѣлается необходимѣе для прекращенія неурядицы, которая царствуетъ внутри нашей имперіи, и въ виду неудовольствія, которое оттого является во всѣхъ классахъ. Благомыслящіе люди и способные судить, до какой степени необходимо, чтобъ государь прекратилъ борьбу, которая завязывается, чувствуютъ настроеніе, которое царствуетъ здѣсь и сознаютъ необходимость скорѣйшаго лѣкарства. Вотъ до чего мы дошли, любезный другъ; и къ тому же никакого центра власти нѣтъ: каждый тянетъ въ свою сторону, и

большая часть должностныхъ лицъ дѣйствуетъ въ смыслѣ своихъ собственныхъ, частныхъ интересовъ. Сознайтесь, что картина не утѣшительная, но повѣрьте, что правдивая, и если другіе вамъ будутъ говорить въ другомъ смыслѣ, то это будутъ или слѣпые, или измѣнники.

Я получилъ приказъ объ отказѣ старшихъ окладовъ Семеновскому полку. Я бы думалъ, напротивъ, что, по нынѣшнимъ обстоятельствамъ, слѣдовало бы имъ оставить эту привиллегію: во первыхъ, потому, что люди, которые въ полкъ поступили, большею частію всѣ заслуженные гренадеры, есть много старыхъ и 140 кавалеровъ Георгіевскихъ. И такъ я думаю, что несправедливо у нихъ отнять привилегію, которую они бы сохранили, поступивши въ другіе гвардейскіе полки. Чтобы предупредить всевозможныя требованія, нужно было бы сдѣлать туже милость и другимъ гвардейскимъ гренадерскимъ полкамъ и Павловскому. Сегодня случилось недоразумѣніе на парадѣ: какой-то унтеръ-офицеръ былъ посланъ къ коменданту узнать, что разводъ будетъ съ церемоніей или безъ оной; не разслышавши, онъ пришелъ донести, что будетъ безъ церемоніи; караулъ и отправился прямо во дворецъ, вмѣсто того чтобъ идти въ экзерциръгаузъ.

XXV. 4 Mars.

Vous me dites de tâcher de faire taire ces bons défenseurs des coupables. N'oubliez pas que leurs clameurs n'ont d'autre but que le désir de me décrier dans l'opinion qu'ils appellent publique et me faire du tort. Or, leur défendre de parler contre moi est une mesure à laquelle je ne m'abaisserai jamais. Je suis trop fier pour leur faire croire, que je les crains et trop persuadé de la justice de ma cause pour descendre à m'expliquer avec eux. Par conséquent je ne vois pas le moyen pour moi de leur faire sentir qu'ils font mal, qu'en leur montrant tout le mépris que leur conduite m'inspire. N'allez pas croire pour cela qu'il y ait de l'animosité en moi; je leur pardonne de tout mon coeur le tort qu'ils veulent me faire personnellement; mais je ne puis leur pardonner celui qu'ils font à l'esprit de la troupe et au bien-être de leur Patrie. Mais pourquoi vous en veulent-ils? me demanderez-vous. La chose est toute simple: ils sont fâchés d'avoir un chef de corps et ne voudraient avoir qu'un mannequin. Ils étaient habitués à parler directement à l'Empereur de leurs troupes maintenant tout passe par moi: il n'en faut pas d'avantage à la cour pour être détesté. Ils seraient embarassés de donner une autre raison; car certes, partout, où j'ai pu être utile aux trois individus, que vous nommez dans votre lettre, j'en appele à l'Empereur même, ai-je pris leurs intérêts à coeur?

Brisons là et parlons d'autre chose. Les revues d'inspection ont commencé. La brigade du Grand-Duc Nicolas, inspectée par lui, a répondu à l'unanimité qu'elle était parfaitement contente de tous ses chefs et n'a porté aucune plainte, à l'exception d'une compagnie de sapeurs, qui s'est plainte contre son sergent-major. La chose a été examinée, et le sergent-major destitué pour s'être permis de rosser les hommes à coup de poing dans la figure.

L'inspection des gardes-à-cheval par Kabloucoff s'est passée parfaitement bien,—c'est un régiment du meilleur esprit possible. Il n'en est

pas de même des chevaliers-gardes; les réponses n'étaient pas unanimes: il y en avait qui ne répondaient pas aux questions que le chef de brigade leur faisait; enfin le 1-er escadron a prétendu n'avoir pas reçu de bottes et se plaignait que les culottes de peau pour l'an 21 ne leur avait pas été délivrées. Le chef de brigade leur a démontré que leurs plaintes étaient absurdes, qu'il savait très bien que l'on travaillait aux bottes, qui leur seraient délivrées dès qu'elles seraient prêtes, que quant aux culottes, il savait que leur confection était achevée, et que si elles se trouvaient au цегаузъ, ce n'est que pour les ménager et les leur délivrer pour les jours de parade. Ils sentirent la vérité de ce que le chef de brigade leur disait, et la chose en resta là. Tout ceci vous prouve le mécontentement du régiment contre son chef et la nécessité de lui donner un successeur. Le g. Ouvaroff, qui est avec vous probablement, vous dira la même chose; nous en avons causé avec lui. Je suis bien loin de vouloir faire du tort à ce vieux serviteur *); bien au contraire, mais il y a un tems pour tout et, sans lui prêter d'autres défauts, il faut convenir qu'il est trop vieux pour le poste qu'il occupe. Vous me demandez dans votre lettre: pourquoi j'ai nommé Lévacheff président de la commission militaire, si j'avais connaissance, qu'il agissait dans un sens contraire? Je n'ai connu son opinion sur l'affaire qu'après l'avoir nommé; j'étais bien loin de pouvoir croire que l'évidende et la réflexion ne feraient aucun effet sur lui; une fois nommé, il était impossible pour moi de le changer; au contraire, je n'étais point fâché de prouver aux clabaudeurs que j'étais incapable d'influencer une commission—et, certes, c'est un reproche qu'aucun de mes ennemis les plus acharnés ne me fera. Or, s'il a agi contre le bon sens et j'ose dire contre l'équité d'un juge, il ne peut s'en prendre qu'à lui même des désagréments, qu'il se sera attiré.

Comme probablement on vous parlera d'une querelle, qui a eu lieu Dimanche passée entre Orloff-Denissoff et le g. Toll, que nous venons de terminer à l'amiable, je crois devoir vous en parler aussi. Dimanche, au dîner de l'impératrice Elisabeth, à un coin de la table, où se trouvaient les généraux Konownitzin, Orloff-Denissoff, Toll, Rosen et Lévacheff, la conversation s'engagea sur la campagne de 1812; on parla de différentes affaires, entr'autres de celle de Taroutino. Sur cela Toll fit les plus grands éloges sur la conduite du c. Orloff-Denissoff dans cette affaire. Celui-ci lui répondit, qu'il devait se rappeler que lui, le c. Orloff-Denissoff, avait projetté l'affaire, commencé et fini, et que c'était le g. Toll, qui avait reçu la récompense. Vous connaissez la tête de Toll; il lui répondit que ce n'était pas vrai et, comme l'autre insistait, il lui dit nettement qu'il en avait menti. Au sortir de table, Orloff demanda raison de son offense, et il fut décidé qu'ils se battraient. Orloff-Denissoff étant venu m'en parler; j'ai cherché à terminer une histoire aussi indécente, d'autant plus qu'elle avait commencé au dîner de l'impératrice. Toll, un quart d'heure après, était au désespoir de s'être

*) Ген.-ад. Ник. Ив. Депреради́вичъ командовалъ кавалергардскимъ полкомъ до 1821 г. и сдалъ его полковнику Евд. Вас. Давыдову.

oublié et consentit à faire toutes les réparations que l'on voudrait. Le cosaque fit des difficultés, mais consentit enfin à terminer cette histoire scandaleuse. En présence de Konownitzin, Koutousoff, Komarofsky et moi, Toll demanda pardon; ils s'embrassèrent, et tout fut fini.

Du reste, tout est tranquille parmi les troupes, et j'ai tout lieu de croire, que les revues d'inspection prouveront que les soldats n'ont pas de plaintes fondées à faire sur la manière dont leurs chefs les traitent. Quant aux améliorations, qu'il y aurait à proposer, j'ai préparé mes remarques que je soumettrai à l'Empereur, à son retour.

Переводъ. 4 Марта.

Вы мнѣ говорите, чтобы я заставилъ замолчать этихъ защитниковъ невинныхъ. Не забудьте, что крики не имѣютъ другой цѣли, какъ повредить мнѣ во мнѣніи общественномъ, какъ они его называютъ. И такъ, запретить имъ болтать противъ меня, было бы мѣрою, до которой я никогда не унижусь. Я слишкомъ гордъ, чтобъ имъ дать подумать, что я ихъ боюсь, и слишкомъ увѣренъ въ справедливости моихъ убѣжденій, чтобы унизиться до объясненія съ ними. И такъ, я не вижу, какія могутъ быть другія средства дать имъ почувствовать, что они поступаютъ дурно, какъ показавши полное презрѣніе къ ихъ образу дѣйствій. Не думайте, чтобы они этимъ возбуждали во мнѣ къ самимъ себѣ злобу; напротивъ, я имъ прощаю сердечно все то зло, которое они желаютъ сдѣлать мнѣ лично, но никогда имъ не прощу того вреда, который они дѣлаютъ духу войска и благоденствію Отечества. Но отчего они такъ возбуждены противъ васъ? спросите вы у меня. Вещь очень простая: они сердятся, что у нихъ корпусной командиръ и желали бы имѣть чучелу. Они привыкли говорить про свои войска съ государемъ прямо, а теперь все проходитъ чрезъ мои руки; этого достаточно при дворѣ, чтобы васъ ненавидѣли. Они затруднились бы сами указать другую причину, потому что, конечно, вездѣ, гдѣ могъ, я былъ полезенъ тѣмъ тремъ личностямъ, которыхъ вы называете въ вашемъ письмѣ. Я ссылаюсь даже на государя, не принималъ ли я всегда ихъ интересы къ сердцу? Но довольно объ этомъ, поговоримъ о другомъ.

Инспекторскіе смотры начались. Бригада великаго князя Николая Павловича, инспектированная имъ самимъ, отвѣчала единодушно, что она совершенно довольна всѣми своими начальниками и не принесла никакой жалобы, кромѣ одной саперной роты, которая пожаловалась на фельдфебеля; дѣло было разобрано, и фельдфебель смѣненъ за то, что позволилъ себѣ бить людей кулаками по лицу.

Смотръ конной гвардіи, сдѣланный Каблуковымъ, сошелъ отлично,—въ этомъ полку отличный духъ. Нельзя тоже самое сказать про кавалергардовъ. Отвѣты были неединодушны; нѣкоторые совсѣмъ не отвѣчали на вопросы, которые имъ дѣлалъ бригадный командиръ; наконецъ лейбъ-эскадронъ высказалъ претензію, что не получалъ сапогъ и жалованья, что лосины 21-го года имъ не выданы. Бригадный командиръ имъ доказалъ, что ихъ жалобы не основательны, ибо онъ знаетъ навѣрное, что сапоги шьются, и ихъ имъ выдадутъ, какъ только сапоги будутъ готовы; что же касается до лосинъ, онъ тоже знаетъ достовѣрно, что они готовы и находятся въ цехаузѣ, чтобы ихъ поберечь до парада. Они почувствовали справедливость словъ бригаднаго командира, и тѣмъ дѣло кончилось. Но это все вамъ доказываетъ неудовольствіе полка на своего полковаго командира и необходимость дать другаго начальника. Генералъ Уваровъ те-

перь, вѣроятно, у васъ; онъ вамъ скажетъ тоже самое; мы съ нимъ уже объ этомъ говорили. Я не желалъ бы повредить такому старому служакѣ, напротивъ; но есть время на все, и не взваливая на него другихъ недостатковъ, просто нужно сознаться, что онъ слишкомъ старъ для занимаемой имъ должности.

Вы спрашиваете въ вашемъ письмѣ, почему я назначилъ Левашева предсѣдателемъ военно-судной коммиссіи, знавши, что онъ будетъ дѣйствовать въ превратномъ смыслѣ. Я его мнѣніе по этому дѣлу узналъ только по его назначеніи и былъ очень далекъ отъ мысли, что очевидность не подѣйствуетъ на его мысли; но уже разъ назначивши, мнѣ невозможно было его смѣнить; напротивъ, я радъ былъ доказать сплетникамъ, что я не желаю имѣть вліянія на военно-судную коммиссію и, конечно, этого упрека мнѣ не можетъ сдѣлать даже самый злѣйшій мой врагъ. И такъ, ежели онъ дѣйствовалъ противъ здраваго смысла и, смѣю даже сказать, противъ справедливости суда, онъ можетъ только пенять на самого себя за непріятности, которыя навлекъ на себя. Такъ какъ, вѣроятно, вамъ раскажутъ ссору Орлова-Денисова и г-ла Толя, происшедшую въ прошедшее Воскресенье и которую мы сейчасъ прекратили миролюбивымъ образомъ, то я нахожу нужнымъ вамъ ее передать. Въ Воскресенье, за обѣдомъ у императрицы Елизаветы, на углу стола, гдѣ помѣщались генералы Коновницынъ, Орловъ-Денисовъ, Толь, Розенъ и Левашевъ, рѣчь зашла о кампаніи 1812-го года; говорили о разныхъ дѣлахъ и между-прочимъ о Тарутинѣ. Толь сталъ расхваливать дѣйствія въ этомъ дѣлѣ графа Орлова-Денисова, на что тотъ отвѣтилъ, что, вѣроятно, онъ тоже помнитъ, какъ онъ, графъ Орловъ-Денисовъ, составлялъ планъ сраженія, началъ и кончилъ его, а генералъ Толь получилъ награду. Вы знаете вспыльчивость Толя. Онъ ему отвѣчалъ, что это не правда; и когда тотъ сталъ настаивать на своемъ, то Толь просто ему сказалъ, что онъ лжетъ. По выходѣ изъ-за стола, Орловъ требовалъ у него удовлетворенія за обиду и было рѣшено, что они будутъ драться. Когда Орловъ-Денисовъ пришелъ ко мнѣ поговорить обо всемъ этомъ, я постарался прекратить столь неприличную исторію, тѣмъ болѣе, что она началась за обѣдомъ у императрицы. Толь чрезъ четверть часа былъ въ отчаяніи, что такъ забылся и согласился на всѣ удовлетворенія, какія отъ него потребуютъ. Казакъ поломался, но однакоже согласился покончить эту скандальную исторію. Въ присутствіи Коновницына, Кутузова, Комаровскаго и моемъ, Толь извинился; они обнялись, и все было кончено. Впрочемъ, все спокойно въ войскѣ и надѣюсь, что инспекторскіе смотры докажутъ, что солдаты не имѣютъ никакихъ основательныхъ причинъ жаловаться на обращеніе съ ними начальниковъ; что́ же касается до улучшеній, которыя слѣдуетъ предложить, я представлю мои предположенія государю по его возвращеніи.

XXVI. 11 Mars.

J'ai fait votre commission près de Meiendorf, mon cher ami. Il dit qu'il ne s'est décidé à demander son congé que parce qu'il croyait avoir trop peu servi pour oser demander un semestre prolongé, devenu indispensable, vu la maladie de sa mère, qui se trouve dans l'impossibilité de vaquer plus longtems aux affaires très dérangées de la famille; qu'en outre il sentait la nécessité d'achever ses études pour pouvoir un jour être aussi utile qu'il le désire au service de son Souverain; qu'il serait au désespoir d'être taxé d'ingratitude; qu'ayant ex-

posé ses raisons il s'en remettra entiérement à la volonté de l'Empereur; le seul désir, qu'il se permet de former, est celui de passer dans la ligne pour mieux connaître le soldat et le service du front; il ne demanderait cette faveur que pour 2 ans; et qu'alors s'il serait de quelque utilité dans l'étât-major, il ne demanderait pas mieux que d'y rentrer. Je lui ai accordé un semestre de 28 jours, en attendant votre réponse.

Le jugement d'Orloff a fait sensation ici: il heurte l'intérêt et l'amour-propre de trop de monde pour ne pas donner lieu à tout plein de discours; mais la conduite franche et loyale d'Orloff dans cette affaire est généralement reconnue et ferme la bouche à ceux-mêmes, qui voudraient trouver quelque chose à redire sur les conclusions de la commission.

Du reste tout est tranquille chez nous; les revues d'inspection, faites par les brigadiers, se sont passées à merveille: les hommes ont unanimement déclaré qu'ils sont contents, et je crois pouvoir certifier qu'ils ne peuvent guère avoir à se plaindre, et l'Empereur verra, j'espère, que cette histoire du régiment Sémenofsky n'a pas fait baisser la troupe. Nous avons attendu et attendons avec impatience le courrier de cette semaine-ci dans l'espoir d'avoir de bonnes nouvelles sur le retour de l'Empereur.

Переводъ. 11 Марта.

Я исполнилъ ваше порученіе о Мейендорфѣ, любезный другъ. Онъ говоритъ, что оттого только рѣшился проситься въ отставку, что, прослуживъ еще слишкомъ мало, не рѣшился просить продолжительнаго отпуска, который ему сдѣлался необходимъ по болѣзни его матери: она находится въ невозможности далѣе заниматься дѣлами семьи, весьма разстроенными. Кромѣ того, онъ чувствуетъ необходимость еще учиться, чтобы быть полезнымъ со временемъ, какъ бы онъ того желалъ, своему государю; онъ былъ бы въ отчаяніи, ежели-бы его могли считать неблагодарнымъ. Высказавши нынѣ свои причины, онъ себя отдаетъ совершенно на волю государя. Единственное желаніе, которое онъ позволяетъ себѣ высказать, это перейти во фронтъ, чтобы изучить солдатскій бытъ и фрунтовую службу. Милости этой онъ проситъ только на два года, и тогда онъ думаетъ, что можетъ быть полезенъ въ генеральномъ штабѣ, куда желаетъ снова поступить. Я ему далъ отпускъ на 28 дней. Судъ Орлова произвелъ здѣсь впечатлѣніе: онъ затрогиваетъ слишкомъ чувствительные интересы и самолюбія стольких лицъ, чтобы не дать повода къ разнымъ толкамъ; но честное и откровенное поведеніе Орлова въ этомъ дѣлѣ зажало уста даже тѣмъ, которые хотѣли бы найти что-нибудь сказать противъ рѣшенія коммисcіи. Впрочемъ, у насъ все спокойно, инспекторскіе смотры, сдѣланные бригадными командирами, сошли отлично; люди единодушно объявили, что довольны, и мнѣ кажется я могу удостовѣрить, что эта исторія Семеновскаго полка не уронила войска. Мы ждали и ждемъ съ нетерпѣніемъ курьера на этой недѣлѣ, въ надеждѣ получить хорошихъ извѣстій о возвращеніи государя.

Примѣчаніе.

Баронъ Александръ Казиміровичь Мейендорфъ въ то время служилъ офицеромъ свиты его величества по квартирмейстерской части, въ послѣдствіи былъ членомъ совѣта министра финансовъ. Онъ въ 1820 г. былъ преданъ

суду за дерзкія выраженія, сказанныя имъ ген. Бенкендорфу. Сенаторъ А. И. Казначеевъ передалъ мнѣ всѣ обстоятельства этого дѣла. Однажды начальникъ штаба генералъ Бенкендорфъ приказалъ ему, Казначееву, какъ дежурному штабъ-офицеру, собрать въ штабъ всѣхъ офицеровъ свиты государя по квартирмейстерской части. Писарь Микѣшинъ, нѣкоторымъ офицерамъ поважнѣе или титулованнымъ, въ повѣсткѣ написалъ: „Дежурный штабъ-офицеръ проситъ прибыть", другимъ же написалъ: „предлагаетъ прибыть въ штабъ". Одинъ изъ этихъ свитскихъ офицеровъ, котораго фамилію Казначеевъ забылъ, явившись на другой день по вызову, обратился къ нему съ жалобой на означенное выраженіе: „предлагаетъ", такъ какъ онъ ему не подчиненъ; а ежели это ошибка со стороны писаря, то просилъ взыскать съ него. Казначеевъ, не находя вины писаря достаточно важною для взысканія, объяснилъ офицеру всю незначительность этой ошибки и что, кромѣ того, это даже, по его мнѣнію, и не ошибка, такъ какъ онъ, по чину и по званію своему, имѣетъ полное право законно предлагать гг. оберъ-офицерамъ являться въ штабъ въ извѣстный день и часъ, и потому отказалъ офицеру во взысканіи съ писаря. Обидчивый офицеръ не только не убѣдился этими доводами, но подбилъ остальныхъ своихъ товарищей обжаловать коллективно это выраженіе по пріѣздѣ начальника штаба. Такъ и случилось. Генералъ Бенкендорфъ, поколебленный ихъ общею претензіею, зашелъ къ Казначееву въ дежурство, дабы узнать, какъ это могло случиться и требовалъ взысканія съ виновнаго; но, выслушавъ возраженія Казначеева, перемѣнилъ мнѣніе и, возвратившись къ свитскимъ офицерамъ, отказалъ имъ въ жалобѣ. Тогда завязался довольно крупный споръ, въ которомъ Мейендорфъ позволилъ себѣ употребить весьма колкія выраженія. Бенкендорфъ, будучи съ нимъ очень друженъ, спустилъ ему это, какъ земляку; но на другой день узналъ обо всемъ этомъ начальникъ главнаго штаба, князь Волконскій, потребовалъ къ себѣ барона Мейендорфа и спросилъ, чтó у него было съ начальникомъ штаба. Тотъ разсказалъ откровенно князю все, какъ было, и повторилъ свои выраженія слово въ слово. Князь Волконскій спросилъ его: „Вы такъ и выражались, баронъ"?—„Да, ваше сіятельство".—„Въ такомъ случаѣ, сказалъ князь, вы отправитесь сейчасъ въ крѣпость: я васъ предаю суду. Позвать ко мнѣ фельдъегеря",—и Мейендорфъ отправленъ былъ съ нимъ въ крѣпость. Назначена была военно-судная коммиссія подъ предсѣдательствомъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка полковника Шкурина, а въ числѣ членовъ находился офицеръ Семеновскаго полка И. П. Шиповъ, который одинъ подалъ голосъ въ пользу Мейендорфа. Могло бы кончиться весьма худо, еслибы Бенкендорфъ, бывши однажды дежурнымъ при государѣ, не выбралъ удобной минуты для испрошенія прощенія барону Мейендорфу и, получивъ его, тотчасъ послалъ его, Казначеева, въ крѣпость освободить виновнаго. На обратномъ пути въ городъ, Казначеевъ, сидя въ одномъ экипажѣ съ Мейендорфомъ, сказалъ ему пофранцузски: „Voyons, baron, vous devez m'en vouloir, car je suis la cause involontaire de toute cette histoire." (Вы, конечно, баронъ, гнѣваетесь на меня, потому что вѣдь я, хоть и противъ воли, причиною всей этой исторіи). На что получилъ въ отвѣтъ: „Non, cher colonel, je ne vous en veux pas: votre réputation de loyauté est bien établie; mais pour Benkendorff, nous causerons encore avec lui". (Нѣтъ, любезный полковникъ, я на васъ не въ претензіи: репутація ваша честности весьма извѣстна, но съ Бенкендорфомъ мы еще переговоримъ). В. Д.

(*Окончаніе будетъ*).

ПИСЬМО П. А. ПЛЕТНЕВА КЪ В. А. ЖУКОВСКОМУ [1].

17 Февраля 1833 г. С.П.бургъ.

...Сейчасъ только получилъ я отвѣтъ вашъ. Не умѣю, какъ надобно благодарить васъ за столько труда и терпѣнія. Если бы не видалъ я писемъ вашихъ къ ***, то я совсѣмъ бы удивленъ былъ, что вы для меня пожертвовали такою мѣрою времени и стоянія [2]. Но заняться такою корреспонденціею.... Вы теперь вправѣ презирать такихъ лѣнтяевъ, какъ Пушкинъ, который ничего не дѣлаетъ, какъ только утромъ перебираетъ въ гадкомъ сундукѣ своемъ старыя къ себѣ письма, а вечеромъ возитъ жену свою по баламъ, не столько для ея потѣхи, сколько для собственной. И такъ я правъ былъ, когда, опасаясь вызвать васъ на тягость и скуку отвѣтовъ, не писалъ къ вамъ писемъ. Теперь уже безпокойство совѣсти заставляетъ меня спѣшить писать къ вамъ. Прошу васъ, умоляю, заклинаю: берегите себя.

11 Марта.

Три недѣли прошло съ тѣхъ поръ, какъ я принялся было съ жаромъ писать отвѣтъ вамъ и уговаривать, чтобъ вы не слишкомъ занимались корреспонденціею, которая будетъ вамъ стоить и здоровья, и времени. Не помню, кто или что̀ оторвало меня отъ письма, и вотъ теперь только, на Воскресенье, въ три часа ночи, на раздольѣ, я могу опять къ вамъ писать. Вы не можете представить, какъ ужъ тягостна мнѣ становится такая жизнь. Мнѣ сорокъ лѣтъ, а я еще не жилъ какъ другіе. Я только работалъ, да и то безъ выгоды; потому что если пересталъ бы сегодня работать, по обыкновенному, то принужденъ былъ бы и себѣ и своимъ отказывать въ необходимомъ, или по крайней мѣрѣ въ такомъ, къ чему всѣ привыкли. Какая была бы разница въ моемъ положеніи, если бы я двадцатилѣтнюю службу свою отдалъ какому нибудь антрепризу, какъ это дѣлаютъ дѣти негоціантовъ! Я былъ бы съ независимымъ состояніемъ и работалъ бы только для того, чтобъ жизни давать разнообразіе и прелесть. Но теперь уже поздно о чемъ нибудь мечтать. Лучше свыкаться съ идеею о неизбѣжности своихъ

---

[1]) Писано въ Швейцарію, гдѣ въ то время, вслѣдствіе тяжкой болѣзни, находился В. А. Жуковскій; на время отлучки его преподаваніе Русской словесности въ царской семьѣ было поручено П. А. Плетневу. Письмо это служитъ дополненіемъ къ письмамъ, напечатаннымъ въ Русскомъ Архивѣ 1870 года.

[2]) В. А. Жуковскій имѣлъ обыкновеніе писать сто́я.

трудовъ и близости конца ихъ у гроба. Правда, я ужъ довольно свыкся съ послѣднею мыслію, особенно въ прошедшіе два года и въ нынѣшній [3]). Люди, съ которыми я дѣлился малыми остатками отдыховъ своихъ, чуждъ будучи всякаго другаго развлеченія, эти люди, одинъ за другимъ, уходятъ отсюда. Такимъ образомъ не стало Дельвига сперва, потомъ Молчанова, а теперь наконецъ и Гнѣдича. Какъ страшно было мнѣ повторять въ письмѣ вашемъ свои собственныя слова: Гнѣдичъ выздоровѣлъ, тогда, когда ужъ его не было на свѣтѣ. Въ началѣ осени, точно, ему было лучше, потому что онъ все лѣто пилъ молоко козы, которую называлъ шутя своею исцѣлительницею. Онъ даже началъ выѣзжать и менѣе остерегаться въ пищѣ. Но то-то и было худо. Отъ простуды, или отъ другаго чего, открылась у него кровь горломъ. Напрасно тогда доктора усиливались поправить его здоровье. Онъ слабѣлъ и примѣтно близился къ концу своему. Ужаснѣе всего было одиночество его, отъ котораго его характеръ, и самъ по себѣ довольно тяжелый, сдѣлался до чрезвычайности раздражительнымъ. А къ бóльшей тоскѣ, какъ его самаго, такъ и приходившихъ къ нему, доктора запретили съ нимъ говорить. Поэтому, наконецъ, кромѣ людей и наемной сестры милосердія, никого почти при немъ не было. Такъ печально и томительно исчезала жизнь человѣка, который въ здоровомъ состояніи умѣлъ пріятнѣйшимъ образомъ оживлять бесѣду съ собою всякаго человѣка, къ нему приходившаго. Его похоронили 3-го Февраля въ Невскомъ. При погребеніи было довольно людей, любившихъ его. Но Хвостовъ не пощадилъ и послѣдней церемоніи. Цѣлую обѣдню раздавалъ онъ стихи свои и разговаривалъ во весь голосъ, такъ что Крыловъ, при концѣ отпѣванія, сказалъ ему: „Васъ было слышнѣе, чѣмъ Евангеліе". Пушкинъ пророчитъ, что Хвостовъ всѣхъ насъ похоронитъ. Оно правдоподобно: если онъ не умеръ въ старину, когда надъ нимъ смѣялись, то кто ему велитъ умирать теперь, когда его чуть на рукахъ не носятъ? Вѣрно насладились вы лицезрѣніемъ его на картинкѣ Новоселья (которое князь Вяземскій къ вамъ давно отправилъ), гдѣ онъ такъ чинно сидитъ между Крыловымъ и Пушкинымъ.

Смирдинъ, въ Воскресенье второй недѣли поста, повторилъ опять свое Новоселье, накормивъ насъ по старому. Собранье, однакожъ, было попристойнѣе, потому что представитель Русской литературы [4]), живя въ своемъ Фернеѣ-Карловѣ, не могъ подпакостить собранію; а товарищъ его, въ одиночку, не пускался на такую отвагу, какъ бывало вдвоемъ.

Между дѣятельными литераторами теперь явилось новое лице, хотя въ старомъ образѣ. Пріѣхалъ сюда Катенинъ, сдѣлалъ сколь-

---

[3]) Эти строки выражаютъ лишь минутное сѣтованіе. Позднѣе, педагогическіе труды, литературное дарованіе и высокія душевныя качества П. А. Плетнева были оцѣнены и общественно признаны; именно въ этомъ году, когда писано настоящее письмо, П. А. Плетневъ сдѣлался ближе извѣстенъ императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, и съ тѣхъ поръ судьба его обезпечилась вполнѣ.

[4]) Булгаринъ.

ко нужно было визитовъ Александру Семеновичу [5]), да и засѣлъ въ Россійскую Академію. Онъ тамъ началъ сильную тревогу. Первый споръ зашелъ о словѣ: бурко. Катенинъ требовалъ, чтобы его писали: бурка. Спускать онъ никому не любитъ: такъ чтó ему значитъ Петръ Ивановичь Соколовъ [6])? И такъ онъ началъ ему высказывать горькія истины, что онъ Петръ Ивановичь Русскій языкъ знаетъ плохо, что слушать его нечего, а наконецъ (послѣ завтрака, на которомъ стоялъ графинъ съ ерофеичемъ и бутылка съ чернымъ пивомъ, да кусковъ пять семги съ лукомъ) Катенинъ открылъ за новость Соколову, что самому ему пятый десятокъ, что служилъ онъ въ гвардіи и давно полковникъ и проч. Вы можете представить, какъ это забавляетъ Пушкина, который также членъ Россійской Академіи, и слѣдственно безденежно, даже съ барышемъ монеты въ четвертакъ [7]), можетъ слушать ихъ и глядѣть на такую комедію.

Вы, конечно, не забыли доктора Даля, который такъ часто приходилъ къ Катеринѣ Аѳанасьевнѣ [8]). Онъ вступилъ тоже на литературное поприще. Передъ Рождествомъ издалъ было онъ книжку своихъ сказокъ; только въ нихъ что-то нашли непозволительное или слишкомъ простонародное, и книжка не пущена въ продажу. Теперь онъ напечаталъ еще книжку, въ которой двѣ повѣсти. Изъ нихъ одна, названная имъ Цыганка, очень замѣчательна. У него оригинальный умъ и талантъ рѣшительный.—Про Воейкова самаго нечего сказать. Какъ-то утратилъ онъ весь интересъ. Но за-то много хорошаго говорятъ про его Сашу, чтó въ институтѣ. Она будетъ первая во всемъ этомъ выпускѣ.—Вы мнѣ поручили писать къ Аннѣ Петровнѣ [9]). Виноватъ: не собрался. Да вы и не удивитесь этому, когда я въ мѣсяцъ едва къ вамъ успѣлъ окончить письмо. Изъ отмѣченныхъ вами для себя книгъ вы только двѣ отъ меня получите: Новоселье и Повѣсти Анны Петровны. Послѣднюю книжку (въ которой помѣщена Олинька) отдалъ я для отсылки къ вамъ С. А. Юрьевичу еще на прошлой недѣлѣ; не знаю, исправно-ли онъ ее къ вамъ отправилъ. Въ нее вложилъ я и списокъ начала вашего перевода: Монастырь [10]). Чтó касается до Ундины, она здѣсь. Прочія книги я не послалъ, не увѣренъ будучи, точно-ли вы еще долго останетесь въ чужихъ краяхъ. Если это дѣйствительно такъ, что ваше здоровье потребуетъ должайшаго отъ васъ леченія, то вы вѣроятно дадите объ этомъ знать мнѣ или князю Вяземскому: тогда я и пришлю къ вамъ побольше книгъ. Между тѣмъ выйдетъ и Курбскій весь, котораго теперь у насъ одна только

[5]) Шишкову, предсѣдателю Россійской Академіи.

[6]) Долголѣтній секретарь Россійской Академіи.

[7]) Жетоны, которые (по Французскому обычаю) раздавались членамъ Россійской Академіи послѣ каждаго засѣданія.

[8]) Е. А. Протасова, мать Свѣтланы.

[9]) Зонтагъ, жившей тогда въ Одессѣ.

[10]) Неизвѣстный намъ трудъ В. А. Жуковскаго.

часть. На Давыдова придется вамъ развѣ только поглядѣть: новаго читать нечего; онъ прежній, безъ прибавокъ. Одоевскій еще не напечаталъ своихъ сказокъ, которыя называются Пестрыми съ краснымъ словцомъ. У Пушкина ничего нѣтъ новаго, у Гоголя тоже. Его комедія не пошла изъ головы. Онъ слишкомъ много хотѣлъ обнять въ ней, встрѣчалъ безпрестанно затрудненія въ представленіи и потому съ досады ничего не написалъ. Еще есть другая причина его неудачи: онъ въ такой холодной поселился квартирѣ, что цѣлую зиму принужденъ былъ бѣгать отъ дому, боясь тамъ заморозить себя. Такъ-то физическая сторона человѣка иногда губитъ его духовную половину со всѣми въ ней зародышами. Но никто не торжествовалъ съ такою славою надъ физическими страданіями, какъ Александра Осиповна: она представила изъ себя существо выше и своего пола, и нашего вѣка. Еслибъ вы были свидѣтелемъ, какъ она, по воскресеніи своемъ, стала выше всѣхъ женщинъ и многихъ мущинъ: то вы болѣе бы еще стали ее любить. Теперь она въ Берлинѣ. Вы конечно туда къ ней напишете. А бѣдный Стеричь! Сегодня или завтра онъ скончается въ чахоткѣ. Такой ли быстрой конецъ онъ назначалъ себѣ при этомъ блистательномъ началѣ? Мать его, я думаю потеряется. Она только и жила имъ и для него.

Нашъ добрый, незамѣнимый Карлъ Карловичъ! [11]) Сегодня онъ отправился: воротится ли, Богъ знаетъ. Мы безъ васъ и безъ него совершенно осиротѣли. Такъ какъ въ васъ теперь настоитъ для В. К. чрезвычайная нужда, то я и думаю, что нѣтъ надобности посылать къ вамъ много книгъ, увѣренъ бывъ, что вы не замедлите сюда явиться, лишь только почувствуете возможность. На экзаменѣ В. К. показалъ удивительную способность выражаться. Онъ могъ по цѣлому часу безостановочно разсказывать, сохраняя достоинство слога, чистоту языка и пріятность тона. Вашими совѣтами я не замедлилъ воспользоваться. Они у меня болѣе всего пишутъ и читаютъ. Теперь я пробую, какъ они изъ знакомыхъ имъ историческихъ происшествій будутъ составлять характеристики лицъ. Мнѣ хочется пріучить ихъ къ сжатости разсказа, къ нѣкоторому созданію въ произведеніяхъ. То что̀ они составляютъ по лекціямъ К. И. [12]) есть подражаніе или лучше повтореніе его созданія. Я желаю видѣть, какъ они, взявъ все, что́ касается до какого нибудь историческаго лица, составятъ сами краткій обзоръ его жизни, какъ сольютъ его черты въ одну картину.

Обнимаю васъ и молю Бога, чтобъ возвратилъ васъ къ намъ въ совершенномъ здоровьѣ. Преданный вамъ душевно Плетневъ.

---

[11]) Мердеръ.

[12]) К. И. Арсеньева.

(*Сообщено Н. Е. Елагинымъ*).

ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Сборникъ выписокъ изъ архивныхъ бумагъ о Петрѣ Великомъ. Два тома. Москва, 1872 г.

Книга подъ этимъ заглавіемъ составлена (какъ сказано въ концѣ предисловія къ ней) „подъ руководствомъ завѣдующаго Московскими дворцовыми архивами Г. В. Есипова, съ участіемъ И. А. Сипягина, Н. А. Дубровскаго и Е. В. Барсова“, а издана Московскими купцами Н. и Д. Востряковыми, принявшими на себя издержки печатанія, въ тѣхъ видахъ, чтобъ она явилась въ свѣтъ именно ко дню Петровскаго юбилея, т. е. къ 30-му Мая 1872 года. Книга дѣйствительно и вышла изъ печати (хотя не безъ ущерба дѣлу) въ назначенный срокъ.

Но, не смотря на то что прошло тому уже три года, важное изданіе это въ свѣтъ почему-то до сихъ поръ не вышло. Между тѣмъ любопытство возбуждено: многіе, зная положительно о выходѣ ея изъ печати, спрашиваютъ: что̀ это за сборникъ, и что̀ въ немъ собрано? [1])

Мы имѣли исключительный случай ознакомиться довольно близко съ этой книгой, и потому можемъ познакомить съ нею читателей.

Сборникъ даетъ именно то, что̀ обѣщаетъ своимъ заглавіемъ. Это—собраніе разнообразныхъ документовъ Петровскаго времени, записей, росписей, челобитій, докладовъ, указовъ, отрывочныхъ, не имѣющихъ между собою никакой связи и въ тоже время однообразныхъ до утомительности по своимъ внѣшнимъ формамъ, мелочнымъ подробностямъ, частымъ, почти безпрестаннымъ повтореніямъ однихъ и тѣхъ же оборотовъ и рѣченій, словомъ, это совершенно сырой (при всей своей сухости) матеріалъ, который на первый же свѣтлый взглядъ читателю не-спеціалисту покажется до того скучнымъ, что навѣрное сразу оттолкнетъ его отъ себя, и даже изъ спеціалистовъ съ трудомъ найдется такой терпѣливый читатель, который взялся бы одолѣть всю книгу отъ начала до конца, такъ что и сами составители рекомендуютъ свою книгу не публикѣ, а только ученымъ и художникамъ.

Но въ этой хаотической массѣ оффиціальныхъ документовъ встрѣчается много такихъ историческихъ указаній, которыя имѣютъ значеніе не только частное, но и общее для каждаго образованнаго человѣка и, даже больше, для всего читающаго міра [2]).

Первый томъ Сборника обнимаетъ собою года 1672—1701. Сюда входятъ слѣдующіе отдѣлы:

1) Выписки изъ столбцевъ 1672—1701 г.; 2) Выписки изъ кроильныхъ книгъ (въ которыхъ описываются матеріалы, употребленные на постройку платья, обуви

---

[1]) Такого рода вопросъ не такъ давно сдѣланъ даже печатно въ „Современныхъ Извѣстіяхъ“.

[2]) Маститый историкъ нашъ М. П. Погодинъ, въ своемъ новомъ сочиненіи: „Семнадцать первыхъ лѣтъ въ жизни императора Петра Великаго (Москва, 1875)“, успѣлъ уже воспользоваться документами Сборника и извлекъ изъ нихъ нѣсколько указаній, приведшихъ его къ нѣкоторымъ новымъ выводамъ (напр. въ изслѣдованіяхъ о происхожденіи Преображенскаго полка, о казни Шакловитаго и проч.).

и пр. съ обозначеніемъ цѣнъ, впрочемъ не всегда) 1672—1692 г.; 3) Выписки изъ книгъ приходорасходныхъ Казеннаго Приказа и Мастерскихъ Палатъ 1683—1699; 4) Постройка потѣшнаго городка въ селѣ Преображенскомъ; 5) Расходы въ Переяславль Залѣсскій и 6) Дворцовые разряды (родъ дневниковъ, въ которыхъ кратко описывались разныя дворцовыя событія; въ послѣдствіи они называются юрналами и гофъ-фурьерскими журналами) 1691—1692 г. Въ концѣ II-го тома приложены дополненія къ I-му тому.

I. Дѣтство Петра Великаго.

Въ статьѣ „Дѣтскіе годы Петра Великаго" г. Забѣлина [3]), трудѣ, составленномъ на основаніи тѣхъ же, главнымъ образомъ, матеріаловъ, какіе вошли въ составъ Сборника и которыми авторъ пользовался еще въ рукописяхъ, сгруппированы почти всѣ, какія только можно извлечь изъ архивовъ, указанія о дѣтствѣ Петра со дня его рожденія по 1683 годъ, такъ что намъ приходится ограничиться немногими замѣтками, относящимися къ этому предмету.

О времени, даже о часѣ рожденія Петра знаютъ всѣ, и всѣ согласно утверждаютъ, что это событіе совершилось съ 29 на 30-е Мая, подъ утро, въ часъ по полуночи. Что же касается до мѣста рожденія Петра, то положительнаго указанія на то, что онъ родился въ Кремлѣ, а не въ Коломенскомъ, не въ Измайловѣ и не въ Преображенскомъ, какъ думали нѣкоторые ученые, до сихъ поръ въ историческихъ матеріалахъ не оказывалось, и историческіе писатели, отстаивавшіе мнѣніе о рожденіи Петра именно въ Кремлѣ, обыкновенно прибѣгали къ догадкамъ, основаннымъ на цѣломъ рядѣ умозаключеній, т. е., за неимѣніемъ прямыхъ, основывали свои заключенія на косвенныхъ доказательствахъ. Особенно вѣскимъ аргументомъ въ этомъ отношеніи, въ слѣдъ за Миллеромъ, считаетъ г. Забѣлинъ то обстоятельство, что спустя 4 часа по рожденіи царевича, т. е. „въ такое короткое время, наряженъ уже былъ торжественный царскій выходъ, и къ 5 часамъ утра царевичи, духовенство и сановники, всѣ были увѣдомлены и всѣ парадно собрались къ торжеству". Но, на нашъ взглядъ, и это доказательство вовсе не такъ убѣдительно, какъ кажется съ перваго взгляда. Если у частныхъ именитыхъ людей того времени были свои скороходы, свои верховики и другія служебныя лица, въ случаѣ надобности замѣнявшія собою теперешній телеграфъ, то у царя тѣмъ менѣе могло быть недостатка въ подобныхъ приспѣшникахъ, и намъ вовсе не представляется невозможнымъ, чтобы на призывъ обрадованнаго царя-родителя не поспѣшили явиться въ Кремль къ такому торжеству всѣ приглашенные. Иное значеніе имѣетъ документъ, который обнародованъ Сборникомъ; документъ этотъ положительно указываетъ, что Петръ родился именно въ Кремлѣ, и теперь вопросъ объ этомъ предметѣ надобно считать почти окончательно рѣшеннымъ. „Мая въ 28 день къ государынѣ царицѣ (Натальѣ Кириловнѣ) въ хоромы ложку серепетинную [4]) приняла боярыня Матрена Васильева Блохина; относилъ стряпчій съ ключемъ Ив. К. Кузминъ". Это свѣдѣніе, какъ справедливо замѣчаютъ издатели Сборника, „ясно указываетъ, что царица въ этотъ день была въ Кремлѣ, потому что при тогдашней обрядности

---

[3]) Опыты изученія Русскихъ древностей и Исторіи. Москва. 1872 г., ч. 1-я.

[4]) Серпентинную—изъ камня зміевика. Мы слышали отъ лица, получившаго медицинское образованіе, что этотъ камень имѣетъ будто бы чудесное свойство облегчать женскія болѣзни, особенно муки во время родовъ.

немыслимо, чтобы царица наканунѣ родовъ выѣхала въ Коломенское или Преображенское" [5]). Строго говоря, конечно и это догадка, но она, за отсутствіемъ иныхъ, болѣе точныхъ указаній, имѣетъ за собою силу едвали оспоримой истины.

„Для всемірной радости рожденія сына", царь Алексѣй Михайловичъ не только устроиваетъ богатые пиры, такъ картинно изображенные г. Забѣлинымъ, не только раздаетъ щедрые подарки своимъ придворнымъ чинамъ, „постельнымъ и столовымъ, истопникамъ, стольникамъ и сторожамъ и дворскимъ, по сукну по Амбурскому, человѣку", а также и другимъ, не принадлежавшимъ къ дворцовой службѣ разнымъ лицамъ, но находитъ досугъ исполнять, съ отеческою заботливостью, для нашего времени довольно наивныя и мелочныя, челобитья своихъ подданныхъ. Вотъ, для образца, два такихъ челобитья. Лука Грамотинъ (полковникъ или одинъ изъ головъ Московскихъ стрѣльцовъ), получившій, по случаю поздравленія съ рожденіемъ царевича, объярь, билъ челомъ, чтобъ эта объярь была ему перемѣнена „инымъ цвѣтомъ", и челобитье уважено. Оружейной Палаты сторожъ Сенька Семеновъ билъ челомъ, что онъ „работалъ у верховыхъ государскихъ и приказныхъ дѣлъ по вся дни съ товарищемъ своимъ съ Елуфимомъ Ѳедоровымъ, и тотъ сторожъ Елуфимъ взятъ къ нему в. государю въ комнатные сторожи, а онъ, Семеновъ, и нынѣ работаетъ въ Оружейной Палатѣ безпрестанно, передъ своею братьею изъ-лично; моя, государь, братья—пишетъ Семеновъ,—стоятъ черезъ недѣлю, а я холопъ твой по вся дни; а для всемірныя радости рожденія в. г. царевича Петра Алексѣевича... дано твоего государева жалованья ему Елуфиму денегъ шесть рублевъ да сукно, а мнѣ холопу твоему ничего не дано. Милосердый государь, ц. и в. князь Алексѣй Михайловичъ, всея вел. и мал. и бѣл. Россіи самодержецъ, пожалуй меня холопа своего за мою работишку, что̀ занялъ я холопъ твой изъ Оружейныя Палаты на строеньишко на избенку денегъ десять рублевъ: вели, государь, для моей работишки зачесть, какъ тебѣ, великому государю, о мнѣ Богъ извѣститъ. Царь государь, смилуйся, пожалуй". И на оборотѣ столбца написано: „государь пожаловалъ для всемірныя радости, не велѣлъ на немъ тѣхъ денегъ имать". Любопытно также еще челобитье кормилицы царевича, Ненилы Ерофеевой. Спустя почти годъ по рожденіи Петра, 9 Мая 1673 г., она била челомъ: „Милосердый государь, пожалуй меня рабу свою: вели, государь, мнѣ свое государево годовое хлѣбное жалованье и полтевыя мяса на нынѣшній на 181 годъ выдать противъ моихъ сестеръ. Царь государь, смилуйся, пожалуй". Челобитье конечно удовлетворено и при томъ съ такою формальностью, которая рѣшительно непонятна въ наше время: „Лѣта 1673, Мая въ 9 день, по государеву цареву и в. к. Алексѣя Михайловича..... указу боярину и оружничему Богдану Матвѣевичу да думному дворянину Александру Севастьяновичу Хитрово, да дьякамъ—думному Ѳедору Михайлову, да Якову Петелину, да Ѳедору Тютчеву, да Семену Кудрявцеву, да Протасью Никифорову, в. г. ц. и в. к. Алексѣй Михайловичъ в. в. и м. и б. Р. самодержецъ указалъ: великаго государя царевича и в. к. Петра Алексѣевича кормилицѣ Ненилѣ Ярофеевой своего государева годоваго хлѣбнаго жалованья и полтеваго мяса на нынѣшній на 181 годъ, выдать противъ ея сестръ-кормилицъ". Кормилица Ненила, впослѣдствіи княгиня Львова, какъ видно изъ документовъ Сборника, пользовалась особыми милостями царицы Натальи Кириловны, дѣлавшей ей множество подарковъ, и милостями своего питомца, и даже по выходѣ за мужъ за кн. Львова спустя 12 лѣтъ по рожденіи Петра (вѣроятно овдовѣвши), жила, должно быть, до самой смерти при дворѣ и на дворовомъ содержаніи, пользуясь жалованьемъ

---

[5]) Сборникъ, т. II, 403.

емъ наравнѣ съ казначеями. Милости оказывались не только ей, но и ея сыну, который получалъ разные подарки одеждою и другими вещами (стр. 264—265).

Замѣчательно, что ни одинъ изъ челобитчиковъ, обращавшихся непосредственно къ государю, не получалъ на свою просьбу отказа. Это доказываютъ всѣ документы, встрѣченные нами въ Сборникѣ и относящіеся какъ къ послѣднимъ годамъ царствованія Алексѣя Михайловича, такъ и къ царствованію Ѳеодора Алексѣевича, ко времени правленія Софіи и царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, ко времени двоевластія. Стòитъ замѣтить также и то, что всѣ подобнаго рода челобитья на имя государево составлялись какъ будто по одной извѣстной формѣ, по одному повсемѣстно принятому образцу. Общая формула этихъ челобитій (съ весьма незначительными измѣненіями) слѣдующая: „Великому государю или государямъ (полный титулъ) бьетъ челомъ „такой-то"... За тѣмъ изъясненіе, о чемъ проситъ, и заключеніе:.... „чтò тебѣ в. г-рю о мнѣ Богъ извѣститъ; великій государь, или царь государь, смилуйся, пожалуй".

Почти съ самаго рожденія Петръ окруженъ былъ карликами. Первыми изъ нихъ, по Сборнику, въ 1674 г. упоминаются подъ 16 Апрѣлемъ Петрушка Комаръ, а за тѣмъ подъ 2 Маемъ Никита Комаръ. Въ слѣдующемъ году упоминаются трое карликовъ, а въ 1679 г. является уже четверо: Никита Гавриловъ (Комаръ), Василій Родіоновъ, Ивашка Кондратьевъ и Емелька Кондратьевъ, которымъ царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ 16 Апрѣля „велѣлъ давать своего денежнаго жалованья, изъ Приказу Большаго Дворца, отъ денежнаго сбора, по 4 рубли человѣку на годъ, и на нынѣшній на 187 годъ выдать имъ сполна" (стр. 20). Между карлами царевича Петра первое мѣсто занималъ, по видимому, Никита Комаръ, и вотъ вкратцѣ его біографія.

Петръ и Никита Гавриловы Комары были родные братья, изъ крестьянъ. Это видно изъ слѣдующаго извѣстія, относящагося къ 1684 году: 22 Мая, по указу в-го г-ря и по челобитью карлы Микиты да Петра Гавриловыхъ, жильцу Степану Спиридонову сыну Нормацкому за крестьянина его, а за ихъ карлина брата, за Харламку Гаврилова съ женою и съ дѣтьми, которыхъ онъ отпустилъ на волю — сто рублей приказалъ выдать окольничей Тихонъ Никитинъ Стрѣшневъ (стр. 262).

3 Апрѣля 1674 г. Никитѣ Комару сдѣланъ кафтанъ комнатный червчатый или двоеличной, да киндячной свѣтлозеленой — холодные. 16 Апрѣля ему же за 12 алтынъ куплены сапоги. 2 Мая ему же сдѣланы еще два кафтана, одинъ теплой въ сукнѣ свѣтловишневомъ кармазинномъ, а другой холодной, исподъ хребтовый бѣлій, съ пухомъ и нашивкою втышною шелковою, а холодный опушенъ дорогами червчатыми съ пугвицы втышными шолковыми; дорогильный червчатый или двоеличный, холодный же съ пугвицы золотными. 11 Мая сдѣлана шапка вновь, въ сукнѣ червчатомъ багрецу, съ соболемъ. 13-го Мая велѣно ему же на вишневые кафтаны—на теплой нашить нашивки серебрены, на холодной пугвицы серебрены золочены, гладкія, да и шапки, которыя велѣно сдѣлать, прислать тотчасъ. 6 Ноября Никитѣ Комару сдѣланы два кафтана киндячныхъ, холодныхъ: лазоревой да зеленой.

Въ слѣдующемъ году 17 Февраля сдѣланы ему еще два кафтана теплыхъ, въ тафтѣ двоеличной, исподы черева бѣлья, съ пухомъ, съ пугвицы обшивными, шолкъ съ золотомъ.

Во время перваго стрѣлецкаго бунта (1682 г.), молодой Матвѣевъ обязанъ былъ своимъ спасеніемъ Никитѣ Комару: онъ былъ выведенъ изъ дворца въ платьѣ стряпчаго конюха этимъ любимымъ и вѣрнымъ царю Петру карломъ (Матвѣевъ, у Туманскаго, ч. I., стр. 172).

Въ 1685 г. Апрѣля 30, Никитѣ Комару поручено было не маловажное дѣло—перевозка на пяти извощичьихъ телѣгахъ въ походъ въ село Преображенское всякихъ хоромныхъ потѣхъ и ружей, и выдано ему 10 алт. для уплаты извощикамъ (стр. 274).

Наконецъ, въ послѣднихъ числахъ Октября 1689 г., душа карлы Никиты Гаврилова Комара разсталась съ его маленькимъ тѣломъ, и 1 Ноября „къ в. г. и в. к. Петру Алексѣевичу (поступило) въ хоромы пять рублевъ, а изъ хоромъ тѣ деньги даны на поминовеніе умершему карлѣ Никитѣ Комару (стр. 98)".

Въ 1684 году особеннымъ, какъ кажется, расположеніемь Петра пользовался карла Игнатій Кондратьевъ. Ему 7 Ноября 1683 г. сшита шуба песцовая, крытая камкою жаркой дуевскою (?); на шапку данъ государевъ шапочной вершокъ (верхняя часть шапки) бархатной, алой, гладкой; да подъ кафтанъ исподъ бѣлій хребтовой съ рукавы (стр. 264). Янв. 3-го 1684 ему же на шапку 6 вершковъ бархату червчатаго, на околъ пластина соболья, на тулью полтретья черева бѣльи (стр. 265). Въ этомъ году упоминаются четверо комнатныхъ карлъ у Петра: Никита Комаръ, Спиридонъ, да Иванъ да Игнатій Кондратьевы (два брата), которымъ 18 Сент. (для Троицкаго похода) дано по рублю; а 14 Окт. карлѣ Игнатью Кондратьеву полтина (одному). Около тогоже времени троимъ изъ нихъ сдѣланы Нѣмецкіе кафтаны и штаны (стр. 266—267). Въ числѣ этихъ троихъ былъ, безъ сомнѣнія, и Никита Комаръ.

По поводу карликовъ и тѣхъ отношеній, въ какихъ находились они къ своимъ покровителямъ, г. Забѣлинъ говоритъ слѣдующее: „Подобными предметами (карликъ—предметъ?) красилось тогдашнее тщеславіе, обличавшее тѣмъ свои грубые и нечеловѣчные вкусы.... Какъ живыя куклы, карлики, имѣя декоративное, придворное значеніе, очень часто служили также и для потѣхи вмѣстѣ съ шутами" [6]). Мы, съ своей стороны, позволяемъ себѣ смотрѣть на этотъ „предметъ" нѣсколько иначе, и вотъ на какихъ основаніяхъ. Карликъ почти тоже, что калѣка; онъ малъ, слабъ и неспособенъ къ тяжелому труду, и если, въ добавокъ къ этому, онъ дитя какихъ-нибудь бѣдняковъ (что и случается по большей части такъ), то за частую бываетъ въ тягость семьѣ, какъ уродъ и дармоѣдъ, и принужденъ терпѣть разныя огорченія и притѣсненія, какъ существо совершенно лишнее. Что же можетъ быть хуже, безотраднѣе жизни такого несчастнаго въ бѣдной семьѣ? И не гуманно ли скорѣе, чѣмъ нечеловѣчно, поступали старинные богачи, цари и бояре, давая пріютъ этимъ уродцамъ на своихъ дворахъ и обезпечивая во всѣхъ отношеніяхъ жизнь этихъ малютокъ, какъ бы въ вознагражденіе за то, что природа или же и самая жизнь ихъ такъ обидѣла, хотя бы—допустимъ и это—къ чувствамъ велкодушія и состраданія отчасти примѣшивалось здѣсь и тщеславное желаніе потѣшить себя? [7]) У царевны Екатерины Алексѣевны жили въ верхней палатѣ богомолицы, одна старуха и семь дѣвицъ, изъ коихъ одна была слѣпая, а у царевны Маѳы

---

[6]) Бытъ Русскихъ Царицъ, стр. 457—458.

[7]) Если были примѣры, что шуты, дураки и карлы дрались до крови, таскали другъ друга за волосы и проч. (напр. даже при Аннѣ Іоанновнѣ), то, конечно, не всѣ же покровители такъ обходились съ бѣдняками, состоявшими подъ ихъ покровительствомъ. Такія безобразія скорѣе были исключеніемъ, чѣмъ общимъ правиломъ въ быту и нравственности нашего стараго времени. И самъ Домострой не внушалъ и не проповѣдывалъ ничего подобнаго такимъ правиламъ.

Алексѣевны жила дѣвочка безногая: неужели и эти калѣки взяты были царевнами въ верхнюю палату для потѣхи? При совершенномъ почти отсутствіи въ то время общественныхъ домовъ призрѣнія и при ничтожномъ, сравнительно съ общимъ народонаселеніемъ Россіи, числѣ благотворительныхъ учрежденій [8]), попечительность о бѣдныхъ и убогихъ (къ которымъ конечно принадлежали и карлики), какъ со стороны членовъ царскаго дома, такъ и частныхъ лицъ изъ знати и богачей того времени, на нашъ взглядъ, скорѣе дѣлаетъ честь ихъ чувствамъ, чѣмъ подаетъ поводъ приписывать имъ „низменныя понятія о человѣческомъ достоинствѣ и грубые и нечеловѣчные вкусы". Въ чемъ другомъ, только никакъ не въ призрѣніи убогихъ и не въ покровительствѣ имъ выражались тогда эти понятія и эти вкусы. Тѣмъ болѣе странны подобныя фразы, что въ той же книгѣ г. Забѣлина мы встрѣчаемъ слѣдующее: „Честь и мѣсто (въ какомъ бы смыслѣ ни понимались эти слова), какъ понятіе о достоинствѣ лица, глубоко коренились въ нравахъ всего народа, отъ дворца до людскихъ помѣщичьихъ избъ, во всякомъ домѣ, гдѣ собирались люди, и особенно во всякомъ домѣ, гдѣ встрѣчалось какое либо служебное господарское раздѣленіе людей"... [9]) Мы полагаемъ, что гдѣ есть понятіе о чести, хотя бы даже и неправильное съ современной точки зрѣнія [10]), тамъ уже немыслимы низменныя понятія о человѣческомъ достоинствѣ, и обратно. Кто сколько-нибудь уважаетъ человѣческое достоинство въ себѣ самомъ, тотъ не можетъ не уважать его и въ другихъ. Впрочемъ, г. Забѣлинъ имѣетъ свое особенное воззрѣніе на пониманіе нашими предками чести и безчестья, о чемъ мы предоставляемъ себѣ сказать нѣсколько словъ въ послѣдствіи. При томъ же, потѣхи и увеселенія всегда были и есть потребностью всѣхъ временъ и всѣхъ, какъ дикихъ, такъ и самыхъ образованныхъ народовъ, и если нашихъ предковъ потѣшали карлики, дураки и шуты, то это только потому, что у нихъ не было ни теперешнихъ публичныхъ театровъ, ни балетовъ, ни цирковъ, ни разныхъ профессоровъ магіи и т. п., которые теперь насъ потѣшаютъ.

Карлики, если и служили по временамъ для потѣхи своихъ владыкъ, то въ тоже время они исполняли соотвѣтственныя ихъ маленькимъ силамъ домашнія обязанности и, стало быть, не были дармоѣдами. „Въ хоромахъ особенная комнатная должность ихъ заключалась, кажется, въ томъ ,чтобы ходить за попугаями" [11]), говоритъ г. Забѣлинъ. Чтожъ, и это развѣ не дѣло? Карлики имѣли возможность мѣняться чинами, а стало быть и обязанностями. Такъ въ 1683 г. 4 Января учинены были верховымъ карламъ царя Петра Алексѣевича новые оклады на этотъ годъ.... „для того, что Михайло Щеголевъ отпущенъ въ монастырь на обѣщаніе, а Петръ Аверкіевъ перемѣнился чиномъ, а Сенька Никитинъ умре" (стр. 33).

---

[8]) Записныхъ нищихъ въ (Московскихъ) богадѣльняхъ, которыя вѣдомы въ приказѣ Большаго Дворца, мужеска и женска полу, въ 1701 году было указное число, 261 чел. И въ томъ числѣ въ Никитской богадѣльнѣ мужеска пола 165 чел. Въ Боровицкой богадѣльнѣ нищихъ женска полу 46 сестръ. Въ Тургеневской богадѣльнѣ женскаго полу указное число 50 сестръ". (Сборникъ т. II, стр. 251). Если такъ было въ Москвѣ, то что̀ сказать о прочихъ городахъ, посадахъ и деревняхъ?

[9]) Бытъ Русскихъ Царицъ, стр. 514.

[10]) А современныя понятія о чести, которыми освящаются убійства, именуемыя дуэлями, правильны?

[11]) Бытъ Русскихъ Царицъ, стр. 460—461.

Случалось, что и карлы, также какъ и другіе меньшіе придворные чины, посылались за свои провинности подъ началъ въ монастырь. Такъ, подъ тѣмъ же годомъ встрѣчается извѣстіе, что... „Мастерской палаты кружевнику Кузьмѣ Микулину (дано) за провозъ до убогова монастыря 2 алт. 4 д.; отвозилъ онъ Кузьма въ тотъ монастырь подъ началъ карлу Петра Клопка" (стр. 258).

По поводу отсылки подъ началъ, г. Забѣлинъ замѣчаетъ: „Обыкновенный способъ исправленія нравственности дворовыхъ служителей и другихъ меньшихъ чиновъ состоялъ въ томъ, что ихъ отправляли, особенно за пьянство, подъ началъ въ монастырь, по большей части въ Москвѣ въ Покровскій, что̀ на Убогихъ Домахъ, или въ одинъ изъ отдаленныхъ сѣверныхъ", и что..... „монастыри, такимъ образомъ, въ старомъ нашемъ быту, имѣли для правительства весьма важное значеніе, какъ мѣста исправленія всякихъ худыхъ нравовъ, худыхъ мыслей" и пр. [12] При этомъ авторъ приводитъ примѣръ, что по ходатайству одной матери, ея сынъ, бывшій ученикомъ въ царской мастерской и предавшійся пьянству, сосланъ былъ ц. Алексѣемъ на исправленіе въ монастырь Покрова Богородицы, что́ на Убогихъ Домахъ съ наказомъ: „велѣть держать его подъ крѣпкимъ началомъ, и отдать его старцу воздержательному, и велѣть ему ходить къ вечерни и къ заутрени и къ литоргѣи по вся дни, а вина бъ и пива и меду къ нему никто не приносилъ". Но замѣтимъ, что это было сдѣлано по просьбѣ матери,—случай исключительный. Не всѣхъ же безнравственныхъ, конечно, посылали подъ началъ; иначе это сдѣлалось бы обременительно для монастырей, и они превратились бы въ исправительные дома, чего̀ конечно не могло желать и само правительство, тѣмъ болѣе, что у него не было недостатка и въ своихъ средствахъ исправленія (батоги, кнуты, бражныя тюрьмы и т. п.). Мы полагаемъ напротивъ, что если свѣтскія лица посылались иногда въ монастыри подъ началъ, то непремѣнно или по дѣламъ духовно-нравственнымъ въ случаяхъ исключительныхъ, или же потому, что по своему юридическому положенію, эти лица подлежали вѣдѣнію духовной власти. Къ послѣднему разряду принадлежали, конечно, всѣ лица призрѣваемыя въ домахъ убогихъ, находившихся въ Москвѣ при монастыряхъ Покровскомъ что́ за Яузою, и Воздвиженскомъ, что̀ за Петровскими воротами, которые такъ и назывались монастырями убогихъ домовъ или убогими монастырями (Сборникъ, II, 246). Какъ монастыри, такъ и убогіе дома при нихъ, хотя и получали на свое содержаніе, кромѣ разныхъ пожертвованій, извѣстный годовой окладъ отъ правительства, но подлежали юрисдикціи патріарха. Это видно изъ того, что пожертвованія на убогіе дома обыкновенно препровождались черезъ Патріаршій Дворъ. „1626 г. Мая 25, по указу великія старицы Марѳы Ивановны въ Убогихъ Домы 9 полотенъ отнесъ на Патріарховъ Дворъ портной мастеръ Иванъ Гудокъ. Въ слѣдующемъ году Мая 11 въ убогіе домы 10 полотенъ Тверскихъ взялъ крестовой дьякъ"... [12] и т. д.

Такимъ образомъ и карла Петръ Клопокъ отправленъ былъ въ убогій монастырь именно потому, что онъ былъ не иное что, какъ призрѣваемый, убогій, зависѣвшій отъ духовнаго вѣдомства, точно также какъ сосланы были въ 1666 г. и царицыны крестовые дьяки Михаилъ да Мартинъ Протопоповы подъ началъ,—первый въ убогій домъ въ Москвѣ, а другой въ Вологду въ Каменный монастырь [13]), потому

---

[12]) Дом. бытъ Р. Царей, стр. 527—529.

[12]) Дом. бытъ Русскихъ Царицъ, стр. 149—151. Матеріалы.

[13]) Дом. бытъ Р. Царицъ, стр. 5.

именно, что въ качествѣ крестовыхъ дьяковъ, т. е. церковниковъ, они подлежали суду духовнаго вѣдомства.

Что касается до карлъ, принадлежавшихъ собственно Петру, то положительно можно сказать, что, участвуя вмѣстѣ съ другими робятками въ его играхъ, они въ потѣ лица заработывали хлѣбъ свой.

*

Г. Забѣлинъ едва ли не первый поднялъ вопросъ о глубокомъ значеніи Петровыхъ потѣхъ и въ своихъ „Дѣтскихъ годахъ Петра В." придалъ имъ великую важность не только въ дѣлѣ физическаго, умственнаго и нравственнаго воспитанія Петра, но и въ дѣлѣ совершенныхъ имъ преобразованій. Отдавая полную справедливость труду ученаго автора, собравшаго всѣ, самыя мельчайшія, указанія относительно этихъ потѣхъ и прекрасно сгруппировавшаго ихъ въ своемъ очеркѣ, мы считаемъ однакоже нужнымъ сообщить нѣкоторыя замѣчанія по поводу смысла и значенія этихъ потѣхъ.

На основаніи сказанія Крекшина, полагая почти за достовѣрное, что „царь Алексѣй Михайловичъ дѣйствительно присовокупилъ къ играмъ своего сына... маленькій полкъ Петровъ, и, назначивъ Петра полковникомъ, самъ руководилъ игрою", г. Забѣлинъ, по поводу этихъ воинскихъ игръ, замѣчаетъ, что для Петра они имѣли значеніе „школьной науки и съ годами пріобрѣтали только новыя силы и новыя формы, послѣдовательно и, можно сказать, органически восходя отъ ребяческихъ потѣшекъ до полныхъ маневровъ, по плану обдуманному и правильно исполненному"; что „Петръ, еще ребенкомъ, изъ обыкновенныхъ своихъ потѣшекъ создалъ полный курсъ военной науки", и что „въ этомъ отношеніи его можно признавать первымъ кадетомъ, и притомъ кадетомъ, который прошелъ весьма разумную и основательную школу" [14]). За тѣмъ, основываясь на свидѣтельствѣ Невиля о гувернерствѣ Павла Гавриловича Менезіуса и принимая за достовѣрное, что если не Менезіусъ, то иной кто-нибудь руководилъ воинскими играми Петра, г. Забѣлинъ рисуетъ полную картину, какъ Петръ-ребенокъ усвоивалъ „военную науку" и какое вліяніе она имѣла на образованіе его характера [15]).

Въ этой фантастической картинѣ, которую г. Погодинъ называетъ „прекрасными разсужденіями о значеніи дисциплины" [16]), есть все, чѣмъ могъ обусловиться и образоваться характеръ Петра-мальчика отъ 3-хъ до 10 лѣтъ; все, кромѣ дѣйствительныхъ историческихъ данныхъ.

Давъ сперва Петру чинъ полковника, г. Забѣлинъ смѣло разжалываетъ его потомъ въ рядовые, заставляетъ „ребенка умнаго, живаго, затѣйнаго", по его собственному выраженію, „подчиниться всѣмъ условіямъ воинской науки, и хочетъ

---

[14]) Дѣтскіе годы Петра В. стр. 20—21.

[15]) Тамъ же, стр. 30—31.

[16]) Впрочемъ, приводя слова г. Забѣлина: „трехлѣтній полковникъ, являясь съ полковымъ рапортомъ къ государю-отцу, могъ ясно представлять себѣ, что онъ не только царевичъ-сынъ, но простой солдатъ" и проч., г. Погодинъ говоритъ далѣе: „За тѣмъ слѣдуютъ у г. Забѣлина прекрасныя разсужденія о значеніи дисциплины и о раннемъ вліяніи этихъ понятій на Петра. Нѣтъ, все это не можетъ никакъ относиться къ четырехлѣтнему ребенку, который, при всей врожденной геніальности, не могъ еще тогда сознавать значенія дисциплины; но онѣ, безъ всякаго сомнѣнія могутъ относиться къ осьми или десятилѣтнему Петру" (17-ть первыхъ лѣтъ въ жизни имп. Петра В., изсл. стр., 73., прим.).

увѣрить читателя, что „геніальный ребенокъ, вникнувъ въ сущность дѣла, съ полною радостію подчинился“ этимъ условіямъ, —что воинской наукѣ онъ учился систематически, восходя постепенно отъ простаго полковаго ученья ружейнымъ выметкамъ и разнымъ пріемамъ фронта, ручнымъ ухватамъ, какъ тогда выражались“ (кто же такъ выражался? [17]), къ артиллерійской стрѣльбѣ.... и даже къ... „мореходству“ (!). И все это сдѣлано геніальнымъ Петромъ въ продолженіе времени отъ 3-хъ до 10-ти лѣтняго его возраста..... (Изслѣдованіе г. Забѣлина доведено только до 1683 года).

Къ сожалѣнію, вся эта теорія основана единственно на томъ соображеніи, что если Петръ явился впослѣдствіи великимъ и воиномъ, и администраторомъ, и преобразователемъ, то стало быть, въ дѣтствѣ онъ къ тому былъ уже подготовленъ и притомъ систематически; иначе не сдѣлался бы Великимъ.

Но прежде всего, немыслимо, чтобы трехлѣтній Петръ, какъ бы онъ геніаленъ ни былъ, являлся къ отцу съ рапортомъ, въ качествѣ полковника. Сборникъ даетъ намъ драгоцѣнное въ этомъ отношеніи указаніе, именно, что у Петра, имѣвшаго отъ роду 2 года, 4 мѣсяца и 12 дней, была новая кормилица, т. е. что въ этомъ возрастѣ его кормили еще грудью. „12 Октября 1674 года государынѣ-царицѣ въ хоромы кантуръ, въ кроенье вышло бобровъ юфть, 2 пары соболей по 3 р., да пара же цѣною въ 6 рубл., да на чолышко полбобра чернаго чесанаго, приняла боярыня Матрена Блохина, а сказала: пожаловала-де государыня царица новой кормилицѣ царевича и великаго князя Петра Алексѣевича“ (стр. 206). Но если 12 Октября 1674 г. т. е. когда Петру было почти съ половиной два года, эта кормилица была новая, то конечно она продолжала кормить царское дитя еще и послѣ 12 Октября, такъ что командованіе полкомъ для Петра, согласно теоріи г-на Забѣлина, пожалуй совпадетъ съ временемъ, когда онъ еще питался грудью...

---

[17]) Подъ 1687 годомъ 11 Іюля, въ числѣ разнаго рода оружія, которое государь Петръ Алексѣевичъ указалъ взнесть къ себѣ въ хоромы, упоминается „ухватъ, что людей хватаютъ, ратовище дубовое, подсошекъ желѣзный“. (Сборн. Свѣд. о Петрѣ, I, стр. 79). Изъ этого видно, что „ухваты составляли тогда извѣстный видъ оружія, а совсѣмъ не пріемы фронта. Эта подтверждается указаніемъ, находящимся въ Описи О. П., составленной въ томъ же году (т. е. когда Петру минуло уже 15 лѣтъ),гдѣ ухваты слѣдуютъ послѣ алебардъ и бердышей: „48 ухватовъ желѣзныхъ, деревья ясеневые“. См. Вельтмана Ор. Палата, Объясн. Словарь, стр. 63. А въ Объясн. Словарѣ г. Саввантова ухватомъ называется конскій уборъ, надѣвавшійся поверхъ узды и накрывавшій ее. Эти ухваты дѣлались, говоритъ онъ, изъ разноцвѣтнаго и одноцвѣтнаго шелку, иногда съ золотомъ и серебромъ, въ видѣ столбцевъ (веревокъ), къ которымъ прикрѣплялись кисти съ ворворками. „Ухватъ на двухъ столбцѣхъ по 5 кистей шелкъ.... съ золотомъ да съ серебромъ; а по верху кистей 11 ворворокъ.... низаны жемчугомъ“ (стр. 268 и 291). Сопоставляя эти указанія, мы полагаемъ, согласно указанію Сборника, что ухватъ не былъ ничѣмъ болѣе, какъ только ухватомъ, т. е. орудіемъ, „которымъ людей хватаютъ“, а не конскимъ уборомъ (уборомъ были столбцы съ кистями и съ ворворками), и еще менѣе „фронтовымъ пріемомъ“. Русскій языкъ всегда былъ такъ богатъ, что очень рѣдко однимъ и тѣмъ же названіемъ выражаются совершенно разные предметы; напротивъ, онъ обиленъ разными словами, выражающими одинъ и тотъ же предметъ, или одно и тоже понятіе, но съ различными его оттѣнками. Въ книгѣ: „Ученіе и хитрость ратнаго строенія“... (Москва, 1647 г.) мы нашли слова: рукохватаніе и руками хватали, но ручныхъ ухватовъ не отыскали.

Что касается до цвѣтущаго здоровья, которымъ Петръ пользовался какъ въ дѣтствѣ, такъ и въ продолженіе остальной жизни, и богатырской силы, которою отличался онъ отъ всѣхъ своихъ современниковъ, то конечно въ числѣ другихъ причинъ, которыми обусловливались эти качества, далеко не послѣднее мѣсто занимало именно это естественное его питаніе. Но еслибы, наоборотъ, Петръ съ 3-хъ лѣтъ дѣйствительно былъ знакомъ съ какой-бы то ни было школою и подчинялся ей, то едва ли бы обладалъ этими качествами: изъ дѣтей, начинающихъ учиться въ этомъ возрастѣ (какъ подтверждаетъ опытъ), выходятъ по большей части какіе-то заморыши, либо полуидіоты. Г. Забѣлинъ говоритъ, что это была школа практическая, что учился Петръ воинской хитрости посредствомъ игръ и потѣхъ воинскаго характера; мы, напротивъ, думаемъ, что Петръ, пока былъ царевичемъ, рѣшительно не учился ничему серьезно, а просто потѣшался, не мудрствуя лукаво... Но эти потѣхи, при его живой и впечатлительной природѣ, конечно, не могли остаться безъ слѣдовъ, и дѣйствительно послужили основою для развитія и образованія его ума и характера, и были источникомъ разнообразныхъ свѣдѣній, которыя какъ амальгама, собирались постепенно и складывались въ его умѣ.

Что же касается до гувернерства г-на Менезіуса, то и въ достовѣрности сказанія о немъ г-на Невиля мы позволяемъ себѣ усомниться. Во первыхъ, если дѣйствительно Менезіусъ былъ руководителемъ Петра въ воинскихъ играхъ, то отъ чего никто, за исключеніемъ Невиля, не упомянулъ объ этомъ? Странность эту замѣтилъ и г. Погодинъ [18]). Во вторыхъ немыслимо, чтобы умирающій царь (Алексѣй Михайловичъ) того времени, когда иностранцы и все иностранное допускались въ Россію „съ великою опаскою", не пользовались ничьимъ особеннымъ расположеніемъ и, если терпимы были, то только по нуждѣ или для потѣхи, рѣшился, наперекоръ своимъ личнымъ и общимъ въ то время убѣжденіямъ, поручить воспитаніе любимаго своего дѣтища иностранцу, хотя бы и очень образованному и свѣдущему. Можно предположить одно, что Менезіусу случилось, быть можетъ, и не одинъ разъ, будучи во дворцѣ, видѣть игры царевича съ робятками и, какъ знающему военное дѣло, довелось дать Петру какія-нибудь указанія, о которыхъ могъ попросить его самъ же Петръ, отличавшійся съ ранняго дѣтства бойкостью и беззастѣнчивостью. Разсказъ, сообщенный Менезіусомъ Невилю о такого рода наставленіяхъ, данныхъ имъ Петру, очень легко могъ быть преувеличенъ Французомъ (къ чему они особенно склонны), и вотъ этотъ случайный, однодневный наставникъ, превратился у него въ гувернера, назначеннаго умирающимъ царемъ и служащаго руководителемъ Петру до воцаренія Ивана Алексѣевича (1682 г.). Еслибъ Менезіусъ дѣйствительно былъ, хотя очень короткое время, учителемъ Петра, то непремѣнно былъ бы взысканъ государевымъ жалованьемъ подобно другимъ учителямъ. „Странно, замѣчаетъ г. Погодинъ [19]), что Менезіусъ не сохранился нигдѣ въ воспоминаніяхъ Петра, и что о немъ нѣтъ у насъ никакихъ извѣстій по занятіямъ при Петрѣ". Скажемъ болѣе: въ Сборникѣ (въ которомъ издатели старались собрать „какъ можно болѣе свѣдѣній, касающихся до Петра)", не только не встрѣчается Менезіусъ (Павелъ Гавриловичъ) въ качествѣ учителя, но даже вовсе не упоминается, ни въ какомъ качествѣ [20]).

---

[18]) Семн. первыхъ лѣтъ въ жизни им. Петра В. Изслѣд., стр. 73—74.

[19]) Тамъ же. Изсл. стр. 73—74.

[20]) Только въ одномъ мѣстѣ (т. I, стр. 111) подъ 1690 г. указанъ въ числѣ полуполковниковъ иноземенъ Менезіюсъ, но и то не Павелъ Гавр., а Иванъ Томасовъ. Въ указателѣ (т. II., стр. 367) обозначена еще стр. 192, но ни на этой страницѣ того и другаго тома, ни на ближайшихъ къ ней имени Менезіуса мы не отыскали.

Другое дѣло лица, бывшія дѣйствительно руководителями Петра, Зотовъ и Нестеровъ. Объ ученьѣ Петра грамотѣ и объ учительствѣ Зотова у г. Забѣлина мы находимъ весьма подробный разсказъ, основанный главнымъ образомъ на сказаніи Крекшина [21]), но на сколько онъ исторически-вѣренъ, въ разборъ этого предмета входить мы въ настоящемъ очеркѣ не считаемъ умѣстнымъ. Замѣтимъ только, что если въ Сборникѣ встрѣчаются документальныя указанія, что въ Мартѣ 1680 г. на учительномъ налоѣ Петра вмѣстѣ съ потѣшною книжкою находился и букварь („Марта 4-го къ налою учительному царевича Петра Алексѣевича на оклейку, атласу...., да галуну..., да бумаги хлопчатой... 15-го на оклейку букваря бархату.... 19-го къ потѣшной книжкѣ на оклейку бархату алаго 7 верш.", т. I., стр. 229, а въ концѣ 1683 царь Петръ не разставался еще съ азбукой, и переплетчику Родіону заплачено за переплетъ азбуки въ пергаминъ зеленой за прикладъ и за дѣло", стр. 259): то съ трудомъ вѣрится, будто, начавъ учиться грамотѣ съ 12 Марта 1677 г. по Крекшину или еще ранѣе по г. Забѣлину, съ конца 1675 г. [22]), „скоро и легко маленькій Петръ прошелъ всѣ науки" или, по выраженію Крекшина, „по немногомъ ученіи и трудахъ богодарованною премудростію все совершенно обучи, а книжное ученіе толико имѣ въ твердости, что все Евангеліе и Апостолъ наизустъ или памятью остро прочиталъ"... [23]).

Но что Зотовъ и Нестеровъ дѣйствительно были учителями Петра, это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Въ Сборникѣ находится множество указаній о жалованьѣ государевомъ какъ Зотову, такъ и учителю Аѳанасію Нестерову, и весьма часто давалось это жалованье одновременно тому и другому.

Чему училъ Петра Нестеровъ? Г. Забѣлинъ, неизвѣстно на какомъ основаніи, полагаетъ, что онъ былъ учитель пѣнія. Но, вопервыхъ, ни откуда не видно, чтобы самъ учитель былъ знатокъ этого дѣла; во вторыхъ, пѣнію всего скорѣе могъ учить Петра какой-нибудь верховой пѣвчій дьякъ,—а Нестеровъ такимъ дьякомъ не былъ; и при томъ еще вопросъ: учился ли Петръ пѣнію? Если онъ впослѣдствіи читалъ Апостолъ и пѣлъ на крылосѣ [24]), то это еще не доказываетъ, что онъ для этого долженъ былъ учиться пѣнію, какъ искусству: онъ могъ научиться по наслышкѣ. Аѳанасій Нестеровъ былъ (въ половинѣ XVII в.) стольникомъ Оружейнаго Приказа [25]). Если это одно и тоже лице съ Аѳанасіемъ Нестеровымъ, учителемъ Петра, то всего естественнѣе полагать, что онъ, въ качествѣ знатока оружейнаго дѣла, могъ руководить Петра въ его воинскихъ играхъ, потѣшкахъ и въ самомъ выборѣ этихъ потѣшекъ [26]).

Въ первый разъ имя учителя Аѳанасія Нестерова въ нашихъ документахъ встрѣчается подъ 5 ч. Апрѣля 1683 г. „Великіе государи указали сдѣлать ему къ празд-

---

[21]) Оп. изсл. Р. Др. и Ист. М. 1872, ч. I., стр. 33—42.

[22]) Тамъ же, стр. 34.

[23]) Тамъ же, стр. 42.

[24]) Въ бытность, напр. въ Архангельскѣ, въ Августѣ и Сентябрѣ 1693 г., по праздничнымъ и воскреснымъ днямъ Петръ пѣлъ во время обѣдни на крылосѣ басомъ съ пѣвчими въ ц. Пророка Иліи въ Кегостровѣ, а иногда читалъ и Апостолъ; а послѣ обѣдни обыкновенно заходилъ на перепутьи къ священнику.

[25]) Зап. И. Арх. Об. т. VIII. СПБ. 1856. Ист. Рус. икон. Д. Ровинскаго.

[26]) Странно, что М. П. Погодинъ въ своемъ новомъ сочиненіи вовсе не упоминаетъ о Нестеровѣ, между тѣмъ какъ, быть можетъ, онъ оказалъ гораздо болѣе существенныя услуги Петру и Россіи, чѣмъ пресловутый Зотовъ.

нику, къ Свѣтлому Христову Воскресенію, кафтанъ объяринной зеленой, подложить киндякомъ, подпушить камкою, галунъ нашить плетеной золотной, нашивку нашить плетеную золотную съ кистми, а на тотъ кафтанъ объярь и киндякъ, и голунъ, и нашивка послано изъ казны Мастерскія Палаты" (стр. 36).

Въ томъ же году, „Декабря 10 (т. е. къ празднику Р. X.), по указу Великаго государя (Петра Алексѣевича) ему дано на отдѣлку кафтана, на нашивку, на галунъ и на пухъ, шесть р. (стр. 43). Какъ долго былъ Нестеровъ учителемъ Петра, въ Сборникѣ нѣтъ указаній, но, надо полагать, что званіе учителя осталось за нимъ и по окончаніи ученья, и что онъ всегда пользовался благосклонностью своего бывшаго ученика, хотя и не игралъ такой роли, какая впослѣдствіи принадлежала его коллегѣ Никитѣ Моисеевичу Зотову, носившему титулъ уже не учителя, а князь-папы.

Въ 1692 г. когда Петру было почти 20 лѣтъ, и у него были уже дѣти, и слѣд. немыслимо, чтобы Петръ все еще учился, Нестеровъ называется все-таки учителемъ: 7-го Марта „в-ихъ г-рей жалованья учителю Аѳанасью Несторову, въ приказъ, 5 арш. сукна кармазину темнозеленаго, а то ихъ в. г-рей жалованье сукно дано ему изъ хоромъ" (стр. 310). Іюля 12-го: „учителю Аѳанасью Несторову пара соболей, цѣною въ 10 р., исподъ лисей хребтовой, цѣною въ 14 р. бобръ, 12 пупковъ собольихъ" (стр. 320).

Никита Моисеевичъ Зотовъ, и какъ думный дьякъ, и какъ первый учитель Петра, пользовался конечно бо̀льшими преимуществами, чѣмъ Нестеровъ. О педагогической дѣятельности Зотова, также какъ и Нестерова, въ Сборникѣ вовсе не упоминается; даже званіемъ учителя Зотовъ обозначенъ всего въ двухъ мѣстахъ, обыкновенно же называется дьякомъ или думнымъ дьякомъ.

Въ первый разъ Зотовъ является въ Сборникѣ подъ тѣмъ же 1683 г. 4-го Апрѣля „куплено у торговаго человѣка у Ивашки Григорьева нашивка плетеная золотная съ кистьми, цѣна 6 р., а тоѐ нашивку пожаловалъ в. государь думному дьяку Никитѣ Моисееву Зотову (стр. 256). Августа 20-го одновременно обоимъ своимъ учителямъ великій государь пожаловалъ: думному дьяку Н. М. Зотову 26 арш. галуну на два кафтана, а учителю Аѳанасью Алексѣеву (Нестерову) нашивку и 12 арш. галуну на объяринный кафтанъ (стр. 258). 24 Декабря 1685 г. къ в-му государю въ хоромы 18 р. принялъ стольникъ Гаврило Ивановъ сынъ Головкинъ, а сказалъ: тѣ-де деньги пожаловалъ в-кій г-рь учителю думному дьяку Н. М. Зотову. 20 Генваря того жъ года: государева жалованья постельнымъ сторожамъ, которые живутъ въ полаткѣ у учителя у Н. М. Зотова, для ихъ скудости, въ приказъ, по рублю человѣку, и того 2 руб." (стр. 270 — 271). Въ 1697 г., въ числѣ награжденныхъ кубками да кафтанами за успѣшный походъ противъ Турокъ въ 1696 г. и за взятіе Азова и Лютина, „Микитѣ Моисеевичу Зотову (состоявшему тогда у посольскихъ дѣлъ), данъ былъ въ 4 ф. кубокъ, да въ 200 р. кафтанъ (стр. 157). Наконецъ въ 1699 и 1700 годахъ Зотовъ получаетъ отъ великаго государя жалованье по своему званію шутѣйнаго князь-папы: 6 Января (1699 г.) косякъ камки Китайской (данъ ему) на рясу да косякъ атласу Китайскаго на подкладку (стр. 341). А въ Іюнѣ 1700 г. велѣно сдѣлать къ его платью „36 пугвицъ серебряныхъ, двѣ гапли штанныя подвязочныя, пряшки съ наконечники, къ плацу чепь серебряную золоченую съ крючьи серебреными золочеными, къ шляпѣ запону, къ камзолу крючья серебреные черневые" (стр. 183).

*

Петрова полка́, какъ замѣтилъ еще Устряловъ, не существовало вовсе; если же у маленькаго Петра были сверстники и товарищи въ его дѣтскихъ играхъ

вообще, то это товарищество не представляло собою ни малѣйшаго сходства съ регицентомъ [27]), а занятіе играми вовсе не имѣло смысла школы, особенно съ тѣмъ педантическимъ характеромъ, какой придаетъ ему г. Забѣлинъ. По крайней мѣрѣ извѣстные до сихъ поръ документы не указываютъ на существованіе въ дѣтствѣ Петра ничего подобнаго; придумывать же для ребенка разныя положенія, то полковника, то рядоваго, давать его играмъ значеніе дѣла вполнѣ осмысленнаго [28]), для того, чтобы „выяснить причины того или другаго направленія въ его развитіи",— это по меньшей мѣрѣ слишкомъ смѣло. Конечно „личность каждаго отдѣльнаго человѣка есть духовный организмъ, живущій и развивающійся"; но дѣло въ томъ, что условія и фазы развитія каждаго живаго существа, не только человѣка, до сихъ поръ ни однимъ ученымъ еще не заключены въ строго-опредѣленныя рамки, не подведены подъ точную мѣрку времени и мѣста, т. е. всякій живой организмъ, развиваясь по общимъ законамъ постепенности, въ то же время зависитъ въ процессѣ своего развитія отъ множества особенныхъ условій, заключающихся какъ въ немъ самомъ, такъ и въ окружающей его средѣ, обстановкѣ, почвѣ; отъ того совершенно по видимому однородные организмы развиваются совершенно различно, одни скорѣе, другіе медленнѣе, одни растутъ въ ширь и въ высь, другіе хилѣютъ, дряхнутъ, и преждевременно погибаютъ. Особенно ясно это видно въ періодѣ дѣтскаго воспитанія.

Въ большинствѣ случаевъ здорово-рожденныя и здорово воспитанныя (въ матеріальномъ смыслѣ) дѣти, въ самыхъ нѣжныхъ лѣтахъ (даже часто начиная съ двухлѣтняго возраста) не только бываютъ смышлены, затѣйны, умны, но представляютъ собою какіе-то феномены и кажутся, особенно родителямъ, даже геніальными; а между тѣмъ многіе ли изъ нихъ являются впослѣдствіи дѣйствительно геніальными? Сколько малютокъ, подававшихъ самыя блестящія надежды, получившихъ по видимому самое тщательное воспитаніе, ставши взрослыми, при первомъ же столкновеніи съ жизнію, оказываются самыми пустыми, безхарактерными, ничтожными существами, почти идіотами въ умственномъ, нравственномъ и во всякомъ

---

[27]) Дѣт. годы, стр. 18—19. Погодина, Семнад. перв. лѣтъ, 20—21. 105. Въ изслѣд. о происхожд. Преобр. полка г. Погодинъ положительно доказалъ, что робятки, игравшіе съ Петромъ въ дѣтствѣ, были совсѣмъ не то, что потѣшный полкъ, начавшійся съ 1683 г. (стр. 178).

[28]) „Трехлѣтній полковникъ, являясь съ рапортомъ къ отцу, могъ ясно представлять себѣ, что онъ уже не только царевичъ-сынъ, но и простой солдатъ, несущій свою обязанность и службу: ибо „рѣченіе солдатъ, какъ и тогда понимали, означало всѣхъ людей, которые при войскѣ суть, отъ вышняго генерала даже до послѣдняго". При этомъ г. Забѣлинъ указываетъ на сочиненіе, изъ котораго онъ заимствовалъ это изрѣченіе: „О воинскомъ дѣлѣ", соч. Адама Вейде, 1698 г., рукопись.—Замѣтимъ по поводу этого указанія, что трехлѣтнимъ былъ Петръ въ 1675 году: какъ же не только онъ, но и всѣ Русскіе того времени могли знать, что напишетъ Нѣмецъ (Вейде) 23 года спустя послѣ того въ своей рукописи, и какимъ чудомъ рѣченію солдатъ могли они придавать смыслъ, котораго, за небытностію еще въ то время на свѣтѣ рукописи г. Вейде, оно никакъ не могло имѣть? Вотъ что значитъ излишнее увлеченіе „идеей организма въ исторіи". Оно доводитъ именно до того, что „призракъ знанія, который бы слѣдовало отгонять отъ себя, принимается иногда за дѣйствительное знаніе". (См. Оп. изуч. Рус. др. и исторіи г. Забѣлина, т. II, стр. 3, изд. 1873 г. Статья: „Размышленія о современныхъ задачахъ Русской исторіи и древностей").

другомъ отношеніи. И сколько, наоборотъ, дѣтей, въ своемъ дѣтствѣ оставленныхъ даже совершенно на произволъ судьбы, не знавшихъ никакой школы до зрѣлыхъ лѣтъ, дѣлаются самоучками, и сами собою, безъ всякой школы, становятся практическими мудрецами, иногда передовыми людьми въ извѣстныхъ отношеніяхъ. Чему это приписать? Тому во первыхъ, что quot capita, tot sensus; за тѣмъ тому, что какъ въ растительномъ царствѣ бываютъ скороспѣлки, плоды до времени созрѣлые и опадающіе безъ слѣда, такъ и въ мірѣ нравственномъ являются часто такіе же скороспѣлки, но за то на той же почвѣ выростаютъ иногда Ильи-Муромцы, сидящіе сиднями по 33 года, и потомъ являющіеся богатырями могучими....

Мы не рѣшаемся даже раздѣлять потѣхъ Петра на воинскія и просто на потѣхи: у него все это перемѣшивалось, какъ попало, по крайней мѣрѣ до 1683 г. Вопреки сказанію г. Забѣлина (будто Петръ прошелъ полную школу кадета), самъ о себѣ онъ свидѣтельствуетъ, что его воспитаніе было пренебрежено: чего же болѣе? Повторяемъ: Петръ не проходилъ никакой школы, а такъ, схватилъ въ дѣтствѣ, что̀ удалось схватить,—кой-какія верхушки; и въ распредѣленіи самыхъ его потѣхъ не было не только никакой послѣдовательности, но даже можно сказать, не было никакого и распредѣленія. До десяти лѣтъ, пока не вырвался изъ дѣтской, Петръ потѣшался и, даже грамотѣ учась, потѣшался, и ничего болѣе. Но онъ тѣмъ-то особенно и великъ, что, не зная никакой школы, не получивъ никакого, а всего менѣе систематическаго воспитанія въ дѣтствѣ, какъ самоучка, явился потомъ великимъ человѣкомъ. Воспитаніе—амальгама, и дѣтскія впечатлѣнія конечно не могли не имѣть вліянія, на образованіе характера Петра. Воинскія потѣхи, жестокости стрѣльцовъ, притѣсненія, которыя терпѣла его мать и онъ самъ, все это отразилось на характерѣ Петра. Но вмѣстѣ съ тѣмъ были и совершенно иныя впечатлѣнія, которыя съ одинаковою силою отразились въ его характерѣ, а именно то, что̀ приписываетъ г. Забѣлинъ воинской школѣ, мы приписываемъ его раннему знакомству съ ремеслами и ремесленниками.

Замѣчательно, что, высказавъ въ 1857 году будто дѣтскія воинскія игры Петра „имѣли правильное устройство, такъ сказать, систему и выходили изъ круга простыхъ потѣхъ въ школьное ученье“ [29]), спустя пять лѣтъ, г. Забѣлинъ дѣлаетъ слѣдующіе отзывы вообще объ образованіи человѣка въ XVII столѣтіи: „Для него не существовало школы, т. е. не существовало никакой сколько-нибудь цѣльной, правильной системы образованія, не существовало никакого порядка, никакой послѣдовательности въ передачѣ даже тѣхъ свѣдѣній, какія были ходячими въ то время [30]). А г. Соловьевъ еще вѣрнѣе выразилъ характеръ тогдашняго образованія, сказавъ, что „для стариннаго Русскаго человѣка не было того необходимаго времени между дѣтствомъ и обществомъ, которое у насъ теперь наполняется ученіемъ или тѣмъ, что̀ превосходно выражаетъ слово: образованіе. Въ древней Руси человѣкъ вступалъ въ общество прямо изъ дѣтской; развитіе физическое нисколько не соотвѣтствовало духовному, и что́ же удивительнаго, что онъ являлся предъ обществомъ преимущественно своимъ физическимъ существомъ?... [31]). Какъ истинный сынъ и прямой наслѣдникъ своего вѣка, и Петръ первоначальное воспитаніе свое получилъ совершенно при такихъ же условіяхъ, при какихъ воспи-

---

[29]) Дѣт. годы Петра В. стр. 40 (писано въ 1857 г.).

[30]) Оп. изуч. Русскихъ древ. и ист. ч. I, 1872, статья: „Русская личность и Русское общество наканунѣ Петровской реформы“, стр. 95. (1863).

[31]) Ист. Россіи, С. М. Соловьева, т. XIII, стр. 161.

тывались его братья. Но у него былъ иной природный складъ ума, иная натура, иное все, чѣмъ у его братьевъ, и однѣ и тѣже сѣмена въ Петрѣ и его братьяхъ принесли совершенно разные плоды. Дѣтская воспитала Петра собственно физически, но нѣкоторыя изъ дѣтскихъ потѣхъ оставили въ его душѣ глубокіе слѣды, заронили въ немъ искры, которыя, по выходѣ изъ дѣтской на свѣжій воздухъ, вспыхнули въ немъ яркимъ пламенемъ. Въ воспріимчивой, пылкой душѣ его потѣхи могли только возбудить любопытство, но не удовлетворять его, и онѣ дѣйствительно зародили въ немъ ненасытную жажду знанія, дѣла. Петръ радъ былъ вырваться изъ дѣтской на улицу, и только вырвавшись изъ нея, на просторѣ расправилъ крылья и началъ дѣйствовать (1683 г.), но опять-таки не по обдуманному какому-нибудь плану, а по вдохновенію и по тѣмъ указаніямъ, какія давало время и новыя лица, съ которыми онъ входилъ въ столкновеніе.

Уже гораздо позднѣе, когда Петръ досыта натѣшился—и это, намъ кажется, наступило неранѣе удаленія Софіи отъ дѣлъ правленія — началъ онъ дѣйствовать по обдуманному плану. А до той поры онъ именно только потѣшался, потому что ему это было „любо“ или даже „зѣло любо“ [32]).

*

„Для всемірныя радости рожденія благовѣрнаго государя царевича и в. кн. Петра Алексѣевича, великій государь указалъ дать своего великаго государя жалованья постельнымъ и столовымъ, истопникамъ и сторожамъ и дворскимъ по сукну по Амбурскому, противъ прежняго. Да стольникъ Иванъ Демидовъ, сынъ Голохвастовъ, сказалъ великаго государя указъ словесно: что-де великій государь указалъ дать своего великаго государя жалованья для всемірныя радости комнатнымъ истопникомъ и сторожемъ по сукну же, какое имъ давано въ прошлыхъ годѣхъ“.

„Противъ прежняго“ и „какое имъ давано въ прошлыхъ годѣхъ“, — выраженія эти не лишены своего значенія: они даютъ знать, что рожденіе Петра не ознаменовывалось никакими особенными, чрезвычайными милостями. Дворовые слуги по этому случаю получили тоже, что̀ получали и въ прежніе года для всемірной же радости рожденія старшихъ царевичей и царевенъ.

Кормилица царевича Ненила тоже не была ничѣмъ особеннымъ отличена отъ кормилицъ прочихъ царскихъ дѣтей: „годоваго хлѣбнаго жалованья и полтеваго мяса, на нынѣшній на 181 (1673) годъ, государь указалъ выдать противъ ея сестеръ-кормилицъ“ (стр. 4).

Изъ всего этого мы считаемъ себя въ правѣ заключить, что рожденіе Петра не представлялось ни родителямъ царевича, ни царедворцамъ, вообще никому, событіемъ особенной важности, и сопровождавшія его празднества и пиршества, съ такою пунктуальностью изображенныя г. Забѣлинымъ [33]), были такія же, какія бывали и „въ прошлыхъ годѣхъ“ по случаю рожденія новыхъ членовъ царскаго дома. Все происходило по издавна существовавшимъ обрядамъ и обычаямъ.

Точно такимъ же, обычнымъ, путемъ шло, разумѣется, и первоначальное воспитаніе царевича, въ которомъ главное мѣсто занимали игрушки, потѣшки, и преимущественно воинскія.

---

[32]) Это собственное выраженіе Петра относится къ 1688 году, когда онъ съ Карштенъ-Брантомъ катался на ботѣ по грязной Яузѣ (Записки Петра 1719 г. о началѣ морскаго дѣла).

[33]) Дѣт. годы П. В., стр. 1—6.

Первою потѣшкою, изготовленною по указанію Сборника, для царевича Петра, когда ему не было еще и году (въ 1673 году), была потѣшная книга [34]); за тѣмъ являются: потѣшный конь со стременами, на колесцахъ, барабаны, литавры, набатъ, цынбальцы, а въ слѣдующемъ (1674 г.) лучки и северги, знамена маленькія, опять цымбалы (книжкою) и страменты набатъ и барабанецъ. Въ слѣдующемъ (1675 году) снова является потѣшная книга, вычиниваютъ цымбалы, изготовляется баба деревянная потѣшная, пишутся золотомъ и красками топорикъ съ обушкомъ, и проч. (стр. 14).

Въ этомъ же году является у царевича золоченая пушечка потѣшная съ станкомъ и съ колесцы, опять лучки-недомѣрочки, костяные разнородные топоры и топорки, бучдуханы, пистоли и карабины. Въ 1676 г. выписываютъ для него красками сиволчки (волчки), пишутся опять потѣшныя книги и потѣшныя игры: пара пищалей, пара пистолей, три булавы, три пернача, три обушка, три топорка, три ножичка (стр. 17), опять барабанцы, лучки и т. д. Во всѣхъ этихъ потѣшкахъ преобладаютъ игры воинскія; но въ распредѣленіи ихъ, очевидно нѣтъ ни малѣйшей постепенности, ни малѣйшей послѣдовательности.

Вообще всѣ потѣхи Петра до 1682 года не заключали въ себѣ рѣшительно ничего особеннаго; воинскія игры перемѣшивались съ другими играми, вовсе не имѣвшими воинскаго характера; разное потѣшное оружіе изготовлялось придворными мастерами изъ дерева, потомъ расписывалось или расцвѣчивалось живописцами, а прочія игрушки покупались у торговыхъ людей.

Особенно рельефныя въ этомъ отношеніи извѣстія даетъ намъ 1679 годъ (когда Петру было уже около 7 лѣтъ): Мая 15 стрѣльникъ Василій Емельяновъ до лучнаго дѣла мастеръ Алешка Кондратьевъ изготовили для царевича Петра: первый 6 гнѣздъ северегъ и томаровъ (стрѣлъ) изъ березоваго дерева, ко шти лучкамъ недомѣрочкамъ, а второй къ тѣмъ же лучкамъ тетивы (стр. 20). Ноября 30, сабельнаго дѣла придѣльщики Прохоръ Ивановъ съ товарищи изъ клену и изъ липины дѣлали потѣшныя сабли, палаши и канчеры (кинжалы) и топорки въ хоромы къ царевичу; „тѣ потѣшки приказалъ дѣлать бояринъ Родіонъ Матвѣевичь Стрѣшневъ". „Того же дня, станочнаго дѣла мастеру Андрюшкѣ Васильеву на липину (дано) три алт. 2 д.; изъ той липины дѣлалъ онъ пару пистолей, да пару карабиновъ, потѣшные, въ хоромы къ царевичу Петру Алексѣевичу". Декабря 13, Оружейныя Палаты живописнаго дѣла мастеру Карпу Иванову на краски и на золото, и на листъ Александрійской (дано) 20 алт. Тѣми краски и золотомъ писалъ онъ на томъ Александрійскомъ листу двѣнадцать мѣсяцевъ и бѣги небесные, противъ того, какъ въ столовой въ подволокахъ (на потолкѣ) написано; тотъ листъ писалъ онъ въ хоромы къ ц-чу Петру Алексѣевичу. Декабря 22 живописецъ Дороѳей Ермолаевъ расписывалъ красками два топора, булаву, шитоперъ, пистоль, карабинъ—потѣшные, деревянные, въ хоромы къ царевичу Петру Алексѣевичу.

А между тѣмъ, за нѣсколько дней до изготовленія этихъ, все-таки довольно серьезныхъ, потѣхъ, а именно Декабря 2-го „истопнику Семену Золотому на всякія разныя потѣшки дано 20 алт.; куплены тѣ потѣшки и внесены въ хоромы къ царевичу Петру Алексѣевичу" (стр. 21).

---

[34]) Этого извѣстія у г. Забѣлина не находится. По его указанію, первая потѣшная книга дана была Петру въ 1675 г., на 3-мъ году его возраста. Тамъ же стр. 40.

Изъ этихъ указаній ясно видно, что въ дѣтскихъ потѣхахъ Петра вовсе не было той постепенности, а еще менѣе систематичности, которыя хочетъ отыскать въ нихъ г. Забѣлинъ. А что истопнику поручается купить для царевича всякія розныя потѣшки, то это доказываетъ даже полное отсутствіе не только какой-либо разумности въ ихъ выборѣ; но отсутствіе самаго выбора. А вотъ и еще указаніе, относящееся къ 1683 г., когда Петру было 11 лѣтъ, и онъ былъ уже царемъ: 8 Сентября этого года куплено было на 23 ал. 2 д. два конька деревянныхъ потѣшныхъ, да еще конь деревянный за 13 ал. 4 д.; а 11 Сент. куплены еще два такихъ же коня, одинъ за 23 ал. 2 д., а другой за 26 ал. 4 д. (стр. 42). Судя по этимъ указаніямъ, мы позволяемъ себѣ думать, что только извѣстною поговоркою: „чѣмъ бы дитя ни тѣшилось, лишь бы не плакало", и больше ничѣмъ, не мотивировалось доставленіе потѣхъ Петру. Что же во всемъ этомъ было похожаго на школу?

Но что эти потѣхи, — конечно не всѣ, а тѣ, отъ которыхъ Петру „становилось любо", которыя подходили къ его природному настроенію, оставляли въ немъ прочныя впечатлѣнія и имѣли для него весьма важное образовательное значеніе, несмотря на совершенное отсутствіе въ нихъ послѣдовательности, это другое дѣло; и мы не только не противъ этого, но находимъ даже весьма характеристическое подтвержденіе тому въ документахъ изучаемаго нами Сборника, и за тѣмъ въ особенно яркихъ дѣйствіяхъ Петра, характеризовавшихъ его какъ работника,—подтвержденіе, которое до сихъ поръ вовсе упускалось изъ виду. Взносы къ Петру разныхъ вещей изъ Оружейной Палаты, по его требованію или указанію, повторяются почти каждодневно. Но что̀ это значитъ? Что̀ могъ дѣлать Петръ съ этими вещами? Только забавляться, любоваться ими? Нѣтъ, пытливый умъ его этимъ не могъ ограничиваться. При видѣ всякой новой вещи, у него непремѣнно рождались въ умѣ вопросы: какъ? что? изъ чего и для чего? Къ нему приносили шкатулки, часы, разнаго рода оружіе. Но онъ имѣлъ полную возможность видѣть ихъ и въ Оружейной Палатѣ. Для чего же требовалъ къ себѣ? Для того, чтобъ дома, на свободѣ, изучать ихъ механизмъ, составныя части, практическое примѣненіе. Марта 3-го 1683 г. Петръ накупилъ кирокъ, молотковъ и лопатокъ у каменьщиковъ. „Каменьщикамъ двумъ за кирку, да за молотокъ, да за 2 лопатки желѣзныхъ, которыя у нихъ взяты въ его государевы хоромы, 7 ал. 4 д., еще за 2 лопатки—6 ал. 4 д., да еще за кирки да за лопатки каменьщикамъ тремъ человѣкомъ по 3 ал. 2 д. человѣку" (т. I, стр. 255—256). Іюня 27-го 1684 г. опять взяты у каменьщиковъ снасти, лопатка и молотки желѣзные, дано 16 ал. (стр. 46). Спрашивается: какое могъ 10-ти, 11-ти лѣтній мальчикъ сдѣлать изъ этихъ орудій употребленіе? Смѣло отвѣчаемъ: учился.... Вѣдь учился же онъ, говорятъ, и лапотному мастерству. Послѣ этого не диво было, если онъ впослѣдствіи работалъ такъ исправно топоромъ въ Саардамѣ и молотомъ въ кузницѣ. Не диво также и то, что (какъ свидѣтельствуютъ записки курфирстины Ганноверской Шарлотты Софіи) Петръ въ 1697 г. „зналъ въ совершенствѣ четырнадцать ремеслъ". У когоже онъ этимъ ремесламъ научился?

Робятки, сверстники Петра, а также и карлы, служившіе для компаніи Петру въ дѣтскихъ забавахъ, по самому своему положенію и роду службы, не могли имѣть никакого серьезнаго значенія въ отношеніи его воспитанія, тѣмъ менѣе образованія.

Ближайшая къ Петру женская среда, окружавшая его и состоявшая изъ кормилицы Ненилы, мамы Матрены Романовны Леонтьевой, няни Матрены Васильевны Блохиной, едва ли могла имѣть значительное вліяніе на развитіе въ немъ тѣхъ или другихъ привычекъ и стремленій, потому что сама въ себѣ не могла имѣть эле-

ментовъ необходимаго для этой цѣли развитія. Царица-мать, бояринъ Артемонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ (въ первые годы дѣтства Петра), дворецкій и оружейничій Богданъ Матвѣевичъ Хитрово и Родіонъ Матвѣевичъ Стрѣшневъ, — вотъ лица, отъ которыхъ царевичъ могъ получать первоначальныя внушенія, наставленія, разъясненія новыхъ, попадавшихся на его глаза, предметовъ. Но для первоначальнаго умственнаго развитія дитяти всего необходимѣе и всего дѣйствительнѣе нагляд-ное, осязательное, такъ сказать, обученіе, и оно доставлялось царевичу посредст-вомъ дѣтскихъ потѣхъ, которыя, забавляя Петра, въ тоже время пробуждали въ немъ жажду узнать разнообразные предметы, представляемые ими, во всѣхъ подробностяхъ.

Возбуждая охоту къ движенію (потѣшный конь, стулецъ съ колесами), развивая и укрѣпляя тѣлесныя силы царевича, потѣхи имѣли для него вмѣстѣ съ тѣмъ вос-питательное и образовательное значеніе. Переходя отъ этихъ потѣхъ къ другимъ, онъ знакомился конечно въ тоже время съ матеріаломъ, изъ котораго онѣ сдѣланы, съ ихъ механизмомъ и назначеніемъ. Въ пытливомъ умѣ его, такъ наивно и вмѣстѣ такъ отчетливо очерченномъ имъ самимъ въ разсказѣ о находкѣ ботика, при видѣ каждой новой игрушки, тотчасъ же возбуждались вопросы о матеріалѣ, изъ чего они сдѣланы, о механизмѣ, о назначеніи. И надо полагать, что ближайшія лица, окру-жавшія его въ дѣтствѣ, едвали всегда и на всѣ его вопросы были въ состояніи от-вѣчать удовлетворительно, отчетливо.

Руководители Петра въ его дѣтскихъ потѣхахъ конечно удовлетворяли, сколько могли, и его любознательности. Но что̀ было дѣлать, если они сами не всегда ока-зывались столь свѣдущими, чтобы вполнѣ обстоятельно отвѣчать на предлагаемые имъ вопросы? Кто въ такихъ случаяхъ могъ сообщить Петру то, что́ онъ хотѣлъ знать, кто могъ удовлетворить требованіямъ его подвижной, живой и впечатлитель-ной природы, для которой рано настала потребность знанія и дѣла, для которой самыя потѣхи, съ первыхъ годовъ дѣтства, служили не только приготовленіемъ къ дѣлу, но имѣли характеръ настоящаго дѣла? Всего ближе и естественнѣе было что-бы люди, изготовлявшіе для Петра потѣхи, чрезъ посредство лицъ вносившихъ по-тѣхи въ хоромы царевича, давали разъясненія непонятнымъ для него вещамъ, сооб-щали ему разнородныя знанія, учили его.

Потѣхи Петра быстро смѣнялись однѣ другими, и не сидѣли безъ работы ни ху-дожники, ни разные въ другихъ родахъ мастера, которымъ выпадало на долю быть для него поставщиками потѣхъ. И живописцы, и иконописцы, и желѣзнаго дѣла за-гормистры, рѣщики и переплетчики, столяры и токари, сѣдельники и сусальники, стрѣльцы и тяглецы, и Русскіе, и иноземные мастера, — всѣ работали, каждый по своей спеціальности, всѣ участвовали въ дѣлѣ изготовленія потѣхъ для маленькаго царевича, или вѣрнѣе, въ дѣлѣ его первоначальнаго развитія и образованія: Петръ учился у всѣхъ, чтобъ потомъ самому быть для всѣхъ учителемъ и руководителемъ.

Такимъ образомъ, первыми по времени и важнѣйшими по своему вліянію дѣяте-лями въ пробужденіи и развитіи въ Петрѣ-ребенкѣ жажды знанія и дѣла являются тогдашніе художники, живописцы и иконописцы, и вообще мастера въ разныхъ ро-дахъ. Они, посредственно и непосредственно, имѣли наиболѣе возбуждающаго влія-нія къ развитію въ немъ какъ любознательности, охоты къ труду, неутомимости въ работѣ, такъ и той, всему свѣту извѣстной, простоты въ обращеніи съ знаю-щими людьми, какъ бы незнатно ни было ихъ общественное положеніе. Благодаря ихъ вліянію, Русская исторія представила то безпримѣрное явленіе, что Петръ-ра-ботникъ забывалъ „всѣ чины и чинность, впереди всего ставилъ дѣло, трудъ, рабо-

ту, и что каждый истинный работникъ становился для него не только сослуживцемъ, но близкимъ другомъ" [35]). Вообще, мастера въ разныхъ родахъ, по нашему мнѣнію, были первыми воспитателями, первыми руководителями Петра въ его дѣтствѣ, также какъ впослѣдствіи, такіе же мастера были первыми исполнителями его государственныхъ предначертаній, ближайшими помощниками въ его внутреннихъ преобразованіяхъ и во внѣшнихъ славныхъ дѣяніяхъ (завоеваніяхъ), а также, любимыми его собесѣдниками и собутыльниками во время кратковременныхъ его отдыховъ и тріумфованій.

И нельзя не отнестись съ признательностію къ дьякамъ и подъячимъ, сохранившимъ для насъ въ своихъ оффиціальныхъ замѣткахъ, драгоцѣнныя имена этихъ мастеровъ, этихъ художниковъ, которые, сами того не сознавая, были образователями Петра, а черезъ него содѣйствовали и преобразованію, т. е. великому дѣлу возсозданія или вѣрнѣе созданія Россіи на новыхъ основахъ.

Сборникъ, знакомя насъ съ разными, дѣланными для Петра, работами этихъ „художниковъ" и „мастеровъ", въ тоже время напоминаетъ намъ, что и въ доброе старое время у насъ было не безлюдье [36]).

Подробно описывая потѣшки Петра, указывая матеріалъ на нихъ употребленный, его стоимость и стоимость работъ, г. Забѣлинъ, какъ бы мимоходомъ, упоминаетъ имена мастеровъ изготовлявшихъ потѣхи, а въ иныхъ мѣстахъ вовсе не упоминаетъ, кто ихъ дѣлалъ для Петра. Мы позволяемъ себѣ смотрѣть на этотъ предметъ нѣсколько иначе.

„Достоинъ дѣлатель мзды своея", писалъ Петръ къ Виніусу (1696) г.), приказывая устроить тріумфальные вороты для торжественнаго вшествія въ Москву послѣ взятія Азова, „господина генералиссима и прочихъ господъ..., въ толикихъ потахъ трудившихся". Этотъ девизъ съ полнымъ правомъ долженъ быть отнесенъ и къ этимъ труженикамъ, послужившимъ дѣлу первоначальнаго, а за тѣмъ дальнѣйшаго развитія и „обученія Петра" разнымъ „мастерствамъ". Достойны памяти не только ихъ имена, но и труды ихъ для Петра, и та мзда, которую они получали за свои труды.

Николай Астровъ.

---

[35]) Дѣт. годы Петра В. Забѣлина, стр. 32—33. Г. Забѣлинъ все это приписываетъ „воинской школѣ и дисциплинѣ"; на сколько это справедливо, предоставляемъ судить читателямъ.

[36]) Слово мастеръ мы употребляемъ здѣсь въ томъ же широкомъ смыслѣ, какой придавался ему во времена Петра. Тогда и Тиммерманъ (торговый человѣкъ) былъ „мастеръ размѣрнаго дѣла", и Зоммеръ (подполковникъ) огнестрѣльный мастеръ, и проч.

ПИСЬМО ГРАФА РОСТОПЧИНА КЪ МИНИСТРУ ЮСТИЦІИ.

Хотя изъ давнихъ временъ убѣжденъ я, что просьба отставнаго министра хуже всякой фальшивой ассигнаціи, но зная васъ отправляю смѣло въ гласномъ пунктѣ мое прошеніе. Его подастъ вамъ г. Болотовъ, тотъ самый, которой, управляя нѣкогда всею Богородицкою волостью, не въ примѣръ другимъ разстроилъ собственное небольшое свое имѣніе, въ кое удалясь послѣ предался совершенно страсти своей къ домоводству, и тамъ, можно сказать, всѣ минуты его посвящались къ общему благу: испытанія, открытія и другія знанія его, менѣе извѣстны у насъ, чѣмъ въ чужихъ краяхъ. Но сей достойный и любезный человѣкъ, занимаясь въ нѣдрахъ земли, сдѣлался чуждъ всему тому, что̀ на поверхности ея происходитъ, и чрезъ сіе можетъ легко проиграть процессъ, который совершенно разстроитъ его состояніе. Хотя онъ правъ и честенъ, но честныхъ людей скорѣе другихъ обвѣшиваютъ. Прикиньте его дѣло на собственные вѣсы ваши; пріобрѣтите признательность искреннюю цѣлой семьи и ободрите страждущихъ и погибающихъ отъ ябеды—находить въ васъ заступника предъ лицемъ правосудія, съ коимъ вы съ самыхъ молодыхъ лѣтъ жили какъ любовникъ съ любовницей; я же, неподалеку отъ Москвы, ушедъ отъ травли, лежу въ снѣгу и сосу лапу, увѣряя васъ человѣческимъ языкомъ, что я съ истиннымъ и совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть и пр.

(*Изъ сборника старинныхъ бумагъ*, *сообщено Иваномъ Феликсовичемъ Дюмушелемъ*).

ИЗЪ СОБРАНІЯ АВТОГРАФОВЪ ПРИНАДЛЕЖАЩАГО ГРАФУ СЕРГІЮ ДМИТРІЕВИЧУ ШЕРЕМЕТЕВУ.

I.

СОБСТВЕННОРУЧНОЕ ПИСЬМО ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Господинъ маеоръ.

Объявили мнѣ въ Сенатѣ, что изъ Московской губерніи рекрутъ по указу не высылаютъ, чего для, по полученіи сего, немедленно принудь вице-губернатора съ товарищи сіе исполнить (кромѣ высылки на Украйну въ драгуны), о чемъ вѣдѣніе, каково подано мнѣ изъ Сената, прилагается при семъ.

Петръ.

Изъ Санктъ-Петербурха, Генваря въ 11 день 1719.

II.

ПИСЬМО ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ПЕТРА ѲЕДОРОВИЧА КЪ И. И. ШУВАЛОВУ.

Monsieur.

En vous souhaitant une heureuse arrivée, je vous prie très instamment de me faire le plaisir de faire en sorte que nous restions à Oranienbaum et de faire, quand il sera besoin de moi, qu'on envoye seulement un palfrenier, parce que la vie à Péterhoff m'est insupportable. Si vous ferez ça, mon cher ami, vous ferez une très bonne chose, parce que vous ôterez toutes les occasions, où ils se pourraient commencer des bruits. Je n'ai besoin d'autre chose à vous dire que l'année passée je m'ennuyai de la plus terrible manière du monde, et il me semble, quand je m'offre de venir toujours, c'est assez: parce que je crois que Sa Majesté doit être assez contente de moi pour me laisser du moins quatre ou cinq mois pour mon divertissement. Lew Alexandritz *), mon ami, vous en parlera plus amplement, et en attendant de vous ce que je vous prie, je reste

Votre affectionné
Pierre.

Переводъ.

Милостивый государь. Желая вамъ счастливаго прибытія, убѣдительно прошу, сдѣлайте мнѣ удовольствіе, устройте такъ, чтобы намъ оставаться въ Ораніенбаумѣ. Когда я буду нуженъ, пусть только пришлютъ конюха; потому что жизнь въ Петергофѣ для меня невыносима. Если вы это сдѣлаете, мой дорогой другъ, вы поступите очень хорошо, потому что устраните всякій поводъ къ непріятностямъ. Мнѣ остается сказать вамъ, что прошлый годъ я скучалъ самымъ страшнымъ образомъ, и мнѣ кажется, коль скоро я предлагаю являться всегда, то этого довольно; потому что, я думаю, Ея Величество должна быть въ достаточной степени мною довольна, чтобы предоставить мнѣ по крайней мѣрѣ четыре или пять мѣсяцевъ, на мое развлеченіе. Левъ Александровичъ, мой другъ, передастъ вамъ это подробнѣе, и въ ожиданіи, что вы сдѣлаете о чемъ я васъ прошу, остаюсь любящій васъ Петръ.

---

*) Нарышкинъ.

III.

ЗАПИСОЧКА ЕКАТЕРИНЫ II-Й НАЧАЛЬНИКУ ДВОРЦОВЫХЪ СТРОЕНІЙ ИВАНУ ИВАНОВИЧУ БЕЦКОМУ.

Иванъ Ивановичь. Оставьте у ген. маіора Мордвинова Путиловскихъ каменщиковъ. Я спѣшу строеніемъ, у котораго они находятся.

Генв. 11 ч. 1773 г. Екатерина.

IV.

ЗАПИСОЧКА ЕКАТЕРИНЫ II-Й КЪ НЕИЗВѢСТНОМУ ЛИЦУ.

J'ai signé ce matin le plein-pouvoir, parce que c'est lui qu'on m'a envoyé. Je vous prie, monsieur, de presser le départ du rescript, pour qu'il ne vient pas trop tard. Souvenez vous, je vous prie, en temps et lieu de la pauvre vieille qui depuis si longtemps gémit en prison. Faites l'oeuvre méritoire—de la faire remettre en liberté et soyez assuré de ma reconnaissance.

Переводъ.

Я подписала сего утра полномочіе, потому что оно было ко мнѣ прислано. Прошу васъ, милостивый государь, ускорить отправленіемъ рескрипта, чтобъ онъ не пришелъ слишкомъ поздно. Во́-время и на мѣстѣ вспомните, прошу васъ, про бѣдную старуху, которая такъ давно стонетъ въ темницѣ. Сдѣлайте достойное дѣло, чтобы она была выпущена на свободу и будьте увѣрены въ моей признательности.

V.

НАДГРОБНАЯ ШУТОЧНАЯ НАДПИСЬ, ПИСАННАЯ ЕКАТЕРИНОЮ II-Ю.

Si gît

Monseigneur le grand chambellan,
A cent ans blanc comme milan.
Le voilà qui fait la moue.
Vivant il grattait la joue.

Переводъ.

Здѣсь лежитъ господинъ оберъ-камергеръ *), во сто лѣтъ бѣлый какъ сычъ. Вотъ онъ стиснулъ губы; живой, онъ чесалъ щеку.

VI.

ПИСЬМО ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА КЪ ДѢВИЦѢ КОШЕЛÈ, ПРІЯТЕЛЬНИЦѢ ИМПЕРАТРИЦЫ ЖОЗЕФИНЫ И КОРОЛЕВЫ ГОРТЕНЗІИ.

Je reçu les assiettes, mademoiselle, avec un surcroît de reconnaissance, puisqu'un charmant dessein les accompagnait. Le tout m'a paru encore plus joli de jour qu'à la lumière, et je vous en offre mes plus vifs remercîmens. C'est à moi à vous rendre grâce pour la soirée de

*) Оберъ-камергеромъ при Екатеринѣ II-й былъ съ 1777 года И. И. Шуваловъ.

hier, de même que pour toute l'amitié que vous voulez bien me témoigner., Je ne désire rien tant que d'être dans le cas de vous prouver la sincérite de la mienne.

Je me suis beaucoup occupé des affaires de ceux que vous aimez et j'espère que nous avons trouvé avec le duc de Vicence la bonne manière de faire la chose. Il va venir demain matin à Malmaison. Si j'étais plus égoïste, je pourais désirer que le tout manquât et que nous soyez reduites toutes à chercher asyle en Russie: avec quel empressement vous y seriez reçues! Mais je ne suis pas assez mauvais pour cela et sçais au contraire plier mes voeux personnels au bien-être véritable de ceux que j'aime. J'espère que vous étes assez juste pour vous classer dans ce nombre, et assez bonne pour recevoir l'assurance de tous les sentimens que je vous ai voués.

Alexandre.

Lundy, 23 May (1814).

(Paris).

Переводъ.

Милостивая государыня. Тарелки получены мною, и признательность моя умножилась, потому что тутъ присоединенъ прекрасный рисунокъ. Днемъ мнѣ показалось все еще лучше, нежели при свѣчахъ, и я приношу вамъ мою живѣйшую благодарность. Не вамъ, а мнѣ благодарить за вчерашній вечеръ, равно какъ и за всю дружбу, которую вы благоволите мнѣ оказывать. Ничего такъ не желаю какъ случая доказать вамъ искренность моей дружбы.

Я много занимался дѣлами тѣхъ, кого вы любите и надѣюсь, что мы съ герцогомъ Виченскимъ нашли способъ хорошо устроить ихъ. Завтра поутру онъ поѣдетъ въ Мальмезонъ. Будь я побольше эгоистомъ, я бы пожелалъ полной неудачи, такъ чтобы вамъ всѣмъ пришлось искать убѣжища въ Россіи. Съ какою готовностью васъ приняли бы тамъ! Но для этого сердце у меня не довольно дурно, и напротивъ я умѣю подчинять личныя мои желанія истинному благу тѣхъ, кого я люблю. Надѣюсь, вы довольно справедливы, чтобы считать себя въ числѣ сихъ послѣднихъ и довольно добры, чтобы принять увѣреніе въ чувствахъ, которыя я къ вамъ питаю. Александръ. Понедѣльникъ 23 Мая.

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ УПОМИНАЕМЫХЪ ВО ВТОРОЙ КНИГѢ РУССКАГО АРХИВА 1875 ГОДА.

*

*

*

*

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРОЙ КНИГИ РУССКАГО АРХИВА 1875 ГОДА.

сильчикова князю Волконскому. Стр. 419.

Арестъ Грибоѣдова въ 1825 году. Изъ воспоминаній *Н. В. Шимановскаго.* Стр. 346.

Воспоминанія *графини Антонины Дмитріевны Блудовой.* Русская политика въ началѣ Николаевскаго царствованія.—Графъ И. А. Каподистрія и его кончина.—Знакомство съ княземъ Метернихомъ. Стр. 182.

Изъ служебныхъ воспоминаній *В. С. Толстаго.* Поѣздка въ Осетію въ 1847 году. Стр. 265.

Отзывъ Русскаго старообрядца о Вѣнской революціи 1848 года: письмо въ Москву на Рогожское кладбище отъ настоятеля Бѣлокриницкаго монастыря Павла Великодворскаго. Стр. 112.

По поводу статей о томъ, кто послѣдній оставилъ Севастополь: письмо *графа Д. Е. Остенъ-Сакена* къ И. И. Красовскому и письмо *князя С. С. Урусова* къ издателю Р. Архива. Стр. 217.

По уніатскому дѣлу (1873 — 1875). Замѣтка *Л. Словачевскаго.* Стр. 355.

Письмо *П. А. Плетнева* къ В. А. Жуковскому отъ 17-го Февр. 1833 года. Стр. 466.

Изъ Старой Записной Книжки, начатой въ 1813 году. Гастрономическія и застольныя отмѣтки, а также и по части питейной. Стр. 99. Княгиня Ночная (Princesse Nocturne). Стр. 173.

Изъ дневниковъ *Варнгагена-фонъ-Энзе.* Съ предисловіемъ и примѣчаніями *А. А. Чумикова.* Стр. 352.

Стихотвореніе *Н. Ф. Павлова* (Иной, всю жизнь отдавъ заботамъ). Стр. 110.

Послѣдняя іеремiада Николаевской эпохи. Посланіе въ стихахъ *М. А. Дмитріева* къ С. Т. Аксакову. Стр. 225.

Посланіе *Н. М. Языкова* къ П. Я. Чадаеву. Стр. 111.

Очерки Малороссійскихъ фамилій. Матеріалы для исторіи общества въ XVII и XVIII вѣкахъ, собираемые *А. М. Лазаревскимъ*: Горленки, Грабянки. Стр. 248. Дмитрашки-Раичи. Стр. 402. Жученки-Жуковскіе, стр. 406.

Генеалогическое заявленіе *В. Ц. Герцыка.* Стр. 366.

Поправки и дополненія. Объ В. И. Далѣ, *Л. Стиды.* Стр. 0115. О Военной Академіи, *И. П. Липранди.* Стр. 366.

Содержаніе второй книги Русскаго Архива 1875 года, азбучный къ ней указатель и общая обертка.

Съ 1-го Сентября 1875 года изданіе Русскаго Архива переведено съ Берсеневки на Никитскій бульваръ, близъ церкви Святаго Ѳеодора Студита, въ домъ Дюгамеля.

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ 1876 ГОДА.

(ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ).

Русскій Архивъ будетъ выходить въ 1876 году на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ прежнія тринадцать лѣтъ сего изданія.

ВЪ СОСТАВЪ РУССКАГО АРХИВА ВХОДЯТЪ:

ПИСЬМА, БУМАГИ, ВОСПОМИНАНІЯ И ЖИЗНЕОПИСАНІЯ ГЛАВНѢЙШИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ РУССКОЙ МЫСЛИ И РУССКОЙ ЖИЗНИ. — СТАТЬИ ПО РУССКОЙ ИСТОРІИ ВООБЩЕ.—КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ, НЕКРОЛОГИ, КНИЖНЫЯ ВѢСТИ, ИСТОРИЧЕСКІЕ АНЕКДОТЫ И МЕЛОЧИ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ВЫХОДИТЪ 12 РАЗЪ ВЪ ГОДЪ ПО МѢРѢ ОТПЕЧАТАНІЯ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ 1875 Г.

РУССКІЙ АРХИВЪ ВЫХОДИТЪ ДВѢНАДЦАТЬЮ ТЕТРАДЯМИ ВЪ ГОДЪ, ПО МѢРѢ ОТПЕЧАТАНІЯ.

Тетради Русскаго Архива составляютъ въ 1875 году

ТРИ БОЛЬШІЕ ТОМА

каждый съ особымъ указателемъ.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1875 года, какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою гг. иногороднымъ подписчикамъ

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Желающіе получать Русскій Архивъ въ 1875 году доставляютъ или высылаютъ эти **ВОСЕМЬ** рублей, съ приложеніемъ четко написаннаго мѣста своего жительства, *въ Москву, на Никитскій бульваръ, въ домъ Дюгамеля (близь церкви Св. Өеодора Студита) издателю Русскаго Архива Петру Ивановичу Бартеневу.* Кромѣ того подписка на Русскій Архивъ принимается на Страстномъ бульварѣ, въ книжномъ магазинѣ *И. Г. Соловьева.*

Въ С.-Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ принимается въ книжномъ магазинѣ *А. Ө. Базунова*, на Невскомъ проспектѣ.

Въ тѣхъ же мѣстахъ можно получать полныя изданія Русскаго Архива 1872, 1873 и 1874 годовъ, по двѣ большія книги въ каждомъ году. Цѣна 4 рубля за каждую книгу (съ пересылкою).

Прежніе годы Русскаго Архива (т. е. 1863 — 1871) можно получать въ С.-Петербургѣ, на Большой Садовой, у книгопродавца Ваганова.

Тетради Русскаго Архива отдѣльно не продаются.

Заграничные подписчики къ вышеозначеннымъ цѣнамъ прибавляютъ за годъ: для Германіи и Бельгіи — 2 р., для Франціи и Англіи — 3 р., для Швейцаріи и Италіи — 2 р. 50 к.

Составитель и издатель Русскаго Архива **Петръ Бартеневъ.**